

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

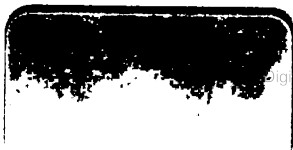
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

РУССКОЕ СЛОВО.

I.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

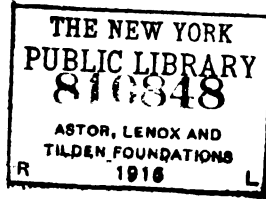
1862.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИШЛЕНА И КОМПА.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ установленное число экземпляровъ. С.-Пе-
тербургъ, 31 января 1862 года.

Размакиловъ.
Д. Веселовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ БАТЬКА (разсказъ). А. О. ПИСЕМСКАГО.
- ✓ АРИНУШКА (повѣсть часть первая). А. Г. ВИТКОВСКАГО.
Пилигримъ (стих.). АЛЬБИНА ШОТРОВСКАГО.
- ✓ ВЪ КАЮТЬ-КОМПАНИИ (изъ путевыхъ воспом.). С. М. МАКСИМОВА.
- ✓ ВЛЮБЛЕННЫЙ ЧОРТЪ. А. П. СТОРОЖЕНКИ.
- ✓ ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ. Д. Л. МОРДОВЦОВА.
* * (стих.). А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.
- ✓ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ УВЪЗНАГО ГОРОДА. Н. И. ВОРОНОВА.
Ночь Гелюгабала (стих.). В. Д. ЯКОВЛЕВА.
Письмо изъ провинціи. N. N.

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА. ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СБЫТІЙ.

Внутреннее состояніе Франціи въ теченіи минувшаго года.—Политика императорскаго кабинета.—Расширеніе централизаціи: графъ Валевскій и Виконтъ Серрюрье.—Распоряженіе г. Персинья. Обманутыя надежды журналистики.—Отзывъ г. Геру касательно закона о подписяхъ.—Министерство Фульда и его финансовыя мѣры.—Самозванецъ Помаръ и демократъ Абу.—Положеніе дѣлъ въ Италіи.—Бандиты подъ эгидою папы.—E viva l'Italia una!—Рикасоли, преемникъ Кавура.—Симптомы итальянскаго соединенія.—Трагическое положеніе Испаніи.—Заблужденіе королевы насчетъ экспедиціи въ Сантъ-Доминго и Марокко.—Мексиканскія дѣла.—Претенденты.—Народныя волненія и ультрамонтаны.—Португалія.—Швейцарія.—Перечень событій въ Германіи.—Скандинавскій вопросъ.—Турція.—Напрасныя попытки реформъ, предпринятыхъ Абдулъ-Азисомъ. Гдѣ корень турецкой болѣзни? Молдаво-Валахское соединеніе.—Англійскія колоніи и смерть принца-супруга.—Трудное положеніе Америки.—Вопросъ о невольничествѣ.—Общій взглядъ на событія 1861 года. ЖАКА ЛЕФРВНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

(критическій отдѣлъ Руск. Вѣстн. за 1861 годъ).

Д. И. ПИСАРЕВА 1.

Чему и какъ мы учимъ народъ. 1) Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей, составленное теткой Настасьей. Москва. 1861. 2) Хрестоматія или избранныя статьи для народнаго чтенія. Москва. 1861. 3) Досужное чтеніе, пригодное для каждаго, составленное В. Золотовымъ. С. Петербургъ. 1862. 4) Воспоминанія о геройской защитѣ Севастополя и очеркъ Крыма. С. Петер. 1861. Р. Р. 34.

РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО. С. Петербургъ. 1861.

В. К—СКАГО 40.

- ✓ **РУССКІЙ ЧИНОВНИКЪ И УЧЕНЫЙ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.**
 (В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи первой половины прошедшаго столѣтія. Сочиненіе Николая Попова. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щенкина. Москва. 1861). **И. И. ШИШКИНА.** 47.
- Ложныя и отреченныя книги русской старины.** Объясненія къ «памятникамъ древней русской литературы», выш. **А. Н. ПЫПИНА** 75.
- Иностранная литература.** Христіанская церковь и общество въ 1861. Гизо. (L'église et la société chrétienne en 1861, par M. Guizot. **В. П. ПОПОВА.** 1. 1.
- Львиная лапка,** разсказъ Бертольда Ауэрбаха. (Edelweisz, eine Erzählung von Berthold Auerbach). 18.
- DER HERZOG VON GOTHEN UND SEIN VOLK. EIN AUFSATZ VON EDUARD SCHMIDT-WEISSWEFELS; NEBST EINEM ANTWORTSCHREIBEN DES HERZOGS ERNST VON SACHSEN-KÖNIGSBERG-GOTHA.**
- Герцогъ Готскій и его народъ; соч. Шмидта-Вейсверфеля съ присоединеніемъ отвѣта герцога Эрнста Саксен-Кобургъ-Готскаго. Лейпцигъ. 1864.** 26.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Передъ новымъ годомъ.—Общее настроеніе и московскій мезистофель.—Нашъ праздничный взглядъ на вещи и на наше будущее.—Наша легковѣрная забывчивость и не вниманіе къ исторіи прошлаго года.—Смерть, какъ примирительница.—Прошлый 1861 годъ передъ судомъ потомства.—Его перлы и аэролиты.—Откупная вакханка и ея послѣдняя пляска.—Добровольное опустошеніе петербургскихъ трактировъ.—Куда дѣвалась водка? — *Ночной гость* (еще свѣжее преданіе) стихотвореніе.—Андрей Ивановичъ Кронъ и *мелко* о ядовитомъ пивѣ.—Открытіе г. Шмидта.—Элегія мрачнаго любовника.—Два слова о нѣкоторыхъ *несмыслныхъ* явленіяхъ нашей общественной жизни.—*Передовые и задние люди*.—Протестъ Петербургскихъ врачей и изгнаніе женщинъ изъ медицинской академіи.—Лучшій примѣръ того, что женщина не можетъ быть докторомъ.—Стѣсненія брака и его оригинальные противники.—Г. Мердалинь съ своей «системой нестѣсненія».—Чипъ штабсъ-каптана, какъ дипломъ названія жениха.—Легкость взглядовъ и тяжесть «вопросовъ». — Мое содроганіе передъ восклицательнымъ знакомъ.—Гѣте и Катковъ и ихъ мнѣніе о сплетняхъ.—Аглицкая соль Русскаго Вѣстника и аттичскія города Котлинска.—Закусываніе удиловъ Котлинскаго Квазимодо.—Городъ Приволжскъ и его стоячая вода.—Приволжскъ и пятидесятилѣтній юбилей не князя Вяземскаго.—*Очеловѣченіе* господъ чиновниковъ.—Экономъ и его неэкономическое призваніе.—Судъ клубныхъ жрецовъ и торжество невинности.

Шахматный листокъ (за январь) **В. М. МИХАЙЛОВА.**

БАТЬКА.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Я, какъ теперь, вижу передъ собой нашу голубую, деревянскую гостиную. На среднемъ столѣ горять двѣ свѣчи. На одномъ концѣ его сидитъ матушка, всегда немного чепорная, въ накрахмаленномъ чепцѣ и воротничкахъ, и съ чулкомъ въ рукѣ. Отвортясь отъ нее, сидитъ на другомъ концѣ покойный отецъ. Онъ, видимо, въ дурномъ расположеніи духа и безпрестанно закидываетъ въ сторону, на печку, свои сѣрые, на выкатѣ глаза. Я..... мнѣ всего лѣтъ 12..... забрался въ углу на мягкое кресло и сижу погруженный въ невѣдомыя самому для меня мысли. Прямо противъ меня отворенная дверь въ залу. Оттуда только и слышится, что ровное пощелкиваніе маятника стѣнныхъ часовъ и навѣваетъ на васъ чѣмъ то грустнымъ и печальнымъ. Вдругъ раздался тихій скрипъ половиць. Не знаю отъ чего у меня какъ-то болѣзненно замерло сердце. Это входилъ, своей осторожной походкой, нашъ, самый богатый изъ всей вотчины, Оумкинскій мужикъ Михайло Евпловъ, старикъ самой почтенной наружности, всегда ходившій нѣсколько брюхомъ впередъ, съ низко-низко опущенной пазухой, совсѣмъ ужъ сѣдой, съ густо нависшими бровями и съ постоянно почти опу-

щенными въ землю глазами, всегда съ расчесанной головой и бородой, всегда въ чистомъ решменскомъ кафтанѣ и не въ очень грязныхъ сапогахъ. Даже руки у него были какія-то бѣлыя, нѣжныя, покрытыя только небольшими веснушками, точно онъ никакой черной работы даже и не работалъ. Будучи верстъ на тридцать единственнымъ мяснымъ торговцемъ, Михайло Евпловъ врядъ-ли въ околodкѣ былъ не извѣстнѣе, чѣмъ мой покойный отецъ, такъ, что тотъ иногда въ шутку говаривалъ своимъ знакомымъ: «честь имѣю рекомендоваться, я Михайла Евплова баринъ.»

Въ нашемъ небогатомъ деревенскомъ хозяйствѣ, сколько я теперь могу припомнить, Михайло былъ рѣшительно благодѣтельнымъ геніемъ: случалась-ли надобность отдать въ работники пьянчужку-недоимщика, Михайло Евпловъ бралъ его къ себѣ и ужъ выжималъ изъ него коку съ сокомъ, приходила-ли нужда въ деньгахъ, прямо брали ихъ въ займы у Михайла Евплова, нужно-ли было отправить рекрутство, подать ревизскія сказки, Михайло Евпловъ ѣхалъ, хлопоталъ, исполнялъ все это аккуратнѣйшимъ образомъ, не получая себѣ за то никакого возмездія, а напротивъ того, платя чуть-ли еще не въ полтора раза болѣе противъ другихъ оброка. На этотъ разъ, въ слѣдъ за нимъ, вошелъ сынъ его Тимка, совсѣмъ рабочій малый, лѣтъ 22-хъ, подслѣповатый, нескладный, словно изъ какого-нибудь сучковатаго дерева сдѣланный и съ годъ передъ тѣмъ только что женившійся. Батька, говорятъ, лѣтъ еще съ десяти началъ заставлятъ его бить скотину и теперь постоянно мѣрморяморилъ на работѣ. Войдя въ комнату Тимка прямо, не поднимая ни головы, ни глазъ и какъ-то механически поклонился матушкѣ въ ноги. Та потупилась и повела только рукою, желая тѣмъ показать, чтобы онъ этого не дѣлалъ. Тимофей перешелъ и поклонился отцу въ ноги. Тотъ отвернулся отъ него и окончательно закинулъ глаза на потолокъ.

— Что, поучили? спросилъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Тимофей ничего не отвѣчалъ, а молча отошелъ и всталъ нѣсколько поодаль отъ батьки.

— Поучили, кажется, хорошо... Незнаю только пойметъ ли то, проговорилъ Михайло Евпловъ грустнымъ тономъ.

— Это за то тебѣ... продолжалъ покойный батюшка: (голосъ его не переставалъ дрожать), за то, что не смѣй поднимать руки на отца. Неправъ онъ, Богъ съ него спросить, а не ты...

Михайло Евпловъ вздохнулъ на всю комнату.

— Мало они что-то это разумѣютъ... въ каждомъ пустякѣ только и ладятъ, что нельзя-ли какъ отцу-то горло переѣсть... сказалъ онъ и еще грустиѣ склонилъ голову на сторону.

— Ну, Михайло Евпловъ, вышпалась въ разговоръ ужъ матушка, трудно тоже, какъ и тебя посудить: старшій сынъ у тебя охотой въ солдаты пошелъ, второй спился да головой вершилъ, наконецъ и съ третьимъ тоже выходить?

На послѣднихъ словахъ она развела въ недоумѣніи руками.

Лицо Михайла Евилова сдѣлалось окончательно умиленнымъ.

— Ай, матушка, Авдотья Алексѣевна, воскликнулъ онъ почти уже плачущимъ голосомъ, на все тоже Божья власть есть: кто въ дѣтяхъ находить утѣшенье, а кто и печали... Вы сами имѣете дитя: какъ знать, худъ-ли, хорошъ-ли онъ супротивъ васъ будетъ.

Матушка вспыхнула.

— Ну, моего дитя ты привелъ тутъ напрасно... совершенно напрасно! сказала она и сердито понюхала табаку.

Михайло Евпловъ тоже сконфузился, видя, что не думая и не желая того, онъ проврался.

— Это точно что-съ... проговорилъ онъ и переступилъ съ ноги на ногу.

— Ежели ты опять тоже будешь дѣлать, опять тебѣ тоже будетъ!... обратился покойный отецъ снова къ парню гораздо уже подобрѣе, но все еще, видно, желая втолковать ему, что онъ виноватъ.

Парень пораспустился.

— Мнѣ бы, бачька, Филать Гаврилычъ, въ раздѣлъ охота идти-съ! произнесъ онъ и произнесъ какимъ-то необыкновенно наивнымъ голосомъ.

Всѣ мускулы въ лицѣ отца подернуло. Я видѣлъ, что онъ страшно вспыхнулъ.

— Не позволять вамъ того! больше прошипѣлъ онъ, чѣмъ проговорилъ, между тѣмъ какъ щеки и губы его дрожали: казеннымъ крестьянамъ велятъ дѣлиться?... велятъ? спрашивалъ онъ, обращая на парня страшный взглядъ.

Михайло Евпловъ грустно усмѣхался.

— Да прикажете; пускай попробуютъ... мякны-то отродясь неѣдали, а тутъ можетъ и отвѣдаютъ... Теперь какой-нибудь овинишко въ двадцать сноповъ съ своей благовѣрной измолотятъ, лопать-то придутъ, въ чашку велятъ, сколько только чрево стерпитъ.

— Что жъ ты ихъ, кускомъ ужъ хлѣба попрекаешь? вмѣшалась въ разговоръ опять матушка.

Михайло Евпловъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Не попрекаю я, сударыня, нѣтъ-съ! отвѣчалъ онъ кротко: ни въ чемъ имъ отъ меня запрету нѣтъ,—ни въ пищѣ, ни въ одежѣ, ни въ гуляньяхъ. Пусть скажутъ, въ чемъ имъ, хоть сколько ни есть, отъ меня возбранено.

— Ну, да! въ чемъ вамъ отъ него возбранено? повторилъ за нимъ и отецъ.

Тимофей жалобно и стыдливо посмотрѣлъ на него.

— Не могу я, бачька, про то сказывать-съ, отвѣчалъ онъ и какъ-то странно засеменилъ руками.

— Отъ чего не сказывать?—говори!.. сказалъ отецъ настойчиво.

Михайло Евпловъ какъ-будто бы слегка вспыхнулъ.

— Выдумать да наболтать, пожалуй, всякихъ пустяковъ можно... произнесъ онъ:

Тимофей молчалъ.

Матушка на этомъ мѣстѣ встала и вышла. Отцу тоже, видно, была не совсѣмъ легка эта сцена.

— Ну, ступайте! сказалъ онъ, закидывая, по обыкновенію, глаза въ сторону.

Михайло Евпловъ однако не трогался. Онъ, кажется, пережидаль, чтобы первый пошелъ сынъ. По лицу Тимки мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но не смѣлъ-ли

или не хотѣлъ этого сдѣлать, только круто повернулся и пошелъ.

— Вы ужъ, батюшка, сдѣлайте милость, прикажите, чтобъ и супружница его слушалась и не фыркала... сказалъ Михайло Евпловъ.

— Чтобъ и супружница слушалась — слышь! повторилъ отецъ, грозя Тимкѣ пальцемъ.

Но тотъ ничего не отвѣчалъ, и я слышалъ, что онъ сердито хлопнулъ въ лакейской дверями.

Михайло Евпловъ постоялъ еще нѣсколько времени, покачалъ въ раздумьѣ головой и проговорилъ:

— Такой этотъ нынче молодой народъ сталъ, что срамъ только одинъ съ нимъ.

Но видя, что отецъ ничего ему не отвѣчаетъ, онъ тоже повернулся и пошелъ; но залу сталъ проходить медленно, не торопливо и все точно къ чему-то прислушиваясь.

II.

Прошло времени недѣли съ двѣ. Мы ужинали. Отецъ (оужъ все это время былъ замѣтно въ дурномъ расположеніи духа и теперь кидаящій то туда, то сюда свой беспокойный взглядъ)—вдругъ поблѣднѣлъ и, проворно вставая, проговорилъ:

— Оумкино горить!

Мы взглянули по направленію его глазъ: всѣ наши окна были заняты заревомъ.

— Батюшка, можетъ быть, это овинъ! хотѣла было успокоить его матушка.

— Вся деревня, сударыня, въ огнѣ!.. Выдумала!.. лошадь мнѣ! кричалъ старикъ, проворно сбрасывая съ себя халатъ.

Матушка сама стала ему подавать одѣваться: горничная прислуга вся ужъ разбѣжалась по избамъ, чтобы разузнать и поохать насчетъ пожару. Въ залу вошелъ нашъ прикащикъ

Кирьянъ, со своей обычной не совсѣмъ умной и озабоченной рожей и теперь совсѣмъ опѣшавшій отъ страху.

— Въ Омкинѣ несчастье—съ! проговорилъ онъ.

— Людей туда!.. лошадь мнѣ! говорилъ батюшка, застегивая дрожащими руками свой полевой чепанъ.

Мнѣ тоже захотѣлось съѣздить на пожаръ.

— Папаша, возьми меня! запросился я.

— Перестань, пащенокъ! прикрикнулъ было на меня старикъ.

Но я не отставалъ:

— Папаша, возьми!

— Ахъ ты!.. Ну, поѣзжай!

Онъ вообще любилъ нѣсколько геройскія съ моей стороны выходки; но матушка напротивъ:

— Алексѣй, что ты хочешь со мной дѣлать?.. Пощади ты меня хоть околько—нибудь! сказала она въ одно и тоже время строгимъ и умоляющимъ голосомъ.

Но я уже почти не слыхалъ ее: выбѣжавъ на улицу, и видя, что поваренокъ Гришка велъ осѣдланную лошадь, я отнялъ ее у него и сейчасъ же на нее взгромоздился. Со стороны отъ Омкина слышался наносимый вѣтромъ безпорядочный звонъ набатнаго колокола. Черезъ нѣсколько минутъ привели и отцу бѣговья дрожки. Точно молоденькій мальчикъ, онъ проворно, хоть и тяжело, опустился на нихъ. Человѣкъ шесть дворовыхъ людей было около насъ верхами. На крыльцѣ появилась матушка.

— Возьмите Неопалимую Купину, что вы, на кого надѣетесь? сказала она.

Кирьянъ подѣхалъ къ ней и принявъ у нее образъ, положилъ его, перекрестясь, за пазуху. Пока мы съѣзжали со двора, матушка не переставала насъ крестить вслѣдъ. Проѣхать намъ надобно было версты двѣ—три лѣсомъ. Ночь была осенняя, темная. Несмотря на колеи и рытвины, отецъ погналъ свою лошадь что есть духу. Мы скакали за нимъ. По всѣмъ направленіямъ отъ насъ раздавался топотъ нашихъ лошадей и слышались шлепки летѣвшей изъ подъ копытъ ихъ грязи. Рядомъ же съ нами, и нисколько не отставая, бѣжалъ въ прискокку спѣшенный мною съ лошади Гришка по-

варенокъ и бѣжалъ, надобно сказать, сохраняя ужасно гордый видъ, который былъ данъ ему какъ бы отъ природы, вслѣдствіе покривленнаго въ дѣтствѣ позвоночнаго столба.

— Ату—ату его! травилъ его кучеръ Петръ, доставая въ спину вѣтвиной.

— Это онъ на дымокъ бѣжить... поварская душенка: услышалъ, что гарью—то пахнетъ, замѣтилъ ткачъ Семень.

По другую сторону дороги шель болѣе солидный разговоръ.

— Въ сѣняикѣ у Евплова загорѣлось и пошло, братецъ ты мой, вить, Боже ты мой! говорилъ Кирьянъ.

— Ишь-ты, поди, гдѣ грѣху—то быть! отвѣчалъ ему на это басомъ и со вздохомъ другой голосъ.

Набатъ становился все слышнѣе и слышнѣе. Сколько не печальное ожидало насъ впереди зрѣлище, но, при этомъ быстромъ скаканьи на лошади, въ глухую ночь, въ лѣсу, при этомъ хлопаньи воротецъ, которыя кучеръ Петръ на всемъ маху, не слѣзая съ лошади, отворялъ и также быстро отпуская ихъ, мое дѣтское сердце исполнилось какой—то злобой радостью: мнѣ такъ и хотѣлось битвъ, опасностей и побѣдъ. При въѣздѣ въ открытое поле—первое, что представилось намъ, это—стоявшая нѣсколько поодаль отъ селенія, на совершенно темномъ фонѣ, бѣлая церковь, освѣщенная пожаромъ до малѣйшихъ архитектурныхъ подробностей и съ блистающими красноватымъ свѣтомъ главами и крестами. Пламя выходило почти изъ половины деревни и, склоняемое вѣтромъ, уже зализывало огромными языками близъ стоящія къ нему строенія. Вверху надъ всѣмъ этимъ клубился сѣроватый дымъ, въ которомъ детали чего—то огненные куски и кружились какія—то бѣлыя птицы. Въ самомъ селеніи передъ пламенемъ мелькали черныя фигуры мужиковъ и бабъ. Отовсюду слышался шумъ и гамъ, сливавшійся со звономъ колокола. Сидѣвшія около вынесенныхъ на средину улицы пожитковъ старухи и ребятишки выли и ревели. Выгнанная изъ хлѣбовъ скотина: коровы и лошади, всѣ столпились въ кучку и замѣтно подъ вліяніемъ какого—то непонятнаго для нихъ страха прижались къ церковной оградѣ,—однѣ только дуры овцы, тоже скучившіяся въ од-

но стадо и кинувшіяся было сначала прямо на огонь, но шугнутыя оттуда двумя—тремя взвизгнувшими бабенками, неслись теперь далеко, далеко въ поле. Передъ сгорѣвшимъ почти уже въ половину домомъ Михайла Евплова была цѣлая толпа людей и они не унимали пожара, а на что-то такое, другъ черезъ дружку, заглядывали, и нѣсколько голосовъ говорило: «полно!.. перестань!.. старый!» Посреди всего этого раздавалось: «пустите!.. пустите!»

Мы быстро подъѣхали: это Михайло Евпловъ рвался изъ рукъ двухъ нашихъ мужиковъ. Спокойной наружности въ немъ и слѣда не оставалось: онъ былъ въ одной разорванной рубахѣ, босикомъ, съ обезумѣвшими глазами и съ опаленными всключенными волосами.

— Что такое? спросилъ отецъ.

— Въ огонь рвется... сгорѣть хочетъ, отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ.—О, дьяволъ какой здоровый! прибавилъ онъ, гробоздая снова старика за воротъ, который тотъ было у него вырвалъ.

— Оттащите его подальше, въ лѣсъ, приказалъ отецъ.

— Батюшка, пусти!.. пусти!.. кричалъ Михайло Евпловъ. Но мужики его потащили. Сдѣлавъ еще разъ тщетное усиліе вырваться у нихъ, онъ завопилъ какъ дикій звѣрь, и вцѣпилъ зубами въ собственную руку; кровь фонтаномъ брызнула изъ подъ его рта и усовъ. Мужики отвели ему эту руку назадъ за спину и продолжали его тащить.

— Батюшки! у Матрены Лукояновны ужъ загорѣлось! раздался пронзительный женскій голосъ.

Всѣ бросились туда.

Покойный отецъ тоже проворно соскочилъ съ дрожекъ и потомъ, ужъ я незнаю какъ это и случилось при его полнотѣ, вдругъ очутился на крышѣ этой самой избы.

— Снимайте кафтаны, мочите ихъ и давайте сюда! командовалъ онъ отсюда.

Первый бросился ему помогать самый бѣдный изъ всей деревни мужикъ Спиридонъ, по фамиліи, Кутузовъ. Собственная изба его давно уже сгорѣла и онъ, кажется, изъ нее и вынести ничего не успѣлъ; но несмотря на то, нисколько не потерявшись, началъ онъ усерднѣйшимъ образомъ пода-

вать воду, понукать и ругать другихъ мужиковъ и особенно бабъ, что нибудь не по его или не проворно дѣлавшихъ.

Кирьянъ между тѣмъ досталъ изъ за пазухи Неопалимую Купину и взявъ ее на руки, какъ обыкновенно носятъ иконы, сталъ съ нею обходить еще не загорѣвшуюся часть селенія. Вдругъ пламя изъ косаго направленія приняло прямое, поколебалось нѣсколько минутъ и снова склонилось, но уже въ поле, въ сторону, противоположную отъ деревни.

— Господи! полымя-то на лѣсъ пошло!.. Царица Небесная! заголосили бабы. Мужики только молча перекрестились. Отецъ, молодцовато и скрестивши руки, стоялъ на крышѣ. Я же и Кутузовъ, Богъ ужъ знаетъ для чего, ухвативши онъ съ одного конца багромъ, а я съ другаго кочергой, тащили горящее бревно. Оно наконецъ рухнуло и жестоко ударило одну бабу по боку, такъ что она кувыркнулась и не приминула намъ объяснить: ой, дьяволы, лѣшіе экіе! Бревно порядкомъ задѣло и меня, такъ что я едва выпарапалъ изъ подъ его ноги. Правая штанина у меня загорѣлась и только ужъ плюя на нее и обжогши всѣ себѣ руки, я успѣлъ ее затушить. Все это видѣвшій съ крыши отецъ поблѣднѣлъ.

— Ступай, глупой мальчишко, домой! закричалъ онъ, заскрежетавъ зубами.

Я было задумалъ отпрашиваться.

— Мать беспокоится, а онъ тутъ... Петръ, отвези его домой! говорилъ старикъ, выходя изъ себя и грозя мнѣ кулаками.

— Поѣдемте, судырь! Что тутъ барчику дѣлать! посоветывалъ мнѣ и Петръ.

Я, дѣлать нечего, вamosтился на своего коня и отправился. Петръ послѣдовалъ за мной. Я всегда любилъ бывать съ этимъ человѣкомъ за его веселый и разговорчивый характеръ.

— Что, Михайло Евпловъ плачетъ еще! спросилъ я его.

— Поуняли маненько, поукачали... раза три въ огонь то врывался: все хотѣлось кубышку-то съ деньгами выпарапать.

— А много денегъ у него было?

— Много, чортъ его дери, накопиль... тысячъ десять, говорятъ, было...

— А сынъ его Тимка тоже плачетъ?

— Да, тутъ тоже присутствуетъ, отвѣчалъ Петръ... только слезъ-то не больно что-то видать у него, прибавилъ онъ, какъ бы въ нѣкоторомъ размышленіи.

Я даль шпоры лошади и поскакалъ маршъ-маршъ.

— Тише, тише, баринъ! право маминькѣ скажу! говорилъ Петръ.

Но я зналъ, что онъ не скажетъ.

Матушка насъ встрѣтила только что не на крыльцѣ.

— И не стыдно тебѣ, не грѣхъ такъ меня мучить, сказала она.

Я послѣшилъ поцѣловать у ней руку и сталъ ей представлять почти въ лицахъ, какъ огонь горѣлъ, какъ Михайло Евпловъ плакалъ.

— Ну, не говори... будетъ! произнесла она, махая мнѣ рукой и сама готовая почти разрыдаться.

Виднѣвшееся изъ нашихъ оконъ пламя все становилось меньше и меньше. Черезъ часъ послѣ того пріѣхалъ и отецъ. Загрязненный, залитый почти съ ногъ до головы водой и чѣмъ-то, должно быть, еще болѣе раздраженный, онъ шумно вошелъ въ залу. Вслѣдъ за нимъ поваренокъ Гришка, спотѣвшій, какъ мокрая мышь, и съ закоптѣлымъ лицомъ Кирьянъ ввели подъ руки Михайла Евплова. Онъ былъ въ чьемъ-то чужомъ полупубличкѣ, весь дрожалъ; рука и лицо его были въ крови.

— Посадите его тутъ! сказалъ отецъ.

— Его надобно напоить чаемъ или мятой: онъ весь продрогъ! сказала матушка.

Несчастный старикъ замоталъ головой.

— Нѣтъ, матушка: водочки дай! дай водочки! проговорилъ онъ.

Матушка послѣшно пошла и сама принесла ему цѣлый стаканъ.

Михайло Евпловъ вынулъ его дрожащими губами изъ ея рукъ. Она послѣ того хотѣла было подать ему кусокъ пирога, но онъ молча отвелъ его руками.

— Сведите его въ людскую, и чтобы онъ не сдѣлалъ тамъ чего-нибудь надъ собой—я съ тебя спрошу, сказалъ отецъ Кирьяну.

Тотъ съ Гришкой хотѣлъ было поднять Михайла, но онъ не дался имъ и повалился отцу въ ноги.

— Батюшки, благодѣтели мои! не оставьте меня несчастнаго! стоналъ онъ.

— О, старый дуракъ! сказано, что не оставляютъ—Бога только гнѣвить, всплилъ отецъ, между тѣмъ какъ у него у самого текли по щекамъ слезы.

— И ее злодѣйку накажите, и ее! бормоталъ Михайло Евпловъ, ползая по полу и хватая отца за ноги.

— И ее накажутъ! Отведите его! говорилъ тотъ, едва сдерживая себя.

Гришка и Кирьянъ подняли наконецъ бѣднаго старика и увели.

Меня вскорѣ послѣ этого послали спать, но я долго еще слышалъ изъ своей маленькой комнаты, что отецъ и мать разговаривали.

— Поджогъ! говорилъ тотъ своимъ отрывистымъ тономъ.

— Господи помилуй! восклицала на это матушка.

— Невѣстухка... сынокъ... повторялъ нѣсколько разъ отецъ.

— Боже ты мой, Царица Небесная, говорила матушка.

III.

Проснувшись на другой день поутру, я услышалъ по всему дому какое-то шушуканье и торопливую хлопотню. Гришка поваренокъ, между прочею своею службою обязанный меня одѣвать, пришелъ, по обыкновенію, съ сапогами въ рукахъ и съ глупо-форсистой рожей остановился у косяка.

— Что тамъ такое шумятъ? спросилъ я его.

— Папенька вашъ въ городъ уѣхали-съ, отвѣчалъ онъ, почему-то еще гордѣе поднимая голову.

Я всегда былъ очень доволенъ, когда отецъ куда-нибудь

уѣзжалъ: его суровость, его желчное и постоянно раздраженное состояніе духа, готовое каждую минуту вспыхнуть, пугали меня, а потому и на этотъ разъ, исполнившись мгновенно овладѣвшимъ душу мою восторгомъ, я началъ перевертываться на постелѣ на спину, на грудь и задрегалъ ногами, приговаривая:

— Зачѣмъ онъ уѣхалъ, зачѣмъ?

— Незнаю-съ! отвѣчалъ Гришка, и, наскучивъ вѣроятно стоять передо мной, сдернулъ съ меня одѣяло и урезонивалъ меня:

— Перестаньте баловать-то!.. Надѣвайте сапожки-то!.. мнѣ стряпать пора.

— Я сегодня приду къ тебѣ въ кухню... приду... приду... напѣвалъ я.

— Я сегодня не въ кухнѣ стряпаю, а у бабушки Аѣимья, отвѣчалъ Гришка и самолюбиво закинулъ свое рыло въ сторону.

— А вотъ врешь, врешь, перебилъ я его, думая, что онъ хочетъ только отъ меня отдѣлаться.

— Право-съ! повторилъ Гришка. Въ кухню-то Тимофея съ хозяйкой подъ караулъ посадили, прибавилъ онъ уже мрачнымъ голосомъ.

— За что?

— Папенька приказали-съ... Послѣднее слово Гришка протянулъ.

— А Михайло Евпловъ гдѣ?

— Въ людской лежитъ... стонетъ таково, на всю избу.

У меня вдругъ пропала вся моя веселость: я молча одѣлся, молча и тихо вышелъ. Въ дѣвичьей сидѣла наша старуха ключница Аѣимья и старательно-старательно прядла. Это было всегда признакомъ, что она до безконечности злилась.

— Аѣимья! за что Тимофея съ женой подъ караулъ посадили? спросилъ я ее таинственно.

— Не знаю, судырь! отвѣчала она явно-укоризненнымъ тономъ.

— Ну вотъ; не можетъ быть, скажи!

— Не знаю, батюшка... паленькина воля! повторила она и вздохнула.

Семья Михайла Евплова приходилась ей сродни.

Я отправился на улицу. День былъ ясный, свѣтлый: осеннее солнце грѣло точно средь лѣта; вновь подростшая на красномъ дворѣ, послѣ недавняго дождя, трава свѣжо зеленѣла; въ воздухѣ быстро и весело летали ласточки; болѣе десятка сытыхъ и лоснящихся на солнцѣ лошадей гуляли на ободворкѣ. Тимка съ женой не выходили у меня изъ головы. Я рѣшился подсмотреть, что они дѣлаютъ и потихоньку вошелъ въ кухонныя сѣни; не тамъ на дверяхъ я увидѣлъ огромный замокъ: оставалось одно средство заглянуть съ улицы въ окно; но я почему-то совѣстился это сдѣлать и придумалъ такого рода хитрость, что взмогился на близъ стоящія около кухни дроги, съ которыхъ все было видно, что происходило во внутренности избы: Тимка сидѣлъ у стола и смотрѣлъ въ землю; въ лицѣ его кромѣ обычной мрачности ничего не выражалось. На другой лавкѣ лежало что-то на-глухо закутанное кафтаномъ. Я догадался, что это была жена его Марья. Миѣ сдѣлалось страшно, и почему-то показалось, что она умерла и что это былъ уже только трупъ ея. Я, по крайней мѣрѣ разъ пять, влезалъ на дроги и въ послѣдній разъ наконецъ скрылся и Тимка, и только по видѣвшимся его лаптямъ я понялъ, что и онъ тоже легъ, но только въ глубь, въ куть избы. Между тѣмъ Марья не перемѣняла своего положенія и это окончательно меня убѣдило, что она умерла. Въ страхѣ, и не зная съ кѣмъ бы имъ подѣлиться, я нѣсколько времени ходилъ по двору: людей, какъ всегда это бывало въ лѣтнее время, не было почти никого дома: всѣ были на работѣ и только изъ Афимьяной избы слышно было, что Гришка отчаянно рубилъ котлеты или начинку въ пирогъ, выбивая ножами складно трепака. Я подошелъ къ окну, которое было полурастворено, и изъ котораго валилъ дымъ и жаръ.

— Григорій, а Григорій? повторилъ я нѣсколько разъ.

— Чего вамъ-съ? отозвался онъ наконецъ, гордо высовывая свою морду въ окно.

— Тамъ въ кухнѣ Марья лежитъ: не умерла-ли ужъ она?

— Да съ чего ей умереть?

— А что же она все лежитъ?

— Спать, чай, отвѣчалъ онъ мнѣ, и самолюбивѣйшимъ образомъ повернулся и отошелъ отъ окна.

Я простоялъ на своемъ мѣстѣ нѣсколько времени, какъ опѣшенный, и за обѣдомъ рѣшился наконецъ свое безпокойство сообщить матерѣ.

— Маменька, Тимофея съ женой подь карауль посадили; ну какъ они тамъ умрутъ? сказалъ я.

Мать сначала посмотрѣла мнѣ въ лице и потомъ, проговоря: «какія ты глупости говоришь», сама вздохнула.

Тотчасъ же послѣ стола я опять отправился на дроги и не могу описать вамъ моего восторга: Марья больше ужъ не лежала, а сидѣла; красивое лице ея было не столько печально, сколько измято; платокъ на головѣ нѣсколько сбитъ и рубашка на груди растегнута.

— А что, Михайло Евпловъ живъ-ли, подумалъ я и прямо съ дрогъ пошелъ въ людскую. Изба эта, такъ какъ въ ней пеклись людскіе хлѣбы и варилось для дворовыхъ варево, была самая жарко-натопленная и постоянно почти пустая: въ этотъ разъ я въ ней только и нашелъ, что десятка три мухъ, ползавшихъ по столу и подѣдавшихъ оставшіяся тутъ крохи хлѣба и квасныя пятна. Я заглянулъ за перегородку. Тамъ въ зыбкѣ лежалъ одинъ-одинехонекъ полугодовой сынишко стряпухи, съ поднятой почти до самаго горла рубашенкой. Только что передъ тѣмъ вѣроятно распеленанный, онъ съ величайшимъ, кажется, наслажденіемъ смотрѣлъ себѣ на кулачки и сгибалъ и разгибалъ свои ноженки. По веселому личику его тоже ползала муха и онъ отъ этого только слегка поморщивался. Я согналъ ему эту муху; онъ еще больше улыбнулся. По стоявшей на голбцѣ квасницѣ, я сообразилъ, что больной, должно быть, лежитъ на печкѣ. Вставъ на нижнюю ступеньку, я потихоньку заглянулъ туда, но по темнотѣ ничего не могъ рассмотреть и только оттуда сильно лахнуло квашней. Я поспѣшилъ слѣзть и уйти. Цѣлый день я ходилъ какъ шальной, не зная за что бы приняться и что бы начать дѣлать. Къ вечеру моя дѣтская фантазія еще болѣе разыгралась и когда

меня уложили въ постельку и оставили одного въ комнатѣ, мнѣ стало и жаль арестантовъ, и въ то же время я боялся ихъ. «Они цѣлый день ничего не ѣли и теперь они лежатъ и имъ тошно!» думалъ я, а потомъ мнѣ вдругъ представлялось, что Тимка непременно выломаетъ окно, выльзетъ, возьметъ топоръ и зарубитъ меня и маменьку. Страхъ этотъ во мнѣ дошелъ до того, что я прислушивался къ каждому, довольно отдаленному отъ меня хлопанью дверьми въ дѣвичьей, къ малѣйшему шуму въ лакейской, наконецъ, когда явно услышалъ, что въ залѣ кто-то ходитъ, я не утерпѣлъ, вскочилъ и выглянулъ туда.

— Кто это? произнесъ я почти обмирающимъ отъ ужаса голосомъ.

— Я это, батюшка, отвѣчалъ мнѣ голосъ.

Оказалось, что это Афимья пришла въ залъ молиться.

Я нѣсколько поуспокоился и опять улегся... Зарождающійся ипохондрикъ, видно, и тогда уже во мнѣ начиналъ наклеиваться!

IV.

Часу во второмъ ночи тотъ же Гришка меня разбудилъ.

— Ступайте въ темненюкую комнату почевать-сь, сказалъ онъ.

— Что... зачѣмъ? спросилъ я съ просонья и въ испугѣ.

— Исправника тутъ положить—пріѣхалъ.

Не понявъ хорошенько въ чемъ дѣло, я однако всталъ, и босикомъ, въ одной рубашенкѣ, завернувшись въ одѣяльцо, прошелъ по довольно холодному корридору и, укладываясь на новое свое мѣсто, разгулялся: въ гостиной я слышалъ, что отецъ съ исправникомъ ужинали. Отецъ что-то такое въ полголоса и, по обыкновенію своему, отрывисто рассказывалъ ему, на что исправникъ громко хохоталъ, въ слѣдъ затѣмъ кашлялъ, харкалъ. Оставашеся празднымъ мое воображеніе начало представлять себѣ исправника огромнымъ

мущиной, съ огромнымъ животомъ. Но это оказалось не со-всѣмъ такъ; когда я на другой день вышелъ къ чаю, то увидѣлъ, что съ отцемъ раскланивался небольшого роста му-щина, съ сутуловатымъ бычачьимъ шивороткомъ, широкій въ плечахъ и съ широкою львиною грудью.

— Итакъ я иду, говорилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ отецъ разсѣянно.

Матушка, разливавшая чай, держала глаза потупленными.

Исправникъ пошелъ. Я перебѣжалъ въ дѣвичью, чтобы оттуда изъ окна наблюдать за нимъ. На крыльцѣ его встрѣ-тилъ съ бляхой на груди и падогомъ въ рукѣ сотскій и снялъ шапку. Исправникъ сдѣлалъ усиліе приподнять нѣс-колько свою сутуловатую голову. Сидѣвшіе на колодѣ наши мужики—погорѣльцы, при видѣ его, тоже встали и сняли шапки. Исправникъ сдѣлалъ еще болѣе усилія приподнять свою голову. Сотскій, въ нѣкоторомъ отдаленіи и не надѣ-вая шапки, слѣдовалъ за нимъ. Они прошли въ кухню. Вско-рѣ послѣ того въ кухонныя сѣни вышелъ Тимофей и сот-скій и оба флегматически остановились въ дверяхъ на ули-цу—одинъ у одного косяка, а другой у другаго и оба ни слова не говорили между собою. Мужиковъ пять изъ пого-рѣльцевъ, одинъ за другимъ, слезли съ колоды и разлеглись по травѣ: пригрѣтые солнцемъ, они вскорѣ тутъ заснули. Тимофея наконецъ увели въ кухню и вмѣсто его сотскій вывелъ Марью. Она усѣлась на рундучкѣ и пригорюнилась. Сотскій съ убійственнымъ равнодушіемъ глядѣлъ ей въ спи-ну. Я перешелъ въ залу. Тамъ отецъ ходилъ взадъ и впе-редъ, закидывая глаза вправо и влѣво, разводилъ руками и что-то такое нашенгивалъ. Мать затворилась въ своей ко-мнатѣ и, должно быть, молилась. Ключница Афимья съ яв-ными уже слезами, текшими по ея морщинистому лицу, при-готовляла закуску.

Не зная куда отъ тоски и скуки дѣваться въ домѣ, я вышелъ на улицу. Марья уже не было на крыльцѣ и сто-ялъ одинъ только сотскій, куря изъ коротенькой, но все-та-ки въ мѣдной оправѣ трубочки и сплевывая повременамъ сквозь зубы тонкой струей слюну. Я осмѣлился подойти и заговорить съ нимъ.

— Что тамъ дѣлають? спросилъ я его, указывая на кухню.

— Допрашиваютъ-съ... отвѣчалъ онъ мнѣ, осматривая меня съ ногъ до головы.

— Что-же допрашиваютъ?

— По дѣлу-съ, по поджогу... Вы сыночекъ, что ли, здѣшняго-то барина?

— Сынъ.

— Похожи маненько на папеньку-то, заключилъ сотскій и своей зачерствѣлой рукой погладилъ меня по головѣ.

Въ это время Гришка, въ совсѣмъ ужъ дурацкой, съ высочайшими воротничками, манишкѣ, и въ сертукѣ, далеко-сшитомъ не на его ростъ, форжето пронесъ въ кухню закуску съ графиномъ водки и съ двумя бутылками наливки.

— Вы въ горницу взойдите и завтракать ступайте въ людскую... сказалъ онъ, проворно проходя и кивая сотскому головой.

Тотъ стыдливо пошелъ въ дѣвичью и когда возвратился оттуда, то самодовольно обтиралъ рукавомъ усы: видимо, что онъ получилъ приличную порцію. Проходя въ людскую мимо спящихъ мужиковъ и замѣтно повеселѣвъ, онъ ткнулъ одного изъ нихъ своимъ подождкомъ и проговорилъ:

— Что ты тутъ, чертъ, дрыхнешь?

Мужикъ приподнялъ немного голову, взмахнулъ на него глазами и опять улегся.

Недолго послѣ того Гришка вынесъ изъ кухни закуску обратно, съ выпитымъ почти до дна графиномъ и съ объѣдками пирога и колбасы. Двѣ бутылки наливки остались еще тамъ. Затѣмъ сцены на дворѣ значительно оживились: сначала въ сѣни выбѣжалъ длинноносый чиновникъ, вѣроятно писарь исправника и видя, что никого тутъ нѣтъ, и проговоря: «никогда его шельмы нѣтъ на мѣстѣ!..» крикнулъ погорѣльцамъ: эй вы, пошлите сюда сотскаго и прикащика.

Изъ лежавшихъ на травѣ мужиковъ хоть бы одинъ пошевельнулся и только тотъ же дѣятельный Спиридонъ Кутузовъ, все время сидѣвшій на колодѣ и что-то такое съ жаромъ толковавшій другому мужику, при этомъ возгласѣ вско-

чилъ и побѣждалъ въ людскую. Оттуда выскочили и проворно пробѣжали въ кухню нашъ Кирьянъ съ своей озабоченной рожей и сотскій, только что начинавшій было багровѣть отъ получаемаго имъ за щами удовольствія. Кирьянъ впрочемъ вскорѣ снова показался и началъ еще болѣе безпокойными и отупѣвшими глазами оглядываться. Замѣтивъ возвращавшагося на свое мѣсто Кутузова, онъ подкликнулъ его и что-то такое сказалъ ему.

— Да гдѣ? спросилъ тотъ скороговоркой.

— Да хоть въ саду! отвѣчалъ ему Кирьянъ и тоже скороговоркой.

Кутузовъ побѣждалъ.

Кирьянъ остался на мѣстѣ и замѣтно поджидалъ его. Спиридонъ наконецъ возвратился съ пучкомъ прутьевъ въ рукахъ.

— О, чортъ, мало! воскликнулъ Кирьянъ, сердито вырывая у него прутья.

— Я еще сбѣгаю! подхватилъ съ готовностью Спиридонъ и опять побѣждалъ.

Кирьянъ сталъ прутья развязывать на пучки.

— Неровныхъ какихъ, дьяволь, наломалъ, говорилъ онъ, обшмыгивая и обдергивая ихъ.

Спиридонъ недолгѣ принесть еще большой пучекъ и потомъ они, что-то такое переговоривъ между собою, скрылись въ кухонныхъ сѣняхъ, войдя въ которыя дверь съ улицы притворили.

Я осмѣлился приблизиться на нѣкоторое разстоянiе къ кухнѣ. Оттуда слышались голосъ и харканье исправника. Наконецъ на крыльцѣ показался прежнiй длинноносый чиновникъ.

— Пошлите нашего кучера!.. крикнулъ онъ.

Продолжавшiй сидѣть на колодѣ мужикъ, кажется, и не помялъ его.

— Кучера пошли! повторилъ ему письмоводитель.

Мужикъ нехотя всталъ и пошелъ на обнораль, съ котораго вскорѣ и сошелъ дѣйствительно кучеръ, съ заспанной рожей и съ набившимся въ включенные волосы сѣномъ, въ иконошенной казинетовой поддѣвкѣ безъ рукавовъ, въ вытер-

тыхъ плисовыхъ штанахъ и только въ новыхъ, сильно смазанныхъ дегтемъ, сапогахъ. Неторопливой и спокойной походкой, какъ человѣкъ привычный къ тому, къ чему его звали, прошелъ онъ въ кухню; я догадался наконецъ въ чемъ дѣло. Ужась овладѣлъ мною окончательно: я убѣждалъ въ свою комнату, упалъ на постель, закрылъ глаза и зажалъ себѣ уши!!!

Обѣдать у насъ подали, чего прежде никогда не бывало, часамъ къ четыремъ, и когда я вышелъ въ залу, тамъ всѣ уже сидѣли за столомъ: исправникъ, присмакивая и даже какъ-то присвистывая, жадно ѣлъ щи. Матушка, сама разливавшая горячее, грустно и молча указала мнѣ на мѣсто подлѣ себя. Письмоводитель исправнической тоже сидѣлъ за столомъ, уткнувши свой длинный носъ въ тарелку и точно смотрѣлъ въ нее не глазами, а этимъ органомъ. Отецъ былъ въ прежнемъ раздраженномъ состояніи.

— Этакіе злодѣи, варвары!.. говорилъ онъ, тряся руками и головой.

Исправникъ хохотнулъ слегка.

— Краснаго пѣтушка это по ихнему называется пустить... Четвертое дѣло у меня этакое вотъ на этомъ году, говорилъ онъ, едва прожевывая огромные кусищи говядины и хлѣба, которые засовывалъ себѣ въ ротъ.

— Пятое—съ, поправилъ его письмоводитель.

— И все бабенки эти?.. бабенки? спросилъ отецъ, продолжая трястись отъ бѣшенства.

— Бабенки—да! отвѣчалъ исправникъ.

Письмоводитель слегка кашлянулъ себѣ въ руку.

— Одна, по ревности, весь свадебный поѣздъ было выгла: тремя колами дверь прицерла... мужики топорами ужъ простенокъ выломали и повыскакали — проговорилъ онъ.

— Самихъ бы разбойниковъ эдакихъ на огонь!.. самихъ бы! говорилъ отецъ и глаза его, ни на чемъ уже неостанавливаясь, продолжали бѣгать изъ стороны въ сторону.

Исправникъ захохоталъ полнымъ смѣхомъ.

— На огонь?.. Въ подозрѣнны только оставили! воскликнулъ онъ, устремляя на отца насмѣшливый взглядъ; у

насъ воръ и разбойникъ запирайся только—всегда правъ будетъ! прибавилъ онъ и глотнулъ, какъ устрицу, огромную галушку.

— Уѣздный судъ еще на насъ представленіе дѣлалъ, замѣтилъ по прежнему скромно, но съ ядовитой улыбкой письмоводитель; зачѣмъ мы поѣзжанъ подъ присягой спрашивали: они, говоритъ, лица къ дѣлу прикосновенныя.

Отецъ нѣсколько разъ повернулся на стулѣ.

— По Кузмищеву лучше было! подхватилъ исправникъ, и въ видахъ, вѣроятно, выцаго внушенія взялъ ужъ его за бортъ сертука: есть тамъ Миколая Гаврилыча Кабанцова мужиченки—плутъ и мошенникъ народишко... приступили они къ нему,—дай онъ имъ дѣсу. Тотъ говоритъ, погодите: у васъ избы еще не пристоялись... Они взяли спокойнѣйшимъ манеромъ, вынесли всѣ свои пожитки въ поле, выстроили тамъ себѣ шалашики, а деревню и запалили, какъ огнище.

Отецъ отъ волненія и гнѣва ничего не въ состояніи былъ и говорить, а только глядѣлъ во всѣ глаза.

— Пріѣзжаю я на мѣсто, продолжалъ исправникъ, ну и разумѣется сейчасъ же всѣ и сознались... Николай Гаврилычъ прискакалъ ко мнѣ, какъ сумашедшій!.. «батюшка, говоритъ, пощади; вѣдь я лишаюсь 50 душъ, всѣ на каторгу идутъ.» Такъ и покрыли разбойниковъ — показали, что деревня отъ власти Божіей сгорѣла.

— Что же и наша женщина совналась? спросила матушка, каждую минуту трепетавшая за отца, и желавшая на что нибудь только да переимѣнить разговоръ.

— Какже—съ, совершенно. во всемъ какъ есть... отвѣчалъ ей исправникъ съ замѣтною любезностью.

— И мужъ съ ней участвовалъ?

— Совершенно—съ! и труту ей приготовилъ, и лучины нащепалъ, и стражемъ стоялъ, чтобы кто не подсмотрѣлъ ихъ дѣяній.

— Но что же за причина? спросила матушка.

— Причина!.. произнесъ отецъ и началъ растирать себѣ грудь рукою.

Исправникъ пожалъ плечами.

— Спросимъ уже объ этомъ... пораспросимъ, отвѣчалъ онъ.

— Самъ старикъ, говорятъ, тутъ виновать, пробунчалъ больше себѣ подъ носъ писмоводитель.

Отца точно кто кольнулъ.

— Какъ старикъ? сказалъ онъ, кидая на приказнаго свирѣпый взглядъ; но въ это время встали изъ за стола. Исправникъ разшаркался передъ матушкой, поцѣловалъ у нея руку и отправился спать. Писмоводитель тоже пошелъ уснуть, но только на сѣноваль, гдѣ спалъ и кучеръ ихній.

Я вышелъ на крыльцо и усѣлся на немъ. Ко мнѣ подошла наша дворовая собака Лапка. Я обнялъ ее: «Лапушка, другъ мой, что такое у насъ дѣлается?» говорилъ я, цѣлуя ее въ морду. Она въ отвѣтъ на это лизнула мнѣ щеку, потомъ вдругъ, завилывъ хвостомъ, побѣжала отъ меня къ садовой калиткѣ, изъ которой выходилъ ея прокормитель и воспитатель по части хожденія за утками, тетеревами и бѣлками, нашъ старшій садовникъ Илья Мосѣичъ, въ своемъ заскорбломъ отъ старости сертукѣ, и въ сапогахъ, изорванныхъ по всевозможнымъ мѣстамъ и шлепавшихъ тенерь отъ мокроты. Лице Мосѣичъ имѣлъ нѣсколько французское, съ заостреннымъ птичьимъ носомъ, съ довольно тонкими очертаніями и съ небольшими клочками, висѣвшихъ по щекамъ бакенбардъ. Онъ только-что сейчасъ возвратился съ рыбной ловли, ради которой, не докладывая даже господамъ, на собственные свои деньги, нанималъ у займовскихъ мужиковъ тони по четвертаку за штуку, имѣя въ этомъ случаѣ въ виду, что прорвало Пятковскую мельницу — и дѣйствительно: въ три раза было вытащено четыре пуда щукъ, которыя онъ уже своими руками выпотрошилъ и посолилъ на погребѣ, а въ Филиповъ постъ и объявить матушкѣ, что у него рыбы есть и чтобы она не беспокоилась. Теперь онъ шелъ за грибами и тоже больше для господскаго продовольствія. Я сталъ просить его взять меня съ собой. Илья Мосѣичъ насмѣшливо посмотрѣлъ на меня.

— Что въ лѣсу хорошаго взять?.. лѣнья, коренья надо перелезать, нагибаться.. господа любятъ только грибки кушать за столомъ, проговорилъ онъ съ ядовитою улыбкою.

Я однако продолжалъ проситься и почти насильно пошелъ за нимъ. Лалка тоже побѣжала за нами.

Илья Мосѣичъ, подобно Михайлу Евплову, тоже могъ быть названъ безцѣннымъ человѣкомъ для отца и матери: кромѣ ужъ поставленія рыбы и дичи къ столу, онъ овладѣвалъ для нихъ и другими благами природы. Нашъ огромный садъ, который давалъ до 5 тысячъ огурцовъ, до 100 арбузовъ, до 100 дынь, ягодъ разныхъ на нѣсколько пудовъ варенья, былъ рѣшительно его трудами созданъ и подерживаемъ. Мало того, онъ получалъ еще за него гоненье, особенно, когда вѣсной поупросить или понастрацаетъ и заставить дворовыхъ женщинъ полить нѣсколько грядъ.

— Ты, старая кочерга, все въ свое заведенье у меня народъ отводишь!.. закричить бывадо на него отецъ.

Илья Мосѣичъ обыкновенно въ этомъ случаѣ и не оправдывался, а махнетъ только рукой и уйдетъ тамъ у себя за какой-нибудь кустъ или засядетъ въ грядку.

Въ торжественные дни, когда Илья Мосѣичъ призывался быть лакеемъ, и когда вмѣсто заскорбленной хламиды, надѣвалъ свой болѣе новый вердепомовый сертукъ, сшитый все-таки еще по той модѣ, когда наши входили въ Парижъ, онъ съ особенною важностію, какъ-будто бы это была его собственность, подавалъ: во-первыхъ, ерофеичъ, настаиваемый травами его произрастенія, потомъ, квасъ, который всегда заваривалъ онъ, а не поваренокъ, и наконецъ, соленье и особенно зелень. Весьма часто, уставляя закуску, онъ вдругъ, сколько бы тутъ не было гостей, указывая на редиску, замѣчалъ съ внушительною миной: «25 апрѣля снята!»

При такомъ, повидимому, страстномъ усердіи къ господамъ, Илья Мосѣичъ въ тоже время не любилъ ихъ и нисколько ужъ не уважалъ, считая себя безусловно умнѣе ихъ, даже образованнѣе, такъ какъ они хоть и грамотѣ обучены, но читаютъ въ книгахъ все пустяки, а онъ читалъ, все книги умныя, какъ напримѣръ: *о леченіи домашнихъ животныхъ купоросомъ, объ уходѣ за пчелами, о разведеніи свекловичи*. Вступая въ разговоръ съ какимъ-нибудь бариномъ или священникомъ, онъ никогда почти не говорилъ прямо, а по большой части рассказывалъ при этомъ

случаѣ какой-нибудь анекдотъ или давно случившееся происшествіе, изъ котораго уже и выводилъ, что было ему нужно. Своего брата онъ тоже больше презиралъ и нечуждъ былъ посудить о немъ и тоже больше все притчей.

— Оумкино у насъ выгорѣло, говоритъ я, едва поспѣвая за нимъ идти.

— Д-да, Оумкино выгорѣло, Бычиха горѣла, Климцово.. Солдатово.. и много и долго еще будутъ горѣть русскія деревеньки, произнесъ Илья Мосѣичъ какимъ-то пророческимъ тономъ.

Послѣ того мы все поле прошли съ нимъ молча.

— Прежде народъ лучше былъ... умнѣе... мудрецовъ много было!!.. заговорилъ онъ снова, обращая ко мнѣ свое вопро- сительное лице.

— Какіе-же? сказалъ я.

— Да вотъ былъ царь Соломонъ, отвѣчалъ онъ, какъ бы открывая мнѣ новую Америку: разъ приходятъ къ нему двѣ женщины, двѣ бабы-дуры! (Мосѣичъ, не совсѣмъ счастливый въ семейной жизни и болѣе преданный любви къ природѣ, постоянно отзывался о женщинахъ съ несовсѣмъ выгодной для нихъ стороны.) Одна изъ нихъ, по нечаянности, ребенка своего ночью и заспала, а какъ дѣло пришло къ утру, мать и чужая про живаго ребенка говорятъ: «это мой ребенокъ». Царь Соломонъ беретъ сейчасъ свой мечъ: «Хорошо, говоритъ, коли такъ, я разрублю вамъ его на двое».. Мать-то настоящая сейчасъ и откликнулась: «Ай, нѣтъ, нѣтъ! говоритъ, это ея ребенокъ». «Нѣтъ, говоритъ ей царь Соломонъ, онъ твой: ты его жизнь пощадила». Ей сейчасъ отдастъ младенца, а другую велѣлъ посадить въ острогъ и на поселенье... Ну такъ вѣдь тоже не всѣ господа цари Соломоны!!.. заключилъ вдругъ старикъ и внушительно качнулъ мнѣ головой.

Попавшійся на пути намъ соснякъ перемѣнилъ теченіе его мыслей.

— Забѣжать тутъ надо, отварушечекъ для папеньки къ ужину набрать! проговорилъ онъ и скрылся отъ меня.

Я пошелъ по закраинѣ лѣса. Мосѣичъ пропалъ на долго: онъ забрался, вѣроятно, въ самую глушь; каждая благоуш-

ка, каждая спорхнувшая птичка обыкновенно занимали его вниманіе. Я началъ наконецъ аукаться и выкликать его и только ужъ черезъ полчаса сошелся съ нимъ на небольшой открытой полянѣ. У него была почти полная корзина грибовъ, а я всего нашелъ три или четыре гриба.

— Только-то?., мало-же, сказали онъ, кидая ихъ съ пренебреженіемъ въ свое лукошко: кабы вы не барчикъ были, а дворовой мальчишка, васъ бы за это наказали.. и больно.. да еще сказали бы, что вы гдѣ-нибудь въ полѣ, подъ кустомъ, припрятали для батька и матки.

Я слушалъ его, далеко еще не понимая, сколь ядовито онъ для меня говорилъ.

— Господа говорятъ, продолжалъ Мосѣичъ болѣе уже серьезнымъ тономъ (онъ вообще любилъ со мной поговорить и нисколько ужъ не церемонился), говорятъ, что мы другаго рода—Хамова, а они—отъ Авеля. Это такъ, положимъ! Но вѣдь иногда и комаръ лишаетъ жизни Льва — все приставать къ нему будетъ, надъ ухомъ звѣнеть, а убить—то тотъ его не можетъ!.. малъ очень.. увертывается... Левъ терпѣлъ, терпѣлъ и наконецъ самъ себя отъ гнѣва загрызъ; и это не то, что выдумка какая, а настоящее было.

— Это басня, возразилъ было я.

— Нѣтъ, настоящее! повторилъ настойчиво Мосѣичъ: въ Абаховскомъ приходѣ теперь жилъ помѣщикъ по фамиліи Хитрецовъ, еще маненько и сродственникъ вашему дѣдушкѣ. Какъ вотъ въ сказкахъ сказывается о могучемъ змѣѣ горынычѣ или вепрѣ дикомъ, такъ и онъ, пожалуй, былъ, а послѣ того попался же изъ занашего брата...

На послѣднихъ словахъ у Ильи замѣтно появилась въ лицѣ какая-то насмѣшливая радость; я—же съ своей стороны окончательно пересталъ понимать, что такое и къ чему онъ все это говорить.

— Или теперича, Господи ты Боже мой! продолжалъ онъ, пожимая ужъ плечами и пришедши видимо въ экстазъ своего мышленія: иностранцы, вонъ, къ намъ разные, Венгерцы ходятъ съ духами и лекарствами: «русска, говоритъ, человекъ глупъ, не можетъ ничего дѣлать». «Какъ говорю,

пестой, братъ, мусью,» и сейчасъ нарвалъ самыхъ простыхъ цвѣтиковъ и поднесъ ему къ носу. «На-ка, говорю, сдѣлай мнѣ такіе духи; а какъ ты-то носишь, такъ и я сдѣлаю; да не хочу, потому что и землю, и хлѣбъ имѣю, а ты къ намъ съ голоду пришелъ: мы къ вамъ не ходимъ, какъ не зачѣмъ.»

Мосѣичъ, при всемъ своемъ нѣсколько мизантропическомъ взглядѣ на вещи; былъ постоянно большой патріотъ.

Мнѣ между тѣмъ хотѣлось ужъ чаю; я сказалъ ему о томъ.

— Пойдемте! отвѣчать онъ мнѣ нѣсколько насмѣшливо.

— Баре то, подумаешь, началъ онъ послѣ короткаго молчанія, по утру чай пьютъ, кофей, обѣдаютъ... потомъ опять чай, ужинаютъ; а мы то грѣшные ѣдимъ когда попало и что ни попало.

Дорога, ведущая обратно въ усадьбу, открылась передъ нами, извиваясь лентой по зеленѣвшему озимому полю. Лапка тоже откуда-то появившаяся и только что вѣроятно передъ тѣмъ придавившая какого-нибудь зазѣвавшагося зайченка, была съ окровавленнымъ рыломъ и весело начала прыгать около Мосѣича, подскакивать къ его рукѣ, лизать ее.

— Вонъ она, тварь безчувственная! сказалъ онъ, показывая мнѣ ласково на нее; а если теперь ладно къ птицѣ подошла, прибѣй ее, поколоти тутъ, другой разъ она все дѣло истортитъ: и вертѣться станетъ, и бояться, тревожиться... Человѣкъ же и подавно: безъ вины его наказать не на хорошее, а больше на худое направить,—другой съ отчаянности, Богъ знаетъ, что накуралеситъ, какъ и Машка наша теперь!

— А Марью развѣ наказывали? спросилъ я, обрадованный, что разговоръ наконецъ склонился на понятный для меня предметъ.

— Н-ну! произнесъ Илья Мосѣичъ протяжно: рано еще вамъ все знать... молоденьки вы! прибавилъ онъ полушутливо и полунаставнически.

Съ небольшого пригорка, на который мы вскорѣ взошли, намъ кинулось въ глаза довольно уже низко стоявшее солнце. Кверху оно бросало, точно стрѣлы, золотые лучи, а внизу освѣщало сзади деревья нашей березовой рощи, которыя, въ весьма замѣтной перспективѣ, отдѣляясь одно отъ другаго, трепетали въ воздухѣ своими зелеными листочками.

Илья Мосѣичъ нѣсколько времени стоялъ въ умиленіи передъ этой картиной.

— Батюшка—наше солнышко! заговорилъ онъ, качая головой; всѣмъ оно одинаково свѣтитъ, и большому дереву, и малому, и худой травкѣ, и хорошей,—а господа такъ нѣтъ, ой, какъ нѣтъ! Только и любятъ, и уважаютъ, что богатыхъ своихъ подчиненныхъ: они у нихъ умные и честные, и добрые, а спросилъ бы, что такое значитъ богатый мужикъ? Наипервая бестія изъ всѣхъ; потому что гдѣ мужику взять: онъ и барину подай, и въ казну, и въ міръ. А руки то всего двѣ—значить, когда хочешь богатѣть,—плутуй! И если теперь нашъ братъ разбогатѣлъ, развѣ доброе и хорошее онъ станетъ,—жди того: какъ же? пить, да жрать, да... Въ священномъ писаніи именно про мужиковъ, должно быть, сказано, что легче борову свиному пройти въ игольные уши, чѣмъ богатому въ царство небесное, потому что онъ, аки сатана, со всѣми смертными грѣхами путами спутанъ.

Сказавъ это, Илья вдругъ остановился. Мы были почти у самаго тына нашего сада.

— Вы ступайте дорогой, а я вотъ туда по секретнѣй проберусь, а то папенька, пожалуй, увидитъ: «въ эдакое, скажетъ, время, бестія, за грибами ходишь».

Проговора это онъ юркнулъ въ нарочно и вѣроятно издавна уже сдѣланную лазейку, глухо—глухо заросшею всякаго рода зеленью, а потомъ сталъ пробираться по самой темной аллеѣ, нагибаясь и прятаясь за деревья.

«Что это папенька, за чѣмъ бранить Илью? Онъ такой славный,» думалъ я, обходя садъ кругомъ.

Въ воротахъ усадьбы я увидѣлъ, что со двора съѣзжалъ

ис правникъ въ легонькомъ тарантасѣ, на тройкѣ съ росписной дугой, съ колокольцами и бубенцами, съ ухорски развязанными на трокахъ пристяжными, которые своими обремененными мордами только что не хватали земли. Я оробѣлъ и поклонился ему.

— Прощайте, душенька! проговорилъ онъ, дѣлая мнѣ рукой.

Сидѣвшій рядомъ съ нимъ письмоводитель тоже слегка приподнял фуражку и поклонился, но только не глядя на меня. Въ слѣдъ за тарантасомъ ѣхалъ на крестьянской лошади и въ навозной телегѣ Спиридонъ Кутузовъ, еле-еле примостившійся на кое-какъ сдѣланной въ передкѣ бесѣдочкѣ, на которой, занявъ гораздо большее пространство, помѣщался также и сотскій, оборотясь лицомъ къ задѣ. Въ самой телегѣ сидѣли, и врядь-ли не привязанные къ ней, Марья, покрытая, какъ повитая невѣста, съ головы до ногъ въ какую-то крашенину, и Тимофей тоже съ потупленной внизъ головой и въ нахлобученной почти на самые глаза шапкѣ. Въ усадьбѣ было совершенно пусто и только передъ растворенной ужъ кухней, Гришка, огромнымъ топоромъ рубилъ дрова, закусивъ языкъ на правую сторону и каждый разъ прикряхтывая, видимо желая тѣмъ показать, что онъ мастеръ и молодецъ на это дѣло. Я прошелъ черезъ заднее крыльцо въ домъ и засталъ тамъ страшную сцену: отецъ, съ пѣной у рта, ходилъ по комнатѣ.

— Меня обмануть? Меня?.. меня? кричалъ онъ, закидывая голову назадъ и какъ бы вопрошая самый воздухъ.

Матушка, сидѣвшая тутъ же въ гостиной и при всѣхъ его вспышкахъ всегда старавшаяся сохранить присутствіе духа, на этотъ разъ едва владѣла собой.

— Я удивляюсь, какъ ты этого не зналъ... я давно это знала, проговорила было она.

— А ты знала! ты знала! вскричалъ отецъ, подбѣгая ужъ къ ней. Отчего жъ ты мнѣ не сказала?.. отъ чего? прибавилъ онъ, отступая отъ нея на нѣсколько шаговъ и выпрямляясь, точно готовый сейчасъ же произнести ей смерт-

ный приговоръ. А, ты госпожа, помѣщица здѣшняя!.. Ты все можешь знать и всёмъ располагать; а я нищій... голышъ, приведенный сюда такъ... Христа ради, врете! я господинъ всёмъ вамъ: и тебѣ, и твоей челяди!

Матушка пожалала плечами и на глазахъ ея навернулись слезы: это оскорбленіе было самое горькое и обидное для нея.

— Изъ чего ты бѣснуешься, я понять не могу, сказала она.

— Ты не понимаешь—да! Не понимаешь, что я, можетъ, и двухъ его первыхъ сношенокъ погубилъ... и этихъ частныхъ наказывалъ... всегда держалъ его руку... на эшафотъ ихъ теперь возвелъ... какими молитвами отмолить мнѣ у Бога эти мои пригрѣшенія?.. какими?..

— Но вѣдь ты самъ говоришь, что не зналъ этого.

— Что же, я и теперь не знаю!.. Я самъ, своими, глазами видѣлъ ея показанья... онъ ей проходу не давалъ—все адресовался, а что она нѣтъ, такъ билъ ее и сына. Мнѣ и идти теперь—благодарить его: благодарю, батюшка, Михайло Евнлычъ, покорно, что вы развратили всю вашу семью и мнѣ случай въ томъ поспособствовать вамъ дали.

— Его и безъ тебя ужъ Богъ покаралъ, потомъ накажутъ и по закону, по суду, замѣтила кротко матушка.

— А—да!! по закону, по суду, вотъ что! воскликнулъ старикъ съ ожесточеннымъ смѣхомъ. А ты слышала, что исправникъ говорилъ? Слышала? Есть у тебя уши? Такъ нѣтъ-же! врете, я его накажу! я!.. Кирьяна мнѣ!.. Кирьяна!..

Послѣднія слова онъ едва уже выговаривалъ.

Припадокъ гнѣва въ этотъ разъ такъ былъ силенъ въ немъ, что даже матушка встала и ушла отъ него.

— Пошлите къ барину Кирьяна, сказала она, проходя дѣвичью и сколько только могла спокойно горничнымъ дѣвушкамъ.

Тѣ побѣжали.

Я, все время тихонько сидѣвшій въ залѣ, плача и обмирая отъ страха, рѣшительно не зналъ, что мнѣ съ собой дѣлать.

— Кирьяна... Кирьяна! продолжалъ между тѣмъ шептать отецъ, скрежеща зубами и сжимая кулаки.

Черезъ нѣсколько минутъ Кирьянъ, позеленѣвшій отъ страха, стоялъ передъ нимъ.

Отецъ такъ и впился въ него глазами.

— Возьми сейчасъ! заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ, этого Евклова... стащи его за волосы съ печи... кинь его въ телегу и вези за исправникомъ... скажи, чтобъ его на поселенье взялъ... Не надобно мнѣ его... Писать я теперь не могу, послѣ все напишу... послѣ.

Кирьянъ хотѣлъ было поскорѣй убраться.

— Но если же ты его не довезешь, если не отдашь тамъ, я тебе самого убью и растерзаю, закричалъ ужъ на него безумный старикъ и побѣжалъ было за нимъ.

— Помилуйте-съ! сейчасъ все исполню, отвѣчалъ тотъ, едва успѣвая затворить передъ нимъ за собой дверь и потомъ дѣйствительно никто ужъ и не видалъ, какъ онъ собирался, захватилъ съ собой Михайла и уѣхалъ.

Отецъ между тѣмъ возвратился въ гостиную и, тяжело дыша, опустился на диванъ. Несчастные припадки гнѣва всегда кончались для него ужасно; его обыкновенно оставляли одного въ комнатѣ, притворяли въ ней дверь и подавали ему только холодной воды. Все это повторилось и теперь. Мать пересѣла къ дверямъ гостиной, чтобъ прислушиваться, что тамъ будетъ происходить. Я помѣстился около ея колѣнъ и сталъ цѣловать ея руки.

— Для тебя только, другъ мой, и желаю я жить на свѣтѣ, проговорила она, поцѣловавъ меня въ голову и отеревъ катившіяся по ея щекамъ слезы.

Я разрыдался окончательно, такъ что она едва утѣшила и успокоила меня.

Къ вечеру по дому распространился новый ужасъ: исправникъ не принялъ Михайла Евклова, говоря, что онъ старъ идти на поселенье.

— Батюшки! отцы мои! что теперь будетъ? провонила даже старуха Афимья, болѣе всѣхъ привычная къ гнѣву

барина и всегда съ каинь-то стоическимъ спокойствіемъ его переносившая.

Кирьянъ, привезя Михаила Евплова назадъ, не распрягая лошади, убѣждалъ въ лѣсъ, говоря, что онъ и не придетъ, пока баринъ гнѣваться будетъ. Сказать отцу о рѣшеніи исправника осмѣлилась, разумѣется, одна только матушка, но я видѣлъ, чего ей это стоило: вся взволнованная и безпрестанно обращая взоръ на образъ, она нѣсколько разъ подходила къ гостинымъ дверямъ и наконецъ уже вошла. Я бросился за ней и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Что она тамъ сказала, я не слыхалъ; но только отецъ вдругъ поднялся.

— Хорошо, я самъ его упрятаю, сказалъ онъ по наружности спокойнымъ, но въ самомъ дѣлѣ еще болѣе раздраженнымъ голосомъ: велите коляску мнѣ заложить, а мерзавца этого, скажите, чтобы везли за мной въ полуверстѣ.

Матушка безпрекословно исполнила его приказаніе. Часовъ въ 12 ночи онъ уѣхалъ; два дня, пока его не было, она была на себя не похожа, безпрестанно тревожилась и все чего-то ожидала. Наконецъ отецъ возвратился и былъ совсѣмъ ужъ больной. Его прямо привели въ его комнату. Онъ тосковалъ и стоналъ на весь домъ.

— Что, папаша чѣмъ боленъ? спросилъ я мать.

— Обыкновенно, какъ и всегда, мучится и терзается... самъ наказалъ, а теперь и жалѣеть всѣхъ... отвѣчала она.

Съ дѣтской души моей, какъ перестали на нее дѣйствовать непріятныя впечатлѣнія; сейчасъ же все и слетѣло: на другой день я уже спокойнѣйшимъ манеромъ пахалъ сохою собственной работы на Гришкѣ грядку въ саду и что всего удивительнѣе этого малый, лѣтъ почти 18, съ величайшимъ наслажденіемъ игралъ со мной въ эту игру, непременно требуя, чтобы я его взуздалъ, и чѣмъ глубже я упиралъ соху въ землю, тѣмъ старательнѣе и рьянѣе онъ везъ ее. Къ намъ подошелъ Мосѣичъ съ лейкою въ рукѣ.

— Землю пахать самое пріятное для Бога занятіе, сказалъ онъ.

— Приятное? переспросилъ я, очень довольный, что онъ хвалитъ мою выдумку.

— Да!.. и если бы вотъ даже дуракъ этотъ Евпловъ не мытарничалъ, а кормился бы больше, какъ слѣдуетъ мужичку, землицей, не былъ бы тамъ куда угораздился.

— А куда его, дядюшка, баринъ увезъ? Далече-ль? спросилъ ужъ Гришка.

— Далече, въ мѣсто хорошее, сказалъ Илья и скрылся за однимъ изъ куртиновъ.

V.

Начинало темнѣть, когда я въ нынѣшнемъ году подъѣзжалъ къ Оомкину. Рядомъ со мной въ коляскѣ, сидѣлъ прикащикъ мой Семенъ, ужасно конфузясь, ежась, отодвигаясь отъ меня и боясь, кажется, прикоснуться одной точкой своего кафтана ко мнѣ. Измученныя извозничьи лошади легонькой рысцей тащили насъ въ гору.

Я оглядывалъ окрестность, — все было очень знакомо: при въѣздѣ въ село, покачнувшаяся на сторону, и точно отъ сотворенія міра тутъ стоявшая толчея, а по дальше — небольшая площадь, на которой собирался по праздникамъ народъ; въ сторонѣ отъ нея домъ священника нѣсколько побольше и покрасивѣй другихъ, на погостѣ деревянные кресты и единственный каменный памятникъ на могилѣ моего дѣда и наконецъ сама бѣлая церковь. Съ какой-то болью врывались мнѣ въ сердце воспоминанія: мы... мнѣ лѣтъ осьмнадцать... у прихода... день такой, кажется, восхитительный; толпа народа кипитъ предъ храмовыми воротами. Она тоже въ церкви... это можно догадаться по уродливому экипажу и по тройкѣ вятскихъ лошадокъ, стоявшихъ у дома отца діакона. Я иду въ церковь. Сердце мое такъ и рванулось отъ праваго крылоса, около котораго я всталъ, къ лѣвому. Накуренный ладонъ кажется мнѣ величайшимъ благоговѣн-

емъ, иконостасъ великолѣпнымъ, а она, въ бѣломъ платьѣ и бѣлой шляпкѣ, превыше всѣхъ красотъ земныхъ. Но между тѣмъ, что было во всемъ этомъ, и въ ней, и въ самомъ народѣ?.. Ничего, кромѣ моей молодости!.. Хоть бы одинъ день, одинъ часъ того счастья, съ которымъ изживались прежде цѣлые недѣли, мѣсяцы и за это возмите все, что впереди, гдѣ только и мелькають, какъ фури, ниспосланныя вамъ терзать: недуги тѣла, труды и скорби наболѣвшей души вашей и цѣлое море житейскихъ нуждъ и заботъ.

— А что, обратился я къ Семену, будетъ у насъ въ Оминѣ по 6 десятинъ на душу?

— Будетъ, кажись! Послѣ одного снохача теперь земли-съ пустой стоитъ тягомъ на пять.

— Какого это снохача? спросилъ я, смутно припоминая все, что сейчасъ разказалъ.

— Крестьянинъ вашъ бывший, отвѣчалъ Семень; папенька вашъ тогда разгнѣвался на него и продалъ его. Всего за десять рублей ассигнаціями и уступилъ-съ.

— За десять?

— Да-съ, отвѣчалъ Семень и потомъ съ обычной своей скромностью слегка польстилъ мнѣ: вѣдь не такъ, какъ вы-съ—покойникъ, бывало, разсердится, такъ точно разсудку лишился, а послѣ все у нихъ и отойдетъ это.

— Отойдетъ?

— Все-съ! И чѣмъ ужъ они тутъ человѣка ублажить не желаютъ: тогда за Михайла Евплова-то сноху и сына при мнѣ-съ... мальчикомъ я ѣздилъ съ нимъ... давали исправнику, тысячу рублей, чтобы ихъ освободить отъ поселенья. Ну да тотъ тоже не взялся. «Я, губернатору ужъ, говорить, описалъ о томъ.»

— А Михайло Евпловъ кому былъ проданъ? полюбопытствовалъ я.

— Да такъ тутъ въ Зеленцинѣ былъ дворянинишко—самый бѣдный; почестъ что ни самому, ни прислугѣ ѣсть было нечего: Михайла Евплова сталъ ужъ въ пастухи отдавать...

въ семьдесятъ—то лѣтъ за тѣлятами бѣгать... Папенька вашъ жалѣлъ тогда старика: «откуплю, говоритъ, его назадъ, хоть няти сотъ рублей на то не пожалѣю» ну да тотъ померъ тоже не вдолгѣ.

— А за что отецъ такъ разсердился на него? спросилъ я. Семень нѣсколько смѣшался.

— Глуposti разные у себя въ семействѣ заводилъ-съ... отвѣчалъ онъ съ разстановкой: младшая-то сношенка попала въ женщина честная, не захотѣла того.

— А здѣсь это въ заведеніи? замѣтилъ я.

— Есть-съ! отвѣчалъ Семень таинственно.

— Да какъ же они это дѣлаютъ?

— Да кто жъ имъ можетъ въ томъ воспрепятствовать! возразилъ онъ мнѣ съ нѣкоторымъ даже одушевленіемъ: *батъко, родитель* — одно слово, и который особливо теперь по богатѣй, такъ въ дому то словно медвѣдь корезитъ: и на работу посылаетъ, сколько ему надо, и бьетъ, особливо этихъ женщинъ и малолѣтнихъ, чѣмъ ни попало... Ужасные злодѣи и тираны-съ!

Мы въѣхали въ усадьбу. Нѣсколько человекъ дворовыхъ и все больше старики встрѣтили меня. Совсѣмъ спорбленный и почти уже слѣпой Кирьянъ высадилъ однако меня изъ коляски подъ руку. Двѣ женщины, тоже старухи, проговорили: «ну вотъ, батюшка, дождались мы и васъ». Я прошелъ въ домъ, и, увидя отворенный балконъ, не утерпѣлъ и вышелъ на него—посмотрѣть на садъ: онъ точно весь почернѣлъ и совершенно заглохъ по всѣмъ нѣкогда прозрачнымъ и зеленымъ аллеямъ. На куртлинахъ и на лугахъ росла такая дичь—трава, что и взглянуть было гадко. Все это нѣкогда обряжавшій и приводившій въ порядокъ Илья Мосѣвичъ давно уже умеръ и вѣроятно самъ составлялъ какую-нибудь часть той природы, которую такъ любилъ. Сходя съ балкона я прошелся по гостиной, гдѣ сердился отецъ, заглянулъ въ спальню, гдѣ скучала и молилась мать, и наконецъ въ свою темненькую комнату.

Чтобы оторваться отъ этихъ хоть и дорогихъ, но все-таки тяжелыхъ воспоминаній, я велѣлъ себѣ постелю при-

готовить въ залѣ, какъ самой пустой комнатѣ и болѣе похожей на сарай, чѣмъ на жилое мѣсто, но заснулъ только уже утромъ, чувствуя, что руки и ноги у меня холодѣютъ а на лбу выступила холодная испарина. О, еслибы забыть прошедшее и не понимать будущаго, мерещилось мнѣ въ тревожномъ снѣ.

А. ПИСЕМСКІЙ.

27 октября 1861 г.

С.-Петербургъ.

АРМУША.

I.

Петръ Петровичъ Калатырниковъ, генералъ маіоръ въ отставкѣ, владѣтель пятисотъ-душнаго сельца Петровока, человекъ лѣтъ подь пятьдесятъ, высокій, полный, нѣсколько сгорбленный, съ обрюзгшимъ довольно пріятнымъ лицомъ, высокимъ лбомъ, вѣчно улыбающимися сѣрыми глазками, нависшими надъ ними бровями, съ небольшими сѣрыми усами, подстриженными въ уровень, съ верхнею губою, двойнымъ подбородкомъ, съ складкой на шеѣ, съ просѣдью и лысиной на головѣ, съ громкимъ рѣзкимъ повелительнымъ голосомъ и жесткими, угловатыми, отчасти театральными манерами, лѣтъ тридцать тому назадъ нисколько непоходилъ на настоящаго Петра Петровича. Въ то блаженное старое время, онъ былъ худенькимъ, бѣднымъ прапорщикомъ какого-то армейскаго полка, говорилъ тихо, имѣлъ полъ дюжины ровненькихъ рубашекъ, казеннаго денщика, мундиръ, сертукъ, пару сапогъ, да длинный черешневый чубукъ, доставшійся ему по какому то особенному случаю. Объ этомъ славномъ времени много и теперь рассказываетъ Петръ Петровичъ и смѣшнаго и жалкаго, вспоминаетъ о немъ съ теплою любовью, съ слезами радости на глазахъ, какъ иногда взрослый, укрѣ-

пившійся человекъ вспоминаетъ о дняхъ своего младенчества, о старухѣ нянѣкѣ, баюкавшей его въ колыбели. «Меня это время воспитало, научило жить» часто говоритъ онъ съ нѣкоторою гордостью, вонъ нынче, мишура все, роскошь да изнѣженность, всякій ничего не видя въ гениі просится, нѣтъ, ты потришь, огонь и воду пройди, корку чернаго хлѣба погрызи, босикомъ побѣгай, тогда всего достигнешь, все наживешь, до всего дойдешь, заслужишь и почетъ, и уваженіе, а это что, какой тутъ порядокъ, фанзаронство, мода одна! Въ наше время не то... Въ наше время дѣло дѣляли, потомъ и кровью брали; человекъ если служилъ, такъ служилъ, зато и люди выходили, обтертые, выжженные, не чета сморчкамъ нынѣшнимъ!»

Этотъ образъ мыслей Петра Петровича отчасти выражалъ собою всю его служебную карьеру. Сынъ бѣдныхъ родителей, получившій грошевое образованіе, воспитанный подъ розгой, онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, своему собственному терпѣнію. Онъ изъ ничего сотворилъ все. Другой на мѣстѣ Калатырникова, быть можетъ, остался бы вѣчнымъ, ничего не знающимъ, бѣднякомъ, другаго жизнь окончательно бы сдавила, стерла, уничтожила; третій бы сдѣлался съ помощью женитьбы мирнымъ двадцати душнымъ помѣщикомъ; четвертый состарѣлся бы въ маіорскомъ чинѣ, но Петръ Петровичъ махнулъ широко, опередилъ всѣхъ, совершилъ все, что по его мнѣнію человекъ совершить можетъ. Нѣсколько лѣтъ прослужилъ онъ въ полку, былъ ревностнымъ офицеромъ, благоговѣлъ предъ начальниками, не заносился впередъ, не умничалъ, а просто дѣлалъ свое дѣло, да иногда въ свободное время невинно мечталъ о хорошемъ бобровомъ воротникѣ или золотыхъ часахъ; потомъ получилъ какое то выгодное назначеніе, зажилъ очень прилично, не моталъ, не сорилъ деньгами, завелъ лошадь съ дрожками, тамъ, съ помощью какого то благодѣтеля начальника, вышло ему другое мѣсто еще болѣе выгодное, на немъ Петръ Петровичъ сколотилъ порядочную сумму, обернулъ ее очень успѣшно въ какое то предпріятіе, получилъ хорошій барышъ, дешево купилъ деревеньку, отлично ее устроилъ, потомъ занялся какимъ то частнымъ дѣ-

ломъ, услужилъ очень важному лицу, отъ чего въ карманѣ его зазвѣнѣли тысячи, тамъ опять мѣсто, опять новая значительная прибыль, деревенька увеличилась, переименовалась въ село Петровки; въ ней выстроился господскій домъ, большой, каменный; самъ Петръ Петровичъ разтолстѣлъ, сдѣлался солиднѣе, меньше сталъ кланяться, заговорилъ громче, отрывистѣе, пустился въ откупа, и, наконецъ, послѣ двадцатипятилѣтней безпорочной службы, съ независимымъ состояніемъ, гемороемъ и лысиной, вышелъ въ отставку генералъ-майоромъ и сдѣлался очень почтеннымъ, настоящимъ русскимъ барининомъ. Достигъ всего этого Петръ Петровичъ самъ-собою, безъ всякихъ темныхъ путей, совершенно законно, казалось, сама судьба благопріятствовала ему, по крайней мѣрѣ совѣсть никогда не тревожила его, не шептала, что онъ поступилъ криво въ томъ или другомъ случаѣ, кого-нибудь обидѣлъ, обманулъ, ложно воспользовался вѣренною ему властью, Боже сохрани! Напротивъ, Петръ Петровичъ считалъ себя образцемъ честности и высокой нравственности, ставилъ въ примѣръ себя и свое генеральское званіе, училъ другихъ дѣйствовать такъ какъ дѣйствовалъ самъ. Онъ смотрѣлъ на дѣло, на службу, своими собственными глазами, смотрѣлъ такъ какъ научили его смотрѣть время, люди, обстоятельства, и былъ убѣжденъ, что смотрѣлъ прямо. «Это нынче все про взятки кричатъ,» разсуждалъ онъ, «крикуновъ много, въ наше время взяточничества не было, за взятки законъ преслѣдуетъ, былъ бы умъ да стараніе—безъ взятокъ изъ всего выгоду извлечешь; гдѣ благодарность, гдѣ экономія, онм плоды трудовъ твоихъ, ими можетъ сироты сыты, горькая вдовица утѣшена, за нихъ Бога о тебѣ молятъ, не одну свѣчку поставятъ, какія же взятки тутъ... одно утѣшеніе только!...»

Дѣйствительно, Петръ Петровичъ говорилъ правду, онъ много дѣлалъ добра, много помогалъ бѣднымъ роднымъ и знакомымъ, даже и въ то время, когда самъ былъ не вполне обезпеченъ, но это добро онъ дѣлалъ не столько изъ потребности облегчить участь ближняго, сколько изъ желанія похвастатся, блеснуть, заставить бѣдняка быть

*

обязаннымъ, унижаться и раболѣпствовать. Смотрите, дескать, какимъ я человѣкомъ сталъ, саноговъ не имѣлъ, а теперь вотъ благодѣтельствую, только уважайте меня, всюду кричите обо мнѣ. Изъ этого стремленія видѣть вокругъ себя людей ему совершенно обязанныхъ, Петръ Петровичъ, еще въ половинѣ своей служебной карьеры, женился на дѣвушкѣ совершенно бѣдной, загнанной, во всемъ ему послушной. Онъ любилъ жену, горько плакалъ, когда она послѣ десятилѣтней супружеской жизни отдала Богу душу, но любилъ по-своему, какъ свою собственность, какъ нѣчто исключительно ему принадлежащее, имъ существующее, какъ любятъ хорошую собаку, лошадь или халатъ, къ которому привыкаешь, въ которомъ такъ тепло и пріятно. Онъ, напримѣръ, ничего не жалѣлъ для жены, безпрестанно дарилъ, прекрасно одѣвалъ, иногда глядѣлъ ей въ глаза, чтобъ угадать малѣйшее ее желаніе; требовалъ чтобъ ее всѣ уважали, но никогда не ставилъ себя наравнѣ съ нею. Онъ смотрѣлъ на жену какъ на вѣрнаго слугу, которому за долгую службу позволено цѣловать барскую руку, повторять барскія мысли, величать: *вы, Петръ Петровичъ*, дѣлать все то, что не запрещено, исполнять все, что прикажутъ. Неизвѣстно, что бы произошло, еслибъ эта жена, какъ женщина, вздумала заявить права свои, чья бы сторона верхъ одержала, Богъ знаетъ; достовѣрно только то, что покойная супруга, даже во всѣхъ частяхъ своего туалета, должна была совершенно придерживаться непогрѣпимаго вкуса Петра Петровича. Она была какимъ то нѣмымъ, немолчимъ отраженіемъ мужа. Онъ во всемъ указывалъ ей, не изъ желанія обидѣть, Боже сохрани, а просто по чувству собственнаго достоинства, изъ того искренняго убѣжденія, что женщину нужно учить, что она ниже мужчины, что у нея волосъ дологъ, а умъ коротокъ. Точно также держалъ себя Петръ Петровичъ въ отношеніи родныхъ и знакомыхъ, равныхъ себѣ онъ не терпѣлъ, да и не зналъ ихъ, для низшихъ хотѣлъ быть главой, законодателемъ; ненавидѣлъ неподдававшихся и особенно награвдалъ и поощрялъ тѣхъ, которые льстили ему, восторжались имъ какъ чѣмъ то сверхъ-естественнымъ.

«Далекій человекъ, всеобъемлюшій, до всего своимъ умомъ дошелъ, экое состояніе пріобрѣлъ», говорили съ восторгомъ нѣкоторыя старушки и пользовались за эти слова милостивымъ вниманіемъ Петра Петровича. Съ подчиненными Калатырниковъ обращался неприступно гордо, съ полнымъ начальническимъ великолѣпіемъ, рѣдкимъ изъ нихъ протягивалъ два пальца руки своей; остальнымъ только головой кивалъ, да и то не всегда, а когда былъ въ духѣ, даже голосъ его звучалъ въ этомъ случаѣ какъ то протяжно, на-распѣвъ. О слугахъ и говорить нечего, они должны были понимать каждый взглядъ барина, каждое движеніе бровей его. Эта видимая суровость не вытекала изъ души Петра Петровича, не была ее неотъемлемымъ достояніемъ, напротивъ, онъ имѣлъ характеръ довольно мягкій, даже слезливый, онъ только нетерпѣлъ никакого либерализма, никакого противодѣйствія своей безграничной волѣ и считалъ необходимою притворяться предъ самимъ-собою, былъ убѣжденъ, что въ его чинѣ, съ его богатствомъ онъ долженъ казаться важнымъ, гордымъ, иногда неприступнымъ. Онъ все готовъ былъ простить человекъ, заявившему передъ нимъ свое безсиліе и ничтожество. Передъ лицами сильными, начальствующими, Петръ Петровичъ не то чтобъ унижался, онъ только обращался въ безсловеснаго исполнителя ихъ воли, былъ отраженіемъ ихъ духа; сильное лицо смѣялось—Петръ Петровичъ почтительно улыбался, сильное лицо извергало громъ и молнію—Петръ Петровичъ хмурился, наклонялъ голову и ждалъ разсѣянія непогоды. Впрочемъ Калатырниковъ съ такимъ тактомъ держалъ себя, такъ искусно обдѣлывалъ всѣ дѣла, такъ ловко сводилъ концы съ концами, что всѣ начальники обращались съ нимъ чрезвычайно дружественно, нѣкоторые въ знакъ особеннаго вниманія говорили ему *ты*; если и случались невзгоды, то очень рѣдко, въ видѣ исключенія. Вскорѣ послѣ смерти жены Петръ Петровичъ вышелъ въ отставку, оставилъ Петербургъ и уѣхалъ въ благопріобрѣтенное имѣніе, сельцо Петровки.

•Пора, послужилъ, все совершилъ, больше ничего не хочу, говорилъ онъ, прощаясь съ родными и знакомыми, нужно и честь знать, другимъ дорогу очистить, отдохнуть, хо-

зайство устроить. Жениться надо, отвѣчали тронутые до слезъ родственники... А надо, такъ и женюсь, на все воля Божья... Все отъ Бога, повторялъ Петръ Петровичъ.

Пріѣздъ въ деревню былъ для Калатырникова какимъ то триумфальнымъ шествіемъ; управляющему и старостамъ заранѣе отдано было приказаніе устроить парадную встрѣчу. Впереди шли дѣвки и бабы въ красныхъ праздничныхъ сарафанахъ, за ними дворовые люди въ сѣрыхъ зипунахъ, потомъ дворовые люди въ ливреяхъ, сзади ихъ слѣдовалъ, въ отставномъ генеральскомъ мундирѣ, самъ Петръ Петровичъ, въ дормезѣ, запряженномъ шестеркою лошадей; около него толпились, хватались за колеса, карабкались на запятки и козла деревенскіе мальчишки, за дормезомъ валила гурьба мужиковъ, также въ праздничныхъ кафтанахъ. У подъѣзда барскаго дома стояли управляющій и старосты съ хлѣбомъ-солью, священникъ въ ризѣ съ крестомъ и святою водою. Петръ Петровичъ вылѣзъ изъ экипажа, приложился къ кресту, принялъ хлѣбъ-соль, хотѣлъ войти на крыльцо, но толпа мужиковъ и бабъ загородила ему дорогу, нѣкоторые изъ нихъ бросались въ ноги, другіе цѣловали его руки, полы платья. Калатырниковъ прослезился, хотѣлъ что то сказать но не могъ, и приказалъ всей деревнѣ гулять трое сутокъ. Затѣмъ онъ удалился во внутрь дома, призвалъ къ себѣ управляющаго и выборныхъ, и долго съ ними бесѣдовалъ. Нѣсколько дней спустя въ Петровкахъ былъ большой обѣдъ; къ нему съѣхались всѣ помѣщики на сорокъ верстъ въ округности; такъ Калатырниковъ знакомился съ сосѣдями, давалъ знать о своемъ барствѣ и карманѣ всему уѣзду. Наконецъ пиры миновались, крестьяне послѣ продолжительнаго питья стали опохмѣляться, баринъ приказалъ работать и самъ принялся за дѣло. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на наружный порядокъ въ имѣніи, завелъ главнаго управителя, приставилъ къ нему помощника, учредилъ контору для разбора крестьянскихъ дѣлъ, далъ мѣсто въ ней какому то отставному чиновнику и назвалъ его управляющимъ конторой. Для собственной особы Петра Петровича въ конторѣ былъ поставленъ отдѣльный столъ, покрытый краснымъ сукномъ и старинное вызолоченное кресло; для лич-

наго объясненія крестьянъ съ бариномъ назначены были особые докладные дни; для больныхъ устроена больница, къ ней выписанъ лекаръ изъ уѣднаго города; всѣ дворовые получили разныя названія, смотря по роду занятій cadaго, такъ наприимѣръ явились: главный камердинеръ, просто камердинеръ, метрдотель, поваръ, поваренокъ, буфетчикъ, подбуфетчикъ, конюшій, курьеръ, докладчики, были даже какіе то подлакейченки: такъ назывались два мальчика, одѣтые въ безобразныя гороховыя куртки и дежурившіе на главномъ подъѣздѣ. Наглухо заколоченныя до сихъ поръ комнаты растворились, обчистились и также получили разныя названія: большой залы, маленькой, залы пріемной, просительской, большой столовой, и такъ далѣе. На случай прибытія гостей имѣлся особый флигель. Садъ передъ домомъ расцвѣлъ, украсился всевозможными цвѣтами, дорожки расчистились, на двухъ наружныхъ углахъ его были поставлены двѣ пушки; садовый заборъ, другой заборъ на барскомъ дворѣ, ворота, калитки, тумбы, перила на мостахъ выкрасились полосками черной, красной и бѣлой, на тотъ манеръ, какъ красятъ верстовые столбы; на самомъ домѣ запестрѣлъ флагъ съ гербомъ хозяина; скотный дворъ, конюшни, сарай, амбары, кладовыя, словомъ, всѣ хозяйственныя учрежденія украсились соотвѣтственными приличными вывѣсками. Порядокъ завелся самый строгій, самый педантическій, каждая вещь заняла надлежащее мѣсто, каждый человекъ неминуемо обязывался исполнять возложенное на него занятіе, каждый листокъ распускался по указанію, каждая курица казалась такою прибранною, выглаженною. Даже дворовыя собаки, и тѣ получили предписаніе—когда обѣдать и ужинать, когда быть на цѣпи и когда быть спущенными. Пестръ Петровичъ окинулъ довольнымъ окомъ дѣло рукъ своихъ, вздохнулъ легко, свободно, и заложилъ каменную церковь. Потомъ онъ принялся за учрежденія, клонящіяся къ увеличенію его матеріальнаго благосостоянія, устроилъ винокуренный заводъ, фабрику, какую то паровую мельницу, образцовую ферму, завелъ различныя машины, выписалъ изъ за границы опытнаго механика, увеличилъ количество пахатной земли, старался улучшить земледѣліе: однимъ словомъ, го-

да черезъ два, три, послѣ приѣзда барина, Петровка нехъ было узнать. Все приняло лучшій обновленный видъ: крестьяне раздобрѣли, избы были большія, бѣлыя, крѣпкія; дороги, мосты исправились, въ самомъ селѣ возвысилась каменная церковь, господскій садъ разросся, раскинулся на значительное пространство, все бросалось въ глаза, все дышало изобиліемъ, смотрѣло широко, размашисто, и несмотря на все это, крестьяне дворовые, мужики, бабы, даже дѣти, всѣ ходили поңуривъ голову, во взглядахъ ихъ проглядывала какая то дикая запуганность, всѣ они точно были стѣснены чѣмъ то, казалось, эти армяки, синіе суконные кафтаны, яркіе сарафаны давили имъ грудь, стѣсняли движенія, не позволяли дышать ровно, покойно...

Чего не доставало имъ, Богъ знаетъ! Мѣстоположеніе прекрасное; рѣка, густыя рощи, изобильные огороды, пашни, луга, все подъ руками, всего вдоволь, рай да и только, изъ этого рая кажется не вышелъ бы.

Зато Петръ Петровичъ былъ совершенно доволенъ, счастливъ, нечего ему желать больше, онъ совершилъ все; молва о немъ прогремѣла по всей губерніи, предъ нимъ все преклоняется, все трепещетъ, все удивляется, ему все удается.

Встанетъ онъ рано утромъ, надѣнетъ желтый нанковый сертукъ, такіе же шаравары, военную фуражку съ краснымъ околышкомъ, (отличительный знакъ его прежняго званія), возьметъ въ руки суковатую палку, сядетъ на бѣговыя дрожки, сзади себя приткнетъ кучеренка съ павлинымъ перомъ на шляпѣ, отправится на заводъ, на мельницы, на лѣсопилню, потолкуетъ съ тѣмъ и другимъ, осмотритъ то, другое, третье, кого выбранить, кому ласковое слово скажетъ. Вечеромъ сче-ты, бумаги, проекты, письменныя дѣла, и только при закатѣ солнца выйдетъ хозяинъ въ садъ на террасу, выйдетъ съ трубкою въ зубахъ, и долго любитъ, наслаждается, глядя на свое приобрѣтеніе, на труды рукъ своихъ.

А любоваться дѣйствительно было чѣмъ.

Противъ самаго дома, верстахъ въ трехъ разстояніи, на вершинѣ пологого холма чернѣлась деревня, отъ нея во всѣ

стороны какими-то фантастическими узорами, словно по кан-
вѣ вышитыми, спускались зеленые сады и огороды; надъ
ними раскинувшись на необозраемое пространство, вправо и
влѣво, переливалась сотнями оттѣнковъ золотистая рожь,
ее окаймляла широкая извилистая дорога, вѣтвь ея пошла
вверхъ, перерѣзала и рожь, и огороды, коснулась деревни и
пропала вдали; за дорогой лугъ ровный, бархатный, какъ
будто ни чья нога не касалась его, и все это падало, ска-
тывалось, казалось уходило въ землю, только крылья мель-
ницы торчали на зеленомъ луговомъ фонѣ, да шумъ падаю-
щей воды эхомъ перекатывался по воздуху. Ближе къ дому,
внизу, какъ будто подъ ногами его, разстиралась вершина
соснового парка и рѣзкою чертою отдѣлилась отъ противо-
положнаго свѣтлаго луга, вправо отъ парка на его темномъ
фонѣ бѣлѣла колокольня сельской церкви, кругомъ ея шу-
мѣлъ молодой березовый лѣсокъ, отъ него тянулась широкая
аллея, усаженная густымъ тополемъ, влѣво шелъ цѣлый рядъ
разныхъ хозяйственныхъ построекъ, и аллея, и постройки
постепенно поднимались и, наконецъ, окончательно вскараб-
кавшись на верхъ, отлогою дугою шли къ барскому дому и
казалось обнимали широкой цвѣточный коверъ, разостланый
передъ его террасой.

Часто Петръ Петровичъ сходилъ съ террасы, ступалъ
по этому душистому, пестрому ковру, спускался по земля-
нымъ ступенямъ къ сосновому парку, скрывался въ глубь
его и, дойдя до противоположнаго края, останавливался, по-
тому что дальше идти не было возможности; мѣстность здѣсь
вдругъ обрывалась и отвѣсною, изрытою стѣной висѣла надъ
извилистой рѣкой, разбросанные по берегамъ ея сараи каза-
лись черными точками; лѣвѣ ихъ рѣку перерѣзала плотина,
съ одной ея стороны образовалось цѣлое озеро, съ другой
шумѣлъ водонадъ, отъ него летѣли брызги и брилліантами
разсыпались на воздухъ. При взглядѣ на это необозримое
пространство, на это безконечное прозрачно-голубое небо,
тамъ, гдѣ-то далеко сливающееся съ землею, духъ захватывало,
душѣ становилось тѣсно въ тѣлѣ человѣческомъ, она проси-
лась въ эту бездну роднаго простора, бездну заманчивой воли.

Однажды, въ теплый, душистый, лѣтній вечеръ, въ такой

вечеръ, когда никакая серьезная мысль не шевельнется въ умѣ человѣчелскомъ, когда смотришь на все радостно, симпатично, Петръ Петровичъ, за маленькимъ столикомъ со стаканомъ чая, развалился въ старинномъ вольтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ на террасѣ. Голова его лѣниво опрокинулась на спинку кресла, прищуренные глаза смотрѣли въ даль, ноги были вытянуты, на нихъ болтались шитыя золотомъ остроконечныя туфли, правая рука держала длинный черешневый чубукъ съ большимъ янтарнымъ муштуконъ, лѣвая висѣла на воздухѣ; небрежно надѣтый, темный шелковый халатъ распахнулся, растегнутый воротъ рубашки обнажилъ поросшую волосами грудь.

Противъ хозяина, въ почтительномъ отъ него разстояніи, на кончикѣ легкаго плетенаго стула, сидѣлъ, поджавши подъ себя ноги, худенькій, маленькій человекъ съ сережкой въ правомъ ухѣ, съ клочками совершенно сѣдыхъ волосъ на вискахъ и затылкѣ, съ старымъ, сморщеннымъ, красноватымъ лицомъ, окаймленнымъ сѣрою небритою бородою, съ какимъ то залуганнымъ, подобострастнымъ выраженіемъ во всей физиономіи. Онъ сидѣлъ выпрямившись, придерживаясь руками за стулъ, какъ будто бы вдругъ соскочить собирался; остроконечная голова его безпрестанно ворочалась, на губахъ мелькала какая-то печальная, вынужденная улыбка, — маленькіе глаза слезились, моргалп и почтительно смотрѣли то на халатъ Петра Петровича, то на его туфли и дымящуюся трубку. На немъ былъ односторонній, сѣрый нанковый казакинъ на глухо застегнутый, въ одной его петлѣ болталась полинялая владимірская ленточка, шея была обмотана такимъ большимъ, чернымъ шелковымъ, порывѣлымъ платкомъ, что въ него уходила половина подбородка и вся голова ворочалась точно въ лошадиномъ хомутѣ, казалось, она могла смотря по надобности или вся спрятаться въ галстухъ, или выглянуть оттуда на свѣтъ Божій. Узенькіе, одинаковаго цвѣта съ сертукомъ, брюки поднялись и сморщились на колѣнахъ. Въ дверяхъ, съ серебрянымъ подносомъ подъ мышкой, въ какомъ-то безобразномъ, желтомъ, засаленномъ аркаѣ, съ грязными нитяными перчатками на рукахъ, съ жирнымъ, доснящимся лицомъ, тупо оставивъ безжизненные гла-

за на барина, стоялъ одинъ изъ членовъ его огромной прислуги.

Молчаніе долго не нарушалось. Петръ Петровичъ зѣвалъ, хрипѣлъ, смотрѣлъ въ даль, лѣниво тянулъ изъ трубки, лѣниво прихлебывалъ чай изъ стакана.

Человѣкъ въ казакинѣ ворочалъ голову и моргалъ глазами.

Лакей въ дверяхъ стоялъ вытянувшись въ струнку и внимательно слѣдилъ за каждымъ барскимъ глоткомъ и движеніемъ.

Прошло съ четверть часа. Петръ Петровичъ повернулъ голову и вытянулъ правую руку. Подскочившій лакей взялъ чубукъ, поставилъ стаканъ на поднось, остановился было снова въ дверяхъ, но по вторичному движенію барской брови поспѣшно удалился. Господинъ въ казакинѣ, приложилъ руку ко рту, отвернулся въ сторону и тихонько кашлянулъ. Петръ Петровичъ громко высморкался, потянулся и продолжительно зѣвнулъ.

— Ну что, Серга Матвѣичъ, какъ живется, что въ мірѣ новаго дѣлается, сказывай, повелительно произнесъ онъ обращаясь къ гостю и величаво запахиваясь полами халата.

Господинъ въ казакинѣ вторично кашлянулъ. Его звали Сергѣемъ, но Калатырниковъ въ шутку называлъ его не иначе какъ Сергой Матвѣичемъ.

— Что новаго, ваше превосходительство, отвѣтилъ онъ тоненькимъ, дребезжащимъ голосомъ, такъ какъ будто кто выкалывалъ изъ него звуки, — поучительнаго, стоящаго вашего благосклоннаго вниманія ничего нѣтъ, все мелочь одна, пустота!.. У Ивана Семеныча лошадь украли, сѣрую лошадь, хорошую, въ пристяжкѣ ходила, прошедшей зимой онъ сто серебра за нее далъ, а теперь, что будущее дѣлать, украли, на все воля Господня... цыгане украли.

— Цыгане! неопредѣленно повторилъ генераль.

— Такъ точно-съ, цыгане, ваше превосходительство, воры они большіе. У Татьяны Андревны мальчишка родился; полагать надо, вашу честь крестить будутъ звать.

— Крестить?

— Крестить, ваше превосходительство, думать такъ на-

до... потому, былъ я это у нихъ какъ молитву давали, въ вашу честь Петромъ назвали, — хорошо бы, говорятъ, еслибъ его превосходительство не отказалъ въ счастіи воспріемникомъ быть.

— Какъ же отказать, въ христіанской обязанности никогда не откажу, — грѣхъ! Пусть просятъ! возразилъ Петръ Петровичъ и самодовольно улыбнулся. Что въ уѣздѣ про меня говорятъ? вопросительно добавилъ онъ.

Сергѣй Матвѣичъ нѣсколько замялся.

— Какъ доложить, ваше превосходительство, непристойнаго чего и злой языкъ про вашу честь не осмѣлится выговорить, во всемъ какъ есть добродѣтель одна, страны украшеніе!.. Ихъ превосходительство говорятъ человѣкъ высокій, недосыгаемый, неприступный, орелъ!

Петръ Петровичъ принужденно засмѣялся.

— Вздоръ, произнесъ онъ, нѣсколько нахмуривъ брови, орелъ! Неприступный! Я всякому готовъ протянуть руку, помочь, посовѣтовать, мнѣ все равно—бѣденъ-ли, богатъ-ли, кто уважаетъ меня, того и я уважаю; какъ неприступный! вотъ ты со мной сидишь, разговариваешь какъ съ равнымъ.

Сергѣй Матвѣичъ чуть было не вскочилъ, во взглядѣ его выразилось нѣкоторое безпокойство.

— И я покровительствую тебѣ, люблю тебя, продолжалъ Петръ Петровичъ, мнѣ все равно, что ты нищій, или регистраторъ въ отставкѣ, я на это плевать хотѣлъ... Вздумается—озолочу, нѣтъ—вонъ выгоню, могу выгнать, я хозяинъ здѣсь, добавилъ онъ довольно рѣзко.

Сергѣй Матвѣичъ вздрогнулъ и вторично чуть было не вскочилъ со стула.

— Неприступный, орелъ, орелъ!.. повторялъ Петръ Петровичъ, какъ будто въ негодованіи, но въ дѣйствительности очень довольный этимъ сравненіемъ; вздоръ, совершенный вздоръ. А ты что отвѣтилъ, а? спросилъ онъ.

Гость снова замялся и заморгалъ глазами,

— Что про благодѣтеля отвѣтить, ваше превосходительство, помощникъ и покровитель бысть!.. И въ рай, и въ муку всюду за благодѣтеля пойду! Онъ утеръ кулакомъ выкатившуюся слезу.

Петръ Петровичъ вопросительно взглянулъ на него.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ участіемъ.

— Виновать, ваше превосходительство, вспомнилось...

— Что вспомнилось?.. Развѣ недоволенъ чѣмъ?

Гость горько улыбнулся.

— Чѣмъ я могу недовольнымъ быть,.. Во снѣ такого житья не видалъ... не стою его.

— Ну!

— Виновать, ваше превосходительство, вспомнилось. Вашей милости въ могилѣ не забуду.

Петръ Петровичъ нахмурилъ брови.

— Серга Матвѣичъ, говори толкомъ, я не люблю этого, довольно грозно произнесъ онъ.

Старикъ повернулся на стулѣ.

— Люди, ваше превосходительство, люди, съ трудомъ выговорилъ онъ, стараясь придать голосу своему твердость; сами изводите знать, отцу трудно... Отецъ все же... а людей злость беретъ,.. зависть,.. шлетни распускають,.. всякое невинное дѣло опозорять! глухо dokonчилъ онъ.

Петръ Петровичъ поднялъ голову и выпрямился.

— Какія шлетни? Какое невинное дѣло? спросилъ онъ, стараясь казаться хладнокровнѣе.

— Помилосердуйте ваше превосходительство, я ни въ чемъ... вспомнилось только, Аринушка, ваше превосходительство! съ трудомъ выговорилъ Сергѣй Матвѣичъ и глаза его вдругъ наполнились слезами.

— Что Аринушка?

— Аринушка, ваше превосходительство! повторилъ гость и заплакалъ.

Петръ Петровичъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Послушай, Сергѣй Матвѣичъ, если хочешь говорить, не рюмь, я этихъ бабыхъ слезъ терпѣть не могу!.. Ну!..

Старикъ быстро утеръ глаза.

— Простите, ваше превосходительство, помилосердуйте, чувство такое, дурацкое, прошепталъ онъ и опустилъ голову..

— Ну что, Аринушка?

Сергѣй Матвѣичъ какъ бы опомнился и тяжело вздохнулъ.

— Ничего, ваше превосходительство, сами изволите знать, продолжалъ онъ, стараясь быть по возможности твердымъ, дѣвушка она ничтожная, грязь суцая, сирота, а все же воспитана богобоязненно... сидитъ въ своей горенкѣ никого не видитъ, никого не трогаетъ, въ одиночествѣ все... ваше превосходительство наемни добрымъ словомъ ее пожаловали, дали ручку поцѣловать, по головкѣ погладили, какъ ребенка похвалили то-есть, а отцовское сердце и радуется, отцу любо!—Онъ остановился.

— Ну!

— Людямъ злость, людьми бѣсъ руководить, все нечистымъ показывается... Ты, говорятъ, такой-сякой развратникъ старый, дочь выростилъ, продаешь теперь, на продажу выростилъ! заключилъ онъ почти шопотомъ, трясаясь какъ въ лихорадкѣ.

Калатырниковъ вытаращилъ глаза, губы его посинѣли и судорожно вытянулись, руки тряслись.

— Кому продаешь? спросилъ онъ сдержаннымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Стало быть, вашему превосходительству продаю, едва слышно прошепталъ Сергѣй Матвѣичъ и, казалось, самъ испугался словъ своихъ, по крайней мѣрѣ тихонько всталъ со стула, отошелъ въ сторону, взявъ картузъ, облокотился о колонну и съ какимъ-то трепетнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на Петра Петровича.

Послѣдній нѣсколько поблѣднѣлъ, глаза его сверкали, волосы на головѣ торчали, минуты двѣ-три онъ не могъ двинуться съ мѣста, наконецъ всталъ, очень близко подошелъ къ гостю и судорожно стиснулъ его руку.

— Кто говорилъ, кто, назови мнѣ этого подлеца! Назови! Я знать хочу, грозно требовалъ онъ, стараясь говорить тише, отчего голосъ его выходилъ какимъ-то шипящимъ.

Бѣдный Сергѣй Матвѣичъ окончательно струсилъ.

— Смилуйтесь, ваше превосходительство, смилуйтесь, дѣвчонка глупая, ничтожная, вниманія не стоитъ... смилуйтесь,

ваше превосходительство... твердилъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Дуракъ! крикнулъ Петръ Петровичъ, смиловаться! дочь порочать... Торгуютъ именемъ честной дѣвушки... Меня негодяемъ оглашаютъ, меня, дожившаго до сѣдыхъ волосъ, заслужившаго вездѣ уваженіе; и вдругъ здѣсь въ этой грязи, въ трущобѣ, какая нибудь мелюзга, гадина, осмѣливается распускать гнусную сплетню, выводить подлую ложь, чернить, позорить мое безпорочное, ничѣмъ не запятнанное имя... Что я такое, дрянъ, чиновничиска изъ приказа, свистунъ, семинаристъ?.. Онъ остановился и перевелъ духъ. Я ихъ раздавить могу! Я ихъ научу завидовать, я имъ покажу что я значу я... я!.. Какой ты отецъ, дуракъ, пошлый дуракъ! заключилъ онъ, отнявъ свою руку, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по террасѣ.

Сергѣй Матвѣичъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, онъ стоялъ блѣдный какъ смерть и шевелилъ губами.

Петръ Петровичъ снова остановился противъ него.

— Что ты сказалъ этимъ негодяямъ, продолжалъ онъ, заглушая одни слова другими, что сказалъ, что?.. Какъ оправдалъ меня?.. дочь свою?.. вѣдь ты зналъ что это ложь, клевета, мерзость!..

— Виноватъ, ваше превосходительство, зналъ, все зналъ! плачевнымъ, дрожащимъ голосомъ пробормоталъ Сергѣй Матвѣичъ.

— Старый дуракъ! снова крикнулъ Петръ Петровичъ, пожалъ плечами, плюнулъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но только нетерпѣливо махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

Сергѣй Матвѣичъ тотчасъ воспользовался его отсутствіемъ, шмыгнувъ съ лѣсницы, задѣлъ ногою за горшокъ съ цвѣтами, уронилъ его и почти бѣгомъ отправился во-свои.

Калатырниковъ долго не могъ успокоиться, все лице его судорожно подергивалось, онъ выславъ торчащихъ у дверей лакеевъ, прогналъ камердинера, подошедшаго къ нему съ какимъ-то вопросомъ, выпилъ нѣсколько стакановъ воды и долго ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, кабинету и гостиной. Голова его была опущена внизъ, брови нахму-

рились, уста что-то бормотали, порой онъ останавливался, теръ руками лобъ, ерошилъ волосы.

— Подлость... зависть проклятая, зависть, повторялъ онъ самъ съ собою; какъ наказать?.. какъ?.. обругать?.. мало!.. какъ молчать заставить, доказать свою волю?.. озолочу, облагодѣтельствую, пусть трещать, трещите проклятые, мое добро, что хочу то и дѣлаю, сожгу, если нужно; свиңью на диванъ посажу и той поклонитесь, болтуны, языки мерзкіе, меня на свой ладъ передѣлать, испугать хотите; замолчите, подавитесь!.. Въѣмъ надѣлю, замужъ выдамъ!.. Онъ вдругъ остновился какъ вкопанный. Что жъ скажутъ?.. скажутъ, любовницей была, потому и надѣлилъ... Черти! вамъ нужно ротъ замазать, чтобъ пикнуть никто не смѣлъ. Все равно! Зажму, зажму! продолжалъ онъ съ разстановкой, какъ бы что обдумывалъ; кто мѣшаетъ, никто, что отецъ!.. отецъ вдоръ, я царь самъ себѣ, царь своей воли!

Онъ прошелся еще разъ взадъ и впередъ по комнатамъ.—Что взяли? Что? произнесъ онъ торжественно и вдругъ засмѣялся, только лице его было менѣе угрюмо, оно даже какъ-то ядовито улыбалось, казалось онъ на что-то рѣшился, мысленно побѣдилъ этихъ мелкихъ завистниковъ, выдумалъ имъ наказаніе и заранѣе наслаждался его поражающимъ эффектомъ.

Во снѣ ему мерещилась какая-то дѣвушка, ласкаетъ она его, руки цѣлуетъ, благодѣтелемъ называетъ, а сосѣди помѣщики какъ шмели вьются около нея, ползаютъ передъ ней, сплетничаютъ, завидуютъ, выдаютъ другъ-друга, умоляютъ о помилованіи.

На другой день утромъ, какъ только проснулся Петръ Петровичъ, тотчасъ-же приказалъ позвать къ себѣ Сергѣя Матвѣевича. Послѣдній скоро явился. Лице его выражало полное безпокойство, брови двигались, глаза жалобно смотрѣли на генерала. Онъ было остановился въ дверяхъ, но получивъ приказаніе садиться, проворно опустился на стулъ.

Петръ Петровичъ долго ходилъ, съ озабоченнымъ видомъ, скрестивъ руки на груди, взадъ и впередъ по кабинету, какъ будто приготовлялся къ чему-то; Сергѣй Матвѣичъ ворочалъ въ комутѣ голову и изъ подлобья поворачи-

валъ то на него, то на двери; наконецъ первый остановился противъ послѣдняго.

— Серга Матвѣичъ! торжественно произнесъ онъ, отвѣчай мнѣ на мои вопросы, прямо, чистосердечно, безъ запинокъ, положи руку на сердце, такъ какъ бы ты исповѣдывался милосердому Богу, какъ бы говорилъ съ пастыремъ церкви.

Петръ Петровичъ въ важныхъ случаяхъ любилъ выражаться цвѣтисто.

— Во первыхъ, я знаю, что ты не осмѣлишься лгать мнѣ; но нѣтъ ли здѣсь какого недоразумѣнія... быть можетъ, ты не совсѣмъ понялъ то, что изволилъ сообщить вчера?

— Все понялъ, ваше превосходительство, нельзя не понять, а только не губите, ваше превосходительство, дѣло такое!.. тихо опустивъ голову, отвѣтилъ Сергѣй Матвѣичъ, привсталъ и низко поклонился.

— Молчи!.. и все было именно такъ, какъ ты вчера докладывалъ, т. е. тебя попрекали, что ты продаешь родную дочь свою Аринушку мнѣ старому развратнику, генерал-майору въ отставкѣ, Петру Петровичу Калатыринкову?

— Такъ точно, ваше превосходительство; но *старому развратнику* не говорили, кто осмѣлится можетъ, а просто Петру Петровичу говорятъ...

— Кто именно упрекалъ тебя?

— Всѣ, ваше превосходительство, ей Богу всѣ; ты, говорятъ, чужой хлѣбъ ѣшь, мало тебѣ... дочерью торговать вздумалъ!.. Бубеницынъ тутъ былъ, Иванъ Афонасиичъ былъ; Анна Петровна съ дочкой, Константинъ Семеновичъ изъ подъ Залѣсія прѣхавши были, тоже братецъ Константина Семеновича, Семенъ Семенычъ, всѣ были.

Петръ Петровичъ нахмурилъ брови и снова сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Ты дворянинъ? вдругъ спросилъ онъ? вторично остановившись передъ гостемъ.

Послѣдній поднялъ голову. — Какъ знать изволите! Дворянинъ, отвѣтилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Петръ Петровичъ очень хорошо зналъ всю родословную Сергѣя Матвѣича и Богъ знаетъ почему вздумалъ объ ней

распрашивать.—Въ гражданской службѣ служилъ? продолжалъ онъ, съ чиномъ губернскаго Секретаря въ отставку уволенъ, такъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, въ 37-мъ году уволенъ, въ уѣздномъ судѣ служилъ, и теперь тамъ товарищи есть, помнить меня.

— А жена дворянка была?

Сергѣй Матвѣичъ недоумѣвалъ и выпуча глаза смотрѣлъ на Калатырникова.

— Жена дворянка была? довольно строго повторилъ послѣдній.

— Духовнаго званія, ваше превосходительство, послѣшно отвѣтилъ гость; отца Никиты дочка, что на Воздвиженскомъ погостѣ священникомъ былъ.

Петръ Петровичъ крикнулъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, остановился, высморкался, опустился въ большое вольтеровское кресло и устремилъ глаза на гостя.

Послѣдній спряталъ свою голову въ галстукъ до самаго носа.

— Слушай, Серга Матвѣичъ, началъ хозяинъ какимъ то торжественнымъ официальнымъ тономъ: дожилъ я, братецъ, до сѣдыхъ волосъ, заслужилъ генеральскій чинъ и всегда во всемъ привыкъ исполнять одну свою волю; чужихъ совѣтовъ, чужаго участія терпѣть не могу; еслибъ мнѣ сказали: Петръ Петровичъ, обласкай, награди Сергу Матвѣича, я бы напротивъ обругалъ и выгналъ его; еслибъ мнѣ сказали, выпони Сергу Матвѣича, я бы приютилъ его... понимаешь, я для примѣра говорю, таковъ мой характеръ; можетъ быть мнѣ было бы и жаль тебя, ничего не значить, я все таки обругалъ бы тебя и выгналъ; еслибъ сосѣди вздумали попрекать меня, что я ничего не дѣлаю для твоей дочери, я бы никогда ничего и не сдѣлалъ ей, этимъ попрекомъ они вынудили бы меня поступить даже противъ моего желанія; случилось на оборотъ—ваше счастье!.. дуракамъ стало завидно, что старикъ сказалъ ласковое слово дѣвушкѣ; они вздумали очернить, замарать ее, сдѣлать надлецомъ отца, а я заставляю ихъ кланяться этой дѣвушкѣ, ползать передъ ней, цѣловать ея руки, завидовать ей впол-

нѣ. Онъ на минуту остановился и взглянулъ на гостя: послѣдній сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову и оставивъ глаза въ полъ. Можетъ быть эта рѣшительность глупа, нелѣпа! Все равно, она моя! Что для другихъ черно—будетъ для меня бѣлымъ, понимаешь?.. Скажи твоей Аринушкѣ, чтобъ къ свадьбѣ готовилась, я женюсь на ней! докончилъ Петръ Петровичъ съ полною увѣренностью, совершенно хладнокровно, какъ будто приказывалъ купить какую-нибудь рублевую вещь для домашняго обихода.

Сергѣй Матвѣичъ поднялъ голову, въ недоумѣніи взглянулъ на хозяина, заморгалъ глазами, привсталъ, низко поклонился и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Какъ вашему благоденствію угодно, за все будемъ вѣчно Бога молить; извѣстно, за мужемъ все лучше, заступа есть; чиновникъ тутъ въ судѣ служить, добрый человѣкъ, не пьющій, только что жалованье ничтожное получаетъ, всего четыре рубля въ мѣсяцъ.

— Какой чиновникъ, что ты вздоръ бредишь; я тебѣ говорю: скажи Аринушкѣ чтобъ къ свадьбѣ готовилась, я женюсь на ней! твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ повторилъ Петръ Петровичъ.

Сергѣй Матвѣичъ разинулъ ротъ, точно услышалъ что-то совершенно чудное, положительно невозможное.

— Ошалѣлъ, ваше превосходительство, не пойму—отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, какъ-будто просилъ о помилованіи.

Петръ Петровичъ нетерпѣливо повернулся на креслѣ. Какъ не пойму! Я тебѣ говорю, что я, понимаешь, я—онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь—я—Петръ Петровичъ Калатыриковъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, владѣтель села Петровка, женюсь на твоей родной дочери Аринѣ. Ну, понятно? чуть не по складамъ повторилъ онъ.

— Понятно, ваше превосходительство, отвѣтилъ Сергѣй Матвѣичъ, не спуская глазъ съ хозяина и, вдругъ замѣтивъ на его лицѣ улыбку, разразился тонкимъ, дребезжащимъ смѣхомъ!

Калатыриковъ нахмурилъ брови.

— Смѣяться нечему; глупо смѣяться; я тебѣ говорю

безъ смѣха; ты отецъ, потому и говорю, а то и безъ тебя сдѣлаю! довольно строго замѣтилъ онъ.

Сергѣй Матвѣичъ принялъ серьезную мину. Онъ, кажется, ничего не сознавалъ, ничего не помнилъ и только чувствовалъ, что съ нимъ творится что-то совершенно необыкновенное.

— Виновать, ваше превосходительство, виновать, осмѣлился, смѣшное очень рассказать изволили.

— Какъ смѣшное? Дуракъ ты, что-ли, я на твоей дочери жениться хочу, крикнуть хозяинъ.

Гость вздрогнулъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, твердилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, не губите, помилосердуйте; какая дочь, дѣвчонка... дрянъ,.. дѣвчонка просто; ей пригрезилось, вотъ она съ ума и сошла; она на тронъ полѣзаетъ, съ дуру королевой вздумаетъ быть. Я не виновать, ей Богу не виновать, плюньте вы на нее, ваше превосходительство отца не губите! тихо добавилъ онъ, со слезами на глазахъ.

На лицѣ Петра Петровича выразилась досада, онъ готовъ былъ не на шутку разсердиться, однако преодолѣлъ себя, улыбнулся, подвинулся ближе къ Сергѣю Матвѣичу и взялъ его за руку.

— Перестань ревѣть, не объ чемъ; радоваться долженъ: Я тебѣ сказываю, что женюсь на твоей дочери, на зло всѣмъ этимъ дуракамъ, которые осмѣлились чернить ее, завидовать ей, понимаешь? Я хочу этого, а если я чего хочу, если разъ что забралъ себѣ въ голову, ты вѣдь знаешь меня, стало быть и говоришь нечего. Поди, всѣмъ объяви, что твоя дочь моя невѣста. Въ колокола звони! Я воображаю, какъ они рты разинутъ. Онъ захохоталъ и выпустилъ руку Сергѣя Матвѣича.

Последній рѣшительно не зналъ, что отвѣчать; что дѣлать; онъ готовъ былъ и плакать, и смѣяться. Голова его кружилась, въ ушахъ звенѣло, глаза тупо смотрѣли на все окружающее, губы что-то бормотали.

Зато Петръ Петровичъ былъ повидимому совершенно доволенъ поражениемъ своего гостя; въ этомъ пора-

женіи онъ видѣлъ свое величіе, свое право казнить и милловать, свою неизрѣченную милость, свой капризь, свою ничѣмъ не стѣснимую барскую волю. Онъ продолжалъ сидѣть молча, вытянувъ ноги, опрокинувъ назадъ голову и торжествующими, улыбающимися глазами смотрѣлъ на Сергѣя Матвѣича, точно говорилъ ему: вотъ чего я достигъ; могу тебя въ тряпку растереть, могу озолотить, въ люди вывести.

Послѣдній нѣсколько минутъ оставался неподвиженъ какъ будто всѣ члены его отказались дѣйствовать; но вдругъ опомнился, взялъ себя за голову, зарыдалъ какъ сумасшедшій и повалился въ ноги Калатырникову.

II.

А между тѣмъ на концѣ барской усадьбы, недалеко отъ вновь выстроенной каменной церкви, на крыльцѣ маленькаго деревяннаго домика, очень похожаго на простую избу, сидѣла, подперевъ обѣими руками голову и устремивъ глаза въ даль, дѣвушка лѣтъ 20-ти, та самая Аринушка, которой судьба такъ неожиданно и самовластно рѣшалась въ кабинетѣ Петра Петровича. Смуглое, матовое лице ея, отличалось южнымъ типическимъ оттѣнкомъ и походило на лице цыганки; щеки не блестѣли румянцемъ, а были совершенно блѣдны; физиономія выражала теплую, задушевную, глубокую думу, горячее воспримчивое сердце. Во всей фигурѣ дѣвушки, въ каждой складкѣ ея платья, въ обнаженныхъ загорѣлыхъ рукахъ, въ небрежно зачесанныхъ, черныхъ какъ смоль, волосахъ, въ желтомъ блѣдномъ цвѣтѣ лица проглядывало что-то рѣзкое, оригинальное, полудикое, совершенно отличное отъ другихъ женщинъ. Она походила на непроницаемую теплую ночь, на такую ночь, въ которую только человѣкъ привычный ступаетъ прямо, не боясь оступиться. При внимательномъ взглядѣ на эту дѣвушку такъ и хотѣлось изучить, разгадать ее какъ что-то рѣдкое, своеобразное, не подходящее подъ обыкновенный уровень. Въ каждомъ человѣкѣ есть своя особенность, свое нѣчто отличное; но

здѣсь эта особенность кидалась въ глаза, лежала широкою кистью. Большіе голубоватыя бѣлки черныхъ глазъ Аринушки рѣзко отдѣлялись отъ смуглаго лица и жгучо, пристально, какъ-то пытливо глядѣли изъ подъ тонкихъ бровей, большой лобъ замѣтно выдался впередъ; въ складѣ губъ было что-то и насмѣшливое, и печальное. Вообще трудно было сказать, хороша или дурна она, до такой степени было подвижно и измѣнчиво лице ея. Иногда всѣ любовались ею, находили ее красавицей, а иногда Богъ ее знаетъ, та да не та совсѣмъ; и глаза смотрятъ вяло, и носъ изъ прямого да правильного широкимъ сдѣлается, и губы сожмутся и какъ-то неприятно вытянутся. Зато каждое движеніе Аринушки выражалось до такой степени правильно, симпатично, впечатлительно, что заражало собою cadaго даже совершенно посторонняго человѣка; она смѣялась такимъ звучнымъ, веселымъ, живымъ смѣхомъ, что нельзя было вмѣстѣ съ ней не смѣяться; она плакала и горевала такъ искренно, такъ больно, что даже дѣти, глядя на нее въ такую минуту, переставали играть, со страхомъ и сожалѣніемъ смотрѣли на нее, точно хотѣли раздѣлить ея слезы.

Одѣвалась Аринушка очень бѣдно. Кромѣ простаго чернаго платья другихъ не знала; на головѣ носила, въ видѣ косынки, красный шелковый платокъ, а иногда, когда была въ духѣ, закладывала за уши пучки васильковъ да незабудокъ.

По характеру Аринушка, еще болѣе чѣмъ по наружности, рѣзко отличалась отъ другихъ женщинъ; по крайней мѣрѣ въ ней не было этихъ мелочныхъ оттѣнковъ женской натуры. Она не только не любила наряжаться, но даже не принимала этого удовольствія, никогда не мечтала о немъ; не знала, что значить искусно, кокетливо причесать волосы, надѣть какую-нибудь вещь такъ, чтобъ она въ глаза бросилась.

Случалось, что кто-нибудь изъ сосѣдей, сжалившись надъ бѣдной дѣвушкой, дарилъ ей какіе-нибудь старенькіе обноски, она тотчасъ ихъ рѣзала, кроила, передѣлывала на свой ладъ, иногда шила изъ нихъ что-нибудь совершенно ненужное или отдавала нищимъ, еще болѣе бѣднымъ, чѣмъ была сама. Держала она себя просто, всегда одинаково; ка-

запасъ, для нея не существовало никакого между людьми различія; она не знала ни высшихъ, ни низшихъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. На мушкетъ смотрѣла прямо, открыто, никому не старалась нравиться, не задумывалась о будущемъ замужествѣ; въ зимніе крещенскіе вечера не гадала о суженомъ—ряженомъ. Правда, быть можетъ, это происходило отъ замкнутости и уединенности той сѣры, въ которой жила Аринушка. Будучи малымъ ребенкомъ она лишилась матери, выросла на волѣ какъ Богъ велѣлъ, безъ мамушекъ и нянюшекъ; никто не училъ, не наставлялъ ее какъ жить, думать и дѣйствовать, чего остерегаться, какъ держать себя въ томъ или другомъ случаѣ: она заняла отъ людей только то, что видѣла вокругъ себя, а видѣла очень мало; съ мужиками да бабами не водилась потому, что была дворянскаго рода; вниманія господъ сосѣдей не удостоилась потому, что была слишкомъ бѣдна и ничтожна. Ее выростила и воспитала природа, а постоянное уединеніе приучило думать, углубляться въ самую себя, рѣшать всѣ жизненные вопросы своимъ здравымъ, чистымъ умомъ да теплымъ сердцемъ. Окружающій міръ представлялся ей эффектной, заманчивой, театральной декорацией: она смотрѣла на него, даже любовалась имъ издалека, но не завидовала этому міру, отнюдь не думала о возможности войти въ него. Ни горя, ни заботъ не знала Аринушка; она такъ сроднилась со всевозможными лишеніями, такъ привыкла къ своей бѣдности, что даже любила ее, смотрѣла на нее какъ на что-то родное, близкое. Она была всегда весела, а если огорчалась когда, то вещами самыми пустыми, нестоющими никакого вниманія; беззаботно бѣгала по полямъ, беззаботно пѣла, сидя на крыльцѣ своего дома, иногда рѣзвилась, прыгала какъ малый ребенокъ. Работы она почти никакой не знала да и работать было нечего; все удовольствіе ея заключалось въ какихъ-нибудь цвѣтахъ, посѣянныхъ въ огородѣ, хорошей погодѣ, въ жгучемъ солнцѣ, въ живой, лихорадочной прогулкѣ по окрестностямъ. Она уходила то въ лѣсъ, то въ поле, путалась въ высокой ржѣ, въ густомъ кустарникѣ, карабкалась по крутизнамъ, по камнямъ, веселилась сама съ собою, не имѣла ни подругъ, ни знакомыхъ, любила только отца и любила такъ нѣжно,

такъ сильно, что бѣдный старикъ иногда терялся и не зналъ, какъ отвѣчать на ласки дочери.

Отецъ Аринушка, Сергѣй Матвѣичъ Крупкинъ, честный, запуганный жизнью бѣднякъ, лѣтъ десять тому назадъ сильно пострадалъ на службѣ, безъ прошенія былъ уволенъ въ отставку и лишился послѣдняго куска хлѣба. Чтобъ не умереть съ голоду, бѣдный старикъ пріялся было за ремесло: сталъ клеить какія-то коробочки, но и ремесло не посчастливилось ему—главами ослабъ. Отправился онъ съ дочерью въ уѣздъ по мытарству, искать у помѣщиковъ какого-нибудь мѣста, но ничего не нашелъ; всякій, посмотрѣвъ на аттестатъ Сергѣя Матвѣича, на его красное небритое лицо, оборванное платье, только подозрительно улыбаясь, качалъ головой, давалъ гривенникъ денегъ и отъ мѣста отказывалъ. Что было дѣлать, куда дѣться, какъ прокормить ребенка? Взглянуть бывало на него Сергѣй Матвѣичъ, да такъ слезами и залется, а Аринушка, какъ ни въ чемъ не бывало, скачетъ, прыгаетъ, пѣсни поетъ, да развѣ иногда хлѣбца попросить. Приютился Крупкинъ у простаго мужика въ деревнѣ, хлѣбалъ съ нимъ изъ одной плошки, спалъ на печи подъ рогожей, бороду отостилъ, какъ вдругъ вышло на него благословеніе Божіе. По уѣзду разнесся слухъ, что прибылъ въ свое имѣніе какой-то новый, небывалый здѣсь помѣщикъ, Петръ Петровичъ Калатырниковъ, что творитъ онъ чудеса, сыплетъ золото, надѣляетъ бѣдныхъ. Сергѣй Матвѣичъ настроилъ какую-то бумагу, взялъ дочь, обмылъ, причесалъ ее, самъ обчистился, перекинулъ черезъ плечо катомку, отправился въ Петровки и бросился въ ноги къ ея владѣльцу. Съ тѣхъ поръ участь Крупкина была рѣшена, положеніе его вдругъ улучшилось. Непрístupный Петръ Петровичъ принялъ въ немъ участіе, погладилъ Аринушку, далъ нѣсколько рублей денегъ, отвелъ для жительства флигелекъ въ концѣ своей усадьбы, а впоследствии, когда бѣднякъ своею запуганностію, своимъ страхомъ и тренетомъ окончательно полюбился его превосходительству, послѣдній даже назначилъ ему хотя небольшое, но постоянное годовое содержаніе. Сергѣй Матвѣичъ блаженствовалъ, считалъ себя совершенно счастливымъ и не зналъ какъ молиться за своего благодѣтеля.

Особенной какой-нибудь обязанности не было возложено на Крупкина. Петръ Петровичъ всегда говорилъ ему: я тебѣ не для должности держу, ниѣ твоей работы не надо; такая воля моя, потому что ты покорный и преданный человѣкъ, добро чувствуешь, потому и держу; хочешь, въ церкви свѣчи ставь, за порядкомъ смотри, псалтырь читай... это твое доброе дѣло, а заставлять не стану. Иногда только Колотырниковъ посылалъ Сергѣя Матвѣича къ нѣкоторымъ помѣщикамъ, посылалъ въ такихъ случаяхъ, когда самому ѣхать не хотѣлось, а послать лакея казалось неловкимъ. Пользуясь такимъ назначеніемъ, Крупкинъ успѣлъ заслужить особенное благорасположеніе большинства сосѣдей; только немногіе изъ нихъ, преимущественно люди завистливые, осмѣливались составлять оппозицію, косились на него, взводили небывлицы, называли сплетникомъ, упрекали чужимъ кускомъ хлѣба, дочерью и прочимъ. Такъ жилъ Сергѣй Матвѣичъ тихо, мирно, безопасно, словно въ награду за свои прежнія страданія; любовался дочерью, радовался, слушая ея пѣсни, ея смѣхъ беззаботный и, казалось, не сознавалъ лучшей жизни или по крайней мѣрѣ смотрѣлъ на нее, какъ на что-то чудное, недостижимое,—такъ пожалуй, какъ человѣкъ смотритъ на солнце.

Аринушка все сидѣла на крыльцѣ; она давно перестала думать, шалила, щурила глаза, смотрѣла на небо; физіономія ея весело улыбалась, глаза свѣтились радостью, косынка съ головы свалилась, волосы растрепались и длинными космами падали на грудь и плечи.

У ногъ ея вертѣлась и махала хвостомъ большая дворовая собака.

— Гдѣ ты была Жучка, гдѣ? Съ напенькой ходила, говорила Аринушка, одною рукою треня собаку, а другою грозя ей—тебя не пустила туда, ты грязная, ай какая грязная, грязная, скверная! Она вздохнула и шутя, какъ бы съ сожалѣніемъ, головой покачала. Туда намъ нельзя ходить, не велѣно; тамъ господа, большіе господа, богатые, продолжала она шутливымъ тономъ—кланяясь передъ собакой—знаешь, тамъ старикъ живетъ, сердитый, строгій такой; помнишь, здѣсь проходилъ, помнишь? а ты за-

лаяла на него. Какъ ты смѣла, а? Стыдно Жучка, стыдно, на него нельзя лаять, ты за меня заступилась, думала онъ обидитъ меня, онъ не обидитъ, онъ мамѣ хлѣбъ даетъ, все даетъ! Ты Жучка не смѣй лаять, не смѣй, будешь лаять—тебя выѣкутъ, больно выѣкутъ, убить велятъ, а я плакать буду, горько плакать! добавила она съ сожалѣніемъ и въ самомъ дѣлѣ чуть не заплакала, по крайней мѣрѣ глаза ея на минуту сдѣлались влажными. Потомъ она преворно вскочила, прыгнула съ крыльца, нагнулась къ кусту махроваго шиповника и принялась обрывать его. Собака расположилась на солнцѣ и сонными подолѣноватыми глазами глядѣла на госпожу свою.

Прошло нѣсколько минутъ. Аринушка все въ кустѣ рылась; густая зелень совершенно скрывала ее и вдругъ она выпрямилась, залилась звучнымъ веселымъ смѣхомъ, такъ что даже Жучка встрепенулась и хвостомъ замахала.

Голова Аринушки вся была усыяна цвѣтами шиповника.

Хорошо, Жучка, хорошо? твердила она съ какимъ—то совершенно дѣтскимъ восторгомъ, разставляя руки и любуясь сама собой—чудо какъ хороше! Чудо! повторила она, принимая важную позу; потомъ вскочила на скамью, стоявшую передъ домомъ, и приставила въ видѣ зонтика ладонь ко лбу.

— Папенька идетъ, папенька! Жучка встрѣчай! Папенька! произнесла она радостно, прыгнула на крыльцо и, придерживая рукою цвѣты на головѣ, вбѣжала во внутрь дома.

Сергѣй Матвѣичъ противъ обыкновенія шелъ очень скоро, мѣстами даже бѣжалъ; онъ весь запыхался, лице его было совершенно красное, волосы на головѣ слиплись, глаза смотрѣли дико. Дойдя до дома онъ на минуту остановился, за-смѣялся самъ съ собою, перевелъ духъ, отеръ руками лобъ, проворно вбѣжалъ на крыльцо и на порогѣ встрѣтился съ дочерью. Войдя въ комнату онъ почти упалъ на скамью, ничего не могъ говорить, тяжело дышалъ и выпуча глаза, съ какой то двусмысленной улыбкой, смотрѣлъ на Аринушку.

Прошло нѣсколько минутъ, никто не рѣшился заговорить. Дочь съ удивленіемъ смотрѣла на отца; цвѣты съ головы

ей свалились. Сергѣй Матвѣичъ не могъ выговорить ни слова.

— Папенька! произнесла наконецъ первая въ недоумѣніи и весело улыбнулась.

Старикъ привскочилъ на скамью, захохоталъ какъ сумасшедшій, потомъ вдругъ зарыдалъ и повалился ей въ ноги.

— Аринушка! матушка, царица, золото, счастье, счастье! шепталъ онъ, заглушая слова свои то смѣхомъ, то плачемъ и цѣлуя ноги дочери; сонъ это, одурѣлъ... радость... Не вѣрю ничему, не вѣрю!

Физиономія Аринушки вдругъ измѣнилась, улыбка пропала, волосы растрепались, безъ того блѣдное лице поблѣднѣло еще болѣе; она неподвижными, сверкающими глазами глядѣла на отца и силилась оттащить, успокоить его.

— Папенька! говорила она, усаживая старика на лавку и цѣлуя его голову, говори, Христа ради, опомнись, что случилось? Какая радость? Какое счастье?

Сергѣй Матвѣичъ перевелъ духъ.

— Цыганка правду сказала, правду!.. говорилъ онъ, стараясь придать своему голосу возможное спокойствіе—ты богачиха, Аринушка, ты барыня, генеральша, королева! Петровка твоя, все твое, садъ, домъ, крестьяне, все, все!.. Я твой, я твой... повторилъ онъ, замоталъ головой, закрылъ лице руками и глухо засмѣялся.

Аринушка попятилась назадъ; всѣ члены ея дрожали; физиономія какъ то судорожно двигалась, глаза такъ смотрѣли на Сергѣя Матвѣича, какъ-будто хотѣли на-сквозь проникнуть его душу, заглянуть, что за чепуха въ ней происходитъ.

— Папенька! еле слышно прошептала она, очнись, Христа ради!

— Нѣтъ, не во снѣ—на яву, все на яву! продолжалъ отецъ. Господь вознесъ, наградилъ, возвелъ; вотъ этимъ перавамъ, вотъ, вотъ! Онъ сдѣлалъ изъ пальцевъ правой руки какую-то фигуру и показалъ ею въ окно. Петръ Петровичъ женится на тебѣ, женится, женится! немстова крикнулъ онъ и вслеснулъ руками..

Аринушка остолбенѣла.

— Кто женится? Какъ женится?!.. какъ-то неопредѣленно, съ большимъ усиліемъ произнесла она.

— Благодѣтель, Петръ Петровичъ, на тебѣ женится! снова повторилъ отецъ и вдругъ схватился за боковой карманъ и дрожащею рукою вытащилъ изъ него пачку ассигнацій.

— Вотъ, вотъ, говорилъ онъ, показывая ее дочери, смотри, смотри! Радуйся!.. приданое мое, все мое; а это, что знаете, сами одѣлайте, на гостинцы, говорить, на гостинцы!.. Видала ли ты деньги такіа, видала! Страшно, страшно! Онъ судорожно прижалъ пачку къ губамъ, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее, потомъ принялся считать деньги.

Лице его покрылось пятнами; крупныя капли пота текли по немъ; глаза бѣгали—но мѣръ счета руки тряслись болѣе и болѣе.

Аринушка не могла стоять. Ноги у ней подкосились, въ глазахъ потемнѣло, она опустилась на лавку.

— Пятьсотъ рублей! вдругъ крикнулъ Сергѣй Матвѣичъ такъ громко, какъ не кричалъ отъ-роду.

Аринушка вадрогнула и открыла глаза.

Въ комнату вошелъ Петръ Петровичъ.

Онъ остановился на порогѣ, лице его пріятно улыбалось, во всей фізіономіи было что-то величественное, глаза блестяли. Казалось, онъ пришелъ сюда затѣмъ, чтобъ еще разъ насладиться смущеніемъ бѣдныхъ людей, окончательно паразитъ своею неизрѣченною милостію, собственными глазами убѣдиться съ какимъ потрясающимъ эффектомъ радости приметъ невѣста его предложеніе, какъ, пожалуй, бросится ему въ ноги, назоветъ образцомъ человѣчества, обцѣлуетъ его старыя жилистыя руки.

— Богъ помочи!.. Гость нежданый, произнесъ онъ весело и сдѣлалъ три шага впередъ.

Сергѣй Матвѣичъ испугался, вскочилъ съ лавки; рука его судорожно сжала деньги, старалась засунуть ихъ въ карманъ. Онъ васуетился, бросился за стоявшимъ въ углу стуломъ, вытеръ его полою сертука и подставилъ гостю.

Аринушка съ трудомъ поднялась и облокотилась на столъ.

Глаза ее были опущены внизъ, на щекахъ горѣлъ никогда небывалый румянецъ, грудь высоко подымалась. Она бы-

ла очень хороша въ эту минуту: на большихъ рѣсницахъ блестяли двѣ слезы, лице было величаво спокойно, физиономія выражала какую-то робкую дѣтскую покорность; длинные черные волосы совершенно распустились, у правой щеки—въ нихъ торчалъ уцѣлѣвшій цвѣтокъ шиновника.

Калатыринковъ пристально глядѣлъ на нее.

— Смилуйтесь, ваше превосходительство, смилуйтесь, твердилъ Сергѣй Матвѣичъ, увиваясь около гостя, окомнниться не можетъ.

— Аринушка, благодѣтель здѣсь! Въ ноги, Аринушка, въ ноги!

Петръ Петровичъ строго взглянулъ на отца и подошелъ къ дочери.

— Вамъ извѣстно мое желаніе? спросилъ онъ любуясь смущеніемъ дѣвушки.

— Извѣстно!... очень тихо отвѣтила она. Я не повѣрила папенькѣ; я думала, онъ съ ума сошелъ.

Петръ Петровичъ самодовольно улыбнулся. — Отъ чего же? спросилъ онъ.

— Отъ того что нельзя повѣрить, что и она такого присниться не можетъ.

— А теперь вѣрите?

— Должна вѣрить! Должна, по прежнему отвѣтила она и вдругъ зарыдала.

Петръ Петровичъ взялъ ее за руку. Полно-те, Аринушка, успокойтесь, произнесъ онъ съ видимымъ участіемъ, но въ душѣ очень довольный слезами дѣвушки: грѣшно, такая хорошенькая, очень хорошенькая. Развѣ не нравлюсь я вамъ? Я не старъ еще, право, не старъ; невѣстѣ стыдно плакать!

Аринушка проглотила слезы, подняла глаза и взглянула на Колотырникова.

Все дѣтское, ребяческое вдругъ изчезло въ ней. Въ эту минуту она была женщиной въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Помилосердуйте, ваше превосходительство, произнесла она твердымъ, умоляющимъ голосомъ, мы вамъ обязаны жизнью, готовы умереть за васъ, приказывайте! Я раба ваша.

Я бѣдная, ничтожная дѣвочка, сирота глухая, ~~неученая~~ —
какая я жена—слово такое выговорить страшно!

Сергѣй Матвѣичъ хотѣлъ что-то сказать, но Петръ Петровичъ прервалъ его.

— Я хочу этого, Аринушка, слышите, хочу! Не ваша забота судить о томъ, каковы вы есть. Стало быть хоронги, мнѣ нравитесь, если я жениться хочу, твердо произнесъ онъ.

Дѣвушка не знала, что говорить; она смотрѣла во все глаза то на отца, то на Петра Петровича, какъ-будто спрашивая у нихъ, что съ ней дѣлается, не во снѣ ли она видитъ что-то такое страшное, необыкновенное. Сердце ея стучало, слова не шли съ языка, тяжелое прерывистое дыханіе захватывало грудь.

Сергѣй Матвѣичъ трясся, вертѣлъ головой и съ какимъ то благоговѣніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, поглядывалъ на Колотырникова.

Послѣдній опустился на стулъ, громко высморкался; утирая руками въ палку, уставилъ на нихъ подбородокъ и устремилъ на Аринушку свои маленькіе, сѣрые, улыбающіеся глаза.

— Вотъ что, Арина Сергѣевна, началъ онъ съ разстановкой, какъ-будто хотѣлъ придать каждому своему слову особый вѣсъ и значеніе, конечно, мое предложеніе, мое желаніе должно удивить, поразить васъ; все это въ порядкѣ вещей, иначе и быть неможетъ. По всемъ отношеніямъ, по лѣтамъ, по положенію мы были слишкомъ далеки другъ отъ друга. Вы смотрѣли на меня какъ на своего благодѣтеля, я видѣлъ въ васъ бѣдную сироту, существующую моимъ подаяніемъ, моею милостью; мысль о женитьбѣ не только на васъ, но и на комъ бы то ни было, рѣдко приходила мнѣ въ голову, не потому чтобы я не могъ жениться; я зналъ, что любая дѣвушка почтетъ за счастье отдать мнѣ свою руку. Нѣтъ... женитьба просто не казалась мнѣ необходимостью, не входила въ мои расчеты... Теперь, другое дѣло: что я рѣшилъ, то и сдѣлаю. Еслибы сегодня я вздумалъ сжечь Петровку, я бы сжегъ ее; точно также я вздумалъ жениться на васъ Арина Сергѣевна, и женюсь. Почему? Хочу такъ! Хочу, чтобъ люди глаза выгаращили; хочу свѣтъ удивить!

Я знаю, кто вы; знаю, что вы дѣвушка бѣдная, ничтожная, необразованная; все равно, посмѣются надо мной, вамъ позавидуютъ... Пускай смѣются, это мое дѣло! Я сдѣлаю васъ богатой, образованной, дамъ вамъ вѣсъ и значеніе. Я въ васъ не влюбленъ, лѣта мои не такіе чтобъ я могъ прельститься хорошенькимъ личикомъ... Все это вдругъ, сумасшествіе; я женюсь на васъ такъ мѣзъ прихоти, изъ барской воли... ну не той ногой съ постели встань, мне счастье! Вы всѣмъ будете пользоваться, всѣмъ наслаждаться; всѣ будутъ любить, уважать васъ, потому что я уважать васъ заставлю какъ жену свою. Вы были Аринушкой Крупкиной—сдѣлаетесь Ариной Сергѣевной Колотырниковой, вашимъ превосходительствомъ: порадайтесь да поцѣлуйте меня; жениха цѣловать можно! шутя добавилъ онъ и взялъ ее за руку.

Сергѣй Матвѣичъ во все продолженіе этой рѣчи ырыкалъ и вдругъ неизвѣстно по чему принялся тщательно вытирать свои губы.

Аринушка стояла неподвижно, какъ статуя. Петръ Петровичъ всталъ, погладилъ ее по головѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

— Будьте умницей. Теперь нужно умницей, генеральшей быть, перестать бѣгать, одѣться въ платье хорошенькое, волосы причесать, все какъ слѣдуетъ барынѣ, гордо, неприступно! произнесъ онъ полу-шутливымъ полу-серьезнымъ тономъ. Убирайся, дай ей опомниться! грозно добавилъ онъ обращаясь къ Сергѣю Матвѣичу, когда послѣдній подошелъ къ дочери.

Крупкинъ отскочилъ въ сторону, Аринушка опустилась на лавку. Она вздрагивала, тяжело дышала, да тревожными, большими глазами слѣдила за отцомъ и Петромъ Петровичемъ. Послѣдній ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вотъ что Серга, отрывисто, повелительнымъ тономъ говорилъ онъ, не обращая никакого вниманія на свою невѣсту, дай знать всѣмъ дуракамъ сосѣдямъ, что я женюсь на твоей дочери. Пусть ихъ рты разинуть, а?.. разинуть?.. Онъ остановился.

— То есть, осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство,

снова землю провалится, отвѣтилъ Крукинъ, ударя себя кулакомъ въ грудь.

Колотырниковъ захохоталъ.

— Провалится, провалится; то-то толковъ пойдетъ... А! пойдутъ толки?

— Не то что толки—шумъ подымется; и люди, и заѣры завоютъ, лѣса заговорятъ, ваше превосходительство!

— Шумъ! гвалтъ! пальба пушечная, торжественно повторилъ Колотырниковъ и снова засмѣялся. Сегодня же войтъ объявить, продолжалъ онъ серьезно; кто далеко — повѣстки разослать.

— Свадьбу черезъ двѣ недѣли сдѣлаемъ; музыкантовъ выпи- сать, весь уѣздъ созвать; огласить, что такой свадьбы и небывало никогда. Пусть ихъ разоряются, обнови шьютъ, черти прокля- тые! Ты въ городъ отправляйся; управляющій тоже поѣдетъ. Я самъ поѣду; тамъ всё закупки сдѣлаемъ. Невѣсту одѣть такъ, чтобъ всѣхъ затмила; швею французенку сюда привести; здѣсь не найдешь—изъ Москвы выписать; расходовъ не жа- лѣть; всѣмъ кричи, ври, хвастай что хочешь, горы брилян- товыя! Онъ вдругъ остановился и оглядѣлъ Крукина съ ногъ до головы. Ты что за уродъ? Фракъ есть? Отецъ дол- женъ во фракъ быть. Сергѣй Матвѣичъ смѣшался.

— Фрака нѣтъ, ваше превосходительство, достать можно, одинъ благопріятель въ судѣ служить, очень робко замѣ- тилъ онъ.

— Дуракъ! почти крикнулъ Петръ Петровичъ. Новый сдѣлать, ты теперь долженъ помнить себя, гордиться собой.

— Винавать, ваше превосходительство. Можно сказать, не- земнымъ человѣкомъ сталъ, отвѣтилъ Сергѣй Матвѣичъ и низко поклонился.

Нѣсколько времени еще Колотырниковъ отдавалъ при- казанія, потомъ снова подошелъ къ Аринушкѣ, снова по- гладилъ ея голову и поцѣловалъ въ лобъ.

— Славная у тебя дочка, Серга; не стоишь ты ея. Мо- литься ей долженъ; самъ старичишка, дрянъ, а дочка хоть куда, — красавица, право красавица! замѣтилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ и дочь были въ объятіяхъ другъ-друга.

Аринушка на-взрыдъ плакала; по щекамъ Сергѣя Матвѣича текли крупныя слезы.

— Полно, голубушка, полно,.. До слезъ ли, говорилъ покойнѣйшій успокаивающимъ голосомъ; радость, великая радость! Счастливица, царица моя! Свѣтъ стоялъ, будетъ стоять, а такой радости не было на немъ.

Аринушка схватила обѣими руками голову отца и пристально взглянула ему въ глаза.

— Папенька, что со мной дѣлается? вопросительно произнесла она. Что тутъ, счастье или горе? жизнь или смерть! Сердце ворочается; гдѣ я... что я, ничего не знаю, ничего; мнѣ велятъ идти замужъ, я должна идти, а тамъ что? Что будетъ? Зачѣмъ женятся на мнѣ, что все это значитъ?... Страшно, добавила она и глаза ея заблестали.

Сергѣй Матвѣичъ совершенно растерялся и цѣловалъ руки дочери.

— Аринушка, матушка! отрывисто бормоталъ онъ: въ золотѣ ходить будешь, всѣхъ осчастливишь, всѣхъ спасешь, вознесешься, возвеличишься!

— Пропадутъ! твердо отвѣтила Аринушка.

Сергѣй Матвѣичъ вздрогнулъ, взглянулъ на дочь, она покачала головой и глубоко вздохнула.

— Ступайте, вамъ ѣхать нужно! вамъ ѣхать приказано; ступайте, всѣмъ скажите, что за счастье мнѣ выпало, мнѣ, нищей, глупой Аринушкѣ; поѣзжайте въ городъ, одѣньте, нарядите меня, нарядите лучше, какъ можно лучше; теперь жалѣть нечего! Нужно!.. нужно такъ! Поѣзжайте съ Богомъ, помолитесь, подайте нищимъ, кричите, что я замужъ выхожу, пусть всѣ радуются. Она на минуту замолчала. — Папенька, ты какіе мнѣ наряды сдѣлаешь? произнесла она вдругъ тономъ ребенка, просящаго себѣ игрушки. Онъ сказалъ, я должна вести себя какъ слѣдуетъ барыня—гордо, неприступно, должна волосы причесать; ты въ городѣ Дарью Ивановну съ собой пригласи, она все знаетъ, знаетъ, какъ нарядить меня. Она крѣпко поцѣловала отца, перекрестила его, и вдругъ фисіономія ея совершенно измѣнилась, на губахъ

мелькнула улыбка, глаза смотрѣли такъ весело, съ такою любовью, что казалось, кромѣ радости ничего никогда и на сердцѣ у ней не было.

Зато по уходѣ Сергѣя Матвѣича это минутное душевное спокойствіе, это солнце, мелькнувшее изъ за тучъ, вдругъ спряталось; въ глазахъ Аринушки сверкнула молнія; брови сдвинулись, соединились въ одну дугу, лобъ покрылся морщинами; ей сдѣлалось душно, жарко, несносно, она подошла къ окну, долго стояла передъ нимъ и тяжело дышала, какъ-будто хотѣла подкрѣпить свои силы, запасть свѣжимъ воздухомъ.

Прошло съ четверть часа. Аринушка нѣсколько успокоилась; по крайней мѣрѣ глаза ея не блуждали, а смотрѣли тихо и задумчиво; казалось, она вся сосредоточилась на какой-то мысли, ничего ни видѣла, ничего не слышала, не замѣчала, какъ любимая собака Жучка визжала и вертѣлась подъ окномъ, какъ шедшая мимо искалѣченная старуха нищая остановилась и жалобно просила Христа-ради; она все смотрѣла на два окна барскаго дома, занавѣшанные зелеными сторами, на тѣ два окна, которыя принадлежали кабинету Петра Петровича.

Боже мой! думала она, еслибъ знать годъ, два тому назадъ, можно бы было приготовить себя, научиться, многому научиться... Тамъ живутъ иначе, иначе ходятъ; туда не пускали меня, нужда и горе вырастили меня. Тамъ женщины умныя, въ пансіонахъ учились, а я... куда гоюсь я? Я все дурачилась, бѣгала, мнѣ хорошо было; а теперь, Господи, Господи, что будетъ, что дальше будетъ? Она задумалась...

— Папенька, говорила она, расскажи мнѣ, научи ты меня, вѣдь я ничего, ничего не знаю, въ лѣсу словно, что мнѣ дѣлать, какъ жить, какъ вести себя?

— Какъ, что дѣлать, Аринушка, да что найдется да встрѣтится: когда за хозяйствомъ посмотрѣть, когда другое-что... Да дѣлать то нечего, потому у него на все это ключницы да камердинеры есть, всякій свое дѣло и знаетъ; такой порядокъ ужъ заведенъ, а тебѣ что, только нарядиться развѣ, барыней будешь, узнаешь, какъ вести себя, извѣстно по бар-

ски и вести; дѣло не трудное, чтобъ всякій уваженіе и боязнь къ тебѣ чувствовать.

— Какую же боязнь? папенька, лучше добромъ да лаской.

— Безъ боязни нельзя, на то и барыня, Безъ боязни что жъ будетъ, какой порядокъ?.. вонъ Петръ Петровичъ, какъ баринъ такъ ужъ баринъ, все что кругомъ ходитъ трепещетъ.

— Онъ добрый, у него глаза добрые!

— Знаю, что добрый, а только баринъ, такой ужъ видъ у него; нельзя, величіе барское, начальникъ!

— У меня барскаго величія нѣтъ.

— Ты женщина, отъ тебя этого и неотребуется; тебѣ по мужѣ почетъ; ты только должна уважать, слушаться его.

— Какъ слушаться?

— Извѣстно, слушаться... мужъ глава; жена да боится своего мужа, въ законѣ сказано.

— Жена должна любить мужа?

— Любить само собой, уважать, то есть исполнять волю его.

— Волю! кто любить, тотъ все исполнить, тому не нужно приказывать; я, папенька, люблю тебя и все сдѣлаю. Мнѣ кажется, что мужъ, что жена все одно, между ними нѣтъ разницы, они, что листья на деревѣ: въ нихъ одна душа, одно сердце, никто изъ нихъ ни выше, ни ниже; они любятъ другъ—друга какъ самого себя, въ этомъ ихъ счастье, да иначе и не можетъ быть счастья!.. Намедни, баринъ тоже, что Романъ Семенычемъ зовутъ, умный, онъ читалъ много, все знаетъ, съ сосѣдомъ разговаривалъ, я и подслушала: онъ сказывалъ только тамъ счастье, гдѣ человекъ уважаетъ въ другомъ самого себя, гдѣ волосъ одного не становится выше волоса другого, гдѣ есть страхъ, тамъ нѣтъ любви, а есть обязанность, приличіе, законъ, привычка, не любовь только... За чѣмъ бояться? Кого любишь того бояться нельзя; я тебя не боюсь, папенька, потому что люблю тебя. Аринушка пылливо смотрѣла на отца какъ—будто хотѣла вызвать изъ его души сочувствіе словамъ своимъ.

— Не знаю, Аринушка, что говоришь ты, нужно жить такъ, какъ люди живутъ; въ такомъ богатствѣ слава—те Го-

споди, не то что жить, упиваться да блаженствовать слѣдуеть!.. отвѣтили Сергѣй Матвѣичъ и засмѣялся.

— Знаешь, папенька, что я думаю, продолжала дѣвушка не сводя глазъ съ отца, мнѣ кажется, я правду говорю, чувствую такъ, гдѣ мнѣ женой его быть... Нельзя этого, трудно,—онъ умнѣе, лучше меня; боюсь я его, слово скажетъ—поблѣднѣю.

Но старикъ не могъ надивиться, глядя на дочь свою.

По его мнѣнію, Аринушка должна была гордиться, радоваться да Бога благодарить за свое неслыханное счастье, и она казалась такою задумчивою, бредила такими странными вопросами, даже похудѣла, какъ - будто приготавлилась къ чему-то страшному, точно бѣду накликала на свою голову; ни наряды, ни дорогіе подарки, ни приготовленія къ сватѣбѣ повидимому нисколько не занимали ее, она если улыбалась когда, то не прежнею радостною улыбкою, а какъ-то притворно, неестественно. Правда, изъ бѣднаго чернаго платья она нарядилась въ богатое шелковое, въ ушахъ заблестѣли серги, на рукахъ браслеты, волосы на головѣ были тщательно причесаны, но все это нисколько не успокоивало дѣвushку; въ новомъ платьѣ ей было неловко, она ходила въ немъ такъ странно, точно оступиться боялась; носила его только потому, что обстоятельства заставляли носить и казалось съ радостью готова была одѣться въ привычную ей черную порыжѣлую рясу. Да и не одни платья стѣсняли Аринушку. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ проглядывала какая-то неувѣренность, она всего стыдилась, безпрестанно то краснѣла, то блѣднѣла; ей были не ловки частыя посѣщенія Петра Петровича, его разговоры, приготовленія; она не знала что отвѣчать, какъ смотрѣть, какъ держать себя, куда дѣваться отъ всеобщаго устремленнаго на нее вниманія, отъ той роли, которую она должна играть и которую играть не умѣетъ.

— Господи, Боже мой! говорила она сама съ собою, жалуясь на окружающихъ сосѣдей, что имъ за дѣло до меня; въ глаза смотрятъ, забѣгаютъ, распрашиваютъ, поздравляютъ. Развѣ я виновата въ чемъ, развѣ моя воля. Мужикъ мимо пройдетъ и тотъ обернется, словно сговорились всѣ!

Даже приставленные горничныя тяготили Аринушку; она не знала на что употребить ихъ, какъ обращаться. Ей было совѣстно всѣхъ, совѣстно самой себя.

Сергѣй Матвѣичъ тоже томился, тоже былъ не въ нормальномъ состояніи духа; но его безпокойство происходило не отъ сомнѣнія, не отъ страха за будущее: онъ просто былъ слишкомъ счастливъ настоящимъ и до сихъ поръ не могъ переварить этого счастья, не могъ свыннуться съ нимъ. Кровь его сильно волновалась. Нѣсколько дней сряду онъ не могъ глазъ сомкнуть, а все думалъ о своемъ благополучіи, объ удовольствіяхъ безмятежной жизни, вкусныхъ обѣдахъ, о новомъ сертукѣ и фракѣ, о той роли, которую ему играть суждено, какъ генераль-маіорскому тестю. Иногда, оставшись одинъ въ комнатѣ, онъ какъ малый ребенокъ прыгалъ, трепалъ себя по лицу, смѣялся самъ съ собою. Даже физиономія его измѣнилась, сдѣлалась какъ-то благообразнѣе, серьезнѣе, положителнѣе; онъ заговорилъ громче, смѣлѣе, сталъ меньше кланяться, не садился на кончикъ стула, а передъ нѣкоторыми сосѣдями держалъ себя съ необыкновеннымъ, несвойственнымъ ему величіемъ. Только въ присутствіи Аринушки до Петра Петровича Сергѣй Матвѣичъ оставался прежнимъ бѣднымъ, ничтожнымъ старикомъ; когда онъ смотрѣлъ на дочь смѣхъ замиралъ на устахъ его, радость застывала, онъ воматривался въ ея матовое, задумчивое лице и недовѣрчиво качалъ головою да шевелилъ губами.

Веселье былъ и Петръ Петровичъ. Невѣста съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе нравилась ему; чѣмъ больше смущалась она, тѣмъ сильнѣе душа Петра Петровича трепетала отъ восторга и упоенія.

Аринушка интересовала его. Онъ видѣлъ въ ней то, что именно хотѣлъ видѣть въ женѣ, т. е. робкаго, безпрекословнаго исполнителя своей воли, всѣмъ ему обязаннаго. Онъ говорилъ: жена мужемъ красна; что мнѣ за дѣло до ея бѣдности и происхожденія. Богатства мнѣ не нужно—своего вдоволь; она ребенокъ еще, изъ нея можно все сдѣлать. Толки сосѣдей помѣщиковъ, ихъ удивленіе, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ поздравленія, иногда колкія двусмысленныя слова, иногда зависть, иногда грубая лесть—все чрезмѣрно

занимало Калотырникова, щекотало его самолюбіе, разжигало всё чувства. Онъ даже самъ нарочно поѣхалъ къ большей части окружающихъ сосѣдей, чтобъ нѣсколько разъ насладиться ихъ неопредѣленными возгласами, вытянутыми лицами и вытаращенными глазами.

— Я надѣюсь, господа, что вы одобрите мой выборъ; лучшаго нельзя было сдѣлать,—чудная дѣвушка, чудная... Другой такой въ губерніи нѣтъ! говорилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ, глядя на какую-нибудь маменьку, окруженную взрослыми дочерьми.

— Достоянная дѣвушка, достоянная! повторяли сосѣди, исключая маменьки, у которой лице кривилось и ежилось.

Петръ Петровичъ хохоталъ въ душѣ и былъ совершенно счастливъ.

III.

Въ назначенный день и часъ вокругъ церковной ограды сельца Петровокъ стояло множество всевозможныхъ экипажей; тутъ были кареты, тарантасы, дрожки, линейки, одни щегольскіе, новые, другіе—большею частью самаго стариннаго, безобразнаго фасона; одна карета, выращенная яркою желтою краскою, запряженная шестеркою рыжихъ лошадей, очень походила на пловучій домъ; она качалась даже стоя на мѣстѣ; чтобъ залѣзть въ нее нужно было подняться по довольно высокой лѣстницѣ да съ верхней ступени прискакнуть еще; были даже какія то дроги, длинныя, широкія, очень похожія на двухспальную кровать съ занавѣскою; лошадиныя збруи въ нѣкоторыхъ экипажахъ были перевиты пестрыми лентами; кое-гдѣ торчали расписныя дуги, звенѣли бубенчики. Около экипажей толпились кучера и фареиторы въ армякахъ сѣрыхъ, синихъ, зеленыхъ, гороховыхъ, иные просто въ рубашкахъ; между ними терлись лакеи въ такихъ разнообразныхъ ливреяхъ, что ихъ можно было принять за маскарадныя наряды. На плечахъ одного лежало неимовѣрное множество воротниковъ, отороченныхъ красной выпушкой, на другомъ былъ фракъ кургузый, съ

длинными широкими фалдами, на третьемъ жилетъ закрывалъ весь животъ и спускался чуть-ли не до самыхъ коленъ; возлѣ старика сѣдаго, небритаго, въ голубомъ засаленомъ галунчатомъ кафтанѣ съ треугольной шляпой на затылкѣ, стоялъ казачекъ мальчикъ; сзади его расположился должно быть военный человекъ, въ высокомъ картузѣ съ кантиками и въ сѣрой шинели съ басонами; далѣе выглядывала какая-то красная куртка, за нею фракъ очень сомнительнаго цвѣта и т. д. Былъ даже какой-то человекъ совершенно похожій на Китайца, съ остроконечной шляпой на головѣ, длинными, тонкими, спускающимися внизъ усами, въ пестромъ балахонѣ съ широкими рукавами. На оградѣ толпились мужики и бабы въ пестрыхъ праздничныхъ нарядахъ. Между ними шмыгали деревенскіе ребятишки, даже бородастый козелъ неизвѣстно почему суетился между людьми, бодалъ кого попало и возбуждалъ общій смѣхъ. Въ сторонѣ были устроены холщевые навѣсы съ даровыми пряниками и орѣхами. Шумъ, говоръ не умолкалъ ни на минуту и сливался въ одинъ протяжный гулъ. Въ ярко освѣщенной церкви присутствовали одни бары, — въ ней происходило вѣнчаніе Петра Петровича съ Аринушкой. Женихъ и невѣста стояли на розовомъ атласѣ, передъ налоемъ. Последняя была совершенно блѣдна, лице ея походило на мраморное, до такой степени оно казалось спокойнымъ и неподвижнымъ; ни одна жилка не билась въ немъ. Черные густые локоны разсыпались изъ подъ прозрачнаго вуаля, касались щекъ и лентами падали на грудь и плечи; восковая свѣча въ рукѣ слегка дрожала, пламя ея легкою тѣнью скользило и бѣгало по лицу; бѣлое кружевное платье обхватывало статную, тонкую талью и легкими, воздушными складками спускалось внизъ. Небольшой букетъ живыхъ бѣлыхъ розъ былъ приколотъ къ груди. Ничто не блестѣло на невѣстѣ, все было бѣло, мертво, безжизненно; только небольшія бриллантовые искорки сверкали около ушей изъ-за черныхъ локоновъ. Женихъ стоялъ гордо, торжественно, съ сіяющимъ, довольнымъ, разкраснѣвшимъ лицомъ, въ генеральскомъ мундирѣ, усѣянномъ множествомъ орденовъ. Голову держалъ прямо, уставивъ глаза на священника, какъ-будто наблю-

далъ за нимъ, и взвѣшивалъ каждое его слово. Въ двухъ, трехъ шагахъ, съ лѣвой стороны отъ невѣсты вытянулся Сергѣй Матвѣичъ, вымытый, выбритый, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ, улиравшемъ въ самый подбородокъ, но уже не похожимъ на хомуть лошадиный, и бѣломъ жидетѣ. Онъ безпрестанно поворачивать голову, искоса взглядывалъ то на жениха, то на невѣсту; только на гостей не глядѣлъ, и усердно клалъ земные поклоны. По сторонамъ и сзади шушукала цѣлая толпа такъ-называемыхъ поѣзжанъ. Тутъ были и старухи съ взбитыми сѣдыми пуклями или рыжеволосыми накладками на лбахъ, въ чепцахъ на подобіе каланчей, и барышни пухленькія, розовенькія, съ обнаженными, заманчивыми плечами, и залпснѣвшія сорокалѣтнія дѣвицы, съ прыщами на лицахъ, очень рѣдкими волосами и голубыми цвѣтами на головахъ; и мушкетеры всевозможныхъ видовъ и оттѣнковъ, помѣщики ухорѣзы, помѣщики байбаки, многодушные, щедрые, старые, молодые, чиновные, не чиновные, въ сертукахъ, фракахъ, мундирахъ, очень похожихъ на театральные костюмы актеровъ, играющихъ роли злополучныхъ квартальныхъ и офицеровъ безъ рѣчей.

Въ сторонѣ, нѣсколько впереди гостей, около самого Петра Петровича, стоялъ, опустивъ голову и уставивъ глаза въ полъ, человѣкъ высокаго роста лѣтъ 40, въ форменномъ отставномъ военномъ сертукѣ. Загорѣлое, мужественное лицо его было довольно красиво, но отличалось какою-то задумчивою суровостью; большіе, рыжеватые, опущенные въ низъ усы почти закрывали весь подбородокъ; темные волосы на головѣ были коротко выстрижены. Казалось, онъ не обращалъ никакого вниманія ни на гостей, ни на свадьбу, какъ будто думалъ о чемъ-то совершенно постороннемъ или просто дремалъ. Объ этомъ человѣкѣ, какъ о лицѣ занимающемъ не послѣднее мѣсто въ разсказѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе. Это былъ родной братъ покойной жены Петра Петровича; Романъ Семенычъ Стадкинъ, тотъ самый Романъ Семенычъ, котораго разговоръ съ сосѣдомъ подслушала Аринушка. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ имѣлъ небольшое имѣніе въ окрестностяхъ селца Петровки и служилъ въ военной службѣ; но съ тѣхъ поръ какъ сестра его

сдѣлалась невѣстою, разсудилъ выйти въ отставку, а имѣніе и самого себя отдать въ полное распоряженіе Колотырникову. Рѣшено, сдѣлано—и Романъ Семенычъ, ограничившись небольшою пенсією, получаемою за какую-то рану, да всѣмъ готовымъ содержаніемъ отъ Петра Петровича, навсегда поселился съ только что обвѣнчанными молодыми, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ деревнѣ. Причиною этой добровольно наложенной на себя опеки была сильная привязанность къ сестрѣ. Съ самаго своего младенчества, лишившись отца и матери, Стадкинъ отличался нѣкоторою дикостію; никого никогда не любилъ, ни одна женщина не произвела на него впечатлѣнія. Казалось, онъ ихъ считалъ ниже себя, избѣгалъ какъ-то и уважалъ только сестру, видѣлъ въ ней исключеніе, совершенство, благоговѣлъ передъ ней. Эта душевная симпатія Романа Семеныча никогда не выражалась наружно, ее выказалъ единственный случай—желаніе жить вмѣстѣ съ сестрой, но и послѣ этого желанія онъ даже обходился съ ней скорѣе сурово, чѣмъ ласково. По натурѣ добрый, съ теплою, чистою душею, горячимъ сердцемъ, Романъ Семенычъ казался совершенно не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ какъ будто боялся людей, не вѣрилъ имъ и считалъ своею обязанностью хоронить, прятать всѣ свои чувства, свои лучшія человѣческія качества. Поселившись съ Колотырниковымъ, онъ уединился въ отдѣльную, очень отдаленную комнату, иногда по нѣсколькимъ днямъ сряду не выходилъ изъ нее, рѣдко съ кѣмъ и видѣлся, въ домѣ его не было слышно. Такъ онъ прожилъ 10 лѣтъ тихо, глухо, однообразно; единственнымъ развлеченіемъ его была трубка; онъ курилъ чрезвычайно много съ какою-то лихорадочною жадностію, и книги, онъ читалъ запоемъ, безъ всякаго разбору; попадалась ли Роману Семенычу кака-нибудь старинная чувствительная повѣсть, философія, путь въ царство небесное, мѣсяцесловъ, учебникъ географіи, сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ—все равно; онъ все прочитывалъ отъ строчки до строчки. Умерла сестра, Стадкинъ казался негоревалъ особенно, невыразилъ ни ропота, ни сожалѣнія, ни на волосъ не измѣнилъ своего характера; онъ только въ нѣсколько дней постарѣлъ значительно, и продол-

жалъ жить до сихъ поръ въ сельцѣ Петровкѣ, подъ опекой Колотырникова, въ отведенномъ ему хорошенькомъ флигелѣ, также уединенно, также читалъ книги, также курилъ вместо; только каждодневныя прогулки на кладбище на могилу сестры отличали его настоящую жизнь отъ прежней. Онъ такъ былъ удаленъ отъ всѣхъ, такъ мало интересовался окружающимъ, такъ рѣдко встрѣчался даже съ самимъ Петромъ Петровичемъ, что объ немъ часто забывали, какъ о лицѣ почти несуществующемъ. Извѣстiе о свадьбѣ Колотырникова нисколько не удивило Романа Семеныча, не вызвало ни радостной, ни двусмысленной улыбки на лицѣ его; онъ принялъ его какъ будничное приглашенiе на чашку чая, кликнулъ козачка-мальчишку, велѣлъ провѣтрить сертукъ, который по-новѣе и въ назначенное время тихо, нога за ногу, отправился въ церковь. Вошелъ въ нее, остановился у наоя и простоялъ все время вѣнчанья на одномъ мѣстѣ, потупивъ глаза въ землю; даже врядъ-ли на невѣсту взглянуть, хотя совершенно не зналъ ее, а если и видѣлъ когда-то мелькомъ, не обращалъ никакого вниманiя. Кончился обрядъ, гости зашумѣли, засуетились, обступили новобрачныхъ, каждый изъ нихъ старался выдвинуться впередъ, заявить такъ сказать самого себя; со всѣхъ сторонъ сыпались поздравленiя, мужчины почтительно подходили къ рукъ Арины Сергѣевны и низко кланялись Петру Петровичу. Дамы присѣдали, цѣловали новобрачную въ губы, въ носъ, въ щеки, нѣкоторыя приложились даже къ ея груди. Сергѣй Матвѣичъ цѣловался, раскланивался, жалъ руки, вертѣлся, моргалъ глазами и вмѣсто отвѣта только шевелилъ губами.

Восторгъ былъ всеобщій. Только Романъ Семенычъ да Аринушка не раздѣляли его. Первый былъ совершенно равнодушенъ. Сухо въ числѣ прочихъ поклонился новобрачной, почти мимоходомъ пожалъ руку Петра Петровича, замѣтилъ, что очень долго вѣнчали, и отправился къ себѣ во-своеси выкурить трубку. Аринушка, также какъ и подъ вѣнцомъ, оставалась блѣдною, съ опущенными внизъ глазами; она какъ-будто на смерть шла, какъ-будто эти поздравленiя, эти поцѣлуи были гробовымъ проща-

нiемъ, какъ-будто пѣвчiе не концертъ, а вѣчную память пѣли; а когда Петръ Петровичъ взялъ ее за руку, чтобы вывести изъ церкви, рука эта дрожала и была холодна совершенно. Двинулся свадебный поѣздъ, полетѣли кареты, коляски, дрожки, съ крикомъ побѣжали за ними мальчишки, повалили мужики и бабы. На крыльцѣ дома новобрачные были встрѣчены хлѣбомъ и солью, какими-то двумя почетными развалинами мужскаго и женскаго пола, полсотнею домашней прислуги, хоромъ военной музыки, дружно грянувшимъ торжественный, старинный маршъ въ родѣ «громъ побѣды раздавайся», да выстрѣлами изъ пушекъ поставленныхъ по угламъ сада. Въ большой залѣ былъ накрытъ обѣденный столъ. Хозяинъ съ хозяйкою заняли почетныя мѣста на небольшомъ возвышенiи, въ срединѣ, напротивъ огромной вазы съ цвѣтами; гости помѣстились по рангамъ и достоинствамъ. Обѣдъ былъ великолѣпный; кушанья носили съ такими вычурными, заманчивыми названiями, что одинъ помѣщикъ взялъ къ себѣ *теп* въ карманъ, а потомъ въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ, вплоть до самой смерти, каждый день перечитывалъ его, а наизусть все не могъ выучить; вино лилось, по удачному сравненiю другаго помѣщика, какъ вода въ торговой банѣ. Музыка не умолкала ни на минуту. Со двора долетали слухи угощавшихся на барскiй счетъ крестьянъ. Тосты смѣнялись тостами, пили за здоровье новобрачныхъ вообще, потомъ новобрачныхъ порознь, тамъ опять вообще, опять порознь, за ихъ будущихъ дѣтей, гостей, какой-то Анфисы Николаевны и проч. и проч. — всего неперечестъ. Въ концѣ обѣда какой-то господинъ попытался было сказать рѣчь, но только всталъ, прослезился, объявилъ, что говорить не можетъ и опустился на стулъ. Его смѣнилъ другой господинъ, онъ вышелъ на средину комнаты, развернулъ исписанный листъ бумаги, обратился къ хозяину и закатывая глаза къ небу и грозя кулакомъ вправо, продекламировалъ такiе стихи, отъ которыхъ у всѣхъ присутствующихъ закружилась голова самымъ неистовымъ восторгомъ, а у Петра Петровича градомъ полились слезы. Во время обѣда Арина Сергѣевна по наружности была живѣе, чѣмъ въ церкви; на щекахъ ее, быть можетъ

отъ духоты и жару, показался легкій румянецъ, а когда мужъ по крику гостей громко, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее, она вся зардѣлась. Сергѣй Матвѣичъ съ радости хлебнулъ черезъ мѣру, совершенно осовѣлъ, клевалъ носомъ тарелку, а потомъ ободрился, цѣловалъ всѣхъ гостей, не исключая дамъ и дѣвицъ, и просилъ въ чемъ-то простить его. Не стану рассказывать какъ кончился обѣдъ, какъ пировали далеко за ночь гости, какъ кричали ура, какъ разѣхались, или ночевать остались, какъ веселились крестьяне, какъ раздѣли невѣсту и потомъ облачили въ розовый капотъ, чепчикъ и на всеобщій показъ вывели, какъ воодушевились при этомъ всѣ гости, какъ снова пили и еще пили, какъ Сергѣй Матвѣичъ заснулъ въ чьей-то коляскѣ и чуть было за тридцать верстъ не уѣхалъ, и т. д. и т. д. Все это извѣстно всѣмъ и каждому, кто бывалъ на широкихъ русскихъ пирахъ, гдѣ пьютъ и ѣдятъ до такой степени, точно завтра всѣмъ умирать придется. Арина Сергѣевна во все это время дѣйствовала какъ автоматъ, какъ послушный, робкій ребенокъ. Казалось, она забыла свою прежнюю волю и съ жадностію исполняла все то, что прикажутъ. За нѣсколько дней до свадьбы къ ней была представлена какая-то модистка французенка, нарочно выписанная изъ губернскаго города, да сосѣдка помѣщица, баба лѣтъ 60, веселая, развитная, очень свѣдущая во всѣхъ малѣйшихъ тонкостяхъ свадебнаго дѣла. Безъ нихъ Аринаушна окончателно растерялась бы; она даже не знала какъ одѣться къ вѣнцу, какъ и съ кѣмъ въ церковь ѣхать, гдѣ стоять, какъ подойти къ жениху и т. д. Сергѣй Матвѣичъ не могъ пособить дочери, онъ вѣнчался очень давно, да и то съ грѣхомъ пополамъ, какъ Богъ велѣлъ. Эти двѣ женщины спасли невѣсту, если не отъ бѣды, то по крайней мѣрѣ отъ всеобщаго посмѣянiя, отъ злыхъ языковъ различныхъ сосѣдокъ, рассчитывавшихъ найти въ Аринаушкѣ что-нибудь смѣшное, странное, рѣзко бросающееся въ глаза.

Вообще первое время замужества Аринаушка провела въ какомъ-то чадѣ, она не могла опомниться, не могла отдать отчета въ своемъ положенiи, не знала, что съ ней происходить, голова ея кружилась и въ ухахъ звенѣло. Ви-

зиты, поздравленія, балы, обѣды, безвыѣздные гости рѣшительно ошеломили ее; она въ бреду, какъ со сна, смотрѣла на эти парадныя комнаты, на всю окружающую роскошь, со страхомъ ходила по лоснящемуся полу, не знала какъ сѣсть на богатую мягкую мебель. Дорогія нарядныя платья давили грудь ея, казались ей камнями. Даже на ласки Петра Петровича Аринушка не знала, что отвѣчать; она то стыдилась, то боялась ихъ, то чуть не плакала, то беззотчѣтно смѣялась, радовалась какъ-то безчувственно, точно эта радость томила ее, захватывала дыханіе. Она походила на слѣпца, который вдругъ прозрѣлъ и увидѣлъ весь міръ Божій, во всей его прелести и величіи. Только разъ оставшись на единѣ съ мужемъ она очнулась, пришла въ самую себя. Петръ Петровичъ, говорила она, тихимъ, робкимъ голосомъ, стоя передъ нимъ, какъ школьникъ передъ учителемъ, какъ проситель предъ милостивцемъ; простите меня, я сама не знаю, что со мной дѣлается.. Я говорила вамъ.. Я ничего непонимаю. Словно во снѣ вижу. Я простая, ничего не умѣю! Простите меня!

— Какая простая! ты прекрасная женщина, тебя всё хвалятъ, всё любятъ тобой.

— Всѣ?.. что всѣ, Богъ съ ними, какое имъ дѣло до меня.

— Ну и я люблюсь! замѣтилъ Петръ Петровичъ, понавь намекъ жены.

Аринушка подняла глаза, теплымъ, умоляющимъ взоромъ взглянула на него и продолжительно глубоко вздохнула.

— Боже мой! произнесла она съ какимъ-то раскаяніемъ, я даже не поблагодарила васъ, какая я черствая, каменная; все оттого, что сама себя не помню, много здѣсь у меня, много! она показала на сердце. Бѣда!.. говорить не умѣю. Господи, какъ мнѣ благодарить васъ! добавила она энергически, быстро нагнулась и поцѣловала руку Петра Петровича.

Последній усмѣхнулся.

— Ты ребенокъ, Аринушка, при другихъ этого нельзя дѣлать; у мужчинъ рукъ не цѣлуютъ, шутя замѣтилъ онъ

— Какъ нельзя?

— Такъ, нельзя, непринято; у насъ руки вонъ какія черныя.

Онъ показать свою руку.

— У меня тоже черныя, отвѣтила она и улыбнулась. Да какъ же мнѣ благодарить васъ? Какъ сказать все то, что чувствую, чего боюсь, о чемъ думаю? Я много думаю!.. добавила она очень серьезно.

Петръ Петровичъ продолжительно зѣвнулъ.

— Говорить не нужно. Все это вадоръ; лучше дѣло дѣлать, будешь хорошей, доброй женой, вотъ твоя благодарность, твоя обязанность, отвѣтилъ онъ выразительно.

Арина Сергѣевна опустила голову и задумалась.

Жизнь Сергѣя Матвѣича также значительно измѣнилась; положеніе его совершенно упрочилось. Ему отвели особыя двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ барскаго дома, чистыя, свѣтлыя; одѣли, обули, приставили мальчишку, поили, кормили съ барскаго стола, таскали въ гости. Въ послѣднее время онъ даже раздобрѣлъ какъ-то; изъ грязнаго, обросшаго бородой старика, сдѣлался такимъ чистенькимъ, гладенькимъ; щеки его доснулись, остатки волосъ на головѣ не развѣвались какъ прежде, не торчали клоками, а были тщательно причесаны на вискахъ и затылкѣ. Свадьба дочери и внезапная, рѣзкая перемѣна собственнаго положенія отуманили Сергѣя Матвѣича, но отуманили совершенно иначе, чѣмъ Аринушку. Онъ гордился своею новою жизнью, всюду кричалъ о ней, безпрестанно старался выказаться, сдѣлался даже выше ростомъ; поздравленія не только не смущали его, а напротивъ при каждомъ удобномъ случаѣ онъ всячески навязывался на нихъ, несмотря на то, что эти поздравленія отзывались иногда чуть-чуть не бранью; послѣдняго обстоятельства старикъ не понималъ, или быть можетъ понимать не хотѣлъ, потому что былъ счастливъ до самозабвенія. Пиръ, выѣзды и обѣды разстроили Сергѣя Матвѣича скорѣе физически, чѣмъ нравственно; часто прїѣзжалъ онъ откуда нибудь совершенно пьянымъ, а на другой день съ болью въ головѣ жаловался на лихорадку и былъ ужасно не въ духѣ. Разъ даже Крупкинъ до того разгулялся у какого-то сосѣда-помѣщика, что къ вящему удовольствію

цѣлаго общества, принялся откалывать въ присядку, разумѣется, въ отсутствіи Петра Петровича и дочери. Бѣдный старикъ, слыша непринужденный смѣхъ и дружныя рукоплесканія, въ простотѣ сердца веселился отъ души; думалъ, что каждый искренно, чистосердечно сочувствуетъ его радости, а нашлись люди, которые, подъ видомъ сожалѣнія и участія, тотчасъ обо всемъ рассказали Колотырникову. Сергѣй Матвѣичъ получилъ страшный нагоняй, расплакался и на будущее время отказался отъ всякихъ присядокъ. Виѣшняя обстановка, большія парадныя комнаты и ливрейныя лакеи мало смущали старика, во-первыхъ потому, что въ этихъ комнатахъ онъ все-таки былъ гостемъ, для жительства ему были отведены очень простенькія, съ бѣлыми стѣнами, уставленными кожанкою, вѣтхою небелью, а вторыхъ, ко всему этому блеску глазъ Крупкина достаточно привыкъ; онъ сидѣлъ не въ первый разъ на роскошныхъ креслахъ Петра Петровича, ступалъ по коврамъ и т. д. Напротивъ, даже въ обхожденіи съ благодѣтелемъ, Сергѣй Матвѣичъ сдѣлался какъ-то развязнѣе, не подбиралъ ноги подъ себя, не дрожалъ, не вытягивался въ струнку. Онъ стѣснялся болѣе своимъ новымъ костюмомъ, не зналъ какъ повязать галстукъ, застегнуть или разстегнуть сертукъ, безпрестанно клалъ на немъ пятна и потомъ тщательно выводилъ ихъ. Съ дочерью въ послѣднее время Сергѣй Матвѣичъ видѣлся рѣдко. Онъ смотрѣлъ на нее изъ-далека, какъ на что-то святое, неприступное, улетѣвшее изъ рукъ его чуть не на самое небо. Радовался, гордился, любовался ею втихомолку; онъ какъ бы сознавалъ передъ ней свое ничтожество; разъ только и то на минуту, украдкой отъ Петра Петровича зашелъ на ея половину, обсмотрѣлъ, почти обнюхалъ каждую вещь, не присѣлъ даже и возвратился къ себѣ въ такой радости, что долго какъ полоумный хохоталъ самъ съ собою.

Прошло недѣли двѣ. три послѣ свадьбы Аринушки. Пирры миновались, гости стали появляться рѣже, толки сосѣдей постепенно умолкали, всѣ принялись за обыденныя занятія. Жизнь потекла своимъ порядкомъ, по-деревенски, сонно, однообразно. Однажды вечеромъ, послѣ дневныхъ

трудова, Петръ Петровичъ въ халатѣ, съ трубкой въ рукахъ, покоился на кушеткѣ въ маленькой гостиной своей супруги. Голова его небрежно опрокинулась на спинку, ноги свѣсались, полураскрытые глаза безсознательно смотрѣли въ потолокъ, вся физиономія приятно улыбалась.

Аринюшка сидѣла напротивъ, немного сгорбившись, наклонивъ впередъ голову и изъ подлѣбья иногда взглядывала на мужа, иногда опускала глаза, задумывалась, какъ-будто что-то сказать хотѣла да не рѣшалась и складывала, какъ сказать лучше.

Она была одѣта совершенно просто, и въ эту минуту очень походила на прежнюю босоногую Аринюшку. На ней былъ темный, шерстяной капотъ, безъ всякихъ украшеній, рукава его засучились и обнажили голыя руки, волосы на головѣ растрепались. Прошло нѣсколько минутъ. Петръ Петровичъ не прерывалъ молчанія, сапѣлъ и дѣлливо тянулъ изъ трубки. Аринюшка рѣшилась заговорить первая.

— Я васъ первый разъ такимъ вижу, что вы лежите и ничего не дѣлаете, произнесла она какъ бы сама съ собою; оперлась обѣими руками о столъ, положила на нихъ голову и устремила глаза на мужа.

— Усталъ, въ головѣ тяжело! отвѣтилъ онъ нехотя и помолчавъ прибавилъ: я праздности терпѣть не могу; люблю работать, да оно и лучше, въ работу втягиваешься, живешь ею. Вотъ и теперь лежишь, да все думаешь.

— Я тоже думаю! замѣтила Аринюшка тихо и опустила глаза.

Петръ Петровичъ повернулъ къ ней голову.

— Ты думаешь? О чемъ? О Жучкѣ, о платьѣ какомънибудь? спросилъ онъ и слегка засмѣялся.

Арина Сергѣевна улыбнулась.

— Нѣтъ, не о Жучкѣ. Что жучка... Я думать тоже умѣю по своему! Она вдохнула.

Колотыринковъ смотрѣлъ на нее и казалось ждалъ продолженія.

Аринюшка дѣйствительно продолжала.

— По своему... Какъ мнѣ кажется, такъ и думаю о своей судьбѣ все!.. Была я бѣдной, брошенной дѣвочкой,

всѣ гнали меня... никто не любилъ; стала большой барыней, всѣ ласкаютъ, говорятъ все такое хорошее, отчего это? Потому что будетъ? добавила она вопросительно и глаза ея сверкнули.

Петръ Петровичъ, никакъ неожиданный такого разговора, съ жадностью высасывалъ дымъ изъ трубки.

— Какъ потомъ?.. Потомъ будетъ тоже что и теперь, ты жена моя, женой и останешься, отвѣтилъ онъ невыпуская мундштука изъ рта.

— А потомъ?

— Ну потомъ, чтожъ потомъ?.. Ты, голубушка, нустаян городишь. Женщинѣ думать вредно. Женщина не должна думать... потомъ?.. ну, умремъ потомъ!

Аринушка иронически улыбнулась.

— Я не о смерти говорю, что смерть, смерть конецъ общій, всѣмъ извѣстный, я не боюсь ее. Я говорю о томъ, чего не знаю, что страшитъ меня, давитъ; вѣдь не знала же я, что барыней буду.. не знаю и дальше. Простите меня, Петръ Петровичъ! вдругъ заговорила она умоляющимъ голосомъ, я не знаю, что со мной, я не могу привыкнуть сама къ себѣ. Я хочу одѣлаться, чѣмъ быть должна... Я давно васъ свросить хочу, зачѣмъ вы женились на мнѣ?

Калатырниковъ вытаращилъ глаза.

— Какъ зачѣмъ? Что за вопросъ нелѣпый, просто вдувалось такъ. Захотѣлъ и женился, развѣ ты жалѣешь что замужъ вышла?

— Какъ жалѣть? Жалѣть нельзя, боюсь только!..

— Чего боишься?

— Боюсь, что не сумѣю отблагодарить васъ, любить такъ, какъ должна любить, какъ хочу любить!

Петръ Петровичъ приподнялся и заложилъ за спину подушку.

— Аринушка, ты несешь вздоръ. Бредишь; что тебѣ вдувалось, бранить самую себя? Что за философія такая, откуда она? Ты добрая, прекрасная женщина, что жъ еще? произнесъ онъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ и нахмурилъ брови.

— Можетъ быть... Я ни въ чемъ невиновата, такъ мнѣ

Отд. I.

кажется... Я говорю, что на душѣ: Хочу облегчить себя. Прежде я многого непонимала, теперь все стало яснымъ... Вы мнѣ приказали замужъ выйти, я не могла послушаться вашей воли и вышла; теперь я прошу объ одномъ: прикажите мнѣ любить васъ, прикажите силой, богатствомъ, чѣмъ хотите, заставьте меня любить васъ! добавила она очень энергически и щеки ея покраснѣли.

Петръ Петровичъ растерялся; двигалъ бровями, судорожно шевелилъ губами, какъ дѣлалъ всегда, когда самолюбіе его чѣмъ-нибудь было уколото. Стало быть ты меня не любишь? Быть можетъ ненавидишь даже? Какъ-то перѣшпительно спросилъ онъ.

Аринушка вздрогнула.

— Неправда! этого быть не можетъ!.. пронесла она вволнованнымъ, задыхающимся голосомъ; я люблю васъ. Какъ мнѣ не любить, мой долгъ любить! Я сама не знаю, отчего мнѣ страшно, больно, совѣсть моя неспокойна, мнѣ недостаетъ чего-то, я должна любить больше, сильнѣе, какъ можно сильнѣе! Сжальтесь надо мной, скажите, научите, что мнѣ дѣлать. Вы обязаны пособить мнѣ, вы мужъ мой. Я хочу быть женой вашей, достойной, преданной, такой женой, чтобъ вы сказали: нѣтъ тебя лучше на свѣтѣ! Она тяжело дышала, на глазахъ ея блеснули слезы.

Петръ Петровичъ молчалъ, сидѣлъ понуривъ голову, и кусалъ свои сѣдые усы.

— Подкрѣпите меня! продолжала Аринушка, между тѣмъ какъ внутреннее волненіе почти не давало ей говорить; позаботьтесь спасти меня, меня нужно спасти, нужно! Прикажете, я все сдѣлаю; противъ силы, противъ воли, все равно, сдѣлаю! добавила она совершенно глухо.

Петръ Петровичъ молча указалъ Аринушкѣ на мѣсто возлѣ себя на кушеткѣ и самъ подвинулся вправо.

Она сѣла.

— Скажи мнѣ, ты любишь кого нибудь? спросилъ онъ тихо, не поднимая головы.

— Да, васъ люблю, вы мой благодѣтель! добавила она почти шопотомъ.

— Еще кого?

— Отца люблю!

— Что отца!.. Отца вздоръ, я не объ отца спрашиваю; любовника вѣтъ? Не было у тебя? Говори правду, я все узнаю! Заключилъ онъ очень строго и крѣпко взялъ ее за руку.

Аринушка слегка вздрогнула.

— Какого любовника?

— Не знаю какого чорта, негодяя какого-нибудь?

— Кромѣ отца, никого у меня не было, хладнокровно отвѣтила Аринушка.

— Побожись!

— Ей Богу, никого!

— Чего жъ ты боишься? Для чего ты говоришь, чтобъ я приказалъ тебѣ любить меня. Ты моя жена—твоя обязанность любить мужа.

— Говорите, Петръ Петровичъ, ради Христа, говорите, учите меня! Учите больше, и больше! съ живостию подхватывала она.

— Ему повиноваться, исполнять его волю, быть хозяйкой въ домѣ, хорошей матерью, держать себя какъ слѣдуетъ — вотъ твой долгъ.

— А мужъ? спросила Аринушка.

— Что мужъ? У мужа своя голова, свой умъ; не тебѣ учить мужа, онъ глава въ домѣ. Посмотри на людей, развѣ ты не видѣла мужей съ женами.

— Видѣла, въ раздумѣ, немного помолчавъ, отвѣтила Арина Сергѣевна.

— И что жъ?

— Я бы не то желала видѣть. Всѣ они мнѣ кажется обвѣнчались затѣмъ, чтобъ каждому тяжелѣе было, чтобы лицемерить, обманывать другъ друга, или даже просто ненавидѣть другъ друга; такой женой-я не могу быть! докончила она очень рѣшительно.

Петръ Петровичъ выпустилъ ее руку.

— Ты съ ума сошла! произнесъ онъ съ сердцемъ. Что за фантази, откуда онѣ? Фантазировать скверно мужицкѣ—въ тысячу разъ сквернѣе женщинѣ. Я тебя вытаскивалъ изъ грязи, изъ ямы! Пренебрегъ всемъ! Оглянись, че-

*

го недостаетъ тебѣ; подумай, кто твой отецъ, кто я! Я тебѣ приказываю выкинуть изъ головы вздоръ, туманъ какой-то. Вспомни, ты теперь не то, что была. Нужно подумать о себѣ, принаровиться къ своему положенію, тебѣ нужно Бога благодарить, молиться за меня, а не пустяками заниматься. Удивительная вещь право: простая, необразованная дѣвушка, дурочка деревенская, а то же фанаберію какую-то затѣлла? докончилъ онъ очень ласково и погладилъ ее голову.

Она схватила его руку и крѣпко сжала между своими пальцами.

— Простите, простите меня! Довольно! прошептала она съ полнымъ раскаяніемъ.

— Богъ проститъ. Нужно по закону жить! Наряжаться да веселиться больше, отвѣтилъ Петръ Петровичъ и поцѣловалъ ее.

Этотъ разговоръ произвелъ на мужа съ женой совершенно разное впечатлѣніе. Изъ него Колатырниковъ въ первый разъ увидѣлъ, что Аринушка не была такимъ простымъ, покорнымъ, ничтожнымъ существомъ, какимъ казалось сначала; что она совсѣмъ не похожа на первую жену, которая жила также тихо, безтребовательно, какъ въ гробу лежала; что у ней есть свой умъ, свое сердце, свои убѣжденія, даже своя воля; что женитьба его неказалась ей благодѣяніемъ; что на эту женитьбу она смотрѣла своими собственными глазами; что вслѣдствіе этой женитьбы, сдѣланной по капризу, по прихоти и отъ него требовали чего-то такого, чего онъ даже объяснить себѣ не могъ. Колатырниковъ сталъ беспокоиться, задумываться, какъ-будто страшиться чего-то. Казалось онъ предчувствовалъ, что съ этой женщиной ему много возиться придется, и въ душѣ отчасти расквашался, бранилъ самого себя за излишнюю поспѣшность; онъ даже на нѣсколько времени переломилъ себя, спустился съ своего пьедестала; сталъ больше заниматься женой, всячески тѣшилъ, ласкалъ ее; старался разсѣять, приучить къ новой жизни; тщательно слѣдилъ за всѣми ея дѣйствіями; хотѣлъ разгадать ея мысли, желанія, какъ-будто соображалъ какія средства лучше употребить, чтобы искоренить въ ней эту

гибельную, ненужную волю, приткій умъ да слишкомъ горячо-бьющееся сердце.

Богъ ее знаетъ, говорилъ онъ самъ съ собою. Бабенка съ характеромъ, по всему видно. Угрозой съ ней ничего невозможешь. Откуда она разнаго вздору набралась; жила въ глуши, ничего не знала, не видѣла, а говоритъ какъ изъ книгъ вычитала. Чего нужно ей? нестану же я унижаться, позвать передъ ней. Шалишь! Отцу приказать? Отецъ дуракъ, вездѣ разболтаетъ только! Она сама одумается; ее поразила переходъ, внезапная перемѣна жизни; она опомниться не можетъ, а между тѣмъ славная женщина, чортъ возьми, право славная, умная; въ душу просится! Есть подумать надъ чѣмъ!

И Петръ Петровичъ дѣйствительно задумывался.

Напротивъ, Аринушка вдругъ засіяла, сдѣлалась необыкновенно веселою, точно выздоровѣла, точно гора у ней съ плечъ свалилась. Ей показалось по чему-то, что она до безумія любить Петра Петровича и что Петръ Петровичъ разделяетъ эту страсть, сочувствуетъ ей. Боязнь, сомнѣнiе, грусть, дикая застѣнчивость, натянутость, разомъ исчезли съ лица ея, ихъ смѣнили полное безпечное довольство да теплая душевная улыбка самаго безмятежнаго счастья. Она стала необыкновенно тщательно, даже кокетливо одѣваться, долго передъ зеркаломъ чесала волосы, заботилась каждую вещь надѣть такъ, чтобы она шла къ ней, смѣла со всеми заговаривала, смотрѣла хозяйкой въ домъ; всея дѣйствiя сдѣлались тверже, самоувереннѣе; казалось, она обжилась, свыклась, сдружилась съ своимъ новымъ положенiемъ и благословляла его; привѣтливо улыбалась всему окружающему, восхищалась, глядя на самую себя, на свои комнаты, на отца, на Петра Петровича. Только опытный глазъ могъ бы захватить въ этой улыбкѣ, въ этомъ восхищенiи, въ этой бойкой развязности что-то неестественное, натянутое, лихорадочное, несогласное съ говоромъ души, что-то такое отчего не вполне вѣрилось Аринушкѣ. Прежде, бывало, ужъ если взглянетъ она весело, такъ кажется душа прыгаетъ, радуется въ ея взглядѣ; слово скажетъ—точно само сердце выговорить; теперь не то. Она говорила напримѣръ: какая я

счастливица! Другой такой и на свѣтѣ нѣтъ. Чего только недостаетъ мнѣ, все есть! Всѣ любятъ, уважаютъ, мужъ души не слышитъ, отецъ боготворить! Всѣ балуютъ, въ глаза смотрятъ. За что такое счастье, чѣмъ я лучше другихъ. Нѣтъ на землѣ счастливѣе меня, нѣтъ, быть не можетъ! А между тѣмъ въ звукѣ голоса, которымъ говорились эти слова, звучало что-то печальное, безнадежное, совершенно противное содержанію. Эти звуки походили на разгульную пѣснь охмѣлѣвшаго горемыки. Горе кипитъ у него; всю душу высосало, да на минуту онъ сдавилъ его. Хочетъ заглушить стоны виномъ да дикимъ воплемъ, кричить, поетъ безпечно, радостно и плачетъ внутренно.

IV.

Прошло мѣсяца два. Наступила зима: День сдѣлался маленькимъ, сѣренькимъ. Вокругъ барскаго дома разстлалась на необозримое пространство бѣлая пѣлена снѣга. Окна, двери законопатились, вся природа обледенѣла, какъ-то сжалась подъ морозомъ и снѣгомъ. Скучно зимой въ деревнѣ, такъ скучно, что даже Романъ Семенычъ сталъ чаще вылѣзать изъ своей берлоги. Просиживалъ иногда по нѣскольку часовъ сряду, съ трубкою въ зубахъ, въ комнатахъ Петра Петровича. Просиживалъ большею частью молча; изрѣдка, развѣ скажетъ словцо, другое, нехотя отвѣтитъ на вопросъ и снова въ трубку углубится.

— Ну, Романъ Семенычъ, съ тобой спать хорошо, говорилъ ему обыкновенно хозяинъ послѣ нѣсколькихъ часовъ молчанія.

— А что? спрашивалъ гость.

— Какъ что? точно, прости Господи, мертвый въ гробу: хоть бы для приличія языкомъ шевельнулъ.

— А вотъ, трубку выкурю, совершенно серьезно отвѣчалъ гость, затягивался съ ожесточеніемъ и умолкалъ снова до новаго хозяйскаго замѣчанія.

Съ Аринушкой Романъ Семенычъ еще меньше пускался въ разговоры. Онъ какъ будто и не замѣчалъ ее. Если она про-

ходила мимо, онъ или вставалъ и наклонялъ голову, или дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ ее и углублялся въ трубку.

Время въ Петровнахъ тянулось, какъ часы заведенные. Петръ Петровичъ сидѣлъ, заваленный бумагами у себя въ кабинетѣ. Сергѣй Матвѣичъ пребывалъ на своей половинѣ; общество соединялось только на время обѣда, да иногда вечеромъ зѣвало, молчало въ совокупности и съ нетерпѣнїемъ ожидало вожделеннаго, условнаго часа отхода ко сну.

Только для Аринушки время шло какъ нельзя лучше; не до зимы, не до скуки ей было. Она по прежнему казалась совершенно счастливою, беззаботною; даже коротко познакомилась съ двумя или тремя сосѣдями, ѣздила къ нимъ въ гости, принимала ихъ у себя.

Утромъ хлопочетъ, бѣгаетъ по хозяйству, хотя правду сказать и хозяйничать ей было нечего; потомъ урветъ минутку, другую, придерется къ какому-нибудь случаю, приближитъ къ мужу, поцѣлуетъ его въ щеку или въ руку, посидитъ въ его кабинетѣ, послушаетъ, какъ о дѣлахъ толкуютъ; заглянетъ къ отцу, съ нимъ побесѣдуетъ, почитаетъ книгу. Въ Петровнахъ была библіотека, состоявшая изъ путешествій, географій и старинныхъ романовъ; на послѣдніе особенно налегала Арина Сергѣевна и съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, очень много ихъ перечитала. Случалось, кто-нибудь изъ гостей прїѣзжалъ—обѣдали; послѣ обѣда хозяинъ или садился въ пикетъ играть, или по цѣлымъ часамъ тянулъ изъ трубки и медленно, съ вѣсомъ, что-нибудь разсказывалъ, а всѣ прочіе почтительно слушали. Такъ проходилъ день, за нимъ начинался другой, третій и такъ далѣе. Все было мирно, тихо; только тишина эта отзывалась чѣмъ-то насильственнымъ, она походила на тишь передъ бурей, на сонъ бѣдняка, медленнымъ пробужденїемъ отдаляющаго отъ себя дневное горе.

Въ послѣднее время Петръ Петровичъ выглядѣлъ озабоченнѣе обыкновеннаго. Ему мѣшало что-то, онъ видимо былъ смущенъ, недоволенъ, чувствовалъ себя не въ нормальномъ состоянїи и не зналъ, какъ оправиться, какъ выйдти изъ этого положенїя, какъ стряхнуть съ себя что-то такое тяжелое, непримычное. Его тревожила Аринушка. Онъ думалъ

видѣть въ ней жену—слѣпую исполнительницу его барской воли, существо сдавленное его благодѣяніемъ; жену, которая бы по призыву являлась къ мужу, по знану уходила отъ него, говорила бы тогда, когда спрашиваютъ, улыбалась—когда смѣются, думала—какъ прикажутъ; жену, о которой бы нечего было заботиться, которую бы можно было иногда забыть, иногда приказать, порой полюбоваться, порой же обратить вниманія, выбрать, а впоследствии привыкнуть, какъ привыкаетъ человѣкъ къ туфлямъ, къ халату, къ креслу, къ комнатамъ и т. д.

Вышло иначе. Образъ мыслей Аринушки, ея слова, поступки, самые взгляды сильно волновали Петра Петровича. Онъ косился, когда она ни съ того, ни съ сего прибѣгала къ нему въ кабинетъ, безъ спроса цѣловала его, разговаривала, смѣялась, спрашивала о томъ, о другомъ, высказывала свое мнѣніе и вообще дѣлала то, что по убѣжденіямъ Петра Петровича, не входило въ обязанности женщины, не шло къ ней. Даже самолюбіе его страдало; до сихъ поръ въ окружающемъ обществѣ, онъ не терпѣлъ никого равнаго себѣ и вдругъ бѣдная, ничтожная дѣвушка, названная женой по капризу, прихоти, неизрѣченному милосердію, осмѣливается стать наравнѣ съ нимъ, обращается просто, фамиліарно, другомъ называетъ, глядитъ ему въ глаза, какъ-будто слѣдитъ за нимъ, вызываетъ на сочувствіе.

Нѣсколько разъ Петръ Петровичъ думалъ образумить Аринушку, замѣтить ей, приказать вести себя иначе, но каждый разъ рѣшимость его пропадала; взглянетъ на нее и языкъ говорить отказывается. Странное дѣло: бывало, онъ подгибалъ подъ свой ноготь людей съ вѣсомъ, съ характеромъ; а тутъ жена, раба, сирота, слабое созданіе, отдавшееся въ его распоряженіе. Неужто молчать передъ ней? Что за нелѣпость? На его сторонѣ всѣ права; ему законъ покровительствуетъ, онъ мужъ, глава, благодѣтель; онъ можетъ даже выгнать жену. Откуда же эта нерѣшительность, эта ребяческая робость, эта боязнь почти; гдѣ причина ея? Любовь? Но гдѣ любовь, тамъ нѣтъ первенства, тамъ права одинаковы; нѣтъ желанія, нѣтъ надобности подчинить лю-

близкий предмет своей воли, выбить изъ него все человѣческое. Слабость характера, слабость собственныхъ силъ? Силы Петра Петровича достаточно крѣпки; характеръ упрямый, настойчивый; онъ женился на перекоръ цѣлому обществу. Чего же стоитъ сдѣлать намерекоръ женѣ, поредомить ее. Онъ мужъ.. Но Петръ Петровичъ бѣсился, досадовалъ на самого себя, на все окружающее; но досадовалъ молча, внутренно, или изливалъ свой гнѣвъ, свою волю, на что-нибудь совершенно постороннее. Такъ, напримеръ, онъ выгналъ вонъ главнаго управляющаго, лишилъ его куска хлѣба, за то только, что послѣдній вошелъ безъ доклада и засталъ Петра Петровича въ то время, когда Аринушка стояла, облокотясь на его плечо и еренила его волосы.

Только Роману Семенычу Петръ Петровичъ разъ вздумалъ высказать свое неудовольствіе на жену.

— Да, братецъ, произнесъ онъ со вздохомъ, такой женщины, какъ твоя сестра покойница, не скоро найдешь; по мнѣ была. Ненавижу я этой бабы—дуры... слава Богу, не мальчишка!

Романъ Семенычъ сидѣлъ, углубившись въ трубку, однако поднималъ глаза и пристрастно взглянулъ на хозяина.

— А что? спросилъ онъ.

— Какъ что? Сумасшедшая какая-то; ей не мужа, а вертѣпраха какого-нибудь надо; прыгаетъ, на шею вѣщается!

— На то и жена, радоваться долженъ; стало быть любить. Жениться не слѣдовало! вполголоса замѣтилъ Стадкинъ.

Это замѣчаніе взбѣсило Петра Петровича. Онъ готовъ былъ обругать гостя, однако удержался, махнулъ рукой и вышелъ въ другую комнату.

Романъ Семенычъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ какъ-то проницательно, горько улыбнулся и пустилъ цѣлое облако табачнаго дыма.

Съ Сергѣемъ Матвѣичемъ тоже случилось что-то совершенно непонятное. Не было несчастія, котораго бы не перенесъ этотъ человѣкъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ, съ удивительною твердостью.

Онъ похоронилъ жену, лишился мѣста, голодалъ, мѣра-

нужь, былъ безъ одежды, безъ обуви, питался подаяніемъ и все терпѣлъ; горе даже не состарило его, не прибавило лишней морщины на челѣ его, ни на волосъ не измѣнило характера, не отразилось во взглядѣ. Онъ все держался... Но не удержался при счастіи, не перенесъ спокойствія, какъ-будто счастіе и спокойствіе не существовали для него, какъ-будто онъ не умѣлъ владѣть ими. Вскорѣ послѣ свадьбы дочери, онъ какъ бы почувствовалъ, что роль его кончена, что теперь онъ лишній человекъ на свѣтѣ, никуда не нужный, что ему далѣе думать не объ чемъ.

Отъ этой бездѣятельности души и тѣла, или просто съ радости, тутъ катили и разные пиры подошли, старикъ, отроду никакого вина въ ротъ не бравшій, вдругъ пить началъ, да такъ пить—точно хотѣлъ какъ можно скорѣе порѣшнить себя, точно жизнь ему надоѣла, опротивѣла; съ каждымъ вечеромъ онъ напивался все болѣе и болѣе.

Петръ Петровичъ и Арина Сергѣевна ничего не знали о происходившемъ. Первый казался забылъ о Сергѣѣ Матвѣичѣ, не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія; если являлся онъ иногда къ обѣду, то всегда трезвый, танъ только какъ-будто глаза были красны, да руки тряслись; вторая—навѣщала отца только по утрамъ, въ то время когда Сергѣй Матвѣичъ лежалъ на кровати, хрипѣлъ и на головную боль жаловался. Последнее обстоятельство Аринушка приписывала приливу крови; мамкнула разъ мужу, что хорошо бы съ докторомъ посоветоваться, но Петръ Петровичъ засмѣялся, махнулъ рукой, и сказалъ: «старъ больно, доктора старость не лечатъ»; велѣлъ больному дать рюмку водки, да на томъ и покончилъ. Аринушка потомъ благодарила мужа; водка въ тотъ день дѣйствительно помогла ея отцу.

Однажды, во время обѣда, въ присутствіи Сергѣя Матвѣича и Аринушки, Петръ Петровичъ, только что задавшій кому-то порядочный нагоняй, былъ въ очень дурномъ расположеніи духа. Онъ сидѣлъ насупившись и дрожащею рукою каталъ хлѣбные шарики, искоса поглядывалъ то на жену, то на тестя, какъ будто искалъ случая придраться къ чему-нибудь и досадовалъ, что не находилъ его. Все общество молчало. Два прислуживавшіе лакеядохнуть не смѣли. Ве-

сезая до этой минуты Аринушка, нехотя подносила ложку къ губамъ, точно предчувствовала что то недоброе. Только Сергѣй Матвѣичъ оставался спокойнымъ. Онъ очень усердно хлѣбалъ супъ, кончилъ его, вытеръ салфеткою потъ съ лица, добродушно взглянулъ было на хозяина, но тотчасъ же глаза опустилъ.

Молчаніе продолжалось. Ничтожное обстоятельство, въ другое время быть можетъ только разсмѣшившее все общество, теперь послужило поводомъ къ цѣлой драмѣ. При второмъ блюдѣ, Сергѣй Матвѣичъ, по неосторожности или забывчивости, икнулъ на всю комнату и тотчасъ самъ испугался своей неучливости; закрылъ ротъ рукой и глаза вытаращилъ, какъ-будто спрашивалъ у присутствующихъ: какимъ образомъ это могло случиться?

Аринушка подняла свои большіе глаза и разомъ взглянула на отца и на мужа.

Петръ Петровичъ сморщился.

— Забылъ, съ кѣмъ за столомъ сидишь. Привыкъ по людскимъ обѣдать; тамъ бы и оставался, если не умѣешь вести себя! проявись онъ сдержаннымъ голосомъ.

Сергѣй Матвѣичъ, у котораго съ утра порядочно въ головѣ шумѣло, обидѣлся, скривилъ ротъ на сторону, всталъ и положилъ на столъ салфетку.

Петръ Петровичъ окончательно выпыхнулъ. Одной искры было достаточно, чтобъ поджечь его.

— Это что? Капризы показывать; забываться... Дрянъ, вонъ! На конюшнѣ бѣтъ заставляю! сердито крикнулъ онъ.

Аринушка сидѣла какъ мертвая. Крупкинъ, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

— Что это значить? Съ ума сошелъ, онъ дуракъ; но-прежнему продолжалъ хозяинъ, взглядывая на жену, какъ будто хотѣлъ оправдаться въ глазахъ ея, дуракъ, совсѣмъ дуракъ; дураковъ учить нужно, гадина! На старости дѣтъ дурь завелась. Я ее вытрясу, выбью!

— Сперва изъ меня выбейте, у меня ея больше; напѣтки что? Его вѣку конецъ; моя жизнь, мол, моя-то начинается только! тихо, кладнокровно отвѣтила Аринушка.

Физиономія Петра Петровича покоробилась, глаза забѣ-

гали, брови одвинулись; онъ отодвинулся на стулѣ и такъ смотрѣлъ на жену, какъ-будто спрашивалъ самого себя, во онѣ или на яву грезятся ему такія небывалыя вещи?

— Что ты оказала? Я не слышу, я оглохъ!.. Повтори! проявнесь онъ, какимъ-то шиплящимъ отъ внутренняго волненія голосомъ.

— Что сказала, то повторяю. Я никого не боюсь, кромѣ Бога; угрозой не удивишь меня. Что дѣлать, характеръ такой!.. Выбейте прежде изъ меня дурь, у меня ея больше! по прежнему отвѣтила Арина Сергѣевна.

Петръ Петровичъ стиснулъ зубы.

— Какая дурь? Какого чорта нужно тебѣ. Ты рехнулась, и ты туда же?

— Туда, куда отецъ! за нимъ, всегда за нимъ! Я привыкла страдать вмѣстѣ съ нимъ. Вы оторвали меня отъ него, приказали выйти за себя замужъ, я и пошла; какъ я могла не пойдти? Я вышла,—за чѣмъ? Быть можетъ вы думали богатствомъ да роскошью задавить меня... Я богатства не знаю, не умѣю цѣнить его, что мнѣ въ немъ? Я выросла въ рубницѣ, на черномъ хлѣбѣ, на холодѣ... Сердце мое бьется одиноково и подъ этимъ роскошнымъ платьемъ и подъ той черной тряпкой, которую я носила въ дѣвичество. Золотомъ не заглушить его бѣнія; во мнѣ тотъ же бѣдный умъ, тѣ же пустыя чувства; я все та же, глупая, простая, ничтожная,—я быть другой не могу!.. Вамъ не передѣлать меня! Простите, я виновата передъ вами, виновата потому, что не могу отплатить за ваши милости, не могу быть тѣмъ, чѣмъ вы мнѣ быть приказываете, чѣмъ мнѣ нужно быть! Я все поняла. Учила себя, передѣлывала, притворялась, хотѣла видѣть въ васъ мужа, но напрасно! Я видѣла только благодѣтеля! Я слишкомъ честна; я не могу называться чужимъ именемъ, — оно душитъ, давитъ меня... Мнѣ страшно, такъ страшно!.. Я была рабой вашей, вы меня женой назвали; къ чему это названіе. Что жъ я такое? Хуже рабы, презрѣннѣе Какъ закабалить то, что здѣсь, чѣмъ живешь, дышешь, что не боится неволи, бѣдности, что всегда свободно! Она указала на грудь. Отпустите меня, Петръ Петровичъ, махните на меня рукой,

я—не достойна васъ!.. Назовите неблагодарной, дерзкой, преступной, какъ хотите; отпустите только, мнѣ легче протянуть руку, легче ходить по полямъ босикомъ, легче работать, легче умереть съ голоду, чѣмъ обманывать васъ, обманывать себя, стараться быть тѣмъ, чѣмъ я не могу быть! Она говорила тихо, ровно, спокойно, точно книгу читала; потомъ вдругъ замолчала и закрыла лице руками, какъ будто сама испугалась словъ своихъ.

Петръ Петровичъ поблѣднѣлъ: только губы его судорожно вытягивались. Казалось, слова Аринушки совершенно поразили его, сбили съ толку.

—Боже мой!.. Какая я черствая! Неблагодарная! Какъ вы должны презирать, ненавидѣть меня; какъ я недостойна васъ. Господи, Господи, прости мнѣ, шептала она сама съ собою и вдругъ взглянула на мужа и громко зарыдала.

— Аринушка, что съ тобой дѣлается?! проманесь наконецъ Петръ Петровичъ, какими-то разбитымъ, востановленнымъ голосомъ; худо тебѣ адѣсь, ну Богъ съ тобой!.. Я добро хотѣлъ сдѣлать; до старости дожилъ, никого не обидѣлъ: всѣ любили, всѣ уважали... Богъ съ тобой! добавилъ онъ очень тихо, такъ какъ-будто говорить больше не могъ; всталъ и отвернулся.

Аринушка отняла отъ лица руку.—Владыко милостивый! проговорила она въ какомъ-то изнеможеніи, и вдругъ физономія ея приняла строгое выраженіе, глаза сверкнули.

— Что я сдѣлала?.. произнесла она, какъ бы что-то припоминая, и провела рукою по лбу. Да, все равно, все правда, правда! Паленька, паленька! повторила она; встала, взглянула на мужа, хотѣла еще что-то сказать и какъ-то нерѣшительно вышла изъ комнаты. На порогѣ она остановилась, глубоко вдохнула и снова заплакала.

Петръ Петровичъ обернулся—въ комнату никого не было.

— Чортъ, а не женщина! рѣзко проговорилъ онъ: бросить, а? Вадоръ, нелѣпость! Я не хочу бросить; съ чего? Она бредитъ. Если я женился, я долженъ быть мужемъ, долженъ напоминать о себѣ; тутъ борьба цѣлая, — съ кѣмъ? съ Аринушкой! Она дура! Чего нужно ей?.. Будемъ бороться; посмотримъ, ты хочешь показать свой

характеръ, хочешь стать выше меня, ты упряма; я тоже упряма! Я тебя заставлю моей женой быть, ты будешь отличной женой; я переверну тебя, передѣлаю на свой ладъ; я обязанъ перевернуть тебя! Я мужъ твой, мужъ такой, какимъ привыкъ быть; я твоего счастья хочу, ты на кожныхъ будешь благодарить меня; я тебя вылечу — это долгъ мой! Онъ задумался, приказалъ подать трубку, сѣлъ у окна и принялся курить. Физиономія его то хмурилась, то прояснялась, руки слегка дрожали; онъ все продолжалъ разсуждать самъ съ собою. Въ комнатѣ было совершенно тихо, слышались только отрывочныя слова самого Петра Петровича, наконецъ и они стихли. Каматырниковъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, развалился въ большомъ мягкомъ креслѣ и вдругъ встрепенулся, поднялъ голову и наострилъ уши. Слабый, претяжный стонъ, какъ-будто изъ подъ земли выходящій, поразилъ слухъ его.

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

Въ комнату вошелъ лакей въ длинномъ, красномъ жилетѣ.

— Что тамъ такое? Стонетъ кто-то? спросилъ Петръ Петровичъ. Узнать!

Лакей вышелъ и черезъ минуту снова вернулся.

— Сергѣй Матвѣичъ нездоровы-съ... Барыня у нихъ, дожили онъ.

— Какъ нездоровъ? Что съ нимъ такое?

— Не могу знать-съ, лежать!

Стонъ повторился сильнѣе прежняго.

На лицѣ Петра Петровича выразилось безпокойство: онъ медленно поднялся съ кресла, посмотрѣлъ вокругъ себя, и машинально запахнувъ халатъ, медленно вышелъ изъ комнаты, спустился по деревянной лѣстницѣ, остановился, прислушался — чей-то невнятный, хриплый голосъ произносилъ слѣдующія слова:

— Жжетъ! жжетъ!.. Отчего икнулъ? икнулъ, бѣда, бѣда моя!.. Душно, темно здѣсь... Горятъ! Свадьба была, концертъ пѣли. Дочь замужъ шла! Барыня, большая барыня! Господи, прости мнѣ!

Петръ Петровичъ пожалъ плечами, ноги его затряслись.

Онъ подошелъ къ маленькой двери, отворилъ ее. Въ небольшой комнатѣ съ бѣлыми стѣнами, съ простыми некрашенными поломъ, на узкой, деревянной кровати, опрокинувъ назадъ голову, лежалъ Сергѣй Матвѣичъ. Лицо его было покрыто багровыми пятнами, тусклые глаза выкатились, сдѣлались больше обыкновеннаго, не моргали, а какъ-то бес-сознательно блуждали; ротъ былъ раскрытъ, занекшія губы судорожно вытягивались. Онъ, то метался на кровати, рвалъ воротъ рубашки, точно она давила его, то лежалъ вытянувшись на спинѣ безъ всякаго движенія, тяжело дышалъ, хрипѣлъ, произносилъ какія-то невнятные слова.

Передъ нимъ, крѣпко схватившись за спинку кровати, въ какомъ-то забытій нѣмаго страданія, уставивъ неподвижные глаза, стояла блѣдная, изнеможенная Аринушка.

Петръ Петровичъ вошелъ въ комнату и остановился.

— Что съ нимъ? спросилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто самъ, лучше всякаго другаго, готовъ былъ отвѣчать на вопросъ свой.

Аринушка, казалось, не замѣтила вошедшаго; но крайней мѣрѣ она ничего не отвѣчала, не повернула голову; не двинула бровей.

— Что съ нимъ? Сергѣй Матвѣичъ, что съ тобой? повторилъ Петръ Петровичъ.

Больной оставилъ на него свои оловяные, безжизненные глаза.

— Замужемъ! прохрипѣлъ онъ и отвернулся.

Колотырникова слегка покорило. Онъ вышелъ изъ комнаты, распорядился послать за докторомъ и снова вернулся.

— Сергѣй Матвѣичъ, худо тебѣ? спросилъ онъ съ участіемъ, усаживаясь возлѣ кровати больного.

Простите меня, всё простите!.. Благодаритель сердится!.. Прогналъ... прошепталъ послѣдній съ усиліемъ.

Петръ Петровичъ поблѣднѣлъ.

— Кто сердится?! Что за вздоръ; ну погорячился—извини меня; свои люди, всё любятъ тебя. Вотъ твоя дочь здѣсь, Аринушка, и я здѣсь!.. Что съ нимъ? Все время здоровъ былъ, окончилъ онъ самъ съ собою и взялъ больного за руку.

— Руки холодныя... Голова горитъ... Что за напасть такая?

— Сергѣй Матвѣичъ, развѣ ты не улаешь насъ. Поаметри хорошенъко, мы дѣти твои, проговорилъ Петръ Петровичъ почти со слезами и взялъ Аринушку за руку.

Больной съ усиленіемъ приподнялся на постелю, долго, пристально смотрѣлъ на присутствующихъ, какъ-будто отыскивалъ въ нихъ что-то знакомое.

— Зачѣмъ замужъ вышла? Хорошо тебѣ, хорошо! проговорилъ онъ замотавъ головой и снова уналъ на постель.

Аринушка, отоявшая до сихъ поръ неподвижно, вдругъ встрепенулась, точно искра пробѣжала по всему ея тѣлу. Она быстро взглянула на Петра Петровича и крѣпко стиснула его руку.

— Говорите!.. Спасите его! аде слышю прощентала она. Петръ Петровичъ замаялся.

— Твоя дочь счастлива... будетъ счастлива, я ручаюсь за нее. Я люблю ее, очень люблю... люблю тебя!

— Боже мой, какого еще счастья мнѣ—и на землѣ не найдешь! твердымъ, спокойнымъ голосомъ докончила Аринушка и даже улыбнулась.

Прибѣжалъ докторъ, больному тотчасъ кровь пустилъ; Петръ Петровичъ казался тронутымъ. Онъ суетился, мѣшался, не зналъ, что говорить. На глазахъ его блестѣли слезы.

Аринушка стояла по прежнему у кровати отца и не смускала глазъ съ него, точно изучала его, боялась унустить малѣйшее движеніе его физиономіи.

— Пашенька умереть? спросила она у доктора такъ тихо, какъ будто насильно выговорила это слово.

— Ударь!.. умереть, равнодушно отвѣтилъ докторъ.

— Она опустилась на постель, рука ея какъ-то оудорожно двигалась по спинкѣ кровати, щеки казалось впали, губы были полураскрыты.

Петръ Петровичъ ушелъ. Онъ не могъ видѣть этой тяжелой сцены.

Аринушка осталась у отца на ночь. Она забыла про поздневее время, забыла про сонъ, про все на свѣтѣ; она все сидѣла, вытянувъ на колѣняхъ руки; изрѣдка вздрагивала,

тяжело дышала; порой къ чему-то прислушивалась, терла похолодѣвшій лобъ свой, точно припоминала что-то и снова входила въ мертвую, неподвижную задумчивость. Сальная свѣча, въ большомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, тускло освѣщая всю комнату, отбрасывала черную тѣнь на безжизненномъ лицѣ больного. Закрытые глаза его казались темными пятнами; онъ лежалъ въ совершенномъ изнеможеніи, закинувъ за подушки голову. Грудь его такъ высоко подымалась, точно она хотѣла вырваться изъ границъ своихъ. Въ изголовьѣ кровати, безпрестанно крестясь и охая, копошилась какая-то сморщенная старуха, вѣроятно приставленная для ухода за умирающимъ.

Только къ утру Сергѣй Матвѣичъ открылъ глаза, оглядѣлъ всю комнату, какъ будто спрашивалъ, гдѣ онъ, и остановился на Аринушкѣ.

— Ты здѣсь? прошепталъ онъ слабымъ, хриплымъ голосомъ; попробовалъ приподняться, но не могъ, а только протянулъ руку.

— Я, отвѣтила Аринушка, съ ужасомъ смотря на отца, какъ будто боялась услышать отъ него что-то очень страшное.

— Да!.. ты!.. Онъ гдѣ?.. Онъ?.. Не далъ Богъ въ радости пожить, отчего это? Ошибку сдѣлалъ, ошибку!.. Онъ остановилъ на дочери долгій, испытующій взглядъ и продолжалъ: терпи, — Богъ терпѣть велѣлъ; твоя доля такая. Затѣмъ ты и на свѣтъ родилась. Онъ что сказалъ?.. Ахъ! согрѣшилъ, молись за меня! Земля, все земля!.. Священника!.. добавилъ онъ совершенно глухо, застоналъ и замоталъ головой.

Аринушка повалилась на грудь отца.

— Паленька! паленька! родимый ты мой, шептала она, прижимая его холодныя руки къ губамъ своимъ, возьми меня съ собой... страшно мнѣ... здѣсь не останусь я... Я лишняя, лишняя!.. Нѣтъ мѣста мнѣ... Скажи слово, взгляни... Взгляни, Христа ради!.. Онъ подмалъ голову.

— Мужа слушайся!.. Будь вѣрной женой... рабой... съ большимъ усиліемъ прохрипѣлъ Сергѣй Матвѣичъ и вдругъ глухо застоналъ. Глаза его закатились, раскрытыя губы вытянулись.

Аринушка выпрямилась, отекочила отъ кровати, постояла съ минуту, точно не знала, что ей дѣлать — бѣжать или оставаться, потомъ бросилась ему въ ноги и громко зарыдала.

Черезъ нѣсколько минутъ Сергѣя Матвѣича не стало. Черезъ три дня его похоронили въ оградѣ цѣркви села Петровка.

Внезапная смерть старика произвела сильное впечатлѣніе на Петра Петровича. Въ первое время онъ совершенно растерялся, плакалъ, какъ ребенокъ. Не зная, что говорить, что дѣлать, даже боялся глядѣть на Аринушку, набѣгалъ разговора съ нею. Его мучила совѣсть, ему казалось, что теперь всё взгляды уставлены на него. Напрасно онъ старался всячески успокоить себя. Напрасно усердіе прежняго занимался дѣлами; ему вездѣ мерещился образъ покойника, все шептало ему: ты погубилъ этого чловѣка, раньше времени придавилъ его. Только узнавши объ образѣ жизни Сергѣя Матвѣича, Петръ Петровичъ какъ бы обрадовался, вздохнулъ свободнѣе, тяжелый камень свалился съ груди его; онъ засіялъ снова, заговорилъ прежнимъ наставническимъ тономъ, и какъ бы въ благодарность умершему почтнулъ его память великолѣпною панихидою.

— Жаль!.. свихнулся подъ старость; подъ старость-то и удержать себя, добрую память по себѣ оставить, о своей душѣ позаботиться, говорилъ онъ, взглядывая на жену, какъ будто требовалъ отъ нея подтвержденія словъ своихъ: и съ чего, всёми слава Богу взысканъ, надѣленъ былъ, всёми! Только жить бы да радоваться. Чего недоставало? добавилъ онъ вопросительно и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ самъ съ собою: все оттого, что люди своего счастья цѣнить не умѣютъ! Хорошо—человѣку, такъ хорошо, что лучше желать нечего — такъ нѣтъ, непремѣнно на зло лѣзеть, добавилъ онъ энергически.

Аринушка, съ той минуты когда зарыдавъ бросилась въ ноги умирающему отцу, повидимому совершенно перемѣнилась, сдѣлалась равнодушною и къ себѣ, и ко всему окружающему; она затихла, замолкла, охолодѣла, какъ-будто приготовилась къ чему-то, какъ-будто грусть ея изсякла съ этимъ рыданіемъ, какъ-будто устала она и скорбѣть, и

жаловаться. Спокойно, безъ слезъ, съ блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ она молилась у гроба отца; спокойно поцѣловала его холодный лобъ, спокойно смотрѣла когда гробъ крышкой заколотили, спокойно наклонилась въ землю, когда дьяконъ протяжно заголосилъ—вѣчную память, спокойно бросила горсть песку въ яму, спокойно домой возвратилась. Ни одного вдоха не вырвалось изъ груди ея, ни одной слезы не выкатилось изъ глазъ; только каждый день она навѣщала отцовскую могилу, но и тамъ она не плакала, а только молилась, точно бесѣдовала съ отцемъ, точно рассказывала ему про людей, про себя, про жизнь свою, точно о чемъ-то спрашивала его, точно завидовала ему, точно въ смерти видѣла его перерожденіе, его спокойствіе. О бывшемъ разговорѣ съ мужемъ она и не упоминала, какъ-будто забыла его. Казалось, она вся переродилась, отказалась отъ самой себя отдаваясь на произволъ судьбы; ни чему не радовалась, ничѣмъ не огорчалась; смотрѣла на все равнодушно, какъ-будто все ей чуждо было, или все приглядѣлось, надоѣло, какъ-будто устала, обезсилила она.

— Ты, Аринушка, скучаешь все! Тебѣ бы нужно заняться, разсѣяться чѣмъ-нибудь, говорить какъ-то Петръ Петровичъ.

— Чѣмъ скучаю? Я вамъ благодарна за все, мнѣ грѣхъ скучать, грѣхъ жаловаться! Вотъ, развѣ что папенька умеръ?

— Что жъ папенька... мы воѣ умремъ, воѣ смертны. Слава Богу, похоронили какъ слѣдуетъ, съ честію; ты теперь не одна—твоя судьба обезпечена. Горевать не объ чемъ!

— Петръ Петровичъ, не сердитесь на меня, право я всёю довольна, всёю счастлива, за все Бога благодарю! отвѣтила Аринушка съ чувствомъ.

— Обжидась! замѣтилъ Петръ Петровичъ и улынулся. Что дѣлать, видно и къ счастью привыкнуть нужно! А вѣдь чудила прежде, право чудила.

Аринушка слегка покраснѣла.

— Да, нужно привыкнуть, нужно; теперь я привыкаю, скоро совсѣмъ привыкну! Меня учить нужно!

— Учить не учить, а только свакать не давать. Женщи-

на! вотъ теперь и не узнать тебя; а отъ чего—отъ мужа все, ему спасибо скажи; у добраго мужа всегда жена добрая—на томъ свѣтъ держится. Это вѣдь ноньче выдумали противо-законное все! Жена не любить. Какъ не любить?.. Хорошаго мужа нельзя не любить; развѣ какая безпутная. Женщину только направить слѣдуетъ; и хорошая лошадь, да дай ей волю, разнуздай, самъ себѣ голову расшибешь! Ты бы, Аринушка, къ сосѣдямъ съѣдила; зачѣмъ тебѣ одной сидѣть? неожиданно добавилъ онъ.

— Иавольте, Петръ Петровичъ, съѣмъ.

— Сегодня и поѣзжай, благо время херошее.

— Хорошо, я сегодня поѣду!

— Да съ этимъ дуракомъ, съ Челкуевымъ тебѣ нужно любезнѣе быть; у меня дѣло съ нимъ.

— Постараюсь, Петръ Петровичъ!

— Непремѣнно нужно. Пора тебѣ матушка черное платье снять—терпѣть его не могу; для приличія можешь надѣть темненькое, къ чему черное?

— Какъ вамъ угодно, я темненькое надѣну.

— Тамъ горничная, что у тебя—ее слѣдуетъ въ другую деревню отпратить; къ тебѣ новая назначена.

— Петръ Петровичъ, я такъ привыкла къ ней.

— Все равно, и къ другой привыкнешь! Опять въ церковь тебѣ нужно тамъ стоять, гдѣ поверъ лежитъ; тамъ твое мѣсто.

— Въ слѣдующій разъ я тамъ вотану, покорно отвѣтила Арина Сергѣевна.

— А главное—не грустить больше; стараться людямъ нравиться, чтобъ люди хвалили; держать себя барыней.

— Да! прошептала Аринушка; опустила глаза и сложила голову.

Этой наружной, видимой переменѣй женинаго характера, ея переходомъ отъ мучительной борьбы къ какому-то апатичному спокойствію, Петръ Петровичъ былъ совершенно доволенъ. Его только смущала слишкомъ большая, неестественная рѣзкость этого перехода; впрочемъ и это послѣднее обстоятельство онъ объяснялъ по-своему. Онъ говорилъ: женщина съ душкомъ, съ характеромъ; ей самой стыдно

своей глупости, да признаться не хочется, самолюбіе тоже; думаетъ, все заглажу, все забудется. Она будетъ хорошей женой, сама ко всему привьется; какую дорогу укажешь, по той и пойдетъ. Потомъ спасибо скажетъ!

Нѣсколько дней спустя, Петръ Петровичъ объявилъ своей сунругѣ слѣдующую новость:

— Аринушка, мы въ Петербургъ ѣдемъ, произнесъ онъ такимъ тономъ, какъ будто собирался куда-нибудь за двадцать верстъ къ сосѣду-помѣщику.

Арина Сергѣевна остолбенѣла.

— Какъ, въ Петербургъ? спросила она, въ недоумѣнныя глядя на мужа.

— Въ Петербургъ; нужно такъ, дѣла заставляютъ. Можетъ не надолго, а можетъ и совсѣмъ тамъ останемся; дѣлать здѣсь нечего!

— Я также должна ѣхать? съ трудомъ вымолвила Арина Сергѣевна.

— Разумѣется, должна. Что за вопросъ странный—гдѣ мужъ, тамъ и жена. Черезъ недѣлю уѣдемъ; приготовься!

Аринушка хотѣла что-то сказать, но только опустила голову и принялась дрожащею рукою перебирать складки на платьѣ.

Петръ Петровичъ медленно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Тамъ у меня много родныхъ, знакомыхъ; всѣ полюбятъ тебя, тебѣ веселѣе будетъ. Ты женщина молодая, должна приучаться въ свѣтѣ жить, Здѣсь гадость, сплетни однѣ! говорилъ онъ отрывисто, размахивая руками.

Арина Сергѣевна молчала.

— Конечно, Петръ Петровичъ, произнесла она, нѣсколько спустя, очень тихо, не подымая головы; я обязана исполнять ваши желанія, вашу волю; должна повиноваться—на то я жена!..

Петръ Петровичъ самодовольно улыбнулся.

— Только простите меня; я слишкомъ глупа, слишкомъ ничтожна. Какой мнѣ свѣтъ, онъ и здѣсь пугаетъ меня... Она хотѣла продолжить, но взглянула на мужа и замолчала.

— Привыкнешь! Нужно привыкнуть!.. Помнишь, сама

сказала, рѣшительно отвѣтилъ послѣдній и вышелъ изъ комнаты.

Аринушка взглядомъ проводила мужа и вдругъ глаза ея въ одно мгновеніе наполнились слезами. Она тихо заплакала. Долго просидѣла она, подперевъ обѣими руками голову, слезы катились по ея блѣдному лицу; она неудерживала ихъ и казалось была рада, что могла выплакаться на свободѣ—только при малѣйшемъ шорохѣ въ сосѣдней комнатѣ, слегка вдрагивала и быстро утирала глаза. Наконецъ встала, глубоко вздохнула и отправилась на кладбище.

Могила Сергѣя Матвѣича находилась за угломъ церкви. Подойти къ ней можно было совершенно скрыто. Аринушка шла тихо, опустивъ голову; шумъ шаговъ ея заглушался шумомъ тающего снѣга, да порывистымъ вѣтромъ. Она достигла до поворота и вдругъ подняла глаза, и остановилась какъ вкопанная. На краю могильной плиты, подгорюнясь, сидѣлъ Романъ Семенычъ съ трубкою въ зубахъ.

Увидавъ Арину Сергѣевну, онъ всталъ очень спокойно, какъ-будто ожидалъ ее; медленно отошелъ въ сторону, точно ей мѣсто давалъ, и принялся выколачивать о камень яму изъ трубки.

Аринушка не спускала съ него глазъ.—Вы къ папенькѣ? спросила она тихо.

— Зашелъ; погода теплая, отвѣтилъ Романъ Семенычъ отрывисто, не оставляя своего занятія.

— Благодарю васъ!.. Вы знали папеньку?

— Нѣтъ, не зналъ; видѣлъ только, встрѣчался...

— Вы часто сюда ходите?

— Часто, тутъ у меня сестра лежитъ. Онъ кивнулъ головой въ сторону.

Аринушка опустила глаза и тотчасъ же снова подняла ихъ.

— Романъ Семенычъ! произнесла она несмыслымъ, умоляющимъ голосомъ, я хочу просить васъ.. Правда, я чужая для васъ, вы меня совсѣмъ не знаете, никогда не говорили со мною; все равно, вѣдь это доброе дѣло, васъ Богъ награждаетъ за него!.. Она на минуту остановилась. Вы сюда ходите—заглядывайте иногда на могилу къ отцу моему, поклонит-

тоскѣ ей!.. Въ ней все дорогое для меня; все то, чѣмъ до сихъ поръ жила я!.. Она хотѣла заплакать, однако удержалась и очень тихо добавила: мы въ Петербургъ уѣзжаемъ; не знаю за чѣмъ—Петру Петровичу угодно.

— Да, въ Петербургъ; его дѣла разстроились, на подрядѣ обертался. Петровку закладываетъ, равнодушно молонилъ Романъ Семенычъ.

На послѣднія слова Аринушка не обратила никакого вниманія. Она только протянула Стаднину руку и робко съ дѣтской улыбкой на устахъ проговорила: такъ какъ же, вы ходить будете?

— Буду, отвѣтилъ послѣдній, изъ придмчія касаясь двумя пальцами руки Аринушки.

Эти пальцы слегка дрожали.

— Я всегда хожу, продолжалъ онъ; дѣлать мнѣ нечего. Ходилъ къ одной жертвѣ, теперь къ другой.

— Какъ къ жертвѣ?

— Къ жертвѣ!.. Развѣ отецъ вашъ не жерва—его также сдавили.

— Какъ сдавили?

— Такъ, барской волей сдавили, благодѣяніемъ, золотомъ, добромъ, зломъ, ле все-ли равно—конецъ одинъ!

— Паленька послѣднее время пилъ много, опутивъ глаза замѣтила Аринушка.

— Отъ того и пилъ, что сдавили. все оттого. Вонъ этого тоже тиснули, онъ указалъ на какую-то могилу, тамъ тоже, сестру тоже; да всѣ, что здѣсь лежать—всѣ придавленные!

Аринушка не знала что отвѣчать. Она со страхомъ и удивленіемъ смотрѣла на Романа Семеныча.

— Да, продолжалъ онъ съ необыкновеннымъ, месвойственнымъ ему увлеченіемъ; человѣкъ такой всѣхъ давить, а добрый—кто говоритъ добрый; только барскаго много, добромъ и давить всѣхъ, никому зла нехочеть; да добро-то его хуже полыни горькой—душить, захватываетъ. Васъ тоже придавить, сюда же вотреть, помяните меня, вотреть, ей Богу! добавилъ онъ совершенно равнодушно, сѣлъ на камень и глубокомысленно затынулся.

— Господь съ вами, Романъ Семенычъ, что вы говорите такое, — непонять васъ... Я такъ обязана Петру Петровичу, такъ счастлива! произнесла она нерѣшительно.

Стадкинъ усмѣхнулся и выпустилъ облако дыма.

— Счастливы! замѣтилъ онъ съ ироніей; дай Богъ, вамъ же лучше; все это вздоръ, вы говорите противъ себя. Я все понимаю; вы думаете я молчу—оттого и молчу, что говорить много нужно, а мало нестоитъ; да и зачѣмъ говорить, словами тутъ непоможешь. Счастливы!.. Знаю я ваше счастье: послѣднему злодѣю не пожелаю его. Развѣ такого мужа вамъ надобно; вамъ съ мужемъ надобно въ одно цѣлое слиться; а онъ что, какой онъ мужъ, онъ повелитель вашъ, царь! насиліе, одно насиліе! добавилъ онъ энергически и снова углубился въ трубку. Аринушка стояла какъ вкопаная. Она не смѣла шевельнуться, не знала что говорить. Въ первый разъ она услышала правду, услышала самую себя, свою думу, свою боязнь и гдѣ—на кладбищѣ, на могилѣ отца. Лице ея было совершенно блѣдно. Грудь высоко подымалась. Руки дрожали.

— Вы очень сердиты на Петра Петровича? сказала она съ усиленіемъ.

— Нѣтъ, не сердить; за что мнѣ сердиться. На него сердиться никто не въ правѣ: онъ давить безъ умыслу, давить по натурѣ своей, задавить—а потомъ слезами обливается. Какъ тутъ сердиться, притомъ я его и не касаюсь. Я что! — посторонній человѣкъ!..

— Романъ Семенычъ! помолчавъ, произнесла Аринушка и оглянулась вокругъ себя. Вы добрый человѣкъ—до сихъ поръ я не знала васъ; спасибо вамъ—вы говорите такъ страшно, вы правду говорите; спасите же меня, научите, что мнѣ дѣлать?..

— Что дѣлать — терпѣливо нести крестъ свой; больше вамъ нечего дѣлать; больше вы ни на что не рѣшитесь; нельзя вамъ больше—васъ ужъ сдавили съ того часу, какъ вы невѣстой сдѣлались.

Аринушка вздрогнула.

— Тутъ и лечиться нельзя, продолжалъ Романъ Семенычъ; вашихъ силъ не хватитъ леченье выдержать. У васъ

два пути—или терпѣть, рабой жить и умереть рабой, или... Онъ замолчалъ.

— Что-жъ или?

— Или... да тутъ и говорить нечего; вамъ сердце шепнеть. Твори господь волю свою, доля такая! добавилъ онъ равнодушно.

На церковной колокольнѣ пробило два часа.

Аринушка встрепенулась и подняла голову. — Мнѣ идти нужно; меня обѣдать ждутъ, произнесла она съ нѣкоторымъ испугомъ и протянула Стадкину руку.

— Прощайте! Я посижу, еще трубку выкурю. Правда всегда съ языка соскочить, потому и молчу больше, хладнокровно отвѣчалъ онъ и снова, изъ приличія, подавъ два пальца руки своей.

Аринушка повернулась и пошла.

Романъ Семенычъ долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ, потомъ набилъ трубку, высѣкъ огня, закурилъ ее, и долго въ какомъ-то раздумьи выпускалъ облака дыма, а кругомъ него спали глубокимъ сномъ все сдавленные...

А. ВИТКОВСКІЙ.

Пилгримъ.

(Сонетъ изъ Мицкевича).

Какая земля подъ моими ногами,
Какая лазурь надъ моею головою,
Какая красавица рядомъ со мною! —
А сердце далёко: межъ прошлыми днями!

Литва! ты милѣй мнѣ своими лѣсами,
Чѣмъ дѣвы Салгира съ своею красотю:
Тамъ охотѣе я зналъ, хотъ трясины ногою
Топталъ;—здѣсь уныло брежу межъ плодами.

Влечетъ къ тебѣ, край мой, могучая сила,
Вадыхать заставляя о ней ежечасно —
О той, что когда-то любилъ ненапрасно,

О той, что осталась въ краю, гдѣ всё мило...
Тамъ шепчетъ ей всё: «онъ любилъ тебя страстно!»—
А помнить-ли друга она, иль забыла?...

АЛБИНЪ ПИОТРОВСКІЙ.

1861 г.

ВЪ КАЮТЪ-КОМПАНИИ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній).

Я былъ свидѣтелемъ любопытнаго и, въ тоже время, чрезвычайно оригинальнаго спора. Съ какого повода начался этотъ разговоръ — я не знаю; помню, что одинъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее:

— У насъ различныя точки отправленія: вы приказываете признавать себя за практика; мнѣ не хочется видѣть въ себѣ одного только теоретика. Вотъ почему у насъ больше крику и меньше дѣла; вотъ почему, желая сойтись въ примиреніи, мы только расходимся все дальше и больше, и никогда между собою не сойдемся. Я это знаю по долгому опыту. Но позвольте спросить васъ: принимая этого сѣреняго человѣка, въ куртку; на свое попеченіе, ради обученія, вы думали-ли вотъ объ чемъ: за что я буду на него сердиться, за что я буду считать его несравненно хуже себя: вѣдь я и самъ не бѣлый. Его сѣрымъ сдѣлала природа, меня бѣлымъ не сдѣлали обстоятельства. У меня для того, чтобы изъ него, сѣраго, сдѣлать бѣлаго, нѣтъ никакихъ нныхъ химическихъ препаратовъ, кромѣ простаго способа загрузовки. А грузовку мнѣ даже и готовить не нужно: она, вмѣстѣ съ сѣрой курткой и мѣдными пуговицами,

Отд. I.

отпускается отъ казны. Я и буду грунтовать — думаете вы и—дѣлаете. Вотъ на этомъ—то я васъ и хочу поймать. Теперь—то вотъ я и спрошу васъ: знаете—ли вы, что темные цвѣта самые крѣпкіе и упорные для того, что измѣняются всецѣло? Вы это знаете, но забыли. Я вамъ напому. 18, 20, 25 и даже очень часто 35 и больше лѣтъ накопляется на вашемъ сѣромъ человѣкѣ тотъ цвѣтъ и всѣ цвѣтовые оттѣнки, съ какими вы его приняли въ науку. Смыть ихъ свѣжей рѣчной и морской водой или застоявшейся и заплѣсневѣлой водой вашей науки нельзя. Вы это знаете, но не догадываетесь во время. И что же вы начинаете дѣлать? Мыть, но не отмывается; вы начинаете скоблить—отскабливается лучше, но сѣрые процвѣты все еще остаются. Такъ вѣдь и должно быть; краска прочная, на нее взята привилегія: даже Нѣмцы признали и поняли эту привилегію. У васъ, очевидно, дѣло не клеится и потому, что вы мало—умѣлый и знающій, и потому, что субъектъ вашъ слишкомъ самобытенъ и оригиналенъ; вы оба — люди противоположныхъ полюсовъ. И что же выходитъ: вы начинаете сердиться не на себя, какъ бы слѣдовало, а на него, на своего пациента. И какъ сердиться!!! Какъ малый ребенокъ, который, не умѣя починить имъ же изломанную игрушку, начинаетъ ее хлестать круто—смотанной веревкой, колотить чѣмъ ни попало, чтобы потомъ бросить ее въ галюнъ, говоря привычнымъ мнѣ морскимъ терминомъ.

— Но позвольте! — перебилъ другой спорившій: вы забываете, что у людей разные характеры: иные вспыльчивые, горячіе, злые.

— На такихъ людей существуетъ намордникъ, который называется просвѣщеніемъ, образованностью.

— Но вашъ сѣренькій человѣкъ дается мнѣ такимъ неумѣлымъ, такимъ робкимъ и тупымъ, что я готовъ похотительно считать его дуракомъ, и такимъ, на которомъ я долженъ начинать науку свою снова, съ аза.

— Думая такъ, — ошибетесь. Вашъ новобранецъ или какъ вы называете его — рекрутикъ, кажется вамъ и тупымъ, и дуракомъ, потому только, что онъ оробѣлъ, испугался, а вы запугали его еще больше. Пеняйте на себя!

Въ многолюдное незнакомое общество, да еще притомъ такое, гдѣ только предубѣждены противъ васъ, вы смѣло и храбро не войдете: въ этомъ я поручусь за васъ. Растеряетесь вы, глаза у васъ разбѣгутся; вы не соберетесь ни съ физическими, ни съ нравственными своими силами, не найдете куда спрятать руки, не съумѣете владѣть ногами, не отыщете словъ настоящихъ, приличныхъ. И понятно: вы—новобранецъ, вы въ первый разъ въ этомъ обществѣ. Вѣдь не бьютъ же васъ, не колотятъ, а вѣжливо стараются привести въ чувство; замѣтивши вашу застѣнчивость, всѣми силами и средствами разсѣваютъ ее. Будьте же справедливы: не бейте и другихъ за то, что вамъ самимъ прощаютъ, за что васъ самихъ ласкаютъ.

— Но у насъ велятъ эту застѣнчивость уничтожать возможно скорѣе: она намъ не годится.

— Понимаю. Вамъ не дано другихъ средствъ, кромѣ палки; говорю не дано, зная, что вы лѣнны, ибо сами до сихъ поръ объ иныхъ средствахъ не думали, другихъ способовъ обращенія не изобрѣли, не прилагали. Правы ли вы?

— Правъ, потому что это общая европейская система.

— На это могу сказать одно только, что или васъ самихъ много сѣкли—и вы мстите, какъ мститъ своимъ воспитанникамъ директоръ, инспекторъ, вышедшіе изъ тѣхъ русскихъ заведеній, гдѣ неистово порютъ; или—васъ мало сѣкли, что вы не вошли во вкусъ и не знаете, какая это невыносимая пытка. Въ томъ и другомъ случаѣ вы неправы.

— Но вы рѣзко выражаетесь...

— Споръ дѣло такое; щепетильную щеголеватость словъ и мыслей оставимъ спичамъ и надгробнымъ рѣчамъ. Дальше придется, можетъ быть, говорить еще рѣзче. Заранѣе предупреждаю васъ объ этомъ и прошу извиненія. Пора же намъ говорить, не стѣняясь другъ передъ другомъ, не боясь другъ друга. Постараюсь впрочемъ быть деликатнымъ въ вашемъ смыслѣ этого слова; извините, если промахнусь иной разъ противъ собственной воли. Попробую сдѣлать такъ, защищаясь отъ вашего замѣчанія такою формулою. Я долженъ дѣлать не такъ, какъ со мной самимъ дѣлали, но

поступать такимъ образомъ, какъ не поступать со мною и какъ поступать никто не имѣлъ бы права. Говоря эти избытныя истины, я думаю (и досадую): неужели мы еще должны обращаться къ азбукѣ и, зная, что знакъ *a* называется азъ, сомнѣваться въ этомъ? Скептицизмъ дѣло хорошее, но не въ такой размельченности и дробности, въ дѣлѣ воспитанія еще больше. Примѣры и факты и тѣ, и другіе давайте практическіе, по возможности историческіе.

— Въ англійскомъ флотѣ существуетъ тѣлесное наказаніе.

— Вотъ мы и добрались, наконецъ, до той великой истины, съ которой намъ и начать бы слѣдовало. Съ грустною истиной этой всѣ носятся; всѣ ее, какъ бревно подъ ноги, бросаютъ всякому позволяющему себѣ усумниться въ ея нравственномъ достоинствѣ. Я изъ послѣднихъ. И скажу: англичане — англичане, но вѣдь мы — мы русскіе.

— Я васъ не понимаю.

— Сожалѣю объ этомъ и отвѣчу вамъ пока такимъ же голымъ, отдѣльно взятымъ фактомъ: капитаны китобойныхъ судовъ въ каждый карманъ кладутъ по револьверу, а кармановъ у всякаго китобоя столько же, сколько линьковъ на русскихъ судахъ. Безъ револьверовъ этихъ китобой-капитаны изъ каюты своей не выходятъ, да и вообще примѣчательно—рѣдко являються они на палубѣ. Изобьютъ или просто убьютъ. Китобой—кабацкая сволочь, люди злые и озлобленные; да и капитановъ судовъ этихъ, несмотря на всю ихъ опытность въ морской практикѣ, правительственныя суда англійскія не берутъ къ себѣ, не нанимаютъ. Капитаны сами шли изъ кабака и добились этого званія потому только, что долго ходили въ море, много линьковъ на своемъ вѣку измочалили. Отъ такихъ господъ хорошаго не дождешься, да и не добьешься. Чтобъ не ходить далеко, перейдемъ прямо къ нашимъ...

— Но переходъ слишкомъ крутъ; громадная разница...

— Споръ—не разстановка хрїй по реторикѣ Кошанскаго; а предметы, повидимому огромнаго различія, при сравненіи оказываются въ сильной аналогіи и сродствѣ. Это и по логикѣ Рождественскаго справедливо. Будемъ же спорить не

о словахъ, а объ дѣлѣ; останавливаться не на фразахъ, а на ихъ сущности. Установимъ равныя права между собою и пойдемъ дальше. Вѣдь вы приравниали же къ линькамъ русскаго матросика, взятаго, какъ извѣстно, изъ мирнаго податнаго сословія къ англійскимъ матросамъ, схваченнымъ на половину изъ кабаковъ и изъ того разряда людей, которые на сухомъ пути потеряли все, даже чувствительность кожи, и въ тоже время сами потерялись безразлично и всецѣло.

— Позвольте вести мнѣ мои доказательства категорически. Въ дѣлѣ нашего спора я вижу начало и конецъ, а потому смѣю рассказать то и другое. Беру на себя началъ т. е. объясненіе основныхъ причинъ, лежащихъ въ характерѣ русскаго крестьянина, наканунѣ того дня, когда изъ него вытешутъ матроса; и конецъ, т. е. тѣ печальные результаты, которые изъ этого происходятъ. Средину, т. е. процессъ таковаго перерожденія я оставляю вамъ, моряку, моему оппоненту, мужу практики. Я самъ тоже изъ бывалыхъ, не изъ кабинетныхъ. Начинаю — извините — вопросомъ: какія мѣстности разнообразной Россіи дадутъ своихъ представителей на флотъ нашъ въ матросы?

— По большей части это жители сѣверныхъ губерній: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, почти всѣ приволжскіе обитатели; много Татаръ, значительная часть Финновъ или лучше—Чухонцевъ. Остальные виды безслѣдно пропадаютъ въ общей массѣ.

— Смотрите же, что выходитъ изъ словъ вашихъ: на флотъ постунаютъ лучшіе люди изъ всего податнаго состоянія Россіи. Сѣверныя губерніи, скрытыя за темными лѣсами и непроходимыми болотами отъ всякаго соблазна и всяческой порчи, какъ нѣкогда Новгородъ отъ татарскихъ погромовъ, населены такимъ народомъ, который крѣпко придерживается старины и до сихъ еще поръ и искренно-простосердеченъ, и неподкупно-прямодушенъ. Обусловившись говорить проще, мы и дальше не будемъ прибѣгать къ діалектическимъ уловкамъ и хитростямъ. На этомъ—все наше право. Въ сѣверныхъ губерніяхъ нѣтъ фабрикъ и, стало быть, этого растлѣвающего, заразительнаго разврата, какимъ полны напр. подмосковные и замосковные, тульскіе и владимірскіе

уѣзды; фабричный плутъ и ловчакъ здѣсь немыслимы и неизвѣстны, потому что нѣтъ подъ бокомъ столицъ съ ихъ трактирами, площадями и всякимъ соблазномъ, на который такъ падокъ неискусившійся человѣкъ. Надзоръ держитъ здѣсь, на сѣверѣ, не полицейскій приставникъ, не фабричный хозяинъ, не заводскій прикащикъ, для которыхъ равно непонятна истинная нравственность, — но старый обычай и старая вѣра, которая вся за семью и за общину, за благосостояніе и счастье той и другой. Не разбиваетъ этого строя, наложеннаго обычаемъ и поддерживаемаго общиной (пожалуй даже раскольничьей) и то многонепечальное учрежденіе, которое зовется откупомъ, и то многострадальное заведеніе, которое обзывается кабакомъ. Рѣдкій гость въ этихъ губерніяхъ дѣдновець, который, какъ язва, съ своей водкой и своей темной сноровкой, усѣлся вездѣ, гдѣ существуютъ фабрики и бойкое базарное мѣсто. Сѣверныя губерніи не держатъ солдатскаго постоя и избавлены отъ того, чѣмъ даритъ кормильца развращенный воскормленникъ; нѣтъ воровства, нѣтъ плутовства, нѣтъ наглаго подкапыванія подъ цѣломудріе чужой жены или дочери. Если въ этихъ губерніяхъ послѣдняя роль перешла на чиновника, то сумма случаевъ, при малочисленности помянутаго класса, ничтожна и для насъ нейдетъ въ соображеніе. Я хочу этимъ сказать только то, что и самыя преступленія тамъ несравненно рѣже. Офиціальныя свѣдѣнія, собранныя мною недавно, приводятъ меня къ тому заключенію, что большая часть преступленій на Руси сопряжена съ захватомъ чужой собственности, а на захватъ этотъ увлекаетъ преступниковъ нужда, доведенная до крайности. И только самая незначительная часть преступленій совершена подъ вліяніемъ страстей. На это укажутъ вамъ и офиціальныя донесенія и краснорѣчивыя цифры. Я намѣренъ дать объ этомъ предметѣ подробный трактатъ; а потому позвольте теперь возвратиться къ тѣмъ же сѣвернымъ губерніямъ, гдѣ, какъ извѣстно, недавно только начали употреблять ключи и замки, и простите мнѣ—я вѣрю факту, рассказываемому въ тѣхъ мѣстахъ зачастую, что потерявшій вещь приходилъ на базаръ, на площадь, въ церковь и объявлялъ о пропажѣ, и наводилъ былъ на слѣдъ или

получалъ пропавшее или покраденное. Времена, правда, измѣняются, измѣняются и люди, но цифра всегда краснорѣчива. Я васъ не утомлю, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи на этотъ разъ опереться на эту цифру. 1854 годъ далъ Сибири изъ Арханг. губ. 16, 1855—67; 1856—37; 1857—38 преступниковъ всякаго рода. Олонецкая въ 1854—2; въ 1855—5; въ 1856—13; въ 1857—7. Вологодская губернія въ 1854—12; въ 1855—12; въ 1856—46; въ 1857—21. Года беру на выдержку и сопоставляю этимъ губерніямъ тѣ, напр., въ которыхъ и фабрики, и заводы, и столицы:

Изъ каяхъ:	Петербургская	въ 1854 г.	дала	516;	въ 1855	171;	въ 1856	149;	въ 1857	66
	»	Московская	»	»	»	»	»	»	»	»
	»	Пермская	»	»	»	»	»	»	»	»
	»	Оренбургская	»	»	»	»	»	»	»	»
					198	»	»	»	»	230
					579	»	»	»	»	468
					277	»	»	»	»	205

Тоже самое скажутъ намъ и другія цифры по другимъ губерніямъ, если мы сопоставимъ двѣ однородныхъ: одну, дающую большое количество матросовъ, напр. Костромскую, и другую, не дающую матросовъ, но ближайшую къ Костромской по относительному числу жителей, напр. хоть Кіевскую. Всѣхъ преступниковъ изъ Костр. губ. ушло въ Сибирь въ тѣже годы слѣд. количество:

Изъ Костромской	въ 1854—	36;	въ 1855—	121;	въ 1856—	46;	въ 1857—	108
Изъ Кіевской	»	»	»	»	»	»	»	»
					627	»	»	308
					536	»	»	304

Цифръ кажется довольно; выводовъ, за краткостью времени, дѣлать не будемъ, оставляю ихъ про себя на всякій случай. Довольно будетъ съ насъ, если мы за жителями сѣверныхъ и приволжскихъ губерній оставимъ заслуженное право отличаться меньшимъ количествомъ преступленій передъ всѣми другими и поздравимъ флотъ съ завидною привилегіею принимать въ число командъ жителей тѣхъ губерній, въ которыхъ мирное занятіе земледѣліемъ обратилось въ главный и существенный промыселъ. А ни одинъ промыселъ такъ не умягчаетъ нравовъ, какъ этотъ. Съ этимъ согласились всѣ—уступите.

— Но вы даете только общія положенія: не даете выводовъ...

— Я ихъ и не обѣщаль вамъ. Не забудьте, что мы пишемъ не карту, а кладемъ только узоръ. Не забудьте, что

въ нашемъ распоряженіи только канва, шерсть куплена, но не подобрана по цвѣтамъ; а иглы нѣтъ. Шить нечѣмъ.

— Вы забыли про Татарь.....

— Не забылъ я ихъ, когда говорилъ о приволжскихъ губерніяхъ; а теперь скажу, что Татары уличаются въ двухъ весьма странныхъ и подозрительныхъ преступленіяхъ: они идутъ въ ссылку за кражу лошадей и пристанодержательство почти исключительно. Матросами изъ татаръ моряки не нахвалятся. Въ нихъ видятъ даровитость, понятливость, честность. Это я слыхалъ, да и самъ на себѣ испыталъ. Про чухонъ говорятъ тоже. Иностранцами вообще Россіи посчастливилось — старая истина. Но объ этомъ будетъ на первый случай.

— Вернемся нѣсколько назадъ. Помните, что въ матросы идутъ люди, сейчасъ только взятые отъ сохи и бороны, прямо съ поля, изъ избы, съ отдыха, а не изъ кабака и съ фабричной гульбы. Съ меня будетъ и этого довольно. Дитя доброе, послушное, кроткое, имъ не нахвалятся тѣ, кто его поближе знаетъ. Кротость въ его глазахъ, кротость въ его пѣсняхъ, миръ и любовь въ его обычаяхъ и житейскихъ отношеніяхъ. Прислушайтесь къ нему внимательнѣе—вы его заслушаетесь; присмотритесь къ нему прямо, не предубѣжденными глазами—не налюбуетесь; а главное, подходите къ нему, не царапаясь, не съ кулакомъ и крутымъ словомъ—онъ не обездолитъ, не обидитъ васъ недовѣріемъ. Такихъ дикихъ педагоговъ дѣти не любятъ; отъ нихъ бѣгаютъ. Убѣгутъ да и смотрятъ потомъ изъ-подлобья, спрятавшись. И пряникъ покажете—не пойдутъ. «А золь-де ты, такъ и я мстителенъ; другаго чувства кромѣ мщенія, я и найти не могу въ своемъ неопытномъ сердцѣ, въ своемъ неравнѣномъ умѣ.» Подходите же съ вѣрой и любовію приласкайте этого умнаго, но только неученаго ребенка—онъ къ вамъ бросится на шею. Смѣю васъ въ этомъ увѣрить; смѣю не развивать больше этихъ простыхъ истинъ, ясныхъ какъ день Божій; смѣю замолчать, зная, что вы сами знаете это, да... да забыли (скажу, чтобы успокоить васъ и свою совѣсть).

— Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ.

— Говорите тысячу, но такихъ, которыя бы опровергали прямо и безъотносительно мои положенія.

— Вы ничего не говорите о самой системѣ нашего воспитанія.

— Не говорю, потому что я ее знаю только отчасти, видѣлъ только стороною и притомъ одинъ уголокъ при тщательнѣ—скрытой картинѣ, съ опущенной завѣсой. Я уважаю вашу систему какъ историческій фактъ, но не знаю ея, потому что никто не говорилъ объ ней откровенно и просто-сердечно.

— Но вы не сказали еще какіе именно изъ крестьянъ поступаютъ въ морскую службу: прилежные или лѣнныя, способные или неспособные.

— Въ крестьянскомъ сословіи нѣтъ табели о рангахъ, тамъ, какъ извѣстно, всѣ равны и всѣ одинаковы. На флотъ идутъ рѣже богатые, чаще бѣдные, меньше взятые изъ семействъ, больше такъ называемые бобыли, т. е. одинокіе, круглые сироты. Помѣщичьяго права въ сѣверныхъ губерніяхъ не существуетъ, стало быть нѣтъ и произвола; вся *некрутчина* опредѣляется мировыми сходками, огуломъ. Татары—тоже всѣ крестьяне государственные; Чухны—также. Нужно знать положеніе общественное и житейскую обстановку бобылей, чтобы въ этомъ разрядѣ людей не видать людей испорченныхъ и безнравственныхъ. Это люди, обездоленные сиротствомъ и безвыходнымъ положеніемъ. Имъ далеко до такъ называемыхъ наймитовъ, которые продаютъ свою волю за деньги и водку и пьютъ и буянятъ на счетъ своего наемщика только до рекрутскаго присутствія. Лишь только накинуть на ихъ плечи казенный полушубокъ, они при-
смирѣютъ, какъ баба кликуша. Что въ характерѣ крестьянъ нашихъ нѣтъ самостоятельности и устойчивости въ убѣжденіяхъ—это отчасти вѣрно, но это уже другой вопросъ. Но не забывайте, что у нихъ есть въ тоже время упорство и неуступчивость, которыя въ дѣтяхъ называютъ упрямствомъ. Попробуйте прямѣе дѣйствовать, и у васъ не будетъ въ итогъ недовѣрія со стороны ученика, съумѣйте только въ свою очередь сдѣлать себя кроткимъ, незлобивымъ, и у васъ самихъ не будетъ розогъ. Недовѣріе ученика не перей-

дети въ замкнутость и вы уже не встрѣтите въ немъ настоящаго упрямства, со всеми его дурными послѣдствіями.

— Вы упомянули объ розгахъ. Къ розгамъ крестьянинъ привыкъ еще дома, съ ними онъ сроднился до того, что отучать его отъ нихъ для насъ трудно. Не будетъ розогъ въ крестьянствѣ—не будетъ ихъ и на флотѣ, у насъ.

— Отвѣчу на это сравненіемъ. Мальчикъ, набалованный безтолковой маменькой, привыкъ, подъ ея крыломъ, сладкое ѣсть. Съ этой слабостью и повадкой онъ поступилъ въ школу. Здѣсь не отучать его стали, а забаловывать, продолжать кормить сладкимъ. Педагоги не сообразили, или даже забыли, что баловство это задерживаетъ ростъ у ребенка, задерживаетъ развитіе его умственныхъ способностей; мальчикъ и безъ того отъ рожденія золотушный. Вина родителей: ихъ прежняя безпутная жизнь, помѣшавшая родительскимъ организмамъ сохранить въ тѣлѣ достаточное количество питательныхъ соковъ; не удѣлили они таковыхъ и дѣтямъ, а воспитатели, въ свою очередь, дали возможность развиться этимъ болѣзнямъ и въ дѣтяхъ. Лекарей, какъ извѣстно, въ деревняхъ нѣтъ и не полагается: подлекаря, люди темные, сами недоученные и неумѣлые. Ихъ выучили одному только средству «кормить больныхъ березовой кашей», они ею и пичкаютъ. Ребенокъ къ кашѣ привыкаетъ, но привыкаетъ ли въ такой мѣрѣ, чтобы лишиться возможности бросить и забыть ее тотчасъ же, какъ дадутъ ему другую пищу, другое блюдо, приготовленное изъ новыхъ, питательныхъ и здоровыхъ веществъ? Отрицательнаго отвѣта вы мнѣ дать не смѣете, иначе я назову васъ нравственно-развращеннымъ. Чортъ съ ней, съ этой кашей: она только засоряетъ желудокъ, а отъ несваренія послѣдняго происходятъ многіе недуги, между прочимъ и задержка умственнаго развитія. Ребенокъ на возрастѣ становится какимъ-то пришибеннымъ, вабитымъ, лишеннымъ нравственной инициативы; боязливъ онъ, недовѣрчивъ. Если всегда будутъ няньки и опекуны у вашего ребенка, онъ вѣчно будетъ ходить на помочахъ и, придя въ возрастъ, все-таки останется калекой и недоделаннымъ—безъ дядьки онъ не ступитъ, безъ опекуна слова сказать не найдетъ. Послушайте, педагогъ! Я далъ вамъ

ребенка смышленнаго и только неопытнаго; вы держали его у себя въ наукѣ 15, 20, 25, лѣтъ, все учили; пришло время, вы отдаете его мнѣ назадъ, ваше дѣло кончено. Приходить ребенокъ ко мнѣ. Я смотрю на него пристально, съ ногъ до головы, поворачиваю его, оглядываю, опрашиваю—и не узнаю. По внѣшности онъ какъ будто мой; по разговору, по убѣжденіямъ, совсѣмъ чужой. Мнѣ это больно и горько. Плакалъ бы, такъ уже и слезы у меня не текутъ, всё выплакалъ; къ сосѣдямъ пойти горевать, такъ ужъ надоѣло и мнѣ и сосѣдямъ этимъ. Приласкалъ бы я ребенка—не милъ онъ сталъ, насилуванныя ласки не утѣшаютъ меня. Съ каждымъ днемъ постылѣетъ мнѣ мое родное дитя, постылѣетъ еще больше потому, что и само оно въ лѣсъ глядитъ отъ меня, ни за что взятыся не умѣетъ. Что съ нимъ дѣлать? Само оно себѣ въ тягость, и мнѣ—совсѣмъ лишнее. Изуродовали его, искалечили. И пойду я ходить изъ угла въ уголь, и стану дѣлать такъ не одинъ день, а недѣли цѣлыя, и какъ императоръ Августъ твердить одну и то же фразу: *Varre, Varre! redde mihi legiones!*

Разговоръ моихъ собесѣдниковъ, къ несчастію, на этомъ прекратился. Мнѣ сильно хотѣлось подстрекнуть ихъ, чтобы вновь ихъ слушать. Много было недоговореннаго, много какъ будто неопредѣленно-высказаннаго, мало подкрѣпленнаго примѣрами и фактами.

— Неужели, думалъ я, и всегда у насъ такъ, и всѣ у насъ такъ. Говорятъ, не договариваютъ. Примутся спорить, шумятъ только и расходятся довольные не другъ другомъ, а сами собой; всякій остался при своемъ мнѣніи и думаетъ: чортъ ли мнѣ въ томъ, что мы хотѣли сойтись въ одномъ пунктѣ и—не сошлись. Завтра опять можно поспорить, времени свободнаго много;—на работу не зовутъ. Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не бѣжитъ, увѣряютъ насъ. Чтожъ дѣлать? Повѣримъ на слово; станемъ и сами такъ думать. А вотъ что, между прочимъ, замѣтилъ я говорливому оппоненту.

Любопытно было бы знать, къ какимъ выводамъ привели васъ наблюденія надъ нашимъ матросомъ.

— Я велъ дневникъ, отвѣчалъ мнѣ собесѣдникъ. Я прочту вамъ изъ него выдержки въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ они ложились въ тетрадахъ. Возьмите ихъ и дѣлайте съ ними что хотите и что можете сдѣлать,—печатайте! Предупреждаю объ одномъ. Матросъ меня занималъ только въ своемъ законченномъ видѣ, наканунѣ оставки, которая уведетъ его опять въ ту семью, откуда онъ вышелъ новобранцомъ. Сожалѣя объ томъ, что мнѣ не случилось быть у новобранца этого на крестинахъ, не удалось пожить съ нимъ въ школѣ, скажу вамъ, что я навѣстилъ его только на праздникахъ;—пробылъ подлѣ него только два мѣсяца. Поближе другихъ я узналъ только одного, но этотъ одинъ былъ старый матросъ марсовый, кругосвѣтный. Всѣ мои воспоминанія будутъ больше группироваться около него. Предупреждаю васъ объ этомъ и прошу снисхожденія.

Принявши этотъ дневникъ въ свое распоряженіе, я съ своей стороны оставляю за собой одно только право—сдѣлать его печатно гласнымъ. Измѣняю порядокъ и планъ, не смѣя дѣлать отступленій и измѣненій.

«Сегодня поступилъ въ мое распоряженіе матросъ 1-й статьи, Филиппъ Ершовъ—человѣкъ бывалый. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ, во время послѣдней войны нашей съ Англо-Французами, на одномъ изъ судовъ въ Восточномъ океанѣ. Передавая изъ рукъ въ руки, съ судна на судно, его, наконецъ, высадили въ Брестъ. Здѣсь онъ долго жилъ до разиѣна,—отправленъ въ Черное море. Изъ Николаева ушелъ въ Кронштадтъ, а изъ Кронштадта на кругосвѣтномъ суднѣ—опять въ тѣ же моря, на водахъ которыхъ онъ началъ свою службу. Службѣ его 25 лѣтъ, стало-быть человѣкъ этотъ много испыталъ, кое-что видѣлъ, бывалъ марсовымъ; теперь, за ветхостью лѣтъ и старостью, оканчиваетъ послѣдніе мѣсяцы службы въ работахъ на бакѣ. Для меня онъ интересенъ тѣмъ, что два раза ходилъ кругомъ свѣта, многое и разнообразное видѣлъ, стало-быть многое поразскажетъ.

Вотъ передо мной эта плотная, коренастая фигура. Работы въ трюмѣ (въ началѣ службы) и на марсахъ (потомъ) развили въ немъ природную деревенскую силу до того, что чемоданъ мой, въ 9 пудовъ вѣсомъ, недалеко какъ вчера,

онъ таскалъ и бросалъ какъ бы легонькую суму. Бывало, не выдержатъ отводы и гдѣ нибудь на раскатахъ опрокинется моя тяжелая повозка, онъ только плечомъ подхватитъ ее—и готово, мы опять ѣдемъ дальше.

— Ершовъ! говорилъ я ему, собираясь изъ Иркутска въ дальнюю дорогу на Амуръ. По дорогѣ варнаковъ (бѣглыхъ), говорятъ, много ходить, не взять ли намъ съ собой кинжалъ или пистолетъ на всякій случай.

— Зачѣмъ? глухо спросилъ онъ меня.

— Защищаться, чудакъ ты этакой!

Ершовъ показалъ мнѣ свою руку, молча усмѣхнулся, и ничего не сказалъ. Я посмотрѣлъ на его кулачище, на его плечи, и успокоился, и спалъ потомъ за нимъ всѣ ночи крѣпко. Дорожныхъ *шалостей* дѣйствительно мнѣ не пришлось извѣдать.

Разъ разбушевался онъ пьяный и доказалъ, что въ хмѣлю онъ человекъ, мало того что неспокойный, но еще и буйный, переломалъ все, перекорезилъ. Хозяйка пришла жаловаться, говорить:

— Чортъ-человѣкъ матросъ вашъ, дьяволь.

— Убытки что ли причинилъ?

— Господь съ ними съ убытками-то. Убытки я въ счетъ ему не ставлю. Дверь изломалъ, сосновая дверь, новая; надо новыя петли заказывать.

— Закажите, мы заплатимъ.

— Я не прошу этого, Христось съ нимъ!

— Такъ что же вамъ нужно?

— Чортъ-человѣкъ-отъ онъ. Я этакихъ отродясь не видывала. Сосѣди не надивуются. Въ медвѣдѣ вонъ сказываютъ сто силъ человѣческихъ, а въ немъ больше, ей-Богу! больше.

— За убытки мы, хозяйка, заплатимъ вамъ...

— Не надо, я и пришла не затѣмъ. А сказать только! Дикой онъ, человѣкъ-отъ дикой; какъ этакихъ-то земля родить и носить: страсти Господни!..

Вотъ осязательныя, видимыя доблести моего матроса, другія пока предполагаемыя, гадательныя.

— Кругосвѣтный матросъ, думалъ я, поразкажетъ много; недаромъ мелькали мимо него разныя страны и разные люди.

— Жилъ ты, Ершовъ, во Франціи: каковы на твои глаза Французы эти?

— Жидкой народъ, а тоже свою сноровку имѣетъ, къ нему съ простымъ кулакомъ не подходитъ. Француза надо бить въ бокъ.

— Ну, а Англичане?

— Эти—сильные. Съ ними, если на кулакахъ идешь, не зѣвай. Англичанина бей прямо въ лобъ.

— Какъ, то есть, въ лобъ?

— Въ переносицу.

— Ну, а другіе народы?

— Другихъ народовъ нѣту.

— А Нѣмцы?

— Объ этихъ и говорить не стоитъ. Съ этими мы на мысѣ Доброй Надежды подрались — руки только раззудили: и работать нечего было.

Я разъ двадцать потомъ приступалъ къ Ершову и всякій разъ слышалъ одно и тоже. Для него весь міръ развалился на три главныхъ народа: Французовъ, Англичанъ и Русскихъ. Нѣмцы были что-то среднее, межеумокъ, какъ бы переходъ къ другимъ народамъ, которыхъ, однако, Ершовъ не признавалъ за людей.

— Это не люди—говаривалъ онъ мнѣ. Это *канаки*.

Слово канаки, пойманное имъ на Сандвичевыхъ островахъ, примѣнялось потомъ ко всѣмъ; къ Туркамъ, Китайцамъ, Индѣйцамъ. Плохо сознанный, слово это прилаживалось потомъ Ершовымъ ко всему, что не русское: манчжурскій табакъ онъ называлъ канацкимъ; голыхъ солдатъ въ банѣ называлъ канаками.

— А какъ тебѣ нравятся эти голенькіе Японцы?—спрашивалъ я Ершова въ японскомъ городѣ Хакодате!

— Канаки!—однозвучно и рѣзко отвѣчалъ онъ мнѣ.

Хотѣлъ-ли онъ этимъ словомъ охарактеризовать всѣхъ тропическихъ жителей или просто ругать всѣхъ людей не русской вѣры, радуясь, что слово канаки блиако къ слову

каналы—я не могъ добиться. Понятія его объ этомъ были смутны и спутаны. Иногда онъ попадалъ вѣрно.

— Какія же тебѣ женщины больше понравились?

— Каначки ужь очень ласковы; неопрытны только, что свињи. Француженки на этотъ счетъ всѣхъ лучше.

На мои глаза Ершовъ все-таки скорѣе матеріалистъ, чѣмъ идилликъ; онъ скорѣе за житейскія удобства, чѣмъ за природу и поэзію.

— Какое море лучше?—спрашивалъ я его.

— Всѣ равны.

— А красивѣе?

— Всѣ красивы. Море—извѣстно море; море оно и есть.

— Ну да врешь, братъ, канацкое море лучше французскаго.

— Канацкое — хуже. У нихъ вотъ насчетъ фруктовъ дѣйствительно, что очень хорошо. Стояли мы на острову Таитѣ: сады все у нихъ разсажены. Ступай.—ѣшь сколько влѣзеть, только съ собой брать не велятъ; не моги!

— Если, думалъ я, тебя не пробрала природа острововъ Отаити и вынесъ ты оттуда только то впечатлѣніе, что отаитскія женщины, какъ всѣ, даже еще и нѣмокъ хуже; то я къ тебѣ, Ершовъ, съ этими вопросами и обращаться больше не буду. Пробовали за меня дѣлать это другіе, мои пріатели—и тоже ничего не добились.

Зато Ершовъ неистощимъ бывалъ, когда разспрашивали его о предметахъ, любезныхъ его сердцу. Особенно разговорчивъ онъ былъ, когда предварительно удавалось ему хватить амурскаго спирту, манчжурской араки или японской саки. Въ то время онъ былъ навязчивъ. Самъ придетъ, бывало, и рассказываетъ:

— Вотъ я теперь съ вами говорить могу долго. Спрашивайте!

И спрашиваешь его, бывало, о предметахъ сподручныхъ, приличныхъ торжественному случаю, и слышишь обыкновенно все одно и тоже. На Ершова находило вдохновеніе; въ моменты крайняго экстаза онъ крутилъ плечами, присѣдалъ, понижалъ голосъ, прищуривался и велъ безконечный разго-

воръ о Брестѣ. Городъ этотъ былъ его любимый, и воспоминанія объ немъ самыя подробныя.

— Тамъ все мамзели торгуютъ: они и вино продаютъ. Вино у французовъ разное, трехъ сортовъ: первое — ромъ, такъ и у нихъ, какъ у насъ зовется! Второе: брандеръ (brandis) и людвижь (l'eau de vie); всѣ крѣпче нашего. Сейчасъ придешь къ мамзелѣ, сейчасъ начнешь говорить... сейчасъ наливаютъ...

Ершовъ при этихъ словахъ обыкновенно умягчалъ голосъ, ёжился, щуриль лѣвый глазъ, который у него особенно былъ эффектенъ въ этихъ случаяхъ. Мало того: онъ шаркалъ ногой, и изгибался туловищемъ, желая вѣроятно передать тѣ ловкія манеры, какія требовались и съ какими онъ подходилъ къ французскимъ мамзелямъ. Въ этихъ живыхъ, неопредѣленныхъ движеніяхъ онъ былъ рѣшительно вдохновленъ.

Вотъ гдѣ, Филиппъ Степановичъ, твоя истинная, неподдѣльная, неподкупная поэзія — думалъ я и спрашивалъ:

— Какъ же ты съ мамзелями объяснялся?

— На перстахъ онъ хорошо понимаютъ.

— Ну, а слова?

— И языкомъ ихнимъ занялся; забылъ теперь. А то и такъ: спросить бывало: сколько вамъ надо водки? — сейчасъ прикинешь на пальцѣ и покажешь ей: столь-моль надо! Француженки на счетъ деликатнаго обхожденія хороши очень и понятливы; ей-Богу, понятливы!...

Французскій словарь Ершова былъ не богатъ, но что особенно важнымъ показалось мнѣ, такъ это его философскій аналитическій взглядъ на языкъ.

— Дивлюсь я, ваше благородіе! — говорилъ онъ мнѣ однажды — отчего Французъ совѣмъ нашему языку не выучился. Много онъ словъ нашихъ знаетъ; у нашихъ выучился.

— Какъ-такъ?

— Да вотъ насчетъ бы платя къ примѣру. Жилетъ — такъ и у нихъ жилетъ, сертукъ опять — также точно. Шляпу только шапкой (шапа) называютъ; наши штаны, а у нихъ все равно панталоны.

Это, впрочемъ, единственный случай, гдѣ Ершовъ позво-

илъ себѣ философствовать. Во всемъ остальномъ онъ опирался только на грубые факты, не разбирая ихъ и относясь къ нимъ съ уваженіемъ потому только, что они добыты были имъ, именно имъ самимъ, Филиппомъ Ершовымъ. Но и здѣсь повсюду онъ былъ глубокой матеріалистъ и такъ какъ любилъ придерживаваться чарки (мочить морду — по его выраженію), то и всѣ наблюденія его по преимуществу группировались около этого продукта. Англичанъ онъ напр. сильно не любилъ и бранилъ ихъ. За что? допытывался я.

— У нихъ матросу житье плохое.

— Бьютъ что-ли больно?

— Бьютъ-то и у насъ хорошо. На корабляхъ безъ этого нельзя. Матроса не бить — нельзя...

— Отчего же? — перебилъ я его.

— А для чего и начальство на корабляхъ состоитъ? Слушаться — *значитъ* ему и повинуйся.

— Ничего это *не значитъ*, а все-таки я тебя не понимаю: за что ты не любишь Англичанъ и бранишь ихъ?

— Нельзя не бранить. Французы ихъ лучше: у нихъ и воду пить даютъ, такъ въ ведро-то бутылку рому выльютъ.

Стремленіе объяснить достоинство людей по степени и умѣнью потреблять крѣпкія напитки, натурѣ Ершова было сильно присуще и для меня уже не новость. Онъ возненавидѣлъ Манчжуръ за то, что они пьютъ свои араки изъ маленькихъ чашечекъ.

— Развѣ этакъ люди дѣлаютъ? — спрашивалъ онъ меня — изъ наперстковъ пьютъ водку? У амбана (въ Айгунѣ) подавали мнѣ, когда вы обѣдали: я въ стаканъ налить попросилъ, и обругалъ; прибить еще хотѣлъ.

И дѣйствительно хотѣлъ прибить и если не привелъ желанія своего въ исполненіе, то все-таки надѣлалъ скандалъ — по морскому обыкновенію, какъ о томъ жаловались мнѣ амбаневы войоны (чиновники).

Пьянство не порывами, не загулами, а систематическое, постоянное пьянство было отличительною чертою Ершова. Онъ во всякое время дня и ночи готовъ былъ пить и отставалъ отъ водки, *отваливался* (какъ онъ самъ выражался на своемъ типическомъ языкѣ) тогда только, когда была су-

ха посудина, вмѣщавшая обожаемую имъ влагу. Онъ не разбиралъ: своя она, чужая—ему было все равно. Чужой собственности отъ своей онъ не отличалъ въ этомъ случаѣ. Поразительно честный и вѣрный по отношенію къ другимъ моимъ вещамъ, деньгамъ и проч. (онъ рваныя тряпки навезъ съ собой и тщательно хранилъ ихъ и пряталъ)—водку Ершовъ воровалъ и выпивалъ всю. Не соображалъ онъ и того, что по часту водка принадлежала тѣмъ добрымъ людямъ, которые меня съ нимъ пригрѣвали: онъ напивался и потомъ самъ просилъ запирать ее. Ни совѣты, ни просьбы, ни внушенія, ни молебны мои—ничто не могло остановить его. Ершовъ давалъ честное слово не пить мѣсяць, держался недѣлю и снова прорывался и закучивалъ.

— Ступай ты отъ меня прочь; мнѣ тебя не надо!

— Три недѣли не буду пить—провались я совсѣмъ!

Прошло три дня. Онъ опять нахлестался.

— Чему обрадовался? спрашивалъ я его.

— Вы меня огорчили: отъ себя прогнать хотѣли.

И въ лицѣ его рисовалось поразительное добродушіе, поразительная вѣра въ святость словъ своихъ и помысловъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ снова былъ пьянъ; приходилъ ко мнѣ самъ по личному желанію; валился въ ноги, плакалъ—горько плакалъ и говорилъ:

— Простите!... не могу стерпѣть... старъ сталъ: не въ силахъ... привыкъ.

— Неужели—думалъ я тогда—только на этихъ двухъ убійственныхъ характеристикахъ сосредоточивается все внѣшнее и внутреннее достоинство всякаго матроса. Что они, какъ гоголевскій Жевакинъ, мало понимаютъ и мало видятъ дальше своего корабля: для меня понятно. У нихъ не возбуждено это желаніе за неграмотностью, и не поддерживается, не направляется приставниками, можетъ быть за недосугомъ, можетъ быть за лѣнью, за нежеланіемъ. То и другое, и третье скверно и неутѣшительно, потому что существуетъ; съ этимъ, думаю, никто спорить не станетъ. Но вотъ что худо: матросы пьянствуютъ и пьянствуютъ при томъ немство; неужели всѣ? Не можетъ быть! Дѣлаю своимъ наблюденія, веду ихъ дальше и—вотъ что вижу:

На палубѣ, около гротъ-люка, раздають водку, крикають и пьютъ, пьютъ и утираются наши матросы. Многіе изъ нихъ, едва-ли даже не всѣ, выпивши чарку, задерживая дыханіе (вслѣдствіе чего лица ихъ наливаются кровью), бѣгутъ опромѣтью на бакъ къ обѣду; Ершова тутъ я не вижу; вижу вечеромъ того дня въ каютѣ, вижу и спрашиваю:

— Что это вы, Филиппъ Степановичъ, водку-то не счастливите своимъ вниманіемъ: вѣдь большой вы до нее охотникъ и любитель.

— Я на заслугѣ.

Слово это было уже для меня понятно. Онъ копилъ чарки, чтобы потомъ получить за нихъ деньгами. Дѣло хорошее; но совсѣмъ ли это такъ? спрашивалъ я себя, и видѣлъ, что разъ, когда матросы получили вечернюю чарку и мой Ершовъ вслѣдъ за другими утираетъ усы и, задерживши дыханіе, бѣжитъ на бакъ, отмахиваясь отъ моихъ разспросовъ рукой.

— Прорвало, Ершовъ, не вытерпѣлъ, пошутилъ только.

— Да вѣдь эта чарка въ заслугу нейдетъ. Эта подарочная. Ребята дрова таскали, за то имъ приказали выдать.

— А сколько у тебя заслуги?

— Десять чарокъ.

То есть десять дней соблазна и 30 коп. сер. въ приобрѣтеніи. Табаку, думалъ я, купить ему есть теперь на что; а поговѣетъ еще двѣ недѣли—приобрѣтетъ благородный цѣлковый, который, какъ извѣстно, на улицѣ не валяется. Смотрю: не тутъ то было. Ершовъ разъ и утромъ подошелъ къ мѣдному жбану съ водкой, но подошелъ не одинъ, подвелъ товарища матросика, и проситъ вахтера отдать ему двѣ заслуги. Это было сначала для меня непонятно. Ершовъ самъ объяснилъ.

— Земляка нашелъ на «Гридни»; вмѣстѣ на «Бояринѣ» шли кругомъ свѣта; угостить желаю.

— Зачѣмъ же самъ-то пьешь?

— Нельзя, обидится онъ.

Съ этого дня и заслуга пропала; вахтеръ такъ его и не записывалъ больше.

— Деньги-то вѣдь лучше, а ты ихъ водкой забралъ.

— Возни, ваше благородіе, много; жди, пока счетъ сведутъ господа офицеры къ концу кампаніи; тогда получишь. Лучше выпить.

Такъ же точно разсуждали, такъ же точно дѣлали и всѣ другіе матросы. При встрѣчѣ судовъ съ земляками, они то и дѣло угощали другъ друга своими *заслугами*. Бадиль и мой Ершовъ на Гриднѣ. Вахтеръ жаловался на то, что матросы его путаютъ, сбиваютъ въ расчетахъ, а офицеры свидѣтельствовали, что отними у матроса право копить заслугу—лишишь его годовыхъ свѣтлыхъ праздникова; то и другое справедливо: съ одной стороны, не затертою, не искалѣченною національною слабостью гостепрѣимства матросъ желаетъ почтить земляка, съ другой, сберегая ежедневно трехкопѣечники, онъ обманываетъ себя этимъ незримымъ ему накопленіемъ запаснаго капитала въ 90 коп. сер. на цѣлый мѣсяць.

Вахтеръ жаловался, что матросы сало крадутъ и крадутъ его съ единственною цѣлью намазать на голову. Посмотрѣлъ я нарочно въ шапку Ершова (которая и воронамъ на гнѣздо негодится) и имѣлъ полное право заключить, что по этой статьѣ и онъ не безгрѣшенъ.

— Половину ткнешь въ волоса, половину на сапоги, такъ какъ ковыряешь по скорости, чтобъ не видали. Бить за это нашего брата не велятъ—объяснялъ мнѣ потомъ самъ Ершовъ.

Не заботясь рѣшительно ни объ чемъ, Ершовъ кокетливъ былъ относительно волосъ на головѣ и на усахъ. Последнимъ придавалъ онъ особенную важность, разглаживалъ ихъ, фабрилъ, расчесывалъ концами кверху. Желая походить на Людовика Наполеона, онъ правда былъ похожъ скорѣе на таракана; но въ усахъ полагалъ всю свою красоту, хотя уже и было въ усахъ этихъ много сѣдины и лежало на плечахъ и ребрахъ его 50 лѣтъ жизни, да около 25 лѣтъ службы. Зато къ остальному костюму онъ былъ небреженъ, особенно же запустилъ онъ эту статью, когда получивъ отставку и поѣхалъ со мной обратно. Отъ костюма онъ требовалъ одного только, чтобы былъ онъ возможно форменный, съ свѣтлыми пуговицами. Исключеніе (и то въ рѣдкихъ слу-

чаяхъ) дѣлалъ онъ только полушубку; положить, бывало, обѣ руки въ карманъ, надѣнетъ набекрень теплую шапку съ собачьимъ околышемъ, съ зеленой бархатной выпушкой и шелковой кисточкой и ѣдетъ-себѣ, да чванится: «теперь—де я вольный человѣкъ, а матросъ—таки самъ по себѣ».

Сначала я думалъ, что онъ просто малодушествуетъ, какъ ребенокъ, наслаждаясь мнимой игрушечной волей, но потомъ убѣдился фактами, что онъ—таки былъ и гордъ и надмѣненъ. Еще въ Благовѣщенскѣ приходили ко мнѣ жаловаться на него солдаты, съ которыми онъ жилъ въ одной лачугѣ и которыхъ онъ ругалъ и даже колотилъ за то только, что они линейные, а не матросы.

— Сволочь они! оправдывался онъ передо мною.

— А ты бы на себя самого посмотрѣлъ.

— Флотъ завсегда первой. Когда большіе смотры бываютъ, матросы первые стоятъ; потомъ ужъ гвардія, пѣхота, кавалерія, артилерія. А этихъ дураковъ и на линію не пускаютъ.

— Да, Ершовъ, съ котораго конца считать—то началъ?

Ершовъ не подался и на это замѣчаніе, и околько потомъ ни старался я разбить его предубѣжденія—успѣха не имѣлъ. Разъ напился онъ до безпамятства: солдаты его отливали, за нимъ ухаживали; онъ и тутъ упорно устоялъ на своемъ мнѣніи и не согласился нетолько себя, но и матросовъ вообще признать за худшаго изъ нижнихъ военныхъ чиновъ.

— Вотъ что между прочимъ унесешь ты на родину, въ среду твоихъ сродниковъ и сосѣдей—крестьянъ; и будешь ты тамъ лягаться, бросаться въ глаза этимъ чванствомъ: сначала поглядятъ на тебя съ недоумѣніемъ, посторонятся, потомъ будутъ надъ тобой смѣяться, а наконецъ отойдутъ отъ тебя, назовутъ тебя тяжелымъ, неуживчивымъ человѣкомъ. И ступай ты въ сторожа въ церковь, въ лакеи въ гимназію, въ служители присутственныхъ мѣстъ. Для деревни ты не годишься. Ты самъ это знаешь и деревни уже не любишь, какъ чортъ ладону. А все-таки вѣдь ты погибшій человѣкъ, и погибель свою ты получилъ на службѣ; оттуда ты вынесъ себя такимъ неукладистымъ, такимъ нехорошимъ.

— Что же еще ты несешь въ деревню со службы?

— Чемоданчикъ, шитый досужимъ портнымъ матросикомъ изъ казенной парусины: вижу это по синей ниткѣ въ одномъ полотнищѣ. Что же у тебя въ чемоданчикѣ этомъ?

Заглянулъ я туда и удивился. Американцы такъ презервы не прессуютъ, какъ уложилъ и смялъ Ершовъ тамъ всякую дрянъ и всѣ тряпки. Почетными гостями тутъ были разныя металлическія вещи, всякій мѣдный и желѣзный ломъ; папухъ табаку, шелкъ. Ковырять шиломъ и иглой Ершовъ на бакѣ выучился, слава Богу!.... Но большинство вещей принадлежитъ веревкамъ: веревки отъ перьевъ, веревочки отъ сахарной головы, обрывки снастей и проч. Страсть къ веревкамъ—одна изъ самыхъ сильныхъ въ Ершовѣ. Веревки у него всюду: въ сапогахъ, во всѣхъ карманахъ, за пазухой. Ни малѣйшаго случая онъ не упуститъ безъ того, чтобы не завязать даже и того что и вязать вовсе не слѣдуетъ; чемоданъ мой онъ разъ до десяти въ разныхъ направленіяхъ обматывалъ крадеными на кораблѣ веревками. Вязать—была страсть Ершова, хотя онъ и называлъ этотъ процессъ не иначе, какъ найтовленьемъ.

— Надо, говорилъ онъ—кибитку занайтовить.

И найтовилъ кибитку, не щадя мертвыхъ узловъ на полномъ просторѣ и свободѣ, не боясь строгаго и зоркаго взгляда боцмана (который за мертвые узлы на спину лазалъ). Кибитка ѣхала станцію — къ концу все опять валилась на бокъ.

— Сдѣлай такъ, чтобы не передѣлывать.

— Слушаю-съ!

И опять валилась кибитка на бокъ на первомъ же перегонѣ, давая новый случай и полное, несомнѣнное наслажденіе Ершову совершать свой любимый процессъ—найтовья класть. Отдѣлаясь я отъ непріятности напоминать и упрашивать тогда только, когда поручилъ сдѣлать дѣло на моихъ глазахъ. Ершовъ крутилъ и перекидывалъ веревки такъ прихотливо, смѣло и мастерски, что я залюбовался, и мертвые узлы его дѣйствительно дѣлались мертвыми. Мы ѣхали 700 верстъ и не поправлялись. Ершовъ въ этомъ отно-

шеин оказался великимъ мастеромъ: вязать онъ превосходно, искусно, веревкой владѣть умѣлъ.

Вотъ еще думалъ я, какое искусство и знаніе унесешь ты съ собой въ деревню!.. А еще что?

Безпечность, приправленную примѣчательной наивностью. Наступала для него пора свободы, полной отставки. При отставкѣ онъ получилъ деньги, получилъ долги, собралъ всего рублей до 50 сер. Вотъ—думалъ я—купить онъ себѣ избенку плохонькую сначала, дешевенькую; вспомнить давнее старое время, обзаведется хозяйствомъ небольшимъ, но такимъ, какого на его вѣкъ хватить. Съ такими мыслями—думалъ я—онъ и въ деревню ѣдетъ. Но узнаю, что онъ деньги всѣ промоталъ; ничего не оставилъ.

— Чѣмъ же жить думаешь?

— Меня одна нянька въ Иркутскѣ любила; она денежная, живетъ при мѣстѣ. Тамъ ее любятъ,

— А отошла отъ мѣста—сама безъ денегъ.

— Не отпустить.

— А умерла, прошло больше года.

— Не умереть; здоровая такая.

— Разлюбила...

— Смѣетъ ли она это сдѣлать?!!

И вотъ въ пятидесятилѣтнемъ солдатѣ наивность семнадцатилѣтняго юноши! И между тѣмъ это не личное, ему одному присущее убѣжденіе. Я замѣчалъ тоже самое и на другихъ солдатахъ; общаго много: наприимѣръ, неприученные собирать и цѣнить личную собственность—они просто и равнодушно относятся и къ чужой. У Ершова очутился лишній мѣдный котелокъ въ его чемоданчикѣ:

— Гдѣ ты это взялъ?

— На пароходѣ пошъ забыть; не пропадать же. Не я—другой его взялъ бы.

— Да вѣдь за это бьютъ вашего брата.

— Я и самъ сдачи дамъ.

На одной станціи я слышалъ шумъ, крикъ на улицѣ подлѣ моего экипажа. Крикливый, грубый голосъ Ершова и ожесточенные жесты вызвали меня на крыльцо. Тамъ долетѣли до меня послѣднія слова одного изъ ямщиковъ, болѣе

другихъ разсерженнаго и повидимому болѣе другихъ обиженнаго.

— Ты думаешь, что изъ тебя *нѣмца* сдѣлали, такъ ты и лучше насъ и смѣешь драться?

Слова относилась къ Ершову.

— Уймите его, ваше высококородіе: озорничаетъ.

Эти слова уже обращены были ко мнѣ.

— Какъ ты смѣешь, кто тебѣ далъ это право?—спрашивалъ я своего солдата.

— Лошадей долго не впрягаютъ; колокольца не привязали.

— До всего этого тебѣ нѣтъ никакого дѣла, и всего этого мало для того, чтобы дать рукамъ своимъ волю.

— Мужики они — скоты, дѣла своего не знаютъ. Не знаютъ, что солдатъ ихъ завсегда лучше. Я вотъ ихъ еще, уже разнесу опять, чтобъ они меня нѣмцомъ-то не обзывали. Мужики!

Долгаго труда стоило мнѣ потомъ его успокоить. Онъ былъ озлобленъ, разсерженъ до того, что всю дорогу твердилъ одно; всю дорогу и прежде, и послѣ доказывалъ полное презрѣніе къ крестьянамъ. Съ солдатами, даже линейными, онъ шутилъ, смѣялся, игралъ въ карты; сходясь съ отставными матросами, непременно напивался до зѣла и пьянствовалъ потомъ долго. Съ хозяевами квартиръ нашихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ онъ даже и разговоровъ не заводилъ никакихъ. Въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ обыкновенно къ сну и въ немъ одномъ искалъ удовольствія и развлеченія взаимну всяческихъ бесѣдъ. Только съ однимъ изъ таковыхъ онъ позволилъ себѣ сойтись и подружиться, и то потому только, что человѣкъ этотъ пришелся ему по вкусу—тоже любилъ чарку до запоя, до страсти.

— Съ такими убѣжденіями ты, Ершовъ, не наживешь и не уживешься въ деревнѣ. Примѣровъ тысячи — и ты не изъ первыхъ, но и не изъ послѣднихъ. Жаль тебя! Въ тебѣ еще много осталось добрыхъ качествъ, у тебя въ основѣ мягкое сердце, видимая жестокость и крутость его только виѣшняя, накинутаая, благопріобрѣтенная. Ты простосердеченъ и довѣрчивъ, хотя въ то же время и беззаботенъ, какъ

вообще беззаботны люди, долго жившіе чужимъ умомъ, подвліяніемъ посторонней опеки. Ты, какъ Китаецъ или Япо-нецъ, думаешь только о сегодняшнемъ днѣ; завтрашній те-бя не увлечетъ и, если онъ не пугаетъ тебя, то и не зани-маетъ. Со смышленостью, находчивостью твоей ты не сдѣ-лался плутомъ, мазурикомъ, потому, можетъ быть, что те-бя не портила казарма, помѣщаемая между множествомъ со-блазновъ. На тебѣ держали узду баковые порядки и отдѣльная, поставленная одиноко среди моря, корабельная артель. Въ ней ты уберегъ отъ крестьянства только три-четыре доблести и ме-жду ними главными—гостепріимство, веселость нрава, смыш-ленность и добродушіе; а пріобрѣлъ новые оттѣнки въ ха-рактерѣ, но иного вида и свойства. Ты сталъ запивать без-надежно, словно переломила тебѣ жизнь такъ, что осталась одна только и то безпардонная дорога къ одному кабаку. Ты нахватался гордости и чванства, иногда похвальныхъ, но въ твоемъ положеніи тягостныхъ, плохо понятыхъ; въ добавокъ ты еще ихъ и прилагать не умѣешь; кулакомъ доказыва-ешь то, чего не доказать тебѣ словами. Въ этомъ ты отъ банаковъ недалеко ушелъ. Похвалилъ бы я въ тебѣ твою усердную преданность моимъ интересамъ, зная, что она вы-шла изъ того же источника, изъ твоего обязательства слу-жить также вѣрно и преданно, какъ тебя учили, но не по-хваляю въ тебѣ способъ примѣненія: онъ такъ похожъ на лакейское угодничество, выслуживаніе, что невольно думаешь (и жалѣешь) о твоей долѣ. Мало она сулитъ хорошаго впе-реди, потому что мало и назади тебя отраднанаго. Не весело прошла твоя морская жизнь; вынесъ ты изъ нея мало полез-наго для себя въ будущемъ. Но это уже не твоя вина. Учили тебя и забыли, что ты не затѣмъ только созданъ, чтобы быть на кораблѣ, что тебя ждетъ отставка, за кото-рой послѣдуетъ новая жизнь. А жизнь эта требуетъ подго-товки. И если не могутъ этого сдѣлать на кораблѣ, то пусть не убивали бы въ тебѣ тѣ инстинкты и знанія, которые ты пріобрѣлъ дома до бритаго лба и сѣрой куртки. А ихъ-то въ тебѣ и убили—бѣдный Ершовъ! Все-таки спасибо тебѣ за вѣрную службу, за ласково-незлобивое расположеніе и отношенія ко мнѣ; спасибо тебѣ — за тебя. Посылаю тебѣ

мой дальный привѣтъ и крѣпко обнимаю тебя! Еще разъ прощай, добрый человѣкъ, умный человѣкъ, но попорченный, искалеченный! Я еще возвращусь когда-нибудь снова къ тебѣ въ моихъ воспоминаніяхъ!..

Это были послѣднія слова въ дневникѣ, отданномъ въ полное мое распоряженіе. Дальше слѣдуютъ замѣтки по поводу каютъ-компаніи со стороны ея исключительнаго положенія и состава. Замѣтки эти мы также постараемся привести въ определенное цѣлое, чтобы передать ихъ вѣдѣнію и вниманію читателей.

С. МАКСИМОВЪ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ЧОРТЬ.

(Изъ очерковъ Малороссіи, переводъ съ малоросс.)

I.

Только и утѣшался я родиной, пока росъ, а тамъ, какъ началъ служить — такъ и пошелъ, не по своей волѣ, мыкаться по свѣту, какъ перекати—поле, что вѣтеръ носить по степямъ: катишься, катишься, пока не остановитъ тебя счастливая доля или не притопчетъ *михо*.

Хоть и случалось мнѣ иногда навѣдываться въ родную Украину, но не долго отдыхалъ я подъ теплымъ ея крыломъ. И снова отправляешься на край свѣта — къ чертямъ на кулички. Зато, послѣ шести, или больше лѣтъ, когда изъ Курской губерніи въѣдешь, бывало, въ Харьковскую, то такъ тебѣ станетъ легко, будто на крыльяхъ тебя подняло. Да съ этой стороны Харькова еще не такъ: съ Липецъ наша Украина тецерь уже выглядываетъ нѣсколько московщиной: вмѣсто шинковъ — проклятые кабаки, постоянные дворы на московскій ладъ; по дорогѣ, тянутся въ одиначку русскія телѣги, одна къ другой прицѣпленные — какъ фиги на лычкѣ. Куда ни взглянешь, все *пилипоны*, съ рыжими бородами, въ лаптяхъ, ажъ затопнить, глядя на нихъ. Такъ, видите ли, съ этой стороны еще не такъ, а вотъ какъ перекинешься черезъ рѣчку Харьковъ, то кто бы не сказалъ, что это Божья сторона!..

Тутъ—то начинается и тотъ великій боръ, котораго
Отд. I.

высокія сосны ажъ тучи подпирають. Вотъ Основа, гдѣ *батько* нашъ Квитка сколотилъ изъ своихъ повѣстей такой крѣпкій челнокъ, что до вѣку вѣчнаго будетъ на немъ плавать по вѣроломной Летѣ. Тутъ же и вольная; сюда-то харьковскіе мѣщане и чернь, *ударивши лихою дбъ-землю*, собираются отвести душу и размыкать горе. Посмотрѣли бѣ вы, въ воскресенье и по праздникамъ, сколько собирается здѣсь народа!.. Верстъ на пять, а можетъ и больше, вдоль дороги гуляетъ мѣщанство: *дичата* въ цвѣтахъ, въ лентахъ, *молодицы* въ парчевыхъ *очипкахъ*, въ шелкахъ, а козаки, въ высокихъ шапкахъ, въ козакинахъ изъ тонкаго сукна, подпоясанные шелковыми поясами, а сколько еще лакейства во фракахъ, въ сюртукахъ, словно нѣмчура. Иные столпились около музыкантовъ, отдѣлываютъ *гоцака* (*), выбиваютъ *тропака* (**), *ажъ лихо смѣется*; другіе усѣлись въ кружокъ, завтракають, поливаютъ горѣлку, балагурять, поють, хохочуть. Бдешь-бывало, смотришь, смотришь и не выдержишь: вылѣзешь изъ тарантаса, подойдешь къ какому-нибудь кружку и скажешь имъ: «хлѣбъ-соль!».. «Спасибо», отвѣчаютъ, и просятъ: «садитесь, не побрезгайте хлѣбомъ Божиимъ». Сядешь, бывало, съ компаніей, выпьешь чарку водки, съѣшь кусокъ сала, побалагуришь—и свое веселое слово прикинешь. Боже милостивый, какъ благодарятъ, какъ радуются! Станешь прощаться, такъ и затарантятъ; одинъ кричитъ: «пошли вамъ, Господи, всякаго счастья, что вы простыми людьми не пренебрегаете!» другой «пусть васъ Богъ наградитъ на томъ свѣтѣ!» Случалось и такъ, что какая-нибудь молодлица, румяная какъ маковъ цвѣтъ, обниметъ и поцѣлуетъ на прощанье: «это», скажетъ, «чтобы не скоро забыли нашу хлѣбъ-соль!» Смѣху такого надѣлаетъ, проказница, такъ всѣ за животы и схватятся.. Чтó за бойкія и забавныя эти харьковскія молодлицы—пусть имъ легонько икнется!

Проѣхавъ нѣсколько верстъ боромъ, станешь взбираться на гору. Тутъ ужъ мрачная сосна начинаетъ мѣшаться съ дубомъ, липою, кленомъ, берестомъ; заросль дѣлается гуще и гуще, деревья сплелись вѣтвями какъ волосы; орѣшникъ,

(*) Названіе танца. (**) Тоже танецъ.

глюдь, шиповникъ разрослись и плотно стоятъ, какъ изгородь. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ природа дѣлается вслѣдствіе и разнообразіе; показываются долины съ полянами, покрытыя яркою зеленью и овраги съ такими обрывами, что когда взглянешь — голова кружится. Боже милостивый, что за лѣсъ! какихъ тутъ нѣтъ деревьевъ!.. и высокихъ объемистыхъ, и старыхъ скорченныхъ, доживающихъ свой вѣкъ. Иное, сломленное бурей и опаленное молніей, стоитъ близъ дороги какъ чернецъ; тамъ полумистлѣвшій пенъ наклонился, какъ нищій съ сумой. Куда ни взглянешь, все тебя чаруетъ, все тебя привѣтствуетъ, усмѣхается. Кажется, сама родная мать наша, Украина, вышла къ тебѣ на-встрѣчу: то взглянетъ на тебя горячимъ солнышкомъ, то обниметъ пахучей прохладой изъ темнаго лѣса, то промолвитъ пѣсней, то отзовется соловьемъ, жаворонкомъ; то какъ будто играетъ съ тобою: *затурчитъ* въ ухо горлицей, защекочетъ легкимъ вѣтеркомъ. Такъ тебѣ весело, такъ легко, какъ въ раю!.. Душа въ упоеніи, сердце бьется, трепещетъ, будто что-то говорить; не поймешь, что тебѣ нашептываетъ, а слушаешь его не слушаешься, какъ не слушається мать своего ребенка, потому-что его дѣтскій лепетъ слаще для нея медоточивой рѣчи самаго умнаго человѣка.

II.

Версть за двадцать отъ Харькова лѣсъ начинается рѣдѣть. Съ высокой горы ужъ видно мѣстечко Мерефу, съ церквами, колокольнями, садами и левадами, раскинутое на далекое пространство вдоль по долинѣ. За мѣстечкомъ сверкаютъ рукава р. Мжи съ заливами и озерами. Потекла она влѣво, между роскошными кустами вербалоза и ольхи; а напротивъ, какъ скатерть, ровно стелется широкая степь съ курганами. Сияетъ она, старинушка, какъ море, пока не сойдется съ небомъ, а небо съ землею. Гуляйте очи, гуляйте думы, какъ въ старину, по этой же степи, разгуливала казацкая вольница!..

Проѣхавши Мерефу и перебравшись черезъ плеса Мжи, выѣдешь на торговый трактъ, который идетъ въ Крымъ.

Протоптала эту дорогу еще Татарва, когда ходила на наше *безголовье* под Москву, жечь города и полонить христианъ. По дорогѣ, сколько глазъ хватить, змѣй тянутся фуры: на встрѣчу везутъ шпанскую шерсть, кожи, соль, рыбу, скрываютъ татарскія гарбы, запряженные буйволами и верблюдами. Изъ Харькова везутъ товары, разныя земледѣльческія машины, ѣдутъ купцы въ Крымъ, въ Бердянскъ, ѣдутъ помѣщики и туда и обратно, гонятъ табуны, гурты, стада овецъ, идетъ народъ на заработки въ Крымъ и къ морю. Лѣтомъ весело взглянуть на эту дорогу, а посмотрѣли бъ вы весною или осенью—что тутъ дѣлается. Замученные волы и лошади по самое брюхо вязнутъ въ грязи; народъ надсаживается, топится въ оврагахъ и на промоинахъ. Лучше не вспоминать!.. Вотъ тутъ бы протянуть желѣзную дорогу! Потекла бы по ней золотая рѣка живучей и цѣлящей воды (*).

Страшно бѣдствуешь еще по этому тракту, когда ѣдешь на обывательскихъ. Расскажу вамъ, какихъ разъ я набрался бѣдъ, понадѣявшись на открытый листъ. Изъ Мерефы на почтовыхъ я приѣхалъ въ Тарановку рано утромъ. Прямо въ волостное правленіе. Вхожу—прибрано опрятно; по срединѣ комнаты столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, какъ въ судѣ, и портретъ виситъ; смотрю—никого; нѣтъ только какой-то калѣка, скорчившись, сидитъ возлѣ сундука,—видители, стережетъ *громадскі гроши* (общественныя деньги).

— Есть лошади? спрашиваю.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ калѣка вставая.

— А писарь гдѣ?

— На селѣ.

— Какъ бы позвать.

— Сейчас схожу.

Заковылялъ *калѣка*. Черезъ часъ идетъ не очень торопясь; писарь, еще молодой парень, шапка на бекрень, въ китайчатой черкескѣ и выростковыхъ сапогахъ.

(*) Въ первомъ проектѣ желѣзныхъ дорогъ, предполагалось провести дорогу изъ Феодосіи въ Харьковъ по этому тракту. Еще и теперь, кое-гдѣ остались вѣхи, поставленные при обзорѣннѣ мѣстности.

— А что вамъ нужно?—спросилъ онъ, подходя ко мнѣ.

— Лошадей, голубчикъ.

— А подорожная, нѣтъ.. открытый листъ есть?

Я подалъ ему открытый листъ; онъ взглянулъ, и въ ту же минуту расчиталъ, и прогоны—такой смѣтливый, нѣсколько верстъ и липникъ прикинулъ. Видно, бывалъ за Харьковомъ и головой потряхиваетъ какъ *москаль*, чтобы космы не лѣзли ему въ глаза, и присанивается, и палець засовывается между крючковъ черески.

— А нут-ка, — крикнулъ онъ на калѣку, спрятавши въ карманъ деньги:—бѣги за десятникомъ, да живѣй!

Снова заковылялъ калѣка... не скоро привелъ десятника.

— Тройку лошадей, — грозно крикнулъ писарь десятнику, — да живѣй!

Стоитъ десятникъ какъ вкопанный, только затылокъ почесываетъ.

— Чего-же стоишь? оглохъ?—съ сердцемъ прибавилъ писарь.

— Не оглохъ,—отвѣтилъ десятникъ,—только лошади падутся въ степи.

— Ну такъ что-жь, что въ степи?.. Поймай и приведи!

— Еще нужно отыскать, куда они позабѣжали, проклятые кони: тогда и ловить...

— Ну, такъ иди, ищи; а тутъ кромѣ затрещины ничего не найдешь!

Исчезъ десятникъ, какъ на тотъ свѣтъ провалился. Ужь я и село обошелъ, и забравшись въ тарантасъ порядкомъ выспался; а лошадей нѣтъ какъ нѣтъ. Къ вечеру только привели двухъ кобыленекъ съ жеребятами.

— А третья?—спрашиваю.

— Еще не поймали,—отозвался десятникъ:—тамъ такой быстрой звѣрь! никакъ его не догонишь.

Какъ-вотъ ведутъ и быстрога, и дубиной подгоняютъ; видите, удираючи выбился изъ силъ сердечный. Стали запрягать, возятся что мокрое горить; доглядѣлись и того нѣтъ, и другаго; опять послали калѣку за возжами, за черезидѣльникомъ да такъ до самаго вечера и проваландались.

Поѣхали; лошади едва везутъ; не опомнились какъ и ночь захватила. Ямщикъ ворочаетъ то въ ту, то въ другую сторону, потерялъ чортовъ сынъ дорогу; вляметъ и лошадей, и того кто ѣдетъ, и ночь, и степь.

— Куда тебя черти носятъ?—спрашиваю ямщика: — дорога пряма какъ стрѣла, а ты вертишься какъ муха въ кипяткѣ!

— Да я ничего не вижу. У меня куриная слѣпота! — отвѣтилъ ямщикъ, бросая возжи.

Что дѣлать! Степь изрѣзана дорогами, не потрафишь на свою, такъ чортъ-знаетъ куда заѣдешь. Думаю — хоть бы добраться до постоялаго двора, что недалеко отъ Тарановки и тамъ переночевать. Волей-неволей сѣлъ самъ на козлы и кое-какъ добрался до постоялаго двора.

III.

Хозяйка этого постоялаго двора, словоохотная старуха, была мнѣ хорошо знакома: еще въ дѣтствѣ я зналъ ее. Давно не видѣлись, а только-что я вошелъ въ комнату, какъ она тотчасъ меня узнала.

— Живы ли, здоровы ли?—спросилъ я, протирая глаза и оглядываясь.

— Слава Богу!—отвѣчала хозяйка кланяясь: старѣмся по немногу. Вотъ посмотрите на мою Олесю: знали ее ребенкомъ, а теперь мать переросла (хозяйка взглянула на черноглазую дѣвушку). А это слѣпой *дідэ* (хозяйка указала на столѣтняго старика, который сидѣлъ подъ образами, склонивъ голову на грудь): когда-то расхаживалъ по ярмонкамъ и пѣлъ, а теперь отъ его иѣсенъ только отголосокъ носится по свѣту; потерялъ голосъ и бандуру разбилъ.

Очень красивая дѣвушка Олеся, стройная, миловидная, но я заглядѣлся на старика. Отъ-роду подобнаго не случалось видѣть: побѣлѣвшіе волосы, густые какъ лѣсъ, прикрывали высокій лобъ, брови надвинулись на глаза, а окладистая борода доходила до пояса: казалось, взялъ бы кисть и нарисовалъ Сатурна.

— Откуда старинушка?—спросилъ я старика, садясь во-
мѣ него.

— Кто его знаетъ—откуда,—отозвалась хозяйка: — весь
своѣ вѣкъ странствуетъ по свѣту... жилъ когда-то за Берекой,
да давно; ужъ теперь, навѣрное, забылъ и прежній свой ху-
торъ и свою хату.

— Нѣтъ не забылъ,—отозвался старикъ: не забылъ!..

— Куда жъ теперь идешь? спросилъ я.

— Въ Павлоградъ.

— Что жъ тамъ будешь дѣлать—пѣть, что ли?

— Да нѣтъ, говорю вамъ, перебила хозяйка: онъ теперь
ужъ не поетъ, онъ только рассказываетъ.

— Что жъ онъ рассказываетъ?

— Что съ нимъ случилось на вѣку, какъ козаки бились
съ Ляхами, съ Татарами; про вѣдьмъ, про чертей. Онъ весь
свѣтъ исходилъ: былъ въ Черноморіи, въ Глуховѣ, за Кие-
вожь... А не поставить ли вамъ самоваръ?

— Поставь, *паняматочко*.

— Вотъ и хорошо! старичка напоите горячимъ, а онъ
вамъ зато что-нибудь расскажетъ.

Отдѣлавшись отъ хозяйки, я опять заговорилъ съ ста-
рикомъ.

— Давно ли, спросилъ я, — странствуешь по свѣту?

— Давно, очень давно,—отвѣчала старикъ, тяжело вздох-
нувъ; — я женился еще въ очаковскую зиму, когда мы
жили на запорожскихъ земляхъ вольными козаками; а какъ
разорили Кошъ, то нашъ поселокъ съ землями достал-
ся какому то пану. Не хотѣлъ я быть панскимъ, за-
претъ коня, взялъ жену съ дѣтьми — дѣвочку по восьмому
году и мальчика-годовичка и поплелись себѣ въ Черноморію.
Отъ Тора пришлось ѣхать напрямикомъ, степью, какъ моремъ;
нигдѣ ни хуторка, ни землянки. Того года была сильная за-
суха, и чего мы не натерпѣлись: конь безъ корма и водопою
окомялъ, и мы пошли пѣшкомъ; весь запасъ, который взяли
съ собой, истратили и питались только кореньями. Не про-
шло и десяти дней, какъ схоронили дочку и сына, а тамъ
съ тоски, съ голода, заболѣла и моя жена; я несъ ее на
рукахъ, пока Богъ не принялъ ея души... По Черноморію я

таскался тридцать пять лѣтъ, бился съ Черкесами, плавалъ по Черному морю, а тамъ потянуло на родину: захотѣлось еще разъ увидѣть свою хату и поклониться отцовской и материнской могилѣ. Пришелъ—и не узналъ нашего поселка: гдѣ была моя хата, тамъ разросся панскій садъ, а гдѣ было кладбище, тамъ стоялъ шинокъ. Вышелъ я на выгонъ, взглянулъ на слободу и окрестности, вспомнилъ молодые годы, отца, мать, жену, дѣтей, заплакалъ—и пошелъ куда глаза глядятъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ какъ слоняюсь, а три раза трицать какъ живу... А она джетъ: батьковской хаты я не забылъ. Бывало, какъ запою, то мнѣ казалось, что я сижу возлѣ своей хаты и меня слушаютъ батько, мати, жена и дѣти!..

Немного словъ въ разсказѣ старика, а сколько горя! И не хотѣлъ онъ меня разжалобить, а тронулъ до глубины сердца. Длинную низку лиха нанизала ему злая доля!..

Хозяйка помѣшала мнѣ продолжать бесѣду съ старикомъ, принесла чашки и снова затараторила: то объ троицкой ярманкѣ, то какія *панночки* вышли замужъ, какія еще остались; насчитала съ десятокъ умершихъ и пристала къ старику, почему онъ ничего не разсказываетъ.

— Какъ же мнѣ разсказывать, — сердито отозвался старикъ, — когда вы не даете мнѣ рта разинуть, *скрегочете* какъ сорока на вербѣ...

— Буду молчать, ей-Богу, буду молчать, перебила хозяйка; только сдѣлай милость, разскажи про влюбленнаго чорта.

— Хорошо, хорошо, разскажу, — отвѣчалъ снисходительно старикъ: — почему не разсказать.

Старикъ съ большимъ аппетитомъ пилъ чай, закусывая харьковскими бубликами; а какъ выпилъ еще двѣ чашки съ ромомъ, то замѣтно прибодрился.

— Вотъ теперъ, — сказалъ онъ, — какъ будто силы прибавилось: кажется, и запѣлъ бы, еслибъ со мною была бандура.

IV.

Старикъ приподнялъ голову и довольно твердымъ еще голосомъ началъ:

— Дѣдъ мой былъ запорожець. Гдѣ онъ на своемъ вѣку не бывалъ, чего не видѣлъ, чего не испыталъ?.. Былъ онъ высокъ ростомъ, силенъ, и въ придачу еще великій знахарь: знался онъ съ вѣдьмами, съ чертями, ничего на свѣтъ не боялся: настоящій былъ запорожець! Ужъ не молодымъ пришелъ онъ на Береку (*), женился и построилъ себѣ хату. Жилъ онъ чуть ли не столѣтъ, и до смерти хорошо видѣлъ, слышалъ, а подчасъ сядетъ бывало на неосѣдланнаго коня, и махнетъ въ Харьковъ. Такъ вотъ, подъ старость, въ длинные зимніе вечера, когда бывало начнетъ рассказывать что съ нимъ случилось на вѣку, то и смѣешься и плачешь, а иногда и волосы стануть дыбомъ... Вотъ какъ онъ рассказывалъ про влюбленнаго чорта...

Разъ, въ схваткѣ съ татарами, убили подъ нимъ коня. Жаль ему коня, какъ роднаго брата; одно—надежный былъ, а другое—такого не найти на всемъ Запорожьѣ. Вотъ дѣдъ и пошелъ въ слободы по заводамъ поискать себѣ богатырскаго коня. Въ то время не то что теперь: повсюду была пустыня,—и дѣду пришлось странствовать по степямъ напрямикомъ, справляясь о дорогахъ то у солнца, то у звѣздъ. Черезъ нѣсколько дней ходьбы, дѣдъ началъ уставать; ужъ и мѣшокъ съ запасомъ опустѣлъ, послѣдній сухарь съѣлся. Вблизи Донца начинаются дремучіе лѣса, и дѣдъ забрался въ страшную пущу; а тутъ и ночь настигла. Нечего дѣлать—сѣлъ онъ подъ кустомъ, чтобы обождать пока мѣсяцъ взойдетъ, да и задремалъ. Только—слышитъ сквозь сонъ, какъ будто кто его тянетъ; очнулся, смотритъ—полный мѣсяцъ поднялся высокою и въгору нѣтъ, а деревья такъ и клонятся, все въ одну сторону, и его самого, будто какая невѣдомая сила, туда жъ тянетъ. Сталъ дѣдъ присматриваться: видитъ—стоитъ высокій козакъ въ красномъ жупанѣ, въ черныхъ бархатныхъ штанахъ и желтыхъ сапогахъ, такой изъ себя молодчина, что лучшаго и въ запорожскомъ Кошѣ не съискать! Стоитъ противъ мѣсяца и руками размахиваетъ, будто кого къ себѣ манитъ; и какъ махнетъ рукою, то ажъ деревья къ нему наклоняются, а моего дѣда будто кто въ затылокъ толкаетъ.—Что за

*) Берека отъ Харькова 70 верстъ.

чортъ? подумалъ дѣдъ: не колдунъ ли? Хотѣлъ было его окликнуть, какъ слышитъ, что-то за деревьями грохнулось: такъ искрами кругомъ и осыпало. Смотритъ, изъ-за кустовъ вышла высокая стройная молоденькая дивчина, такая разодѣтая, да такая красивая, что ни во снѣ увидать, ни въ сказкѣ рассказать.—Скрестивши на груди руки, робко подошла она къ козаку.

— Зачѣмъ ты меня звалъ? — спросила она такимъ нѣжнымъ голоскомъ, что у моего дѣда ажъ сердце ёкнуло.

— Спрашиваешь — зачѣмъ! отвѣчалъ казакъ, тяжело вздохнувъ: развѣ не знаешь, какъ я тебя люблю?.. Безъ тебя, мнѣ и адъ не милъ!..

— Вотъ зачѣмъ, говорить дивчина, — объ этомъ я уже давно знала.

— Да нѣтъ, вскрикнулъ казакъ: не за тѣмъ! — какъ тебѣ увижу, то самъ не знаю что говорю. Выслушай меня Одарко (Дарья)... Скажи мнѣ, хочешь ли быть моею?.. Хоть бы ты въ тысячную долю такъ меня полюбила, какъ я тебя люблю!..

— Не надо мнѣ твоей любви, не проси и моей! *отрѣзалась* дѣвчина, отворачиваясь.

Ого, — подумалъ дѣдъ, — какая *несговорчивая!* брезгаетъ любовью такого казака!

— Слушай Одарко, снова началъ казакъ: полюби меня! все для тебя сдѣлаю, все, чего только ни пожелаетъ твоя душа!..

— Не сдѣлаешь того, чего желаетъ моя душа! отвѣтила дѣвчина, тяжело вздохнувъ.

— Все сдѣлаю, ей—ей сдѣлаю, говорить казакъ; клянусь адомъ, сатаною и паномъ Фарнагіемъ; чтобы я не сгубилъ ни одной христіанской души, чтобы мнѣ провалиться въ прорубь, послѣ крещенскаго освященія воды, вотъ-что!

Какъ онъ, аспидовъ сынъ, забавно божится, — подумалъ дѣдъ.

— Не вѣришь? — спрашиваетъ казакъ.

— Не вѣрю, отвѣтила дѣвчина.

— Не знаю, чѣмъ тебя и увѣрить! говорить казакъ, да прижавши ее къ сердцу и чмокнуть въ щоку.

Какъ чмокнулъ, такъ по всему лѣсу пошелъ отголосокъ; деревья заколыхались, вѣтви сплелись, заворковали горлицы, и моего дѣда наклонило къ землѣ, какъ-то зачесались губы, а тутъ откуда ни возьмись лягушка—прыгъ, и не опомнися, какъ поцѣловалъ проклятую гадину. И чтобы вы думали, такъ ему стало весело на душѣ, какъ будто поцѣловалъ красивую дивчину въ ясныя очи.

— Охъ, застонала дѣвчина, схватившись за щеку: какъ ты меня обжогъ!.. Такъ отъ тебя и пышетъ адомъ. Если хочешь со мною разговаривать, то развѣ въ водѣ, а тутъ ты меня сожжешь своею адскою любовью!..

— Пожалуй, говорить козакъ,—будемъ разговаривать въ водѣ.

— Смотрить дѣдъ: возлѣ нихъ и озерко. Было ль оно прежде, да онъ его не примѣтилъ, или явилось, какъ говорится, по щучьему велѣнью. Чтò за чертовщина, подумалъ дѣдъ: люди ли они, или черти?.. Страшно ему стало, ажно чубъ дыбомъ поднялся. Далѣе смотреть, стали раздѣваться, дѣвчина, будто не своими руками сняла съ себя кофту, плахту, потомъ не стыдяся и сорочку. Какъ взглянулъ на нее дѣдъ, то ажъ икры у него задрожали; давно ужъ минуло, а бывало какъ станеть рассказывать, то ажъ чмокаетъ, ажъ искры изъ глазъ сыплются: такъ была хороша! Мѣсяцъ ясный какъ серебромъ облилъ ея бѣлое тѣло; вся она какъ выточенная, а длинная коса, черная, словно вороново крыло, такъ и обвивается вокругъ стройнаго стана и ажъ до полныхъ икоръ достигаетъ. Повернулась спиной, — еще красивѣе... но какъ сталъ дѣдъ вглядываться, то увидѣлъ сзади—у ней хвостикъ! такъ себѣ не очень и большой, да все-таки *матери его чортъ*, хвостикъ; выходитъ, что дивчина вѣдьма. Взглянулъ, дѣдъ на козака, и у него хвостъ, длинный-предлинный, какъ у борзой собаки и такъ имъ помахиваетъ, какъ котъ, подстерегая мышъ. Вотъ оно что, подумалъ дѣдъ! теперь понятно: чортъ влюбился въ вѣдьму! Дѣдъ хотѣлъ было удрать, такъ съ мѣста не двинется, словно къ землѣ приросъ; хотѣлъ было перекреститься, не подымается рука. Досада взяла дѣда, да нечего дѣлать; прильнулъ къ землѣ и смотритъ, чтò дальше будетъ. Вошелъ чортъ съ вѣдьмой по поясъ въ воду и снова стали разговаривать.

— Говори же, моя голубка, чего желаетъ твоя душа? спрашиваетъ чортъ.

— Не скажу, — отвѣтила вѣдьма, пока не поклянешься адскимъ словомъ исполнить мою волю.

— А долго ли будешь моею, если обѣщаю?

— Десять лѣтъ, отвѣтила вѣдьма.

— Изволь, все тебѣ обѣщаю! Чортъ протянулъ руку: «вотъ тебѣ рука и мое адское безповоротное слово!»

— Кто же насъ разниметъ? спросила вѣдьма, взявши чорта за руку:— нужно, чтобъ была христіанская душа, да еще и чистая!

— Не безпокойся,— есть кому разнять, сказалъ чортъ, кивнувъ головой въ ту сторону, гдѣ лежалъ мой дѣдъ: тамъ, говорить, подъ кустомъ лежитъ запорожець.

— Развѣ у запорожцевъ чистая душа? спросила вѣдьма. Они всѣ пьяницы и разбойники...

— Какъ же! рассказывай, говорить чортъ:— нѣтъ чище души, какъ у тѣхъ аспидовыхъ сыновъ, запорожцевъ; они живутъ праведно: не знаются съ женщинами и охраняютъ вѣру православную... Эй, Кирило! крикнулъ чортъ, поди сюда да разними намъ руки.

Дѣдъ ни гугу: лежитъ себѣ, и духъ притаилъ.

— Да ну-же, иди, снова крикнулъ чортъ, ты же не разъ хвастался, что не боишься чорта, а теперь струсилъ...

Досадно стало дѣду: видите ли пристыдилъ, чортовъ сынъ. Некуда дѣваться, нужно идти, чтобы въ самомъ дѣлѣ чортъ не подумалъ, что запорожець струсилъ.

— Чего жъ тутъ пугаться? отозвался дѣдъ; а самъ дрожить какъ въ лихорадкѣ.

— Такъ чѣмъ же нейдешь?

— Трубку ищу, уронилъ въ траву и никакъ не найду.

— Да не лги: трубка въ карманѣ.

— Дьявольскій сынъ, подумалъ дѣдъ, все знаетъ; отъ него никакъ не отдѣлаешься.

— Разнимай! говорить чортъ, когда дѣдъ подошелъ къ нимъ.

— Какъ же я васъ разниму? говорить дѣдъ... Стану я, чортъ-батка знаетъ для кого, пачкать свой красный жуланъ. Выходите на берегъ.

— Развѣ ты ослѣпъ? говоритъ чортъ: посмотри, тамъ гдѣ стоитъ дѣвчина, замерзло; смѣло иди, сдержитъ.

— Что за чортъ, въ самомъ дѣлѣ замерзло!.. Отъ чего жъ оно замерзло? спрашиваетъ дѣдъ.

— Оттого, говоритъ чортъ, что она, чтобы ей... такъ тепло меня любить, что ажъ вода около нея мерзнетъ.

— Отъ чего жъ, спрашиваетъ дѣдъ, около тебя паръ идетъ изъ воды и пузыри вскакиваютъ?

— Да, говоритъ чортъ: это я ее такъ горячо люблю, что ажъ вода около меня кипитъ!

Вотъ такой бы любви нашимъ дивчатамъ! — подумалъ дѣдъ; остановился возлѣ вѣдьмы и едва только рознялъ руки, какъ съ рукъ что-то шлепъ въ воду, задрогало ножками и нырнуло.

— Это что такое? спросилъ дѣдъ: лягушка, что ли?

— Нѣтъ, говоритъ чортъ, долго держались за руки, такъ чертенокъ вывелся.

Вотъ проклятые черти, подумалъ дѣдъ, какіе плодущіе— только за руки подержались,—ужъ и чертенка сплодили.

— Ну, теперь говори, спрашиваетъ чортъ вѣдьму, чего жалеетъ твоя душа?..

— Спасенья! отвѣтила вѣдьма.

Какъ услышалъ это чортъ, то ажъ носомъ закрутилъ, будто чемерицы понюхалъ.

— Не возможно этого, простоналъ онъ, не проси, никакъ нельзя!..

— Отчего? спросилъ дѣдъ.

— Оттого, что она ужъ отступилась отъ Господа, то въ другой разъ Богъ ее къ себѣ не приметъ!

— Вадоръ! говоритъ дѣдъ, если покается, то Богъ ее и въ третій разъ приметъ!

— Да ну, молчи, рывкнулъ чортъ, если не знаешь святого писанія!

— Нѣтъ, врешь, знаю, говоритъ дѣдъ, я и самъ грамотѣй, не разъ и апостола читалъ въ церкви!..

Дѣдъ былъ презадорный; когда бывало заспорить, то хоть чего и не знаетъ, будетъ говорить: «знаю»; а иногда и

отъ себя выдумаетъ, и такъ кстати приладить, что собьеть съ толку и знающаго.

— Вотъ, примѣромъ сказать, говорить дѣдъ,—я и чело-вѣкъ, а мнѣ жаль бѣдняжку; кажется, чего бы не сдѣлалъ для ея спасенія.

— Такъ она же открестилась... проворчалъ чортъ.

— Эка важность, перебилъ дѣдъ, всякой полъ и въ дру-гой разъ перекрестить и дунеть на тебя и плюнуть!

Чортъ на это и отвѣту не далъ; стоитъ, повѣся носъ, да только затылокъ почесываетъ.

— Ты жъ самъ знаешь, отозвалась вѣдьма, взглянувъ на чорта, что не по своей волѣ я сдѣлалась вѣдьмою: меня мать принудила.

— Зачѣмъ слушалась, говорить чортъ: у тебя есть свой разумъ и воля...

— И это враки, смѣло перебилъ дѣдъ, (потому что какъ найдеть на правду, то онъ и чорта не испугается); нуждою и страхомъ до всего можно приневолить чело-вѣка!

— Подумайте сами, чего просите, захныкалъ чортъ; чуть не плачетъ горемычный. Какъ мнѣ помогать спасеню души, когда для того я и чортъ, чтобъ губить христіанскія души? Да меня за эту пакость на куски разорвутъ!..

— За что? говорить дѣдъ; не большой грѣхъ спасти одну душу,—а тамъ покаешься и десять сгубишь: такъ тебя же и по головкѣ поглядать.

— Да, какъ же развѣ противъ шерсти! проворчалъ чортъ.

— А какъ бы я тебя любила! отозвалась вѣдьма, и такъ страстно взглянула на чорта карими очами, что ажъ ледъ затрепалъ и покололся; чуть-чуть дѣдъ не бултыхнулся въ воду, да какъ-то выскочилъ на берегъ.

Задумался чортъ, долго стоялъ понурившись, долго ду-малъ, да ужъ *нечистая мать* такъ его подкурила любовью, что ничего и не придумалъ.

— Что будетъ, то будетъ, сказалъ наконецъ чортъ, обернувшись къ вѣдьмѣ, пусть будетъ по твоему!

Вышли изъ воды, вѣдьма повеселѣла, а смущенный чортъ и хвостъ поджалъ.

Дѣдъ помогъ вѣдьмѣ одѣться; своими руками вытеръ ея нѣжное тѣло, и замѣтилъ, что она для него словно потеплѣла; надѣвая на нея сорочку, онъ шепнулъ ей на ухо, чтобы она его слушалась. У дѣда было предоброе сердце; ему какъ стало вѣдьмы. Онъ никогда не разсуждалъ, за вину ли или безъ вины страдаетъ человѣкъ; ему стоило только увидѣть несчастнаго, чтобы онъ ужъ и болѣлъ за него душою, и готовъ былъ защищать его, и помогать ему, и не какъ нибудь, а всѣми своими силами; а если такой человѣкъ, какъ мой дѣдъ, задумаетъ что, то ужъ непременно доведетъ дѣло до конца. Такая, видите, была натура у запорожцевъ.

— Ну, чортъ, спрашиваетъ дѣдъ: какой теперь совѣтъ дашь? Что сотворимъ, да спасемся?

— А вотъ что, отвѣчаетъ чортъ поморщась: недалеко отсюда спасается пустынный: великою силою онъ одаренъ; всякій грѣхъ можетъ отмолить, хоть какого грѣшника на путь истинный направить. Такъ видите-ли, когда я съ Одаркой поживу десять лѣтъ, тогда и отведу ее къ тому пустыннику; вотъ онъ и спасетъ грѣшную душу.

— Э, нѣтъ, постой, перебилъ дѣдъ: за десять лѣтъ много воды утечетъ; пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Черезъ десять лѣтъ или вѣдьма окочурится, или пустынный Господь къ себѣ приберетъ. Нѣтъ, такъ не приходится; ужъ если дѣлать доброе дѣло, такъ нужно теперь же идти къ пустыннику за благословеніемъ.

— Да не мѣшайся не въ свое дѣло! закричалъ чортъ, ажъ ногами затопалъ съ досады.

— Какъ, не мое дѣло? крикнулъ дѣдъ: я же васъ разнимаю! А какъ солжешь? Гдѣ она тогда будетъ искать пустынника?..

— Черти никогда не лгали! замѣтилъ чортъ.

— Чертямъ еще ни одинъ дуракъ не вѣрилъ! отрѣзалъ дѣдъ.

— Пусть будетъ такъ, отозвалась вѣдьма, какъ дядюшка Кирило говоритъ; нужно хотъ узнать, гдѣ спасается пустынный.

Долго спорили, чуть-чуть не поссорились, но дѣда и самъ настаршій чортъ не переспорилъ бы; нечего дѣлать, чортъ

почесалъ затылокъ и — согласился. Можетъ быть, у него было скрытое намѣреніе, но мой дѣдъ на все былъ готовъ. Посмотримъ кто кого проведетъ.

— Ну, теперь, говоритъ чортъ, моя вѣдьмушка, чортъ съ тобою! лети себѣ домой, а завтра мы будемъ у тебя и отправимся къ пустыннику.

Вѣдьма сѣла на метлу, кивнула головой дѣду и, высоко взвившись въ ровень съ звѣздами, полетѣла въ свою хату. Чортъ не спускалъ съ нея очей, пока она не скрылась, а потомъ такъ тяжело вздохнулъ, что листья зашеле-стѣли, по долинь будто что покатилося, крикнула сова, далеко въ болотѣ загудѣлъ выпь. И у дѣда сердце заныло, и онъ вздохнулъ, какъ будто только-что попрощался съ тою дѣвчиною, съ которою ужъ давно разлучился, когда пошелъ въ запорожскую Сѣчь.

V.

Дѣдъ, разсуждая съ чортомъ, пошелъ съ нимъ рядомъ, какъ добрые товарищи. Дѣдъ изъ своего рожка тряхнетъ ему табаку, а чортъ его потчуетъ изъ своего: такой услужливый; не успѣетъ дѣдъ набить трубку, а чортъ ужъ и огню высѣкъ. Только-что дѣдъ помянулъ про горѣлку, а чортъ въ ту же минуту и подноситъ, и на закуску тащить изъ кошеля жареную утку и пшеничный мягкій *буханецъ*.

Выпивши и порядкомъ закусивъ, дѣдъ вздумалъ пошутить надъ чортомъ: хотѣлъ было его перекрестить, да подумалъ: Богъ съ нимъ, хоть онъ и чортъ, а все же товарищъ, нечестно обижать товарища; а потомъ какъ взглянулъ на чорта, то ажъ жаль его стало: идетъ, повѣсивъ голову, словно на смерть осужденный.

— Разскажи мнѣ, спросилъ его дѣдъ, какимъ случаемъ ты влюбился въ вѣдьму? Вѣдь любовь досталась не чертямъ на долю, а намъ грѣшнымъ?

— Эхъ, братецъ! говоритъ чортъ, и у насъ есть сердце, такое жъ, какъ и у васъ, и съ тою же проклятою любовью.

Могли ли бы мы искушать васъ, еслибы не знали, какое у людей сердце... А имѣя сердце, какъ убережешься?.. Послушай, Кирило, говоритъ чортъ, снявши шапку и низко кланаясь, пособи мнѣ въ моемъ дѣлѣ, а я за это въ большой пригодѣ тебѣ стану.

— Пожалуй, говоритъ дѣдъ, почему же доброму чорту и не услужить.

А у него другое было на умѣ: какъ бы только спасти дѣвчину; что-то она и дѣду пришлась по душѣ.

— Чего хочешь, того и проси, говоритъ чортъ.

— Да мнѣ ничего не нужно, говоритъ дѣдъ, только бы добыть добраго коня.

— Я тебѣ конь, говоритъ чортъ: самъ обернусь конемъ и пять лѣтъ буду тебя возить, а пять проживу съ Одаркой. Я въ пять лѣтъ наверстаю пятьсотъ: на то мы черти!..

— Смотри жъ: не солги, говоритъ дѣдъ.

— Не бойсь, говоритъ чортъ: вотъ тебѣ рука и бѣсовское-адское слово!.. Да намъ и не приказано ни обманывать, ни затрогивать запорожцевъ, потому что они бьются за вѣру православную. Да не много и покорыствуешься, говоритъ, если котораго и завербуешь. Убьютъ его на войнѣ, вотъ ужъ онъ и не нашъ. Откуда ни возьмется Петръ съ ключами и отобьетъ: такъ и валяетъ нашего брата, не разглядывая—гдѣ глаза, гдѣ рыло; а еще какъ выскочить Николай, то удирай безъ оглядки, чтобы не вернуться въ адъ безъ хвоста!

— А много у васъ въ аду запорожцевъ? спросилъ дѣдъ.

— Ни одного. Какіе были, то и тѣхъ вытурили.

— За что же вы ихъ вытурили? спрашиваетъ дѣдъ: для нашего брата вамъ жаль и угла въ аду?

— Чтò жъ, коли такое буйство и своеволие творять, что всѣхъ чертей изъ ада разогнали. Развѣ ты не слышалъ про того Марка, который весь адъ вверхъ дномъ перевернулъ (*).

*) Есть легенда о запорожцѣ Маркѣ, который забравшись въ адъ, перевозилъ котлы съ горячей смолой и всѣхъ чертей разогналъ. На основаніи этой легенды у Малороссіянъ и теперь еще существуетъ поговорка: «Тошчица якъ Марко на яеклу».

— Что жъ они тамъ дѣлають? спросилъ дѣдъ.

— Натянутся горячей смолой, какъ горѣлкой, говорить чортъ, позалазять въ печи, и кидають оттуда головешками. Разъ, чуть-чуть ада не сожгли! Или развалится иной насковородѣ и прикажетъ себя поджаривать. Печешь его, печешь, ажно на тебѣ кожа лопається, а онъ еще бранится, издѣвается надъ тобой, да на весь адъ горланить, что озябъ. Бѣда съ ними! Не проберешь ихъ огнемъ! ужъ какъ ихъ жарили Ляхи, да и тѣ не доканали. У насъ въ аду того невыдумаешь, что они съ ними творили: Наливайку жгли въ мѣдномъ быкѣ; вся Варшава сбѣжалась послушать, какимъ голосомъ зареветь быкъ, да ничего и не услышали: изтлѣлъ сердечный до костей, не издавши ни одного стона. Такъ что съ ними будешь дѣлать?.. Живаго не проберешь, а то—мертваго!..

— Такъ и слѣдуетъ, говорить дѣдъ: на то мы съчевики, чтобы все вытерпѣть; потому-то мы никого и ничего не боимся!..

— Обождите, говорить чортъ: скоро придетъ и на васъ бѣда: не пройдемъ васъ огнемъ, такъ проберемъ морозомъ!

— Гдѣ жъ вы достанете мороза въ аду? спрашиваетъ дѣдъ.

— Да, у насъ нѣтъ, зато у васъ есть, говорить чортъ: мы вамъ такого человѣка выставимъ, что будетъ лютеѣ чорта.. Онъ вамъ нагонитъ холода.. увидите!.. Да ну ихъ къ чертямъ, мнѣ теперъ не до нихъ... Что-то дѣлаетъ моя Одарочка?..

— Скажи мнѣ, спрашиваетъ дѣдъ, что она, въ своихъ-ли тѣлесахъ, или можетъ быть, обернулась такъ въ красивую дѣвчину, какъ ты въ козачка?

— Нѣтъ, говорить чортъ, она такая отъ природы. Если и царицей обернется, то красивѣе не будетъ! Одно только въ ней не хорошо: легко ее сбить съ грѣшнаго пути.

— Не будь у ней этого каторжнаго анафемскаго хвостика! прошепталъ дѣдъ и призадумался.

Вотъ такъ разтобаривая, идутъ себѣ лѣсомъ, а тутъ изъ-за кустовъ то вытянетъ морду лѣшій, съ зеленою какъ трава бороною, то выскочитъ вовкулакъ (*), перевязанный

(*) Человѣкъ, обороченный колдуномъ въ волка.

краснымъ поясомъ, то прыгають съ вѣтки на вѣтку упири въ нѣмецкихъ плюндрахъ, и всѣ низко и привѣтливо имъ кланяются. А какъ пошли надъ лиманомъ, то и не перечесть сколько повыскакивало изъ болота чертеняты.

— Здравствуйте, дядюшка! отзываются къ чорту. А дѣда побавляются: видятъ, что запорожець.

— Не бойтесь, дѣтушки, говорить чортъ: это, чтобъ вы знали, мой свать Кирило!

Дѣдъ рассказывалъ, что чертенята, пока еще молоды, такіе зеленые, какъ осока: нѣтъ у нихъ ни рожковъ, ни когтей. И презабавные, говорятъ: бѣгають, кружатся, прыгають, какъ лягушки, играютъ, какъ котята; нырнетъ въ воду, а *ножки* высунетъ изъ болота и дрыгаетъ. Дѣдъ хотѣлъ было ихъ подразнить—показалъ имъ кукишь,—такъ они въ одинъ голосъ такъ и запищали: спасибо вамъ, дядюшка, Кирило, за вашу ласку! А чортъ и говоритъ: ты ихъ и сахаромъ не корми, только покажи имъ кукишь.

Начало разсвѣтать, когда чортъ съ дѣдомъ выбраделъ изъ лѣса. Не прошли и полверсты, какъ увидѣли въ долинѣ большое село.

— Вотъ это и село, сказалъ чортъ, гдѣ живетъ Одарка; вонъ, смотри, и ея хата, окруженная вишневымъ садкомъ. Иди жъ теперь къ ней, переднюешь, а вечеромъ, когда солнышко сядетъ, и я къ вамъ приду. Я бы и теперь съ тобою пошелъ, да днемъ, въ селѣ, не безопасно нашему брату: подчасъ наскочишь на ярчука, (*) да и нѣтухи кукуркають, чтобъ они переколѣли.

— Попроцавшись съ чортомъ, дѣдъ спустился съ горы къ плѣсу; досталъ изъ сумки бритву, выбрился, надѣлъ чистую сорочку, помолился Богу и отправился къ вѣдьмѣ. Дорогой сорвалъ по кусту горицвѣту, золототысячнику и дроку, свернулъ вмѣстѣ и, закрутивши, заткнулъ за голенище лѣваго сапога (**). Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы чортъ не зналъ, о чемъ дѣдъ будетъ разговаривать съ вѣдьмой.

(*) Ярчукъ, по народному повѣрью, собака съ волчьими зубами, имѣющая слухъ подстеречь чорта и задавить вѣдьму.

Средство скрыть свои мысли и рѣчи отъ нечистой силы. Также народное повѣрье.

VI.

Одарка встрѣтила дѣда на порогѣ своей хаты съ хлѣбомъ—солью, и поклонилась ему чуть не до земли.

— Спасибо вамъ, дядюшка, говорить, за вашу ласку. Отъ меня, бѣдной сироты, и Богъ, и люди отступились, а вы не чураетесь меня грѣшной. Не поможетъ ли вамъ Господь спасти погибшую мою душу!

— Не безпокойся, Одарочка, говорить дѣдъ: спасемъ, не дадимъ чорту наругаться.

Дѣдъ, говорю вамъ, предоброе имѣлъ сердце; иногда, чтобъ успокоить бездолянаго, готовъ и солгать. Просторная хата у вѣдьмы, а какъ-то пустыней отдаетъ, и окна порядочные, а сумрачно. Одарка такъ и льнетъ къ дѣду, такъ ему въ глаза и смотреть: то усмѣхнется, будто радуется, то снова призадумается, загруститъ, какъ солнышко осенью: выглянетъ изъ-за тучи и снова спрячется.

— Дядюшка, шепнула на ухо вѣдьма: не говорите мнѣ ничего, что у васъ на думкѣ, а то бѣсовъ Трутникъ, (такъ назывался влюбленный чортъ) все будетъ знать.

— Не безпокойся, моя краля, говорить дѣдъ, ударивъ по лѣвому сапогу: я ему, Иродовому сыну, уши заткнулъ. Вѣдь и мы кое-что знаемъ!.. Не услышитъ и не увидитъ, хоть бы я вотъ-что сдѣлалъ.—Да съ этимъ и перекрестилъ вѣдьму. Какъ перекрестилъ, такъ и ударило ее объ землю: посинѣла, запѣнилась, въ клубокъ ее свело. Дѣдъ перепугался, ужъ и не радъ, что перекрестилъ; поскорѣй ей сунулъ подъ носъ кукишь: она очнулась и едва пришла въ себя.

— Охъ горе мое, горе, простонала вѣдьма, какъ же вы меня образили, словно ножемъ въ сердце! Не крестите меня, говорить: а то нечистый меня задушить, и до спасенія не допустить.

— Нѣтъ, не буду, не буду, говорить дѣдъ, пускай тебя пустынный креститъ святою рукой!...

Вѣдьма поставила дѣду завтракъ и бутылку тернов-

ки, а сама принялась стирать около печи. Дѣдъ ѣсть и запиваетъ, а самъ очей не отводитъ отъ Одарки. Какая бы, думаетъ, была изъ нея молодлица, хозяйка, если бы не каторжный, анафемской хвостикъ—отсохни онъ проклятый.

— Расскажи, моя Одарка, спрашиваетъ дѣдъ, какъ это сдѣлалось, что мать обернула тебя въ вѣдьму?

— Лучше бы не вспоминать, отвѣчала вѣдьма, тяжело вздохнувъ... Вотъ какъ это случилось: мнѣ минулъ восьмой годъ, когда отецъ мой пошелъ на войну. Черезъ два года возвратился съ войны козакъ Федоръ, и принесъ намъ недобрую вѣсть, что гдѣ-то за Днѣпромъ убили моего отца. Мать сильно запечалилась, но отомъ успокоилась. Федоръ жилъ въ нашей хатѣ и полюбился матери. По селу носились уже слухи, что моя мать выходитъ за него замужъ, какъ Федоръ поссорился съ матерью и женился на дочери нашего сосѣда. Не знаю, какъ вамъ и рассказать, что тогда творилось съ моею матерью: бѣгала по селу, какъ помѣшанная, а потомъ пропала безъ вѣсти. Всѣ думали, что она наложилась на себя руки, какъ черезъ двѣ недѣли, ночью, слышу гулъ на чердакѣ, загучало въ трубѣ и по всей хатѣ какъ вѣтромъ повѣяло. Я бросилась къ печи, думаю—не пожаръ ли; смотрю, кто то раздуваетъ огонь, вспыхнула лучина, вижу мать!... Такая растрепанная, оборванная, а глаза такъ и сверкаютъ—страшно было и взглянуть на нее. Я обрадовалась, гинулась къ ней, а она какъ закричитъ не своимъ голосомъ: не подходи! у меня и руки опустились. Возьми, говоритъ, образа и вынеси ихъ въ кладовую, и крестикъ, что у тебя на шеѣ, тамъ же оставь. Сняла я образа и вынесла въ кладовую, думаю, не хочетъ ли мать хату мазать, но когда вернулась, она обняла меня и горько зарыдала, такъ и обдала меня горячими слезами, какъ кипяткомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого заболѣла Федорова жена, чахла, чахла и умерла,—а Федоръ съ тоски и кручины, долго слонялся по лѣсамъ, пока гдѣ-то подъ деревомъ не нашли и его мертвымъ. Населѣ ходили слухи, что моя мать вѣдьма, и что она извела Федора и его жену; подруги мои отъ меня отступились; я не вѣрила розказнямъ, хотя и сама видѣла, что у насъ въ домѣ что то непонятное происходи-

ло. Всю недѣлю мать была какъ мать, такая добрая, а въ субботу и близко къ себѣ не подпускала, а на ночь запи- рала меня въ кладовую на ключъ. Зехотѣлось мнѣ узнать тому причину и отчего это въ хатѣ такъ трещить и клокочетъ. Разъ въ субботу, (въ то время мнѣ пошелъ семнадцатый годъ) мать меня заперла въ кладовую, а я подняла поло- вицу и вылѣзла изъ кладовой. Смотрю—въ хатѣ пылаетъ пла- мя; взглянула въ окно,—стоитъ моя мать возлѣ печи, въ од- ной сорочкѣ съ распущенною косой и какія то снадобья кла- деть въ горшокъ. Потомъ поставила горшокъ на полъ, сѣла на метлу и только наклонилась къ горшку, а изъ него какъ пахнѣтъ полымя, такъ ее и подхватило въ трубу; я какъ крикну: *мамо*, что ты дѣлаешь? а она, словно птица съ под- битымъ крыломъ, такъ и хлопнулась на земь, да меня за косы. А, непослушная дѣвчонка! закричала мать: подсмат- ривать!.. Не будешь же меня попрекать; я изъ тебя такую жъ сдѣлаю вѣдму, какъ и сама! Перегнула мен чезъ метлу и помчала. Опомнилась я ужъ на Лысой горѣ, возлѣ Кіева. Нечего вамъ рассказывать, что тамъ дѣлается; какъ вижу, можетъ быть и вамъ не разъ случалось тамъ бывать, такъ знаете...

— Какъ не знать, перебилъ дѣдъ: сколько разъ случалось!...

Дѣдъ какъ-то стыдился признаться, что чегонибудь не знаетъ, или гдѣнибудь не былъ, вотъ и солжетъ; а ему солгать, да еще передъ вѣдмой, все равно было что плюнуть.

— Чтó тогда со мною происходило, продолжала вѣдма, и рассказать не съумѣю. Я лежала ницъ съ закрытыми глазами и повторяла за матерью какія то слова,—отъ кого-то отре- калась. Назадъ я полетѣла ужъ на своей метлѣ. Вотъ этотъ же Трутикъ и метлу мнѣ сдѣлалъ. Съ той поры, какъ ви- дите, плачу—не выплачусь, думаю—и ничего не придумаю...

— Гдѣ теперь твоя мать? чтобъ ее! спросилъ дѣдъ.

— Черти замучили, говоритъ вѣдма; когда мать утоли- ла свое мщеніе, тогда только увидѣла, что сгубила свою и мою душу; думала какънибудь высвободиться, а черти и вѣдмы и провѣдали: однажды полетѣла она на Лысую гору и назадъ ужъ не вернулась. И со мной было бы то же

но Трутикъ меня защитилъ. Не знаю что будетъ, а теперь такъ горько на душѣ, такъ тошно на свѣтѣ!.. Вѣдьма залилась слезами.

— Не плачь, моя горличка, говоритъ дѣдъ, не плачь; не бойся, спасемъ твою душу. Ну, статочное ли дѣло, чтобы запорожець, да еще вдвоемъ съ чортомъ, чего не сдѣлали?

— Трутикъ не допуститъ меня къ пустыннику! говоритъ вѣдьма.

— Такъ я пойду, перебилъ дѣдъ, а тамъ ужъ не его воля: будетъ, какъ пустынникъ прикажетъ. Трутикъ обѣщаль мнѣ пять лѣтъ конемъ служить, а тѣмъ временемъ, дастъ Богъ, ты спасешься, и какъ вернется чортъ, то развѣ кукишь подь носъ получить... только оближется... А тамъ, моя красотка! Дѣдъ недоговорилъ, только моргнулъ усомъ и такъ поглядѣлъ на Одарку, что она потупилась и зардѣлась, какъ калина.

Вѣдьма порядкомъ угостила дѣда запеканкой и терновой и положила его спать въ кладовой. Не спавъ всю ночь, дѣдъ заснулъ теперь богатырскимъ сномъ.

VII.

Дѣдъ проспалъ до вечера и, когда вошелъ въ хату, то ужъ засталъ тамъ Трутика. Такъ аспидовъ сынъ и увиается около Одарки и *вихлясомъ*, и *выкрутасомъ*, какъ баный листъ къ ней пристаесть, ажъ раздосадовалъ дѣда. Подоровавшись, дѣдъ сѣлъ на лавкѣ и спрашиваетъ чорта:

— Далекъ ли до пустынника?

— Близко, говоритъ чортъ, за Изюмомъ, въ святыхъ горахъ.

— Какъ близко, закричалъ дѣдъ: да мы и на пятые сутки туда не поспѣемъ!..

— Да, по-вашему, по-запорожскому, говоритъ чортъ, можетъ быть оно и такъ, а по нашему такъ нѣтъ. Если выйдемъ до восхода солнца, то къ вечеру и тамъ будемъ.

— Слушай, чортъ, говоритъ сердито дѣдъ, не затроги-

вай запорожцевъ! Я тебѣ скажу, что еслибы мой конь былъ живъ, то будь я не Кирило Келепъ, еслибы въ одинъ день не слеталъ туда!

— Да не лги, говоритъ чортъ, и въ два недоѣхалъ бы; а вотъ какъ я тебя повезу, то къ обѣду поспѣешь!

— А Одарка жъ какъ? спросилъ дѣдъ.

— Она обернется борзю, говоритъ чортъ, такъ мы еще дорогою и поохотимся.

До полуночи балагурили, а тамъ вздремнули немного, и въ путь. Когда солнце взошло, наши далеко уже были отъ села. Дѣдъ ѣхалъ вскачь словно на ворономъ жеребцѣ, а возлѣ стремени бѣжала бѣлая, какъ сибгъ, борзая, такая жъ статная, какъ была красива Одарка. Порхаетъ какъ на крыльяхъ, кажется, и ножками недотронется земли, вьется какъ ласточка. Подымется русакъ, она духомъ догонитъ: не кусаетъ, а только придержитъ за ушко и пуститъ. А конь, *матери ея бѣсъ*, какъ намалеванный! Блеститъ, какъ стальная броня, шея лебединая, изъ очей искры сыплются, а изъ ноздрей полыми пышетъ. Дѣдъ наложить трубку и огня не высѣкаетъ: приложить только къ мордѣ трубку, такъ она и вспыхнетъ. А какая збруя! и у хана крымскаго подобной не было: вся залита золотомъ и обсажена самоцвѣтными камнями. Дѣдъ не натѣшится конемъ: гладитъ, холитъ его и на Одарку не взглянетъ. Сказано, запорожская натура! Не даромъ въ пѣснѣ поютъ: *промѣнявъ женку на тютюнъ и мольку* (*); а какъ бы не промѣнялъ на добраго коня. Еще солнце высоко стояло, когда они прискакали въ святые горы. Дѣдъ напоилъ коня, самъ напился и, привязавъ чорта къ дереву, говоритъ:

— Обождите меня, я на минутку схожу къ пустынноику.

— Иди, да не мѣшкай, говоритъ чортъ, потому что къ свѣту нужно вернуться въ село, а тамъ сыграемъ свадьбу, да и въ запорожскую Сѣчь.

— Какую свадьбу? спросилъ дѣдъ.

— А съ Одаркой, говоритъ чортъ.

— А чтобъ тебѣ лопнуть! пробормоталъ дѣдъ, и спрашиваетъ:

(*) Промѣнявъ жену на табакъ и трубку.

— А куда тутъ къ пустыннику?

— Иди по этой дорожкѣ, говоритъ чортъ, это онъ и протопталъ ее, ходивши за водой.

Отправился дѣдъ на высокую гору все дремучимъ лѣсомъ и взобрался на такую вышину, что съ одной стороны страшно взглянуть въ обрывъ, а съ другой скала стѣной поднялась до облаковъ. Смотритъ — въ скалѣ дверь, а надъ дверью икона; вошелъ, — небольшая церковка высѣчена въ каменной горѣ. Только перекрестился, да положилъ земной поклонъ, какъ изъ кельи выходитъ пустынникъ, старый-престарый, сгорбленный, а борода, бѣлая какъ молоко, до самыхъ колѣнъ. Дѣдъ подошелъ подь благословеніе, а пустынникъ благословилъ и говорить:

— Отчего это, человѣкъ добрый, — Богъ съ нами, — такъ отъ тебя чортомъ несетъ?

— Еще бы не несло, отвѣчалъ дѣдъ, когда цѣлый день ѣхалъ на чортѣ и еще съ вѣдьмой!

Дѣдъ все рассказалъ, что случилось и зачѣмъ приѣхалъ.

— Коли вы, святой отецъ, говоритъ, не поможете, такъ ужъ и не знаю, у кого искать намъ этого спасенія!

— На все воля Божія, говоритъ пустынникъ: можетъ быть и здѣсь найдетъ спасеніе, если ея раскаяніе будетъ истинное. Какъ вижу, она хоть и вѣдьма, а меньше вреда дѣлала людямъ, чѣмъ тѣ, которыя сватошами прикидываются. Она и на пути грѣшныхъ искала спасенія, а другія и съ истиннаго пути сбиваются.

— Такъ, святой отецъ, такъ, перебилъ дѣдъ: вотъ тоже самое и чортъ говорилъ!

— Врагъ рода человѣческаго, говоритъ пустынникъ, судилъ ей всѣ блага міра сего; другая бъ и не вѣдьма, прельстилась, а она — не преклонилась.

— Не преклонилась, святой отецъ, не преклонилась говорить дѣдъ: такъ-таки на-прямки и чорту отрѣзала, ажъ носомъ закрутилъ, дьявольскій сынъ.

— Ну, говоритъ пустынникъ, теперь помолимся Господу; онъ милосердный наставитъ насъ на добрый подвигъ.

Пустынникъ упалъ на колѣни, дѣдъ тоже — и стали молиться. И теплая жъ была ихъ молитва: темная церковка

какъ будто освѣтилась, у дѣда изъ очей выкатились двѣ слезы, какъ двѣ серебряныя пули, ажъ брякнули ударившись о каменный помостъ. Помолившись, встали; вотъ пустынный и говорить:

— Пойдемъ же, я тебѣ покажу ту пещеру, въ которую отведешь бѣдняжку: тамъ она будетъ спасаться.

— Будьте милосердны, святой отецъ, говоритъ дѣдъ,— заступитесь за бѣдную сироту. Если бы вы увидѣли, какая она молодая, хорошая, да несчастливая!.. Такъ проклятый анафемскій хвостикъ!.. Да еще вотъ что... началъ было дѣдъ, и запнулся.

— Что тамъ еще? спросилъ пустынный.

— Сердце болитъ, святой отецъ, говоритъ дѣдъ, тяжело вздохнувъ: влюбился я въ эту проклятую вѣдму, чтобы ее... пусть будетъ здорова, вотъ что!

— Буду молить Бога, говоритъ пустынный, чтобы Господь милосердный послалъ ей покаянiе, а ты ступай себѣ съ Богомъ въ запорожскую Сѣчь. Побудь тамъ на рыцарской стражѣ еще дѣтъ пять и возвращайся ко мнѣ. Если Богъ дастъ, что она спасется, то я васъ и обвѣнчаю.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать съ чортомъ? спрашиваетъ дѣдъ.

— А что съ нимъ дѣлать? говоритъ пустынный: коли онъ конь годящій, такъ поѣзжай на немъ въ запорожскую Сѣчь.

— Какъ не годящій! говоритъ дѣдъ: такого коня за сто талеровъ не купишь: что за ходъ! вскачь такъ брюхомъ по травѣ и стелеть, а на поворотахъ, только наляжешь, ужъ и поворачиваетъ—мысли знаетъ. Боюсь только, чтобы не удралъ, чортовъ сынъ.

— Не бойсь, говоритъ пустынный, я тебѣ дамъ на него крѣпость.

Пустынный пошелъ въ свою келью, вынесъ кипарисный крестикъ и надѣлъ его дѣду на шею.

— Теперь, говоритъ, онъ у тебя какъ батракъ, какъ крѣпостной... что захочешь, то съ нимъ и сдѣлаешь.

Пустынникъ провель дѣда до пещеры и благословиъ на прощанье.

Возвратился дѣдъ, да ему какъ-то не ловко и совѣстно чорту въ глаза глянуть. Но вѣдъ не угождать же и чорту, помогая ему губить христіанскія души, подумалъ дѣдъ: не все жъ коту масляница. Только дотронулся онъ до чорта, въ ту же минуту почувалъ сердечный Трутикъ свою неволю; такъ и затрясся и застоналъ:

— Чтó ты, Кирило, со мною сдѣлалъ? говорить.

— То, что ты съ другими дѣлаешь... говорить дѣдъ: ловить волкъ—да какъ и волка поймають!.. А самому жалъ чорта, да нечего дѣлать: предобрая была душа у покойника.

Недолго толковалъ съ чортомъ; правду сказать не о чемъ было и говорить. Взялъ за руку Одарку и повелъ въ ту пещеру, которую указалъ ему пустынникъ. Дорогой разказать, какъ они порѣшили дѣло съ пустынникомъ, крѣпко прижалъ ее къ сердцу и, сѣвъ на чорта, полетѣлъ стрѣлой въ запорожскую Сѣчь.

VIII.

Утромъ дѣдъ ужъ былъ въ запорожскомъ Кошѣ. Кому ни скажетъ, что онъ вчера вечеромъ выѣхалъ изъ святыхъ горъ, никто не вѣритъ, да какъ и повѣрить, чтобы въ одну ночь проскакать тридцать миль. Чего ужъ не выдѣлывалъ дѣдъ на своемъ конѣ! Еслибъ услышали, что онъ рассказывалъ, то сказали бы, что вретъ; за недѣлю не переслушали бы. Разъ, дѣдъ заспорилъ съ товарищами, и объ закладъ побился, что поѣдетъ въ Бакчисарай, прямо къ крымскому хану, и плюнетъ ему въ глаза. И что бы вы думали: поѣхалъ и плюнулъ; да еще въ придачу на всѣ корки выбранилъ; а дѣдъ славно бранился—научился у какого то москаля: ты, говорить, покойнаго чорта племянникъ, бусурманскій, католическій, анафемскій, аспидовъ сынъ! триста тебѣ чертей въ животъ! И бывало какъ наскочатъ сѣчевики на татарскую орду, то дѣдъ такъ и врѣжется въ

самую середину, а лошади какъ почувють чорта, такъ и шыгнутъ въ разсыпную; дѣдъ и давай крошить татарву, какъ лаишу, такъ головы и валятся, словно груши осенью. Четыре года дѣдъ былъ куреннымъ атаманомъ, а тамъ, какъ приблизился срокъ, вотъ дѣдъ и сталъ прощаться. Не хотѣли было отпускать сѣчевики, такъ дѣдъ имъ и говоритъ:

— Остался бы, товарищи, да обѣщаль вѣдьмѣ на ней жениться: такъ видите ли, нужно козацкое слово сдержать.

— Что за молодець Кирило, смѣются запорожцы, онъ не побоится и чорта позвать въ дружки.

— Да, говоритъ дѣдъ: я не побоюсь на чортѣ и поѣхать.

Съ послѣднимъ словомъ сѣлъ на чорта и махнулъ въ святаыя горы; къ обѣду и тамъ. Смотрить, а воронья такая сила, будто съ цѣлага свѣта слетѣлись Гемонскія твари, такъ и укрыли горы и лѣсъ. Только увидѣлъ ихъ чортъ, такъ и затрясся, и голову повѣсилъ, и хвостъ опустилъ, почувялъ свою бѣду. Доѣхавши до межи, гдѣ на чортѣ дальше нельзя ѣхать, дѣдъ слѣзъ съ чорта и говоритъ:

— Прощай, чортъ, не вспоминай лихомъ, спасибо тебѣ за вѣрную службу!

Только договорилъ, конь и такъ обернулся въ птицу. Какъ закаркало гемонское воронье, и поднялось, словно туча, ажъ солнце затмили. Налетѣли на чорта, дѣдъ не опомнился, не уошѣлъ руки поднять, чтобы перекреститься, равинуть ротъ, чтобы запѣть Богослова, какъ они несчастнаго Трутика на клочки разорвали. Куда дѣвалось и мясо: только пухъ полетѣлъ за вѣтромъ. Жаль дѣду чорта, очень жаль, да теперь не до него; другая думка у дѣда: чтò сталося съ Одаркой: помиловаль ли ее Господь? Только переступилъ черезъ ровъ, а изъ-за кустовъ навстрѣчу къ нему Одарка; въ цвѣгахъ, въ лентахъ, какъ подь вѣнецъ. Такъ и повисла дѣду на шею.

— Избавитель мой! суженый мой! восклицаетъ: милосердный Богъ помиловаль меня грѣшную... тебя только и ждала, мой голубь, какъ былинка росы небесной.

Еще красивѣе стала Одарка: такая бѣлая, румяная, кровь съ молокомъ; очи сверкають, какъ звѣзды въ темную ночь, зубы блестятъ, какъ бѣлые голуби на солнцѣ подь

синимъ небомъ. Такъ и прижимается къ дѣду и цѣлуетъ его и ласкаетъ, и крестится, и его крестить. Дѣдъ стоитъ, какъ вкопанный, глазамъ своимъ не вѣрить; потомъ упалъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и промолвилъ:

— Боже милосердный, какъ ты къ намъ милостивъ!..

— Поспѣшимъ же, мой рыцарь, къ пустыннику, говоритъ Одарка: онъ еще съ утра тебя дожидаетъ.

Счастливая чета, обнявшись, пошла къ пустыннику. Вошли въ церковь. Смотрятъ, ужъ и налои стоятъ, и два вѣнца лежатъ на налоѣ, не изъ фольги какъ теперь по церквамъ, а изъ свѣжихъ цвѣтовъ.

— Здравствуй, Кирило, говоритъ пустынникъ, увидѣвъ дѣда, какъ тебя Богъ миловалъ на Запорожьѣ?

— Слава Богу, святой отче, говоритъ дѣдъ, молитвами вашими, да, спасибо, и покойному чорту, хорошо служилъ дьявольскій сынъ!..

Дѣдъ отслужилъ три молебна: Николаю Чудотворцу, Архистратигу Михайлу и Георгію побѣдоносцу; за тѣмъ пустынникъ поставилъ молодыхъ передъ налоемъ и обвѣнчалъ.

— Теперъ, говоритъ, Богъ вамъ помощь; будьте счастливы и долголѣтны, да не забываете, что Господь милосердъ, не для того чтобы грѣшили, а для того чтобы калялись въ своихъ грѣхахъ!

— Такъ, святой отецъ, такъ, говоритъ дѣдъ: вотъ черти, такъ небойсь, недали покаяться Трутику, разорвали горемыку на клочки: только пухъ полетѣлъ съ вѣтромъ!

Когда прощались, Одарка три раза поклонилась пустыннику до земли, какъ родному отцу. Дѣдъ также хотѣлъ было поклониться до земли, такъ шея никакъ не гнулась: у этихъ свѣчниковъ шея какъ у волка, они только одному Богу кланялись до земли. Вотъ дѣдъ схватилъ себя обѣими руками за чубъ и насилу пригнулъ голову къ ногамъ пустынника.

IX.

Поблагодаривъ пустынника, дѣдъ съ молодой женой отправился на Береку. Денегъ у него была пропастъ—полонъ

черезъ, туго набитый червонцами: чтобы ни вздумалъ, то и сбѣлалъ. Выбралъ себѣ отличное мѣсто надъ рѣкой, гдѣ темеръ господской садъ, и построилъ славную хату на двѣ половины. Накупилъ воловъ, овецъ, коней и такъ зажилъ съ Одаркой, какъ лучше и выдумать нельзя. Одарка была очень счастлива въ замужествѣ, дожидая до женитьбы сына, дожидая и до внуковъ и умерла, оставивъ по себѣ добрую память. Вотъ вамъ и конецъ. Непрогнѣвайтесь, если мой рассказъ вамъ не по вкусу; рассказывалъ, что слышалъ отъ дѣда; если онъ лгалъ, то и я лгу!

Хозяйка во все время разсказа то дремала, то снова принималась слушать.

— А что случилось, спросила она, протирая глаза, съ хвостикомъ?

— Э!.. поминайте, какъ звали его—тотъ хвостикъ, отвѣчалъ старикъ, отчитали съ корнемъ. Дѣдъ какъ ни приглядывался, такъ и мѣста не нашель, гдѣ онъ росъ.

— Ну, то-то же!.. А то какъ-то странно, чортъ возьми: женщина и съ хвостикомъ!? Хозяйка вопросительно взглянула на меня, какъ бы желая убѣдиться, не кажется ли оно и мнѣ страннымъ.

Поблагодаривъ старика за его рассказъ, мы разошлись на покой, а на другой день утромъ снова собрались и распрощались навсегда. Чтобы не забылась фантастическая повѣсть старика, я записалъ ее для моихъ земляковъ. Украинская природа, согрѣтая теплымъ дыханіемъ юга, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ. Какъ пшеница зрѣетъ на нивѣ и потомъ складывается въ копны и скирды, такъ и это семя, заронившись въ душу и сердце, зрѣетъ словеснымъ колосомъ и слагается въ народныя повѣсти и легенды.

А. СТОРОЖЕНКО.

ПАДЕНИЕ ПОЛЬШИ.

1772 и 1773.

(Окончаніе) (*).

...«On ne connoît pas le droit de propriété dans ce malheureux pays (Pologne); pour toute loi, le plus fort opprime impunément le plus foible. Mais cela est fini, et on y mettra bon ordre à l'avenir.»

ФРИДРИХЪ II въ ДАЛАМБЕРГѢ.

Если кто былъ свѣдѣнъ въ то время, когда въ Польшѣ разыгрывалась, во второй половинѣ прошлаго вѣка, печальная политическая трагедія, такъ это гордые мудрецы—Вольтеръ, Даламберъ и Руссо, не подозрѣвавшіе, что, осмѣивая все на свѣтѣ, сами играютъ жалкую и далеко не лестную роль изъ-за ласковаго слова Фридриха II, или изъ-за соболѣй шубы съ его плеча, или, наконецъ, изъ-за табакерки съ портретомъ какого-нибудь другаго коронованнаго литератора. Саркастическая улыбка не кривила уста капризнаго фернейскаго отшельника, когда онъ читалъ письма Фридриха, въ которыхъ тотъ дурчалъ самолюбиваго старика, а Даламберъ наивно вѣрилъ безжорыстию коронованнаго философа, читая приведенныя нами въ эпитаграфъ

(*) См. первую статью о времени паденія Польши въ Рус. Словѣ 1861, № 9.
Отд. I.

похвалы Фридриха о томъ, какъ онъ осчастливилъ Польшу. «Я основалъ въ ней сорокъ школъ протестантскихъ и католическихъ, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, — и смотрю на себя какъ на Личурга или Солона этихъ варваровъ». А между тѣмъ эти варвары были до того слѣпы къ благодѣяніямъ такихъ попечительныхъ сосѣдей, какъ Фридрихъ, что никакъ не хотѣли понять добра, которое имъ дѣлали, можетъ быть потому, что ни Пулавскій, ни Огинскій, ни Паць и никто изъ конфедератовъ не были знакомы съ Вольтеромъ, а иначе онъ вразумилъ бы ихъ. Можетъ быть также, конфедераты не вполне догадывались, какіе добрые виды имѣютъ на Польшу сосѣднія государства, и, смотрѣли на прусскихъ драгунъ и русскихъ казаковъ не какъ на цивилизаторовъ, пришедшихъ заводить у нихъ школы, а просто какъ на вооруженнаго непріятеля. Какъ бы то ни было, но и въ то время, когда переговоры объ умиротвореніи Польши уже были совершенно покончены и когда оставалось только обнародовать эту новость, конфедераты не только продолжали защищаться въ своихъ крѣпостяхъ, но и готовы были выгнать ихъ изъ Польши совсемъ, еслибы могли. Вообще событія въ Польшѣ, слѣдовавшія за первымъ извѣстіемъ о раздѣлѣ значительной части королевства между сосѣдними державами, болѣе всего доказываютъ, какъ непрочно государство, въ которомъ интересы правительства мало гармонируютъ съ интересами управляемой имъ націи. Въ 1772 году Польшѣ данъ былъ такой урокъ, который долженъ бы былъ вразумить всѣхъ, отъ кого зависѣла участь этой страны. Но этотъ же 1772 годъ до очевидности показалъ Европѣ, что Польшу уже едва ли что могло вразумить. Еще съ начала года конфедераты имѣли надежду на успѣхъ; имъ казалось, что, засѣвъ въ двухъ-трехъ крѣпостяхъ, они могутъ не только держаться въ нихъ до наступленія болѣе благоприятныхъ временъ въ Польшѣ, но и оказывать влияние на страну; имъ посчастливилось даже, съ помощью французскихъ офицеровъ, сдѣлать одно важное приобрѣтеніе. Но къ чему все это могло служить имъ, когда впереди не видѣлось ничего хорошаго? Вообще польское правительство, во все продолженіе существованія этого государства, такъ мало сдѣлало добра народу, что на его помощь оно никогда не могло рассчитывать. Другое дѣло, еслибъ народу легко жилось подъ управленіемъ шляхты и королей; тогда этотъ народъ защитилъ бы и шляхту, и страну отъ всякой посторонней обиды; тогда онъ выгналъ бы изъ своей земли всякаго, на кого указала бы ему шляхта, какъ на врага.

Но королева оны не вытѣтъ въ жизни; оны не вытѣтъ изъ своей земли чужихъ солдатъ, потому что смерть желала бы вытѣтъ свое мѣсто. Этой те польбовые народа и парализировалось даже польскихъ патриотовъ; конфедераты были бессильны потому, что не были популярны, что защищали не Царьшу, а те ея слово, которое и было причиной несчастія ея страны.

Извѣстно, что неудачная попытка поимать короля не мало покровила конфедератамъ, какъ во мнѣніи ихъ соотечественниковъ, такъ и въ глазахъ всей Европы, которая слѣдила по газетамъ и по слухамъ за тѣмъ, что происходило въ Польшѣ. Французскіе офицеры, находившіяся въ войскахъ конфедератовъ и не мало помогавшіе имъ и собственныи и личной распорядительностью, лучше другихъ понимали, что только дѣйствительнымъ завлеченіемъ своей силой конфедераты могли поддержать свое, съ каждымъ днемъ удавшуюся, славу. И Французы заботились о поддержаніи этой славы, потому что сами конфедераты видимо унаси духомъ. «Въ томъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ находится конфедерация, думаю какой-нибудь громаднй подвигъ, который возратилъ бы ей и славу и мужество», писалъ одинъ изъ этихъ Французевъ, Виттониль, и къ февралю 72 года уже все подготавливалъ для этого подвига. Такъ какъ Варшава и Краковъ, самыя важныя пункты королевства, были заняты русскими войсками, которые изъ-за цитадели этихъ городовъ управляли всею странюю, то надо было вытѣснить ихъ или изъ Варшавы или изъ Кракова. О Варшавѣ конфедератамъ и думать было нечего, потому что ее бдительно сторожили и королевскія и русскія войска; хотя и Краковъ трудно было взять правильной осадой, и притомъ съ такими ничтожными силами, какими располагали патриоты, едва ли долго можно было держаться даже въ своихъ собственныхъ крѣпостяхъ, однако Французы рѣшились вывезти конфедератовъ изъ ихъ тягостнаго положенія: они положили во что бы ни стало везти патриотовъ въ Краковъ.

Но прежде сами конфедераты рѣшились попытать счастья. Краковъ, сильно укрепленный искусствомъ и природой, казался рѣшительно неприступнымъ городомъ, особенно для ничтожной горсти патриотовъ. Кромѣ того его защищали русскія войска: въ каждой крѣпости было 400 солдатъ, восемь сотъ человекъ въ городѣ, и въ отрядахъ, расположенныхъ по предѣстамъ, и бродившихъ по окрестностямъ Кракова, насчитывали до трехъ тысячъ русскихъ. Войско,

*

оберегавшее Краковъ, имѣло и запасы, и артиллерию; иртыкъ къ Кракову, вслучаѣ опасности, можно было отступить и другія отряды, которые Суворовъ постоянно передвигалъ съ мѣста на мѣсто. У конфедератовъ, напротивъ, была только личная храбрость—и больше ничего. Однако они надѣялись войти въ крѣпость съ той стороны, которая не имѣла никакихъ искусственныхъ укрѣпленій, кромѣ естественнаго спуска, по которому съ помощью лѣстницъ можно было добраться до самой цитадели. Въ этой части крѣпости находился архивъ, одинъ изъ чиновниковъ котораго имѣлъ тайный сношенія съ конфедератами. Окна въ жилищѣ этого чиновника выходили прямо къ спуску и одно окно имѣло деревянную рѣшетку, которую очень легко можно было выломать. Чиновникъ извѣстилъ конфедератовъ, что чрезъ это окно онъ проведетъ ихъ въ крѣпость, если только у нихъ будутъ лѣстницы, съ помощью которыхъ они могли бы изобрѣтись вверхъ по обрыву, падающему отъ оконъ архива. Этимъ предложеніемъ воспользовался Валевскій, которому Пулавскій предоставилъ защиту Тырняка, и который, несмотря на свою молодость, успѣлъ приобрести хорошую репутацію между патриотами, какъ одинъ изъ талантливыхъ офицеровъ. Онъ вышелъ изъ Тырняка ночью, съ небольшимъ отрядомъ, и направился вдоль Вислы, но, наткнувшись на русскій патруль, былъ узнанъ и принужденъ возвратиться въ свою маленькую крѣпость, въ ожиданіи болѣе благоприятнаго случая. Случай этотъ вскоре представился. Одинъ еврей, котораго конфедераты употребляли иногда шпиономъ, содержалъ трактиръ, находившійся у самой подошвы той возвышенности, на которой стояла краковская крѣпость. Еврей этотъ явился къ Валевскому съ предложеніемъ—устроить отъ его дома подземное сообщеніе съ городомъ, прокопавъ тайный проходъ изъ внутренности дома до самой крѣпости, такъ чтобы чрезъ это подземелье можно было пробраться въ самую середину укрѣпленій Кракова въ какое угодно время. Валевскій сообщилъ объ этомъ Шуази, одному изъ болѣе вліятельныхъ французскихъ офицеровъ, которыхъ версальскій кабинетъ тайно прислалъ въ помощь конфедератамъ по выгѣдъ изъ Польши Дюмурье. Шуази, вмѣстѣ съ Біонеллемъ и другими офицерами, находился въ то время въ Тырнякѣ. Онъ приказалъ явиться къ себѣ еврею-шпиону и, условившись съ нимъ насчетъ предложенія объ устройствѣ тайнаго хода изъ трактира въ краковскую крѣпость, для предупрежденія извѣстны со стороны еврея, велѣлъ ему прислать часть своего семейства въ Тырнякъ, въ

качествъ возожидать, выдать двѣ тысячи франковъ въ уплату за домъ, изъ котораго долженъ былъ устроиться подземный ходъ въ Краковъ, и тотчасъ же послалъ людей въ домъ еврея, которые населились тамъ и начали копать подземелье. Между тѣмъ Шуазен писалъ въ виду доиспытываться также и предложениемъ чиновника краковского архива и думать исполнить оба предпріятія разомъ. Но въ тоже время его извѣстили, что Русскіе, просто ли вследствие военной предосторожности или какаго-либо подозрѣнія, или наконецъ въ предупрежденіи извѣстнаго со стороны архивнаго чиновника, заклипи деревянными рѣшетку въ окнѣ его жалованю. Это обстоятельство заставило Шуазен дѣйствовать съ большою осмотрительностію, чтобы, вслѣдствіе тайнаго нападенія на Краковъ, самому не случиться жертвою обмана. Но и эти два плана нападенія онъ считалъ еще недостаточными и, чтобы быть вполнѣ утѣреннымъ въ успѣхъ таковаго оцѣнаго предпріятія, какъ взятіе Кракова, рѣшился не ограничиваться предложеніями архивнаго чиновника и еврей-инженера. Онъ совѣтовалъ Валевскому посылать другія, болѣе кѣрныя средства завладѣть Краковомъ и еврей указалъ еще одинъ путь, черезъ который можно было попасть въ крѣпость. Онъ сообщилъ, что часть крѣпостныхъ стѣнъ составляетъ ограду кармелитскаго сада и что если кармелиты позволятъ, то можно начать подкопъ въ самомъ саду. Обратился къ настоятелю монастыря, и онъ согласился помогать предпріятію коннодвораторовъ. Вскорѣ уведомили Шуазен, что подземный ходъ готовъ, что три человека могутъ войти въ отверстіе и что остается прорыть очень небольшое пространство земли, чтобы войти въ крѣпость, но что продолжать работу опасно, потому что русскіе могутъ услышать шумъ и открыть подземный ходъ. Шуазен не хотѣлъ ограничиваться и этими, кажется, вѣрными средствами, и потому Виомониль совѣтовалъ вырыть еще одно: изъ середины крѣпости проведенъ была до самой Вислы kloaka, для стока нечистотъ изъ цитадели, и Виомониль рѣшился пробраться въ Краковъ этимъ путемъ.

Ночь съ 2 на 3 февраля была назначена для исполненія тайнаго предпріятія. Шуазен выступилъ изъ Тырнака съ натуо стами людьми. Два главные отряда, въ каждомъ по тридцати человекъ: самый отборный изъ войска коннодвораторовъ, шли къ Кракову подъ начальствомъ Виомониль и другаго французскаго офицера Сальвана; другіе небольшіе отряды, съ 12 до 15 человекъ, должны были дѣлать дальнѣйшаго тревоги въ разныхъ мѣстахъ, чтобы отвлечь внима-

ние русскихъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ предполагалось проебодить Виоменнля и Сальману. Сальманъ долженъ былъ пройти съ своимъ отрядомъ подземный ходомъ, Виоменнль избралъ путь черезъ кладку, хотя этотъ проходъ не былъ предварительно нѣкѣмъ осмотрѣнъ. Выступивъ изъ Тырмака, Шуазли, Виоменнль и Сальманъ порешили направиться тотчасъ же черезъ Валу и направилась вдоль этой рѣки до того мѣста, гдѣ должны были разойтись въ разные стороны, каждый съ своимъ отрядомъ; малкія группы коннедератовъ отдѣлились отъ главныхъ отрядовъ и потянулись къ Красному окаяннымъ дорогами, чтобъ обойти неприятельскіе апроши. Передъ тѣмъ какъ раздѣлиться на отряды, коннедераты переодѣлись такъ, чтобы въ темнотѣ ночи могли отличать своихъ товарищей отъ русскихъ солдатъ. Несмотря на расцѣпленіе по разнымъ направлениямъ русскіе отряды, Сальманъ благополучно достигъ трактира и привелъ своихъ солдатъ къ подземелью. Входъ былъ очень удобенъ, но чѣмъ дальше подвигались они, тѣмъ проходъ становился уже, такъ что они дошли наконецъ до такого узкаго мѣста, гдѣ одинъ человекъ едва могъ пролезть пробираясь къ выводу. Ясно, что тридцать человекъ опасно было вводить въ это подземелье, и Сальманъ праянулъ былъ воротиться, чтобы осмотрѣть укрѣпленія со всехъ сторонъ и замкнуть, но найдеть—ли, хотя случайно, болѣе удобнаго мѣста для входа въ крѣпость. Въ это время Виоменнль уже пробирался съ своимъ отрядомъ по кладкѣ. Онъ первый вошелъ въ нее и, не зная что ожидаетъ его впереди, ползкомъ, со шпагою въ рукѣ, повелъ за собой хробрѣе товарищей, говоря, что черезъ нѣсколько минутъ они будутъ въ оной крѣпости. Последніе изъ его отряда уже вошли въ кладку, когда приблизился Сальманъ, котораго привелъ сюда одинъ сержантъ, на какому осматривавшій эту мѣстность. Товарищи Виоменнля узнали отрядъ Сальмана по платью, въ нѣтъ котораго они условились играть; Сальманъ, не медля ни минуты, ввелъ и свой отрядъ въ кладку. Между тѣмъ Шуазли, явившійся подъ стѣнами крѣпости съ четырьмястами человекъ, тщетно старался найти какой-либо входъ въ средину укрѣпленій; онъ прошелъ вдоль стѣны сада кармелитовъ и нигдѣ не встрѣчалъ ни Сальмана, ни Виоменнля. Отправившись въ путь, они, какъ и прежде, не условившись ни въ сигналахъ, ни въ варахъ; между тѣмъ еврей-шпионъ, служившій проводникомъ въ отрядъ Шуазли, самъ растерялся, опомнился въ мѣстности,—а вара уже началась заниматься, до утра было недалеко. Потерявъ всякую надежду, Шуазли рѣшился

наполеонъ собрать свои отряды и отступить отъ крѣпости; но онъ напрасно ждалъ Віомениля и Сальяна; онъ не зналъ, гдѣ они и что съ ними, потому что никто не могъ дать ему вѣсть объ участи первыхъ приведшихъ къ Кракову отрядовъ. Кругомъ и вдали было тихо, потому что въ крѣпости всѣ спали, не ожидая, опасности столь близкой, а Віомениль и Сальянъ не выходили еще изъ окоши. Боишъ погубить весь свой отрядъ, случаясь если утромъ онъ наткнется на русское войско, Шуази съ горестью долженъ былъ, еще до разсвѣта, ретироваться отъ крѣпости. Возвращаясь къ Тырняку, онъ никакъ не могъ думать, чтобы Віоменилю и Сальяну удалось опасное предпріятіе и считалъ ихъ погибшими.

Между тѣмъ Віомениль, Сальянъ и ихъ храбрые товарищи вошли въ крѣпость. Віомениль первый выступилъ изъ окоши и, наткнувшись на часового, который въ просонкахъ окликнулъ его, прокололъ несчастнаго шпагою, молча продолжалъ путь, убилъ другаго часового и закололъ русскаго капитана, встрѣтившагося на дорогѣ. Все это сдѣлано было безъ малѣйшаго шума, такъ что въ крѣпости никто и не подозрѣвалъ, что непріятель находится уже въ центрѣ укрѣпленій. Отряды пошли далѣе по направленію къ огоньку, который, какъ они справедливо предполагали, выходилъ изъ крѣпостной гаунтвахты. Въбѣжавъ на гаунтвахту, Віомениль закричалъ: «сдавайся!» и всѣ сдались безъ сопротивленія, исключая одиннадцати человекъ, которые носкакали въ окна, бросились въ городъ и произвели тревогу. Русскіе быстро собрались и пошли на крѣпость. Віомениль и Сальянъ, еще не вполне увѣренные въ томъ, что совершенно овладѣли крѣпостью и опасавшіеся встрѣтить непріятеля внутри укрѣпленій, принуждены были, кромѣ того, отражать нападеніе извнѣ. А нападенія, дѣйствительно, начались въ разныхъ пунктахъ и приступы были очень дружные. Горсть побѣдителей состояла между тѣмъ только изъ шестидесяти человекъ, которые, не имѣвъ ни минуты отдыха съ десяти часовъ вечера, со времени выступленія изъ Тырняка, были очень истощены; кромѣ ружей и сабель они не имѣли ничего для защиты крѣпости, которою завладѣли въ нѣсколько минутъ; у Русскихъ же имѣлись и пушки, и число ихъ было огромно въ сравненіи съ горстью храбрыхъ, засѣвшихъ въ крѣпости. Но счастью непріятельскія пушки, принужденныя стрѣлять вверхъ, на довольно значительную высоту, дѣйствовали безъ всякой пользы и не причиняли особеннаго ни малѣйшаго вреда, тогда какъ русская пѣхота, избив-

равшаяся на крепости, была открыта для выстрелов и послышался губительный огонь. Больше двух выстрелов из осаждаемых оставалось на месте от метких выстрелов из крепости; между осаждаемыми, напротивъ, находился только одинъ раненый, юный французъ Шерро, который получалъ ударъ въ ногу. Но при всемъ томъ положеніе осаждаемыхъ было очень сомнительно и они ни въ какомъ случаѣ не могли своими ничтожными силами удержать за собою крепость, со всѣхъ сторонъ окруженную русскими отрядами; къ дню никто не приходилъ на помощь, — ни Шуази, который съ главными отрядами долженъ былъ напасть на городъ, ни тѣ малыя группы, которыя разсыпались по окрестностямъ Кракова съ цѣлю тревожить Русскихъ. Силы послѣднихъ, напротивъ, безпрерывно возрастали. Источенные походомъ и отраженіемъ непріятеля, Виоменья и Сальяна не думали однако о капитуляціи, какъ о единственномъ средствѣ къ спасенію, а напротивъ рѣшились выйти изъ крепости, пробившись сквозь ряды непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ. Положеніе ильцовъ было опасно, что оставаться въ крепости до утра — значило подвергаться неминуемой гибели. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ оставалось еще выходы изъ крепости, но скоро и отступление сдѣлалось невозможнымъ. Все уже приготовлено къ этому новому и опасному подвигу; оставалось отворить крепостныя ворота, — какъ вдругъ осажденные услышали шумъ въ городѣ, и не ошибаясь, предположивъ, что Шуази идетъ къ нимъ на помощь и сдѣлалъ нападеніе на самый городъ. Осажденные остались на своихъ мѣстахъ и съ новой стойкостью продолжали отражать нападеніе.

Дѣйствительно, Шуази, послѣ неудачнаго обхода вокругъ крепостныхъ стѣнъ, удивленный невозмутимой тишиной въ Краковѣ, уже отступалъ отъ города, и въ тотъ самый моментъ, когда подходилъ въ Тырнякъ, услышалъ вдругъ шумные выстрѣлы и частую ружейную пальбу. Выстрѣлы неслись изъ Кракова и не оставалось никакого сомнѣнія, что перестрѣлка завязалась вследствие нападенія на крепость или Виоменья или Сальяна, которыхъ Шуази могъ считать уже погибшими. Не медля ни минуты, онъ двинулся къ Кракову, опрокидывая попадавшіеся на пути русскіе отряды и отстреливаясь отъ другихъ, завладѣвъ краковскими мостами, прошелъ городомъ и, отбившись отъ русскихъ отрядовъ, вступилъ въ крепость. Тамъ онъ нашелъ Виоменья, Сальяна и ихъ шестьдесятъ храбрыхъ товарищей, которые, впродолженіи пяти часовъ, неустойчиво отбивались

отъ многочисленнаго неприятеля. Вместе съ отрядомъ Шуази, въ крѣпости находилось теперь все еще менѣе нѣти сотъ человекъ; — а съ такими ничтожными силами нельзя было долго держаться. Правда, изъ Ландскронъ выслалъ былъ къ нимъ на подмогу, на другой день послѣ паденія крѣпости, еще одинъ отрядъ, въ которомъ имѣлось оружіе; но, пробиваясь сквозь русское войско, отрядъ этотъ потерялъ значительный уронъ, выдержавъ губительный огонь въ городѣ; только кавалеристы, предводительствуемые Келлерманомъ, успѣли поддержать этотъ отрядъ, который и прошелъ въ крѣпость. Между тѣмъ, на слѣдующій же день подъ стѣнами Кракова явился Суворовъ съ великими силами и Шуази принужденъ былъ запереться въ крѣпости, рѣшившись защищаться до послѣдней крайности.

Но въ то время, когда Шуази заперся въ краковской крѣпости, а Пулавскій, Валевскій и другіе конфедераты, укрѣпились въ Ченстоховѣ, Тырнякѣ и Ландскронѣ, конфедераты не знали, что говорилось въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ въ тиши кабинетовъ. Если бы Шуази и Виоминь, — въ тотъ самый день, когда они, измученные защитой Кракова, готовы были вѣрить, что конфедератамъ начинать улыбаться счастье, — подслушали разговоръ Фридриха II съ австрійскимъ посланникомъ Фанъ-Свитенъ, они увидѣли бы, что для конфедератовъ уже все было потеряно.

— Если ваше величество уступите намъ графство Глацъ, мы уступимъ вамъ часть Польши, говорилъ Фанъ-Свитенъ. (Это было мораль разъ, что Австрія заговорила о раздѣлѣ Польши, а до сихъ поръ она все лавировала.)

— У меня теперь подагра только въ ногахъ, отвѣчалъ Фридрихъ: — когдабъ она была у меня и въ головѣ, тогдабъ можно было сдѣлать такое предложеніе. Рѣчь идетъ о Польшѣ, а не о моемъ королевствѣ. Притомъ я соблюдаю мирные трактаты и помню увѣренія, данныя мнѣ императоромъ (Иосифомъ II) — не думать больше о Силезіи.

— Но, возразилъ Фанъ-Свитенъ, Карпаты отдѣляютъ Венгрію отъ Польши, и всѣ пріобрѣтенія, которыя мы можемъ сдѣлать по сую сторону Карпатъ, нисколько для насъ не выгодны.

— Но, зашѣтилъ съ своей стороны Фридрихъ, Альпы отдѣляютъ васъ отъ Италіи, однако вы не смотрите на Миланъ и Мантуу, какъ на невыгодныя владѣнія.

Это нѣсколько смутило Фанъ-Свитена и онъ отвѣчалъ: — въ та-

номъ случаѣ можно найти средства сдѣлать раздѣлъ болѣе выгоднымъ, если намъ позволятъ приобрести отъ Турокъ Бѣлградъ и Сербію.

Фридрихъ, въ письмѣ къ Сольмсу, въ Петербургѣ, признавался, что эти слова ошеломили его, потому что онъ никакъ не ожидалъ услышать ихъ отъ союзника Турціи и отъ представителя того двора, любимой фразой котораго было «равновѣсіе востока.»

Въ отвѣтъ Фанъ-Свитену король замѣтилъ такъ:

— Мнѣ очень приятно слышать, что Австрійцы еще не обрѣзаны, въ чемъ нынѣ обвиняли ихъ, и что это обрѣзаніе выпадаетъ на долю ихъ добрыхъ друзей, Турокъ... (каламбуръ, намекающій на дружественныя отношенія этихъ двухъ державъ).

— А вы, какъ думаете объ этомъ, ваше величество? спросилъ посланникъ.

— Я не думаю, чтобъ этого нельзя было сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ я напишу своему двору, и надѣюсь, что это ему будетъ приятно узнать, сказалъ Фанъ-Свитень (*).

Этотъ разговоръ рѣшилъ дѣло конфедератовъ и раздѣлъ Польши.

Но возвратимся къ конфедератамъ, которые не вѣдали, что творилось въ кабинетахъ сосѣднихъ государствъ.

Краковская крѣпость составляла важное приобретеніе для конфедератовъ, которые владѣли теперь нѣсколькими наиболѣе укрѣпленными пунктами въ государствѣ. Изъ-за краковскихъ стѣнъ, а также изъ Ченстохова, Ландскроны и Тырняка, они могли постоянно тревожить Русскихъ, и въ тоже время могли считать себя, по крайней мѣрѣ при тогдашнемъ состояніи дѣлъ въ Польшѣ, на долго безопасными. Взятіе краковской крѣпости было важно для конфедератовъ и въ другомъ отношеніи: оно возбудило въ нихъ новое мужество, которое въ послѣднее время начинало сильно колебаться; оно снова нѣсколько возвысило конфедератовъ въ глазахъ людей, для которыхъ не чужды были интересы Польши. Извѣстіе о взятіи крѣпости возбудило и въ Варшавѣ разнородныя чувства и надежды. Самъ суровый Сальдернъ отзывался о Французахъ съ похвалою и за обѣдомъ пилъ

(*) Frédéric II, Catherine et le partage de Pologne, d'après les documens authentiques. Par. Fr. de Smith. 1861. Авторъ, по ходатайству графа Нессельроде, имѣлъ доступъ въ московскіе архивы. Изданные имъ документы очень важны. Жаль только, что изъ нихъ не вполне видно, какъ петербургскій дворъ велъ дѣло о раздѣлѣ Польши.

марше Шуази и Виоеннля. Русскаго же офицера, допустившаго выйти Кракова, Сальдернъ приказалъ арестовать, но тотъ бежалъ всю вину на Ксаверія Браницкаго. Въ первое время осады крѣпости, Шуази сильно беспокоилъ Русскихъ. Двѣ удачныя вылазки, сдѣланныя имъ, произвели въ рядахъ послѣднихъ большой уронъ, юта нельзя было не видѣть, что самыя успѣхи ослабляли осажденныхъ, восточно уменьшая ихъ и безъ того незначительныя силы. Два раза Суворовъ, разными военными хитростями, старался вызвать осажденныхъ изъ крѣпости и нанести на нихъ изъ засады, предварительно имъ приготовленной; но гарнизонъ продолжалъ сидѣть въ крѣпости, защищенной природою и искусствомъ. Тогда Суворовъ принужденъ былъ подвинуть къ стѣнамъ крѣпости тяжелую артиллерію и 20 февраля приступилъ къ правильной осадѣ Кракова. Два раза онъ водилъ русскихъ на приступъ, 27 и 29 февраля; оба раза дѣло было жаркое, огонь съ обѣихъ сторонъ былъ убійственный; но Суворовъ не побѣдилъ. У Русскихъ было пять тысячъ человѣкъ нѣхоты; идя на приступъ, они держали передъ собою крестьянъ, которые должны были ставить лѣстницы къ стѣнамъ крѣпости. Шуази велъ стрѣльбой, пока толпы осажденныхъ не приблизились на разстояніе выстрѣла, и тогда только открылъ огонь. Три часа Русскіе работали подъ выстрѣлами; они упрямно били въ амбразуры крѣпостной стѣны, чтобы подвѣлать значительныя бреши въ этихъ углубленіяхъ, и такъ расширили ихъ, что шесть человѣкъ въ рядъ могли проходить свободно въ эти бреши. Два орудія, направленные противъ нихъ изъ этихъ самыхъ амбразуръ и постоянно стрѣлявшія по нимъ, наконецъ непрерывный ружейный огонь съ крѣпостной стѣны—ничто не могло остановить Русскихъ, которые продолжали двигаться къ брешамъ. Они завладѣли было также еще двумя выдами, и только удивительнымъ мужествомъ Виоеннля были выбиты обратно. Вообще, во всемъ отсылавъ, и эта защита, и эта осада Кракова были замѣчательными подвигами послѣдней войны въ Польшѣ. «Если наши офицеры (говорилъ на другой день послѣ этого жаркаго дѣла Шуази) показали столько мужества при взятіи крѣпости, то они показали его во сто разъ болѣе при защитѣ.»

Послѣдній изъ этихъ приступовъ, какъ замѣчено выше, былъ 29 февраля. 29 же февраля у Фридриха II происходилъ новый разговоръ съ Фанъ-Свитеномъ о Польшѣ. Къ Фанъ-Свитену пріѣхалъ изъ Вѣны курьеръ съ извѣстіемъ о согласіи Австріи на раздѣлъ Польши. На этой аудіенціи Фанъ-Свитень говорилъ Фридриху, что «его дворъ,

но зрѣломъ размысленіи о положеніи дѣлъ вообще, рѣшился отка-
заться отъ пріобрѣтенія Бѣаграда и Сербіи, не для поддержанія равнове-
сія на сѣверѣ, желалъ бы также и для себя получить часть Польш-
ни и желалъ бы, чтобы доли были равныя.» Фанъ-Свитенъ пока-
залъ при этомъ королю актъ, подписанный Марією-Терезіей и Юзе-
фомъ II относительно Польши, и просилъ, не угодно-ли и ему со-
общить вѣцскому кабинету подобный же актъ. Фридрихъ сказалъ, что
подумать, — и Фанъ-Свитенъ прибавлялъ, что отъ его двора уже пи-
сано объ этомъ и въ Петербургъ къ князю Лобковичу. Въ тотъ же
день, сообщая о настоящемъ разговорѣ въ Петербургъ, къ своему
посланнику Сольмеу, Фридрихъ прибавлялъ, что пора уже заставить
конфедератовъ образумиться и т. д. (Smitt).

Но конфедераты не хотѣли образумиться. Французскіе офицеры,
помогавшіе имъ и совѣтани, и дѣломъ, также предлагали оставаться
въ невѣденіи относительно участи Польши.

Хотя между русскими, осаждавшими Краковъ, не было ни одного
прусскаго отряда, однако Шуази предложено было, именемъ Фридри-
ха, очистить крѣпость. Когда онъ отвергъ предложеніе, то оно
снова повторено было съ прибавленіемъ угрозы, что если онъ
не оставитъ крѣпости, то будетъ отправленъ въ Сибирь. Шуази
отвѣчалъ, что онъ скорѣе согласится претерпѣть все несправ-
дливое и гнѣна самаго суроваго и идти всюду, куда поведутъ его Рус-
скіе, чѣмъ уступить угрозѣ. Къ счастью его, онъ узналъ о
приближеніи вспоможенія, на которое совершенно не надѣялся: нѣко-
торымъ отрядамъ удалось пробраться въ крѣпость. Когда они шли къ
Кракову, то встрѣтились съ русскими карабинерами и разсѣяли ихъ.
Въ отрядѣ находился самъ Суворовъ, и когда карабинеры были раз-
биты, Суворовъ также бѣжалъ въ числѣ прочихъ и едва не попалъ
въ плѣнъ: его преслѣдовалъ одинъ молодой конфедератъ изъ Ливоніи;
Суворовъ выстрѣлилъ въ него и промахнулся. Конфедератъ догналъ
Суворова, схватилъ его и уже велъ къ своему отряду, отъ котораго,
въ цѣлу преслѣдованія, ускакалъ на довольно значительное разстояніе,
какъ былъ настигнутъ русскимъ кавалеристомъ, который застрѣлилъ
его изъ пистолета и спасъ Суворова. Суворовъ, съ новой силой и
упорствомъ, приступилъ къ осадѣ крѣпости, съ каждымъ днемъ стѣ-
нявъ осажденныхъ и своей артиллеріей громилъ все ихъ сооруженія,
которыя они старались поддержать разрушающіяся укрѣпленія. Гар-
низонъ, со всехъ сторонъ открытый для выстрѣловъ, уменьшался все-

на чувствительно. Въ это время къ осажденнымъ дошли первые вѣсти о раздѣлѣ Польши и не оставалось уже никакого сомнѣнія, что конфедератовъ ничто не въ состояніи спасти отъ неминуемой гибели. Шуазин увидѣлъ, что продолжать защиту было бесполезно, потому что уже не на что было надѣяться. Притомъ положеніе гарнизона день ото дня становилось невыносимѣе, а помощи уже ждать было не откуда. Казалось, все покинули Польшу, крѣпость должна была погибнуть, потому что погибала вся Польша. У осажденныхъ не было ни лекарей, ни хирурговъ, которые могли бы облегчать страданія раненныхъ и больныхъ. Юный Шарлю, раненный еще при взятіи крѣпости, первый изъ пострадавшихъ въ этомъ подвигѣ, съ дозволенія Шуазин, добровольно отдался въ плѣнъ Суворову для того только, чтобъ въ русскомъ лагерѣ найти помощь хирурга и получить облегченіе. Долше оставаться въ крѣпости не стоило. Русское правительство приказало своимъ генераламъ заставить осажденныхъ сдаться военнопленными. Они вышли или скорѣе изъ крѣпости, 24 апрѣля, тремя партіями: одну отвели въ Кіевъ, другую въ Полтаву, третью въ Казань. Шуазин находился полтора года въ плѣну. Возвратясь на родину, онъ громко говорилъ въ Версаля, въ присутствіи русскаго посланника, что, впродолженіи четырнадцати мѣсяцевъ, все пленные, какъ онъ самъ такъ и его братья по оружію, испытали—лишенія. Подлинныя свидѣтельства очевидцевъ, сохранившіеся отъ прошлаго вѣка, раскрываютъ передъ нами печальную картину того положенія, въ какомъ находились французскіе и польскіе пленные въ Россіи; особенно интересенъ въ этомъ случаѣ дневникъ французскаго офицера, сражавшагося вмѣстѣ съ конфедератами Польши и вмѣстѣ съ конфедератами отправленнаго въ Сибирь (*). Когда его провозили черезъ Казань, онъ уже засталъ тамъ многихъ изъ плѣнныхъ конфедератовъ и въ томъ числѣ графа Петра Потоцкаго, молодаго Пулавскаго и другихъ, которые содержались въ Казани уже около года. Авторъ дневника былъ отправленъ въ Сибирь въ числѣ 152 плѣнныхъ. Бывшій тогда въ Казани губернаторъ, Самаринъ, хотѣлъ не отсылать ихъ въ Сибирь, а оставить въ этомъ городѣ; но одинъ русскій князь, объ имени ко-

(*) Tagebuch eines französischen Officiers in Diensten der Polnischen Konfederation, welcher von den Russen gefangen und nach Sibirien verwiesen worden. Aus dem französischen. Amsterdam, 1776.

того авторъ дневника умалчиваетъ, чтобы «пощадить честь» этого князя, вслѣдствіе ссоры съ Потоцкимъ (*) и по неудовольствію на Самарина, донесъ объ этомъ двору, жалуюсь, что губернаторъ не буквально исполняетъ предписанія правительства, — и ихъ выслалъ въ Сибирь. Французскіе офицеры отправлены были въ Сибирь потому, что тайно сносились съ Татарами и черезъ нихъ думали освободиться изъ плѣна (Tagebuch S. 55). Многие изъ плѣнныхъ конфедератовъ, впоследствии, когда Казани угрожала опасностью отъ Пугачова, служили какъ говорятъ авторъ дневника, изъ-за денегъ, и казанскія власти образовали изъ нихъ особенный отрядъ уланъ, которые и должны были съ прочими войсками защищать городъ отъ самозванца. Весьма извѣстно, какую роль игралъ молодой Пулавскій у Пугачова, послѣ того какъ бѣжалъ изъ Казани, гдѣ онъ жилъ плѣнникомъ, и при появленіи самозванца вошелъ въ тайныя сношенія съ казанскими Татарами, при помощи ихъ и, какъ говорятъ, при содѣйствіи жены казанскаго губернатора, готовилъ для Пугачова запасы оружія и пороха, и потомъ помогалъ ему своими совѣтами. Вообще плѣнные конфедераты имѣли не малое значеніе въ смутное для Россіи время пугачовщины, то какъ агитаторы народныхъ массъ, то какъ совѣтники самозванца, усмиравшіе иногда дикіе порывы его грубыхъ атамановъ и полковниковъ (*).

Вслѣдъ за Краковомъ отняты были у конфедератовъ и остальные крѣпости. Много мужества показали Поляки при защитѣ Тырнака; но все было бесполезно. Личное мужество и благородство однихъ не могло спасти націю, когда другіе губили и продавали ее. Въ самомъ Тырнакѣ открытъ былъ заговоръ между офицерами, которые намерены были предать крѣпость неприятелю. Два главные заговорщика осуждены на смерть, но одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ то самое время, когда его вели на казнь. Его преслѣдовалъ комендантъ крѣпости, на-

(*) Князь, поссорившись съ Потоцкимъ на обѣдѣ у Самарина, хотѣлъ дать конфедерату пощечину, и когда губернаторъ помѣшалъ этой боарской расправѣ, князь приказалъ схватить Потоцкаго и дать ему 300 ударовъ батогами, и только Самаринъ спасъ конфедерата отъ этой обиды (Tagebuch S. 33 — 54).

(*) Bemerkungen über Estland, Liefland, Russland, nebst einigen Beiträgen zur Empörungsgeschichte Pugatschew, während eines achtjährigen Aufenthalts gesammelt von einem Augenzeugen. Prag und Leipzig, 1792. Напримѣръ, разсказъ одного Нѣмца, изъ Богеміи, бывшаго учителемъ у помѣщика Шилова. Нѣмецъ спасенъ отъ висѣлицы конфедератомъ (S. 231—232).

стигъ вблизи русскаго отряда, схватить и привести на мѣсто казни. Но Тырнакъ, какъ и Краковъ, не могъ устоять противъ Русскихъ; монастырь, церковь, бани — все было разрушено и крѣпость представляла груды щебля и развалинъ. Гарнизонъ ретировался въ наскоро-сдѣланные ретраншементы. Но скоро и тамъ нельзя было укрыться: все было сажжено и разбито, такъ что конфедераты стояли передъ Русскими, ничѣмъ не защищенные, какъ въ открытомъ полѣ. Но и здѣсь они не уступали, отражая всѣ усилія русскихъ выбить ихъ изъ позиціи. Русскіе сдвинули къ Тырнаку все, что имѣли лучшаго — и все напрасно. Солдаты этой маленькой крѣпости проникнуты были однимъ духомъ — умереть, но не сдаваться. Подозрѣвая, что офицеры желаютъ сдаться на капитуляцію, солдаты сами избрали себѣ командировъ и торжественно поклялись стоять до послѣдней возможности. Но наконецъ и они уступили, когда увидѣли, что, кромѣ Русскихъ, вблизи находится еще австрійскія войска. У патриотовъ, такимъ образомъ, стало еще одной крѣпостью меньше. Долгие другъ-другу Пулавскій отстаивалъ свою независимость. Когда Виомениль и Шуази овладѣли Краковомъ, онъ отваживался на всѣ мѣры, чтобы только подать помощь тѣсному со всѣхъ сторонъ гарнизону этой крѣпости и, не располагая самъ значительными силами, умѣлъ поддерживать мужество патриотовъ. Ему помогали во всемъ Коссаковский, еще такъ недавно надѣлавшій столько шума по Литвѣ и по всей Польшѣ. Но русскія силы были слишкомъ велики; все населеніе было слишкомъ равнодушно, даже враждебно къ конфедератамъ, тогда какъ Русскіе дѣйствовали какъ полные господа въ Польшѣ: за нихъ былъ и король и королевское войско; ихъ же руку держалъ отчасти и народъ, не наученный исторіею любить паневъ, а съ ними имѣли и конфедератовъ; начальники русскихъ отрядовъ Девиць и Лопухинъ не были заперты, какъ Пулавскій и Коссаковский въ крѣпостяхъ, а могли свободно передвигать свои силы съ мѣста на мѣсто и являться тамъ, гдѣ больше требовали обстоятельства; Суворовъ, съ своей стороны, неожиданнымъ тактикою растривалъ всякія соображенія патриотовъ. Мы видѣли, что Краковъ долженъ былъ пасть, и Пулавскому, потерявшему такихъ помощниковъ какъ Шуази и Виомениль, ничего не оставалось больше, какъ защищаться самому и засѣсть въ Ченстоховѣ. Защита этой крѣпости была продолжительна и упорна; осьмнадцать дней русскіе не переставали громить ее своей артиллеріей и ходили на приступъ; четыреста бомбъ было брошено въ средину укрѣпленій; во время двухъ

губительныхъ приступовъ русскіе потеряли много народа, — и между тѣмъ крѣпость не сдавалась. Но наконецъ и Пулавскій получилъ печальное извѣстіе, что участь Польши рѣшена соседними державами. Другіе конфедераты, неоставленные лично въ неприязненные отношенія къ королю, могли соединиться съ нимъ и дѣйствовать за-одно противъ иностранцевъ; а у Пулавскаго и этой надежды не оставалось. За участіе въ заговорѣ Стравинскаго и Лулавскаго, за покушеніе похитить короля, чтобы спасти и его, и королевство отъ соседей, Пулавскій признавъ былъ царубійцей и осужденъ на казнь. Его считали преступникомъ и король, и собственная нація; державы, рѣшившіяся раздѣлить Польшу, ни въ какомъ случаѣ не могли также щадить его. Вообще положеніе Пулавскаго было безвыходное, печальнѣе положенія всѣхъ прочіихъ патріотовъ: тѣхъ ожидала ссылка, лишеніе имущества или наконецъ даже амнистія, а ему предстояла или висѣлица, или колесо, или другая смертная казнь. Конфедераты, находившіеся подъ его правымъ начальствомъ, должны были пострадать болѣе другихъ, потому что предводитель ихъ считался виновнѣе прочіихъ; крѣпость, защищаемая Пулавскимъ, стала цѣлью всѣхъ партій — какъ королевской, такъ и партіи чужеземцевъ. Слѣдовательно, на взятіе Честохова, должны были обратиться взоры всѣхъ; противъ Пулавскаго должны были теперь выступить всѣ свободныя войска, находившіяся въ Польшѣ, какъ свои, такъ и чужія. Пулавскій понималъ это и не хотѣлъ подвергать опасности свой храбрый гарнизонъ и своихъ вѣрныхъ товарищей. Не дожидаясь послѣдняго рѣшительнаго приступа русскіхъ войскъ, Пулавскій выбралъ изъ всего Честоховскаго гарнизона четыреста конфедератовъ лучшихъ, какіе еще оставались между патріотами, далъ имъ всѣ средства, чтобы они могли возвратиться каждый въ свой домъ, и притомъ какъ можно поспѣшнѣе. Потомъ онъ написалъ письмо и вручилъ его одному офицеру, съ тѣмъ чтобы письмо это было прочтано гарнизону, когда Пулавскаго уже не будетъ въ крѣпости. Онъ рѣшился покинуть своихъ товарищей, потому что со взятіемъ Честохова конфедерация сама собой распадалась. Въ письмѣ своемъ Пулавскій говоритъ: «Я взялъ оружіе для общественной пользы; для общественной же пользы я бросаю его. Союзъ трехъ могущественнѣйшихъ державъ лишаетъ насъ теперь всякой возможности защищаться; дѣло, въ которое я замѣшанъ, похитиваетъ мнѣ выговорить для васъ условія сдачи и увлечь васъ въ несчастіе, которое меня ожидаетъ. Я испытаю вашу

ревность и ваше мужество, и вѣрю, что вы останетесь всегда такими же, какими были со мною». Потомъ онъ далъ этому офицеру инструкцію, какъ поступать послѣ его отъѣзда изъ крѣпости. Пулавскій приказалъ, чтобы ченстоховскіе конфедераты, какъ только Суворовъ возьметъ Краковъ, дали знать королю, что они готовы сдаться на капитуляцію и впустить въ крѣпость польскія или коронныя войска, показывая этимъ, что конфедераты, если и враждовали до сихъ поръ противъ короля, такъ не потому, что желали власти для себя собственно. Только трое изъ офицеровъ знали о намѣреніи и днѣ отъѣзда Пулавскаго: прощаясь съ ними, онъ плакалъ и поручалъ имъ свой гарнизонъ, которому не могъ даже сказать послѣдняго — прощай. Пулавскій взялъ съ собой только адъютанта и двухъ ординарцевъ; съ нимъ отправились также и двое слугъ, которые никогда его не покидали.

Извѣстіе объ отъѣздѣ Пулавскаго произвело тяжелое впечатленіе на покинутый имъ гарнизонъ. Ченстоховъ остался безъ своего любимаго военачальника, имя котораго сдѣлалось славнымъ между конфедератами и дорогимъ для каждаго патріота. Оставленное имъ письмо и инструкція были прочитаны гарнизону и возбудили въ немъ новое мужество. Но приближались послѣднія минуты независимости и этой крѣпости. Суворовъ взялъ Краковъ и отрядилъ новыя отряды къ Ченстохову. Онъ обѣщалъ конфедератамъ полную амнистію, если они сдадутся; три раза онъ посылалъ въ Ченстоховъ съ этимъ предложеніемъ и три раза ему отвѣчалъ, что они готовы открыть ворота крѣпости короннымъ войскамъ и покориться королю, но Русскихъ не впускать. И несмотря на этотъ отвѣтъ, Суворовъ, дѣйствовавшій будто бы въ интересахъ Станислава Августа, приказалъ войскамъ снова идти на приступъ. Но и послѣ этого ужаснаго приступа крѣпость не сдавалась. Тогда изъ Варшавы пришло повелѣніе сдать крѣпость Русскимъ. 15 августа 1772 года конфедераты вышли изъ Ченстохова.

Черезъ недѣлю послѣ этого Фридрихъ писалъ къ Сольмсу въ Петербургъ, что Ченстоховъ взятъ и что конфедераты бѣгутъ во Францію (*). Дѣйствительно, конфедератамъ ничего больше не оставалось, какъ покидать родину.

(*) Ce refuge nous doit être cependant fort indifférent. Il ne pourra altérer nos arrangements en aucune façon, et dès que nous parviendrons à la diète de pacification, ils seront peut-être bien obligés de retourner dans leur patrie, pour éviter l'exil, auquel ils pourraient être condamnés. Nos intérêts ne s'en repentiront pas nullement, quelque partie qu'ils prennent (Smitt 163).

Но положеніе эмигрантовъ было самое плачевное. Австрія, во владѣнія которой конфедераты до сихъ поръ имѣли свободный доступъ, теперь гнала ихъ какъ личныхъ враговъ, и Фридрихъ радовался, видя конечную гибель патріотовъ; Пруссія готовила для нихъ не лучшей пріемъ; Турки сами находились въ такомъ положеніи, что должны были трепетать за цѣлость своихъ собственныхъ владѣній и не вполнѣ были увѣрены, что три союзницы, — Австрія, Пруссія и Россія, не выгонятъ ихъ совершенно изъ Европы, вмѣстѣ съ скрывавшимися въ Турціи конфедератами; одна Франція могла еще пріютить эмигрантовъ, но и то только до перваго каприза какой-нибудь любовницы короля или его министровъ. Нѣкоторые изъ конфедератовъ, собственно тѣ, которые не желали разстаться съ Польшею, должны были покориться. Они отправили къ Станиславу Августу двухъ депутатовъ съ изъявленіемъ покорности, но въ то же время выразили надежду, что король употребитъ всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать раздѣлу Польши. Сами они еще думали дѣйствовать противъ общихъ враговъ соединенными усиліями націи и короля. Но было уже поздно. Остальные конфедераты, а особенно люди, руководившіе патріотическимъ движеніемъ послѣдняго времени, по необходимости покидали родину. Паць, руководившій по преимуществу дипломатическими дѣлами конфедерации и находившійся въ Австріи, не могъ уже оставаться тамъ послѣ уничтоженія остальной партіи патріотовъ и принужденъ былъ искать убѣжища вдали отъ родины. На его рукахъ находились всѣ бумаги, акты и дипломатическая переписка патріотической партіи; покидая Венгрію, онъ не могъ взять съ собою архива конфедерации, и только при посредствѣ Франціи архивъ былъ перевезенъ въ Страсбургъ и принятъ Виоменилемъ.

Пулавскій также покинулъ Польшу. Этотъ человѣкъ потерялъ все, что имѣлъ дорогаго въ жизни: отечество, которое онъ такъ любилъ, для него не существовало; онъ сталъ чужимъ для Польши, которая отреклась отъ своего любимца или не умѣла отстоять его передъ врагами; онъ потерялъ имущество, власть, друзей; онъ лишился, наконецъ, въ этой несчастной борьбѣ за независимость Польши, самыхъ близкихъ родныхъ: отецъ его, Іосифъ Пулавскій, навлекъ на себя подозрѣніе патріотовъ, и — какъ говоритъ любимый польскій историкъ — *w więzieniu umarł*. Вѣсть о гибели отца была тяжелымъ для него испытаніемъ (*przeniknęła Kazimierza boleścią, zapaliła do działania*). Участъ меньшаго брата, сосланнаго въ Казань и бывшаго потомъ въ свѣтѣ Пугачева, всѣмъ извѣстна. Самъ онъ, оставивъ тайно Ченстоховъ,

когда не оставалось никакой надежды помочь роди́нѣ, долго скитался на границахъ Польши, удалился потомъ въ Турцію, примкнулъ къ оттоавской арміи, въ которой недолго оставался; послѣ мира въ Кайсарджи, онъ пробрался въ Баварію. Тамъ онъ видѣлся съ Огинскимъ, участь котораго была не лучше участи другихъ конфедератовъ. Наконецъ Пулавскій является въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ и умираетъ за независимость чуждой ему народности.

Одинъ Заремба, поставившій свое имя на ряду съ именами Пулавскаго, Огинскаго, Красинскаго, Паца, самъ убилъ свое прошедшее, показавъ слабость. Мало того, онъ оказался смѣннымъ и жалкимъ въ глазахъ Русскихъ. Послѣ принесенія покорности королю, онъ, по зову его, явился въ Варшаву и далъ обѣщаніе не дѣйствовать не только противъ него и республики, но и противъ Русскихъ. Его задержали въ Варшавѣ вмѣстѣ съ его штабомъ. Прежде непримиримый врагъ Русскихъ, онъ теперь поступилъ къ нимъ въ службу съ отрядомъ гусаръ, изъ которыхъ половина отказалась отъ такой перемѣны роли и оставила его, примкнувъ къ другимъ отрядамъ конфедератовъ. Надо замѣтить, что это было еще тогда, когда Честоховъ не былъ взятъ Русскими и когда Пулавскій надѣялся, что услія конфедератовъ не будутъ безплодны. Презираемый патриотами, дурно принятый въ Варшавѣ, какъ королевскою такъ и русскою партией, Заремба написалъ къ Сальдерну письмо, дышащее крайнимъ униженіемъ передъ русскимъ посланникомъ. Въ этомъ письмѣ онъ просилъ у Сальтерна прощенія за свои дѣла, отъ которыхъ теперь отказался публично, называя ихъ чуть-ли не преступленіями (*les écarts*); приписывалъ Сальдерну такія великодушныя настрѣнія въ отношеніи къ Польшѣ, какихъ этотъ безперемонный гольштивецъ никогда не могъ имѣть; изливалъ передъ нимъ чувства уваженія и покорности. Заремба жаловался и на Русскихъ, которые оступовили его имѣнія, захватили деньги и пожитки, и даже на Пулавскаго, который, безъ сомнѣнія, въ негодованіи за трусость Зарембы, приказалъ разрушить и предать огню двѣ деревни, ему принадлежавшія. Все мужество Зарембы и любовь къ роди́нѣ оказались пустяками, когда онъ увидѣлъ, что лишился своихъ богатствъ. Нищета испугала его такъ, что онъ забылъ и Польшу, и конфедератовъ, и отношенія дружбы къ патриотамъ, и свое честолюбіе, и наконецъ — славу, которую справедливо пользовалось его имя не только между соотечественниками, но и у Русскихъ. «Наконецъ

(заканчивает онъ свое письмо) когда я покорился, когда я умоляю ваше превосходительство о защитѣ, неужели я долженъ буду лишиться даже полка гусарь, который я снарядилъ на свой собственный счетъ?

Всѣ эти обстоятельства повергаютъ меня въ отчаяніе.»

Естественно, что на такое письмо даже Сальдернъ не могъ отвѣчать ничѣмъ другимъ, кромѣ жестокости и презрѣнія. И онъ отвѣчалъ конфедерату въ тотъ же день, 6 мая, въ такихъ выраженіяхъ, какія не всякій Полякъ могъ бы выслушать хладнокровно, а тѣмъ болѣе они должны были оскорбить Зарембу, одного изъ первыхъ представителей патріотической партіи. Но Заремба уже упала слишкомъ низко—и не смѣлъ оскорбляться. «Вы не стоите никакого состраданія,» писалъ ему между прочимъ Сальдернъ, и прибавлялъ, что его дверь закрыта для Зарембы и для людей ему подобныхъ. Потомъ, наговоривъ ему разныхъ дерзостей, Сальдернъ, какъ бы въ насмѣшку, весьма деликатно заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: «telle est la réponse que vous fait l'ambassadeur de Russie,» — и дѣйствительно, лучшаго отвѣта не заслуживалъ Заремба.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Польшѣ, когда король ея только началъ догадываться, что происходило вокругъ него и что дѣлаютъ сосѣднія государства, которымъ онъ довѣрилъ охраненіе своей особы и, между прочимъ, своего королевства. Онъ увидѣлъ, что войска протекторовъ все тѣснѣе и тѣснѣе охватываютъ со всѣхъ сторонъ владѣнія речи посполитой; къ нему начали доходить слухи, касательно раздѣла и что рѣчь идетъ уже не о его королевской особѣ, а о томъ, кому изъ протекторовъ достанется лучшій кусокъ Польши. Теперь только, когда все уже было кончено, открылись глаза у добраго Станислава Августа. Онъ ничего не понималъ до сихъ поръ; онъ не понималъ что дѣлалось вокругъ него даже и тогда, когда послѣдніе изъ конфедератовъ, потерявъ всякую надежду возстановить самостоятельность Польши, покорились тяжелой необходимости и, явившись въ Варшаву съ повинной, говорили королю, что не они конфедераты—его враги а тѣ, кому всецѣло отдался онъ; что они, конфедераты, объявившіе Станислава—Августа лишеннымъ престола, готовы соединиться съ нимъ, лишь бы дѣйствовать заодно противъ общихъ недоброжелателей речи посполитой. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ и король созналъ опасность своего положенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ, какъ много безотраднато въ тогдашнемъ состояніи Польши и какое предстоитъ

ей будущее. Онъ рѣшился дѣйствовать, но уже не такъ какъ дѣйствовалъ до сихъ поръ. Тѣ, которыхъ онъ считалъ своими защитниками и друзьями, оказались врагами и претендентами на его владѣнія; онъ сталъ бояться тѣхъ, кому довѣрялся такъ слѣпо; конфедераты, напротивъ, хотя и не заботились лично о королѣ, о его спокойствіи и его правахъ, зато хотѣли добра всей Польшѣ. Роли, такимъ образомъ, совершенно измѣнились. Присутствіе Сальдерна въ Варшавѣ оказалось не нужнымъ. Потому ли, что онъ своимъ суровымъ обращеніемъ съ Поляками успѣлъ вооружить противъ себя всѣ партіи, начиная отъ патриотовъ до самыхъ крайнихъ руссофиловъ, потому ли, что, считаясь сторонниками Панина, не вполне одобрявшаго раздѣлъ Польши, онъ сдѣлался жертвою придворныхъ интригъ партій Орловыхъ и Чернышевыхъ, или потому просто, что надо же было кого-нибудь показать искупительною жертвою передъ Европой за тотъ образъ дѣйствій, который дозволяли себѣ въ Польшѣ ея протекторы,—только Сальдернъ былъ отозванъ въ Петербургъ, холодно принятъ, подвергся публичнымъ нареканіямъ за свои поступки въ Варшавѣ и былъ удаленъ изъ Россіи съ лишеніемъ всѣхъ должностей и званій. Сальдернъ удалился въ свою Голштинію съ огромнымъ капиталомъ, сколоченнымъ или, какъ говоритъ Рюльеръ, «награбленнымъ» впродолженіи долготѣней, беспорядочной службы. На мѣсто его прислали Штакельберга, родомъ изъ Ливоніи, бывшаго передъ тѣмъ посломъ въ Испанію. Этотъ человекъ далеко не былъ похожъ на своего предшественника, хотя для Польши уже было все равно, кого бы ни прислали взамѣнъ Сальдерна, потому что и послѣ его отбытія система умиротворенія Польши нисколько не измѣнилась. Въ числѣ патриотовъ, не хотѣвшихъ разстаться съ мыслью о возстановленіи независимости речи посполитой, былъ Адамъ Красинскій, епископъ каменецкій, котораго польскіе историки называютъ душою барской конфедераціи. Когда еще у конфедератовъ была надежда на избавленіе Польши отъ постигшихъ ее бѣдствій и когда патриоты ожидали, что какимъ-нибудь чудомъ, сверхъестественной силой речъ посполитая спасется отъ тяжелой и опасной опеки сосѣдей, Адамъ Красинскій являлся ко всѣмъ европейскимъ дворамъ и напрасно просилъ помощи своей родинѣ: его слушали съ сочувствіемъ, но помочь никто не могъ, потому что никто не осмѣлился бы стать въ открытую вражду съ такими державами какъ Пруссія, Австрія и Россія. Теперь, когда даже Станиславъ Августъ понялъ всю безвыходность положенія своего королевства и въ этихъ обстоятельствахъ рѣшился прибѣ-

гнуть за совѣтомъ ко всей націи, для чего и думалъ созвать сеймъ; Красинскій не оправдывалъ этой бесполезной штры и говоримъ, что сеймъ теперь ни къ чему не поведетъ, что рѣшеніями его будутъ управлять не истина и не сила убѣжденій, а солдаты сосѣдей — протекторовъ Польши. «Не надо сейма, писалъ онъ въ октябрѣ, 1772 года; подождемъ случая; король согласится на все и все приметъ. Деньги, общанія, мѣста, угрозы, — не оставятъ никого на сеймѣ кромѣ людей слабыхъ и подкупныхъ, и мысль о сопротивленіи среди сабель и пушекъ чистая химера... Намъ нужно разумное мужество — и не нужно сейма.» Въ томъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ находилась Польша, ничего не оставалось болѣе, какъ прибѣгнуть къ милости сосѣднихъ государей и другихъ представителей власти. Но къ кому было обращаться? Франція чувствовала безсиліе, а прочія державы сами заинтересованы были въ дѣлахъ речи посполитой. Порта, униженная послѣднею войною съ Россією, жаждала мира; въ Швеціи вспыхнула въ это самое время революція. Оставалось умолять о пощадѣ Пруссію, Австрію и Россію, — и Поляки обратились къ нимъ въ отчаянномъ порывѣ спасти хотя что-нибудь. Но все было напрасно. Эти несвоевременные порывы служили только къ тому, что Фридрихъ счелъ нужнымъ еще рѣшительнѣе добиваться окончанія польскаго дѣла. Точно въ насмѣшку надъ ними (*ces gens là*, какъ онъ называетъ короля и прочихъ представителей речи посполитой) Фридрихъ, въ отвѣтъ на ихъ жалобы и мольбы, велитъ войскамъ подвигаться далѣе къ центру государства, и когда Поляки, протестуя противъ раздѣла своихъ территорій, клялись умереть съ оружіемъ въ рукахъ, лишь бы не видѣть позора отчизны (*), онъ, не отвѣчая ниъ ничего, писалъ въ Петербургъ, что силой заставить ихъ повиноваться.

Слова Фридриха не были пустой угрозой. Раньше этого былъ схваченъ Красинскій, который, опасаясь оставаться въ предѣлахъ Польши (потому что патриотамъ менѣе всего представляла безопасности Польша), жилъ въ одномъ изъ округовъ Силезіи. Поводомъ къ преслѣдованію этого чловѣка послужило сейчасъ упомянутое нами письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что не нужно сейма, что всякаго, кто осмѣ-

(*) ...«On renonce au premier projet de convoquer l'arrière-ban, et de mouir les armes à la main plutôt que designer ce qu'ils appellent l'opprobre de la Pologne.» (Фридрихъ къ Сольмсу, у Smitt'a 182 — 183. Самъ Фридрихъ не считалъ этого позоромъ для Польши.)

лится говорить въ пользу отечества, ждетъ ссылки. Письмо, кажется, было перехвачено прусаками, потому что шпионы тщательно слѣдили за поступками Красинскаго, какъ одного изъ самыхъ опасныхъ конфедератовъ, если только конфедераты могли еще возбуждать въ комъ-либо серьезныя опасенія. Въ одну изъ октябрьскихъ ночей домъ епископа былъ окруженъ отрядомъ вооруженныхъ людей, которыми начальствовалъ какой-то гусарь въ прусскомъ мундирѣ. Гусарь, явившись въ домъ епископа, перебудилъ всѣхъ и сказалъ, что онъ имѣетъ порученіе и письмо отъ одного прусскаго майора и, представивъ пистолетъ къ горлу слуги Красинскаго, велѣлъ ему провести къ барину. Слуга поднялъ крикъ, надѣясь, что епископъ, понявъ опасность своего положенія, успеетъ спастись; но въ это время епископъ самъ вышелъ на крикъ, спросилъ, что тамъ шумъ и тотчасъ же былъ схваченъ. Надо замѣтить, что отрядъ напавшій на жилище Красинскаго и арестовавшій его посредствомъ обмана, состоялъ не изъ Прусаковъ и не изъ Русскихъ, а изъ Поляковъ, между которыми былъ, какъ говорятъ, одинъ только казакъ. Поляки обращались съ своимъ плѣнникомъ жестоко. Говорятъ, что Красинскій едва могъ выпросить позволеніе, когда его уводили изъ дому, надѣть сапоги и довольно легкое платье, и только казакъ явилъ себя столько великодушнымъ, что помогъ епископу одѣться. Красинскаго посадили на лошадь, и болѣе шести миль онъ принужденъ былъ ѣхать верхомъ, пока ему не позволили сѣсть въ карету князя Голицына. Слуга бѣжалъ за нимъ, чтобы вручить арестованному хотя небольшую сумму денегъ, полтораста флориновъ; но гусарь взялъ себѣ эти деньги. У Красинскаго захватили также всѣ бумаги, однако въ нихъ не нашли ничего, что могло бы дать поводъ обвинить его въ чемъ бы то ни было. Говорятъ, что гусарь въ прусскомъ мундирѣ, арестовавшій епископа, былъ переодѣтый русскій и дѣйствовалъ по приказанію Бибикова. Красинскаго привезли въ Варшаву и ввели къ Бибикову, у котораго въ это время находились Штакельбергъ, папскій нунцій и посланники австрійскій и прусскій. Здѣсь его допрашивали. Красинскій просилъ позволенія писать къ королю, чтобы Станиславъ Августъ прислалъ къ нему кого-либо, съ кѣмъ бы онъ могъ объясниться, и король прислалъ Огородскаго. Красинскій говорилъ, что никогда не былъ противникомъ ни короля, ни Россіи; но что желалъ и всегда будетъ желать освободить свое отечество отъ того положенія въ которой поставилъ ихъ Ренниръ еще въ то время, когда распорядился дѣлами Поль-

ши. Красинскому приписывали объявление междуцарствія, то-есть объявление польскаго трона вакантнымъ; но онъ отвѣчалъ, что это было сдѣлано противъ его воли; что актъ такой важности, какъ объявление междуцарствія, по его мнѣнію, нельзя публиковать, не убѣдившись, что онъ будетъ принятъ и поддержанъ большинствомъ. Ему предложили тогда вновь признать законнымъ избраніе Понятовскаго: онъ отказался, говоря, что уже узналъ короля, и что это значило бы бросать тѣнь сомнѣнія на свободу его избранія на престолъ. Хотѣли замѣшать его въ процессъ похищенія короля, но и тутъ ничего не могли сдѣлать. Красинскій былъ опасенъ своимъ умомъ, своей энергіей и желаніемъ общественной пользы; на его долю выпала рѣдкая популярность: его считали мученикомъ за вѣру и отечество. Штакельбергъ, вообще поступавшій много деликатнѣе своего предшественника, Сальдерна, старался избѣгать крайнихъ мѣръ и, сколько могъ, оказывалъ епископу свое уваженіе и участіе къ его положенію. Ожидая предписаній изъ Петербурга насчетъ Красинскаго, Штакельбергъ отвелъ ему приличное помѣщеніе въ шести миляхъ отъ Варшавы, и часто приглашалъ къ себѣ на обѣдъ, куда епископъ отправлялся всегда въ сопровожденіи офицера и двухъ казаковъ.

Папскій нунцій, входя въ положеніе католическихъ епископовъ въ Польшѣ, писалъ въ Петербургъ и именемъ папы просилъ свободы не только для Красинскаго, но и для нѣкоторыхъ другихъ епископовъ и сенаторовъ польскихъ. Просьба нунція была уважена.

Такъ прошелъ 1772 годъ, одинъ изъ самыхъ роковыхъ для Польши. Къ концу года Пруссія, Австрія и Россія передъ всѣмъ міромъ заявили актъ раздѣленія речи посполитой.

Станиславъ Августъ, испытавъ бесполезность униженія передъ сильными сосѣдами, догадывается, хотя уже слишкомъ поздно, что онъ долженъ искать опоры не внѣ своего царства, а дома, не въ расположеніи сосѣдей, а въ любви народа, которой онъ не умѣлъ заслужить, потому что и не думалъ объ этомъ, гордый любовью Россіи, Австріи и Пруссіи. Теперь онъ рѣшился прибѣгнуть къ націи. Но и здѣсь онъ поступилъ также непрактически, какъ привыкъ поступать всю жизнь. вмѣсто того чтобъ думать о Польшѣ, онъ думалъ только о себѣ; вмѣсто сожалѣнія о постигшихъ націи бѣдствіяхъ, онъ только и помнилъ, только и говорилъ всѣмъ, какимъ бѣдствіямъ подвергался онъ, какъ злые царевубійцы покушались на его жизнь, какъ хватили его заговорщики и какъ чудесный про-

мысль спасъ его отъ рукъ убійцъ; вмѣсто того чтобы высказать передъ націей всю свою несостоятельность, сознаться въ ошибкахъ, въ отсутствіи политическаго такта, и просить у націи совѣта и нравственной поддержки, король продолжаетъ плакаться надъ своей собственной участью, не перестаетъ говорить о томъ, какъ чуть-чуть не была пролита его «неповинная кровь» (нѣсколько капель впрочемъ было пролито). Узнавъ положительно о рѣшеніи кабинетовъ сосѣднихъ государствъ — отрѣзать отъ Польши нѣсколько провинцій, Станиславъ Августъ, въ началѣ 1773 года созываетъ сенатъ (*senatus consilium*). Но въ циркулярахъ, разосланныхъ по этому случаю, поднимаетъ такіе исторіи, о которыхъ вовсе не слѣдовало бы говорить, и, въ особенности, ставитъ себя въ такіе неловкія отношенія съ патриотами, что едва-ли уже можно было надѣяться на успѣхъ. Безтактность короля проявилась въ томъ, что онъ, вмѣсто того чтобы умолчать о дѣлѣ конфедератовъ, выставилъ его въ самомъ оскорбительномъ свѣтѣ. Онъ и теперь не хотѣлъ понять, что патриоты любили Польшу не меньше того, какъ онъ ее любилъ, — по крайней мѣрѣ ему такъ казалось, что онъ ее любитъ; онъ не хотѣлъ понять, что у патриотовъ неприязнь лично къ нему, какъ къ Понятовскому, не была; а была неприязнь къ нему, какъ къ королю, который отдалъ свое государство въ руки генераламъ и полковникамъ, пришедшимъ въ Польшу съ чужими войсками и полонившимъ ее; онъ не умѣлъ понять, что конфедераты меньше его были виноваты передъ Польшей; что не они накликали бѣду на свое царство, а онъ; не они призвали войска чужихъ государей, а онъ, для охраны своей персоны; что если кто погубилъ Польшу — такъ это онъ прежде всего, а потомъ правительственная шляхта, не хотѣвшая знать другихъ сословій, не понимавшая, что троны крѣпки любовью націи. Въ самую тяжелую минуту своего царствованія, Станиславъ Августъ остался все такимъ же, какимъ былъ до сихъ поръ и не образумился настолько, чтобъ догадаться, что можно было бы и не оскорблять несправедливымъ упрекомъ конфедератовъ въ то время, когда Польша дѣйствительно находилась въ опасности и когда тронъ нуждался въ поддержкѣ націи. Оскорбляя конфедератовъ, Станиславъ Августъ отталкивалъ отъ себя едва-ли не большую половину націи, въ то время, когда наиболѣе нуждался въ ея помощи, и разрушалъ единодушіе въ государствѣ, когда только единодушіе могло еще спасти Польшу. Онъ напомнилъ и о своемъ низложеніи съ престола и о

«цареубійствѣ», которое, къ счастью, не совершилось, и о злодѣйствахъ, о безчестіи націи и проч.,—и все это связалъ съ именемъ конфедераціи, хотя, конечно, мнимая деликатность не позволила ему употребить самаго имени ея, когда идея, скрывавшаяся подъ этимъ именемъ, была совершенно имъ опозорена, оскорблена и дѣло конфедератовъ унижено. Между тѣмъ, о себѣ Станиславъ Августъ выражается отборными фразами: онъ говоритъ что скипетръ врученъ ему единодушною и свободною волею народа и наконецъ распространяется даже о своей любви къ подданнымъ.

Но подданные сами знали всю силу этой любви и заплатили королю равносильнымъ чувствомъ. Они и не думали спасать такого короля, какъ Станиславъ Августъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дали погибнуть и всей речи посполитой.

Мало того что Станиславъ Августъ своимъ призывомъ къ открытію сената оскорблялъ поль-націи и тѣмъ ослабилъ и безъ того ничтожныя свои силы, союзныя державы, дѣлившія между собой Польшу, запретили присутствовать въ *senatus consilium* тѣмъ сенаторамъ, которые считались представителями отпавшихъ отъ речи посполитой территорій. «Вы не должны присутствовать въ сенатѣ (писалъ Штакельбергъ тѣмъ депутатамъ речи посполитой, которые должны были отстаивать интересы провинцій, отходившихъ къ Россіи), и если вы преступите это приказаніе, то я предупреждаю васъ, что вы навлечете на себя жестокое преслѣдованіе и послѣдствія вашего неповиновенія будутъ для васъ гибельны». Области отходившія отъ Польши, уже потому не могли выслать своихъ представителей въ сенатъ, что и легально и фактически стали чужими для речи посполитой территоріями; въ нихъ уже организовалось свое управленіе, сообразно съ общей административной организаціей тѣхъ государствъ, къ которымъ они отходили. Такъ напримѣръ, въ той части польскаго королевства, которая отрѣзывалась въ пользу Россіи, уже находились русскіе губернаторы, генералы Каховскій и Кречетниковъ, а главнымъ правителемъ всѣхъ отрѣзанныхъ земель уже фактически былъ графъ Чернышевъ; тамъ уже находились не только русскіе офицеры и солдаты, но и русскіе чиновники; тамъ быстро вводилось русское судоустройство; тамъ шла въ это время присяга на подданство Россіи и должна была быть кончена непременно къ 15-му генваря 1773 года, и то только для тѣхъ, которые, вслѣдствіе отлучекъ за границу или по какимъ-либо другимъ препятствіямъ, не успѣли

присягнуть въ 1772 году. Отправленіе депутатовъ въ варшавскій семахъ, по призыву короля, уже чужаго для нихъ, могло считаться теперь государственной измѣной или по крайней мѣрѣ нарушеніемъ тишины и спокойствія гражданъ: — а «дѣла, нарушающія спокойствіе и тишину гражданъ (сказано въ русскихъ правительственныхъ публикаціяхъ), да будутъ вѣдомы не въ иныхъ мѣстахъ, какъ въ тѣхъ, кои отъ власти верховной (русской) на то устроены»; даже «апелляціи изъ нижнихъ судовъ, кои были въ высшіе суды, подвластные республикѣ или коронѣ польской, нынѣ перевесутся въ русскія правительства по порядку, куда какія дѣлать надлежитъ» (Полн. Собр. зак. рос. имп. XIX, 13, 808).

Нехотѣвшіе покориться вновь вводимымъ порядкамъ добровольно бѣжали изъ Польши, потому что они не могли укрыться даже въ такъ называемой свободной Польшѣ и не могли быть безопасны въ самой Варшавѣ, окруженной иностранными войсками, которыя должны были наблюдать за общественной тишиной и спокойствіемъ. Русское правительство, впрочемъ, распорядилось очень человѣколюбиво съ тѣми, которые не желали дѣлаться русскими подданными: оно позволило имъ продать въ извѣстный срокъ свое имущество и покинуть родину; а если въ назначенный срокъ имѣніе не продавалось, то отбиралось въ казну.

Какъ же самъ народъ относился къ новому господству? Народу было все равно, кто бы ни повелѣвалъ имъ, лишь бы не мучили его войнами, поборами, грабежами, судебною волокитою и шляхетскимъ произволомъ; но во всякомъ случаѣ онъ не желалъ продолженія господства польскихъ пановъ и радъ былъ перемѣнить ихъ на другихъ, чтобы по крайней мѣрѣ попытать счастья и попробовать, не будетъ ли лучше въ другихъ рукахъ. Польскому народу терять было нечего, потому что онъ все потерялъ, — и матеріальное довольство, и покой, и даже послѣднее достояніе, какое могъ имѣть самый бѣдный подданный самаго бѣднаго государства. Следовательно, народъ молчалъ, равнодушно или даже съ радостью слушая публикаціи, что онъ переходитъ въ подданство другому государству. Ему не жалко было разставаться съ пацами, притомъ многіе пацы оставались на своихъ мѣстахъ и сами не хотѣли разставаться съ своими хлопьями, а чтобы не разстаться съ ними — присягали на вѣрность другому правительству. Вѣсть съ ними присягали и хлопья. Притомъ, новыя правительства на первый же разъ оказали разныя милости новымъ своимъ подданнымъ. «Всемилютивѣйше восхотя (объявляло рус-

ское правительство) оказать новымъ, поданнымъ нашимъ опытъ монаршаго нашего къ нимъ попеченія, освобождаемъ ихъ на полгода отъ положенныхъ государственныхъ поголовныхъ и винныхъ податей.» (Пол. Собр. зак. рос. имп. XIX, 13, 923). Русское правительство приобрѣтало сторонниковъ въ Польшѣ и другими средствами, парализуя силы республиканскаго правительства. Въ то время, когда Станиславъ Августъ призывалъ своихъ подданныхъ въ сенатъ къ чрезвычайному собранію, генералъ губернаторъ вновь приобретенныхъ Россіей странъ дѣлалъ свое дѣло: такъ какъ російскіе подданные (докладывавалъ графъ Чернышевъ государниѣ) удостоены имѣть опытъ матернаго вашего милосердія, въ милостивомъ соизволеніи, чтобъ къ сочиненію проекта новаго уложенія призваны были изъ всѣхъ уѣздовъ имперіи депутаты, не только для того чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго состоянія, но допущены они и въ комиссію сочиненія великаго сего и отечеству полезнаго дѣла», то «позвольте мнѣ, всемилостивѣйшая государиня (продолжалъ Чернышевъ), какъ учрежденному отъ васъ попечителю новоприсоединенныхъ державъ вашего величества двухъ бѣлорусскихъ губерній» просить «о удостоеніи такой же матерней милости» новыхъ подданныхъ, дабы, какъ онъ выражался, они щедротами были «во всемъ сравнены съ древними вѣроподанными вашими» (16 января 1773 года, Пол. Собр. зак. 13, 938). Государиня согласилась и на эту милость.

Черезъ мѣсяць оказаны были новыя милости народу. «Чтобъ усугубить новымъ поданнымъ нашимъ знаки монаршаго нашего объ нихъ и о благоденствіи ихъ попеченія,» объявлялось именнымъ указомъ, — всемилостивѣйше повелѣно было всѣ староства, купленные владѣльцами, учинившими присягу на подданство Россіи, отдать имъ же на аренду по смерти, безъ платежа аренды до тѣхъ поръ, пока не выплатятъ весь долгъ за покупку, а всѣ староства, доставшіяся по наслѣдству или въ даръ отъ короны польской, отдать владѣльцамъ по смерти же, съ платежемъ арендныхъ денегъ» (Тамъ же, № 13, 937).

Черезъ мѣсяць — еще милости: — «Милосердуя о нашихъ подданныхъ бѣлорусской губерніи (объявлялось въ новомъ именномъ указѣ), повелѣли мы уже на первую половину сего 1773 года поголовныхъ и винныхъ денегъ съ нихъ не взыскивать; а нынѣ паки повелѣваемъ,

данъ лучшаго въ домашнемъ ихъ состояніи поправленія» — снова брать, только въ уменьшенномъ размѣрѣ (Тамъ же, № 13, 973).

Проездъ еще мѣсяць — и снова публиковалось, что императрица «всесоизвѣстнѣе оказавъ соизволила новый знакъ матернаго своего къ тамошнимъ жителямъ милосердія.» Именно: «къ вѣщему удовольствію тамошнихъ жителей,» (какъ сказано въ указѣ) въ судопроизводствѣ дозволенъ польскій языкъ и судей разрѣшено выбирать изъ тамошняго шляхетства (*).

Всѣми этими мѣрами не мало подрывалась и безъ того сомнительная популярность польскаго правительства, а значеніе Станислава Августа дѣлалось еще ничтожнѣе, если только это возможно. Безполезна была всякая попытка оживить мертвый трупъ польскаго королевства, когда королевство это давно не существовало, хотя видимый призракъ его какъ—будто и жилъ, и волновался, и предъявлялъ права свои на самостоятельное значеніе. Безполезны уже были и сеймы, и конфедерации, и *senatus consilium*: въ Варшавѣ продолжали находиться войска протекторовъ и не только не оставляли столицу, но еще увеличивали свой составъ, и все это для того чтобъ въ Варшавѣ было тихо и спокойно. Надо было ожидать, что войска эти будутъ охранять засѣданія *senatus consilium*, и Поляки видѣли это съ горестью, и бессильны были протестовать противъ такой обязательной опеки. Естественно, что собраніе сената было послѣднимъ палліативомъ, къ которымъ, въ ослѣпленіи, всегда прибѣгаютъ государства, когда замѣчаютъ, что стоятъ на краю пропасти. Это были отчаянные и почти не самопроизвольныя движенія умирающаго, когда тѣло, еще не перешедшее въ трупъ, бессознательными порывами силится сократить послѣднюю предсмертную агонію. Сенатъ долженъ былъ начать и кончить свои засѣданія по программѣ протекторовъ, не смѣя разсуждать о томъ, о чемъ не приказано, хотя одинаково уже было бы бесполезно, еслибы позволили разсуждать обо всемъ. Притомъ сенатъ не могъ быть въ полномъ составѣ: иные изъ сенаторовъ сами сознавали, что не стоитъ труда хлопотать о чемъ бы то ни было, потому что уже поздно, и не явились въ собраніе; другимъ пригрозили ссылкой — и они тоже не явились; третьи сами

(*) Пол. Собр. зак. XIX, указъ 8 мая. Мы не говоримъ о другихъ распоряженіяхъ, касающихся блага подданныхъ, какъ напр. дозволеніе казенной продажи соли при вольной и т. п.

махнули рукой на все и стали—или врагами родины, или равнодушными къ ней. Оказалось, что сенатъ не имѣлъ санаторовъ, изъ во- ихъ въ сборѣ была только четвертая часть, рѣшенія которой не мог- ли имѣть важнаго значенія для государства, полагавшаго въ осно- ву управленія конституціонные принципы. Протекторы настаивали на томъ, отчего, еще полгода назадъ, Адамъ Красинскій предостерегалъ Поляковъ, за что и былъ арестованъ, — именно на созваніи сейма, что Красинскій считалъ нетолько безплезненнымъ для Польши въ ея положеніи, но и опаснымъ, и на что протекторы смотрѣли, какъ на единственно—благовидное средство дать возможно—законную наружность своимъ поступкамъ въ Польшѣ, показавъ Европѣ, что нетолько про- текторство ихъ, но и самые захваты власти, земель и людей дѣлают- ся по волѣ представителей націи. Протекторы нетолько настаи- вали, но просто повелѣли, чтобы сеймъ былъ созванъ. Въ декла- раціи, опубликованной Штакельбергомъ, фразы такія, можно сказать, уемистыя, что подъ ними можно было скрыть какой угодно смыслъ: одни видѣли въ ней дипломатическую, благородно и деликатно въ от- ношеніи къ чувству Поляковъ написанную ноту, другіе видѣли въ ея фразахъ совершенно другой тонъ; Европѣ она представлялась весь- ма обыкновеннымъ выраженіемъ сочувствія Россіи къ бѣдственному положенію сосѣдки; сосѣдѣ же въ дипломатическихъ фразахъ Шта- кельберга слышались несдержанныя угрозы сильнаго сосѣда. Конечно, и Европа читала много между строкъ во всѣхъ публиковавшихся тог- да нотахъ относительно событій въ Польшѣ; и Европа догадывалась, что сильные сосѣди слишкомъ усердно хлопчуть вокругъ сосѣдки,— и хлопчуть не безкорыстно; однако, нельзя было не согласиться, что законность притязаній протекторовъ на нѣкоторыя провинціи со- сѣдки и даже на ея домашнюю жизнь, была по возможности соблю- дена. Россія говорила Европѣ и Польшѣ, что только анархія, столько лѣтъ раздирающая речъ посполитую, вынуждаетъ ее предъявить «древ- нія права» свои на нѣкоторыя польскія земли, издавна принадлежав- шія Россіи, и теперь имѣющія возвратиться въ ея собственность, такъ какъ сама Польша не умѣетъ управляться съ своимъ добромъ; притомъ Россія указывала на то обстоятельство, что она имѣетъ пра- во на вознагражденіе за всѣ убытки, понесенные ею по винѣ Польшы, которая, по своимъ непрерывнымъ смутамъ, требовала постояннаго присутствія русскаго войска въ Варшавѣ и въ другихъ неспо- койныхъ частяхъ речи посполитой. Съ государственной точки зрѣнія

того времени, да пожалуй и всѣхъ временъ, Россія была права. Но Поляки, по своей нелогичности и по отсутствію политическаго такта, не хотѣли понять, что въ политическомъ мірѣ справедливость всегда на сторонѣ сильнаго. Пота Штакельберга казалась имъ насмѣшкою надъ участію государства, столько пострадавшаго въ послѣднее время. Имъ все казалось обидною насмѣшкою въ этой нотѣ, — и то, будто Россія беспокоится о возстановленіи спокойствія въ Польшѣ, и что будто бы съ горестью взираетъ она, какъ польская нація, вмѣсто того чтобы заботиться о созваніи сейма, безъ котораго невозможно умиротвореніе государства, замышляетъ новыя измѣны, готовить новыя интриги и т. д. Обидно было имъ слышать, какъ ихъ самихъ же обвиняли въ гнусномъ намѣреніи продлить волненія въ своемъ собственномъ государствѣ, какъ упрекали ихъ въ томъ, будто они тайно возбуждаютъ умы гражданъ, готовятъ заговоры, чтобы только поставить преграды давно желанному успокоенію своей собственной страны. Полякамъ потому это было обидно, что они никакъ не могли считать себя виновными въ томъ, будто они сами желаютъ гибели своему государству. Штакельбергъ зналъ, что Поляки постоянно будутъ оттягивать время созванія сейма и потому, согласно волѣ своего двора, самъ назначилъ это время, присовокупивъ въ деклараціи, что было бы бесполезно сопротивляться этому твердому рѣшенію его правительства. Сеймъ созывался на 19 апрѣля этого года.

Мало того, что протекторы приказали созвать сеймъ, назначили для этого срокъ, — они были до того заботливы, что, входя въ разстроенное положеніе Поляковъ и зная ихъ опытомъ доказанную политическую безтактность и неспособность къ самоуправленію, составили программу всего, о чемъ Поляки должны были говорить на сеймѣ и чѣмъ должны были рѣшить свою судьбу. Протекторы не могли не догадываться, что сенатъ, даже и въ безсильныхъ рукахъ польскихъ магнатовъ, будетъ мѣшать сосѣдямъ свободно распорядиться въ Польшѣ, и вслѣдствіе того они приказывали, чтобы на предстоящемъ сеймѣ Поляки уничтожили свой сенатъ, какъ учрежденіе бесполезное и даже вредное, и вмѣсто него учредили бы двѣ комиссіи, одну подъ прерѣдательствомъ короля, другую — примаса республики. Протекторы повелѣвали также, чтобы всѣ имѣнія, принадлежащія духовенству (а такихъ Польша насчитывала очень много) были секуляризованы и чтобы архіепископы, епископы, аббаты, прелаты, кендзы

и вообще все клерикальное сословіе жили не доходами отъ своихъ богатыхъ помѣстій, а ежегодною пенсією. Протекторы приказывали, чтобы на сеймѣ постановлено было общее изгнаніе Евреевъ, кромѣ небольшого числа занимающихся торговлею. Они требовали, чтобы число шляхты было ограничено извѣстною цифрою. Они требовали уничтоженія знаменитой, сумасбродной привиллегіи шляхты—говорить «*nie rozważam*» привиллегіи, служившей иногда источникомъ страшныхъ сценъ на сеймахъ и бывшей причиною многихъ бѣдствій страны. Въстѣ съ этимъ, на предполагаемомъ сеймѣ, Поляки должны были отнять у себя свое *liberum veto*, отпустить на волю крестьянъ (*), предоставивъ имъ право выбирать, въ каждой общинѣ, своихъ собственныхъ судей и на рѣшенія ихъ апеллировать мѣстнымъ землевладѣльцамъ, а на этихъ послѣднихъ—мѣстной административной власти. Въ программѣ сейма, заявленной протекторами Польши, упоминалось и о томъ, чтобы Поляки сами уничтожили цвѣтъ своего войска, именно гусарскіе полки, которыми речъ посполитая всегда славилась. Мало того, протекторы поставили Полякамъ въ непремѣнное условіе постановить на сеймѣ опредѣленіе о покроѣ, цвѣтѣ и достоинствѣ матеріи на платьѣ, какое должны носить вольные Поляки, сообразно званію и другимъ условіямъ жизни. Протекторы откровенно включили въ программу сейма и 21-ю главу, въ которой говорится, что австрійскія и русскія войска, въ числѣ пяти тысячъ съ каждой стороны, будутъ оставлены въ Польшѣ и что король обязанъ назначать имъ мѣста для стоянокъ. Вообще, настоянія державъ, дѣлавшихъ речъ посполитую, выражены въ 23 главахъ.

Въ послѣднее засѣданіе сената, знаменитаго, какъ мы сейчасъ замѣтили, отсутствіемъ сенаторовъ, король, не смѣя ослушаться приказаній сильныхъ протекторовъ, просилъ созванія сейма. Сенаторы исполнили просьбу короля или, скорѣе, побоялись ослушаться тѣхъ же сильныхъ протекторовъ, и положили приступить къ собранію сейма. Впереді ничего не предвидѣлось утѣшительнаго; уже большинство патріотовъ, всѣ, болѣе или менѣе понимавшіе образъ дѣйствія сосѣднихъ державъ, видѣли, какая будущность ожидаетъ Польшу. Европейскіе дворы, къ которымъ въ порывѣ отчаянія обратилась республика, занятые

(*) Les paysans seront affranchis de la servitude, какъ сказано было въ проектѣ сейма, напечатанномъ въ одной изъ тогдашнихъ газетъ (*Gazette de Zejde*).

собственными дѣлами, но въ силахъ были спасти ее отъ гибели; нѣме даже не отвѣчали на ея горестный вопль. Польша увидѣла себя всѣми накинутаю. Говорить, когда сенатъ, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о созваніи сейма, представилъ Штакельбергу и нѣкоторые другія свои постановленія, этотъ посланникъ, отличавшійся гораздо большою деликатностью чѣмъ Сальдернъ, сухо и презрительно сказалъ сенаторамъ: «мы требуемъ только сейма и постановленія его о томъ, о чемъ мы заявили и заявимъ еще». Подъ заявленіемъ Штакельбергъ разумѣлъ, во-первыхъ, декларацию, въ которой польской націи повелѣвалось созвать сеймъ, и во-вторыхъ, программу, въ которой означалось, о чемъ сеймъ долженъ былъ разсуждать и на чемъ остановиться. Напрасно Станиславъ Августъ униженно просилъ милости у императрицы Екатерины II, называя ее «*ma bienfaitrice et mon amie*»,—его просьба осталась безъ отвѣта.

И вотъ злополучный король снова обращается къ своему народу, ищетъ опоры въ его нравственномъ величіи. Но это величіе давно не существовало: и король, и нація были бессмысленны во всѣхъ отношеніяхъ. Въ это отчаянное время написанъ былъ универсалъ, въ которомъ бы должны были, кажется, вылиться всѣ наиболѣе живыя чувства короля, и его раскаяніе передъ всею націей, и его скорбь за то горе, которое причинено страхъ его неразумной довѣрчивостію къ сильнымъ державамъ, его безпечностію, легкомысліемъ, отсутствіемъ любви къ своему народу, его неспособностію къ государственнымъ дѣламъ, вообще, ошибками всей его жизни... Нѣтъ! ничего этого не было въ универсалѣ. Жалобы, упреки и громкія фразы, заглушающія собою всякую мысль,—вотъ содержаніе этого воззванія, обращеннаго къ націи въ такой критическій моментъ жизни всего государства. Что особенно рѣзко бросается въ глаза—это полное непониманіе истинности страданія Польши, отсутствіе всякаго знанія смысла явленій и даже клевета, брошенная въ лицо лучшимъ представителямъ польскаго народа. Можно было заранѣе сказать, что изъ всѣхъ усилій польскаго правительства ничего не выйдетъ, еслибъ протекторы и представители его собственному уму—разуму не начертали плана будущихъ содѣяній и рѣшеній, еслибъ даже Польшѣ никто и не угрожалъ. Ясно, что ни король, на котораго, впрочемъ, и сѣтовать нечего, какъ на человѣка умственно ни въ чемъ виноватаго, ни сенаторы, ни консерваты—патриоты, послѣ потери Пулавскаго, Огинскаго и Паца окончательно потерявшіе голову, никто не понималъ болѣзни королев-

ства, и потому, еслибы даже Поляки предоставлены были самимъ себѣ, то и тогда они не съумѣли бы спасти свою независимость. Въ универсальѣ этомъ на первомъ планѣ являются не Польша, не нація, не общественныя бѣдствія, а красуется фигура короля, которую стараются поставить передъ всѣмъ свѣтомъ въ самыхъ привлекательныхъ позахъ. Только и попадаются въ универсальѣ фразы— «мы любимъ Польшу», «любезная намъ нація», «никто болѣе насъ не будетъ воодушевленъ желаніемъ общественнаго блага» и т. п.; если угрожала и угрожаетъ опасность, то не Польшѣ, не государству, а все только королю. Въ универсальѣ снова подняли старую исторію, которая давно надоѣла Польшѣ,—о томъ, какъ конфедераты не хотѣли дѣйствовать заодно съ королемъ, какъ ставили ему въ вину наводненіе речки шеполитой чужеземными войсками, какъ потомъ хотѣли похитить короля и едва не совершили царубійства. Надъ Польшей висѣла страшная туча, а ея правительство не стыдилось агать жеречь своей націей и передъ цѣлою Европой, утѣряя, будто король, едва спасшися отъ рукъ мнимыхъ убійцъ, въ самую первую минуту своей безопасности, былъ такъ великодушень, что забывъ о себѣ и не за себя ходатайствовалъ передъ сильными сосѣдами, а за любимую имъ націю, забывъ о мщениі. Между тѣмъ, извѣстно, что изъ-за пустяковъ король надѣлалъ столько шуму на всю Европу, что самъ былъ не радъ, когда войска сосѣдей, подъ видомъ возстановленія порядка въ республикѣ, окѣпили всю Польшу; единственно изъ трусости, король, самъ того не замѣчая, способствовалъ захвату шельонскихъ земель войсками протекторовъ и освящалъ эти захваты, прибѣгая подъ защиту иноземныхъ солдатъ отъ своихъ подданныхъ, которые для его же пользы хотѣли похитить его, но отнюдь не думали убивать, потому что своей смертью онъ причинилъ бы Польшѣ столько же вреда, сколько причинилъ жизнью, или, во всякомъ случаѣ, не спасъ бы смертью своей того, что втеченіи жизни погубилъ своимъ неразуміемъ.

Похваливъ себя за великодушіе и отдавъ должную дань справедливости своему уму за успокоеніе Польши, послѣ спасенія отъ рукъ похитителей, король продолжалъ въ своемъ универсальѣ: «Но въ этотъ же самый годъ, когда, загладивъ всѣ бѣдствія войны, моровой явы, бунта крестьянъ и послѣдствія нашихъ личныхъ опасностей (король въ самомъ дѣлѣ думалъ, что осчастливилъ Польшу, и что, по этому счастливому обстоятельству, Польша должна была забыть

вой обиды, войны, мора и бунты крестьян), мы думали, что наступают уже дни, тинина которых порадует нашу родину, как мы увидели, что возстает новая буря, тѣмъ болѣе ужасная, что никто не была предвидѣна. Три христіанскія державы, союзственныя намъ, вдругъ объявили притязанія на самыя богатыя части владѣній республики. Потому онъ разсказываетъ то, что намъ уже известно. Жалуются, что сосѣднія державы грозятся не только уничтожить послѣдній остатокъ Польши, но истребить и самое имя Царство; вѣдается, наконецъ, что иностранные дворы, къ которымъ онъ писалъ, прося помощи и защиты, или отказали въ помощи, или отвѣчали обиднымъ равнодушіемъ. «Вотъ то опасное, то ужасное положеніе, въ которомъ находится наша республика», восклицаетъ мораль, не высказавъ никакихъ дѣльныхъ предположеній относительно того, какъ бы можно было выйти изъ такого тяжелаго положенія. «Однако мы не должны отчаяваться за наше государство; кормчій не долженъ покидать руля, ни матросы покидать кормчаго. Отечество—это корабль, который завѣщала намъ предки и который мы обязаны отдать потомству. Хотя ураганъ сломилъ его мачты и разорвалъ паруса, хотя на добычу жадному морю бросаются драгоцѣннѣйшія сокровища, однако обуреваемый корабль долженъ быть приведенъ въ гавань» и т. д. Конечно, эти фразы въ универсалѣ произвели бы и на шляхту и на хлоповъ сильное впечатлѣніе, еслибы и шляхта и хлопны знали стихотвореніе Горациа—*«se navis! referent in mare te novi Placius»*,—которое, безъ сомнѣнія бродило въ головѣ Станислава Августа, когда онъ составлялъ свой громкій универсалъ, и въ которомъ Горациа сравниваетъ римскую республику, довольно—таки повзвѣную такими че●любдами, какъ Помпей и Цезарь, съ кораблемъ, у котораго буря изломала мачту и повзорвала паруса; но универсалъ не произвелъ сильнаго впечатлѣнія ни на шляхту, ни на хлоповъ. Какъ римская республика, сравненная Горациемъ съ кораблемъ послѣ штурма, такъ и республика польская, сравненная тоже съ кораблемъ во время бури, не смаслиась: истребленные корабли не были даже приведены въ гавань.

Однако время открытія сейма приближалось и провинціи должны были позаботиться о созваніи мѣстныхъ сеймиковъ для избранія депутатовъ на общій государственный сеймъ. Мы видѣли, что дѣлалось въ провинціяхъ, объявленныхъ приеодиненными къ Россіи: они подлезали уже русскому государственному устройству. Тоже самое

дѣлалось и въ областяхъ, присоединенныхъ къ Австріи и Пруссіи, гдѣ, кромѣ того, вслѣдствіе интригъ и угрозъ Фридриха II, должна была явиться реакція тому патріотическому порыву, который неизбежно слѣдовалъ за торжественнымъ объявленіемъ о раздѣлѣ Польши. Продажность Поляковъ того времени представляетъ замѣчательное подтвержденіе того грустнаго историческаго закона, что несчастнымъ условиямъ, выпадающимъ на долю какаго-либо государства, или жакимъ нравительственнымъ формамъ всегда отражаются на всей исторической жизни націи, деморализируя ее въ той степени, въ какой деморализированы были отношенія администраціи къ польскому народу. Поляки были испорчены—можно сказать—исторически, и потому, оставаясь съ тѣми же понятіями о государствѣ, какія выработались у нихъ вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, съ тѣми же недостатками, какіе привила къ нимъ вся ихъ прошедшая жизнь, они должны были погубить свое государство и лишиться автономіи. Въ самомъ дѣлѣ, Поляки сдѣлались какъ будто неспособны къ самоуправленію; они потеряли способность поддерживать существованіе націи съ обстановкой самостоятельнаго и независимаго царства. Мало того, Поляки упали нравственно: они и продавали свою страну, и продавали ей для личныхъ выгодъ. Извѣстной и продолжительностью омерзены и унижены почти всѣ предпріятія, всѣ начинанія, всѣ новшества и всѣ порывы послѣднихъ патріотовъ этой страны. Фридрихъ II звалъ этотъ національный порокъ, развившійся вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условий, и потому обѣщаніями, ласками, лестью, а наконецъ—когда ни ласки, ни обѣщанія не помогали—угрозами и арестами поставилъ Поляковъ, обитавшихъ въ той части Великой Польши, которая отходила къ Пруссіи вмѣстѣ съ другими провинціями,—въ необходимость созвать свой сеймъ, какъ бы въ противодѣйствіе общему государственному сейму, собиравшемуся тогда въ Варшавѣ. Этимъ антипатріотическимъ движеніемъ руководилъ Сулковскій, при помощи одного прусскаго генерала, который, желая угодить Фридриху, пугалъ Поляковъ своими солдатами, и когда патріоты желали послать депутатовъ на сеймъ въ Варшаву, онъ грозилъ имъ войною и вынуждалъ посылать депутатовъ на другой сеймъ, коноводомъ котораго былъ самъ Фридрихъ, только подъ польской лаской Сулковскаго. Сеймики въ тѣхъ провинціяхъ, которымъ оставались за Польшей, шли очень неудачно: въ нихъ нѣтъ ни кто не хотѣлъ собирать депутатовъ на варшавскій сеймъ, въ другія

сами депутаты отказывались принять на себя роль сдѣлаться невольнымъ орудіемъ чужеземныхъ протекторовъ. Волненіе было всеобщее.

Созваніе сейма представлялось Полякамъ чѣмъ-то ужаснымъ. Они чувствовали, что это долженъ быть ихъ послѣдній сеймъ, на котораго они сами должны будутъ похоронить свою вольность, свои права и свою прошедшую славу, хотя въ сущности сомнительную, но для нихъ самихъ очень дорогую. Будеть-ли сеймъ или нѣтъ—но, во всякомъ случаѣ, Польша должна погибнуть: на сеймѣ иностранныя дворы вынудили бы Польшу подписать свой собственный приговоръ; а не будь созванъ сеймъ—иностранные дворы, и безъ воли польской націи, рѣшили бы ея горькую участь, и рѣшили бы далеко не снисходительно. Что же оставалось Полякамъ дѣлать, какъ не возмущаться, когда сосѣди, требуя созванія сейма, въ тоже время отрывали у государства огромныя провинціи и еще грозили большими потерями, а между тѣмъ провооглашали, что они ни о чемъ другомъ не заботятся какъ только о благѣ Польши. Поляки видѣли, насколько эта забота была безкорыстна. «Я никогда не отказывался быть полезнымъ отчизнѣ (писалъ передъ сеймомъ Адамъ Красинскій, знаменитый епископъ каменицкій, еще болѣе знаменитому епископу краковскому Солтыку); но я сомнѣваюсь, чтобы сеймъ, созываемый нынѣ, облегчилъ ея страданія, сеймъ, который будетъ состоять изъ такого малаго числа депутатовъ. Тяжело подписать раздѣлъ; но не подписать его—опасно. Я вижу съ одной стороны гибель націи, съ другой—угнетеніе вѣрныхъ согражданъ. Какой свѣточъ будетъ свѣтить намъ въ этомъ погибельномъ лабиринтѣ? Мы ничего не знаемъ, что происходитъ теперь въ Букарестѣ; въ какой силѣ ведутся переговоры; на чьей сторонѣ изъ иностранныхъ дворовъ мы не имѣемъ своего посланника; мы не вѣдаемъ ни того, что тамъ дѣлаютъ, ни того, что тамъ думаютъ—мы дѣствуемъ точно слѣпые... Если наша отчизна должна погибнуть, такъ не будемъ же по крайней мѣрѣ рыть ей могилу собственными руками; пусть эти руки будутъ невинны и въ глазахъ націи, и въ глазахъ чужеземныхъ народовъ. Я возвращусь въ Вершаву, какъ только будетъ можно; но я скорѣе соглашусь ничего не дѣлать, чѣмъ сдѣлаться участникомъ въ дѣлѣ, въ которомъ поглотится общественная свобода, и потомъ отпѣвать убитую націю».

Какъ-то невольно задумываемся надъ послѣдними днями Польши. Что за странная участь этого государства... Приходится все-таки

согласиться, что въ это трагическое для него время единственными, мало-мальски порядочными дѣятелями оказались—это жиды, т. е. епископы и ксендзы, а отнюдь не шляхта. Москва была, все это оттого, что нѣтъ идеи руководила больше чѣмъ нами.

Одною изъ самыхъ энергическихъ личностей, въ это бѣдственное для Польши время, является Солтыкъ, краковскій епископъ, недавно только возвращенный изъ Сибири. Его вліяніемъ сдѣлано то, что никто не хотѣлъ идти на сеймъ, и провинціальныя сеймики или вовсе не собирались для избранія депутатовъ на общій сеймъ, или кондались бурными, но безцѣльными демонстраціями противъ чужеземцевъ. Краковскій сеймикъ, конечно не безъ вліянія Солтыка, прямо постановилъ, что такъ какъ Поляки не желаютъ ни уничтоженія Польши, ни раздѣленія ея, ни какого бы то ни было измѣненія въ образѣ правленія, то сеймикъ и не хочетъ никого избирать для этой роли. На сеймикѣ въ Вилкомирѣ лилась кровь, потому что избиратели раздѣлялись на партіи. Эти партіи разрывали и безъ того умирающую Польшу, а продажность и шибѣна лишили ее послѣднихъ силъ. Непрасно Солтыкъ, передъ созваніемъ сейма, указывая на эту продажность, взывалъ къ Полякамъ, чтобы они омылись и подумали о спасеніи отчизны. Какъ ни сильно, какъ ни впечатлительно это воззваніе, особенно если вспомнить, въ какомъ страшное время оно писалось къ народу; однако, все было бесполезно:—точно вымерли Поляки, точно и не было у нихъ ни добрыхъ чужацъ, ни любви къ своему государству, ни даже любви къ своему собственному счастью. «Восплачемъ и смиримся вмѣстѣ съ Намсвѣтниками», говорилъ въ своемъ посланіи Солтыкъ,—и въ самомъ дѣлѣ, ничего больше не оставалось для Поляковъ какъ плакать и смиряться, когда самъ Солтыкъ былъ очень далеко отъ смиренія. Передъ открытіемъ сейма, у него завязалась перениска съ барономъ Штакельбергомъ по поводу того, что епископъ отказывался присутствовать на сеймѣ, потому что, какъ умный человекъ, онъ вѣдалъ, что уже все будетъ бесполезно для Польши. «Князь епископъ герцога Кракова», писалъ Солтыкъ къ барону, «размысливъ основательно о двухъ послѣднихъ совѣщаніяхъ, которые онъ имѣлъ съ великимъ королевскимъ вѣдательствомъ, принялъ намѣреніе удавиться отъ дѣла и отъ сейма; но онъ заявляетъ, что вездѣ сохранить и нѣжнѣйшую дружбу и нѣжнѣйшую признательность къ вашему превосходительству». Когда Штакельбергъ упрекнулъ его въ томъ, что епископъ употребляетъ слово

нѣшнѣ противъ созванія сейма, Селякъ отвѣчалъ ему, что, какъ Михаилъ, онъ не могъ защищать свою отчизну; что равнодушіе съ его стороны было бы противно заветамъ предковъ; что, какъ сенаторъ, онъ былъ бы виновникомъ, еслибы не заботился о спокойствіи своего государства.

Однако, при всемъ томъ, время отъѣзда сейма приближалось. Депутаты, хотя въ ограниченномъ числѣ, собирались въ Варшаву, чтобъ еще разъ удивить Европу своей безтактностью. Для того чтобъ какая-нибудь безумная голова, въ самый важный моментъ сейма, когда будетъ рѣшаться участь Польши, не крикнула «*nie pozwolam!*» и тѣмъ не уничтожила всего, что общими усиліями могли сдѣлать представители польской націи на предстоящемъ сеймѣ, положено было соединить открытіе сейма съ образованіемъ новой генеральной конфедерациі. Эта мѣра бросала Поляковъ въ другую крайность, и отъ нея можно было ожидать столько же добра, какъ и отъ сохранения права *liberum veto*, которое, на этомъ сеймѣ, пригодилося бы, по крайней мѣрѣ для того, чтобъ разогнать сеймъ въ то самое время, когда бы Поляки рѣшились своими руками передать Польшу чужеземцамъ. Конфедерациа была теперь такъ не кстати; она такъ вполнѣ отвѣчала тайнымъ планамъ сосѣднихъ государствъ, что только Поляки, окончательно обезумѣвшіе въ это время, не видѣли, что дѣлали покровители, косвенно отнимая у нихъ *liberum veto*, и именно тогда, когда оно, принесшее столько зла Польшѣ, могло хоть разъ оказать ей услугу. Предводителями конфедерациі избраны были Адамъ Понинскій — отъ королевства польскаго и князь Михаилъ Радзивиллъ отъ великаго княжества литовскаго. Всѣ благоразумные люди возстали противъ конфедерациі, которая была однимъ изъ политическихъ промаховъ польскаго народа, — а онъ такъ много дѣлалъ промаховъ... Даже король, котораго несчастія научили слушаться людей болѣе его умнѣе, не возмездъ конфедерациі, понимая, что она будетъ выгодною только для его враговъ и гибельна для Польши. Но на короля уже ничто не обращало вниманія, которымъ, впрочемъ, его никогда не базвали вѣдданнаго; теперь же, сверхъ того, ему предстояло или бѣжать изъ своего королевства и на границахъ показаться въ руки побѣдоносителей, или своими руками снять съ себя корону Бѣлыхъ конфедерациі, обнародованную за три дня до открытія сейма, говорившая — въ нормаль-ли неразумнаго увлеченія своими собственными образами или подъ диктовку барона Штаммельберга что «предсказ-

ний сеймъ положить конецъ бѣдѣямъ отечества, тѣмъ самымъ столько лѣтъ, высунуть слезы гражданъ, заставить умолкнуть вопли и рыданія, которые раздаются въ провинціяхъ, республикахъ, и оставить потоки крови камиль братьевъ, которая льется до сихъ поръ и т. д. Впрочемъ самый актъ конфедераціи представляеть не мало доказательствъ поразительной безтактности представителей польскаго королевства: въ немъ одна половина совершенно противорѣчитъ другой.

Наконецъ сеймъ былъ открытъ 19 апрѣля 1773 года. Начало его напомнило самые шумные и бурные сеймы того стараго времени, когда шляхта могла свободно кричать на все собраніе и заявлять самыя безумныя требованія, когда за звяканьемъ сабель не всегда можно было разслышать умное предложеніе какого-нибудь скромнаго депутата и когда Поляки могли вполне предаваться безумному разгулу неограниченной воли, не опасаясь, что въ залѣ собранія появятся штыки, и смѣлые депутаты будутъ изъ нея выведены, чтобъ отправиться въ Шпандау или въ какую-нибудь другую крѣпость. Этотъ сеймъ былъ очень буренъ, несмотря на то, что въ первое время явилось очень мало депутатовъ. 19-го же числа, въ день открытія сейма, вспыхнула борьба между новыми конфедератами и депутатами другой партіи. Во главѣ послѣднихъ выступилъ знаменитый Рейтанъ, депутатъ изъ Новогрудка, хотя родомъ нѣмецъ, однако въ такой мѣрѣ ополчившійся, что сталъ едва-ли не болѣе Полякъ, чѣмъ многіе изъ природныхъ, старинныхъ шляхтичей, производившихъ свой родъ отъ Пястовъ. Рейтанъ, получившій громкую европейскую славу, былъ однимъ изъ лучшихъ людей Польши и пользовался большимъ авторитетомъ въ своей области.

Едва открылся сеймъ, какъ Рейтанъ возсталъ противъ Пенншопаго, котораго лично ненавидѣлъ, а теперь смотрѣлъ на него какъ на главу противной партіи, дѣйствующей на гибель Польши. Рейтанъ, операясь на королевскіе универсалы, говорилъ, что сеймъ долженъ дѣйствовать независимо отъ конфедераціи, которая вовсе не можетъ имѣть ніяка въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда Польша. Рейтанъ поддерживали и другіе депутаты Литвы. Раздражительные споры продолжались до самаго вечера. На утро, 20 апрѣля, зала собранія окружена была королевскими войсками. Возмолъ Рейтанъ. Когда депутатъ конфедераціи явился въ залу и спросилъ, признаетъ-ли Рейтанъ Пенншопаго маршаломъ, тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Такъ какъ

но только дождь собранія былъ окруженъ солдатами, но военные мундиръ красовались и въ залѣ, что было противно правамъ конституціоннаго сейма, то Рейтанъ требовалъ удаленія изъ залы военной силы. Голосъ его напрасно звучалъ на все собраніе. Передъ окончаніемъ засѣданія, когда все собрались уходить изъ залы, Рейтанъ сталъ въ дверяхъ и громко провозгласилъ, что знать не хочетъ конфедераціи и скорѣе пожертвуетъ своею жизнью, чѣмъ признастъ законными ея рѣшенія. Голосъ Рейтана нашелъ энергическую поддержку въ одномъ изъ Литвиновъ, которые, всегда дѣйствовали лучше кровныхъ Поляковъ. Это былъ юноша, почти ребенокъ. Когда его избрали депутатомъ Минска, старикъ-отецъ, отправляя своего сына въ Варшаву на сеймъ, гдѣ Поляки должны были похоронить послѣдніе остатки своей воли, говорилъ ему: «сынъ мой! я посылаю съ тобой въ Варшаву моихъ старыхъ слугъ... Я имъ наказываю принести ко мнѣ твою голову, если ты не будешь всѣми силами бороться противъ того, что будетъ предпринято во вредъ твоей отчизнѣ». Дѣйствовалъ-ли Корсакъ по внушенію собственнаго разсудка или подъ вліяніемъ другаго чувства — только онъ оставилъ по себѣ хорошую память и Поляки съ гордостью произносятъ его имя, а польскіе историки въ массѣ личностей, дѣйствовавшихъ при послѣднихъ дняхъ Польши, особенно отличаютъ Рейтана и Корсака. Впрочемъ, въ это время Польша находилась уже въ томъ безвыходномъ положеніи, что, потерявъ Пулавскаго, Огинскаго, Паца, Саву и другихъ патріотовъ, которые умѣли дѣйствовать неустрашимо, она по необходимости должна была гордиться уже и такими личностями какъ Рейтанъ и Корсакъ, которые, по крайней мѣрѣ, еще говорили неустрашимо. Такъ какъ большая часть вотчинъ Корсака находилась въ той половинѣ Литвы, которая, въ первый раздѣлъ Польши, отходила къ Россіи и какъ, на основаніи манифеста 1772 года и тайныхъ инструкцій, данныхъ петербургскимъ дворомъ графу Чернышеву и генераламъ — Каховскому и Кречетинскому, Корсакъ долженъ былъ или присягнуть на подданство Россіи, или немедленно продать литвія, выѣхать изъ отечества; то онъ, протестуя противъ дѣйствій трехъ союзныхъ державъ въ отношеніи къ Польшѣ, говорилъ вслѣдъ за Рейтаномъ, что охотно отдастъ неприятели всѣ свои имѣнія, деньги, мебель, даже послѣднюю рухлядь, и готовъ жертвовать жизнью, если нужна будетъ эта жертва. И дѣйствительно, онъ отдавалъ себя въ руки Штакельберга и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ ему описъ и оцѣн-

ку имѣній, какъ недвижимыхъ, такъ и движимыхъ, говоря: «Вотъ все, что я могу принести въ жертву; вы властны также распоряжаться моею жизнію. Но на землѣ нѣтъ человѣка на столько богатого, чтобъ подкупить и на столько могущественнаго, чтобъ устроить меня».

Однако протестаціи эти были безсильны, и баронъ Штакельбергъ, баронъ Ревяцкій и Бонуа, полномочные министры Россіи, Австріи и Пруссіи, не обращали вниманія надъ усиліями Поляковъ. На другой день послѣ протестаціи Корсака и Рейтана (21 апрѣля) они приказали Понинскому, маршалу конфедераціи, запретить депутатамъ входъ въ залу засѣданій. Однако Рейтанъ взшелъ въ залу и сказалъ, что остается въ ней, какъ въ священномъ мѣстѣ, гдѣ не посягаютъ привести въ исполненіе того, что будетъ постановлено противъ него конфедераціею. Такъ какъ засѣданія сейма обыкновенно происходили съ открытыми дверями, то Рейтанъ требовалъ, чтобы войска, окружавшія залу, были удалены и депутатамъ открытъ свободный входъ въ сеймовую палату, и когда ему объявили, что, всякое сопротивленіе будетъ наказано смертію, по правамъ и неограниченной власти генеральной конфедераціи, Рейтанъ отвѣчалъ:

— Лучше умереть со славою за отчизну, чѣмъ дожидаться естественной смерти.

Всѣ эти фразы, разумѣется, не измѣнили теченія дѣлъ въ Польшѣ, потому что служили выраженіемъ не общаго народнаго чувства негодованія, а были, такъ сказать, единичными исключеніями, слишкомъ ничтожными въ массѣ дурнаго. Притомъ, еслибы и вся шляхта думала и дѣйствовала такъ какъ Рейтанъ, Корсакъ, Солтыкъ и Адамъ Красинскій, то уже поздно было ждать спасенія, еслибы не только всѣ депутаты сейма, но и всѣ землевладѣльцы речи посполитой возстали противъ общей бѣды, то напрасно бы потрачены были ихъ силы: спасти Польшу въ то время значило тоже, что не давать заколачивать крышку гроба надъ умершимъ, когда трунъ его разлагался окончательно. Во всякомъ случаѣ, войска союанныхъ державъ были на столько сильны, что могли задавить всякое реакціонное движеніе въ Польшѣ. Имъ задавлена была первая открытая попытка Станислава Августа — стать во главѣ патриотическаго движенія. Въ четвертый день послѣ открытія засѣданій сейма (22 апрѣля), когда къ нему присланы были депутаты отъ лица генеральной конфедераціи и когда король не хотѣлъ признать законности ея существованія, прося два дни на раз-

мыслие, хотя и въ два года онъ уже не могъ поправить дѣла, Штакельбергъ, Ревизкій и Бенуа были раздражены этой бесполезной уклончивостью и требовали отъ него полного повиновенія. Отъ имени трехъ правительствъ Штакельбергъ велѣлъ объявить королю, что, при малѣйшемъ сопротивленіи, въ тотъ же день, 50,000 союзнаго войска вступятъ въ Варшаву и предадутъ ее контрибуціи. Королевскія войска были слишкомъ безсильны, а войскъ прежней конфедераціи уже давно не существовало; предводители ихъ или были убиты, или бѣжали въ другія страны, или просто измѣнили, какъ Заремба, и потому Станиславъ Августъ долженъ былъ покориться.

Въ эти послѣднія минуты польской независимости боролся одинъ только Рейтанъ. Тридцать шесть часовъ онъ не выходилъ изъ залы депутатовъ сейма; тридцать шесть часовъ онъ старался своими слабыми руками удержать тяжелое зданіе республики, которое по частямъ обваливалось въ пропасть. Все напрасно. Съ Рейтаномъ остались только четыре депутата, которые готовы были раздѣлать его несчасть: — то были депутаты Новогрудка и Минска. Зала осталась пустою. Не передъ кѣмъ защищать было погибшую вольность. Наконецъ и самъ Рейтанъ съ четырьмя патриотами принужденъ былъ выйти изъ залы.

Здѣсь кончается автономія польскаго народа. Это было 22 апрѣля 1773 года; а въ продолженіе нѣсколькихъ, слѣдовавшихъ затѣмъ мѣсяцевъ, Поляки успѣли подписать и свой смертный приговоръ — раздѣлъ своей страны, уничтоженіе нѣкоторыхъ конституціонныхъ формъ правленія и признаніе чужеземной протекціи и гарантіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ подписанъ былъ смертный приговоръ послѣднимъ патриотамъ, которые думали похищеніемъ короля изъ рукъ чужеземцевъ спасти отъ нихъ и свою отчизну, и замысль которыхъ такъ несчастливо разрушился въ ночь съ 3 на 4 ноября 1771 года, когда одинъ изъ заговорщиковъ своей оплошностью или измѣною погубилъ все дѣло. Объ участи послѣднихъ польскихъ патриотовъ дошли вѣсти и въ тогдашнюю Россію и русское общество, съ любопытствомъ ловившее слухи о странныхъ событіяхъ въ Польшѣ, вмѣстѣ съ манифестомъ о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, читало въ своихъ газетахъ слѣдующее оффиціальное извѣстіе:

«Изъ Варшавы отъ 28 августа. Сегодня обнародованъ приговоръ для королевскихъ убійцъ и разславъ во всѣ городскія судебныя мѣста. Всѣ преступники лишены всякой чести и достоинства и обь—

явлены безчестными; имѣніе ихъ конфисковано и отдало будетъ де-носителямъ; потомки ихъ также лишены дворянства и никогда оного получить не могутъ. Пулавскому, Стравинскому и Лукавскому сперва отсѣкутъ правую руку, потомъ голову, напоследокъ будутъ ихъ четвертовать; а послѣ того, лежавшіе нѣсколько времени на улицѣ ихъ трушы, сожгутъ и пепелъ развѣютъ. Но какъ Пулавскій и Стравинскій еще не пойманы, то оное надъ ними будетъ учинено тогда, когда ихъ поймаютъ; а между тѣмъ имена ихъ будутъ прибиты на вѣстѣнцѣ. Кузьма или Козинскій, хотя и освобожденъ отъ всякаго достойнаго наказанія, однако присужденъ выѣхать изъ Польши и никогда больше не входить въ ея провинціи подъ смертною казнію» (Москв. Вѣдом. 1773 г., № 78).

Вообще, чѣмъ глубже вникаемъ мы въ смыслъ польской исторіи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что королевство это погибло не вслѣдствіе насилій сосѣднихъ державъ, а вслѣдствіе внутреннихъ застарѣлыхъ болѣзней въ организмѣ государства: неумѣнье правительственныхъ сословій осчастливить народъ, деморализація высшихъ классовъ—естественное послѣдствіе существованія крѣпостнаго права, которое всегда лишаетъ владѣтельные классы нравственной силы и упругости, а у низшихъ классовъ отнимаетъ послѣднія качества человѣчности, — вотъ причины паденія Польши. Шляхта, живя насчетъ хлоповъ, не знала ни физическаго, ни умственнаго труда и постоянно тупѣла; безпечность и увѣренность въ томъ, что хлопъ всегда дастъ средство къ существованію, вовлекали ихъ въ долги и разоряли, а привычка жить роскошно и ни въ чемъ себѣ не отказывать вызвала у промотавшейся шляхты желаніе добыть, во чтѣ бы то ни стало, богатыя средства къ жизни; за этимъ слѣдовала продажность, безстыдная измѣна, торгашество всеѣмъ, чтѣ дороже для человѣка—чувствомъ, истиной, добромъ и совѣстью. Гдѣ же было этой продажной и разучившейся шляхтѣ мыслить, чувствовать и честно управлять страной? Въ одной мѣрѣ съ шляхтою тупѣлъ народъ, которымъ управляло отупѣвшее дворянство, и терялъ свой человѣческій образъ, дѣлаясь подобіемъ животнаго, для котораго все равно, кому бы ни служить. Онъ былъ бѣденъ до того, что даже не понималъ возможности быть бѣднѣе, а если ему и удавалось приобретать что-либо, то онъ имъ не дорожилъ, потому что все, чтѣ у него было, принадлежало не ему, а пану, и потому все, что составляло для него излишекъ, онъ несъ въ кабакъ, гдѣ, въ отвратительномъ оцѣяненіи,

забывалъ, что его ждуть дома голодные дѣти и изнуренная работою жена. Онъ былъ до того деморализованъ, что не понималъ даже самаго обыкновеннаго чувства—любви къ своей странѣ, и не защищалъ ее, когда она находилась въ опасности, а если и поступалъ въ ряды солдатъ, такъ только изъ подъ палки, да закованный въ кандалы. Понятно, какой это былъ защитникъ государства. Еще въ большей мѣрѣ не любилъ своихъ пановъ, а въ лицѣ ихъ—свое правительство, отъ котораго истекали незаконные поборы, притѣсненія, неравномѣрная рекрутчина, судебныя волокиты, взяточничество урядовъ и прочія бѣдствія. Оттого, когда правительство это было въ опасности и обратилось къ народу за помощью—народъ не далъ ее, и государство погибло. Поляки отчасти поняли эту простую истину, когда уже Польша, какъ самостоятельная страна, не существовала. Вслѣдъ за первымъ раздѣломъ Поляки подумали и о народѣ, да было уже поздно (*wielu znamienitych obywateli zapewnijac własność poddanym swoim, ich stan polepszali i swobodę im zapewniali*, говоритъ Лелевель). Знаменитый Замоискій, болѣе другихъ понимавшій причины паденія Польши, составилъ даже проектъ уравненія правъ хлоповъ съ правами шляхты (*): но на сеймѣ шляхта не хотѣла даже разсматривать такой обидный для ея самолюбія проектъ и отвергла его.

Послѣ 1773 года Польша, какъ отдѣльное королевство, еще существовала около четверти столѣтія; но это было жалкое существованіе, хотя однако много драматизма представляетъ оно. Потому, на картѣ Европы уже и не изображалось отдѣльно польское королевство.

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

(*) ...Aby poddanni chłopcy powszechnemu prawu, podobnie jak szlachta podlegali (Dzieje polskie, przez J. Lelewela).

* * *

Завидно имъ смотрѣть на мудрецовъ,
Что знаютъ жизнь—такъ хорошо по книгамъ,
Всё разрѣшать они привыкли мигомъ:
Въ ихъ головахъ—на всё отвѣтъ готовъ.

То, что другихъ болѣзненно тревожить,
Презрѣнье въ нихъ рождаетъ, или смѣхъ;
Сомнѣнья червь у нихъ сердце не гложеть,
Непогрѣшимъ мужей ученыхъ цѣхъ!

Но одного лишь я боюсь немножко,
Что если жизнь, какъ дерзкій ученикъ,
Вдругъ стащитъ съ нихъ всевѣденье парикъ,
И книжки ихъ всё вышвырнетъ въ окошко?

И родъ людской, сознавъ, что онъ идетъ
Окошкою и вязкою дорогою,
На зло яной теоріи убогой
Вдругъ сдѣлаетъ неожиданный поворотъ?

О что тогда?.. Но впрочемъ не придутъ
Ни отъ чего они, я думаю, въ смущенье...
И прежняго исполнены презрѣнья —
Весь родъ людской—глупцами назовутъ!

А. ПЛЕЩЕВЪ.

Декабрь 1861.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ УЪЗДНАГО ГОРОДА.

II.

Петръ Ѳомичъ.

Справляли похороны. Погребали старика, котораго уважали все жители города, и хотя умершій не былъ богачемъ, однако стеченіе народа было значительное. Похоронная процессія приближалась къ открытому склепу, подлѣ котораго навалена была куча свѣже-разрытой земли. Приблизились... Съ засохшими на щекахъ слезами, съ оубѣжденіемъ отъ горя сердцемъ, заглянулъ я въ склепъ. Тамъ уже стоялъ одинъ гробъ съ дорогими для меня останками; тамъ скоро поставятъ и другой, не меньше для меня драгоценный... Я не слышалъ ни надгробнаго рѣчія, ни плача; глядѣлъ въ склепъ — и, кажется, ничего не видѣлъ, ни о чемъ не думалъ.

Вдругъ въ толпѣ воцарилась тишина. Я опомнился. До меня стали доноситься дребезжавшіе звуки голоса, произносившаго надгробную рѣчь. Я всмотрѣлся, вслушался—и какъ самъ ораторъ, такъ я рѣчь его овладѣли всея моимъ вниманіемъ. На сердцѣ у меня стало легче; двѣ слезы упали съ моихъ рѣсницъ... Боже! и въ эти минуты,

и опуская въ могилу прахъ милыхъ сердцу, можно испытать отрадное мгновеніе!

Несмотря на витіеватость, рѣчь видимо понимала слушателей. Ораторъ такъ хорошо произносилъ, съ такимъ добрымъ выраженіемъ заплаканныхъ глазъ, такъ трогательно изображалъ положеніе—не покойника и не близкихъ къ покойнику, а положеніе себя самого! Онъ также старикъ, притомъ сирота-старикъ, безъ рода и племени; только и близкаго у него было на землѣ, что вотъ этотъ старикъ, надъ трупомъ котораго онъ наклонялся. Съ этимъ трупомъ ораторъ, казалось, погребалъ все свое прошлое...

И откуда явился онъ на похороны? Точно воскресъ и пришелъ напомнить толпѣ, что не всѣ еще старики въ могилахъ; точно молить ее взглянуть на него, какъ на живой еще слѣдъ отжившаго поколѣнія. Въ городѣ считали его въ спискѣ умершихъ; онъ нигдѣ не показывался, берегъ себя, какъ старинную вещь, въ закоулкѣ, никѣмъ не посѣщаемомъ, за десятками улицъ и переулковъ. А тутъ вдругъ предсталъ въ торжественности и съ публичною рѣчью... Всѣ, казалось, всѣ одинаково, съ полнымъ участіемъ внимали оратору.

Кончилось погребеніе. Толпа расходилась. Съ трудомъ отыскала я въ ней оратора-старика.

— Благодарю васъ, Петръ Ѳомичъ, благодарю...

Мы обнялись и горячо поцѣловались.

— Нельзя же—говорилъ мнѣ растроганный Петръ Ѳомичъ—нельзя же было не почтить покойника рѣчью! Вѣдь онъ всѣмъ намъ былъ совѣтователь! Такого человѣка ужъ не будетъ!... Какъ можно было не почтить его рѣчью? Нельзя... нельзя...

Успокоившись отъ тяжелыхъ впечатлѣній похоронъ, я хладнокровно сталъ припоминать ихъ обстановку. Какъ же это, думалъ я между прочимъ, какъ это Петръ Ѳомичъ могъ сказать такую трогательную рѣчь? Не онъ ли когда то сочинялъ намъ, дѣтямъ, впрямь, въ которыхъ была бездна премудрости, поражавшей наши дѣтскіе умы, но нисколько не трогавшей нашихъ сердецъ? Бывало, наступаютъ рождественскіе праздники: къ кому тутъ обратиться за виршемъ, какъ не

къ Петру Омичу? А вѣрна нужна, — иначе оскорбится отецъ и не получитъ отъ него праздничнаго подарка. Къ тому же и Петръ Омичъ нисколько не затруднился надъ вѣрными: въ полчаса любую напишетъ! Начальное ихъ воззваніе почти всегда бывало намъ понятно: «Торжествуй, родитель нашъ священный!...» или что нибудь въ этомъ родѣ. Но дальше следовало десятка два стиховъ, въ которыхъ встрѣчалось столько непонятныхъ выраженій, столько необыкновенныхъ оборотовъ рѣчи, что не только мы, дѣти, не разумѣли ихъ премудрости, но не разумѣлъ ся и нашъ отецъ. И въ какой просать мы непадали! Бывало, едва выровняешься передъ суровымъ отцемъ, едва войдешь въ голосъ на первыхъ стихахъ вѣрши, какъ тутъ неожиданно послѣдуетъ остановка: «Стой, стой! Повтори-ка, что ты сказала, да растолкуй мнѣ это какъ слѣдуетъ, хорошенько...» Однако толкованій никогда не слыжаль отъ насъ отецъ, да едва ли они были и возможны! Поникнувъ головами, мы молча уходили на дѣтскую пеловнику дѣла, не успѣвъ даже произнести заключительное воззваніе вѣрши къ родителю: «И намъ, дѣтямъ, праздникъ велий сотвори!»

Припоминалъ я также Петра Омича, какъ онъ, бывало, сидѣлъ въ школѣ и преподаетъ намъ російскую грамматику. Между школьниками хохотъ, драка; смѣльчаки перебѣгаютъ на четверенькахъ съ мѣста на мѣсто, отъ скамьи къ доскѣ; нѣкоторые подползаютъ подъ самый учительскій столъ. Петръ Омичъ все неподвижно сидѣтъ на стулѣ, положивъ голову и руки на классный журналъ и, казалось, ничего этого не видитъ и не слышитъ. Вдругъ, по мановенію нашего нибудь затѣйника, въ комнатѣ наступаетъ мертвая тишина. Петръ Омичъ подниметъ голову, смотритъ на насъ такъ грустно, такъ жалобно, что изъ состраданія къ нему снова начинается неистовый шумъ, и снова голова учителя опускается на прежнее мѣсто. Такъ приятно было Петру Омичу о чемъ то мечтать подъ классную кутерьму и такъ жаль было расставаться съ нею! Мы сперва думали, что въ это время онъ спитъ; но разнообразные опыты убѣждали насъ въ противномъ: воспитатели поплаутились за это даже частію своихъ волосъ... Но иногда въ этомъ классномъ шумѣ раздавалась ужъ черезчуръ звонкая затрепанина и отвѣчалъ на нее тотчасъ же неистово звонкій крикъ: тогда только Петръ Омичъ вставалъ съ своего мѣста, начиналъ медленно ходить изъ угла въ уголъ и давалъ намъ наставленія. Мы ровно ничего не понимали изъ этихъ наставленій, хотя говорили онъ долго, богу запылки, до самаго звонка...

Мы любили Петра Фомича. Намъ привлекало къ себѣ его грустное лицо, намъ нравились его курчавые черные волосы, придававшие много красы его блѣднымъ щекамъ; мы не боялись его робкаго, постоленно увлажненнаго взгляда. Разъ онъ явился въ классъ въ слезахъ и цѣлый часъ проплакалъ. Въ то время—какъ мы узнали, — умерла у него жена. При видѣ его печали мы притихли. Но онъ махнулъ намъ обѣими руками и съ умоляющимъ взглядомъ произнесъ: «Шумите, Бога ради, шумите!» Мы невольно повинувались и, какъ бы угадавъ потребности его большаго сердца, весело и беззаботно разшумѣлись. А онъ глядѣлъ на насъ, молчалъ и плакалъ... Съ этого времени мы замѣтили особенную мягкость въ обращеніи Петра Фомича съ нами; онъ рѣшительно пересталъ насъ наказывать, часто подходилъ къ мальчикамъ и гладилъ ихъ по головкамъ, разъ даже подбѣгалъ ученика, который отвѣтилъ ему урокъ безъ ошибокъ:—обыкновенный примѣръ вѣжности въ нашей школѣ!

Все же, однако, думалъ я, не могу представить себѣ Петра Фомича, какъ нашего школьнаго оратора. Такихъ ораторомъ являлся у насъ штатный смотритель, и только онъ одинъ. Его рѣчи заучивались даже нами и произносились на торжественныхъ актахъ къ «почтеннѣйшимъ посѣтителямъ». Правда, произносить рѣчь съ приличною минимкою, съ поворотами направо и налево, съ указаніями на известные предметы, училъ насъ Петръ Фомичъ, но училъ такъ безтолково, что мы его и здѣсь не понимали. Бывало, дня за два до акта, намъ объявляли походъ въ поле, въ лѣса, въ сады, за цвѣтами. Подъ предводительствомъ болѣе взрослога мальчика, партіи школьничковъ врывались въ городскіе сады и огороды, безжалостно опустошая флору, перелѣзали плетни, заборы, съ шумомъ и крикомъ равсыпались по полю... Это было для насъ самый веселый праздникъ. Сколько бывало приключеній всякаго рода! Сколько рѣзвости являлось въ нашей безтолковой бѣготѣ къ какому нибудь цвѣтку, который замѣтно красовался гдѣ нибудь вдали, поверхъ зеленой травы! Ловкій мальчикъ всегда срывалъ такой цвѣтокъ, не подпустивъ къ нему толпу шатовъ за двадцать. У этихъ ловкихъ, у этихъ счастливичковъ, нестрѣли огромные букеты въ рукахъ, въ то время какъ у другихъ не было еще ни одного цвѣтка. Но къ вечеру кое-чѣмъ наполнялись руки каждаго, а иные тащили на себѣ цѣлыя вязанки травы. Вернуться въ школу съ пустыми руками было бы стыдно: самъ штатный смотритель встрѣчалъ насъ и мѣрялъ своими взглядомъ дневные труды

каждого, — одинъ хвалилъ, другимъ дивалъ нагоняи, надъ третьими подсмѣивался. Все принесенное нами сваливалось въ кучу. На слѣдующее утро начиналась новая работа: плели гирлянды и вѣнки, утыкали ими стѣны, двери и окна комнаты, гдѣ должно было происходить ученическое торжество, усыпали поля травомъ. Затѣмъ являлись дѣвочки, также въѣздъ съ нами учившіяся въ школы; онѣ приносили букеты розъ, бѣлыхъ лилій; ихъ цвѣты оказывались всегда лучше нашихъ и ставились въ стаканы съ водою на столахъ, покрытыхъ красными сукномъ. Въ комнатахъ, такимъ образомъ убранныхъ, тотчасъ перемѣнялось освѣщеніе; мы не узнавали своего обыкновенно грязнаго жилища; всюду распространялось благоуханіе цвѣтовъ, всюду было свѣжестью недавно сорванной зелени...

Тутъ то выступалъ на сцену Петръ Омиичъ, а съ нимъ и ученики, назначенные къ произнесенію рѣчей. Въ виду разставленныхъ стульевъ, передъ цвѣтами и зеленью, производилась по нѣсколько разъ репетиція. Петръ Омиичъ обыкновенно суетился, бывалъ не въ духѣ, даже сердился, причѣмъ дѣлалъ намъ длинныя наставленія, которыхъ мы все-таки не понимали.

Помню, какъ на одномъ изъ подобныхъ торжествъ Петръ Омиичъ выручалъ меня изъ бѣды и тѣмъ поддержалъ честь нашего заведенія. Я назначенъ былъ къ произнесенію торжественной рѣчи. Едва успѣлись гости, какъ я, мальчикъ лѣтъ восьми, уже стоялъ посреди комнаты и громко произносилъ: «Почтеннѣйшіе посѣтители! Дерзаю помыслить о благодарности за столь лестное для насъ вниманіе ваше къ нашему скромному торжеству»... На послѣднихъ словахъ мой голосъ задрожалъ, я почувствовалъ припадокъ необыкновенной робости, растерялся — и крупныя слезы не дали мнѣ сказать больше ни слова. Тогда Петръ Омиичъ потянулъ меня за руку назадъ, а самъ сталъ на мое мѣсто. Снова изъ устъ его послышалось: «Почтеннѣйшіе посѣтители!»... и вслѣдъ затѣмъ произнеслась вся рѣчь, надъ которою я такъ жалобно оборвался. Мнѣ говорили, что онъ растрогалъ слушателей и произвелъ полный эффектъ; но за стыдомъ и слезами я не могъ его слышать. Вотъ единственный случай, гдѣ бы могъ я видѣть его, какъ публичнаго оратора; но случай этотъ отъ меня ускользнулъ, и неудивительно, что я считалъ Петра Омиича все-таки неспособнымъ ораторствовать съ успѣхомъ.

У меня явилось желание снова обняться съ Петромъ Ѳомиичемъ и послѣ десятилѣтъ гнѣтъ провѣрить на немъ востановившаго своего дусова. Въ это время онъ жилъ уже не на кофѣ, на полной кашеи. Мѣлкимъ его находилось въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ города. Это была комната, довольно грязная, съ огромною печью; вдоль стѣны стояло съ полдюжины полеманскихъ стульевъ; на стѣнахъ висѣли за стекломъ гравюры «историческаго содержания», на которыхъ можно было видѣть только безчисленные слѣды мучъ; столыки по угламъ покрыты были грязными екатертинами; надъ кроватью висѣла картина что-то похожее на этажерку; тамъ помѣщались и книги въ кожаныхъ переплетахъ, и стаканы, и чайникъ, и бутылки, штофики, и все движимое имущество Петра Ѳомиича. Самъ онъ, при тускломъ освѣщеніи маленькихъ оконъ, мечосный, небритый, въ длиннополомъ, запачканномъ сюртукѣ, казался самою необходимою принадлежностью своего грязнаго жилья. Въ разговоръ вступалъ онъ неохотно, больше молчалъ и, сядя на стулѣ, протянувъ ноги и положивъ на нихъ руки, серьезно производилъ обороты большихъ вальцевъ одинъ около другаго. Глаза его, постоянно устремленные въ одинъ изъ угловъ комнаты, переполнены были влагою, готовою излиться слезами; нѣкогда черные, курчавые его волосы покрылись сѣдиною, а еще больше перьями и пухомъ; лицо его приняло цвѣтъ изжелта-смуглый и было такъ неподвижно, что ни одинъ мускулъ не шевелилъ его разъ навсегда установившагося выраженія. Трудно опредѣлить это выраженіе. Оно не было отпечаткомъ сильной печали, какую видншь порою на лицахъ людей, безмолвно глядящихъ на трунъ брата, друга, матери; оно не было выраженіемъ внутреннего томленія, какое встрѣчаешь на лицѣ человека, который взвѣшиваетъ всю тяжесть испытываемаго имъ горя; оно не было и взглядомъ бѣдняка, при видѣ пожара, охватившаго со всѣхъ сторонъ его единственное имущество... Нѣтъ, въ немъ не замѣчалось ни печали, ни тяжелого раздумья, ни безнадѣжи. Казалось, все это соединилось въѣсть и приняло образъ того велишняго смиренія, которое такъ непріятно поражаетъ собою наблюдателя, которое, какъ говорится, ниче гордости. Но это смиреніе въ Петрѣ Ѳомиичѣ являлось несомнѣнно не затянута-тымъ; оно было просто, неподдельно.

Какъ-то рѣчь зашла у насъ о школѣ, о прежнемъ учительствѣ Петра Ѳомиича. Онъ нѣсколько оживился, заговорилъ, и тутъ въ первый разъ я примѣтилъ въ немъ наклонность поораторствовать.

— Ученое поприще, говоритъ онъ — самое благородное поприще. Умалчу я тебѣ, что оно себѣ опредѣляетъ умъ человека, который на немъ шествуетъ; умалчу только на то, какъ на немъ сердце услаждается. Слава Богу, я прослужилъ учителемъ двадцать пять лѣтъ, и могу откровенно сказать, что меня никто не бранитъ. Правда, будучи на службѣ, много мальчишка я оставлялъ и безъ обѣда, билъ нагишомъ по рукамъ и даже отсылалъ въ сторожку (*); но все это за дѣло, и грядущий—мальчишкѣ этой теперь уже ассессоръ или совѣтникъ и, встрѣтившись со мной, ласково кланяется, прежде чѣмъ я успѣю снять своей картузъ. Вотъ что, говорю, услаждаетъ сердце человѣка на ученомъ поприщѣ! Этого не почувствуешь въ другой службѣ: судью нашего бранять, городничаго тоже, а лекаря—такъ и Богъ съ нимъ! Я и самъ виню его въ смерти моей покойницы Глаши....

При этомъ влага, наполнявшая глаза Петра Фомича, покатилась по щекамъ его двумя слезами.

— Опять и то скажу, продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія: никто не укоритъ меня пристрастїемъ или лихоимствомъ. Признаюсь откровенно, что, поступая на службу, я прельщался такими пороками, видя, какъ моему батюшкѣ, передавшему мнѣ и свое мѣсто, приносить—бывало къ празднику гуся, колбасу, булку или вязку бубликовъ; признаюсь откровенно, что это и побуждало меня, еще мальчишка, стремиться на ученое поприще. Но, вступивши на него, я увидѣлъ ясно, что гуся, колбасы и бублики моего батюшки были не взятками, а только знаками почтенія родителей тѣхъ дѣтей, коимъ онъ преподавалъ российскую грамматику. Я самъ впоследствии получалъ ихъ и говорю отъ чистаго сердца, что это не взятки. На ученомъ поприщѣ нѣтъ взятокъ... по крайней мѣрѣ при нашемъ училищѣ; тамъ гдѣ нибудь повыше, быть можетъ онѣ и водятся; но у насъ—умываю руки, не случаются! И это не мало услаждаетъ сердце: все вокругъ тебя—и домъ, и мебель, и прислуга—нажито праведно; не укоритъ тебя совѣсть, не проклянутъ люди...

При этихъ словахъ Петра Фомича я невольно снова откинулъ всю обстановку его жизни.

— Правда, перебилъ онъ меня, какъ бы угадывая мою мысль,

(*) Мѣсто, гдѣ сидѣли розгами и гдѣ жилъ училищный служитель, сторожъ.

права, меня не окружают никакие благодобривающае собственнѣ; теперь, какъ и за всю мою 25-ти лѣтнюю службу, я начинаю жить вѣду съ какой-нибудь отощаніемъ, съ какой-нибудь небольше; не считаю за приличное обременять себя и содержаніемъ прислуги, которой ничего у меня и дѣлать... А все же не мало сердцу возмущенія отъ помышленій, что я не присвоить себѣ ничего незаконно, ничего чужаго. Такъ угодно было Богу, который ничтою освободилъ меня отъ покушеній міра сего, ваче же отъ гордости, самолюбія и сластолюбія, сопряженныхъ съ большими имуществами...

Въ этомъ старикѣ, думалъ я, слушая подобныя разсужденія, въ этомъ, какъ говорить, сосудѣ опытности—и столько наивно-дѣтскаго!

— Но и ученое поприще, замѣтилъ Петръ Ѳомичъ, и оно, какъ и всякое другое, имѣетъ свои подводные камни. Паѣхать на нихъ—да уберезеть Господь! Да не попуститъ онъ дьяволу разставлять сѣти соблазна и заманивать на какую либо прихоть! Это по истинѣ тотъ путь, на которомъ, какъ сказано въ грамматикѣ Востокова въ примѣръ на знакъ мыслетдѣлительный: «одинъ шагъ — и ты пропалъ», т. е. одинъ шагъ сдѣлай и ты пропалъ.

Однако я не могъ понять, какого рода этотъ подводный камень, а потому допытывался у Петра Ѳомича.

— Сей камень—сѣти діавола, отвѣчалъ онъ лаконически.

Я опять—таки не понималъ.

— Прихоть, прихоть! прибавилъ онъ въ поясненіе.

Но и отъ этого поясненія мысль Петра Ѳомича не сдѣлалась для меня ясною.

Я сталъ часто навѣщать Петра Ѳомича. Мнѣ казалось, что онъ меня любитъ, и что я его развлекаю. Онъ сталъ заговаривать со мною даже языкомъ ищени. Божь этого жъ онъ выражался такъ книжно, уснащалъ свою рѣчь такими странными цитатами, округлялъ ее въ такіе непопулярно-длинные періоды, что, слушая его, я думалъ: такъ, вѣроятно, Петръ Ѳомичъ говорилъ и въ нашей школѣ, бесѣдуя съ дѣтьми; оттого они и неразумѣли его наставленій. Бѣдные! не слѣдовало такъ говорить съ ними. Странно, въ самомъ дѣлѣ: въ литературѣ

въ то время дѣйствовали уже Нуншпигль, а въ янголь нашей господствовалъ еще языкъ Лемонсова. У меня обранилось нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ то время въ нашу училищъ; все онѣ такъ далеки отъ современныхъ имъ интересовъ науки и литературы и написаны такимъ страннымъ языкомъ, что по всему ихъ слѣдуетъ отнести къ временамъ до-скатеривинскимъ.

Мнѣ извѣстно было, что Петръ Оомичъ пьетъ горькую; но мнѣ казалось, что онѣ пьетъ ее лишь оттого, что мѣтъ у него никакихъ развлеченій. Отдѣлившись отъ общества, онѣ жилъ только своимъ прошлымъ, ничего не вѣдалъ и не хотѣлъ вѣдать, что дѣется на Божьемъ свѣтѣ. Эта отдѣльность отъ общества, а главнымъ образомъ — горькая, казалось мнѣ, и ведутъ его на тотъ подводный камень, на тотъ опасный путь, пагубность котораго онѣ подкрѣплялъ прамъромъ изъ грамматики Востокова.

Я намекнулъ объ этомъ Петру Оомичу.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите этого! отвѣтилъ онѣ съ убѣжденіемъ. Горькая—это лекарство. Она отвлекаетъ меня отъ грѣшнаго ушнѣа и поддерживаетъ мою жизнь, которую христіанскій законъ повелѣваетъ всячески беречь на пользу нашихъ ближнихъ. Много цѣлебныхъ травъ разсыпано благодѣтельною природою на пространствѣа земнаго шара единственно для этой цѣли, и разумъ человѣчскій обязанъ испытать ихъ свойства на враченіе своего тѣлннаго жилища. Между этими травами занимаетъ неслѣднее мѣсто горьчайшая, но полезнѣйшая трава—полынь. На врачевныя свойства ея извѣдаль мнѣ лично указать нашъ многоуважаемый (царство ему небесное!) Иванъ Ивановичъ, и прибавивъ къ тому, что самъ онѣ сорокъ лѣтъ испытываетъ на себѣ ея силу и вѣрить въ нее какъ въ свои пять пальцевъ. И констинѣ, цѣлбная трава! Какъ только начнутъ, бывае, дѣвить меня тяжкія воспоминанія о моихъ горькихъ утратахъ и обо всѣхъ грѣхахъ моей протекшей жизни, и отъ того давленна вачность трасти меня какъ въ лихорадкѣ, а сталъ неуклонно приближаться къ цѣлбтельному напитоку—и согрѣвался! Даже въ сырые и студеныя дни, выходя на улицу подѣа прикрытіемъ единственно формальной одежды, я ощущалъ въ себѣ прѣтвную теплоту, весело меня несколько обманности своей службѣа и называлъ прекрасный примѣръ изъ грамматики Востокова:

Хоть весной и теплоею,
А зимой холодеюю,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже!

— Но не слѣдуетъ слишкомъ ужъ приучать себя къ помощи лекарей, замѣтилъ я Петру Фомичу.

— О, да, да! Не должно, поистинѣ не должно гнѣздить свое тѣло, угождая ему во всемъ и тѣмъ создавая себѣ прихоть... Да сохранить отъ этого Господь! Прихоть, единственно прихоть повлекла меня на нечистый путь, отуманила передо мной поприще моей службы и навела меня на тотъ подводный камень, о который разбилося зданіе моихъ трудовъ и лѣтъ.

— Но еще не поздно своротить съ этого пути, продолжалъ я убѣждать Петра Фомича: сила воли.. общество.. развлеченіе...

— И не говорите!.. Нѣтъ, нѣтъ! Я уже старъ, близокъ къ смертной болѣзни, и грѣхи всей моей жизни грозятъ мнѣ вѣчнымъ осужденіемъ. Нѣтъ мнѣ утѣшеній и въ благородствѣ того служебнаго поприща, на которомъ я нечестиво шатаюсь. Правда, меня не бранятъ люди, а бывшіе мои ученики всегда привѣтствуютъ меня поклоненъ, прежде даже чѣмъ я успѣю снять свой картузь; правда, меня не упрекнутъ лажимствомъ... Но сердце мое трещетъ и свѣтъ мой прачется отъ ока праведнаго судія... Прихоть меня погубила!..

И Петръ Фомичъ залился слезами.

Растроганный, онъ тутъ же сообщилъ мнѣ главную повесть своей жизни, и тогда только понялъ я, что онъ разумѣлъ подъ словомъ—прихоть. Горько, горько сказала мнѣ его оригинальная исповѣдь!

— «Еще при жизни моего батюшки, говорилъ Петръ Фомичъ, довелось мнѣ быть учителемъ въ домѣ добрыйнаго и всѣми уважаемаго помещика нашего уѣзда, жившій по волѣ Божіей покойника, Онуферія Федосѣевича; благоволяющее нечтить меня сою священною обязанностію. Благословеніе Господне ниспослано было на этотъ домъ: богатство, обиліе во всемъ, любовь, смиренномудріе витали вокругъ Онуферія Федосѣевича—и я, недостойный, витался отъ этихъ сокровищъ! Тамъ я вкушалъ много сладкихъ блюдъ, узналъ, какъ живутъ безмяте, видѣлъ мнѣ радости и горесть. Позабылъ я, обуянный гордостью, отцовскія ши и каму, члвы свои покоялъ на хитроустроен-

нать диванчикъ и кресель, голову свою оплелалъ на мягкія шпелюва, былъ какъ дома въ семьѣ людей богатыхъ и вельможныхъ—и наказалъ меня Господь! Позабылъ я приличный напой братиѣ низочный уголокъ...

«Такъ я встрѣтилъ и существо, съ которымъ тѣснѣйшими узми сопрягла послѣдующая моя жизнь. То была несравненная моя Глаша. О, еслибы видѣли вы этотъ цвѣтокъ невинности и красоты! Языкъ мой измѣлтъ... Боже, прости грѣшного раба твоего!

«Въ ту пору скончался мой батюшка, и я посидѣлъ за нимъ его мѣсто. Добрейшій Онуфрій Федосѣевичъ неуклонно содѣйствовалъ мнѣ въ этомъ, хотя мнѣ и прискорбно было разлучиться съ его домою, а наиболѣе всего—разлучиться съ Глашей. Она была бѣдная сиротка, приголубленная подъ радушнымъ крыломъ Онуфрія Федосѣевича. Что будетъ съ нею, съ этою невинною птичкою, когда (Боже избави!) скончается ея благодѣтель? Заключотъ ее злые люди, какъ коршунъ, погубятъ мою Глашненьку!.. Такъ думалъ я, такъ изволилъ думать и самъ Онуфрій Федосѣевичъ, а однажды, совсѣмъ для меня неожиданно, промолвилъ онъ ко мнѣ отеческое свое слово: «женись!»

«Тридцать лѣтъ прошло уже съ того незабвеннаго времени, и я, старикъ, помню его какъ вчерашній день. Помню свою невыразимую радость при одной мысли, что Глаша будетъ моею, что судьба ея соединится съ моею судьбою самыми тѣсными узми; помню, какъ мы съ нею обнялись, поцѣловались... О, забудьте на этотъ разъ во мнѣ старика, и вообразите, что это говоритъ окаянный грѣшникъ, припомнившій какъ Адамъ райскую свою страну и забывшій, что рай его исчезъ, что остается лишь въ потѣ лица обрабатывать ту нечистую землю, изъ коей онъ созданъ. Понстинѣ, въ то время я чувствовалъ себя въ раю, которой низпосланъ былъ мнѣ въ сей жизни одинъ разъ и навсегда, для того чтобы я прилежнѣе готовилъ себя для вѣчной блаженной жизни. Но я не уразумѣлъ сей небесной ко мнѣ милости, погнался за суетою и, потерявши свой рай, потерпѣлъ вѣру въ грядущее, унывалъ, отчаявался... Годы бѣжали—и благоуханная моя молодость отцвѣтала, принесши, вмѣсто плодовъ, волчецъ и терніе.

«Я вступилъ въ законный бракъ и, вмѣстѣ съ Глашей, перешелъ изъ деревни Онуфрія Федосѣевича въ городъ на службу. Все вокругъ меня измѣнилось. Богатые палаты замѣнились избушкой, сладкія блюда—кислыми и горькими, мягкія шпелюва—пестянами.

Добрыйшии Онуфрій Федосѣевичъ мени и Глашню изволилъ отечески благословить на новое житіе инокой; хлѣбомъ и солью, но не благовѣстно наградить никакимъ имуществомъ, обещающъ водить мнѣ въ дальнѣйшемъ, «насколько мы достойны будемъ новыхъ его милостей. Къ этому еще изволилъ еще прибавить наставленіе, что молодые люди обязаны трудиться всѣми своими силами, не ждая нѣтъ на осуществленіе своего счастья. Я повиновался. Силы мои не знали злобредной праздности; но духъ мой погнался за суетою—и гнѣвъ Божій постигъ мени.

«Не для себя собственно пошелъ я симъ нечистымъ путемъ, не для себя прилѣпился мыслями къ сокровищамъ міра сего: все для нея, для моей ненаглядной и отъ бѣдности чахнувшей Глашиньки... День и ночь сталъ я помышлять о томъ, какъ бы успокоить ея тѣло, какъ бы склониться ей головою на изголовье лебяжьяго пуха, погѣжить члены на хитроустроенныхъ диванахъ и креслахъ, подсластить жизнь горькой пищеты яствами сахарными. Но силъ моихъ мало было на приобрѣтеніе сихъ сокровищъ. А Глашинька чахла.

«Два года прошло, а я лишь думалъ да думалъ. Наконецъ успѣлъ я собрать своими трудами достаточное количество денегъ, такъ что заказалъ столяру дорогое кресло, точь въ точь такое, какое было у добрейшаго Онуфрія Федосѣевича и на какомъ бывало отдыхала Глашинька, читая мнѣ вслухъ занимательную книжку. Для этого, взявши съ собою столяра, поѣхалъ я къ Онуфрію Федосѣевичу. Онъ принялъ меня (да наградить его Господь въ томъ мірѣ!) радушно и какъ равнаго себя человѣка. Когда же я объявилъ ему цѣль своего прѣзда и попросилъ снять образецъ съ кресла для Глашиньки, онъ отечески изводитъ замѣтить мнѣ, что я затѣваю, по молодости своей, нѣчто глупое, неподходящее къ моимъ средствамъ жизни. Онуфрій Федосѣевичъ былъ совершенно правъ, но я не послушался его благосклоннаго наставленія. Это была величайшая ошибка въ моей жизни. На нее поистинѣ навела меня прихоть, одна прихоть, растеніе того поля, на которомъ—какъ справедливо сказано—«одинъ шагъ—и ты пропадъ», т. е. одинъ шагъ сдѣлай и ты пропадъ!

«Послѣ этого несчастнаго случая я уже болѣе не удостоился видѣть Онуфрія Федосѣевича; но полагаю, что еще справедливо могъ на мени гнѣваться. Я ослушался, я не согласился съ нимъ въ мысляхъ насчетъ кресла. Умирая, еще въ завѣщаніи своемъ не изволилъ упо-

минути ни меня, ни Глаши, и тѣмъ ясно показалъ, что мы не достойны были его дальнѣйшихъ милостей. Поучитесь изъ этого притѣра, сколь много можно потерять единственно оттого, что дерзнемъ неоднаково обращаться съ своимъ благодѣтелемъ, и чрезъ то сколь легко стаетъ къ нему даже въ положеніе человѣка неблагодарнаго!

«Между тѣмъ Глашынъка носила уже во чревѣ своемъ и время родовъ приблизилось. Непредвидѣнные расходы по случаю болезни ея не позволили мнѣ выкупить заказанное и уже готовое кресло. Не суждено мнѣ было на немъ поконтъ Глашынъку. Она чахла съ каждымъ днемъ больше и больше, часто изволила гнѣваться на мои ласки, иногда прогоняла меня отъ себя... требовала, чтобъ я величалъ ее Глафирой Ивановной... Такъ она и упокоилась вѣчнымъ сномъ... Почти Глафирой Ивановной... Но у меня, старика, въ сердцѣ жила и живетъ все прежняя Глашенька!»

— Да вашъ добрѣйшій Онуфрій Федосѣевичъ былъ подлець! невольно воскликнулъ я, видя, что Петръ Омичъ, окончивъ свой рассказъ, принялся оплакивать свое горькое одиночество.

— И ни, ни! Какъ можно! сказалъ онъ, схватившись со стула. Боже васъ сохрани такъ думать!..

И я увидѣлъ, что мое замѣчаніе непритворно оскорбляло Петра Омича.

Не разъ еще довелось мнѣ выслушивать подобныя же признанія Петра Омича. Ясно, что онъ находился въ положеніи кающагося; онъ изрекъ надъ собою осужденіе во всемъ и въ этомъ, быть можетъ, полагалъ свое спасеніе. Странными звуками отдавались въ ухахъ моихъ его рѣчи, полная дѣтской наивности, то важной, то готовой излиться въ сарказмъ. Я ждалъ, что истина начинаетъ открываться передъ нимъ; но вдругъ сарказмъ, оказавшійся какъ бы случайно, велъ его къ новому наивному самоосужденію. Порою я думалъ: не притворство ли это? Но нѣтъ—вся фигура говорившаго Петра Омича дышала полною искренностью. Такъ запугала его бѣдная жизнь! Такъ извратила въ немъ естественный поворотъ мысли!

Не знаю, живъ ли еще Петръ Омичъ? Во всякомъ случаѣ доброе помню его имя. Много наставниковъ и много наставленій слышитъ каждый, пока проходитъ долгую школу своей жизни. Какое дѣло намъ до правоты ихъ мнѣній: не за нихъ мы должны произно-

сить свое осужденіе. О, еслибъ нельзя было прятаться за блестящую связку словъ! Еслибъ можно всюду и всегда слышать слово, звучащее прямо отъ сердца! До какой бы неслучности опустились въ глаза наши безчисленные идолы нашего міра! Какой высокой мѣры потребовалось бы для опредѣленія истинныхъ достоинствъ человека! А теперь, а безъ этого, и какой нибудь Петръ Фомичъ занимаетъ не последнее мѣсто въ ряду нашихъ наставниковъ...

Н. В.—ВЪ.

1861 года.
Декабрь.

Ночь Геллогавала.

Импровизація.

Когда отъ шумныхъ сатурналій
Всесильный цесарь отдыхалъ,
И золотыхъ его сандалій
Губами льстецъ не отиралъ;
Когда въ порфировомъ чертогѣ
Переставалъ куриться нардъ,
И, чуткій сторожъ, леопардъ
Дремалъ на яшмовомъ порогѣ, —
Какія думы, что за сны
Въ душѣ тирана возникали
Среди полночной тишины,
На ложѣ пурпурномъ? Всегда-ли
Надменный разумъ ослѣпили
Красы вакханокъ молодыхъ
И раболѣпіе столпцы,
Гдѣ полубогу въ колесницы
Впрягали Римлянокъ нагихъ,
И ликъ его несли въ божицы...

Нѣтъ, не побѣды въ честь боговъ,
Не ласки тайныя весталокъ,
Ни дождь нарцисовъ и фіалокъ,
И всё немстоства пировъ,
Содомской оргіи остатокъ...
Ни блюда изъ верблюжьихъ пятокъ
И соловьиныхъ языковъ...

Ивня, смутныя видѣнья
 Въ ночи у деспота гостять,
 И тяжелы минуты бдѣнья
 Подъ сводомъ мраморныхъ палатъ.
 Тамъ голубая полночь Рима
 Темницей душною стоитъ,
 Фонтановъ лепеть нестерпимо
 Какой-то жалобой томить...
 Тамъ стоны слышатся съ арены,
 Гдѣ львы, и тигры, и гиены
 Терзаютъ блѣдыхъ христіянъ,
 Гдѣ крови цѣлый океанъ
 Въ угоду буйной черни пролить;
 И жертвы черныхъ дѣлъ и смуть
 Глазамъ безсоннымъ предстаютъ...
 Напрасно бога гроздїй молятъ
 Онъ о забвенїи:— вино
 Въ амфорахъ въ кровь превращено...
 И блескъ свѣтильника ночнаго
 На орнаментѣ золотомъ,
 Тирани кажется мечомъ
 Преторїанца подкупнаго...
 И призраковъ не заслонить
 Ни золотой минервинъ шить,
 Ни пурпуръ цесарской хламиды.
 Изнеможенный утра ждетъ...
 И утро грозное идетъ —
 Съ бичомъ правдивой Немезиды.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

(Воспоминанія старой институтки).

Провинціальная жизнь какъ-то особенно располагаетъ къ воспоминаніямъ о быломъ. Тѣмъ охотнѣе обращаешься къ прошлому, чѣмъ меньше интересуешь настоящее; пережитыя впечатлѣнія, какъ бы тяжелы ни были, имѣютъ свою прелесть, свое увлеченіе. Все ѣдкое въ нихъ уноситъ время, и въ памяти остаются однѣ свѣтлыя черты, незамѣтныя прежде, но теперь выясняющіяся по мѣрѣ того, какъ отрезвляетъ дѣйствительность и мысль объ утраченной молодости и ея бодрыхъ силахъ теряетъ свою прежнюю горечь... Поселившись въ деревнѣ, среди глухаго и полумертваго міра, не имѣя кругомъ себя ни общества, ни книгъ, ни друзей, ни предметовъ для размышленія и симпатіи, я стала перечитывать свои записки. Въ нихъ сохранилось многое изъ исторіи моей жизни, сохранилось въ томъ свѣжемъ и правдивомъ видѣ, какъ я заносила въ нихъ событія и думы. Все, что волновало меня въ извѣстныя минуты, я записывала подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія и старалась передать его, какъ можно проще и искреннѣе. Воспоминаніе о моемъ дѣтствѣ особенно затронуло мое вниманіе, и я

рѣшилась передать его публикѣ, какъ фактъ, не лишенный вѣкотораго интереса.

Давно я оставила школьную скамейку, но доселѣ живо рисуются передо мной и дѣла, и лица того заведенія, гдѣ я провела лучшіе юношескіе годы, а прошли эти годы очень быстро, но зато и бесплодно. День выпуска былъ для меня какъ и для другихъ, днемъ вождѣльнымъ; впереди предвидѣлась жизнь, а за порогомъ школы оставались однѣ привидѣнія и темные образы келейнаго воспитанія... Въ наше время придавали ему такое же значеніе, какое садовники придаютъ уходу за огородными овощами. Въ немъ было все чинно, съ виду правильно и симметрично, а какъ всмотришься поглубже,—неурядица вопіющая. Отъ преподаванія мы ничего не ждали, да и трудно было чего нибудь ожидать; многіе изъ учителей являлись на лекціи единственно для нашего развлеченія, засыпая, на кафедрахъ или повторяя то, что за десять лѣтъ было говорено ими. Случалось нерѣдко, что вся лекція проходила въ разговорѣ о томъ, кто что видѣлъ, слышалъ, рассказывались городскія сплетни, анекдоты, и надо признаться, что это были самыя интересныя лекціи. Послѣ классовъ начиналось заучиваніе уроковъ въ *долбляжку*, такъ что на другое утро мы чувствовали себя нагруженными разными свѣдѣніями, но къ вечеру все это исчезало, и голова, какъ пустое лукошко, снова готова была принимать въ себя все, что въ нее ни положить.

Начальница наша, которую мы называли *Матан*, была старушка добрая, но дотога равнодушная ко всему, что дѣлалось вокругъ нея, что она управляла нами, какъ провидѣніе, издали, съ другой планеты. Мы едва знали, едва видѣли ее,—развѣ въ большой праздникъ для поздравленія, въ пріѣздъ значительнаго лица, да еще во время расправы съ *черезъ-чуръ* провинившейся воспитанницей. Поэтому *Матан* была для насъ чѣмъ-то въ родѣ *буки*, которою пугаютъ маленькихъ дѣтей; между нами и ею не было ни малѣйшей внутренней симпатіи, ни одной точки для взаимнаго сближенія или пониманія... Что же касается наставницъ, то положеніе ихъ было не столько комическое, сколько жалкое. Большая часть изъ нихъ были старыя дѣвы, не безъ зависти смотрѣвшія на молодыя распускающіяся силы; вѣкоторыя изъ нихъ находили особенное удовольствіе—гнѣсти и уничтожать болѣе здоровыя юношескіе инстинкты. Вообще же, принимая обязанность изъ-за насущнаго куска хлѣба, не испытавшія ни ма-

теринскихъ чувствъ, ни семейныхъ наслажденій, онѣ постепенно тупѣли, и эту тупость и рутину проводили во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ. Все рѣзкое и живое казалось имъ ненормальнымъ; всякое свободное проявленіе личности, выходявшее изъ казенныхъ рамокъ, ихъ тревожило и возмущало. Онѣ невольно и также естественно давили другихъ, какъ жизнь придавила ихъ самихъ. Въ нашихъ отношеніяхъ къ нимъ не было ничего теплаго и задушевнаго; формальность проглядывала вездѣ... Были даже и такія наставницы, которыя, предусматривая за стѣнами заведенія богатую обстановку воспитанницы, старались купить расположеніе ея цѣной униженія и лести; подъ благовидными предлогами брались и взятки, смягчавшія строгую дисциплину въ отношеніи къ богатымъ дѣвушкамъ...

Но чтобы избѣжать въ этомъ письмѣ общихъ мѣстъ, давно избитыхъ возгласовъ противъ различныхъ неудобствъ закрытаго заведенія, противъ сырыхъ и мрачныхъ комнатъ, противъ пустоты скучнаго ученія, я прямо перейду къ живому типу, сохранившемуся въ моей памяти.

Мы были на переходѣ въ высшій классъ, когда привезли къ намъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Это была одна изъ тѣхъ большихъ и первеныхъ натуръ, къ которымъ, съ первой минуты, невольно чувствуешь симпатію. Маленькое существо, съ блѣднымъ, почти зеленымъ личикомъ, съ чрезвычайно выразительными глазами, которыхъ я и теперь не могу забыть, было любимо всѣми подругами; сначала Катя волновалась, не хотѣла покориться суровому ритуалу новой жизни, особенно въ первое время послѣ разлуки съ семействомъ, спорила до слезъ и, при малѣйшемъ противорѣчій, горлчилась; за ученье она принялась съ жаромъ, до всего допытывалась съ раздражительнымъ любопытствомъ, слушала, спорила, во всемъ искала смысла и объясненія, но, не встрѣчая ни сочувствія своей дѣтской пытливости, ни умныхъ отвѣтовъ на свои вопросы, бросила книги и вдругъ охладѣла къ занятіямъ. Зато какъ ревностно она принялась за наши домашнія дѣла, — стала въ головѣ воспитанницъ, руководила ихъ совѣтами, однихъ утѣшала, другимъ давала наставленія и, довольная этою дѣятельностію, старалась поддержать свое вліяніе. Мы всѣ спѣшили къ Катѣ, когда насъ озадачивало какое нибудь сомнѣніе или затруднительное обстоятельство. Окою нея не замедлялъ образоваться свой маленькій кружокъ, съ своими крошечными интересами, желаніями, цѣлями и даже тайнами. На пер-

выхъ же порахъ, насколько мы полюбили Катю, настолько возненавидѣли ее наставницы. Оригинальность умнаго ребенка, его пылкій и лихорадочный темпераментъ, его смысленный и пронизательный взглядъ на все окружающее, крайне не понравились нашей педагогической рутинѣ. *Дамы*, какъ мы называли эту рутину, столь неистощимыя на мелкую придирчивость, на всевозможныя тонкости затворническаго деспотизма, стали зорко слѣдить за каждымъ движеніемъ Кати, ловить каждое ея слово и строго, почти жестоко, выскрывать съ нея. Дѣвочка не подавала ни малѣйшаго повода къ притѣсненію или преслѣдованію ея, и все-таки ее не оставляли въ покоѣ. Кто знаетъ хоть нѣсколько, до какой классической изобрѣтательности можетъ доходить странная, ничѣмъ необъяснимая антипатія старой дѣвы или желчной гувернантки ко всему молодому, рѣзко выдающемуся изъ общаго уровня, кто знакомъ хоть немного съ обыденной обстановкой учебныхъ заведеній, гдѣ все подводится подъ одинъ масштабъ, все гнется въ дугу на основаніи тѣхъ или другихъ общихъ правилъ, тотъ пойметъ, что произволу не можетъ быть конца, если только злая наставница захочетъ гнать нелюбимую воспитанницу. Всякая мелочь обращается въ обвиненіе или пытку для этой послѣдней. Положеніе Кати было тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ больше она сдерживалась отъ всякихъ возраженій и отвѣтовъ. Когда обращались къ ней съ выговорами, допросами и внушеніями, она упорно молчала и, разумѣется, это не дешево стоило ея открытому и энергическому характеру. Бывало только поблѣднѣетъ вся, глаза заблестятъ, лицо судорожно передернется, но ничего не скажетъ. Въ этомъ отношеніи дѣти отличаются необыкновеннымъ умомъ, который мы не хотимъ признать за ними только въ силу нашего превосходства надъ ними по кулаку и заботности понятій. Мы смотримъ на дѣтей, какъ на что-то нисшее, стараемся съ ними говорить особеннымъ языкомъ, вводимъ ихъ въ сферу нашихъ интересовъ не иначе, какъ постепенно, думая, что имъ не слѣдуетъ знать того, что мы знаемъ, но тѣмъ самымъ мы готовимъ изъ маленькихъ нашихъ рабовъ будущихъ идіотовъ. Катя совершенно понимала своихъ наставницъ, и онѣ не хотѣли ей простить этого пониманія: «какъ—де смѣешь проникать въ насъ, — неисчерпаемую педагогическую премудрость?»

Въ числѣ институтскихъ гонителей Кати первое мѣсто принадлежало гувернанткѣ Б... Она воспитывалась въ нашемъ же заведеніи и, какъ сама рассказывала, ничего путнаго изъ него не вынесла. Дѣйствительно, образованіе ея было ничтожное, знаній никакихъ, но зато въ харак-

теръ ея сложились всѣ черты, необходимыя тюремному сторожу или отставному невыслужившемуся капралу. Въ это время ей было ужъ лѣтъ сорокъ; высокая, плотная и дебелая, съ правильными чертами лица, которыя и доселѣ могли сохранить ей названіе красавицы, она когда-то мечтала выйти замужъ за любимаго человѣка, но неудача замужества и оскорбленное самолюбіе разшевелили въ ней пошленькіе инстинкты. Она сдѣлалась хитрой, завистливой и злой, то безтолково-грубой, то приторно-фамиліарной. Ея деспотическимъ наклонностямъ много помогла та семейная обстановка, при которой она выросла; воспитанная подъ палкой родителей, m-selle Б... прямо поступила въ закрытое учебное заведеніе, которое въ ея время было безлично и нелѣпо. Послѣ выхода бѣдность заставила ее занять мѣсто гувернантки у русскихъ баръ въ деревнѣ, гдѣ она имѣла случай примѣнить на дѣлѣ то, что думала о воспитаніи и что приняла отъ него. Тираниа надъ дѣтьми составляла для нее какую то внутреннюю потребность, удовлетвореніе ея жизни. Въ обращеніи съ нами, она не стѣснялась никакими приличіями, употребляла площадныя слова, осыпала самой крупной бранью, кричала во время лекцій и давала своей правой рукѣ полное раздолье. Мы особенно боялись ея комнатнаго ключа, который она постоянно носила съ собой. Этотъ ключъ игралъ роль викванціоннаго орудія, которымъ она колотила насъ по лбу, по носу, по спинѣ и, въ припадкѣ злости, гдѣ ни попало. Одна дѣвица очень наивно увѣрила, что у нея вздернулся носъ оттого, что этимъ ключемъ была разрублена кость переносицы. Кромѣ того у Б... были острые ногти, которые она запускала за пелеринку и беспощадно царапала ими свою жертву. Были впрочемъ минуты, — *lucida intervalla*, какъ говорятъ въ домѣ съумасшедшихъ, когда Б... позволяла себѣ пошутить и посмѣяться съ воспитанницами; но едва мы, окруживъ ее, начинали увлекаться ея хорошимъ настроеніемъ, какъ внезапный взрывъ гнѣва все разстроивалъ, и Б... бросалась на насъ съ удвоеннымъ ожесточеніемъ. Исключительнымъ ея благоволеніемъ пользовались только богатыя дѣвицы, которыя правились ей добровольными приношеніями и общественными связями.

Вотъ эта-та самая Б... съ перваго взгляда возненавидѣла Катю и мучила ее съ систематической послѣдовательностью. Кто бы ни провинился, во всемъ была виновата Катя и за всѣхъ наказывалась. Положеніе бѣдной дѣвушки было невыносимое: она терпѣла и горько плакала.

«Не думайте, говорила она намъ, что я плачу оттого, что меня наказываютъ; нѣтъ, мнѣ больно, что у насъ такъ несправедливо поступаютъ; зачѣмъ не даютъ оправдаться: ну, скажите, за что она меня наказала?»

И Катя пускалась въ разсужденія, всё молча соглашавшись съ ея разумной дѣтской рѣчью и искренно жалѣли ее.

Одинъ, повидимому, незначительный случай окончательно вооружилъ старую дѣву противъ Кати. Вечеромъ мы сидѣли въ классѣ и учили исторію реформаціи Лютера. Б..., гулявшая по корридору, вдругъ вошла въ классъ:—Дѣти! обратилась она къ намъ, знаете ли вы, что такое реформація?

Преподаватель хотя и объяснялъ намъ, но такъ кудреватю и неясно, что многія изъ насъ рѣшительно ничего не поняли, и потому мы на вопросъ всё молчали, ожидая, что она скажетъ.

— Глупыя, начала снова Б..., учитесь и ничего не понимаете; хоть бы попросили объясненія: вотъ видите ли, тутъ свѣчка на столѣ, я беру ее и ставлю на фортепьяно, говорила Б..., перетаскивая свѣчу черезъ всю комнату; я перемѣнила ея мѣсто: вотъ вамъ и реформація, поняли? грозно крикнула она, оглянувъ насъ своимъ командирскимъ взглядомъ. Мы, конечно, молчали, поставленные въ туникъ таинствъ объясненіемъ.

Между тѣмъ визгливый смѣхъ раздался въ залѣ; мы всё оглянулись, узнавъ голосъ Кати; и какъ вліяніе ея на насъ было неотразимое, то смѣхъ ея мгновенно сообщился всѣмъ намъ, и мы, подхвативъ его, разразились общимъ перекатнымъ хохотомъ.

Эта дѣтская шалость, не имѣвшая въ себѣ ничего обиднаго, сильно разсердила бѣшеную гувернантку. Узнавъ, что зачинщицей была Катя, она съ этихъ поръ сдѣлалась ея злѣйшимъ врагомъ и рѣшилась мстить ей всѣми средствами, какими только располагала. Случай къ этому не замедлилъ представиться. Кроткая и милая Катя, униженная и оскорбляемая на каждомъ шагу, наконецъ потеряла терпѣніе и, какъ-то заговоривъ горячо, вступилась за себя и стала доказывать несправедливость своего преслѣдованія. Б... только это и нужно было. Разсвирѣпѣвъ, она бросилась на Катю, повалила ее на колѣни и ударила по щекѣ. Тутъ произошла одна изъ тѣхъ сценъ, ко-

торья мнѣ не привелось видѣть даже въ деревнѣ... Мы всѣ были перепуганы и возмущены этимъ варварскимъ самоуправствомъ, но о протестѣ нечего было и думать. Начальница на все смотрѣла чужими глазами и все объясняла себѣ чужимъ умомъ. Катя заболѣла и была отправлена въ лазаретъ, куда постоянно являлся къ ней наставницы съ допросами, бранью и угрозами. Не знаю, чѣмъ кончилась бы судьба этого умнаго ребенка, еслибъ у него не было матери, еслибъ Катя была сирота, не имѣвшая за стѣнами школы ни защитника, ни покровителя.

Мать Кати, узнавъ о происшествіи, рассказала его начальницѣ, которая наконецъ рѣшилась избавить насъ отъ ненавистой наставницы, погнавшей совершенно не на свое мѣсто. Б..., какъ ни хлопотала, какъ ни упрашивала и какъ ни интриговала, но на этотъ разъ не успѣла и принуждена была оставить заведеніе. Но выходъ ея, облегчивъ насъ, вовсе не облегчилъ положенія Кати; напротивъ, другія наставницы, изъ чувства мести, продолжали притѣснять ее до самаго окончанія курса. И надо было видѣть, какъ она въ послѣдніе два года опустилась, упала характеромъ и волей. Здоровье ея было разстроено окончательно; живая и дѣятельная натура превратилась въ сомлвную и апатичную; куда дѣвались и рѣзвость, и смышленость умной дѣвушки: отъ нея не осталось и тѣни той Кати, которую мы знали въ первые дни послѣ поступленія ея въ школу.

Давно я разсталась съ Катей, многое пришлось мнѣ видѣть и испытать; но чѣмъ больше я живу и наблюдаю, тѣмъ больше убѣждаюсь, что зародышъ нашего общественнаго гнета, придавившаго собой всѣ наши отношенія, гнета во мнѣніи, въ жизни, во всемъ, чѣмъ мы дышемъ,—зародышъ этого гнета лежитъ въ деспотизмѣ семейства и воспитанія. Здѣсь собственно начинается обезцвѣчиваніе нашей личности, которая подъ конецъ не удерживаетъ на себѣ ни одной человѣческой черты: все стирается до послѣдняго оттѣнка. Я видѣла многихъ изъ своихъ старыхъ подругъ, на разныхъ ступеняхъ жизни, богатыхъ и бѣдныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, и всѣхъ ихъ видѣла въ одномъ состояніи — совершеннаго самоуничтоженія. Гдѣ онѣ погубили свои силы, свою молодость—никто не скажетъ, немногія даже подумаютъ объ этомъ, а силы растрочены даромъ и молодость пропала безслѣдно. А вѣдъ всѣ мы, живо помнится, вступали въ жизнь съ надежда-

ми, съ жаждой дѣятельности, у всѣхъ были свои мечты и стремленія, и все это сгинуло прахомъ, когда начали дѣйствительно жить. Такъ для чего же воспитываютъ насъ? Неужели для того, чтобъ подъ старость вспоминать своихъ наставницъ, въ родѣ Б... и легіона подобныхъ имъ чудовищъ.

N. N.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Внутреннее состояніе Франціи въ теченіи минувшаго года.—Политика императорскаго кабинета. — Расширеніе централизаціи: графъ Валевскій и Виконтъ Серрюрье. — Распоряженіе г. Персинья. Обмануты надежды журналистики.—Отзывъ г. Геру касательно закона о подвисяхъ.—Министерство Фульда и его финансовыя мѣры.—Самозванецъ Помаръ и демократъ Абу.—Положеніе дѣлъ въ Италіи.—Бандиты подъ эгидою папы.—E viva l'Italia una!—Риказоли, преемникъ Кавура.—Симптомы итальянскаго соединенія.—Трагическое положеніе Испаніи.—Заблужденіе королевы насчетъ экспедиціи въ Санъ-Доминго и Марокко.—Мексиканскія дѣла.—Претенденты.—Народныя волненія и ультрамонахи — Португалія.—Швейцарія.—Перечень событій въ Германіи.—Скандинавскій вопросъ.—Турція.—Напрасныя попытки реформъ, предпринятыхъ Абдулъ-Азисомъ. Гдѣ корень турецкой болѣзни? Молдаво-Валахское соединеніе.—Англійскія колоніи и смерть принца-супруга —Трудное положеніе Америки.—Вопросъ о невольничествѣ.—Общій взглядъ на событія 1861 года.

Настоящее обозрѣніе политическихъ событій мы начнемъ съ Франціи и, не оставаясь подробно на мелкихъ событіяхъ минувшаго года, постараемся представить общую картину политическаго и моральнаго состоянія французской имперіи.

Достоверность свидѣній, сообщаемыхъ нами, надѣемся, не потеритъ нисколько, если мы здѣсь повторимъ нѣкоторыя мнѣнія знаменитыхъ историографовъ: г.г. Гранье, Лагероньера, Гранъ-Гилльо и др. Должно сознаться, что наше императорское правительство находится

въ апогеѣ своего величія. На ходячей монетѣ оно увѣнчано лавровымъ вѣнкомъ въ лицѣ своего представителя. Впрочемъ и это еще довольно скромно: какъ папа украшается тройною тиарою, такъ и императоръ могъ бы увѣнчаться тройнымъ лавромъ: крымской кампаніи, сольсферинской битвы и 2-го декабря. Ни одно имя, со временъ Наполеона I, не пріобрѣтало такой всеобщей исторической извѣстности, какъ имя Лудовика-Наполеона. Отъ Китая до Мексики, отъ Кохинхины до Новой Каледоніи, отъ Сиріи до Мадагаскара, отъ Казны до Ламбессы—этотъ государь, достойный удивленія самаго Макіавелли, управляетъ запутанными нитями своей непроницаемой политики. Его дипломатическая дѣятельность не отзывается вовсе заученными приѣмами шахматнаго игрока, какъ прежде думали; нѣтъ, она скорѣе напоминаетъ работу паука, растягивающаго свои безчисленныя нити на погибель неосторожныхъ мухъ. Отсутствіе твердаго убѣжденія дѣлаетъ такую политику темною, а преобладаніе личнаго интереса, съ его непріязненностью, сообщаетъ ей флегматическій, безстрастный характеръ. Императоръ — Корсиканецъ сердцемъ, но Голландецъ — характеромъ. Въ его взглядѣ замѣтны и шагкость, и упорство. Его высочайшее искусство—политика противорѣчій.

У себя дома правительство воюетъ съ духовенствомъ, принодмаетъ по временамъ край его мантии и обнаруживаетъ передъ нашимъ устрашеннымъ взоромъ множество похищенныхъ наслѣдствъ, подложныхъ духовныхъ, кражъ дѣтей, безстыдныхъ распутствъ, несправедливостей, которымъ нѣтъ имени, совершенныхъ невѣжественными монахами различныхъ братствъ. Напротивъ того, внѣ своей имперіи, тотъ же государь предпринимаетъ экспедицію въ Китай, единственно изъ расположенія къ іезуитамъ. Двѣнадцать тысячъ солдатъ французской арміи были преобразованы въ миссіонерную милицію и должны были исходить десять тысячъ миль, чтобы, истративъ пятьдесятъ милліоновъ, способствовать открытію церквей и конторъ благочестивыхъ миссіонеровъ. Надобно знать, что апостолы—іезуиты переодѣвались, для безопаснѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, въ китайскій костюмъ, а наши солдаты, какъ бы не узнавая ихъ въ такомъ смѣшномъ нарядѣ и не обращая вниманіе на ихъ чистое французское произношеніе, напослани имъ всякаго рода обиды и дѣлали всевозможныя насилія, къ великому изумленію туземцевъ. Въ Кохинхинѣ солдаты преслѣдовали, взявъ ружья на перевѣсъ, іезуитовъ, шедшихъ съ крестами и хоругвами. Въ Мексикѣ, французскій флотъ, подъ начальствомъ г. Жиронажъ

де-ла-Гравьеръ, способствуетъ разрушенію конституціоннаго правленія и утвержденію триумвирата изъ іезуитизма, солдатизма и бандитства. Можно сказать, что императоръ Бонапартъ предположилъ себѣ дѣйствовать противоположно прежней политикѣ Ришелье, который разрушалъ протестантизмъ внутри Франціи и пересаживалъ его на другую почву; тогда какъ наше правительство, уничтожая католичество въ самой странѣ, служитъ ему какъ вѣрный солдатъ на далекихъ заморскихъ островахъ и на другомъ континентѣ. Слева оно наноситъ папству оскорбленія, а справа ласкаетъ его; спереди закрываетъ его щитомъ, а сзади напускаетъ Виктора-Эммануэля, печатаетъ знаменитую брошюру противъ свѣтской власти папы, предоставляя ему ограничиться Ватиканомъ и его садами, а когда министерство Рикасоли берется за исполненіе этой программы, то встрѣчаетъ громкое неодобреніе императорскаго правительства.

Такого рода политика, дающая себѣ революціонный характеръ въ глазахъ реакціонеровъ и въ то же время подавляющая всякое революціонное движеніе—успѣваетъ превосходно. Благодаря преданности итальскихъ полковниковъ, генераловъ и маршаловъ, правительство убѣждается въ вѣрности цѣлыхъ полковъ; помощью этихъ полковъ оно удерживаетъ въ покоѣ армію, помощью армій, кое-какихъ казармъ и стратегическихъ соображеній, оно господствуетъ надъ Парижемъ, а владея, Парижемъ оно владетъ Франціей, приобретаетъ уваженіе Европы, ставитъ себя въ главѣ ея политики и чрезъ то получаетъ преобладаніе во всемъ мірѣ.

Таково удивительное положеніе императорскаго правительства, положеніе «неустойчиваго равновѣсія», но поддерживающее себя несмотря на зловѣщія предсказанія, на зависть и недоброжелательство своихъ союзниковъ, на сосредоточенную ненависть многочисленныхъ враговъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ всѣ, кто имѣетъ хоть какое нибудь убѣжденіе. Кто умѣетъ любить — не дѣлаетъ его предметомъ своего расположенія, а кто умѣетъ только ненавидѣть — обращаетъ противъ него свою неприязнь. Всѣ люди нерѣшительные, робкіе, готовые служить и нашимъ, и вашимъ, всѣ поклонники фактическаго могущества, предпочитающіе собственную выгоду и спокойствіе — свободѣ и истинѣ, всѣ довольные настоящимъ, а тѣмъ болѣе всѣ боящіеся за будущее, — всѣ они поддерживаютъ правительство, выражая или не выражая свое одобреніе. А число такихъ людей огромно во Франціи, въ странѣ передовой. Словомъ, декабрьское правительство встрѣчаетъ

оппозицію во всѣхъ живыхъ силахъ націй и Европы, а поддерживаетъ ея всѣми мертвыми силами во Франціи и въ Европѣ. Этимъ и объясняется его могущество.

Математически доказано, что бесконечно-малая дѣятельная сила подчиняетъ себѣ бесконечно-великую, — но бездѣйственную силу; конечно, не иначе какъ въ неизмѣримомъ пространствѣ времени. Въ отношеніи къ настоящему случаю ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ ни бесконечно-малыхъ, ни бесконечно-большихъ силъ, но, тѣмъ не менѣе, ихъ взаимное неравенство такъ велико, что и черезъ десять лѣтъ имперія, можетъ быть, покажется еще могущественнѣе и побѣдоноснѣе. Она сильна вѣншимъ вліаніемъ, всемогуща — внутреннимъ, но пусть знаютъ ея друзья и враги, что простое алгебраическое уравненіе съ двумя неизвѣстными, можетъ намъ опредѣлять срокъ, далѣе котораго не продлится существующій порядокъ вещей.

Эта имперія, родившаяся внезапно, поднялась несоразмѣрно высоко на своемъ основаніи. Государственной переворотъ безъ труда подавилъ общественное мнѣніе; благодаря ему, образовался союзъ съ англійскими вигами, возникла крымская экспедиція; Виллафранкскимъ договоромъ правительству хотѣлось заключить такой же союзъ съ Австріей, какой заключилъ когда-то Наполеонъ I своимъ бракомъ съ Маріей-Луизой. Само собою разумѣется, что здѣсь оно не имѣло успѣха. Побѣдоносный походъ въ Италію наложилъ на эту страну тяжелое бремя благодарности, за которую она выплачиваетъ разорительные проценты. Правительство держитъ въ своихъ рукахъ всю дѣятельность народа, всѣ силы націй, парализируетъ прессу и другія учрежденія, литературныя и ученые. Владѣя торговлей, распоряжаясь назначеніемъ управляющихъ и повѣренныхъ въ банкахъ, на биржѣ, въ компаніяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ ссудной казнѣ и даже въ обществахъ застрахованія, разсылая по всей странѣ официальныхъ агентовъ, явныхъ и тайныхъ, предоставляя Францію и Алжиръ полноправному господству пяти или шести членовъ изъ военныхъ, поддерживая администрацію посредствомъ губернаторовъ и префектовъ, — императорское правительство назначаетъ меровъ, точно такъ, какъ распоряжается назначеніемъ епископовъ. Оно выбираетъ сенаторовъ и заставляетъ выбирать депутатовъ въ законодательномъ собраніи; назначаетъ членовъ въ государственный совѣтъ; раздѣляетъ на бригады полевыхъ войска, посвящаетъ священниковъ и раввиновъ; разрѣшаетъ, при помощи M-r. Malakoff, релігіозные во-

прессы, возникающіе въ Алжирѣ; раздаетъ патенты и привилегіи ремесленникамъ; дозволяетъ или запрещаетъ учрежденіе фабрикъ и заводовъ; оно управляетъ тарифомъ, издаетъ уставы внутренней и внѣшней торговли, назначаетъ наставниковъ и начальницъ, нотаріусовъ, императорскихъ чиновниковъ. Правительство утверждаетъ длину и прозрачность юбокъ у балетныхъ танцовщицъ; распредѣляетъ слова на классы, по ихъ употребленію между мошенниками и честными гражданами, а послѣдній циркуляръ его сіятельства графа Валевскаго, министра императорскаго двора, предписываетъ актерамъ хорошенько выучивать роли и не полагаться на память или на даръ импровизаціи. Не довольствуясь вліяніемъ, подъ которымъ парижская префектура держитъ писателей, книгопродавцевъ, типографчиковъ посредствомъ различныхъ пенъ, тюремныхъ заключеній, лишенія привилегій и конфискаціи имѣній,—оно избрѣло особаго рода комиссію, которая не только разыскиваетъ дѣла на основаніи фактовъ и документовъ, но преслѣдуетъ даже самыя намѣренія. Это—судья тайный и безответный въ отношеніи къ наукѣ, философіи, нравственности и всякой дѣятельности мысли. Онъ рѣшаетъ безъ аппелляціонно, что Франція должна знать, чему учиться и какъ думать. Однажды, эта комиссія, подъ предсѣдательствомъ Виконта Серрюрье, наложила запрещеніе на какой-то путевой дорожникъ, за то, что тамъ говорилось о медали, которую можно видѣть въ Булонн, изображающей Альбіонъ распростертымъ въ цѣпяхъ у ногъ Наполеона I. Недавно Мишле жаловался, что ему запретили второе изданіе сочиненій Филиппа Депорта, которыя еще при Карлѣ IX не казались либеральными для Сорбонны время Варолюмеевской ночи. Въ разказѣ «зимняя ночь» упоминали какъ-то объ одномъ студентѣ, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ актрисою. Невозможно, воскликнуть президентъ комиссіи, невозможно допустить продажу книги, въ которой находится подобный фактъ. Въ одномъ историческомъ сочиненіи «*Воззесніе анабаптисты*» г. Микельсъ представлялъ исторію и ученіе этихъ сектаторовъ, не выражая къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Наполеонъ I и даже ханжа Карлъ X оставили ихъ въ покоѣ. Но этихъ авторитетовъ показалось недостаточно Виконту Серрюрье, который посоветовался съ префектомъ рейнскихъ провинцій, а тотъ съ епископомъ, объявившимъ, что цѣль изданія этой исторіи и ученія анабаптистовъ клонилась ко вреду католической религіи. И книга Микельса была запрещена. Еще лучше: въ прошломъ году комиссія за-

претна печатаніе одного словаря, потому что автору его г. Пелье издумалось придерживаться особой орфографіи и писать: «Cambrai, Vonai, Nanci», вмѣсто: «Cambry, Vonay, Nancy». Наше положеніе до тѣхъ поръ не установится окончательно, пока префекты не издадутъ на пользу всѣмъ, подлежащимъ уплатѣ податей, особое руководство полицейской орфографіи, а полевая войска будутъ учить насъ каллиграфіи и особенному государственному почерку.

Итакъ, правительство съ подобною могущественною централизациею не можетъ пасть подъ ударами, наносимыми ему извнѣ. Эта машина должна разстроиться внутри самой себя прежде, чѣмъ подумаютъ предупредить ея распаденіе. Вотъ почему, послѣ декабрьской проскрипціи, оппозиціонная партія въ имперіи состояла изъ немногихъ безсильныхъ лицъ, погибавшихъ при первомъ обнаруженіи своихъ стремленій; вотъ почему не было ни малѣйшаго бунта, ни одной попытки къ возстанію. Вотъ почему также для опредѣленія дѣйствительности такого могущества, мы должны обращаться къ его исторіи, а не опредѣлять его 800 тысячами солдатъ или 600 тысячами чиновниковъ, которыми она располагаетъ. Политическая смерть происходитъ или отъ грубыхъ ошибокъ и безнаказанныхъ несправедливостей, или отъ тупости и надменной самоувѣренности, которая всегда предшествуетъ окончательному паденію, какъ замѣтилъ еще 3000 лѣтъ тому назадъ царь Соломонъ.

Повидимому, репертуаръ правительственной дѣятельности истощился со времени выступленія на сцену. Ея главное и сильнѣйшее орудіе — страхъ. «Милліоны людей — милліоны трусовъ», — вотъ первый догматъ политическаго катихизиса гг. Морни и Персиньи. Послѣ покушенія Орени въ январѣ 1858 г., страна, повидимому, нуждалась въ хорошемъ урокѣ, и урокъ былъ ей данъ. Страхъ выданъ былъ за законъ, страхъ сдѣлался секретной статьей, аддиціоннымъ актомъ императорской конституціи. На основаніи закона, касающагося людей подозрительныхъ, всякій Французъ можетъ быть признанъ заговорщикомъ; нѣтъ болѣе гражданъ, а есть пестрая толпа враговъ государства, которыхъ оно можетъ сослать и разстрѣливать по своему благоусмотрѣнію. Этотъ законъ пока безъ дѣйствія, это правда, но одна малѣйшая прихоть можетъ привести его въ исполненіе, и если его правительство установило, то, конечно, не безъ намѣренія воспользоваться имъ при случаѣ.

Правительству нужно подумать и о томъ, какъ бы сохранить всю

силу репрессивныхъ законовъ противъ прессы. Г. Персинья, вступившій въ управленіе министерствомъ, просившій всѣхъ литераторовъ быть увѣренными въ его либерализмъ и требовавшій даже отъ нихъ—не щадить его въ своихъ критическихъ отзывахъ—оказываетъ ся желчнымъ человѣкомъ; не одинъ журналистъ помянетъ добромъ генерала Еспинасъ которому нѣкогда были ввѣрены судьбы французской мысли. Персинья посылаетъ журналамъ предостереженія, останавливаетъ ихъ изданія, конфискуетъ и доводитъ свою строгость до того, что въ какія вѣдѣ шесть недѣль является болѣе литературныхъ процессовъ, чѣмъ во все царствованіе ганноверскаго дома. Вотъ главнѣйшіе приговоры, насколько они приходятъ намъ на память: приговорены къ тюремному заключенію маркизъ де-Герсъ, обвиненный въ корреспонденціи съ журналами дрезденскими и женеvскими; г. Евгенийъ Пеле за мятежное требованіе такой же свободы, *какая существуетъ въ Австріи*; г. N. за напечатаніе, на основаніи извѣстій, сообщенныхъ въ «le Droit» и въ «Gasette des tribunaux», перечня обвиненій, направленныхъ противъ священниковъ; приговорены къ пени: г. N за то, что не сообщилъ имени своего брюссельскаго корреспондента; г. N за напечатанье новостей отъ парижскаго корреспондента съ отиѣткою: *pour extrait*. Одинъ журналъ получилъ предостереженіе за то, что напечаталъ ноту, сообщенную г. Тувенелемъ, другой былъ осужденъ за обнародованіе нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ принцемъ Нанолеономъ. Что же касается до Correspondence и г. Лапрадь, то они должны были ожидать того наказанія, которому въ дѣйствительности подверглись. Представьте себѣ, что упомянутый журналъ осмѣлился принять стихотвореніе «Les muses d'Etat»—пародію на Chatiments Виктора Гюго, въ которой г. Сентъ-Бевъ, или лучше *Sainte Béuve*, какъ его называлъ Бальзакъ, Бельмонте, Мокаръ, и другіе поэты-бонапартисты были названы «услужливыми музами». Г. Лапрадь, авторъ стиховъ и профессоръ медицинскаго факультета въ Лионѣ, былъ отрешенъ отъ должности по именному указу императора. Преступленіе Сентъ-Маркъ-де-Жирарденъ, стараго консерватора и цѣломудренной Егерин въ *journal des Débats* было не такъ явно, однако Персинья нашелъ таки виновной статью, гдѣ авторъ старался поколебать вѣру въ могущество и продолжительность нашихъ учреждений. Это, можетъ быть, заблужденіе—утверждалъ онъ — когда думаютъ, будто имперія поддерживаетъ императора, а не императоръ имперію. *L'ami de la Religion*, получилъ предостереженіе за статью, въ которой Персинья

нашегъ намеки на отвѣтственность министровъ во Франціи. Съ этикъ поръ для насъ дѣлается опаснымъ всякое выраженіе своего мнѣнія, касательно правительственныхъ распоряженій. Остается молчать, когда дѣло доходить до этого щекотливаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ «*La Patrie*», газета независимая и преданная правительству, и та получила предостереженіе за статью «о конституціонной имперіи». Это разсужденіе, замѣчаетъ Парсивиль въ «*Moniteur*», хотя и написано въ хорошемъ духѣ, но заключаетъ въ себѣ похвалы конституціи такого рода, что можетъ возбудить споръ, который затронетъ самые основныя вопросы.

Такимъ образомъ, намъ запрещено не только разбирать конституцію, но даже говорить о ней. Скоро, пожалуй, не будетъ дозволенно объяснять гражданину, что составляетъ и что не составляетъ конституцію. Въ частности сдѣлается невозможнымъ сравнить настоящую конституцію съ существовавшею ей во Франціи, или съ существующими въ другихъ странахъ. Нельзя будетъ для примѣра проводить сравненіе между нашими учрежденіями и англійскими иначе, какъ подъ условіемъ—отдавать полное преимущество первымъ, ибо сравнить, значитъ выводить заключеніе, а для заключенія нужно толкованіе, а толкованіе привело бы насъ къ разбору. Но не только будетъ запрещено объяснять конституцію, но сдѣлается невозможнымъ даже хвалить ее, т. е. хвалить по какому либо поводу. Всякая похвала, если только она не состоитъ изъ однихъ фразъ и общихъ выраженій, предполагаетъ оцѣнку, а слѣдовательно и критическій разборъ. Хвалить конституцію, значитъ бы въ нѣкоторой степени опредѣлить ея характеръ, смыслъ ея учрежденій, а эти предметы потребуютъ анализа и могутъ привести къ неблагоприятнымъ заключеніямъ.

Поступки министра внутреннихъ дѣлъ довели до отчаянія редактора одного журнала, также независимаго и приверженнаго къ правительству. Вотъ какъ выражается г. Геру, секретарь принца Наполеона, жалуясь на законъ о подписяхъ:

«Не знаемъ, что можетъ быть полезнаго въ такомъ образѣ дѣйствій, по которому издается законъ неисполнимый, приводится въ дѣйствіе случайно по одному разу въ два или три года, а все остальное время находится безъ примѣненія. Если законъ хорошъ и удобоисполнимъ, то къ нему слѣдовало бы обращаться ежедневно; если же нѣтъ, то его нужно исправить и измѣнить сообразно его недостаткамъ. Это безпрестанно повторяется и юристами, и просто людьми съ здравымъ смысломъ. Но поддерживать непримѣнимое распоряженіе, невыдержи-

важное юридической критики, на практикѣ признанное неудобнымъ, забывать объ немъ въ обыкновенное время и вспоминать только въ исключительныхъ случаяхъ—такой образъ дѣйствія только подаетъ поводъ къ самымъ неблагоприятнымъ для правительства толкамъ и всякаго рода недозрѣніямъ. Никто не спрашиваетъ, отчего правительство забывать о такомъ то законѣ—это, положимъ, объясняется его непримѣнимостью, но всѣ хотятъ знать, зачѣмъ же вспомянуть объ немъ, когда дѣло идетъ объ одномъ какомъ либо журналѣ, тогда какъ въ отношеніи ко всемъ другимъ журналамъ этого закона какъ будто не существуетъ; зачѣмъ, забывая объ учрежденіи сегодня, его вспомянуть завтра, съ тѣмъ чтобы позабыть объ немъ опять на нѣскольکو мѣсяцевъ. Случайность строгихъ высканій по поводу дѣйствительности подписей тѣмъ страннѣе, что во многихъ журналахъ есть много ложныхъ подписей и это извѣстно всемъ и каждому, а въ нѣкоторыхъ встрѣчаются не только ложныя подписи, но даже — невозможныя, такъ что правосудіе сдѣлало бы гораздо лучше, еслибъ, оставая безъ вниманія мелочныя погрѣшности, обратилось къ исправленію крупныхъ злоупотребленій. Все это, повторяемъ, несносно: законъ прежде всего долженъ быть примѣнимъ и одинаково строгъ ко всемъ безъ различія».

Трудно сказать чтонибудь больше этого. И несмотря на это негодованіе г. Геру, несмотря на отчаяніе всѣхъ лучшихъ типографчиковъ Парижа, явившихся къ г. Персины съ просьбою установить цензуру, которая далеко не такъ опасна для нихъ дѣла, чѣмъ административный произволъ, — всѣ эти строгости противъ прессы не могли возбудить у нашихъ писателей «спасительнаго страха, который есть начало всякой мудрости».

Предположеніи г. Фульда, не имѣли того успѣха, какого можно было ожидать. Напрасно допустили на биржѣ всѣхъ возможныхъ авантюристовъ, биржевыхъ игроковъ и акціонерныхъ шалотовъ. Мелкіе и крупныя капиталысты не признаютъ 3%, которые революція можетъ уменьшить и даже отнять совсѣмъ; они предпочитаютъ брать облигаціи желѣзныхъ дорогъ, что гораздо вѣрнѣе и выгоднѣе, потому что приносятъ 5% съ сохраненіемъ капитала.

Опомнившись, послѣ первыхъ порывовъ восторга, буржуа спрашиваютъ себя, чѣмъ еще г. Фульдъ доказалъ свои способности, кромѣ того, что сумѣлъ составить себѣ огромное состояніе. Начинаютъ припоминать, что спаситель нашихъ финансовъ былъ именно тотъ чело-

вѣкъ, который предлагалъ объявить банкротство въ ущербъ рессублики.

Вспоминать забавное обстоятельство—какъ соботвенный сынъ его превосходительства, изгнанный по дѣлу дѣвнцы Валентины, начеатель въ Лондонѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Папенъкины подвѣга», которая начиналась слѣдующими словами: «Мой дядя Лудовикъ былъ тулузскій жильблагъ, и это честнѣйшій человекъ въ всего нашего семейства...»

Фульдъ-отецъ доказалъ съ своей стороны большія способности, выдержавъ огромную январскую расплату. Откуда онъ взялъ денегъ—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ онъ держалъ себя такъ, какъ будто они у него были. Тѣмъ не менѣе страшный долгъ остается тѣмъ же. Печальная истина находится на-лице. Все-таки нужно наполнить до невозможности пустыя кассы, сохранныя и ссудныя казны, военныя казначейства и др. Изобрѣтательность министерства безъ устали работаетъ, чтобы поправить состояніе финансовъ. Тамъ обсуждался новый заемъ, облегченный наступившимъ перемиріемъ между Англіей и Америкой. Предлагаютъ налогъ въ 5% съ наследства, получаемого родственниками въ четвертомъ колѣнѣ. Истиннымъ спасеніемъ въ этомъ случаѣ могла бы быть экономія, но ее пустили въ ходъ только для того, чтобы предоставить г. Фульду первенство между министрами и наблюденіе за ними. Нынѣшнее положеніе можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ: императоръ остается императоромъ, а Фульдъ будетъ регентомъ. Нашъ министр финансовъ заключилъ съ Испаніей договоръ, по которому единовременная выдача 25,000,000 фр. покрываетъ долгъ 124,500,000. Нужно было объяснить, откуда взялась эта сумма. Заодно съ Англичанами національная партія изгнала похитителя Бонапарте (Лосифа), очистила страну отъ непріятельскихъ солдатъ и возвратила законныхъ государей. Въ первомъ порывѣ своей благодарности, они утвердили всѣ договоры революціонной юнты въ Кадиксѣ и дали самыя щедрыя обѣщанія. Но тѣ, которые потребовали впослѣдствіи осуществленія этихъ обѣщаній, были признаны за мятежниковъ и для подавленія ихъ испанскіе Бурбоны призвали на помощь своихъ двоюродныхъ братьевъ Бурбоновъ французскихъ. Въ 1823 году трокадерская экспедиція подъ предводительствомъ герцога Англемскаго возстановила порядокъ и спасла испанское общество, клонившееся къ распаденію. Но это спасеніе стоило дорого Испанцамъ и обошлось недешево разоренія. Избавители представили счетъ издержкамъ въ 498,325,443 франка и

нѣсколько сантимовъ. Въ 1828 году они согласились уменьшить этотъ счетъ на 80,000,000. Послѣ выдачи кое-какихъ ничтожныхъ задатковъ, эта сума осталась неуплаченною, несмотря на всѣ обѣщанія и требованія и, вслѣдствіе накопленія процентовъ по три на сто, она возрасла до 125,000,000. Этотъ долгъ считается до такой степени непослатнымъ, что они рады бы были получить его съ потерей 80%. И кредиторы, и банкроты отираются вмѣстѣ бомбардировать Мексиканцевъ за отсрочку уплаты нѣсколькихъ милліоновъ.

Законодательное собраніе было созвано 26 января. Народъ съ недоумѣніемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на этихъ гордыхъ законодателей, передъ которыми верховная власть все болѣе и болѣе отступаетъ. Въ прошедшемъ году допустили право отвѣчать на царственную рѣчь *адресомъ*; а въ нынѣшнемъ году дозволили обсуждать государственный бюджетъ по отдѣламъ. А все-таки представители народа, представители управленія всегда утверждаются верховною властью, вопреки общественному мнѣнію.

Въ послѣдній разъ мы видѣли въ дѣлѣ Плассыяра образчикъ употребительныхъ у насъ продѣлокъ. Другаго рода дѣло можетъ служить теперь урокомъ избирателямъ, а именно—это дѣло г. Помара, котораго правительство заставило избрать въ Авиньонѣ. Онъ вздумалъ очень остроумно прибавить къ числу своихъ титуловъ еще титулъ члена корреспондента академіи наукъ, присвоивъ себѣ дипломъ, выданный отцу его въ 1825 году.

Журналъ «*Charivari*», между прочимъ, насмѣшилъ своихъ читателей, разоблачивъ его плутни. Достанется ему за это, потому что въ нашей благословенной странѣ существуетъ законъ, защищающій должностныя лица отъ клеветы. Статья I назначаетъ строжайшія наказанія за обвиненія, неподтвержденные фактами, а статья II запрещаетъ приводить фактическія доказательства. Этимъ закономъ вполнѣ воспользовался г. Помаръ, чтобы вытребовать 50,000 франк. за нанесенное ему оскорбленіе. Черезъ этотъ же законъ пострадаетъ и несчастный *Charivari*, имѣя въ рукахъ осязательный документъ подмога г. Помара. Дѣло еще не рѣшено въ судѣ.

Упомянемъ еще о дѣлѣ г. Абу, какъ о вѣрномъ симптомѣ нашего положенія. Это—молодой писатель съ дарованіемъ, замѣчательный своимъ умомъ, здравымъ смысломъ и блестящимъ образованіемъ, но въ то же время отличающійся высокомеріемъ, отсутствіемъ убѣжденій и нравственныхъ правилъ. Какъ составитель брошюры онъ

жалованья у правительства, въ войнѣ противъ духовенства, и заслужилъ одобреніе императора. Въ то же время онъ нахлебникъ Фульда и принца Наполеона, однимъ словомъ, Абу демократъ и бонапартистъ. Онъ переходилъ отъ успѣха къ успѣху на литературномъ поприщѣ, пока ему не вздумалось поставить пьесу въ Одеонѣ — театрѣ студентовъ. Пьеса была действительно дурна, но никому не было до этого дѣла. Занавѣсъ еще не былъ поднятъ, а уже слышались отсюда свистъ и брань. Шумъ все увеличивался. Полиція заблагоразсудила арестовать 30 человекъ. Ничто не помогло. Неприязненные демонстраціи приняли другой оборотъ. Актеры должны были признать себя побѣжденными. Вторая и третья попытка были еще неудачнѣе. Тогда составили слѣдующую манифестацію. Нѣсколько сотъ человекъ отправились процессіей изъ Одеона къ жилищу г. Абу, въ $\frac{1}{4}$ мили отъ театра, и передъ самыми дверьми неистовствовали и употребляли выраженія, не слишкомъ льстившія его самолюбію. Какъ и слѣдовало ожидать, полиція опоздала. Буржуазія, удивленная этимъ необыкновеннымъ шумомъ, спрашивала: ужъ не революція ли это? Нашли благоразуміе запретить новое представленіе. Итакъ, г. Абу, врагъ духовенства, потерялъ въ общественномъ мнѣніи.

Съ величайшимъ удовольствіемъ останавливаемъ мы свое вниманіе на Италіи. Если подумать, что еще годъ тому назадъ въ это же самое время мы были въ самомъ разгарѣ осады Газты и въ большомъ затрудненіи по поводу помощи, оказанной французскимъ флотомъ Франциску II, то нельзя не удивляться, что въ столь короткое время Италія совершила такой подвигъ.

Въ первыхъ числахъ марта, вскорѣ послѣ того, какъ знамя Бурбоновъ было сорвано Чальдини и Персано въ Газтѣ и Мессинѣ, въ Туринѣ образовался первый итальянскій парламентъ. Англія первая признала новое государство, а Лудовикъ Наполеонъ, который бы долженъ быть крестнымъ отцемъ вновь устранившагося государства, не торопился признать его.

Дворъ вмѣсто Газты искалъ убѣжища въ Римѣ. Пій IX, приноминая гостепримство, которымъ онъ пользовался самъ въ Газтѣ, когда переодѣтый бѣжалъ отъ торжествовавшей въ Римѣ революціи, обрадовался случаю принять у себя бывшаго короля и королеву. Несмотря на то, что они владѣли великолѣпнымъ замкомъ Фарнези, папа пожелалъ «этихъ бѣдныхъ дѣтей», какъ онъ ихъ называлъ, — въ Каяриналѣ, и будучи самъ принужденъ просить вспоможеніе у дѣлаго

себя, но колебался изначить имъ тысячу франковъ въ день на на-
дворки стола; также изъ възнаменствъ онъ подарилъ еще молодой ко-
рзевъ золотую розу, которою обыкновенно дарятъ каждый годъ прин-
цессу, наиболѣе угождающую напсному престолу. Но трудно было сдѣ-
лать героя изъ зажиточна Гаэты.

Зато европейскіе реакціонеры обращаются съ восторженными ова-
ціями къ его блестящей подругѣ. Ея фотографическіе портреты, рас-
пространенные въ десяткахъ—тысячъ экземпляровъ, воспроизводятъ эту
личность въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и костюмахъ, съ ружьемъ,
съ саблей, въ саноггахъ, верхомъ на лошади, въ бальномъ костюмѣ,
даже съ пушечнымъ фитилемъ въ рукахъ. Нѣмецкія принцессы при-
судили ей лавровый вѣнокъ, доставивъ для него каждая по одному
листочку. Дамы высшаго круга Сенъ-Жерменскаго предмѣстья сдѣлали
ей такое же приношеніе и исключили, неблагодарныя, всѣ подписки
жестъ французскихъ чиновниковъ. Вскорѣ римскій дворецъ Отца всѣхъ
вѣрныхъ превратился въ главный центръ гражданской войны. На Маль-
тѣ и въ Марсели образовались захолустья ложныхъ слуховъ, навер-
бывали разныхъ проходивцевъ и каторжниковъ, платя имъ фальши-
вой монетою, начеканенной у папскаго двора. Вооруженныя хорошами
ружьями и острыми кинжалами, съ обильнымъ запасомъ образовъ, съ
изображеніемъ Богонатери и ладаномъ противъ пуля, эти охотники
присоединялись къ своимъ товарищамъ бандитамъ въ горныхъ частяхъ
Калабріи, Абруццы и другихъ провинцій.

Шайки разбойниковъ, собирающихся для защиты законнаго пре-
стола, толпы воровъ и каторжниковъ съ бурбонскимъ знаменемъ въ
рукахъ—вотъ дѣйствительно комическая сторона трагическихъ событій
нашего времени, на которую все-таки мы чуть-чуть не были при-
нуждены взглянуть серьезно. Нѣкоторыя части территоріи королевства
Облакъ Сицилій поддерживались бурбонской династіей въ такомъ не-
вѣжествѣ, какого нельзя встрѣтить и у обитателей Новой Зеландіи.
Піемонтцы, призванные къ преобразованію этой страны, обладаютъ поло-
жительными достоинствами. У нихъ много здраваго смысла, нѣсколько
грубаго, постоянства и даже упорства въ достиженіи своихъ цѣлей.
Ихъ нравственная и физическая бодрость достойна похвалы и кромѣ
того за ними нельзя не признать честности до известной степени.
Но увы! Они сметны, грубы и неловки. Сначала они заслужили все-
общую ненависть въ Южной Италіи. Они жаловались на то, что ихъ за-
ставляли ждать, когда Гарибальди съ своими богатырями сражался въ

кровопролитной волтурнелюй битвѣ. На другой день послѣ победы они вѣшли въ Неаполь, съ видомъ побѣдителей, выказывая полную самоуверенность и выставая на показъ самодовольное невѣжество. Они думали удивить всѣхъ, принявъ союзъ, предложенный имъ неаполитанскими реакціонерами, виновниками той системы, которая привязаетъ конституціонный монархизмъ Виктора Еммануила къ абсолютизму Бурбоновъ. Люди прежней партіи остались на мѣстахъ и въ шлобти; передовые исключены, пресѣдуемы и достаточно было назваться гарибальдийцемъ, чтобы подвергнуться всевозможнымъ нареканіямъ въ чистствѣ врага общественнаго порядка. Конечно, еслабѣ бѣдный Гарибальди неоставался въ бездѣйствіи на своемъ уединенномъ островкѣ, Пьемонтцы давно бы обвинили его въ государственной измѣнѣ и безъ отлагательства нарядили бы надъ нимъ слѣдствіе. Избавившись отъ послѣднато патріота, или послѣдняго Машиниста, какъ они говорили, они громко торжествовали и думали удивить свѣтъ, рисуясь умѣнемъ вести дѣла. Но они на томъ и остановились. Прервавъ всякую связь съ передовою партіей, они чрезъ то разошлись съ интересами страны. Подъ управленіемъ мелочныхъ и методическихъ Пьемонтцевъ возникаетъ самое жалкое зрѣлище административной путаницы и самаго страннаго общественнаго разстройства.

Минута была выбрана удачно и реакціонная партія съумѣла ею воспользоваться, употребивъ въ дѣло шайки «*Virboni*» и «*Borboni*», причинившія много вреда. Чтобы прославить подвиги этихъ рыцарей, легитимистская пресса зашла благодарственные мессы съ аккомпанементомъ громовыхъ олейтъ и дудокъ. Стоссо, Ситрофиано,—какъ были хороши эти каторжники, передѣланные въ солдатъ, истребляющихъ «проклятыхъ викторъ-еммануилистовъ». Боже мой, какъ были прекрасны эти герои въ красныхъ юбкахъ, въ гусарскихъ ментикахъ, голубыхъ панталонахъ, въ шляпахъ съ длинными перьями, когда онѣ галопировали на бѣлыхъ скакунахъ. Г. Жанико переводилъ всякое утро по нѣскольку строфъ изъ «Освобожденнаго Іерусалима», въ извѣстномъ своею правдивостью журналѣ «*Gazette de France*».

Достовѣрны ли были подвиги этихъ гулякъ и ихъ подругъ, или нѣтъ, но только они не переставали насъ беспокоить. Ихъ война дѣлалась чѣмъ-то въ родѣ людоедства. До нашего времени, какъ видно, еще въ употребленіи охота на людей съ собаками. Грабежъ, насиліе и разстрѣливаніе еще ничего бы не значили, но, говорятъ, они изувѣчивали Пьемонтцевъ, распинали ихъ на деревьяхъ, а тѣ въ отице-

не предавая нѣмца селенія пожарамъ. И эти ошибки продолжались по нѣмцыи нѣсящамъ. Наконецъ, спасаясь отъ безцеремоннаго обращенія солдатъ, хитривши стали искать убѣжища болѣе надежнаго и святаго перковь распростерла надъ бѣдными бѣглецами свою первосвященническую мантию и нѣжно укрыла ихъ. Тогда французское войско какъ будто оставило бездѣйствіе и безоружило разбойниковъ, которые ставкувались съ его аванпостами. Въ это время ихъ преевсашенства кардиналъ Антонелли и Меродъ потребовали выдачи оружія и самихъ мащинниковъ.

Милскіе жандармы приняли однако ихъ сторону и препятствовали арестовывать разбойниковъ, арестуя ихъ самихъ. Только этого не доставало. Еще недавно захватили они Ли-Вюнеллу, одного изъ сообщниковъ Кіавоне, который грабилъ Неаполитанцевъ. Все это было бы смѣшно, еслибъ дѣло не доходило до уничтоженія хлѣбныхъ запасовъ и смертоубійствъ.

Нельзя опредѣлить, сколько времени продолжалась бы эта игра, еслибы пьемонтское правительство не начало серьезно безпокоиться и не позвало бы на помощь самаго способнаго изъ своихъ генераловъ Чальдини. Побѣдителя Бурбона предстоить побѣдить его приверженцевъ. Чальдини не колебался. До выступленія въ походъ противъ разбойниковъ, онъ сыгралъ дурную шутку съ псевдо-неаполитано-пьемонтской консертеріей, прося подарить его своею немилостью. Онъ не востыдился провозгласить себя другомъ Гарибальди, объявлялъ себя сообщникомъ патриотовъ и мащинистовъ. Въ 24 часа Чальдини замедлялъ Неаполеми, а въ 24 дня уже держалъ въ рукахъ горныхъ бандитовъ. Вся Италия разразилась крикомъ восторга. Въ первыхъ числахъ октября Чальдини имѣлъ честь первенствовать на большомъ празднествѣ «Pie-di-grota», котораго героемъ въ прошедшемъ году былъ Гарибальди. Клики, да здравствуетъ Италия! выражаясь изъ груди 500,000 итальянцевъ, трепетавшихъ отъ восторга и счастья. Да здравствуетъ соединенная Италия! E vivo Italia una!

Въ настоящее время, несмотря на множество ошибокъ, Ла-Маркерь не испортилъ еще совершенно дѣло своего предшественника Чальдини и доброе согласіе поддерживается открыто между Неаполемъ и Туриномъ. Разбойничество почти прекращено и г. Гойонъ предлагаетъ съ готовностью свои услуги, хотя въ нихъ уже никто не нуждается. На словахъ или на дѣлѣ, а только онъ хотѣлъ занять Алжиръ, притонъ разбойниковъ, но ихъ святѣйшіе покровители де-Меродъ

и Антонелли объявили, что не материть такого широчайша територіальной собственности со стороны Франціи. И французскій посланникъ, г. де-ла-Валеттъ, если вѣрять слухамъ, настаиваетъ, чтобъ бывшій король Францискъ, его владѣтельница супруга, братъ Казоръ, дядюшка Трапани, теща Софія и все семейство настаиваетъ на томъ, чтобъ перенести своихъ пенатовъ подъ болѣе благопріятное небо. Такимъ образомъ для Чальдини достаточно было немного здраваго смысла и чувства, чтобы спасти положеніе дѣлъ; немного можетъ быть потребуется, чтобы доставить странѣ счастье и благоденствіе. Правда, въ Туринѣ не были благодарны Чальдини, который теперь въ немилости и на сторонѣ оппозиціи. Но что жъ изъ этого? Тайна его успѣха извѣстна; остается только слѣдовать его политикѣ.

Пиемонтцы предполагали отказаться отъ управленія дѣлами Италіи, еслибъ централизація управленія не осталась за Туриномъ, который считаетъ себя почему-то самымъ просвѣщеннымъ городомъ полуострова. Съ другой стороны Неаполь не можетъ согласиться быть вассаломъ Пиемонта, котораго столица меньше его въ четыре раза. Такое несогласіе очень прискорбно, но причина его совершенно естественна. Географическій контуръ Италіи представляетъ много затрудненій къ образованію изъ нея одного политическаго дѣла; эти затрудненія увеличиваются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что материкъ Италіи раздѣляется по самой срединѣ на двѣ половины Папскою областью, которая должна бы была быть живительнымъ центромъ всей націи. Для соединенія Сѣверной и Южной Италіи, столь различныхъ по своему характеру, необходимъ одинъ общій пунктъ, именно Римъ и только одинъ Римъ; но императоръ Наполеонъ III не желаетъ образованія такого единства, не хочетъ допустить обращенія жизненныхъ силъ этого тѣла около одного сердца и Итальянцамъ приходится молчать передъ волею сольферинскаго побѣдителя.

Римъ былъ бы не только географическимъ центромъ Италіи; онъ служилъ бы для нея центромъ политическимъ и моральнымъ. Слѣдовательно, возвращеніе Рима Итальянцамъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть однимъ вѣшнымъ фактомъ наполеоновой политики, не можетъ совершиться изъ однихъ матеріальныхъ побужденій: для этого нуженъ другой двигатель — нравственное убѣжденіе. Придется открыто и рѣшительно идти къ совершенному отдѣленію церкви отъ государства, а для этого нужно быть готовымъ къ явному противодействию папству, что потребовало бы несравненно болѣе пожертво-

иной, преданности долгу и героизма, чѣмъ какая нибудь битва съ австрийскими гренадерами. Римъ былъ бы для Италіи приобрѣтеніемъ моральнымъ, слѣдовательно, ей нужно нравственное побужденіе, истинный героизмъ. Итальянцы считаютъ себя вѣрнѣйшими сынами римской церкви, а римская церковь — ихъ злѣйшій врагъ. Они должны знать, что Наполеонъ и папа должны будутъ уступать, какъ только для Италіи не будетъ существовать главнаго препятствія, а это главное препятствіе заключается въ самомъ принципѣ папства, которое съ презрѣніемъ смотритъ на слабыя попытки къ освобожденію и такъ мало озабочено ими, что не теряетъ еще надежды снова приобрѣсти всемірное владычество. Изъ телеграммы отъ 8 января мы узнаемъ, что папа продолжаетъ употреблять все свое стараніе для воссоединенія греческой и римской церкви. Особая коммиссія была назначена для исключительнаго занятія дѣлами Востока.

Папство цѣпляется за остатки своей свѣтской власти со всею силою безнадежности и можетъ выпустить свою добычу только развѣ въ виду солдатъ съ отпущенными штыками. Но пока нѣтъ этого вѣнчательства, пока не появился какой нибудь *Deus ex machina*, нужно бы заняться разрѣшеніемъ нравственной стороны вопроса, нужно, чтобы отдѣленіе церкви отъ государства было признано за долгъ всѣми мыслящими людьми Италіи, а для того, чтобы этотъ долгъ проникъ въ массу итальянскихъ народностей, нужно освятить его новыми жертвами.

Что бы ни говорили, но и Кавуръ, умершій въ началѣ лѣта, не былъ способенъ, несмотря на такое знаніе дипломатіи и соглашеніе съ французскимъ императоромъ избавить Италію отъ этого кризиса. Онъ родился подъ счастливою звѣздой, потому что умеръ, какъ нельзя болѣе во-время, выслушавъ итальянскихъ депутатовъ, собравшихся въ парламентъ для провозглашенія Виктора-Эммануила королемъ Италіи, а Римъ — своею столицей. Управившись съ значительнѣйшими внѣшними затрудненіями, слѣдовало обратиться къ внутреннимъ; дѣло шло уже не объ Австріи, а о папствѣ. Мы всегда удивлялись способностямъ Кавура, но никогда не сочувствовали его характеру. Мы всегда признавали за нимъ достоинство ловкаго дипломата и оратора въ парламентѣ; онъ былъ уклончивъ, вкрадчивъ, хитеръ, но несмотря на то сохранилъ въ себѣ много истиннаго добродушія; рѣшительный безъ ненависти, твердый и настойчивый безъ злобы, онъ умѣлъ сообразоваться съ положеніемъ дѣлъ и лицъ, и владѣлъ громадною способностью работать. Но его

упрекають въ недостатокъ добросовѣстности относительно нравственныхъ интересовъ общества, въ вѣроломныхъ поступкахъ съ людьми передовыми, между которыми онъ любилъ возбуждать ссоры, чтобы пользоваться ими для своихъ выгодъ. Въ этомъ отношеніи онъ является несравненно способнѣе своего преемника Рикасоли, который зато превосходитъ его нравственными достоинствами.

Рикасоли не сумѣлъ втереться въ милость Виктора—Эммануила, онъ сумѣлъ только заслужить ненависть императора Французова, которому бы хотѣлось лучше имѣть дѣло съ Ратанди. Въ его министерствѣ нравственное единство, составлявшее силу Италіи, распадается и гибнетъ; начинается борьба въ парламентѣ между большинствомъ и меньшинствомъ, большинство даже раздѣляется на партіи: Рикасоли опирается на большинство, неприязненное къ нему во всѣхъ отношеніяхъ и не хочетъ понять, что его естественный союзникъ—меньшинство. Палата выразила свое довѣріе къ министерству, но не перестаетъ слѣдить за нимъ подозрительнымъ взоромъ; навѣваетъ на членовъ кабинета и на исправляющихъ ихъ должность; Рикасоли тѣтено прѣбѣгалъ отъ одного къ другому члену, въ надеждѣ найти товарища, который бы согласился принять портфель министерства внутреннихъ дѣлъ.

Одинъ изъ нашихъ туринскихъ друзей превосходно объяснилъ настоящее положеніе дѣлъ, указавъ на двусмысленное значеніе общественнаго движенія въ Италіи съ самого начала: «итальянская революція совершалась именемъ народа, но силою правительства;—въ видахъ интересовъ націи, но къ явной выгодѣ Савойи. Ея программа—единство Италіи—исполнялась республиканцами, а была приведена въ исполненіе консерваторами—монархистами. Эта странная двуличность положенія выказывается при всякомъ случаѣ и всего яснѣе выражается въ общемъ направленіи палаты. Лѣвая сторона ея поддерживаетъ революцію, и такъ какъ обѣ стороны правы, то понятно, что онѣ не могутъ дѣйствовать согласно; въ этомъ постоянномъ противорѣчій и заключается смыслъ настоящаго кризиса. Рѣшившись твердо поддерживать дѣло, начатое Кавуромъ, но не умѣя, подобно ему, управлять обстоятельствами и привлекать умы на свою сторону, Рикасоли успѣлъ только возбудить противодѣйствіе и далеко не представляя изъ себя точки соприкосновенія обѣихъ партій, онъ служитъ только препятствіемъ къ ихъ соединенію. Въ этомъ и заключается тайна его уединеннаго положенія. По настоящему оно должно было бы имѣть

своимъ логическимъ слѣдствіемъ—оставленіе министерства. Но Рикасоли остается на своемъ мѣстѣ и, по всему видно, не изъ одного пустаго и мелкаго честолюбія. Онъ остается, потому что вѣрить въ себя и знать, что всякое другое министерство, со стороны большинства, принуждено будетъ или оставить совѣтъ, или чуть касаться программы итальянскаго соединенія. Въ то же время онъ понимаетъ, какъ важно было бы для него сближеніе съ какимъ нибудь лицомъ, которое могло бы найти поддержку въ мнѣніи парламента. Вотъ почему Рикасоли и ищетъ себѣ товарища. А почему онъ его не находитъ, это объясняется все тою же двусмысленностью его положенія. Какъ конституціонной министръ, онъ не можетъ обратиться за помощью къ меньшинству. Но само меньшинство рѣшительно и непреклонно хочетъ того же самаго, къ чему стремится Рикасоли, аристократъ по убѣжденіямъ и по происхожденію—единства Италіи, т. е. — войны. Большинство, напротивъ того, уstraшенное внутренней неурядицей, думаетъ, что нужно прежде всего помочь этому злу, а потомъ уже идти дальше. Большинство состоитъ изъ консерваторовъ, тогда какъ положеніе дѣлъ вызываетъ революцію. И что бы ни дѣлали, а новое министерство не угоится за революціей и не угодитъ большинству.

Однако, несмотря на все раздѣленіе партій, національное единство совершилось. Италія вторично является въ ряду великихъ націй; двадцать два милліона ея граждавъ чувствуютъ себя дѣтьми одного отечества и національныя празднества, освященія желѣзныхъ дорогъ, телеграфическихъ линій, дѣятельность пароходныхъ сообщеній — все это дѣлаетъ болѣе и болѣе осязательнымъ то единство, которое столько вѣковъ считали утопией. Въ октябрѣ мѣсяцѣ на флорентинской выставкѣ художники Неаполя, скульпторы Милана, живописцы Турина и всего полуострова, не исключая Рима и Венеціи, встрѣтились въ одномъ общемъ дѣлѣ. Подобное соединеніе Итальянцевъ представилось при открытіи анковской желѣзной дороги, соединяющей Пьемонтъ съ Марлемъ, съ долинами Альпъ, Адриатическимъ моремъ, и готовой сдѣлаться обширнымъ международнымъ пунктомъ сообщенія. Въ подобныхъ фактахъ заключается торжество, передъ которымъ безсильны всѣ старанія католической церкви и всѣ провскіи папъ.

Настоящее положеніе Испаніи—безъ сомнѣнія положеніе трагическое: вся нація въ броженіи и правительство О'Доппеля совершенно разлагается; это бы еще ничего, еслибы палата Кортесовъ не под-

*

держивала существованіа недостойнаго министерства въ ущербъ правительству и самой монархіи. Маршалъ О'Доннель, кажется, хочетъ повторить грустный опытъ г. Гизо, и королева, повидимому, раздѣляетъ ошибочный взглядъ или, лучше сказать, ослѣпленіе своего министра. Гизо искажалъ установленіе парламента, подкупая избирателей, которые наполняли палату недостойными депутатами; Гизо не подозревалъ, что такимъ образомъ отнимаетъ у страны настоящій органъ ея мысля и мирное изложеніе ея воли и тѣмъ наталкиваетъ ее на путь революціонный. Его поразила революція 1848 г., какъ событіе неожиданное. Королева испанская, отвѣчая на поздравленіе депутатовъ Конгресса 6 января, говорила о значеніи страницы, которую, быть можетъ, посвятить ей исторія, упоминая о блестящемъ благосостояніи испанскаго королевства, о союзѣ общественныхъ властей, о сочетаніи порядка съ свободой. Трудно заблуждаться съ болѣе пылкой наивностью.

Вслѣдъ за королевою и мы примемъ параграфъ на той блестящей страницѣ, которая готовитъ ей исторія. Фактъ самый выдающійся и которымъ, вѣроятно, ея величество болѣе всего гордится, есть, конечно, экспедиція въ Сан-Доминго. Извѣстно, что экс-президентъ этой республики продалъ свое отечество генералъ губернатору острова Кубы, который не призадумался надъ покупкой. Гавань и столица были запружены испанскими солдатами и матросами, которые съиграли комедію и сдѣлали видъ, что уничтожили правительство, бывшее, между тѣмъ, ихъ тайнымъ сообщникомъ. Они схватили, разстрѣляли или изгнали нѣсколькихъ патріотовъ, водворили своего рода терроризмъ, и потому, какъ скоро островъ былъ объявленъ составной частью испанскаго королевства, они вообразили, что все кончено; но жестоко ошиблись: въ настоящее время подобныя измѣны требуютъ страшной платы. Сѣверные Соединенные Штаты отказались подтвердить своимъ одобреніемъ этотъ грабежъ и намѣрены когда нибудь истребовать въ немъ отчета. Туземцы, противъ воли причисленные къ испанскимъ подданнымъ, замышляютъ возстаніе противъ своихъ новыхъ братьевъ, относящихся къ нимъ, какъ побѣдители къ побѣжденнымъ. Испанцы острова Кубы—торговцы неграми и ворвались какъ владѣтели на островъ, заселенный Неграми и Мулатами. Сколько страшныхъ стычекъ можно ожидать! Даже самъ Сантани, этотъ герой и славный предводитель, какъ говорятъ оффиціальныя прокламаціи, даже онъ не доволенъ вознагражденіемъ за свою измѣну, хотя и назначенъ сена-

торомъ. Стыдъ, недовольство, нищета и болѣзни—вотъ что господствуетъ теперь въ этомъ краю; желтая лихорадка свирѣпствуетъ въ арміи и солдатъ замѣняютъ каторжниками!

Отправились въ Африку не зная зачѣмъ; вернулись оттуда, не зная какъ. Все—таки тамъ дѣло не кончено, несмотря на послѣдній договоръ, подписанный въ Мадридѣ, который оказывается ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ знаменитаго вадраскаго трактата. Замѣтите, что этотъ договоръ съ Марокко, равно какъ и другой съ Сан-Доминго, были заключены безъ вѣдома обѣихъ палатъ, которыя однѣ могли придать имъ законную силу. Еслибы даже Мавры и уплатили долгъ, вознагражденіе не могло бы покрыть огромныхъ расходовъ экспедиціи мароккской, которая стоила не менѣе 400 милліоновъ реаловъ и отъ 20 до 25 тысячъ людей, не считая многочисленныхъ инвалидовъ, существующихъ пожертвованіями общественной благотворительности.

Въ предъидущихъ письмахъ мы довольно говорили объ экспедиціи, предпринятой Франціей, Англіей и Испаніей противъ Мексики. Теперь ограничимся одними главными событіями.

Губернаторъ Примъ былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи, но его другъ и товарищъ, маршалъ Серрапо, генералъ губернаторъ Кубы, воспользовався близостью мѣстности, чтобы похитить начальство у своего сослуживца и первому броситься на богатую добычу. Онъ пришелъ въ Вера-Круцъ 7 декабря и завладѣлъ городомъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны мексиканскихъ властей; но этотъ слишкомъ ревностный воинъ получилъ отставку, вознагражденную впрочемъ титуломъ герцога за свой подвигъ. Последнія вѣсти, полученныя изъ Мексики, неутѣшительны, но надо помнить, что эти вѣсти выходятъ изъ лабораторіи гг. Тувенся и Дюбуа-де-Соллины, и что мы должны отказаться на нѣсколько мѣсяцевъ отъ полученія истинныхъ свѣдѣній объ этомъ краѣ.

Испанія, кажется, выбрала императоромъ для Мексики одного изъ сыновей Маріи Христіны; Англія колеблется между Донъ-Жуаномъ бурбонскимъ сыномъ герцога Монпансье, а императору Наполеону будто бы пришла мысль предложить Мексику архидержаву Максимилиану австрійскому, взятѣмъ Венеціи. Испанія не поняла, что для водворенія ея преобладанія въ Мексику, ей слѣдовало отправить туда одной, а не въ сообществѣ двухъ сильнѣйшихъ ея державъ. Президенту Линкольну приписываютъ намѣреніе вступить за Мексику и предложить конгрессу взять на себя денежную расплату съ

Франціей и Англіей. Если это предложеніе будетъ принято, и помощь придетъ во время, то предусмотрительная и ловкая щедрость американскаго правительства будетъ выше всякихъ похвалъ.

Самое значительное событіе прошлаго года—возстаніе жителей маленькаго города *Лома* въ Андалузіи, поразившее одинаково какъ прогрессистовъ, такъ и реакціонеровъ, потому что обнаружило неустойчивость правительства внутри страны. Мѣры, принятые правительствомъ для усмиренія возставшихъ, были таковы, что возбуждали общій рожь и породили новымъ волненіемъ въ разныхъ мѣстахъ государства. Недовольство растетъ съ каждымъ днемъ, и новые мятежи вспыхиваютъ въ Медина Цели, въ Мостолесъ, въ Мексикензе, въ Арко-де-ла-Фронтера и въ другихъ мѣстахъ. О'Доннелъ между тѣмъ говоритъ, что общество потрясается въ самыхъ своихъ основаніяхъ, и что протестантскій элементъ смущаетъ католическое единство! Истинная цѣль О'Доннеля—угодить ультрамонтанской партіи, во что-бы то ни стало, и что бы ни случилось. Никто не порицаетъ религіозныхъ чувствъ въ членахъ совѣта, положишь, что нѣтъ притворства въ ихъ ревностномъ благочестіи; но что дурно—такъ это то, что они приговорили къ каторжной работѣ на 7 и на 9 лѣтъ нѣсколькихъ человекъ, уличенныхъ въ обладаніи библіей или просто въ чтеніи святой книги. Что дурно, такъ это то, что министерство поддается влиянію и исполняетъ волю игуменьи Сен-Паскуала, сестры Патрочиніо, безстыдной искаательницы приключеній, которая въ 1836 г. была уличена и осуждена за незаконный промыселъ чудесами, которымъ она дѣйствовала тогда въ пользу Дона Карлоса, теперь она тѣмъ же обольщаетъ довѣренность королевы съ помощью монашья Кларетъ.

Отсюда всѣ эти религіозныя учрежденія, всѣ эти монастыри, воздвигаемые въ одно время съ казармами, отсюда же возвращеніе подъ высшее покровительство монашескихъ орденовъ, изгнанныхъ экономами.

Преслѣдованія печати продолжаются съ бѣльшой силой; кажется, хотѣли бы уничтожить совершенно все, что называется прогрессомъ и свободой. Директоръ журнала *El Pueblo* приговоренъ къ выгнанію и къ штрафу за нѣсколько стихотвореній. Не даромъ говоритъ Фигаро: «маленькіе люди боятся маленькихъ стихиковъ». Издатель «Иллюстраціи» въ Малагѣ осужденъ на 12 лѣтъ каторжной работы за распространеніе демократическихъ понятій. «Къ чему же вы приговорите меня», говорилъ г. Риверо малагѣ депутатовъ, «менд, поте-

рши воть уже 15 лѣтъ только и занимаюсь что развѣіемъ этихъ идей? Въ Севильи и Барселонѣ епископы сдѣлали торжественное ауто-да-фе книгамъ авторовъ, которыхъ не могли сжечь.

Главный двигатель испанской политики—это внушеніе іезуитовъ, партіи католической и преданной Риму; это—то вліяніе и производятъ страшную нетерпимость и гоненіе внутри страны, оно произвело мексиканскую экспедицію и побудило правительство послать на казенный счетъ къ бывшему королю неаполитанскому г. Бермудезъ де Кастро, не какъ посланника (по толкованію маркиза Мирафлоресъ), но какъ утѣшителя. Тому же вліянію іезуитовъ слѣдуетъ приписать и разрывъ Италіи съ Испаніей, разрывъ, которому народъ и общество въ Испаніи не могли сочувствовать. При отъѣздѣ изъ Мадрита барона Текко, итальянскаго посланника, его провожали главные представители журналовъ и палатъ, между прочими гг. Олозага и Риверо. Въ Барселонѣ, гдѣ онъ сѣлъ на корабль, масса народа шла за нимъ на берегъ съ восторженными кликами, доказывающими симпатію Испанцевъ къ Италіи.

Отношенія между клерикальнымъ правительствомъ Испаніи и либеральнымъ правительствомъ Португаліи сильно запутались. Прежній испанскій посланникъ въ Лисабонѣ, г. Алькапо Галиано уже замѣчалъ, что противно здравому смыслу возбуждать противъ себя страну, желающую тѣснаго союза, народъ, живущій на одномъ полуостровѣ. Прибавимъ, что еслибы испанское правительство было частнымъ человекомъ, то его давно посадили бы въ тюрьму за долги, не имѣя основанія ожидать уплаты; и такъ не правы ли мы, сказавъ, что Испанія находится въ затруднительномъ положеніи?

До послѣдняго времени Португалія была счастливою страной и тѣмъ болѣе, что не понадала въ страшный водоворотъ столкновеній и затрудненій остальной Европы. Въ настоящую минуту, несчастія постигшія королевскую фамилію заставили всѣхъ говорить о Португаліи. Молодой король, Педро V, былъ характера добраго и благосклоннаго, умна твердаго и честнаго; онъ былъ искренно привязанъ къ конституціи, которую покаялся соблюдать. Когда холера начала свирѣпствовать въ Лисабонѣ, и духовенство, подъ начальствомъ епископа, во множествѣ оставило городъ, молодой король, для ободренія народа, посѣщалъ госпитали и ходилъ за больными. Въ дѣлѣ «Карла и Георга», (судна, забиравшаго невольниковъ на Мозамбикскомъ берегу подъ высклигъ покровительствомъ правительства Франціи) Довъ Педро выка-

заявъ твердость и достоинство характера и заставил уважать свою страну. Въ дѣлѣ сестеръ иезуитокъ, присланныхъ въ Лиссабонъ изъ Франціи, онъ велъ себя какъ нельзя лучше. Послѣ некихъ мѣсяцевъ счастливаго союза, потерявъ свою прелестную супругу, урожденную принцессу Гогенцолернъ Зигмарингенъ, печальный король искалъ утѣшенія въ трудѣ и строгомъ изученіи философіи, въ особенности Канта и Гегеля. Португальцы горячо любили своего короля, одареннаго многими хорошими качествами, общавшаго сдѣлаться благодѣтелемъ своего народа. Вдругъ разнеслась грустная вѣсть: Донъ Педро умеръ почти скоропостижно тифозной горячкой. Не успѣли опомниться отъ перваго потрясенія этой вѣсти, какъ одно за другимъ пришли увѣдомленія, сперва о смерти одного брата короля инфанта Донъ Фернандо, потомъ о кончинѣ другаго инфанта Донъ Жѳо, и наконецъ, о болѣзни третьяго—Донъ Огусто. Воображеніе народа было поражено самымъ грустнымъ образомъ: большинство вообразило, что принцы пали жертвами ненависти иезуитовъ къ ихъ семейству. Заговорили объ отравленіи, обвиняли французскихъ сестеръ и предводителей реакціонерной партіи: маркиза Луль, графовъ Финало, д'Авила и Понте. Послѣдній, встрѣченный толпой возбужденнаго народа, получилъ нѣсколько ударовъ въ голову,—во дворцѣ его перебили все окна. Но послѣднимъ извѣстіямъ, Донъ Огусто былъ еще опасно боленъ воспаленіемъ въ легкихъ, и опасался, чтобы вліяніе столькихъ огорченій не отозвалось съ особой силой въ новомъ королѣ, Донъ Луисѣ и его несчастномъ отцѣ, регентѣ королевства. Двое знаменитѣйшихъ докторовъ были вызваны изъ Парижа въ Лиссабонъ съ величайшей поспѣшностью.

Швейцарія ознаменовала себя въ истекшемъ году особенной твердостью въ сношеніяхъ съ Франціей, которой не удалось напугать ее дѣлами Ville la Grande и Дашской долины, вопросами нерѣшанными до сихъ поръ, да врядъ-ли и требующихъ какого рѣшенія.

Когда подобнаго рода столкновение возникаетъ между Швейцаріей съ одной стороны и Франціей или Италіей съ другой (какъ напримѣръ въ дѣлѣ ломбардскихъ епископовъ и приходовъ Течино), тогда Австрія начинаетъ оказывать Швейцаріи разнаго рода любезности, принимаемая послѣдней очень охотно. Это не должно удивлять насъ и можетъ объяснить какъ нѣкоторые черты федеральной политики, какъ напр. ея нейтралитетъ нѣсколько австрійскаго цвѣта во время войны

1859 г., готовность, съ какою многие Швейцарцы вступаютъ въ римскую или неаполитанскую службу, и многое другое.

Въ настоящее время Швейцарія сильно клонится къ разрушенію федеральной формы различныхъ правленій, болѣе или менѣе аристократическихъ, чтобы сдѣлаться единодушной республикой космополитическаго характера. Это измѣненіе искренно и глубоко, и хотя незамѣтно для поверхностнаго взгляда, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ и рано или поздно запишется исторіей.

Одинъ изъ людей, наиболѣе подготовляющихъ этотъ новый порядокъ вещей,—это Джемсъ Фазы (Fazy), человекъ сомнительныхъ правилъ, но ума обширнаго, влияніе котораго на Женеву и на всю Швейцарію очень велико.

Что касается до германскихъ государствъ, то, чтобы не вдаваться въ излишніе длинноты, мы представимъ прежній хронологическій перечень случившихся тамъ главнѣйшихъ событій.

2-го января. Смерть Фридриха Вильгельма IV и вступленіе на престолъ Вильгельма I въ Пруссіи.

Правительство гессенское предложило германскому союзу запретить National-Verein.

6 февраля. По предложенію г. Винке, палата депутатовъ приняла по большинству 156 голосовъ противъ 142, слѣдующее рѣшеніе: «Мы считаемъ противнымъ интересу Пруссіи и любителей Германіи, сопротивленіе прогрессивному утверженію Италіи».

Несмотря на то, г. Бернсторфъ, одиннадцать мѣсяцевъ спустя, не рѣшился еще признать существованія королевства Италіи.

7-го февраля. Сеймъ требуетъ у Даніи отвѣта на рѣшеніе 8-го марта 1860 г. и даетъ сроку не болѣе шести недѣль, въ противномъ случаѣ общааетъ прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ. Это рѣшительное требованіе приводитъ всѣ умы въ замѣшательство. Въ Германіи и внѣ ея люди недовольные ожидаютъ войны.

26-го февраля. Обнародованіе конституціи и устава внутреннихъ учреждений, съ назначеніемъ сеймовъ во всѣхъ провинціяхъ австрійской имперіи.

4-го марта. Въ Штутгартѣ, камера депутатовъ противится утвержденію стѣснительнаго договора съ папою.

25-го марта. Сеймъ въ Голштиніи единодушно отвергаетъ проектъ конституціи, предложенный датскимъ правительствомъ.

4-го апрѣля. Сенатъ провозглашаетъ въ Бременѣ свободу торговли.

6-го апрѣля. Открытіе сеймовъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ австрійской имперіи.

8-го апрѣля. Обнародованіе въ Вѣнѣ грамоты, дающей протестантамъ равныя права въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи.

7-го мая. Открытіе австрійскаго императорскаго государственнаго сейма. За отсутствіемъ уполномоченныхъ отъ Венгріи, Венеціи и др. рѣшенія его не получаютъ силы закона. Засѣданія однако открыты въ несуществующей до сихъ поръ надеждѣ достигнуть полнаго числа членовъ.

13-го мая. Собраніе торговаго конгресса въ Гейдельбергѣ.

22-го мая. Открытіе вторичныхъ переговоровъ въ Вюрцбургѣ. Баварія, Вюртембергъ, Ганноверъ, Саксонія, Нассау и оба Гессенскія княжества посылаютъ туда своихъ представителей.

31-го мая. Сеймъ предлагаетъ принять проектъ торговаго устава.

12-го іюня. По рѣшенію вюртембергскаго короля договоръ съ папою уничтоженъ. Великое герцогство Баденское вскорѣ должно было объявить то же мнѣніе. Жалобы со стороны католиковъ, помѣщиковъ и приверженцевъ католической религіи. Либералы торжествуютъ.

12-го іюня. Въ Ганноверѣ подписанъ договоръ, уничтожающій подорожное право.

24-го іюня. Принятіе Пруссіей торговаго устава союзной Германіи.

1-го іюля. Новая палата депутатовъ въ Гессенскомъ княжествѣ требуетъ возстановленія конституціи 1831 года. Она распущена. Выродившееся тридцати лѣтъ это маленькое княжество почти безпрерывно занято усмиреніемъ такого рода волшеній. Министры хотятъ управлять сами, вопреки палатамъ, которыя отъ времени до времени собираются и распускаются.

4-го іюля. Баденское правительство предлагаетъ сейму не противиться возстановленію конституціи въ електоральномъ гессенскомъ княжествѣ. Дѣло объ этомъ откладывается въ долгій ящикъ.

14-го іюля. Покушеніе Оскара Беккера на жизнь короля Вильгельма I въ Баденъ-Баденѣ. «Kreis-Zeitung» обвиняетъ либераловъ въ этомъ умыслѣ.

21-го іюля. Празднество вѣнецкихъ пѣвцовъ въ Вюртембергѣ.

28-го іюля. Праздникъ ружейныхъ мастеровъ въ Готѣ. Множество

собраний ученых, естественных испытателей, политико-экономовъ, законовѣдовъ—представителей оппозиціонной партіи сейма.

30-го июля. Соединенныя камеры въ Кобургѣ и Готѣ одобряютъ военныя условія, заключенныя между герцогомъ и прусскимъ правительствомъ. Ободренный такимъ началомъ герцогъ старается присоединить къ прусскому ученому сословію и свое.

12-го августа. Сеймъ удостоиваетъ одобренія свидѣнію, даннымъ датскимъ правительствомъ касательно Гомитинія.

22-го августа. Распущеніе венгерскаго сейма, признавшаго мятежнымъ.

25-го августа. Собраніе National-Verein въ Гейдельбергѣ. Безпокойства, возбужденныя по поводу нѣмецкаго флота, предоставленнаго въ подарокъ Пруссіи. Англійскіе журналы подсмѣиваются надъ этимъ движеніемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

And did the little German cry
 «J want to have a fleet?»
 A navy in his little eye?
 Oh! what a grand conceit!
 Well; if he'll promise to be good
 His wish he shall enjoy!
 See, here's a ship cut out of wood:
 A proper German toy! (*)

29-го августа. Палата депутатовъ не соглашается на предложеніе ввести свободу промышленности въ Баваріи.

11-го октября. Г. Шлейницъ, подавившій такія блестящія надежды уступать свое мѣсто министру иностранныхъ дѣлъ г. Беренstorфу.

14 го октября. Свиданіе въ Компьенѣ короля Вильгельма и императора Наполеона. Торжественный поѣздъ прусскаго короля отъ Рейна къ Прегелю. Коровація въ Кенисбергѣ.

23-го октября. Торжественный въѣздъ въ Берлинъ. Великолѣпное торжество, данное французскимъ посланникомъ.

(*) И вотъ маленький Нѣмецъ закричалъ: я хочу имѣть флотъ и морскую силу передъ мощи глазами. О какой благодатный замысль! Ну, такъ и быть, если онъ обѣщаетъ быть умницей, мы удовлетворимъ его желаніе. Вотъ корабликъ, вырѣзанный изъ дерева, какъ разъ подходящая нѣмецкая игрушка.

31-го октября. Саксенъ-Кобургъ-Гота требуетъ отъ сейма разбора дѣлъ National-Verein, преобразования союза въ пользу народнаго представительства, утвержденія единства въ управленіи войсками и устройстве министерства иностранныхъ дѣлъ.

7-го ноября. Приказъ о военныхъ податяхъ и возобновленіе военного положенія Венгріи.

8-го ноября. Общія выборы. Помѣщики терпятъ поражение. Прогрессивная партія получаетъ около ста назначеній. Нѣмецкая демократія невидящему снова хочетъ вступитъ въ свои политическія права. Король недоволенъ. Министерскій кризисъ дѣлается ощутительнѣе, но дѣла остаются въ неопредѣленномъ состояніи. Жаркіе споры по поводу военного бюджета.

13-го декабря. Баденскіе депутаты требуютъ преобразования сейма и народнаго парламента, какъ было въ 1848 году. Подумали ли эти добрые люди о томъ, чего добиваются?

Г. Либертъ, государственный министр Норвегіи, подалъ въ отставку только для того, чтобы набавиться отъ представленія королю адреса, написаннаго въ духѣ самомъ неблагопріятномъ для скандинавскаго соединенія, которое составляетъ любимую мечту Карла XV. Для этой цѣли король думаетъ предложить будущему собранію государственныхъ чиновъ разсмотрѣніе вновь составленнаго имъ закона относительно выборовъ. Съ той же цѣлью онъ ѣздилъ прошедшимъ лѣтомъ во Францію и въ Англію. Наполеонъ принялъ его очень радушно, но правительство Англіи обошлось съ нимъ очень холодно.

Обращаемся къ Турціи. Султанъ Абдуль-Меджидъ имѣлъ несчастіе до настоящей смерти пережить самого себя. Это не значитъ, чтобы онъ лишился употребленія умственныхъ способностей и сдѣлался идиотомъ. Онъ сохранилъ свой здравый смыслъ, логичность сужденій, всю мыслительную дѣятельность, но способности его постепенно ослабѣвали и теряли свою жизненность. Появленіе его на свѣтъ было встрѣчено восторженными восклицаніями. Его отецъ былъ жестокъ; саму предсказывали кротость и доброту; впоследствии кромѣ этихъ качествъ открыли въ немъ свѣтлый умъ. Всѣ ждали, что онъ приведетъ къ доброму окончанію реформы своего предшественника, дичавшіяся мірами грубыми и насильственными. Къ несчастію Турціи эти ожиданія не оправдались: молодой государь оказался человѣкомъ ограниченнымъ и лишеннымъ твердой воли. Его любимцы разстроили государственные финансы, а любимицы разстроили его здоровье. Не

будучи золь етъ природы, онъ былъ кавриленъ и упрямъ, какъ всѣ слабые люди; прихотливъ и испорченъ, какъ всѣ тѣ, которые всю жизнь свою не сдѣлали ничего хорошаго; сентимтъ, какъ всѣ, кто окруженъ развратомъ. Уступая могущественному вліянію запада, онъ обнаружилъ свой знаменитый Гатти—Гуманомъ, единственнымъ недостаткомъ коего была невозможность привести его въ исполненіе. Было ли это дѣйствительно неисполнимо? Разумѣется, нѣтъ, отвѣчаетъ оптимистъ;—Конечно, нѣтъ, скажутъ пессимисты, видяще въ Турціи большаго до такой степени близкаго къ смерти, что скорѣе слѣдуетъ подумать о раздѣленіи остающагося ему наследства, нежели о борьбѣ съ его недугомъ помощью лекарствъ и леченія.

Еслибы больной не былъ предоставленъ попеченію подобныѣхъ докторовъ, еслибы предоставилъ дѣйствовать самой его натурѣ, то еще можно было бы сохранять какую либо надежду; но доктора сами не хотятъ спасти его отъ смерти и если существованіе его поддерживается еще, то единственно по причинѣ взаимной зависти наследниковъ, скорѣе соглашающихся оставить имѣніе въ рукахъ умирающаго, нежели рѣшиться отдать его въ руки одного счастливаца изъ своей собственной среды. Фанатическая вѣра Ислама обратилась въ бичъ для Турціи. Въ ней существуетъ партія реформаціонная, но мы не можемъ предсказать ей большаго успѣха, потому что она твердо держится за нравовѣріе магометанства. Члены этой партіи принадлежатъ по большей части къ бѣдному классу общества. Богатая и блестящая молодежь, воспитанная въ Парижѣ и Лондонѣ, зараженная всѣми пороками востока и запада, чуждается партіи старыхъ Турокъ, мечтающихъ о возвращеніи древней простоты нравовъ и о возрожденіи государства на строгихъ началахъ мусульманской нравственности. Эта партія заявила о своемъ существованіи заговоромъ, имѣвшимъ цѣлью уронить министерство Абдуль—Меджида и замѣнить его составъ людьми честными. Чѣмъ болѣе мы уважаемъ принципы этой избранной партіи, тѣмъ менѣе можемъ обѣщать ей успѣха. Главнѣйшею реформою, которую слѣдовало бы сдѣлать, все-таки остается секуляризація владѣній духовенства, которыя занимаютъ лучшую часть государства.

Противъ такой рѣшительной мѣры немедленно вооружилось бы духовенство и мы увидѣли бы, что и въ Турціи, равно какъ въ Италіи не легко посягнуть на земныя достоинства служителей церкви. Султанъ — своего рода папа и глава вѣрующаго. Можно было бы спросить наконецъ этихъ реформаторовъ, возможно ли по теоріи поправить по-

ложканіе государства помощью того же Корана, который не помышлялъ его паденію? Не самъ ли Коранъ посылалъ семена разрушенія своимъ ученіемъ о предопредѣленіи, заставающимъ слабого человѣка не бороться противъ зла, а безроотно склоняться передъ нимъ. Это ученіе способно иногда воодушевить множество къ могучей энергіи и героизму, какъ мы это видимъ въ исторіи Арабовъ и калмыкистовъ, направляетъ всѣхъ робкихъ и нерѣшительныхъ людей къ безответной готовности на всѣхъ возможныхъ бѣдствіяхъ. Предопредѣленіе можетъ быть убѣжденіемъ и сильного, и слабого; но эта двойственность доказываетъ только шаткость Ислама, а нисколько не силу его. Для Турціи нужно новое ученіе, въ новой формѣ; но приверженцы лучшей формы, слѣдующаго Магомету, не хотятъ измѣнять духу своего исповѣданія, а преобразователи самаго смысла мусульманскаго ученія, какъ Кунриали-Паша не думаютъ объ измѣненіи формы; такъ ни съ той ни съ другой стороны не видно спасенія для Турціи.

Тѣ же надежды что и при вступленіи на престолъ Абдуль-Меджда овладѣли Турками при извѣстїи о воцареніи Абдуль-Азиса, но вскорѣ уступили мѣсто полному разочарованію. Султанъ, въ сущности очень добрый человѣкъ, въ слѣдствіе познанія дѣлъ, зависитъ волюнъ отъ окружающихъ лицъ, сколько нибудь болѣе его свѣдущихъ и принадлежащихъ безъ исключенія къ партіи испорченныхъ. Несмотря на нѣкоторые перемѣны, фавориты прежняго двора остаются и при вышннемъ; до сихъ поръ замѣщенія касались однихъ фаворитовъ; страсть къ постройкѣ дворцовъ замѣнилось страстью къ кораблестроенію: это та же безнечная расточительность среди всеобщаго разстройства, то же мотовство, въ ту самую минуту, когда Омеръ-Паша нечѣмъ улаживать жалованье своимъ войскамъ и заработанная плата возвышается до непомерно-высокой цѣны. Въ началѣ прошедшаго года дѣло Миреса отбило у европейскихъ капиталистовъ на долго охоту доверять свои деньги Турціи; тѣмъ не менѣе однако сочли нужнымъ въ слѣдствіи вымалывать у Англіи заемъ, въ которонъ было отказано. Фуадъ-Паша былъ всячески побуждаемъ къ спасенію казначейства отъ катастрофы. Въ настоящее время Фуадъ-Паша, какъ финансовый геній Турціи служитъ ей единственною надеждою подобно г. Бруку въ Австріи или г. Ахиллесу Фульду во Франціи. Посреди этой денежной неурядицы европейскіе негодяи и Армяне успѣваютъ отлочно устраивать свои дѣла и ловить рыбу въ мутной водѣ.

При такихъ обстоятельствахъ политическое разстройство продолжается. Соединеніе Молдавіи и Валахіи подъ конституціоннымъ правленіемъ Александра Кузы признано наконецъ высокою Портою; христіанское населеніе стремится къ возстанію тайно и явно, на всемъ протяженіи отъ Чернаго моря до Адріатики; наконецъ между арміею Омера Пашы, Герцоговинцами и Черногорцами нѣсколько мѣсяцевъ уже идетъ война. Въ Сиріи продолжается взаимное несогласіе Друзовъ и Маронитовъ, бывшее причиною столькихъ убійствъ и кровавыхъ стычекъ. Изъ-за этихъ племенъ поглядываютъ Англія и Франція точно также, какъ и въ дѣлѣ Суэзскаго канала. Прорытіе его подвигается, и низверженіе Ель-Гвирекаго порога дастъ возможность компаніи избѣгнуть работы на 20 метровъ въ глубину. Если дадутъ время окончить это предпріятіе, то оно дастъ другой оборотъ восточному вопросу въ дѣлѣ общечеловѣческихъ интересовъ. Остановка зависить теперь ужъ исключительно отъ соперничества уполномоченныхъ.

Переходя къ Греціи, мы можемъ замѣтить, что эта маленькая страна мало интересуется насъ. Нужны были два покушенія на жизнь короля и королевы, чтобъ пробудить общественное вниманіе къ этому государству. Можетъ быть оно представляетъ самый разительный контрастъ между его грустнымъ настоящимъ, славнымъ прошедшимъ и блестящимъ будущимъ. Можетъ быть Греки вторично будутъ играть первую роль въ Средиземномъ морѣ и даже перегонять Итальянцевъ въ дѣлѣ цивилизаціи, но для этого нужно, чтобъ Критъ, Кипръ, Смирна и Византія не были подъ властью Турокъ и чтобъ англо-саксонское племя избавило отъ своего покровительства Ионическіе острова, гдѣ оно владычествуетъ при помощи армстронговыхъ пушекъ.

Внутри государства Англичане были необыкновенно спокойны. Движенія волонтеровъ успокоиваются. Двѣ или три попытки къ избирательной реформѣ не удались по причинѣ несодѣйствія лорда Джона Росселя. Конечно, въ Ирландіи былъ голодъ, мануфактурные дистрикты понесли огромные убытки, но это нисколько не касается официальной Англіи, гдѣ безспорно царствуетъ всемогущій Пальмерстонъ.

Самое замѣчательное происшествіе было смерть принца-супруга—вредное прозвище, придуманное британскою чопорностью. Принцъ Альбертъ открыто не подавалъ голоса въ конституціи, но влияние его было несомнѣнно. Онъ былъ человекъ образованный и умный, богато одаренный тѣмъ качествомъ, которое одно могло его поддержать—тактомъ. Его

вліяніе на общественныя дѣла было миролюбиваго характера, и въ этомъ его величайшая заслуга; но онъ принадлежалъ скорѣе къ партіи аристократовъ нежели либераловъ. Въ глубинѣ души онъ всегда оставался кобургскимъ принцемъ и вассаломъ Австріи. Онъ не заботился ни о Венгерцахъ, ни о Славянахъ и отъ души ненавидѣлъ Ирландцевъ. Вообще, это былъ человекъ скорѣе умный нежели свинатичный. Одно время его вліяніе преобладало надъ вліяніемъ Пальмерстона, но послѣдній уронилъ его своими журналами въ общественномъ мнѣніи, такъ что принцъ Альбертъ прпнужденъ былъ объявить себя пообъжденнымъ.

Исторія внѣшнихъ событій въ Англіи за это время представляетъ большее разнообразіе. Эта неустанная нація пріобрѣла себѣ новую Калифорнію въ золотыхъ россыпяхъ на берегахъ рѣки Фразера въ англійской Колумбіи. Въ Африкѣ она завладѣла цѣлымъ королевствомъ Лагосъ, которое она пріобрѣла за незначительную сумму отъ прежняго короля. По условіямъ заключеннаго договора, дѣлающаго честь Англичанамъ, они соглашаются терпѣть присутствіе туземцевъ на ихъ землѣ. Въ Океаніи они также за бездѣлицу пріобрѣли право верховнаго господства надъ островами Фидуле, откуда они думаютъ противодѣйствовать американскому вліянію на Сандвичевы острова. Въ Австраліи, по соедѣству съ тропикомъ, основалась англійская колонія, которую ожидаетъ блестящая будущность, благодаря прекраснымъ гаванямъ, многочисленнымъ рѣкамъ, плодородію почвы, очаровательности климата и центральному положенію между материками. Австралія открыта такимъ образомъ духу предпріятій Европейцевъ, но въ то же время и хищничеству, съ которымъ англосаксонское племя распространяетъ свое опустошительное вліяніе. Такъ немногочисленные туземцы Австраліи пропадаютъ и искореняются вліяніемъ пришельцевъ, окруженные чуждыми имъ учрежденіями и непонятной цивилизаціей. На огромной территоріи Ванъ-Дименовой земли они истреблены совершенно, такъ что отъ прежняго населенія не осталось и слѣда.

Но нигдѣ подобная очистительная смета не представляется въ такомъ жалкомъ видѣ какъ въ Новой Зеландіи, этомъ географическомъ антиподѣ Великобританіи и одномъ изъ прелестнѣйшихъ острововъ въ свѣтѣ. Англичане перенесли туда свою цивилизацію, свои учрежденія, церковную іерархію и свою High Church. Туземцы при—

надлежать къ одной изъ лучшихъ расъ, красивы, сильны, здоровы и способны. Съ удивительнымъ рвеніемъ приняли они христіанство, нравы и законодательство Англичанъ, удовлетворившись правомъ владѣть своею землею, наравнѣ съ пришельцами. Въ возникавшихъ беспорядкахъ и гражданскихъ войнахъ Англичане всегда оказывались правыми: *de jure*—по словамъ Times и *de facto*—при помощи штыковъ. Все это привело къ тому, что прекрасное народонаселеніе, простиравшееся до 200,000, по свидѣтельству первыхъ миссіонеровъ, уменьшилось до 60 тысячъ. А китайская война, въ которой Французы вмѣстѣ съ Англичанами являются сѣятелями протестантизма, іезуитизма и всѣхъ благъ западной цивилизаціи и сжигаютъ замѣчательнѣйшій музей въ свѣтѣ, гдѣ были собраны памятники наукъ, искусствъ и исторіи за цѣлыя десятки вѣковъ—что это такое?

Отдохнемъ на минуту отъ этого печальнаго зрѣлища и обратимся къ болѣе утѣшительному событію, совершившемуся въ Индіи. Эта огромная страна, предоставленная въ добычу голоду и чумѣ, постоянно ослабляемая поборами, будетъ теперь въ состояніи откупиться хотя немного отъ этого послѣдняго зла. Благодаря правамъ собственности, дарованнымъ Индусамъ наравнѣ съ Англичанами, процвѣтутъ трудолюбіе и довольство и сдѣлается доступною извѣстная степень прогресса. О! какую дурную память оставилъ бы по себѣ 1861 годъ, если бы изъ-за Англіи, въ теченіи его, возгорѣлось братоубійственная война между старымъ и новымъ свѣтомъ. Англичане все для этого сдѣлали. Вызовъ полученъ былъ изъ Лондона; вся Европа, Соединенные Штаты, сама Англія и всѣ мы, сколько насъ ни есть, сдѣлались игрушкою лорда Пальмерстона. Извѣщая по телеграфу о взятіи Трента, лондонскаго посланника Соединенныхъ Штатовъ, вашингтонскій кабинетъ объявлялъ, что такъ какъ капитанъ Грельксъ дѣйствовалъ безъ всякой инструкціи, то оно не оправдываетъ его поступка. Лордъ Пальмерстонъ, не показавъ виду, что знаетъ объ этомъ, объявилъ Англію жестоко оскорбленною, поддерживалъ непріязненное расположеніе населенія къ Американцамъ, сдѣлалъ огромныя приготовленія къ войнѣ, употребивъ на нихъ нѣсколько сотенъ милліоновъ изъ заемныхъ банковъ и послалъ въ Канаду войска. А когда содержаніе депешъ сдѣлалось извѣстно, онъ отрицалъ самое существованіе ея.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ послѣднемъ событіи минувшаго года и скажемъ только, что, одержавъ побѣду надъ самой

Отд. II.

собой, Сѣверная Америка восторжествовала и надъ Южными Штатами и надъ Англією.

Для американской республики 1861 годъ имѣлъ по преимуществу серьезное значеніе. Со времени объявленія независимости, Соединенные Штаты не испытывали ничего подобнаго настоящимъ затрудненіямъ. Они даже имѣютъ большее значеніе, чѣмъ революція. Тамъ дѣло шло о политическихъ правахъ народа, а теперь оно касается освобожденія цѣлаго племени, поработеннаго съ незапамятныхъ временъ, о примиреніи потомковъ Хама и Каета, враждовавшихъ столько столѣтій. Несмотря на естественное отвращеніе ко всякой войнѣ, мы съ радостью останавливаемся передъ американскою борьбой; она прибавитъ новое доказательство той истины, что общество не можетъ существовать на ложныхъ началахъ; еще разъ ясно увидитъ мѣръ, что всякое благосостояніе безъ добраго принципа, есть химера, самая обманчивая и кратковременная.

Да, Соединенные Штаты въ самомъ разгарѣ войны представляютъ болѣе утѣшительное зрѣлище, чѣмъ другое государство, чинное и спокойное въ родѣ французской имперіи. Правда, судя по внѣшности, Франція представляется страню самую счастливою. Городскіе бульвары кипятъ щеголями, театры гремятъ шумомъ аплодисментовъ, богатые дворцы наполняются блестящимъ обществомъ, солдаты вмѣсто войны заняты маршированіемъ по улицамъ и плашпарадами, тысячи чиновниковъ только то и дѣлаютъ, что чинятъ перья да ходятъ поздравлять начальниковъ, а журналы каждый вечеръ тѣшатъ довѣрчивое вниманіе публики заученными фразами. Въ Америкѣ, напротивъ того, сборища бываютъ только или на мѣстѣ сраженія, или на пожарахъ. Милліоны вооруженныхъ людей дерутся по частямъ, прежде чѣмъ поборются съобща; то тамъ, то здѣсь цѣлыя шайки воровъ кочуютъ по опустошеннымъ деревнямъ, десятки тысячъ бѣгльцовъ черныхъ и бѣлыхъ разсыяны по дорогамъ; одни бѣгутъ отъ своихъ господъ, другіе отъ непріятеля; цѣлые города пылаютъ; искусственные утесы воздвигнуты при входѣ въ гавани; и все—таки это ужасное зрѣлище само по себѣ менѣе печально, нежели мертвенное усыпленіе народа. Тамъ народъ не усыпленъ; онъ бодрствуетъ среди своихъ бѣдствій, и непризнанныя до сей поры права говорятъ за себя пушечными выстрѣлами.

Соціальный прогрессъ за прошедшій годъ имѣетъ свое значеніе; въ этомъ можно убѣдиться, сравнивъ конецъ 1860 съ кон-

дешь 1861 года. Тогда рабство было во всей силѣ учрежденія, освященнаго временемъ; оно считалось краеугольнымъ камнемъ американскаго общества. Президентъ республики былъ орудіемъ въ рукахъ плантаторской олигархіи; высшій народный судъ казался совѣтомъ рабовладѣльцевъ; конгрессъ походилъ скорѣе на кушеческое собраніе; торговля неграми производилась не только безъ стыда и совѣсти, но и безъ малѣйшей опасности для продавцевъ; число пашей, обрабатываемыхъ рабами, постоянно возрастало и расплодилось, какъ плодятся грибы на разныхъ нечистыхъ мѣстахъ. По закону плантаторы получили право переносить все свое движимое имущество, а въ томъ числѣ и невольниковъ въ долины Канзаса, въ необъятныя луговые степи Неброскія и на возвышенности Утаа и Колорадо. Двѣ трети республики заняты были рабами; свободное населеніе постепенно умѣньшалось. Слово американцевъ сдѣлалось равнозначущее слову: плантаторъ. Всякое служащее лицо, какъ въ войскѣ такъ и въ администраціи, подвергалось немедленной отставкѣ за укрывательство бѣглаго негра.

Прошло двѣнадцать мѣсяцевъ, и теперь этотъ законъ получилъ обратный смыслъ: за выдачу бѣглыхъ рабовъ служащія лица подвергаются отрѣшеніямъ отъ должностей; громадная территория Неброска, по пространству обширнѣе Германіи, была освобождена отъ рабства, чтобы сдѣлаться навсегда странюю свободною; Канзасъ, тоже свободная область, выставилъ десять тысячъ вооруженныхъ аболиціонистовъ, написавшихъ на своихъ знаменахъ: «*Freedom for all*» (свобода для всѣхъ); болѣе 50,000 невольниковъ оставили Миссури, благодаря аболиціоннымъ войскамъ.

Въ Кентукки и Виргиніи также пограничныя деревни лишились своего несвободнаго населенія; на полуостровѣ Аккомакѣ, къ востоку отъ Чезапека, 10,000 негровъ въ нѣсколько дней завоевали себѣ свободу. Конгрессъ обсуждалъ вопросъ о конфискованіи и освобожденіи всѣхъ невольниковъ, принадлежащихъ отложившимся плантаторамъ; президентъ предлагаетъ устроить колонію на свободныхъ земляхъ изъ негровъ, получившихъ гражданскія права. Разумѣется, отъ подобныхъ мѣръ еще далеко до безусловнаго признанія равноправности всѣхъ племенъ и неотъемлемаго права всего человѣчества на свободу. Американецъ, воспитанный на презрѣнїи къ Негру, не признастъ еще своего брата въ этомъ существѣ съ черной кожей, и, даже освобождая его отъ прежняго господина, освободитель не имѣетъ въ виду ничего кро-

мѣ конфискованія цѣнной собственности, но, благодаря этому коншекованію, рабъ дѣлается свободнымъ человѣкомъ и прежній корифей рабства превращается въ аболиціониста. Кромѣ того общественное мнѣніе съ каждымъ днемъ высказывается яснѣе и яснѣе противъ востыднаго учрежденія, сдѣлавшагося причиною войны. Сознаніе долгаго преступнаго поведенія республики относительно негровъ дѣлается болѣе и болѣе искреннимъ, и, благодаря ненависти къ рабовладѣльцамъ, является сочувствіе къ самимъ рабамъ. Такимъ образомъ убѣжденіе въ равноправности человѣческихъ племенъ вкореняется глубже и глубже среди ужасовъ войны: Соединенные Штаты никогда не опѣнятъ всего величія этого убѣжденія, которое даетъ имъ возможность устроить заново свою республику на иныхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ. Ради такого результата они могутъ примириться съ истребленіемъ своихъ хлѣбныхъ запасовъ, истощеніемъ финансовъ и гибелью нѣсколькихъ тысячъ своихъ защитниковъ. Развѣ не обвиняютъ Американцевъ въ излишнемъ поклоненіи деньгамъ? Вотъ имъ удобный случай доказать, что въ глубинѣ ихъ убѣжденій лежитъ священная любовь къ отечеству и чувство долга.

Исторія прошедшаго года относительно Америки представляетъ два рѣзко отдѣляющіеся періода: до разрыва съ Южною Каролиною и послѣ него. Сначала все шло отлично у мятежныхъ штатовъ. Въ настоящее время доказано, что возстаніе было давно подготовлено; министерство Бьюканана воспользовалось общественными доходами для доставленія первыхъ средствъ для будущей войны. Министры перевезли пушки на югъ, обирая крѣпости, расположили федеральныя войска на границахъ Мексики и Канады, снарядили флотъ въ Средиземное море, въ Индійскій и Тихій океаны. Когда Южная Каролина объявила себя независимою, плантаторы другихъ невольничьихъ штатовъ тотчасъ же завладѣли оставленными гаванями, поставивъ своими предводителями сенаторовъ, извѣстныхъ неоднократнымъ вѣроломствомъ, прервали всякое сношеніе съ федеральною партіей. Другіе, какъ напримѣръ Виргінія, оставались еще по наружности членами союза, но втайнѣ готовили разрывъ и укрощали воинственныя стремленія Янки лживыми обѣщаніями. Бьюкананъ, бывший президентъ Соединенныхъ Штатовъ, по своей слабости сдѣлавшійся однимъ изъ виновниковъ возстанія, смотрѣлъ очень снисходительно на распаденіе союза. Линкольнъ, теперешній президентъ, сдѣлавшись хозяиномъ «Блага дома», выказывалъ презрѣніе къ мятежу и не замѣчалъ, что рабство было его

причиною. Держась одного темнаго параграфа конституціи, онъ сдѣлалъ воззваніе къ оружію, но безпокойства продолжали все-таки возрастать: фортъ Сѣмтеръ былъ сдавъ Каролинцамъ, норфолькскій арсеналъ съ своими фрегатами и линейными кораблями перешелъ въ руки Виргинцевъ, безпорядочное федеральное войско потерпѣло манасасское пораженіе, и еслибы у предводителя непріятельскихъ войскъ было побольше смѣлости, можетъ быть, ворота самой столицы отворились бы передъ его пушками.

Но съ этой минуты счастье снова обернулось къ Сѣверо-Американцамъ; по стеченію обстоятельствъ, вовсе, впрочемъ, не случайныхъ, только со времени манасасской битвы заговорили объ освобожденіи Негровъ. Вдали отъ робкаго вашигтонскаго правительства, въ штатѣ Миссури, генералъ Фримонъ первый осмѣлился объявить, что невольники мятежныхъ штатовъ будутъ считаться свободными. Эта выходка стоила ему отставки, но и послѣ него, почти всѣ начальники войскъ объявляли, что ни одинъ убѣжавшій невольникъ не будетъ выданъ, и всѣ плантаторы, изъявившіе притязаніе на возвращеніе своихъ Негровъ, рисковали сами подвергнуться аресту. Измѣненіемъ своихъ отношеній къ плантаторамъ и ихъ невольникамъ, федеральное правительство оправилось мало по малу; оно обезопасило Вашингтонъ, управлялось съ Кентукки, рѣшительно завладѣло двумя третями Миссури; потомъ при помощи флота, долго остававагоси безъ употребленія, федеральныя войска возвратили Сѣмтеръ, а затѣмъ и архипелагъ, охраняющій бухты Саванны и Чарльстова; въ послѣднее время они овладѣли и Новой Исландіей, чтобы запретить всякое движеніе торговли Нового Орлеана, они окружаютъ сепаратистовъ цѣнью своихъ батарей и уже успѣли довести плантаторовъ, когда-то столь гордыхъ своими богатствами, къ дѣйствительной нищетѣ. Чтобъ остаться цѣлыми, эти владѣльцы должны совершенно отказаться отъ обработки хлопка. Продуктъ, доставлявшій имъ такъ долго монополію на ливерпульскихъ рынкахъ, ускользаетъ отъ нихъ навсегда. Сколь бы они ни боролись въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и даже цѣлыхъ лѣтъ, сколько бы ни сопротивлялись роковому ходу дѣлъ, со всѣмъ возможнымъ безстрашіемъ отчаянія, сколько бы ни пытались сосредоточить свои силы—гибель ихъ неизбежна и, можетъ быть, также безошибочно предсказана, какъ и окончательное уничтоженіе невольничества.

Хотя минувшій годъ не зажегъ ни одной большой войны въ Европѣ, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ многое, что возбудило сильныя

опасения со стороны самых равностных оптимистов. Годъ тому назадъ будущее представлялось намъ грозной тучей, несущей бурю и градъ и затемняющей весь горизонтъ. Страшный вулканъ разразился въ Сѣверной Америкѣ; Италия, Венгрія, Турція казались тремя Везувіями. Никто не предполагалъ, чтобы всюду потрясенный порядокъ вещей могъ долго существовать; всѣ ожидали, что весной вспыхнетъ общая война, и каждый готовился какъ могъ. Сильнѣйшіе соперники въ Европѣ снаряжались къ борьбѣ. Громадныя приготовления Англіи возбуждали или огромные замыслы, или глубокія опасенія. Французское правительство съ своей стороны вооружалось какъ въ грозный походъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ желало скрыть свои настоящія заботы, что не вписало въ свой оффиціальный бюджетъ 50,000 солдатъ, которыхъ готовило къ дѣлу постояннымъ учениемъ; строило 70 судовъ, не говоря о нихъ ни слова. Противъ кого же вооружалась Англія? Съ кѣмъ готовилась бороться Франція? Цѣлые транспорты оружія доставлялись съ помощью контрабанды въ Дунайскія княжества, въ Триестъ и Рагузу; австрійскія и турецкія флотиліи были на сторожѣ. Со скалъ Капреры раздавался голосъ, который и теперь взываетъ тоже: «вооружайтесь! Пусть миллионъ итальянцевъ вооружится миллиономъ ружей и явится подъ стѣнами Рима и Венеціи!» И въ этихъ громадныхъ вопросахъ Австріи, Италиі, папства, невольничества и исламизма, сколько еще второстепенныхъ вопросовъ, грозившихъ породить важныя столкновения! Присутствіе французскихъ войскъ въ Сиріи сильно нравилось Англіи; вмѣшательство французскихъ судовъ въ Гаэтѣ тревожило итальянцевъ еще болѣе, чѣмъ вмѣшательство г. Гойона въ Римѣ; Шлезвигъ-Голштинское дѣло принимало очень непріятный оборотъ; Пруссія, Германскій союзъ и Данія обмѣнивались ультиматумами, которые можно бы принять за вызовы на дуэль; Франція, Англія и Россія удерживали ихъ нотами и дипломатическими уговорами полу-примиряющими, полу-грозными. Рѣшеніе каждаго изъ этихъ вопросовъ отлагалось до войны, то есть до окончанія войны, въ неизбежности которой всѣ были увѣрены, которую каждый предсказывалъ. Всѣ вооружались съ головы до ногъ, никому не представлялось возможности захватить соперника върасплохъ, а вѣдь известное дѣло, что храбрые генералы и непобѣдимыя войска болѣе всего любятъ сражаться съ непріателемъ слабѣйшимъ или непріатовленнымъ. Итакъ мы были на волосъ отъ войны и благополучно избѣжали ее. Нѣсколько сотъ миллионовъ сбереглись въ нашихъ ко-

малкаѣ, нѣсколько сотъ тысячъ людей остались живыми и здоровыми; имъ еще не отрѣзали ни рукъ, ни ногъ, не прострѣляли груди! Но, Боже мой, вѣдь это только до другаго раза! И, быть-можетъ, все это будетъ скоро, потому что если прошлой весной находили основательные поводы для вооруженій, то будущей весной, вѣроятно, найдутъ еще лучшія причины для войны.

Итогъ всемірнаго политическаго обозрѣнія за прошлый 1861 годъ не представляетъ намъ ничего великаго и славнаго, но—онъ гораздо лучше своего предшественника; еслибы человѣчество вообще пріобрѣло то, что каждый изъ насъ истратилъ изъ жизни и силъ, то было бы съ чѣмъ поздравить. Если мы не осуществляемъ того, что хотѣли бы и даже того, что могли бы совершить, то утѣшимся тѣмъ, что въ нашей нищенской сумѣ все же больше нѣсколькими крохами противъ прежняго...

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

(Критическій отдѣлъ Русскаго Вѣстника за 1861 годъ).

I.

Гейне въ одномъ изъ своихъ посмертныхъ стихотвореній говоритъ, что міръ представляется молодою красавицею или брокенскою вѣдьмою, смотря потому, черезъ какія очки на него взглянуть, черезъ выпуклыя или черезъ вогнутыя. Если вѣрить на слово поэту, если предположить, что можно произвольно надѣвать себѣ на носъ разныя очки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣнять взгляды на жизнь и на ея явленія, то мы принуждены будемъ сознаться въ томъ, что наше зрѣніе радикально испорчено вогнутыми очками; чуть только мы попробуемъ за мѣнить ихъ другими, или просто снять ихъ долой, передъ нашими глазами немедленно разстелется такой густой туманъ, который помѣшаетъ намъ распознавать контуры самыхъ близкихъ къ намъ предметовъ. Наше зрѣніе слишкомъ слабо для того, чтобы охватить все мірозданіе, но тѣ крошечныя уголки, которые намъ доступны, кажутся намъ такими неизящными шероховатостями и такими глубокими морщинами, которыя гораздо легче себѣ представить на старой фizioноміи брокенской вѣдьмы, чѣмъ на свѣжемъ, прелестномъ лицѣ молодой красавицы. Мы любимъ природу, но ея нѣтъ у насъ подъ руками; въд не въ Петербургѣ же любоваться природою; не заниматься же,

Отд. II.

изъ любви къ природѣ, метеорологическими наблюденіями надъ сырою и холодною погодою, не изучать же различныя видоизмѣненія гранита и не умиляться же надъ различными оттѣнками петербургскаго тумана. Поневоля придется, при всемъ пристрастіи къ безгрѣшной растительной природѣ, обратить все свое вниманіе на грѣшнаго человѣка, который, здѣсь, какъ и вездѣ, или самъ страдаетъ, или выѣзжаетъ на страдающихъ другаго. Какъ посмотришь на людскія отношенія, какъ послушаешь разнородныхъ сужденій, словесныхъ, рукописныхъ и печатныхъ, какъ взглядишься въ то впечатлѣніе, которое производятъ эти сужденія, то мысль о выпуклыхъ очкахъ и о красавицѣ отлетитъ на неизмѣримо-далекое разстояніе. Уродливыя черты брокенской вѣдьмы явятся передъ глазами съ такою ужасающею яркостью и отчетливостью, что иному юному наблюдателю сдѣлается не на шутку страшно; онъ быстро проведетъ рукою по глазамъ въ надеждѣ сорвать проклятыя очки и разогнать ненавистную галлюцинацію; но галлюцинація останется ярка по прежнему, и юный наблюдатель замѣтитъ не безъ волненія, что вогнутыя очки срослись съ его глазами, и что ему придется зажмуриться, чтобы не видать тѣхъ образовъ, которые пугаютъ его воображеніе. Иные, боясь за свои впечатлительные нервы, дѣйствительно зажмуриваются и постепенно возвращаются къ тому вождедѣльному состоянію спокойствія, которое было нарушено неосторожнымъ прикосновеніемъ къ вогнутымъ очкамъ; другіе, болѣе крѣпкіе и, въ тоже время, болѣе увлекающіеся, продолжаютъ смотрѣть, всматриваться, громко сообщаютъ другимъ отчетъ о томъ, что видать, и не обращаютъ вниманія на то, что ихъ рѣчи встрѣчаютъ себѣ равнодушіе и насмѣшки въ слушателяхъ, что изображаемыя ими картины принимаются за галлюцинаціи, за бредни разстроенаго мозга; они продолжаютъ говорить, воодушевляясь сильнѣе и сильнѣе; ихъ воодушевленіе постепенно проходитъ въ ихъ слушателей; ихъ рѣчи начинаютъ возбуждать къ себѣ сочувствіе; онѣ волнуютъ и тревожатъ, онѣ шевелятъ лучшія чувства, вызываютъ наружу лучшія стремленія; вокругъ говорящаго группируется толпа людей, готовыхъ переработывать жизнь и умѣющихъ взяться за дѣло; но между тѣмъ самъ говорящій изнуренъ колоссальнымъ, продолжительнымъ напряженіемъ энергіи; его измучили уродливыя образы, на которыхъ онъ долго сосредоточивалъ свое вниманіе; его истомила та борьба, которую ему пришлось выдерживать съ недоверіемъ и недоброжелательствомъ слушателей; его голосъ дрожитъ и обрывается въ ту самую минуту, когда всѣ окружающіе

прислушиваются къ нему съ любовью и съ уваженіемъ; герой валится въ могилу.

Такова общая, біографическая исторія отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ; не даромъ большая часть писателей, изображавшихъ темную сторону жизни, находили свой трудъ тяжелымъ и, лично для себя, неблагодарнымъ; не даромъ Гоголь проводитъ параллель между двумя писателями; ту же параллель повторяетъ Некрасовъ, конечно, не изъ подражанія Гоголю, а именно потому, что такого рода параллель естественно направивается въ сознаніе и въ чувство отрицателя. Тяжела, утомительна, убійственна задача отрицательнаго писателя; но для него нѣтъ выбора; вѣдь не можетъ же онъ помириться съ тѣми явленіями, которыя возбуждаютъ въ немъ глубокое психологическое отвращеніе; нельзя же ему ни себя передѣлать подѣлать окружающей жизни, ни эту жизнь пересоздать такъ, чтобы она ему нравилась и возбуждала его сочувствіе. Стало быть, приходится или молчать, или говорить горячо, желчно, порою насмѣшливо, волнуя и терзая другихъ и самого себя. Невозможность отрицательнаго направленія начала понимать наша публика; что само по себѣ это отрицательное направленіе представляетъ патологическое явленіе, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь; доказывать его нормальность и законность *quand même* значило бы доказывать вмѣстѣ съ тѣмъ нормальность и законность тѣхъ условій жизни, которыя вызываютъ противъ себя сдержанную оппозицію и глухой протестъ. Тѣ журналисты, которые подвергаютъ серьезной критикѣ существующія идеи, тѣ писатели, которые выводятъ въ своихъ эпическихъ и драматическихъ произведеніяхъ грязь жизни безъ выкупающихъ сторонъ, безъ утѣшительныхъ прикрасъ, нисколько не думаютъ дописаться до безсмертія. Что подумаютъ о нихъ потомки, скажутъ ли они имъ спасибо, раскупятъ ли они на расхватъ какое нибудь пятнадцатое изданіе въ сочиненій, все это, право, такіе вопросы, которые нисколько не занимаютъ честнаго писателя, честно выражающаго свое неудовольствіе противъ разныхъ современныхъ неудобствъ и странностей. Когда у такого писателя является потребность развить нѣсколько мыслей по поводу того или другаго явленія, тогда онъ берется за перо только съ однимъ желаніемъ: чтобы тѣ люди, которымъ попадется въ руки его книга или статья, поняли, какія обстоятельства отразились въ процессѣ его мышленія и наложили свою печать на его литературное или критическое произведеніе. Надо только, чтобы между публикою и пи-

сателемъ существовало такого рода взаимное пониманіе, по которому бы публика видѣла и понимала связь между видимыми слѣдствіями и необнаруженными причинами. Писателю надо желать, чтобы его произведеніе только будило въ читателѣ дѣятельность мозга, только натакивало его на извѣстный рядъ идей, и чтобы читатель, слѣдуя этому импульсу, самъ выводилъ бы для себя крайнія заключенія изъ набросанныхъ эскизовъ. Такого рода читатели, договаривающіе для самихъ себя то, что недосказано и недописано, начинаютъ формироваться мало по малу; дайте нашимъ писателямъ такую публику, которая бы понимала каждое ихъ слово, и тогда, повѣрьте, они съ величайшимъ удовольствіемъ согласятся на то, чтобы ихъ звуки забыли о ихъ существованіи или назвали ихъ кислыми, безтолковыми прохондриками. Работать для будущихъ поколѣній, конечно, очень возвышенно; но думать о лавровыхъ вѣнкахъ и объ историческомъ бессмертіи, когда надо перебиваться со дня на день, отстаивая отъ разрушительнаго или опошляющаго дѣйствія жизни то себя, то другаго, то мужчину, то женщину,—это, воля ваша, какъ то смѣшно и приторно; это напоминаетъ Манилова, мечтающаго о томъ, какъ онъ соорудитъ каменный мостъ, а на мосту построятъ каменные лавки.

Очень можетъ быть, что Русскій Вѣстникъ, съ своею основательною ученостью, съ своею эстетическою критикою, съ своимъ солиднымъ уваженіемъ къ нашей милой старинѣ и къ нашему прекрасному настоящему, будетъ читаться и перепечатываться нашими потомками, которымъ, конечно, будутъ совершенно неизвѣстны имена задержанныхъ журналовъ, печатающихъ вадоръ, подобный теперешней моей статьѣ. Мы не гонимся за Русскимъ Вѣстникомъ, не отбиваемъ у него правъ на бессмертіе, не составляемъ ему конкуренціи; мы знаемъ, что не далеко ушли бы по той дорогѣ, по которой шествуютъ московскіе мудрецы; проклятая натура взяла бы свое, и, сквозь чинно отмѣренные фразы серьезнаго безпристрастія, послышались бы звуки сдержаннаго хохота и негодующей ироніи; да намъ и нельзя подражать Русскому Вѣстнику; намъ никто не повѣрилъ бы; подумали бы, что мы все это не съ проста говоримъ; стали бы доискиваться какого нибудь скрытаго смысла и доискались бы, благодаря своей догадливости, чего нибудь такого, о чемъ мы бы сами и во снѣ не бредили. Дойдетъ или не дойдетъ Русскій Вѣстникъ до того храма бессмертія, въ который онъ рѣшительно возбраняетъ доступъ всѣмъ писателямъ, опозорившимъ себя отрицательнымъ направленіемъ, этого и

не знаю; это не мое дѣло, и я этимъ вопросомъ рѣшительно не интересуюсь. Что даетъ Русскій Вѣстникъ для насъ, для нашихъ современниковъ, это совсѣмъ другой вопросъ, и отвѣчать на этотъ вопросъ я считаю очень не лишнимъ; вѣдь у Русскаго Вѣстника есть и въ наше время читатели; не всѣ же тѣ люди, которые уважали его въ первые годы его существованія, махнули на него рукою за его литературные подвиги 1861 года. На этомъ то основаніи я и рѣшаюсь посвятить нѣсколько страницъ на то, чтобы съ точки зрѣнія человѣка, пишущаго журнальную критическую статью въ началѣ 1862 года, перебрать тѣ литературныя мнѣнія, которыя Русскій Вѣстникъ въ послѣднее время подносилъ своимъ читателямъ.

II.

Не думайте, господа читатели, чтобы я написалъ вамъ полемическую статью; когда я бесѣдовалъ съ вами о сатирической бывальщинѣ Гермогена Трехзвѣздочкина, я не полемизировалъ съ авторомъ этого произведенія; полемизировать съ Русскимъ Вѣстникомъ также невозможно, какъ полемизировать съ авторомъ «побѣды надъ самодурами». У г. Трехзвѣздочкина свое оригинальное міросозерцаніе, не сходное съ міросозерцаніемъ какого бы то ни было другаго обыкновеннаго смертнаго; у сотрудниковъ Русскаго Вѣстника также совсѣмъ особенное міросозерцаніе; еслибы я вздумалъ спорить съ ними, то нашъ споръ можно было бы сформулировать такъ; я бы сталъ доказывать этимъ господамъ, что они смотрятъ на вещи сквозь выпуклыя очки, а они, съ пѣнкой у рта, стали бы увѣрять меня въ томъ, что я имѣю глухость смотрѣть на вещи сквозь вогнутыя очки; я бы кротко попросилъ ихъ снять на минуту очки; они обратились бы ко мнѣ съ тѣмъ же требованіемъ, пересыпая его бранными возгласами и убійственными намеками; кончилось бы тѣмъ, что, наспорившись до сыта, мы замолчали бы, не сблизившись между собою въ мнѣніяхъ ни на одну лѣнью; споръ нашъ привелъ бы къ такимъ же плодотворнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ приводитъ всякій споръ, происходящій между людьми различныхъ темпераментовъ, различныхъ лѣтъ и, вслѣдствіе этихъ и

многихъ другихъ различій, несходныхъ убѣжденій. Кромѣ того, сражаясь съ Русскимъ Вѣстникомъ, я находился бы въ самомъ невыгодномъ положеніи; Русскій Вѣстникъ побѣдоносно развернулъ бы, на удивленіе всей читающей публики, полное свое исповѣданіе вѣры, подвелъ бы, гдѣ бы понадобилось, цитаты, тексты и пункты, ссылки на авторитеты всѣхъ вѣковъ, не исключая XIX-го, засвидѣтельствовалъ бы мимоходомъ свое почтеніе той или другой великой идее и умилился бы надъ непризнанными заслугами какогонибудь великаго, но неизвѣстнаго Россіи русскаго дѣятеля. А я? Что бы я отвѣтилъ на всѣ эти золотыя рѣчи? Я чувствую, что у меня оборвался бы голосъ при первыхъ моихъ попыткахъ оправдываться или защищаться. Непременно бы оборвался, и я бы замолчалъ. Вотъ видите ли, Русскій Вѣстникъ стоитъ на положительной почвѣ, крѣпко упирается въ нее ногами, скоро срастется съ нею, и эта почва не выдастъ его въ минуту скорби и борьбы. А мы что такое? Мы фантазеры, верхогляды, говоруны; мы на воздушномъ шарѣ поднялись, а вѣдъ воздушный шаръ, какъ говорить объявленіе «Времени», тотъ же мыльный пузырь. Такъ куда же намъ бороться съ Русскимъ Вѣстникомъ? Повторяю вамъ, у меня оборвутъ голосъ въ ту самую минуту, когда я попробую основательно возражать мнѣніямъ Русскаго Вѣстника. Да и къ чему, для кого возражать? Если мои читатели не сочувствуютъ тѣмъ идеямъ, которыя я выражалъ въ моихъ статьяхъ, то мнѣ всего лучше не только не возражать Русскому Вѣстнику, но и совсѣмъ не писать. Если же мнѣ сочувствуютъ, то мнѣ будетъ совершенно достаточно передать, по возможности вѣрно, литературныя мнѣнія Русскаго Вѣстника для того, чтобы высказать то, что лежитъ у меня на душѣ. Положимъ, что я воротился изъ какогонибудь дальняго путешествія; положимъ, я посѣтилъ Персію и чувствую желаніе передать русской публикѣ вообще и читателямъ Русскаго Слова въ особенности мои путевыя впечатлѣнія; я, конечно, для полноты, вѣрности и живости картины сочту необходимымъ воспроизвести тѣ бытовыя особенности, которыя по чему бы то ни было поразили мое воображеніе и врѣзались въ мою память. Но я никакъ не поставлю себѣ въ обязанность полемизировать противъ описываемыхъ персидскихъ обычаевъ; было бы смѣшно и утомительно, еслибы я описывалъ свои путевыя впечатлѣнія такъ: «Персіяне курятъ кальянъ; я нахожу, что гораздо лучше курить сигары. Персіяне забираютъ своихъ женъ въ гаремы; это возмутительный обычай и я, какъ поборникъ эманси-

паціи женщины, заявляю передъ моими читателями мой торжественный протестъ противъ такого варварскаго устройства семьи». Вообразите себѣ, господа читатели, что я отправляюсь обозрѣвать Русскій Вѣстникъ совершенно также, какъ бы я могъ отправиться обозрѣвать Персію. У меня съ Русскимъ Вѣстникомъ также мало общаго въ тенденціяхъ, мнѣніяхъ и литературныхъ приемахъ, какъ въ моихъ всендневныхъ привычкахъ мало общаго съ привычками какого нибудь Аббаса-Мирзы. Мы, грѣшные, вязнемъ въ тинѣ и барахтаемся среди всякихъ нечистотъ, а Русскій Вѣстникъ идетъ себѣ ровною дорогою, и неспѣшною поступью пробирается къ храму славы и безсмертія. Объ чемъ же намъ съ нимъ спорить? Мы просто будемъ разсматривать его съ живѣйшимъ любопытствомъ и съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ разсматриваютъ гостя изъ иного міра, созданіе, отличающееся особымъ сложеніемъ и подчиняющееся особымъ физиологическимъ законамъ. Установивъ разъ навсегда такого рода спокойно-наблюдательныя отношенія къ мнѣніямъ Русскаго Вѣстника, я намѣренъ во всей послѣдующей части этой статьи дать только фактической отчетъ о моихъ наблюденіяхъ, хроникѣ моихъ замѣтокъ.

Не ручаюсь впрочемъ и за то, чтобы кое-гдѣ, ошибкою, не прорвалось и критическое замѣчаніе.

III.

Въ 1861 году въ Русскомъ Вѣстникѣ совершилось немаловажное измѣненіе. Современная лѣтопись оторвалась отъ книжекъ журнала и превратилась въ еженедѣльную газету. Это событіе, само по себѣ достопринятельное, повело за собою слѣдующи еще болѣе достопринятельныя послѣдствія. Во-первыхъ, книжки Русскаго Вѣстника стали опаздывать слишкомъ на цѣлый мѣсяцъ; во-вторыхъ, въ составъ книжекъ вошелъ новый отдѣлъ подъ заглавіемъ «литературное обозрѣніе и замѣтки»; въ этомъ отдѣлѣ редація и сотрудники Русскаго Вѣстника стали дѣлиться съ публикою своими взглядами на положеніе и событія текущей литературы, и мы, благодаря этому обстоятельству, узнали много новаго и любопытнаго.

Въ первой же книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1861 годъ, въ статьѣ «нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи», редакція отнеслась очень сурово къ тѣмъ журналамъ, «гдѣ съ тушымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ проповѣдывалась теорія, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывалась грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя» (стр. 480). Этыхъ уголовныхъ преступниковъ противъ законовъ эстетики и художественной критики редакція Русскаго Вѣстника обѣщала преслѣдовать со всею надлежащею строгостью. «Мы не откажемся также, говорить она, отъ своей доли полицейскихъ обязанностей въ литературѣ и постараемся помогать добрымъ людямъ въ изловленіи безпутныхъ бродягъ и ворюшекъ; но будемъ заниматься этимъ искусствомъ не для искусства, а въ интересѣ дѣла и чести» (стр. 484). Не могу удержаться, чтобы въ этомъ мѣстѣ не заявить Русскому Вѣстнику моего полнѣйшаго сочувствія; великія истины понятны и доступны каждому, начиная отъ развитаго дѣятеля науки и кончая простымъ, бѣднымъ труженникомъ; ловить безпутныхъ бродягъ и ворюшекъ изъ любви къ искусству не согласится не только редакторъ Русскаго Вѣстника, но даже и простой хожалый; даже и тотъ понимаетъ, что этимъ искусствомъ надо заниматься въ интересѣ дѣла, т. е. чтобы получать казенный паекъ и жалованіе, или въ интересѣ чести, т. е. чтобы дослужиться до унтеръ—офицерскихъ нашивокъ. Конечно, редакція Русскаго Вѣстника понимаетъ интересы дѣла и чести не совсѣмъ такъ, какъ понимаетъ ихъ хожалый, можетъ быть даже не такъ, какъ понимаетъ ихъ англійскій полицменъ; масштабы не тѣ; между хожалымъ, сажающимъ въ будку бездомнаго пьяницу и русскимъ ученымъ, издающимъ уважаемый журналъ и принимающимъ на себя, въ интересѣ дѣла и чести, свою долю полицейскихъ обязанностей въ литературѣ, лежитъ, конечно, неизмѣримое разстояніе, неизмѣримое до такой степени, что бѣдный хожалый, не привыкшій группировать явленія и сортировать ихъ по существеннымъ признакамъ, никогда не дерзнулъ бы подумать, что между нимъ и редакторомъ ученаго журнала есть такъ много общаго. Признаюсь, я въ этомъ отношеніи раздѣлялъ невѣдѣніе хожалаго; я до сихъ поръ думалъ въ невинности души, что между обязанностями хожалаго и занятіями литератора нѣтъ ни малѣйшаго сходства; такого рода образъ мыслей объясняется от-

части тѣмъ, что я не читалъ статью г. Громеки: «о полиціи въ полиціи», бросающую, по всей вѣроятности, яркій свѣтъ на этотъ запутанный вопросъ, отчасти тѣмъ, что я былъ очень молодъ и вѣтренъ въ тѣ счастливые годы, когда газета «Сѣверная Пчела» находилась подъ вѣдѣніемъ прежней своей редакціи.—Я думаю, впрочемъ, что я и впредь останусь при своемъ прежнему невѣдѣніи, несмотря на то, что это невѣдѣніе очень многимъ можетъ показаться забавнымъ и даже идиллическимъ; на русскомъ языкѣ существуетъ поговорка «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходять». Эту поговорку можно перевернуть, и она отъ этого ничего не потеряетъ. Чужой уставъ, введенный въ свой монастырь, можетъ также оказаться въ высшей степени неумѣстнымъ; поэтому, не стараясь навязать редакціи Русскаго Вѣстника наибѣйшую частицу моихъ понятій, я не буду стараться о томъ, чтобы заимствовать что бы то нибыло изъ ея своеобразнаго міросозерцанія. Я уже предупредилъ читателей: мы вступаемъ въ новый міръ, въ которомъ все, начиная отъ крупнѣйшаго травояднаго животнаго и кончая мельчайшею букашкой, должно возбуждать удивленіе простаго наблюдателя и лихорадочную любознательность зоолога. Мы съ вами, господа читатели, простые наблюдатели, и потому мы просто будемъ удивляться:

Куда на выдумки природа таровата!

и заранѣе выражаемъ отчасти снѣлую надежду на то, что, выходя изъ кунсткамеры, намъ не придется сказать съ грустнымъ чувствомъ неудовлетвореннаго любопытства:

Слона то я и не примѣтилъ.

Можетъ быть, то обстоятельство, на которое я указалъ при самомъ входѣ въ кунсткамеру, есть именно тотъ слонъ; можетъ быть мы сразу попали на самое характерное мѣсто; въ такомъ случаѣ мнѣ остается только пожалѣть, что я не естествоиспытатель; еслибы къ этому мѣсту приложить анатомическій ножъ и микроскопъ, еслибы изслѣдовать его составъ путемъ химическаго анализа, то могло бы открыться много любопытнаго; мы узнали бы законы питанія, органы и отправленія того организма, который находится передъ нашими глазами; все это могло бы случиться только въ томъ случаѣ, еслибы я

былъ естественнымъ испытателемъ; но я просто ротозѣй, описывающій видѣнную сторону явленія и потому, представивъ фактъ на разсмотрѣнiе читателей, я принужденъ идти дальше, хотя чувствую, что въ представленномъ фактѣ много необъясненнаго.

Безпутные бродяги и воришки, слоняющіеся по пустыннымъ полямъ нашей литературы, повергаютъ редакцію Русскаго Вѣстника въ самое мрачное раздумье.

«Ни одна литература въ мірѣ, восклицаетъ она, не представляетъ такого изобилія литературныхъ скандаловъ, какъ наша маленькая, скудная, едва начавшая жизнь, литература безъ науки, едва только выработавшая себѣ языкъ».

Ну вотъ наша литература выработала себѣ языкъ и на радостяхъ показываетъ его на всѣ четыре стороны, встрѣчнымъ и поперечнымъ, а эти встрѣчные и поперечные обижаются, не понимаютъ шутки, жалуются: она насъ дразнить; это личность, это оскорбленіе». Кто жъ въ этомъ виноватъ? Вольно имъ оскорбляться, и вольно жъ имъ, если они такъ обидчивы, смотрѣть на этотъ языкъ, который такъ добродушно показываетъ имъ наша литература. Когда наша литература выработаетъ себѣ науку, она можетъ быть вмѣстѣ съ языкомъ будетъ показывать и науку, или что нибудь другое, смотря по обстоятельствамъ. А покуда вѣдь кромѣ языка нѣтъ ничего. Ну такъ что же дѣлать? На нѣтъ и суда нѣтъ!

Впрочемъ, я вообще не понимаю, какое отношеніе имѣетъ отсутствіе науки къ присутствію литературныхъ скандаловъ. Сколько мнѣ кажется, редакція Русскаго Вѣстника подъ названіемъ литературнаго скандала подразумѣваетъ разныя печатныя разбирательства о литературныхъ и не литературныхъ предметахъ.

Слово *скандалъ* даетъ намъ почувствовать, что редакція Русскаго Вѣстника входитъ въ роль и готова съ полнымъ усердіемъ взять на себя свою долю полицейскихъ обязанностей. Скандаломъ, на языкъ образованной полиціи, называется, какъ извѣстно, всякое происшествіе, нарушающее обычный ходъ дѣйствія въ какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ, и возбуждающее въ собравшейся толпѣ зѣвакъ какіе бы то ни было толки. Если такого же рода событіе произойдетъ на аренѣ нашей литературы, то Русскій Вѣстникъ, конечно, не станетъ калякать съ зѣваками, а приметъ именно ту позитуру, которую въ подобномъ случаѣ обязанъ принять исправный членъ благоустроенной полиціи. Это я понимаю, но по прежнему продолжаю не понимать, почему отсутствіе науки обуславлива-

еть собою приустройство скандаловъ. Мнѣ кажется, что самая лучшая лекція по гражданскому праву не замѣнитъ вамъ того судебного засѣданія, въ которомъ рѣшается вашъ процессъ. Самое лучшее изслѣдованіе о причинахъ зубной боли не замѣнитъ вамъ въ минуту страданія нѣсколькихъ капель опиума. Точно также вся наука Русскаго Вѣстника не замѣнитъ вамъ неопціеннаго права обратиться къ суду общественнаго мнѣнія, когда вы почувствуете себя несправедливо оскорбленнымъ. Наука — вещь хорошая, но она въ своей отвлеченности никакъ не можетъ замѣнить намъ своихъ практическихъ приѣмнѣй къ жизни. Какое бы великолѣпное изслѣдованіе вы ни написали, а это изслѣдованіе никакъ не выручитъ васъ въ томъ случаѣ, когда вамъ понадобится обратиться къ суду общественной гласности. Конечно, если тѣ отвлеченныя истины, которыя вы будете развивать въ научномъ трактатѣ о нравственной философіи, войдутъ въ плоть и кровь всѣхъ людей, живущихъ на земномъ шарѣ, или по крайней мѣрѣ въ Россіи, то вамъ не придется обращаться къ суду гласности и поднимать литературные скандалы, потому что всѣ будутъ уважать ваши права; но вѣдь согласитесь, тутъ долга нѣбыва; пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Если даже литература наша создастъ себѣ науку, то отъ существованія науки еще не прекратятся скандалы. Съ прекращеніемъ же ихъ наступитъ такой золотой вѣкъ, о которомъ мы теперь не можемъ себѣ составить и приблизительнаго понятія; въ этомъ золотомъ вѣкѣ исчезнетъ потребность въ литературной полиціи; кто знаетъ? Можетъ быть вѣстѣ съ этою потребностью исчезнетъ и потребность въ Русскомъ Вѣстникѣ вообще. Теперь не то. Скандалы неизбежны, потому что вамъ на каждомъ шагу представляется неотвѣзая дилемма: терпѣть насліе или подымать крикъ; а иногда приходится даже дѣлать въ одно время и то, и другое. Теперь приходится удивляться тому обстоятельству, что Русскій Вѣстникъ жалуется на обиліе скандаловъ. Развѣ было бы лучше, еслибы несправедливые поступки проходили безъ огласки, еслибы нелѣпыя мнѣнія принимались безъ спора? Возставать противъ обилія скандаловъ, значитъ, другими словами, проклинать зараждающуюся гласность. Еслибы, приступая къ обзору Русскаго Вѣстника, я не вошелъ бы въ иной міръ, то, мнѣ кажется, я осмѣлился бы назвать эту вещь проявленіемъ обскурантизма. Но вѣдь опять таки: съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ. У насъ это называется обскурантизмомъ, а у нихъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ, это можетъ быть именуется сов-

сѣмъ иначе: серьезностью, солидностью, ученостью или еще какъ нибудь по-замысловатѣ. Поэтому я удержу языкъ свой въ должномъ повиновеніи, несмотря на то, что я его выработалъ, и что меня ужасно разбираетъ охота показать его во всю длину противникамъ гласности, какой бы чинъ они не занимали на іерархической лѣстницѣ литературной полиціи.

IV.

Приступаю къ февральской книжкѣ и встрѣчаю на первомъ планѣ литературнаго обзорѣнія статью загадочнаго содержанья подъ многообѣщающимъ заглавіемъ: «Старые боги и новые боги». Судя по этому задорному названію статья, можно было бы подумать, что Русскій Вѣстникъ вступаетъ въ ряды нашихъ современныхъ идолоборцевъ и старается сбить съ пьедесталовъ тѣхъ Перуновъ и Волосовъ, которые, несмотря на честныя усилія науки, еще до сихъ поръ красуются въ нашемъ неустановившемся міросозерпаніи. Дѣйствительно, въ этой статьѣ есть отдѣльныя фразы, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ изъ свистящихъ журналовъ. «Кто выдаетъ себя за мыслителя, говоритъ между прочимъ въ этой статьѣ, тотъ не долженъ принимать на вѣру, безъ собственной мысли, ничего ни отъ г. Аскоченскаго, ни отъ г. Бюхнера, ни отъ Ивана Яковлевича, ни отъ Фейербаха». Съ этою мыслью нельзя не согласиться, если принять эту мысль въ полной ея отвлеченности; можно только замѣтить, что два имени, вставленныя въ эту фразу, не гармонируютъ съ общимъ ея содержаніемъ; когда произносишь имена Бюхнера и Фейербаха, тогда вовсе не надо прибавлять то, что отъ нихъ не слѣдуетъ ничего принимать на вѣру; это само собою разумѣется. Какъ вы примете что нибудь на вѣру отъ такого человѣка, который вовсе не хочетъ, чтобы вы ему вѣрили, и убѣждаетъ васъ не ссылками на авторитетъ, а доводами и аргументами. Эти доводы могутъ быть неудовлетворительными; слушая того мыслителя, который представляетъ эти доводы, вы можете не замѣтить ихъ неудовлетворительности и впасть въ ту ошибку, въ которую впадаетъ самъ мыслитель. Но ошибка въ процессѣ мысли

не бѣда. Въ этомъ случаѣ человекъ нечаянно упускаетъ что-нибудь изъ виду; а не умышленно зашмурируетъ глаза и не говоритъ: я и смотрѣть не хочу. Еслибы Фейербахъ или Бюхнеръ увидѣли послѣднее настроеніе въ комъ нибудь изъ своихъ адептовъ, то, вѣроятно, они или отвернулись бы отъ этого субъекта, или посоветовали бы ему обратиться къ какому нибудь извѣстному психіатру за помощью и совѣтомъ. Человекъ имѣющій склонность принимать чужія мысли на вѣру, никогда не сдѣлается послѣдователемъ Фейербаха и Бюхнера; по дорогѣ къ ихъ ученію, онъ встрѣтитъ великое множество школъ и направленій, которыя затянутъ его къ себѣ именно потому, что онѣ очень многое передаютъ на вѣру. То возраженіе, что ученіе Фейербаха и Бюхнера теперь въ модѣ, въ ходу и на этомъ основаніи притягиваетъ къ себѣ тѣхъ людей, которые увлекаются подражательными стремленіями, не имѣетъ ни малѣйшей силы. Не угодно ли вамъ справиться съ нашею журналистикою? Не угодно ли вамъ прислушаться къ тѣмъ разговорамъ о высокихъ матеріяхъ, которыя ведутся въ нашихъ салонахъ? Не думаю, чтобы въ этихъ разговорахъ вы открыли зловредныя тенденціи матеріализма? Стало быть, моды на Фейербаха и Бюхнера нѣтъ. Стало быть, ученіе этихъ мыслителей принимается только весьма не многими людьми. Можетъ быть, эти люди ошибаются, но во всякомъ случаѣ они мыслятъ согласно съ Фейербахомъ и Бюхнеромъ, а не признаютъ непогрѣшимость Фейербаха и Бюхнера. Они не увлекаются общимъ стремленіемъ, потому что общаго стремленія къ матеріализму у насъ не существуетъ. Статья Русскаго Вѣстника клонится къ тому, чтобы доказать, что наши скептики и отрицатели не умѣютъ мыслить, и, осмысливая суевѣріе массы, сами съ полнымъ суевѣріемъ поклоняются кумирамъ, подобнымъ Фейербаху и Бюхнеру; для большей убѣдительности, авторъ-статьи сравниваетъ нашихъ журналистовъ съ Иваномъ Яковлевичемъ, отвѣтившимъ однажды на какой то вопросъ своего обозателя: «безъ прапы не банды, кололацы».

«*Кололацы! кололацы!*» восклицаетъ авторъ. А развѣ многое изъ того что преподается и печатается—не *кололацы*? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ—не *кололацы*?

Для этого язвительнаго вопроса была написана и напечатана вся статья: «Старые боги и новые боги». Вся эта статья представляетъ болѣе или менѣе замысловатая вариация на этотъ вопросъ: развѣ не

кололапы? Пускаются въ ход страшныя усилія и натяжки для того, чтобы доказать что гг. Чернышевскій и Антоновичъ какъ двѣ капли воды похожи на Ивана Яковлевича и Асоченскаго. Желаніе автора провести свою идею до конца съ возможно большимъ успѣхомъ доводитъ его до высокихъ подвиговъ самоотверженія. Онъ рѣшается печатно прикидываться дурачкомъ и упрекаетъ г. Антоновича въ несправедливой ненависти къ матеріализму. Такого рода упрекъ имѣетъ всю прелесть оригинальности и новизны.

Онъ доказываетъ, что можно писать критику на такую статью, которой смыслъ остается недоступнымъ для самаго рецензента. Впрочемъ, гораздо правдоподобнѣе будетъ предположить, что непониманіе, обнаруженное въ статьѣ «Старые боги и новые боги» есть непониманіе умышленное. Авторъ этой статьи, движимый разными, побужденіями, рѣшился надъ г. Антоновичемъ показать первый примѣръ полицейской исправности Русскаго Вѣстника. Такъ какъ къ критической статьѣ г. Антоновича о философскомъ лексиконѣ Русскій Вѣстникъ не сумѣлъ придраться за какую нибудь дѣйствительную погрѣшность, то онъ рѣшился всклепать на него небывлицу, и г. Антоновичъ оказался безъ вины виноватымъ. Этимъ первымъ подвигомъ на поприщѣ изловленія бродягъ и ворюшекъ, Русскій Вѣстникъ показалъ наглядно, что онъ во имя принципа жертвуетъ отдѣльною личностью. Его принципъ безусловное отрицаніе задорной журналистики, а задорнымъ онъ называетъ каждое энергическое слово, выражающее самостоятельную, а не вычитанную идею; этотъ принципъ требуетъ себѣ жертвъ; выдвн на поле нашей литературы съ твердымъ намѣреніемъ поймать бродягу или ворюшку, Русскій Вѣстникъ не могъ и не хотѣлъ воротиться домой безъ добычи; первый попался ему г. Антоновичъ; виновать онъ въ глазахъ Русскаго Вѣстника во-первыхъ тѣмъ, что помѣщаетъ свои статьи на страницахъ ненавистнаго ему журнала; во вторыхъ тѣмъ, что пишетъ о философіи довольно понятнымъ языкомъ и не кланяется въ поясъ разнымъ кумирамъ философскаго пандемоніума. Этого было совершенно достаточно; г. Антоновича арестовали какъ подозрительнаго человѣка и привели предъ судилище Русскаго Вѣстника. Какъ рѣшилось его дѣло—я сказать навѣрное не могу, потому что протоколы суда, (т. е. статья «Старые боги и новые боги») написаны крайне смѣшнымъ и неяснымъ языкомъ, наполнены голословными обвиненіями и скорѣе похожи на лирическое изліяніе озлобленнаго человѣка, чѣмъ на спокойное изслѣдованіе нелицеприятнаго суда. Чѣмъ

оказался г. Антоновичъ, по мнѣнію Русскаго Вѣстника, бродягомъ или шарманщикомъ—я тоже не знаю. Словомъ, изъ статьи «Старые боги и новые боги» усматривается только одно: Русскій Вѣстникъ изъ кожи выжметъ, чтобы какъ нибудь поубійственнѣе поборонить кого нибудь изъ литераторовъ, пишущихъ въ Современникѣ; гдѣ можно разомъ задѣять полицейскою алебардою двоихъ или троихъ разомъ, тамъ онъ двинется; гдѣ надо для большей силы обвиненія прибавить, тамъ онъ прибавляетъ, гдѣ надо прикинуться наивнымъ, тамъ онъ наивничаетъ съ неподражаемою естественностью. Почему и для чего онъ такъ поступаетъ — не знаю. Что намъ за дѣло до побужденій, руковождѣннѣкъ г. Катковымъ, что намъ за дѣло до степени его искренности. Мы видимъ результаты; эти же результаты видитъ общество, испытывающее на себѣ ихъ вліяніе въ томъ или въ другомъ направленіи; объ этихъ результатахъ и слѣдуетъ говорить, ни мало не пускаясь въ психологическія изысканія. Можетъ быть, редакция Русскаго Вѣстника за свои убѣжденія готова (выражаясь высокими словами) излить послѣднія капли своей благородной крови, а можетъ быть и то, что она проводитъ не свои идеи по разнымъ, нелитературнымъ расчетамъ. Въ первомъ случаѣ редакция Русскаго Вѣстника только заблуждается; во второмъ—она дѣйствуетъ не искренно во, въ томъ и въ другомъ случаѣ результатъ выходитъ одинъ и тотъ же; подъ зеленоватою оберткою Русскаго Вѣстника появляются статьи толкующія вкривъ и вкосъ о такихъ вопросахъ, на которыхъ сходятся между собою всѣ сознательно—честные люди въ Россіи; эти статьи съ насмѣшкою и съ порицаніемъ относятся къ стремленіямъ и къ мыслямъ, выраженнымъ этими сознательно—честными людьми; съ уваженіемъ и съ подобострастіемъ говорятъ онѣ о томъ, что эти люди считаютъ старымъ хламомъ; болгарскія тенденціи скрываются въ этихъ статьяхъ подъ неясными терминами и оборотами, которыми любятъ драпироваться сомнительная ученость людей, не умѣющихъ переварить въ своей головѣ набранный занасъ сырыхъ матеріаловъ и фактовъ.

Кто не умалится сердцемъ, читая драгоценную статью г. Грота, пожертвенную вслѣдъ за сердитою статьею «Старые боги и новые боги»? Кто не отдохнетъ душою на этомъ своеобразномъ, прозрачномъ изложеніи, честномъ и пріятномъ на вкусъ, какъ дистиллированная, теплая вода? Кто, при чтеніи этой замятки, не повѣритъ въ будущее торжество добра, въ наступленіе того золотого вѣка, когда литераторы будутъ любить другъ друга и когда на землѣ не будетъ другаго

за, кроме сырой погоды и сухих туманов? Статья г. Грота называется: «Замѣтка о русской журналистикѣ» и вся насквозь пропитана тѣмъ незлобіемъ и тою наивностью, которыя, вѣроятно, будутъ составлять преобладающія свойства литературы въ счастливые дни золотого вѣка, привлекающаго къ себѣ съ неотразимою силою сердца и надежды людей, вѣрующихъ въ исторію и въ прогрессъ. Эта статья начинается и кончается разными любезностями и лестными complimentами, которыя авторъ, какъ вѣжливый кавалеръ, подноситъ нашей литературѣ; должно замѣтить, что къ литературѣ вообще г. Гротъ относится какъ то со стороны, какъ человекъ, взявшій перо въ руки въ досужный часъ, чтобы высказать мысль, случайно зашедшую въ голову. Знаетъ онъ литературу какъ то по слухамъ, да, можетъ быть, потому, что гдѣ нибудь, случайно, пробѣжалъ страничку пятнадцать въ какой нибудь недавно вышедшей журнальной книжкѣ. Оттого любезности у него выходятъ совершенно неопредѣленные, а замѣчанія чисто внѣшнія; такъ напримѣръ, выражается надежда, что движеніе, оживившее русскую литературу лѣтъ шесть тому назадъ (тогда, должно быть, когда началъ издаваться Русскій Вѣстникъ) «могуче, приведетъ ее къ самымъ счастливымъ результатамъ». Въ концѣ статьи встрѣчается слѣдующее трогательное мѣсто:

«Утѣшившая тѣмъ, что одна истина носить въ себѣ неодолимую силу живучести, и что во всякомъ человѣческомъ обществѣ она, посреди всѣхъ заблужденій, пролагаетъ себѣ путь хотя медленно, но твердо». Эта фраза напомнила мнѣ проуморительную сцену изъ комедіи Сухова-Кобылина: «Свадьба Кречинскаго». Нелькинъ, нелѣтѣйшій въ когда либо существовавшихъ добродѣтельныхъ героевъ, восклицаетъ на сценѣ: «Правда, правда, гдѣ жъ твоя сила?» А Расплюевъ очень основательно отвѣчаетъ ему на это: «а поди, пощи ее!» Нелькинъ, какъ извѣстно, уходитъ искать правду и вмѣсто правды находитъ полицію, которую и приводитъ съ собою на сцену. Какъ ни странно держитъ себя Нелькинъ, а все-таки онъ дѣйствуетъ основательно г. Грота; во-первыхъ Нелькинъ выражаетъ свою мысль въ вопросительной формѣ, т. е. до нѣкоторой степени сомнѣвается и даже отчаявается; во-вторыхъ онъ, не умѣя самъ найти правду, призываетъ къ себѣ на помощь частнаго пристава; что же касается до г. Грота, то онъ твердо увѣренъ, что истина будетъ торжествовать, что она побѣдитъ сама собою и что намъ, слабымъ смертнымъ, всего лучше сложить

руки, уповать на прочность идеи и утѣшаться тѣмъ, что одна истина либѣтъ неодолимую силу живучести.

Въ серединѣ статьи г. Грота высказываются нѣкоторыя порицательныя замѣчанія насчетъ нашей журналистики; эти замѣчанія прелестны по свсей наивности; процессъ мысли совершается въ головѣ автора до такой степени своеобразно, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи произвести надъ этимъ процессомъ нѣсколько наблюдений. «Въ критикѣ нашей, говоритъ г. Гротъ, на троякъ гуманности возсѣдаетъ покуда заклятый врагъ ея—нетерпимость». Этотъ приговоръ, выражающійся въ такой образной формѣ, срывается съ устъ автора по тому поводу, что «въслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, въ нашей литературѣ утвердились извѣстные взгляды и мнѣнія, которые присвоили себѣ монополію обращенія въ печатномъ мѣрѣ». О какой это литературѣ мечтаетъ г. Гротъ? Кажется о русской. Гдѣ же издаются въ одно и то же время журналы Современникъ и Странникъ, Русское Слово и Русскій Вѣстникъ, Отечественныя записки и Искра, Русскій Инвалидъ и День, Сѣверная Пчела и Наше Время? Кажется, въ Россіи? Какъ же это г. Гротъ ухитрится помирить существованіе столькихъ совершенно разнохарактерныхъ изданій съ монополією извѣстныхъ взглядовъ и мнѣній? По онъ и не думаетъ объ этомъ. Онъ говоритъ о нетерпимости съ точки зрѣнія литературной кротости, а ужъ мысль о монополіи подвернулась какъ то по дорогѣ и забрела въ его статью совершенно случайно. Г. Гроту хотѣлось бы чтобы всѣ наши писатели, при спорахъ между собою, все-таки сулили другъ другу лавровыя вѣнки и говорили другъ о другѣ въ печати такимъ образомъ: «почтенный авторъ въ своей прекрасной статьѣ, которой основную мысль мы однако осмѣлимся найти не вполне справедливою, доказываетъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ», и т. д. Да, во время оно, когда писатели говорили между собою такимъ языкомъ, уцѣлѣвшимъ теперь только въ официальныхъ изданіяхъ ученыхъ обществъ, было приятно и душеспасительно заниматься литературою. Теперь, обитѣнь сладостей между писателями сдѣлался невозможнымъ; одна часть русскихъ литераторовъ превратилась, по словамъ Русскаго Вѣстника, въ бродягъ и ворюшекъ; другая часть, къ которой не безъ самодовольства примыкаетъ Русскій Вѣстникъ, поступила на службу въ литературную полицію. Но всѣ эти событія прошли, кажется, мимо г. Грота и не нарушили его очарованнаго сна, подъ влияніемъ котораго онъ изрѣдка произносилъ отрывочныя восклицанія, вмѣющія, мо-

Отд. II.

жетъ быть, нѣкоторую связь съ его грезами, но не имѣющія ни малѣйшаго отношенія къ фizioноміи нашей дѣйствительной жизни. Г. Гротъ не справляется даже, повидимому, съ литературными мнѣніями того журнала, въ которомъ онъ печатаетъ свои замѣтки; онъ не соображаетъ того обстоятельства, что требовать деликатности выраженій въ литературѣ значитъ упрекать Русскій Вѣстникъ въ невообразимомъ нахальствѣ. Въдъ еслибы петербургскіе литераторы не смотрѣли на выходы Русскаго Вѣстника, какъ на смѣшныя проявленія бессильной, старческой злобы, то они давно заставили бы редакцію ученаго журнала дать полное и категорическое объясненіе въ своихъ намекахъ и формально, печатно отступить отъ тѣхъ выраженій, которыя обнаруживаютъ въ себѣ стремленіе бросить тѣнь на литературную честность лучшихъ современныхъ двигателей русской мысли. Если мы не поступаемъ такимъ образомъ, то это происходитъ единственно отъ того, что мы глубоко равнодушны къ формѣ, къ выраженію; тенденціи Русскаго Вѣстника кажутся намъ неблагородными—мы это и высказываемъ; мысли, выражаемыя Русскимъ Вѣстникомъ, кажутся намъ бѣдными и рутинными, — мы это замѣчаемъ; что же касается до того частнаго и второстепеннаго обстоятельства, что эти тенденціи проводятся въ грубой формѣ, что эти мысли облакаются въ неопытные выраженія, то намъ до этого уже нѣтъ никакого дѣла. Не читать же намъ для редакціи Русскаго Вѣстника лекціи пѣнтики, не преподавать же ей уроки вѣжливости. Для насъ рѣшительно все равно, обругаетъ ли насъ Русскій Вѣстникъ бродягами и ворисками, или просто отнесется недоброжелательно къ задушевнои мысли нашихъ статей. Сущность дѣла въ томъ, за кого стоитъ Русскій Вѣстникъ: за насъ или за нашихъ литературныхъ противниковъ. Если онъ идетъ противъ тѣхъ стремленій, которыя мы считаемъ полезными для нашего общества, тогда между нами нѣтъ и не можетъ быть примиренія, хотя бы цѣлыя страницы и статьи Русскаго Вѣстника были посвящены восхваленію нашихъ литературныхъ талантовъ и нравственныхъ достоинствъ. Дѣло въ томъ, что черезъ типографскій станокъ должны проходить только тѣ черты авторской личности, которыя связаны съ какою нибудь общими интересомъ. Мы не боимся гласности, проведенной до послѣднихъ предѣловъ; мы не боимся такихъ обличителей, которые, по какой бы то ни было причинѣ рѣшились бы посвящать публику въ мельчайшія и интимнѣйшія подробности нашей домашней жизни; но мы сами никогда не рѣшимся навязываться

публикѣ съ разными конфиденціями собственно потому, что щадимъ время каждаго изъ нашихъ читателей и желаемъ говорить съ нами только о такихъ предметахъ, которые могутъ имѣть для нихъ живой интересъ. Поэтому то мы считаемъ совершенно излишнимъ протестовать печатно противъ тона Русскаго Вѣстника. Обругалъ или не обругалъ Русскій Вѣстникъ меня или кого нибудь другаго, — это вовсе не интересно. За что обругалъ? Это другой вопросъ; въ отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается уже до нѣкоторой степени отчетъ объ общихъ убѣжденіяхъ того или другаго литературнаго органа. Полемика имѣетъ свою несомнѣнную важность, не тою діалектическою частью, въ которой одинъ изъ спорящихъ по пунктамъ опровергаетъ другаго и ловитъ его на мелочахъ, а тѣмъ общимъ направленіемъ, по которому развивается мысль обонхъ полемизирующихъ писателей. Форма полемики — пустое дѣло. Общая подкладка полемики, напротивъ того, имѣетъ самую существенную важность. Поэтому, жалоба г. Грота на нетерпимость въ критикѣ показываетъ въ авторѣ «замѣтки» такую первобытную, нетронуемую наивность, которая возможна только въ человѣкѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго понятія объ интересахъ, волнующихъ нашу литературу. Развѣ у насъ дерутся изъ-за литературныхъ мнѣній? Развѣ у насъ возникаютъ тяжбы изъ-за несходства эстетическихъ понятій? Упрекать въ нетерпимости можно, сколько мнѣ кажется, только такого писателя, который готовъ и желаетъ всѣми возможными средствами насолить своему литературному противнику, а упрекать человѣка въ нетерпимости за то, что онъ возражаетъ горячо на такія мнѣнія, которыя кажутся ему неслѣпыми, это крайне оригинально, чтобы не сказать больше. Въ наше время неслѣпое мнѣніе тоже самое, что неслѣпый поступокъ; кто говоритъ неслѣпую мысль, тотъ поступаетъ также уродливо, какъ поступаетъ человѣкъ, держащій свою жену въ заперти, или отпускающій полновѣсныя пощечины своимъ дѣтямъ и домочадцамъ. Если вы увидите сцену насилія, вы вѣроятно подадите помощь страждущему, и, можетъ быть, затѣете драку съ обидчикомъ; точно также, если вы прочтете съ печати проповѣдь насилія и угнетенія, вы вступитесь за тѣ естественныя человѣческія права, которыя покажутся вамъ нарушенными. Если ваши возраженія будутъ горячо прочувствованы, если вы дадите понять проповѣднику насилія, что считаете его убѣжденія достойнымъ негодая или дурака, то вѣроятно ни одиъ благоразумный человѣкъ не обвинитъ васъ въ нетерпимости, потому что съ противномъ случаѣ

пришлось бы доводить терпимость до того, чтобы позволять на своих глазах бить человека, не заступаясь за него, и не заявляя даже своего негодования. Каждый волею держаться того или другого убеждения, по вѣстѣ съ тѣмъ, каждый точно также волею критиковать убеждения своихъ сосѣдей, и называть ихъ нелѣпыми или возмутительными, если они противорѣчатъ его логикѣ или возмущаютъ его личное, нравственное или эстетическое чувство. «Журнальная гласность, говоритъ г. Гротъ, должна быть обоюдоострая, или, какъ богъ Янусъ, имѣть два лица, изъ которыхъ одно было бы обращено къ обществу, а другое къ самой литературѣ. Но, повторимъ, наша литература любить преслѣдовать злоупотребленія только внѣ самой себя, а относительно своихъ темныхъ сторонъ предпочитаетъ скромное молчаніе.» Ну, скажите на милость, какъ же не назвать эти слова отрывочными восклицаніями, произносимыми сквозь сонъ. За минуту передъ тѣмъ, г. Гротъ жаловался на то, что наша журнальная критика нетерпима къ тѣмъ идеямъ и мнѣніямъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ ея убѣжденіями, а теперь онъ, прямо въ связи съ этою мыслью, начинаетъ доказывать, что эта же самая критика предпочитаетъ скромное молчаніе относительно своихъ темныхъ сторонъ. Гдѣ же тутъ скромное молчаніе, когда существуетъ страстное обличеніе и горячій протестъ? Вѣдь въ критикѣ встрѣчаются смѣлыя возраженія противъ мнѣній, выраженныхъ печатно, слѣдовательно, выраженныхъ въ той же русской литературѣ. Вѣдь не возражаютъ же наши критики тому, что они слышали гдѣ нибудь на обѣдѣ или на вечерѣ. Какъ же согласить скромное молчаніе съ нетерпимостью къ разпорѣчивымъ мнѣніямъ? Или, можетъ быть, представляя фигуру бога Януса, г. Гротъ этимъ образомъ хочетъ выразить свое желаніе, чтобы писатель въ одно и то же время и доказывалъ, и опровергалъ одну и ту же идею, чтобы критикъ въ одной книжкѣ журнала обличилъ какого нибудь обскуранта, а въ слѣдующей книжкѣ пролилъ слезы раскаянія надъ собственнымъ своимъ увлеченіемъ? Это было бы очень трогательно, и такого рода гласность была бы дѣйствительно обоюдоострая. Критическое самобличеніе, котораго, повидимому, требуетъ г. Гротъ, напомнило бы публикѣ зрѣлище, которое часто приходится видѣть на нашихъ почтовыхъ дорогахъ; оно напомнило бы ей, какъ неопытный ямщикъ, желая стегнуть свою лошадь, захватывается кнутомъ такъ усердно, что попадаетъ сначала по сѣдоку, потомъ по своей собственной спинѣ, и наконецъ, и то не всегда, по лошади. Это было бы, конечно, очень

сильно, но публика имѣла бы полное право сказать такому наивному критику: « милый юноша, предпринимайте всѣ ваши исправительныя мѣры въ таши вашего кабинета. Стегайте себя сколько угодно, но избавьте насъ отъ тяжелаго и бесплоднаго зрѣлища вашихъ самоистязаній. Давайте намъ результаты вашего мышленія, а не броженіе вашего мозга. Набичуйте себя вдоволь и тогда выступайте передъ нами человѣкомъ сложившимся, сознательно идущимъ по извѣстному направлению ». Если, напримѣръ, Современникъ отзывается о какой нибудь статьѣ Русскаго Вѣстника, какъ о статьѣ дикой, то, стало быть, критика наша не проходитъ собственныхъ своихъ темныхъ сторонъ скромнымъ молчаніемъ. Но требовать отъ Современника, чтобы онъ бранилъ тѣ самыя статьи, которыя онъ помѣщаетъ на своихъ собственныхъ страницахъ, это совсѣмъ нелѣпо, это что то въ родѣ пеликана, раздирающаго свое чрево для удовольствія публики. Любопытно также то обстоятельство, что г. Гротъ въ своей замѣткѣ высказываетъ мнѣнія, діаметрально противоположныя тѣмъ идеямъ, которыя выражаетъ редакція Русскаго Вѣстника.

И какъ васъ богъ ме въ пору вмѣстѣ свель!

Вотъ что говоритъ г. Гротъ: « Периодическая литература наша много занимается общественными вопросами, но очень мало сама собою... Наша литература бойко затрогиваетъ все, что лежитъ внѣ ея самой, но въ собственныя свои дѣла не вглядывается пристально. А между тѣмъ первый шагъ къ самоусовершенствованію есть самоизученіе, и для всего, что живеть и мыслить, самое полезное дѣло есть занятіе ближайшими предметами ».

А вотъ что говоритъ редакція въ январской книжкѣ, на стр. 480: « Только праздные и больные умы занимаются сами собою; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишенная производительности, безжизненная и безсильная литература роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра, и вмѣсто живаго дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сметнями ».

Какъ видите, эти два мнѣнія діаметрально противоположны; г. Гротъ съ укоризною замѣчаетъ, что наша литература бойко затрогиваетъ все, что лежитъ внѣ ея самой, а редакція Русскаго Вѣстника резко упрекаетъ ее въ томъ, что она роется въ собственныхъ дряз-

гахъ, не видя передъ собою Божьяго міра. Если мои читатели желаютъ знать мое личное мнѣніе объ этомъ важномъ спорномъ пунктѣ, то я замѣчу, что схожусь скорѣе съ воззрѣніями редакціи, чѣмъ съ идеями г. Грота, возводящаго безгласность литературы въ нормальное явленіе, и дающаго этой безгласности силу вѣчнаго закона. Любезная литература, говоритъ г. Гротъ своимъ вышеприведеннымъ мѣстомъ, ты, пожалуйста, не можешь вмѣшиваться въ вопросы общественной жизни. Тамъ тебя не спрашиваютъ, туда тебя не пустять, тамъ тебѣ нечего дѣлать; все будетъ улажено и устроено безъ тебя. Вы, почтенные господа писатели, творите стихи и поэмы, сооружайте повѣсти и драмы, свидѣтельствуйте другъ другу свое почтеніе и дружеское расположеніе въ критическихъ статьяхъ, воспѣвайте на всѣ лады красоту природы и благость providѣнія, и—довольно съ васъ. Дальше не ходите. Признавая Карамзина и Жуковскаго образцовыми русскими писателями, остановившись следовательно, на тѣхъ понятіяхъ, которыя составляли себѣ эти два джентльмена о дѣятельности литератора и гражданина, г. Гротъ не можетъ думать и говорить иначе. Кто въ шестидесятыхъ годахъ повторяетъ то, что казалось новымъ и смѣлымъ въ двадцатыхъ годахъ, тотъ, конечно, долженъ представиться намъ какимъ то ископаемымъ литераторомъ. Люди, начавшіе въ 1856 году изданіе журнала, не могутъ сходить въ мнѣніяхъ съ антикомъ, подобнымъ г. Гроту; дѣйствительно редакція Русскаго Вѣстника говоритъ совсѣмъ другое; она очень сердится на нашу литературу за то, что та не видитъ передъ собою Божьяго міра и рѣшительно не хочетъ принять въ соображеніе того обстоятельства, что литература наша ни въ чемъ не виновата; она дѣлаетъ все, что можетъ, и если достигаемые ею результаты оказываются неудовлетворительными, то это значить только, что она при всѣхъ своихъ добросовѣстныхъ усиліяхъ не можетъ прошибить ледяную кору, отдѣляющую ее отъ живаго пониманія народа. Въ наше время пишутъ многіе; пишутъ тѣ люди, у которыхъ есть дѣйствительная потребность высказаться; пишутъ и тѣ люди, которые, научившись владѣть языкомъ, стараются заработать себѣ побольше денегъ; въ числѣ книгъ и статей, появляющихся въ теченіи года у насъ въ Россіи, есть очень много фабричныхъ издѣлій, но зато рядомъ съ этими грошовыми работами лежатъ тутъ же, въ этомъ ворохѣ книгъ и статей, труды лучшихъ, наиболѣе честныхъ и талантливыхъ нашихъ соотечественниковъ. Искусства намъ какъ то не дались; ни живопись, ни скульпту-

ра, ни музыка, ни театральное искусство не привлекают къ себѣ съ особенною силою нашихъ молодыхъ дѣтелей; почти вся масса ума и таланта, порождаемая русскою почвою, съ неудержимою порывистостью бросается въ литературу и находитъ въ ея различныхъ родахъ полное удовлетвореніе своему стремленію къ дѣятельности. Желаніе высказаться почти всегда бываетъ сильнѣе, чѣмъ желаніе чему нибудь научиться, и потому незрѣлость сужденій, которую Русскій Вѣстникъ клеймитъ нозорнымъ именемъ литературной безчестности, дѣйствительно бросается въ глаза въ самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ нашей критики и публицистики. Эта незрѣлость составляетъ существующій фактъ, но въ существованіи этого факта не виноваты наши писатели. Всѣ мы воспитывались въ душевной средѣ, въ узкихъ понятіяхъ, подъ влияніемъ мертвящихъ предрассудковъ; всѣ мы, становясь на свои ноги, принуждены были разрывать связь съ нашими прошедшимъ, передѣлывать сверху до низу весь строй нашихъ понятій, выкуривать изъ нашего мозга ту нелѣпую демонологию, которая замѣняла намъ въ дѣтствѣ трезвыя понятія о мірѣ, о природѣ и человѣкѣ; вступая въ борьбу съ тѣми элементами, которые, благодаря вліянію родителей и педагоговъ, припрости къ нашей природѣ, отрывая съ болью и съ кровью дѣтскія вѣрованія, дѣтскія привязанности, дѣтскіе взгляды на жизнь, мы воодушевляемся и ожесточаемся въ одно и то же время; проникнутые сознательнымъ, глубокимъ отвращеніемъ къ тѣмъ мрачнымъ формамъ семейнаго быта, къ тѣмъ суровымъ принципамъ лицемѣрной нравственности, къ тѣмъ обезсмысленнымъ обычаямъ, которые давили въ дѣтствѣ наше естественное развитіе и задерживали нашъ умственный ростъ,—мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ выжидаемъ случая, когда бы намъ можно было выразить свое негодованіе противъ всего того, что остановило развитіе многихъ даровитыхъ личностей и что до сихъ поръ продолжаетъ забивать способности дѣтей и юношей, дѣвушекъ и женщинъ нашихъ. Когда мы беремся за перо, мы еще почти ничего не знаемъ, но сторона отрицанія оказывается уже вполне развитою. Нелѣпостей и несообразностей насмотрѣлся на своемъ вѣку каждый ребенокъ, слѣдовательно, каждый молодой человѣкъ, принимающійся за перо, имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы всею силою критики разбивать міръ преданій и рутинны. Вѣстѣ съ матеріалами, жизнь даетъ намъ импульсъ къ отрицанію; кто развился на столько, чтобы понять неестественность своихъ ребяческихъ понятій,

тотъ никакъ не остановится на хладнокровномъ созерцаніи этихъ понятій; умъ не терпитъ неволи; когда онъ видитъ себя несвободнымъ, онъ принимается разрушать свою клетку и не оставляетъ своей работы до той минуты, пока не будетъ совершенно окончено дѣло разрушенія. Когда умъ занятъ такого рода работою, тогда нѣтъ мѣста для спокойнаго пріобрѣтенія знаній; находясь въ такой морѣ развитія, мы съ наслажденіемъ хватаемся за сочиненія, проникнутыя полемическими тенденціями, и оставляемъ въ сторонѣ многотомныя изслѣдованія кабинетныхъ ученыхъ. За это нельзя быть на насъ въ претензіи. «Своя рубашка къ тѣлу ближе»; мы ищемъ того, что соответствуетъ настоящимъ потребностямъ нашего ума, что отвѣчаетъ на вопросы, встрѣчающіеся нашей мысли на пути ея естественнаго развитія. Когда ребенокъ растетъ, у него иногда обнаруживаются странные аппетиты: онъ ѣсть съ наслажденіемъ мѣлъ, уголь, известку, глину, и эти вещества приносятъ ему больше удовольствія и даже больше пользы, чѣмъ питательная говядина или крѣпкій бульонъ; дѣло въ томъ, что ему надо ввести въ кровь именно тѣ вещества, къ которымъ онъ чувствуетъ странное влеченіе; на пути нашего умственнаго развитія, мы часто бываемъ поставлены въ такое же положеніе; если нашему уму надо что нибудь, въ родѣ известки или острой кислоты, тогда и не предлагайте намъ ни телятины, въ родѣ ученыхъ изслѣдованій гг. Буслаява, Устрялова и Соловьева, ни миндалянаго печенія, въ родѣ лирическихъ стиховъ гг. Фета и Полонскаго. Та пища, на которой живутъ наши писатели, отражается конечно и на томъ, что они производятъ. Сами писатели проникнуты полемическими тенденціями, и тѣ же тенденціи проходятъ черезъ ихъ произведенія. Мы не рассказываемъ публикѣ о томъ, что мы знаемъ; мы просто дѣлимся съ нею нашими симпатіями и антипатіями; мы говоримъ ей: это мы любимъ, этого не любимъ, приводимъ съ большею или меньшею полнотою, съ большею или меньшею ясностью объясненія и доводы; мы говоримъ о томъ, что сами думаемъ и чувствуемъ, потому что полагаемъ, что вокругъ насъ живутъ такіе же люди, какъ и мы сами, и что каждый изъ нихъ думаетъ и чувствуетъ про себя почти то же самое, что думаемъ и чувствуемъ мы. Мы разбросаны по кружкамъ; надо жъ намъ подать другъ другу голосъ, надо жъ намъ попробовать, нельзя ли намъ понять другъ друга, нельзя ли найти себѣ симпатіи, отклика; для этого надо высказываться, безъ утайки, безъ задней мысли; что въ печи, то и на столъ мечи, что на душѣ,

то и на языкъ; только правдивость и откровенность, только искренность и задумчивость способны вызвать сочувствіе; кто пишетъ теперь по живой, внутренней потребности, тотъ хлопочетъ почти исключительно о томъ, чтобы высказать предъ обществомъ свои стремленія. Фактическія подробности, которыми наши писатели обставляютъ свои идеи, не всегда удачно выбраны, часто невѣрны, но тутъ не въ фактахъ дѣло; важно то, что писатель хочетъ выразить своимъ произведеніемъ, важна общая идея, тенденція, и если посмотрѣть съ этой точки зрѣнія на статьи лучшихъ представителей нашей журналистики, то онѣ окажутся безукоризненными и выдержать самую строгую критику. Но редакция Русскаго Вѣстника постоянно, при оцѣнкѣ явленій современной литературы, останавливается на ихъ внѣшней сторонѣ; она смотритъ на писателя не какъ на живаго человѣка, увлеченнаго своею идеею, или возмущеннаго тою или другою стороною жизни, а какъ на фотографическій станокъ, передающій съ безсознательною вѣрностью контуры предмета, находящагося передъ нимъ. Она не переносится въ положеніе писателя; она вся уходитъ въ анализъ мелочей и подробностей, которыми самъ писатель не придастъ никакого значенія.

Г. Гротъ поступаетъ еще оригинальнѣе; задумавъ говорить о русской журналистикѣ, онъ высказываетъ объ ней слѣдующія замѣчанія, которыя самымъ нагляднымъ образомъ показываютъ намъ, на сколько г. Гротъ понимаетъ интересы нашего времени. Во-первыхъ, онъ упрекаетъ журнальную критику въ томъ, что она обнаруживаетъ мало сочувствія къ Карамзину и Жуковскому. Во-вторыхъ, въ томъ, что она пзмѣряетъ годность человѣка только тѣмъ, принадлежитъ ли онъ къ старому, или къ молодому поколѣнію. Въ-третьихъ, въ томъ, что «нѣкоторые наши журналы и газеты начали употреблять также въ видѣ насмѣшки и даже брани слово *ученый*». Вотъ вамъ, господа читатели, сумма мнѣній г. Грота о русской журналистикѣ. Мнѣ кажется, г. Гроту было бы удобнѣе писать замѣтки о шрифтѣ, о бумагѣ, на которой печатаются наши журналы, о цвѣтѣ ихъ обертки, но только ужъ никакъ не о журналистикѣ. Писать о журналистикѣ, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ значеніи тѣхъ идей, которыми живутъ лучшие люди нашего общества, это чрезчуръ оригинально.

Но если оригинально въ этомъ случаѣ положеніе автора замѣтки, то конечно, еще гораздо оригинальнѣе поступокъ редакціи, печатающей на страницахъ своего журнала такую статью, которая прямо про-

творятъ мнѣніямъ редакціи и облѣчаетъ въ авторѣ такую нетрону-
тую глубину наивности.

V.

Пропуская двѣ статьи г. Лонгинова, отличающіяся полнотою би-
блиографическимъ свѣдѣніи и полнымъ отсутствіемъ руководящей идеи,
пропуская еще двѣ статьи, изъ которыхъ одна трактуетъ о губерн-
скихъ памятныхъ книжкахъ, а другая о картѣ Самарской губерніи, я
перехожу къ мартовской книжкѣ, и встрѣчаю ту статью о госпожѣ
Толмачевой, которая въ свое время вызвала противъ себя заслужен-
ное негодованіе въ обществѣ и въ періодической литературѣ. Въ этой
статѣ редакція Русскаго Вѣстника косвенно объявляетъ себя про-
тивъ эманципации женщины и спрашиваетъ: чего недостаетъ нашимъ
женщинамъ? Утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что «у насъ были знаменитыя им-
ператрицы, на англійскомъ престолѣ возсѣдаетъ теперь королева, на
испанскомъ тоже, и совѣтуетъ, вмѣсто того чтобы эманципировать жен-
щину,—подчинить и мушину извѣстнымъ ограниченіямъ, ради охране-
нія доброй нравственности. Этихъ фактовъ совершенно достаточно,
чтобы дать понятіе о букетѣ этой статьи; о ней въ свое время бы-
ло говорено довольно много, и потому я ограничусь только бѣглымъ
указаніемъ на это произведеніе умѣреннаго либерализма; въ слѣскѣ
прошлагодныхъ подвиговъ Русскаго Вѣстника необходимо было помѣ-
стить и эту статью, потому что въ ней есть драгоценныя выходки
противъ эманципаторовъ, противъ пустоголовыхъ прогрессистовъ, про-
тивъ отрицателей общественныхъ приличій, противъ губителей обще-
ственной нравственности. Добродѣтельный пафосъ, которымъ проник-
нуты многіе отрывки этой замѣчательной статьи, представляетъ рѣд-
кое и тѣмъ болѣе отрадное явленіе въ нашей легкомысленной лите-
ратурѣ, посреди преобладанія эгоизма, скептицизма, матеріализма и
разныхъ другихъ безнравственныхъ идей и стремленій. Неудобно ли
вамъ, напримѣръ, полюбоваться слѣдующими строками. Вѣдь это про-
сто оазисъ среди песчаной пустыни.

«Общественныя приличія! Но что даетъ намъ право ставить себя
выше ихъ? Можно ли допустить, чтобъ общественныя приличія нару-
шались во имя пошлыхъ фразъ, выраженій ничтожества и пустоты?»

Что должно сказать при видѣ этого ничтожества, которое, подъ прикрытіемъ громкихъ словъ: прогресса, просвѣщенія, свободы, топорится со светомъ въ головѣ стать выше цѣлаго общества, выше убѣжденій цѣлаго міра, клейми ихъ названіемъ предрассудковъ? Общественныя приличія имѣютъ всегда какое нибудь основаніе; вырабатываясь изъ жизни, они содержатъ въ себѣ ея разумъ, и для того, чтобы судить о нихъ, надо прежде понимать ихъ» (стр. 36).

Не знаете чѣму больше удивляться, читая это неподражаемое мѣсто: силѣ ли пагоса, овладѣвшаго авторомъ, фразистости ли его произведенія, или же, наконецъ, тому изумительному отсутствію связи, которое мы видимъ между отдѣльными словами и предложеніями. Можно сказать навѣрное, что еслибы какая нибудь модная барыня взялась бы защищать свѣтскія приличія противъ мападковъ разгулявшейся журналистики, то она сдѣлала бы это дѣло гораздо успѣшнѣе, чѣмъ редація Русскаго Вѣстника. Она бы твердо стала на хорошо знакомую ей практическую почву и не пыталась бы оправдывать общественныя приличія съ высшей, философской точки зрѣнія. Такого рода діалектическій пріемъ имѣетъ всю прелесть новизны въ нашей литературѣ и честь его изобрѣтенія принадлежитъ безспорно редаціи Русскаго Вѣстника. Вотъ еще одно мѣсто:

«Вы хотите возвыситься надъ общественными приличіями: остерегитесь, чтобы не упасть не только ниже ихъ, но и ниже обнаженныхъ отпавленій скотской жизни. Вы домогаетесь благодати выше долга; но помните, благодатные люди, что она не исключаетъ долга, а, возвышаясь надъ нимъ, даетъ только больше, чѣмъ можетъ дать онъ. Вы лѣзете въ геніи, но не думайте, что для достиженія этой чести надобно только отказаться отъ здраваго смысла» (стр. 37).

Кого хочетъ поразить этими словами Русскій Вѣстникъ, кого называетъ онъ благодатными людьми, кто лѣзетъ въ геніи и какое отношеніе вся эта тирада имѣетъ къ женщинамъ,—этого я рѣшительно не понимаю. Сомнѣваюсь даже въ томъ, чтобы это было понятно самому автору статьи. Не мало курьезныхъ цитатъ можно было бы привести изъ этой апологіи Камня Виногорова, но мнѣ предстоитъ еще пересмотрѣть много драгоценностей и потому я поспѣшно иду дальше. Остановлюсь на минуту на статьѣ г. Лонгинова о стихотвореніяхъ А. С. Хомякова. Въ этой статьѣ начинается проявляться тотъ сладкій оптимизмъ, который составляетъ одно изъ преобладающихъ свойствъ

критики Русскаго Вѣстника. Русскій Вѣстникъ относится чрезвычайно мягко и ласкательно ко всему тому, что не находится въ связи съ святащею журналистикою. Все хорошо въ нашей жизни, по мнѣнію Русскаго Вѣстника, и только безмозглые отрицатели своими нестройными криками нарушаютъ общую гармонію этой изящной жизни. Хомяковъ не принадлежалъ къ безмозглымъ отрицателямъ, слѣдовательно, его можно возвеличить, и дѣйствительно г. Лонгиновъ величаетъ его такъ усердно, что статья его дѣлается пожею на панегирикъ. Тѣ стихотворенія, которыя онъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ хвалебныхъ отзывовъ, могутъ быть очень возвышены по своему духовному полету, но мотивы этихъ стихотвореній покажутся современному читателю чересчуръ античными и затронуть въ немъ живое чувство также мало, какъ мало затронуть это живое чувство самыя лучшія мѣста изъ Мессіады Клопштона. Сомнѣваюсь, навримѣръ, что бы на кого нибудь могло подѣйствовать слѣдующее произведеніе, написанное въ статьѣ г. Лонгинова:

Подвигъ есть и въ сраженъи,
 Подвигъ есть и въ борьбѣ,
 Лучшій подвигъ въ терпѣннн,
 Любви и молюбъ.

Если сердце завыло
 Передъ злобой людской,
 Иль насилье схватило
 Тебя цѣпью стальной,
 Если скорби земныя
 Жаломъ въ душу впились
 Съ вѣрой бодрой и смѣлой
 Ты за подвигъ берись:
 Есть у подвига крылья,
 И взлетишь ты на нихъ,
 Безъ труда, безъ усилья,
 Выше скорбей земныхъ,
 Выше крыши темницы,
 Выше злобы слѣпой,
 Выше воплей и криковъ
 Гордой черни людской.

Если бы эти стихи принадлежали не Хомякову, а какомунибудь неизвестному поэту, а бы, может быть, назвал их холодною декламациею на заданную тему. Но Хомяковъ, какъ говорятъ всѣ люди, знавшие его лично, былъ человекъ въ высшей степени честный и глубоко искренній; слѣдовательно, надо повѣрить поэту на слово и предположить, что онъ въ этомъ стихотвореніи дѣйствительно выразилъ то, что чувствовалъ, то, въ чемъ онъ былъ горячо убѣжденъ. Такого рода предположеніе оправдываетъ въ нашихъ глазахъ личность Хомякова, но оно никакъ не заставитъ насъ восхищаться произведеніемъ Хомякова и сочувствовать тому настроенію, подъ влияніемъ котораго оно написано. Можетъ быть, мы не стоимъ на той высотѣ духовнаго развитія и просвѣтленія, на которой находился Хомяковъ; можетъ быть намъ недоступны тѣ высшія духовныя радости, о которыхъ повѣствуетъ поэтъ, только потому, что мы испорчены скептическимъ направленіемъ нашего вѣка и придавлены къ землѣ мелкими заботами и нецѣлостными дѣйствительности; все это можетъ быть, но, какъ бы ни были унижательны для насъ самыя причины нашего невниманія, мы все-таки откровенно сознаемся въ томъ, что не понимаемъ идеи стихотворенія. Что же касается до крыльевъ подвига и до возможности взлетѣть на нихъ выше крыши темницы и выше многихъ другихъ неприятныхъ предметовъ, то намъ, испорченнымъ дѣтями XIX вѣка, подобныя сочетанія словъ кажутся совершенными нецѣлостями, горячо прочувствованными самимъ поэтомъ, но рѣшительно не выдерживающими самой элементарной критики. То, чего не понимаемъ мы, по своему неразумію или по своей испорченности, то конечно могъ бы понимать г. Лонгиновъ; еслибы его критическая статья была проникнута тѣмъ духомъ, который вѣетъ въ стихотвореніяхъ Хомякова, тогда я совершенно понялъ бы восторгъ рецензента передъ личностью и произведеніями вдохновеннаго поэта и понялъ бы вѣстѣ съ тѣмъ, что мы съ г. Лонгиновымъ живемъ въ двухъ разныхъ мірахъ, что въ нашихъ взглядахъ на жизнь нѣтъ ничего общаго, и что, слѣдовательно, намъ не надо спорить между собою и нельзя ни за чемъ сойтись. Но дѣло въ томъ, что г. Лонгиновъ вовсе не восторгается тѣми идеями и образами, которыми наполнены стихотворенія Хомякова; онъ голословно восхищается стихотвореніемъ, голословно называетъ его превосходнымъ, голословно говоритъ, что «поэтическое наследіе Хомякова не велико по количеству, но состоитъ изъ чистаго золота», и голословно повторяетъ отзывъ одного цѣнителя, что

Хомяковъ « не написалъ ни одного празднаго стиха ». Изъ всего этого голословія читатель статьи г. Лонгинова никакъ не будетъ въ состояніи понять красоту хомяковской поэзіи и тѣхъ точекъ соприкосновенія, которыя существуютъ между поэтомъ и критикомъ. Гдѣ же сужденіе г. Лонгинова о разбираемыхъ имъ произведеніяхъ, гдѣ личныя убѣжденія критика? Неужели ихъ надо искать въ эпитетахъ, въ родѣ « ярко », « превосходное », « глубоко », высокой и въ риторическихъ фигурахъ въ родѣ « чистаго золота поэтическаго наслѣдія » или « строгія черты его пѣломудреннаго музы »? Но вѣдь эти эпитеты надо же чѣмъ нибудь мотивировать, эти риторическія фигуры надо чѣмъ нибудь оправдать. Вѣдь не изъ однихъ же словъ и библиографическихъ свѣдѣній должна состоять критическая статья? Надо же, что бы въ ней была хоть какая нибудь мысль. Знать, что такая то книга была издава первымъ изданіемъ въ такомъ то году, и что такое то стихотвореніе было помѣщено въ такой то книжкѣ такого то журнала—не значитъ еще быть критикомъ. Въ противномъ случаѣ большая часть библиотечкарей, книгопродавцевъ и грамотныхъ букинистовъ могли бы Бѣлинскаго за носъ заткнуть. Кажется, г. Лонгиновъ такъ и думаетъ, если принять въ соображеніе его статью: Бѣлинскій и его лжеученики », статью, которой мы коснемся мимоходомъ, когда дойдемъ до разбора іюньской книжки Русскаго Вѣстника. Надѣясь, что не всѣ наши читатели раздѣляютъ мнѣніе г. Лонгинова объ обязанностяхъ и достоинствахъ критика, я дамъ себѣ право обратить вниманіе тѣхъ людей, которые не согласятся съ г. Лонгиновымъ на то поразительное безсиліе, на ту печальную безжизненность, которыя обнаруживаются въ критикѣ Русскаго Вѣстника. У нея есть только одинъ *mot d'ordre*: преслѣдованіе свистуновъ; когда она заговоритъ о свистунахъ, тогда она сколько нибудь оживляется, начинаетъ браниться, смѣяться принужденнымъ смѣхомъ, вздыхать о горькой участи русской литературы. Всѣ эти различные оттѣнки негодованія остаются намъ довольно непомятыми въ своей исходной точкѣ, въ побудительной причинѣ; всѣ эти проявленія возмущеннаго нравственнаго чувства похожи скорѣе на лирическія излітія, чѣмъ на солидныя выраженія продуманныхъ убѣжденій; но, но крайней мѣрѣ, въ этихъ выходкахъ есть жизнь; въ нихъ авторы статей выражаютъ свои собственныя чувства и не стараются воднять себя на высоту невозможной и неестественной объективности, которая, какъ двѣ капли воды, похожа на отсутствіе собственнаго убѣжденія, на добровольное или вынужденное критическое

мелочничество. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о свѣтунахъ, тамъ критическія статьи Русскаго Вѣстника состоятъ изъ выписокъ, изъ варіанцій на эти выписки, изъ библиографическихъ или біографическихъ указаній, и изъ фразъ болѣе или менѣе лестныхъ для автора разбираемой книги. Часто въ его рецензіяхъ видно много эрудиціи, часто онѣ представляютъ очень тщательный разборъ очень мелкихъ фактовъ, но при этомъ общая идея автора всегда ускользаетъ отъ рецензента и никогда не наводитъ его на критическія размышленія. Мысль расплывается въ безцвѣтныхъ фразахъ или задыхается подъ грудою мелкихъ фактовъ.

Д. ПИСАРЕВЪ

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

ЧЕМУ И КАКЪ МЫ УЧИМЪ НАРОДЪ.

1) Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей, составленное теткой Настасьей. Москва. 1861. 2) Хрестоматія или избранныя статьи для народнаго чтенія. Москва. 1861. 3) Досужное чтеніе, пригодное для каждаго, составленное В. Золотовымъ. С. Петербургъ. 1862. 4) Воспоминанія о геройской защитѣ Севастополя и очеркъ Крыма. С.-Петербургъ. 1861.

Прочтавъ все эти книжки, останавливаешься въ странномъ недоумѣніи: для чего онѣ изданы? Изъ какой внутренней потребности вытекало ихъ появленіе на божій свѣтъ? Одна изъ нихъ говоритъ: я написана затѣмъ, чтобъ меня понимали крестьянскіе ребята, другая желаетъ сохранить въ памяти солдатъ воспоминаніе о защитникахъ Севастополя; третія издается для того, чтобы представить образцы чтенія для народа, и все онѣ болѣе или менѣе вопіютъ противъ отсутствія книгъ, доступныхъ пониманію и любознательности низшихъ со-

словій. Авторы и составители этих книжек, какъ можно догадываться по ихъ неблагодарному труду, вполне убѣждены, что они оказываютъ величайшую пользу народу, принимая на себя роль его наставниковъ и опекуновъ; нѣкоторые изъ нихъ даже думаютъ, что отнимите у народа хлѣбъ и трудъ, но дайте ему ихъ сочиненія, и онъ благословитъ свою судьбу, забудетъ о голодѣ и будетъ питаться одной духовной пищей. Свойство этой пищи таково, что, дѣйствуя вмѣсто желудка на голову, она не производитъ ни рѣзв, ни спазмовъ, ни лпхорадокъ, но испаряется также легко, какъ принимается; а принимается она посредствомъ глазъ или слуха.—обыкновенно, на сѣрыхъ листахъ бумаги, подъ разными довольно неопрятными обложками и самыми разнообразными названіями. Видоизмѣнять и сортировать эту духовную пищу можно точно также, какъ мы сортируемъ наши обыденныя кушанья, утоляющія чисто—физическіе аппетиты; можно, напримеръ, соединить одну книжку съ другой подъ однимъ заглавіемъ или переплести всѣ вмѣстѣ въ одинъ корешекъ; можно даже перемѣшать ихъ статьи, параграфы и главы, можно поставить вмѣсто «Досужное Чтеніе» «Воспоминанія о геройской защитѣ Севастополя» или вмѣсто «Хрестоматія» «Ненужное чтеніе для каждаго»,—это рѣшительно все равно, и онѣ не потеряютъ отъ этого смѣшенія ни вкуса, ни запаха, ни внутренняго содержанія; намъ кажется, что многія изъ нихъ даже выиграютъ не только въ разнообразіи матеріаловъ, но и въ самомъ достоинствѣ ихъ. Что же касается самаго производства этой пищи, то она добывается исключительно посредствомъ машинъ, съ небольшимъ участіемъ рукъ и ума. Процессъ приготовленія ея, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, очень легкій: положимъ, что надо составить «Хрестоматію для народа»; кромѣ обыкновенныхъ статей изъ духовно—нравственныхъ сочиненій, авторъ беретъ нѣсколько историческихъ статей съ фабрики гг. Соловьева и Иловайскаго, присоединяетъ къ нимъ превосходную біографію Кольцова—Бѣлинскаго, разбавляетъ все это описаніями и разказами изъ естественной исторіи, наконецъ подсластитъ стихотворнымъ сыропомъ изъ Жуковскаго, Хомякова, Бенедиктова, Майкова, Аксакова, и хрестоматія для народнаго чтенія готова. Но на какомъ основаніи она предлагается народу, а не дѣтямъ, крестьянину,—а не человѣку образованному, что въ ней есть особеннаго для того или другаго возраста, состоянія и умственнаго развитія? Отвѣчать на это очень трудно. Судя по составу ея статей и выбору предметовъ, она столько же примѣнима къ потребностямъ

земледельца или фабричного работника, сколько для купца и чиновника; всё они, пожалуй, найдут здесь кое-что пригодное для себя, но никто изъ нихъ не можетъ считать ее своей книгой. Представимъ, что двѣнадцатилѣтній крестьянскій мальчикъ отдаетъ послѣдній грошъ за эту хрестоматію и раздѣрываетъ ее съ тѣмъ, чтобъ почитать: на первомъ главѣ попадаютъ ему 46 страницъ проповѣдей, потомъ 44 страницы разныхъ отрывковъ изъ исторіи Соловьева, Карамзина и Иловайскаго, 51 страницу жизнеописаній Патріарха Никона, московскаго митрополита Флѣпша и проч., потомъ выдержки изъ естественной исторіи, какъ напримѣръ, — «Саранча на южномъ берегу Африки, сахарный тростникъ на островѣ Кубѣ, Сэнъ—Бернардская собака» и т. д. Спрашивается, что же изъ этого винигрета можно взять крестьянскому мальчику? Но положимъ, что книга попадаетъ въ руки уже нѣсколько образованнаго читателя, для котораго интересно знать, какъ растетъ сахарный тростникъ на плантаціяхъ Кубы, какъ плодится саранча въ южной Африкѣ, но тогда зачѣмъ же ему знать, что такое «Ось и Чека» казака Луганскаго или описаніе кукушки и ласточки по руководству Вагнера? Пригомъ, какое отношеніе имѣютъ между собою стихотворенія Некрасова и О. Глики или статьи Тургенева и Загоскина, втиснутыя въ одну и ту же рубрику? Нѣтъ спору, что отъ хрестоматіи мы не въ правѣ требовать строгаго единства въ направленіи избранныхъ отрывковъ, что характеръ ея чисто—компилятивный, но нельзя же допустить и рѣзкаго противорѣчія въ ея составѣ, такъ, чтобы одна статья уничтожала другую, чтобы отдѣлы ея походили на кварталъ Крылова. Въ этомъ отношеніи, вообще составители нашихъ хрестоматій горько ошибаются: имѣя въ виду не болѣе какъ процессъ чтенія, они освобождаютъ себя отъ всякой основной идеи, которая проглядывала бы сквозь собранные ими матеріалы; подобно пчелѣ, они сносятъ все, что можно сорвать съ поля литературы, по, подобно муравьямъ, сбрасываютъ свои пріобрѣтенія въ одну кучу, оставляя ихъ въ сыромъ, натуральномъ видѣ: поэтому вмѣсто улья меда и воска оказывается ворохъ сору и грязи. Вслѣдствіе этого они не достигаютъ даже той цѣли, которую задаютъ себѣ, т. е. процесса чтенія, потому что какое же умное дитя станетъ читать все безъ разбору, если только оно ищетъ смысла въ прочитанномъ; а если не искать смысла и идеи въ чтеніи, то оно будетъ однимъ изъ самыхъ утомительныхъ и безплодныхъ занятій: тогда мы предпочли бы скакать на одной ногѣ или пускать мыльные пузыри вмѣсто того, чтобы безо-

лезно сгибаться надъ книгой и утомлять зрѣніе черными линіями на бѣлой бумагѣ. Здѣсь кстати замѣчу, что русское дитя развивается изумительно медленно и туго; едва ли я ошибусь, если скажу, что англійскій или французскій ребенокъ на шестомъ году своего возраста смышленѣе и разумнѣе, чѣмъ нашъ двѣнадцатилѣтній отрокъ. Само собою разумѣется, что эта задержанность въ развитіи не зависитъ отъ однѣхъ плохихъ хрестоматій, но обусловливается общей обстановкой жизни, вліяніемъ климата, семейства и всего соціальнаго склада. Климатъ и соединенныя съ нимъ гигиеническія условія не благопріятствуютъ физическому здоровью нашихъ дѣтей; запертыя впродолженіи полугода въ компатной атмосферѣ, рѣдко освѣжаемой чистымъ воздухомъ, питаемыя скудной пищей, предоставляемыя произволу дурныхъ и грубыхъ нянекъ, они походятъ болѣе на тепличныя растенія, чѣмъ на правильно—развившіеся человѣческіе организмы. Смертность дѣтскаго возраста въ Россіи поражаетъ своимъ огромнымъ итогомъ; и это неудивительно, если мы примемъ во вниманіе отсутствіе медицинскихъ пособій, неоприятность курной крестьянской избы, семейный деспотизмъ, доводимый до отвратительныхъ сценъ насилія и варварскаго обращенія съ женщинами, если мы представимъ, что въ нашихъ деревняхъ воспитаніе ребенка иногда не отличается отъ воспитанія домашняго животнаго. Всѣ эти неудобства, конечно, могла бы нѣсколько поправить школа; но, къ сожалѣнію, она беретъ свои начала изъ самой жизни, такъ или иначе подчиняется нелѣпости общественаго мнѣнія и систематически проводитъ тѣ же недостатки, которые наобумъ создаетъ семейная рутина.

Но возвратимся къ своему главному предмету. Все, что мы сказали доселѣ о производствѣ народныхъ книгъ, то преимущественно относилось къ хрестоматіямъ; теперь посмотримъ, какъ прилагается эта машинная выдѣлка къ другому разряду сочиненій, гдѣ можно найти и единство направленія, и цѣльность взгляда. Лучшую характеристику этой категоріи народныхъ книгъ представляетъ намъ Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей, составленное теткой Настасьей.

Тетка Настасья написала свою книжку для того, чтобы и «самыя маленькіе мальчики и самыя маленькія дѣвочки поняли каждое слово и чтобы читать имъ было любо и нескучно». Слѣдовательно, главная забота тетки Настасьи состоитъ въ томъ, чтобы ее понимали крестьянскіе дѣти,—и это общая забота всѣхъ народныхъ педагоговъ. Во-первыхъ, они грубо заблуждаются насчетъ дѣтской непонятливости,

которая, на самомъ дѣлѣ, вовсе не такъ велика, какъ они ее представляютъ. Дитя, съ той минуты, когда оно начинаетъ понимать свои отношенія къ окружающему его міру, когда оно не возьметъ горячаго угля въ ротъ, не бросится въ рѣку, чтобы утонуть, съ этой минуты дитя способно принять всякое знаніе безъ малѣйшаго затрудненія; мы не знаемъ ни одного факта, ни одной истины, которую бы нельзя было передать умному десятилѣтнему мальчику, но какъ передать? въ этомъ заключается вся педагогическая задача. По обыкновенію, мы говоримъ съ дѣтьми языкомъ отвлеченнымъ, сухими формулами, нравственными сентенціями и никогда не даемъ себѣ труда объяснить имъ, почему требуютъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія тому или другому правилу; мы диктаторскимъ тономъ произносимъ свои нравоученія, принятые съ голоса нашихъ наставниковъ, и не терпимъ ни малѣйшаго возраженія имъ. Но кто же изъ насъ, по совѣсти, можетъ поручиться, что, если ребенокъ не перевариваетъ этихъ нравоученій, то въ этомъ виновата его тупость или безсилъе ума, а не извращенность самыхъ понятій, которыя навязываютъ его свѣжей натурѣ. Прослѣдимъ общій ходъ тѣхъ педагогическихъ приемовъ, съ которыхъ начинается наше воспитаніе. Вотъ родилось дитя, заявившее о своемъ появленіи на свѣтъ истошнымъ крикомъ; послѣ обычныхъ операцій акушерки, новорожденнаго подвергаютъ самой строгой полицейской дисциплинѣ: его связываютъ пеленками, завертываютъ, какъ мумію, въ разныя тряпки, чтобъ эта маленькая мумія не могла свободно расправить ни одного изъ своихъ членовъ; если она закричитъ, ей суютъ въ ротъ соску; если она шевельнетъ ногой или рукой, ее снова затягиваютъ повивальникомъ; если она заплачетъ отъ боли, ей пропускаютъ въ горло ложку какой нибудь медицинской драни; ее питаетъ чужая грудь кормилицы, между тѣмъ, какъ мать перѣдко рыщетъ по баламъ птеатрамъ... Доселѣ все воспитаніе состояло въ томъ, чтобъ стѣснить и задушить всякое свободное проявленіе младенческой природы. Затѣмъ, когда дитя подрастаетъ, нянька обращаетъ его въ свою куклу: она набиваетъ голову ребенка нелѣпыми разсказами о домовыхъ и оборотняхъ, она убаюкиваетъ его сказкой, пугаетъ привидѣніями, всякое живое движеніе называетъ *блажью*, всякое независимое желаніе—*капризомъ* и, обыкновенно, унимаетъ ихъ пинками или угрозами. И эта кукла, привыкая смотрѣть на все чужими глазами и дѣйствовать по чужой программѣ, постепенно теряетъ способность къ самостоятельному выраженію ума и воли. Далѣе наступаетъ

периодъ родительскихъ наставленій и ученя; здѣсь прежде всего требуется отъ ребенка *вѣры* въ слова и распоряженія его воспитателей; дитя, одолаваемое со всѣхъ сторонъ новыми впечатленіями и вопросами, во всемъ ищетъ смысла и объясненія, а ему приказываютъ вѣрить на-слово, и не возражать; оно съ жадностью прислушивается къ разговору окружающихъ лицъ, но собесѣдники отвѣчаютъ ему пошленькими шутками или нѣмыми ласками, считая одно неприличнымъ для дѣтскаго возраста, а другое—выше его пониманія; дитя обращается къ книгѣ, но книга не даетъ ему ничего, кромѣ анекдотовъ или тѣхъ же уродливыхъ сказокъ, которыя оно уже слышало отъ няньки; дитя проситъ жизни, развитія, дѣятельности, а его сажаютъ въ душную комнату и морятъ надъ заучиваніемъ разной схоластической дичи; если оно обнаруживаетъ намѣреніе избавиться отъ этой дичи и вырваться на волю, ему показываютъ связку розокъ или оскорбляютъ грубыми выходками. И вотъ является совершенно готовый отрокъ, блѣдный, чахлый, запуганный и истощенный, съ полнымъ отвращеніемъ ко всему, что напоминаетъ ему прежнее воспитаніе. Теперь воздегательные его родители, сокрушаясь о будущемъ счастіи своего ненагляднаго дѣтища, избираютъ ему общественную карьеру, устриваютъ положеніе, основываясь въ этомъ произвольномъ выборѣ не призваніемъ и желаніями юноши, а разными соображеніями—въ родѣ теплинскаго чиновническаго мѣста, выгодной партіи, болѣе быстрого повышенія на лѣстницѣ ранговъ и даже прислуживанія кому нибудь изъ сильныхъ міра сего. Сообразно этому выбору отрокъ обучается тому или другому спеціальному курсу наукъ, т. е. выдѣлывается изъ него матросъ или юристъ, безъ всякаго общечеловѣческаго развитія и твердаго грунта положительныхъ знаній. Такимъ образомъ мы проходимъ нашу воспитательную школу. Теперь скажите откровенно, господа педагоги, какой особенной мудростью вы угрожаете дѣтскому уму? Вѣдь если, по правдѣ сказать, вы не предлагаете ему ни одного реального свѣдѣнія, ни одной практической истины, ни одного живаго и искренняго звука, и дѣтей же обвиняете въ непонятливости. Да что же имъ понимать-то? Неужели вашу доктрину, состоящую изъ отрицанія здраваго смысла, систематическихъ стѣсненій, изъ дѣтскихъ книжекъ г. В. Золотова, изъ учебниковъ г. Устрялова и Иловайскаго и правоучительныхъ статей г. Ушинскаго! Заговорите прежде чело- вѣческимъ языкомъ, яснымъ и правдивымъ, безъ лицемерія и окольныхъ дорогъ, и вы увидите, что дѣти совершенно поймутъ васъ и

охотно будутъ слушать. Мы даже убѣждены, что дѣти были бы гораздо понятливѣе взрослыхъ, еслибъ своевременно и рационально пробуждали въ нихъ умственную дѣятельность. Молодые и воспримчивыя силы ихъ, не притупленные гнетущими опытами жизни и ложными взглядами, гораздо легче могутъ принять всякое мнѣніе, къ какой бы области и партіи оно ни относилось; мы твердо увѣрены, что умному десятилѣтнему ребенку можно скорѣе растолковать какой угодно вопросъ изъ современныхъ знаній, чѣмъ какомунибудь ученому мужу. У десятилѣтняго мальчика нѣтъ ни предвзятыхъ идей, ни научныхъ предразсудковъ, ни пришитыхъ сзади авторитетовъ, ни педантской спѣси, ни той несчастной тупости, которая наживаетъ съ годами, проведенными въ рабочемъ кабинетѣ доктрина; напротивъ, у послѣднихъ всего этого много, за ними стоятъ длинныя полки книгъ, которыя они проглотили сырьемъ, не разжевавъ и не переработавъ ихъ составныхъ элементовъ. Первымъ нѣтъ никакого интереса отстаивать то или другое рутинное понятіе, а вторымъ, хоть бы они и соглашались съ противными мнѣніями, жалко и невыгодно расстаться съ тѣмъ, что приросло къ ихъ мозгу и, пожалуй, обратилось въ ихъ повседневное ремесло. Поэтому, намъ кажется, что жалобы нашихъ педагоговъ на непонятливость дѣтей совершенно неосновательны и въ практическомъ отношеніи вредны, потому что, увлекаясь этой ложной идеей, и желая стать на точку зрѣнія народа и дѣтей, составители элементарныхъ книгъ вмѣсто простоты впадаютъ въ плоскость, вмѣсто того чтобы быть понятными и толковыми, дѣлаются скучными и безтолковыми. Посмотримъ, напримеръ, какъ бесѣдуетъ тетка Настасья съ крестьянскими ребятами. «Вася и Маша, пишеть она, играли на лугу. Вася догонялъ Машу, онъ не смотрѣлъ подъ ноги и упалъ. Ахъ, какъ я ушибъ ногу! Маша, душенька, помоги мнѣ встать, кричалъ бѣдный Вася. Маша захохотала и побѣжала дальше. Маша была недобрая дѣвочка.» Выпишемъ еще одинъ разсказъ: «Если Вася увидитъ гнѣздо на деревѣ, тотчасъ влѣзетъ туда и утащить у бѣдныхъ птичекъ яйца или птенчиковъ да и погубить ихъ. Если ему попадется жукъ, онъ привяжетъ его на ниточку; паукамъ и мухамъ онъ отрывалъ лапки, а лягушекъ убивалъ камнями. Случалось, что мать увидитъ, такъ она его и побранить и скажетъ: «Вася, грѣхъ мучить божью тварь, да и мнѣ куда какъ горестно видѣть, что въ тебѣ нѣтъ никакой жалости.» Но Вася не слушалъ матери. Наконецъ узналъ объ его шалостяхъ отецъ; взялъ

онъ веревку, привязалъ самого Васю, да и ну его гонять кнутомъ. Потомъ, чтобы показать ему, какво терпѣть боль, онъ вырвалъ ему нѣсколько волосковъ да и сказалъ: «Всякая тварь чувствуетъ боль; тебя мать всегда берегла да холила, такъ ты можешь и не знать, какво тому, кого бьютъ. Теперь, надѣюсь, что оставишь свои глупыя забавы» (стр. 6 и 9). Изъ приведенныхъ нами отрывковъ, которыхъ духъ и форма не измѣняются во всей книгѣ, ясно видно, что тетка Настасья переливаетъ изъ пустаго въ порожнее, что на 82 страницахъ она не даетъ ни фактическихъ знаній, ни интересныхъ предметовъ для чтенія. Въ такомъ сочиненіи, какъ элементарная книга, всего важнѣе возбудить любознательность въ ребенкѣ, навести его мысль на разные вопросы и, однимъ словомъ, заставить его задуматься; а этого-то и недостаетъ безсвязнымъ и безцѣльнымъ рассказамъ тетки Настасьи.

Притомъ, не выходя изъ общей черты нашихъ рутинеровъ, она невольно поддается другому недостатку современной педагогической системы—она навязываетъ вмѣстѣ съ чтеніемъ нравственныя наставленія, отъ которыхъ было бы лучше воздержаться. Обращаясь къ дѣтямъ и къ народу съ иравоученіями, мы не хотимъ задать себѣ слѣдующаго вопроса: откуда мы сами взяли эту нравственность—изъ книгъ или изъ жизни? Если изъ книгъ, то это мертвая буква, не живущая никакаго отношенія къ живой личности человѣка; если же изъ жизни, то она можетъ быть примѣнена только къ намъ самимъ, а не къ другимъ. Уваженіе къ нравственнымъ началамъ можетъ быть только слѣдствіемъ внутреннего сознанія, глубокаго убѣжденія, а не вѣшняго навязыванія ихъ. Самая грубая ошибка педагоговъ состоитъ въ томъ, что они стараются привить свой моральный кодексъ со стороны, съ боку и если онъ не прививается, то втискиваютъ насильно, какъ поклажу на вьючное животное. Оттого, между прочимъ, мы постоянно встречаемся съ людьми, которые на словахъ чище самой добродѣтели, а попробуйте ихъ на дѣлѣ, то они окажутся гораздо грязнѣе самой грязи. Это неизбежный результатъ ложнаго положенія. Относительно народа эта ошибка тѣмъ грубѣе, что онъ не вѣритъ нашей нравственности. Да и что это за нравственность, которой поучаетъ, напримѣръ, тетка Настасья? Чтобы дать почувствовать ребенку мученія истязуемыхъ имъ животныхъ, отецъ привязываетъ его на веревку и погоняетъ кнутомъ. Вѣдь это восточное варварство; — отвергнутое даже полудикими племенами. Еслибъ мы стали логически развивать примѣненія

такого правила, то всякое страданіе человѣка вызвало бы новое страданіе и одна половина общества стояла бы съ кнутомъ въ рукѣ противъ другой, взаимно перемѣняя роли и поочереди подставляя спины.

Наконецъ мы давно уже слѣдимъ за особенной формой въ нашей литературѣ, самой уродливой формой, какая только возможна въ наше время. Народные педагоги, не ограничиваясь общими разсужденіями, начали составлять спеціальныя книжки для каждаго сословія отдѣльно, такъ что впослѣдствіи у насъ образуется своя мѣщанская, солдатская и чиновничья литература. Намъ не было бы никакого дѣла до этой странности, еслибъ она не угрожала въ будущемъ развитію стремленія касты и поддержать принципъ сословнаго антогонизма. Духъ времени и наука стараются снести эти средневѣковыя заставы, уничтожить антипатіи, которыя раздѣляютъ людей по ихъ сословнымъ предразсудкамъ,—къ этому направлены всѣ усилія образованныхъ людей, а педагогика противодействуетъ имъ своими затѣями. Нечего и говорить о томъ, что въ основаніи эта идея—самая фальшивая. Ни солдаты, ни мѣщанинъ не могутъ обойтись безъ общихъ человѣческихъ свѣдѣній и началъ; что надо знать каждому гражданину, то надо знать и военному, и мѣщанскому сословію: иначе въ обществѣ явится нѣсколько отдѣльныхъ обществъ, съ своими частными интересами и цѣлями, съ своими плохими и никуда негодными членами.

Въ заключеніе замѣтимъ, что главными производителями этой отрасли литературы считаются у насъ гг. Вольфъ и Лермантовъ. Первый фабрикуетъ дѣтскія книги, второй—народныя; первый уваживаетъ нашу умственную почву оптомъ и гуртомъ, второй въ розницу и какъ случится, въ особенности, если случится подешевле или вовсе даромъ.

Р. Р.

РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО С.-Петербур. 1861.

Мы давно слѣдили за очерками г. Успенскаго; они намъ нравились, какъ нравятся и до сихъ поръ; только мы замѣтили одно, что они имѣютъ свойство улетучиваться изъ памяти, не оставляя по себѣ ни одного твердаго впечатлѣнія, такъ что когда мы принялись за чтеніе книги г. Успенскаго, то прочли ее почти какъ совершенно новую вещь; это, какъ намъ кажется, происходитъ оттого, что бѣольшая часть этихъ очерковъ лишена плана и содержанія. Назвать ли это недостаткомъ, назвать ли это достоинствомъ—не знаемъ, но въ этомъ заключается отличительный характеръ разсказовъ г. Успенскаго.

Онъ весьма хорошій фотографикъ, вѣрно и отчетливо воспроизводитъ мелкія будничныя явленія; онъ не ищетъ въ нихъ ни смысла, ни причины, онъ не разбираетъ ихъ внутреннихъ сторонъ, а беретъ тѣни и образы такъ, какъ представляетъ ихъ самая жизнь.

А жизнь крайне пуста и безцвѣтна, такъ, что въ ней очень трудно отыскать такія явленія, которыя выступали бы ярко и подавали о себѣ какой нибудь живой отлѣкъ; въ этой жизни все сливается въ одно безразличное и темное пятно; посмотришь на нее сверху—она безлична; посмотришь снизу—она мрачна и забита; справа—однообразна; слѣва—натянута и безцѣльна.

Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, если очерки г. Успенскаго, фотографируя эту обыденную сѣренькую жизнь, испаряются изъ нашей памяти и не поддаются анализу автора; анализирующая способность его слишкомъ слаба, чтобы проникнуть глубже въ эти явленія, и взглядъ его слишкомъ узокъ, чтобы охватить ихъ со всѣхъ сторонъ. Для такой чисто-компилятивной способности, какъ г. Успенскій, нужны сильныя краски, рѣзкія тѣни, а ихъ нѣтъ въ дѣйствительности... Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стороны не подойдешь къ этой жизни, безцвѣтность ея поражаетъ на каждомъ шагѣ. Въ той средѣ, которую по преимуществу избираетъ авторъ «Очерковъ», всѣ почти жизненные явленія дѣлятся на двѣ категоріи: къ первой относятся событія болѣе крупныя, т. е. моменты драматическіе; здѣсь или уголовщина, или дикій произволъ и самодурство со всѣми ихъ страшными результатами; вторая категорія захватываетъ весь горизонтъ сѣрвагой, обыденной

жизни, — тут неотступно преслѣдуетъ васъ совершенное отсутствие здравыхъ понятій и здравыхъ отношеній къ дѣйствительной жизни.

На этихъ—то послѣднихъ явленіяхъ сосредоточивается вся авторская производительность г. Успенскаго; для такихъ явленій совершенно достаточно и его фотографическаго мастерства, и картины, имъ развиваемой. Закрывая его книгу, читатель невольно восклицаетъ: вотъ такъ *ерунда*, т. е. ерунда не въ разсказахъ, а въ самыхъ дѣйствующихъ лицахъ автора.

Вотъ, напримѣръ, если угодно посмотрѣть, образчикъ нашихъ понятій о супружествѣ и взглядъ на то, чѣмъ должна быть *жена*.

— Обвѣнчался я, Сидоръ Семеничъ, съ одной купеческой дочерью,—истенно закался; подхватилъ, можно сказать, такую скотину, — самъ не радъ... Грушкой дразнили...

— Что жъ такъ?

— *Такъ—съ.*

Чувствуете ли вы всю эту бессознательную, но къ сожалѣнію вполне законную силу этого безтолковаго: *такъ—съ*, которое служить и отвѣтомъ, и приговоромъ, и во многихъ случаяхъ жизни безапелляционно рѣшаетъ съ дуру и давить съ дуру множество самыхъ насущныхъ ея вопросовъ и проявленій? Въ томъ—то и бѣда, что въ этой глуповской жизни все дѣлается только «такъ!..» И Богъ—вѣсть, предвидится ли гдѣ нибудь и откуда нибудь болѣе разумный отвѣтъ на неотступно—встающіе вопросы: какъ и почему?

— А какъ вы, Потапъ Егорычъ, мыслите насчетъ супружества?

— Я такъ мыслю, что жена должна быть супружницей своему мужу... одно слово жена... *она обязана чувствовать все, понимать всякія мужнины добродѣтели; такъ какъ черезъ это самое можетъ произойти глупость...*

— Справедливо. Я знавалъ нѣкоего куца, такъ онъ свою жену въ гробъ вогналъ.

— Извѣстно; мы знаемъ доподлинно, что жену въ гробъ вогнать — ничего не стоитъ, *потому что жена для своего мужа—все равно плюнуть да растереть...*

Вотъ вамъ и понятія о самомъ лучшемъ и важномъ актѣ человеческой жизни. Вотъ и прошу покорно въ этой средѣ и на этой почвѣ воспитать свободную женскую личность, когда жена, все равно, что плюнуть да растереть. А попробуйте-ка допытаться у него: почему?—а *Да такъ—съ!*

отвѣтитъ онъ вамъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ законности такого отвѣта, и это такъ—съ, опять—таки безапелляціонно порѣшить все дѣло. Попробуйте—ка внушить ему, что глупо—дескать, братецъ ты мой, разсуждать изволишь!—«Нѣтъ, очень пріятно!» отвѣтитъ онъ вамъ самоувѣренно, какъ отвѣчаетъ у г. Успенскаго же работникъ Семень, въ подтвержденіе своего вѣрованія въ мертвецовъ, которые «завсегда могутъ вставать» и которые у нихъ въ слободѣ каждую осень бродили,—«потому, отчего же имъ не бродить?»

Чѣмъ же руководствуется эта жизнь? Что за понятія капошатся въ ней и что за продукты вырабатываетъ она изъ своей почвы?—Продукты самые естественные, какихъ только можно ожидать отъ гнетущей силы нашихъ самодуровъ и необузданнаго произвола во всемъ. Возьмемъ еще примѣръ: вотъ мы на сельскомъ праздникѣ; передъ нами одна за другою проходятъ разныя гуляющія группы. Вслушайтесь въ ихъ разговоры—и вы вынесете довольно ясное понятіе о дикости повседневныхъ героевъ г. Успенскаго.

— Харланъ Гаврилычъ, Харлаша, кричитъ одинъ изъ мужиковъ, обнявшись съ своимъ товарищемъ. Я тебѣ расскажу про все. Она баба російская. А насчетъ наукъ ты не хвались. Теперича что Полякъ, что Лихляндецъ, что Шведъ—все едино: къ примѣру, вотъ мы съ тобой идемъ, все ничего. Вдругъ на встрѣчу городъ али деревня.

— Нѣтъ, ты самъ не знаешь, что говоришь. Вѣрно мало слыжалъ про Лихляндію. Пономаревъ Сенька—лихачъ на эвти штуки. Скажеть: стой солнце, не шевелись земля, хотъ примѣрно Россія, аль Лихляндія.

Мужики удаляются. Проходятъ два мѣщанина. Одинъ изъ нихъ говоритъ другому:—То есть я, батюшка мой, простудилъ себя, одно слово—квасомъ. Квасомъ простудилъ, такъ простудилъ—смерть! Ребята взяли, наварили кулешу съ ветчиной, да еще на дорогу мнѣ положили поросенка, значить, все свиное. Я и поѣлъ, сударь мой, такъ поѣлъ, хотъ околѣвай, такъ тожъ!

— Гмъ... И накушались?

— И натрескался, Петръ Авонасьичъ.

Выступаютъ двѣ бабы:—О! она тебя помнитъ... какъ не помнить... и-и-и...А ужъ кумъ—то, кумъ—то, Богъ его знаетъ, что за человекъ такой... Ей—Богу умный. А сноха—то давеча — трестъ его по головѣ! И-ихъ! Право слово.

— Семень Петровичъ (говоритъ конторщику одна изъ дворовыхъ

дѣлокъ) что, вы мертвецовъ видали? Я слышала, вы учились въ Москвѣ медицинѣ.

— Да-съ, Алена Герасимовна, я точно ходила на медицинскій факультетъ лѣтъ пять тому назадъ, какъ мы жили съ баринномъ въ Москвѣ. И мертвецовъ приходилось видѣть, сударыня. Тамъ я всего то-есть человѣка могъ разобрать по частямъ.

— На это, я слышала, такая наука есть?

— Есть. Эту науку зовутъ скукой, — и справедливо. Потому-вѣтъ гаже этого предмета, Алена Герасимовна.

— Отчего же-съ.

— Да такъ-съ. Мертвечина, Алена Герасимовна...

— Ну, а что у человѣка внутри есть, Семень Петровичъ?

— Внутрись бываетъ различно. Это смотря потому, кто чѣмъ питается: иной продовольствуется мякиной, такъ у него внутри мякина. А у одного сапожника, говорятъ, даже нашли при вскрытіи подошву съ лучиной.

— Страсти какія!... Объясните мнѣ пожалуйста, что—у штатскихъ и у военныхъ внутри одинаково?

— Ну, насчетъ этого пункта, Алена Герасимовна, можно вамъ доложить матерію. Во-первыхъ, надобно сказать, ничего одинаковаго вѣтъ.

— А что, доктора могутъ кому нибудь вставить глазъ?

— Это ничо чемъ. Глазъ для нихъ ничего не значить.

— А какіе же, Семень Петровичъ, вставляютъ глаза? человѣчскіе?

— Никакъ нѣтъ-съ, больше у скотины заимствуютъ...

И такъ далѣе.

Это бы еще не бѣда, еслибъ весь сумбуръ этой жизни ограничивался только подобными невинными проявленіями; но подъ перомъ г. Успенскаго иногда появляются и другія, болѣе цѣльныя и глубокія отношенія, за которыя не смѣшно, а больно. Такъ въ его разсказѣ: «Хорошее житье» — вамъ ужъ не на шутку становится тяжело. Въ этомъ очеркѣ вы увидите довольно общія черты крестьянскаго сословія въ его общественномъ быту. Васъ даже поразить это отсутствіе всякаго чувства законности, чувства уваженія свободы личности и чужой собственности, эта общая деморализація. Спѣшимъ прибавить: дѣло идетъ не о крестьянахъ проселковъ и глуши, а о крестьянахъ большой прогонной дороги, слѣдственно о крестьянахъ, ежеминутно приходящихъ въ столкновение съ проѣзжимъ людемъ, съ

нашею городскою жизнью и такъ называемою цивилизованной толпой. Причиною такой деморализации, выводимой авторомъ общины, является ничто иное какъ кабакъ съ непозволительными плутнями, переходящими чисто на чисто въ дневной, наглый грабежъ откунаго цѣловальника. Авторъ передаетъ рассказъ словами этого же самаго цѣловальника. Вотъ замѣчательные факты:

а) Весенней сходкѣ надо было рѣшить, въ какой день начинать запашку. Рѣшили, чтобы въ четвергъ. «У мужиковъ все дѣлалось съобща: косить ли, жать ли, калодезь ли чистить, обманывать ли кого, всегда собиралась сходка. И прежде, какъ стануть толковать, сложатся перва на четверть, ведѣрку, какъ какое дѣло потребуетъ, и почнутъ судить». Одинъ бѣднякъ выѣхалъ на свою полосу днемъ ранѣе, въ среду. Объ этомъ тотчасъ провѣдалъ староста, созвалъ къ кабаку сходку и объявилъ, что такой-то Федька Зобовъ нарушилъ зарокъ. У Федьки немедленно была отнята послѣдняя соха и пропята всѣмъ міромъ, въ наказаніе бѣдняку, которому въ перспективѣ черезъ это самое неминуемо предстояло окончательное разореніе и нищенская сума со всею семьею. Мужики впрочемъ и Федьку неотказались поподчивать винцомъ, и когда тотъ отказался, такъ они ему еще и утѣшеніе представили: «Э, Зобовъ!.. соха куда не шла! Вещь нажитая... Живы будемъ, сыты будемъ!»

б) Приказано было поставить ратника. Выборъ предоставленъ міру. Сходка у кабака рѣшила, что надо сдать негодяя, вора. Такимъ явился Петрушка Носъ. Но Петрушка Носъ человѣкъ рѣшительный и опасный: вернется черезъ четыре года, пожалуй, всю деревню сожжетъ. Перерѣшили оставить Носу въ покоѣ, а на мѣсто его поставить Ахрема, мужика изъ самыхъ бѣдныхъ, больнаго, хвораго, одиноккаго, у котораго было шестеро маленькихъ ребятишекъ и нездоровая, беременная жена. Миръ положилъ: если Ахремъ не напоить до-пьяна всю слободу, и толковать много не слѣдъ: въ ратники!» У Ахрема не только чтобы поить, а и ѣсть-то было нечего—и Ахрема сдали; а съ Петрушки Носа тоже не забыли сорвать отступнаго, конечно, водкою. Но бѣдняка проводили-таки съ утѣшеніемъ: «прощай, Ахремъ! Вся причина, не помышлай много... не отчаявайся! Слышь, царь-батюшка обѣщаль ратниковъ скоро воротить! Ахремъ сидитъ, самъ утираетъ слезы... Жена его шибко убивалась! Отъ тѣлги-то никакъ не отволочутъ»... Ахремъ не вернулся домой: онъ умеръ на возвратномъ пути. И рассказчикъ-цѣловальникъ по этому случаю

прибавляет про самого себя, что онъ «панасидку» по Ахрежѣ отслужилъ, когда ѣздилъ въ Тулу продавать разную упряжь, награбленную съ крестьянъ за водку.

с) Воровъ мужики больно презирали: попался воръ—аминь! Лучше ушпетьвай куда подале:—всею оберуть, послѣднѣ сапожонки снмуть». Былъ такой случай, что Еремка Запѣвало въ одномъ собраніи замокъ отъ воротъ укралъ. Накрыли Еремку. И ужъ какъ всѣ обрадовались вору—то, какъ батюшкѣ родному. «Веди къ кабаку!» Много разговаривать нечего: побѣжали къ нему домой, притащили его новую дорожную телегу и пропили ее всѣмъ міромъ. Сажаютъ съ собою и Еремку,—тотъ неотказывается. «Ну, что? Таперъ не будешь воровать?»

— Я, ребята, право-слово пошутилъ, говорить. Мужики отъчасть: «Да и мы шутимъ съ тобой. Колижъ не шутимъ? Вѣдь тебя бы слѣдовало драть, домоваго, а мы вишь, что дѣлаемъ? Угощаемъ твою милость. За авто, мотри, чтобы ты намъ пѣсню спѣлъ!»

— Нѣтъ, братцы, силъ не хватаетъ.—Врешь, споешь, чортовъ сынъ. У насъ благимъ матомъ затынешъ! Точно: какъ нализался Еремка, все позабылъ: игралъ пѣсни на пропалу. Когда мужики распили вино, начали они придумывать, чинить совѣтъ, что бы еще пошптъ у вора. Народецъ этотъ чѣмъ больше пьетъ, то больше ожесточается, входитъ въ настоящую силу: наровить до самаго нельзя... Кричатъ: «ребята! иди опять къ Еремкѣ. Бери, что на дворѣ увидишь! А воръ Еремка захмѣлѣлъ, кабытъ ополоумѣлъ совсѣмъ, ореть; такъ, говорить, у меня передки отъ водовозки стоять, цопай ихъ сюда; смотри, овцу не вздумай привести, али живота какого! Ладно, говорятъ мужики, и черезъ нѣсколько времени одинъ везетъ передки, другой ведетъ овцу. И пошли гулять. Еремка имъ пѣсни поетъ, дмчочъ прибаутки рассказываетъ и въ присядку пляшетъ, по общему требованію. Между тѣмъ вино опять выпито все; спохватились они, сбѣгли въ кучу, шумятъ; «а что, малый, почто воръ—то не поштуетъ насъ? Забылъ? Мы не токма пропьемъ до-гола весь домъ его, въ острогъ упрячемъ. Воровъ не приказано держать въ деревнѣ!» Послать въ третій разъ къ Еремкѣ на домъ. Онъ же ничего не слышитъ, не чувствуетъ и знать не хочетъ; топчется въ грязи ногами, покручиваетъ платкомъ на воздухѣ. Привели жеребенка и пропили. Кончилось тѣмъ, что къ вечеру всѣ перепились до-нельзя. Одинъ борзочетъ, наслулу языкъ поворачиваетъ: «А! говорить, попался...

Не воруй! По дѣломъ вору мука!» Еремка же легъ носомъ въ грязь и тоже кричитъ: «не воруй! — Вотъ такъ-то пьянствуютъ!» Коси малина! прибавляетъ рассказчикъ, кажинный, почѣсть, день гульба, кажинный день: подрался кто—выпивка! Скотина на чужой огородъ зашла—выпивка! Собака чья взбѣсилась, опять выпивка! Къ примѣру, вечеромъ пьютъ, наравнѣ идутъ опохмѣляться; такимъ обычаемъ зарядятъ недѣли на три! Отъ кабака совѣмъ не отходятъ; при немъ и днюютъ».

Вотъ черты нашего повального безобразія, тѣмъ болѣе жалкаго и грустнаго, что въ немъ все происходитъ безсознательно и тупо, во всемъ чувствуется какая-то роковая сила, которую, кажется, могла бы одолѣть свѣтлая идея и воля человѣка, но этой свѣтлой идеи и воли нѣтъ, какъ нѣтъ. Многие, безъ сомнѣнія, скажутъ, что г. Успенскій слишкомъ отрицательно и безпощадно относится къ народной жизни,—что онъ не кладетъ ни одной отрадной черты на своей критикѣ; это скажутъ наши крошечные идеалисты, наши узенькіе либералы, на все смотрящіе примирительнымъ взглядомъ немощной старушки; но они никакъ не могутъ понять того, что относится къ народу слишкомъ безпощадно нельзя: онъ выше нашей сатиры, нашего отрицанія; онъ во сто разъ крѣпче всякаго молота, бьющаго по его здоровымъ мышцамъ; и потому самая клевета противъ его недостатковъ была бы чистѣйшимъ вздоромъ въ сравненіи съ его богатырскими размѣрами. Но если клеветать на народъ не хорошо, то идеализировать его—еще хуже; замазывать и прикрашивать тепленькими взглядами суровыя черты массы—это рѣшительная слабость ума, ложный школьническій взглядъ, запуганный розгой или искаженный дурнымъ примѣромъ... Г. Успенскій вѣрнѣ дѣйствительности, какъ эта дѣйствительность ни безобразна; въ этомъ его упрекнуть нельзя; но онъ страдаетъ другимъ недостаткомъ—холоднымъ и безстрастнымъ отношеніемъ къ тому міру, который фотографируетъ въ своихъ «Очеркахъ»; онъ не всегда отдѣляетъ сознательное страданіе отъ пассивно-пошлой забитости, онъ не умѣетъ отличить глубоко-раздирающаго стона бѣдняка отъ уличнаго крика пьяницы; у него не срывается ни одного высокаго тона негодованія или жаркаго сочувствія; онъ съ ровнымъ пульсомъ и съ одинаково-настроенной головой наблюдаетъ всѣ жизненныя явленія, печальныя и глупыя, смѣшныя и трагическія. Это доказываетъ, что г. Успенскій еще многого и не продумалъ, и не прочувствовалъ; онъ—человѣкъ умный, вышедъ изъ ряда нашихъ литературныхъ маляровъ,

но еще не вступилъ въ число истинныхъ художниковъ; онъ выучился хорошо снимать копии, но сообщать имъ жизнь и внутренній смыслъ— онъ еще не можетъ.

ВС. К—ОВСКІЙ.

РУССКІЙ ЧИНОВНИКЪ И УЧЕНЫЙ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

(В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи первой половины прошедшаго столѣтія. Сочиненіе Николая Попова. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Москва. 1861).

Православная Москва издревле славится весьма оригинальными выдумками и изобрѣтеніями. Она отливаетъ колокола, которыхъ нельзя вставить ни на какую колокольную; она сооружаетъ пушки, изъ которыхъ нѣтъ никакой возможности стрѣлять; она въ лѣто по Р. Х. 1862 издаетъ еженедѣльные газеты, которыя прилично было бы издавать развѣ лишь въ лѣто по Р. Х. 1562; она сочиняетъ и печатаетъ книги, которыя дочитываются до конца однимъ страдальцемъ корректоромъ, да и то, по всей вѣроятности, съ пятого на десятое, съ сильнымъ содѣйствіемъ нюхательнаго табаку и тому подобныхъ ослѣжающихъ веществъ. Что же касается до авторовъ такихъ книгъ, то они пользуются въ Москвѣ самую почетную извѣстностью и репутацію отиѣнно умныхъ и серьезно мыслящихъ ученыхъ, а по сей самой причинѣъ взираютъ уже на все человѣчество вообще и на петербургское человѣчество въ особенности съ нѣкоторымъ снисходительнымъ величіемъ, свойственнымъ богамъ, мудрецамъ и престарѣлымъ педантамъ—рутинѣрамъ...

«Что жъ это такое? съ негодованіемъ говоритъ серьезный и солидный читатель, прочитавъ начало нашей статьи:—неужто же все

это написано по поводу книги Нила Попова, которая уже по самому объему своему имѣть полное право назваться трудомъ, и трудомъ почтеннымъ? Въдь тутъ однѣ примѣчанія и приложения занимаютъ 272 страницы, а такое изобиліе примѣчаній и приложений служить несомнѣннымъ доказательствомъ учености и начитанности автора. Знаете ли вы, господинъ рецензентъ, хоть о существованіи нѣкоторыхъ книгъ, показанныхъ въ примѣчаніяхъ Ниломъ Поповымъ?»

Про то, что мы знаемъ, говорить намъ неприходится; но, между прочимъ, мы положительно знаемъ одно: что придать сочиненію ученый видъ съ помощью безчисленныхъ примѣчаній и ссылокъ на разныхъ живыхъ и мертвыхъ, западныхъ и восточныхъ языкахъ—дѣло, не требующее никакой учености. Для этого надобно лишь обитать въ городѣ, имѣющемъ порядочную бібліотеку, и умѣть списывать или имѣть возможность заставлять списывать другихъ заглавія показанныхъ въ каталогѣ бібліотеки книгъ и рукописей. Все это говоримъ мы не на счетъ г. Нила Попова, который, безъ всякаго сомнѣнія, если не прочелъ, то, по крайней мѣрѣ, просмотрѣлъ всѣ показанныя имъ въ примѣчаніяхъ сочиненія. Относительно г. Нила Попова мы, вообще, раздѣляемъ вполне взглядъ серьезнаго и солиднаго читателя, т. е. признаемъ торжественно «В. Н. Татищева и его время» *трудомъ*, и трудомъ, по объему своему, очень почтеннымъ... Только скажите—ка откровенно, серьезный и солидный читатель, дочли ли вы этотъ почтенный трудъ хоть до второй главы? Наверное, нѣтъ? А мы такъ прочли его весь,—съ усиліемъ, съ натугою, съ дремотою, съ роздыхами, а прочли, и вѣтъ теперь хотимъ подѣлиться съ публикою впечатлѣніями, вынесенными нами изъ этого чтенія, которое, поистинѣ, можетъ назваться подвигомъ.

Но пусть г. Нилъ Поповъ словами нашими не смущается и шествуетъ неуклонно по стезѣ ученыхъ сооруженій въ родѣ «В. Н. Татищева и его времени». Сооруженія эти, конечно, будутъ имѣть всегда самый ограниченный кружокъ читателей, да и на этотъ кружокъ будутъ дѣйствовать равносильно опіуму и морфию; но польза отъ нихъ все-таки есть, и нѣкоторыя достоинства они все-таки имѣютъ. Захочетъ, напр., какой нибудь любитель отечественной исторіи получить о В. Н. Татищевѣ свѣдѣнія, болѣе обстоятельныя, нежели тѣ, которыя находятся въ словарѣ достопамятныхъ людей русской земли Баттышъ-Каменскаго,—и любитель первымъ долгомъ сочтетъ взяться за книгу г. Попова. Захочетъ другой любитель познакомиться съ со-

стояніемъ горнаго дѣла въ Россіи въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія, — и онъ опять—таки обратится къ «В. Н. Татищеву и его времени». Точно также поступать и тѣ, которыхъ удручить желаніе узнать о положеніи Башкирцевъ и Калмыковъ въ доброе старое время, о снаряженной при Аннѣ Іоанновнѣ оренбургской экспедиціи, объ учрежденной при Аннѣ Леопольдовнѣ калмыцкой комиссіи, о дѣятельности разныхъ Абдулъ—Хаировъ, Аюкъ, Черенъ—Дондуковъ, Дондукъ—Омбо, Дондукъ—Дашей и тому подобныхъ интересныхъ личностей. По всѣмъ этимъ предметамъ книга г. Попова дастъ желающимъ весьма подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія; между этими свѣдѣніями попадутся, какъ мы увидимъ дальше, вещи очень интересныя; но если читатель, одолѣвъ «В. Н. Татищева и его время», составитъ себѣ дѣйствительно нѣкоторое понятіе и о самомъ Татищевѣ, и о его эпохѣ, то этимъ онъ ужъ нисколько не будетъ обязанъ г. Нилу Попову. «Я могу положительно сказать, что все, что только изъ относящагося къ предмету настоящей монографіи доступно было мнѣ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ русской библіотекѣ академіи наукъ, въ публичной библіотекѣ и Румянцовскомъ музеѣ, все было мною собрано и изучено. Читатели найдутъ въ приложеніяхъ до десяти документовъ, касающихся служебной дѣятельности Татищева, и почти столько же ученыхъ трудовъ его, остававшихся до сихъ поръ неизданными», говоритъ г. Поповъ, и мы ему вѣрнемъ, и люди, занимающиеся русской исторіей, будутъ очень ему благодарны; но, тѣмъ не менѣе, подвигъ совершенный авторомъ «В. Н. Татищева и его времени», отнюдь не въ состояніи заставить насъ препреспольниться благоговѣніемъ къ ученымъ заслугамъ и дарованію самаго г. Попова. Тоже самое, что онъ, сдѣлавъ бы тупѣйшій и бездарнѣйшій труженникъ, имѣющій доступы въ библіотеки и архивы, и если, повторяемъ, книга г. Попова даетъ нѣкоторое понятіе о личности Татищева и о характерѣ его эпохи, то причиною тому единственно вышеупомянутыя библіотеки и архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Они дали г. Попову все, что есть въ его книгѣ интереснаго; самъ же авторъ сгруппировать собранные имъ факты такъ, что произведеніе его способно повергнуть въ уныніе самаго веселаго человѣка, и даже специалистами читается съ убійственною зѣвотою и значительными роздыхами. За это, впрочемъ, мы не въ правѣ укорять и громить автора «В. Н. Татищева и его времени»: это, какъ видно, происходитъ отъ причинъ, отъ г. Нила Попова *независящихъ*.

Оставамъ же въ покоѣ ученое московское сооруженіе, которымъ, вѣроятно, искренно восторгаются московскіе ученые, и потолкуемъ съ читателемъ о самомъ Василіѣ Никитичѣ Татщевѣ: потолковать о немъ стоятъ по многимъ обстоятельствамъ.

Василій Никитичъ Татщевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, чрезвычайно характерныхъ типовъ, порожденныхъ петровской реформой, изученіе которыхъ въ высшей степени любопытно. Типы эти формировались подъ влияніемъ двухъ противоположныхъ началъ, изъ которыхъ слагалась и до сихъ поръ еще слагается русская жизнь со времени Петра Великаго, и этотъ непримиримый дуализмъ выражался порою просто странно, порою страшно уродливо, порою истинно забавно въ каждомъ поступкѣ нашихъ прадѣдовъ. На словахъ было не то: на словахъ большинство питомцевъ и сподвижниковъ Петра Великаго высказывало уже взгляды и мнѣнія, вовсе непохожіе на взгляды и мнѣнія своихъ отцевъ и дѣдовъ; но это были, дѣйствительно, (въ особенности же въ извѣстныхъ случаяхъ) одни слова, слова и слова, и совершенный разладъ ихъ съ дѣломъ можно назвать отличительною, характеристичнѣйшею чертою нашихъ государственныхъ и политическихъ дѣателей не только начала, но и всего восемнадцатаго столѣтія. Винить ихъ за это, обливать ихъ ядомъ насмѣшки, метать въ нихъ громами негодованія было бы, конечно, болѣе, чѣмъ несправедливо. Если и современное намъ общество, столь обильное самыми красногубыми, самыми сладкогласными словозверженіями, оказывается при этомъ нищенски-убогимъ дѣлами, то чего же можно требовать отъ эпохи, въ которую русскіе люди только еще начинали походить на людей? Внезапно и насильственно пробужденнымъ отъ вѣковой, тяжелой, одурявшей дремы, внезапно и насильственно оторваннымъ отъ обычаевъ и привычекъ, выдренныхъ цѣлыми столѣтіями самаго дикаго, самаго грубаго невѣжества, внезапно и насильственно поставленнымъ лицомъ къ лицу съ иною, разумною, человѣческою жизнью, прадедамъ нашимъ было все ново, все непонятно и чуждо, все въ диковинку. Одни такъ при этомъ и остались, усвоивъ себѣ (не по собственному желанію, а потому, что не сдѣлать этого не смѣли) только кое-какіе чисто наружные признаки европеизма, въ родѣ французскихъ париковъ, нѣмецкихъ кафтановъ и т. п.; другіе, поумнѣе, поспособнѣе и поживѣе, обзаведясь, наравнѣ съ первыми, французскими париками и нѣмецкими кафтанами, обзавелись вмѣстѣ съ тѣмъ и кое-какими французско-нѣмецкими плейками, пригодными въ оби-

ходѣ общественной и домашней жизни. Кругъ этихъ идеекъ, на первыхъ порахъ, былъ очень скуденъ и жалокъ; пріобрѣтались онѣ единственно ради желанія угодить царю, заслужить его царскую милость и выдвинуться впередъ,—и вышло нѣчто странное, нѣчто, достойное не то жалости, не то смѣха, но тѣмъ не менѣе принесшее впоследствии очень хорошіе плоды. Отправляясь по царскому повелѣнію учиться уму—разуму къ Пѣмцамъ, Русскіе петровскаго времени пріѣзжали изъ нѣмечины, по большой части, вовсе не такими, какими туда отъѣзжали, но, по возвращеніи домой, разомъ сталкивались здѣсь съ порядкомъ вещей, совершенно не похожимъ на тотъ, который только что видѣли за моремъ. Дикъ и уродливъ былъ этотъ порядокъ; нелѣпы и бессмысленны были создавшія и поддерживавшія его понятія; но правдамъ нашимъ все это было мило, симпатично и родственно, да и не могло не быть милымъ, симпатичнымъ и родственнымъ: нелѣпыя и бессмысленныя понятія были понятія, завѣщанныя намъ ихъ собственными правдами, дѣдами и отцами; дикій и уродливый порядокъ былъ порядокъ, среди котораго родились и выросли они сами, среди котораго западали въ ихъ души первыя, неизгладимыя впечатлѣнія, среди котораго выслушивали они первыя, незабвенныя уроки. Каковы были эти впечатлѣнія, въ чемъ заключались эти уроки—намъ, Россіянамъ, это извѣстно весьма обстоятельно, и распространяться объ этомъ нечего; но, благодаря именно этимъ впечатлѣніямъ и урокамъ, приносившимъ сторицею плоды на тучной, черноземной почвѣ суевѣрія, невѣжества, самодурства и крѣпостнаго права, и порождались у насъ тѣ герои, и всякаго рода общественные дѣятели, которыми такъ богато наше восемнадцатое столѣтіе, тѣ герои и всякаго рода общественные дѣятели, къ которымъ болѣе, чѣмъ къ кому иному относится французское изреченіе: «поскребите—ка хорошенько Русскаго, и вы подъ европейскою оболочкою его найдете Татарина».

Оно, дѣйствительно, такъ и было. Птомы и сподвижники Петра Великаго являлись европейцами только на глазахъ царя, да на бумагѣ, да тамъ, гдѣ порученное имъ дѣло не соблазняло ихъ грубаго чувства никакою лакомою приманкою. А когда случалось имъ дѣйствовать на сторонѣ, распорядиться самостоятельно и самовластно,—они давали себя знать по-своески, и дикій Скъомъ заявлялъ себя истиннымъ Скъомомъ—батогами, зуботычинами, наспльемъ, беззаконіемъ, безправіемъ, казнокрадствомъ, взяточничествомъ,—словомъ, всѣмъ тѣмъ, что составляло отличительную черту, національный букетъ доброй старой

*

Руси. Иначе и быть не могло. Понятія и обычаи, завѣщанные отцами и дѣдами, приходились вполне по вкусу, по нутру, по мѣркѣ нашимъ соотечественникамъ петровскаго времени, и образованіе, полученное ими за границей, не могло нисколько противодѣйствовать первоначальному воспитанію въ боярской семьѣ, на лонѣ крѣпостнаго права. Заграничное образованіе обтесывало лишь нѣсколько головы нашихъ прадѣдовъ, обогащало ихъ кое-какими, большею частью, практическими свѣдѣніями; но эти свѣдѣнія, схватываемыя безъ связи и правильной системы, сплочиваемыя кое-какъ въ одну нестройную массу, не приводили, да и не могли привести къ тѣмъ плодотворнымъ результатамъ, которые составляютъ задачу и конечную цѣль истиннаго образованія. Въ плоть и кровь нашихъ соотечественниковъ петровскаго времени входили идеи и уроки доброй старой Руси, а не идеи и уроки завада; идеи же и уроки запада дѣйствовали на прадѣдовъ нашихъ болѣе внѣшнимъ образомъ, отдѣлывали, такъ сказать, одну форму, мало касаясь внутренняго содержанія. Этого, конечно, было недостаточно; но для начала и это было уже очень хорошо. Знакомство съ Нѣмцами научило Русскихъ и думать, и говорить, и писать иначе, лучше, чѣмъ прежде; знакомство съ Нѣмцами пріучило лѣнивыхъ, неповоротливыхъ прадѣдовъ нашихъ къ дѣятельности, къ труду, къ исполненію своихъ обязанностей не такъ, какъ исполняли ихъ разные бояре, воеводы, дьяки, и окольные добраго стараго времени. До истинно человѣческихъ понятій, до нравственнаго сознанія долга, до взглядовъ и убѣжденій, не допускающихъ уже различія между словомъ и дѣломъ, между пониманіемъ истины и добра и ихъ приложеніемъ въ жизни, питомцы и сподвижники Петра Великаго еще не доросли, да и не могли дорости; но благо было и то, что они уже въ состояніи были взяться за дѣло иначе, чѣмъ ихъ бородатые отцы и дѣды; благо было и то, что въ просвѣтлѣвшія ихъ головы стали уже западать такія думы, вопросы и сомнѣнія, которые ясно показывали, что періодъ младенчества русскаго человѣка миновалъ, что настаетъ для него пора иной жизни, пора иныхъ стремленій и дѣлъ, долженствующихъ по праву включить Россію въ великую семью европейскихъ народовъ. Годъ отъ году дѣло шло успѣшнѣе и успѣшнѣе; образованіе развивалось шире, проникало глубже, и вотъ стали у насъ появляться общественные дѣятели, также мало походившіе на общественныхъ дѣятелей прежняго времени, какъ мало походилъ самый порядокъ вещей, среди котораго они дѣйствовали, на порядокъ

вещей, который создавали и возбуждали разные бородатые бояре, воеводы, дьяки и окольные.

Къ числу такихъ общественныхъ дѣателей слѣдуетъ отнести и Василя Никитича Татищева. По самому социальному положенію своему, онъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ первостепенными сподвижниками Петра Великаго, въ родѣ Меншикова, Шереметева, Шафирова и т. п.; но значеніе и смыслъ петровской реформы выразились въ Татищевѣ едва ли не рельефнѣе, чѣмъ въ комъ либо другомъ. Причиною тому, по нашему мнѣнію, былъ уже самый родъ дѣятельности, которой посвящена была вся трудовая жизнь Василя Никитича. Товарищи и сверстники его покрывали себя лаврами на поляхъ битвъ, заключали блестящіе трактаты и договоры съ иностранными державами, неизмѣнно быстро выскакивали другъ черезъ друга въ вельможи и сановники съ помощью придворныхъ интригъ и каверзъ, первоприсутствовали въ сенатѣ и коллегіяхъ подъ зоркимъ царскимъ окомъ; Татищевъ, поставленный обстоятельствами въ болѣе скромную среду, всю жизнь оставался далеко не первокласснымъ чиновникомъ, всю жизнь неустанно, серьезно и по большой части совершенно самостоятельно трудился не ради славы и блеска, но ради пользы общей, и совершенное имъ, какъ на поприщѣ его чиновнической, такъ и на поприщѣ его ученой дѣятельности, едва ли не выразительнѣе славныхъ и блестящихъ подвиговъ, совершенныхъ его товарищами и сверстниками, свидѣтельствуетъ о томъ, сколько плодотворныхъ началъ вложено было въ русскую жизнь великою реформою великаго государя. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить самый бѣглый обзоръ служебной и ученой дѣятельности Василя Никитича, обзоръ, изъ котораго каждый увидитъ и убѣдится самымъ нагляднымъ образомъ, что недаромъ жилъ этотъ скромный труженикъ, и что труженикъ такого рода могъ явиться только благодаря другому, гениальному труженику—*вѣчному работнику на тронѣ*, паролемъ и лозунгомъ котораго былъ немолчный призывный крикъ: «къ дѣлу, къ дѣлу и къ дѣлу!»

Подобно всѣмъ почти своимъ современникамъ и сверстникамъ, Татищевъ служилъ сначала въ военной службѣ, и служилъ такъ, какъ служили всѣ при Петрѣ, т. е. вовсе не шутя. Онъ присутствовалъ при осадѣ и взятіи Нарвы, участвовалъ въ полтавской битвѣ и прутскомъ походѣ, а вслѣдъ за симъ отправился въ Германію. Зачѣмъ онъ туда ѣздилъ—неизвѣстно; но поѣздка эта не могла остав-

ся безъ плодотворныхъ послѣдствій для его развитія, а вторичное путешествіе за границу, въ 1717 году, должно было подѣйствовать еще благотвѣльствѣ на умнаго, способнаго и наблюдательнаго Татищева. Возвратившись на родину, Василій Никитичъ продолжалъ свою службу въ артиллеріи и уже тогда былъ извѣстенъ своему главному начальнику, графу Брюсу, не только какъ ревностный исполнитель служебныхъ обязанностей, но и какъ человѣкъ съ большимъ запасомъ свѣдѣній и любовью къ наукѣ. Благодаря Брюсу, карьера Татищева скоро приняла совершенно новое направленіе: онъ былъ отправленъ на Уралъ, для приведенія въ лучшее состояніе уже существовавшихъ тамъ горныхъ заводовъ и для открытія новыхъ.

Горное дѣло было мало знакомо Татищеву; но, при его любознательности, способностяхъ и трудолюбіи, ему не стоило большаго труда изучить, и теоретически и практически, свою новую спеціальность. Онъ работалъ неутомимо и въ высшей степени добросовѣстно: строилъ и устраивалъ заводы, разработывалъ рудники, вводилъ повсюду нужные порядки и самымъ бдительнымъ образомъ охранялъ и соблюдалъ казенные интересы. Это послѣднее обстоятельство было причиною ссоры между Татищевымъ и богатымъ рудопромышленникомъ Демидовымъ, а вслѣдствіе этой ссоры Татищевъ, по доносу Демидова, былъ отозванъ въ Москву.

Оторванный такимъ образомъ отъ дѣла, за которое принялся было такъ горячо, Татищевъ, однакоже, и вдалекѣ отъ своихъ заводовъ не позабылъ о нихъ и подалъ отъ себя бергъ-коллегіи вѣдомость о нуждахъ сибирскихъ рудныхъ заводовъ. «Потребно, писалъ онъ въ этой вѣдомости:—послать въ Швецію молодыхъ людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли». Вслѣдствіе этого представленія, Петръ пропзвелъ Татищева въ полковника, сдѣлалъ его бергъ-совѣтникомъ и далъ указъ сенату послать въ Швецію бергъ-коллегіи совѣтника Татищева для призыву мастеровъ, потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ; ему жъ vybrать изъ школъ адмиралтейской и артиллерійской двадцать два чловѣка, которыхъ и отправить въ Швецію же для обученія. Сверхъ этого порученія, Татищеву даны были еще порученія секретныя, касавшіяся герцога Голштинскаго, жениха цесаревны Анны Петровны,

съ которымъ Василій Никитичъ, по словамъ камеръ-юнкера Берхгольца, являлъ передъ отъѣздомъ долгій разговоръ наединѣ.

Татищевъ исполнилъ всѣ возложенныя на него порученія, по обыкновенію своему, расторопно, аккуратно и дѣльно. Онъ ко всему присматривался, все узнавалъ, все изучалъ и, вообще, какъ истый питомецъ Петра Великаго, не терялъ времени даромъ. Бѣдиль онъ и въ Копенгагенъ, гдѣ, точно также какъ и въ Швеціи, старался знакомиться и сближаться съ учеными, бесѣдовалъ съ ними объ ученыхъ предметахъ и добылъ себѣ много историческихъ и географическихъ сочиненій. Награды и пособія, которыми пользовались отъ шведскаго правительства люди, занимавшіеся науками, приводили Василія Никитича въ искреннее умиленіе; упоминая объ этомъ въ своей исторіи Россіи, онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Шведскій король Карль XI всея Швеціи по предѣламъ достаточно правильныя ландкарты сочинить велѣлъ, какъ я такія въ ихъ инженерной конторѣ храняныя видѣлъ. Да сіе не дивно, что самовластные государи столько въ томъ пользы показали; но паче всего въ авизіяхъ шведскихъ видѣлъ, что статьи государственныя на сеймѣ взявшемуся обстоятельную географію сочинить немалое награжденіе учинили (*)».

По возвращеніи изъ Швеціи, при Петрѣ II, Татищеву велѣно было вѣдать монетную контору, и для этого онъ долженъ былъ переехать изъ Петербурга въ Москву, куда переселился и дворъ. Занимаясь монетнымъ дѣломъ, Василій Никитичъ въ то же самое время съ новымъ жаромъ принялся за свои историческіе и географическіе труды, которымъ дотолѣ постоянно мѣшали безпрестанныя командировки, разѣзды и всякаго рода служебныя тревоженія. Татищевъ работалъ надъ исторіей и географіей Россіи уже около десяти лѣтъ, и подготовка его къ этой работѣ была весьма удовлетворительная. Въ три поѣздки свои за границу онъ умѣлъ очень порядочно познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, выучился нѣсколько по французски и по латыни, составилъ себѣ довольно большую бібліотеку и читалъ безъ усталы. Кромѣ собственной своей бібліотеки, Татищевъ пользовался также бібліотеками своихъ знакомыхъ — сначала бібліотекой графа Брюса, потомъ бібліотекой князя Дмитрія Михайловича Голицына, который, не взирая на свою любовь къ старинѣ, былъ не прочь отъ знакомства съ европейской литературой и книгохранилище свое на-

(*) В. Н. Татищевъ и его время, с. 62 и 63.

полнялъ не одними лишь псалтырями, часословами и чети-минутами, какъ бы то подобало дѣлать поклоннику мудраго правила: «отцы наши сего не пріяли суть». Въ библіотекѣ Голицына, вмѣстѣ съ лѣтописями, хронографами, статейными списками, собраниями грамматъ, польскими хрониками, историческими и богословскими сборниками, указами Петра I, Екатерины I и Петра II, находились въ русскихъ переводахъ: сочиненія Самуила Пуффендорфа, Николая Вернулія, Северина Эмонзамбона Веронскаго, Бекмана, Дебуссера, Франциника Гвичардина; Политичные дискурсы Іоанна Христофора Эберта и Павла Фелвингера Нюрембергскаго; Министерство или правительство кардинала Рихоля и Мазарина, съ политическими разсмотрѣніи; Новозумноженный политическаго счастія ковачъ; Дворянинъ добронравный и многія другія сочиненія, почему либо обращавшія на себя вниманіе русской публики того времени.

Со всѣмъ этимъ познакомился, все это прочелъ любознательный Василій Никитичъ, и это чтеніе, равно какъ и постоянныя занятія исторіею образовали въ Татищевѣ весьма стойкія, хотя и не совсѣмъ вѣрныя политическія убѣжденія, которыя онъ не замедлялъ выразить на дѣлѣ. Поводомъ къ тому послужили тревожныя обстоятельства, сопровождавшія вступленіе на російскій императорскій престолъ курляндской герцогини Анны Іоанновны.

Татищевъ, какъ извѣстно, находился въ числѣ лицъ, всѣми силами противодѣйствовавшихъ замысламъ *верховниковъ* касательно ограниченія самодержавія новозбранной императрицы. Онъ сталъ въ этомъ случаѣ во главѣ дѣлаго кружка, и съ помощью всевозможныхъ историческихъ и философическихъ доводовъ доказывалъ своимъ единомышленникамъ всю *непорядочность* избранія Анны Іоанновны членами верховнаго тайнаго совѣта. «По закону естественному, избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ черезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многіхъ государствахъ учрежденъ, а не четырьмя или пяти челоуѣкомъ, какъ-то нынѣ *непорядочно* учинено», горячо проповѣдывалъ Василій Никитичъ, и еще болѣе горячился и закипалъ благороднымъ негодованіемъ при мысли, что верховники «дерзнули собою единовластительство отставить и ввести аристократію». — «Дерзнули они на сіе, говорилъ Татищевъ: — объявляя намъ ея величества письмо и пункты, якобы она сама по своей волѣ учинила, и принуждаютъ насъ, подъ образомъ слышанія, оное подписками утвердить, якобы мы ихъ той явной про-

дерзости согласовали, и какъ они, то принужденіе закрывая, объявляютъ: если кто противъ оного имѣетъ что представить, то бы имъ объявилъ. И какъ они самовольно власть себѣ похитили, выключая достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ, то намъ должно и необходимо нужно съ прилежностію разсмотрѣть, и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и оно свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, а ваче опасаться, чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дергнули (*)».

Изъ этихъ словъ видно ясно, что горячность и благородное негодованіе Василія Никитича возбуждались главнымъ образомъ при мысли о непризнанныхъ и поправныхъ верховниками *достоинствъ и преимуществъ всего шляхетства и другихъ сановъ*. Словомъ, Татищевъ, подобно всѣмъ своимъ единомышленникамъ, нападалъ такъ сильно на аристократію, защищая при этомъ «единовластительство», потому что, при аристократическомъ правленіи, опасался рѣшительнаго преобладанія какой нибудь одной или двухъ знатныхъ и сильныхъ фамилій, которыя, окружившись своими родственниками и свойственниками, окончательно бы затерли и задавили все остальное шляхетство и прочіе саны. Можетъ быть также были у него и другія чисто личныя цѣли... Все это очень вѣроятно, все это было въ порядкѣ вещей; но, тѣмъ не менѣе, искреннія убѣжденія Татищева были таковы, что онъ не могъ не стоять за «единовластительство», которое признавалъ въ самомъ дѣлѣ положительно-необходимымъ для Россіи. Это были плоды кабинетныхъ занятій Василія Никитича, плоды вычитанныхъ имъ, но не вполнѣ еще переваренныхъ въ головѣ теорій, и онъ говорилъ дѣйствительно отъ души, доказывая своимъ партизанамъ, что въ измѣненіи существующаго въ російской имперіи образа правленія «никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ». Ту же мысль приводитъ онъ и въ своей исторіи Россіи, въ разборѣ разныхъ *правительствъ*. «Невозможно сказать, которое бы правительство было лучше и всякому сообществу полезнѣйшее» (пишетъ Татищевъ); но нужно озираться на состоянія и обстоятельства каждаго сообщества, а не на положеніе земель, пространство, области и состоянія народа, какъ выше сказано. Въ единственныхъ градахъ и малыхъ областяхъ политія или демократія удобно пользу и спокойность сохранить можетъ.

(*) В. Н. Татищевъ и его время, с. 114 и 115.

Въ величайшихъ, но отъ нападеній не весьма опасныхъ, яко окружены моремъ и непроходными горами, особливо гдѣ народъ науками довольно просвѣщенъ, аристократія довольно способною быть можетъ, какъ намъ Англія и Швеція видимыя примѣры представляютъ. Великія же области, открытыя границы, а напротивъ гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ и болѣе за страхъ, нежели отъ собственного благоправія въ должности содержатся, тамо оба первые негодятся, но нужна быть монархія, какъ я 1730 верховному совѣту обстоятельно представилъ, и намъ достаточные приклады прежде бывшихъ сильныхъ греческихъ, римской и другихъ республикъ доказываютъ, что они дотогѣ сильны и славны были, докогѣ своихъ границъ не распространили, равно о монархіяхъ ассирійской, египетской, персидской, римской и греческой, какъ правленія древнія и законы въ пользу общую хранили, дотогѣ власть ихъ почтенною и всѣмъ соѣдамъ страшною представлялась; когда же подданные дерзнули для собственного любонія или властолюбія власть монарховъ уменьшать, тогда вскорѣ государство съ крайнею бѣдою прежде подвластнымъ бывшимъ въ рабство подвергнулось, о чемъ царь Іоаннъ Грозный рѣчью, княземъ подъ власть монархіи покореннымъ, презрѣдно изъяснилъ (*)».

Опасенія Татищева за російскую имперію, какъ извѣстно, не оправдались: *едновластительство не было отставлено*; но благонамѣренность Василія Никитича не привела его ни къ чему особенно пріятному. Правда, онъ былъ назначенъ оберъ-церемоніймейстеромъ на время коронаціи Анны Іоанновны, ѣздилъ съ объявленіемъ о днѣ коронованія къ принцессамъ императорскаго дома, участвовалъ въ перенесеніи регалій изъ дворца въ соборъ, управлялъ, вмѣстѣ съ другими придворными чинами, ходомъ самой церемоніи, — но и только. Никакой иной награды Василій Никитичъ не получилъ, и три года еще послѣ того прослужилъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ монетной конторѣ, а затѣмъ былъ снова отправленъ на Уралъ, для управленія тамошними горными заводами.

Здѣсь сфера дѣятельности его вскорѣ расширилась. 17 марта 1734 года Татищевъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ горныхъ заводовъ въ Сибири и Перми и, стало быть, получалъ возможность дѣйствовать гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ прежде. Вступивъ

(*) Тамъ же, с. 482 и 483.

въ свое новое званіе, Василій Никитичъ объѣхалъ всѣ находившіеся въ его управленіи заводы, приказавъ собраться въ Екатеринбургѣ всѣмъ частнымъ промышленникамъ и прикащикамъ, для того, чтобы вмѣстѣ заняться сочиненіемъ горнаго устава. Татищевъ убѣдительно просилъ и промышленниковъ, и прикащиковъ трудиться ревностно для общей пользы, вести записки разнымъ судебнымъ случаямъ изъ заводскаго быта, объявлять въ общемъ собраніи свои о нихъ мнѣнія, мнѣнія эти подавать безъ всякаго пристрастія, доказывать и защищать ихъ свободно, возраженія и замѣчанія на нихъ не принимать себѣ въ обиду, не почитать за страхъ и не отступать отъ своего перваго мнѣнія изъ уваженія къ спорящему. «Всякъ имѣетъ волю свое мнѣніе объявить, говорилъ онъ:—коликъ ему Богъ въ томъ знанія удѣлилъ, и притомъ остаться доколѣ или тотъ, или другой, познавъ лучшую истину, первое переимѣнить. Я же вамъ всѣмъ, по моей должности и по крайнему разумѣнію, служить и моимъ совѣтомъ помогать желаю (*)».

И Татищевъ, дѣйствительно, и словомъ, и дѣломъ, готовъ былъ служить и помогать всякому, обращавшемуся къ нему за совѣтомъ или помощью, болѣе всего стараясь между прочимъ о введеніи въ новый горнозаводскій уставъ самаго широкаго участія въ административныхъ и судебныхъ дѣлахъ всѣхъ членовъ главнаго правленія. Горнозаводскій уставъ Татищева былъ вообще очень удовлетворителенъ: онъ былъ составленъ умно и съ знаніемъ дѣла, но Высочайшаго одобренія и утвержденія все-таки не удостоился. Главнѣйшими причинами тому были: во 1-хъ, самый духъ устава, несогласный съ духомъ тогдашней эпохи, т. е. со взглядомъ герцога курляндскаго; во 2-хъ, стремленіе Татищева замѣнить нѣмецкую терминологию горныхъ чиновъ и работъ русскими названіями. Последнее обстоятельство въ особености не понравилось Бирону, который, по словамъ самаго Василія Никитича, «такъ сіе за зло принялъ, что неоднажды говаривалъ, якобы Татищевъ—главный злодѣй Нѣмцевъ». И горнозаводскій уставъ Татищева остался, разумѣется, безъ утвержденія, несмотря на то, что былъ анробованъ императрицею.

Не усидѣлъ на мѣстѣ и самъ Василій Никитичъ, замѣненный вызваннымъ Бирономъ изъ Саксоніи оберъ-бергъ-гауптманномъ барономъ Шембергомъ. Татищевъ же переведенъ былъ въ чинъ тайнаго

(*) Тамъ же, с. 143.

совѣтника въ оренбургскую экспедицію, для устройства башкирскаго края, и поклонувъ Екатеринбургъ, оставивъ тамъ по себѣ самую хорошую память, оказавъ много несомнѣнной пользы горному дѣлу въ Россіи.

Такъ же удачно заявилъ себя Татищевъ и по управленію оренбургской экспедиціей, которой онъ вскорѣ назначенъ былъ начальникомъ, съ чиномъ тайнаго совѣтника и съ должностію генераль-поручика. Въ указѣ, данномъ по этому случаю Василю Никитичу, императрица выражала свою надежду на извѣстную его ревность къ службѣ, радѣніе и доброе искусство, поручая ему, вмѣстѣ съ завѣдываніемъ оренбургской экспедиціей, не оставлять своими распоряженіями и горные заводы. Татищевъ оправдалъ ожиданія государыни и быстро придалъ совершенно иной характеръ управленію оренбургской экспедиціи. Въ взбунтовавшемся, неустроенномъ краѣ Василю Никитичу приходилось дѣйствовать и какъ администратору, и какъ судѣ, и какъ дипломату, и какъ полководцу,—и на всѣхъ этихъ поприщахъ онъ дѣйствовалъ большею частью очень успѣшно. Не отступалъ онъ, конечно, при этомъ и передъ самыми крутыми, суровыми мѣрами; но упрекать его за это въ жестокости было бы совершенно неосновательно: во 1-хъ, потому, что къ крутымъ и суровымъ мѣрамъ Татищевъ прибѣгалъ тогда лишь, когда того неизбежно требовали обстоятельства; во 2-хъ потому, что съ точки зрѣнія первой половины XVIII столѣтія самыя жестокія изысканія почитались наказаніями самыми обыкновенными и невозмущали никого; въ 3-хъ, наконецъ, потому, что крутыя мѣры Татищева могли, дѣйствительно, показаться чуть не мягкими въ сравненіи съ тѣми, которыя принимались въ томъ же башкирскомъ краѣ другими правителями—и прежде, и послѣ Татищева.

Несмотря, однакоже, на успѣхъ своихъ дѣйствій по управленію оренбургской экспедиціей, Василю Никитичу пришлось вдругъ, совершенно неожиданно, проститься съ этимъ мѣстомъ, да еще, сверхъ того, чуть не попасть въ бѣду. Онъ отправился въ Петербургъ съ цѣлью лично объясниться тамъ съ кабинетъ-министрами о разныхъ проектахъ и предположеніяхъ, составленныхъ имъ для оренбургскаго края,—пріѣхавъ въ столицу и былъ тутъ задержанъ по поводу приметѣвшихъ вслѣдъ за нимъ изъ Оренбурга многочисленныхъ жалобъ и доносовъ, которыми всемогущая воля герцога курляндскаго придала тотчасъ же самое серьезное значеніе. Надъ Татищевымъ назначена была особая

слѣдственная комиссія, и дѣло грозило принять весьма плохой оборотъ.

Оно, однакоже, разрѣшилось очень благополучно, благодаря никѣмъ неожиданному и всѣхъ восхитившему *coup d'état*, совершенному фельд-маршаломъ Минихомъ въ ночь съ 8 на 9 ноября 1740 года. Биронъ палъ; слѣдственная комиссія надъ Татищевымъ закрылась, и Василий Никитичъ тотчасъ же получилъ новое назначеніе: его послали усмирять смуты, поднявшіяся между Калмыками, съ которыми онъ уже нѣтъ случай нѣсколько познакомиться во время управленія своего оренбургской экспедиціей.

И вотъ Татищевъ принимается снова за тревожную, кипучую, разностороннюю и далеко нелегкую дѣятельность: укрощаетъ смуты и беспорядки, уничтожаетъ грабежи и воровства, самъ входитъ во всѣ распри Русскихъ съ Калмыками, не оказывая ни малѣйшаго пристрастія къ своимъ, строятъ крѣпости и укрѣпленія, занимается неуспѣшно устройствомъ края, печется о его благосостояніи, о его торговыхъ и промышленныхъ интересахъ, миритъ жителей съ властями, пишетъ для Калмыковъ уложеніе и, дѣйствуя постоянно разумно, справедливо, твердо и строго, приходитъ наконецъ къ возможно-хорошимъ результатамъ мимо множества трудностей, препятствій и всякаго рода неприяностей, которыя хотя и болѣзненно-тяжело дѣйствовали на раздражительную натуру Татищева, но не могли заставить его измѣнить своимъ убѣжденіямъ и уклониться въ сторону отъ разъ-предположенной цѣли.

Сверхъ занятій въ калмыцкой комиссіи, Василий Никитичъ управляетъ еще Астраханской губерніей, губернаторомъ которой назначенъ былъ въ концѣ 1741 года. И тутъ въ характерѣ его дѣятельности преобладали просвѣщенное пониманіе дѣла и желаніе всячески способствовать благосостоянію и развитію полудикаго, неустроеннаго и населеннаго самымъ разнохарактернымъ населеніемъ края. Онъ обратилъ особенное вниманіе на важныя въ Астрахани рыбныя ловли, заботился о торговлѣ съ Бухарой и Хивой, старался привязать къ Россіи инородцевъ, въ особенности же тѣхъ, которые, почему либо, могли быть полезны для Астраханской губерніи,—словомъ, не упускалъ изъ виду ничего, и во все входилъ самъ, все старался рассмотреть, разобрать, изучить сколь возможно обстоятельнѣе. Татищеву въ это время было уже около шестидесяти лѣтъ, но онъ, казалось, не зналъ усталости и энергическою своею дѣятельностію приводилъ въ изумленіе всѣхъ, его знавшихъ. Вотъ что писалъ о немъ англичанинъ Ганвей, посѣтившій

Астрахань, по пути въ Гилянъ, въ сентябрѣ 1743 года: «Этотъ старецъ (Татищевъ) былъ нажемъ при Петрѣ Великомъ; давно управляя этимъ краемъ, онъ много сдѣлалъ для утрашенія Татаръ; у него была особенная склонность къ наукамъ и торговлѣ. Въ искусствѣ благопріобрѣтенія онъ высказывалъ большую опытность и даже попадалъ за это въ немилость; у него было правило, которое онъ выражалъ такими словами: надо дать, надо и взять. Татищевъ сказывалъ мнѣ, что купилъ за пять тысячъ рублей бриллиантъ, стоявшій двѣнадцать, и поднесъ его знатнѣйшей въ имперіи женщинѣ. Между прочимъ, онъ упоминалъ также, что около 25 лѣтъ трудится надъ русскою исторіей... Этотъ старикъ былъ замѣчательнъ своею сократическою наружностью, изможденнымъ тѣломъ, которое онъ старался поддерживать долголѣтнимъ воздержаніемъ, и наконецъ неутомимостью и разнообразіемъ своихъ занятій. Если онъ не писалъ, не читалъ или не говорилъ о дѣлахъ, то перебрасывалъ жетоны изъ руки въ руку» (*).

Почти то же писалъ о Татищевѣ другой иностранецъ, извѣстный путешественникъ по Россіи, докторъ Лерхе, бывшій въ Астрахани въ 1745 году, вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ, отправлявшимся къ шаху Надиру. Лерхе, въ запискахъ своихъ, говоритъ о Татищевѣ слѣдующее: «Въ Астрахани губернаторомъ былъ извѣстный и ученый Василій Никитичъ Татищевъ, который незадолго передъ тѣмъ устроилъ новую Оренбургскую губернію. Онъ говорилъ по-нѣмецки, имѣлъ большую бібліотеку изъ лучшихъ книгъ и былъ слѣдущъ въ философіи, математикѣ и особенно въ исторіи. Относительно религіи онъ держался особенныхъ убѣжденій, за которыя многіе не считали его православнымъ. Онъ былъ болѣзненъ и худощавъ и, не смотря на то, очень опытенъ и рѣшителенъ во всѣхъ дѣлахъ, умѣлъ каждому дать добрый совѣтъ и помощь, особенно купцамъ, которыхъ онъ привелъ въ цвѣтущее состояніе. Но дѣлалъ это имъ не даромъ, чѣмъ и навлекъ на себя неудовольствіе сената, который прислалъ указъ объ его отставкѣ. 11 ноября пріѣхалъ уже новый губернаторъ, камергеръ Брыльбергъ (**).

Губернаторство въ Астрахани было послѣднимъ актомъ служебной карьеры Татищева. Не желаніе трудиться, не любовь къ дѣятельности, не энергія измѣнились ему, —измѣнилось ему здоровье, разстроенное долголѣтнею, непрерывною, тяжелою работою и всякаго рода житейскими

(*) В. Н. Татищевъ и его время, с. 387.

(**) Тамъ же, с. 429.

пезгодами и передрыгами. Онъ, конечно, могъ бы еще служить, по только не губернаторомъ въ Астрахани, потому что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, на мѣстѣ астраханскаго губернатора могъ бы выдержать только какой нибудь желѣзный человѣкъ, окруженный такимиже, какъ онъ, желѣзными помощниками. Непріязненные дѣйствія Шах-Надвра, волшенія на Кавказѣ и въ Персіи, стѣснительныя мѣры, которыхъ требовало по этому случаю наше правительство, безпорядки и мошенничество въ торговлѣ, ссоры кабардинскихъ князей, челобитныя Дагестанцевъ, переселеніе Трухменцевъ къ Волгѣ, набѣги Киргизовъ, судъ надъ морскими разбойниками, размѣнъ плѣнныхъ съ Турціей, прісмотръ надъ политическими арестантами, переписка съ резидентами, консулами, переводчиками и командирами разныхъ вѣдомствъ, безпрестанная переписка съ Петербургомъ,—все это требовало отъ губернатора такой лихорадочной, напряженной дѣятельности, такой неусышной заботливости, прѣдусмотрительности и осторожности, все это подвѣрало его на каждомъ шагу такой важной отвѣтственности, что хотъ у кого бы пошла кругомъ голова! А Татищеву еще приходилось вездѣ дѣйствовать одному, потому что помощниковъ у него было очень мало, да и тѣ, которые были, какъ на грѣхъ, вникуда негодились. Онъ ежегодно писалъ объ этомъ въ Петербургъ, прося о присылкѣ въ Астрахань знающихъ офицеровъ, инженеровъ, геодезистовъ, студентовъ академіи и учениковъ изъ разныхъ школъ,—но всѣ просьбы его оставались безуспѣшными. Онъ не разъ представлялъ правительству весьма дѣльные проекты касательно устройства астраханскаго края, и для осуществленія этихъ проектовъ требовалъ только самыхъ необходимыхъ средствъ,—но правительство этихъ средствъ ему не давало, потому что было очень не щедро на подобные расходы. Тогда Татищевъ, видя рѣшительную невозможность продолжать дѣло безъ денегъ и безъ людей, безъ силъ матеріальныхъ и безъ силъ нравственныхъ, сталъ проситься въ отставку,—но даже и отставку дали ему не вдругъ. Когда же наконецъ Василій Шкитичъ былъ уволенъ и уѣхалъ въ деревню—давно забытая слѣдственная коммиссія надъ нимъ, учрежденная въ 1740 году Бирономъ, ожила снова и даже приняла теперь болѣе широкіе размѣры, получивъ повелѣніе разсмотрѣть вообще управленіе башкирскими краемъ разными командирами. Татищевъ, очевидно, былъ уже болѣе не нуженъ и долженъ былъ сойти навсегда съ официальной сцены, на которой сорокъ лѣтъ слишкомъ подвизался, какъ подвизался въ его время очень немногіе.

И онъ, дѣйствительно, сошелъ съ этой скользкой и скучной сцены, но не погрузился въ бездѣйствіе и апатію, не впалъ отъ старости въ младенчество, не предался ханжеству и брюзгливой скукѣ, какъ то и бывало, и бываетъ съ слабоговыми и слабохарактерными старцами. Покончивъ съ службой, Татищевъ почти съ юношескимъ жаромъ погрузился въ занятія науками и уже весь, нераздѣльно отдался своимъ историческимъ и географическимъ трудамъ, которыхъ не покидалъ съ молодости, но которымъ сильно мѣшала его хлопотливая и тревожная служебная дѣятельность.

Объ ученыхъ и литературныхъ трудахъ Татищева мы распространяться здѣсь не будемъ, потому что, въ противномъ случаѣ, статья наша приняла бы черезчуръ широкіе размѣры. Отсылаемъ желающихъ или къ самымъ сочиненіямъ Татищева, или къ VII главѣ книги г. Николая Попова, въ которой читатель найдетъ свѣдѣнія обо всѣхъ произведеніяхъ Василія Никитича. Главнѣйшая заслуга его состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ опытъ критической разработки матеріаловъ для русской исторіи; впрочемъ, историческіе труды его не лишены и чисто научнаго интереса. Пособіями при составленіи ихъ служили Татищеву не одни лишь печатные источники: онъ отовсюду собиралъ рукописи, народныя пѣсни и сказки, старинныя ландкарты и всякаго рода памятники нашей старины. Собиранію этихъ памятниковъ въ особенности много способствовали безпрестанные разъѣзды Василія Никитича, по дѣламъ службы, изъ конца въ конецъ Россіи. Онъ вездѣ все высматривалъ, выспрашивалъ и записывалъ; прислушивался къ народнымъ преданіямъ и повѣрьямъ; осматривалъ все, почему либо, замѣчательныя мѣстности, — словомъ, не упускалъ никогда ничего, что только могло пополнить запасъ его свѣдѣній.

Что же касается до источниковъ печатныхъ, которыми пользовался при ученыхъ трудахъ своихъ Татищевъ, то каковы были эти источники — объ этомъ можно судить уже по именамъ авторовъ, цитируемыхъ Василіемъ Никитичемъ въ его сочиненіяхъ. Въ сочиненіяхъ этихъ, кромѣ греческихъ и римскихъ классиковъ и средневѣковыхъ лѣтописцевъ, которые были извѣстны нашему историку или изъ русскихъ рукописныхъ переводовъ, или изъ другихъ сочиненій, Татищевъ часто ссылается на философскій лексиконъ *Вальха*, на историческій лексиконъ *Буддея*, на географическій лексиконъ *Гейнсіуса* или *Мартиньера*, на критическій лексиконъ *Биллея*, на географію

трусій лексиконъ *Вольстія*, на лексиконъ ученыхъ *Юхера*, на лексиконъ святыхъ, на лексиконъ математическій, на астрономическій календарь. Кромѣ этихъ книгъ, Татищевъ пользовался сочиненіями: *Оеофана Прокоповича*, *Барокія*, *Томазія*, *Гаутружія*, *Фонтелля*, *Фабріуса*, *Себастіана Минстера*, *Вольфа*, *Варенія*, *Тавернье*, *Унферцахта*, *Избранта*, *Ташара*, *Кирхера*, *Губнера*, *Трейера*, *Фриша*, *Филиппа Клюверія*, *Петреуса*, *Шефера*, *Спенера*, *Лешера*, *Страленберга*, *Перри*, *Рычкова*, *Гербера*, *Миллера*, *Оларія*, *Де-Ту*, *Кевенгиллера*, *Слейдана*, *Имгофа*, *Пуффендорфа*, *Локка*, *Гоббеса*, *Макиавелли*, *Декарта*, *Ньютона*, *Галлея*, *Гевелія* и др.

Въ числѣ этихъ книгъ были книги, которыя не могли не произвести на Татищева самаго сильнаго впечатлѣнія, не могли не придать его мысли разумнаго, трезваго направленія, долженствовавшего разрушительно подѣйствовать на множество предрассудковъ, нелѣпостей и безсмыслицъ, завѣщанныхъ Василию Никитичу первоначальнымъ воспитаніемъ его на лонѣ доброй старой Руси: Оно, дѣйствительно, такъ и было. Татищевъ относился уже критически къ такимъ предметамъ и вопросамъ, которые добрыми старыми Россіянами почитались за самыя священныя, за самыя незыблемыя; Татищевъ позволялъ себѣ сѣяться надъ такими вещами, на которыя добрые, старые Россіяне взирали не иначе какъ со слезами благоговѣйнаго умиленія. Вышло отсюда то, что и должно было выйдти. Татищевъ провозгласилъ былъ еретикомъ и вольнодумцемъ; сочиненія его—опасными для добрыхъ нравовъ общества. И сочиненія эти должны были лечь подъ спудъ, гдѣ и лежали до самаго царствованія императрицы Екатерины II, когда въ первый разъ были изданы: три книги исторіи Татищева, примѣчанія его къ Русской Правдѣ и Судебнику и духовное его завѣщаніе.

За что же именно сочиненія трудолюбиваго Василия Никитича признаны были опасными для добрыхъ нравовъ общества? За какія же богохульства и сквернословія авторъ этихъ сочиненій провозгласилъ былъ опаснымъ еретикомъ и вольнодумцемъ?

А вотъ хоть бы за разсужденія такого рода:

«Ужасно и прикормно было Нестору писать суевѣрствіе народа, немощнаго ни мало ума и просвѣщенія, но разсудя по настоящему въ христіанахъ именующихся, что имѣя законъ Божій и другими вольными науки умъ просвѣщенный, не меньше оныхъ суевѣрствуетъ. Я

не почитаю то въ диво, когда слышу отъ людей, къ знанію закона Божія не прилежащихъ и о разсужденіяхъ невнимающихъ, а вгоревенныя имъ суевѣрныя бабы басни и безумныхъ наукъ толкованія за истину почитающихъ, но дивнѣ всего иного, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона Божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовѣ и благоправію, яко соль обуявная, ни сами хотятъ законъ Божій разумѣть, ни народъ обучать; и еще того тѣхъ, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное, предають» (*).

Или:

«Хотя язычники ихъ сдѣланные болваны боги именовали, ихъ почитали, на нихъ надѣялись и ихъ боялись, однакожъ и между ними благоразудные истиннаго Всевышняго Бога признавали, яко же и послѣ по случаю Бога и Перуна различають; но простой народъ, конечно, того не разумѣлъ. Я упомянулъ, что многіе мудрые люди между язычники находились и совершенно единаго Бога, Творца и содержателя твари, признавали, а идоловъ презирали и уничтожали, но какую мзду получили, видимъ Сократа и другихъ отъ невѣждъ еретиками, аеенстами и проч. носимы и гонимы были, а нѣкоторые и смерть приняли; да сіе и не дивно, и не такъ прискорбно о тѣхъ, какъ видимъ въ христіанствѣ самыя невѣжды людей, добре законъ Божій свѣдущихъ и хранящихъ, равноѣрно носятъ, гонятъ и, koliko могутъ, оскорбляютъ» (**).

Или:

«Старинное рѣченіе, яко бы дьяволъ надъ всѣми власть имѣеть, Евангеліе же сказуетъ, ни надъ свиньями, то коль меньше надъ чловѣки, хотябы и невѣжды; развѣ бы сказать тако, вси же безумствуя служаху дьяволу или идиломъ, имъ вѣроваху и поклоняхуся, дьяволъ же никакоя власти не имѣеть» (***)

Или:

«Десятины на церковь, хотя въ четырехъ спискахъ древнихъ, но вездѣ равно находится и слогъ новой, мною, попами вымышленной, отличается; ибо есть ли сіе отъ всѣхъ доходовъ государевыхъ и на-

(*) Исторія Россіи, соч. Татищева, кн. II, примѣчаніе 134.

(**) Тамъ же, примѣч. 119.

(***) Тамъ же, примѣч. 168.

родныхъ уставлено было, то бѣ, конечно, все не угасло, да и съ мудростію не согласно, чтобъ отъ всѣхъ доходовъ государственныхъ десятое на церковь давать, и тѣмъ содержанію войскъ, и зашитѣ, и оборонѣ подданныхъ ущербъ чинить. Другое, смотрѣть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требуетъ; главная того потребность содержаніе больницъ, богадѣлень и училищъ, а не на роскошность, шпанство и блудъ или великолѣпіе духовныхъ, какъ сіе царь Іоаннъ IV въ письмѣ Гурію, архіепископу казанскому, и Петръ Великій въ указѣ 1724 года изъяснили. Однакожь то доказательно, что отъ прибитковъ подданныхъ десятину платитъ у насъ положено, и увѣрять въ житіи Андрея Боголюбскаго, что онъ, вмѣсто десятины, земли и волости далъ, въ Кіевѣ же церковь оная доднесь Десятинная зовется, а ниже показано, что Полоинное, мѣстечко въ Волинн, къ сей церкви въ десятину дано, потому можно разумѣть, что государн, вмѣсто десятины, монастыри построл, великими доходами снабдил; но отъ народа сбора доходовъ никакого знака нѣтъ. Архіереи отъ церкви каждой въ своей епархіи десятину берутъ, которую и данъ инагоуть. Въ Европейскихъ, или, паче сказать, едва не во всѣхъ ли христіанскихъ государствахъ, десятина на церкви собирается, и сіе есть частію должное, частію нужное и полезное. Нужно же сіе есть, дабы церковнослужители, во-первыхъ, могли чѣмъ дѣтей своихъ въ наученіе отдавать, книги потребныя покупать, сами не о работѣ земной, но о наученіи народа прилежать; второе, чѣмъ училища для немощныхъ учениковъ, яко же для немощныхъ богадѣльны содержать, дабы оное, конечно, на то, не на прихоти и роскошности вредныя и Богу противныя, а народу безполезныя употребляли, какъ выше упомянулъ» (*).

И т. п.

Вотъ за какія идеи провозгласилъ Татищевъ еретикомъ, вольнодумцемъ, даже атеистомъ мудрые и просвѣщенные его современники; вотъ за что запрещена была его исторія и почиталась опасною для добрыхъ нравовъ общества! Нѣтъ надобности говорить, что уже одно это обстоятельство краснорѣчивѣе всего доказываетъ, какъ далеко шагнулъ впередъ тѣ соотечественники наши петровскаго времени, которыхъ хоть веколѣзь коснулось западное образованіе, и какъ жалки, какъ смѣшны, какъ уродливы казались въ сравненіи съ ними Россіяде,

(* Тамъ же, примѣч. 202.

пробывшіе вѣрными первобытной чистотѣ старорусскаго невѣжества. Поклонники этого невѣжества (изъ современныхъ намъ мыслителей) замѣтятъ, пожалуй, на это, что вѣдь и разладъ слова съ дѣломъ— вещь не очень хорошая; а этимъ разладомъ— какъ мы сами же замѣтили въ началѣ нашей статьи— сильно страдали всѣ питомцы и сподвижники Петра Великаго, разсуждавшіе и писавшіе, большею частью, очень складно и гуманно, а распорядившіеся гдѣ нибудь на сторонѣ очень скверно и безчеловѣчно. Да, отвѣтимъ мы:—вы говорите правду; разладъ слова съ дѣломъ—явленіе вовсе неутѣшительное; но развѣ было бы лучше, еслибъ вмѣсто этого разлада питомцы и сподвижники Петра Великаго отличались тою умилительною гармонією, которая господствовала на старой Руси? Развѣ было бы лучше, еслибъ они, какъ добрые старые Россіяне, и распорядились-то очень скверно и безчеловѣчно, и говорили-то очень нескладно и дико? (О писавшіи мы не упоминаемъ: грѣхомъ писанья старую Русь попрекнуть нельзя; она, какъ извѣстно, по большей части, только *руку прикладывала*—въ буквальномъ смыслѣ этого слова). Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что если разладъ слова съ дѣломъ былъ, дѣйствительно, одною изъ отличительныхъ чертъ нашихъ соотечественниковъ петровской эпохи, разсуждавшихъ и сочинявшихъ иногда очень хорошо, а поступавшихъ сплошь и рядомъ вовсе не такъ, то и тутъ хорошимъ-то обязанъ мы все-таки *инющему* западу, дурнымъ же—*цвѣтущей* родинѣ. Это прискорбно, но истинно, и лучшимъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія можетъ служить примѣръ Татищева.

Татищевъ былъ въ одно и то же время и чиновникъ, и писатель. Какъ писатель, онъ высказывалъ взгляды и мнѣнія, дающіе намъ полное право назвать его человѣкомъ, по своему времени, очень образованнымъ и развитымъ, и ученая дѣятельность его не заслуживаетъ ничего, кромѣ похвалы и признательности. Какъ чиновникъ, Татищевъ позволялъ себѣ продѣлки, не совѣмъ-то совѣстныя съ званіемъ развитаго и образованнаго человѣка, и на служебной его дѣятельности лежатъ два весьма замѣтныхъ пятна: крутость въ обращеніи съ низшими и открытое взяточничество. Но кому же обязанъ былъ Татищевъ своимъ умственнымъ развитіемъ, какъ не западу, какъ не тѣмъ иностраннымъ авторамъ, которыхъ онъ читалъ и изучалъ? Кому же обязанъ онъ былъ своимъ дурными, предосудительными привычками, какъ не родинѣ, какъ не той средѣ, въ которой вращался, какъ не тѣмъ примѣрамъ, которые видѣлъ? Могъ ли же

онъ, въ самомъ дѣлѣ, не брать взяткоѣ, когда все по сторонамъ брало и не краснѣло? Могъ ли онъ не драть низшихъ, когда все по сторонамъ драло и нисколько этимъ не смущалось; когда ему самому еще въ дѣтствѣ твердили, что низшихъ драть слѣдуетъ для ихъ же собственной пользы; что низшіе, сирѣчь «подлые» люди, самими Господомъ Богомъ созданы для того, чтобы служить высшимъ и получать отъ нихъ колотушки?..

Ну, и брать Василій Никитичъ, и дралъ Василій Никитичъ, и все это совершалъ съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, какъ челоѣкъ, исполняющій свой долгъ и творящій благое. Во взятчицествѣ онъ даже не таился и открылся въ этомъ самому Петру, весьма логично и рационально объяснивъ ему, почему онъ, Татищевъ, беретъ и брать долженъ. Началъ онъ словами апостола Павла, что «дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу»; потомъ перешелъ къ тому, что лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежить дѣлающему по должности. «Въ началѣ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла, говорилъ Татищевъ:—если я и ничего не взявъ, праву закона сдѣлаю,—повиненъ; а если изъ мзды къ законопреступленію присоединится лихоимство, долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго вознагражденіе приму, ничѣмъ осужденъ быть не могу: 1) если мзду за трудъ причтешь во лихоимство, то, конечно, болѣе вреда государству и раззоренія подданныхъ послѣдуетъ, ибо я долженъ за получаемое жалованье работать только до полудни, въ которое мнѣ, конечно, времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не достанетъ; а послѣ обѣда трудиться моею должности нѣтъ; 2) когда я вижу дѣло въ сомнительствѣ, то я никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, буду день ото дня откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; 3) дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшаться по регистрамъ порядкомъ; и случается то, что нѣсколько дѣлъ весьма ненужныхъ впереди, а послѣднему по регистру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытку понести, что купечеству первако случается: и такъ отъ праваго порядку можетъ болѣе вреда быть. Если я вижу, что мой трудъ не вгунъ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся: игры, карты, собаки и бесѣды или прочія увеселенія оставляю, и, несмотря на регистръ, нужнѣйшія прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителямъ

пользу принесу, а за взятую мзду отъ Бога и Вашего Величества по правдѣ сужденъ быть не могу (*).»

Этотъ весьма типичный взглядъ на служебныя обязанности подтверждаетъ вполне сказанное нами выше, что образованіе, которое получали питомцы и сподвижники Петра Великаго, не входило нисколько въ ихъ плоть и кровь, не возвышало ихъ до нравственнаго сознанія долга, не приводило ихъ къ тѣмъ плодотворнымъ результатамъ, которые составляютъ задачу и конечную цѣль истиннаго образованія, а только лишь сглаживало ихъ наружныя шероховатости, да наполняло головы кое-какими, большею частію, практическими свѣдѣніями, нѣрѣдко производя при этомъ въ этихъ головахъ престранную смѣсь изъ самыхъ противоположныхъ, и фальшивыхъ, и вѣрныхъ, и европейскихъ, и азіатскихъ, идей и понятій. Иначе, впрочемъ, и быть не могло съ людьми, начинавшими свое воспитаніе на конюшнѣ и псарнѣ, оканчивавшими его по Гоббесу и Белю и потомъ прикладывавшими свои познанія къ дѣлу на почвѣ барства, самодурства, крѣпостнаго права и батовъ. Иначе, слѣдовательно, не могло быть и съ Василиемъ Никитичемъ Татищевымъ, несмотря на все его познанія въ исторіи и географіи.

Василій Никитичъ Татищевъ не на одномъ только вопросѣ о вѣрности сходился съ людьми, заскоружлыми въ тупыхъ и невѣжественныхъ понятіяхъ, — у него, подобно всемъ его соотечественникамъ-современникамъ, было еще нѣсколько такихъ же взглядовъ, и онъ съ полной откровенностью и прямою выразилъ все эти взгляды въ своемъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ имъ во время тяжелаго для него слѣдствія по дѣламъ оренбургской экзеднціи. Въ этомъ завѣщаніи самымъ страннымъ образомъ переплетаются и мѣшаются самыя противоположныя воззрѣнія — идеи Бэля съ идеями благовѣщенскаго іерея Сильвестра, понятія просвѣщеннаго европейца съ понятіями невѣжественнаго русскаго барина; въ этомъ завѣщаніи рельефнѣе, чѣмъ въ самой полной біографіи, выступаетъ наружу личность самого Татищева, и мы не можемъ не подѣлиться съ читателемъ нѣкоторыми выдержками изъ этого любопытнаго документа, начинающагося такимъ торжественнымъ приступомъ:

«Хотя вижу себя не великой старости достигша, ибо нынѣ мнѣ еще 54 годъ минулъ; но въ бодростяхъ, скорбяхъ, печали, гоненіи

(*) В. Н. Татищевъ и его время, стр. 39.

исповенномъ и отъ злодѣвъ сильныхъ исчезе плоть моя, и вся крѣ-
вость моя исчезе, яко скудель, языкъ мой прильнѣ гортани моему,
и нѣсть избавленія плоти моеи, токмо единой просить отъ Господа
милости и отпущенія грѣховъ моихъ тяжкихъ, въ нихъ же увязъ, яко
въ тинѣ глубины. И видя себя паче разбойника, блуднаго сына, мы-
таря и блудницы согрѣшивша, стыжуся приступити ко Господу, ниже
очи мои на небо воззрети (*)».

Приведа за снмъ нѣсколько цитатъ изъ священнаго писанія, ци-
татъ, касающихся грѣховъ и пороковъ молодости, и посѣтовавъ объ
этихъ грѣхахъ и порокахъ, Татищевъ переходитъ отъ себя лично къ
совѣтамъ своему сыну, дѣлаетъ потомъ распоряженіе насчетъ сво-
его собственнаго погребенія и затѣмъ уже наконецъ переходитъ къ
изложенію своихъ взглядовъ на жизнь. Тутъ говоритъ онъ о рели-
гиозномъ, нравственномъ и умственномъ воспитаніи въ молодости, объ
отношеніяхъ къ родителямъ, о женитьбѣ и семейныхъ отношеніяхъ,
о государственной службѣ—военной, гражданской и придворной, объ
имѣніяхъ и шляхетскомъ богатствѣ, объ управленіи деревнями и т. д.
Мы не станемъ слѣдить за Васильемъ Никитичемъ шагъ за шагомъ,
но выпишемъ изъ его завѣщанія только самыя характеристичныя и ин-
тересныя мѣста, по которымъ читатель уже въ состояніи будетъ со-
ставить себѣ довольно вѣрное и ясное понятіе объ убѣжденіяхъ и
воззрѣніяхъ нашего перваго историка. Вотъ, напр., какіе совѣты пре-
подастъ Татищевъ сыну насчетъ женитьбы:

Во 1-хъ, онъ совѣтуетъ ему жениться не ранѣе 30 лѣтъ, а до
того времени напряженно служить; во 2-хъ, совѣтуетъ искать въ
сунуружествѣ не богатства, когда богатство ужь есть свое, а жены—
«съ кѣмъ бы можно въ веселіи вѣкъ свой препроводить»—и связей,
потому что хорошіе свойственники лучше хорошаго приданаго; затѣмъ
Василій Никитичъ говоритъ:

«Изъ подлости взятая жены, хотя бываютъ довольны мило и
честнаго житія, но ихъ родственники за подлость непріятны, зазрѣ-
ніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ бы оныя де-
статочны не были: честные дворяне великое отвращеніе отъ нихъ
имѣютъ. Хотя отцы ихъ, по своему природному коварству, иногда и
въ чиновныхъ людяхъ бываютъ, однакожь всегда застарѣвшая подлость
въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище (**)».

(*) Тамъ же, с. 214.

(**) В. Н. Татищевъ и его время, с. 207.

Въ словахъ этихъ такъ и слышенъ русскій баринъ, совершенно серьёзно полагающій, что одно лишь столбовое дворянство даетъ право на наименованіе чловѣка,—и Татищевъ быстро и низко надаетъ въ глазахъ читателя; но пусть читатель перевернетъ только двѣ страницы въ книгѣ г. Нила Попова, и Василій Никитичъ явится передъ нами въ иномъ видѣ. «Не предай немощнаго въ руки сильному, говорить онъ тутъ своему сыну, разсуждая съ нимъ о гражданской службѣ:—никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ. Хотя рѣдкій, кто бы могъ за правое дѣло возблагодарить, и едва нигдѣ ли кто; однакожъ, невзирая на то, елико можно прилежи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить, и честно сохранить, за что ты не токмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь. А притомъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ челобитчи—камъ въ честь показываться, не токмо ему бѣднаго чловѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, во всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ: и хотя многократно за бездѣльцами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся: ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить. Весьма хранися предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лично въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, вѣтрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они, простяки бѣдные, нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались, и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы. Наипаче всего хранися секретарей и подъячихъ, подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствомъ ихъ и некими поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай, и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили и не ввергнули бѣ въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ мол-

чаше и спроси другихъ ностороннихъ, или тоже самое, только инымъ порядкомъ, сдѣлай, или вели что исполнить до пристойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать и правду съ лежью распознать: изъ нихъ рѣдкій, чтобъ не возгордился; а ты отъ того потеряешь надлежащее почтеніе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и несчастіе претерпишь. Оставь секретарей поводилицами тѣмъ судьямъ, кто дѣла разбирать по законамъ не можетъ. Соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; если не склонятся, то не одного изъ людей, искусныхъ въ знаніи законовъ, въ совѣтъ призвать должно, токмо того храниться, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того непотребно имена объявлять, если дѣло не всею извѣстное. Когда жъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будешь добродѣтели наполненной, неалчной и саравадиной челоуѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушаи, но и отиѣнными образомъ ихъ во обхождение свое принимай. Хотя сіе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ. Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, если товарищъ безсовѣстной, сребролюбивой и коварной, плутъ или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно сначала искутить и состояніе ихъ совѣти познать, чтобъ ты впредь не легко могъ обмануть быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ высшемъ судѣ жаловаться, елико возможно, удерживаться; а подчиненныхъ сначала увѣщаніями и разговоры прилежи отъ безпорядковъ удержать, словесно, наединѣ, или, когда безетыдентъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвращай: а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать—не очень прилично; лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать (*).

Также умны и хороши разсужденія Татищева о придворной службѣ. Петръ Великій, говоритъ онъ:—который великолѣпше единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оныя весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было. Нынѣ же оныя рангами, жалованьемъ и другими преимуществы противъ европейскихъ государствъ пожалованы; то я, взирая на ихъ строптивое житіе и обхождение, никогда бъ тебѣ оного искать

(*) Тамъ же, с. 219—221.

несоветовалъ: пожего тутъ лицемерство, коварство, лезть, зависть и ненависть, едва ли не все вѣсто добродѣтели происходить; а нѣкоторые ушничествомъ имуть свое благополучіе приобрѣсти, не сметра на то, что губять невинныхъ, сами вскорѣ судомъ Божескимъ погибнуть. Но сіе не мнѣ, чтобъ генерально и они сіи злодѣанія за добродѣтели почитали; но суть нѣкоторые того неистовства оущіе злодѣи. А если не сильны, то и политакѣ придворной не прылгн-ляются; однакожъ отъ другихъ терѣтъ носѣваніе принуждемы бывають (*)».

Столь же умный, дѣльный и просвѣщенный взглядъ высказывается Татищевымъ въ разсужденіяхъ о вліаніи на крестьянъ хорошихъ деревенскихъ священниковъ и о необходимости учить крестьянъ грамотѣ. Въ этомъ отношеніи онъ опередилъ даже нѣкоторыхъ современныхъ намъ писателей, которымъ въ лѣто по Р. X. 1859, (если мы не ошибаемся,—къ этому году принадлежитъ знаменитая полемика г. Дала съ г. Карновичемъ) надобно было доказывать, какъ малымъ дѣтамъ, что грамотность совѣтъ не то, что пьянство, развратъ, веровство и тому подобныя презести. «Повианцій пунктъ учить грамотѣ и писать, чрезъ что познаеть законъ и страхъ Божій, хотя тѣмъ можетъ назваться истиннымъ человекъмъ и различить себя отъ скота.» говоритъ Татищевъ—и вдругъ, черезъ двѣ страницы послѣ этихъ прекрасныхъ словъ, становится снова подъ знамя «Домостроя» совѣтуя нерадивыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей «наказывать за вину нещадно» на томъ основаніи, что «одна милость безъ наказанія быть не можетъ, по закону Божію (**)».

И въ такомъ родѣ все завѣщаніе, и такимъ образомъ уважалось въ одномъ и томъ же человекѣ просвѣщенные воззрѣнія и понятія, приобрѣтенныя на европейскомъ западѣ, съ дикими воззрѣніями и понятіями, завѣщанными невѣжественною старою Русью; а отсюда выходилъ тотъ страшный разладъ слова съ дѣломъ, при которомъ зачастую гуманныя и сладкозвучныя рѣчи говорились подъ страшный аккомпаниментъ воплей и криковъ безчеловѣчно истязуемой жертвы, а преисполненные самыхъ благихъ и филантропическихъ тенденцій проекты писались тою же самою рукою, которая только что передъ тѣмъ раздробила нѣсколько челюстей, своротила нѣсколько skulls, вырвала

(*) Тамъ же, с. 222.

(**) Тамъ же, с. 231.

нѣсколько «подлыхъ» бородъ. Такія явленія были очень нередки, такіе *прогрессивные* герои были еще очень далеки отъ идеаловъ; но хороше въ нихъ все-таки перевѣшвало дурное, и уже это одно самымъ неопровержимымъ образомъ говорило въ пользу новыхъ началъ, запавшихъ въ русскія головы на чужеземной почвѣ. Если же, сверхъ того, сравнить дѣла и подвиги, совершенные питомцами и сподвижниками Петра Великаго, съ дѣлами и подвигами, совершенными героями добраго стараго времени; если сопоставить, напр., дѣятельность одного Татищева дѣятельности цѣлаго десятка бородатыхъ бояръ и воеводъ нашего «ветхаго завѣта», то громадное значеніе петровской реформы предстанетъ разомъ во всемъ своемъ величій предъ самымъ близорукимъ глазомъ, и ужъ тогда развѣ только какой нибудь совсѣмъ ступившій старовѣръ рѣшится по прежнему и съ прежнимъ азартомъ тануть глупую пѣсню:

Вы послушайте, ребята,
Какъ жила въ старину.

.
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!..

І. ПИШКИНЪ.

ЛОЖНЫЯ И ОТРЕЧЕННЫЯ КНИГИ РУССКОЙ СТАРИНЫ.

Объясненія къ «памятникамъ древней русской литературы», вып. 3.

І.

Наша старина много разъ возбуждала ожесточенныя споры въ литературѣ. Споры эти бывали иногда забавны, часто происходили они изъ-за вещей неважныхъ, но нѣтъ случалось имѣть и серьезный смыслъ.

Такова была, например, полемика времени Каченовского: преувеличенный скептицизм его школы был при всех излишествах своих полезным ответом на сентиментально-патриотические преувеличения Карамзина и его почитателей. После Каченовского, русская старина сама стала предметом горячих споров в то время, когда оказывались первые попытки славянофильства. На этот раз споры были серьезнее, т. е. по крайней мере серьезнее была их тема: две стороны не сходились в понимании внутренних принципов русского характера, русской жизни и истории. Разница была уже так сильна, что партии обозначались резко: одни прославились славянофилами, другим дали наименование западников. Характер мнений обеих сторон достаточно известен, и мы не имеем нужды на нем останавливаться. После споров Москвитинина, Шевырева, Хомякова, Киреевского и др. с Белянским и его друзьями, полемика о старине затихла на время по непредвиденным обстоятельствам, и когда, после известного промежутка, в литературе снова оживились интересы, многие благодушные люди объявляли, что дело уже решено (кто и когда решил его, они не говорили), что в наше время не существует ни славянофилов, ни западников, что все мы сошлись в принципе, все признали великое значение народности и народа, все соглашаемся в важности их изучения и т. д.

На первое время это имело некоторую тень вероятности. Обе стороны действительно говорили об «историческом изучении», о народности, интересовались новыми изслѣдованіями о его прошлом и настоящем, взаимно одобряли друг в друге эту симпатию. Но так шло не долго. После нескольких встреч и объяснений теперь становится ясно, что старинное разногласие не кончилось, что, напротив, оно еще более переходит в противоречие, осязательное для каждого. Возродившиеся славянофилы по прежнему корят своих противников за отрицание народных начал, опять нападают на петровскую реформу, и теперь доводят свою последовательность до того, что в своих взглядах не задумываются продолжать систему московского царства XVII столѣтія... Люди, более наивные, думавшие прежде, что все разногласия порешены, ждут теперь успеха от так называемого «примирительного» направления, не сознавая хорошенько, соединены-ли те вещи, которые они собираются примирять.

Изучение памятников старины между тем подвинулось вперед, и к прежнему запасу полемических материалов прибавились новые

положения, найденныя изыскателями старины. Новые специалисты съ обыкновеннымъ увлеченіемъ, свойственнымъ первому знакомству, воспринимались глубокимъ значеніемъ произведеній старой поэзіи и отыскивали въ нихъ апокалиптически скрытый смыслъ народности.

Эти изыскатели—сначала вовсе не славянофилы—кончили теоріей чисто славянофильской: они превознесли древнюю литературу, какъ совершенно народную (будто бы), вполне проникнутую народными воззрѣніями, и осудили новую, начавшуюся съ Кавтемира и Ломоносова, оставившую національное начало и вводящую къ намъ иноземныя формы и идеи, для насъ по ихъ мнѣнію совершенно не нужныя. Древній эпосъ сталъ для нихъ высокимъ идеаломъ національной поэзіи; они съ такимъ увлеченіемъ отдались этому идеалу, что еслибы кто намекнулъ имъ, что эта поэзія можетъ отжить свое время, что въ другія эпохи народу бываетъ нужно новое развитіе, хотя бы въ ущербъ поэтической старинѣ, что ему полезнѣе теперь другія книги, чѣмъ тѣ, которыя воспитывали его въ XVII столѣтіи; такой человекъ прослышетъ у нихъ злостнымъ гонителемъ народной свободы.

Школа эта преимущественно эстетическая. Повидимому она стоитъ на самыхъ народныхъ началахъ, какія теперь въ ходу въ жизни и стремленіяхъ литературы; она защищаетъ народъ, требуетъ вниманія къ идеямъ, имъ самимъ выработаннымъ,—но въ сущности она руководится одними эстетическими соображеніями. Въ старинномъ памятникѣ она отыскиваетъ прежде всего поэтической образъ, возстановляетъ его по собственнымъ догадкамъ тамъ, гдѣ онъ у самого народа неясенъ или забытъ и, мало заботясь о томъ, какую дѣйствительность изображаетъ памятникъ, видитъ въ немъ послѣднее слово народности. Старина, окрашенная такими поэтическими вольностями, получаетъ самую привлекательную физиономію. Такимъ образомъ составлялись совершенно особенныя взгляды на старинную жизнь; эстетическая школа идеализировала старинную литературу, другіе идеализируютъ расколъ, третьи—московское царство и т. д. Люди «примирительнаго» направленія иногда разбирали, иногда не могли разобрать въ чемъ дѣло, и вмѣстѣ съ эстетическими славянофилами упрекали въ легкомысліи тѣхъ, кто не признаетъ этихъ идеализацій за чистую дѣйствительность. Случались примѣры, что даже люди, въ сущности не пристрастные къ школѣ, поддавались на это украшеніе старины и народности и повторили старыя обвиненія во вкусѣ Хомякова и К. Аксакова противъ мнимыхъ поклонниковъ запада, и поощряя народность «Русской

Бесѣды» (или выѣвшаго «Дня») предавали осужденію ложную «народность Евгенія Олѣгина» (?).

Такимъ образомъ споръ начинался снова, въ разѣтрахъ еще болѣе обширныхъ чѣмъ прежде. Онъ продолжается и до настоящей минуты, и не заслуживаеъ бы большаго вниманія, еслибы дѣло шло только о восхищеніи старинной,—но на этихъ идеально-археологическихъ основаніяхъ строится приѣвшеніа къ настоящему: результаты выходятъ еще менѣе удовлетворительныя. Еслибы имъ пришлось найти дѣйствительное приѣвшеніе въ жизни, они способны дойти до наложительнаго обскурантизма. Начинаятъ, положимъ, говорить о грамотности—археологи выставляютъ образецъ ея въ древней Руси или въ современной раскольничьей грамотности; идетъ дѣло о книгахъ для народа—они превозносятъ старинныя сборники, цѣтнички, травнички и т. п.; въ вопросѣ политическомъ они проповѣдуютъ теорію дьяковъ посольскаго приказа; воспоминается вопросъ историческій о кормленіи, правехахъ, розгахъ, они доказываютъ, что кормленіе и правеха были въ сущности хорошее дѣло, и находили, что розги полезно было бы сохранить для мужика и въ настоящее время... Все это открыто печатается и говорится славянофилами или похожей на нихъ школой идеалистовъ археологовъ.

Подобнымъ толкованіямъ подвергается и старинная литература. Мы упоминали о томъ, какъ приверженцы старины извлекали изъ нея послѣднее слово подлинной русской народности, еще не испорченной западомъ и новой литературой. Старинныя повѣрья, сказанья и легенды, словомъ вся обширная область народныя вѣрованія, обратили на себя ихъ особенное вниманіе; многое изъ этой старины сохранилось до сихъ поръ въ народномъ преданіи, и это еще болѣе убѣждало нашихъ изыскателей, что именно здѣсь и должно искать настоящихъ выраженій народнаго пониманія. Не довольствуясь видѣть ихъ въ прошедшемъ, они утверждаютъ, что подобныя представленія народа и теперь имѣютъ неприкосновенное право на существованіе, но что спорить противъ этого было бы посягательствомъ на народную личность. Защитники старины, а за ними и люди «примирительнаго» направленія иногда совершенно серьезно говорятъ о такомъ неуваженіи къ правамъ народной мысли, какъ будто эти права заключаются въ томъ, чтобы думать, что земля стоитъ на трехъ китахъ, и что громъ бѣвуетъ отъ того, что Илья пророкъ ѣздитъ по небу въ огненной колесницѣ... Когда имъ говорятъ о предрасудкѣ, который можетъ быть вреденъ,

они кричатъ о нетерпимости, чуть не о предательствѣ. Въ то же самое время они говорятъ однако объ общественномъ развитіи, о требованіяхъ времени, не понимая того, что все это до тѣхъ поръ не возможно, пока они будутъ сберегать народу его старыя понятія. Можно бы, пожалуй, согласиться на сбереженіе такихъ идей, какъ идея о трехъ китахъ и огненной колесницѣ, но къ сожалѣнію предрассудки крѣпко сблизятся другъ за друга, и не разъяснивши понятій народа объ одномъ предметѣ, невозможно убѣдить его въ другомъ; съ предрассудками мисологическими, которыми такъ изобилуетъ нашъ народъ, идутъ рядомъ его предрассудки общественные и прочіе.

Мы считали нужнымъ упомянуть объ этихъ толкахъ потому, что изданныя нами «ложныя и отреченныя книги» нашей старины принадлежатъ къ числу такихъ ея памятниковъ, которые въ свое время играли сильное участіе въ образованіи народныхъ понятій и часто сохраняютъ до сихъ поръ свой авторитетъ въ массѣ, особенно расколъничьей. «Ложныя книги» также относятся къ той области вѣрованій древней Руси, которая, какъ мы замѣтили, возбудила теперь такой интересъ въ нашихъ археологахъ, и эстетическая школа наша уже въ нихъ ищетъ для своихъ умозрѣній. Но можно взглянуть на нихъ и съ другой стороны: объясняя содержаніе «ложныхъ книгъ», мы нередко будемъ встрѣчаться съ суевѣрными представленіями, имѣющими до сихъ поръ живую силу въ народѣ, и увидимъ иногда источникъ тѣхъ вѣрованій, которыя выдаютъ намъ за исконный продуктъ русскаго національнаго мышленія. Мы обращаемъ вниманіе читателя на это начало и распространеніе преданій и суевѣрій въ особенности для того, чтобы объяснить, какимъ образомъ извѣстныя преданія были въ народѣ чисто историческимъ слѣдствіемъ вышнихъ условій и явленій, приобретеннымъ, а не исконнымъ его добромъ, которое хотя и было въ прошедшемъ важной чертой его характера, но теперь имѣетъ надъ народомъ столько же права, какъ дѣтскія представленія челоуѣка въ эпоху его зрѣлости. Суевѣрное уваженіе, котораго требуютъ къ этимъ вещамъ нинѣшныя защитники народности, по нашему мнѣнію было бы для народа весьма жалкимъ поощреніемъ. Мы сдѣлаемъ гораздо больше чести народу и выразимъ больше сочувствія къ нему, когда серьезно взглянемъ на тотъ міръ воззрѣній, который выдаютъ намъ за его созданіе и неприкосновенную драгоценность и укажемъ въ немъ все, что намъ кажется фальшивымъ и даже вреднымъ, — укажемъ, не стѣс-

насъ деликатной снисходительностью. Эта излишняя снисходительность слишком отзывается сознанием собственного достоинства и похожа на снисходительность къ малолѣтнему, съ которымъ нельзя говорить серьезно.

Именемъ «ложныхъ» и «отреченныхъ» т. е. запрещенныхъ, не указанныхъ книгъ русская старина называла особый разрядъ произведений, содержаніе которыхъ осуждалось какъ еретическое и вредное. Это общее названіе обнимало много разнообразныхъ памятниковъ, часто не имѣвшихъ между собой ничего общаго и другъ на друга непохожихъ: здѣсь были и такъ называемые «апокрифы», — недостоверныя и непринятая древней церковью сказанья изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, и легенды, и астрологическія и гадательныя книги, и суевѣрныя сочиненія новѣйшаго времени, наконецъ въ числѣ книгъ и нѣкоторые народные обычаи, которыхъ не одобряла церковь и христіанская мораль.

Сначала нѣсколько словъ о значеніи «апокрифа». Въ употребленіи древнихъ писателей церкви и позднѣйшихъ теологовъ этимъ словомъ означаются различныя разряды книгъ. Названіе «апокрифической» книги (тайственной, скрытой) прилагалось собственно къ такимъ, которыя не были приняты въ канонъ, т. е. въ утвержденный каталогъ священныхъ книгъ, но по мнѣнію древнихъ писателей не заключали съ себѣ ажи, даже могли имѣть божественное вдохновеніе, и потому могли съ осторожностью читаться вѣрующими. Въ этомъ смыслѣ св. Іеронимъ говоритъ, что книги, не находящіяся въ канонѣ, принадлежатъ къ апокрифамъ. Каноны были въ этомъ отношеніи довольно разнообразны: тѣ книги, которыя не были приняты въ первый еврейскій канонъ, были принимаемы въ слѣдующіе; не приняты Евреями, принимались иногда Греками; римская церковь признала каноническое достоинство за другими книгами, которымъ оно прежде не давалось, напр. за книгой Эсфирь, прор. Варуха, нѣкоторыми главами Даниїла, книгой Товїи. Къ апокрифамъ относились и книги, которыя никогда не считались въ канонѣ, но были однако очень древны и заключали много важнаго, напр. молитва Манаассимъ въ концѣ «Паралипоменъ», третья и четвертая книга Ездры, послѣднія книги Маккавеевъ. Апокрифическими считались также книги, знаменитыя своею древностью, представлявшія въ цѣломъ замѣчательныя пророчества или нравственныя наставленія.

но въ которыхъ находили неодобрительныя ошибки, — каковы были книга Висоха, заветы патриарховъ; нѣкоторые считали возможнымъ признавать ихъ каноническими, большей же части они казались сомнительными. Были наконецъ книги, въ апокрифическомъ свойствѣ которыхъ соглашались всѣ писатели церкви, книги, положительно отвергнутыя въ канонахъ, какъ подложныя, полныя ошибокъ, носящія чужія имена, или составленныя еретиками. Такъ осуждена была цѣлая масса книгъ, ходившихъ въ первые вѣка христіанства подъ именемъ евангелій, напр. евангеліе Петра, Θомы, Маркіона; евангеліе о дѣтствѣ Христа, Никодимово и проч.

Оригенъ опредѣлялъ названіемъ апокрифовъ книги Евреевъ, которыя они читали тайно и не давали всей массѣ народа и христіанамъ; причина тайны была въ томъ, чтобы нѣкоторые ошибки этихъ книгъ не шели въ заблужденіе неопытныхъ людей изъ народа и не послужили укоромъ со стороны христіанъ. Въ параллель къ этому, у христіанъ многія сочиненія дозволялось читать, но съ осторожностью: въ «вопросахъ Іоанна Молчалиника», извѣстныхъ въ нашей древней Кормчей, въ такомъ смыслѣ говорится наримѣръ о Кляментѣ, которому приписывалось собраніе апостольскихъ заповѣдей, — его можно читать, но не предъ всѣми, многыя ради немощи, рекше неразумія (*); старинная статья «о ложныхъ книгахъ» подобнымъ образомъ выражается о житіяхъ Василія Новаго, Нифонта и пр., о которыхъ слѣдуетъ *сдущаго* *вопросити*.

Наши старинныя названія этихъ книгъ — «ложныя», «отреченныя», «старовныя», «сѣкровенныя», «лженаписанныя» — были прямымъ переводомъ греческихъ терминовъ (**). Въ образцахъ нашего стариннаго канона, приводимыхъ нами дальше, читатель также увидитъ разныя степени ложности и запретности книгъ и нѣкоторое колебаніе запрещеній касательно нѣкоторыхъ изъ нихъ: одни прямо отвергались, какъ еретическія; другія, то принимались, то нѣтъ; третьи допускались къ чтенію съ извѣстными предосторожностями. Источникъ этой неопредѣленности былъ, какъ мы увидимъ, отчасти въ томъ, что самыя книги были обоюднаго, сомнительнаго свойства, отчасти въ различіи редакцій канона, которыя перешли къ намъ отъ Грековъ.

Мы впрочемъ не будемъ входить въ теологическій разборъ нашихъ

(*) Кормчая 1284 г. Толст. отд. I, № 311, л. 343.

(**) Въ греч. *ἀποκρυφα*, *ἀπορρητα*, *ψευδοεπιγραφα*.

старинныхъ индексовъ или указателей истинныхъ и ложныхъ книгъ, и предоставимъ людямъ спеціальнымъ опредѣлить, правильно или неправильно книги относимся въ тотъ или другой разрядъ. Мы будемъ принимать апокрифы въ болѣе общемъ смыслѣ, какъ они принимались у насъ въ старину; въ понятіе «ложной» книги мы отнесемъ не только собственные апокрифы въ церковномъ смыслѣ, но и весь тотъ циклъ литературы, въ который, кромѣ позднѣйшихъ народно-поэтическихъ сказаній и суевѣрныхъ мѣстовъ религіознаго характера, входило и много произведеній, вовсе не имѣющихъ апокрифическаго характера, не относящихся къ церковной исторіи и вообще къ духовнымъ предметамъ: всѣ эти произведенія считались у насъ одинаково ложными, потому что старинные моралисты видѣли въ нихъ опасное суевѣріе, неодобрительное или даже еретическое легкомысліе и заблужденіе. Старинная статья *о книгахъ истинныхъ и ложныхъ*, заключающая списокъ этихъ книгъ, будетъ занимать насъ не какъ теологическій канонъ, но какъ руководство къ объясненію старинной литературы. Содержаніе ложныхъ книгъ занимательно для насъ главнымъ образомъ въ приложеніи къ народной словесности старой Руси, ея вѣрованьямъ и преданьямъ, — тѣмъ болѣе, что и самые индексы наши, собственно русскихъ редакцій, далеко не имѣютъ исключительнаго теологическаго характера греческихъ индексовъ, служившихъ имъ образцомъ, но сдѣлались, какъ мы замѣчали, просто указателемъ того содержанія народнаго чтенія и преданій, котораго не одобряли церковь и блюстители народнаго нравственности. Поэтому относительное значеніе древнихъ апокрифическихъ памятниковъ измѣняется для насъ, смотря по тому, имѣли они или нѣтъ извѣстность и авторитетъ въ нашей древней письменности.

Изъ того, что мы говорили до сихъ поръ, можно видѣть, что понятіе апокрифа и въ древнія христіанскія времена, и въ нашей старинѣ было довольно неопредѣленно. Апокрифическіе памятники вызывали у древнихъ писателей весьма различныя сужденія; и въ первое время эти сужденія, быть можетъ, были не такъ строги, какъ впоследствии. Ссылки на древніе еврейскіе апокрифы (напр. на книгу Еноха) находятъ въ посланіяхъ апостола Іуды; древніе писатели иногда отзываются о нихъ очень снисходительно. Въ послѣдствіи, при окончательномъ опредѣленіи канона, апокрифы запрещены были соборами, но византійскіе писатели и хронисты, Северіанъ Гавальскій, Меодій Патарскій, Михаиль Глика, Синкеллъ, Малала, и др. полными руками

черпаютъ изъ нихъ изложеніе церковной исторіи и смотрятъ на нихъ какъ на обыкновенное историческое преданіе. Поэтический колоритъ этихъ книгъ, сложившихся изъ народныхъ преданій, давалъ имъ особенную прелесть въ глазахъ массы, тѣмъ больше, что они встрѣчали снисходительный пріемъ даже у людей съ извѣстной церковной ученостью. Впослѣдствіи они также сильно распространялись въ массѣ, и только тѣ люди, которые считали своей обязанностью блюсти за строгой достовѣрностью церковнаго ученія, продолжали осуждать и предавать проклятіямъ «ложныя» книги, принимавшія на себя чужое имя, наполненныя недостовѣрными сказаньями, дававшія произвольное поэтическое объясненіе строгимъ и отвлеченнымъ догматамъ церкви. Съ точки зрѣнія индексовъ, запрещавшихъ ложныя книги, они были однимъ соблазномъ и внушеніемъ діавола.

Но съ точки зрѣнія исторической въ этихъ книгахъ вовсе не было столько преступнаго и злонамѣреннаго, сколько имъ приписывали. Если книга появлялась съ именемъ знаменитаго и святаго лица, никогда ее не писавшаго, какъ напримѣръ евангеліе Евы, книга Еноха, откровеніе Авраама, евангеліе Θомы и т. п., то почти всегда эта манера апокрифическихъ книгъ была чисто-литературнымъ пріемомъ, всегда и вездѣ свойственнымъ мноу и легендѣ. Къ такому взгляду на апокрифъ уже не разъ приходили ученые толкователи апокрифовъ, даже такіе, которые еще не имѣли яснаго понятія объ ихъ народно-поэтическомъ происхожденіи. «Не было ничего обыкновеннѣе и новиннѣе этихъ сочиненій, названныхъ именами древнихъ писателей, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — нѣтъ ничего страннаго, конечно, если въ позднѣйшіе вѣка они становились предметомъ удивленія, особенно между читателями наивными и безъ критическаго взгляда. Но было бы несправедливо ставить эти книги въ преступленіе ихъ авторовъ, у которыхъ вовсе не было желанія обманывать. Въ такомъ же родѣ написаны были и нѣкоторые изъ памятниковъ классической древности; древніе академики особенно прославились этой манерой: не сердимся же мы на Платона, что онъ позаимствовался именемъ Сократа; не сердимся на Цицерона, что онъ воспользовался Катоновымъ именемъ», и проч. (*). Дѣйствительно, въ этихъ книгахъ съ именами Евы, Авраама, Еноха и т. д., часто было столько же наивной

(*) *Migne*. Dictionnaire des apocryphes (въ *Encycl. Théologique*), Paris 1836 — 1838. 1, стр. 695. Объ апокриф. евангеліяхъ. См. статью въ *Mystagogos*, — *Neue Folge*. Hamburg, 1860 «Sagenkreise der Evangelienzählung».

безсознательности, сколько въ нашихъ «словахъ», которые у нашихъ старинныхъ грамотѣевъ безъ дальнѣйшей критики надписывались «отъ св. Апостола», «отъ Златоуста» и т. п. Обманъ тѣмъ менѣе былъ возможенъ, что многія изъ подобныхъ книгъ вовсе не бывали сочиненіемъ какого нибудь одного писателя, а только повтореніемъ общеизвѣстнаго народнаго мѣта: таковы напр. еврейскіе апокрифы объ Адамѣ, патриархахъ, Соломонѣ,—гдѣ отдѣльной личности автора принадлежитъ только редакція содержанія, созданнаго вовсе не имъ, а цѣлой массой народа. Тѣмъ же путемъ народнаго мѣта составилось и много апокрифическихкихъ книгъ изъ новозавѣтной исторіи, апокрифическія евангелія, легенды о Спасителѣ, Богородицѣ, апостолахъ и святыхъ. Въ нихъ точно также гораздо естественнѣе предположить простодушное убѣжденіе и предразсудокъ, чѣмъ наирѣнное искаженіе истины и обманъ. Древніе церковные писатели, для которыхъ уже не ясно было происхожденіе апокрифовъ, въ составленіи ложныхъ книгъ упрекали часто еретиковъ—это бывало, конечно, когда сами еретики излагали свое ученіе; но съ апокрифами бывало обыкновенно иначе. Еретики брали уже готовую книгу, такъ что верѣдко не книга шла отъ ереси, а ересь отъ книги. Еретики давали только особенное значеніе извѣстнымъ апокрифамъ, въ которыхъ находили поддержку своимъ идеямъ; такъ Свѣяне дорожили откровеніемъ Авраама, секта Архонтиковъ—книгой Еноха, Катары и Богумилы—пророчествами Исаи и апокрифическимъ откровеніемъ Іоанна и т. и. Дѣлаясь книгой еретической, апокрифъ окончательно терялъ добрую славу и предавался проклятію.

Апокрифическія книги мало, слѣдовательно, отличаются по своему происхожденію отъ обыкновенной легенды; онѣ запрещались только потому, что въ нихъ раньше замѣчено было противорѣчіе съ вѣроятностями исторіи, и что онѣ касались слишкомъ извѣстныхъ религіозныхъ личностей. Впослѣдствіи въ разрядъ апокрифовъ относимы были и нѣкоторыя житія святыхъ, наприм. мученика Никиты, Георгія и др. Иногда случалось, что святой имѣетъ два различныя житія, напр. Федоръ Тиронъ; тогда одно считалось истиннымъ, а другое ложнымъ; но это различіе мало наблюдалось читателями, и ложныя житія пользовались большой извѣстностью и попадали даже въ церковные сборники подобнаго содержанія. Въ нашемъ циклѣ ложныхъ книгъ заключались дальше и другія произведенія, въ которыхъ, кромѣ сказочнаго интереса было и положительное вмѣшательство въ область религіознаго

ученія и житейской нравственности, и въ которыхъ недаромъ старинные моралисты видѣли «пагубу душамъ». Это были произведенія, пожалуй, въ самую дѣлѣ еретическія, по крайней мѣрѣ противныя здравому пониманію религіи, а иногда и здравому смыслу, произведенія въ родѣ «вопросовъ» Іоанна Богослова къ Аврааму и къ Спасителю о будущей жизни; разныхъ чудесныхъ «хожденій» и «видѣній»; въ родѣ «евнестолія о недѣлѣ», которая подѣ страхомъ адскихъ мукъ запрещала что нибудь дѣлать въ воскресенье; «обрѣтенія о пятицахъ» подобнаго же содержанія, наконецъ въ родѣ до сихъ поръ извѣстнаго «сна Богородицы», одно чтеніе котораго, безъ всякихъ другихъ заботъ, способно доставить царство небесное, спасти отъ пожара и напрасной смерти и т. п. Наконецъ былъ еще разрядъ книгъ, которыя не относились прямо къ дѣлу вѣры и уже позднѣе были внесены въ индексъ—разнаго рода гадательныя книги, предвѣщанія, снотолкованія, знаменія, примѣты и т. п. Собственно говоря, такія книги вовсе не шли въ разрядъ апокрифовъ, но строгость церковныхъ моралистовъ греческихъ и нашихъ подвергла ихъ тому же неумолимому осужденію.

Объемъ старинной литературы, считавшейся въ старину ложною, мы знаемъ по одному памятнику, пзвѣстному подѣ именемъ статьи *о книгахъ истинныхъ и ложныхъ* и очень распространенному въ старыхъ рукописяхъ. Большинство списковъ этого индекса относится къ XVI—XVII столѣтіямъ, безъ сомнѣнія потому, что къ этому же періоду относится и наибольшее распространеніе самыхъ ложныхъ книгъ и вліяніе ихъ въ народѣ. Въ 1644 г. статью о ложныхъ книгахъ, сочли даже нужнымъ напечатать въ такъ-называемой Кирилловой книгѣ. Въ самую дѣлѣ, это было время религіознаго броженія и раскола, когда въ массѣ явилось стремленіе къ собственному изслѣдованію, и ложныя книги находили полную вѣру въ наивныхъ людяхъ, понятія которыхъ были не выше ихъ наивнаго содержанія. Съ XVII вѣка, съ началомъ раскола, ложныя книги дѣйствительно стали мало по малу переходить въ раскольничью половину народа, и сдѣлались наконецъ почти исключительнымъ ея достояніемъ. Въ остальной массѣ онѣ почти забыты, но ихъ спасла раскольничья грамотность; раскольники продолжали списывать книги, занимавшія ихъ предшественниковъ XVII вѣка. Одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ ложной литературы, котораго намъ не удалось найти въ старинныхъ сборникахъ, мы встрѣтили со всеми атрибутами старины въ свѣжей раскольничьей рукописи по-

вѣйшаго издѣлія. На этомъ основаніи у насъ приписывали иногда ложныя книги самимъ раскольникамъ, какъ ихъ произведеніе; ясно, что это совершенно несправедливо, потому что ложныя книги существовали гораздо раньше раскола. Мы видѣли, что точно также въ древности приписывали еретикамъ составленіе апокрифовъ.

Чтобы представить читателю обзоръ того, что русская старина находила ложнымъ и отреченнымъ, и отъ чего она хотѣла предохранить вѣрующіхъ, мы считаемъ за лучшее привести самую статью о ложныхъ книгахъ и исчислить ихъ въ той формѣ, въ какой они запрещались въ старину. Самая статья имѣетъ любопытныя свойства. Она извѣстна въ старыхъ рукописяхъ въ большомъ количествѣ варіантовъ—признакъ долговременнаго ея употребленія,—но въ главномъ эти списки сходны. Въ самомъ началѣ она произноситъ осужденіе и проклятіе противъ почитающихъ ложныя книги, какъ святыхъ, и сперва пересчитываетъ книги *истинныя*, изъ которыхъ долженъ поучаться православный христіанинъ, а потомъ въ длинномъ перечнѣ указываетъ названія *ложныхъ* книгъ, приводящихъ человѣка «къ бѣсамъ въ пагубу». Одинъ изъ наиболѣе полныхъ перечней находится въ Соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка, откуда мы приводимъ его, исправляя только ошибки писца: по самымъ названіямъ книгъ читатель увидитъ сказочный и мифическій характеръ ложной литературы.

«Составленіи мѣрстѣи псалмы: «градите, вси вѣрніи», другое, «градите, кресту твоему въдруждешуся на земли». Адамъ; о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси, и исписалъ 300 книгъ; Ламеховы книги, Патріарси, Синова молитва, Адамъ завѣтъ, Моисіевъ завѣтъ, Асенеѣ, Елдадъ, Молдадъ, Соломани псалмы, Ильино обавленіе, Исавно обавленіе, Іаковля повѣсти. Апостольстѣи обходи, что приходили къ граду обрѣтоша человѣка орюща волю, и просина хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради, апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше, и приде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу. Варяавино посланіе, Петрово обавленіе, евангеліе отъ Варнавы, свангеліе отъ Фомы, и о Рахманехъ. Зосимово хоженіе; Паралипомены,—что орла слали въ Вавлонъ съ грамотою къ Еремію пророку.

«Суть же и ина многа отъ жлесловесникъ сложена, еже есть сіе: Ивана Богослова въспросы къ Господу, еже рече къ нему Господь: слыши, праведный Иване. Вареоломѣвы въспросы къ Богородицы, како роди Христа; Епистолия о недѣлѣ. О дрствѣ крестнемъ лею списано: что Христа въ попы ставили и что Христось плугомъ ораль, еже Еремія попь болгарскій изолгалъ, былъ въ навѣхъ на Верзіудовѣ колу. Петрово житіе въ пустыни 52 лѣта, и хоженіе Петрово по вознесеніи Господни; что Христа отрочатемъ продавалъ и архистратига Михаила

крести, и что рыбы по суху ходили. Дѣтство Христово; хожденіе Богородицы по мукамъ; о Адамовѣ лѣбѣ, что семь царевъ въ немъ сидѣло. Павлово хожденіе по мукамъ; имена ангеловъ; о службѣ таинъ Христовъ, что опоздать служить обѣдню, врата небесныя затворяются и ангели попа клинуть; и еже съ Христомъ діаволе прѣисіе. О пустыниці, о Макаріѣ Римствѣ, что три черницы нашли его, что двадесять поприщъ отъ него рай. О Соломонѣ пари и о Китоврасѣ притчи, басни и кошуны: не бывалъ Китоврасъ на земли, но еллинскія философи ввели. Авгарево посланіе на шею носить неразумніи; о двоюнадесяти Іаковличахъ, глаголемая лѣствица.

«Суть же и о мученицѣхъ словеса криво складена, а не тако, яко же истина ихъ писана въ Чтеніяхъ и въ Миніяхъ и въ пролозѣхъ: Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана царя мученъ; Никитино мученіе, нарицающе его сына Максимъ янова царева, иже бѣ самъ мучилъ,—все же то лгано, вся же суть та прилогъ обличаеть; и Евпатіево мученіе, что седмижды умре и оживе; Климента Акирського мученіе, и нѣхъ многихъ. Единою убо вся святія спасени умроша, но многыхъ мукахъ, ли мечемъ посѣчени, ли копіемъ прободени, ли ножемъ заклани, ли огнемъ сожжени, ту конецъ пріаша.

«Многал же и иная сложена чтенія ложная: Давидови пѣсни; Софонино обавленіе, о Васиѣ Кесарійскомъ, и о Иванѣ Златоустѣ, и о Григоріѣ Богословѣ, въспросы и отвѣты, о всемъ лгано, о всей твари чтеніе,—Куръ стоитъ на мори, 300 ангеловъ солнце воротятъ. О двоюнадесяти пятницахъ; споръ Тарасея жидовина съ Елееріемъ. Слово Меводія епископа Патарійскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ Мунтъ сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти, что запечатани пари Александромъ царемъ Македонскимъ, Гогъ и Магогъ. И Исакъ сошь видѣ, столпъ посреди двора; архангелъ Михаилъ Аврама возносилъ на небо, и далъ ему видѣти, что дѣютъ, и судилъ имъ: но лгана суть, небывало того.

«И кануновъ много лживыхъ; и молитвы составлены лживыя отъ трясавицы, Еремія попа болгарскаго басни. Глаголетъ бо окаянный (т. е. Еремія), сѣдѣшу святому отцу Сисѣнію на горѣ синайскѣй, и видѣ семь жонъ, исходящихъ отъ моря, и ангела Сифаила именуеть; и иная изыдоша семь ангелъ, семь свѣщъ держаще, семь ножевъ острящи. Карастар (?). 70 имянъ Богу. Все то еретици списали.

«Суть же между божественными писаніи ложная писанія насѣдана отъ еретикъ, на пакость невѣждамъ, допомъ и діакономъ, лъстивые сборники сельскыи, худыи манаканунци, по молитвенникомъ у неразсудивыхъ поповъ лживыя молитвы, о трясавицахъ, о нежитѣхъ и недудехъ; и грамоты трясавскыя пшутъ на просфирахъ и на яблоцехъ, болѣсти ради. Все убо то невѣжди дѣютъ, и держатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ томъ безумніи гинуть.

«А се есть мудрованіе тѣхъ, ими же себе отлучаютъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсовомъ въ пагубу и погибають: книга Мартолой, рекше Острологъ, Островумія, Землемѣрія, Чаровникъ,—въ нихъ же суть 12 вся главизны, стихи двоюнадесяти опрометныхъ лицъ, звѣринъ и птичь,—еже есть: тѣло свое хранить мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и враномъ, и дятломъ, и совою; рыщеть лютымъ звѣремъ,

и вопремъ дикимъ и волкомъ; дѣлаеть змиемъ; рысью и медвѣдомъ. Громникъ, Молнійникъ, Мѣсяцъ окружится, Колядникъ, Метанія, Мысленикъ, Сонникъ, Волхвонникъ, волхвующе птицами и звѣрьми, еже есть се: стѣнотрескъ, ухозвонъ, врапограй, курокликъ, окомигъ, огонь бучить, песь выеть, мышепискъ, мышь норты изгрызаетъ, жаба воркоче, кошка воркоче, мышца подражать; сонъ страшенъ; сѣница стричеть (т. е. встрѣтить), изгорить нѣчто, огонь пищать, искра изъ огня, кошка мавкаетъ, падеть человѣкъ, свѣща угаснеть, конь ржетъ, валъ на вадъ. Птичникъ—различныхъ птицъ; пчела, рыбы, жонна, волкъ выеть, гость прїѣдетъ; стѣнощель, колоточникъ, волхвованія различная. Путникъ книга, и въ нихъ же есть писано о стрѣчахъ, а коби всяческая еретическая, о часѣхъ о злыхъ и о добрыхъ, еже есть Богомъ отречено; о днѣхъ о лунныхъ, что въ первый день луны небеснаго мѣсяца Адамъ созданъ бысть—еретикъ писано. А же въ первый день луны сотвори Господь Богъ Адама, повеже сотвори Богъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды небесныя, Адама сотвори Богъ въ пятый день. Како хоцѣши, невѣгласе, въ единъ день рожденіе Адамле съ луною исповѣдати? почто, неразумне, вѣруещи еретическимъ лжамъ, а оставя Божіе писаніе? На лжу убо писаше всю дній луны... Такожъ и врочая коби, еже суть книги еретическая; звѣздочтець—звѣздъ, и другой звѣздочтець, ему же имя Шестодневецъ (*), въ нихъ же безумдіи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній рожденій своихъ, саномъ получения, урока житія и бѣдныхъ (т. е. бѣдственныхъ) напастей, и различныхъ смертей, и вазней (т. е. удачи) въ службахъ, и въ дудляхъ, и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безуміемъ, а оставя Божію помощь и призываютъ бѣсовъ на помощь, а невѣдуще Божіихъ судьбъ (**).

Послѣ этого перечета ложныхъ писаній, статья напоминаетъ обыкновенно правила св. апостоловъ и постановленія соборовъ и кончаетъ угрозой казни и проклятія въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ... «Святые апостолы, говоритъ она, и святые отцы всѣхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, завѣщали намъ почитать святыя книги, спасать ими душу и избавляться вѣчныхъ мукъ, и вѣровать ихъ писанію, и воскресенію мертвыхъ, и чаать страшнаго суда и воздаянія каждому по дѣламъ его, а отреченныхъ книгъ заповѣдали бѣгать, какъ Лоть отъ Содома. и отпюдь въ нихъ не *принимать*, какъ жена Лотова, которая, преступивши заповѣдь ангела, обратилась взглянуть на Содомъ и осталась до нынѣ солянымъ столбомъ. Такъ и теперь, если кто преступитъ Божію заповѣдь, и начнетъ держать у себя еретическія писанія, врага Божія, и будетъ вѣрить ихъ волхвованію, и тотъ человѣкъ да будетъ проклятъ съ этими еретиками. Бесаи

(*) Такое обыкновенное чтеніе; въ этомъ текстѣ: *Стоднецъ*.

(**) См. Шапова, Расколъ, стр: 449—452.

который отецъ духовный, зная такого между своими сынами, и увѣдши объ этомъ въ его покаяніи, будетъ потакать ему, принимая его на частое покаяніе безъ епитимьи и церковнаго отлученія, или начнетъ и самъ творить вышеуказанныя еретическія мудрованія, да извергнуть будетъ изъ своего сана, по правиламъ св. отецъ, и съ тѣми еретаками да будетъ проклятъ, а ложныя писанія да будутъ сожжены на его тѣлѣ. Если же кто не станетъ повиноваться повелѣніямъ святыхъ апостоловъ, которыя передали они вселенскимъ церквамъ, и не будетъ повиноваться великой православной церкви и цареградскому патріарху, и этимъ правиламъ не покорится, или не пошрѣтитъ, или укоритъ, или сочтетъ за ложь,—да будетъ проклятъ».

Такими сильными угрозами обставлено было запрещеніе ложныхъ книгъ. Для точной оцѣнки историческаго и культурнаго значенія этой статьи необходимо замѣтить, что несмотря на упоминаніе чисто русскихъ суевѣрій и обычаевъ, она не была собственно русскимъ произведеніемъ, и не все, о чемъ она упоминаетъ, можетъ найтись въ русскихъ памятникахъ. Чтобы видѣть отношеніе ея къ этимъ послѣднимъ и вѣрно понять самый характеръ и источникъ запрещеній, ее слѣдуетъ прежде всего сравнить съ тѣми произведеніями, которыя были ея оригиналомъ въ византійской литературѣ. Для краткости мы укажемъ только главные связи, соединяющія нашу статью съ византійскими индексами.

Время перваго появленія нашей статьи хорошенько неизвѣстно; позднее рукописное преданье упоминаетъ, что она находилась въ молитвенникѣ митрополита Кипріяна, слѣдовательно, не позже XIV столѣтія. Иные считали ее поэтому сочиненіемъ самого Кипріяна, но это сомнительно уже по той одной причинѣ, что значительную часть статьи мы нашли въ рукописи, которая конечно моложе времени митрополита Кипріяна. Какъ бы то ни было, наша статья составила безъ сомнѣнія не вдругъ, и подробному исчисленію ложныхъ книгъ и суевѣрій, какое мы видѣли въ Соловецкомъ спискѣ, предшествовали короткіе индексы. Такіе индексы, византійскаго происхожденія, появились у насъ съ первыми памятниками нашей письменности: подобная статья, съ именемъ Іоанна Богослова, помѣщена уже въ извѣстномъ Святославовомъ изборникѣ; другія статьи того же рода встрѣчаются или отдѣльно въ рукописяхъ, съ именами разныхъ отцовъ церкви (Григорія Богослова, Аванасія и др.), или въ ряду церковныхъ постановленій Кормчей, въ книгѣ Никона Черногорца и друг-

Эти короткіе индексы сначала перечисляютъ обыкновенно каноническія книги ветхаго и новаго завѣта, потомъ книги не каноническія, которыя не отвергаются однако церковью (какъ премудрость сына Сирахова, книга Товитъ, Юдишь, Эсфирь), наконецъ собственные апокрифы. Эти индексы соответствуютъ первой части нашей статьи; наприм. въ Святославовомъ сборникѣ приведенъ слѣдующій списокъ *скрѣсныхъ*, т. е. апокрифическихъ книгъ: Адамъ, Енохъ, Ламехъ, Патріарси, молитва Іосифова, Елладъ, Псалмы Соломоновы, Иліино обавленіе и проч. (*), которыя такимъ же образомъ перечисляются въ нашей Соловецкой редакціи. Ясно, что составитель русскаго позднѣйшаго индекса, называя эти книги, руководствовался не дѣйствительнымъ присутствіемъ ихъ въ нашей литературѣ, а просто руководился византійскимъ источникомъ, въ которомъ нашелъ готовый ихъ списокъ. Отсюда слѣдуетъ также, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ въ нашемъ индексѣ книгъ могли и вовсе не существовать въ русской литературѣ. Мы увидимъ, что такіе случаи дѣйствительно были.

Такимъ образомъ наша статья, во-первыхъ, повторила запрещенія, определенныя еще въ первые вѣка христіанства. Кормчая до конца старой Руси сохранила эти запрещенія и требовала, чтобъ люди, почтавніе ложныя книги, отлучались отъ церкви, а писанія сжигались на ихъ тѣлѣ.

Идя дальше, мы найдемъ, что наша статья и въ другихъ случаяхъ вѣрно соблюдала наставленія первыхъ временъ. Въ древней Кормчей (**) уже было обращено вниманіе на ложныя «мученическія словеса», т. е. недостоверныя, апокрифическія легенды о святыхъ; такія указанія приводятся и въ нашей статьѣ. Запрещеніе астрономіи, Громниковъ и Колядниковъ также было скопировано съ византійскихъ наставленій. Въ рукописяхъ XIV—XVI вѣка мы встрѣчали нѣсколько переводныхъ статей византійскаго происхожденія, въ которыхъ осуждаются слѣдующіе разряды людей: *подрушникъ*, т. е. участвующій въ гипподромахъ, *чародѣецъ*, *наузотворецъ* т. е. человекъ, дѣлающій волшебныя повязки и талисманы, дальше *Громникъ* или *Колдникъ-чтець*, или *Метанье-ижець* и т. д. Въ одной Псалтѣ XVI столѣтія кромѣ этихъ вещей старинный моралистъ осуждалъ и плесканье руками и пляску, и опровергалъ тѣхъ, кто оправдывался

(*) Греческій подлинникъ описанъ у Монфокона, В—са Coislin. p. 193—194.

(**) См. вопросы Іоанна Мниха и Молчальника, предложенные на соборѣ патріарху Николаю. Корм. 1284 г.

примѣромъ царя Давида, по писанію скакавшаго и плясавшаго. *Се еретичи научиша*, заключаетъ неизвѣстный блюститель нравственности, повторяя старое обличеніе противъ еретиковъ.

Наконецъ статья о ложныхъ книгахъ представляетъ и значительное количество чисто русскихъ указаній. Составитель ея, руководимый византійскими индексами, самъ отыскивалъ въ своей народной жизни и народномъ чтеніи вещи, въ которыхъ видѣлъ еретичество и нарушеніе истинно-православной морали. Дальше мы будемъ еще говорить объ этихъ ложныхъ предметахъ.

Возвращаемся къ общему тону нашей статьи. Какъ мы уже видѣли отчасти, въ немъ несомнѣнно сказывается влияніе Византін. Въ этихъ запрещеніяхъ книгъ, суевѣрій, игръ и праздниковъ въ нашу старую Русь, въ полные средніе вѣка, доносились еще отголоски той борьбы, которую вело древнее христіанство съ восточнымъ и античнымъ язычествомъ. Христіанство въ первое время своей жизни сложилось въ тѣсную общину, строго хранившую свои новыя правила и отвергавшую всѣ преданія старой жизни—характеръ быта, нравы, увеселенія, законы и книги. То, что впоследствии уже мало обращаетъ на себя вниманіе, тогда рѣзко бросалось въ глаза, потому что ревнивое по вѣрѣ усердіе, естественно, въ старомъ порядкѣ общества видѣло гибель и служеніе діаволу. Отсюда суровыя запрещенія всего, что напоминало прежнюю жизнь; отсюда строгія наказанія. Какъ въ языческихъ праздникахъ первые христіанскіе учителя видѣли настоящее служеніе бѣсу, такъ и въ каждомъ народномъ повѣрьи, шедшемъ изъ старины, они подозрѣвали упрямое язычество и ересь. Въ магіи и гаданьяхъ, которымъ всѣ отъ души вѣрили, также несомнѣвались видѣть бѣсовскую силу: магія подъ страшными угрозами была запрещена, а за ней и все, что на нее походило. Астрологія подвергалась такому же говенію, даже тогда, когда состояла изъ простыхъ невинныхъ вычисленій. Древняя христіанская община отказывалась и отъ той внѣшней жизни языческаго общества, которая такъ роскошно обставлена была матеріальнымъ богатствомъ, великолѣпными произведеніями искусства и празднествами. Оттого постановленія соборовъ запрещали даже подромы, а съ ними, конечно, и другія удовольствія прежней жизни; для нашихъ нравоучителей «конскія урстанія» и тому подобныя невинныя забавы также казались чѣмъ-то страшнымъ; они приняли буквально всѣ визан-

тійскія заперещія, и когда составлялась статья о ложныхъ книгахъ, они озаботились только не включать въ нее суевѣрій и вещей, въ родѣ пшопрома (ниѣвнихъ слишкомъ замѣтную чужую наружность), и нѣсколько приурочить остальное къ русскимъ правамъ. Ложныя книги и суевѣрія смѣшивались для нихъ въ одну смутную массу, въ значеніи которой они часто не отдавали себѣ отчета: суевѣрье они заперещали какъ *книгу*, въ книгахъ преслѣдовали и то, чего у насъ никогда не было.

Заперещенія эти въ первый разъ появились, конечно, не въ нашей статьѣ о ложныхъ книгахъ. Вражда къ языческому суевѣрью, народному обряду и цовзѣи была однимъ изъ первыхъ результатовъ христіанскаго церковнаго вліянія у насъ, какъ и вездѣ. По первымъ памятникамъ, пришедшимъ къ намъ изъ Византіи, легко прослѣдить въ этомъ случаѣ византійское вліяніе: въ Святославовомъ сборникѣ—конца XI-го вѣка, есть уже греческія статьи, возставшія противъ язычества и вѣроваій аптичнаго міра, и наша православная грамотность съ первой поры привыкала смотрѣть тѣми же подозрительными глазами и на свою старину; вычитывая въ византійской книгѣ, что волшебство магіи, гадаье по перстамъ, снотолкованіе были просто языческимъ ученіемъ, пришедшемъ отъ *Халдеевъ*, *Вавилонянъ* и тому подобныхъ отверженныхъ народовъ, она простодушно примѣняла къ своему народу ту же ревнивую нетерпимость, какую находила въ старомъ греческомъ писаніи. Какъ византійскій Грекъ отказывался отъ своихъ знаменитыхъ предковъ—язычниковъ, такъ и у насъ нарицательнымъ иянемъ язычества стали *треклятыя Елліны*,—оборотъ чисто византійскаго происхожденія. Несторъ уже сильно возстаетъ противъ своей прежней народности и, съ голоса византійскихъ поученій, постоянно заявляетъ свое отвращеніе отъ *бѣсовскихъ* обычаевъ, игрищъ и пѣсенъ. Лѣтописецъ въ сущности какъ будто признаетъ силу стараго языческаго божества или обычая, но только даетъ ей бѣсовское происхожденіе; жрецъ старой религіи является волхвомъ, съ понятіемъ котораго отъ той далекой поры связалась мысль о силѣ злаго волшебства и чародѣйства. Литература, настроенная такимъ образомъ, убѣждалась потожъ собственнымъ опытомъ жизни во вредѣ суевѣрія для распространенія христіанства, — и въ словахъ Серапіона, неизвѣстныхъ «христіолюбцевъ» и другихъ «ревнителей по правой вѣрѣ» составлялась цѣлая школа противоязыческой пропаганды. Статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ явилась наконецъ какъ руководство, какъ

сравочная книга, определявшая съ одной стороны источники христіанской истины въ каноническихъ писаніяхъ, съ другой—тѣ подводные камни, которыхъ неопытный въ вѣрѣ долженъ остерегаться. Этими подводными камнями были еретическія книги и народныя вѣрванія.

По своему литературному значенію статья о ложныхъ книгахъ должна быть слѣдственно разсматриваема, во-первыхъ, какъ слѣдъ греческихъ индексовъ въ нашей письменности, и какъ произведеніе русское, въ тѣхъ прибавкахъ, которыя сдѣланы по русскимъ правамъ и русскимъ памятникамъ. Въ этомъ смыслѣ она можетъ быть замѣчательна какъ фактъ изъ исторіи народности; она была однимъ изъ орудій борьбы, которая уже въ то отдаленное время велась одними элементами народности противъ другихъ.

Намъ остается еще вопросъ: въ какой степени эта статья соотвѣствовала старой нашей письменности; действительно ли въ нашихъ памятникахъ было все то, что она запрещала? Этотъ вопросъ трудно рѣшить теперь потому, что и до сихъ поръ мы еще не имѣемъ возможности судить о всемъ объемѣ древней русской литературы, и можно легко ошибиться, рѣшая его на основаніи тѣхъ только памятниковъ, какіе извѣстны намъ по настоящее время. Мы приведемъ только общія и приблизительныя указанія.

Мы уже видѣли, съ какою буквальною наша статья слѣдовала византійскимъ индексамъ. Естественно ожидать, что, переписывая ихъ цѣлкомъ, нашъ составитель могъ назвать многое, чего не было вовсе въ русскихъ памятникахъ. Въ самомъ дѣлѣ многія изъ названныхъ книгъ поединному никогда не существовали у насъ, напр. книга съ именемъ *Адама*, книга *Ламеазъ*, *Иосифова молитва*, *Ассель*, *Владъ и Модадъ*, *Соломоновы псалмы*, *Софоньимо обаяніе* (?), *евангеліе отъ Фомы* и друг. Многія изъ нихъ давно считаются потерянными и въ самой греческой литературѣ. Другія изъ названныхъ книгъ находились и въ русскихъ памятникахъ, напр. была у насъ книга съ именемъ *Еноха*, были *Патріархи*, т. е. ихъ апокрифическія заветы, повѣсть *Іакова*, амостольскіе *обходы*, былъ *Громики* и пр. Но это совпаденіе статьи съ памятниками было чисто случайное; названія книгъ опять взяты прямо изъ византійскаго указателя.

Но затѣмъ наша статья запрещаетъ значительное число книгъ, которыхъ нѣтъ въ обыкновенныхъ греческихъ индексахъ и которыя могли быть внесены уже на основаніи русскихъ или старославянскихъ

памятниковъ. Таковы напримѣръ: *сказанье о крестномъ древе, епископія о недѣль, Адамовъ лобъ, хожденіе Богородицы по мукамъ, прѣніе діавола со Христомъ, басни о Соломонѣ и Китосраѣ, Бѣсѣда трехъ святителей, Посланіе Агаря, Вопросы Вароламея къ Богородицѣ, апокрифическія житія, книга Путникъ, Трехетникъ, Волхвовикъ и т. д.* Самыя книги были однако происхожденія почти исключительно византійскаго.

Наконецъ нѣкоторыя изъ запрещеній относились уже прямо къ славянскимъ памятникамъ, и главнымъ образомъ къ такимъ, которые состояли въ связи съ ересью богомиловъ. Эта ересь сильно распространенная въ Болгаріи въ первое время по введеніи тамъ христіанства, по всей вѣроятности имѣла большія филиалці въ древней Руси, и должна была передать въ нашу письменность много памятниковъ—и этой ереси, и другихъ апокрифовъ, которые имѣли успѣхъ между этими народными еретиками Болгаріи. Впрочемъ очень трудно отличить памятники, пришедшіе къ намъ этимъ путемъ, потому что въ долгій періодъ ихъ обращенія въ народѣ должна была значительно измѣниться ихъ первобытная еретическая физиономія. Таковы были нѣкоторыя сказанья о *крестномъ древе*, легенды о томъ, какъ *Христа въ поны ставили, какъ Христось плугомъ оралъ, Вопросы Іоанна Богослова, преданья о трясаицахъ, чародѣйскія заклинанія болгарской, и др. памятники, иногда положительно носящіе имя богомильскаго ересіарха, попа Іеремиѣ.*

Богомильскія книги были безъ сомнѣнія упомянуты уже въ древнѣйшихъ редакціяхъ нашей статьи. Она пополнялась отчасти и въ послѣдней періодъ нашей старой письменности тѣми произведеніями, которыя прежде ускользали отъ вниманія этой цензуры; такъ одна Румянцовская редакція упоминаетъ книгу *Трехетникъ*, которой нѣтъ въ обыкновенныхъ спискахъ ложныхъ книгъ; одна Толстовская называетъ *Рафли*, Соловецкая—*Прѣніе о вѣрѣ*, или споръ жидовина Тарсія съ Елевоеріемъ.

Несмотря однако на замѣтное стараніе о полнотѣ списка, старшіе цензоры постоянно пропускали въ немъ много апокрифовъ, которые извѣстны были въ русской письменности: русскій составитель статьи не находилъ ихъ въ греческомъ индексѣ и, оставленный собственному критическому разумѣнію, или забывалъ о нихъ, или вѣрнѣе не умѣлъ отличить истиннаго отъ ложнаго. Замѣчательнѣйшей изъ книгъ этого разряда была весьма извѣстная въ старину

Палея. Такъ назывался одинъ древній памятникъ, греческаго происхожденія, представляющій изложеніе ветхозавѣтной исторіи (*) и за нѣмъ краткій хронографъ; это изложеніе обильно пересыщено апокрифическими подробностями и цѣлыми сказаньями «отречаннаго» свойства. Несмотря на то, *Палея* попадала въ нашей статьѣ даже въ число книгъ совершенно истинныхъ; старинная ценаура, такъ сказать, подкуплена была горячей полемикой *Палея* противъ иудейства и защитой христіанскихъ встанъ, и не подумала о томъ, что книга порешена однако баснословіемъ совершенно ложныхъ. Не говоря объ отдѣльныхъ апокрифическихъ подробностяхъ въ исторіи падшаго ангела Сатанна, Адама и Евы, Сноа, Ламеха, и пр., въ *Палею* вставлено нѣсколько цѣлыхъ ложныхъ книгъ. Таковы, напримѣръ, *книга Авраама*—апокрифъ, упомянутый въ сочиненіи Епифанія о ересяхъ; *житіе Моисея* полное ижеами, неизвѣстными библии; сказаніе о *Мельхиседекѣ*, о *Лотѣ*, *Аеммелехѣ* и пророкъ *Иереміи*. Статья о ложныхъ книгахъ забыла въ *Палеѣ* только самыя яркія апокрифы, какъ *заветы двенадцати патріарховъ*, басни о царѣ *Соломонѣ* и *Китоврасѣ*.

Точно также не упоминаетъ статья *исповѣданія Евы*, апокрифическаго *евангелія Никодима*, весьма однако извѣстнаго въ старину; не говоритъ обыкновенно и о тѣхъ ложныхъ произведеніяхъ, которыя запрещались въ половинѣ XVI-го вѣка Стоглавомъ, какъ *Рабли*, *Алманахъ*, *Аристотелевы ерета*. Наконецъ нѣтъ въ ней и тѣхъ, безъ сомнѣнія, старыхъ памятниковъ еуетѣрія, которые до сихъ поръ известны подъ именемъ *сна Богородицы*, *Свитка божественныхъ книгъ*.

Въ другихъ случаяхъ, разные списки нашей статьи противорѣчатъ другъ другу; если представлялась книга сомнительнаго значенія, ее относили то къ истиннымъ, то къ ложнымъ книгамъ. Такъ было, напримѣръ, съ нѣкоторыми памятниками византійской мистики, напр., съ житіемъ *Василія Нового*, *Нифонта*, *Андрея Уродливаго*, писаньями *Меодія Патарскаго*. Одни прельщались ихъ занимательными чудесами, другіе смотрѣли съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ на ихъ фантастическіе рассказы и совѣтовали осторожность съ такими писаньями.

Вопросъ о времени появленія разныхъ апокрифовъ въ нашей письменности опять представляетъ очень много трудностей; свидѣ-

(*) Откуда его названіе и *η παλαιά τ. ε. διαθήκη* или *ιστορία*.

тельства самой статьи слитнымъ неопредѣленнымъ и изъ нихъ можно извлечь очень немного для этого предмета. Также мало данныхъ представляютъ большую частію и самые памятники. До сихъ поръ значительная часть ихъ извѣстна въ однихъ новыхъ спискахъ, особенно спискахъ XVII-го столѣтія, и хотя во многихъ случаяхъ съ перваго взгляда видно, что памятники несравненно древнѣе этого списка, не какъ далеко въ древность относится его первое помянутое, остается нерѣшимымъ до открытія другихъ, болѣе старыхъ редакцій. Опредѣленіе эпохи появленія ложныхъ книгъ очень важно однако въ томъ отношеніи, что въ этой литературѣ баснословныхъ и фантастическихъ преданій было много такого, что сильно дѣйствовало встарину на понятія народа; отголоски ложныхъ книгъ и суевѣрій, зашедшихъ въ насъ въ отдаленную эпоху изъ чужихъ источниковъ, до сихъ поръ живы въ разныхъ слояхъ народа; они издавна влиютъ свое значительную долю участія въ тѣхъ странныхъ релігіозныхъ восторженіяхъ и повѣрьяхъ, какихъ еще много остается между нечитками и грамотниками на старинный ладъ. Такимъ образомъ, хронологія ложныхъ книгъ, во многихъ случаяхъ, опредѣлила бы начало извѣстнаго народнаго убѣжденія; указывая источникъ и первое обнаруженіе этихъ внутреннихъ фантовъ народности, мы въ состояніи будемъ опредѣлять и тѣ ступени, которыя проходило это внутреннее развитіе народа: до сихъ поръ еще его періоды смѣшиваются одна съ другою въ безразличное цѣлое, и особенныя черты разныхъ періодовъ часто, на перемѣрь историческихъ фактовъ, выдаются за покаяніе и всегдашнюю черту народности.

Первые апокрифы нашей литературы почти соврѣменны древнѣйшимъ ея памятникамъ. Такова была упомянутая нами прежде *Палея*, уже знаемая *Нестору*: изъ нея заимствовалъ онъ тотъ рассказъ ветхозавѣтной исторіи, который онъ передаетъ отъ лица греческаго философа, приходившаго къ князю Владиміру. Черезъ *Палею* у насъ, по крайней мѣрѣ въ XI-мъ столѣтіи, если не раньше, были уже извѣстны апокрифическія книги изъ ветхозавѣтной исторіи. Въ другомъ памятникѣ XI вѣка, такъ-называемомъ *Изборникѣ* Святослава, также есть ложная статья о *добрыхъ и злыхъ* дняхъ и не упомянутое въ спискѣ ложныхъ книгъ апокрифическое сказаніе *Енисанія о яро-рекаяхъ*. Далѣе *лѣтописецъ* подъ 1096 годомъ приводитъ уже изъ *Меодія Патарскаго* сказаніе о «невѣрныхъ языкахъ» *Гога* и *Магога*, заключенныхъ Александромъ Македонскимъ въ горы, откуда

выдуть они передъ концомъ міра. Несторъ, безъ сомнѣнія, вѣрилъ этому сказанію и потому, конечно, не считалъ его ложнымъ; вполнѣдствіи статья о ложныхъ книгахъ предостерегала объ этомъ сказаньи, которое при всемъ томъ осталось и до сей поры въ памяти народа.

Въ рукописи Троицкой Лавры, относящейся къ XII столѣтію, находится *хожденіе Богородицы по мукамъ*, запрещенное статьей и имѣвшее успѣхъ и потомъ въ народной письменности.

Къ XIII столѣтію относится апокрифическое сказаніе о *св. Атаніи*, видѣвшемъ рай; сказаніе *Афродитіана* о рождествѣ Іисуса Христа, очень извѣстное и вполнѣдствіи вызывавшее обличенія Максима Грека. Житіе св. Авраамія смоленскаго, относимое къ XIII вѣку, упоминаетъ о какихъ-то *глубинныхъ книгахъ* (можетъ быть Голубиной книгѣ), безъ сомнѣнія также ложныхъ, потому что чтеніе выставляется какъ дѣло неодобрительное.

Къ XIV—XV столѣтію принадлежитъ рукопись сказанія о пустынникѣ *Макаріи римскомъ*, котораго три черница—странника нашли въ двадцати поприщахъ отъ рая (панс. сборн.); еще раньше оно извѣстно было Новгородскому архіепископу Василію, который упоминаетъ о немъ въ посланіи своемъ о земномъ раѣ. Въ томъ же пансіевскомъ сборникѣ находятся *Варроломъевы вопросы* къ Богородицѣ о томъ, какъ она родила Христа.

Въ Румянцовской рукописи 1419 года находится сказаніе о *крестномъ древѣ* и апокрифическое *Хожденіе Іоанна Богослова*, приписываемое ученику его Прохору. Въ сборникѣ XV вѣка, публ. библиотеки, запрещенная статья о лунномъ теченіи, о *добрыхъ и злыхъ дняхъ*. Въ рукописяхъ этого времени извѣстно и сказаніе объ Іисусѣ Христѣ, которому даютъ имя *первоевангеліе Іакова* (Румянц.).

Въ спискахъ XV—XVI вѣковъ извѣстно до сихъ поръ *исповѣданіе Евы* и апокрифическій рассказъ о смерти Адама; *посланіе Пилата* къ Тиверію, относящееся къ апокрифическому евангелію Никодима въ списокѣ 1523 г. находится ложное «чюдо святаго Николы о *Синатринскихъ цари*»; въ Румянцовскихъ сборникахъ XVI вѣка апокрифическія житія *Феодора Тирона* и мученика *Никиты*, и *вопросы Іоанна Богослова къ Аврааму*, и т. д.

Большая часть названныхъ здѣсь памятниковъ гораздо древнѣе, чѣмъ списки, въ которыхъ они сохранились. Основнымъ источникомъ нашихъ апокрифовъ была Византія; многіе изъ нихъ пришли къ намъ

уже готовые изъ Сербіи и Болгаріи, которымъ вообще принадлежить первенство въ развитіи старо-славянской литературы. Такъ изъ южно-славянскихъ источниковъ произошли Палае и ея апокрифы, сказанье о Макаріи римскомъ, Громовникъ, вѣроятно хожденіе Ботородицы и другія древнѣйшія ложныя книги. Южное происхожденіе, если оно доказано въ памятникѣ, само по себѣ указываетъ на далекую древность его, потому что появленіе южнотлавянскихъ редакцій и переходъ ихъ къ намъ возможны были только тогда, когда эти Славяне имѣли еще политическую и литературную самобытность и прочныя сношенія съ соседней Русью. Упадокъ національной свободы, нашествія татарокіи на Русь и Турецкіи на южныхъ Славянъ должны были затруднять и наконецъ почти совсѣмъ разорвать эти сношенія. Къ этой древней эпохѣ литературныхъ связей съ южными Славянами относятся и упомянутыя нами болгарскіи произведенія попа Іереміи, принадлежащія богемольской ереси, слѣдовательно первымъ временамъ болгарской церкви. Наконецъ въ самомъ характерѣ ложныхъ книгъ есть черты, по которымъ можно относить ихъ къ тому или другому періоду древне-русской письменности. Статья о южныхъ книгахъ, какъ мы видѣли, дополняла постоянно свой списокъ запрещеній, уже независимо отъ своего греческаго образца; но нельзя не замѣтить, что съ извѣстной эпохи она мало слѣдуетъ за ложнымъ матеріаломъ, который продолжаетъ появляться въ народномъ чтеніи и обычаяхъ. Въ «Демостроѣ» и «Стоглавѣ» мы увидимъ новый рядъ запрещеній, уже неизвѣстный статьѣ. Въ это время ея канонъ былъ уже законченъ; съ XVI вѣка для ложныхъ книгъ настаетъ новый періодъ.

Наши проповѣдники не разъ обращали вниманіе на ложныя писанія. Кромѣ указанныхъ нами византійскихъ статей (Іоанна и Григорія Богослова, Никона Черногорца, Аванасія и др.), извѣстія о нихъ встрѣчаются и у русскихъ писателей. Такъ предостерегаетъ о нихъ «Слово Кирилла философа», приписываемое митрополиту Кириллу II, въ XIII столѣтіи: «набирайтесь разума изъ божественныхъ писаній, какъ добрая вчела, говоритъ онъ, ложныхъ же книгъ не читайте, и уклоняйтесь отъ еретиковъ и общенія съ ними не имѣйте» (*). Іосифъ Волоколамскій въ одномъ словѣ противъ ереси жидовствующихъ повторяетъ это правоученіе: «отрицайся еретика человека, читай за-вѣщанныя книги, а *отреченныя* отнюдь не читай... да будетъ тебѣ

(*) Чтенія Моск. Общ. 1847, № 8, смѣсь, стр. 8.

горько слушаніе нешлезныхъ повѣстей, а повѣсти святыхъ мужей и прочтаніе божественныхъ писаній да будетъ для тебя медовымъ сокомъ (*). Поученія этого рода повторялись не разъ, но въ XVI столѣтіи ложныя книги возбудили особенное вниманіе блюстителей вѣры. На этомъ предметѣ останавливаются въ особенности два замѣчательные памятника, въ которыхъ ярко выразились русскія народныя понятія XVI столѣтія—Стоглавъ и Домострой. Среди разныхъ постановленій, которыми Стоглавъ надѣялся утвердить настоящую вѣру, онъ считалъ нужнымъ осудить ложныя книги, въ которыхъ видѣлъ бѣсовское наученіе; онъ строго запрещаетъ «злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держится, Рафли, Шестокрылъ, Воронографъ, Остроной, Зодѣи, Альманахъ, Звѣздочетьи, Аристотель, Аристотелева врата и иныя коби бѣсовскія... тѣхъ вѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли» (**). Въ томъ же смыслѣ говоритъ объ этомъ извѣстное произведеніе попа Сильвестра: грязныя пороки, волхвованіе и отреченныя книги въ понятіяхъ автора смѣшиваются въ одно богопротивное еретичество, и онъ подъ рядъ высчитываетъ «всякіе богомерзкіе дѣла... нечистоту, сквернословіе и срамословіе, пѣсни бѣсовскіе, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди, птицы и собаки ловчія, творящая конская Уристанія, всяко бѣсовское угодіе и всяко бѣсчлвнїе и бѣзстрашіе; къ сему жъ чарованіе и волхвованіе и паузы, Звѣздочетье, Рафли, Альманахи, Черно книжъе, Воронографъ, Шестокрылъ, стрѣлянн громыныя, топорки, усовники, два (или, два) каменіе, кости волшебныя и иныя всякія козни бѣсовскія» (***)). Въ этихъ ожесточенныхъ осужденіяхъ, какъ вѣроятно замѣтитъ читатель, продолжается также исключительный византійскій взглядъ, то же аскетическое и голословное отверженіе народной поэзіи и народнаго обычая какое мы указывали въ первыхъ явленіяхъ византійскаго вкуса, теперь этотъ взглядъ только окрѣпъ въ извѣстномъ сословіи людей;—но что касается до самаго предмета запрещеній, мы видимъ, что въ это время появляются новыя, неизвѣстныя прежде ереси и ложныя книги. Нѣкоторыя изъ нихъ мы встрѣтимъ и у другихъ обличителей XVI вѣка: припомнимъ слова Максима Грека противъ звѣздочетства, противъ колеса фортуны, альманаховъ и другихъ выдумокъ «латынства»; ведемъ также любопытныя посланія старца Филовея къ

(*) Православный Соборъ, 1856; кн. 4, стр. 361—366.

(**) Карамзинъ, 9, пр. 830.

(***) Временникъ Моск. Общ., 1, стр. 38.

дьяку Мисюрю о тѣхъ же латинскихъ «кощонахъ» — астрологін, зодіяхъ, теченіи солнца и луны и т. д.

Стоглавъ, Домострой, Максимъ Грекъ, старецъ Филовей и другіе современные имъ обличители открываютъ въ своей полемикѣ новую сторону ложной литературы. Еще до XVI столѣтія, а съ XVI столѣтія особенно, русская земля, при всемъ упорствѣ въ національной исключительности, подвергается уже значительному вліянію западныхъ понятій и нравовъ. Въ это время начинаются болѣе дѣятельныя дипломатическія сношенія, въ Россію проникаетъ много иноземныхъ художниковъ и мастеровъ, развивается тѣсная связь, дружеская или враждебная съ Польшей; въ Москвѣ основывается цѣлая колонія Нѣмцевъ, и, несмотря на всю недовѣрчивость этого времени къ иностранцамъ, западные понятія и обычаи сначала становятся вѣроятно просто занимательны, а потомъ и нравятся русскимъ, которые видѣли въ нихъ нѣчто новое или даже нѣчто разумное. Припомнимъ рассказъ Олеарія о томъ русскомъ либералѣ, котораго онъ встрѣтилъ въ своемъ путешествіи въ Россію и который обнаружилъ передъ нимъ весьма безпристрастное пониманіе тогдашнихъ русскихъ порядковъ и большую свободу релігіозныхъ и общественныхъ понятій; этотъ либералъ былъ знакомъ съ Нѣмцами и думалъ о нихъ конечно не такъ, какъ Максимъ Грекъ или старецъ Филовей. Въ XVI столѣтіи въ массу начали уже заходить книги нѣмецкаго (латинскаго) происхожденія, и даже до такой степени, что понадобилась полемика Максима Грека; изъ нападокъ его на нѣмецкія ереси можно видѣть, между прочимъ, что уже тогда суровые блюстители народности начинали видѣть опасность въ зловредномъ западѣ. Европейскія литературы, отъ которыхъ до того времени древняя Русь была окончательно разобщена, передаютъ въ русскую письменность очень много своихъ популярныхъ произведеній, которыя въ свою очередь и у насъ имѣли большой успѣхъ между народными читателями: у насъ явились рыцарскіе романы, до сихъ поръ оставшіеся въ глубочайшихъ изданіяхъ, средневѣковые сборники сказокъ, шутокъ и анекдотовъ, западные легенды «Великаго Зеркала», вѣроятно западные ложныя книги: Рафли, Альманахи, Планидники, Аристотелевы-врата (переводъ средневѣковой книги, *Secreta secretorum* приписанной Аристотелю), Луцидаріусъ — сборникъ апокрифическихъ рассказовъ новаго рода съ западной ученостью и съ западными повѣрьями среднихъ вѣковъ и т. п.

Этихъ новыхъ произведеній не знаетъ обыкновенно статья о лож-

ныхъ книгахъ, и ея историческое значеніе отодвигается, слѣдовательно, къ болѣе древней эпохѣ. Чѣмъ ближе къ концу XVII столѣтія, тѣмъ больше растетъ западное вліяніе, прямое или посредственное, увеличивается масса переводныхъ книгъ, является наконецъ кievская ученость и съ ней новый запасъ теологическихъ мнѣній, — но эти мнѣнія, одѣтые въ схоластическій костюмъ, уже перестаютъ проходить въ народъ: онъ всего чаще пропадалъ въ тяжеловѣсныхъ книгахъ семнадцатаго вѣка и знакомы были одному сословію, хранившему преданье старинной схоластической мудрости.

Но старинные апокрифы и болѣе легкія книги, пришедшія съ запада въ XVI—XVII столѣтіяхъ, долго оставались для народа насущной пищей суевѣрія и мистицизма. Даже въ XVIII вѣкѣ приходятъ еще Богъ знаетъ изъ какихъ темныхъ источниковъ новыя апокрифическія сказанія, въ родѣ «кроволительнаго судища надъ Христомъ Спасителемъ міра», — изображаемаго на лубочной картинкѣ. Въ настоящее время народъ сохраняетъ еще не мало ложныхъ пронаведеній; они продолжаютъ питать его наивное легковѣріе, и съ Никоновскихъ временъ нашли въ особенности теплый пріемъ у раскольниковъ, среди которыхъ всего удобнѣе было сберечься этому наслѣдію старой Руси. На обществѣ раскольниковъ легко изучать сравнительно понятія и вкусы Руси XVI и XVII вѣка: въ немъ еще жива та же простодушная пытливость въ дѣлѣ вѣры, то же вниманіе догматовъ и исторіи, и наконецъ то же довѣріе къ массѣ апокрифическихъ сказаній старины. Мы уже упоминали, что нѣкоторые памятники этого рода уцѣлѣли до нашего времени исключительно у раскольниковъ...

Не входя теперь въ подробности о новѣйшемъ — преимущественно раскольниковъ — періодѣ «ложной» народной литературы, мы должны остановиться на существенно важномъ вопросѣ ея исторіи: какое впечатлѣніе производили ложныя книги въ массѣ, чѣмъ объясняется ихъ обширное распространеніе, и почему онѣ возбуждали такое непримиримое осужденіе со стороны другихъ, особенно, если ложныя книги иногда, какъ мы увидимъ, не имѣли отношенія къ догмату и дѣлу вѣры?

Распространеніе апокрифовъ въ народѣ объясняется прежде всего тѣмъ, что она вполнѣ приходилась къ той ступени развитія, на которой стоялъ народъ въ древней Руси. Этимъ опредѣляется ея историческое значеніе въ образованіи народныхъ понятій старины, — которыя

уцѣляли и теперь въ огромной массѣ народа, сохранившей характеръ древней Руси. Поэтому, указывая послѣдовательную исторію апокрифическаго міра и сказанія, мы нерѣдко будемъ переходить отъ древняго памятника къ современному народному преданію, которымъ заканчивалась передача старины изъ рода въ родъ.

Въ какомъ направленіи народныя понятія развивались подъ вліяніемъ этой литературы? Этотъ предметъ еще мало обращалъ на себя вниманія; нѣкоторые мнѣнія, впрочемъ, уже составились, и мы остановимся на ихъ существенномъ содержаніи. Г. Шаповъ, разбирая въ своемъ изслѣдованіи о расколѣ значеніе апокрифической литературы, указывалъ въ ней источникъ и начало того односторонняго пониманія предметовъ вѣры, того исключительнаго формализма, которымъ отличается нашъ расколъ. Онъ указываетъ недостатокъ удобопонятнаго изложенія истинъ вѣры и нравственности въ старой литературѣ и, останавливаясь на характеристическихъ *сборникахъ* XVI—XVII вѣка, всего больше тогда распространенныхъ въ народѣ, находятъ, что въ нихъ «большею частью заключались такія ереси, которыя или благопріятствовали развитію раскола, или пѣликомъ впоследствии вошли въ составъ ученія его. При совершенномъ отсутствіи богословскаго, догматическаго ученія, рукописныя сборники XVI—XVII вѣковъ, во-первыхъ, наполнены были статейками обрядоваго содержанія, въ которыхъ ревность объ обрядахъ доходить до мелочности, даже въ ущербъ истинной вѣрѣ и христіанской мысли... Кромѣ обрядовыхъ статей, рукописная народная литература наводнена была такъ называемыми *отреченными книжками*. Не имѣя истинныхъ книгъ, грамотные люди брались за эти книги. Эти книги еще болѣе отчуждали понятія и духъ простыхъ грамотниковъ отъ истиннаго ученія». Пересчитавши длинный рядъ апокрифовъ, по замѣчательной Соловецкой рукописи, которую мы привели выше, г. Шаповъ говоритъ: «вообще, читая въ сборникахъ XVI—XVII вѣка разные рассказы и толкованія русскихъ грамотниковъ старой Россіи... мы выносимъ изъ всего этого самую груетную мысль: какъ скудно, даже во многихъ отношеніяхъ невѣрно, было христіанское умственное развитіе нашего простаго народа въ древней Россіи... и какъ между тѣмъ много усвоилъ онъ понятій ложныхъ, превратныхъ... Любимая форма загадки, вопросовъ, въ которыхъ русскіе книжники древняго времени болѣею частью излагали свои богословскія понятія, есть какъ бы еще самый первый, младенческій шагъ въ богословско-христіанскомъ ученіи, выраженіе

той умственной жажды, той пылкости, съ какою они искали, желали духовнаго просвѣщенія, полнаго, разумаго, всесторонняго, истиннаго значенія. И не находя его истинныхъ источниковъ, творили свой міръ идей, почерпая часто ихъ изъ ложныхъ книгъ. И удивительно ли, что при такомъ наплывѣ въ умственной жизни нашего народа въ XVI вѣкѣ всѣхъ суевѣрій и заблужденій, какими наводняли Россію эти ложныя книги, удивительно ли, что вся эта мгла, весь этотъ хаосъ суевѣрій и заблужденій, когда началъ озарять Россію первый лучъ просвѣщенія «скопился въ одну земную массу и выразился въ расколѣ»? (*) Г. Щановъ выводитъ отсюда прямое заключеніе, что въ рукописной литературѣ XVII вѣка и заключались элементы раскола.

Этотъ немногосложный выводъ однако исключителенъ и нуждается въ объясненіи. Одинъ изъ критиковъ книги о Расколѣ справедливо замѣтилъ, что г. Щановъ упустилъ изъ виду историческую судьбу и ложныхъ книгъ, и самого раскола. Последний онъ объясняетъ одними ближайшими обстоятельствами русской жизни; ложныя книги отводитъ слишкомъ исключительно въ XVII столѣтіе и здѣсь только допускаетъ ихъ вліяніе на умы. Выше мы видѣли однако положительно, что даже по рукописямъ—сохраненіе которыхъ вообще очень случайно—наши апокрифы восходятъ далеко за XVI—XVII столѣтіе, что мы имѣемъ даже апокрифы несомнѣнно и другіе до XI—XII вѣка. Дальнѣйшая исторія ихъ убѣдитъ насъ, что во многихъ случаяхъ генеалогія ложныхъ книгъ при внимательномъ изслѣдованіи болѣе и болѣе удаляется въ глубь русской старины. Такимъ образомъ, допуская вліяніе апокрифовъ на составъ раскольничьихъ ученій въ позднее время,—на чемъ особенно настаиваетъ г. Щановъ,—нельзя однако остановиться на этомъ ближайшемъ опредѣленіи ихъ отношеній. Оно еще не рѣшаетъ вопроса: почему, говоря съ его точки зрѣнія, та же литература ложныхъ книгъ не произвела прежде такого окончательнаго разрыва между большою массою народа и представительной церковью. Этотъ вопросъ не вполне объясняется для насъ метафорой о томъ, что масса суевѣрія склонилась въ тучу передъ лучомъ просвѣщенія.

На самомъ дѣлѣ ложная литература и прежде, до XVI вѣка, вызвала строгія осужденія противъ себя; доказательство,—статья о лож-

(*) Расколъ, стр. 447—448.

ныхъ книгахъ, составленіе которой относятся у насъ къ концу XIV-го столѣтія. Ложныя книги опровергались и тогда; но если въ тѣ отдаленныя времена ложныя книги не произвели такого громаднаго разлада въ обществѣ, какъ во второй половинѣ XVII столѣтія, причина этого лежитъ не въ *упадкѣ* понятій массы въ XVI—XVII столѣтія: большинство ложныхъ книгъ въ то время оставалось въ самомъ дѣлѣ тоже самое, что и прежде; увеличилось нѣсколько ихъ число, но характеръ содержанія былъ столько же знакомъ и XV-му вѣку. Разлада—въ формѣ громаднаго раскола—не было раньше потому, что до XVII-го вѣка религіозный вопросъ стоялъ еще на большой степени наивности. Мы видѣли, какъ бессознательна область запрещенія нашей статьи, какъ рабски слѣдовала она своимъ византійскимъ образцамъ и какъ, слѣдовательно, мало отдавала сама себѣ отчета въ религіозномъ вопросѣ. Эту перенятую строгость запрещеній, блюстители народныхъ нравовъ довели въ Домостроѣ и Стоглавѣ до того, что стали запрещать собакъ и медвѣдей. По нашему мнѣнію это доказываетъ именно ту наивность, о которой мы говорили, и не говорить за большое пониманіе законодателей; исполненіе ихъ правилъ было окончательно невозможно. Надобно замѣтить при томъ, что эти люди, отличавшіеся своими подражательными взглядами, составляли небольшой кружокъ, мнѣнія котораго не выражали народныхъ мнѣній, или проще, мнѣній большинства. На дѣлѣ, въ самихъ учителяхъ народной массы, въ старинномъ духовенствѣ, не было слишкомъ большой требовательности въ догматическомъ пониманіи вѣры; уровень понятій былъ гораздо ниже, чѣмъ въ XVII-мъ столѣтіи, и вмѣстѣ общіе и для учителей, и для православнаго грамотнаго народа; малограмотному и наивному народу трудно было разойтись съ столько же мало грамотными церковниками (какими ихъ и изображаетъ достоверная исторія); политическія причины позднѣйшаго раскола еще не успѣли созрѣть, религіозное броженіе, уже начинавшееся, въ это время ограничилось отдѣльными, иногда очень странными вспышками. Духовные вопросы цѣлой массы въ то время, въ древнѣйшій періодъ до XVI—XVII вѣка, были еще иного рода, и ложныя книги, существовавшія и въ то время, не имѣли еще того злокачественнаго характера, какой даетъ имъ г. Щаповъ въ XVII-мъ столѣтіи.

Чтобы обозначить нѣкоторыя черты этого древняго періода ложныхъ книгъ, мы должны возвратиться снова къ общему вопросу о нашей старинѣ. До самаго послѣдняго времени, которое своимъ уче-

ными результатами могло бы уже дать здравое понятіе о значеніи древней нашей письменности, у насъ продолжали еще держаться весьма ошибочныя понятія о размѣрахъ духовнаго образованія старинной Руси. Литература ея казалась богатымъ запасомъ духовной пищи, краснорѣчія и національнаго глубокомыслія. Это подтверждалось повидимому большимъ числомъ рукописей: въ старыхъ пергаменахъ отыскивались переводы знаменитыхъ отцевъ церкви, въ самой Руси являлись Кириллы Туровскіе, изъ которыхъ усердные специалисты дѣлали не только самобытно—глубокихъ мыслителей, но и народныхъ писателей. Такимъ образомъ составилось обманчивое понятіе о силѣ стараго духовнаго развитія Руси, понятіе, которому отчасти подчинился, кажется, и г. Щаповъ... Но при всемъ уваженіи къ произведеніямъ древности, нельзя не видѣть, что, въ сущности, литература Туровскихъ, была литература для немногихъ, что судить по ней о массѣ—было бы большой исторической ошибкой. Для большинства обыкновенныхъ грамотниковъ и тогда, и послѣ остались непонятны слишкомъ буквальные переводы греческихъ писателей и собственные религіозныя и нравственныя произведенія въ томъ же тонѣ: ихъ фигурная или отвлеченная терминологія, перенятая потомъ и нашими писателями; ихъ условный языкъ, который едва умѣла передавать наша только что рождавшаяся письменность,—были недоступны для массы, требовавшей себѣ мысли и выраженія болѣе простыхъ и по силамъ своему пониманію. То отчужденіе литературы и народа, на которое жалуются теперь славянофилы школы, еще сильнѣе было въ то время, когда народу, только что выходявшему изъ варварства, давали читать вычурныя византійскія тонкости. Народъ еще долго не могъ выйти изъ того положенія, въ которомъ застало его христіанство: изъ патріархальной наивности (т. е. грубости) и языческаго пантеизма; отвлеченная нравственность и вѣра долго не могли усвоиться массѣ, которая въ человѣкѣ и въ природѣ привыкла видѣть прямое дѣйствіе олицетворенныхъ высшихъ силъ и вездѣ искала таинственнаго, но осязательнаго мѣста. Такому настроенію не могла въ сущности удовлетворять литература, настроенная на византійскій ладъ: языкъ ея былъ темень, ученіе слишкомъ отвлеченно. Положительныя свидѣтельства исторія ставятъ въ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что при всей легкости введенія христіанства на Русь, оно долго не могло пустить глубокаго корня, особенно въ дальнихъ захолустьяхъ. Старинные «христіанлюбцы» и «ревнители лю правой вѣры» еще долго находили въ народѣ языческое суевѣріе и боро-

лись съ нимъ изъ всѣхъ силъ. Знаменитый «Пакіевскій» сборникъ въ XIV-мъ столѣтіи указываетъ намъ цѣлый рядъ языческихъ суевѣрій, въ которыхъ онъ обличалъ народъ, особенно жившій по украиннамъ. Церковныя поученія древности о томъ, «какѣ жити христіаномъ», еще обнаруживаютъ это неопредѣленное отношеніе массы къ христіанству.

Въ этомъ *двоевѣріи* заключалась одна изъ существенныхъ особенностей древнѣйшаго періода въ жизни нашего народа, и нѣкоторые изъ нашихъ новыхъ археологовъ думаютъ видѣть въ немъ полную характеристику всей старой поэзіи и народныхъ представленій старой Руси; они распространяютъ *двоевѣрный* періодъ, въ смыслѣ г. Буслаева, не только на времена «христіолюбцевъ» но и на XVI—XVII-е столѣтія. Съ этой новой точки зрѣнія, появленіе религіозныхъ смутъ и раскола въ XVII-мъ вѣкѣ, приписанное у г. Щапова невѣжеству и вліянію ложныхъ книгъ, объясняется въ двухъ словахъ такимъ образомъ: «до самаго раскола старообрядства массы русскаго народа жили еще языческимъ образованіемъ; расколъ же старообрядства составляетъ тотъ моментъ въ развитіи русскаго народа, когда массы народныя сознали потребность христіанскаго просвѣщенія, сами начали требовать его» (*). Новая точка зрѣнія, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ здѣсь двѣ ошибки: одну,—слишкомъ преувеличивая двоевѣріе и распространяя его господство до самаго начала раскола; другую—принимая, что въ появленіи раскола оказалась народная потребность христіанскаго просвѣщенія, между тѣмъ, какъ положительно доказывается фактами, что многія положенія и понятія раскола были приобрѣтены, и слѣдовательно созданы массой еще цѣлыми столѣтіями раньше. Въ эпоху всплывки раскола народъ (въ религіозномъ отношеніи) не начиналъ чего-нибудь новаго, а только сталъ за тѣ свои представленія, которыя онъ очень давно усвоилъ и отъ того считалъ справедливыми. Но отзывамъ самихъ раскольниковъ (дѣло идетъ о старообрядствѣ) Никитины *мошны* были вернымъ источникомъ ихъ неудовольствія и отпаденія отъ представительной церкви. Что касается до занимающаго насъ вопроса о вліяніи *ложныхъ книгъ*, котораго нельзя отвергать въ исторіи раскольничьихъ понятій,—новая точка зрѣнія очевидно должна или отнимать у нихъ всякое значеніе до тѣхъ поръ, пока они вос-

(*) Лѣтописи рус. лѣт. о древн., вып. 4, стр. 75.

пользовался расколъ, или относить ихъ къ тому языческому образованию, которое она приписываетъ народу до раскола.

Она принимаетъ послѣднее, т. е. вноситъ литературу ложныхъ книгъ въ періодъ стариннаго *язычества*. Оставаясь въ предѣлахъ исторіи, мы нашли бы, конечно, что въ мало грамотной и плохо знавшей истинно-христіанское ученіе массѣ народа было много суевѣрій въ XVI—XVII столѣтіяхъ; но было бы странно принимать это суевѣріе, обыкновенное у всякаго мало образованнаго народа на востокѣ, какъ и на западѣ за чистое двоевѣріе или даже язычество и находить въ этомъ народѣ «языческое образование». Если каждый предразсудокъ народа считать его язычествомъ, то слово потеряетъ свой смыслъ или мы не найдемъ тогда мѣста для христіанства, и его образования. Нынѣшняя міеологія русскаго народа мало отячается въ этомъ смыслѣ отъ міеологіи предразсудковъ XVI—XVII вѣка; но, конечно, было бы странно обвинять нынѣшній русскій народъ въ приверженности къ нехристіанскому язычеству (*).

Полнота древнихъ народныхъ представленій начала исчезать съ самаго появленія христіанства; высшій слой народа, больше развитый, пошмалъ христіанство болѣе или менѣе сознательно; масса также отказалась отъ главныхъ представителей язычества: Перунъ, Хорсъ и т. д. забылись даже самыми важными поклонниками старины; изъ міеологіи народа исчезли крупныя черты язычества, хотя и сохранилась старая обрядность обычаевъ. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ эта обрядность, безъ сомнѣнія, часто была уже непонятна для тѣхъ, кто держался ея, также какъ непонятна теперь. Изчезновеніе язычества было уже такъ сильно въ старину, что несмотря на все доброе желаніе нашихъ міеологовъ, имъ удалось извлечь изъ старыхъ памятниковъ и современныхъ преданій народа только самыя ограниченныя свѣдѣнія даже о самыхъ существенныхъ фактахъ древне-языческихъ вѣрованій, о міеологической исторіи міра и божествъ, словомъ, о языческой космогоніи. Намъ остались только мелкіе отрывки ея, тѣ частныя подробности, которыя удержались случайно въ обычаяхъ или темномъ повѣрѣхъ. Такіе отрывки старины могутъ наконецъ существовать и въ людяхъ совершенно христіанскихъ убѣжденій; въ народѣ они могутъ сохраниться—безъ вся-

(*) Мы бы согласились съ авторами новой теоріи объ язычествѣ, еслибы она основывалась на болѣе обширной точкѣ зрѣнія; но такъ какъ этой точки зрѣнія у нихъ не предвидится, намъ остается видѣть въ ихъ теоріи одно изъ преувеличеній школы археологовъ — эстетиковъ.

ной наклонности къ язычеству—по тому же психологическому закону, который и въ людяхъ развитыхъ допускаетъ иногда странныя, невнятные впрочемъ сужденія.

Въ такомъ видѣ приблизительно развивались въ древнемъ русскомъ народѣ отношенія христіанства къ старымъ понятіямъ народа. Язычеству былъ нанесенъ рѣшительный ударъ: народъ пожалѣлъ о Перунѣ, но не поставилъ его на прежнемъ мѣстѣ; народъ приставалъ къ волхвамъ, но не защищалъ ихъ на самомъ дѣлѣ. Но отставши отъ положительнаго язычества, онъ еще не мало способенъ былъ къ принятію новыхъ отвлеченныхъ истинъ: литература, прямо пересаженная изъ Византіи, долго должна была играть ту же роль, какую послѣ играла литература, введенная Петромъ. Доступная небольшому меньшинству, она не могла проникнуть въ народъ; онъ чуждался ея отвлеченностей и терминологіи. Для наивныхъ понятій, привыкшихъ къ образу и олицетвореніямъ, искавшихъ поэтической миѳологіи и осязательныхъ правилъ и предписаній, нужны были книги иного рода, — книги также христіанскаго происхожденія и колорита, но книги не мудренныя, близкія къ пониманію массы, слегка фантастическія, яркія и доступныя по формѣ. Къ нимъ всего скорѣе могъ обратиться свѣжій грамотникъ, онѣ должны были произвести на него самое сильное впечатлѣніе.

Такими именно были ложныя книги, а этимъ характеромъ ихъ и этими обстоятельствами объясняется ихъ историческое значеніе и вліяніе на понятіе массы. Дѣло шло вовсе не объ язычествѣ, а о популярномъ, народномъ христіанствѣ. Ихъ вліяніе было тѣмъ естественнѣе, что въ самомъ корнѣ своемъ ложныя книги были вызваны этимъ самымъ народнымъ христіанствомъ первыхъ вѣковъ, выражали народное пониманіе христіанскихъ догматовъ и предписаній.

Не одні впрочемъ ложныя книги имѣли такой успѣхъ между старинными грамотѣями; на томъ же условіи становились популярными и другія книги, доступныя народу по простотѣ мысли и формы; одні чисто нравственныя по характеру, другія, которыя хотя иногда не считались въ старину ложными, но на дѣлѣ часто поддерживали «отреченныя» понятія. Въ ложныхъ книгахъ собралось однако всего болѣе народнаго и вмѣстѣ апокрифическаго матеріала; ихъ ложный характеръ былъ по большей части слишкомъ ясенъ для каждаго, кто нѣсколько основательно былъ знакомъ съ христіанскою исторіей и догматами, —

оттого они запрещались церковью; но народъ не былъ далекъ въ исторіи и имъ заинтересовался больше всего.

Всматриваясь ближе въ свойства и распространеніе ложныхъ книгъ, легко видѣть, что всего больше упѣха имѣли книги, прѣстыя по формѣ и занимательныя по содержанію, любопытному для младенческой фантазіи. Эта апокрифическая литература имѣла обширные размѣры; теперь еще далеко неизвѣстны всѣ ея произведенія, о которыхъ говорить наша древность. Она представляла множество разнообразныхъ произведеній ложнаго свойства; это были апокрифы ветхаго заветъа, отчасти еврейскаго, отчасти новаго христіанскаго происхожденія; или ложныя новозавѣтныя преданья, повѣстическія легенды, догматическія суевѣрія, какія въ разное время появлялись у древнихъ христіанъ, пріобрѣтали популяриность и становились даже предметомъ ересей; дальше, легенды о святыхъ, которыя даже въ старину подвергались сомнѣнію, какъ невѣроятныя; наконецъ много другихъ произведеній, казавшихся подозрительными и бѣсовскими, книги волшебныя, гадательныя, астрологическія, зеленныя и т. д. Конечно, не всѣ изъ этихъ произведеній могли одинаково интересовать стариннаго русскаго читателя. Прже всего для него занимательны были преданья о христіанской исторіи, о Спасителѣ и его ученикахъ, о святыхъ и мученикахъ; ветхозавѣтные апокрифы были слишкомъ далеки отъ него, и сказанья объ Авраамѣ, Моисеѣ, заветы патриарховъ всегда оставались только книжнымъ преданьемъ. Въ ветхомъ заветѣ вниманіе читателя поражалось всего больше исторіей творенія и судьбой перваго человека: съ одной стороны здѣсь былъ корень всей исторіи искупленія, съ другой—для народа всегда и вездѣ космогонія была самымъ завлекательнымъ предметомъ. Въ самомъ дѣлѣ, апокрифическія преданья объ Адамѣ были однимъ изъ любимыхъ пунктовъ литературы, который играетъ не послѣднее мѣсто и въ современныхъ народныхъ преданьяхъ. Другая ветхозавѣтная личность нравилась своими фантастическими чертами, это — Соломонъ: на его имени было построено на древнемъ Востокѣ множество мѣровъ, извѣстныхъ и на средневѣковомъ Западѣ, у насъ и у южныхъ Славянъ, гдѣ они перешли даже въ народную сказку. Апокрифы, собственно христіанскіе, возбуждали вообще больше интереса: они обращались около тѣхъ же знаменитыхъ лицъ и событій, о которыхъ читатель зналъ изъ христіанскаго ученія, по все это являлось ему здѣсь въ новомъ свѣтѣ, обставленное сказочными и фантастическими подробностями, крайне соблазнительными для легковѣр-

наго грамотѣя. Изъ самаго списка ложныхъ книгъ можно видѣть, что апокрифы рассказывали очень много такого, о чемъ не говорили истинные писатели: здѣсь было и страшное «вѣреніе Христа съ диаволомъ», и хожденіе Богородицы по мукамъ ада, и тайные рассказы ея апостоламъ о рожденіи Спасителя, и посланіе съ неба отъ самого Христа, въ послѣдній разъ даваемаго людямъ заповѣдь о спасеніи души, и т. д. Одно обстоятельство давало особенную популярность этимъ памятникамъ: они часто обращались именно къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ молчало догматическое ученіе, предоставляя ихъ вѣрѣ, и для которыхъ масса тѣмъ не менѣе всегда стремится найти точное, положительное объясненіе: таковы вопросы о подробностяхъ творенія, о загробной жизни, о раѣ и адѣ и т. п. Во всемъ этомъ апокрифическія сказанья говорили съ такими подробностями, рассказывали столько фантастически-занимательнаго, ссылались на такіе авторитеты, что неопытный читатель увлекался и вѣрилъ на слово. Въ издаваемыхъ нами памятникахъ читатель найдетъ образчики подобнаго рода. Обыкновенная форма сказочной повѣсти или вопросовъ и отвѣтовъ была вполне доступна, и рассказы однако затверживались памятью. Народная фантазія начала потомъ сама входить въ эти памятники и они передѣлывались иногда въ чисто народные произведенія... Стремясь дать всему полное объясненіе, сообщить извѣстному догмату какой нибудь прямой смыслъ и приложеніе къ жизни, апокрифы съ другой стороны наполняли произвольнымъ символизмомъ объясненіе разныхъ предметовъ и словъ св. писанія, и позднѣйшая раскольничья литература часто цѣлкомъ беретъ изъ нихъ различные пункты своего ученія. Пристрастіе къ этому грамотѣи могли получить и изъ произведеній, считавшихся истинными и посвященныхъ символическому толкованію; такія книги существовали въ славянскихъ переводахъ съ самаго начала нашей письменности. Но ложныя книги доводили символическія объясненія за предѣлы всякаго вѣроятія, основываясь на ничтожныхъ или ложно-расторкованныхъ предметахъ; символическій смыслъ они видѣли напр. даже въ такихъ рассказахъ, которые въ самомъ евангеліи изображены положительнымъ фактомъ, а не притчей и не символомъ. Нависное стремленіе давать писанію тайный скрытый смыслъ, находило здѣсь обильную пищу; въ нашихъ раскольничьихъ до сихъ норъ, осталась эта мистическая черта стариннаго русскаго грамотѣя.

Всѣ эти ложныя исторіи, «хожденія», апокрифическія толкованія, «вопросы», «бесѣды» и т. д. не были русскаго происхожденія; они

дѣлаются, слѣдовательно, очень важнымъ документомъ о характерѣ чужихъ вліяній, дѣйствовавшихъ на культурное развитіе нашего народа. Это были почти исключительно апокрифы восточнаго и византійскаго христіанства. Они были различны по своему образованію и выходили изъ различныхъ слоевъ древнихъ обществъ; иногда въ нихъ вѣдво ученое притязаніе, они бывають книжны и сухи, но очень часто апокрифы были простымъ порывомъ народной фантазій, были наивнымъ и свободнымъ выраженіемъ поэзій народа, создавшей эти образы подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, уже господствовавшихъ надъ умами. Самый характеръ памятниковъ въ родѣ евангелія Никодима, если взять примѣръ древнѣе, или въ родѣ «Жизненія Богородицы», легенды о св. Макаріи, жившемъ около рая, или Епистоли Христа, — если выбирать примѣръ изъ болѣе поздняго времени, — этотъ характеръ убѣждаетъ, что и на своей родинѣ, какъ послѣ въ чужой письменности, это были произведенія не только популярныя, но и вышедшія изъ народной массы. Такимъ образомъ, въ историческомъ смыслѣ, апокрифы дѣлаются вѣрнымъ указателемъ известной степени религіознаго развитія, именно той, на которой обыкновенно остается масса, на которой простодушіе и легко-увлекающееся воображеніе играютъ большіе роли, чѣмъ отвлеченное и строгое мышленіе вѣры. Въ этомъ заключается объясненіе ихъ успѣха, когда они переходили на чужую литературную почву: тамъ они встрѣчали ту же грубую народную религію, тѣ же фантастическіе вкусы, то же стремленіе къ осязательнымъ формамъ вѣрованія, которыя свойственны массамъ. Однимъ словомъ, переходя изъ своей родины въ чужія литературы, апокрифы опять попадали въ ту же народную массу, которая прежде произвела ихъ на ихъ родинѣ. Этотъ фактъ, вполне несомнѣнный, легко повѣрять судьбой тѣхъ новѣйшихъ и болѣе извѣстныхъ исторически апокрифовъ, родиной которыхъ была Болгарія. Мы увидимъ дальнѣе, что болгарскія басни, которыя были въ большомъ ходу въ древней Руси, были чисто сколкомъ народнаго предразсудка; что болгарскіе еретики, которымъ наша старина приписывала состояніе этихъ басней, въ сущности только дали окончательную форму суевѣріямъ, уже извѣстнымъ въ народѣ, — или по крайней мѣрѣ эти еретики руководились народнымъ способомъ воззрѣнія. Замѣтимъ при этомъ, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Болгаріи, павликянская ересь, предшествовавшая богомоламъ, распространилась даже ранѣе настоящаго христіанства.

Съ такимъ характеромъ апокрифы являлись въ духовную жизнь древне-русскаго народа: успѣхъ суевѣрнаго и фантастическаго апокрифа долженъ былъ быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше были средства народнаго развитія. Средства эти были крайне ограничены; очень многіе историкъ нашей церкви и литературы сильно ошибаются, придавая особенное значеніе тѣмъ школамъ, которыя заводилъ Владиміръ, тѣмъ собраніямъ книгъ, какія бывали у князей. Съ одной стороны, какъ мы уже замѣтили, очень большая часть этихъ книгъ были мало понятны; съ другой, несмотря на Владиміровы школы, грамотность была рѣдка. Мы не имѣемъ нужды повторять давно извѣстныя свидѣтельства о томъ безпомощномъ положеніи, въ какомъ находилась даже представительная церковь, не находя себѣ грамотныхъ служителей. Подъ-стать тѣмъ «мужикамъ», о которыхъ говорятъ Геннадій въ извѣстной грамотѣ, и которые «едва брели», когда онъ заставлялъ ихъ читать по церковной книгѣ,—еще на нашей памяти существовали во деревнямъ церковно-служители, совершенно незнавшіе грамоты и исполнявшіе свое дѣло наизусть. Подобные случаи были, конечно, обыкновеннымъ дѣломъ въ болѣе древнія времена, чѣмъ XIX столѣтіе, и понятно, что при такихъ наставникахъ наставя предоставлялась окончательно самой себѣ; лишенная указаній, она вполнѣ довѣрялась апокрифическому баснословію, которое такъ легко и заманчиво передается устными разказами. Для людей грамотныхъ были «тозеты сельскіе сборники» и «худые манагануницы», которые за недостаткомъ правльнаго ученія и проповѣди стали для массы главнымъ кодексомъ вѣрованій и морали; статья о ложныхъ книгахъ упоминаетъ, что даже «по молитвенникамъ у поповъ» распространены были лживыя молитвы. Въ «сельскихъ сборникахъ», образчики которыхъ до сихъ поръ есть въ нашихъ рукописныхъ собраніяхъ, соединялись отрывками все, что только приходилось по вкусу грамотнымъ людямъ; истинное стояло рядомъ съ ложнымъ, положенія христіанской религіи затемнились произвольнымъ символизмомъ, религіозная исторія мѣшалась съ баснями, вѣра съ суевѣріемъ. Апокрифы разнаго рода занимали почетное мѣсто въ этихъ книгахъ; отсюда они прямо переходили въ народъ, становились общепринятымъ повѣріемъ и легендой. Извѣстныя сказанья ложныхъ книгъ расходились во всей массѣ народа; очевидно, что это книжное вліяніе должно было начаться очень давно и находить большую симпатію, чтобы принять такіе широкіе размѣры.

Патріархальная любовь къ старинѣ ревниво бережетъ старыя пре-

дній, потому что видятъ въ нихъ всю мудрость отцовъ и дѣдовъ, которые «не глупѣ насъ были». Подкрѣпляемыя этимъ авторитетомъ, апокрифическія басни переходили изъ рода въ родъ и теперь сохранились преимущественно въ той части народа, которая въ церковныхъ реформахъ XVII столѣтія увидѣла посягательство на свою старину и тѣмъ крѣпче за нее ухватилась, что находила въ ней старую, и по этому самому, лучшую вѣру. Многие изъ «ложныхъ» преданій, что уже забыто массой народа, цѣло до сихъ поръ въ раскольничьихъ вѣрованіяхъ и раскольничьихъ рукописяхъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ процессъ, которымъ шло развитіе этой своеобразной миеологіи. Это была именно миеологія народной массы, принадлежавшая, конечно, не одному XVII вѣку, а цѣлому длинному періоду древней Руси; очевидно съ другой стороны, что въ этой миеологіи не можетъ быть рѣчи объ *язычествѣ*, которое открываетъ эстетическая школа въ нашей древней жизни, приписывая этому язычеству поэтическіе элементы старой народности. Пространство времени, къ которому относится появленіе и господство ложныхъ книгъ, составляетъ особенный періодъ въ исторіи народного сознанія, и этого періода невозможно смѣшивать съ двоевѣріемъ первыхъ вѣковъ русскаго христіанства. Что касается до отношенія ложныхъ книгъ къ расколу, они очевидно не много имѣли спеціальнаго вліянія на его развитіе; вліяніе ихъ простиралось на цѣлую массу, а въ расколѣ XVII вѣка, вслѣдствіе его крайняго религіознаго консерватизма, просто сохранился тотъ характеръ религіознаго развлеченія, которымъ отличалась прежде вся масса и отъ котораго она отстала потомъ или подъ вліяніемъ представительной церкви и обстоятельствъ, или подъ вліяніемъ индифферентизма. Если отрывки «ложныхъ» понятій существуютъ и въ народѣ не-раскольничьемъ, то это было болѣе или менѣе случайно, и они не составляютъ для него важнаго догмата; напротивъ того, въ расколѣ, который съ XVII вѣка привыкъ считать эти понятія дѣломъ своей «старой» вѣры, они получили силу упornaго, исключительнаго закона.

Мы считали нужнымъ сдѣлать этотъ общій взглядъ на литературу ложныхъ книгъ, прежде чѣмъ войдемъ въ нѣкоторыя подробности объ отдѣльныхъ ея памятникахъ. Въ нашемъ обзорѣ мы ограничимся только немногими произведеніями этой литературы, по которымъ читатель составитъ себѣ понятіе объ общей исторической судь-

бъ и значеніи апокрифовъ въ нашей старинной жизни. Затѣмъ мы возвратимся снова къ общему вопросу и постараемся, сколько будетъ возможно, объяснить культурное значеніе ложной литературы, принимая факты какъ они есть, безъ придуманной идеализаціи и эстетическихъ увлеченій.

А. ПЫПИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО ВЪ 1861. Гизо.

L'ÉGLISE ET LA SOCIÉTÉ CHRÉTIENNE EN 1861, par M. Guizot.

Гизо давно извѣстенъ всѣмъ за несправедливаго доктринера, за чело-
вѣчка системы, доведенной до крайности; педагогъ, онъ напоми-
нать собой тѣхъ безжизненныхъ средневѣковыхъ схоластиковъ, для
которыхъ буква была все, которые смотрѣли на жизнь сквозь очки
своей рутины, которые готовы были истребить все, что не входило
въ узкія рамки ихъ системы. «Погибни міръ, но вѣчно живи систе-
ма» — вотъ былъ девизъ ихъ лагеря! Наука, наука! кричали они,
не вникая, что нѣтъ науки безъ жизни, и что тысячи прочитан-
ныхъ сочиненій сдѣлаютъ челоуѣка только начитаннѣе, но не умнѣе,
не образованнѣе. Бѣда, если власть попадетъ въ руки подобныхъ
людей: они смотрятъ на своихъ подчиненныхъ, какъ на существа низ-
шаго разряда, какъ на школьничковъ, назначенныхъ служить для вос-
пріятія ихъ мудрости, какъ на пѣшекъ, лишенныхъ чувства, разума
и воли. Таковъ именно былъ г. Гизо. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ
является фаталистомъ и оптимистомъ. Онъ утверждаетъ, что все
разумно, все идетъ къ лучшему по неизмѣннымъ законамъ, начертан-
нымъ провидѣніемъ. Въ силу этого правила, сдѣлавшись министромъ,
онъ былъ увѣренъ, что какъ-бы ни поступалъ, все выйдетъ хорошо
и потому принялся за приведеніе въ дѣйствіе своей системы; система

Одт. II.

же эта состояла въ томъ, что онъ стремился къ крайней централизаци, допуская впрочемъ участіе буржуазіи въ управленіи, но глубоко презирая массы. Буржуазія была всегда идоломъ г. Гизо и сама съ не меньшимъ почтеніемъ смотрѣла на своего обожателя. Жаль только, что обстоятельства помѣшали имъ, а то-бы они надѣлали чудесъ: всю Францію превратили бы въ строго-правственный женевскій пансіонъ, съ узенькой китайской моралью, съ полицейскими комиссарами вѣсто гувернеровъ. Какъ-бы то ни было, но буржуазія на этотъ разъ ошиблась въ расчетахъ, а г. Гизо пришлось успокоиться отъ трудовъ своей министерской дѣятельности въ академическихъ креслахъ, откуда онъ могъ проповѣдывать все, что угодно, къ полному удовольствію достопочтенныхъ сочленовъ. Рѣчи его встрѣчались постоянно съ одобреніемъ; онъ былъ такъ невиненъ, такъ напоминали «безсмертнымъ» годы ихъ молодости, такъ блистали начитанностью, что невольно казались имъ гениальными произведеніями. Между тѣмъ время шло, да шло; и бывшій министръ со всякимъ годомъ все болѣе терялъ надежду получить портфель; новаго переворота не предвидѣлось; съ установившимся правительствомъ онъ не могъ сойтись—оппозиція вытекала, естественно, изъ самаго положенія Гизо, тѣмъ болѣе, что многіе журналы весьма неблагопріятно отзывались объ его мемуарахъ. Случаевъ къ неудовольствію было не искать стать; но г. Гизо хотѣлось, видно, чтобы объ немъ заговорили, чтобы сторону его приняла какая-нибудь могущественная партія. Какъ же это сдѣлать? О чемъ-бы ни заговорить, придется угождать или правительству, или демократической партіи. Обыкновенный человѣкъ не скоро нашелся бы какъ выпутаться изъ этого дѣла, но г. Гизо не даромъ былъ придворнымъ и министромъ. Онъ чрезвычайно ловко вывернулся изъ такого затруднительнаго положенія: онъ попалъ на похвальный поступокъ французскаго правительства — освобожденіе Италіи (мы не говоримъ о задней мысли этой помощи). Разумѣется, при этомъ пришлось коснуться и свѣтской власти папы и его нравственнаго вліянія... Клерикальная партія была въ восторгѣ отъ своего новаго героя, но зато люди болѣе развитые отвернулись отъ него. Прежде они на него смотрѣли, какъ на честнаго, хотя и односторонняго человѣка, теперь-же ясно увидѣли самолюбиваго ренегата, лишенаго всякихъ убѣжденій. Противорѣчія самому себѣ, презрѣніе логики и исторіи встрѣчаются у него на каждомъ шагѣ. Онъ даже слѣдуетъ примѣру нѣкоторыхъ доктрин-

ровъ, которые, въ нежеланіи общества идти по нѣхъ узенькой сѣнотѣ, видятъ признаки страшной опасности, грозящей цѣлому міру. Такимъ способомъ всегда есть возможность привлечь людей довѣрчивыхъ, готовыхъ вѣрить на слово и судящихъ по наружности. Г. Гизо такъ и сдѣлалъ. Еслибъ онъ началъ толковать о необходимости свѣтской власти папы просто, какъ объ одномъ изъ догматовъ католицизма, кто бы сталъ слушать его; но онъ заговорилъ объ опасностяхъ, угрожающихъ будто-бы цѣлому христіанству — и книга его обратила на себя общее вниманіе (*).

«Христіанству грозитъ опасность, говорить г. Гизо; удары, поражающіе одну изъ частей храма, поражаютъ цѣлое зданіе, потому что нѣтъ никакой серьезной разницы между католиками, лютеранами, диссидентами и другими, потому что всѣ они христіане. Мы всѣ, продолжаясь онъ, узнали отъ нашихъ учителей одну и ту же исторію, усвоили извѣстныя идеи, извѣстныя чувства. Матеріализмъ, пантеизмъ, раціонализмъ, скептицизмъ и историческая критика со всѣхъ сторонъ подрываются подъ эти основанія: они хотятъ подорвать инстинктивную вѣру въ чудесное, безъ которой невозможна никакая религія. Но эти нападенія не опасны: и въ прежнее время христіанство подвергалось такимъ же нападеніямъ, но оно всегда выходило изъ борьбы торжествующимъ, защищаясь то преданіемъ, то преобразованіями, то собственной внутренней добродѣтелью».

Очевидно, что г. Гизо съ умысломъ уклонился отъ опредѣленія характеристической разницы между католицизмомъ и реформой. Напрасно! Онъ избавилъ бы этимъ отъ труда читать далѣе:

(*) На 170 страницахъ разгонистой печати, раздѣленныхъ на 24 главы, г. Гизо толкуетъ обо всемъ. Вотъ содержаніе его книги: глава 1) о томъ, почему онъ написалъ эту брошюру; 2) христіанская церковь; 3) настоящія опасности христіанской церкви; 4) о сверхъестественномъ; 5) о двухъ боггахъ; 6) о христіанской церкви и религіозной свободѣ; 7) въ чемъ состоитъ религіозная свобода; 8) о союзѣ между церковью и государствомъ; 9) о французской протестантской церкви; 10) о католической церкви и свободѣ; 11) о католической церкви въ Италіи; 12) о католической церкви во Франціи; 13) о христіанскихъ церквяхъ; 14) о христіанскихъ обществахъ; 15) о правахъ человека; 16) о независимости Италіи; 17) о свободѣ въ Италіи; 18) объ итальянскомъ единствѣ; 19) о панствѣ; 20) о всеобщей подачѣ голосовъ въ Италіи; 21) объ итальянской конфедераціи; 22) о Франціи въ Италіи; 23) будущность Европы и наши надежды и разочарованія; 24) заключеніе.

*

всякій увидѣлъ бы, какъ г. Гизо строить свое зданіе. Правда это различіе между католицизмомъ и реформаціей можно вывести изъ дальнѣйшихъ главъ, но все это такъ разбросано и запутано, что требуетъ большаго вниманія и труда.

«Имѣя авторитетъ принципомъ, продолжаетъ авторъ, католицизмъ, видя этотъ принципъ съильно атакованнымъ, не призналъ другаго принципа, вытекающаго изъ природы человѣка и историческаго развитія—свободы; а между тѣмъ безъ религіозной свободы невозможно согласіе между христіанскими религіями, невозможно единодушное сопротивленіе врагамъ христіанства; свобода же религіозная состоитъ въ свободѣ мысли, совѣсти и образѣ жизни въ отношеніи религіи, и потому она никогда не была основана вѣрующими; напротивъ того, человѣческій разумъ, возвышаясь и освобождаясь, освободилъ и человѣческую совѣсть: реформа оживила христіанскую вѣру и рѣшительно двинула европейскія общества къ индивидуальному развитію.»

Итакъ г. Гизо признаетъ свободу мысли, но признавая свободу мысли, онъ тѣмъ самымъ разрушаетъ все зданіе католицизма, основанное на авторитетѣ, на непогрѣшимости папы. Еслибъ весь человѣческій родъ былъ одного мнѣнія, а одна только личность другаго, то весь человѣческій родъ былъ бы неправъ, заставляя молчать эту личность, точно также какъ и эта личность была бы неправа, валагая молчаніе на весь человѣческій родъ. Мнѣніе, которое хотятъ уничтожить силой, можетъ быть справедливо; противники его не непогрѣшимы; а между тѣмъ они берутъ на себя право рѣшать за всѣхъ. Утверждать, что такое-то мнѣніе ложно и не позволять спорить о немъ, значитъ признавать себя непогрѣшимымъ. Исторія показываетъ намъ, что ложныя мнѣнія и обычаи исчезали постепенно предъ фактами и доказательствами. Реформація принадлежитъ къ числу такихъ явленій: она внесла духъ критики и индивидуальной свободы въ общественныя отношенія человѣка. Освободивъ государство изъ-подъ онеки папы, она вмѣстѣ съ тѣмъ освободила и личность человѣка, дала средства къ распространенію просвѣщенія въ массахъ. Такимъ образомъ римскій католицизмъ и реформація совершенно противоположны другъ другу тенденціями; еще болѣе разнятся отъ перваго анабаптисты и другіе сектаторы, думающіе о преобразованіи церкви и общества съ помощью первоначальнаго христіанскаго преданія. Слѣдовательно, мнѣніе г. Гизо, что всѣ христіане могутъ дѣйствовать вмѣстѣ на защиту, будто бы потрасаемой религіи, совершенно неосновательно. Для протестантовъ

вопросъ религіозный почти тождественъ съ политическимъ, и они, не отступая отъ своихъ принциповъ, не могутъ дѣйствовать въ пользу папства, именно папства, а не христіанства, потому что христіанству не угрожаетъ никакая опасность. Нападки матеріализма, скептицизма, раціонализма, исторической критики и пантеизма могутъ ли быть опасны для прочнаго принципа? Еслибъ не было позволено всякому и всегда сомнѣваться въ философіи Ньютона, она не была бы истинной. Самыя прочныя вѣрованія тѣ, которыя готовы выдержать критику во всякую данную минуту. Самъ же г. Гизо признаетъ необходимость религіозной свободы, а религіозная свобода допускаетъ индивидуальность вѣрованій. Самъ г. Гизо говоритъ, что она въ «натурѣ» человѣка, и слѣдовательно слѣбной авторитетъ противоположенъ ей, «ненатураленъ» и незаконенъ. Напрасно онъ утверждаетъ, что всѣ христіане усвоили одну доктрину; повеленіе ихъ различно, сообразно той суммѣ сужденій и привычекъ, которую они приобрѣли воспитаніемъ и общественнымъ положеніемъ. Но, предположивъ даже, что г. Гизо правъ, что христіанству дѣйствительно грозитъ опасность, посмотримъ, какія мѣры предлагаетъ онъ для отвращенія ея. Принужденный стать на почву дѣйствительности, эсъ-министръ не находитъ твердой опоры подъ ногами, потому что пытается притянуть факты къ заранѣ заданной теоріи; отъ этого онъ впадаетъ въ самыя странныя противорѣчія.

«Надо, чтобъ общество религіозное и свѣтское оставались глубоко раздѣлены и не могли ни притѣснять другъ друга, ни захватывать непринлежащихъ имъ правъ» (стр. 30).

«Ходъ событій и прогрессъ идей дали живо почувствовать церкви и государству печальныя слѣдствія дурно понятыхъ союзовъ, но насколько не доказали необходимости раздѣленія» (31).

«Гдѣ союзъ между властью духовной и свѣтской совершался, тамъ страдали равно свобода политическая и гражданская» (42).

«Когда общество гражданское и общество религіозное остаются взаимно чуждыми, какъ бы не зная другъ друга, они унижаютъ себя и ослабляютъ. Имѣя отношеніе только съ матеріальными интересами людей, свѣтская власть теряетъ нравственную силу, которую доставляетъ ей связь съ религіозными чувствами и принципами; въ свою очередь, духовные пастыри различныхъ церквей находятся въ глазахъ даже своихъ единовѣрцевъ въ положеніи второстепенномъ и непрочномъ: они преданы всей подвижности мнѣній и легкомыслию и дерзости человѣческой воли; контрастъ разительный между возвышен-

ностью ихъ миссiи и слабостью ихъ положенiя. Отъ этого взаимнаго удаленiя государство материализуется, а церковь, если можно такъ выразиться, раздробляется и становится подвижнѣе болѣе и болѣе» (29).

«Но, несправедливо, что для того, чтобъ избѣжать этой опасности (захватыванiя непринадлежащихъ правъ) они (церковь и государство) должны быть совершенно чужды одно другому и лишены возможности, для взаимнаго блага и почета, заключать между собой союзы или оказывать другъ другу помощь» (30).

«Я иногда представляю себѣ, что произошло бы, еслибъ когда-нибудь высшая власть католической церкви, папство, приняло воплѣть и открыто принципъ религiозной свободы. Принципъ этотъ состоитъ не въ духовномъ индифферентизмѣ, но въ признанiи некомпетентности свѣтской власти, въ признанiи незаконности насилiя въ дѣлахъ вѣры... Этотъ принципъ состоитъ единственно въ признанiи раздѣленiя жизни свѣтской отъ жизни религiозной, въ признанiи авторитета только дуза надъ духомъ и въ признанiи права человѣческой совѣсти, не быть управляемой въ своихъ отношенiяхъ къ Богу человѣческими указами и наказанiями» (43).

Такихъ противорѣчiй можно найти пропасть въ брошюрѣ г. Гизо. Правда, онъ смягчаетъ ихъ разными оговорками и общими мѣстами, но эти общiя мѣста ничего не доказываютъ: г. Гизо требуетъ отъ католицизма того, чего не можетъ онъ дать, что противно его натурѣ; это все равно, что требовать отъ огня, чтобъ онъ не жегся; отъ вѣтра, чтобъ онъ не дулъ; отъ человѣка, чтобъ онъ ничего не ѣлъ и оставался живъ. Истиннымъ же слѣдствiемъ осуществленiя системы г. Гизо будетъ снова преобладанiе духовной власти надъ государствомъ, образованiе касты, государства въ государствѣ. Первоначальная церковь вовсе не имѣла нужды въ свѣтской власти, чтобъ распространить свое ученiе. Гдѣ тѣснѣе союзъ между двумя властями, какъ не въ областяхъ папы, а между тѣмъ какое государство въ Италии страдало болѣе его владѣнiй! Развѣ одинъ Неаполь? Не религiозную свободу готовитъ народамъ г. Гизо, но ультрамонтанизмъ и религiозную реакцiю, соединенную съ реакцiей политическою, какъ было въ среднiе вѣка, когда папство являлось камнемъ преткновенiя для всѣхъ видовъ итальянскаго развитiя.

Но не такъ думаетъ авторъ разбираемой книги. «Двойной характеръ папства, говоритъ онъ, есть фактъ, освященный вѣками, фактъ, развившiйся и поддерживаемый въ теченiи вѣковъ, посреди всѣхъ боренiй, переворотовъ и междоусобiй христіанства. Это не католичес-

кая вѣра, но сама католическая церковь. И смѣютъ думать, что имѣютъ право нанести на этотъ фактъ святотатственную руку, испортить его, даже разрушить, не покушаясь на религиозную свободу католиковъ! Хотятъ лишить главу католической церкви характера и положенія, на которыя она смотритъ нѣсколько вѣковъ, какъ на гарантію своей независимости, и предполагаютъ, что не связываютъ, не уродуютъ католицизма! (47).

«Принять относительно католической церкви мѣры, которыя искажаютъ ея учрежденія и положенія, которыя постигаютъ католиковъ Франціи, Германіи, Испаніи, Англіи и Америки, точно также какъ католиковъ Италіи... отнять у всѣхъ этихъ церквей, у всѣхъ націй, у всѣхъ вѣрованій, совершенно чуждыхъ итальянскому королевству, прежнюю самостоятельность, прежнія гарантіи независимости духовнаго вождя ихъ религіи — такой поступокъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ поразительныхъ актовъ узурпаторства, какіе только извѣстны въ исторіи...» (60).

«Чтобъ достигнуть своей цѣли, Пиемонтъ долженъ погрѣшить права человѣка, лишивъ папу его владѣній, какъ погрѣшалъ права и свободу религиозную, низвернувъ конституцію католической церкви, для которой папа—глава (91).

«Владѣнія и власть пришли къ папству, какъ естественная принадлежность и необходимая подпора его великаго нравственнаго значенія, по мѣрѣ того, какъ это значеніе развивалось. Дарственные записи Пепина и Карла Великаго были только одними изъ главнѣйшихъ случаевъ этого развитія свѣтскаго и духовнаго, начатаго чрезвычайно рано и вспомоствуемаго инстинктами народовъ также какъ и мною стію королей. Только сдѣлавшись главой церкви, чтобъ быть имъ дѣйствительно, папа сдѣлался свѣтскимъ государемъ» (92).

«Надо, сказалъ весьма справедливо Одильонъ Барро, чтобъ двѣ власти оставались слиты въ папской области, потому что онѣ разделены въ другихъ государствахъ» (92). Какъ вамъ это нравится? Это все равно, что сказать, что надо, чтобъ въ папской области были иныя, потому что въ другихъ государствахъ ихъ нѣтъ! «Какъ свѣтскій государь, папа ни для кого не былъ страшенъ; онъ только выходилъ въ своей власти прочную гарантію своей независимости и своего нравственнаго авторитета; равный королемъ по сану, не бывши соперникомъ ихъ по могуществу, онъ могъ защищать повсюду достоинство и права духовенства, истиннаго источника и основанія его

власти... надъ покровомъ своего маленькаго государства, напетво провозгласило и поддержало въ Европѣ существенную разницу церкви и государства, различіе двухъ обществъ, двухъ властей, круга ихъ дѣйствія и взаимныхъ правъ; этотъ фактъ, благо и честь новѣйшей цивилизаціи, получилъ начало и поддержку въ двойномъ характерѣ папства и вознаградилъ слишкомъ широко злоупотребленія папъ, происшедшія отъ двойственности ихъ власти» (93).

Изъ этихъ выписокъ видно, что для г. Гизо историческія событія и здравый смыслъ стали ни—почемъ; онъ отрекся даже отъ прежнихъ своихъ убѣжденій, высказанныхъ имъ въ исторіи цивилизаціи. Вотъ что говорилъ онъ:

«Попытка теократической организаціи встрѣчается очень рано, то въ поступкахъ римскаго двора, то въ поступкахъ духовенства вообще. Она вытекаетъ естественно изъ нравственнаго и политическаго превосходства церкви; но она встрѣтила на первыхъ шагахъ такіа препятствія, которыхъ даже во времена величайшей своей силы не могла удалить».

«Первымъ была самая «натура» христіанства; совершенно отличное отъ другихъ вѣрованій, оно утверждалось только убѣжденіемъ и простыми нравственными побужденіями; сначала оно не является вооруженнымъ силою; оно покоряетъ только словомъ и покоряетъ только души. Даже послѣ своего торжества, когда церковь пользовалась большимъ уваженіемъ и владѣла огромными богатствами, даже въ то время она не была облечена свѣтскою правительственною властью непосредственно... Она имѣла много вліянія, но не имѣла власти. (Hist. de la civilisation en Europe, Leçon X).

Если церковь въ первые времена, когда была слаба, не имѣла необходимости прибѣгать къ свѣтской силѣ, то какими же образомъ могло случиться, что она нуждается въ этомъ теперь? Въ прежнее время, какъ мы уже сказали (*), папы были просто римскими архіепископами и не пользовались никакими преимуществами предъ своими товарищами; они совершенно зависѣли отъ соборовъ и восточныхъ императоровъ. Папы становятся самостоятельными только послѣ Карла

(*) См. Рус. Слово, февраль 1861. Полит. ист. папъ.

Великаго. Дарственные грамоты его и Пепина подвержены большому сомнѣнію, а сборникъ Граціана и декреталии Исидора оказываются рѣшительно подложными. Такимъ образомъ, папская свѣтская власть явилась вслѣдствіе поддѣльных документовъ, своекорыстныхъ видоизмѣненій Карловинговъ и невѣжества народа. Какимъ образомъ время можетъ освятить такіа дѣла—мы рѣшительно не понимаемъ? Мы видимъ только, что во все времена свѣтская власть папы для поддержанія своей прибѣгала къ подобнымъ средствамъ: то она создаетъ фанатиковъ доминиканцевъ, то предателей иезуитовъ. Сдѣлавшись свѣтскимъ государемъ, папа, естественно, долженъ былъ покориться всемъ случайностямъ своего положенія. Область его не доставляла ему никакой гарантіи ни противъ Римлянъ, ни противъ вѣшнихъ непріятелей. Эта гарантія—созданіе фантазіи г. Гизо, безцеремонно проѣханнаго по историческимъ фактамъ. Сколько разъ Римляне выгоняли папу изъ города, сколько разъ императоры принуждали ихъ покориться или искать убѣжища у Гвельфовъ. Сила ихъ была въ принципѣ, а не въ свѣтскомъ могуществѣ. Левъ 1-й остановилъ Аттілу не оружіемъ, но словомъ; Александръ III устоялъ противъ Барбароссы не силами Римской области, но силами ломбардской лиги. Достоинство и права духовенства или лучше сказать свои прерогативы, папа защищалъ проклятіями и возбужденіемъ къ бунту подданныхъ своего противника и такимъ образомъ старался чужими руками загребать жаръ. Свѣтская власть папъ была источникомъ многихъ бѣдствій для Италіи; римскіе первосвященники поддерживали въ ней раздоры и междоусобія и совершали самыя вопіющія злодѣянія. Лишить папу свѣтской власти значитъ возвратитъ его къ первоначальному христіанскому преданію, значитъ возвысить его, придать ему болѣе значенія; тѣмъ болѣе, что теперь церковь не является уже единственной хранительницей знанія. Что свѣтская власть папы не составляетъ гарантіи его духовной власти, это говоритъ самъ г. Гизо, запрещая свѣтской власти вмѣшиваться въ дѣла совѣсти (см. стр. 43). Какую-же поддержку можетъ доставитъ свѣтская власть, когда она не должна вмѣшиваться въ дѣла совѣсти?

Въ другомъ мѣстѣ г. Гизо еще рѣзче отзывается о папствѣ. «По преданію и по положенію, по своей *натурѣ* и привычкамъ это правительство, говоритъ онъ, неподвижно и слабо; его *правила* и *правы* противятся перемѣнѣ, и когда приходится сознаться, что перемѣны необходимы, ему часто недостаетъ силъ, чтобъ превозмочь

препятствія: надо, чтобы его ободрали и поддерживали на этомъ трудномъ пути» (97).

Совершенно справедливо! Но какихъ же реформъ можно ждать отъ правительства, когда оно по *натурѣ* своей не можетъ дать ихъ. Право архіепископовъ судить гражданскія дѣла было слѣдствіемъ такого же права папъ; привилегія духовенства судиться духовнымъ судомъ даже въ дѣлахъ гражданскихъ была слѣдствіемъ гражданской іерархіи, первенство духовенства передъ другими классами; святая инквизиція была слѣдствіемъ принципа, по которому духовенство было единственнымъ хранителемъ религіи; иезутизмъ, слѣдствіемъ принципа преобладанія папъ надъ властью свѣтской, слѣдствіемъ стремленія ихъ къ всемірной монархіи: они желали воспитаніемъ подготовить себѣ толпу покорныхъ слугъ, готовыхъ по первому знаку ихъ на все... Папскій дуализмъ составляетъ также непреодолимое препятствіе къ реформѣ финансовой и къ опредѣленію правильныхъ политическихъ отношеній; потому что можетъ случиться, что интересы папской области будутъ различны съ интересами папства, (какъ и были до сихъ поръ). Какъ поступить тогда? Какъ разграничить бюджеты? Вопросы по нашему мнѣнію неразрѣшимые безъ вреда свѣтской или духовной власти папы. Г. Гизо предлагаетъ для избѣжанія этого неудобства учредить федерацію изъ городовъ Римской области подъ верховной властью папы (98). Но развѣ не знаетъ онъ, что папство и народная федерація не могутъ существовать вмѣстѣ по разности ихъ принциповъ. Массы способны ошибаться; папа считаетъ себя непогрѣшимымъ, слѣдовательно имѣетъ полное право дѣйствовать по внушеніямъ своего вдохновенія, не обращая вниманія на требованія народа. Если же отнять у папы всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла, то опять-таки его свѣтская власть будетъ лишней, однимъ пустымъ звукомъ безъ содержанія, предполагая даже, что намѣренія всѣхъ папъ будутъ чисты, что ни одинъ изъ нихъ не покусится захватить власть, ему не принадлежащую.

Такимъ образомъ крайнимъ результатомъ выйдетъ, что папство не можетъ сохранить своей свѣтской власти безъ самоубійства, безъ разрушенія тѣхъ подпоръ, которыя созданы для поддержанія ея. Разрушеніе же этихъ подпоръ произведетъ гораздо больше волненій и безпорядковъ, чѣмъ политическая революція, и нисколько не предохранитъ папства. Мы уже видѣли изъ брошюры отца Пасалиа (*), что

(*) См. политику; Р. Слово окт.; 1861.

иезуиты вовсе не считают себя обязанными раздѣлять участь папства; они готовы отречься отъ него и цѣной этого отреченія выкупить свое существованіе. Другіе ордена и апостольская камера также не позволяютъ безнаказанно отнять свои привилегіи, такъ что безъ поддержки свѣтской власти исполнить реформу будетъ невозможно; слѣдовательно, придется обратиться или къ Итальянскому королевству, или призвать иностранныя войска, и съ помощью ихъ возстановить прежнее положеніе дѣлъ на полуостровѣ. Г. Гизо, кажется, не прочь отъ послѣдняго, судя по тому, что онъ жалѣетъ, что Италія освободилась отъ враговъ своихъ и слилась въ одно королевство. Вотъ что говорить онъ:

«Пока побѣжденные не сляпсы съ побѣдителями до такой степени, чтобъ забыть вражду и принять условія новаго существованія, до тѣхъ поръ побѣда остается актомъ насилія, который трактаты могутъ признать, который превосходство силъ и продолжительность времени могутъ поддержать, но который не перестаетъ чрезъ то быть оспариваемымъ, притѣнительнымъ и непрочнымъ».

«Таковъ характеръ австрійскаго завоеванія въ Италіи. Несмотря на свое владычество, столько разъ утвержденное, несмотря на личную *умѣренность* и ловкость нѣкоторыхъ изъ своихъ государей, Австрійцы никогда не могли сдѣлать изъ Итальянцевъ своихъ соотечественниковъ» (72).

«Но они (Итальянцы) не удовольствовались освобожденіемъ отъ иноземнаго ига; они въ то же время подняли другіе вопросы и затѣяли другія дѣла: предприняли низвергнуть во всей Италіи существующія правительства и соединить ее всю подъ властью одного государя... Въ объясненіе этого насильственнаго и дерзкаго поведенія, они приводятъ объясненіе, которое считаютъ неопровержимымъ: низверженіе прежнихъ итальянскихъ правительствъ, говорятъ они, было необходимо для приобрѣтенія независимости. Австрія имѣла союзниковъ—вассаловъ въ Флоренціи, Моденѣ, Пармѣ, Неаполѣ и даже Римѣ; надо было разрушить эти орудія иноземнаго владычества, для того чтобы разрушить самое владычество»... (75)

Г. Гизо опровергаетъ это мнѣніе слѣдующими словами:

«Правда, Австрія, въ большей части итальянскихъ государей имѣла явныхъ или тайныхъ союзниковъ, которые признавали ея первенство и служили ея политикѣ. Но почему? Потому что они думали, что ихъ безопасности, даже жизни угрожаютъ революціи, потому что они

считали Австрію сильнѣе всѣхъ въ Италіи и рассчитывали всегда на ея побѣду. Не одинъ-разъ многіе между итальянскими государями, въ особенности неаполитанскіе короли и великіе герцоги тосканскіе находили австрійское владычество слишкомъ тяжелымъ и пытались его свергнуть. Но когда внутри или извнѣ какая либо опасность постигала ихъ, они обращали свои взоры къ Австріи, они ожидали и получали отъ ней существенную помощь. Еслибъ это общее положеніе дѣлъ измѣнилось, еслибъ Австрія потеряла въ Италіи свои владѣнія и власть, еслибъ первенство перешло къ другой итальянской державѣ, довольно сильной и прочно поддержанной Европой, для защиты итальянской независимости отъ австрійскаго честолюбія—неужели можно подумать, что итальянскіе государи не привыкли бы къ этому новому положенію Италіи и рѣшились бы изъ жажды абсолютной власти, соединенной съ печальной зависимостью, дѣлать заговоры и компрометировать себя для побѣжденной Австріи?» (77).

Признаемся, мы рѣдко видали подобное изложеніе фактовъ.

Интересно узнать, какіе были тѣ государи австрійскаго дома, которыхъ умѣренность такъ хвалить г. Гизо? Интересно узнать, какія мѣры принимали они для пріобрѣтенія расположенія своихъ итальянскихъ подданныхъ?

Начнемъ съ того, что Австрія не имѣла права принять Венецію. Французы вступили въ нее какъ союзники и не имѣли права отдать ее. Принявъ отъ генерала Бонапарте Венецію, Австрія, естественно, приняла на свою отвѣтственность и всѣ послѣдствія такого насилія.

Принимая Ломбардо-Венеціанское королевство, австрійскій императоръ обѣщался уважать его учрежденія и сохранить національность—и нарушилъ свое обѣщаніе. Французскіе законы, были замѣнены частью австрійскимъ кодексомъ, однимъ изъ самыхъ отсталыхъ въ Европѣ, частью оставались одной мертвой буквой безъ исполненія; солдаты, набранные въ итальянскихъ областяхъ, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ отечествѣ, были посылаемы въ другія области австрійской имперіи; большую часть мѣстъ заняли Нѣмцы; журналы встрѣчали такія затрудненія, что не было никакой возможности издавать ихъ; первоначальное воспитаніе старались передать въ руки іезуитовъ; шпионство сдѣлалось главнымъ орудіемъ управленія; авторитетъ полиціи былъ безпредѣленъ; страна была разорена податями (*). Разумѣется, подобныя распоряженія внушали толь-

(*) Подробнѣе эти событія и положеніе страны изложены въ апр. кн. Р. Слова въ статьѣ о Манини. См. стр. 3 и слѣдующія въ отд. ин. литер.

но ненависть къ Австріи, которую она еще болѣе усиливала своими жестокостями при потушеніи волненій. Мало того, влияние ея не ограничивалось тѣми областями, которыми она владѣла: она старалась еще остановить политическое развитіе и въ другихъ итальянскихъ областяхъ. Такъ парижскимъ трактатомъ 1817 года было поставлено, чтобъ итальянскіе государи не смѣли давать своимъ подданнымъ новыхъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя Австрія почтетъ нужнымъ дать подвластнымъ ей народамъ... Напрасно г. Гизо думаетъ, что бѣлая часть итальянскихъ государей прибѣгали къ Австріи только потому, что ихъ жизни грозила опасность. Во всѣ послѣднія революціи не только жизни владѣтельныхъ особъ не грозила опасность, но даже ихъ имущество было уважаемо. Австрійское иго для итальянскихъ владѣтелей вовсе не было такъ тяжело, какъ представляетъ г. Гизо. Оно немножко затрогивало ихъ гордость и самолюбіе — и только; зато позволяло имъ дѣлать все, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ они не покровительствовали либерализму. Вспомните распоряженія неаполитанскихъ королей Франциска и Фердинанда — и вы поймете, что требовать отъ нихъ участія въ освобожденіи Италіи невозможно (*). Какой поводъ былъ Фердинанду подкопаться подъ это дѣло? Кто угрожалъ его безопасности, его жизни? Конституція, которую онъ далъ была самая умѣренная; народъ забылъ о долготѣлнхъ страданіяхъ, перенесенныхъ отъ правительства; всѣ были такъ увлечены, что даже Ботселли, глава карбонаріевъ, бросился къ ногамъ короля, когда тотъ подписалъ конституцію. Правда, были недовольные, но такихъ было не много и лучшее средство воспрепятствовать ихъ влиянію было добросовѣстное соблюденіе конституціи. А такъ-ли поступали итальянскіе владѣтели? Отправляя флотъ на помощь Венеціи, король далъ ему секретныя инструкціи не дѣйствовать противъ Австрійцевъ; разсѣвая въ то же время въ войскѣ слухи объ опасностяхъ венеціанской экспедиціи, онъ вооружалъ противъ генерала Пене солдатъ и офицеровъ посредствомъ своихъ клеветовъ; другіе государи дѣйствовали также: папа запретилъ генералу Дурандо переходить По; Леопольдъ назначилъ начальникомъ тосканскаго отряда Арко-Феррари, одного изъ неспособнѣйшихъ генераловъ, и парализовалъ своими распоряженіями дѣйствія патриотовъ; Карлъ-Альбертъ велъ войну для увеличенія Пиемонта, а не для освобожденія Италіи.

(*) О правленіи неаполитанскихъ королей см. июньскую книжку Р. Слова, отд. иностр. литературы.

Какъ только народъ замѣтилъ, что дѣйствія итальянскихъ владѣтелей резко противорѣчатъ словамъ, такъ сейчасъ же движеніе приняло демократическій характеръ. Надо удивляться, какъ этого не случилось раньше, потому что итальянская демократія, дремавшая столько вѣковъ въ какомъ-то летаргическомъ снѣ, вдругъ возсталъ, пробужденная усиліями тайныхъ обществъ и литературы.

Цѣлая фаланга мыслителей и поэтовъ явилась проповѣдницею личнаго начала; понимая, что общественныя преобразованія только тогда могутъ быть прочны, когда каждый членъ общества достаточно развитъ, Каттанео, Маміани и другіе старались о распространеніи образованія на этихъ началахъ. Матильда Каламбрини и Лудовикъ Фрасси распространяли въ Тосканѣ протестантство посредствомъ приютовъ; молодые римскіе люди нарочно ходили въ кабаки заниматься образованіемъ транстеверинцевъ; — все стремилось къ тому, чтобы социальнымъ преобразованіемъ создать людей и съ помощью ихъ привести политическую реформу. Патриоты употребляли всѣ усилія, чтобы привлечь народъ на свою сторону; отъ этого движеніе приняло характеръ демократическій и національный. Графъ Кавуръ нисколько не виноватъ въ этомъ; онъ не былъ довольно гениаленъ, чтобы управлять обстоятельствами, напротивъ того обстоятельства совершенно управляли имъ. Либерализмъ его ограничивалъ свои желанія созданіемъ королевства сѣверной Италіи, съ парламентомъ подъ его предсѣдательствомъ. Событія принудили его идти дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ, но онъ никогда не сочувствовалъ республиканской партіи и пытался даже остановить экспедицію Гарибальди въ Сицилію силою; тѣмъ болѣе онъ расходился съ Маттеи. Союза его съ республиканскою партіей не было; онъ былъ представитель *mezzani*, основившихъ движеніе 48 года. Въ революціи 59 года онъ былъ принятъ какъ участникъ, но не какъ глава: оставаясь чуждымъ ей, онъ долженъ былъ бы оставить министерство. Главой движенія считался Викторъ Эммануилъ, душой его былъ Гарибальди. Роль Пиемонта была опредѣлена здѣсь исторіей; ему не для чего было возбуждать возстаній: они были приготовлены безъ него усиліями патриотовъ и поступками Австріи и друзей ея. Пиемонтъ производилъ вліяніе скорѣе примѣромъ своего благосостоянія, вытекшаго изъ учрежденій страны, чѣмъ дипломатическими интригами. Если принатіе изгнанниковъ и свободное выраженіе мнѣній считаются г. Гизо революціонными, въ такомъ случаѣ Англія будетъ самая революціонная страна въ свѣтѣ. Завоеваній Пие-

монть не могъ сдѣлать безъ согласія тѣхъ областей, которыхъ хотѣлъ присоединить къ себѣ, а убѣдить народъ нѣсколькими словами нельзя; общность интересовъ вызывала всѣ сословія къ дѣйствию, а не союзъ матсинистовъ съ кавуристами; какъ скоро цѣль была достигнута, партіи снова вступали во враждебное положеніе другъ къ другу. Обвинять какую нибудь партію въ стремленіи къ цѣли болѣе отдаленной, въ желаніи поставить человѣка въ болѣе благоприятныя условія, значитъ отрицать прогрессъ человѣчества. Общественный переворотъ, который такъ порицаетъ г. Гизо, вовсе не былъ такъ ужасенъ, какъ представляется съ перваго взгляда. Герцоги удалялись сами, не желая ни дѣйствовать вмѣстѣ съ народомъ, ни исполнять принятые прежде обязательства; имущества бѣжавшихъ были уважены, никто изъ чиновниковъ прежняго правительства не былъ оскорбленъ (кроме нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ)... Въ королевствѣ неаполитанскомъ, правда, общее движеніе сопровождалось кровопролитіемъ, но это потому, что народъ тамъ былъ развитъ менѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ Италіи. При этомъ не надо забывать, что Сицилія пользовалась либеральной конституціей съ XIII вѣка, а въ Неаполѣ въ послѣдніе 40 лѣтъ конституція была два раза введена и нарушена... По тенденціи Гизо поддерживаетъ свѣтскую власть папы; «Существенный характеръ христіанства, говоритъ онъ, есть уваженіе порядка и правъ всѣхъ (?); правъ Бога точно также какъ человѣка; правъ правительствъ какъ и правъ народовъ; правъ прошедшаго и правъ будущаго». Вообще видно, что время не просвѣтило г. Гизо нисколько. Какъ министромъ онъ былъ враждебенъ всякимъ народнымъ интересамъ, какъ тогда онъ государствомъ считалъ только буржуазію, такъ и теперь; какъ тогда онъ не понималъ Италіи, такъ не понимаетъ ее и теперь; какъ тогда онъ былъ фаталистомъ и доктринеромъ, такъ и теперь... Предлагая Италіи федерацію, онъ не понимаетъ, что для ней возможна только федерація народная. Древняя Греція, Швейцарія, Нидерланды, Сѣверо-Американскіе Штаты всѣ примѣры приведенные г. Гизо представляютъ примѣры демократическихъ федерацій. Другія федераціи постоянно не удавались, начиная итальянской лигой Лудовика Мора и оканчивая рейскимъ союзомъ и франкфуртской діетой 48 года. Народная же федерація невозможна была въ настоящее время безъ народной войны, которая могла поднять на Италію европейскую коалицію. Самъ же г. Гизо говоритъ, что нельзя отказывать въ національности милліонамъ людей,

говорившихъ, въ теченіи вѣковъ на одномъ языкѣ, привыкнувшихъ уважать другихъ и тѣхъ же великихъ людей, какъ своихъ предковъ, привыкнувшихъ смотрѣть на одни и тѣ же произведенія искусства, какъ на общее свое достояніе. И если партія Матсини выставила на своемъ знамени единство, то потому, что оно было завѣтной мечтой всѣхъ великихъ Итальянцевъ отъ Данте и Маккіавели до нашего времени, потому что оно нашло отзывъ въ сердцахъ массъ, потому что безъ него освобожденіе Италіи не могло совершиться. Надо было подчинить на время мѣстные интересы одной общей цѣли—а это было возможно только при единствѣ! Общее движеніе могло явиться или республиканскимъ—и вызвать противъ себя европейскую коалицію, или демократическимъ, съ Пиемонтомъ во главѣ, что было невозможно безъ единства. Возставая противъ него, г. Гизо, очевидно, смѣшиваетъ его съ централизаціей, тогда какъ между ними существенная разница. Мы нисколько не считаемъ современные политическія формы Италіи постоянными и нѣсколько разъ высказывали это мнѣніе (*). Мы всегда думали, что для ней возможна народная федерація, по силѣ и развитію демократическаго элемента на полуостровѣ. Напрасно г. Гизо пугается завоевательныхъ видовъ Пиемонта: Пиемонтъ силенъ силой Италіи, силой народа, идеей единства, которой является представителемъ; повинувся движенію національной идеи, онъ является только итальянскимъ государствомъ. Стремленіе его присоединить къ себѣ Римъ и Венецію вытекаетъ тоже изъ національныхъ тенденцій; большинство народа вездѣ на его сторонѣ, хотя многіе и не одобряютъ послѣднихъ его поступковъ. Г. Гизо старается представить его поведеніе въ превратномъ видѣ, но это потому, что онъ, какъ самъ сознается, не знаетъ хорошо положенія дѣлъ. Вотъ его слова:

«Въ королевствѣ неаполитанскомъ чужеземная армія, выгнавъ короля, воюетъ, *не знаю хорошенько*, съ какой партіей (*Une armée étrangère fait la guerre à je ne sais pas quelle partie*); но только безъ сомнѣнія съ значительной партіей неаполитанскаго народа, который смотритъ на Пиемонтцевъ какъ на чужеземцевъ и не хочетъ ихъ владычества. Чтобъ обуздать это сопротивленіе, изгоняютъ, заключаютъ въ тюрьмы, разстрѣливаютъ плѣнныхъ, сожигаютъ города. Въ римскомъ вопросѣ такіе поступки невозможны. Франція прикры-

(*) См. «Рус. Слово» июль 1859 и июль 1861 г.

ваетъ Римъ щитомъ своимъ, и потому пытаются дѣйствовать другими средствами, обращаются къ католической публикѣ, къ самому папѣ; пробуютъ его устрашить.—Что я говорю? не устрашить, а даже убѣдить хотять; принуждаютъ его уступить духу времени, покориться необходимости, согласиться на преобразованія, которыя ему предлагаютъ » (168).

Очень жаль, что г. Гизо, *не зная хорошенько предмета*, берется толковать о немъ; еслибы онъ повнимательнѣе слѣдилъ за событіями, то узналъ бы, что партія, противъ которой воюютъ Пиемонтцы въ неаполитанскомъ королевствѣ состоитъ изъ бродягъ и мошенниковъ, бывшихъ сборовъ и фанатиковъ-монаховъ; онъ узналъ бы что о снабженіи ихъ оружіемъ, деньгами и припасами заботится тотъ самый папа, котораго власть онъ такъ горячо отстаиваетъ. И если, и послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, итальянскіе патриоты рѣшаются обратиться къ нему съ убѣжденіями отказаться отъ свѣтской власти, — неужели они заслуживаютъ порицанія? Неужели Молтанелли, Манцони, Томассео, аббатъ Джоберти были худшими католиками и понимали интересы Италіи хуже г. Гизо? Неужели сами Итальянцы не чувствуютъ на каждомъ шагу неудобствъ, происходящихъ отъ свѣтской власти папы?

Остановимся на этомъ. Чтобъ опровергнуть всѣ ошибки г. Гизо, чтобъ показать всѣ его противорѣчія съ самими собой, надо было бы написать книгу толще его брошюры. Мы ограничились бы въ сужденіи о ней нѣсколькими строками, еслибъ клерикальная партія не прокричала объ этомъ произведеніи какъ о восьмомъ чудѣ въ свѣтѣ. Похвальные возгласы клерикаловъ лучше всего показываютъ жалкое положеніе ихъ партіи; всѣ талантливые люди отвернулись отъ нихъ, и они въ отжившихъ старикахъ—доктринерахъ должны искать себѣ подпоры и прославлять брошюрки, не выдерживающія самой снисходительной критики. Такія произведенія скорѣе всего могутъ убить то дѣло, которое защищаютъ. Они служатъ новымъ доказательствомъ, что нельзя писать съ заранѣе заданной мыслью для оправданія какой-нибудь доктрины,—противорѣчія и натянутость въ фактахъ въ такихъ случаяхъ неизбѣжны; но доктринеры—люди съ самыми раздражительными самолюбіями. Попробуйте усомниться въ дарованіи какого-нибудь изъ нихъ—онъ готовъ кричать о гибели человѣчества. Эгоизмъ, самообожаніе отрицаніе жизни—ихъ отличительныя черты; типъ Вагнера въ Фаустѣ—полное выраженіе доктринерства. Какъ—бы велика ни была эрудиція—

если въ ней нѣтъ жизни,—она не только бесполезна, но даже вредна, потому что задерживаетъ живое развитіе во имя мертвой буквы. Мы не отвергаемъ, чтобъ доктринеръ не могъ приносить свою долю маленькой пользы, но сфера его слишкомъ узка и какъ только онъ выходитъ изъ ней, онъ становится смѣшнымъ или вреднымъ, смотря по своему общественному положенію...

В. ПОНОВЪ.

Львиная лапка, разсказъ Бертольда Ауэрбаха.
(*Edelweiss, eine Erzählung von Berthold Auerbach*).

Этотъ разсказъ Ауэрбаха принадлежитъ къ числу легкихъ поэтическихъ произведеній, которыя можно назвать литературными цвѣтками: красиво, мило, свѣжо. И это имѣетъ такую силу обаянія, что многихъ подкупаетъ и заставляетъ смотрѣть болѣе чѣмъ снисходительно на промахи и натяжки автора; за него становится какъ будто бы содѣлано, но не рѣшаешься его строго судить.

Въ «Львиной лапкѣ» Ауэрбаха на первый планъ выступаетъ семейная жизнь молодого часовщика, страстнаго музыканта въ душѣ, но слишкомъ щѣдраго, мягкосердечнаго и слабаго. Жена у него на дочери содержателя гостиницы, гордой и избалованной красавицѣ, привыкшей къ лестнѣ и поклоненію. Она занимала многочисленныхъ посѣтителей гостиницы своими умными и живыми разговорами; научилась угождать и очаровывать, но изъ этого сближенія съ людьми вынесла порядочную дозу инстинктивнаго презрѣнія къ нимъ. Мать ея—вздорная кумушка. Отецъ—олицетвореніе степенности и достоинства: онъ медленно выступаетъ, медленно обводитъ глазами гостей, подаетъ руку только избраннымъ, и внутренне сознаетъ, что дѣлаетъ имъ большую честь своимъ присутствіемъ, и сами гости сознаютъ, что это большая честь и называютъ хозяина честиѣйшимъ и благороднѣйшимъ человекомъ. Въ этихъ послѣд-

нихъ достоинствахъ сомнѣвалась его хорошенькая дочь Аннели; она не любила отца; съ матерью же она бранилась. Не таковы были родители часовщика Ленца: отецъ его былъ человѣкъ работающій, честный и сурово строгій; но онъ умеръ, когда сынъ былъ еще ребенкомъ; мать Ленца умерла незадолго до его женитьбы. О ней все говорятъ, что это была набожная женщина; ея слова приводятъ какъ притчи; завѣщанный ею за-сушенный цвѣтокъ Edelweisz сынъ чтить и бережетъ какъ святыню, вѣруетъ въ его спасительное свойство. Но вотъ онъ женатъ. Онъ любитъ свою молодую жену безъ памяти, онъ говоритъ что вѣчно будетъ ее на рукахъ носить. А она? Да и она его любитъ; мы узнаемъ впоследствии изъ ея собственнаго призванія, что женственная, мягкая доброта ея суженаго казалась ей иногда приторною и смѣшною, но потомъ вдругъ она одумывалась и готова была броситься передъ нимъ на колѣни и цѣловать его руки. И вотъ, несмотря на взаимную любовь между молодою четой, нѣтъ и тѣни счастья. Сначала все еще ничего: онъ прилежно работаетъ, она занимается хозяйствомъ, разговариваютъ, строятъ планы, и оба довольны своимъ уединеніемъ. А между тѣмъ отецъ Аннели разоряется, забравъ напередъ деньги зятя, и этимъ доводитъ его до крайности. Ленцъ теряется, начинаетъ усиленно работать, но работа валится изъ рукъ и онъ совершенно падаетъ духомъ. Аннели начинаетъ упрекать его; она сердится, зачѣмъ онъ непослушался ее и отдалъ деньги отцу; ей тяжело было видѣть своего мужа такимъ убитымъ, задавленнымъ, молящимъ о поддержкѣ и утѣшеніи; ей хотѣлось бы, чтобы онъ принялъ какія нибудь энергическія мѣры; она настаиваетъ, чтобы онъ бросилъ свое ремесло, продалъ бы домъ и завелъ гостиницу; она ручается, что сумѣетъ такъ хорошо повести хозяйство, что совершенно обезпечить семейство. Но Ленцъ не уступаетъ требованіямъ жены, потому что слишкомъ привязанъ къ своему ремеслу, завѣщанному изъ рода въ родъ, и къ своему родительскому дому. Аннели сердится, доходить до ожесточенія, какъ говорится, и рветъ, и мечетъ; все кончается упреками и бранью, обращенными на несчастнаго мужа. Она называетъ его мямлей, лѣнтяемъ, хвастуномъ, умѣющимъ только говорить; однимъ словомъ, придирается и бранится, какъ только можетъ разсерженная, капризная женщина. Доведенный до отчаянія, Ленцъ грозитъ, что убьетъ изъ дома; Аннели смѣется на это и говоритъ, что онъ ее очень обяжетъ. И Ленцъ обязываетъ, т. е. бѣжить, нѣтъ однакоже цѣлью искать помощи у своихъ добрыхъ знакомыхъ. И вотъ Аннели остается одна. Естественно, она должна была за-

тихнуть и успокоиться; а потомъ само собою пришло бы раздумье о своемъ настоящемъ положеніи, о томъ, сколько сама она подбавляетъ въ него горечи и отравы. А ея отношенія къ мужу—что она съ ними сдѣлала? Непосредственное чувство должно было бы подсказать ей, что вѣдь лежачаго не бьютъ. Да и что же онъ сдѣлалъ? За что же мучить его, за что его бранить? Вѣдь ему и то не легко: день и ночь все работа, да работа, колесцы, да винтики, да опять колесцы, голова кругомъ поидеть... И никто не поможетъ ему, никто не скажетъ добраго слова, никто не утѣшитъ... На что онъ сталъ похожъ: исхудалый, блѣдный, ходитъ какъ въ воду опущенный, бѣдный, бѣдный Ленцъ... А все я.. Ну, что жъ мнѣ дѣлать? Вотъ не могу я, чтобъ съ нимъ не побраниться, такъ меня что-то и поджигаетъ, а ему, и безъ меня тошно... Даже изъ дому убѣжалъ.

Вотъ естественный путь, по которому Аннели должна была дойти до того мягкаго, вѣжнаго настроенія, когда она выходитъ на улицу, чтобы поджидать мужа, когда она готова броситься къ нему на встрѣчу, обнять, приласкать его, чтобы онъ и не вспомнилъ о прошломъ.

Все это Аннели необходимо должна была перечувствовать. Мужа нѣтъ, слѣдственно нѣтъ на-лицо живой улыбки въ ея жестокости, въ безжалостной несправедливости; а это тяжелое сознаніе только раздражаетъ ее, побуждаетъ еще къ большимъ несправедливостямъ и ставить въ такое безвыходное положеніе, что можно дойти до отчаянія, до преступленія... А тутъ нѣтъ ничего, чтобы ее возбуждало—все тихо, спокойно; она предоставлена собственнымъ мыслямъ, а эти мысли напештываютъ ей много и много хорошаго. Отсутствие любимаго человека вносить въ наше чувство еще одинъ новый элементъ: жалость, ту вѣжную, женственную жалость, которую простой народъ и не отдѣляетъ отъ любви. Спросите молодую крестьянку, любить ли она своего ребенка, и она отвѣтитъ вамъ, лаская его: «ужъ такъ-то онъ мнѣ жалокъ!» Вотъ и отсутствующій любимый человѣкъ становится для насъ также жалокъ; оттого что, чувствуя всю силу нашей любви къ нему, мы жалѣемъ его, что онъ ея лишень, что мы не можемъ окружить его этою любовью и лелѣять его. Да и просто такъ; онъ намъ жалокъ, потому что о каждомъ изъ насъ вовсе не лишнее пожалѣть. Когда дорогое намъ существо на-лицо, то оно кажется намъ такимъ свѣтлымъ, отраднымъ явленіемъ; такъ легко вѣрится въ его силу, въ прочность его счастья; жалость уступаетъ мѣсто восторгу, какому-то дѣтскому вѣрованію чуть ли не во все-

моущество того, кого любить. Но когда существо это далеко, когда мы не знаемъ, что съ нимъ, и не можемъ ни защищать его, ни утѣшить, тогда и становится жалко, такъ жалко, что и высказать трудно; вамъ озадѣваетъ не столько за себя, сколько за другую, родную вамъ душу, какое-то сиротливое, ноющее чувство. Тутъ есть и инстинктъ, всемогущій инстинктъ, заставляющій каждое животное, сдѣлавшееся матерью, дрожать за своихъ дѣтенышей и съ недоверчивостью озираться кругомъ, вездѣ высматривая угрожающія имъ враждебныя силы. И громъ—то прогремѣлъ ужъ не противъ нихъ ли? И тучи ужъ надвинулись не на ихъ ли погибель? Какъ все намъ кажется и страшно, и грозно, и какое небывалое и невозможное значеніе придаемъ мы тому, за что боимся, и всему тому, чего мы боимся.

Такъ вотъ и Аннели была мягко и нѣжно настроена; она стала ждать мужа и даже упала въ обморокъ, когда одинъ изъ его товарищей принесъ ей случайно найденную имъ въ оврагѣ шляпу Ленца. Но дошла Аннели до этого настроенія не собственными мыслями и непосредственнымъ чувствомъ, нѣтъ; Ауэрбахъ придумалъ вотъ что: онъ отрядилъ къ своенравной женѣ священника съ проповѣдью и велѣлъ ему наставить ее на путь истинный, а ей приказалъ его слушать, и должно быть строго на строго приказалъ, иначе, трудно повѣрить, какъ эта самолюбивая и къ наставленіямъ непривыкшая молодая женщина такъ терпѣливо выслушиваетъ непрощенныя нравоученія, позволяетъ третьему лицу касаться хотя, можетъ быть, и не жесткими, по все же для нея посторонними руками, такого щекотливаго вопроса какъ семейныя отношенія. Но какъ бы то ни было, а духовный пастырь научаетъ Аннели уморазуму, такъ что она собирается встрѣтить мужа очень дружелюбно. А между тѣмъ тотъ самый товарищъ Ленца, который принесъ его шляпу, успокоиваетъ Аннели насчетъ мужа, что онъ здоровъ и невредимъ, и рассказываетъ между прочимъ, что Ленцъ поручился за него, но что теперь поручительство это не нужно, потому что долгъ уже заплаченъ. Аннели еще прежде знала объ этомъ поручительствѣ и все настаивала, чтобы мужъ отказался отъ него; а онъ, чтобы ее успокоить, сказалъ наконецъ, будто бы онъ дѣйствительно отказался. Стало быть онъ обманулъ ее; и вотъ Аннели вспыхиваетъ какъ порохъ. Куда дѣвалось ее мягкое настроеніе; теперь она сердится, выходитъ изъ себя и готовитъ мужу совсѣмъ иную встрѣчу. Когда онъ приходитъ, Аннели даже не встрѣчаетъ его, едва отвѣчаетъ ему отрывисто, холодно, колко, наконецъ показываетъ

ему очень ясно, что его присутствіе ей въ тягость, что онъ внушаетъ ей одно отвращеніе. Такую расчитанную и ничѣмъ невызывающую жестокость трудно предположить въ женщинѣ съ горячимъ сердцемъ. Такъ что во всю эту сцену какъ-то не вѣрится; думается, что это такъ только показалось Ауэрбаху, что онъ хорошенько не вслушался. А между тѣмъ мы вовсе не надѣемся, что вотъ не будь только этого поручительства, да оставайся Аннели подъ благотворнымъ впечатлѣніемъ пасторской проповѣди, то она встрѣтила бы мужа очень ласково, и зажили бы они мирно и тихо. Это положительно невозможно: слишкомъ много накопилось между ними такого, о чемъ обоимъ вспомнить было тяжело. Не могла же Аннели вдругъ преобразиться, а главное, не могла же она вдругъ устранить то, что до сихъ поръ мѣшало ей быть любящей и нѣжной женою. А причину всего этого нужно искать, какъ намъ кажется, не въ прежней жизни Аннели и не въ томъ, что ее такъ избаловали дома, а въ томъ, что она не умѣла и не могла любить мужа такъ, какъ бы самой ей этого хотѣлось, такъ, какъ этого требовала ее живая и энергичная натура. Она находила мужа слишкомъ мягкимъ, слабымъ, безропотнымъ и наконецъ слишкомъ снисходительнымъ, хотя бы и въ отношеніи къ ней. А между тѣмъ она не могла не отдавать полную справедливость его добродушію, нѣжному сердцу и даже его твердости тамъ, гдѣ дѣло касалось его самыхъ задушевныхъ убѣжденій. Ей хотѣлось любить его сильнѣе; она не могла не чувствовать въ самой себѣ страшнаго недостатка нѣжности и ласки, но она не знала, какъ помочь бѣдѣ; и вину всего этого она, сама того не сознавая, готова была возложить на Ленца: зачѣмъ онъ не сдѣлаетъ такъ, чтобы она могла любить его сильнѣе, зачѣмъ онъ не разрешелитъ въ ней нѣжность.

По этому Ленцъ, несмотря на всю свою доброту, является такой жалкой флегмой, такимъ беззащитнымъ бараномъ, что право, пожалуй, скажешь: ну и по дѣлаю ему. Все это ожесточаетъ Аннели и она еще болѣе сердится и бранится. Еслибы Ауэрбахъ хотя немного освѣтилъ ее внутреннюю жизнь, она непремѣнно возбудила бы жалость, потому что сама она страдала, не могла не страдать. Между прочимъ, вотъ что говорить она о мужѣ: Ленцъ занимался извлѣченіемъ часовъ съ музыкою; это было его любимой работой; и сравнивая себя съ своими твореніями онъ сказалъ одинъ разъ: вотъ какая разница между мной и этими машинками: онѣ сами играютъ, но не слышать и не понимаютъ му-

зыки, а я только слышу, да понимаю. Припоминая эту фразу Аннели говорить самой себѣ: и онъ точно такой же какъ его машинка, онъ самъ умѣетъ только играть, а не слышитъ и не понимаетъ другой музыки. Аннели не даромъ жаловалась на неотзывчивость мужа; онъ былъ ласковъ и вѣженъ, но не старался разгадать любимую женщину, не слышалъ и не понималъ ее. Онъ и добротою своею вредилъ только дѣлу. Ну такъ какъ же тутъ быть? спросать добрые люди, которые всегда требуютъ медицинскаго совѣта, или рецепта, когда имъ указываютъ на какія нибудь уродливости отношений. Конечно, все бываетъ болѣе или менѣе поправимо; да кто поправлять-то будетъ? На вопросъ: такъ что же тутъ дѣлать? Мы отвѣтили бы, что Ленцу нужна не такая жена, а Аннели не такой мужъ. Ну, а помимо этого? Ленцу нужно придать болѣе мужественности, а Аннели болѣе мягкости; ну, а такъ какъ этого нельзя, то не травкой же ихъ въ самомъ дѣлѣ отпавать. Поневоля надо предоставить ихъ самимъ себѣ, чтобы они путемъ варощенія недоразумѣній и непритностей дошли бы наконецъ до какого нибудь перелома, или же до утомленія и, вслѣдствіе этого, до примиренія съ настоящимъ порядкомъ. А тутъ еще можетъ быть обстоятельства придуть на выручку и доведутъ до развязки.

У Ауэрбаха кончается все вотъ чѣмъ: доведенный до отчаянія, Ленцъ рѣшается на самоубійство; для этого онъ удаляетъ дѣтей изъ дому, посылаетъ ихъ къ своему другу, пишетъ къ нему письмо, и потомъ входитъ въ комнату Аннели, для того, чтобы проститься съ нею. Вдругъ раздается ужасающій трескъ и гулъ, почва колышется подъ ногами, въ мигъ становится совершенно темно. Наконецъ Ленцъ догадывается въ чѣмъ дѣло: это обвалъ, и они засыпаны снѣгомъ! Аннели съ ужасомъ спрашиваетъ, что случилось, кричитъ, доходить до отчаянія. Можно ожидать каждую минуту, что крыша обвалится и задавитъ ихъ. Ленцъ приходитъ въ себя, принимаетъ все нужныя мѣры, зажигаетъ огонь и старается ободрить до крайности испуганную жену.

На спасеніе еще можно надѣяться: ихъ можетъ быть откопать; съѣстные припасы есть и съ ними можно прожить сутокъ двое. Но все это невѣрно, и смерть смотритъ прямо въ глаза. Подъемные отшельники начинаютъ обсуживать свое положеніе, говорить о прошедшемъ. Изъ словъ дяди Аннели представляется, что и онъ, и мужъ готовы теперь накинуться на нее съ упреками и обвиненіями. Она съ завальчивостью говоритъ

вѣтъ, что она ихъ и теперь не боится, не дастъ себя въ обиду, не позволитъ себя оскорблять. Ленцъ старается ее успокоить, но признается ей, что рѣшился было на самоубійство. Это сильно потрясаетъ Аннели. Ужась предстоящей смерти овладѣваетъ ею все съ большою силой. Она въ отчаяніи мечется по постели, призываетъ мужа, бормочетъ отпустить его отъ себя. Ее мучитъ раскаяніе; она проситъ прощенія, приравниваетъ всѣ свои проступки до мельчайшихъ подробностей, обѣщаетъ быть совершенно иною; плачетъ и ласкается къ мужу.

Все случившееся не могло не потрясти Аннели до основанія. Вотъ и конецъ всему, вотъ и смерть. А какъ прошла жизнь?.. Такъ многое тяготитъ сердце, чтобъ хотѣлось бы сбросить, забыть, отъ чего хотѣлось бы отречься. А много ли было наслажденій? Нѣтъ, все было отравлено и многое по собственной винѣ. Гдѣ же то счастье, о которомъ она прежде такъ горячо мечтала? Гдѣ любовь, гдѣ отрада? И любить не стѣмѣла, и наслаждаться не могла, а вотъ и смерть.

Понятно, что Аннели замираетъ, трепещетъ; что ее терзаетъ мысль о своемъ разбитомъ счастьѣ, о разбитомъ счастьѣ мужа, и она льнетъ къ нему и ласкаетъ его. Она любить его до страсти... и какъ умирать не хочется... Душа такъ и проситъ свѣта, простора, любви...

Понятно, что Аннели бросилась въ объятія мужа; понятно, что она просила забыть все ненавистное прошлое, но чтобы она, какъ ребенокъ на исповѣди, припоминала всѣ свои вины, всѣ несправедливости и капризы, и за каждый въ особенности вымаливала бы себѣ отпущеніе, это едва ли покажется естественнымъ. Самое величїе минуты не допустило бы до кровопливаго копанья въ тяжелыя и непріятныя воспоминанія. Да и самому Ленцу каждая ласка, каждый поцѣлуй жены, вѣроятно, были дороже самыхъ искреннихъ признаній, что вотъ тогда то и тогда то она совершенно несправедливо на него рассердилась. Онъ долженъ былъ видѣть, что она его любить, не можетъ не любить; и что ото всего вреднаго она отреклась и оно ей страшно.

Друзья отрыли ихъ и спасли. Аннели вышла изъ подъ снѣгу съ волосами совершенно побѣлѣвшими. Она какъ будто переродилась; едѣлась тиха и кротка; угождала мужу, угождала старой, преданной работницѣ, которую прежде выгнала изъ дому. Не мудрено, если

случившаяся катастрофа оставила на молодой женщинѣ самыя глубокіе слѣды и сломила ея непокорный нравъ. Она такъ много пережила въ нѣсколько часовъ, такъ близко была отъ потери всего, что не мудрено, если она стала искать и цѣнить тихое и мирное счастье. Но это усиленное, напряженное стараніе быть доброй и кроткой не есть прямое слѣдствіе случившагося, а скорѣе похоже на монастырское послушаніе, на отмаливанье вольныхъ и невольныхъ грѣховъ.

Такъ обыкновенно оканчивается почти всякая повѣсть Ауербаха. Стремленіе его къ добру отзывается тѣмъ чувствомъ милосердія, которое мы встрѣчаемъ между старыми барынями на церковныхъ папертяхъ; Ауербахъ не видитъ и не понимаетъ, гдѣ лежитъ корень зла въ соціальныхъ отношеніяхъ людей, и потому прибѣгаетъ къ разнымъ примирительнымъ полумѣрамъ, старается окрашивать черный фонъ жизни, за неимѣніемъ хорошихъ красокъ, кой-какими замазками, въ родѣ сурика и синели. У него нѣтъ ни рѣзкихъ образовъ, ни сильныхъ драматическихъ сценъ; онъ ровенъ, какъ протестантская проповѣдь, онъ монотоненъ, какъ семейная обстановка элегматической Нѣмки, онъ тепелъ и симпатиченъ, и за это его читаютъ и любятъ въ мѣщанскихъ кружкахъ Германіи.

DER HERZOG VON GOTHA UND SEIN VOLK. EIN AUFSATZ VON EDUARD SCHMIDT-WEISSENFELS NEBST EINEM ANTWORTSCHREIBEN DES HERZOGS ERNST VON SACHSEN-KOBURG-GOTHA. Leipzig. 1861.

Герцогъ Готскій и его народъ. Шмидта-Вейсенфельса съ присоединеніемъ отвѣта герцога Эрнста Саксенъ-Кобургъ-Готскаго. Лейпцигъ. 1861 (*).

Вопросъ о германскомъ единствѣ представляется однимъ изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ. Съ осуществленіемъ его соединяется возрожденіе 40 м. Германцевъ и уничтоженіе систематической австрійской реакціи. Составленная изъ самыхъ разпородныхъ элементовъ, раздѣленная на множество мелкихъ государствъ, подчиненная вліянію Пруссіи и Австріи, Германія представляетъ остатокъ средневѣковой неурядицы и печальный образецъ новѣйшаго неустройства, Безъ сомнѣнія, положеніе ея лучше чѣмъ было до 1848 года, но лучше развѣ только потому, что тогда было невыразимо дурно. Такой порядокъ дѣлъ не могъ продолжаться; со всѣхъ сторонъ слышались требованія реформъ; но большая часть владѣтелей оставалась глуха къ этимъ волямъ.

Но изъ числа германскихъ владѣтелей были люди, которые смотрѣли дальше, которые понимали, что преобразованія необходимы; эти люди старались по возможности облегчить участь народа. Къ числу ихъ принадлежить герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій. Получивъ либеральное воспитаніе подъ руководствомъ Кэтлэ (Quételet), онъ отправился путешествовать по западной Европѣ. Шестилѣтнее пребываніе въ Лондонѣ, Парижѣ и Брюсс-

(*). Чтобы не повторять уже сказаннаго, для лучшаго уразумѣнія вопроса, просимъ читателей заглянуть въ статью Э. Реаклю; Взглядъ Француза; см. Русск. Слово май и июнь, 1861.

селѣ и знакомство съ Герлахомъ, Бульверомъ, Арконати, Арривабене и другими принесло свои плоды. Возвратившись въ Германію, Эрнстъ слушалъ лекціи въ боннскомъ университетѣ, гдѣ въ то время произошла реакція противъ рутины, господствовавшей до тѣхъ поръ въ преподаваніи.

Вскорѣ потомъ (1844) герцогъ вступилъ на престолъ. Положеніе его было затруднительно; миниатюрное герцогство его состояло изъ двухъ различныхъ элементовъ. По прекращеніи эрнестинской линіи готскаго дома, большая часть готскаго герцогства была присоединена къ Саксенъ-Кобургу. Это присоединеніе чрезвычайно не нравилось готской аристократіи, потому что она чувствовала, что должна будетъ потерять свое значеніе. Новый герцогъ былъ человѣкъ благонамѣренный, но самовластный; конституція, данная имъ въ 1821 году Кобургъ-Саальфельду, была неудовлетворительна и вела къ раздорамъ. Въ Готѣ была своя маленькая конституція, которая передавала всю власть въ руки бюрократіи и буржуазіи, но жители довольствовались и ею; теперь же они видѣли, что придется отказаться отъ положенія, къ которому привыкли, а для добрыхъ Нѣмцевъ это было хуже смерти... Ожиданія ихъ оправдались: новый герцогъ былъ человѣкъ крутой и перевернулъ все вверхъ дномъ въ готскомъ герцогствѣ. Усилия его увѣнчались успѣхомъ; благосостояніе Готы увеличилось, но зато Кобургъ не могъ простить, что герцогъ перенесъ свою столицу въ другой городъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Эрнстъ вступилъ на престолъ. Четыре года старался онъ примирить враждебные элементы, но не могъ этого сдѣлать... Примиреніе это онъ основывалъ на торжествѣ народнаго принципа, что, разумѣется, вооружило противъ него большинство фамилій въ герцогствѣ. Одну изъ причинъ такого нерасположенія Эрнстъ видитъ въ томъ, что патріархальные обычаи упали, что герцогъ съ учрежденіемъ отвѣтственного министерства не могъ уже произвольно распоряжаться государственными доходами, чтобъ помогать бѣднымъ. Возраженіе, по нашему мнѣнію, неосновательное. Какое отвѣтственное министерство осмѣлится отказать въ помощи разоренному народу? Развѣ не отъ герцога зависитъ выборъ министровъ? Наконецъ, развѣ не имѣетъ онъ своихъ частныхъ охотокъ, которые онъ можетъ употребить, какъ ему угодно? Намъ кажется, нелюбовь къ герцогу въ началѣ его царствованія произошла

отъ сдѣланныхъ имъ перемиръ; простой народъ не любитъ никакихъ нововведеній — этимъ искусно воспользовались готскіе и кобургскіе недовольные и старались возбудить ропотъ противъ Эрста.

Такое недоразумѣніе продолжалось до революціи 1848 года. Провсѣщенныя распоряженія герцога, нелицемѣрное усердіе его къ созданію единства Германіи пріобрѣли ему любовь народа, который въ это короткое время значительно развился. Популярность Эрста еще болѣе увеличилась послѣ реакціи 1849 года: онъ съ каждымъ днемъ яснѣе высказывалъ свои мысли насчетъ единства Германіи; онъ далъ прессѣ свободу открыто разсматривать этотъ вопросъ и позволялъ учрежденію въ своихъ владѣніяхъ общества германскаго единства. Разумеетсяъ, такое поведеніе не могло нравиться австрійскому правительству, которое нѣсколькими нотами и статьями въ оффиціальныхъ журналахъ изъяснило свое неудовольствіе. Къ числу такихъ явленій мы причисляемъ и книгу г. Шмидта—Вейссенфельса.

Чтобъ ослабить популярность герцога, онъ представляетъ намъ незавидную картину современнаго положенія герцогства и старается доказать, что Эрстъ не очень любимъ своими подданными. «Было бы ошибочно думать, говорить онъ, что герцогъ пользуется у своего народа той же популярностью и уваженіемъ, какими пользуется въ остальной Германіи и даже въ другихъ государствахъ... Говорятъ, что онъ слишкомъ много занимается высшей политикой и слишкомъ мало своими подданными. Онъ призвалъ множество иностранцевъ и роздалъ имъ самыя важныя мѣста, тогда какъ туземцы рѣдко достигаютъ высшихъ должностей и чиновъ. Онъ смотритъ на управленіе своей областью какъ на что-то недостойное его талантовъ и въ то время, какъ вся Германія провозглашаетъ его лучшимъ изъ князей, подданные его извлекаютъ изъ этого слишкомъ мало пользы. Остается, говорятъ, исправить еще много злоупотребленій, многое могло бы идти лучше;... діета состоитъ изъ чиновниковъ; куда ни поворачись—вездѣ встрѣтишь со-вѣтника, слѣдовательно, съ этой стороны мало надежды. Что же касается до свободы прессы, это дѣло совершенно особенное. Правда, въ областяхъ герцога можно думать, писать и печатать свободно о дѣлахъ всего міра, кромя герцогства Кобургъ-Готскаго. Если заговорите, напр. о недостаткахъ учебнаго вѣдомства—васъ притянетъ къ суду комиссіи училищъ. Нельзя даже критиковать театральныя представленія, не рискуя подвергнуться жалобѣ со стороны интенданта или актера и

быть обвиненнымъ въ оскорбленіи герцогскаго чиновника (herzoglichen Beamten) ».

Высказавъ эти обвиненія, г. Шмидтъ-Вейсенфельсъ, по обычаю всѣхъ доктринеровъ австрійской школы, начинаетъ оправдывать герцога, приводя въ оправданіе такія причины, которыя набрасываютъ еще болѣе тѣни на обвиняемаго. Продолжаемъ нашу выписку.

«Таковы сплегня насчетъ герцога. Во многихъ отношеніяхъ эти обвиненія основательны, но нельзя ставить ихъ въ вину ему; его дѣятельный и обширный умъ любитъ заниматься дѣлами въ большихъ размѣрахъ и охотно избавился бы отъ узкихъ интересовъ маленькаго княжества, чтобъ возвестись въ области высшей политики и способствовать благу общаго отечества. Досада, которую онъ испытываетъ, протительна, но ее нельзя оправдывать. Впрочемъ, Гота есть часть и притомъ прекрасная часть Германіи, и благосостояніе ея можетъ принести герцогу только пользу... Мы должны считать себя счастливыми, что одинъ изъ нашихъ государей съ такими способностями, съ такой полнотой національнаго чувства принимаетъ дѣятельное участіе въ организаціи Германіи и въ великомъ народномъ дѣлѣ и дѣйствуетъ согласно съ народомъ. Впрочемъ герцогство Кобургъ-Гота не такъ велико, чтобъ его владѣтель долженъ былъ заниматься исключительно его управленіемъ ».

Замѣчаете ли съ какимъ, искусствомъ сгруппированы здѣсь фразы. Дѣла въ герцогствѣ идутъ не такъ, какъ слѣдуетъ, потому что герцогъ занимается обширными предпріятіями. Это предостереженіе Германіи недовѣрять своей участи такому человѣку. Похвалы здѣсь вставлены для того, чтобъ придать сужденіямъ характеръ безпристрастія. Въ заключеніе г. Шмидтъ-Вейсенфельсъ намекаетъ, что герцогу остается много свободнаго времени отъ управленія страной, и вслѣдъ за тѣмъ переходитъ къ изображенію домашней жизни Эрнста и окружающихъ его. «Театръ слѣдуетъ за герцогомъ, говоритъ онъ, при всѣхъ перемѣнахъ резиденціи. Герцогъ истрчиваетъ на него большія суммы. Онъ страстно любитъ музыку и потому особенно заботится объ оперѣ. Что касается до декорацій, костюмовъ и постановки на сцену, во всей Германіи едва ли найдется три или четыре театра, которые могутъ соперничать съ готскими. Герцогъ такъ любитъ театръ, что рѣдкій вечеръ не бываетъ на представленіи... Не меньше театра онъ любитъ охоту и лошадей.

«Праздники при дворѣ отличаются великолѣпіемъ; на большихъ балахъ бываетъ не менѣе 500 человекъ; огромныя залы Фриденштейна наполняются придворными, офицерами, цвѣтомъ готской буржуазіи и молодыми референдаріями, приглашенными единственно для танцевъ. Балъ оканчивается роскошнымъ ужиномъ. Герцогъ на балахъ бываетъ очень любезенъ и позволяетъ себѣ иногда танцовать съ хорошенькими дочерьми и женами готскихъ буржуа».

Описавъ такимъ образомъ герцога и его дворъ, г. Шмидтъ-Вейсенфельсъ, продолжаетъ: «Вотъ главнѣйшія случаи (балы и маскарады), гдѣ герцогъ входитъ въ непосредственное сообщеніе съ народомъ и, входятъ такимъ образомъ, который дѣлаетъ честь его характеру». Затѣмъ снова слѣдуютъ похвалы.

Цѣль брошюры (*) была слишкомъ ясна. Герцогъ былъ атакованъ передъ общественнымъ мнѣніемъ; молчаніе его придавало бы болѣе силы обвиненіямъ; герцога могли заподозрить въ презрѣніи общественнаго мнѣнія; брошюра была составлена слишкомъ умно, чтобъ на нее можно было отвѣчать презрѣніемъ. Герцогъ понялъ это и обратился съ печатнымъ оправданіемъ къ суду общества.

Изложивъ вкратцѣ прежнее положеніе владѣній, герцогъ продолжаетъ:

«Узнавъ въ Англіи о паденіи французскаго правительства, я поспѣшилъ вернуться въ Германію и поспѣлъ въ Готу въ самую пору; прибытіе мое и указы, и прокламаціи отвратили народныя насилія. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ я былъ совершенно одинъ. Чиновничій міръ не зналъ, что думать, какъ рѣшить. Я долженъ былъ войти въ сношеніе съ массами непосредственно. Съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ дняхъ, потому что никогда съ тѣхъ поръ народъ не оказывалъ мнѣ такой полной и безусловной довѣренности».

«Въ городахъ и особенно въ Готѣ новый порядокъ вещей произвелъ большія перемѣны. Прежнее равнодушіе уступило какому-то политическому упоенію. Кто прослѣдитъ исторію реформъ, совершенныхъ въ Готѣ, тотъ увидитъ, что аристократическій элементъ, такъ сильный прежде въ государствѣ, былъ отброшенъ совершенно на задній планъ. Богатое дворянство изъ мести отдалилось отъ государя и

(*) Прежде она явилась въ видѣ статьи въ Leipziger Sonntagsblatt.

отъ народа и дало полную свободу собранію, составленному по выборамъ на самомъ широкомъ демократическомъ основаніи. Но пренія въ церкви св. Павла только на короткое время привлекли вниманіе буржуазіи. Скоро мѣстные и частные вопросы поглотили всѣ другіе. Интересъ къ обще-германскимъ дѣламъ ослабѣлъ въ скоромъ времени до такой степени, что я остался одинъ съ немногими, чтобъ защищать великое дѣло нѣмецкой національности.»

«Это крайнее равнодушіе къ истиннымъ интересамъ нашего великаго отечества продолжается, кромѣ нѣкоторыхъ почтенныхъ исключеній, до нашего времени. Жители города Готы раздѣляются на три главныя группы: 1) дворянство, въ томъ числѣ отставные чиновники съ пенсіей и капиталисты; 2) зажиточную буржуазію и бюрократію; 3) мелкихъ ремесленниковъ, которые, *не имѣя на то права, недовольны своей участію*; они живутъ въ бѣдности и по эгоистическимъ причинамъ всегда находятся во враждебномъ отношеніи къ остальному обществу».

«Первая группа видитъ во мнѣ олицетвореніе революціонныхъ тенденцій 1848 года. Дворяне обвиняютъ меня во многомъ, въ чемъ виноваты сами. Они не могутъ мнѣ простить, что я не поддержалъ при учрежденіи новой конституціи привилегированнаго положенія дворянства; они сердятся на меня, что я уничтожилъ должности камергеровъ и камеръ-юнкеровъ; ихъ оскорбляетъ мой дворъ или лучше сказать мой домъ, потому что открытъ для всѣхъ, кто по своимъ талантамъ или характеру пользуется уваженіемъ. Идея стараго германскаго двора исчезла, а вмѣстѣ съ ней и вліяніе дворянства... Разумѣется, эта группа не можетъ хвалить мою политикку и не старается облегчить мнѣ управленіе. Вторая группа состоитъ изъ новыхъ либераловъ, но, къ несчастью, многіе только прикидываются такими, не имѣя духа самоотверженія и пожертванія, которыхъ требуетъ новѣйшій либерализмъ. Эта группа должна бы быть моей главной опорой, сочувствовать мнѣ; но расчеты мелкаго эгоизма заставляютъ ее дѣйствовать иначе. Въ прежнее время герцогъ имѣлъ *исключительное* право раздавать мѣста—тогда нуждались въ немъ; теперь же нужно контрастированіе министровъ и потому обращаются къ нимъ, менажируя въ то же время герцога. Если онъ остается безпристрастенъ и думаетъ только объ общемъ интересѣ, ему нельзя быть популярнымъ у этихъ людей, тѣмъ болѣе, что въ Готѣ, какъ и въ другихъ маленькихъ резиденціяхъ, царствуетъ духъ партій».

«Отсюда эта тайная оппозиція, обнаруживающаяся по временамъ ко всѣмъ нововведеніямъ сверху.»

«Наконецъ третья группа находится въ отношеніи герцога въ положеніи совершенно особенномъ. Безспорно, что она въ постоянной оппозиціи съ другими группами, но, несмотря на то, она тоже негодуешь на меня, хоть я и стою въ ея рядахъ, за то, что я не позволяю ей нарушать безнаказанно либеральные законы.»

«Таковы причины, возбуждающія въ Готѣ духъ сплетней и безконечныхъ пересудовъ. Еслибъ даже я не ставилъ себя выше нихъ, то все-таки не смѣшалъ бы благороднаго патриотизма истиннаго гражданина съ пустыми возгласами трактирныхъ посетителей, потому что я довольно глубоко изучилъ народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.»

«Чтобъ отвѣчать на сдѣланныя мнѣ замѣчанія, я нисколько не колеблюсь объявить, что смотрю на постоянное отыскиваніе истины, какъ на принципъ хорошей администраціи; я доступенъ всякому, кто помогаетъ мнѣ идти по этой дорогѣ. Чужое мнѣніе всегда кажется мнѣ достойнымъ уваженія, какъ скоро оно основано на истинѣ и подкрѣплено серьезными доказательствами. Что же касается до сужденій неосновательныхъ, до ложныхъ показаній, до оскорбительныхъ манифестаций, я всегда примѣню къ нимъ законы, изданные для безопасности всѣхъ безъ различія.»

«Между тѣмъ сколько клеветъ заставляютъ общественное мнѣніе заблуждаться! Сколько клеветъ избѣгаетъ отъ судебного преслѣдованія! Въ это число я ставлю ложный слухъ, столько разъ повторенный, что готская діета состоитъ изъ людей, заинтересованныхъ поддерживать правительство во всѣхъ вопросахъ; на самомъ же дѣлѣ выходитъ противное. Безъ сомнѣнія, дѣйствія готскихъ депутатовъ возбуждаютъ ропотъ, но кто болѣе правительства имѣетъ право жаловаться на то? Пусть разсмотрятъ списки членовъ разныхъ діетъ, пусть найдутъ въ нихъ друзей правительства, пусть прослѣдятъ со вниманіемъ публичныя пренія, предложенія министровъ и отвѣты діетъ—и тогда навѣрно придутъ къ другому заключенію. Равнодушіе къ интересамъ страны, скука, которую испытываютъ, вида себя оторванными отъ обыденныхъ занятій—вотъ причины хладнокровія публики къ выборамъ. Общество должно жаловаться само на себя, если эти выборы даютъ ему людей мало способныхъ содѣйствовать истинному благу страны; об-

щество чувствует всю невыгоду такого порядка вещей, но оно не даетъ себѣ труда вникнуть въ причины, производящія этотъ вредъ.»

«Но, можетъ быть, изъ всего, мной сказаннаго, заключать, что я хочу поставить себя въ сторонѣ, но я далекъ отъ этой мысли; я не отдѣляю себя отъ народа, я принадлежу къ нему и люблю его. Но потому самому, что я смотрю на него и на его поведеніе именно такъ, а не иначе, потому самому я въ правѣ требовать отъ него чего нибудь болѣе благороднаго и возвышеннаго.»

«Духъ народа подобенъ ревущимъ волнамъ потока. Безполезно ставить ему преграды, пытаюсь остановить его; онъ перельется чрезъ все плотины или разнесетъ ихъ. Патріоты и государи должны заботиться только о томъ, чтобъ сохранить чистоту его водъ и не позволить имъ разлиться.»

«Но чтобъ въ этомъ успѣть, нужна помощь самаго народа; надо, чтобъ онъ не чуждался правительства.»

«Конечно, постыдно искать поддѣльной популярности насчетъ своего долга, но точно также было бы ложно думать, что патріоты могутъ доставить націи счастье безъ народной симпатіи и безъ истинной популярности.»

«Надо, чтобы народъ уважалъ имена своихъ предводителей, надо даже, чтобы онъ защищалъ ихъ отъ оскорбленій; онъ никогда не долженъ забывать, что взаимная довѣренность неразлучна отъ взаимнаго расположенія и уваженія.»

Въ этомъ отвѣтѣ ясно обрисовывается характеръ герцога и положеніе страны. Въ Кобургъ-Готѣ, какъ и въ остальной Германіи, господствуетъ буржуазія. Герцогъ ошибается, полагая, что отдаленіе дворянства позволило ему основать конституцію на народномъ элементѣ; безспорно, этотъ элементъ вошелъ въ нее, но онъ вошелъ въ теорію, на дѣлѣ же, какъ видно даже и изъ отвѣта герцога, господствуетъ буржуазія и бюрократія. Буржуазія XIX вѣка не похожа на буржуазію среднихъ вѣковъ; та отличалась прогрессивными стремленіями—теперешняя отличается консерватизмомъ; та состояла изъ наиболѣе развитыхъ фамилій народа, стояла впереди его и вела за собой—теперешняя представляетъ наименѣ развитую часть средняго класса и гранитной стѣной отдѣляетъ его отъ народа. Все, что мы сказали о французской буржуазіи въ прошедшей книгѣ журнала (*), все это можно

(*) См. Декабрь, Отд. Ин. Лит.

принять къ буржуазіи нѣмецкой. Герцогъ очень хорошо понимаетъ, что для возрожденія ея нужно внести въ нее новые элементы и эти элементы онъ надѣется найти въ народѣ. Но становясь представителемъ народа, герцогъ не сбросилъ съ себя еще всѣхъ предубѣждений и въ поведеніи его замѣтенъ нѣкоторый особый оттѣнокъ. Последнее легко объясняется необходимостью. Народные дѣатели выходятъ или изъ среды народа или являются изъ другихъ сферъ общества. Первые возникаютъ въ дни смуты и волненій; они имѣютъ огромное вліаніе въ первое время, но владычество ихъ непродолжительно; они, большей частью, недостаточно подготовлены къ своей роли и гибнутъ жертвами реакціи или честолюбія новыхъ дѣателей. Не такова роль другихъ: они не внушаютъ такого довѣрія народу, а между тѣмъ многіе изъ нихъ, по образованію своему, понимаютъ лучше первыхъ тѣ средства, которыя должны привести народъ къ желанному развитію. Неспособные, по натурѣ своей, смотрѣть хладнокровно на его невѣжество, полные увѣренности въ справедливости своихъ идей, въ искренности желанія добра народу, они иногда употребляютъ такія средства, которыя, взятая съ безусловной точки зрѣнія, не могутъ быть одобрены. Они стараются прежде уничтожить отрицательную сторону системы, мѣшающей выполнению ихъ плана; они начинаютъ съ равенства, изъ котораго впоследствии при малѣйшихъ благоприятныхъ условіяхъ возникаютъ стремленія къ личной свободѣ; такъ что централизація иногда бываетъ первой ступенью демократіи, потому что сглаживаетъ сословныя раздѣленія, но въ то же время рождаетъ многочисленную бюрократію. Впрочемъ эта бюрократія не такъ уже отдалена отъ народа; она даже отчасти выходитъ изъ рядовъ его, и если иногда оказывается губительной для народнаго благосостоянія, то это слѣдуетъ приписать неразвитости народа, который не могъ еще выработать государственныхъ формъ... Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что вездѣ централизація работала въ пользу народнаго принципа: одни невольно, другіе по убѣжденію, потому что опирались на народъ. Лучшіе изъ централизаторовъ (какъ напр. Ришелье, Кромвель и др.) ставили интересы народа выше всего; они не были представителями какого либо привилегированнаго сословія; но каждому старались предоставить всѣ средства для развитія способностей; хотя это развитіе было одностороннее — подчинялось главнымъ государственнымъ цѣлямъ и ограничивалось извѣстнымъ направлениемъ. Конечно, личная произвольная дѣятельность стѣснялась ими, но это было только явленіе прехо-

дѣе, одна изъ необходимыхъ формъ развитія цивилизаціи; законъ же обособленія личности остается неизмѣннымъ, потому что вытекаетъ изъ человѣческой природы. Народъ инстинктивно понимаетъ это... ропщетъ на своихъ вождей, но повинуется имъ. Съ перваго взгляда кажется, что онъ недоволенъ ими, но приходитъ опасность—и народъ готовъ лечь поголовно, чтобъ отстоять ихъ; онъ творитъ чудеса храбрости и самоотверженія и въ пѣсняхъ и легендахъ передаетъ потомкамъ имена своихъ избранниковъ.

Въ положеніи близкомъ къ этому находится герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій: онъ принужденъ бороться съ одними и просвѣщать другихъ; какъ человѣкъ страстно преданный своей идеѣ и одаренный желѣзнымъ характеромъ, онъ идетъ на проломъ; своимъ примѣромъ онъ показываетъ другимъ германскимъ владѣтелямъ, что можетъ сдѣлать всякій изъ нихъ, опираясь на народъ. Остается желать только, чтобъ герцогъ еще тѣснѣе сблизился съ нимъ и тогда остальные его предубѣжденія разбьются. При прежнемъ управленіи единство Германіи невозможно, да и народъ не всегда бываетъ счастливымъ въ состояніи патриархальной непосредственности предполагая даже владѣтеля благонамѣреннаго и дѣятельнаго. Для примѣра возьмемъ хоть Фридриха-Вильгельма, отца Фридриха II. Казалось, онъ-ли не заботился о народѣ; онъ входилъ въ домашнюю жизнь до мелочи, такъ что, можно сказать, зналъ все въ каждомъ домѣ. Это породило систему неслыханнаго домашнего деспотизма: король вмешивался во все, а врядъ-ли эта отеческая заботливость могла нравиться людямъ сколько нибудь развитымъ; разумѣется, стоявшимъ на низшей степени общественнаго развитія это было все равно—нужды ихъ ограничивались кускомъ хлѣба и они не разбирали, кто бросалъ этотъ кусокъ имъ и благословляли его... Вѣроятно, герцогъ не хотѣлъ бы имѣть у себя подданныхъ, подобныхъ прежнимъ лацарони. Напрасно онъ жалуется на недовольство третьей группы своей участью, увѣряя, что она не имѣетъ на это права. Право это лежитъ въ натурѣ человѣка; безъ него не было бы возможно стремленіе и усовершенствованіе. Изъ картины, представленной самимъ герцогомъ, видно, что Кобургъ-Гота далеко не Аркадія для бѣдныхъ ремесленниковъ—чему же удивляться, что они смотрятъ враждебно на остальное общество? Развѣ герцогъ не желаетъ улучшить ихъ участь? Если желаетъ — значитъ признаетъ ихъ требованія справедливыми. Мы нисколько не думаемъ, чтобъ выраженіе, выравшееся у него въ отвѣтъ, было слѣдствіемъ

глубокаго убѣжденія; мы скорѣе готовы принять его за слѣдствіе мгновеннаго увлеченія, произведеннаго медленностью и неразвитостью тѣхъ, на кого онъ больше всего рассчитываетъ. Во всякомъ случаѣ личность герцога одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ современную эпоху, и отвѣтъ его служить новымъ доказательствомъ уваженія его къ общественному мнѣнію, и, безъ сомнѣнія, приобрѣтетъ ему новыхъ приверженцевъ. Народная жизнь пробуждается въ Германіи; разрѣшеніе великаго вопроса о національномъ единствѣ становится съ каждымъ днемъ ближе — — — —

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

О томъ, что такое общественное мнѣніе. — О предѣлахъ власти общества надъ личной свободой. — Исслѣдованія объ этомъ Джона Стюарта Милля. — Существуетъ ли между лицомъ и обществомъ свободный договоръ. — Отрицаніе этого положенія. — На чемъ основаны обязанности лица къ обществу. — Общее опредѣленіе этихъ обязанностей и правъ общества. — Право вліянія общества на личность въ формѣ общественной мнѣніи. — Мнѣнія о вредѣ личной свободы и опроверженіе ихъ — Вредъ и несправедливость общественной кары. — Возможность перевоспитанія общества. — Общія заключенія о вредѣ вмѣшательства общества въ личную свободу. — Общественная тиранія какъ острое социальное зло. — Внутреннія извѣстія по части законодательства, администраціи и гражданскаго быта. — Проекты преобразований. — Увеличеніе налоговъ — О дворянскихъ выборахъ. — Разсужденія «Сѣверной Почты» о значеніи дворянства. — Извѣстія по крестьянскому дѣлу. — Публичныя чтенія профессоровъ бывшаго здѣшняго университета. — Извѣстія изъ Польши и Финляндіи. — Извлеченіе изъ государственной росписи доходовъ и расходовъ. — Перемены въ составѣ министерства.

Въ теченіи наступившаго года, конечно, намъ придется много говорить или, во крайней мѣрѣ, упоминать, излагать законодательныя и административныя мѣры нашего правительства; даже и на этотъ разъ мы имѣемъ много подобныхъ извѣстій. Каждая изъ этихъ мѣръ, прежде нежели она сдѣлается достояніемъ жизни, естественно, производитъ извѣстное впечатлѣніе на общество; сумма этого впечатлѣнія образуетъ изъ себя общественное мнѣніе.

Вообще говоря, законъ и общественное мнѣніе суть два сильнѣйшихъ социальныхъ элемента, двигающихъ въ ту или другую сторону самое общество. Законъ и всякая правительственная мѣра есть активная сила общества, дѣйствующая прямо и опредѣленно; общественное же мнѣніе, какъ мы видимъ изъ современныхъ явленій жизни наиболѣе образованныхъ европейскихъ обществъ, является дѣтелемъ также весьма сильнымъ, только не дѣйствуетъ въ такой степени прямо и опредѣленно. Общественное мнѣніе можно сравнить съ атмосферой, въ которой все живетъ и творится какъ будто индивидуально, а между тѣмъ подъ

непремѣннымъ условіемъ вліянія этой атмосферы. По отношенію къ индивидууму общество проявляетъ себя именно въ трехъ точкахъ соприкосновенія, которыя суть: законъ, правительство и общественное мнѣніе.

Мы уже говорили въ одной изъ прошлгоднихъ лѣтописей объ отношеніяхъ личности человѣка къ обществу; старались, по возможности ясно, формулировать права одного и другаго, имѣя цѣлью очертить критеріумъ для всякаго рода общественныхъ явленій, начиная съ законодательныхъ и административныхъ мѣръ и до мельчайшаго скандала, дѣлающагося достояніемъ общественнаго обсуждения.

Ни одна философская система не опредѣлила съ точностью границы между личной свободой и властью общества; но наша эпоха можетъ по справедливости гордиться, что этотъ труднѣйшій философскій и социальный вопросъ разработанъ теперь глубже и яснѣе нежели когда нибудь. Джонъ Стюартъ Милль формулировалъ свои выводы съ такой ясностью, что они имѣютъ уже нѣкоторое право на практичность, становясь ближе къ жизни, нежели къ области отвлеченнаго умозрѣнія.

Мы находимъ вполне кстати передать здѣсь его послѣдніе выводы о границахъ власти общества надъ личностью, имѣя въ виду ту же цѣль, какую имѣли прежде, т. е. указаніе наилучшаго критеріума для всѣхъ общественныхъ явленій, свидѣтелями которыхъ намъ придется быть, начиная съ самыхъ ближайшихъ къ настоящему времени.

Гдѣ начинается истинная черта свободной воли человѣка надъ самимъ собою, и гдѣ начинается власть общества; что должно принадлежать личности и что обществу? Вотъ вопросы, въ разрѣшеніе которыхъ углубился европейскій мыслитель.

И личность, и общество, говоритъ Милль, получать должное, если будутъ имѣть то, что въ сущности и по справедливости принадлежитъ каждому. Общество должно считать принадлежностью индивидуума именно такую долю изъ жизни, какая необходима для *дѣятельныхъ*, т. е. сознанныхъ и опредѣленныхъ интересовъ общества.

Въ старину существовало мнѣніе, что въ основаніи общества лежитъ договоръ, и что поэтому каждый членъ обязанъ исполнять требованія общества, равно какъ и общество должно оказывать каждому изъ своихъ членовъ защиту, устройство и т. п. принадлежности человѣческой жизни. Отношенія между личностью и обще-

ствомъ опредѣлены здѣсь въ общихъ чертахъ рационально; но источникъ вывода навнѣшъ и ложень; положимъ, вы родились сегодня въ известномъ обществѣ; оно тотчасъ приняло васъ подъ свое покровительство, тотчасъ предписало вамъ свои законы и затѣмъ до могилы будетъ обязывать васъ исполненіямъ его требованій, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой степени вы согласны съ этими требованіями. Мы находимъ, что въ основаніи общества вовсе не лежитъ договоръ, и обмѣнъ услугъ между личностью и обществомъ основанъ на томъ, что общество, получая свою силу изъ многочисленныхъ единичныхъ источниковъ, должно и возвратить каждому изъ нихъ часть взятаго, потому что нельзя же постоянно только брать. Въ смыслѣ практическомъ нѣтъ особенной важности въ разницѣ двухъ этихъ положеній; но въ принципѣ мы находимъ одну очень важную черту: свободный договоръ не предполагаетъ возможности никакихъ заявленій своихъ частныхъ новыхъ желаній; а насильное хотя естественное и неизбежное подчиненіе силѣ даетъ человѣку нѣкоторое право на известную долю самобытности и на заявленіе обществу всякаго новаго требованія и даже на свободный выборъ того или другаго общества. Что касается до обязанностей отдѣльнаго человѣка къ обществу, то онѣ основаны на томъ, что самый фактъ жизни въ обществѣ обуславливается необходимостью, чтобы каждый былъ обязанъ вести себя известнымъ образомъ въ отношеніи къ другимъ.

Обязанность эта заключается прежде всего въ томъ, чтобы не нарушать интересовъ другаго, или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ интересовъ, которые общимъ инстинктомъ и убѣжденіемъ признаются за естественныя права. Такъ напримеръ жизнь, тѣло, трудъ принадлежать лично каждому человѣку и всякое произвольное посягательство на это достоинство человѣка есть нарушеніе общественныхъ обязанностей. Затѣмъ обязанностью къ обществу является необходимость удѣлить долю трудовъ и жертвъ, потребныхъ для защиты наждаго отъ насилія и презвола. Удовлетворенія всего этого общество имѣетъ право требовать и прямо настаивать на непремѣнномъ исполненіи. Но здѣсь еще не оканчивается вредѣль власти общества: дѣйствія лица могутъ быть вредны, потому что въ нихъ не заключается столько, сколько необходимо, заботы объ общественномъ благѣ, хотя въ то же время они и не нарушаютъ положительнаго закона; въ этомъ случаѣ должно вступать въ свои права общественное ишѣміе, какъ одно изъ трехъ видовъ вліянія общества надъ личностью. Если какой нибудь поступокъ вредитъ интересамъ другихъ,

общество творить судъ надъ виновнымъ въ формѣ кары общественнымъ мнѣніемъ; когда же поступки человѣка не затрагиваютъ ничьихъ интересовъ, кромѣ его собственныхъ, или имѣютъ отношеніе къ интересамъ другихъ лицъ вслѣдствіе ихъ же собственнаго желанія, тогда внимательство общества не можетъ имѣть мѣста. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ человѣкъ долженъ пользоваться полной, признанной закономъ и общественнымъ мнѣніемъ свободой дѣйствовать по своей волѣ и самому непосредственно отвѣчать за послѣдствія своихъ поступковъ.

Съ точки зрѣнія всеобъемлющей оцѣнки общества надъ личностью можетъ показаться, что предоставленіе такой свободы человѣку поражаетъ принципъ эгоистическаго равнодушія къ существованію ближняго и къ нравственности и благосостоянію цѣлаго общества. Но такое воззрѣніе прямо ошибочно: убѣжденіе въ томъ, что безъ стремленія къ общественному благу невозможно никакое частное благо, внушаетъ каждому болѣе безкорыстныхъ усилій, нежели принужденіе въ точномъ и переносномъ смыслѣ; такая доктрина не унижаетъ личныхъ добродѣтелей, которыя столь же важны, какъ и добродѣтели общественныя. Какъ тѣ, такъ и другія могутъ быть развиты только воспитаніемъ посредствомъ убѣжденія, которое остается внутренней силой, управляющей дѣйствіями человѣка во всю его жизнь. Жизнь общества такъ складывается, что люди облегчаютъ другъ другу опытаніе жизни и усиліемъ разума распознаваніе лучшаго отъ худшаго и помогаютъ въ выборѣ перваго и удаленіи втораго. Общественное одобреніе и матеріальныя вознагражденія отъ общества всегда направляютъ способности и чувства отдѣльной личности къ наилучшему употребленію ихъ, т. е. къ предметамъ, удовлетворяющимъ крайнимъ требованіямъ разума и къ пользѣ; едва ли возможно указывать совершеннолѣтнему человѣку, чтобы онъ устраивалъ свою жизнь такъ или иначе; человѣкъ самъ прежде всего заинтересованъ въ собственномъ благосостояніи; всякое постороннее участіе въ судьбѣ отдѣльнаго лица ничтожно въ сравненіи съ его собственнымъ интересомъ; общество заинтересовано въ отдѣльной личности совершенно частнымъ образомъ и только по отношенію ея къ другимъ, тогда какъ всякій человѣкъ самъ лучше другихъ знаетъ и свои потребности, и свои особенныя свойства, и обстоятельства, его окружающія. Общество можетъ руководить дѣлами и намѣреніями человѣка, въ дѣлахъ, лично его касающихся, только на основаніи общаго знакомства съ человѣческой природой; но это знакомство никогда не можетъ быть вполне основательно; даже выводы, дѣлаемые изъ него, могутъ

быть совершенно ложны; но если бы они были и справедливы, то все-таки могутъ послужить въ частныхъ случаяхъ къ злоупотребленію вліянія общества надъ личностью, какъ это иногда бываетъ, когда инициатива какого бы ни было дѣла достается на долю людей, мало знакомыхъ съ обстоятельствами этого дѣла и вовсе чуждыми ему. Въ общественныхъ отношеніяхъ одного къ другому, въ большей части случаевъ, необходимо должны быть соблюдаемы извѣстныя условія, такъ чтобы каждый могъ знать, чего онъ можетъ ожидать отъ другаго; но во всемъ, что касается исключительно личности человѣка, его личному произволу должна быть предоставлена полная свобода, потому что на нарушеніе ея никто не имѣетъ права. Другіе могутъ совѣтывать, развѣивать и навязывать свои убѣжденія, но онъ одинъ можетъ быть окончательнымъ судьей своихъ мыслей и поступковъ, не касаящихся другихъ. Всѣ ошибки, которыя можетъ дѣлать всякій человѣкъ, ничтожны въ сравненіи со зломъ, которое неизбѣжно слѣдуетъ, если другіе имѣютъ право принуждать всякаго дѣлать то, что не онъ, а они считаютъ полезнымъ.

Отношенія одного человѣка къ другому по большей части основываются на личныхъ достоинствахъ и недостаткахъ каждаго; иначе это и быть не можетъ, вслѣдствіе того разнообразія, которымъ вообще оживляется жизнь и природа. Сумма качествъ въ человѣкѣ, которыя составляютъ условія личнаго и общаго блага, т. е. умъ, способности, таланты, опредѣляютъ и степень сочувствія къ нему его окружающихъ; условіе это переходитъ границу нормальнаго, когда находимый къѣмъ либо недостатокъ хорошихъ качествъ въ другомъ человѣкѣ влечетъ за собою отвращеніе и презрѣніе. Изъкоторыя качества, дѣйствительно, не могутъ не возбуждать этихъ чувствъ; но, не дѣлая никому вреда, великій человѣкъ имѣетъ право требовать оставить въ покоѣ всѣ его достоинства и недостатки, и избавить его отъ посторонняго приговора, и ни въ чемъ не нарушать его личныхъ правъ. Никто не имѣетъ права выражать и выказывать неуваженіе и отвращеніе къ другому, потому что великій имѣетъ право и возможность избирать то общество, которое ему наиболее пріятно, слѣдовательно, и избѣгать тѣхъ, кто ему непріятенъ. Мы имѣемъ право и даже обязанность предостерегать другихъ отъ человѣка, наделеннаго дурными качествами; имѣемъ право не оказывать ему тѣхъ предпочтеній, которыя оказываемъ человѣку, наделенному отличными качествами и добродѣтелями; но этия и должны быть ограничены наружными проявленіями нашихъ чувствъ

къ другому человеку въ подобныхъ случаяхъ. За свои естественныя недостатки и вытекающія изъ нихъ ошибки, всякій получаетъ наказанія лишь потому, что они естественно и свободно вытекаютъ изъ самыхъ ошибокъ. Таковы отношенія общества къ вѣдущимъ индивидуума. Поступки же, причиняющіе вредъ другому лицу, должны вызывать новую оппозицію въ общественномъ мнѣніи. Завладѣніе правами другихъ, нанесеніе имъ какого либо ущерба, неоправданнаго собственными правами, ложь или обманъ въ отношеніи къ другимъ, несправедливое и чрезмѣрное пользованіе преимуществами надъ ними, даже эгоистическое уклоненіе отъ защиты ихъ отъ всякаго оскорбленія,—все это должно подлежать нравственному осужденію и даже возмездію или наказанію. Здѣсь не только самые поступки, но и самое побужденіе къ нимъ безнравственно и справедливо подлежитъ осужденію. Нестокость, злоба, страсть къ господству надъ другими, стремленіе приобрести на свою долю большую часть выгодъ, чѣмъ имѣютъ другіе, гордость, находящая наслажденіе въ униженіи другихъ, эгоизмъ, который заставляетъ считать себя и все, что желя касается, важнѣе всего и рѣшать всѣ вопросы, касающіеся цѣлаго общества или многихъ лицъ, въ свою пользу,—все это составляетъ пороки, подлежащіе общественному осужденію; они не то, что заблужденія или ошибки, истекающія отъ недостатка достоинствъ и способностей, которые въ точномъ смыслѣ нельзя и назвать безнравственными; но они суть злоупотребленія антисоціальныяхъ наклонностей человека, зародыши которыхъ онъ имѣетъ въ своей натурѣ, и которыя могутъ развиваться до степени положительнаго вреда для общества. Ошибки и увлеченія немнѣе могутъ происходить, какъ отъ недостатка умственныхъ способностей или отъ слабаго развитія ихъ, отъ недостатка чувства личнаго достоинства и уваженія къ самому себѣ; все это подлежитъ осужденію лишь въ томъ случаѣ, когда человекъ нарушаетъ обязанности къ другимъ, безопасность или интересъ которыхъ требуетъ, чтобы отдѣльный человекъ заботился о самомъ себѣ,—именно, когда отдѣльный человекъ поставленъ такъ по своему положенію въ обществѣ, напримеръ, въ какой либо публичной, общественной должности; въ этомъ единственномъ случаѣ общество можетъ требовать исполненія того, что называется обязанностями въ отношеніи къ самому себѣ, потому что обстоятельства дѣлаютъ эту обязанность въ то же время и обязанностью въ отношеніи къ другимъ. Обязанность въ отношеніи къ самому себѣ, когда она означаетъ нѣчто болѣе чѣмъ благоразуміе,

значит уваженіе къ самому себѣ и развитіе самого себя, а человекъ ни въ томъ ни въ другомъ не обязанъ давать отчета себѣ подобнымъ, потому что онъ отвѣчаетъ передъ ними только въ томъ, что касается блага цѣлаго общества.

Между потерей уваженія, которую можетъ заслужить человекъ въ результатѣ недостатка благоразумія или чувства собственного достоинства и между осужденіемъ, которому долженъ подвергаться человекъ за нарушеніе правъ другихъ, существуетъ различіе весьма рѣзкое, какъ и различіе, которое мы находимъ въ нашихъ поступкахъ и чувствахъ относительно человека, возбуждающаго наше неудовольствіе въ дѣлахъ, гдѣ мы признаемъ за собой право контролировать его, — и въ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ этого права. Если человекъ не нравится намъ, мы можемъ, не высказывая нашего неудовольствія, удалиться отъ него, точно также какъ мы отдаляемся отъ вещи, которая не нравится намъ; но за нами нѣтъ права нарушить чѣмъ нибудь покой его жизни; мы знаемъ, что онъ одинъ несетъ всѣ неблагоприятныя послѣдствія своей ошибки. Если онъ портитъ свою жизнь дурнымъ поведеніемъ, мы не должны на этомъ основаніи портить ее еще болѣе своими преслѣдованіемъ; напротивъ, мы должны стараться облегчить его судьбу указаніемъ на исходъ, посредствомъ котораго можно избѣжать зла, или исправить его; мы можемъ сожалѣть о немъ, но онъ не можетъ сдѣлаться для насъ предметомъ гнѣва или озлобленія общественнаго; мы не имѣемъ права поступать съ нимъ какъ съ врагомъ общества; худшее, что мы имѣемъ право сдѣлать — это предоставить его самому себѣ, если только мы не хотимъ принять участія въ немъ, что также относится къ нашей свободной волѣ. Совершенно другое право имѣетъ общество, когда отдѣльная личность нарушитъ общественныя законы противъ другаго лица или противъ цѣлаго общества. Въ такомъ случаѣ вредныя послѣдствія поступковъ падаютъ не на него, а на другихъ, — в общество, какъ защитникъ всѣхъ своихъ членовъ, имѣетъ право на возмездіе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ человекъ играетъ роль обидчика, и общество призвано не только прокнестись надъ нимъ свой приговоръ, но даже и исполнить его; въ первомъ же случаѣ не можемъ наказывать его ничѣмъ, кромѣ того, что согласуется съ возмездіемъ нами такой же свободой во всемъ насъ касающемся, какую мы предоставляемъ и ему.

Съ этимъ различіемъ, какое мы сдѣлали между дѣйствіями человека, отвесавшимся только до него лично, и дѣйствіями, касающимися

общества, многие могут не согласиться, возражая, что человек, живущий въ обществѣ, не можетъ быть поставленъ настолько индивидуально, что, сдѣлавъ что нибудь дѣйствительно вредное для самого себя, не нанесъ въ то же время вреда и другимъ, хоть самымъ ближнимъ людямъ; напримеръ, если онъ растрачиваетъ свое имущество, то наноситъ вредъ тѣмъ, кто прямо или косвенно пользовался имъ для себя; если онъ портитъ свои физическія или умственныя способности, то не только наноситъ вредъ всѣмъ тѣмъ, чье благосостояніе зависитъ отъ него, но и дѣлаетъ себя неспособнымъ принести ту пользу, которую въ противномъ случаѣ могъ бы принести, и если подобныя явленія не будутъ исключительными, то вредъ для общества можетъ быть болѣе нежеланъ отъ нарушенія правъ отдельныхъ личностей; кромѣ того примѣръ можетъ вредить, развращая прочихъ членовъ общества, и еще могутъ замѣтить, что общество не должно предоставлять самимъ себѣ тѣхъ, которые, очевидно, не могутъ руководить собой, вслѣдствіе своей горячности или недостатка умственныхъ способностей, потому что, если общество обязано защищать дѣтей и несовершеннолѣтнихъ отъ нихъ же самихъ, то оно также должно быть обязано давать подобную же защиту и взрослымъ людямъ, если они не способны управлять собой.

Возраженія эти имѣютъ за себя цѣлый рядъ вѣковъ, цѣлую исторію съ кострами инквизиціи, съ пытками, плетью, тюрьмами и т. п.; подобныя возраженія слишкомъ важны, чтобы не заслуживать подробной критики какъ самыхъ основаній ихъ, такъ и сущности. Здѣсь придется говорить не только о правѣ и справедливости, но и сравнить самыя принципы, во имя которыхъ общество можетъ дѣйствовать такъ или иначе, съ цѣлью самой практической, самой житейской.

Намъ не согласиться, что зло, которое человекъ дѣлаетъ самому себѣ, отражается какъ на тѣхъ, которые близко связаны съ нимъ семейной или интересами, такъ, хотя и въ меньшей степени, на весь обществѣ,—и вліяніе общества въ подобныхъ случаяхъ не только законно и согласуется съ общими законами, которыя положены выше въ защиту индивидуальной свободы человека; такъ напримеръ, если человекъ вслѣдствіе неумѣренности или проточительности не въ состояніи платить своихъ долговъ, или, взявъ на себя нравственному отвѣтственность за семейство, становится поему же неспособнымъ поддерживать и воспитывать его, то онъ наказывается и общественными сужденіемъ, и закономъ,—но только за нарушеніе обязанности къ

своимъ кредиторамъ и неисполненіе семейныхъ обязанностей, а не за расточительность, потому что, еслибы этотъ глава семейства лишился, пожелавши, своего состоянія вслѣдствіе совершенно случайныхъ причинъ, отъ него независимыхъ, нравственная отвѣтственность передъ кредиторами и передъ семействомъ нисколько бы оттого не уменьшилась. Вообще, человекъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ причиняетъ вредъ своему семейству, предаваясь порочнымъ привычкамъ, заслуживаетъ упрека; но этотъ упрекъ одинаково возможенъ и въ томъ случаѣ, когда вредный не предается никакимъ дурнымъ привычкамъ; кто не уважаетъ интересовъ и чувствъ другихъ, неизбежно подвергается за это нравственной отвѣтственности, но не за причину, вызвавшую это неуваженіе; такимъ образомъ, если человекъ поведеніемъ, лично касавшимся его одного, дѣлаетъ себя неспособнымъ къ исполненію какой либо определенной обязанности въ отношеніи къ обществу, — онъ виновенъ передъ обществомъ. Никто не можетъ быть наказанъ только за то, что пьянъ, но всякій кто будетъ пьянъ во время исполненія какихъ либо общественныхъ обязанностей, требующихъ трезвости, неизрѣнно долженъ подвергнуться отвѣтственности. Къроче говоря, во всякомъ случаѣ, гдѣ есть определенный ущербъ, или явная возможность ущерба или вреда для отдѣльнаго человека или общества, — обстоятельство выходитъ изъ области свободнаго личнаго произвола и подчиняется общественному мнѣнію и закону.

Что же касается косвеннаго вреда, причиняемаго обществу поведеніемъ отдѣльнаго человека, не нарушающимъ ни одной изъ определенныхъ общественныхъ обязанностей его, и не приносящимъ никому, кромѣ его самого, явнаго вреда, то въ этомъ случаѣ общество должно переносить нѣкоторое неудобство подобнаго нарушенія общественной нравственности во имя перваго человѣческаго блага — свободы. Если общество дорожить свободой, оно должно уважать принципъ ея и должно положить его въ основаніе правъ каждаго изъ своихъ членовъ, иначе общество не можетъ и пользоваться свободой. Притомъ же, общественная нравственность поддерживается вовсе не страхомъ общественной кары, напротивъ, неуспѣшность этой системы сдѣлалась уже неоспоримой; но у общества есть другіе способы для поддержанія нравственности, вѣрные и радикальные.

Общественное караніе, несмотря на очень продолжительное и повсемѣстное дѣйствіе какъ въ давно исчезнувшихъ, такъ и въ современныхъ намъ человѣческихъ обществахъ, не достигло той дѣли, которую пред-

полагаютъ. Карая только за то, что дѣлается явнымъ, общество ничего не предпринимало противъ тѣхъ общественныхъ преступленій и проступковъ, которые остаются скрытыми, тайными; такимъ образомъ, способность и умѣнье тщательно скрыть преступленіе являются производнымъ карательной системѣ предупрежденія преступленій; предполагая въ людяхъ постоянно дѣйствующее чувство самохраненія и значительную долю хитрости для тщательнаго укрыванія преступленій, и не сомнѣваясь въ томъ, что со стороны общества принимается несравненно менѣе бдительности и энергіи для преслѣдованія преступленій,—необходимо придти къ заключенію, что наибольшая часть преступленій противъ общества остаются неизвестными, такъ что противъ нихъ общество не принимаетъ никакихъ мѣръ, слѣдуя системѣ достигать исправленія нравственности своихъ членовъ посредствомъ наказаній, тогда какъ въ рукахъ общества находится средство исправленія вполне радикальное и вѣрное это—воспитаніе.

Каждое поколѣніе, воспитанное предыдущимъ, въ свою очередь воспитываетъ слѣдующее; слѣдовательно, въ рукахъ настоящаго поколѣнія (въ данное время) находится какъ воспитаніе, такъ и вся будущность слѣдующаго поколѣнія; каждое поколѣніе имѣетъ средство сдѣлать нараждающееся поколѣніе столь же хорошимъ, какъ и оно само и даже нѣсколько лучше; поэтому всѣ послѣдствія дурной нравственности, чѣмъ болѣе она дѣлается общей, должны падать преимущественно на само общество. Располагая той страшной силой, которую даетъ воспитаніе и тѣмъ вліяніемъ, какое можетъ оказывать мнѣніе большинства на умы людей, мало способныхъ разсуждать сами за себя, что болѣею частью мы вслѣдъ встрѣчаемъ,—общество всегда могло бы выиграть болѣе, пустивъ въ оборотъ свои сильнѣйшіе нравственные элементы, нежели оно имѣетъ отъ тюремъ, вислицы и т. п. пугалъ на егородахъ современной гражданской жизни.

Что касается до возраженія о необходимости обществу замѣчать членовъ своихъ противъ вліянія дурнаго примѣра, который представляетъ парочный или развратный человекъ, то нельзя не замѣтить, что само общество представляетъ самый дурной примѣръ безнаказаннаго нарушенія чужихъ нравъ, виѣщаясь, напримѣръ, въ образъ жизни и поведенія отдѣльнаго человека. Примѣры дурнаго поведенія для другихъ, мы думаемъ, бываютъ гораздо болѣе полезны, чѣмъ вредны, потому что всѣ послѣдствія дурнаго поведенія представляются во всей своей устрашающей полнотѣ; кромѣ того эти послѣдствія слу-

затѣ и наказаніемъ для самого виновника. Вообще внимательство общества въ чисто-личное поведеніе человѣка, оказывается несправедливымъ и безполезнымъ.

Могутъ ли общество закономъ, вѣнчиваясь въ свободную волю отдѣльнаго человѣка, или приговоромъ общественнаго мнѣнія, т. е. нѣкимъ большинствомъ, навязывающимъ какъ законъ меньшинству — и то, и другое едва ли справедливо, потому что, произнося своей приговоръ, общество не принимаетъ во вниманіе желанія, обстоятельства и интересовъ тѣхъ, кого оно осуждаетъ, а просто руководствуется только собственными стремленіями. Осуждающее большинство почти всегда состоитъ изъ такихъ людей, которые смотрятъ какъ на личное оскорбленіе, на великое поведеніе, которое имъ не нравится и считаетъ его какъ бы оскорбленіемъ своихъ чувствъ; примирить же какъ нибудь осуждающихъ и осуждаемыхъ нѣтъ никакого средства, также какъ согласить чувства вора, вытаскивающего кошелекъ съ чувствомъ того, кому принадлежитъ онъ.

Указываемое здѣсь зло внимательства въ свободный произволъ отдѣльнаго человѣка обнаруживаетъ передъ нами какое-то странное стремленіе общества до того расширить предѣлы нравственной полиціи, чтобы она касалась до самаго ядра свободы личности. Стремленіе это порождаетъ тѣ антипатіи и ту неизбежную при этомъ борьбу, которая уноситъ у человѣчества безплодно для великаго прогресса цѣлыя столѣтія и лишаетъ его наслажденія пользоваться лучшимъ изъ благъ — чувствомъ личной свободы; къ числу этихъ антипатій принадлежатъ религіозныя мнѣнія; наиримѣръ: ничто въ обрядахъ христіанъ не поддерживаетъ такъ ненависти къ нимъ магометанъ, какъ употребленіе въ пищу свинины; или несогласіе католическаго и протестантскаго духовенства относительно брака, и т. п. Изъ социальной жизни выберемъ также два примѣра: известно, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ общество и правительство наиболѣе демократическія, невелики гдѣ нибудь, чувство большинства установило почти настоящій законъ о роскоши, и что во многихъ штатахъ богатый человѣкъ, проживающій открыто свои доходы, легко можетъ привлечь на себя общественное негодованіе. Здѣсь демократическое чувство основано на убѣжденіи, что общество имѣетъ право налагать свою тяжелую руку даже на количество истрачиванія частнымъ лицомъ своихъ доходовъ. Въ параллель съ этимъ развивается между рабочими классами теорія, по которой плеткіе работники, составляющіе вездѣ и всегда

большинство во многих ремеслахъ, держатся того мнѣнія, что плохой работникъ долженъ получать ту же плату, какъ и хороший, и что никто не долженъ зарабатывать, съ помощью большого искусства или труда болѣе, чѣмъ сколько другіе могутъ зарабатывать безъ этого; работники, для достиженія своей цѣли, принимаютъ нравственныя мѣры, которыя дѣлаются равносильными физическимъ, чтобы воспрепятствовать искусному работнику получить большее вознагражденіе за лучшую работу. Если общество имѣетъ право вмешиваться въ дѣла, лично касающіяся его членовъ, то и работники и американскіе демократы совершенно правы, или, если можно протестовать противъ подобнаго насилія этой части общества съ своими членами, то нельзя оправдать и вмешательство общества въ частныя дѣла отдѣльнаго человѣка.

Всякая тиранія, какая бы она ни была—одинаково лишаетъ человѣка свободы, и успѣха ея слѣдуетъ опасаться какъ соціальнаго зла, имѣющаго самыя глубокіе и самыя ядовитыя корни. Теорія безграничности общественныхъ правъ можетъ быть развита до того, что не будетъ такого ограниченія личной свободы, котораго бы она не оправдала, и развѣ только признаетъ свободу утаивать свои мысли и никогда не обнаруживать ихъ. Эта теорія предполагаетъ во всякомъ опредѣленное стремленіе къ нравственному, умственному и даже физическому совершенствованію опредѣленными способами, чему сильно противорѣчитъ разнообразіе степеней способностей умственныхъ и физическихъ, какое мы встрѣчаемъ въ людяхъ.

Самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ общественныхъ преслѣдованій являются въ исторіи минувшаго и даже въ настоящей преслѣдованія религіозныя. Они основаны на убѣжденіи, что обязанность каждаго человѣка заботиться о томъ, чтобы другой былъ религіозенъ. Если допустить эту доктрину, то можно оправдать и религіозные раздоры.

Всѣ эти свидѣтельства, служатъ масштабомъ для опредѣленія состоянія человѣческой свободы какъ теперь, такъ и въ предъидущіе времена.

Строгіе защитники общественной нравственности, нарушающіе ее прежде всѣхъ сами, и ратуя во имя свободы, не уважаютъ ее въ другомъ; эти защитники разныхъ мелкихъ, частныхъ доктринъ опасаются, какъ бы не погибла современная цивилизація. На это можно сказать, что, если цивилизація одолѣла варварство, въ то время, когда варварство царило надъ міромъ, то не будетъ ли излишней ро-

бостью опаздаться, чтобы варварство, некоренное уже, не ожило вновь и не побѣдило цивилизаціи. Цивилизація, которая может покориться уже побѣжденному своему врагу, не стоит и защиты; если это такъ, то чѣмъ скорѣе погибнетъ подобная цивилизація, тѣмъ лучше. Она можетъ только пасть все глубже и глубже до тѣхъ поръ, пока ее не докажутъ и не освѣжатъ какіе нибудь энергическіе варвары.

Изложенныя здѣсь начала могутъ служить болѣе основаніемъ для разсужденій о частностяхъ, нежели быть готовыми для приложенія ихъ къ различнымъ сторонамъ современнаго быта; что же касается собственно этого примѣненія, то мы предоставляемъ себѣ сдѣлать нѣсколько подобныхъ образцовъ въ послѣдующихъ хроникахъ, а теперь считаемъ обязанностью обратиться къ современнымъ фактамъ нашего законодательства, администраціи и гражданскаго быта.

Трудно найти вообще въ исторіи какого либо законодательства примѣръ той быстроты, съ какой совершается движеніе нашего законодательства. Еще не прошелъ годъ со времени обнародованія положеній 19 февраля, еще введеніе ихъ въ дѣйствіе совершенно не окончательно; а между тѣмъ, по увѣренію Сѣверной Почты, въ настоящее время находятся въ *окомчательномъ* разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій законодательныя работы: о преобразованіи всего вообще управленія государственныхъ имуществъ и о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ тѣхъ положеній 19 февраля, которыя касаются сельскаго общественнаго управленія, и о примѣненіи сихъ положеній къ крестьянамъ государственнымъ, дворовымъ и удѣльнымъ имѣніи.

Такимъ образомъ, управленіе всѣми крестьянами въ имперіи получаетъ нѣкоторое единообразіе; въ положеніяхъ 19 февраля формы общественнаго управленія перешли въ значительной степени изъ положеній о государственныхъ крестьянахъ; теперь въ свою очередь къ управленію сихъ послѣднихъ примѣняются положенія 19 февраля. Кроме этого, въ разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій находятся предположенія о главныхъ началахъ преобразованія всей вообще судебной части, т. е. судоустройства, судопроизводства гражданскаго и уголовнаго и о переходныхъ мѣрахъ отъ порядка существующаго къ порядку новому; о полномъ преобразованіи всей городской и земской полиціи вообще; о порядкѣ составленія и раз-

смотрѣнія, утвержденія и исполненія государственнаго бюджета, и также частныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, и объ устройствѣ народныхъ школъ и вообще народнаго образованія.

Какая общая идея будетъ лежать въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, — это вѣдѣние будетъ по утвержденіи и обнародованіи постановленій, которыя состоятся по означеннымъ предметамъ.

Изъ сферы предположеній перешло въ дѣйствительность состоявшееся 30 декабря 1861 года постановленіе правительства объ увеличеніи податей и нѣкоторыхъ другихъ, поступающихъ въ казну, сборовъ, именно: гербоваго, таможеннаго и почтоваго. Въ Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату сказано по этому предмету, что, «возвышеніе цѣнъ на всѣ вообще потребности жизни имѣло послѣдствіемъ и увеличеніе государственныхъ расходовъ на приобрѣтеніе предметовъ, нужныхъ по разнымъ частямъ управленія. Оно съ тѣмъ вѣстѣ и усилило вообще, особенно въ производительныхъ классахъ народа, способы къ выгоднѣйшимъ заработкамъ и къ полученію вознагражденія за труды въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ. Сіе положеніе дѣлаетъ, доказывая съ одной стороны необходимость нѣсколько увеличить подати и прочіе поступающіе въ казенный доходъ сборы, съ другой же — служить ручательствомъ, что сіи сборы не обратятся въ обремененіе любезныхъ Намъ, вѣрныхъ Намихъ подданныхъ».

Особеннаго вниманія въ настоящее время заслуживаютъ дворянскіе выборы и собранія для сего дворянъ въ губерніяхъ. Положенія 19 февраля, измѣнивъ отношенія между помѣщиками и крестьянами, кажется, внушилъ нашимъ дворянамъ мысль обратить наконецъ вниманіе на свое положеніе. Естественно по этому ожидать, что на первыхъ, послѣ обнародованія новыхъ положеній, выборахъ дворяне заявятъ взгляды и желанія свои какъ въ отношеніи крестьянскаго дѣла, такъ и о другихъ, касающихся ихъ мѣстныхъ интересовъ.

Московскимъ дворянствомъ разсматривались, между прочимъ, слѣдующіе вопросы. Балотированы были предложенія: 1) испросить разрѣшенія, чтобы оставшаяся за надѣломъ крестьянъ, у помѣщиковъ, земля оставалась въ ихъ полномъ и непосредственномъ распоряженіи и 2) просить, чтобы члены губернскихъ по крестьянскому дѣлу присутствій и мировые посредники были отъ выборовъ дворянства. Оба предложенія эти приняты значительнымъ большинствомъ. Подвергнуто было также балотировкѣ предложеніе г. Безобразова. Предложе-

ніе это отвергнуто 165 голосами противъ 197, такъ какъ не получило узаконенныхъ двухъ третей голосовъ. Прочитаны были два проекта всеподданнѣйшаго прошенія Государю Императору о необходимости разныхъ измѣненій въ администраціи, судебной части и пр., представленныхъ подольскимъ и коломенскимъ уѣздами. Первое принято большинствомъ 306 голосовъ противу 58. По уѣздамъ балотировано было предложеніе клявскаго помѣщика, фонъ Визина, о томъ, чтобы переходъ на оброкъ былъ обязателенъ для крестьянъ, чтобы немедленно было приступлено къ разверстанію земель, и чтобы уплата процентовъ опекумскаго совѣта была отсрочена на два года.

Изъ этого краткаго перечня предметовъ, разсматривавшихся въ московскомъ собраніи, нельзя не видѣть, что московское дворянство озабочивается не только своими сословными, но и общими интересами страны; относительно же желанія московскихъ дворянъ, чтобы члены губернскихъ присутствій и мировые посредники назначаемы были по выборѣ дворянства, мы находимъ не лишнимъ замѣтить, что члены присутствій и посредники и теперь опредѣляются изъ дворянъ и справедливѣе было бы, кажется, просить не расширенія въ этомъ случаѣ правъ дворянъ, а того, чтобы и крестьянскій элементъ былъ введенъ въ мировыя учрежденія. Предложеніе г. Безорбазова хотя и отвергнуто, но на его сторонѣ было гораздо болѣе половины голосовъ. Объ этомъ мы ничего не говоримъ, предоставляя это англо-московскому органу «Русскому Вѣстнику» и другимъ подобнымъ журналамъ.

16 января открыто было въ С.-Петербургѣ чрезвычайное собраніе дворянства С.-Петербургской губерніи, для обсужденія вопроса объ устройствѣ поземельнаго банка. При открытіи собранія с.-петербургскій генералъ-губернаторъ, графъ Суворовъ, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказала: «Въ мысляхъ моихъ Государь и дворянство представляются неразлучными; безъ глубокаго ихъ единенія нѣтъ вѣрнаго залога, прочнаго преуспѣянія, нѣтъ счастья для государства. Государь — я знаю это — желаетъ, чтобы дворянство сохранило свое высокое общественное положеніе; дворянство, оставаясь по прежнему гранитнымъ подножіемъ престола, только въ этомъ можетъ найти силы для упроченія за собою своего значенія и для разрѣшенія предстоящихъ ему многотрудныхъ вопросовъ съ честію и достоинствомъ, на свою и общую пользу.»

9 января начальникомъ Псковской губерніи открыто было губер-

ское собраніе исковаго дворянства для производства выборов въ должности, отъ нихъ зависящія.

На 1-е февраля назначено въ Твери чрезвычайное губернское собраніе дворянъ для совѣщаній объ учрежденіи поземельнаго банка въ Тверской губерніи.

При открытіи тульскаго губернскаго собранія, тамошній предводитель дворянства сообщилъ между прочимъ, что въ настоящемъ случаѣ отъ дворянскаго собранія ожидаютъ не подробные проекты, но изъясненія въ основныхъ чертахъ взгляда дворянства на вопросы, по Высочайшему соизволенію передаваемыя на заключеніе собранія и что по сему Его Императорское Величество не извоилъ находить удобнымъ, чтобы губернское собраніе вообще продолжалось болѣе срока, установленнаго закономъ. Тульское дворянство поставило, между прочимъ, «собрать съ дворянскихъ земель по одной четверти коп. сер. съ десятины для вспомошествованія къ образованію молодыхъ людей въ университетѣ, преимущественно изъ дворянъ тульской губерніи, а за остаткомъ суммы и изъ другихъ сословій, безъ различія». Всякое давленіе благо! Впрочемъ, жаль, что у насъ нѣтъ подъ рукой свѣдѣнія о числѣ дворянскихъ земель въ Тульской губерніи, иначе мы не можемъ указать какой цифрѣ равняется пожертвованіе тульскаго дворянства и въ какой степени возможны изъ этой суммы остатки отъ молодыхъ людей собственно изъ дворянъ Тульской губерніи; или можетъ быть, изъ дворянъ Тульской губерніи такъ мало недостаточныхъ и въ то же время ищущихъ образованія, что какую угодно жертвуй сумму, все будетъ въ остаткѣ.

Въ *Современной Лѣтописи* «Русскаго Вѣстника» которая противъ нашего ожиданія гораздо менѣе слѣдитъ за ходомъ дворянскихъ выборовъ, чѣмъ слѣдовало отъ нея ожидать, сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выборы уже окончились и что губернскимъ собраніямъ, какъ видно изъ рѣчей губернаторовъ, предложены были, по Высочайшему повелѣнію на обсужденіе нѣсколько вопросовъ, непосредственно касающихся интересовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Мы ожидали, что *Современная Лѣтопись* займется выборами не менѣе всякой американской газеты, когда тамъ производятся выборы президента; но ошиблись—пальма первенства въ этомъ случаѣ принадлежала «Нашему Времени» и отчасти «Дню».

Толки и разнородныя мнѣнія, возбужденныя дворянскими собраніями, отразились, хотя не вполне и въ нашей журналистикѣ, въ осо-

беспокойствъ въ упомянутыхъ московскихъ журналахъ, гдѣ обсуждалось значеніе дворянства послѣ положеній 19 февраля и предложенія, какія могли бы быть представлены губернскими собраніями на усмотрѣніе правительства, а также развивалась мысль, что съ отмѣною крѣпостнаго права, русское дворянство утратило отдѣльное значеніе въ ряду государственныхъ сословій. По поводу этихъ мнѣній въ официальномъ отдѣлѣ «*Сѣверной Почты*» новорожденной газеты министерства внутреннихъ дѣлъ, говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Подобныя статьи не выражаютъ мысли правительства, онѣ несогласны съ точнымъ смысломъ новыхъ узаконеній и не соответствуютъ правильному развитію протекающихъ отъ нихъ послѣдствій. Высочайше утвержденными положеніями 19 февраля только отмѣнено, съ желаніемъ самаго дворянства и при его содѣйствіи, крѣпостное право на дворовыхъ людей и на крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Русское дворянство, сохраняя преемственную память о своихъ подвигахъ на полѣ войны и на поприщѣ гражданскихъ заслугъ, не могло и не можетъ признавать крѣпостнаго права кореннымъ условіемъ своего существованія. Оно приняло, согласно съ указаніями Высочайшей воли Государя Императора, ревностное участіе въ дѣлѣ отмѣны этого права, и вынѣ, конечно, не забудетъ, что оно призвано не къ ея самоуничтоженію, но къ дальнѣйшему непосредственному участію, при введеніи въ дѣйствіе тѣхъ законоположеній, которыми означенное право навсегда отмѣнено».

Официальныя свѣдѣнія, сообщаемыя газетою министерства внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу, представляютъ его въ настоящее время въ самомъ удовлетворительномъ видѣ.

Исполненіе повинностей производилось не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчена небрежность въ отправленіи крестьянами господскихъ работъ; случаевъ прямаго уклоненія отъ работъ, или уплаты оброка было весьма немного и всѣ они ограничивались однимъ или нѣсколькими отдѣльными имѣніями.

Общественное крестьянское управленіе образовано повсемѣстно. Отзывы губернаторовъ о дѣятельности этого управленія и о вліяніи его на общій ходъ крестьянскаго дѣла вообще удовлетворительны. Изъ нѣкоторыхъ губерній имѣются удостовѣренія о благопріятномъ впечатлѣніи, производимомъ на крестьянъ волостными судами, приговоры коихъ постановляются съ замѣчательною ясностью взгляда на дѣло и справедливостью; въ засѣданіи судовъ присутствуютъ иногда посторон-

ніе, не имѣющіе прикосновенія къ дѣлу, крестьяне; участіе это имѣетъ вліяніе на справедливость рѣшеній.

Уставныхъ грамотъ въ настоящее время представлено, въ 38 губерніяхъ, около 2800; изъ нихъ введены въ дѣйствіе 2403. Изъ числа введенныхъ въ дѣйствіе: подписаны 1463, неподписаны 881 и о 59-ти не было свѣдѣній. Въ составленныхъ грамотахъ заключаются 322, опредѣляющія прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеній, съ предоставленіемъ крестьянамъ земли въ собственность: съ содѣйствіемъ правительства 275, безъ содѣйствія—47.

Изъ выкупныхъ слѣдовъ 28 поступили уже въ главное выкупное учрежденіе. Общее число приступившихъ къ этимъ сдѣлкамъ крестьянъ 2782 душъ. Подъ землю испрашивается выкупной ссуды 335,508 р. 73 к. Изъ числа сихъ сдѣлокъ 10 уже утверждены. Сверхъ того, по 76 мелкопомѣстныхъ имѣніямъ составлены замѣняющія уставныя грамоты—описи, а также имѣются свѣдѣнія о продажѣ 22 мелкопомѣстныхъ имѣній въ казну. Вознагражденіе изъ казны всѣмъ владѣльцамъ послѣднихъ имѣній составляетъ 34,058 р. 90 коп. О выдачѣ вознагражденія 12 изъ этихъ владѣльцевъ сдѣлано министромъ финансовъ окончательное распоряженіе.

По тѣмъ же свѣдѣніямъ, успѣшному составленію и введенію въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ препятствуютъ не прекратившіяся между крестьянами ожиданія новыхъ льготъ, вслѣдствіе чего они уклоняются отъ добровольныхъ соглашеній съ помѣщиками, несмотря на очевидныя иногда выгоды дѣлаемыхъ имъ предложеній; помѣщики, съ своей стороны, выжидаютъ болѣе благопріятныхъ отношеній къ крестьянамъ для составленія грамотъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчено, впрочемъ, уклоненіе самихъ владѣльцевъ отъ составленія уставныхъ грамотъ частью изъ опасенія уменьшенія рабочихъ силъ, частью вслѣдствіе недостаточнаго ознакомленія съ «положеніями» или по безпечности. Въ числѣ причинъ, замедляющихъ составленіе грамотъ, указываютъ также на невозможность повѣрки въ настоящее время угодій въ натурѣ и немѣнѣе нѣкоторыми владѣльцами плановъ и въ западныхъ губерніяхъ инвентарей. Нѣкоторые губернаторы выражаютъ надежду, что прекращенію ожиданій крестьянъ будетъ много способствовать циркуляръ министерства, въ коемъ изъяснены слова, сказанныя Государемъ Императоромъ временно обязаннымъ крестьянамъ, которые представлялись Его Величеству; во время путешествія въ Крымъ.

Повѣрка и введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ были почти

но не недоразумѣній и безпорядковъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Характеръ этихъ безпорядковъ почти вездѣ одинаковый при повѣркѣ уставныхъ грамотъ: крестьяне отказываются иногда отъ выбора уполномоченныхъ; выбранные же уполномоченные, а иногда и добросовѣстные свидѣтели не подписываютъ актовъ о повѣркѣ; крестьяне не принимаютъ копій съ уставныхъ грамотъ, выражая притомъ, иногда, опасенія, что согласіе ихъ на принятіе грамоты не только можетъ ихъ лишить новыхъ, ожидаемыхъ ими милостей, но и подвергнуть наказанію; въ другихъ мѣстахъ причиною отказа крестьяне выставляютъ сѣбѣ сознательность опредѣляемыхъ грамотами поземельныхъ отношеній или къ помѣщикамъ или вслѣдствіе уменьшенія надѣла, или же при желаніи ихъ сохранить на 5 лѣтъ весь прежній надѣлъ по несообразному съ цѣнностью земли увеличенію повинностей. Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, въ числѣ которыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, были введевіе военной команды и полицейское наказаніе болѣе упорствовавшихъ, крестьяне, по большей части, уже исполнили предъявленные требованія.

Послѣ закрытія с.-петербургскаго университета, нѣкоторые бывшіе профессора университета предположили открыть публичныя курсы лекцій. Предположеніе это осуществляется. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ чтеніе публичныхъ лекцій гг. *Костомарову*, изъ русской исторіи; *Кавелину*, по гражданскому праву; *Спасовичу*, по теоріи уголовного права; *Утину*, о сравнительномъ законодательствѣ и *Андреевскому*, о законахъ государственнаго благоустройства и благочивія и по исторіи философіи права. Еслибы лекціи эти читались также систематически, какъ онѣ читались этими же лицами въ университетѣ, то онѣ могли бы замѣнить для бывшихъ студентовъ ихъ закрытые курсы и были бы вообще полезны для этихъ молодыхъ людей, потому что утвержденію новаго университетскаго устава нельзя, говорятъ, ожидать въ скоромъ времени, такъ какъ онъ предварительно долженъ быть рассмотрѣнъ, во всей подробности, въ главномъ правленіи училищъ и затѣмъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ. Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, кромѣ того, говорится, что одинъ уставъ, безъ штатовъ, безъ перемѣны пенсіонныхъ правилъ, безъ приготовленія большаго числа профессоровъ за границей, въ лучшихъ университетахъ, безъ лучшаго приготовленія въ гимназіяхъ молодыхъ людей, которые идутъ въ студенты, не принесетъ той пользы, кото-

рая ожидается, и что потому лучше умирить нетерпѣніе, не желать осуществленія какихъ нибудь наскоро составленныхъ проектовъ, а спокойно ожидать обдуманнаго и потому прочнаго преобразованія нашихъ университетовъ.

Изъ официальныхъ же источниковъ извѣстно, что назначенная для пересмотра университетскаго устава коммиссія окончила уже свои засѣданія и представила 6 января, г. управляющему министерствомъ народного просвѣщенія составленный ею проектъ общаго устава университетовъ.

Изъ распоряженій касательно Польши мы можемъ указать на воспользовавшееся, въ указѣ отъ 12 января, возведеніе въ санъ варшавскаго архіепископа на мѣсто умершаго архіепископа Антоніо-Мельхиора Фіалковскаго, профессора с.-петербургской римско-католической духовной академіи ксендза *Феликса Фелинскаго*. «Одновременно», сказано въ *Слѣ. Почтъ*, «съ подписаніемъ высочайшаго указа о назначеніи священника Фелинскаго варшавскимъ архіепископомъ, получены изъ Рима палліумъ (омофоръ), папскія буллы и другіе акты, касающіеся каноническаго утвержденія сего духовнаго лица».

8-го текущаго января должны были начаться въ Финляндіи засѣданія коммиссіи, учрежденной Высочайшимъ манифестомъ 29-го марта 1864 г. Коммиссія эта состоитъ изъ сорока восьми выборныхъ отъ четырехъ народныхъ сословій, именно: 12 отъ дворянства, 11 отъ духовенства и 1 отъ университета, 12 отъ городовъ и 12 отъ сельскихъ землевладѣльцевъ—не дворянъ. Цѣль назначенія этой коммиссіи—приготовить проекты предложеній, долженствующихъ въ свое время подвергнуться разсмотрѣнію государственныхъ сословій, а въ дѣлахъ, которыя могутъ быть разрѣшены административнымъ путемъ, выразить мнѣніе о нуждахъ края и указать на способы къ ихъ удовлетворенію. По поводу предстоявшихъ этой коммиссіи занятій, министръ статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго, въ отношеніи своемъ къ финляндскому генералъ-губернатору, отъ 30 декабря прошлаго года, сказавъ о волѣ Его Императорскаго Величества, созвать государственныя сословія на общій сеймъ, коль-скоро означенная коммиссія исполнитъ возложенное на нее порученіе и когда будутъ сдѣланы прочія необходимыя для дѣйствія сейма приготовительныя распоряженія, уведомляетъ, что «согласно съ симъ и дабы срокъ созванія государственныхъ чиновъ, въ случаѣ еслибы коммиссія должна была изложить свое мнѣніе не прежде, какъ по окончательномъ

разсмотрѣніи всѣхъ переданныхъ ей вопросовъ, не былъ отложено дѣла, чѣмъ необходимо, и дѣлы такимъ образомъ это не воспрепятствовало скорѣйшему выполнению Высочайшихъ наміреній Его Императорскаго Величества, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволить, чтобы комиссія рассмотрѣла и представила мнѣніе прежде всего и отдѣльно къ тѣмъ изъ упомянутыхъ вопросовъ, которые она признаетъ самыми необходимыми и болѣе всего важными для края, и чтобы такимъ образомъ она преимущественно занялась ихъ обсужденіемъ, а потомъ мало-по-малу и другими вопросами. При этомъ Его Величество имѣетъ въ виду, тотчасъ по представленіи комиссіею всеобщаго мнѣнія и по доставленіи сенатомъ великаго княжества и генералъ-губернаторомъ своихъ отзывовъ, дать Высочайшее повелѣніе о составленіи подробныхъ проектовъ закона по тѣмъ дѣламъ, которыя, согласно съ основными законами великаго княжества и по ближайшему назначенію Его Величества, имѣютъ быть представлены на обсужденіе сейма, или по которымъ Его Величество, во вниманіе къ особенному свойству дѣлъ, признаетъ необходимымъ только выслушать мнѣніе государственныхъ чиновъ, а затѣмъ, какъ только упомянутые проекты будутъ приготовлены и представлены Государю Императору, Его Величество соизволить дать Высочайшее повелѣніе о собраніи государственныхъ чиновъ».

На дняхъ обнародована государственная роспись доходовъ и расходовъ государственнаго казначейства на 1862 г. Этотъ важный государственный документъ въ первый разъ является передъ глазами Россіи и Европы. Россія можетъ сказать, что она, во всякомъ случаѣ прежде истеченія тысячи лѣтъ своего существованія познакомилась съ своимъ бюджетомъ. Такъ какъ роспись напечатана во всѣхъ газетахъ, то мы ограничиваемся лишь извлеченіемъ изъ нея нѣсколькихъ валовыхъ цифръ, означающихъ источники нашихъ доходовъ и тѣ русла, въ которыя они стекаютъ.

Приходъ состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ статей: а) прямыхъ налоговъ съ податныхъ сословій равныхъ заимствованій, въ томъ числѣ и асакъ—55,225,928 р. 68 к.; б) доходовъ экономическихъ, т. е. съ имѣній арендныхъ, поступившихъ въ казну, болшею частью по помѣщикамъ ихъ у дворянъ западнаго края, съ имѣній, отобранныхъ отъ ордена іезуитовъ, съ казенныхъ лѣсовъ, оброчныхъ лѣсовъ, отъ добычи металловъ, приготовленія монеты, выдѣлки металловъ для вольной продажи и прибыли отъ переработки металловъ—11,798,031 р.

69 к.; в) пошлины по продажѣ питей, т. е. отъ откупа, акцизныхъ, чарочныхъ и проч. и съ свидѣтельствъ на шинки—124,294,500 р. 73 к.; съ продажи соли 9 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, съ частныя золотыя промысловъ 2 $\frac{1}{2}$ милліона; таможенныя пошлины 31,800,000.; почтовыя 7,044,532; гербового 5,784,800; съ торговыхъ свидѣтельствъ 5,200,000; за свидѣтельства и бандероли на табакъ 2,853,000 и кромѣ того цифры меньшія приведенныя нами съ разныхъ статей, составляющихъ преимущественно косвенныя налоги: всего же пошлины получается 198,481,075; г) разныхъ мелкихъ сборовъ и остатковъ по бюджету Царства Польскаго 9,634,694 р. 8 $\frac{3}{4}$ к.; д) долговыхъ платежей 4,183,080 р. 30 $\frac{1}{4}$; е) доходовъ, поступающихъ на разные опредѣленные предметы 16,509,029 р. 48 $\frac{1}{4}$ к.; всего же доходовъ 295,861,838 р. 27 $\frac{1}{4}$ к.; а съ прибавленіемъ 44,757,899 р. 72 $\frac{3}{4}$ к., поступившихъ по послѣдному 4 $\frac{1}{2}$ % займу—310,619,739 р.

Изъ этой суммы предназначены, между прочимъ, слѣдующіе расходы а) на платежи по займамъ 54,296,187 р. 91 к. б) по министерству императорскаго двора: для Государини Императрицы, Государя Наслѣдника, и августѣйшихъ дѣтей Ихъ Величествъ 495,000; на содержаніе Императорскаго Двора 4,574,145 р. 69 к. всего же по министерству двора съ другими расходами и на отдѣльныя учрежденія, состоящія въ вѣдѣніи Императорскаго Двора 7,957,905 р. 42.; к.; в) на высшія государственныя учрежденія, въ томъ числѣ I, II, и III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и комиссію прошеній 928,904 р. 61 к.; г.) по вѣдомству православнаго духовенства 4,661,097 р. 96 к.; д.) по министерствамъ и главнымъ управленіямъ: народнаго просвѣщенія 4,156,824 р. 5 к.; военному—106,575,892 р. 39 $\frac{1}{2}$; главному управленію военно-учебныхъ заведеній 3,535,959 р. 7 $\frac{1}{4}$ к.; морскому—20,589,830 р. 74 $\frac{1}{4}$; иностранныхъ дѣлъ 2,106,015 р. 45 к.; на устройство богоугодныхъ заведеній въ Палестинѣ 150,000 р. внутреннихъ дѣлъ—7,477,206, р. 31 $\frac{3}{4}$ к.; почтовому управленію—3,524,859 р. 89 к.; на гарантію общества желѣзныхъ дорогъ—5,728,385 р.; с.) на непредвиденныя расходы 4 мил. и на недоборъ въ доходахъ 4 мил.

Изъ этого извлеченія видно, что самый значительный источникъ доходовъ въ Россіи составляютъ откупа; за тѣмъ прямыя налоги съ высшихъ классовъ; а самые значительные расходы—на охраненіе національной и общественной безопасности.

Бюджетъ всякой страны служитъ вѣрнымъ зеркаломъ для ея политико-экономической и соціальной жизни; вѣрнымъ мѣриломъ ея производительныхъ силъ и вообще ея богатства, и даже степени нравственности и цивилизаціи, на которой страна находится.

Все это придаетъ особенную важность недавно обнародованному государственному акту, тѣмъ болѣе, что мы, русскіе, имѣемъ слабое и весьма неясное понятіе вообще о самихъ себѣ.

Въ заключеніе сообщаемъ извѣстіе объ увольненіи отъ управленія министерствомъ г. Княжевича по разстроенному здоровью и о назначеніи на его мѣсто состоящаго по морскому министерству г. т. с. Рейтерна и объ увольненіи министра государственныхъ имуществъ г. Муравьева, на мѣсто котораго назначенъ управлять министерствомъ товарищъ министра г. Зеленый.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Передъ новымъ годомъ.—Общее настроеніе и московскій мѣстооцель.—Нашъ праздничный взглядъ на вещи и на наше будущее.—Наша легковѣрная забывчивость и не вниманіе къ исторіи прошлаго года.—Смерть, какъ примирительница.—Прошлый 1861 годъ передъ судомъ потомства.—Его перлы и аэролиты.—Откупная вакханка и ея послѣдняя пляска.—Добровольное опустошеніе петербургскихъ трактировъ.—Куда дѣвалась водка? — *Ночной гость* (еще свѣжее преданіе) стихотвореніе.—Андрей Ивановичъ Кронъ и *нѣчто* о ядовитомъ пивѣ.—Открытие г. Шмидта.—Элегія мрачнаго любовника.—Два слова о нѣкоторыхъ *невинныхъ* явленіяхъ нашей общественной жизни.—*Передовые* и *задніе люди*.—Протестъ Петербургскихъ врачей и изгнаніе женщинъ изъ медицинской академіи.—Лучшій примѣръ того, что женщина не можетъ быть докторомъ.—Стѣсненія брака и его оригинальные противники.—Г. Мерпалинъ съ своей «системой нестѣсненія».—Чинъ штабсъ-капитана, какъ дипломъ названія жениха.—Легкость взглядовъ и тяжесть «вопросовъ». — Мое содроганіе передъ восклицательнымъ знакомъ.—Гёте и Катковъ и ихъ мнѣніе о сплетняхъ.—Аглицкая соль Русскаго Вѣстника и аттическія города Котлинска.—Закусываніе удиловъ Котлинскаго Квазимодо.—Городъ Приволжскъ и его стоячая вода.—Приволжскъ и пятидесятилѣтній юбилей не князя Вяземскаго.—*Оцельтотвореніе* господъ члновниковъ — Эпономъ и—его неэкономическое призваніе.—Судъ клубныхъ жрецовъ и торжество невинности.

Говорятъ, новый годъ на дворѣ,
Шестьдесятъ второй годъ!
Говорятъ, будто Русь въ январѣ
Рубиконъ перейдетъ.

Говорятъ, что умрутъ откупа,
Ихъ займѣтъ акцизъ,

И получить въ награду толва
За сюрпризомъ сюрпризъ.

Говорять, обскурантовъ среда
Свой измѣнить парадъ...
Нѣтъ, послушайте вы, господа,
Что кругомъ говорить:

Говорять, что желѣзныхъ дорогъ
Вкругъ раскинется сѣть,
И охрипнувшей гласности рогъ
Не устанетъ гремѣть.

Говорять, будто мѣсяцъ февраль
Безъ мерозовъ пройдетъ;
Будетъ дамъ занимать — не Феваль,
А одинъ Мошешотъ;

Не взволнуетъ ихъ острую кровь
Дюма-fils, Дюма-rége...
И не встрѣтимъ ужъ Ротчева вновь
Мы подъ литерой Р.

Говорять, перестанетъ Камбекъ
Издавать «дребедень»
И измѣнится Вейнберга «Вѣкъ»
И Аисакова «День».

Говорять, что пустивъ въ оборотъ
Грошъ послѣдній ребромъ,
Отъ водниски Старчевскій сберетъ
Милліонъ серебромъ.

Говорять, что Арсенъевъ Илья
Удивитъ простаковъ,
И замѣнитъ намъ трель солонья —
То Зоринъ, то Кусковъ.

Говорять, отъ «Основы» Вирей
Не услышите обидъ,

И исчезнетъ изъ русскихъ статей
Слово самое «лидъ».

Говорить, даже держать пари:
Бросить Креть—кукельванъ,
Что Половскій чрезъ мѣсяца три
Свой окончитъ романъ;

Что владѣльцы домовъ и квартиръ
Соберутъ новый сеймъ,
И напишеть сто двадцать сатиръ
Михаилъ Розенгеймъ.

И опять всё твердятъ: на дворѣ
Шестьдесятъ второй годъ,
Говорять, будто Русь въ январѣ
Рубиконъ перейдетъ.

Едва ли можно будетъ припомнить все, что говорятъ, что сулятъ намъ на новый годъ, на новое тысячелѣтiе. Начиная свой первый «листокъ» въ 1862 году, я не могу умолчать объ этихъ надеждахъ и упованiяхъ, обуявшихъ всѣхъ въ настоящую минуту отъ мала до велика, отъ гг. Кокорева и Воронина до либаго фальстениста ежедневной газеты. Не хочу я также, слыша отвсюду голоса примиренiя, смущать слухъ своего читателя недвѣрчивымъ словомъ или улыбкой отрицанiя. Пусть сулятъ намъ, что угодно, разные романтики-доброжелатели, пусть говорятъ они, что хотятъ, я не воскликну вмѣстѣ съ московскимъ мѣсяестофелемъ, г. Павловымъ:

Намъ говорить, но мы не вѣримъ,
Мы видимъ въ томъ одни слова...

Къ чему такое озлобленiе! Позвольте намъ, г. Павловъ, хоть во имя доброй идеи, если не самой дѣйствительности, надѣть праздничное платье и хоть немного потѣшить, подразнить свое воображенiе. Это даже отчасти полезно бываетъ для людей! Когда же, какъ не подъ новый годъ, дать волю нашему лиризму, немного распусться и помечтать, словно тоскующей невѣстѣ, въ ухахъ которой

звучить торжественный гимн: Се женихъ грядеть... Мы сами ждемъ жениха, сами надѣли подвѣсочный нарядъ, а потомъ... потомъ, можетъ быть, со слезами или со смѣхомъ (смотря по темпераменту каждаго) сбросимъ его, не дождавшись заветнаго гостя. Что жъ! Все-таки эти минуты ожиданія были хорошия минуты, не пропали для насъ даромъ... Будемъ же веселы и покойны на новый годъ, ожидая его обѣщаній и гостинцевъ. Въ такія минуты какъ-то невольно успокоиваешься и умиляешься духомъ...

Въ минуты унованія,
Подъ самый новый годъ,
Надежды и желанія!
Кто васъ нѣ перечтетъ!

Прогрессъ намъ улыбается,
Хоть мракъ вездѣ густой,
И словно погружается
Въ гробъ вѣчности застой.

Роль женщинъ обозначится...
Жоржъ-Зандъ, Манонъ—Леско!..
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!..

Но не будемъ же и злонамятны и легковѣрны, читатели! Въ то время, когда мы увѣнчиваемъ и цвѣтами, и лаврами новый годъ, всѣми позабытъ и оставленъ его предшественникъ. Для колыбели малютки, изъ котораго еще неизвѣстно, что будетъ, мы покинули бѣдную и одинокую гробницу его двѣнадцати-мѣсячнаго родителя. Всѣ его забыли; всѣ газеты и журналы, выставивъ на своихъ страницахъ цифру: 1862, не хотятъ оглянуться назадъ и лишь только одинъ Русскій Вѣстникъ остался вѣренъ старику, и все еще продолжаетъ выходить въ старомъ году, переживя еще только ноябрь мѣсяць.

Темный человекъ тоже не увлекается общимъ порывомъ. Темный человекъ не можетъ пройти молчаніемъ стараго года и его доброй дѣятельности.

И пусть у гробоваго входа,
Изъ благодарности, народъ
Для шестьдесятъ втораго года
Не позабудетъ старый годъ.

Я думалъ даже написать длинный мадригалъ прошлому году, но удерживаюсь отъ этого; я хочу лучше просто прослѣдить шагъ за шагомъ всё его дѣянія, и фактъ за фактомъ доказать, что чело покойнаго старца вполне достойно нашихъ лавровъ.

Говорятъ, что истину мы лучше понимаемъ тогда, когда отойдемъ отъ нея на приличную дистанцію, когда горячность и пристрастность минуты не будутъ мѣшать нашей критической оцѣнкѣ. И вотъ

Теперь, когда старецъ великій смѣжилъ
Орлиныя очи въ покоѣ,
Мы видимъ, какъ много онъ въ жизни свершилъ,
И дѣло предпринялъ какое!

Много желчныхъ выходовъ, горькихъ улыбокъ, обидныхъ словъ было брошено въ него нами нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, а теперь изъ своего прекраснаго далѣка, онъ глядитъ совсѣмъ инымъ; мы готовы, вынуть носовыя платки, горько плакать о немъ, и жалобнымъ голосомъ пѣвицы-циганки пѣть:

Не уѣзжай, голубчикъ мой!..

Читатель! Если ты легкомысленъ, вѣтренъ и забывчивъ, если скоро умѣешь забывать услуги своихъ истинныхъ друзей, то я въ виду твоей же собственной пользы, укажу тебѣ, что ты не даромъ прожилъ прошедшіе двѣнадцать мѣсяцевъ, не даромъ жилъ и учился, читалъ, обличалъ, стремилъ дома и теоріи, проводилъ время и своихъ ближнихъ...

Бросивъ всякую систему и сортировку, но слѣдя шагъ за шагомъ все, что не завѣшалъ намъ прошлый годъ, я проведу тебя, читатель, сквозь галерею прогресса 1861 года, я сберу въ одну связку весь его букетъ:—твое дѣло будетъ оцѣнить и насладиться его благоуханіемъ,

И такъ—терпѣніе и вниманіе. Я начинаю свой бѣглый обзоръ. Прошлый 1861 годъ, начался великимъ событіемъ въ русской жизни: въ № 1. Отечественныхъ Записокъ была напечатана «бабушка» И. А. Гончарова. Слухъ объ этомъ мировомъ событіи даже дошелъ до Антильскихъ острововъ и Огненной земли. На Литейной улицѣ была великолѣпная иллюминація, а въ книжномъ магазинѣ Кожанчикова горѣлъ транспарантъ съ разноцвѣтными фонарями.

— Около этого же времени совершился важный педагогическій кризисъ. Одинъ передовой воронежскій наставникъ, предложилъ всѣмъ своимъ собратамъ «не съѣзъ учениковъ, а только подводитъ ихъ къ розгѣ».

— Въ Харьковскомъ благородномъ собраніи былъ открытъ протѣйшій способъ узнавать замаскированныхъ дамъ, посредствомъ срыванія масокъ съ ихъ лица. Это былъ первый шагъ къ освобожденію женщинъ... отъ маскараднаго инкогнито.

— Знаменитая лотерея Шимановъ и Сероки объявила о своихъ вполне баснословныхъ выигрышахъ, была распушена ижею о томъ, что какой-то пролетарій выигралъ 300,000 р. с. Хотя одинъ желчный памфлетистъ и воскликнулъ недавно:

Скорѣй исчезнутъ всѣ пороки
И соловьемъ засвищеть Гротъ,
Скорѣй долги заплатитъ въ сроки
Критонъ — классическій нашъ мотъ,
Скорѣй арсеньевскія строки
Читая, критикъ не заснетъ,
Чѣмъ у Шимановъ и Сероки
Счастливецъ выигрышъ найдетъ...

Но, несмотря на такіа ядовитыя слова, «польская лотерея съ успѣхомъ въ теченіи цѣлаго года вращала свои заветныя колеса, раздражая нервы любителей сильныхъ ощущений и проигрыша.

— Открылась новая газета «Вѣкъ», которая своей популярностью обязана нѣкому Камню Виногорову, проклявшему г. Толмачеву за чтеніе «Египетскихъ Ночей» Пушкина. Кроме того, что г. Виногоровъ «воздвигъ себѣ памятникъ не рукотворный», онъ вызвалъ особую литературу и создалъ школу писателей, падежавшихъ на неистощимой темѣ: Безобразный поступокъ «Вѣка».

— А. В. Старчевскій, редакторъ «Сына Отечества» ввелъ про-

красивый обложка—звать свое собственное издание и просить читателей о подпискѣ...

Подайте ближнему на хлѣбъ:
Онъ «Сынъ Отечества» поитъ...

Поэтому, по увѣренію самого «Сына Отечества», подписка на него возвысилась до небывалой цифры—6,666,666 экз. Г. Старчевскій весьма много хлопоталъ о распространеніи грамотности въ Россіи, вѣрно расчитавъ, чѣмъ больше грамотныхъ людей въ отечествѣ, тѣмъ здоровѣе его еженедѣльный «Сыннишка». Въ новомъ 1862 году, «Сынъ Отечества», переродясь въ ежедневную газету, до того распространился, что печатается разомъ въ Петербургѣ, въ Лондонѣ, въ Іеддо, въ Пекинѣ и въ Вышнемъ Волочкѣ..

— «Русская Рѣчь» и Московскій Вѣстникъ вступили въ законный бракъ.

— Сѣверная Пчела и «С.-Петербургскія Вѣдомости» совершенно забраковались, уступивъ свое первородство «Русскому Инвалиду».

Первые камни женской эманципации были положены г. Авдѣевымъ въ «Подводномъ Камнѣ», и г. Тайвани— въ Петровскомъ паркѣ. Умственное канканерство первого— вызвало ревностнаго поборника во второмъ; великій шагъ сдѣланъ—

И жены идеаль благородный
Быль вдвойнѣ нашей женщины данъ!
Тамъ — Авдѣева «Камень подводный»,
Здѣсь — Тайвани открытый канканъ.

— Къ числу мировыхъ событій прошлаго года также принадлежалъ пятидесятилѣтній юбилей отставнаго свѣтскаго писателя кн. Вяземскаго, воспѣтаго въ примечныхъ виршахъ гр. Соллогуба, и окропленнаго юбилейскими словами Н. И. Греча, друга и сотоварища покойнаго Бугарина.

— Тогда же, г. Гынала, или (по собственному его признанію) г. Ю. Волковъ доказалъ намъ, что Пушкинъ—не поэтъ, потому что онъ не народный писатель, а русскій крестьянинъ безчувственъ, потому что онъ *мародемъ*. Этимъ же г. Гынала была открыта новая «область безначальнаго совершанія».

— Мамку знаменитымъ русскимъ маэстро А. В. Лазаревымъ и

известный дирижер г. Стровский, произошла публичная музыкальная дуэль, надѣлавшая много шума. Г. Лазаревъ послѣ своего скандальнаго концерта снова отправился въ Абиссинію.

— Гоненіе на свистуновъ и гоненіе «мертвящей шутки». Плачь о пропажѣ четвертака въ конторѣ одной московской редакціи. Нашествіе свистопляски и ея гибельные слѣды. Это все принадлежитъ къ особому періоду прошлаго года, уже всѣмъ хорошо извѣстнаго и достаточно оцѣненнаго.

— Почтенный артистъ, говорившій въ Парижѣ, у могилы Тальмы, что онъ великій русскій трагикъ Бурдинъ, снова вернулся на русскую сцену, увѣряя всѣхъ, что онъ, Бурдинъ, есть родной нашъ Тальма. По случаю пріѣзда г. Бурдина—всѣ представленія Ристори перестали приводить въ восторгъ нашу публику, наслаждающуюся одной только игрой своего отечественнаго таланта.

Мы испытали много горя,
 Когда оставилъ насъ Бурдинъ,
 И въ представленіяхъ Ристори
 Свой разговать спѣшили сплнить.
 Игались драмы, водевили,
 И развлекала насъ она,
 Но мы Ристори позабыли
 По возвращеньи Бурдина.

— Въ 1861 году явился новый драматургъ г. Н. Потѣхинъ, затмившій славу Кукольника, Полеваго и другихъ знаменитостей. Великимъ постомъ въ Маринскомъ театрѣ съ плафона сотрется портретъ какого нибудь изъ изображенныхъ тамъ писателей, и на этомъ мѣстѣ будетъ нарисованъ портретъ автора «Дека на доку нашелъ»...

— Благодаря услугамъ нѣкоторыхъ журналовъ и находчивости И. И. Излера, наша публика начала мало по малу знакомиться съ поэзіей западной Европы, наслаждаясь въ кафе-шантанѣ французскими куплетами «Folichons et folichonettes», а на публичныхъ чтеніяхъ «Испанскими мотивами» Вс. Крестовскаго.

— Открытіе мануфактурной выставки въ Петербургѣ было перломъ стараго года, было лучшимъ торжествомъ его. Въ то время, когда мы только умѣли истреблять стеаринъ на свѣчи и утрачивались въ пусканіи мыльныхъ пузырей, въ то самое время на выставѣ поя-

мѣсь старинныхъ пирамиды, вазы изъ кососоваго, а столы изъ простаго мыла. Вотъ еще новое доказательство того, что для художника все можетъ служить темой и матеріаломъ: мыло, свѣжее сало, свѣжая икра, «свѣжее преданіе» и т. д. Едва онъ коснется мертвѣго продукта, какъ оно оживетъ, приметъ формы и звуки.

— Около этого же времени, лѣвъ прошлагодняго литературнаго сезона, сотрудникъ «Русскаго Вѣстника» и «Домашней Бесѣды», г Юркевичъ, сдѣлалъ слѣдующее замѣчательное открытіе: «Розги, рѣшилъ онъ, есть энергическіе мотивы жизни.»

— Явились новые органы:

«День» — съ знаменемъ нетерпимости къ Полякамъ, къ цивилизаціи и къ петербургскимъ прогрессистамъ.

«Зритель» — антагонистъ здраваго смысла, таланта и цивилизаціи: какая-то новая помѣсь Ноздрева съ Загорѣцкимъ.

— Совершилась цѣлая эпическая повѣсть изъ жизни главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, до того пространная, что я могу только сослаться на одинъ изъ своихъ «дневниковъ», гдѣ передана эта повѣсть.

— Положеніе дѣлъ нашихъ акціонерныхъ обществъ было блестящее: вотъ краткіе результаты ихъ дѣятельности.

Первое страховое общество потерпѣло убытку въ 150,000 р.

Акціи Саламандры — въ 120,000 р.

Петербургское общество — въ 240,000 р.

Московское общество — въ 150,000 р.

Въ общей сложности акціонеры этихъ обществъ потеряли 660,000 р. с.

Убытокъ акціонеровъ пароходныхъ компаній простирается до 5,495,000 р.

Акціонеровъ промышленныхъ компаній — до 3,388,965 р. с.

Компаніи желѣзныхъ дорогъ — въ 6,487,790 р.

Общая цѣнность акцій понизилась на 16,031,755 р.; барышъ же получили только Самолетъ да царско-сельская дорога на сумму 370,000 р.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что дѣла акціонерныхъ обществъ находятся въ наилучшемъ состояніи.

— Нѣсколько новыхъ изрѣченій:

По изрѣченію «Русскаго Вѣстника» Петербургъ, погибаетъ отъ

кружковъ, отъ пустозвонствъ, отъ безглаголивыхъ прогрессистовъ, отъ силъ-тенъ и отъ синофанства.

«День» и «Домашняя Беседа» провозгласили, что всякую, въ жизни, въ наукѣ, въ литературѣ и въ цивилизации—«ложь».

Левъ Камбекъ объявилъ въ теченіи года 13,750 человекъ и объявилъ, что онъ будетъ за деньги печатать въ своемъ журналѣ раз-личную «дробедень».

Борисъ Чичеринъ—сказалъ рѣчь о литературномъ казачествѣ и о буйномъ разнуль мысли.

Г. Бланкъ объявилъ, что «всѣ люди суть скоты».

А. А. Краевскій—ничего не объявилъ.

Г. Кулишъ объявилъ, что Евреевъ нѣтъ, а есть только одни «жиды».

Старцовскій сказалъ, что гласность есть «уродливое проявленіе духа»...

Вся эта пестрая и смѣшанная панорама минувшихъ дней встаетъ теперь передъ нами и намъ чудится, съ какимъ умиленіемъ, и отцовскою нѣжностью старый годъ посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на плоды рукъ своихъ,

Въ послѣдній разъ на все взглянулъ,
Отворотился и заснулъ...

Я будто вижу цѣлую картину, —

Какъ годъ отжившій, годъ изгнанья,
Прощался съ милою землей,
И прошлыхъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой,
Тѣхъ прошлыхъ дней, когда Самаринъ
Намъ наводилъ на лица тѣнь,
Когда онъ, Бланку благодарень,
Смотрѣлъ, какъ ратовалъ *боляринъ*,
Въ поддевкѣ праотцовскій «День»;
Когда «Основа», какъ Рогнеда
Къ супругу дальнему рвалась,
Когда «Домашняя Беседа»
Къ ханжамъ пивкой привилась;
Когда онъ, въ откушъ неуверень,
Свѣдѣлъ людей предостеречь,

И говорилъ въ Месивѣ Четвергъ
 Свою вступительную рѣчь...
 Когда онъ вѣрилъ и любилъ
 Ильи Арсеньева творенья
 И посреди нѣмыхъ могилъ
 Еще не зналъ успокоенья,
 И не смущали сны его
 Своимъ перомъ славянофиломъ,
 И много, много... и всего
 Припомнить не имѣлъ онъ силы...

Чѣмъ же заключимъ мы наше слово о старомъ годѣ? Неужели худой? Неужели наслѣзкой? Будто, въ самомъ дѣлѣ, его воспріимникъ сумѣлъ изъ такъ скоро избаловать своими щедротами и милостями, что мы на новосельи забудемъ свое старое жильѣ?

Нѣтъ, намъ чуждъ капризъ дѣвическій!
 Все вокругъ насъ, какъ было въ старь,
 Лишь одинъ академическій
 Обновился календарь.

Нѣтъ, виновать... къ новому году у насъ были еще неожиданности. Откупъ, который мы заранѣе уже похоронили, захотѣлъ еще разъ заявить о своемъ существованіи, совершить новый подвигъ... Откупная Ваханка еще разъ явилась передъ нами съ своимъ тирсомъ и цинической пляской.

Въ послѣдній разъ она плясала!
 Увы! Ужъ скоро ожидала,
 Ее, наслѣдницу скандала,
 Минута грознаго конца,
 Когда набросать покрывало
 На трупъ холодный мертвеца.

Между откупомъ и петербургскими гостинницами къ новому году разыгралась слѣдующая комедія. Здѣшніе трактиры, за продажу спиртовыхъ напитковъ, платили прежде условную сумму денегъ въ откупъ. Когда этотъ налогъ доросъ до славякомъ крупной цифры, трактирщики рѣшились просить пощады: и безъ того уже нѣтъ повсюду упрекали

за дорогую продажу водки и других спиртуозных мотивовъ. Въ концѣ прошлаго года, трактирщики послали отъ себя депутатовъ въ главную контору откупа съ просьбой уменьшить налогъ, для нихъ обременительный.

Въ конторѣ они получили рѣзкій и рѣшительный отказъ. Поэтому владельцы гостинницъ и рестораноу, въ числѣ 320 человекъ согласились вовсе не продавать у себя водки, если откудъ не сбавитъ налога.

Такимъ образомъ къ 1-му января отсюда изъ лучшихъ гостинницъ Петербурга исчезли водки, ликеры, наливки, и одни только виноградныя вина безбожно являются на столахъ и буфетахъ ресторановъ.

Откудъ вѣроятно не ожидалъ такихъ энергическихъ и рѣшительныхъ мѣръ со стороны владельцевъ трактировъ, и послѣднимъ его выходка будетъ ему стоить не дешево. На немъ повторилась басня жаднаго нищаго и фортуны. Кто уступитъ первый—неизвѣстно, но сколько замѣтно, всѣ владельцы и содержатели трактировъ стоятъ въ своемъ рѣшеніи твердо и, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, едва ли согласятся на мировую по прежнимъ условіямъ.

Одна только кандитерская Вольфа пошла наперекоръ рѣшенію своихъ собратіи по профессіи—и въ ней продажа водокъ не прекращена. Но публика, какъ слышно, не поощряетъ предупредительнаго хозяина и большую часть не требуетъ спиртуозныхъ напитковъ.

Теперь позвольте васъ познакомить съ одной легендой, въ которой по возможности выражено все страданіе нашихъ откупщиковъ, лишенныхъ одной изъ самыхъ важныхъ поддержекъ своего брэннаго существованія:

Ночной гость.

(Еще съжее преданіе.)

Въ откупщицкія палаты
 Слуги сонные бѣгутъ:
 «Баринъ, баринъ! Депутаты
 Отъ трактирщиковъ идутъ»...
 — Врите, врите, бѣсенята!
 Что еще за депутатъ?

Рады вы откупщика-го
Безпокоить невинопадъ.

— Разбирай тутъ правда-ль, пуфъ-ли...
Хуже нѣтъ житья въ аду!..
Шлафрокъ дайте, дайте туфли,
Дѣлать нечего, — пойду...
Гдѣ жъ они? «Вонъ, сударь, нѣ залѣ»...
Въ самоѣ дѣлѣ, темный залъ
Депутаты занимаи:
— Что вы здѣсь? И кто васъ звалъ? —

«Съ просьбой мы... Ужъ очень строги
Откупа для насъ»...—Такъ что жъ?
«Сократите хоть налоги:
Не по силамъ намъ платежъ.
А не то, на нашей сходимъ
Рѣшено — не уступать;
Въ ресторонахъ вашей водки
Мы не будемъ продавать».

— Какъ? Уступки?... Ахъ нахалы!..
Такъ налогъ для васъ великъ? —
И просителей изъ залы
Грозно гонить откупщикъ.
Не смущаемъ ихъ угрозою,
Па перины рухнулъ онъ,
Убаюканъ свѣтлой грезой,
Погрузился въ сладкій сонъ.

Но нежъ тѣмъ, какъ средь кальяновъ,
Откупщикъ ввѣрлся снамъ,
Кругъ столичныхъ ресторановъ
Ставилъ ковы откупамъ.
Гости: водки!.. Нѣтъ отвѣтовъ,
Нѣмъ Дононъ и Доминикъ,
И исчезли изъ буфетовъ
Ромъ, ликеры и травникъ.

Въ ночь погода зашумѣла,
Наступаетъ новый годъ,

«Нимфа вьюты» что-то нѣла
 Подъ окномъ и у воротъ.
 Зажирѣвшій Бахусъ дремлетъ,
 Въ домѣ вракъ и тишина,
 Буря востъ; вдругъ оиъ вьслетъ,
 Кто-то стукнулъ у окна.

— Кто тамъ? «Свей». — Пароль твой? «Бочка!»
 — Ну, какая жъ тамъ бѣда!
 «Ей! ждать нѣкогда... ну, нечва!
 Лишь едва добрелъ сюда.
 — Гдѣ возитъся мнѣ съ тобою,
 Тамъ въ нарядной естъ швейцаръ,—
 И дрекашею рукою
 Отворилъ оиъ будуаръ.

Въ облакахъ луна ныряетъ...
 Что же? *Откупъ* передъ нимъ,
 Штоѡ за штоѡами роняетъ,
 Нагъ, суровъ и недвижимъ.
 Вѣтры бороду развели,
 Сиии щеки, мутенъ взглядъ,
 И огромныя бутылки
 На рукахъ его лежать.

«Всѣ трактиры, рестораны,
 Нашу водку не берутъ»...
 Откупишикъ отъ новой раны
 Задрожалъ и обмеръ тутъ.
 Страшно мысли въ немъ мѣшались,
 И всю ночь подъ новый годъ
 Въ вихрѣ бури, все стучались
 Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ столицѣ слухъ ужасный,
 Говорять, что откупишикъ,
 Лишь потухнетъ дѣнь ненастный
 Слышать гостя стукъ и крикъ.
 Ужъ съ утра погода злится,
 И лишь полночь настаетъ,

*Откуда съ ночью стучится
Подъ окномъ и у воротъ.*

Взглянемъ теперь на положеніе петербургскихъ жителей въ дѣлѣ откупа и трактировъ. Что будутъ пить они, странствуя по городу и по его ресторанамъ и гостинницамъ? Воду невскую? Виноградныя вина? Но первое очень не вкусно, а второе и дорого, и не всегда нужно. Развѣ одинъ только Андрей Ивановичъ Кронъ явится общимъ благодѣтелемъ и будетъ усаждать наши желудки своимъ горькимъ пивомъ. Онъ, одинъ только онъ, можетъ спасти насъ!.. Но, увы! и тутъ наши надежды не сбываются! Мы съ ужасомъ узнали, что тотъ благородный напитокъ, который веселилъ наше сердце во время оно, можетъ быть ядовитой влагой, отравляющей всѣхъ своихъ поклонниковъ. Нѣкто г. Шмидтъ раскрылъ передъ нами всѣ прелести этого напитка. Приведу по этому случаю весьма любопытную замѣтку «Инвалида» (№ 263), думая, что она для всѣхъ будетъ очень интересна.

Почему наше пиво такъ горько? Въ журналѣ «Промышленность» г. Шмидтъ напечаталъ статью, въ которой разъясняется непостижимая горечь пива, выдѣлываемаго нашими нѣкоторыми заводами. Мы считаемъ не лишнимъ подѣлиться этими свѣдѣніями вообще съ нашими читателями и, въ особенности съ тѣми, которымъ *это вѣдать надлежитъ*. Въ продолженіе 1860 года по одесской таможенѣ привезено около 50 пудовъ рыболовныхъ ягодъ, по рижской таможенѣ поступило около 40 пудовъ, и по варшавской всего только 27 фунтовъ. Привозъ этого товара въ С. Петербургъ гораздо значительнѣе, и въ 1858 году въ здѣшней таможенѣ очищено было пошлюною болѣе чѣмъ 1,200 пудовъ рыболовныхъ ягодъ. Рыболовная ягода? Что это за ягода, и къ чему она служить? Рыболовною ягодою (sockels Kögner, Vassae cossuli indicis) называютъ плодъ прекраснаго ползучаго растенія Anamirta cossulus, встрѣчаемаго на Молуккскихъ островахъ и на берегахъ Малабара и Индійскаго архипелага. Плодъ этотъ похожъ на лавровую ягоду, и въ послѣдніе годы стали его привозить въ Европу довольно значительными количествами. Въ кокаловой ягодѣ содержится болѣе кристаллическое вещество, весьма горькое, *пикротоксинъ* или *кокуминъ*, которое можно извлечь посредствомъ алкоголя. Пикротоксинъ сильно обладаетъ наркотичес-

кими свойствами; въ маломъ количествѣ принятыи внутрь, онѣ производятъ головокруженіе и дурноту, большими дозами онѣ причиняетъ смерть. Отваръ кокеловыхъ ягодъ имѣетъ *горькій вкусъ, краснобурыи цвѣтъ* и опьяняющія или, лучше сказать, *одуряющія свойства*. Хотя дѣйствія этого наркотическаго начала еще не вполне изслѣдованы, но не подлежитъ сомнѣнію, что употребленіе кокеловыхъ ягодъ или отвара, даже въ малыхъ приѣмахъ, должно оказывать вредное вліяніе на здоровье. До сихъ поръ кокеловыя ягоды имѣютъ только самое ограниченное примѣненіе къ медицинѣ; онѣ употребляются въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, такъ что нѣкоторыя аптеки не отпускаютъ даже и одной унціи въ годъ. Кромѣ того, наравнѣ съ нѣкоторыми другими наркотическими средствами, онѣ служатъ иногда для ловли рыбы. Ягоду толкутъ въ порошокъ, примѣшиваютъ къ хлѣбу или тѣсту и дѣлаютъ шарики, которые кидаютъ въ воду рыбамъ на пищу; отчего онѣ дурѣютъ или умираютъ, и могутъ быть ловимы руками. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской губерніи кокеловая ягода служитъ для ловли рыбы. Ее тамъ зовутъ *куклеванцемъ*. Но вообще этотъ способъ ловли рыбы рѣдко употребляется; онѣ можетъ имѣть *дурныя послѣдствія и вездѣ запрещенъ закономъ*. Но кокеловымъ ягодамъ иногда даютъ еще болѣе вредное значеніе, и *пользуются краснобурымъ цвѣтомъ, горькимъ вкусомъ и наркотическими свойствами кокеловой отвара*, чтобы *прибавлять его къ пиву и придавать этому напитку кажущуюся большую крепость*. Такая подмѣсь выгодна для заводчика; говорятъ, что кокеловою ягодою можно замѣнить треть хмѣля безъ измѣненія вкуса пива, и что одинъ фунтъ ягодъ производить дѣйствіе на подобіе пяти четвериковъ солода. Кромѣ упомянутыхъ свойствъ кокеловыхъ ягодъ, дѣлающихъ выгоднымъ примѣшиваніе ихъ къ пиву, шикротоксинъ, находящійся въ нихъ, сообщаетъ пиву еще и большую прочность, такъ что не подвергается вторичному броженію въ бутылкахъ. Спрашивается теперь: куда дѣлается значительныя массы рыболовныхъ ягодъ, которыя доставлены къ намъ, и къ чему онѣ могли служить? Нельзя предположить, что 1,200 пудовъ этихъ ягодъ, привезенныхъ въ Петербургъ, назначены были только для снабженія аптекъ. Для этого такая масса слишкомъ велика, потому что кокеловыя ягоды употребляются въ медицинѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Остаются другіе два способа употребленія; но эти способы вредны и строго запрещены закономъ. «Кромѣ этихъ,

говорить авторъ, нынѣ неизвѣстны никакія другія примѣненія рыболовныхъ ягодъ и мы не знаемъ, какъ объяснить значительность ихъ привоза. Пикротоксинъ еще мало изслѣдованъ и нельзя положительно доказать присутствіе этой подмѣси въ пивѣ путемъ химическаго анализа или другими путями». Мы думаемъ, что это обстоятельство не откажется объяснить Андрей Ивановичъ Кронъ, котораго пиво чрезвычайно какъ горько. Въ противномъ случаѣ, можно обратиться въ таможеню и узнать, на чье имя выписаны 1,200 пудовъ рыболовныхъ ягодъ изъ-за границы, и если это не пивные заводчики, то слѣдуетъ спросить у получителей, для какого употребленія они выписывали такую массу ядовитыхъ ягодъ? Путемъ добросовѣстнаго слѣдствія всегда можно доискаться истины. Подобныя злоупотребленія должны подлежать строжайшему взысканію закона, и въ Англіи пивоваръ, употребившій рыболовныя ягоды, подвергается штрафу въ 200 фунтовъ стерлинговъ, а торговецъ, продавшій ему этотъ товаръ, даже пени въ 500 фунтовъ. Въ заключеніе своей статьи г. Шмидтъ говоритъ, что не имѣя въ виду обвиненія или подозрѣнія какихъ нибудь лицъ или сословій, долгомъ считаетъ обратить вниманіе правительства на предметъ, который въ самомъ незначительномъ только видѣ можетъ быть полезнымъ, но съ другой стороны можетъ дать поводъ къ опаснымъ злоупотребленіямъ, и распространеніе котораго поэтому должно быть ограничено по возможности. Для этого необходимы строгія мѣры: значительныя взысканія за противозаконное употребленіе рыболовныхъ ягодъ, строгій контроль за привозомъ и употребленіемъ этого товара и обложеніе его такою таможенною пошлиною, чтобы привозъ его былъ возможенъ только для медицинскаго употребленія и совершенно невозможенъ въ большомъ видѣ, какъ предметъ для подмѣси или замѣны другихъ продуктовъ. Предлагаемыя г. Шмидтомъ мѣры, дѣйствительно, самыя рациональныя; пошлину на кокеловыя ягоды необходимо возвысить до такого размѣра, чтобы употребленіе ихъ на пивныхъ заводахъ сдѣлалось невыгоднымъ для заводчиковъ».

Теперь, господа, вы видите, что весь Петербургъ обратился по милости откупа в А. И. Крона въ огромное общество трезвости: водка стала у насъ библиографической рѣдкостью, а пиво превратилось въ общественное *meamento mori*. *Кукельванъ* сдѣлался опаснымъ оружіемъ всѣхъ ремесленниковъ—мужей, и горе тѣмъ, которые возбуждаютъ гнѣвъ ихъ!.. Недавно мнѣ удалось слышать одно стихотвореніе, въ ко-

торожъ мною стертый кукельванъ сдѣлаея достойнымъ соперникомъ
книжала и стилета. Постараюсь припомнить эту пьесню:

Вхожу-ль, какъ безумный, въ трактиръ, въ ресторанъ—
Мнѣ хладную душу сосеть кукельванъ.

Когда въ канонерской я улицѣ жилъ,
Модистку изъ шведокъ я страстно любилъ.

Манишки мнѣ шила, да мыла бѣльё...
Но скоро умчалоса счастье моё.

Однажды сидѣлъ я въ коморкѣ своей —
Ко мнѣ поступался презрѣнный Еврей —

Ахъ, еслибъ «Основа» со мною была —
Жидомъ бы навѣрно его назвала.

Сидишь ты за книгой—(шепнулъ онъ) темеръ
У шведки раскрыта для милаго дверь.

Я далъ ему злато, и проклялъ за то,⁷
И тотчасъ облекся въ картузъ и пальто.

Мы вышли; я ваньку въ ямскую погналъ,
Какъ раненый левъ я рвался и рычалъ.

Мнѣ чудились сабли блистанье и звонъ...
Вдругъ вижу на улицѣ—вывѣска: «Кронъ».

Anamerta coculus! молвилъ самъ Шмидтъ,
Такъ пусть кукельванъ мою шведку сразитъ;

Въ томъ пивѣ невинномъ Шмидтъ ядъ находилъ,
И тотчасъ я пива бутылку купилъ...

Едва я увидѣлъ модистку жилью:
Какъ будто кольнуло чѣмъ сердце мое.

Въ покоѣ отдаленный вѣжалъ я одинъ:
Съ медясткой какой-то смѣять госюдинъ.

Я съгъ улыбаюсь и ревность тая:
«Не хочешь-ли пива, подруга моя?»

Я бурю влагу въ стаканы вывалять,
И молча, блѣднѣя, на дѣву взиралъ.

Она хохотала и пиво пила,
Отрава ей въ черное сердце прошла

И мозгъ одуряла и пѣнила кровь...
Погибнетъ подруга, погибнетъ любовь!..

Но ждать я минуты кончины не могъ,
И тутъ же оставилъ коварный порогъ,

Но всюду за мною бѣжалъ ея стонъ
И слышалось слово ужасное: «Кронъ»!

Съ тѣхъ поръ *кукельванецъ*, отецъ-полпивной
Все ходить и ходить незримо за мной,

И если войду я въ трактиръ, въ ресторанъ,
Мнѣ хладную душу сосеть кукельванъ.

Перейду теперь къ болѣе *веселымъ* явленіямъ нашей общественной жизни. Въ прошломъ мѣсяцѣ, на страницахъ своего листка, я съ какимъ-то недоверіемъ встрѣтилъ фактъ, о которомъ съ такимъ торжествомъ прокричали наши эманципированныя газеты и журналы. Фактъ этотъ—первое появленіе женщины въ медицинской аудиторіи. Я безъ увлеченія встрѣтилъ это извѣстіе. Послушаемъ, что случилось:

Въ то время, когда извѣстіе о желаніи женщины слушать курсъ медицины такъ радовало многихъ простодушныхъ *передовыхъ* людей, нашлась цѣлая толпа *заднихъ* людей, которые встрѣтили новый фактъ самымъ озлобленнымъ протестомъ. *Задніе люди* состояли большею частью изъ петербургскихъ врачей. Какъ люди гуманные и прогрес-

сивные (кто теперь не прогрессивенъ!) они сначала радовались той идее, что у насъ будутъ женщины-медики. Когда же представился случай примѣнить идеи къ дѣлу, когда нашлась женщина, рѣшившаяся сдѣлать этотъ первый шагъ, тогда ихъ взглядъ на вещи совершенно измѣнился. Они прозрѣли далекое будущее, времена женщинъ-докторовъ и начали говорить жалкія слова:

— Да можно ли позволить это? Вѣдь изъ женщины никогда не можетъ выйти хорошаго медика. Женщина—существо слабое и не далекое.

— Да тогда всё женщины отобьютъ у насъ практику и мы будемъ сидѣть безъ куска хлѣба. Горе, горе всѣмъ намъ!...

— Не хотимъ мы женщинъ-врачей! Veto!..

Заключеніе: Дѣвушка, подавшая прошеніе на поступленіе въ медицинскую академію, не была принята въ ея аудиторію.

Вопросъ: можетъ ли женщина быть хорошимъ докторомъ, рѣшается разсказомъ одного медика, страшнаго врага женской эманципациі.

— Спрашиваю я, говоритъ онъ, одну даму, занимавшуюся медициной:—какихъ цвѣтовъ бываютъ язвы?

— Всѣхъ возможныхъ, отвѣчаетъ она. Я тутъ же доказалъ ея опрометчивость, объяснивъ, что язвы бываютъ слѣдующихъ цвѣтовъ: чернаго, бураго, красноватаго, зеленоватаго, буро-красновато-зеленоватаго и такъ далѣе... Затѣмъ докторъ перечислялъ всѣ цвѣта, существующіе въ природѣ.

Возможны ли, у насъ послѣ такихъ промаховъ, женщины-врачи!.. Рѣшать вѣдь, кажется, не трудно!...

Вотъ еще вопросъ, который, впрочемъ, столько же касается до женщинъ, сколько и до мужчинъ. По поводу стѣсненія офицерскихъ браковъ, намъ въ послѣднее время, удалось слышать много голосовъ и за и противъ новыхъ правилъ. Не стану я упоминать о тѣхъ голосахъ, которые шли за стѣсненіе браковъ; такихъ противниковъ было не мало... Но заступники въ этомъ дѣлѣ, кажется, вредятъ еще болѣе первымъ рѣшенію вопроса и невольно напоминаютъ намъ басню: «медвѣдь и пустынный». Въ Русск. Инв. (№ 3) нѣкто г. Мерцалинъ, недовольный индифферентизмомъ многихъ статей по этому поводу, хотѣлъ сказать слово въ пользу нестѣсненія офицерскихъ браковъ.

Посмотримъ же теперь эту систему «нестѣсненія», которой придерживается г. Мерцалинъ. Ограниченіе я допускаю одно, говоритъ онъ, ограниченіе по чинамъ. Имѣя видимое пристрастіе къ чинамъ, онъ

предлагаетъ, чтобъ офицеры женились не ранѣе чина штабсъ-капитана, чтобъ стоить только чинъ давалъ имъ право женитьбы.

Вотъ вамъ и противникъ индеферентама!... Поборники стѣсненія браковъ стоятъ за идею денежнаго обезпеченія въ женитьбѣ (что въ известной степени и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже рационально), а г. Мерцалинъ не такъ взыскателенъ и требуетъ только одного—штабсъ-капитанскаго чина!!.. Г. Мерцалинъ очень хорошо знаетъ, что этого чина иной счастливецъ ждетъ почти всю жизнь свою, ждетъ до сѣдницъ и морщинъ, и ему, можетъ быть, придется вступить въ бракъ только 40 или 50 лѣтъ. Вотъ, какимъ образомъ, г. Мерцалинъ, въ невинности души своей, понимаетъ и защищаетъ систему нестѣсненія!!....

Нѣтъ, г. Мерцалинъ,

Нѣтъ отъ васъ намъ благодати,
Ваши планы—насъ страшатъ:
Вы услужливы не кстатѣ
И практичны не впопадъ.

Вы забыли, что мало одной опытности, на которую вы ссылаетесь, чтобъ «поднимать одинъ изъ важныхъ общественныхъ вопросовъ»... Въдъ такой вопросъ не гиря: послѣднюю еще можно ради упражненія и гимнастики поднимать одной рукой къ удивленію всѣхъ хмыльхъ и немощныхъ, ну, а «вопросы» можно и не трогать... Да ну ихъ, совсѣмъ... И безъ васъ есть много охотниковъ... Я безъ содраганія не могу никогда говорить о разныхъ вопросахъ, которые теперь у всѣхъ вертятся на языкѣ. Боюсь я даже упоминать о нихъ, хотя по обязанности гѣтописца не долженъ обходить ихъ молчаніемъ. Едва оглянешься кругомъ, какъ ихъ цѣлая туча налетитъ. Вопросы слѣдуютъ одни за другими; могу только упомянуть о нѣкоторыхъ:

Будетъ ли къ веснѣ окончена нижегородская желѣзная дорога и перестанетъ ли наконецъ г. Старчевскій увѣрять насъ, что изданіемъ своего «Сына» онъ дѣлаетъ «великое дѣло», громадный гражданскій подвигъ?

Какія «весеннія нѣсни» будутъ пѣть наши поэты съ наступленіемъ мая мѣсяца?

Скоро ли мы въ С. П. найдемъ статистическія свѣдѣнія о нашемъ богатствѣ?

Можно ли въ ежедневной газетѣ перепечатывать изъ другаго изда-

ни разными официальными известиями, и будет ли протестовать полковник Писаревский противъ тѣхъ статей, гдѣ онъ найдетъ буквы, принадлежащія въ его собственной фамилии?

Что предпринять петербургскіе доктора противъ тѣхъ женщинъ, которыя изъявили желаніе учиться медицинѣ, и не подвергается ли жизнь послѣднихъ опасности?..

Подобныхъ вопросовъ стоитъ столько на очереди, что и даже едва ли могу сдѣлать изъ однихъ простой перечень, а ужъ самыми вопросами заниматься рѣшительно не могу... Пусть ихъ разрабатываетъ солидный составитель хроникъ Русскаго Слова, а я за такое дѣло не берусь. Мнѣ даже лѣнь говорить о разныхъ общественныхъ петербургскихъ новостяхъ, развлекающихъ нашу столицу, лѣнь говорить о рысистыхъ бѣгахъ, о скачкахъ съ призами, о новомъ балетѣ «Дочь Фараона», о «Мраморныхъ красавицахъ» въ Александрійскомъ театрѣ... да мало ли еще о чемъ! Такими известіями мы богаты, какъ и всегда, но мой читатель вѣроятно будетъ очень доволенъ, если я умолчу о нихъ. Мы вѣдь все сплетники, какъ говорятъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; насъ только сплетни и занимаютъ. Что жъ за бѣда? Кто-то, Гёте кажется, всю исторію сплетнями назвалъ. Я же знаю одного провинціального оригинала, который въ досужихъ сплетняхъ своего города видитъ своего рода пользу.

Сплетни—это сила провинціальной жизни, говоритъ онъ,—это первые опыты гласнаго судопроизводства. (!!) Эта привычка хранить наши нравы, оберегаетъ семейную жизнь, неутомимо за всѣмъ слѣдитъ,

И завидитъ лишь урода —
Разомъ вѣднётся въ глаза.

Вотъ существуютъ какія мѣтнія! Отчего же и Русскому Вѣстнику не имѣть своего, отчего и намъ наконецъ не говорить о томъ, о чемъ хочется, вотъ хоть бы о слѣдующемъ происшествіи:

Есть одинъ городокъ Котлявскъ.

Въ Котлявскѣ, какъ и въ каждомъ порядочномъ городѣ въ наше время, есть клубъ, въ который даже допускаются дамы. На его вечерахъ бываетъ, говорятъ, весело и шумно, какъ на радужныхъ, семейныхъ вечерахъ, но... въ семьѣ не безъ урода. Въ старшины этого клуба попалъ одинъ господинъ старой и крѣпкой закалки... разо-

изъ его хитъ Ростбифомъ. Голова этого почтеннаго мужа такъ удобно устроена, что скорѣе Гибралтаръ можно разбить ядрами, чѣмъ про- вести какую нибудь идею въ его черепъ... такая ужъ конструкція! Кроме того, Ростбифъ отличается еще самымъ рѣшительнымъ харак- теромъ и любитъ прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ... Недавно ему представился случай щегольнуть передъ цѣлымъ обществомъ своей ры- царской смѣлостью.

Въ котлинскомъ клубѣ былъ какой-то праздникъ; всѣ члены бы- ли въ сборѣ, и вечеръ прошелъ весело и свободно. Но это было толь- ко передъ бурей. Изъ счастья или къ несчастію, одному изъ членовъ, г. N., вздумалось съ пользой закончить этотъ вечеръ; онъ обратился съ рѣчью ко всѣмъ присутствующимъ и предложилъ имъ завершить праздникъ хорошимъ дѣломъ—составленіемъ подписки на памятникъ Бѣлинскаго и Добролюбова. Предложеніе это было принято обществомъ съ удовольствіемъ и подписка тотчасъ же началась...

Между тѣмъ Ростбифъ, бывший свидѣтель всей этой сцены, и се- корбленный ею до глубины души, тутъ же протестовалъ противъ пред- ложившаго подписку. Онъ обратился къ N. съ грубымъ вопросомъ:

— Какое вы имѣли право вызывать общество на это пожертво- ваніе?

N., удивленный подобнымъ замѣчаніемъ, объяснилъ, что это обще- ственное дѣло, близкое сердцу cadaго...

Но Ростбифъ, сомнѣвающийся въ самомъ существованіи сердца у че- ловѣка, не удовольствовался такимъ объясненіемъ и объявилъ N. на- рушителемъ общественнаго спокойствія.

И вотъ по рѣшительному настоянію этого старшины, N. былъ ис- ключенъ изъ членовъ клуба, несмотря на общее (впрочемъ очень скромное) негодованіе...

Хищное чувство Ростбифа было вполне удовлетворено, и на его черепъ, казалось, выросъ еще новый слой кости.

Вечеръ послѣ этой исторіи, ему представился еще новый случай сыгнаться. На одинъ изъ клубныхъ обѣдовъ, куда приглашались и дамы, думая пригласить одну изъ любимыхъ тамашнею публикою ар- тистовъ.

— Неудя! крикнулъ Ростбифъ и грозно сверкнулъ глазами.

— Можно ли приглашать какую нибудь актрису въ то общество, гдѣ будутъ однѣ только благородныя дамы... Это для всѣхъ оскор- бительно...

Почтенная и даровитая артистка послѣ такихъ словъ, разувѣется, сама уже не хотѣла являться въ общество, гдѣ застѣдалъ этотъ морской Квазимодо.

Заглянемъ теперь куда нибудь еще дальше отъ невскаго берега...
Въ *Приволжскѣ* заглянемъ...

Приволжскѣ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ небольшимъ,
Лишь только въ хроникѣ скандальной
Встрѣчаться часто можно съ нимъ...

Но не подумайте, чтобъ онъ оживился, проснулся, страхнулъ прахъ съ ногъ своихъ... Приволжанинъ по прежнему живетъ, спусти рукава, и даже самые мѣстные скандалы не могутъ разшевелить его покоя.

Въ Приволжскѣ тишь стоитъ нѣмая,
Точь-въ-точь стоячая вода...
На вдовъ богатыхъ уповая,
Живетъ Евгений - Борода,
Шуты смѣшать у Глупецкаго,
Шпіоновъ держитъ педагогъ,
И судить ближняго сурово
Въ гостяхъ «Неистовый Вѣрокъ».
Танцуютъ дамы въ дамскихъ клубахъ,
Шлифуетъ бабка свой языкъ,
И къ поддержанью нравовъ грубыхъ
Безстыжій драться не отвязъ.

Развѣ только одинъ пятидесятилѣтній юбилей Краснощекова озна-
вилъ не надолго городъ, да и то не весь, а небольшой кружокъ его.
На этотъ торжественномъ праздникѣ чиновникъ *Страхъ-амляющій*
прочелъ великолѣпную рѣчь своему начальнику, рѣчь, которую по зава-
зу написалъ ему одинъ услужливый семинаристъ. Рѣчь эта была бо-
гата всѣми красотами канцелярскаго лэризма и такъ увлекательна,
что умиленный Краснощекій въ самомъ дѣлѣ убѣдился въ своихъ соб-
ственныхъ добродѣтеляхъ.

Прослезившись, добродѣтельный начальникъ въ долгу не остался

и отвѣтилъ благодарственнымъ свѣчемъ. Главный смыслъ его былъ такой:

Господа! Пятидесятилѣтняя моя служба среди васъ доказала мнѣ, что я жилъ и трудился посреди милыхъ своихъ дѣтей (громкія рыдания), дѣтей, истинно меня любившихъ. Благодаря вамъ, господа, жизнь моя кромя терній была усыпана цвѣтами: *эти цвѣты—вы, друзья мои...*

Цвѣты зарыдали такъ громко, что конца рѣчи не было слышно... «Угощеній на праздникъ, говорить обыватель, никакихъ не подавалось: изъ замѣнилъ радушный приемъ юбилятора. *Оцѣптотворенные* гости разошлись голодные, но растроганные и счастливые»...

Но вотъ еще извѣстіе изъ Приволжска—въ другомъ родѣ.

Недавно, въ городскомъ клубѣ, почтенный экономъ сидѣлъ въ своемъ буфетѣ за чашкой чаю, и размышлялъ о разныхъ важныхъ матеріяхъ, эконому свойственныхъ.

Вдругъ явился въ буфетъ Худосочный и передалъ ему новость: всѣ члены клуба рѣшились вновь выбрать въ хозяйственные старшины *Брудершафта*.

Эконома это извѣстіе опечалило...

— Если, говорить, его опять выберутъ, я въ отставку подамъ.

— Почему же такъ?

— Да вѣдь силъ не хватитъ! Помилуйте, вѣдь онъ у меня просто на содержаніи; и кормлю я его и пою, да еще безъ подарковъ въ праздникъ обойтись не могу... Нѣтъ, непременно въ отставку подамъ.

Худосочный тотчасъ же пустилъ это извѣстіе въ ходъ; между прочимъ рассказалъ о немъ Банкометову. Банкометовъ тутъ же сказалъ всѣмъ о продѣлкахъ Брудершафта.

Между тѣмъ слухъ этотъ дошелъ и до самого Брудершафта: *Рыжескій* изъ угодливости тотчасъ же побѣжалъ къ нему и передалъ неприятное извѣстіе. Брудершафтъ тотчасъ же, какъ человѣкъ опытный, рѣшился поправить все дѣло. Составивъ заговоръ, онъ призвалъ эконома и далъ ему строгую инструкцію.

— Въ Сибирь, говорить, упеку...

Загѣмъ составилось чрезвычайное собраніе, на которомъ у Банкометова попросили дать объясненіе въ его словахъ.

Банкометовъ прямо сослался на эконома, который и ему тоже говорилъ о своихъ оброкахъ...

Отд. III.

Появился и эконо́мъ передъ судилищемъ клубныхъ жрецовъ...

— Говорили вы объ этомъ? спрашиваютъ у него.

Помни инструкцію, эконо́мъ уперся...

— Никогда не говорилъ, и въ помышленіи не было, подь присягу готовъ идти: взятокъ никакихъ не давалъ старшинѣ. Строгъ онъ очень, взыскателенъ по службѣ—но другихъ на него претензій я никакихъ не имѣю...

Потребовали долговую книгу. Имена были всѣхъ, кромя имени Брудершафта.

— Это почему?

Эконо́мъ поблѣднѣлъ и растерялся. Я, говорить, ему отчетъ особенный подаю, на домъ...

— А принималъ ли отъ васъ Брудершафтъ подарки?

Эконо́мъ отрицалъ.—Развѣ только конфеты одни, а больше ничего...

Какъ не ясна была для всѣхъ вина старшины и ложь эконома, но все-таки ясныхъ уликъ не было. Брудершафтъ, какъ оскорбленная певинность, съ горячностью и краснорѣчіемъ Кречинскаго, требовалъ исключенія Банкометова изъ членовъ клуба. Кто же могъ не согласиться съ законностью его требованія!..

Въ клубѣ стало меньше однимъ членомъ... А оскорбленный старшина началъ глядѣть еще торжественнѣе, еще величественнѣе—какъ будто совершилъ великій гражданскій подвигъ.

О другихъ гражданскихъ подвигахъ нашихъ имѣхъ соотечественниковъ, я не буду болѣе говорить теперь... Подождемъ лучше до другаго мѣсяца... Иначе основину можно набить.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 37.

Январь 1862 года.

Шахматный Листокъ какъ органъ обскурантизма.—Какъ возникаютъ шахматные журналы.—Можетъ ли шахматная игра имѣть вредное вліяніе на общество.— Милая военная хитрость. — Возобновленіе петербургскаго шахматнаго клуба.— Новое сочиненіе К. А. Яниша о приложеніи математики къ шахматной игрѣ.— Краткій обзоръ его содержанія. — Продолженіе матча Кошша съ Паульсеномъ: шесть партій.—Задачи.—Корреспонденціи.

Просматривая Шахматный Листокъ, приходило ли вамъ когда нибудь на мысль, любезные читатели, что этотъ невинный по видимому журналъ—изданіе въ высшей степени вредное, органъ обскурантизма, средство противодѣйствовать благороднѣйшимъ стремленіямъ нашего времени? Если не приходило, то прочтите пожалуйста хронику прогресса въ Искрѣ за 22-ое декабря прошлаго года (*); тамъ, очень пространно, и не то чтобъ въ шутку, а совер-

(*) Первый отзывъ этой хроники о Рус. Сл. и Шахм. Листкѣ я привелъ отъ слова до слова въ октябрьскомъ выпускѣ Листка. Казалось бы, изъ этого можно заключить, что сарказмы хроникера не показались мнѣ особенно кѣткими; но онъ думаетъ иначе: увѣряетъ, что я на него *вышелъ*, что я *пришелъ отъ озлобленія*, и даже изъявляетъ сожалѣніе, что сдѣлался причиною моихъ *страданій*. Вотъ что значить твердая вѣра въ свое собственное остроуміе; да, вѣра чудеса творить!

шенно серьезно развивается мысль о вредѣ Шахматнаго Листка. Вотъ напр. какимъ образомъ объясняетъ хроникеръ опасность сообщенія заграничныхъ шахматныхъ свѣдѣній: «унасъ — чего «добраго! — пожалуй найдутся люди, которые будутъ разсуждать «такимъ образомъ: когда столько умныхъ, дескать, людей со «всею страстію предаются шахматной игрѣ, когда шахматная «игра удостоивается полнаго вниманія благородныхъ лордовъ, кня- «зей, графовъ, когда сама литература съ такимъ жаромъ призы- «ваетъ къ занятіямъ этой игрой—значитъ шахматная игра не без- «дѣлье, не праздное препровожденіе времени и заняться ею стоитъ «со всею ревностью. И начнетъ человѣкъ, можетъ быть и очень «неглупый, убивать все свое время надъ изученіемъ a1 — b1, b2—d1 «и q8—f7 +, (*) и гамбитовъ отказанныхъ и неотказанныхъ, и «надъ разсмотрѣніемъ глубокомысленныхъ рѣшеній шахматныхъ во- «просовъ». Не знаю какъ покажется вамъ это разсужденіе, но для меня оно не совсѣмъ то убѣдительно, потому что: 1) Существова- ніе шахматнаго журнала, выходящаго отдѣльно или въ видѣ при- ложенія къ другому изданію, нисколько не означаетъ, чтобъ ли- тература съ жаромъ призывала заниматься шахматной игрой. 2) Не глупый человѣкъ никогда не станетъ посвящать все свое время шахматамъ, а дѣлать это изъ подражанія князю или графу можетъ развѣ только совершенный идиотъ. 3) Если лорды дѣй- ствительно *удостоиваютъ* (!) шахматную игру вниманія, то скрывать этого нѣтъ никакой надобности; можно не сообщать, считая фактъ не стоящимъ сообщенія, но бояться чтобъ не узнали, скрывать преднамѣренно какую бы то ни было (хотя бы самую ничтож- ную) подробность заграничной жизни и старѣ и смѣшно.

Но всего любопытнѣе то, что почтенный анонимъ (статья опять не подписана) видитъ главный вредъ не въ существованіи Шахматнаго Листка (онъ допускаетъ даже, какъ мы уже видѣли, возможность журналовъ игры въ бабки), а въ томъ, что онъ прилагается къ Русскому Слову. Казалось бы, это обстоятельство должно скорѣе

(*) Цитируя буквально почтеннаго хроникера, мы поневолю должны приво- дить, какъ и въ прошлый разъ, знаки, не имѣющіе никакого смысла.

радовать нашего грозного обвинителя, ибо если Шахматный Листокъ не можетъ еще существовать иначе, какъ подъ покровительствомъ другаго журнала, то это свидѣтельствуеетъ именно о маломъ распространѣніи шахматной игры въ Россіи. Отдѣльныя шахматныя обозрѣнія возможны только тамъ, гдѣ число людей не только играющихъ въ шахматы, но и знакомыхъ съ теоріею игры, довольно значительно. По этому предмету я долженъ войти въ небольшое объясненіе. Въ октябрьскомъ Листкѣ я сказалъ между прочимъ, что литературныя обозрѣнія Англіи и Америки не помѣщаютъ на своихъ столбцахъ, подобно многимъ изъ тамѣшнихъ газетъ, шахматныхъ статей потому, что тамъ существуютъ независимыя шахматныя журналы. Хроникеръ Искры съ этимъ несогласенъ, и, не приводя никакихъ доказательствъ, утверждаетъ, что въ названныхъ нами странахъ «потому именно есть ежемѣсячныя журналы, что гечуеъ находятъ несовмѣстнымъ съ своими цѣлями давать у себя «пріютъ извѣстіямъ о преуспѣяніи рода человѣческаго въ шахматной «игрѣ». Посмотримъ, такъ ли это.

Нѣтъ сомнѣнія, что отказъ литературныхъ журналовъ принимать на свои столбцы статьи, касающіяся какой нибудь спеціальности (все равно будетъ ли эта спеціальность относиться къ сферѣ наукъ, художествъ или просто человѣческихъ забавъ), ни въ какомъ случаѣ не можетъ создать особаго журнала; для этого потребно другое, болѣе существенное условіе: извѣстная степень распространенія этой спеціальности въ обществѣ, ибо журналъ не можетъ существовать безъ читателей. Не менѣе очевидно и то, что какъ только явится возможность къ образованію спеціальнаго журнала, то онъ образуется, хотя бы другія повременные изданія и не отвергали статей по избранному имъ предмету. Исторія журналистики, какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ, даетъ бездну фактовъ въ подтвержденіе этихъ двухъ, весьма простыхъ положеній; кому неизвѣстно напр. что статьи по части медицины, агрономіи, военнo-заводства, охоты и проч. и проч., появляются сперва въ общіихъ журналахъ, а потомъ, съ теченіемъ времени, образуютъ отдѣльныя обозрѣнія. Иногда только бываетъ еще нѣчто посредствующее: это образованіе въ литературныхъ журналахъ особыхъ отдѣловъ, по

священныхъ той или другой специальности; такъ, въ Библіотекѣ для Чтенія долгое время существовалъ отдѣлъ сельскаго хозяйства. Совершенно такому же порядку слѣдуютъ статьи и журналы по шахматной игрѣ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ; ибо если эти журналы (въ чемъ конечно ничто не сомнѣвается) несравненно менѣе важны чѣмъ напр. журналы агрономическіе, то изъ этого нивакъ не слѣдуетъ, чтобъ тѣ и другіе не подчинялись одинаковымъ условіямъ относительно своего возникновенія, существованія и паденія; торговля хлѣбомъ имѣетъ огромное значеніе для государства, торговля помадой—почти никакого, тѣмъ не менѣе, та и другая слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же экономическимъ законамъ. Чтобъ еще болѣе пояснить мою мысль, возьму примѣръ, и притомъ именно шахматный, изъ нашей русской журналистики, такъ какъ анониму не нравятся «заграничные аргументы». Въ Современникѣ за 1850 годъ помѣщены были партіи Макъ-Доннеля противъ Лабурдонне и Единбургскаго клуба противъ лондонскаго, съ примѣчаніями и статьею покойнаго Кронеберга (*), въ Отечественныхъ Запискахъ— не помню какаго именно года—нѣсколько шахматныхъ статей Петрова. Положимъ теперь, что Современникъ не пожелалъ бы принять къ себѣ статьи Кронеберга; послужило ли бы это поводомъ къ основанію шахматнаго журнала? Конечно нѣтъ; статья просто осталась бы не напечатанною. Съ другой стороны, съ полной достовѣрностью можно предположить, что еслибъ въ то время существовалъ у насъ шахматный журналъ, то помянутая статья была бы помѣщена тамъ. Изъ всего сказаннаго, читатели могутъ видѣть, что я остаюсь при моемъ прежнемъ мнѣніи.

Но разбирать одну за одной всѣ частности направленной противъ Листа филиппики, повело бы слишкомъ далеко; посмотримъ

(*) Кромѣ помѣщенной въ Современникѣ статьи о шахматахъ, Кронебергъ составлялъ, въ послѣдніе годы своей жизни, полный трактатъ о королевскомъ гамбитѣ, нѣмецкій переводъ котораго печатается теперь въ берлинской Schachzeitung. Все это нисколько не помѣшало Кронебергу обогатить русскую литературу превосходными переводами нѣкоторыхъ произведеній Шекспира, Гете и многихъ другихъ знаменитыхъ иностранныхъ писателей.

въ чемъ заключается главная ея мысль. Сколько я понимаю (*), она состоитъ въ слѣдующемъ: въ наше время, когда возбуждено столько существенно важныхъ вопросовъ (извините стереотипность фразы), стыдно терять время на занятія шахматной игрой. Эта мысль была бы совершенно основательна, еслибъ въ виду имѣлся хотя одинъ фактъ, свидѣтельствующій, что съ распространениемъ шахматной игры, охлаждаетъ участіе общества къ существенно-важнымъ вопросамъ. Но въ томъ то и дѣло, что этого нѣтъ. Никто конечно не обвинитъ англичанъ въ праздности или безучастности къ общественнымъ дѣламъ, а между тѣмъ, нигдѣ шахматная игра не распространена болѣе чѣмъ въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ. Во Франціи шахматная игра утвердилась въ концѣ минувшаго столѣтія; а вѣдь нельзя сказать, чтобъ это время отличалось равнодушіемъ къ общему дѣлу. Этими примѣрами мы вовсе не хотимъ сказать, чтобъ у насъ слѣдовало заниматься шахматной игрой *потому*, что ею занимаются на западѣ; нѣтъ, мы приводимъ ихъ только въ доказательство того, что шахматная игра и ея теорія, шахматные журналы и клубы, не оказываютъ вреднаго вліянія въ общественное развитіе. Никогда ни общество, ни отдѣльныя лица не повидали серьезныхъ трудовъ для шахматной игры, но очень часто замѣняли ея карты, а въ этомъ мы не только не видимъ никакого вреда, но напротивъ того, видимъ пользу, именно потому, что шахматы поглощаютъ несравненно меньше времени чѣмъ карты. Какъ доводъ противъ шахматной игры, анонимъ приводитъ, между прочимъ, стихъ Некрасова:

Не время въ шахматы играть,

Не время пѣсни распѣвать.

Но вѣдь ежели принимать слова эти въ буквальномъ смыслѣ, то слѣдуетъ вооружиться и противъ музыки. Конечно, еслибъ и музыка поглотила всѣ интересы общества, еслибъ въ оперѣ и сона-

(*) Говорю: *сколько понимаю*, ибо хропакера Искры не всегда легко понять; такъ напр. теперь оказывается, что онъ очень уважаетъ Русское Слово чего, по первому отъыгу его объ этомъ журналѣ, невозможно было угадать.

тѣ человечество видѣло цѣль всѣхъ своихъ усилій, это было бы очень прискорбно; но этого никогда не было и быть не можетъ. Мы думаемъ, что разсуждая о вліяніи какого нибудь предмета на общество, надо держаться, какъ можно ближе, дѣйствительныхъ или, по крайней мѣрѣ, возможныхъ фактовъ, а не задаваться предположеніями à la Киса Моніевичъ. А хроникеръ Искры руководится, кажется, именно такими предположеніями когда нападаетъ напримѣръ на того «кто хочетъ организовать шахматную игру во всемъ государствѣ какъ какое то благодѣтельное для отечества учрежденіе». Да кто же хочетъ? Гдѣ эти безумцы? Вѣтъ это, М. Г.,—точно также какъ и крики: Слава Богу! Дай Богъ! Ужасно! и проч. — пораженіе вашей собственной фантазіи. Если шахматный писатель съ пристрастіемъ говорить о своемъ предметѣ, то онъ очень хорошо знаетъ, что слова его будутъ поняты въ извѣстномъ, относительномъ смыслѣ; такіа выраженія какъ: слава Фидлора, блестящія побѣды Морей, глубокомысленный ходъ и т. п. конечно никого не приведутъ къ мысли, чтобы истинная слава, доблесть и верхъ человѣческой премудрости заключались въ шахматныхъ партіяхъ. На нѣкоторую степень догадливости читателей—всякій писатель вправѣ рассчитывать. Покойный С. Т. Аксаковъ написалъ цѣлую книгу о ружейной охотѣ, другую объ уженіи рыбы; въ обѣихъ, онъ съ любовью относится къ этимъ забавамъ; но кому же могло бы придти въ голову, что авторъ «Семейной Хроники» дорожитъ карасями и вальдшнепами больше, чѣмъ своими убѣжденіями, или призываетъ всю Россію схватиться за удочку и яхташъ?

Впрочемъ, если анонимъ дѣйствительно возмущается приложеніемъ шахматнаго обзрѣнія къ общественно-литературному журналу, то онъ весьма похвально дѣлаетъ, вооружаясь на это приложеніе всей силой своей логики и своего остроумія. Но вотъ что едвали можетъ быть признано похвальнымъ: единственно на томъ основаніи, что я занимаюсь редакціей Листка, онъ утверждаетъ будто я стараюсь противодѣйствовать тѣмъ честнымъ цѣлямъ, къ достиженію которыхъ стремятся лучшіе органы нашей журналистики. Трудно было бы остаться равнодушнымъ

къ такому обвиненію, еслибъ хроникеръ Искры тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, не обнаружилъ какъ мало дорожить онъ правдою и какъ, слѣдовательно, мало цѣны имѣютъ его слова. Послушайте. Отзываясь съ сочувствіемъ о направленіи Русскаго Слова, онъ обращается ко мнѣ съ словами: «Вы же г. Михайловъ, сидя въ томъ же Русскомъ Словѣ, кричите всѣмъ что «есть мочи «да что вы господа надъ дѣломъ то очень убиваетесь? «Что вы въ шахматы то мало играете?» и т. д. въ томъ же родѣ. Само собою разумѣется, что я никогда не писалъ, не говорилъ и не думалъ ничего подобнаго, хотя ловкій хроникеръ, послѣ словъ *что есть мочи*, поставилъ ковычки, чтобъ увѣрить читателей, что слѣдующій за ними вздоръ дѣйствительно принадлежитъ мнѣ (*). Убѣдившись гъ какой милой литературно-военной хитрости прибѣгаетъ почтенный анонимъ, я, въ случаѣ новыхъ съ его стороны нападокъ, ни подъ какииъ видомъ не буду возражать на нихъ; какия бы небыллицы онъ на меня ни взводилъ,—я не скажу ни слова.

Теперь перейдемъ къ шахматнымъ новостямъ. Прежде всего, мы должны сообщить здѣсь о возобновеніи петербургскаго шахматнаго клуба. Отъ всей души желаемъ, чтобъ на этотъ разъ онъ установился прочнѣе, прожилъ дольше чѣмъ въ первый періодъ своего существованія. Клубъ имѣетъ уже около двухъ сотъ членовъ; старшинами на этотъ годъ выбраны: гр. Г. А. Кущелевъ - Безбородко, П. Л. Лавровъ и И. В. Вернадскій.

Вторая новость—появленіе въ свѣтъ сочиненія К. А. Яниша о приложеніи математики къ шахматной игрѣ. Книга эта гораздо болѣе математическая, чѣмъ шахматная, но такъ какъ предметомъ вычисленій служатъ комбинаціи игры, то мы не вправѣ пройти ее молчаніемъ. Трудъ этотъ, сколько мы слышали, будетъ подвергнутъ сужденію Академіи Наукъ, но какъ многіе его выводы могутъ быть изложены безъ всякой помощи высшаго анализа, то и Листокъ

(*) Другаго смысла ковычки имѣть не могутъ. Замѣчу кстати, что въ началѣ статьи онъ тоже поставлены передъ словами, которыхъ я никогда не говорилъ. И въ той же статьѣ г-нъ хроникеръ, съ самодовольствомъ восклицаетъ: «Такъ вотъ какъ мы дѣйствуемъ г. Михайловъ». Да, вижу какъ, и очень сожалею.

намъ не оставитъ ознакомить съ ними своихъ читателей. Нынѣ же спѣшимъ сообщить здѣсь доставленное намъ самимъ авторомъ объявленіе о выходѣ этого сочиненія, заключающее обзоръ его существеннаго содержанія.

TRAITÉ DES APPLICATIONS DE L'ANALYSE MATHÉMATIQUE AU JEU DES ÉCHECS, précédé d'une introduction à l'usage des lecteurs soit étrangers aux échecs, soit peu versés dans l'analyse. Par C. F. DE JAKBISCH, ex-professeur-adjoint de Mécanique à l'Institut des voies de communication, auteur des «Principes de l'équilibre et du mouvement» publiés en langue russe, et de plusieurs écrits sur la théorie des échecs. Deux volumes in-8° contenant 590 pages, avec XXXI planches lithographiées. Saint-Pétersbourg, 1862. Chez Dufour et C°, libraires de la Cour.

Между играми, исключительно основанными на расчетѣ, первое мѣсто принадлежитъ игрѣ шахматной, а изученіе тѣхъ ея сторонъ, которыми она соприкасается къ математикѣ, и составляетъ предметъ настоящаго сочиненія. Цѣль подобнаго изученія не одно усовершенствованіе шахматной теоріи, а также содѣйствіе самому математическому анализу, чрезъ доставленіе ему новыхъ матеріаловъ. Изъ вѣтвей этой науки здѣсь преимущественно имѣются въ виду: интегральное исчисленіе съ конечными разностями и неопредѣленный анализъ. Изданныя нынѣ первыя двѣ части книги содержатъ все относящееся къ *движенію* по доскѣ разныхъ шашекъ, а третій томъ, который выйдеть въ непродолжительномъ времени, посвященъ исчисленію *дѣйствія* шашекъ по правиламъ игры.

Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что сочиненіе отнюдь не написано для однихъ ученыхъ, и что въ немъ приложены всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать предметъ общедоступнымъ. Для сего авторъ вездѣ избиралъ простѣйшіе способы изложенія и доказательства, и объяснилъ, въ особомъ вступленіи, тѣ начала теоретическія, безъ коихъ не могли бы быть поняты болѣе трудныя мѣста книги. Постоянное употребленіе формулъ, выходящихъ изъ круга элементар-

ной математики, оказалось впрочем необходимымъ только въ третьемъ томѣ, тогда какъ во второмъ почти не было надобности къ нимъ прибѣгать, по свойству разсматриваемой въ немъ *проблемы коня*.

Означенною проблемой требуется, какъ извѣстно, обойти конемъ всю шахматницу, начиная съ кѣтки данной, но касаясь каждой кѣтки одинъ только разъ. Рѣшить эту задачу путемъ чисто-математическимъ, значить выразить координаты всякой кѣтки конскаго обхода въ функціи предшествовавшихъ координатъ, и притомъ такъ, чтобы рядъ полученныхъ уравненій обнималъ въ точности ни болѣе, ни менѣе всѣхъ такого рода обходовъ, возможныхъ въ предѣлахъ доски. Но подобный трудъ превосходить силы неопредѣленного анализа въ нынѣшнемъ его положеніи, потому что здѣсь общія уравненія движенія коня ограничиваются особыми, весьма сложными *неравенствами*. Затѣмъ геометры давно уже довольствуются систематическою оцѣнкою, направленною къ тому, чтобы находить, скорѣйшимъ и удобнѣйшимъ путемъ, *частныя* рѣшенія описанной задачи. Свойственная ей неопредѣленность позволяетъ еще подчинять обходы коня по доскѣ разнымъ дополнительнымъ условіямъ, имѣющимъ вліяніе на выборъ самаго способа оцѣнки. Но каковы бы ни были разнообразіе и сложность заданій, соображенія этого рода всегда будутъ доступны знающимъ хорошо начала алгебры и геометріи.

Основателями спеціальной теоріи проблемы коня должны почтаться Эйлеръ, Вандермондъ, Коллини, Варнедорфъ и Венцелидесъ. Любители, которымъ угодно будетъ сличить ихъ изслѣдованія со второю частію настоящей книги, легко удостовѣрятся, что предшествовавшія ученія въ ней значительно исправлены и умножены, такъ что даже бѣльшая половина этого тома содержитъ новыя методы и воззрѣнія. Приложенные къ нему многочисленныя чертежи позволяютъ ознакомиться съ предметомъ лицамъ, и не знающимъ математики. Невозможно было бы войти здѣсь въ частности, которыя требовали бы пространнаго извлеченія изъ означеннаго отдѣла книги. Но чтобы дать объ ней хотя нѣкоторое понятіе, опишемъ, съ надлежащими объясненіями, то изъ рѣшеній проблемы, откры-

тыхъ авторовъ, которое удовлетворяетъ самымъ труднымъ и разнообразнымъ условіямъ.

50	11	24	63	14	37	26	55	260
23	62	51	12	25	54	15	38	260
10	49	64	21	40	15	36	27	260
61	22	9	52	53	28	59	16	260
48	7	60	1	20	41	54	29	260
59	4	45	8	53	52	17	42	260
6	47	2	57	44	19	50	55	260
3	58	5	46	51	56	43	18	260
260	260	260	260	260	260	260	260	260

Выставленные на клеткахъ числа, обозначаютъ путь коня, совершенно согласный съ основными требованіями задачи, и обнаруживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную *симметрію* обхода. Свойство это явствуетъ изъ того, что числа, соответствующія клеткамъ *діаметрально противоположнымъ* (*), постоянно разнятся на 32, почему и вторая половина обхода, хотя слѣдуетъ направленіямъ, всегда противоположнымъ первой половинѣ, но во всемъ ей подобна. Всякій обходъ симметрический самъ по себѣ уже *сомкнутъ*, потому что 33 отстоитъ отъ 32 на конскій скачекъ, а затѣмъ и діаметрально противныя имъ клетки 1 и 64 должны отстоять другъ отъ друга на такой же скачекъ. Но изображенный выше обходъ имѣетъ, въ добавокъ, свойство *тролкой сомкнутости*. Это значить, что конь, совершивъ первую половину своего пути, могъ бы возвратиться на 1 и повторить ее; что точно также конь по совершеніи второй половины обхода, воленъ былъ бы съ клетки 64, возвратиться не только на 1, но и на 33. Все это, однакоже, составляетъ одну легчайшую часть заданія. Настоящій

(*) Клетками діаметрально противоположными или противоположными называются такіе, что если соединить ихъ центры прямою, то она пройдетъ чрезъ общій центръ доски, и притомъ разделится въ немъ на двѣ равныя части.

обходъ удовлетворяетъ еще такому условію, которое, въ соединеніи съ вышеприведенными свойствами, указываетъ ему первое мѣсто между путями, возможными для коня на шестидесятичетырёхъ-клеточной доскѣ: а именно онъ обращаетъ шахматницу въ *магическій квадратъ*. Мы хотимъ сказать: 1°, что если сложить всѣ 8 чиселъ, соответствующихъ каждой изъ горизонтальныхъ полосъ клетокъ порознь, и такимъ же образомъ сложить всѣ 8 чиселъ, вписанныхъ въ каждый изъ вертикальныхъ столбцовъ клетокъ порознь, то выйдетъ 16 разъ одна и таже сумма 260; 2°, что сложение 16 чиселъ, стоящихъ на двухъ главныхъ діагоналяхъ доски, даётъ сумму вдвое большую противъ 260, то есть 520.

Описанная система рѣшенія допускаетъ видоизмѣненія, не лишая ея ни одного изъ исчисленныхъ выше свойствъ. Въ разсматриваемой нами книгѣ читатели найдутъ истолкованіе какъ означенныхъ видоизмѣненій, такъ и многихъ другихъ сродныхъ системъ. Одна изъ послѣднихъ (смотри ниже) образуетъ не менѣе совершенный магическій квадратъ, и притомъ обходъ сомкнутый, хотя *въ цѣлости* не симметрический. За то путь коня тутъ составляется изъ четырехъ 16-ти клеточныхъ *симметрическихъ* обходовъ, такъ что разность чиселъ, приходящихся на діаметрально противоположныя клетки, вездѣ равна 8.

42	39	26	53	24	51	14	11	260
27	54	41	38	15	12	25	50	260
40	43	56	25	52	21	10	15	260
55	28	37	44	9	16	49	22	260
50	57	8	1	36	45	20	63	260
5	2	29	60	17	64	35	43	260
58	31	4	7	46	33	62	19	260
5	6	59	52	61	18	47	34	260
260	260	260	260	260	260	260	260	

Но каково бы ни было изыщество этихъ системъ, не столь-

ко важно ихъ открытіе, сколько подведеніе ихъ, сочинителемъ, подъ одну теорію, обнимающую всѣ имъ подобныя системы. Ибо близкія къ нимъ, по достоинству, еще въ 1848 и 1849 годахъ указаны были Беверлеемъ и Венцелидесомъ. Недоставало основаннаго на алгебраическихъ соображеніяхъ наставленія любителямъ, какъ строить такого рода магическіе квадраты, и этотъ-то главнѣйшій недостатокъ пополнило настоящее сочиненіе.

Общее математическое изслѣдованіе движенія шашекъ по доскѣ излагается въ первомъ томѣ. Вопросы, касающіеся хода короля, разрѣшаются тамъ особыми интегральными формулами, не вполне, можетъ быть, недостойными вниманія геометровъ. Довольно схожая съ предъидущею, математическая теорія коня развита еще подробнѣе, хотя, по сопряженнымъ съ нею трудностямъ, представляетъ менѣе удовлетворительные результаты. Дальнѣйшіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ обуславливаются, вѣроятно, открытіемъ нѣкоторыхъ, неизвѣданныхъ еще свойствъ цѣлыхъ чиселъ. Что касается до хода прочихъ шашекъ игры, то читатели убѣдятся, что анализъ его не очень сложенъ. Упомянемъ здѣсь только о проблемѣ *восьми ферзей*, замѣчательной тѣмъ, что, по алгебраическому выраженію ея условій, она относится къ тому же разряду, какъ и проблема коня, почему она, хотя гораздо легче, но также не допускаетъ чисто-математической методы рѣшенія. Затѣмъ сочинитель счелъ полезнымъ для науки подвергнуть и эту задачу систематическому разбору, и не довольствуясь извѣстными доселѣ[†] положеніями восьми ферзей, удовлетворяющими вопросу, изложилъ совокупность всѣхъ допускаемыхъ имъ рѣшеній. Остается объяснить, въ чемъ именно состоитъ эта любопытная задача. Требуется уставить на шестидесятичетырехъ-клеточной шахматницѣ восемь ферзей такимъ образомъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не могъ брать другаго по правиламъ игры. Иными словами такъ, чтобы мѣста, занимаемыя ферзями, всѣ находились на *разныхъ* линіяхъ, какъ горизонтальныхъ, такъ вертикальныхъ, такъ и одноцвѣтныхъ діагональныхъ.

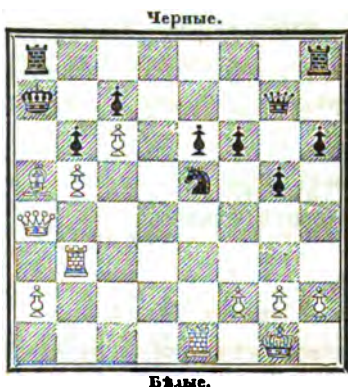
ПАРТІЯ № 231.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Наудсенъ. (Бѣлые).	Коллишъ. (Черные).
1) e2 — e4	e7 — e6
2) d2 — d4	d7 — d5
3) b1 — c3 ⁽¹⁾	d5 — e4°
4) c3 — e4°	g8 — f6
5) e4 — f6° +	d8 — f6°
6) f1 — d3	f8 — d6
7) g1 — f3	h7 — h6
8) 0 — 0	b8 — c6
9) c2 — c3	c8 — d7
10) f1 — e1	0—0—0
11) b2 — b4	g7 — g5
12) b4 — b5	c6 — e7
13) f3 — e5	c8 — b8 ⁽²⁾
14) c3 — c4 ⁽³⁾	f6 ÷ g7
15) a1 — b1 ⁽⁴⁾	d6 — e5°
16) d4 — e5°	e7 — g6
17) d1 — a4	g6 — e5°
18) d3 — e4 ⁽⁵⁾	b7 — b6
19) b1 — b3 ⁽⁶⁾	a7 — a5
20) c4 — c5 ⁽⁷⁾	d7 — c8 ⁽⁸⁾
21) c1 — b2 ⁽⁹⁾	f7 — f6
22) b2 — c3	c8 — b7

(Бѣлые).	(Черные).
23) e4 — b7°	b8 — b7°
24) c5 — c6 +	b7 — a7
25) c3 — a5° ⁽¹⁰⁾	d8 — a8 ⁽¹¹⁾

ПОЛОЖЕНІЕ ИГРЫ ПОСЛѢ 25-ГО ХОДА
ЧЕРНЫХЪ.

26) a5 — b6° +	a7 — b8 ⁽¹²⁾
27) b6 — a5	g5 — g4 ⁽¹³⁾
28) e1 — e5°	f6 — e5°
29) b5 — b6	a8 — a6
30) b6 — c7° +	b8 — a8
31) a4 — b5 и черные сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 231.

(1) Странный ходъ, значительно измѣняющій характеръ дебюта; обыкновенно тутъ играется 3. $\frac{e4-d5^\circ}{e6-d5^\circ}$ 4. $\frac{g1-f3}{g8-f6}$ и проч.

(2) Вѣроятно для предупрежденія слѣдующей атаки: 14. $\frac{e5-d7^\circ}{d6-d7^\circ}$ 15. $\frac{d1-a4}{d1-a4}$ и если черный король находится на c8, выигрываютъ пѣшку.

(3) Съ этого момента атака бѣлыхъ очень сильна.

(4) Вѣрный ходъ; положеніе ладьи на линіи b значительно усиливаетъ атаку.

(5) Угрожая взять пѣшку b7, ибо если король возьметъ слона, то a4 — a6+, потомъ c1 — e3 и чернымъ нѣтъ спасенія.

(6) Угрожая великобѣннымъ матомъ въ три хода, а именно:
 20. $\frac{a4-a7^+}{b8-a7}$ (если 20. $\frac{b8-c8}{b8-c8}$ то 21. $\frac{a7-a8 \times}{b8-c8}$) 21. $\frac{b5-a5+}{a7-b8}$
 22. $\frac{a5-a6 \times}{b8-c8}$.

(7) c1 — d2 съ тѣмъ, чтобъ взять слономъ пѣшку a5, привело бы кажется къ быстрой развязкѣ въ пользу бѣлыхъ.

(8) Очень хорошо; съ перваго взгляда этотъ ходъ представляется чисто оборонительнымъ, въ дѣйствительности же имъ готовится контръ-атака: Колишъ намѣревается сыграть ладью на d4, тогда бѣлые принуждены отступить ферземъ (если возьмутъ ладью, то теряютъ ферзя) и въ два—три хода превосходство положенія уже на сторонѣ черныхъ.

(9) Этимъ разрушается объясненный выше планъ Колиша.

(10) Весь конецъ партіи превосходно игранъ Паульсеномъ.

(11) Очевидно, что если возьмутъ слона пѣшкой, то 26. $\frac{a4-a5+}{a7-b8}$
 27. $\frac{a5-a6}{b8-c8}$ и матъ неизбеженъ.

(12) Если 26. $\frac{a4-d4+}{a7-b8}$, то 27. $\frac{a4-d4+}{b8-a5}$ и чернымъ нѣтъ спасенія.

(13) Съ цѣлію дать шахъ конемъ на f3.

ПАРТІЯ № 232.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Паульсенъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
		6) 0 — 0	c8 — e6
1) e2 — e4	e7 — e6	7) b1 — c3	0 — 0
2) d2 — d4	d7 — d5	8) c3 — e2 (1)	c7 — c6
3) e4 — d5°	e6 — d5°	9) e2 — g3	b8 — d7
4) g1 — f3	g8 — f6	10) c2 — c3	d8 — c7
5) f1 — d3	f8 — d6	11) f3 — h4	f6 — e4

(Бѣлые.) (Черные).
12) h2 — h3 d6 — g3° (2)

Положени игры послѣ 12-го хода
бѣлыхъ.

13) f2 — g3° c7 — g3°
14) h4 — f5 (5) e6 — f5°
15) f1 — f5° a8 — e8
16) d1 — f1 g3 — d6
17) c1 — f4 d6 — e6
18) f4 — c7 g7 — g6

(Бѣлые.) (Черные).
19) d3 — e4° d5 — e4° (4)
20) f5 — a5 a7 — a6
21) a1 — e1 f7 — f5
22) c7 — f4 d7 — b6
23) f4 — h6 f8 — f7
24) a5 — e5 e6 — d7
25) e5 — e8° + d7 — e8°
26) f1 — f2 b6 — c4
27) b2 — b3 c4 — d6
28) c3 — c4 f7 — d7
29) h6 — c1 d6 — f7
30) c1 — b2 h7 — h6
31) h3 — h4 h6 — h5
32) d4 — d5 g8 — h7
33) f2 — d4 e8 — h8
34) d4 — f2 h8 — e8

и партія по обоюдному согласію играющихъ признана ничьею.

Примѣчанія къ партіи № 232.

(1) Приводить ферзевя коня на королевскій флангъ, почти всегда бываетъ выгодно, особенно когда короли отрокировали въ эту сторону, въ такомъ случаѣ, помянутый конь служить не только къ защитѣ своего короля, но и къ нападенію на короля непріятельскаго.

(2) Тутъ чернымъ представляется также ходъ: 12. ~~c4 — e2~~, что могло бы породить любопытные варианты, напр:

I.

12)	e4 — f2°
13) f1 — f2°	d6 — g3°
14) f2 — f1	g3 — h4°

- 15) d1 — h5 g7 — g6
 16) h5 — h4° f7 — f5

черные имѣютъ хорошее положеніе и лишнюю пѣшку.

II.

- 12) e4 — f2°
 13) d3 — h7° + g8 — h7°
 14) d1 — c2 + h7 — g8
 15) c2 — f2° d6 — g3°

черные выигрываютъ.

(3) Единственное средство спасти и коня и пѣшку h3.

(4) Брать ладью пѣшкой было бы дурно: бѣлые приобрѣли бы великолѣпную атаку посредствомъ 20. e4 — f5°.

ПАРТІЯ № 233.

GIUOCO PIANO.

Коллинъ. (Бѣлые).	Паульсенъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	12) g5 — f6°	g7 — f6°
2) g1 — f3	b8 — c6	13) b1 — c3 (2)	c7 — c6 (5)
3) f1 — c4	f8 — c5	14) f1 — f6°	d8 — d2
4) 0 — 0	g8 — f6	15) f6 — f2	d2 — f2°
5) d2 — d4	c5 — d4° (1)	16) g1 — f2°	e6 — d4
6) f3 — d4°	c6 — d4°	17) a1 — c1	h8 — g8
7) f2 — f4	d7 — d6	18) c3 — b1	e8 — e7
8) f4 — e5°	d6 — e5°	19) b1 — d2	f7 — f6
9) c1 — g5	c8 — e6	20) g2 — g3	бѣлые предлага- ютъ признать игру за ничью и черные соглашаются.
10) c4 — e6°	d4 — e6°		
11) d1 — d8° +	a8 — d8°		

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 233.

(1) Обыкновенно играется e5 — d4°.

(2) Это лучше чѣмъ брать непосредственно пѣшку f6.

(3) Чтобъ помѣшать коню ступить на d5. Nouvelle Régence утверждаетъ, что 13. $\overline{d8-d7}$ было бы лучше; но почему же? Бѣлые отвѣтятъ 14. $\overline{c5-d5}$, угрожая завоевать ладью, и положеніе ихъ очень выгодно.

ПАРТІЯ № 234.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

ПАУЛЬСЕНЪ. (Бѣлые).	Колішъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	21) g3 — e4°	g6 — e4°
2) f2 — f4	e5 — f4°	22) f1 — f2	g8 — g6
3) f1 — c4	g8 — f6 (1)	23) g2 — g3	a8 — g8
4) b1 — c3 (2)	f8 — b4	24) c4 — d5°	c6 — d5°
5) g1 — f3	0 — 0	25) e3 — e4°	d5 — e4°
6) 0 — 0	b4 — c3°	26) b3 — f7°	e4 — e3
7) d2 — c3°	f6 — e4°	27) f2 — f3	g8 — d8
8) c1 — f4°	d7 — d6	28) e2 — e3°	b6 — e3°
9) c4 — d5	e4 — f6	29) f3 — e3°	g6 — g7
10) f4 — g5	e7 — c6	30) f7 — c4	d8 — d1 +
11) d5 — b3	c8 — f4	31) g1 — g2	g7 — c7
12) f3 — d4	c8 — f4	32) e3 — e8 +	h8 — g7
13) g5 — f6°	f5 — g6	33) e8 — g8 +	g7 — h6
14) d4 — f5	g7 — f6°	34) c4 — d3	d1 — a1
15) d1 — d2 (3)	d6 — d5	35) g8 — g4	a1 — a2°
16) a1 — e1	g8 — h8 (4)	36) b2 — b4	a2 — c2° +
17) f5 — g3	b8 — d7	37) d3 — c2°	c7 — c2° +
18) e1 — e3	f8 — g8	38) g2 — h3	c2 — a2
19) d2 — e2	d7 — c5	39) g4 — h4 +	h6 — g6
20) c3 — c4	c5 — e4	40) h4 — g4 +	и игра кон-
	d8 — b6		чилась розыгрышемъ.

Примѣчанія къ партіи № 234.

(1) Мы уже имѣли случай замѣтить, что эта защита, изобрѣтенная прусскимъ любителемъ Ганнекеномъ, признана въ настоящее

время наилучшею изъ всѣхъ возможныхъ и совершенно замѣнила старинную, классическую оборону посредствомъ: 3. $\overline{d8-h4}$ 4. $\overline{g7-g6}$.

(2) По анализу Ганнекена тутъ играется 4. $\frac{e4-e5}{f6-e4}$.

(3) Угрожая матомъ въ два хода посредствомъ $d2-h6$, $h6-g7$ конечно черный можетъ взять коня слономъ, но это дастъ возможность бѣлому немедленно ввести въ игру ладьи и образовать неотразимую атаку.

(4) Лучшій ходъ для отклоненія грозящей опасности.

ПАРТІЯ № 235.

ГАМБИТЪ СЛОНА.

Паульсенъ. (Бѣлые).	Коллинь. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
		14) $b7-c7^\circ$	$f5-e4$ +
1) $e2-e4$	$e7-e5$	15) $e1-d1$	0 — 0
2) $f2-f4$	$e5-f4^\circ$	16) $d2-d3$	$e4-g6$
3) $f1-c4$	$g8-f6$	17) $c7-f4^\circ$ (4)	$f7-f6$
4) $b1-c3$	$f8-b4$	18) $f4-e4$	$g6-g2^\circ$ (5)
5) $e4-e5$	$d7-d5$	19) $h1-g1$	$g2-h3$
6) $c4-b5$ +	$c7-c6$	20) $e4-c6^\circ$	$f8-d8$ (6)
7) $e5-f6^\circ$	$c6-b5^\circ$	21) $d1-e2$ (7)	$e6-d5$
8) $d1-e2$ + (4)	$c8-e6$	22) $c6-f6^\circ$	$d8-e8$ +
9) $e2-b5^\circ$ +	$b8-c6$	23) $c1-e3$	$g7-g6$
10) $g1-f3$	$d8-f6^\circ$	24) $g1-g3$	$h3-h6$
11) $b5-b7^\circ$ (2)	$a8-c8$	25) $f6-g5$	$d5-f3^\circ$ +
12) $c3-d5^\circ$	$f6-f5$ (5)	26) $e2-f3^\circ$	и черные сдаются.
13) $d5-c7$ +	$c8-c7^\circ$		

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 235.

(1) Паульсенъ мастерски ведетъ всю атаку.

(2) Теперь чернымъ очень плохо.

(3) Съ цѣлю возвратитъ пешера, въ случаѣ если бѣлые возьмутъ слона конемъ, т. е. 13. $\frac{d5-b4^\circ}{f6-e4}$ и берутъ коня.

(4) Взявъ коня, бѣлые проиграли бы партію, а именно:

17) с7 — с6° f8 — с8
 18) с6 — е4 g6 — g2°

Угрожая матомъ въ одинъ ходъ (g2 — с2° ×).

19) f3 — d2 e6 — g4 +
 20) d1 — e1 g4 — f3 и черные несом-
 нѣнно выигрываютъ.

(5) Чрезвычайно неосторожный ходъ.

(6) Угрожая сыграть e6—d5.

(7) Очень тонкій ходъ, незамѣтно отражающій задуманную про-
 тивникомъ атаку.

ПАРТІЯ № 236.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ.

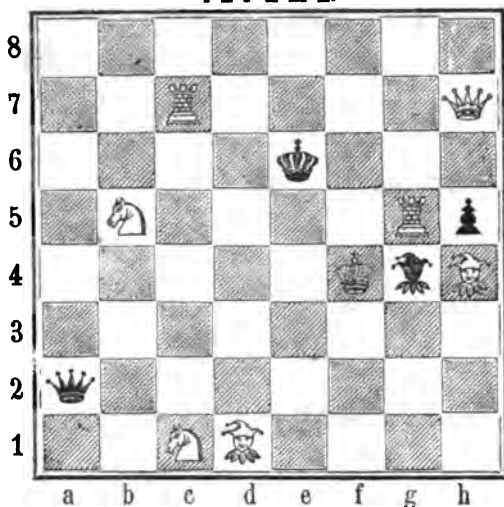
Коллизъ.	Паульсенъ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	16) g4 — h5°	h6 — g5°
1) e2 — e4	e7 — e5	17) h4 — g3	e6 — f5
2) d2 — d4	e5 — d4°	18) c3 — e2	c6 — c5
3) f1 — c4	g8 — f6	19) c2 — c3	f8 — e8
4) g1 — f3	f6 — e4°	20) f2 — f4	g5 — g4
5) d1 — d4°	e4 — f6	21) h5 — g6°	f7 — g6°
6) 0 — 0	d7 — d5	22) g3 — f2	d8 — d6
7) c4 — d3	f8 — e7	23) e2 — g3	f5 — d7
8) c1 — g5	0 — 0	24) e1 — e5	e8 — e5°
9) b1 — c3	c8 — e6	25) f4 — e5°	d6 — e5°
10) d4 — h4	g7 — g6	26) f2 — c5°	a8 — f8
11) f1 — e1	b8 — c6	27) a1 — f1	f8 — f1° +
12) d3 — b5	f6 — h5	28) g3 — f1°	a7 — a6
13) b5 — c6°	e7 — g5°	29) f1 — g3	d7 — e6
14) f3 — g5°	b7 — c6°	30) c5 — d4	e5 — g5
15) g2 — g4	h7 — h6	и игра признана за ничью.	

З А Д А Ч И.

№ 120.

АНАТОЛІЯ ГРАВЕ (въ Нижнемъ-Новгородѣ).

ЧЕРНЫЕ.

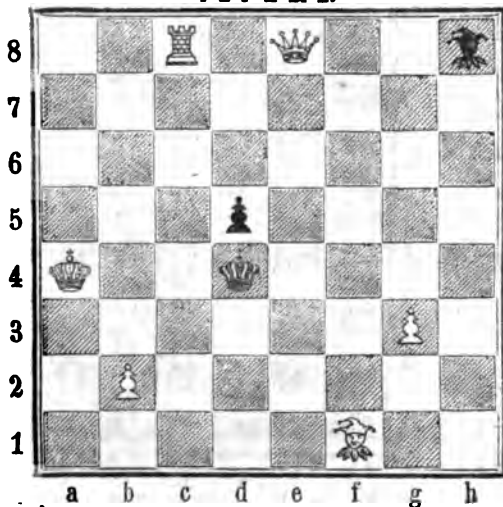
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

№ 121.

Изъ Schachzeitung.

ЧЕРНЫЕ.

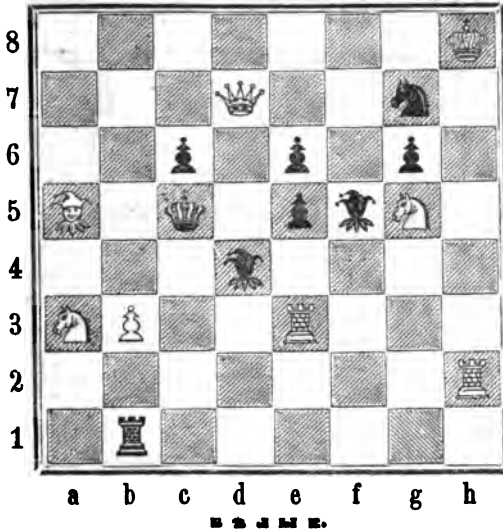
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 122.

КЭМПСБЕЛЛЯ.

ЧЕРНЫЕ.

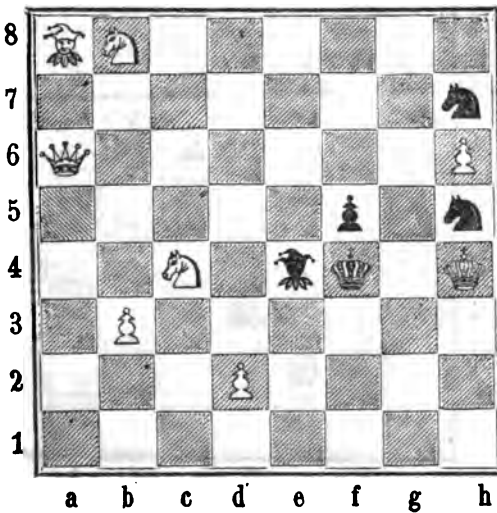

Белые начинают и дают мат в 3 хода.

№ 123.

Изъ Лондонской Иллюстраціи.

ЧЕРНЫЕ.

Белые начинают и дают мат в 3 хода.

- 15) d1 — h5 g7 — g6
 16) h5 — h4° f7 — f5

черные имѣютъ хорошее положеніе и лишнюю пѣшку.

II.

- 12) e4 — f2°
 13) d3 — h7° + g8 — h7°
 14) d1 — c2 + h7 — g8
 15) c2 — f2° d6 — g3°

черные выигрываютъ.

(3) Единственное средство спасти и коня и пѣшку h3.

(4) Брать ладью пѣшкой было бы дурно: бѣлые прибрѣли бы великолѣпную атаку посредствомъ 20. e4 — f5°.

ПАРТІЯ № 233.

GIUOCO PIANO.

Колншъ.	Паульсенъ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	12) g5 — f6°	g7 — f6°
1) e2 — e4	e7 — e5	13) b1 — c3 (2)	c7 — c6 (5)
2) g1 — f3	b8 — c6	14) f1 — f6°	d8 — d2
3) f1 — c4	f8 — c5	15) f6 — f2	d2 — f2°
4) 0 — 0	g8 — f6	16) g1 — f2°	e6 — d4
5) d2 — d4	c5 — d4° (1)	17) a1 — c1	h8 — g8
6) f3 — d4°	c6 — d4°	18) c3 — b1	e8 — e7
7) f2 — f4	d7 — d6	19) b1 — d2	f7 — f6
8) f4 — e5°	d6 — e5°	20) g2 — g3	бѣлые предлага-
9) c1 — g5	c8 — e6		ютъ признать игру за ничью
10) c4 — e6°	d4 — e6°		и черные соглашаются.
11) d1 — d8° +	a8 — d8°		

Примѣчанія къ партіи № 233.

(1) Обыкновенно играется e5 — d4°.

(2) Это лучше чѣмъ брать непосредственно пѣшку f6.

(3) Чтобъ помѣшать коню ступить на d5. Nouvelle Régence утверждаетъ, что 13. $\overline{ae-a7}$ было бы лучше; но почему же? Бѣлые отвѣтятъ 14. $\overline{e5-d5}$, угрожая завоевать ладью, и положеніе ихъ очень выгодно.

ПАРТІЯ № 234.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

ПАУЛЬСЕНЪ. (Бѣлые).	КОЛИШЪ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	21) g3 — e4°	g6 — e4°
2) f2 — f4	e5 — f4°	22) f1 — f2	g8 — g6
3) f1 — c4	g8 — f6 (1)	23) g2 — g3	a8 — g8
4) b1 — c3 (2)	f8 — b4	24) c4 — d5°	c6 — d5°
5) g1 — f3	0 — 0	25) e3 — e4°	d5 — e4°
6) 0 — 0	b4 — c3°	26) b3 — f7°	e4 — e3
7) d2 — c3°	f6 — e4°	27) f2 — f3	g8 — d8
8) c1 — f4°	d7 — d6	28) e2 — e3°	b6 — e3°
9) c4 — d5	e4 — f6	29) f3 — e3°	g6 — g7
10) f4 — g5	c7 — c6	30) f7 — c4	d8 — d1 +
11) d5 — b3	c8 — f4	31) g1 — g2	g7 — c7
12) f3 — d4	c8 — f4	32) e3 — e8 +	h8 — g7
13) g5 — f6°	f5 — g6	33) e8 — g8 +	g7 — h6
14) d4 — f5	g7 — f6°	34) c4 — d3	d1 — a1
15) d1 — d2 (3)	d6 — d5	35) g8 — g4	a1 — a2°
16) a1 — e1	g8 — h8 (4)	36) b2 — b4	a2 — c2° +
17) f5 — g3	b8 — d7	37) d3 — c2°	c7 — c2° +
18) e1 — e3	f8 — g8	38) g2 — h3	c2 — a2
19) d2 — e2	d7 — c5	39) g4 — h4 +	h6 — g6
20) c3 — c4	c5 — e4	40) h4 — g4 +	и игра кончилась розыгрышемъ.
	d8 — b6		

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 234.

(1) Мы уже имѣли случай замѣтить, что эта защита, изобрѣтенная прусскимъ любителемъ Ганнекеномъ, признана въ настоящее

время наилучшею изъ всѣхъ возможныхъ и совершенно замѣнила старинную, классическую оборону посредствомъ: 3. $\frac{d8-h4}{g7-g5}$ 4. $\frac{g7-g5}{f6-e4}$.

(2) По анализу Ганнекена тутъ играется 4. $\frac{c4-e5}{f6-e4}$.

(3) Угрожая матомъ въ два хода посредствомъ d2—h6, h6—g7[×]; конечно черный можетъ взять коня слономъ, но это дастъ возможность бѣлому немедленно ввести въ игру ладьи и образовать неотразимую атаку.

(4) Лучшій ходъ для отклоненія грозящей опасности.

ПАРТІЯ № 235.

ГАМБИТЪ СЛОНА.

Паульсенъ. (Бѣлые).	Коллизъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5	14) b7 — c7°	f5 — e4 +
2) f2 — f4	e5 — f4°	15) e1 — d1	0 — 0
3) f1 — c4	g8 — f6	16) d2 — d3	e4 — g6
4) b1 — c3	f8 — b4	17) c7 — f4° (4)	f7 — f6
5) e4 — e5	d7 — d5	18) f4 — e4	g6 — g2° (5)
6) c4 — b5 +	c7 — c6	19) h1 — g1	g2 — h3
7) e5 — f6°	c6 — b5°	20) e4 — c6°	f8 — d8 (6)
8) d1 — e2 + (1)	c8 — e6	21) d1 — e2 (7)	e6 — d5
9) e2 — b5° +	b8 — c6	22) c6 — f6°	d8 — e8 +
10) g1 — f3	d8 — f6°	23) c1 — e3	g7 — g6
11) b5 — b7° (2)	a8 — c8	24) g1 — g3	h3 — h6
12) c3 — d5°	f6 — f5 (3)	25) f6 — g5	d5 — f3° +
13) d5 — c7 +	c8 — c7°	26) e2 — f3°	и черные сдаются.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 235.

(1) Паульсенъ мастерски ведетъ всю атаку.

(2) Теперь чернымъ очень плохо.

(3) Съ цѣлю возвратитъ пешера, въ случаѣ если бѣлые возьмутъ слона конемъ, т. е. 13. $\frac{d5-b4}{f6-e4}$ + и берутъ коня.

(4) Взявъ коня, бѣлые проиграли бы партію, а именно:

17) c7 — c6° f8 — c8
 18) c6 — e4 g6 — g2°

Угрожая матомъ въ одинъ ходъ (g2 — c2° ✕).

19) f3 — d2 e6 — g4 +
 20) d1 — e1 g4 — f3 и черные несо-
 мѣнно выигрываютъ.

(5) Чрезвычайно неосторожный ходъ.

(6) Угрожая сыграть e6—d5.

(7) Очень тонкій ходъ, незамѣтно отражающій задуманную про-
 тивникомъ атаку.

ПАРТІЯ № 236.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ.

КОЛИЦЪ.	ПАУЛЬСЕНЪ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	16) g4 — h5°	h6 — g5°
1) e2 — e4	e7 — e5	17) h4 — g3	e6 — f5
2) d2 — d4	e5 — d4°	18) e3 — e2	c6 — c5
3) f1 — e4	g8 — f6	19) c2 — c3	f8 — e8
4) g1 — f3	f6 — e4°	20) f2 — f4	g5 — g4
5) d1 — d4°	e4 — f6	21) h5 — g6°	f7 — g6°
6) 0 — 0	d7 — d5	22) g3 — f2	d8 — d6
7) c4 — d3	f8 — e7	23) e2 — g3	f5 — d7
8) c1 — g5	0 — 0	24) e1 — e5	e8 — e5°
9) b1 — c3	e8 — e6	25) f4 — e5°	d6 — e5°
10) d4 — h4	g7 — g6	26) f2 — c5°	a8 — f8
11) f1 — e1	b8 — c6	27) a1 — f1	f8 — f1° +
12) d3 — b5	f6 — h5	28) g3 — f1°	a7 — a6
13) b5 — c6°	e7 — g5°	29) f1 — g3	d7 — e6
14) f3 — g5°	b7 — c6°	30) c5 — d4	e5 — g5
15) g2 — g4	h7 — h6		

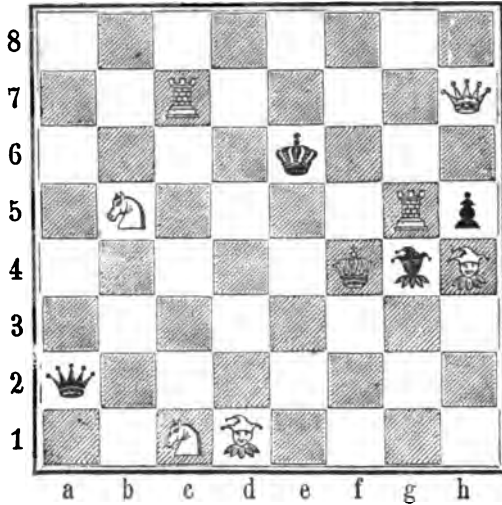
и игра окончана за ничью.

З А Д А Ч И.

№ 120.

АНАТОЛІЯ ГРАВЕ (въ Нижнемъ-Новгородѣ).

ЧЕРНЫЕ.

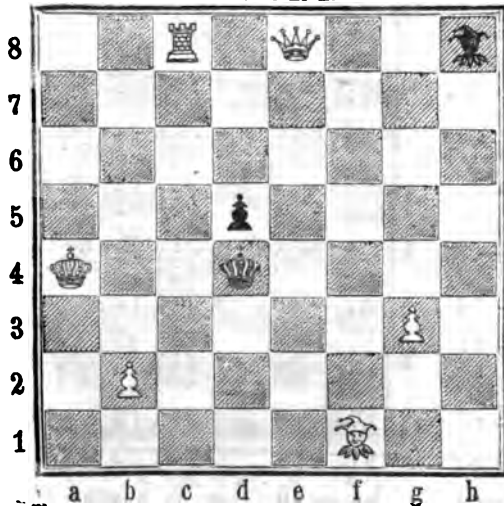
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдвѣать матъ въ 8 ходовъ.

№ 121.

Изъ Schachzeitung.

ЧЕРНЫЕ.

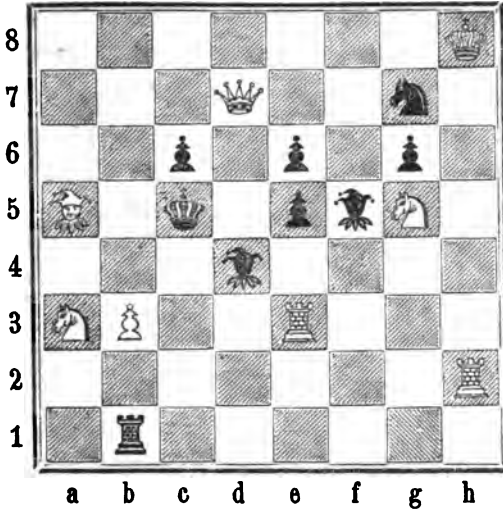
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 122.

КЭМБЕЛЛЯ.

ЧЕРНЫЕ.

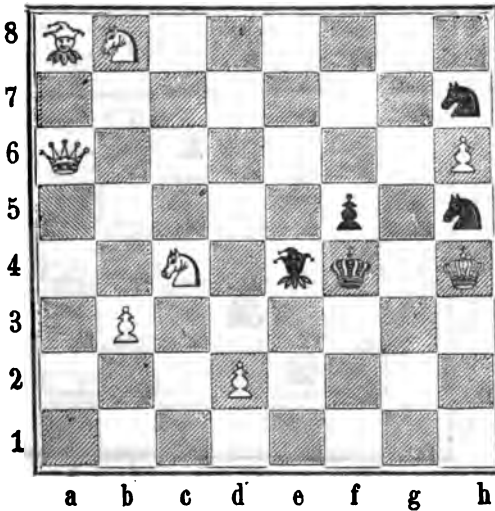
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 123.

Изъ Лондонской Иллюстраціи.

ЧЕРНЫЕ.

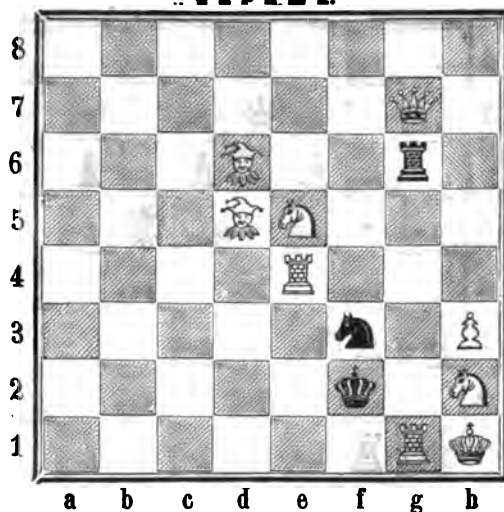
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 124.

Н. ОСТРОВСКОГО (въ Москвѣ).

ЧЕРНЫЕ.

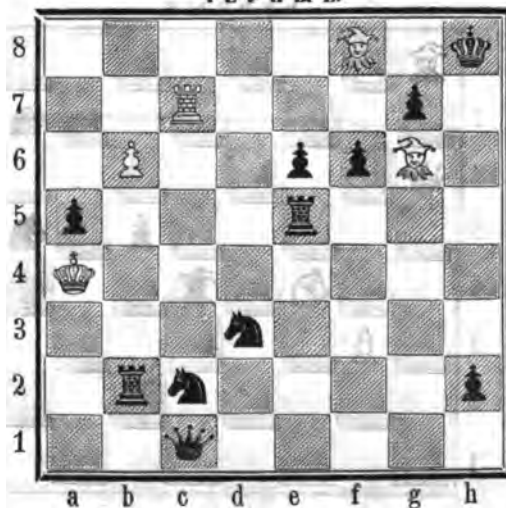
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 12 ходовъ.

№ 125.

А. И. СОКОЛОВА (въ Самарѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и дѣлать матъ въ 2 хода.

Корреспонденция. *А. Гр—е.* (въ Нижнемъ-Новгородѣ). Весьма благодарны за проблему и любезное общаніе.

Н. Остр—му (въ Москвѣ). Вашъ «удачный выстрѣлъ» рѣшенъ г. Петровскимъ въ 14 ходовъ; изъ чего впрочемъ никакъ не слѣдуетъ, чтобъ проблема, была не хороша; напротивъ того она очень трудна и красива; но вѣдь Вы знаете какой мастеръ г. Петровскій сокращать рѣшенія.

А. Х. Гери—у (въ Новомосковскѣ). Проблема, о которой Вы говорите рѣшается въ 5 ходовъ; о чемъ мы увѣдомили читателей въ свое время.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА,

въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту, въ домъ Петро-
павловской церкви, № 24,

Поступили въ продажу слѣдующія книги:

Шлоссеръ Ф. Всемирная исторія. Перев. подъ редакцію Н. Чернышевскаго. Томъ I. Исторія древняго міра. Народы греко-римскаго періода. Спб. 1861 г.; ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Томъ II. Народы греко-римскаго періода (продолженіе) Спб. 1861 г. ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Шлоссеръ Ф. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи. 8 томовъ. Спб. 1858—1860 г. ц. 10 р., съ перес. 14 р.

Маколей. Полное собраніе сочиненій Т. I. Критическіе и историческіе опыты. Спб. 1860 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к. Томъ II. Критическіе и историческіе опыты. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р. 25 к. Томъ III. Исторія Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова II. Ч. 1-я. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 25 к.

Вышинскій Г. Лордъ Маколей, его жизнь и сочиненія (съ портр.) Спб. 1860 г. ц. 60 к. съ перес. 90 к.

Гишо. Исторія цивилизаціи въ Европѣ, отъ паденія Римской имперіи до французской революціи. Редакція перевода К. К. Арсеньева. Спб. 1860 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 10 коп.

Костомаровъ Н. Гетманство Выговскаго. Спб. 1862 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Костомаровъ Н. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Костомаровъ Н. Очеркъ домашней жизни Великоорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1860 г. ц. 1 р. 25 к.

- Кулишъ П.** Хмельница. Историче оповидання. Спб. 1861 г., ц. 25 к., съ перес. 55 к.
- Голевинскій В.** Обь отношенія супруговъ до имущества, въ случаѣ незаключенія ими предбрачнаго договора, по законамъ, дѣйствующимъ въ Царствѣ Польскомъ. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 85 к.
- Мейеръ Д.** Русское гражданское право, изданное по запискамъ слушателей, подъ редакцію А. Вицына. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 10 к.
- Моллиари Г.** Курсъ политической экономіи, читанный въ королевскомъ музеѣ бельгійской промышленності. Редакція перевода Я. А. Ростовцева. Спб. 1860 г., ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 30 к.
- Курсель-Сенель.** Теоретическій и практический трактатъ о политической экономіи, переводъ Я. А. Ростовцева. Спб. 1861 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 60 к.
- Милль Д.** Основанія политической экономіи съ некоторымъ изъ нихъ приложеніемъ къ общественной философіи. Перев. Н. Чернышевскаго. Т. I. Спб. 1860 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 60 к.
- Памятники** старинной русской литературы, издаваемые графомъ Кушелевымъ-Везбородко подъ редакцію Н. Костомарова. 2 выпускъ. Спб. 1860 г., ц. 3 р., съ перес. 6 р. 50 к. Выпускъ, издан. подъ редакціей А. Н. Пышина. Спб. 1862 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к.
- Отголоски славянской поэзи.** М. 1861 г., ц. 75 к. съ перес. 1 р.
- Афанасьевъ А. П.** Народныя русскія сказки. Вып. 6-й М. 1862 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к. Т. Вып. 1, 2, 3, 4, 5, ц. 2 р. 90 к., съ перес. 4 р.
- Бѣлинскій В.** Сочиненіе т. XI М. 1861 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 60 к. Тома 1-9-й, ц. каж. т. 1 р., на перес. по 60 к.
- Веневитиновъ Д. В.** Полное собраніе сочиненій, издан. подъ редакцію А. П. Пятковскаго. (съ портретомъ). Спб. 1862 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Беранже.** Пѣсни, переводы В. Курочкина, изд. 4-е исправлен. и дополн. (съ портрет.) Спб. 1862 г.; въ англ. перекл., ц. 75 к. съ перес. 1 р.

III

- Вовчокъ М.** Повѣстки (народні оувѣданья) другія выданья. Спб. 1861 г., ц. 50 к., съ перес. 80 н.
- Гончаровъ Н.** Обломовъ, романъ въ 4 част. 2 т., изд. 2-е. Спб. 1862 г., ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Достоевскій О. М.** Униженные и оскорбленные: Романъ въ 4 част. 2 т. съ эпилогомъ. Исправл. изд. Спб. 1861 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- Записки Лоренцо Венети.** Перев. Д. Михаловскаго. Спб. 1861 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 н.
- Кулишъ П.** Исторія испанской литературы по Туктору. Спб. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.
- Майковъ Аполлонъ.** Стихотворенія. 2 тома. Спб. 1858 г., ц. 2 р., съ перес. 3 р. 25 к.
- Михайловъ М. Д.** Въ провинціи. 2 т. Спб. 1859 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 60 к.
- Непробовъ Н.** Стихотворенія I т. Изд. 2-е съ изм. 1856 г. съ прибавленіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ этого года. Спб. 1861 г., ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. тоже въ колѣнкор. переплетѣ, ц. 3 р., съ перес. 3 р. 75 к.
- Остревскій А.** Сочиненія 2 т. Спб. 1859 г., ц. 3 р., съ перес. 4 р. 25 к.
- Очерки изъ нелербургской жизни некаго поэта.** 2 т. Спб. 1860 г., ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к.
- Панаевъ Н.** Сочиненія, 4 тома. Спб. 1860 г., ц. 3 р., съ перес. 4 р. 50 к.
- Полонскій Я. Н.** Разказы. Спб. 1859 г., ц. 50 н., съ перес. 80 к.
- Сказровскій Н.** Очерки Москвы. Вып. I. М. 1862 г., ц. 50 к., съ перес. 80 к.
- Толь Ф. Г.** Два года въ к-скомъ заводѣ. Сибирскіе очерки. Спб. 1861 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 н.
- Толь Ф. Г.** Трудъ и капиталъ. Романъ въ 2 част. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
- Умановъ А.** Изъ купеческаго быта. Повѣсти и очерки. Часть 1-я М. 1862 г., ц. 50 к., съ перес. 80 к.
- Успенскій Н. В.** Разказы. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 н., съ перес. 2 р.

- Жата.** 1860. Издавъ П. А. Кулишъ. Типошъ другимъ. Спб. 1860 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- Худяковъ И. А.** Великорусскія сказки. М. 1860 г., ц. 75 п., съ перес. 1 р.
- Шевченко Т.** Кобзарь. Коштомъ Платона Семеренка (съ портр. автор.) Спб. 1860 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р. 10 к.
- Шевченко Т.** Кобзарь въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданъ подъ редакцію Н. В. Гербеля. Спб. 1860 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 55 к.
- Шиллеръ** въ переводѣ русскихъ писателей, изданный подъ редакцію Н. В. Гербеля. 9 томовъ. Спб. 1859—1862 г., ц. 11 р., съ перес. 15 р., на томъ 1 и 2-й выдается билетъ.
- Бажановъ А.** Опыты земледѣлія вольнонаемнымъ трудомъ. 2-е изданіе съ 25-ю полит. землед. орудій и машинъ. Спб. 1861 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Сальмановичъ П.** Руководство къ составленію смѣтъ или собраніе данныхъ, опредѣляющихъ стоимость построекъ. (Справочныя книжки для строителей) 2 тома. Спб. 1860 и 1861 г., ц. 1 т. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; ц. 2 т. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.
- Фалевичъ.** Лекція о дровахъ, читанная въ домѣ вѣнск. вольн. эконо. общ. въ С.-Петербургѣ 1858 и 1859 г. съ 3-мя табл. чертежей. Спб. 1860 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.
- Сцены изъ жизни животныхъ.** Книга I съ полит. и табл. М. 1860 г., ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 55 к.
- Серно-Соловьевичъ.** Выписка изъ Высочайше утвержденныхъ положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, о повинностяхъ крестьянъ для великороссійскихъ губерній. Спб. 1861 г., ц. 10 к., на перес. прилагается отъ 1 до 50 экз. 30 к.

Въ означенномъ магазинѣ принимается подписка на Оружейный Сборникъ 1862 года по объявленной цѣнѣ: безъ пересылки 6 руб., съ пересылкою и доставкою 7 р. 50 к., а равно и продается отдѣльными книжками Оружейный Сборникъ №№ 1 и 2-й за 1861 г. по 1 р. 50 к. сер. каждая, безъ пересылки, а съ пересылкою по 2 р. с.

РУССКОЕ СЛОВО.

II.

РУССКОЕ СЛОВО.

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ—БЕЗВОРОДКО.

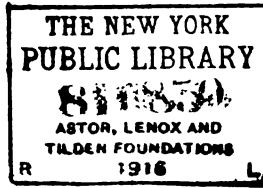
1862.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕВА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать *позволяется* съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 8 марта 1862 года.

Цензоръ *Θ. Рахманиновъ.*

PROVED
BY
VALLEY

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ Глухой городокъ. МАРКО-ВОВЧКА.
 ✓ Аринушка (повѣсть, окончаніе). А. Г. ВИТКОВСКАГО.
 ✓ Физиологическія картины. Д. И. ПИСАРЕВА.
 * * (стих.). А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.
 ✓ Людвигъ Спиттлеръ.
 Фрина (стих.). ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО.
 ✓ Приключенія Филиппа (романъ ТЕККЕРЕЯ).

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА.

Франція. — Финансовыя элквибраціи Фульда. — Репутація его виѣстъ съ Дюмоларомъ въ парижскихъ общественныхъ кружкахъ. — Лечение биржевой игрой финансоваго недуга. — Тронныя рѣчи императора Французовъ и королевы англійской. — Процессъ Анны Гамильтонъ. — Курьезный процессъ лорда Уильяма. — Лордъ Пальмерстонъ и его быль о передачѣ собственности. — Быстрая перемена англійской политики относительно Америки. — Побѣды федеральной партіи и планы конгресса относительно завоеваній. — Внутренняя связь между мексиканскою экспедиціей и отпаденіемъ южныхъ штатовъ. — Походъ въ Мексику и храброе сопротивленіе Мексиканцевъ. — Вопросъ о будущемъ мексиканскомъ королѣ. — Отсутствие новостей изъ Италіи. — Ложная система дѣйствій Ривасоли и недовѣріе итальянской націи къ пиемонтскому парламенту. — Наводненіе въ Венгріи и засуха въ австрійской политикѣ. — Двойственное поведеніе Пруссіи относительно Германіи. — Значеніе демократической партіи въ Берлинѣ и неумѣнье ея обращаться съ современными вопросами. ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

Д. И. ПИСАРЕВА	1.	✓
Поэтъ-философъ Веневитиновъ и биографъ-критикъ
г. Пятковскій	28.	✓
Ложныя и отреченныя книги русской старины. Объясненія къ «памятникамъ древней русской литературы»,
выш. 3-й А. Н. ПЫПИНА	42.	
Русскій Донъ-Кихотъ (соч. И. В. Кирѣевскаго I и II т.
Москва 1861 г.). Д. И. ПИСАРЕВА.	88.	

Иностранная литература. Американский кризис и влияние его на европейския дѣла. 1. AMERICAN CRISIS, AND ITS PROSPECTS. London. 1861. 2. UTILITARIANISM. By J. S. Mill. Fraser's Magazine. 1861. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА 1.

ОТДѢЛЪ III.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ **Современная Литтонисъ** отлагается до будущаго мѣсяца.

Дневникъ темнаго челоуѣка.

Мой трепеть передъ призракомъ общественнаго мнѣнія. — Роковая скамья подсудимыхъ и общественное вею. — Русскіе скептики и ихъ тенденціи. Нѣчто о демоническихъ натурахъ. — Кто сомнѣвается въ русскомъ прогрессѣ? Ода прогрессу. — Разница между скептицизмомъ нѣмецкаго Фауста и русскаго Собакевича. — Два слова о Никитѣ Безрыловѣ и Викторѣ Асоченскомъ. — *Два бойца* — мимолетная импровизація. — Домашній литературный вечеръ и его составъ. — Общественное мнѣніе въ лицахъ. — Старая княжна и юный господинъ. — Парикъ допотопнаго поэта и увлеченіе институтки. — Темный челоуѣкъ передъ судомъ *избраннаго общества*. — Мои надежды и окончательное поражение. — Литературныя чтенія — какъ одна изъ казней моды. — Мое злорадство. — Сказаніе о нѣкоемъ Охочекомоннѣ и объ его кулачной расправѣ съ петербургскими профессорами. — Уступка Охочекомонны въ пользу з-жи Толмачевой и одного изъ сотрудниковъ Русскаго Слова. — Счастливая гвѣзда г. Печаткина. — Гимнъ Библіотекѣ *ддд*: Чтенія. — Причитанья журнальной маски (З—на) надъ *дѣтской Добролюбовъ*. — Можно ли ставить памятники людямъ, которыхъ фамилія *писалась* черезъ маленькую букву? — Мой проектъ объ открытіи подписки на подизненные монументы Зорину, З—ву, и Охочекомоннѣ. — Осужденіе статей Добролюбова и его друзей. — Тенденціи г. З—на и дочери становаго. — *Жалоба уездной красавицы*. — элегія. — Смѣлость мотыльвыхъ червей. — Кто ты? — Ларичекре возмущеніе къ псевдониму. — Фантастическая сцена гласнаго суда *ддд*. — Г. Лермантовъ и г-жа Кобакова. — Протестъ послѣдней. — Я, какъ адвокатъ обвиненнаго. — Моя блестящая рѣчь о собственности и кражѣ. — Почему г. Лермантовъ назвалъ *Неожиданное богатство* — *Легкимъ богатствомъ*? — Масляница и ея удовольствія въ Петербургѣ. — Послѣдній маскарадъ въ Большомъ театрѣ и его характеръ. Сцена въ буфетѣ, гдѣ я опять являюсь адвокатомъ, но неудачнымъ. — Не рѣшенный вопросъ: кто долженъ больше обижаться: тотъ-ли, кого бьютъ, или тѣ, которые смотрятъ, какъ бьютъ?! — Мои маскарадные иллюзіи. — Маскарадный мотивъ — стихотвореніе. — Петербургская начальница и ея классическое: *станьте!*.. — Нѣчто о скромнѣ торжествъ буквы *Ѣ*.

Шахматный листокъ (за февраль) В. М. МИХАЙЛОВА.

Премія: 3-й выпускъ «Памятниковъ старинной Русской литературы», изд. подъ редакцію А. Н. Пыпина и 1-й томъ соч. Л. Мея отправлены подписчикамъ, вслѣдъ за янв. книжкой Русскаго Слова.

ГЛУХОЙ ГОРОДОКЪ.

(М. М. С.)

1.

Жилъ былъ въ городкѣ Н. городничій Эрастъ Антиповичъ Малимоновъ, человѣкъ сѣдоусый, чернобровый, коротко волосы стригъ, славно одѣвался; говорилъ про себя, что онъ роду почтеннаго и что сердце у него доброе; называлъ деньги благомъ земнымъ, просителей—принесителями, вишневку—утѣхою, а жену свою—помѣхою; всегда почти былъ веселъ, шутивъ, говорливъ въ гостяхъ и дома не бывалъ буенъ; любилъ у себя гостей принимать и самъ любилъ въ гостяхъ бывать, сердился онъ часто да не надолго: «я въ батюшку покойнаго» говаривалъ Эрастъ Антиповичъ «у меня сердце отходчивое, и ни крошки я не злопамятенъ.»

Жена у Эраста Антиповича была очень полная женщина и все рассказывала, какъ она худа была назадъ тому два года — даже годъ. Она читала всякія книги, а еще больше любила сидѣть съ книгой въ рукахъ подь окномъ и глядѣть на улицу. Она любила наряжаться, любила милыхъ людей и отъ нихъ вниманіе. «Конечно—говаривала она—конечно, отъ всякаго вниманіе пріятно, но отъ милаго, душевнаго

человѣка вдвое,—отъ милаго, душевнаго человѣка самая малость меня трогаетъ.» Она была хозяйка радушная и любезная: угощала, подчивала, рассказывала, что она дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ, что съ ней случилось и чего не случилось, что ей по сердцу и что не по сердцу; она щурила глаза и улыбалась; опускала глаза и вздыхала. Сколько ей лѣтъ она никогда не говорила, а еслибы захотѣла сказать, такъ сказала бы, что ей подѣ сорокъ. Она бѣднымъ подавала, а богатыхъ чествовала; пригорюнивалась, когда рѣчь заходила о строгомъ отцѣ или о строгой матери, о приневоленной невѣстѣ, хотя ее самую ни отецъ, ни мать не неволили, и замужъ она пошла за Эраста Антиповича по своей охотѣ, безъ слезъ. Пригорюнивалась она тоже, когда рѣчь заходила о лихомъ мужѣ, о несчастной женѣ, хотя ея мужъ лихъ не былъ, а она почивала крѣпко, кушала въ сласть—гдѣ жъ подобье несчастной женѣ? Но она все—таки къ несчастной женѣ себя приравнивала. Нѣтъ, нѣтъ, да и скажетъ мужу:

— Зачѣмъ я за тебя замужъ шла? Лучше бы я не ходила за тебя замужъ!

— Твоя воля была, Павла Андреевна, отвѣтитъ Эрастъ Антиповичъ.

— Лучше бы я за другаго пошла! сѣтуетъ Павла Андреевна.

— Пора бы тебѣ ужъ это изъ головы выбросить, Павла Андреевна!

— Что такое пора? Я, слава Богу, еще не столѣтняя кажется, вамъ на зло я не старѣюсь! Кто меня ни увидитъ, всѣ мнѣ удивляются: какъ вы молодѣете, какъ вы молодѣете, Павла Андреевна! такъ и ахаютъ всѣ!

— Ты не вѣрь никому.

— Вамъ, конечно, никогда не повѣрю, Эрастъ Антиповичъ, и всегда буду думать до самаго гроба, отчего я не пошла за кого нибудь получше васъ!

Если Эрастъ Антиповичъ вспыхнетъ и отвѣтитъ на это: лучшіе—то и взяли себѣ лучшихъ, а я тебя!—то Павла Андреевна заплачетъ и станетъ причитать; у Эраста Антиповича сердце отойдетъ—онъ и начнетъ уговаривать и увѣрять, что пошутить и кается, что шутка его глупая; но Пав-

ла Андреевна долго, долго плачетъ, а если Эрастъ Антиповичъ стерпитъ и ничего не отвѣтитъ, а начнетъ ходить по гостиной да насвистывать пѣсенку, ходить, ходитъ, насвистываетъ, насвистываетъ, остановится у двери, оглядываетъ дверь и вдругъ войдетъ въ залъ; въ залъ походить, пошепчетъ, тоже остановится около двери, тоже ее оглянетъ и вдругъ войдетъ въ свой кабинетъ, притворитъ за собою двери и тамъ притаится. Павла Андреевна повздыхаетъ, повздыхаетъ и займется чѣмъ нибудь инымъ, и все кончится тихо и благополучно.

У Малимоновыхъ домъ былъ новый, свѣтлый. Стѣны бѣлыя, а ковры на полу съ яркими цвѣтами. Изъ оконъ на улицу видны были городскіе домики да колокольня! четыре окна были на улицу, а шесть оконъ въ садъ; въ саду пестрѣли всякіе цвѣты, зеленѣли раскидистыя яблони, груши, яблны, тополи; и калина росла тамъ, и бузина, и сирень, и акаціи, и глогъ, и черемуха, вишни, черешни, шелковица; садъ былъ большой, густой, въ саду была и пасака; къ пасекѣ вела отъ дома дорожка, посыпанная пескомъ, гладкая, убитая, и еще были двѣ такіхъ: дорожка влѣво одна, другая на право, за то тропинокъ много выдось, скрещивалось и пережрецивалось по саду.

Павла Андреевна всегда ходила по гладкимъ дорожкамъ; Эрастъ Антиповичъ тоже; казакъ садовникъ больше лежалъ чѣмъ ходилъ. Кто жъ проложилъ тропиночекъ столько? У Малимоновыхъ жила ихъ дальняя родня, молодая дѣвушка Настя.

Настина мать доводилась Павлѣ Андреевиѣ двоюродной сестрой; когда-то онѣ долго жили вмѣстѣ, были подругами, потомъ разѣхались въ разныя стороны и долго не видались. Павла Андреевна слышала, что двоюродная сестра вышла замужъ за богатаго и хорошаго человѣка и что живетъ очастливо, и вдругъ Павла Андреевна получаетъ отъ нея письмо—предсмертное письмо; она писала, что разворилась въ конецъ, что у ней дѣти померли, мужъ умеръ, и что сама она при смерти, и просила Павлу Андреевну по старой дружбѣ взять къ себѣ ея дочку Настю, а съ Настей ея свояченицу, мужнину сестру, вѣрнаго и неизмѣннаго ея друга. Она про-

сила ваять ихъ на время, пока кончится тѣжба у овяченицы за хуторокъ. Выиграютъ тѣжбу, писала она, Настя съ свояченицей переселятся въ этотъ хуторокъ на житье.

Когда это письмо пришло къ Павлѣ Андреевиѣ, ея двоюродная сестра уже умерла и была похоронена. Павла Андреевна очень огорчилась ея смертью; со слезами стала рассказывать мужу о покойницѣ; извѣстно, какъ только человѣкъ въ землѣ, такъ всё его добродѣтели припомнятся:—мужъ слушалъ и жалѣлъ, и утѣшалъ ее тѣмъ, что это воля Божья.

Сейчасъ же послали лошадей за Настей и за Лизаветой Сергѣевной; покойницину свояченицу звали Лизаветой Сергѣевной.

Онѣ прѣехали черезъ три недѣли. Встрѣтили ихъ ласково, радушно.

Эрастъ Антиповичъ потиралъ руки, спрашивалъ о дорогѣ и говорилъ, что всякое горе проходить. Павла Андреевна вздыхала, подчивала чаемъ, вспоминала покойницу, прошлое время и утирала слезы; брала Настю на колѣни и спрашивала у ней, что она больше всего любитъ.

Лизавета Сергѣевна была кроткая, но нелюдимая, невеселая и не словоохотливая дѣвушка. Глаза у ней были черные, большіе, погасшіе и тихіе; лицо безъ кровинки—блѣдно и прозрачно точно восковое; улыбалась она хорошо, ласково и добро. Ходила она вся въ черномъ и строго постилась, подолгу молилась; ухаживала за Настей, учила ее, берегла.

Настя помнила, что когда были въ живыхъ отецъ и мать, сестры и братья, жили они въ деревнѣ, въ большомъ, каменномъ домѣ. Какой этотъ домъ былъ уютный и славный! Мать и отецъ были не строгіе; братья и сестры шалуны, тетенька Лизавета Сергѣевна была веселая. Тогда она игрывала съ ними, дѣтьми, въ жмурки, въ горѣлки; учила ихъ, нетерпѣливо топала ножками; тогда съ нея писали портретъ въ розовомъ платьѣ, съ розаномъ въ волосахъ; тогда она носила на рукѣ золотое кольцо, ждала гостей, была такая румяная. Потомъ всё въ домѣ померли; деревню продали. Все это случилось не вдругъ, а понемногу. Настя помнила, какъ стоялъ въ домѣ первый гробикъ, потомъ другой гробикъ, и какъ послѣ тише стало въ домѣ. Отецъ ужъ не игралъ на скрипкѣ *горлицу*, а игралъ

чулка; мать тихо разговаривала съ теткой; два брата не могли вдвоемъ поднять такого шума, какой поднимался у нихъ четвероюмъ. Потомъ въ домѣ гробикъ. еще; потомъ большой гробъ, за нимъ опять маленькій, а за маленькимъ опять большой. Все утихло въ домѣ; просторнѣй, пустѣй и холоднѣй стало. Осталась Настя одна съ теткой и прожила съ ней пять недѣль. Настя точно другаго человѣка увидѣла тогда. Тетка ее учила и не сердилась за шалости, только останавливала; золотое свое кольцо она или спрятала, или потеряла; она укладывала Настю въ кроватку, цѣловала ей ручки и ножки, но ни разу не пощекотала ее какъ бывало прежде, не смѣялась, не представляла буку и не сказывала сказку про волка,—она стала ровна и тиха, терпѣлива и печальна. Настя на нее глядѣла и ей шалости на умъ не шли.

Черезъ пять недѣль онѣ переѣхали на житье къ Малимоновымъ. Когда обжились вмѣстѣ, оглядѣлись, Павла Андреевна недовольна стала: Лизавета Сергѣевна была чересчуръ ужъ нелюдима, тиха, скрытна, а Настя чересчуръ своенравна, смѣла, рѣзва и вспыльчива.

— Что жъ это такое? говорила Павла Андреевна мужу о Лизаветѣ Сергѣевнѣ — никогда она со мной не поговорить откровенно; даже погулять вмѣстѣ по саду ни разу не пожелала; даже ни разу не пришла, не посидѣла со мной хотя часочекъ—все въ своей комнатѣ или Богу молится, или возится съ Настей, что же это мнѣ за жизнь съ ней?

— Да жила жъ ты безъ ея разговоровъ и безъ нея, — ну и теперь...

— Ты вѣчно съ совѣтами! Я не могу переносить...

— А Настя что? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Это ужасная дѣвочка! Она совсѣмъ, совсѣмъ меня не слушается! Настя, не гляди въ окно! Она глядитъ. Настя, побѣгай! Она не бѣгаетъ. Настя, кушай! Не ѣсть; а скажешь: не ѣшь! она такъ и проглотитъ. Вчера, напримѣръ, какъ она меня разстроила: слышу я что-то пицить гдѣ-то; неужели у меня мыши въ гостиной? Я слушаю, олушаю... Пицить. Я кошку велѣла принести, безпокоюсь, наблюдаю... Наконецъ я разобрала съ какой стороны пискъ—тамъ Настя сидитъ; глянула я на нее,—такое у ней лукавство на личикѣ,

глазны такъ и бѣгаютъ. — Чего ты здѣсь сидишь все, Настя? Иди, кошкѣ не мѣшай. Она въ другой уголокъ перешла и вдругъ оттуда пискъ-пискъ... Такъ это ты? Шалуныя ты, говорю, какъ не стыдно тебѣ, не совѣстно! Она съомнѣлась такого изъ себя мышечка представила, — знаешь, какая она хорошенькая, зубки какіе, глазки какіе — и смѣется, и жмурится, и я какъ дура разсмѣялась... Однако надлежу къ ней и серьезно говорю: Настя! Она легла, прижалась къ дивану. Вотань! не встаетъ. Я хотѣла поднять — такъ она и впилась въ диванъ — не могу поднять! Вставай, глухая дѣвочка, призываю тебѣ! Еще пуще впивается въ диванъ. Вставай сейчасъ! Не встану! отвѣчаетъ, а глазѣнки какъ уголья, сама такъ вся и распушилась отъ сердца.. Я на нее гляжу и она на меня глядитъ, прямо, прямо на меня глядитъ, хоть бы моргнула! Ахъ, какая дерзкая дѣвочка... и убѣжала!

Эрастъ Антиповичъ молчалъ, глядѣлъ внизъ и украдкой усмѣхнулся раза два.

— Что жъ ты молчишь? спросила Павла Андреевна. Какъ тебѣ это покажется?

— Ребенокъ еще, проговорилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Такъ я и знала! Такъ я и знала! Ты пристрастился къ этой дѣвочкѣ! Ты ее балуешь. Пожалуйста, не отговаривайся.

Эрастъ Антиповичъ не отговаривался и скрылся въ своемъ кабинетѣ.

Павла Андреевна обижалась на Лизавету Сергѣевну и сердилась на Настю.

Разъ утромъ Павла Андреевна вошла къ Лизаветѣ Сергѣевнѣ, спросила — какъ ваше здоровье? сѣла и поглядѣла кругомъ.

Комната была чистая, свѣтлая, но не веселая: въ углу узенькая кровать, надъ кроватью большое распятіе, два стула плетеныхъ, комодъ, большой столъ передъ окномъ, а на столѣ книги въ черныхъ переплетахъ и начатая работа — пологная рубашка.

Павла Андреевна подвинулась поближе къ окну; окно было въ садъ — тамъ зеленѣло, нестрѣло, шумѣло, шелестило,

нахло травами, цвѣтами, ягодами; слышно было чириканье и щебетанье птичье и Настинъ голосокъ.

— А гдѣ жъ красное кресло дѣлось? спросила Павла Андреевна.

— Я его вынесла, оно мнѣ лишнее было, отвѣчала Лизавета Сергѣевна.

— А зеркало у васъ... разбилось?

— Нѣтъ, мнѣ его не надо.

Павла Андреевна поглядѣла на нее во всё глаза.

— Неужели вы всегда такъ жили? спросила она, и всегда вы такъ жить будете?

— Мнѣ такъ хорошо, отвѣчала ей Лизавета Сергѣевна.

— Вы очень нелюдимы, Лизавета Сергѣевна, сказала Павла Андреевна. Мнѣ это обидно и грустно... въ моемъ домѣ, вы меня за что-то не любите. Какъ можно! такая скрытность, такая нелюдимость! Весело развѣ? Какъ вы нелюдимы! Вѣдь я правду говорю, что вы нелюдимы?

— Да, я нелюдима, отвѣчала Лизавета Сергѣевна.

— Вы бросьте это, пожалуйста. Вамъ надо совсѣмъ перемѣниться. Перемѣнитесь, милая Лизавета Сергѣевна!

— Я перемѣниться не могу, отвѣчала Лизавета Сергѣевна тихо и кротко, такъ отвѣчала, что и Павла Андреевна понизила голосъ и повторила: не можете!

— Не могу.

Павла Андреевна хотѣла сказать ей—попробуйте! а сказалось: вы не тоскуйте!

Лизавета Сергѣевна отвѣтила: Богъ мнѣ поможетъ.

— Не обезпокоила ли я васъ? спросила Павла Андреевна.

— Нѣтъ.

— Нравится ли вамъ эта комната, Лизавета Сергѣевна?

— Нравится.

— А у Насти хорошо?

— Хорошо, посмотрите.

Лизавета Сергѣевна встала и растворила дверь въ другую комнатку съ бѣленькой, мягкой постелькой, съ розовыми занавѣсками на окнахъ, съ яркимъ ковромъ на полу. На столѣ сложены были книжки, тетрадки, отомла картонная башня, кошка съ стеклянными глазами и саночки; передъ са-

мымъ окномъ росла бѣлая акація; сквозь ея гнѣзніа вѣтри солнце такъ и било въ комнату; залетѣвшая пчелка жужжала на окнѣ; на подоконникѣ то и дѣло вспархивала кака-то сѣренькая птичка съ темными глазками—вспорхнетъ, черикнетъ и улетитъ, и опять вспорхнетъ.

— Какая смѣлая птичка! сказала Павла Андреевна.

— Настя ее приучила, отвѣтила Лизавета Сергѣевна.

— Страшная рѣзвухка Настя! сказала Павла Андреевна.

— Да, отвѣчала Лизавета Сергѣевна и вздохнула.

Павла Андреевна хотѣла что-то еще сказать о Настѣ, но поглядѣла на Лизавету Сергѣевну и ничего больше о Настѣ не сказала.

— Извините, что обезпокоила васъ, Лизавета Сергѣевна, проговорила она еще разъ. Еще разъ спросила, не надобно ли чего и очень смиренно простилась и ушла.

— Никогда больше якъ ней не пойду, развѣ заболѣтъ она, сохрани Боже, говорила Павла Андреевна мужу. Вообрази—кресло, коверъ, зеркало, картины — все изъ своей комнаты она повыкидала—точно келья теперь. Черныя книги... Сидитъ, шьетъ сама рубашку. Сердце такъ у меня заныло. Такъ вотъ и чудится, поютъ «со святыми упокой». Страшно, ужасъ! И жалко ее. Жалко было даже о Настѣ поговорить; еще огорчится, такъ я ничего о Настѣ и не сказала. Да правда, я и сама могу распорядиться съ Настей... могу и сама наказать.

Но когда она хотѣла Настю наказать, поставить въ уголъ, у Насти покатались слѣзы и она закричала, что ее обидѣли, что ее обижать никто не смѣетъ. Павла Андреевна не рада была, что ее затронула—стала ее ласкать, надѣлать конфектами. Настя всѣ ласки оттолкнула и разбросала всѣ конфекты; ее не могла ничѣмъ успокоить и Лизавета Сергѣевна—она и уснула въ слезахъ.

Думала Павла Андреевна, что на другой день Настя укромится и попроситъ у ней прощенья, но Настя прощенья у ней не попросила и отъ нея бѣгала, и какъ-то такъ случилось, что Павла Андреевна первая ее приласкала и укулила еще ей куклу.

— Кто это меня сбилъ? говорила Павла Андреевна, зачѣмъ, за что я ей куклу купила?

— И хорошо сдѣлана, сказалъ Эрастъ Антиповичъ—ребенокъ.

— Ахъ, пожалуйста! Ты то вѣрно и сбилъ меня съ толку! Вѣчно жужжишь, жужжишь, жужжишь надъ ухомъ... Она ничего не чувствуетъ... Просто злая дѣвочка!

Павла Андреевна надѣялась, что съ лѣтами Настя станетъ покорнѣй, уступчивѣй и разсудительнѣй; годы шли, — и ничуть не бывало, Настя осталась такою же, какою и была: ничѣмъ ее не укротишь, никакъ съ ней не сладишь — упрямица, спорщица. Правда, съ Лизаветой Сергѣевной она никогда не спорила и слушала ее тихо, не убѣгала. Позоветь ее Лизавета Сергѣевна, посадить подлѣ себя, обниметь и станетъ увѣщать; Настя сидитъ, слушаетъ, слушаетъ все, а когда рѣчь кончена, она хоть не скажетъ по прежнему, — а я таки буду! да личико ея за нее скажетъ. Но если Лизавета Сергѣевна очень огорчалась, Настя становилась передъ ней на колѣни, цѣловала у ней руки, просила приказаній себѣ и всѣ приказанія быстро и покорно исполняла.

Досаднѣй всего было Павлѣ Андреевнѣ, что Настю воѣ любили, всѣ ласкали, все ей прощали; что Настя всѣмъ вертѣла, какъ ей угодно было. Бывало, просятъ ее опѣть чтонибудь, какуюнибудь пѣсенку — голосъ у ней славный былъ, такой нѣжный и звучный — и какъ найдетъ на Настю, то сейчасъ она послушается, запоетъ, а то нѣтъ. «Не поется» и словно воды въ ротъ набрала, ужъ тогда ничѣмъ ее не заставишь. Это было досадно. И сколько разъ ей обѣщаютъ: «не будемъ тебя просить никогда». Только она подаетъ голосокъ — помину нѣтъ о досадѣ и опять просятъ: спой, Настя, спой!

У Эраста Антиповича Настя была любимицей, а за что? Настя ему ни въ чемъ не угождала, Настя не ласкалась къ нему, Настя съ нимъ спорила и ему противорѣчила.

— Молчи, Настя! Я лучше тебя это знаю! говорилъ Эрастъ Антиповичъ строго.

— Вы по своему знаете, а я по своему знаю! отвѣчаетъ Настя.

— Молчи, Настя! Сказано разъ молчи, ну и молчи.

Тутъ то Настя и пойдетъ говорить... Эрастъ Антиповичъ разсердится очень,—глядь, самъ же къ Настѣ подходить и миру просить: «помиримся, Настя!»

Садовникъ, изъ казаковъ, старый, важный и мрачный, не любилъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ, а особенно не любилъ панночекъ: «что оно такое? Павы не павы, сороки не сороки!» говорилъ садовникъ, «медь ѣдятъ, цвѣты вырываютъ да наряжаются, на что оно? Палець о палець не ударить!..» Прибѣжить Настя въ садъ—онъ недоволенъ: «влетѣла какъ московская бомба, рой прогнала, вѣтки обломала,—ей-Богу пойдти надо пожаловаться!» Онъ шелъ и больше половины дороги не доходилъ; замѣтитъ въ сторонѣ что нибудь—ворону или сухую вѣточку и къ нимъ придерется, къ воронѣ или къ сухой вѣткѣ. А кому онъ берегъ яблоки съ своей любимой яблони? кому берегъ медъ въ уголку шалаша, въ маленькой мисочкѣ?—Настѣ.

Кухарка Марина все ворчала на Настю: «экое наказанье! Ну, зачѣмъ панночкѣ въ кухню забѣгать? Это не панночка, а дикая птица—бѣда общая!» А кому Марина всегда пирожокъ пекла? На кого Марина хотѣла поглядѣть, когда лежала больна и вспомнила свою сторону?

Горничная дѣвушка Хима часто жаловалась, что панночка неугомонна очень, а когда у Химы братъ умеръ, къ кому первому она пришла и сказала: «у меня братъ умеръ!»

А горничная дѣвочка Ганна, для кого утирала слезы свои и начинала веселую сказку про глупую ворону рассказывать?

А сама Павла Андреевна, какъ ни сердита, отчего не можетъ сурово Настинаго ласковаго взгляда встрѣтить? Какъ ни крѣпится, ни хмурится, а губы такъ и раздвигаются и сердце темнѣетъ. Чаровница эта Настя, суцая чаровница!

Годы шли за годами. Хуторокъ Лизавета Сергѣевна не выиграла, онъ перешелъ въ другія руки; онъ съ Настей жили у Малимоновыхъ и ужъ собраться было отъ Малимоновыхъ некуда.

Настѣ еравнялось шестнадцать лѣтъ. Была она живая, рѣзвая хохотунья, темноглазая, стройная, свѣжая дѣвушка.

Въ это время умерла Лизавета Сергѣевна. Умерла она вдругъ, неожиданно: сидѣла, работала, слушала, какъ Настя около нея то пѣла, то говорила, слушала—вдругъ охнула и скатилась со стула на полъ. Настя кинулась къ ней, закричала,—все сбѣжались, а ужъ она мертвая. Неутѣшна была Настя, и долго, долго неутѣшна. Ухаживали за ней, уговаривали ее—ничѣмъ нельзя было ее уговорить и ничто ее не утѣшило, кромѣ времени. И всегда какъ вспомнить любимую тѣтку, большіе, темные ея глаза полнымъ-полны слезъ и яркій румянецъ сбѣжить съ лица.

II.

У Малимоновыхъ часто гости бывали и самыя разнородныя гости: бѣдные, богатые, степняки, горожане, хуторяне—всякіе.

О Настѣ слава расходилась; молодежь стала съѣзжаться поглядѣть на ея красоту. Приѣхали разъ—потянуло въ другой разъ, и повадился часто ѣздить. За Настю умъ много жениховъ сваталось. Она подумаетъ, подумаетъ и покачаетъ головкой: «нѣтъ, не пойду». Женихи присмирѣли, приуныли; ѣздили, глядѣли на Настю, а говорить ничего не говорили—боялись отъязу.

Эрастъ Антиповичъ не только не торопилъ Настю, а еще радъ былъ, что она не хочетъ замужъ идти. «Скучно безъ Насти будетъ», говорилъ онъ.

Павла Андреевна съ нимъ опорила, но затѣмъ, чтобы ему доказать, что она больше его омылюить; у самой у нея сердце замирало при мысли съ Настей разстаться.

Часто сталъ ѣздить въ гости къ Малимоновымъ Данило Самойловичъ Копыта. Онъ былъ богатый человекъ; имѣнія у него были такія, что кто изъ помѣщиковъ мимо проѣдетъ—всякій вздохнетъ. Одинокій былъ, ужъ не молодой, изъ себя

не хороше больно: высокий, словно шесть, сухощавый, ротъ у него щучій, носъ ястребиный, а глаза совиные.

Данило Самойловичъ въ первый разъ пріѣхалъ къ Эрасту Антиповичу по дѣлу, увидалъ Павлу Андреевну и Настю, повнакомился и сталъ у нихъ бывать въ гостяхъ. Данило Самойловичъ всегда Павлѣ Андреевнѣ ручку цѣловалъ, привозилъ ей цвѣты, присылалъ персики, сидѣлъ около нея и говорилъ съ ней нодолгу. Павла Андреевна нахвалиться имъ не могла, что за милый, за отличный человекъ. Придетъ Данило Самойловичъ—она заведетъ нескончаемыя рѣчи на распѣвъ. Эрастъ Антиповичъ тоже бывалъ доволенъ посѣщеніемъ богача, говорилъ съ нимъ почтительно, кланялся ему низко. Настя не очень жаловала Данила Самойловича—поклонится ему да наровить отъ него уйти. А Данило Самойловичъ какъ Настю увидить, такъ его глаза сверкнуть и закроются на мгновенье. Говорилъ онъ съ Настей очень мало и рѣдко; говорилъ съ ней неровнымъ голосомъ и лицо у него тогда какъ-то темнѣло и угрюмѣло.

Разъ, Данило Самойловичъ очень долго сидѣлъ, разговаривалъ съ Павлой Андреевной и очень ее растрогалъ. Онъ ей говорилъ «что одинокому жить тошно, что хотѣлъ бы онъ жениться, да боится, что не пойдутъ за него — онъ и старъ, и уродливъ, горькая его доля! Умретъ онъ — глазъ некому закрыть!»

— Ахъ, что вы! Что вы! вскрикивала Павла Андреевна. Ахъ, не отчаивайтесь! Ахъ женитесь!

— Гдѣ ужъ мнѣ горемычному! идѣла лаваря Данило Самойловичъ. Гдѣ мнѣ! Я самъ себѣ невѣсты не съищу и ни отъ чьихъ рукъ не приму—вотъ развѣ изъ вашихъ.

— Неужели?

— Пусть Богъ меня накажетъ! Я васъ чту, Павла Андреевна!

— Ахъ, право, мнѣ совѣстно, Данило Самойловичъ! За что же?

— За все, за все, Павла Андреевна. Вы у насъ самая умная, а кто добрѣ васъ?

Павла Андреевна вздохнула и вѣрно никого добрѣ не нашла, потому что не отвѣтила.

— Гдѣ же мнѣ вамъ невѣсту отыскать? спросила она съ улыбкой.

— Поближе поищите, Павла Андреевна, поближе, отвѣтилъ ей Данило Самойловичъ; онъ понизилъ голосъ.

Павла Андреевна на него поглядѣла, словно еще спросила: гдѣ же?

— Поближе поищите, повторилъ Данило Самойловичъ.

Она задумалась, а онъ на нее глядѣлъ своими совиными глазами и губы у него немножко дрожали. Павла Андреевна подумала, подумала, откашлялась и громко на распѣвъ покликала Настю.

Настя вбѣжала.

— Настя, посмотри, какіе цвѣты прекрасные привезъ мнѣ Данило Самойловичъ. Ахъ, какъ пахнутъ! Какъ хороши! Все вѣдь въ природѣ прелестно! Сядь, Настя, посиди съ нами. Куда же вы, Данило Самойловичъ? спросила она въ удивленіи.

Данило Самойловичъ стоялъ съ шапкой въ рукахъ и низко ей кланялся; онъ весь въ лицѣ вдругъ перемѣнился какъ больной.

— Что съ вами? Что съ вами? Вы нездоровы? спрашивала Павла Андреевна.

Онъ отвѣтилъ, что нездоровъ, поцѣловалъ у ней руку, поклонился и ушелъ.

— Какой добрый человекъ! проговорила Павла Андреевна.

— Недобрый онъ человекъ! сказала Настя.

— Какъ можно осуждать людей, Настенька! Ты всегда осуждаешь! Почему ты знаешь, что онъ добрый?

— А вы почему знаете, что онъ добрый?

— Я почему знаю? Да по всему.

— И я по всему.

— Ахъ, полно, Настя, полно! я бы желала чтобы онъ женился, Настенька.

— А я бы не желала.

— Отчего, Настенька?

— Онъ уморить жену бѣдную.

— Какія выдумки! Умная дѣвушка...

— Умная дѣвушка за него не пойдетъ.

— Отчего же не пойдти, мой дружокъ?
Настя запѣла!

А у тебе старый діду
Колочая борода,
Совинные очи
Погани до ночи.

— Ахъ, стыдно, Настя, стыдно!

А Настя смѣялась, пѣла и говорила, что вовсе не стыдно.

— Бѣдный человѣкъ! Такой добрый человѣкъ!

А Настя смѣялась и спорила, что не бѣдный и не добрый.

— Стыдно, Настя, клеветать! Говорю тебѣ, онъ добрый и несчастный, одинокій человѣкъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ нехорошій, негодный! вскрикнула Настя. Къ нему сестра приходила—плакала, уходила отъ него—плакала, онъ ей никогда не помогъ... она умерла... на него сосѣди всё жалуются. Сколько людей онъ засудилъ! Сколько людей онъ обидѣлъ! У него середь зимы льду не выпросишь... Скупой, жадный, злой... Я его знать не хочу! Я ему и кланяться не буду!

Настя перевела духъ, посверкала глазами, вскрикнула еще разъ: злой, нехорошій, знать его не хочу! не хочу! и выбѣжала, не слушая, какъ Павла Андреевна ей кричала: полно, полно, погоди! постой!

Прошло три дня и въ три дня ни разу не удалось Павлѣ съ Настей поговорить опять о Данилѣ Самойловичѣ. Какъ только она поминала его—Настя начинала пѣть ту нехорошую пѣсню или быстро исчезала. Не успѣетъ Павла Андреевна протянуть: отличный человѣкъ! — ужъ Настя и нѣтъ въ комнатѣ.

— Что это ты все хвалишь его? спросилъ Эрастъ Антиповичъ. Точно впервые увидала его.

— Ну, не учи меня пожалуйста. Я его всегда буду хвалить, всегда.

— Хвали, Павла Андреевна.

Въ эти три дня Давило Самойловичъ не былъ у нихъ.

На четвертый день ввечеру онъ пришелъ, спросилъ о здоровьи и ни о чемъ больше не спрашивалъ. Онъ былъ очень блѣденъ, глядѣлъ все внизъ. Павла Андреевна вздыхала, обмахивалась платкомъ и глядѣла все вверхъ. Они сидѣли вдвоемъ въ гостиной, за чайнымъ столомъ. Эраста Антиповича не было дома. Настя не показывалась. Сидѣли и помалчивали.

Данило Самойловичъ досталъ изъ кармана коробочку, подержалъ и поблѣднѣлъ; подалъ эту коробочку Павлѣ Андреевнѣ и просилъ принять отъ него въ подарокъ. Павла Андреевна покраснѣла.

— Ахъ, зачѣмъ вы! на что? Ахъ, Данило Самойловичъ!

Она открыла коробочку и вскрикнула: ахъ, точно мои! мои потерянные!

— Я зналъ, что вы по нихъ скучаете... я стареюся—проговорилъ Данило Самойловичъ.

Въ коробочкѣ были серьги съ дорогими каменьями.

— Какъ же это вы? Гдѣ купили? Гдѣ достали?

— Я выписалъ изъ Варшавы, Павла Андреевна.

Павла Андреевна стала его благодарить,—у ней даже слезы блестѣли на глазахъ. Потомъ она принялась любоваться серьгами и говорила:

— Ужъ какъ я по нихъ горевала; сколько плакала, какъ потеряла! это была мнѣ память отъ матери, и вдругъ я ихъ потеряла. Я просто несчастья ждала какогонибудь послѣ этого. Точно они! точно они! точно ихъ вижу!

Налюбовавшись, Павла Андреевна стала чай наливать и стала рассказывать, какъ она свои серьги потеряла.

— Были мы у Анны Егоровны въ гостяхъ и пошли купаться. Я серьги сняла и спрятала въ карманъ да и забыла. Какъ я забыть могла—до сихъ поръ не постигну! И потеряла. Никакъ не могли найдти послѣ. Двѣсти душъ искали—не нашли!

Павла Андреевна опять взяла коробочку въ руки и опять полюбовалась серьгами.

Данило Самойловичъ улыбнулся; улыбаясь, поблѣднѣлъ еще больше и спросилъ Павлу Андреевну или она забыла, что обѣщала? Невѣсту—то ему найдти!..

— Нѣтъ, Данило Самойловичъ, нѣтъ! Я отыщу вамъ. Слава Богу, невѣсть—то у насъ и не перечесть.

Оба замолчали и посидѣли молча.

Вдругъ Данило Самойловичъ придвинулся близко къ Павлѣ Андреевнѣ. Глаза у него горѣли, лицо стало еще бѣлѣй и худыя его руки такъ и впидись въ мягкія ручки Павлы Андреевны и больно ихъ жали. Данило Самойловичъ признался, что любитъ Настю и просилъ Павлу Андреевну помочь ему.

— Я рада, рада, отвѣчала Павла Андреевна, но Настя упрямая такая... слажу ли я съ ней, Данило Самойловичъ?

— Умная женщина все можетъ, Павла Андреевна! проговорилъ Данило Самойловичъ.

— Конечно, Данило Самойловичъ. Но почему вы Настю именно выбрали? Знаете ли, что я бы желала для васъ жену...

— Ее одну мнѣ надо! проговорилъ Данило Самойловичъ, а если не—она, онъ переведъ духъ и договорилъ:—иной не надо никакой!

— Да вѣдь она очень упряма, очень своевольна, Данило Самойловичъ. Я вамъ все скажу—она вспыльчива и дерака!

— Да, я знаю! Да, я знаю! Мнѣ ее надо! своевольную, деракую мнѣ надо!

— Ахъ, я, право, васъ не узнаю, Данило Самойловичъ!

— Данило Самойловичъ повторялъ: ее мнѣ одну надо! ее одну!

— Ахъ, право, какъ странно! говорила Павла Андреевна. Она была встревожена.

Данило Самойловичъ отошелъ, постоялъ у окна и воротился за чайный столъ съ покойнымъ лицомъ, со всегдашнему своею медовою улыбкой. Они стали тихо разговаривать съ Павлой Андреевной и видно, что разговаривали о важныхъ дѣлахъ; Данило Самойловичъ оглядывался, прислушивался, Павла Андреевна разводила руками, пригорюнивалась, вздыхала, усмѣхалась и качала, и кивала головою.

Съ этихъ поръ у Павлы Андреевны только и разговору съ Настей что о женихахъ, о невѣстахъ, о свадьбахъ.

— Ты, Настя, не засидишься въ дѣвушкахъ, говорила.

Павла Андреевна. Сколько у тебя жениховъ—то! И будетъ еще больше, и будутъ женихи еще лучше—не, такіе какъ теперь!

— А чѣмъ же теперешніе не хороши? спросила Настя.

— Какъ, Настя, развѣ тебѣ нравятся? Неужели? Кто же?

— Всѣ—одни больше, другіе меньше.

— Отчего жъ ты замужъ не идешь? Тебѣ жалко насъ, Насточка? А вотъ я тебѣ найду такого жениха...

— Нѣтъ, нѣтъ! За кого я захочу выдти замужъ, для того я никого не пожалѣю—разстанусь.

— И насъ не пожалѣешь? Неужто, Настя?

— Не пожалѣю.

— Спасибо, Настя, спасибо! это ты за нашу любовь къ тебѣ... за мою любовь... Ахъ, ахъ!..

Павла Андреевна огорчилась и не могла дальше рѣчей вести. Какъ ни начнегъ—все одна и таже мысль въ головѣ, одни и тѣ же слова съ языка срываются: и насъ не пожалѣешь? Неужто?

— Не вѣрь ей, успокоиваль Эрастъ Антиповичъ, она насъ пожалѣетъ.

— Ахъ, отъ нея все станется! отвѣчала ему Павла Андреевна со стономъ.

Однако дѣло надо было вести впередъ.

— Настя, любишь ты богатство? спросила Павла Андреевна.

— Какое богатство?

— Всякое. Чтобы имѣнія, лѣса, поля, зеркала, бархатныя платья, жемчуги, алмазы, изумруды, кареты, кучера, повара, золото, серебро... все было, все на свѣтѣ! Любишь Настя?

— Ой—ой! проговорила Настя и приадуалась. Хотѣла бы я на все это поглядѣть! сказала она.

— А еслибы тебѣ все это дали? Все тебѣ?

— Кто жъ бы мнѣ далъ?

— Женихъ бы такой нашелся... богачъ, добрый, чудесный... Ты бы вдругъ надѣла платье роскошное, драгоценныя камни, домъ бы у тебя такой, цвѣты такіе, гости, веселья... все, что ты захочешь! Тебѣ бы завидовали, кла-

нялись бы всё тебѣ... а? Настя? За такого женика можно выйдти замужъ зажмуривши глаза! Правда?

— Нѣтъ, зажмуривши глаза нельзя.

— Право можно! Отчего же?

— Каковъ онъ, надо посмотрѣть прежде. Какова жизнь съ нимъ будетъ.

— Что жъ, жизнь чудесная! Вольная, богатая, хочешь—добро дѣлай, хочешь—зло, все можешь! А онъ... онъ тоже хорошій человекъ. Вотъ, на примѣръ, еслибъ такой, какъ Данило Самойловичъ... Ахъ, Данило Самойловичъ по моему лучше и добрѣй всѣхъ на свѣтѣ! Онъ бы тебя, Настя, нѣжилъ, онъ бы тебя, Настя, во всемъ слушался, утѣшалъ бы тебя; всякими бы роскошами тебя обсыпалъ...

— Кто это роскошами обсыпалъ кого? спросилъ Эрастъ Антиповичъ, самъ подошелъ къ зеркалу и сталъ передъ зеркаломъ прихорашиваться.

— Кто бы ни былъ! отвѣчала съ досадою Павла Андреевна. Развѣ это не хорошо въ роскоши жить?

— Богъ съ тобою! какъ не хорошо? Очень, очень, очень хорошо!

Эрастъ Антиповичъ сѣлъ въ кресло, зѣвнулъ, вздохнулъ, подперся рукою, подумалъ; потомъ поглядѣлъ кругомъ и сказалъ:

— Настя, спой пѣсенку. Что ты все въ окно смотришь?

— Ахъ, полно, теперь не до пѣнья вовсе! сказала Павла Андреевна. Ты помѣшалъ... Ты вѣчно...

Настя запѣла:

Не хочу я хатки
А ни сиюжатки,
Ни ставка, ни млинка,
Ни вишневаго садка!
Ой ты старый дядуга
Изогнувся, якъ дуга...

Эрастъ Антиповичъ засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь? съ негодованіемъ спросила Павла Андреевна.

— Какъ она это выговариваетъ: «ой ты старый дидуга», скверный, должно быть, дидуга!

— Навѣрно не хуже васъ, Эрасть Антиповичъ!

— За что ты, Павла Андреевна? За что? Или ты на свой счетъ приняла что нибудь? Ей-Богу... Настя съ своей пѣсенкой выпорхнула изъ комнаты.

— Ну, что ей-Богу? Что ей-Богу? въ гнѣвъ спрашивала Павла Андреевна. Вы всегда не въ свое дѣло мѣшаетесь! всегда!

Эрасть Антиповичъ всталъ и пошелъ къ дверямъ.

— Нечего бѣжать! Всегда бѣжите какъ зайцы!

— А что такое, Павла Андреевна?

— Ничего!

Эрасть Антиповичъ сталъ похаживать по комнатѣ и поглядывалъ на двери. Павла Андреевна сидѣла и хмурилась.

— Настѣ пора замужъ, сказала Павла Андреевна строго.

Эрасть Антиповичъ перемѣнился въ лицѣ и остановился.

— За кого? спросилъ онъ.

— За кого бы тамъ ни было! На что вамъ знать? Ей пора замужъ!

— Молоденькая, промолвилъ Эрасть Антиповичъ.

— Что это вы все учите, Эрасть Антиповичъ! Я знаю сама, что молоденькая!

— Согласна она? спросилъ Эрасть Антиповичъ.

— Что жъ вы полагаете, ее не надо никогда замужъ отдавать? спросила съ сердцемъ Павла Андреевна.

— Нѣтъ, я не полагаю... пусть идетъ. А вотъ жалко съ ней разставаться... Домъ безъ нея опустѣетъ.

Онъ посмотрѣлъ по стѣнамъ, по всѣмъ угламъ, прошелся еще разъ по комнатѣ и сѣлъ.

Павла Андреевна перестала сердиться, приуныла. Разговоръ на этомъ и оборвался. Посидѣли они, посидѣли молча и разошлись.

— Настя, сказала Павла Андреевна, тебѣ пора замужъ.

— Нѣтъ, еще не пора, отвѣчала ей Настя.

— А что, еслибы за тебя посватался Луша?

— Не пошла бы.

— А еслибъ Косовскій?

*

— И за него не пойду.

— А вообрази, еслибы за тебя посватался Данило Самойловичъ?

— Не пойду.

— А еслибы непременно надо было за него идти?

— Не пойду.

— А еслибы непременно, непременно было надо, ну — казнь или за него?

— Не пойду.

— Странно, Настя, отчего ты не цѣнишь такого чудеснаго человѣка! Точно онъ тебѣ не по душѣ...

— Онъ мнѣ не по душѣ. Будетъ о немъ говорить. И Настя ушла.

Павла Андреевна была такъ недовольна, что Эрастъ Антиповичъ спросилъ ее:

— Что это ты надулась, Павла Андреевна?

Онъ было пришелъ домой веселый, заговаривалъ—не отвѣчаютъ, онъ и самъ разсердился.

— Какія ты странныя вещи говоришь! Право, я удивляюсь! сказала Павла Андреевна.

— Чего жъ ты удивляешься, Павла Андреевна? Ты не удивляешься, а блажишь. Ахъ жены, жены!.. Вонъ купецъ Милость нынѣшнюю ночью жену удавилъ.

— Ахъ, Боже мой! Кто тебя спрашиваетъ!

— Никто. Самъ себѣ говорю.

Сѣли обѣдать, Настя не было.

— А гдѣ же Настя? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Не знаю. Вы вѣдь ее избаловали такъ, что ни на что не похоже!

— Чѣмъ я ее баловалъ, Павла Андреевна?

— Всѣмъ! всѣмъ! Пожалуйста не спорьте! Не спорьте! Я и такъ нездорова!

— Эхъ, Павла Андреевна! Мучить тебя лихая болѣзнь! По тебѣ, матушка, всѣ березки плачутъ!

Павла Андреевна такъ и встрепенулась:

— Ну, ну, полно! промолвилъ Эрастъ Антиповичъ. Обѣдай смирно и я буду смирно обѣдать.

— Мнѣ жизнь не мила съ вами! Раньше сроку я въ гробъ лягу! сказала Павла Андреевна.

— Кто изъ насъ раньше, кто позже,—Богу одному извѣстно. А вотъ я прихварывать начинаю.

— Что жъ у тебя болитъ?

— Да такъ, неможется.

Эрастъ Антиповичъ сложилъ руки на груди и вздохнулъ, и охнулъ.

— Ты полегчишь, пожалуйста! говорила Павла Андреевна.

— Полегчусь, полегчусь, отвѣчала Эрастъ Антиповичъ.

— Не нравится мнѣ, что Настя безпрестанно бываетъ у Крашовки, сказала Павла Андреевна. Что за дружба съ Крашовкой! Эта Крашовка очень хитрая старуха.

— Бѣдна, проговорилъ Эрастъ Антиповичъ..

III.

Городъ N. былъ городокъ тихій. Двѣ улицы тамъ мощеныя, городническая да соборная; на остальныхъ улицахъ мягко было ходить по песочку, а на тротуарахъ росла травка и даже кое-гдѣ цвѣли цвѣточки, кашка розовая цвѣла, цвѣла ромашка; весной тутъ жители рвали молодую крапиву и лебеду на борщъ; полынь на настойку и цикорій на кофе и на лекарьство. Въ городѣ было много садовъ, много пусто-порожнихъ мѣстъ, особенно глухое пустопорожнее мѣсто было на Ляховой улицѣ, около Ляховыхъ воротъ: огромный заросшій дворъ, въ томъ дворѣ развалины дома замшились и поросли бурьянами, за развалинами садъ густой, большой; сколько тамъ снѣло яблокъ, грушъ, ягодъ; сколько цвѣтовъ цвѣло, какая чудесная трава высокая! Туда однако рѣдко заходили и днемъ, а подъ вечеръ никто, никогда, потому что этотъ домъ и брошенъ былъ за то, что во дворѣ что-то не ладно дѣлалось; а вотъ на мѣсто малолѣтнихъ наслѣдниковъ Хорошаевъ такъ всё ходили—тамъ тоже домъ развалился, да послѣ смерти стариковъ—хозяевъ и дворъ заросъ, и

садъ заглохъ; туда ходили за грибами, за печерицами, за ягодами, за плодами, за киричами. Тамъ всегда дѣти собирались играть; хозяева отводили туда пастухъ своихъ коровъ и воловъ.

Недалеко отъ этого мѣста стоялъ бѣленькій домикъ въ три окошечка на улицу; ворота были новенькія, дворикъ зеленый. Посередь двора стояла старая, мелколистная груша; съ другой стороны домика зеленѣлъ и цвѣлъ садъ. Тутъ жила старушка Крашовка, Марѳа Петровна.

Отецъ ея былъ изъ казаковъ, ходилъ на Донъ, разбогатѣлъ, женился на красавицѣ, на доновой казачкѣ; вышелъ изъ купцы, да купецъ—то изъ него былъ неудалый. Не то чтобы самому зазывать въ лавку, а придетъ кто—такъ онъ едва глянетъ. Запрашивать онъ никогда не запрашивалъ, да и не уступалъ никогда. Что стоитъ?—Рубль. Покупщикъ радъ, что дешево, хочетъ еще дешевле: бери полъ—рубля.—И это деньги, да не мои. Бери—75 копѣекъ!—И это деньги да не мои. А послѣ трехъ разъ и говорить больше не станетъ. Зачастую покупщикъ обидится и уйдетъ — «мнѣ и даромъ отъ такого купца не надо»!

Сталъ онъ бѣднѣть. Тутъ у него жена умерла, дочь ему оставила, Марѳу Петровну.

Онъ загоревалъ крѣпко, совсѣмъ обѣднѣлъ и умеръ; умирая, говорятъ, онъ далъ дочери завѣтъ сходить на Тамань. Кто его знаетъ, былъ ли точно завѣтъ такой, только Марѳа Петровна на Тамань сходила. Еще живы люди, что помнятъ, какъ она вышла изъ городу. Осенью это было. Яснымъ временемъ вышла она въ черной кожушаночкѣ и съ красной лентой на головѣ и помнитъ, какъ черезъ полтора года она воротилась такая же привѣтливая, спокойная и бодрая, какъ и пошла. «Ходила» говорить «на Тамань, повидалась съ дядей; дядя хорошо тамъ живетъ; семьей завелся».

Марѳа Петровна пріютилась у своей дальней родни—жила тихо, работала много, а черезъ два года послѣ того замужъ вышла. Мужъ ея былъ полковничьяго роду, не бѣденъ, молодъ и хорошъ изъ себя. Стращали Марѳу Петровну, что онъ нравомъ сердитъ, да она или не повѣрила, или не побоялась—пошла за него и жили они очень хорошо. У нихъ

родился сынъ; еще этому сыну году не вышло—случилось несчастье. Крашовка повздорилъ съ сосѣдомъ на охотѣ, сосѣдъ то былъ того же поля ягода; не долго думавши, прицѣпили другъ въ друга и выстрѣлили. Крашовка живъ и невредимъ остался, а сосѣдъ на повалъ убитъ былъ. Крашовку долго судили; осудили и сослали. Рядомъ съ нимъ пошла въ ссылку и Марѳа Петровна съ сыномъ на рукахъ. Ужь, какъ говорятъ, уговаривалъ, упрашивалъ Крашовка: «воротись!» не воротилась. И шли они вмѣстѣ, дружно и мальчика своего несли; то тотъ понесетъ, то другой. И то-сковалъ только одинъ Крашовка.

Богъ ихъ знаетъ, какъ тамъ въ ссылкѣ прожили. Черезъ нѣтъ лѣтъ Марѳа Петровна воротилась вдовою, съ сыномъ. Родня ея перемерла вся, и одна тетка передъ смертью отдала ей домикъ и пожитки. Марѳа Петровна вошла въ этотъ домикъ, стала жить, и понемножку связала концы съ концами. Сынокъ ея Гриша славный былъ мальчикъ, казакъ настоящій. Учиться онъ былъ охотникъ. Сперва учился у дьячка, потомъ сталъ проситься въ губернію на ученье. Марѳа Петровна его туда отвезла и по году не видала; лѣтомъ только онъ приѣзжалъ. За то лѣто бывало краше.

Сынъ выучился, выросъ; говорили старушки, старожилки, что такъ и вышелъ онъ въ своего прадѣда полковника.

Сынъ пошелъ въ домъ къ какому-то помѣщику дѣтей учить. Марѳа Петровна жила въ своемъ домикѣ. Марѳа Петровна была старушка ласковая, тихая, спокойная. Комнатки свѣтленькія у нея, и пахло въ нихъ разными сухими душистыми травами, а въ окна пахло свѣжими цвѣтами изъ саду. У ней стулья плетеные, камышевые, а столы подъ узорными скатертями. Въ одной комнаткѣ стоялъ кожаный темный диванъ, въ другой стѣнные часы съ кукушкой, въ третьей комнаткѣ кровать и маленькая кроватка. Всѣхъ три комнатки и было. Надъ кроваткой висѣла шапочка сѣрая, смушевая и въ уголку стояла повозочка на трехъ колесахъ; на столѣ корзиночка съ нитками, съ клубочками шерсти и тамъ же лежалъ краснеңкій мячикъ, точно надо было его тоже всегда подъ рукой имѣть. У изголовья на столикѣ лежали письма отъ Гриши.

О прошломъ Марѳа Петровна никогда не говорила, на прошлое никогда не жаловалась. Часто ее спрашивали, тяжело ли ей было, жалѣли, что такъ горько молодые ея годы прошли,—Марѳа Петровна слушаетъ, слушаетъ и проговаривать: «Да, прошло все!» точно прошло милое время, точно ей жаль прошлаго. Съ Марѳой Петровной жила молодая дѣвушка Мелася,—дѣвушка очень хорошенькая и на видъ тихоня, да измѣняли ей ея глаза: лукавые, любопытные, быстрые глаза. Она видно и сама это знала, потому что то и дѣло вздыхала, все пригорюнивалась; глядѣла вверхъ, или внизъ, или въ сторону, никогда не глядѣла прямо. Стоить бывало этакъ, иной подумаетъ молитвы читаетъ на память; но стукни, зашуми что нибудь на улицѣ—стрѣла не вылетѣла бы быстрѣй Меласи за ворота, ловче не пробилась бы въ толпу.

Сюда-то Настя часто ходила и просиживала тутъ дни и вечера. Такіе тихіе дни и вечера!

Марѳа Петровна работаетъ; Настя и Мелася тоже работаютъ. Говорятъ мало, за то мыслями гдѣ не летаютъ! Вдругъ Настя скажетъ: «какіе у меня братишки были милые, Марѳа Петровна, еслибы они пожили на свѣтѣ!»

— Расскажи-ка ты мнѣ про нихъ еще что нибудь, Настя! просить Марѳа Петровна.

Настя станетъ вспоминать, рассказывать. Мелася спрашиваетъ котораго она брата больше любила; вспоминаетъ своего меньшаго—крикуна, и старшаго—молодца, и какъ за ея брата поповна хотѣла выдти замужъ, и какая была эта поповна, и какая мать у ней, и родня, и что за село гдѣ она жила, и что тамъ за обычаи. Мелася слышала, говорятъ, что будетъ зима теплая этого году.

— Наша зима еще слава Богу, отвѣчаетъ Марѳа Петровна, а вотъ есть края, гдѣ зима очень холодна.

— Гдѣ же? спрашиваетъ Мелася.

— Много тамъ людей мерзнетъ?

Марѳа Петровна рассказываетъ, какіе высокіе сугробы снѣжные, какіе льды бываютъ тамъ въ холодныхъ краяхъ, и какъ хорошо въ лютый холодъ огонекъ развести.

Ужъ поздно. Настя прощается. Пора домой, а идти не хочется.

Марѳа Петровна зоветъ ее: приходи опять поскорѣй, да побудь опять подольше. Мелася идетъ ее провожать. Всякій разъ Мелася говоритъ, что она всего вечеромъ въ темнотѣ боится, и собакъ, и людей, и мертвецовъ, а все-таки по улицѣ идя, она въ каждую ставенную щелочку заглядываетъ, забѣгаетъ въ сады за цвѣтами на вѣнокъ, догоняетъ всякаго встрѣчнаго—узнать, кто такой и куда идетъ. И Настя заглядываетъ въ ставенную щелочку и Настя забѣгаетъ въ садъ за цвѣтами, отъ встрѣчныхъ она сторонится.

— Прощайте, Настасья Михайловна, доброй ночи!

— Прощай Мелася, доброй ночи!

— Приходите къ намъ поскорѣй. Смотрите, не медлите долго!

— Приду, приду!

Настя стучится въ калитку, калитка отворяется, ее встрѣчаютъ. Кто пѣняетъ, что запоздала такъ, кто спрашиваетъ, не надо ли ей чего, кто рассказываетъ, что бевъ нея гость такой-то былъ, а кто говоритъ что оооучился по ней.

Расходятся спать. Настя одна въ своей комнаткѣ. Она Богу молится, стоитъ на колѣняхъ. Потому она занемаетъ на ночь свои длинныя косы. Иногда она сядетъ, подумаетъ а послѣ думъ иногда улыбнется, иногда вздохнетъ и загаситъ свѣчу. Иногда загасивши свѣчу, сядетъ къ окну и долго сидитъ тихо, словно прислушивается къ чему-то, потомъ такъ встанетъ и тихо уляжется въ постель.

А Мелася, проводивши Настю, бѣжитъ домой и всегда встрѣтитъ Василя, сосѣдскаго работника. Василь красивый такой человекъ, черноусый, чернобровый, ходитъ въ вышитой-разшитой сорочкѣ, въ синихъ шароварахъ, свитку накидываетъ на правое плечо, и кажется онъ не колдунъ, а всегда знаетъ гдѣ Меласю встрѣтить. Встрѣтятся и остановятся. Ужъ Василь говоритъ, говоритъ, ужъ Мелася щебечетъ, щебечетъ.

— Мелася, что такъ поздно? спрашиваетъ Марѳа Петровна.

— А вы думаете ближній это свѣтъ! говоритъ Мелася.

Идешь, идешь, идешь... да еще страхъ на тебя такой напа-
детъ! испугаешься.

— Чего жъ пугаться, Мелася?

— Чего? ахъ, Боже мой! Боже мой единый! А вѣдьмы?
А мертвецы? А злые люди? А бѣшенныя собаки? А вовкулака?
А упыри? А...

— Что ты это, Мелася, что ты, голубка! Наше мѣсто
свято! говоритъ Марѳа Петровна и крестится.

Мелася вадыхаетъ и себѣ крестится.

— Ну, пора спать, Мелася. Городъ-то давнымъ-давно
утихъ, всё послули. Нигдѣ огонь не свѣтится.

— А какъ же не послуать? Давно, давно пора. Мы только
полуночники, отвѣчаетъ Мелася, будто хочетъ сказать:
что жъ дѣлать, такая наша доля!

Гасится огонекъ и все въ домикѣ темнѣетъ и утихаетъ.

— Что ты не весела, Настя? спросила Марѳа Петровна
въ одинъ день.

А Настя въ этотъ день такая была нахмуренная.

— Какое у тебя горе, Настя?

— Да все мнѣ жужжать въ уши, что пора замужъ, по-
ра замужъ, пора замужъ! Не хочу я замужъ!

— Или новый женихъ нашелся?

— Знаете Данила Самойловича Коныту?

— Знаю, Настя, видала.

— Такое пугало! вотъ онъ придетъ, сядетъ съ Павлою
Андреевной—шу-шу-шу-шу, а послѣ того она мнѣ и поетъ:
Настя, тебѣ пора замужъ! Къ тебѣ бархатъ пристанетъ, На-
стя! Тебѣ всё завидовать стануть, Настя! Ты надъ всеми за-
сіяешь, какъ солнце, Настя! А что если Данило Самойловичъ
за тебя посватается? Какой чудесный человѣкъ, Настя!

— А Данило Самойловичъ?

Сталь рѣже ходить къ намъ. Со мной встрѣтится, толь-
ко поклонится и поглядитъ—онъ нехорошо глядитъ. Нехоро-
шее у него глаза. Теперь еще хуже онъ сталь, точно кого
убить собираетъ.

— А Эрастъ Антиповичъ что?

— Онъ ничего. Разъ спросилъ у меня: Настя, ты за-
мужъ собралась?

— Нѣтъ, нѣтъ, говорю. Онъ засмѣялся только. А я за Копыту не пойду, сули онъ горы золотыя, не пойду за него, не пойду!

— Да на что жъ тебѣ горы золотыя, Настя? Сказала Марea Петровна.

— Не надо мнѣ! не надо мнѣ его богатства!

— Не надо, Настя. Наиграешься золотомъ, мое дитя, оглянешься и жутко станеть.

Мелася вдругъ словно выросла изъ-подъ полу.

— Какъ же можно за нелюба идти? заговорила она. Да лучше въ землю пойдти! Этотъ Копыта старый, какъ свѣтъ, а страшный, какъ домовой, а скупой, какъ жидь... Развѣ у васъ другихъ жениховъ нѣту? Есть молодые, хорошия...

— Я имъ за кого не хочу, сказала Настя.

— Да бѣда что ли, если подождете? Дѣвушка не мамма, не опадеть. Иныя ждутъ, ждутъ... говорила Мелася.

— А какого бы ты себѣ жениха желала, Настя? спросила Марea Петровна.

— Не знаю.

— Да вѣдь ты думала, небожь, объ этомъ?

— Думала. Я бы желала хорошаго...

— Конечно, хорошаго, подхватила Мелася, хорошаго, молодого.

— А чѣмъ тебѣ полюбится? спросила Марea Петровна.

— Да я не знаю, отвѣчала ей Настя. Чтобы хорошъ былъ...

— А конечно хорошъ, сказала Мелася.

— Хорошій понравится и полюбится.

Однимъ вечеромъ Настя поступалась къ Марeѣ Петровнѣ; ей двери отворилъ высокій, молодой, пригожій человѣкъ и освѣтилъ ей свѣчой. Настя остановилась, на него поглядѣла, а онъ на нее. Подумалъ онъ, что никогда еще ему не приводилось видѣть такой милой дѣвушки, а она подумала, что еще никогда она не встрѣчала такого человѣка, никогда еще не глядѣли на нее такіе чудесные глаза.

— А кто тамъ пришелъ? спросила Марea Петровна выходя.

— Настя пришла! Иди, Настя, иди! у насъ гость. Не ждали его, не чаяли, а онъ пріѣхалъ. Пріѣхалъ мой казакъ!

Всѣ вошли въ комнатку и сѣли.

Настя сѣла подлѣ Марѣы Петровны; пріѣзжіи сѣлъ противъ Насти.

Марѣа Петровна сидѣла безъ работы. Лице ея поблѣднѣло немножко, а губы улыбались, а на глазахъ слезы блесѣли. Сынъ пріѣхалъ—вотъ онъ тутъ; она его видитъ и слышитъ.

Настя взялась было за работу.

— Полно, Настя, сегодня не работай, сказала Марѣа Петровна, сегодня у насъ праздникъ.

Настя сложила работу.

Пришла Мелася съ бѣлымъ хлѣбомъ, съ вѣномъ. Всѣ стали хлопотать: стали столъ накрывать, больше свѣчей зажигать, чайныя чашки разставлять. Всѣмъ было очень хорошо, у всѣхъ было какъ-то празднично на душѣ. Мелася надѣла на голову вѣнокъ изъ краснаго маку, перестала глядѣть внизъ и вверхъ, а прямо глядѣла на молодого хозяина. На него же глядѣла и Настя. А Марѣа Петровна съ него и глазъ не спускала. Ему ли не хорошо было? Вотъ знакомая комнатка, гдѣ мальчикомъ онъ засыпалъ подъ тихія пѣсни; вотъ милое материнское лицо—слава Богу! она еще свѣжа и бодра; а вотъ незнакомое лицо и такое молодое и прелестное! А вотъ другое—нельзя сдержать улыбки при взглядѣ на него, такое веселое и лукавое!

Вечеръ теплый, темный; мѣсяца нѣтъ, только звѣзды мерцаютъ. Какъ разросся садъ! Розовыя кусты живы, запахъ ихъ слышенъ, хотя ихъ самыхъ и не видно за черемуховыми вѣтками, что лѣзутъ въ окно; черемуха выросла безъ молодого хозяина—онъ теперь смотритъ на нее и думаетъ: это новая, это безъ меня, и ему приходитъ мысль, что всякому приходила, кто воротится на родныя мѣста: а давно ли?...

Марѣа Петровна рассказывала сыну о старыxъ знакомыхъ, о новыхъ домахъ, что выстроились безъ него, о слухахъ, какіе носятя. Онъ слушалъ, изрѣдка о томъ, о другомъ

самъ спрашивалъ. Мелася уходила, приходила и на ходу новости рассказывала, совѣты давала, предостерегала.

Вы побывайте у пана Луски, говорила она, у него даже медвѣдь на цѣпи есть. Онъ свою дочь просваталъ на чужую сторону куда-то; такой безжалостный этотъ Луска! А вотъ прибѣжить къ вамъ паничъ Шора—вы съ нимъ дружбы не заводите...

Настя говорила немного, она больше слушала. Какъ-то къ разговору она спросила:

— Вы на долго приѣхали, Григорій Гавриловичъ?

Марѳа Петровна легко вздохнула, у ней ужъ отлегло отъ сердца—она уже знала, что останется долго.

— На долго, отвѣчалъ Григорій Гавриловичъ.

— У насъ страхъ, какъ весело, сказала Мелася.

— Очень весело у васъ? спросилъ Григорій Гавриловичъ Настю, чудное дѣло! У Насти на сердцѣ вдругъ стало какъ-то тихо, грустно, смиренно—она ему отвѣчала: не очень!

— И не скучались мы, сказала Марѳа Петровна, нечего Бога гнѣвить понапрасну. Я-то теперь почти никуда не выхожу изъ дому, рѣдко, рѣдко... и ко мнѣ часто ходитъ только одна Настя... придетъ и пощечечетъ у меня.

Григорій Гавриловичъ поглядѣлъ на Настю.

Поздно кончился этотъ вечеръ. Пора Настѣ домой; она прощается.

— Я васъ до дому провожу, говоритъ ей Григорій Гавриловичъ.

— Проводи, Гриша, проводи, говоритъ Марѳа Петровна, а то Мелася всегда боится одна ворочаться.

— А конечно страшно! говоритъ Мелася.

Григорій Гавриловичъ хочетъ провожать Настю. Онъ вышелъ съ нею за ворота и оглянулся во всѣ стороны.

— Вы не знаете дороги? сказала Настя.

— Безъ меня все перестроено, перепутано,—пожалуй, не найду.

— Ничего, я знаю. Недалеко.

Правда, что было недалеко, но шли они долго—таки. Останавливались, смотрѣли на заброшенный Хорошаевскій

дворъ и прошли Хорошаевскимъ садомъ къ дому Малимоновыхъ.

— Что вы такъ запоздали, панычка? спросила Хима. Всѣ уже спать въ домѣ. Пани сердилась. Данило Самойловичъ цѣлый вечеръ у насъ сидѣлъ. Весело тамъ вамъ было у старушки-то? Вы, кажись, устали. Почивайте. Добрая вамъ ночь!

Настя вдругъ обернулась, обняла Химу, поцѣловала и сказала—добрая ночь!

— Голубушка моя! Не надо ли вамъ чегонибудь? спросила Хима.

Настя улыбнулась и покачала головкой. Хима ушла.

Настя легла спать. Она въ самомъ дѣлѣ устала отчего-то и ее сонъ клонилъ; но не крѣпко ей спалось. Только она засыпала—ее точно будилъ кто, вдругъ просыпалась. Къ утру она крѣпче уснула.

— А ты вѣрно заблудился по городу-то? спросила Марее Петровна сына.

Онъ взялъ ея руки и поцѣловалъ, и сѣлъ около нея.

— Или сонъ не клонить? спросила Марее Петровна.

— Нѣтъ. Какая ночь тихая и теплая.

— Ночи лѣтнія славныя.

Они перешли ближе къ открытому окошку.

— Ты писалъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ, а все лучше изъ живыхъ твоихъ устъ послушать, каково тебѣ жилось, Гриша?

— Жилось.

— И горе бывало?

— Бывало.

— Не великое?

— Нѣтъ, великаго не было.

— Что-жъ ты теперь думаешь? Отдохнуть?

— Отдохну. А пока—мѣсто найдется.

— Отдохни, дитя мое, отдохни.

На другой день черноусый Василь рассказывалъ людямъ что къ сосѣдкѣ Крашовкѣ сынъ пріѣхалъ на житье, былъ онъ у важнаго пана въ учителяхъ, училъ дѣтей. Вдругъ важный панъ возьми да умри скоростижно—пани сейчасъ

къ своимъ роднымъ въ столицу съ дѣтьми, а Григорій Гавриловичъ сюда, къ намъ. И очень хорошій, и добрый человекъ Григорій Гавриловичъ.

IV.

— Какъ вы съ Настасьей Михайловной познакомились? спрашивалъ Григорій Гавриловичъ у матери.

— Прежде на улицѣ встрѣчались, я спрашиваю: чья это хорошенькая? Узнаю—Малимоновская сиротка. Разъ у вѣсночной вижу, она одна въ уголку молится, молится... Выходить народъ изъ церкви—она послѣ всѣхъ и важная такая идетъ, тихая; въ дверяхъ меня толкнула, подняла глаза и просить прощенья. Слово за слово, слово за слово разговорились. Дошли вмѣстѣ до дому. Я къ вамъ зайду, говоритъ она. Очень я рада. Зашла ко мнѣ. Она еще дорогой улыбаться начала, а пришла ко мнѣ, какъ защебечетъ, какъ зарѣзвится! И пѣла она, и танцевала она. Съ той поры и стала ходить ко мнѣ часто.

— А вы къ ней часто ходили?

— Нѣтъ, очень рѣдко. Малимонова мнѣ не землячка и не ровня.

— Что жъ она горда очень?

— Не такъ горда какъ привередлива. Одинъ разъ придешь къ ней—незнаетъ гдѣ тебя посадить, чѣмъ тебя угостить, ласкаетъ, безъ умолку разговариваетъ; а въ другой разъ придешь, она только тебя слушаетъ да обмахивается платкомъ—ни вопроса тебѣ, ни отвѣта; развѣ только промолвитъ: а! Впрочемъ, женщина не злая и милостивая къ бѣднымъ.

— А Малимоновъ?

— Онъ ровнѣй ея. Всегда спросить о здоровьи.

— А каково житье у нихъ Настасьѣ Михайловнѣ?

— Они оба ее любятъ.

— Хорошо ей у нихъ?

— Хорошо, не обижаютъ.

— Она никогда не жаловалась?

— Нѣтъ, не жаловалась. Рассказываетъ, то-то и то-то вышло, то-то и то-то было, да рассказываетъ безъ жалобы, такъ. На нее разсердятся—она сама на нихъ разсердится, знаешь, ровные счеты. А тебя-то какъ встрѣтили они?

— Хорошо встрѣтили.

— У ней бывають вечеринки; гостей много наѣзжаетъ.

— Частые гости?

— Частые. Молодежи много—Настины женихи.

— Кто жъ такіе?

— Не перечтешь ихъ всѣхъ. Шосточка, Чаровскій... начала было считать Марѳа Петровна.

— А Настасья Михайловна, что?

— Ни за кого не хочетъ. Не хочу, говорить, ни за кого изъ нихъ не пойду.

Въ другой разъ Григорій Гавриловичъ спросилъ у матери.

— Вы все говорите о Копытѣ, что это за Копыта?

— Здѣшній помѣщикъ, богачъ. Малимонова за него Настю прочитъ, вотъ мы съ Настей и говоримъ о немъ.

— Что онъ за человѣкъ?

— Недобрый, говорятъ, старъ, скупъ, немилостивъ.

— Трудно уговаривать Настасью Михайловну за него идти?

— Гдѣ тамъ уговаривать! Она, даромъ что молоденькая, а своимъ разумомъ живетъ и своей волею: нѣжна, что цвѣтокъ, а крѣпка, что замокъ.

Григорій Гавриловичъ стоялъ у окна; передъ окномъ, передъ его глазами, цвѣли цвѣты; онъ долго смотрѣлъ на нихъ, о чемъ-то думалъ; не разъ онъ чуть-чуть улыбнулся; не разъ онъ чуть-чуть нахмурился.

— Знаете ли, кого я видѣла? сказала Мелася—она вбѣжала въ нопыхахъ въ комнату—я видѣла Копыту!

— Гдѣ жъ ты его видѣла, Мелася? спросила Марѳа Петровна.

Настя тогда сидѣла тутъ же, шила; она только подняла глаза на вѣстовщицу разсѣянно, не спросила ее ни о чемъ.

Григорій Гавриловичъ тоже адѣсь сидѣлъ поодаль; онъ читалъ какую-то книгу и слушалъ, что говоритъ Мелася.

— Я встрѣтила его на улицѣ, говорила Мелася. Захожу въ лавку за сахаромъ, и онъ за мной слѣдомъ заходитъ. Купцы сейчасъ къ нему, словно пули, летятъ, кланяются, спрашиваютъ, товаръ хвалятъ; онъ покупалъ что-то въ коробочкѣ, лакомство какое-то, а я стою, жду да гляжу. Даютъ ему сдачу. Господи мой добрый! такъ онъ и кидается на каждую кошечку, какъ пѣтухъ на ячменное зернышко... Одну серебряную *сороковку* взялъ, оглядѣлъ и не спряталъ, а въ кулакъ зажалъ, зажалъ ажно запищали и посмотрѣлъ на меня—такіе у него глаза нехорошіе! Я купила сахару, иду, а онъ меня нагоняетъ, спрашиваетъ: ты, дѣвушка, у пани Крашовки служишь?—Конечно, у пани Крашовки, говорю. Здорова ли она?

— Конечно, здорова, говорю.—Такая она добрая!—Конечно, добрая, говорю.—Тебѣ вѣрно жить у ней хорошо?—Конечно, хорошо, говорю.—Слышно, къ ней сынъ пріѣхалъ.—Конечно, пріѣхалъ, говорю.—Слышно, что сынъ у ней красивый такой?—Конечно, красивый, говорю, да прибавляю и мо-ло-дой. Молодой что барвинокъ! Ахъ, мое лихо! я думала, что онъ меня такъ и разорветъ на часточки за это слово. Такъ его и повело, и повело... Я отъ него скорѣй. Пстой, пстой, погоди, говоритъ, ты славная дѣвушка такая, а бѣдная, на вотъ тебѣ! Даетъ мнѣ серебряную сороковку. Берегите для иныхъ, говорю ему, я не бѣдная, это бѣдный *тотъ*, потому что у него души нѣту... да поскорѣе побѣжала отъ него.

Марѳа Петровна одна ее, кажись, слушала; покрайней мѣрѣ она одна взглядывала на нее и усмѣхалась.

— А знаете, куда онъ купленное лакомство понесъ? спросила Мелася. Прямо къ вамъ, Настасья Михайловна, я сама видѣла.

Мелася подождала, что ей Настя на это скажетъ. Настя ничего ей не сказала, шила. Мелася поглядѣла, поглядѣла на Настю и ушла.

Марѳа Петровна тоже на Настю посмотрѣла. Григорій Гавриловичъ съ нея глазъ не сводилъ.

— Настя, ты что-то скучать стала, а? спросила Марea Петровна.

Настя подняла на нее глаза и точно не слыхала сказанных словъ, улыбнулась. И взглядъ, и улыбка у ней были разсѣянные.

— Или тебѣ стали очень докучать этимъ сватаньемъ? опросила еще Марea Петровна.

— Докучаютъ, отвѣтила Настя. Она оперлась на локотокъ и хотѣла было задуматься, да нечаянно встрѣтилась глазами съ Григоріемъ Гавриловичемъ и вспыхнула румянцемъ.

— Онъ ужъ посватался? спрашивала Марea Петровна. Съ тобой онъ говорилъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Настя.

— Ты не печалься, Настя, сказала ей Марea Петровна.

— А Настя вдругъ очень запечалилась. Печальная посидѣла еще немножко у нихъ и ушла домой. Какъ ни упрасивала ее Марea Петровна: останься, Настя, останься! Она не осталась,—ушла.

Настя съ каждымъ днемъ умолкала и утихала; никого она не поднимала теперь на смѣхъ, не смѣялась почти, блескъ пропалъ въ ея глазахъ, пропала ея рѣзвость; голосъ у ней сталъ такой тихій, точно отъ роду не звенѣлъ въ спорахъ и не заливался веселыми пѣснями.

А Григорій Гавриловичъ съ каждымъ днемъ становился тревожнѣе. Онъ бросилъ книги читать, повадился ходить далеко за городъ на охоту.

Марea Петровна иногда о чемъ-то раздумывать стала въ одиночку, точно она чуяла, что недалеко смуты и огорченья; она какъ будто съ ними въ мысляхъ знакоилась.

Мелася, кажись, ничего не думала. А вотъ черноусый Василь говорилъ, что еслибы молодой Крашовка да женился на Малимоновской сироткѣ, такъ лучше бы этого ничего на бѣломъ свѣтѣ не было.

Григорій Гавриловичъ и Настя рѣдко и мало между собою говорили; казалось, что они собираются что-то сказать другъ другу и тогда ужъ до сыта наговориться. Наединѣ они бывали только вечерами, когда Григорій Гавриловичъ провожалъ Настю домой. Блаженное это было время имъ!

Ночи звѣдныя, теплыя, украинскія; городъ заснулъ—они идутъ рядомъ по тихимъ улицамъ; никакого шума, только соловьи поютъ, да сады шелестятъ. И когда послѣ они сами съ собою раздумываютъ, разгоряются, память такого вечера думы ихъ развеселяла, ихъ тоску умирала.

— У нея богатые женихи будутъ, а я бѣденъ. Я ее люблю... Братъ ли мнѣ ее за себя на трудную, убогую жизнь? думалъ Григорій Гавриловичъ.

— Любить ли онъ меня много! Возьметъ ли за себя? Любить ли онъ меня, какъ я его? думала Настя. И смутно, и тяжело на сердцѣ; вспомнятся вечерніе проводы, теплая ночь, соловьиныя пѣсни, шелестащія сады, два-три тихихъ слова и на сердцѣ легче, легче...

У Малимоновыхъ былъ вечеръ. Весь дворъ ихъ былъ уставленъ колясками, бричками, дрожками. У воротъ горѣли два фонаря. Домъ ихъ ярко свѣтился всѣми освѣщенными окнами середь темныхъ улицъ. Гостей съѣхалось много. Разряженныя важныя пани важно сложили руки, важно сидѣли и важно разговаривали; разряженныя и ловкія панночки ходили парочками, шептались и улыбались; пожилые люди сѣли за карточные столы; молодые люди стояли кучками у дверей, у оконъ, по угламъ, смотрѣли по сторонамъ, а иные смотрѣли только въ одну сторону. Павла Андреевна заметала за собой своимъ пышнымъ платьемъ, обмахивалась платкомъ и всѣмъ жаловалась на жаръ. Эрастъ Антиповичъ сидѣлъ между игроками. Настя ходила между панночками. Вечеръ шелъ своимъ порядкомъ—что дальше, то живѣй. Пани заговорили шумнѣй; за картами спорили громче; панночки смѣшались съ молодыми людьми, смѣялись, болтали, играли въ разныя игры. Середь этого шума, середь гостей, говору, смѣху и веселости Настя садилась гдѣнибудь и тихо сидѣла. Жутко и сладко ей было встрѣтиться глазами съ Григоріемъ Гавриловичемъ. Какъ ей стало все скучно и немилѣ кругомъ, когда онъ ей сказалъ: вамъ, кажется, очень весело! И какъ все посвѣтѣло и получшалось кругомъ, когда онъ ей сказалъ: вы что-то скучны? Какъ они послѣ этого поглядѣли другъ на друга,—и оба поблѣднѣли, и оба были очастливы!

*

Григорій Гавриловичъ стоялъ и разговаривалъ съ своимъ давнимъ знакомымъ и школьнымъ товарищемъ, съ Иваномъ Савичемъ Лемехою.

— То ли дѣло дѣтскіе-то годы! говорилъ Иванъ Савичъ, то ли дѣло! Никакого горя и въ заводѣ тогда не было!

— А теперь у тебя есть горе? спросилъ Григорій Гавриловичъ.

— А ты думаешь нѣту? Есть горе, Гриша, есть!

— Какое? Откуда?

— Вѣстимо какое и вѣстимо откуда. Отъ кого все горе на свѣтѣ? Отъ дѣвушекъ! и мое горе отъ дѣвушки.

— А! сказалъ Григорій Гавриловичъ и обернулся, и поглядѣлъ пріятелю своему въ глаза и въ лицо пристально. Горе видно его не сушило: щеки у него были румяныя и круглыя такія, глаза у него не потускнѣли—живо глядѣли изъ подъ широкихъ, черныхъ бровей.

— Да, да! говорилъ Иванъ Савичъ, изъ ума не выходитъ у меня моя дѣвушка! Бѣсть и пить мнѣ мѣшаетъ, спокойно мнѣ спать не даетъ, Гриша. Бѣда, да и только мнѣ съ нею!

Въ это время Настя мимо ихъ проходила.

— Проходитъ ли она мимо, а мое сердце за ней слѣдомъ; мое сердце такъ и мретъ! говорилъ Иванъ Савичъ.

Проходя мимо, Настя взглянула на Григорія Гавриловича, а Ивана Савича она не видала.

— На всякаго другаго она взглянетъ, а на меня нѣтъ! говорилъ Иванъ Савичъ. Она меня не любитъ совсѣмъ, а пройди только она мимо—сердце мое за ней слѣдомъ, Гриша!

— Ты очень ее любишь? Безъ шутокъ? спросилъ Григорій Гавриловичъ. Кто же она такая? Очень любишь? Безъ шутокъ?

— Какія шутки! Это лихо, а не шутка!

— Покажи мнѣ ее. Гдѣ она здѣсь?

Иванъ Савичъ только вздохнулъ. Къ нимъ тогда подошли три панночки и спросили, о чемъ у нихъ рѣчь идетъ?

— Обо всемъ понемножку, отвѣтилъ панночкамъ Иванъ Савичъ.

— Скажите намъ о чемъ? повторяли панночки.

— Всего нельзя говорить—у насъ есть и тайны, говорилъ Иванъ Савичъ.

— Скажите! Скажите! приставали панночки. Подошли еще другія. Поднялся шумъ, смѣхъ; пошли разные разговоры.

Когда разносили варенья и конфеты по комнатамъ, лажки припали къ подносамъ, а кому хотѣлось словцо перемолвить, уллучили тогда времечко и перемолвили словцо съ кѣмъ хотѣлось.

Тогда Григорій Гавриловичъ и Настя очутились вмѣстѣ у окна. Они стояли близко другъ подлѣ друга и тихо разговаривали. Вдругъ Настя взрогнула и отвернула лицо. Григорій Гавриловичъ оглянулся и увидалъ въ углу чье-то блѣдное лицо, словно мертвое, искаженное, — и нехорошіе глаза прямо глядѣли на нихъ.

— Кто это такъ смотритъ на насъ? спросилъ Григорій Гавриловичъ у Насти.

— Копыта, отвѣчала ему Настя.

Послѣ этаго, какъ они ни сойдутся вмѣстѣ — блѣдное, искаженное лицо съ злыми глазами глядитъ на нихъ и слѣдитъ за ними изъ какого нибудь угла.

Павла Андреевна, ходя и замѣтая своимъ пышнымъ платьемъ, вдругъ остановилась—увидала Копыту.

— А я васъ давно ищу, давнымъ давно, Данило Самойловичъ, сказала она. Что это вы сидите въ уголку? Да что съ вами? вдругъ спросила она. Ахъ, Боже мой!

— Тише, тише! отвѣчалъ ей Данило Самойловичъ. Кто этотъ черноволосый, молодой—вонъ тамъ стоитъ, въ окно глядитъ... Это Крашовка?

— Да, Крашовка, Данило Самойловичъ, а вы его не знаете еще?

— Тише... Тише... Я завтра приду къ вамъ. Тише... Надо рѣшить скорѣе... Завтра я къ вамъ приду... Да, завтра... Тише.

Данило Самойловичъ ушелъ отъ нея; другіе гости подошли. Искала его послѣ Павла Андреевна, но его нигдѣ не было. Онъ вѣрно ушелъ домой.

Данило Самойловичъ не домой пошелъ. Онъ ходилъ около

Малимоновскаго дома и заглядывалъ въ окна. Глаза его зорко искали Настю и Григорія Гавриловича; онъ съ мученіемъ и съ тоской слѣдилъ, какъ они и разное были да видѣли другъ друга, какъ они радостно сходились вмѣстѣ и говорили. Онъ все видѣлъ, и улыбки—и взгляды ихъ, и счастье, и молодость ихъ, и красоту. Видѣть это было ему невыносимо; а когда онъ изъ виду ихъ терялъ, словно еще невыносимѣй; онъ бѣгалъ отъ окна къ окну, пока не находилъ ихъ опять, опять отбѣгалъ отъ оконъ въ темную улицу,—убѣгалъ, а страсть его туда же снова приводила, и онъ снова ихъ искалъ, снова находилъ, снова глядѣлъ на нихъ.

Была еще одна душа, что слѣдила украдкой за Настей и за Григорьемъ Гавриловичемъ: Иванъ Савичъ Лепеха слѣдилъ за ними и не разъ вздохнулъ, не разъ сердце у него сжалось, сжалось... Однако онъ разговаривалъ, смѣялся, и за смѣхомъ, за разговоромъ никто не замѣтилъ, что онъ немножко измѣнился въ лицѣ.

Данило Самойловичъ все подь окнами. Гости начали разѣжаться съ вечера, стучать колеса, выѣзжая со двора; въ комнатахъ быстро рѣдѣютъ люди. Крашовка тутъ еще. Вотъ уже въ одной, а вотъ въ двухъ комнатахъ погасли свѣчи. Павла Андреевна проходитъ, зѣваетъ; Эрастъ Антиповичъ рассчитывается съ двумя послѣдними гостями у зеленого столика—Крашовка все тутъ. Она ходитъ по комнатѣ, оглядывается—онъ ждетъ ее. Она вѣрно обѣщала ему еще поговорить. Въ комнатѣ все темнѣетъ; свѣчи все гаснутъ. Вотъ она вошла. Какое у ней нѣжное лицо! И какъ она глядитъ на него! Какъ она его любить.

Не помня себя, Данило Самойловичъ бросился отъ окна, какъ ужаленный; потомъ опять бросился къ окну и ударилъ въ раму—стекла зазвенѣли. Онъ слышалъ, какъ Настя вскрикнула, видѣлъ какъ вбѣжали другіе и комната полутемнѣвшая освѣтилась огнями; какъ толпились у окна, высылали людей на улицу съ фонарями. Онъ притаился. Когда все утихло, онъ опять подкрался къ окну, они опять вмѣстѣ и опять говорятъ и глядятъ другъ на друга!

Наконецъ всё, всё ушли—ушелъ Крашовка. Домъ со-воёмъ потемнѣлъ и утихъ.

Данило Самойловичъ пришелъ домой и сталъ стучаться. Ему отворила двери худая старуха съ тонкой свѣчой въ рукѣ. Данило Самойловичъ оттолкнулъ ее со свѣчою, вошелъ въ свою комнату и сѣлъ у стола.

Ужь разсвѣтать стало. Осенній холодный разсвѣтъ; солнце всходитъ, свѣтитъ, а не грѣетъ, не живить; все кругомъ повяло, все тихо кругомъ.

Данило Самойловичъ сидѣлъ измученный; каждая морщинка поглубжѣла у него на лицѣ; изъ злыхъ его глазъ слезы такъ вдругъ и полились, полились. Онъ склонился сѣдою головой на столъ—вырвались рыданія глухія да больныя. Онъ поднялъ голову. Солнце тускло поблескивало изъ за сѣрыхъ тучъ. Данило Самойловичъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Это была большая комната, въ ней стояли комоды и шкапы съ тяжелыми, крѣпкими замками. На большомъ столѣ ничего не лежало; ничего не было ни на окнахъ, ни на двухъ столикахъ — все спрятано подъ замками.

Данило Самойловичъ ходилъ по комнатѣ. Мало-по-малу лицо его спокойнѣй стало. Онъ думалъ свои думы.

Онъ обошелъ весь домъ свой, поглядывая вокругъ себя. Домъ у него богатъ, огроменъ, но какъ мраченъ-то этотъ домъ! Какъ угрюмъ и не веселъ! Все въ немъ сбережено и сохранено отъ штофнаго полога до хрушкаго хрустальнаго стакана—все подъ замкомъ и въ порядкѣ. Берегли все и обо всемъ заботились въ этомъ домѣ изъ-подъ страху; хозяинъ былъ всегда человекъ одинокій и суровый; онъ накопилъ много денегъ, онъ любилъ свои деньги... Теперь онъ любилъ дѣвуху больше ихъ. Неужели правда это? Да, это правда!

Данило Самойловичъ опять пришелъ въ свою комнату, опять сѣлъ у стола. Посидѣлъ, потомъ онъ кликнулъ Ганку.

Вошла худая старуха, босая; старуха слабая, блѣдная и сумрачная. По самымъ брови повязана чернымъ, ношеннымъ платкомъ; ея синяя кофта побѣдѣла отъ долгой носки; юбка у ней въ заплаткахъ. Она была единственная слуга въ домѣ и въ дворѣ у Данила Самойловича.

Данило Самойловичъ глянулъ на Ганку и отвернулся. Онъ приказалъ подать себѣ воды, и пока Ганка принесла воду—все глядѣлъ въ окно.

Данило Самойловичъ умылся, прибрався и пошелъ къ Малимоновымъ. У Малимоновыхъ всё ставни были еще закрыты; послѣ вечера спали дольше всегдашняго. Данило Самойловичъ сталъ бродить изъ улицы въ улицу. Люди шли на базаръ, поминутно ему встрѣчались. То два челоуѣка пожилыхъ стучали тяжелыми сапогами по промерзлой землѣ и разговаривали о хозяйствѣ; то бѣжали молоденькія стройныя дѣвочки съ *кошиками* и спорили между собой: вотъ не продамъ! — А вотъ продамъ! Не продамъ! Продамъ! То старушки тащились охая и кряхтя; то быстро проходили молодыя женщины и дѣвушки, слышались отрывочныя слова, смѣхъ, жалобы; на всѣхъ и на все Данило Самойловичъ съ враждой смотрѣлъ и съ тоской. Около дома Краповки ему попалась на встрѣчу Мелася; показалось ему, что ея лукавое лицо лукаво усмѣхнулось; гнѣвъ мгновенно его обуялъ, онъ готовъ былъ, кажется, задушить ее; бросился было за нею слѣдомъ, да опомнился и пошелъ своею дорогою. Опять былъ у Малимоновскаго дома—все еще ставни закрыты!

Павла Андреевна сидѣла за чаемъ и позѣвывала, когда Данило Самойловичъ къ ней вошелъ и сѣлъ противъ нея. Онъ, видно, собрался говорить спокойно, хотя лицо его мѣнялось и подергивалось.

— Ахъ, здравствуйте, Данило Самойловичъ! сказала Павла Андреевна, а я вотъ чай пью; не хотите ли чашечку чаю? Что съ вами было вчера такое? Вы меня испугали вчера. Что вы мнѣ обѣщали вчера сказать? Говорите, говорите. Никто не услышитъ. Эраста Антиповича дома нѣтъ, Настя еще спитъ. Зачѣмъ вы вчера такъ рано ушли? Чѣмъ вы были разстроены? А вчера у насъ очень весело было,—всѣ такъ довольны, поздно разѣхались... Что же вы мнѣ хотѣли сегодня сказать, Данило Самойловичъ?

— Отдадите ли вы за меня Настасью Михайловну? сказалъ Данило Самойловичъ.

— Что съ вами, Данило Самойловичъ, что съ вами?

— Отдадите ли вы ее за меня?

— Да я рада, я очень рада, но она не хочетъ, Данило Самойловичъ, она упрямится.

— Заставьте ее!

— Да какъ же заставить, когда она не хочетъ слушаться? Я заставляю, а она говоритъ: не хочу!

— Заставьте!

— Какъ Данило Самойловичъ? Какъ я могу? Омлой ее отдать нельзя?

— Отчего нельзя?

— Какъ же силой? Связать ее, что-ли?

— Отчего жъ не связать?

— Ахъ, что вы это, Данило Самойловичъ! Лучше вы погодите. Не безпокойтесь, прошу васъ, погодите, — я ее такъ уговорю.

— Я не могу больше ждать! Я не могу ждать! Ее у меня отнимають... отняли... Она Крашовку любить! Мнѣ каждый часъ дороже золота, перевѣчайте ее со мной!

— Что это вы, Данило Самойловичъ! вскричала Павла Андреевна, какъ можно! Какъ можно! Любить Крашовку! Какъ же я ничего не замѣтила! Не можетъ этого быть!

— Перевѣчайте ее со мной поскорѣе!

— Что же вы замѣтили? Что? Вы слышали какъ она съ Крашовкой говорила? Вчера слышали?

— Она любитъ его, проговорилъ Данило Самойловичъ, и такъ проговорилъ, что Павла Андреевна смутилась и струсила.

— Ну, хорошо, хорошо, вымолвила она, не сердитесь, Данило Самойловичъ. Я никогда этого отъ Насти не ожидала...

Оба помолчали. Потомъ Данило Самойловичъ сталъ тихо говорить, а Павла Андреевна слушала его, удивлялась, благодарила его и вздыхала.

— Я сегодня же, Данило Самойловичъ, сегодня же непременно уговаривать ее буду и скажу ей все... Упрашивать ее буду...

— Прикажете, велите!

— Прикажу, Данило Самойловичъ, и велю. Когда бы Богъ намъ помогъ!

— А я все устрою и все приготовлю.

— Хорошо, Данило Самойловичъ; хорошо.

Данило Самойловичъ было пошелъ, но воротился.

— За нее я вамъ отдамъ все, что имѣю — жизнь мою тогда берите! проговорилъ онъ.

— Покорно благодарю, Данило Самойловичъ... Я и такъ для васъ...

— А если вы меня обманете? Онъ поглядѣлъ прямо ей въ глаза своими нехорошими глазами, не хорошо поглядѣлъ.

— Какъ можно, Данило Самойловичъ, какъ можно! вѣрьте...

— Побожитесь мнѣ! сказалъ Данило Самойловичъ.

— Божусь Богомъ, Данило Самойловичъ, клянусь вамъ.

— Скорѣй, скорѣй только! вымолвилъ Данило Самойловичъ, скорѣй!—И ушелъ.

— Ахъ Боже ты мой! проговорила Павла Андреевна, вѣдь я его боюсь! Ей-Богу я боюсь его!

Она подумала, подумала, покачала головою и вздохнула тяжело.

Пришелъ Эрастъ Антиповичъ.

— А что жъ обѣдать-то? сказалъ онъ. Вѣдь ужъ почти вечеръ на дворѣ.

— Ахъ, полно, успѣешь еще пообѣдать, отвѣтила ему Павла Андреевна.

— Что же такое, Павла Андреевна?

Павла Андреевна молчала, онъ опять повторилъ: что же такое? Чѣмъ ты тревожишься?

— За Настю сватаются, сказала Павла Андреевна.

— А! Кто же такой сватается? Она хочетъ идти?

— Сватается Данило Самойловичъ.

— Копыта! Быть не можетъ!

— Отчего же это быть не можетъ? Отчего, Эрастъ Антиповичъ?

— То есть я не ожидалъ отъ него сватанья. Настя его очень не любитъ — она за него не пойдетъ.

— Кто жъ будетъ слушать Настю? Кто ее будетъ слушать, желала бы я знать?

— А какъ же ты ее приневолишь?

— Ахъ, Боже мой! Я ей счастья хочу! Я ей хочу богатства, Эрастъ Антиповичъ; она послѣ сама меня благодарить будетъ. Вы знаете ли, что она влюбилась въ Крашовку? Что жъ ее по вашему за Крашовку отдать?—А?

— Небось, все выдумки!

— Нѣтъ, не выдумки! Вы живете, ничего не видите, что у васъ передъ глазами дѣлается, а другіе, слава Богу, не слѣпы еще!

— Ну, за Крашовку не слѣдъ идти ей! сказала Эрастъ Антиповичъ. Этотъ Крашовка очень мнѣ не нравится: гордецъ какой-то! А съ чего бы ему казись гордиться? Не поклонится порядкомъ, не усмѣхнется, точно у него спина дубовая, а губы печатью припечатаны. Да ну его! Ты въ правду думаешь отдавать Настю?

— Да, да, и очень скоро.

— Дай Богъ ей счастья. Жалко ее отнискать изъ дому, Павла Андреевна.

— Она часто будетъ ходить къ намъ. Данило Самойловичъ обѣщалъ себѣ домъ купить противъ нашего, чтобы не разлучать насъ съ нею.

— Да, вѣрь ему!

— Конечно вѣрю. Домъ противъ насъ продается — онъ его купить, отлично отдѣлается.

— Это будетъ хорошо, коли будетъ.

Оба замолчали, потомъ Павла Андреевна опять начала:

— Настя будетъ у насъ первая богачка.

— Дай ей Богъ! отвѣтилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Знаешь, Данило Самойловичъ мнѣ говорилъ: вы, говорить, будете тогда мои родные; вамъ, говорить, я тогда отдамъ Бильчики. Я ему: на что! на что! Нѣтъ, говорить, Бильчики ваши. И отдалъ намъ Бильчики. Ужасно у него доброе сердце!

— А ты и повѣрила, что отдашь обѣщанное? Ахъ, Павла Андреевна!

— Конечно отдасть, Эрасть Антиповичъ. Это вѣрнѣе смерти!

— Ты бы только подумала, что въ Бильчикахъ-то, кажется, полтора ста душъ, матушка!

— Да хоть бы миллионъ душъ, Эрасть Антиповичъ. Данило Самойловичъ обѣщаль.

— Обѣщаль панъ: кожухъ дамъ, да его и слово тепло.

Павла Андреевна разсердилась.

— Съ тобой говорить нельзя! вскрикнула она.

Эрасть Антиповичъ попросилъ у ней прощенья.

— Ну, прости, виноватъ. Прости и говори.

— Видишь ли, сказала Павла Андреевна, видишь ли, надо вѣдь когда нибудь Настю замужъ отдать, надо вѣдь когда нибудь съ ней разстаться? Такъ лучше ее отдать за богатаго, за хорошаго человѣка, а?

— Слова нѣтъ, Павла Андреевна, слова нѣтъ!

— Вотъ видишь! А гдѣ мы найдемъ богаче Данила Самойловича и добрѣе его? Однимъ словомъ, я обѣщала ему что Настя будетъ его женой и теперь нельзя отказаться. Онъ такъ Настю любитъ, что я даже боюсь его. Если, говоритъ мнѣ, не отдадите за меня Настю, если меня обманете—бѣда вамъ! И точно, я чувствую, что бѣда будетъ, если Настю за него не отдадимъ.

— А что жъ ты сдѣлаешь коли Настя за него идти не захочетъ, Павла Андреевна?

— Она пойдетъ.

— Наврядъ она пойдетъ. Заварила ты кашу, Павла Андреевна! Чего добраго—бѣду наживемъ себѣ!

— Ахъ, Боже мой! чѣмъ бы успокоить меня, ты еще пугаешь! Тебѣ всегда любо меня разстроить! А я знаю, что все кончится хорошо и благополучно!

— Ну, полно, Павла Андреевна, полно! Я самъ думаю, что конецъ благополучный будетъ, а пока что—нечего дѣлать, потерпѣть придется.

Оба опять замолчали.

— Боюсь я только одного, сказала Павла Андреевна, боюсь я, что Данило Самойловичъ ревнивъ очень будетъ.

— Пожалуй, что и будетъ. Старые люди всегда почти ревнивы.

— Да вѣдь Настя такая, что ее не обидишь, какъ иную смирененькую.

— Это правда, а все-таки и ей насолить можно, Павла Андреевна.

— Онъ ее очень любить; говорилъ: жизнь за нее отдамъ!

— Можетъ быть, можетъ быть. А если ревнивъ, такъ тѣмъ сильнѣе ревновать ее будетъ.

— Ахъ, многое меня беспокоитъ, сама я не знаю почему! Лучшаго жениха не найти, а все жалко отдавать Настю! И заплакала Павла Андреевна, склонивши голову.

— Перестань, Павла Андреевна, перестань. Ну, не плачь. Ты подумай... Я тебѣ скажу еще вотъ что: Копыта ужъ старый человекъ, проживетъ онъ, надо полагать, не два вѣка... А послѣ него—Настя и богата и вольна, какъ птица.

— Ахъ, да! сказала Павла Андреевна и подняла голову, это правда, что онъ недолговѣченъ, худой такой... Настю онъ очень любить.

За обѣдомъ всѣ молчали. Павла Андреевна переглядывалась съ мужемъ; Настя смотрѣла на затопленную печку и тихо сидѣла. На дворѣ шелъ дождь и билъ въ стекла.

Послѣ обѣда сейчасъ всѣ разошлись. Настя въ свою комнату ушла, а Павла Андреевна съ Эрастомъ Антиповичемъ въ его кабинетъ еще долго между собой о чемъ-то совѣтовались и разговаривали шепотомъ.

Въ домѣ еще ничего не знали ни о чемъ, но всѣ насто-рожили уши, всѣ чего-то ждали.

V.

Павла Андреевна пришла къ Настѣ; не входя въ комнату, она остановилась у двери и поглядѣла. Настя сидѣла у окна. Ея бѣлыя плечи сжались, подбородокъ лежалъ на ладонкѣ; пальчиками она прижала себѣ губки, а локоткомъ

оперлась на подолонникъ; глаза ея смотрѣли задумчиво на вечернее, осеннее небо. Заря горѣла краснымъ свѣтомъ, и тучи были съ краснымъ отблескомъ, и дождевыя капли на повялой травѣ; на домахъ, на деревьяхъ, на заборахъ, всюду красный отблескъ.

— О чемъ это задумалась ты, Настя? спросила Павла Андреевна.

Настя вздрогнула и встала.

— Что же ты встаешь, Настя? Я вотъ къ тебѣ пришла, хочу поговорить съ тобою.

— О чемъ? быстро спросила Настя. Такъ спрашиваютъ люди, когда въ душѣ у нихъ живетъ что нибудь никому невѣдомое и имъ дорогое.

— О женихѣ, Настя.

Павла Андреевна улыбнулась, какъ могла веселѣй. Настя глядѣла на нее во все глаза.

— Сядь же Настя, сядь, сказала Павла Андреевна. Ну, сядь, я буду говорить.

Настя сѣла.

— Надо тебѣ непременно пристроиться, Настя, начала Павла Андреевна. Ты сама знаешь... Не капризничай, мой дружокъ. Ты умная дѣвушка. Данило Самойловичъ такой чудесный человекъ. Онъ говорилъ сегодня и я... я говорила тоже, мой другъ.

При имени Данила Самойловича Настя нахмурилась и отвѣтила отрывисто:

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

— Какъ нѣтъ, Настя? Подумай!

— Нѣтъ!

— Отчего же ты не хочешь? А, я знаю отчего ты не хочешь! Тебѣ нравится Крашовка.

Настя стала алѣй алаго цвѣтка, смѣшалась и словно оробѣла.

— Но за Крашовкой тебѣ не бывать, Настя! Я спорѣй умру, чѣмъ ты за нимъ будешь! говорила Павла Андреевна. Какой-то бѣднякъ, какой-то обманщикъ... какой-то...

— Не говорите такихъ словъ! вокрикнула Настя. Сму-

щенье ея прошло и робости ужъ не было; слезы заблестѣли у ней на глазахъ, она встала и головку высоко подняла.

— Нѣтъ, я буду говорить! кто жь мнѣ запретить? Краповка...

— Не говорите! вымолвила Настя.

— Я для тебя же говорю, что Краповка самый ужасный человѣкъ.

Настя ушла изъ комнаты.

— Павла Андреевна сидѣла и кликала ее: Настя! Настя! Настя не воротилась.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! какая дѣвушка! сказала Павла Андреевна, прокликаявши понапрасну съ полчаса и пошла по всеѣмъ комнатамъ звать: Настя! Настя! Насти не было.

— Да гдѣ же Настя? спросила Павла Андреевна у Химы.

— Куда-то ушла отвѣчала Хима.

— Куда жь она ушла?

— Не знаю.

— Каково это тебѣ покажется, Эрастъ Антиповичъ? жаловалась ему Павла Андреевна. Настя и слушать меня не стала, ушла! Каково это тебѣ покажется?

— Не хорошо, не хорошо, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ. Куда же она ушла?

— Каково это мнѣ переносить? Каково мнѣ переносить это, а?

— Однако куда же Настя ушла, Павла Андреевна? Куда?

Чьи-то шаги слышались. Это былъ Данило Самойловичъ.

— Гдѣ она? Гдѣ Настасья Михайловна? было его первое слово. Глаза его перебѣгали быстро, тревожно и мрачно съ лица Павлы Андреевны на лицо Эраста Антиповича.

— Она сейчасъ будетъ здѣсь, Данило Самойловичъ, сейчасъ. Садитесь, пожалуйста, садитесь, сказала Павла Андреевна.

— Она у Краповки? Она тамъ! Она тамъ! проговорила Данило Самойловичъ.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, право нѣтъ! успокоивала его Павла Андреевна.

— Посылайте за нею, посылайте за нею, она тамъ! она тамъ Копыта.

Эрастъ Антиповичъ, что было отошелъ къ сторонкѣ, тутъ придвинулся ближе и спросилъ: а почему вы, Данило Самойловичъ, думаете, что Настя у Крашовки?

— Я видѣлъ, я видѣлъ, какъ кто-то вбѣжалъ къ нимъ въ комнатку—это была она! Посылайте же за нею!

— Ахъ, Боже мой! вымолвила Павла Андреевна.

— А можетъ и не она вбѣжала въ комнатку, сказала Эрастъ Антиповичъ.

— Она, она! Посылайте за ней! она тамъ!

Онъ такъ громко и гнѣвно проговорилъ послѣднія слова, что Павла Андреевна струсила, выбѣжала изъ комнаты съ словами: сейчасъ, сейчасъ посылаю и послала Химу за Настей къ Крашовкѣ.

Данило Самойловичъ тѣмъ временемъ метался по комнатѣ, какъ иногда звѣри въ клѣткахъ, а Эрастъ Антиповичъ на него украдкой поглядывалъ, помалчивалъ и что-то самъ про себя думалъ. Павла Андреевна воротилась къ нимъ и смиренхонько усѣлась въ уголку. Помолчавши, поглядѣвши, Павла Андреевна спросила.

— Что вы, Данило Самойловичъ, все устроить начали? Домъ отдѣливается?

Данило Самойловичъ не отвѣчалъ ей, онъ бросался отъ окна къ окну, выглядывалъ то въ то, то въ другое. Лицо у него и темнѣло, и блѣднѣло. Павла Андреевна не дождалась отвѣта и взглянула на мужа—онъ ей подаль знакъ помолчать. Павла Андреевна была встревожена и послушалась мужа. Настало молчанье въ комнатѣ.

Настя шибко дошла до Крашовкинаго домика, постояла у дверей словно въ нерѣшимости—но рѣшилась и вошла.

Шибкая ходьба, смущенье, любовь такой блескъ придали ей глазамъ, такой румянецъ ей лицу!

Марѳа Петровна давно уже съ Настей обращалась бережно какъ съ птичкой раненой; она у ней не спросила, что съ нею, хотя видѣла, что съ нею что-то особенное, а стала ее разспрашивать о вечерѣ.

Григорій Гавриловичъ былъ тутъ. Настя встрѣтила

его глаза; глаза эти на нее глядѣли любя и, любя ее, — спрашивали, что съ ней. Настѣ стало такъ на душѣ хорошо и тепло; она сидѣла улыбалась и отвѣчала Марей Петровнѣ о чемъ ее спрашивала.

Мелася знала сама кое-что о вечерѣ и о гостяхъ что были на вечерѣ и вмѣшивалась тоже въ разговоръ.

— Славно освѣтили домъ, говорила она. Ясно такъ было, что хоть иголки собирай. Купецъ Мироненко жаловался, что всѣ свѣчи изъ своей лавки туда пожертвовалъ; а пани одна тамъ была, такая толстая пани, что головы не можетъ она наклонить, длинный подбородокъ такой, что не допускаетъ — лихо да и только; такъ та пани только сидитъ да дышетъ, дышетъ... Паничи — были смотреть они словно молодые голуби изъ гнѣзда... Паночки умнѣй кажутся, наряженныя такія.

Послышалось стучанье въ окно.

— Кто бы это? сказала Марей Петровна. Мелася выбѣжала отворить. — Пришла Хима Настю домой звать. Павла Андреевна приказывала Настѣ сказать, чтобы она сейчасъ же шла.

Настя было вспыхнула, хотѣла заговорить, но утихла и взглянула на Григорія Гавриловича, что онъ скажетъ. — Онъ ничего не говорилъ, но въ лицѣ перемѣнился. Марей Петровна спросила Химу, что такое случилось у нихъ?

— Ничего, слава Богу, отвѣчала Хима.

— У нихъ старый Коныта сидитъ! сказала Мелася. Правда, Хима?

— Правда, отвѣтила Хима.

— Я не пойду, сказала Настя, я не пойду домой. Скажи Павлѣ Андреевнѣ, Хима, что я еще посижу тутъ.

Настя говорила и при каждомъ словѣ взглядывала на Григорія Гавриловича, хорошо ли, такъ ли говорить она, какъ надо.

Хима ушла. Послѣ ея ухода разговоръ не завязался; всѣ были озабочены и дрімочкли. Настя скоро простилась и пошла домой. Григорій Гавриловичъ провожать ее пошелъ.

До заброшеннаго, Хорошаевскаго сада они молча дошли, а тутъ Григорій Гавриловичъ остановился и спросилъ Настю.

— Васъ замужъ идти неволять?

— Я не пойду за него, отвѣчала Настя.

— А за меня? спросилъ Григорій Гавриловичъ потише.

— Пойду, былъ ему отвѣтъ тихій и страстный.

— Любимая моя! не боишься бѣдности?..

— Ничего! Ничего!

Онъ спрашивалъ, давно ли она его полюбила, она спрашивала, давно ли онъ ее—оба съ перваго вечера, съ перваго свиданія; вспомнили свое первое свиданье, вспомнили и вечерніе проводы, и всѣ свои думы, и все свое горе, и всякую радость свою. А время уходило. Въ вечерней темнотѣ кругомъ все блестѣло отъ бѣлаго морозу при свѣтѣ мѣсяца, что выбрался изъ тучъ и сіялъ съ неба.

— А ручки-то совсѣмъ похолоднѣли, говорилъ Григорій Гавриловичъ и въ теплую свою шапку пряталъ холодныя ручки и цѣловалъ ихъ. Настя смѣялась. Ее охватило всю какое-то счастье, что освѣжало и укрѣпляло ее.

— Тебѣ будутъ жениха сватать, Настя, сказалъ Григорій Гавриловичъ.

— А у меня ужъ есть, я скажу, у меня есть женихъ.

— Прощай, мое сердце! Прощай, Настя! Любишь меня вѣрно?

— Люблю вѣрно, Гриша! Какъ я тебя люблю!

Не хотѣлось имъ разстаться, хоть плачь! Обѣщались завтра свидѣться пораньше, пораньше.

Настя дома застала всѣхъ въ смятеніи. Ужъ за нею послана была опять Хима и Эрастъ Антиповичъ самъ собрался идти. Онъ былъ очень беспокоенъ; еще безпокойнѣй его была Павла Андреевна.

Настю въ дверяхъ встрѣтилъ Данило Самойловичъ и поглядѣлъ на нее страшно.

— Отчего вы такъ веселы? спросилъ онъ ее, сдерживая свой голосъ.

Настя вошла ясна и весела—она и на него посмотрѣла ясно и весело.

— Сядь, Настя, сказала Павла Андреевна.

Настя сѣла. Всѣ стояли вокругъ нея.

— Настя, сказала Павла Андреевна и взяла Данила Самойловича за руку—Настя, вотъ твой женихъ!

— Нѣтъ, отвѣчала Настя, у меня ужъ есть женихъ.

Она отвѣчала мягко, тихо; алая краска такъ и разливалась по ея нѣжному лицу.

Данило Самойловичъ весь задрожалъ; Павла Андреевна ахнула; Эрастъ Антиповичъ нахмурился.

— Кто жъ твой женихъ, Настя? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

Настя назвала по имени.

— Никогда! закричала Павла Андреевна, никогда этого не будетъ!

— Да постой, Павла Андреевна, сказалъ Эрастъ Антиповичъ, а ты Настя, не сердись, выслушай...

Но Настя не сердилась, а только сказала, что ни за кого не пойдетъ, кромѣ Григорія Гавриловича.

— Вотъ тебѣ женихъ! говорила Павла Андреевна и показывала на Данила Самойловича.

— Я ни за кого не пойду кромѣ Григорія Гавриловича, опять отвѣчала Настя.

— А если вы не будете за нимъ? Если вы его никогда больше не увидите? спросилъ Данило Самойловичъ какимъ-то дикимъ голосомъ.

Настя обратила на него глаза, какъ на страшилище.

— Я увижу его, проговорила она.

— Лучше его не раздражать, не сердить, шепталъ Эрастъ Антиповичъ Павлѣ Андреевнѣ.

— Я ужъ не знаю, что и дѣлать! сказала Павла Андреевна въ горѣ.

— Вы его не увидите! говорилъ Настѣ Данило Самойловичъ.

— Да, Настя, лучше забудь его! заговорила Павла Андреевна. Ты его не увидишь, я не допущу!

— Какъ вы не допустите? спросила Настя.

— Я не допущу! прошепталъ ей Данило Самойловичъ.

— Вы? Что это такое? Я не хочу здѣсь оставаться! я пойду отсюда.... я пойду къ нему... Настя встала и быстро подошла къ двери, но Данило Самойловичъ бросился впередъ

*

и загородилъ ей дверь; Павла Андреевна схватила ее за платье; Эрастъ Антиповичъ тоже подошелъ.

— Вы посмѣете? закричала Настя. Въ глазахъ у ней заблестала гнѣвъ, а губы бѣлѣли и дрожали отъ испуга.

— Да, я посмѣю! шептала Данило Самойловичъ. Я все посмѣю... я все...

— Пустите меня! Пустите меня! кричала Настя. Ведите е^{му} меня пустить, Павла Андреевна, велите ему!

— Ахъ, Настя! Ахъ, Настя! говорила Павла Андреевна.

— Полно, Настя, успокойся; сядь, мы поговоримъ—говорилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Я не хочу ни о чемъ говорить! Пустите меня! Я не хочу больше быть у васъ! Вы обижаете меня, о, грѣхъ, грѣхъ! Недобрые вы люди! Вы не смѣете меня запирать!

— Нѣтъ, смѣю! Нѣтъ, смѣю! лепетала растерянная Павла Андреевна.

— Позвольте—ка, Данило Самойловичъ, сказалъ Эрастъ Антиповичъ, позвольте, я поговорю съ Настей.

Но Данило Самойловичъ шагу отъ двери не отступилъ.

— Въ предатели! Въ измѣнники! вскрикнула Настя. Что вы хотите со мной дѣлать? Она закрыла лице руками и зарыдала.

— Не плачь, Настя, не плачь! стала просить Павла Андреевна и сама стала плакать.

— Утро вечера мудренѣе, сказалъ Эрастъ Антиповичъ, а теперь спать пора. Иди—ка спать, Настя.

— Да, да, Настя, иди спать, иди! со слезами говорила Павла Андреевна.

Эрастъ Антиповичъ взялъ Настю за руку и повелъ ее, а Павла Андреевна за другую руку вела Настю. За ними шелъ Данило Самойловичъ.

Данило Самойловичъ за ними вошелъ и въ Настину комнату, но, ошелъ къ окну и осмотрѣлъ окно—окно было съ двойной рамой.

Сядь, Настя, сядь, сказала Павла Андреевна.

— Ну, пойдемте, она заснетъ, сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Настя! сказала Павла Андреевна. Настя не отвѣтила ей.

— Настя! повторила Павла Андреевна.

Опять не было отвѣта. И сколько она ни кликала, отвѣта все не было. Настя сидѣла, словно каменная.

— Пойдемте, пойдемте, сказали Эрастъ Антиповичъ.

Данило Самойловичъ хотѣлъ что-то сказать Настѣ и подошелъ къ ней близко.— Настя вскочила и отбѣжала отъ него какъ отъ змѣи.

Воѣ ушли отъ Настя и людямъ было строго-на-строго приказано запереть ворота, никого чужаго не впускать безъ спросу, а Настю не выпускать.

Данило Самойловичъ настаивалъ, чтобъ Настю перевѣнчать съ нимъ силою. Эрастъ Антиповичъ уговаривалъ, что лучше подождать, лучше полемногу ее приучить, склонить; Павла Андреевна то съ тѣмъ соглашалась, то съ другими, ехала и призывала помощь Божью. Данило Самойловичъ на все твердилъ одно: скорѣй отдайте ее мнѣ! Скорѣй мнѣ ее отдайте! Берите за нее что вы хотите у меня—скорѣй отдайте ее мнѣ!

Порѣшили на томъ, что Данило Самойловичъ повезетъ Павлу Андреевну съ Настей въ свою деревню и тамъ съ Настей обвѣнчается. Черезъ три дня положили ѣхать—раньше нельзя было: въ городѣ онъ не держалъ и негдѣ было достать лошадей, ни экипажа—надо былъ послать за ними въ деревню, а до деревни отъ городу цѣлыхъ сто верстъ, да еще верстъ не мѣренныхъ.

На другой день Григорій Гавриловичъ очень обрадовался, что солнце наконецъ-то взошло, и сѣшилъ на встрѣчу Настѣ.

— Ты идешь, Гриша? спросила его Марья Петровна.

— Да, мама, отвѣтилъ онъ и быстро пошелъ по улицѣ.

Марья Петровна смотрѣла на него изъ окошка пока ей видно было. Сколько жизни и радости, сколько нетерпѣнья и веселья у него на лицѣ играло! Дитя мое! проговорила она. Этимъ словомъ много, много добра просилось на его голову. А Григорій Гавриловичъ дошелъ до самаго Малимоновскаго дома—Настя не встрѣчается. Онъ постоялъ въ переулкѣ, прошелъ его изъ конца въ конецъ и опять воротился—все нѣтъ еще Настя. Онъ прошелъ въ Хорошаевскій

садъ, гдѣ вчера онъ стоялъ и говорилъ съ нею — можетъ она тамъ ждетъ его; садъ весь насквозь былъ виденъ, листья съ деревьевъ облетѣли; свѣтъ и солнце пронизывались всюду—нѣту Настя. Да пока онъ тутъ, можетъ она идетъ тамъ теперь, прямо къ нимъ; онъ поспѣшилъ туда и домой пришелъ—ее нѣту. Въ нетерпѣннн онъ было опять выходилъ изъ дому и встрѣтилъ въ дверяхъ Меласю.

— Слава Богу! сказала Мелася, а я васъ ищу. Ахъ бѣдная панночка, несчастная панночка!

— Она жива? спросилъ Григорій Гавриловичъ. У него въ глазахъ помутилось и сердце упало.

— Что такое случилось, Мелася? Что такое? спрашивала Марѳа Петровна.

— Жива она? вскрикнулъ Григорій Гавриловичъ, гдѣ она?

— Жива, жива, бѣдняжка, отвѣчала Мелася, да что это за жизнь, когда ее заперли подъ замокъ, стерегутъ какъ преступницу, хотятъ отдать силой замужъ за стараго Копыту!

— Что ты, что ты, Мелася! сказала Марѳа Петровна. Это не правда!

— Это не правда! сказалъ Григорій Гавриловичъ. Скорѣе говори!

— О, ей-Богу, ей-Богу, правда истинная! Хима вырвалась на минутку, бѣжала къ намъ дать знать; я ее встрѣтила и отъ нея все узнала: говоритъ, панночка словно поблеклый цвѣтокъ и на свѣтъ Божій не глядитъ, и никого къ ней не пускаютъ.

Потомъ Мелася все подробно рассказала, что было у Малимоновыхъ.

— Погоди, Гриша, погоди! вскрикнула Марѳа Петровна. Она удержала сына за руку и съ тоской на него поглядѣла: онъ въ ту минуту похожъ сталъ на своего покойнаго отца, какъ двѣ капли воды—тотъ же гнѣвъ и рѣшимость въ глазахъ, та же красота и безстрашіе.

— Погоди, Гриша, подумай... Будь потише, Гриша, а то все дѣло погубишь... а то Настѣ не поможешь. . Копыта

богачъ, онъ деньгами закупить, Малимоновъ въ городѣ начальнякъ и родня Настѣ — какъ намъ противъ нихъ идти силой? Будь потише, Гриша, а то бѣда придетъ... Можетъ, они сами будутъ тебя вызывать на осору; будь остороженъ, Гриша, сдержи себя, одолѣй себя! Гриша, слышишь ли?

— Все слышу, отвѣчалъ Григорій Гавриловичъ.

Марѳа Петровна держала его за руку и чувствовала, какъ рука эта дрожала; видѣла, что лицо у него бѣлѣй полотна было.

— Что жъ, Гриша, что ты думаешь? правду ли я говорю?

— Правду.

— Будь какъ можно тише, Гриша; если стануть вызывать тебя, дразнить стануть—перетерпи, перенеси все. Вѣдь они могутъ и тебя запереть, а пока ты оправдаешься...

— Да, могутъ и меня запереть! А пока оправдаюсь...

— Самъ видишь, что силой нельзя...

— Какая сила у насъ? сказалъ Григорій Гавриловичъ въ гнѣвъ и въ тоскѣ—гдѣ она, сила? Гдѣ правда?

— Куда жъ ты, Гриша?

— Иду къ Малимоновымъ.

— Гриша, для Насти... помни.

— Я все помню, все.

Онъ пришелъ къ Малимоновымъ, его не пустили и въ ворота. У воротъ стоялъ самъ квартальный и сказалъ, что Эраста Антиповича ни подъ какимъ видомъ нельзя беспокоить и Павлу Андреевну тоже.

Прошли два десятскихъ по улицѣ и поклонились, квартальный кивнулъ имъ головой, а на Григорія Гавриловича глядѣлъ, щурился и усмѣхался.

Григорій Гавриловичъ воротился домой.

— Мелася, потише, не шуми, сказала Марѳа Петровна Меласѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала ей Мелася шепотомъ, я смирно буду работать.

Настя сидѣла въ своей комнатѣ и плакала. Къ дверямъ

беспрестанно подходила Павла Андреевна и заглядывала въ замочную скважину.

— Что? спрашивалъ Данило Самойловичъ.

— Сидитъ одна одиноконька, отвѣчала Павла Андреевна печально.

— Сидитъ одна? Хорошо, хорошо, говорилъ Данило Самойловичъ.

— Плачетъ, бѣдняжка.

— Плачетъ? Хорошо, хорошо!

Эрастъ Антиповичъ былъ скученъ, показивалъ изъ угла въ уголь и отъ времени до времени жену утѣшалъ, что все перемелется—мука будетъ.

На дворѣ пошелъ сильный снѣгъ; въ нѣсколько часовъ улицы завалило мягкими бѣлыми сугробами. Въ сумерки Григорій Гавриловичъ едва пробирался по узенькому переулку. Небо все заволокло тучами, снѣгъ все еще шелъ; видать было низенькихъ, бѣленькихъ домиковъ, только огоньки ясными точками поблескивали по сторонамъ.

Григорій Гавриловичъ добрался до одного домика, до низенькаго крылечка и постучался. Въ этомъ домикѣ жилъ Иванъ Савичъ Лепеха съ товарищемъ, Васильемъ Николаевичемъ Солодкимъ. Иванъ Савичъ самъ отворилъ дверь и очень обрадовался, и будто съ этимъ вмѣстѣ встревожился.

— Ахъ это, ты, Гриша, ахъ, дружище!

Онъ повелъ его въ комнату и кричалъ Солодкому, что Гриша пришелъ.

— Э, э! милости просимъ, сказала Солодкій. Всѣ ли здоровы, Григорій Гавриловичъ?

У этого Солодкаго глаза и волосы чернѣе были чернаго ворожа; поднималъ онъ пуды какъ перушки; видъ у него былъ важнѣй, чѣмъ у наши турецкаго; голосъ громче, чѣмъ у соборнаго дьякона; а нраву онъ былъ тихаго, услужливъ; уживчивъ; любилъ синицы, почиталъ стариковъ и старушекъ; товарищъ онъ былъ вѣрный и преданный.

Иванъ Савичъ какъ получше взглянулъ на Григорія Гавриловича, такъ и вскрикнулъ:

— Ахъ, братикъ мой! Что съ тобою? На тебѣ лица живаго нѣту!

— Да, да, вы нагналишь, от безпокойствожь оказали Солодкій.

— Помогите мнѣ! промолвилъ Григорій Гавриловичъ.

— Что такое, другъ? Что, Гриша? Веди въ огонь и воду! отвѣтилъ Иванъ Савичъ.

— И я вѣтъ товарищъ, сказалъ Солодкій.

— Настасью Михайловну хотятъ силой замужъ отдать, помогите ее выручить!

У Ивана Савича поблѣло лицо, голосъ упалъ и онъ ужь очей тихо спросилъ: почему ты знаешь? А этотъ вопросъ сейчасъ же покрылъ другимъ: это точно правда?

Солодкій спросилъ, за кого ее идти неволять?

Григорій Гавриловичъ все имъ рассказалъ.

Солодкій съ участиемъ его слушалъ, съ участиемъ слушалъ и Иванъ Савичъ. Иванъ Савичъ глядѣлъ на Григорія Гавриловича словно что-то новое въ немъ видѣлъ; ясныя его глаза затуманились; доброе и смѣлое лицо запечалилось.

— Если я пронаду, вы ей будьте защитой, просилъ Григорій Гавриловичъ. Не покиньте ее.

— Стали совѣтоваться, что дѣлать.

— Силой ничего не возмешь, а пока жаловаться будемъ, да суда искать—ее десять разъ перевѣнчаютъ. Нѣтъ, время терять нельзя, говорилъ Солодкій, на жалобы, а надо Настасью Михайловну украсть у нихъ.

— Я знаю Якова, ихъ садовника, и всѣ люди ихъ намъ помогать стануть—ее любить, сказалъ Иванъ Савичъ.

— Когда же? Когда же? спросилъ Григорій Гавриловичъ.

— Надо прежде всего вѣсточку Настасью Михайловну передать, а вамъ, Григорій Гавриловичъ, надо дома спрятаться, не показываться; мы слухъ распустимъ, что вы дѣхали въ губернію; они безпечнѣй будутъ.

— Да, да, говорилъ Иванъ Савичъ, а Григорій Гавриловичъ говорилъ:

— Только скорѣй! Когда же? Скорѣй надо! Я лошадей достану...

— Нѣтъ, ужь вы сидите смирно; станете вы лошадей доставать—дойдетъ, что вы въ городѣ, первое, а второе—лече

имъ какъ день будетъ, зачѣмъ вы лошадей достаете. Нѣтъ, вы ужъ дома посидите, а мы съ Иваномъ все уладимъ. Да, Иванъ?

— Да, да, мы все уладимъ, отвѣчалъ Иванъ Савичъ.

— А теперь пойдите, посмотримъ каково Настасью Михайловну берегутъ и стерегутъ; ночь непогожая, съумѣемъ отъ всякаго глаза укрыться.

Они пошли къ Малимоновскому дому. Съ улицы были ставни закрыты, а у Малимоновыхъ ставни плотно закрывались, ничего не видно было. Они зашли съ другой стороны, съ переулка, отъ сада; сквозь падающій снѣгъ, сквозь деревья зеркало освѣщенное скошко.

— Это ея окно свѣтитъ, сказалъ Григорій Гавриловичъ.

Иванъ Савичъ зналъ, что это окошко ея.

Осмотрѣли садовую ограду—не высока, легко можно перелѣзть.

Григорій Гавриловичъ перепрыгнулъ въ садъ, за нимъ товарищи и стали подбираться къ окошку.

Залаяли со двора собаки.

— Воротитесь, воротитесь, а то все пропадетъ, сказалъ Солодкій. Слышите, голоса! Насъ переловятъ.

Они воротились и вышли изъ саду.

— Григорій Гавриловичъ, сидите жъ вы дома, а мы будемъ все улаживать и васъ будемъ увѣдомлять, говорилъ Солодкій.

— Да, Гриша, сиди дома, а мы все уладимъ. Завтра я подговорю Якова, завтра лошадей достану, завтра передадимъ Настасьѣ Михайловнѣ вѣсть; ты будь спокоенъ — все сдѣлаю, все.

Иванъ Савичъ похожъ былъ на того казака молодого, что въ первый разъ противъ Татаръ вышелъ: сначала сердце сжалось, умъ помутился, а оглядѣлся молодой казакъ — сталъ удалѣе старыхъ.

Товарищи простились и разошлись.

Григорій Гавриловичъ въ эту ночь не ложился. Мареза Петровна не напомнила ему, что спать пора, она сама не ложилась—работала. И мать, и сынъ сидѣли такъ терпѣливо, такъ тихо, что ихъ не слышно было совсѣмъ. Сынъ

смотрѣлъ въ землю; онъ на это время забылъ о матери, онъ мучился своимъ сердечнымъ горемъ, своими тревогами, думалъ о любимой дѣвушкѣ; мать часто на него смотрѣла, тревожилась и горевала за него.

VI.

На другой день Иванъ Савичъ Лепеха съ утренней зарей прохаживался по переулку, гдѣ стоялъ домикъ съ темной лавочкой; въ этой лавочкѣ продавался табакъ курительный, смушевыя шапки, красные пояса, бублики, нитки,—все это продавала женщина лѣтъ тридцати, такая свѣжая, здоровая и веселая; она дѣлала честь выбору своего мужа, что время отъ времени показывался около нея въ лавочкѣ и глядѣлъ на проходящихъ съ какою-то лукавою усмѣшкою—эта усмѣшка словно говоритъ: а кто умнѣе-то! вы или я? Лавочку содержала Якова кума и онъ всегда ходилъ сюда за табакомъ, затѣмъ чтобы ему старую шапку починили, затѣмъ чтобы поторговать другія шапки, затѣмъ чтобы спросить, скоро ли будетъ свѣжій табакъ, или просто Яковъ ни зачѣмъ придетъ и скажетъ, что совсѣмъ онъ и не собрался, а вотъ пришелъ, коть его знаетъ за какой радостью. И дня ни одного не проходило, чтобы Яковъ не побывалъ у кумы въ лавочкѣ.

Тутъ недалеко отъ лавочки Иванъ Савичъ и подождалъ Якова. У Ивана Савича хотя глаза немножко и запали, а глядѣли и блестѣли живо и бодро; можетъ тоже кое-какія мысли жгли его голову—онъ часто снималъ шапку и встряхивалъ волосами. День былъ холодный, ясный, солнечный, холодъ освѣжалъ его голову и облегчалъ.

Часа можетъ два ждалъ Иванъ Савичъ пока Яковъ показался издали. Яковъ шелъ тихо, съ трубкой въ зубахъ; на головѣ у него высокая сивая шапка, на плечахъ накинута черная свита, а руки запущены въ карманы широкихъ синихъ шароваръ. Еще издали ясно обозначились длин-

ные усы сѣдые, большія черныя брови и между бровями глубокая, гупломая морщина.

Иванъ Савичъ пошелъ на встрѣчу ему.

— Здорово, Яковъ, сказалъ Иванъ Савичъ. Яковъ, другъ! мнѣ надо съ тобой словцо перемолвить.

Яковъ шапку снялъ, остановился и слушалъ. Ни участія, ни любопытства не видно было на его лицѣ. Онъ должно быть только изъ учтивости смотрѣлъ на Ивана Савича своими мрачными глазами.

— Ты не выдашь меня, Яковъ?

Яковъ отвѣтилъ:—Нѣтъ.

Иванъ Савичъ рассказалъ ему все дѣло и просилъ его помощи.

— Я тебѣ, Яковъ, самъ сослужу всякую службу!

— Спасибо вамъ за вашу доброту непокупную, сказалъ Яковъ важно и урюмо.

— Помоги же, Яковъ, помоги!

— Въ чемъ помогать?

— Не мѣшай доброду дѣлу, Яковъ!

— Какому дѣлу?

— Эхъ, Яковъ, не мучь, дружище! Я вѣдь все тебѣ толкомъ рассказалъ, что жъ ты еще спрашиваешь? Ты лишниехъ людей удали, собакъ запри, дай знать мнѣ, въ какую пору лучше можно подобраться къ панночкину окошку; ты какъ думаешь, съ вечера или на разсвѣтѣ, или ночью?

— О чемъ это вы спрашиваете? Когда красть сподручнѣй? Слыхалъ я, люди говорили, что лучше всего красть съ вечера, а я не знаю—ничего на вѣку не красть.

— Съ вечера? Такъ мы съ вечера попробуемъ, черезъ что-дѣ, подъ окошко...

— Какое окошко, спрашиваете? Известно, окошко кристалл, хорошее, съ двойной рамой.

Тс— Ахъ, вотъ было изъ головы вонъ, что рамы-то двой-

Гр! Спасибо, Яковъ, что надумилъ. Петров-Панночка? Я не знаю, что панночка знаетъ и чего не ложилась. Мнѣ известно только, что всѣ панночки наскодьково, такетчивы, ваптозько и трусливы.

— Да, да, надо ужъ доложить панночку сегодня. Ты скажи Химѣ—Хима вѣдь хорошая дѣвушка?

— Дѣвушка, какъ дѣвушка, а хорошая ли, я поемъ знаю? Я на ней женатъ не былъ.

— Она не выдастъ панночку? Ты переговори съ ней, Яковъ...

— Съ кѣмъ мнѣ говорить?

— Да съ Химой.

— Объ чемъ мнѣ съ Химой говорить?

— Ахъ, Боже мой, Яковъ, сердце ты мое! Вышли Химу ко мнѣ—я ее буду ждать подъ ихъ садомъ.

Яковъ курилъ трубку и молчалъ.

Иванъ Савичъ опять повторилъ то же. Яковъ выслушалъ, какъ птичье пѣнье.

— Гдѣ же мнѣ увидѣть Химу, Яковъ?

— Я не знаю, гдѣ ее увидѣть. Кого надо видѣть, того подстерегаютъ.

— Хорошо, я подстерегу ее, а ты помоги. Яковъ, голубчикъ мой, помоги, пожалуйста! Собакъ—то запрети!

Яковъ Ивану Савичу поклонился и пошелъ.

— Ну, прощай, Яковъ, дружище! Спасибо тебѣ, спасибо! сказала ему, вѣдѣ Иванъ Савичъ.

Яковъ зашелъ къ кумѣ въ лавочку.

— О чемъ это вы толковали съ паничемъ Денехою? спросила кума.

— А табакъ у взоу хорошій? спросилъ у ней Яковъ.

Кума, больше не допытывалась и сказала, что табакъ у ней хорошій.

— Лошади будутъ и саи,—лошади чудесныя! Этими словами встрѣтилъ Солодкій Иванъ Савича.

— Гдѣ ты досталъ? спросилъ Иванъ Савичъ.

— У Рабоча на хуторѣ. Рабочъ славный человекъ, товарищу и душу свою отдать готовъ. Сейчасъ справилъ саи и лошадей, и саи, кучеромъ назывался. Ты, говорю ему, правдѣ не умѣешь,—я буду самъ за кучера. А у тебя дается, Иванъ?

— Понемножку, Василій, понемножку.

— Это толковали еще, объ удачѣ, о погодѣ.

Иванъ Савичъ скоро смолкъ и задумался, а Солодкій все говорилъ, хвалилъ невѣстину красоту, загода смѣялся надъ Кобытою, осуждалъ Малимоновыхъ.

— А знаешь, Иванъ, сказалъ онъ, завидна мнѣ такая невѣста, какъ Настасья Михайловна. Милая дѣвушка! Одно время я думалъ, что ты...

— Было—прошло—отвѣчалъ Иванъ Савичъ спокойно, хотя спокоенъ онъ былъ не совсѣмъ.

— Не будетъ Ганя, будетъ другая, это правда, сказалъ Солодкій. А нашимъ молодымъ дай Богъ долю и счастье; пусть живутъ долго здоровы и благополучны!

— Дай Богъ долгаго счастья и здоровья! отвѣчалъ Иванъ Савичъ.

— А мы пока и одни поживемъ на свѣтѣ, Иванъ! сказали Солодкій.

— Поживемъ, Василь! отвѣчалъ Иванъ Савичъ и поглядѣлъ вокругъ. Маленькая, убогая комнатка, крошечное слѣпое окошечко на улицу; улица занесена снѣгомъ—чуть виденъ рядъ домиковъ; улица пуста, домики тихи. Сердце пуще заныло у него.

— А знаешь, Василь, нехорошъ нашъ городокъ! сказалъ Иванъ Савичъ.

— А чѣмъ же онъ хуже другихъ? спросилъ Солодкій.

— И жизнь наша нехороша, говорилъ свое Иванъ Савичъ и сталъ шагать по комнаткѣ изъ угла въ уголъ взадъ и впередъ. А чѣмъ жизнь скрасить? Какъ выбраться изъ этого городка?

Иванъ Савичъ остановился.

— Не дай Богъ никому бѣднякомъ быть! сказалъ онъ и опять сталъ ходить по комнаткѣ.

— При бѣдности если здоровье плохое да семья большая—такъ бѣда! сказалъ Солодкій.

— Въ прежніе времена войны частыя бывали, говорятъ Иванъ Савичъ. Шли люди на войну, бились, рубились, а теперь дѣться некуда; негдѣ, нечѣмъ горя размыкать!

— А на войну такъ и я бы пошелъ, сказалъ Солодкій.

— Весь вѣкъ—то изживи такъ: служи въ здѣшнемъ су-

дѣ, веселись въ здѣшнемъ городкѣ, говорилъ Иванъ Савичъ. Экая комнатка тѣсная! Ей-Богу на гробъ похожа!

Иванъ Савичъ пересталъ ходить, сѣлъ около Солодкаго и голову на руки склонилъ.

— Что это ты, Иванъ, затужилъ такъ? спросилъ Солодкій.

— Да вѣдь все это правда, другъ сердечный, святая правда!

Иванъ Савичъ всталъ и взялъ шапку.

— Куда жъ ты, Иванъ? спросилъ его Солодкій.

— Пойду Химу подстергать. И ушелъ.

— Приходи скорѣе, Иванъ, крикнулъ ему вслѣдъ Солодкій.

— Скоро приду, отвѣчалъ Иванъ Савичъ.

Солодкій вышелъ на крылечко и проводилъ товарища глазами пока онъ скрылся. Въ глазахъ у Солодкаго видна была забота и безпокойство.

Иванъ Савичъ побродилъ по городку пока смерклось, передумалъ много думъ, перетерпѣлъ много боли сердечной, а въ сумерки онъ ждалъ въ переулкѣ, пока Хима вышла изъ воротъ. Хима шибко шла.

— Хима! Хима! покликалъ потихоньку Иванъ Савичъ.

Хима услышала, остановилась.

— Хима, любишь ли ты панночку? спросилъ Иванъ Савичъ.

— Люблю, отвѣтила ему Хима и ждала, что дальше ей скажутъ.

Иванъ Савичъ ей все рассказалъ. Хима отвѣтила:

— Спасибо вамъ, спасибо, что за сироту заступились! Я ей вѣсточку передамъ... ужъ я ухитрюсь... къ ней теперь войдти трудно, а поговорить съ ней еще труднѣй—подглядываютъ, подслушиваютъ... Да я ужъ ухитрюсь!

— А что Настасья Михайловна здорова? спросилъ Иванъ Савичъ.

— Не жалуется.

— Очень скучаетъ?

— Очень, очень, очень!

Иванъ Савичъ вздохнулъ и было притихъ, но вдругъ словно какъ опомнился, встрепенулся и проговорилъ:

— Такъ ждите насъ, ждите! Сегодня вечеромъ ждите!

— Хорошо, хорошо, отвѣчала Хима. Прощайте; меня ужъ вѣрно хватятъкъ дома; нани послала за бѣлыми хлѣбомъ теперь и твердила: скорѣй, скорѣй! Выручайте: паниочку, выручайте, сказала Хима и убѣжала.

Иванъ Савичъ пришелъ къ домику Крашовки. Оглянулся, нѣтъ ли кого на улицѣ—улица была пуста; онъ вошелъ въ калитку. Его встрѣтила Мелася.

— А, сказала она, такъ это васъ ждуть! Идите, идите скорѣе, милости вашей просимъ. Мы ужъ глаза проглядѣли васъ дожидаячи!

Григорій Гавриловичъ и Марѳа Петровна услышали и встрѣчали ужъ сами. Они глядѣли на него и ждали его слова. У Ивана Савича не нашлось сразу голоса и комната завихрилась у него въ глазахъ. Потомъ онъ сказалъ: все готово, Гриша. Сегодня.

— Ночью? проговорилъ Григорій Гавриловичъ.

— Нѣтъ, съ вечеру попозднѣе.

— Въ которомъ часу?

— Черезъ два часа будь у насъ.

Иванъ Савичъ воротился домой и утѣшилъ своего заботливаго товарища веселымъ лицомъ и шутками.

Солодкій былъ доволенъ; такъ доволенъ, что даже у него немножко обычной важности пропало.

— Мы казацкаго роду, говорилъ Солодкій.

— У насъ тоска не загостится, мы ее спровадимъ скоро, по казацки! По казацки, лихою объ землю!

— А знаешь, что я еще придумалъ? сказалъ Иванъ Савичъ. Онъ понизилъ голосъ и сказалъ, что придумалъ.

Солодкій засмѣялся.

— А что, хорошо будетъ? спросилъ Иванъ Савичъ.

— Хорошо, Иванъ, очень хорошо! только держи ухо востро!

У Малимоновыхъ все было печально. До Эрasta Антиповича дошло, что Крашовка уѣхалъ въ губернію. Эрастъ Антиповичъ этимъ обезпокоился: у него въ губерніи былъ давній врагъ, и этотъ врагъ только ждалъ случая, даже не случая, а только повода прицѣниться.

Павла Андреевна ходила огорченная и смущенная; ей было тошно заглянуть къ Настѣ. Настя съ тоской у ней спрашивала:

— Что я вамъ сдѣлала? Или вы не знаете, какъ мнѣ тяжело? Или вамъ весело мучить дѣвушку? За что вы меня погубить хотите?

— Ахъ, какъ она горюетъ! какъ она, бѣдная, горюетъ! говорила Павла Андреевна Копытѣ.

Копыта ей ничего не отвѣчалъ, только все мрачнѣй да мрачнѣй на нее взглядывалъ, а когда она говорила Эрасту Антиповичу, Эрастъ Антиповичъ ей отвѣчалъ, что снявши голову по волосамъ не плачутъ, что теперь поздно сокрушаться.

— Да жалко мнѣ ее! говорила Павла Андреевна.

— Что жъ дѣлать что жалко? Жалко не жалко, а за Копыту отдавай, коли не хочешь, чтобъ онъ насъ всѣхъ съ лица земли стеръ!

— Ахъ, Эрастъ Антиповичъ! ужъ онъ мнѣ разъ пригрозилъ!

— Мнѣ не грозилъ, да я его и безъ грозьбы насквозь вижу, что онъ за птица. Кто знаетъ, какъ примется Крашовкина жалоба. Придерутся къ тому, что сироту притѣсняю да и пойдутъ ни-въ-сть чего доискиваться... и если Копыта не заступится... Теперь дѣло въ томъ, чтобы онъ заступился.

— Онъ заступится! сказала Павла Андреевна. Я ручаюсь!

— Не ручайся и за себя, не только что за стараго скрягу!

— Онъ всегда обѣщаль...

— Ну, ну. Нечего дѣлать, будемъ уповать на доброе!

— Ахъ, я Настѣ счастья желала! Я желаю ей счастья!

— Чего жъ пицишь-то Павла Андреевна! Я вѣрю тебѣ! эхъ!

Тихонько отворилась дверь въ Настину комнатку и тихонько вошла Хима, и дала знакъ молчать; подошла къ Настѣ, обняла, крѣпко поцѣловала.

— Хима, бѣги туда... бѣги къ нему... скажи ему... заговорила Настя и гнала Химу изъ комнатки.

— Не тоскуйте, не плачьте, шептала Хима, погодите.

— Ахъ, Хима! я не видала его давно! Иди, скажи ему!

Отд. I.

¹/₂5

Ты не знаешь, какая я несчастная... Иди, иди къ нему...

— Тише, тише! Онъ придетъ...

Ахъ, тише, тише! Услышутъ—все тогда пропало!

— Гдѣ онъ? гдѣ? Когда придетъ?

— Сядьте смирно, слушайте смирно, смирно! смирно!

— Настя молила: скажи, скажи!

— Сегодня вечеромъ придетъ онъ подь ваше окно; тише, тише! Онъ придетъ съ товарищами и васъ украдетъ, тише. Скажите, что голова болить, идите пораньше... помните, все надо тихо, тихо!

— Да, да, да, повторяла Настя.

Дрожала она вся какъ листокъ.

— Поспокойнѣй глядите, говорила Хима, чтобъ ни въ чемъ незаподозрили.

Послышались шаги Павлы Андреевны. Хима взяла въ руки стаканъ съ водой. Вошла Павла Андреевна.

— Ты, Настя, воду пьешь? спросила она какъ виноватая. Хочешь сыроу?

— Я нездорова, проговорила Настя.

— Ахъ, Боже! что жъ у тебя болить?

— Голова болить.

— Ахъ, Боже мой! ахъ, Боже мой! Ты, Настя, лягъ; ты Настя усни!

— Да, да, идите, я лягу, отвѣчала Настя, идите, я лягу. Павла Андреевна и Хима ушли.

— Настя нездорова, сказала Павла Андреевна въ гостиной, тамъ былъ Копыта, и Эрастъ Антиповичъ, оба сидѣли молча. Копыта вскочилъ: больна, больна? проговорилъ онъ.

— Что такое съ нею? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Ахъ, у ней голова болить. Она спать легла.

— Выспится и пройдетъ—голова это не опасно, сказалъ Эрастъ Антиповичъ. Не беспокойтесь, Данило Самойловичъ.

Данило Самойловичъ посидѣлъ еще у нихъ недолго, не говоря ни слова, и ушелъ домой въ свою неприютную комнату. Онъ былъ очень угрюмъ, мраченъ и гнѣвенъ. Каждый день прожитый ложился на него, какъ гора; ему было все душнѣй, все тошнѣй. Его жгло безпокойство, нетерпѣнье; его ревность терзала.

Быль десятый часъ вечера на исходѣ. Павла Андреевна сидѣла съ Эрастомъ Антиповичемъ вдвоемъ.

Оба были скучны очень.

— Господи, какъ у меня тяжело что-то на сердцѣ! сказала Павла Андреевна.

На это Эрастъ Антиповичъ ничего не отвѣчалъ.

— И тебѣ тяжело? спросила она его, а?

— Эхъ, Павла Андреевна! проговорилъ Эрастъ Антиповичъ.

Постучались у дверей съ улицы.

— Кто-то стучится, слышишь? сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Кого это принесло!

— Кто бы это? Не Данило ли Самойловичъ? сказала Павла Андреевна.

Эрастъ Антиповичъ взялъ свѣчу и пошелъ отворять. Павла Андреевна выглядывала изъ-за дверей.

Вошелъ полный, чернородый человѣкъ, высокаго росту, въ синемъ долгополомъ кафтанѣ, съ виду купецъ. Онъ снялъ съ головы бархатный картузь и низко Эрасту Антиповичу поклонился.

— Начальника ли города сподобилъ Богъ меня увидать передъ собою, сказалъ этотъ человѣкъ. Онъ говорилъ словно не своимъ голосомъ, какъ-то глухо, изъ горла.

— Кто вы такой? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Купецъ Решетовъ изъ П. Батюшка, сахаромъ тамъ торгую.

— Что вамъ угодно?

— Извините, что осмѣлился къ вамъ явиться поздно; опоздалъ, батюшка, опоздалъ. Потому опоздалъ, что лошадь у меня коренная захромала...

— Что же вамъ отъ меня надо?

— Да обидѣлъ меня вашъ купецъ Желтуха. Я приѣхалъ на него суда просить.

— У насъ купецъ Желтуха хорошій человѣкъ, сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Какъ вамъ угодно, батюшка, только онъ меня оби-

дѣлъ. Явите надъ нами правосудіе, я за правосудіе тысячи не пожалѣю!

— Да войдите въ комнату, въ гостиную, что жъ мы тутъ стоимъ?

Эрастъ Антиповичъ ввелъ купца въ гостиную, показавъ на Павлу Андреевну и сказалъ: жена моя—купецъ ей поклонился въ поясъ, а Павла Андреевна ему поклонилась ласково.

— Садитесь, прошу покорно, сказалъ Эрастъ Антиповичъ купцу, какъ ваше имя отчество?

— Еремѣй Еремѣичъ Решетовъ, батюшка.

— А! изъ великой Россіи?

— Точно такъ-съ.

— Я самъ изъ великой Россіи.

— А давно, батюшка?

— Какъ же не давно-то... лѣтъ ужъ тридцать живу здѣсь.

— И хорошо, батюшка, живете?

— Живется помаленьку.

— А супруга не изволить скучать?

— Ничего.

— Скучаю! проговорила Павла Андреевна. У насъ городокъ невеселый.

— Ярмарокъ видно не бываетъ, сударыня? спросилъ купецъ.

— Пустыя ярмарки, сказалъ Эрастъ Антиповичъ. Ну, рассказывайте свое дѣло. Поди, Павла Андреевна, не мѣшай намъ.

— Помилуйте, отъ вашей супруги какая жъ помѣха? Оставайтесь, сударыня, оставайтесь! говорилъ купецъ.

Павла Андреевна осталась.

— Ну, рассказывайте, настаивалъ Эрастъ Антиповичъ: купецъ сталъ рассказывать и рассказывалъ онъ медленно чрезвычайно, что называется зимовалъ на каждомъ словѣ, прилеталъ къ разсказу своихъ родныхъ и знакомыхъ, пожары прошлагодніе, дѣны настоящія, будущій конецъ свѣта...

Эраста Антиповича уже нетерпѣнье брахо, какъ вдругъ купецъ всталъ, поклонился и сказалъ: я привезъ вамъ, ба-

тлюшка, двадцать головокъ сахару, не побрегайте моимъ усердіемъ.

— Покорно благодарю, Еремѣй Еремѣичъ, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ. Покорно благодарю!

— У меня тутъ подъ воротами паробокъ стоитъ—позвольте, я ему крикну.

— Хорошо, Еремѣй Еремѣичъ, хорошо, крикните.

Купецъ вышелъ проворно и крикнулъ громко; сейчасъ же показался паробокъ съ головами сахару на плечахъ.

— Экой азіать у васъ паробокъ—то! сказала Эрастъ Антиповичъ.

— Да—съ именно азіать. Позвольте тутъ въ прихожей сахаръ сложить?

— Хорошо, хорошо, я вамъ посвѣчу.

Эрастъ Антиповичъ свѣтилъ, паробокъ носилъ и складывалъ сахарныя головы, а купецъ считалъ—насчиталъ двадцать и опять Эрасту Антиповичу поклонился, потомъ поклонился Павлѣ Андреевнѣ, что стояла тутъ—же, а на паробка махнулъ рукою, велѣлъ ему идти на постоянный дворъ. Паробокъ ушелъ.

Эрастъ Антиповичъ и Павла Андреевна оба поблагодарила купца.

— А дѣла—то все-таки не рассказали! Рассказывайте, говорилъ Эрастъ Антиповичъ.

Купецъ опять принялся свое дѣло рассказывать...

— Одѣвайтесь потеплѣй, на дворѣ морозъ такой, что звѣзды пляшутъ, шептала Хима Настѣ.

— Придутъ ли они, придутъ ли?

— Ждите, ждите, будьте готовы. Прощайте! Счастливаго пути, хорошаго, веселаго житья!

Дѣвушки обнялись и долго цѣловали другъ друга.

Хима ушла и затворила двери.

Настя стала прислушиваться и ждать. Какой шумъ, какой звукъ или отголосокъ ни донесется къ ней по холодному вечернему воздуху—отъ всего она вздрагиваетъ и ждетъ, ждетъ... Ей то жарко, то холодно. Вдругъ шаги... быстрые, быстрые шаги... Это онъ!

— Настя! Настя!

— Я жду, я жду! отвѣчаетъ Настя. Онъ подрѣзываетъ раму, Господи, какъ страшно! Рама вынута.

— Настя, отвори, отвори.

Настя дрожащими руками открываетъ окно... отворила! Григорій Гавриловичъ схватываетъ ее на руки и она въ саду. Они бѣгутъ рука съ рукой по саду, къ оградѣ. За оградой сани тройкой. Григорій Гавриловичъ переноситъ Настю черезъ ограду; они садятся въ сани и сани летятъ стрѣлой; снѣгъ взвизгиваетъ подъ полозьями; звѣзды ярко мигаютъ на небѣ; сердце еще трепещетъ отъ недавнихъ страховъ и ужъ полно радостью.

А въ гостиной у Малимоновыхъ купецъ свое дѣло разсказалъ, по его разсказу купецъ Желтуха у него обманомъ сахаръ перекупилъ.

— Заступитесь, батюшка, за меня! просилъ купецъ.

— Гмъ! отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Я не пожалѣю и тысячи, только бы мнѣ своему обидчику отплатить.

— Не унывайте, Еремѣй Еремѣичъ, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ, положитесь на меня.

— На васъ вся моя надежда, батюшка, сказалъ купецъ.

— А знаете ли, что мнѣ ваше лицо ужасно знакомо—я гдѣ-то васъ должно быть встрѣчалъ, сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Много чести, отвѣтилъ купецъ съ поклономъ.

— И мнѣ знакомо, сказала Павла Андреевна.

— Много чести, сударыня, отвѣтилъ ей купецъ тоже съ поклономъ.

— Только вотъ голосъ у васъ... голосъ какой-то незнакомый... сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

— Простуда можетъ? спросила Павла Андреевна.

— Да-съ, простуда, отвѣчалъ купецъ.

На улицѣ слышалась веселая пѣсня. Кто-то пѣлъ очень весело: «Ой бувъ та нема».

Купецъ сталъ откланиваться и прощаться.

— Приходите завтра, говорилъ ему Эрастъ Антиповичъ.

— Приходите, сказала Павла Андреевна.

— Не премину, отвѣчалъ купецъ, не премину-съ.

Купецъ ушелъ, а Павла Андреевна сказала: Такъ окучно теперь, что всякому я рада. Пока былъ купецъ, все лучше, а теперь опять тоска. И спать не хочется.

— Ужъ поздно, пора спать, отвѣчалъ Эрастъ Антиповичъ. Смотри-ка, скоро полночь.

Ночь прошла, наступило утро.

— Ахъ, что это такое! вскрикнула Павла Андреевна.

— Гдѣ? что? спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Ахъ, здѣсь... сахаръ... ахъ, Боже мой!

Въ прихожей вода текла ручьями. Яркое солнышко весело свѣтило въ окна; весело трещала затопленная печь, а отъ вчерашняго приношенія, отъ головъ сахару остались только мокрая синяя бумага, да куски обтаявшаго снѣга.

Эрастъ Антиповичъ глазамъ своимъ не вѣрилъ; онъ стоялъ какъ громомъ пораженный нѣсколько минутъ. Павла Андреевна покамѣстъ ахала, ахала, удивлялась, спрашивала и терялась въ догадкахъ.

— Что Настя? вдругъ спросилъ Эрастъ Антиповичъ.

— Она вѣрно спитъ, я ее еще не видала сегодня.

— Поди къ ней... поди, погляди сейчасъ.

— Зачѣмъ?

— Поди, поди... И Эрастъ Антиповичъ самъ поспѣшно пошелъ за нею къ Настѣ.

Комната Насти пуста. Окно настезь.

— Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! заахала Павла Андреевна.

— Ну, пришла бѣда, отвориай ворота! сказалъ Эрастъ Антиповичъ.

Созвали людей, никто ничего не знаетъ, не вѣдаетъ; никто ничего не слышалъ, не видалъ.

Пришелъ Данило Самойловичъ.

— Ахъ, Данило Самойловичъ! проговорила Павла Андреевна. Ахъ, Данило Самойловичъ!

— Что такое? Что случилось? вскрикнулъ Данило Самойловичъ и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.

— Насти нѣтъ! Настю украли!

У Данилы Самойловича все въ глазахъ померкло.

— Ахъ, Боже мой! онъ умираетъ, закричала Павла Андреевна.

Эрастъ Антиповичъ было бросился его поддержать, но Данило Самойловичъ оттолкнулъ его отъ себя и выбѣжалъ. Онъ прибѣжалъ домой и закричалъ: «лошадей, лошадей!»

— Лошади еще не пришли изъ деревни, отвѣчала ему Ганка.

Онъ сталъ какъ безумный, бросалъ деньги пригоршнями и кричалъ лошадей! Ганка испугалась и спряталась отъ него.

Онъ побѣжалъ опять къ Малимоновымъ съ тѣми же криками—лошадей! Тамъ со страху сейчасъ ему дали лошадь и санки—онъ бросился въ нихъ и немилосердно погналъ лошадь, помчался по первой дорогѣ, что попалась.

Къ утру бѣглецы приѣхали въ село Гуньки, прямо къ попу на широкій дворъ. Наймитъ бросилъ дрова рубить, наймишка бросила коромысло; молодой попъ съ попадѣей выбѣжали на встрѣчу.

— Все у васъ готово? спросилъ Солодкій.

— Все готово, отвѣчалъ молодой попъ.

— Ну, такъ съ Богомъ! пойдете въ церковь.

И пошли въ церковь.

Въ маленькой, вѣтхонькой церквѣ и перевѣчались.

Настю послѣ бессонныхъ ночей и тревогъ клонилъ сильный сонъ; рѣзвые ножки ея подкашивались; не то довелъ, не то донесъ ее молодой до саней и посадилъ усталую, иззябшую и счастливую. Она слышала, словно въ полудремотѣ, въ полуснѣ, какъ попъ пріятнымъ, тонкимъ голосомъ желаетъ многія лѣта, а за нимъ подхватываетъ дьяконъ и дьячокъ басами—она слышала, но сама ни слова не могла вымолвить. Глаза ея закрывались отъ блеска синяго неба, отъ яркаго бѣлаго снѣга, отъ сіяющаго солнца.

— Бѣдняжка, какъ измучилась, слышала Настя милый голосъ и хотѣла сказать: мнѣ хорошо,—уста ея не промолвили, хотѣла хотя взглянуть—глаза не открылись. Сладко и крѣпко она уснула.

Молодые были въ бѣгахъ двѣ недѣли. Они прятались на хуторѣ у Робоча, у пріятеля Солодкаго, въ тепломъ и свѣтломъ домигѣ.

Робочъ былъ радушный, добрый и веселый человѣкъ; къ тому же онъ любилъ всякія необыкновенныя происшествія

и тѣшился ими. Онъ былъ радъ гостямъ своимъ; ужасно хлопоталъ каждый день объ обѣдѣ, спорилъ по дому съ своей старушкой кухаркой и всякій разъ подъ конецъ спора сулилъ ей купить хорошій платокъ на голову или чоботы новые, или еще что нибудь. Кухарка не терпѣла, когда съ ней спорили, но у ней было пристрастіе къ новымъ платкамъ съ каймой, къ новымъ чоботамъ, ко всему новому, а самое главное она была женщина добрая, никому печали не хотѣла; молодость, любовь и красота очень трогали ея сердце тоже — поэтому всему обѣды были чудесные и гостей угощали то тѣмъ, то другимъ. Робочъ даже накупилъ пѣвчихъ птичекъ, чтобъ въ домѣ было веселѣй; накупилъ красныхъ скатертей и хрустальныхъ стакановъ, чтобы было праздничнѣй; онъ нашелъ какого-то стараго скрипача, чтобы игралъ разныя веселыя вещи и самъ иногда танцевалъ завернувши вверхъ длинные свои усы. Робочъ съ большой грустью простился съ молодыми, а молодые пріѣхали въ городъ, поселились у матери, и всѣ вмѣстѣ тихонько зажили. Черноусый Василь рассказывалъ, что тамъ въ домѣ счастливо съ утра и до вечера и говорилъ тоже черноусый Василь, что и ему давно пора жениться, и что онъ рѣшилъ — какъ выйдетъ ему годъ у хояина, такъ онъ и женится.

Хима украдкой прибѣгала къ молодымъ и оттуда возвращалась такая веселая, довольная; и кухарка побывала тамъ, и дѣвочка Ганка — а послѣ у нихъ о молодыхъ были разговоры шепотомъ долгіе и пріятные, даже Яковъ мимо домика прошелъ и когда кланялся молодымъ, такъ усмѣхнулся.

Павла Андреевна скоро перестала сердиться и пожелала видѣть Настю, но Эрастъ Антиповичъ этого не допустилъ: онъ говорилъ, что боится Копыты, что ждетъ его со дня на день, что Копыта будетъ мстить и ему, когда узнаетъ, что они въ дружбѣ съ молодыми. Павла Андреевна слушалась, плакала и жаловался.

— Копыта пропалъ, чего жъ его бояться, говорила она.

Надо сказать, что Копыта, какъ поѣхалъ въ догонку за молодыми, такъ съ той поры словно въ воду канулъ. Не было слуху ни о лошади, ни о санкахъ Малимоновыхъ.

Кромѣ того, что боялся Эрастъ Антиповичъ Копыты,

Отд. I.

онъ не могъ ни забыть, ни простить надъ собой насмѣшкѣ, хотя на другое сердце у него было отходчивое.

— Не стыдно тебѣ сердиться такъ долго? спрашивала его Павла Андреевна.

— Я ихъ не трогаю, пусть же Бога за это благодарятъ; а вотъ Лепехъ и Солодкому я объ себѣ какъ нибудь да напомнимъ. За сахаръ хотя медомъ имъ отплатчу!

Да не удалось ничѣмъ отплатить.

Послѣ смѣху и шутокъ, и переодѣванья, на Лепеху опять тоска напала, да еще больше, еще несноснѣй: онъ раздумывалъ, совѣтовался съ Солодкимъ и наконецъ положилъ идти далѣе и счастья поискать гдѣ нибудь подальше. Собрался онъ идти въ Одессу. Солодкій не отсталъ отъ товарища и заказалъ себѣ съ нимъ одинаковые сапоги на дорожку.

— Что жъ вы думаете? спрашивали у нихъ молодые при прощаньи.

У нихъ было думъ много: можетъ поступать матросами, поѣдутъ по морю въ чужія страны; можетъ проберутся въ Крымъ; можетъ въ полкъ пойдутъ...

— Дай Богъ счастья во всемъ! говорили имъ провожаемые. Дай Богъ всего добраго! И долго повторялось имъ въ слѣдъ: счастья, счастья! добраго, всего добраго!

— Счастія намъ желаютъ, всего добраго намъ желаютъ, сказалъ Лепеха товарищу, когда они шли по дорогѣ подъ весеннимъ солнышкомъ—словно счастье и все доброе только стоитъ поднять на пути да въ карманъ положить!

— Конечно, не всякому дается, отвѣчалъ Солодкій ему, а за хорошее желанье спасибо имъ; видишь ли, они намъ пожелали, что самимъ имъ Богъ далъ — они счастливы и намъ того жъ пожелали.

Иванъ Савичъ вспомнилъ какъ они счастливы. Глядятъ такъ смѣло и ясно, говорятъ такъ тихо и нѣжно... Думалось ему: уйдетъ, такъ будетъ ему легче, а вотъ ушелъ стало будто тяжело и всего стало жалко: жалко молодыхъ, счастливыхъ ихъ лицъ не видать; жалко ховяйки-старушки спокойной, твердой и доброй; жалко веселыхъ тамошнихъ рѣ-

чей и лукавой Меласи жалко, и бѣлаго домика ихъ, и зеленого садика.

О Копытѣ стали слухи ходить, что его чортъ унесъ съ собою, что все его золото вспыхнуло и перегорѣло въ уголья, что у него въ домѣ воетъ кто-то по ночамъ; удивлялись, какъ старая Ганка въ такомъ домѣ живетъ и стали на нее посматривать не только съ жалостью, какъ бывало, а посматривали и со страхомъ.

А вправду-то въ домѣ было тихо словно въ могилѣ; одинокая старая Ганка чинила да перечинивала свою ветхую одежду, болѣла безъ помощи и одиноко ждала, когда ее Богъ приберетъ, когда ее земля возьметъ.

Вдругъ лѣтомъ, неожиданно пріѣхалъ Копыта; еще худѣй, еще угрюмѣй онъ былъ. Вошелъ въ домъ, отперъ замки, пересчиталъ деньги, пересмотрѣлъ всѣ пожитки; онъ пробылъ два дня дома—никого не видалъ, никуда не пошелъ.

Въ эти два дня Ганка старая слышала, какъ онъ стоналъ и у нея морозъ пробѣгалъ по кожѣ при этихъ столахъ—страшно было, жаль было. Черезъ два дня Копыта уѣхалъ въ дальній свой хуторъ. Онъ жилъ тамъ какъ колдунъ — одинъ всегда, всегда золъ и немилостивъ. Сперва домъ въ городѣ онъ продалъ, потомъ продалъ всѣ свои имѣнья, забралъ деньги; живетъ въ хуторкѣ, всѣхъ пугаетъ, самъ всего боится, считаетъ и охраняетъ свою золотую казну, подозрѣваетъ старую Ганку въ злыхъ умыслахъ, въ кражѣ, грозитъ ей и сулитъ страшное мщенье.

Ганка все еще служить ему; ее еще земля не взяла, еще Богъ не прибралъ.

МАРКО ВОВЧОКЪ.

Эпиграфъ къ цѣснямъ.

Изъ Гейне.

Какъ лѣтомъ колосья на нивѣ,
Въ умѣ человѣческомъ зрѣютъ,
Ростутъ и волнуются мысли.
А завѣтныя мысли поэтовъ
Подобны цвѣткамъ, и лазурнымъ и алымъ,
Пестрѣющимъ между колосьевъ.

Цвѣтки пригожіе! васъ топчетъ жнецъ суровый
И вырываетъ съ плеледами вонъ;
Порой нечаянно бьетъ васъ цѣпь дубовый...
И даже праздный вѣтрогонъ,
Встрѣчающій васъ лаской и привѣтомъ,
Любующійся вашей красотой,
Подчасъ, сомнительно качая головой,
Зоветь васъ милымъ пустоцвѣтомъ.

За то красавица, плетущая вѣнки,
Не забываетъ васъ, гонимые цвѣтки:
Она сорветъ васъ ручкой благосклонной,
На молодой груди продлитъ вамъ лѣтній зной,
Украситъ вами локонь золотой,
На пляски рѣзвья спѣша на лугъ зеленый,
Гдѣ скрипка съ флейтою такъ сладостно звучать;
Или подъ тѣнь гостепріимныхъ липокъ,
Гдѣ голосъ милаго отраднѣе сто кратъ
И флейтъ и скрипокъ.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

АРШУШКА.

V.

Прошелъ годъ. Петръ Петровичъ съ женой живётъ въ Петербургѣ; онъ занимаетъ великолѣпную квартиру, дѣлаетъ вечера, обѣды, въ домѣ его съ утра до ночи толпятся гости, одни лица смѣняются другими. Кто по дѣлу, кто отъ бездѣлья, съ параднымъ визитомъ, съ низкимъ поклономъ, съ всенижайшей просьбой. Время идетъ быстро, незамѣтно, не то что въ деревнѣ; пройдетъ день и останется отъ него въ головѣ шумъ, тягость, хаосъ какой-то, даже отчета не можешь дать себѣ, чтó въ теченіи этого дня занимало, тревожило тебя, какими вопросами интересовался умъ, какимъ чувствомъ билось сердце—всего понемножку, всего отвѣдалъ, да ничѣмъ не насытился. Петръ Петровичъ сталъ еще величественнѣе, еще эффектиѣе; стоило взглянуть на него, когда онъ послѣ изящнаго обѣда, развалился въ большомъ мягкомъ креслѣ передъ пылающимъ каминомъ, чинно бесѣдовалъ съ окружающими его гостями. Съ какою увѣренностью въ собственной непогрѣшимости говорилъ онъ, какъ вытянувъ впередъ нижнюю губу курилъ сигару, щурилъ глаза и сплевывалъ на сторону, какъ выходилъ въ пріемную, какъ склонивъ голову, терпѣливо, съ думой на лицѣ, выслушивалъ

Отд. I.

просителя, какъ звуками безъ словъ отвѣчалъ на его поклоны и слезы, какъ читалъ наставленія младшимъ, какъ трактовалъ съ родными, преданными ему старушками и прочее. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Петръ Петровичъ становился выше самого себя, выше всякаго описанія,—орелъ да и все тутъ. Лице его сіяло такимъ весельемъ, такимъ внутреннимъ самодовольствомъ, что простой, обыкновенный чело-вѣкъ, взглянувши на него въ подобную минуту, чувствовалъ и страхъ. и благоговѣніе, и удивленіе, и что-то такое пріятное, замирающее въ крови, бѣгающее по тѣлу. Не всегда впрочемъ Петръ Петровичъ драпировался этимъ театральнымъ эффектомъ: иногда, замѣтно для самого себя, онъ спускался съ ходуль и становился простымъ, ворчливымъ, мелочнымъ старикомъ.

Въ послѣднее время въ характерѣ его начала выказываться какая-то незамѣтная прежде, старческая раздражительность, почти злоба, недоувѣріе ко всему окружающему. Онъ безпрестанно на что нибудь сердился, безпрестанно придирался то къ тому, то къ другому и наказывалъ виновнаго иногда черезъ-чуръ жестоко. Увидить стулъ не на мѣстѣ—бѣда, трубку не скоро подадутъ—опять бѣда, за обѣдомъ поваръ кушанье пересолить, дрова въ печкѣ затрепцать, у кучера лошадь захромаетъ, кто нибудь изъ прислуги взглянетъ не такъ,—все равно, бѣда всему дому, вѣдь, кто на глаза попадется. Ему казалось, что всё обманываютъ, обворовываютъ, даже разоряютъ его; и странное дѣло—Петръ Петровичъ иногда сорилъ деньгами, давалъ въ долгъ безъ отдачи, помогалъ даже постороннимъ лицамъ, какъ будто хотѣлъ прославить себя, удивить всѣхъ своимъ богатствомъ, своею щедростью и вдругъ придирался къ какому нибудь самому мелочному домашнему расходу, къ сальной свѣчкѣ, къ людскому черному хлѣбу и тому подобнымъ предметамъ; точно грошами, оторванными отъ необходимости, хотѣлъ замѣнить летѣвшія для тщеславія тысячи. Крѣпостной чело-вѣкъ Колотырника, исправлявшій должность лакея, за одно подозрѣніе въ кражѣ съ барскаго стола двугривеннаго, попалъ въ солдаты; старая женщина, лѣтъ двадцать пять прожившая въ домѣ, за излишнюю трату кофея, сослана въ

дальнюю деревню; комнатный мальчикъ, пойманный съ двумя кусками господскаго сахару, былъ больно выюфченъ. Вся прислуга трепетала, ходила на цыпочкахъ, не знала какъ угодить барину, какъ глядѣть на него, какимъ средствомъ избавиться отъ незаслуженныхъ подоврѣній и все напрасно: вслѣдствіе дня новая напасть, новые жестокіе удары. Только иногда, временно, Петръ Петровичъ бросалъ эти домашнія дрязги, онъ какъ будто забывалъ все въ домѣ, не сіялъ, не блестялъ даже, говорилъ иначе, хмурился, ежился, сказывался нездоровымъ, никого не принималъ къ себѣ и по дѣльнымъ днямъ или ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, или лежалъ на диванѣ; а приходило время и, не надолго заснувшій левъ, снова вступалъ въ права свои, принималъ свой прежній образъ, становился еще большей грозой—чѣмъ-то неимоверно гордымъ, почти недосыгаемымъ. На Аринушку Петръ Петровичъ, казалось, махнулъ рукой, совершенно забылъ про нее: ему было все равно—весела она или печальна, здорова или больна, существуетъ или нѣтъ. Въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ вывозилъ жену, пышно, богато наряжалъ ее, представлялъ роднымъ и знакомымъ, заставлялъ играть нѣкоторую роль, училъ что и какъ говорить, какъ гдѣ держать себя, съ кѣмъ быть особенно обходительной; но этимъ наружнымъ показомъ, этою парадною, блестящею выставкою супруги кончились всѣ обязанности мужа; онъ даже не зналъ, какъ проводить время жена его, что дѣлаетъ, дома она или нѣтъ; иной день совершенно не видался съ ней, иногда видался мелькомъ или случайно, или въ установленный часъ обѣда, завтрака; говорилъ тогда, когда поневолѣ приходилось говорить, да и то или отдавалъ приказанія, или ворчалъ на что нибудь, или передавалъ какую нибудь самую пустую, обыденную новость.

— Завтра Змѣйкины звали; тебѣ нужно ѣхать, говорилъ онъ отрывисто, даже не глядя на Аринушку.

— Хорошо, отвѣчала послѣдняя.

— Морозъ сегодня, градусовъ двадцать есть, замѣчалъ Петръ Петровичъ. А?.. добавлялъ онъ вопросительно.

— Я ничего не говорю, попрежнему отвѣчала Арина Сергѣевна.

*

— Знаю, что ничего! промвносилъ супругъ продолжительно зѣвая и вдругъ, какъ-бы почувствовавъ внезапное влеченіе къ брани, перемѣнялъ тонъ, хмурилъ лицо.

— А здѣсь что-то холодно. Я этого мерзавца, Андриушку, топить выучу; онъ, свинья, барскіе дрова продаетъ, мошенничаетъ, на конюшнѣ давно не былъ.. Холодно здѣсь, очень холодно! добавляя онъ, обращаясь къ женѣ, какъ будто что-то приказывалъ ей.

— Не знаю какъ вамъ,—миѣ не холодно, замѣчала послѣдняя.

— Какъ не холодно, вздоръ!.. Миѣ холодно, вздору терпѣть не могу. Не холодно,—зябнетъ сама, замерала совсѣмъ, вонъ и руки красныя! Богъ знаетъ почему заключалъ Петръ Петровичъ.

Подобнаго содержанія разговоръ возобновлялся каждый разъ, когда только мужъ удостоивалъ разговоромъ жену свою.

Несмотря на это видимое отчужденіе, на сухость, даже жесткость обращенія, Петръ Петровичъ нисколько не былъ сердитъ на Аринушку; сердиться было не за что, она только стояла у него въ сторонѣ, тамъ гдѣ-то на послѣднемъ планѣ, въ тѣни, какъ вещь не новая, давно всѣмъ извѣстная. Ему даже и въ голову не приходило, что эта жена могла быть чѣмъ нибудь недовольна, что ей недостаетъ чего-то, что онъ обращается съ ней не совсѣмъ по-человѣчески. Напротивъ, еслибы случилось поспорить, Колотырниковъ увѣрилъ бы всѣхъ и cadaго, что онъ мужъ примѣрный, образцовый, ласковый, предупредительный; что всякая женщина, соединившая съ нимъ судьбу свою, должна быть непремѣнно счастлива. Въ самомъ дѣлѣ, чего жъ больше? Законъ исполненъ, всѣ формы, всѣ приличія соблюдены, живеть въ теплѣ, сыта, одѣта, обута, ни заботъ, ни горя не знаетъ! Не жизнь, а блаженство!

Дѣйствительно, судя по наружности, Петръ Петровичъ и не ошибался; Арина Сергѣевна не охала, не вадыхала, не жаловалась, при постороннихъ людяхъ улыбалась, казалась довольно спокойною; жизнь ея походила на какой-то тяжелый, продолжительный сонъ. По цѣлымъ днямъ сидѣла она, запершись въ своей отдаленной, простенькой спальнѣ, нико-

го не видала, ни съ кѣмъ не говорила; да и съ кѣмъ было говорить ей? Роднымъ и знакомымъ мужа она не нравилась: они тотчасъ узнали всю подноготную ея дѣвчества, завидовали, важничали передъ ней, иногда украдкой кололи ей глаза, а нѣкоторые просто, чуть не отвернувшись отъ нея, соблюдали только установленныя правила вѣжливости, то есть кланялись, спрашивали о здоровьи, да не хотя звали къ себѣ въ гости. Аринушка, съ своей стороны, не старалась заискивать ихъ расположенія, не навязывалась на ихъ дружбу; она даже рада была ихъ отчужденію, потому что не видѣла между ними ни одного человѣка близкаго, равнаго себѣ, думающаго одинаково съ нею, не слышала ни одного живаго, искренняго слова; всё ихъ движенія, всё чувства вѣяли какимъ-то холодомъ, были непонятны для Арины Сергѣевны, даже неприятно, болѣзненно дѣйствовали на ея нервы.

Она бы рада была совершенно не ѣздить къ нимъ, избавитесь отъ ихъ докучныхъ, чопорныхъ посѣщеній, но мужъ или тащилъ ее съ собою, или заставлялъ сдѣлать какой нибудь церемонный визитъ, и она волею или неволею исполняла приказаніе, повиновалась какъ автоматъ, одѣвалась, ѣхала; дома при гостяхъ играла роль ключницы, бѣгала, хлопотала; въ гостяхъ, при мужѣ, безъ мужа, оставалась на второмъ планѣ, странною, неловкою, всеми забытою, и только возвратясь къ себѣ въ комнату легко, свободно вздыхала.

Не мудрено, что при такой жизни, при такой отдѣльности отъ всего окружающаго, Аринушка стала искать сочувствія въ обществѣ низшемъ себя, въ людяхъ угнетенныхъ, загнанныхъ. Въ этихъ людяхъ она какъ бы отыскивала свое отраженіе, свою судьбу злосчастную, видѣла въ нихъ что-то родное, близкое, подобное самой себѣ и дѣлилась съ ними всею тѣмъ, что камнемъ давило душу, чѣмъ ныло сердце. Часто она какъ-то дружески, фамиліарно, совѣтъ не по барски разговаривала то съ однимъ, то съ другимъ членомъ своей прислуги, вызывала его на откровенность, прислушивалась къ его боли, къ его страданіямъ. Единственнымъ, лучшимъ другомъ ея была горничная Татьяна, простая крѣпостная дѣвушка, съ рябымъ некрасивымъ лицомъ, вывезенная изъ сельца Петровокъ; съ ней она неразлучалась ни

днемъ, ни ночью, любила ее какъ сестру родную, плакала, раскрывала предъ ней свою душу и сердце.

— Садись, Таня, садись, голубушка, не стой передо мной, говорила она обыкновенно, когда горничная дичилась, я не хочу, чтобы ты стояла—не барыня я тебѣ; какая я барыня, не хочу, не умѣю барыней быть; люби ты меня, люби, Христа ради!.. Я для тебя все сдѣлаю, все... умирю на волю отпустить... люби меня только! Татьяна не знала, что говорить, краснѣла, мѣшалась, боялась опуститься на стулъ, боялась стоять и съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, смотрѣла на свою барыню.

За то прислуга съ своей стороны боготворила Арину Сергѣевну, видѣла въ ней свою заступу, свое спасеніе, хотя заступы въ дѣйствительности совсѣмъ не было. Часто провинившійся лакей или кучеръ вынрашивалъ у ней замолвить милостивое слово передъ Петромъ Петровичемъ. Въ такомъ случаѣ Аринушка совершенно терялась, не знала, что отвѣчать, что дѣлать; сердце ея ныло, душа болѣла, рвалась оказать помощь и знала, что оказать ее не въ состояніи.

— Что я могу сдѣлать тебѣ... Я скажу, все скажу, только онъ не послушаетъ меня, право не послушаетъ... Не такой человекъ онъ, говорила она какимъ-то оправдательнымъ тономъ, стараясь набѣгнуть умоляющихъ взглядовъ просителя; а разъ, дѣйствительно, попробовала смягчить Петра Петровича, но получила страшный выговоръ и, со стыдомъ, вся въ слезахъ удалилась въ спальню.

Да и не одна домашняя прислуга пользовалась особеннымъ, милостивымъ расположеніемъ Арины Сергѣевны; она часто приводила съ улицы, съ церковной паперти какуюнибудь искаженную горемъ старуху-бабу, поила, кормила, отогрѣвала ее, давала денегъ, плакала, слушая ее рассказы, а потомъ какъ будто радовалась, что нашла такую несчастную.

Иногда, по цѣлымъ днямъ, Аринушка оставалась одна одишошенька, всѣхъ гнала отъ себя, неисключая и Татьяны, забывала все и сосредоточивалась въ самой себѣ. Въ это время она даже не одѣвалась, не чесалась, ничего не шила,

не шла, ей все становилось противныиъ, несноснымъ, тѣло-
стнымъ; по нѣсколькѣ часовъ сряду она сидѣла безъ всяка-
го движенія, подперевъ обѣими руками голову, сердце ея
сильно билось; лице горѣло, глаза блуждали, точно искали
чего-то и не могли ни на чемъ остановиться; невыносимая,
мучительная тоска давила грудь ея. Иногда, лежа на кровати,
забывшись въ подушки, она стонала почти рыдая, по-
томъ въ какомъ-то изнеможеніи, распростершись на полу
передъ образомъ, замирающимъ шопотомъ призывала къ се-
бѣ Бога на помощь, а иногда, напротивъ, молитва тяготила
ее, не шла ей на умъ: она сидѣла оцѣпенѣвши, холодная,
блѣдная, дрожала, и своими черными глазами безучастно
смотрѣла на висѣвшій въ углу образъ.

Въ эти минуты ей чего-то не доставало; казалось, кака-
то внутренняя пустота мѣшала ей жить, требовала пищи,
воздуха. Въ эти минуты Аринушка готова была куда ни-
будь броситься, совершить что нибудь страшное, необычай-
ное, лишь бы заглушить свои страданія, чѣмъ нибудь ра-
зогнать ихъ, утолить свою нестерпимую жажду. Умъ ея пе-
ребѣгалъ съ предмета на предметъ, припоминалъ все видѣн-
ное, слышанное, уста шептали слова Романа Семеныча:
«Сердце свободно; у сердца нѣтъ ни закона, ни приличія»;
воображеніе рисовало какіе-то новые, незнакомые, чудные
образы, и къ этимъ образамъ стремилась Аринушка, протя-
гивала къ нимъ руки, мысленно отдавалась имъ, звала ихъ,
вся переносилась въ нихъ, забывалась мечтою и мечтою бы-
ла счастлива.

Однажды, за полночь, когда въ домѣ все спало, Арина
Сергѣевна, опустивъ голову и обнявъ колѣни руками, сидѣла
въ раздумьи на своей кровати. На полу, въ изголовьи ея,
ожорчившій подъ одѣяломъ, лежала горничная Татьяна. Въ
комнатѣ было совершенно тихо. Тусклая лампада передъ
образомъ слабо освѣщала ее.

— Таня? вдругъ прошептала Аринушка.

Горничная встрепенулась и высунула изъ-подъ одѣяла
голову.

— Вы кликнули, сударыня? спросила она.

— Не называй меня сударыней... Неужели и этой мило-

сти нельзя одѣлать; мнѣ противно это слово, меня давятъ оно—я хочу быть Аринушкой, хочу быть равной тебѣ.

Горничная ничего не отвѣчала.

— Помнишь, Таня, ты рассказывала—продолжала Арина Сергѣевна съ разоталовной—что наказало замужняя женщина полюбить посторонняго мундиму, бѣжала отъ мужа, а потомъ удавилась со стыда, съ горя... отчего это, чего боялась, чего стыдилась она?

— Какъ чего?.. отъ мужа-то... грѣхъ!

— Вѣдь она же любила, ее замужъ силой выдали; сердце нельзя молчать заставить, нельзя передѣлать его—въ сердца Богъ!.. она можетъ и не хотѣла бѣжать, да бѣжала, остановиться не могла, сердце приказало... Чего же стыдиться тутъ? добавила она вопросительно и, помолчавъ, продолжала: я бы не стыдилась, не боялась, нечего мнѣ стыдиться, я бы далеко бѣжала..; я тоже должна бѣжать, должна любить когонибудь, не знаю почему, должна только, такъ Богъ велѣлъ, такъ Богъ создалъ меня... Что, что я замужемъ, я обману мужа, пусть люди ненавидятъ, презираютъ меня, пусть преступницей назовутъ—мнѣ все равно; сердце выше ихъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать, если оно меня тянетъ, зоветъ, тащитъ куда-то; я удержаться не въ силахъ, да и захочу удерживаться, погубить оно меня—пусть губитъ, я безъ того погибла. Что мнѣ въ жизни этой, она смерти хуже.. я хочу зла себѣ! заключила Аринушка, и на глазахъ ея блеснули слезы.

— Господи, страсти какія, Господи, Иисусе Христе! крестясь, шептала Татьяна и со страхомъ глядѣла на госпожу свою.

— Время пришло! продолжала послѣдняя какими-то восторженными, задыхающимися отъ внутренняго волненія голосомъ. Пора, пора обросить съ себя эту волю чуждую, пора человѣкомъ быть, женщиной, пора любить!.. Кого?.. шепни ты мнѣ Таня, научи ты меня! Все мнѣ греется кто-то такой добрый, свѣтлый, съ кудрями черными, глаза его блещутъ, щеки горятъ, изъ устъ пламенемъ пышетъ; я слышу голосъ его: онъ зоветъ меня, онъ плачетъ вмѣстѣ со мною, гдѣ онъ?.. отыщи мнѣ его... онъ близко, близко, онъ здѣсь гдѣ-то; я люблю его, я пропаду вмѣстѣ съ нимъ, съ нимъ

стучию себя, съ нимъ на дно пойдю; въ немъ радость, въ немъ бѣда моя!.. Она замолчала и тяжело дышала; глаза ея сверкали въ ядлуракѣ.

— Съ нами крестная сила?.. Молитву сотворите... Это все дьяволъ смущаетъ, грѣху учить! произнесла горничная.

— Дьяволъ такъ дьяволъ, все равно, я ему отдамся! рѣшительно отвѣтила Аринушка.

Татьяна вадрогнула и вторично перекрестилась.

— Таня!—нѣсколько помолчавъ, спокойнѣе прежняго заговорила Арина Сергѣевна—помнишь ты была въ гостяхъ, на вечеръ на какомъ-то, не помню я, ты сказывала, что веселилась много?

— У писаря на имялиныхъ была, равнодушно отвѣтила горничная.

— Ты скоро опять въ такіе гости пойдешь, тебѣ хорошо, опять веселиться будешь?

— Пойду... чиновникъ тутъ живетъ, изъ простыхъ онъ, у нихъ балъ будетъ, звали наемни.

— Таня, возьми меня съ собой, вдругъ произнесла Аринушка.

Горничная съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Что это вы говорите, Арина Сергѣевна, нешто вамъ можно въ такіе гости идти.

— Я хочу идти, я сама такая; мнѣ душно, я веселиться хочу, хочу людей видѣть, хочу все забыть!

— Вы съ баринкомъ поѣзжайте, тамъ лучше.

— Тамъ хуже, Таня... тамъ противно, гадко, весело; тамъ все притворяются, тамъ не веселятся, а только бранять, ненавидятъ другъ друга; я веселья хочу, хочу захлебнуться имъ, задохнуться, съ ума сойти! Возьми меня, Таня, возьми, голубушка, я одѣнусь просто, ситцевое платье надѣну, никто не узнаетъ меня; я назовусь твоей сестрой, твоимъ другомъ, чѣмъ хочешь! Таня, Таня, возьми меня!

Она вдругъ спустилась съ кровати, схватила горничную за руки, и долго умоляющими глазами глядѣла на нее.

Татьяна не знала, что отвѣчать.

— Господь съ вами, только бѣду себѣ наживешь! Олыканое ли дѣло... сраму не оберешься!

— Бѣду... я рада бѣдѣ, я какую хочешь бѣду сыщу, сама ее выдумаю, какъ-то радостно отвѣтила Аринушка. Нѣтъ, ты должна меня взять, я тебѣ приказываю, я хочу такъ; не возражай—я одна пойду, одна дорогу найду, хуже будетъ; я одна отвѣчаю за все, добавила она повелительно.

— Какъ знаете, страшно только... покорно прешептала горничная.

Аринушка быстро нагнулась и крѣпко поцѣловала ее.

Татьяна вадрогнула и отняла свою голову.

— У васъ губы каменныя, вы нездоровы? съ испугомъ замѣтила она.

— Жарко здѣсь, я вся горю, вся въ огнѣ словно! отвѣтила Арина Сергѣевна, отняла свои руки, встала и повалилась на кровать.

Татьяна еще нѣсколько минутъ просидѣла на твоемъ своемъ, потомъ перекрестилась, прешептала какую-то молитву, тихо зѣвнула и свернулась подъ одѣяломъ кренделемъ.

Арина Сергѣевна всю ночь бредила. Она не спала, а только дремала; внутренній жаръ мучилъ ее, она безпрестанно вадрагивала, вскакивала на постелѣ, тревожно осматривалась вокругъ себя, пугливо къ чему-то прислушивалась и снова ложилась. Всю ночь ей мерещились какія-то фантастическія лица, ей казалось, что чье-то горячее дыханіе жгло лицо ея, чья-то крѣпкая рука давила ея руку, чей-то голосъ шепталъ надъ ея ухомъ. Утромъ Аринушка встала такая блѣдная, изнеможенная, что даже Петръ Петровичъ, за чаемъ, вадумалъ осведомиться о ея здорьви.

... Нѣсколько дней спустя, въ тускло освѣщенной небольшой комнатѣ, наполненной облаками табачнаго дыма, съ растрескавшимся ходячимъ поломъ, съ грязными закопченными стѣнами, подъ звуки разбитаго фортепьяно, контрабаса, да янеливой скрипки, нѣсколько человекъ мужчинъ и женщинъ дружно, весело, непринужденно выдѣлывали одну изъ фигуръ французской кадрили. Распростѣвшіяся, мокрыя ихъ лапа доказывали, что они танцовали давно, до упаду. Какой-то франтъ въ венгерскѣ, съ длинными, сильно напомаженными волосами, схвативъ подъ руки двухъ краснощекихъ и красношейныхъ дамъ, выдѣлывалъ

такое чудное соло, что всё зрители обступившіе кадрили аплодировали и громко хохотали. Другой, по плечью, военный человекъ, неистово стучалъ наблуками; третій, немного нагрузившійся господинъ, старался передѣлать кадрили во что-то національное. Нѣкоторые гости тѣснились около стола съ водками и закусками, другіе, большею частью дѣвицы, чинно улыбались, сидя на стульяхъ вдоль стѣны комнаты и, только угрожаемые новымъ неистовымъ соло, со страхомъ пятились назадъ и подбирали подъ себя ноги. Подгулявшіе кавалеры отчаянно шумѣли, точно хотѣли перекричать другъ друга; въ сосѣдней комнатѣ чей-то голосъ безцеремонно затягивалъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; старыя, дородныя тетушки, съ чепцами и платками на головахъ, весь вечеръ угощавшіяся какимъ-то сладенькимъ, отпускали такія остроты или высказывались съ такою откровенностью, что даже нѣкоторые, болѣе скромныя и трезвыя мужчины потупляли глаза и тихо подсмѣивались надъ бойкими старушками. Смѣхъ, говоръ, музыка, дергающая за нервы, стукъ и шарканье ногами, звонъ тарелокъ и рюмокъ не умолкали ни на секунду, сливаясь въ одинъ несвязный шумъ, похожій на настраиваніе инструментовъ въ оркестрѣ.

Арина Сергѣевна въ простомъ ситцевомъ платьѣ сидѣла въ углу; она изъ подобья съ нѣкоторымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, глядѣла на все происходившее; щеки ея покраснѣлись, на губахъ мелькала какая-то принужденная улыбка. Рядомъ съ ней помѣщалась Таня.

— Какъ шумно здѣсь, душно, воздухъ такой, головѣ тяжело—тихо говорила первая, поводя своими черными глазами.

— Это съ непривычки вамъ. Можетъ домой пора, спросила вторая.

— Нѣтъ, все равно, заодно ужъ посмотримъ, что дальше будетъ... Нужно знать, какъ люди живутъ

Подскакившій, весь вспотѣвшій кавалеръ, въ свѣтло бронзовомъ фракѣ и гороховыхъ брюкахъ, нарушилъ разговоръ.

— Пермете, на пятую кадрили? нахально произнесъ онъ, подставляя кренделемъ свою руку и обращаясь къ Аринушкѣ.

Она невольно вздрогнула и не знала на что рѣшиться; боялась согласиться, боялась оскорбить кавалера отказомъ.

Таня украдкой толкнула ее.

— Извините, я не танцую, отвѣтила Арина Сергѣевна.

— Онѣ не танцуютъ—съ, скороговоркой подтвердила Таня.

Кавалеръ нагло усмѣхнулся.

— Жаль—съ... въ ученьи надо быть не были. Пермете? добавлялъ онъ, обращаясь къ горничной.

Таня встала и пошла.

Аринѣ Сергѣевнѣ вдругъ сдѣлалось почему-то досадно, грустно; она взглянула на всю грязь и соръ этого общества, на его грубый цинизмъ, на пошлый, одуряющій разгуль, на эту мишуру человечества; она опустила глаза и боялась поднять ихъ; она стыдилась, совѣстилась своего увлеченія, своего поступка, удивлялась своей рѣшимости; душа ея перелетѣла въ свой домъ, даже въ сельцо Петровки, подъ тѣнь евъжихъ, раскидистыхъ деревьевъ; ей представился сперва Романъ Семенычъ съ трубкой въ рукахъ, съ какою-то укоризною на лицѣ; казалось, онъ отвертывался отъ нея, смѣялся надъ ней, потомъ отецъ—жалкій, плачущій, наконецъ и самъ Петръ Петровичъ такой грозный и страшный, какими она его отъ-роду не видала.

Аринушка испугалась, встала со стула, хотѣла уже домой идти, но Таня забыла про госпожу свою и безотчетно-весело, поддерживая руками платье, прыгала во французской кадрили.

— Счастливица, счастливица! подумала Аринушка и снова опустила на стулъ; здѣсь твоя жизнь, ты здѣсь своя, родная, вдѣсь бьется твое сердце; ты теперь все забыла, а я все вспомнила... Гдѣ же мое родное, отыщу ли я его?!

Она задумалась и безучастными глазами смотрѣла на танцующихъ.

— Фу! ты, какъ жарко стало, замучилась просто... фу! вдругъ произнесла Таня и громко опустилась на стулъ.

Арина Сергѣевна очнулась.

— Домой пора!.. Пойдемъ! сказала она и крѣпко схватила горничную за руку, точно этой рукой хотѣла охранить себя.

Онѣ встали и вышли.

— Вамъ не понравилось тамъ... скучно было? довольно робко спросила Таня, сидя у кровати госпожи своей.

— Нѣтъ! что тамъ, тамъ никого я не знаю—съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтила она.

— Тамъ весело... смѣшать такъ, кавалеры такіе, снова замѣтила горничная.

Аринушка ничего не отвѣчала.

На другой день, по обыкновенію, она затащила къ себѣ какую-то нищую и принялась разговаривать съ нею.

— Ты не здѣшняя? спросила она.

— Не здѣшняя, матушка, издалече, отвѣчала нищая.

— Зачѣмъ же ты пришла сюда?

— Не пришла бы, матушка, видитъ Богъ, не пришла; зачѣмъ бы идти сюда—господскіе мы. Баринъ померъ, мужъ померъ, погорѣли, вся деревушка сгорѣла, корки хлѣба не осталось; люди сказывали—въ Питеръ на работу ступай. Я и поди—да вотъ захворала это, все въ больницѣ валялась и до сей поры все хвораю; какая работа тутъ, только бы Господь привелъ тепла дождаться, опять въ деревню побреду—такъ къ родному и тянетъ.

— Тянетъ!.. У васъ хорошо? спросила Аринушка.

— Какъ не хорошо! Хорошо было, матушка, скотинка была, все было; такъ вотъ словно земля токуетъ по тебѣ, словно птица бездомная, словно говоритъ кто, чего ты по чужому мѣсту шатаешься. Чужое здѣсь, матушка, точно чужое!

Арина Сергѣевна такъ смотрѣла на нищую, какъ будто хотѣла переселиться въ нее, какъ будто въ словахъ старухи было что-то новое, прекрасное, гармоническое, какъ будто эти слова подтверждали что-то до сихъ поръ смутное, сомнительное.

Она цѣлый день продержала у себя нищую и все разспрашивала; во всемъ соглашалась съ ней, какъ-то радостно повторяла слова ея, какъ будто сама готовилась говорить то же самое, наконецъ щедро наградила и отпустила.

Всю ночь Арина Сергѣевна не ложилась спать, а все думала; то сидѣла у своего маленькаго рабочаго стола, то ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, то останавливалась и какъ будто къ чему-то прислушивалась. Сперва она, казалось, чего-то боялась, мучилась чѣмъ-то, потомъ мало по малу успокоилась; даже фізіономія ея засіяла, на губахъ мелькну-

ла улыбка, точно она сбросила съ себя все то, что прежде давило ее, жить не давало; нашла путь своего спасенія, видѣла въ немъ однѣ радости, одно счастье, была въ немъ твердо увѣрена.

Только подъ утро, какъ бы совершенно насытившись своей думой, съ сладкой надеждой на завтра, она легла на постель; не и тутъ заснуть не могла, а только задремала. Потомъ встала, одѣлась тщательнѣе обыкновеннаго, волосы причесала и смѣло отправилась въ кабинетъ Петра Петровича.

Только подойдя къ двери кабинета, она остановилась, прислушалась, взялась за ручку, постояла съ минуту, наконецъ отворила дверь.

Къ счастью Петръ Петровичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа; по крайней мѣрѣ въ другое время онъ бы незадумался скорчить гримасу, замѣтить женѣ, что онъ занятъ, что она должна выбирать время для своихъ посѣщеній и тому подобное; теперь, услышавъ шаги, онъ только повернулъ голову и, не обращая никакого вниманія на вошедшую, углубился въ чтеніе какой-то газеты.

Аринюшка вздохнула свободнѣе. Первый шагъ былъ сдѣланъ. Она приблизилась къ столу и сѣла противъ мужа. Последній изъ подлобья взглянулъ на нее и снова принялся читать. На лицѣ его мелькнула улыбка; разъ даже онъ засмѣялся самъ съ собою, потомъ сложилъ газету и бросилъ ее на столъ.

Арина Сергѣевна улыбнулась.

— Все вздоръ пишутъ! замѣтилъ онъ самъ про себя, зѣвая и лѣниво потягиваясь; все мода одна, праздныхъ людей развелось много... Ты что скажешь? дабавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Аринюшка подняла голову.

— Что я скажу?.. Прежде всего—одно: позвольте мнѣ поговорить съ вами съ четверть часа, не больше. Я нарочно встала раньше, я долго думала, когда могу говорить съ вами; долго не рѣшалась, боялась помѣшать вамъ. Вы теперь свободны, не откажете мнѣ?

Она говорила такъ нѣжно, лице ея свѣтилось такою до-

бродю, такимъ мокреющимъ, темнымъ чувствомъ, что Петръ Петровичъ невольно улыбнулся.

— Что за предисловіе! Говорить со мной всегда можно. Развѣ я запрещаю? Слава Богу, не чужіе люди... Вотъ вели чаю подать, тогда говорить будемъ, произнесъ онъ полушутливо, полусерьезно.

Арина Сергѣевна слегка вздохнула, вскочила и почти бѣгомъ вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась, неся на подносѣ стаканъ и чашку съ чаемъ; сама подала стаканъ мужу, чашку взяла себѣ и сѣла напротивъ Петра Петровича.

— Ну-съ, начинайте, что новенькаго? довольно рѣзко замѣтилъ послѣдній и громко высморкался.

— Я однимъ словомъ и начну, и кончу. Моя рѣчь коротка, продолжать ее—зависитъ отъ васъ, очень твердо произнесла Аринушка. Я прошу у васъ сдѣлать для меня удовольствіе, милость, счастье, благодѣяніе—назовите какъ хотите, пожалуй хоть женской глупостью, вздоромъ, сумасшествіемъ, я прошу только, рѣшилась просить..... отпустите меня въ Петровки!

Колотыринкокъ поднялъ голову и вытаращилъ глаза.

— Какъ въ Петровки?

— Да, въ Петровки, пожить, погостить тамъ, навѣстить свою родину, вспомнить свое прошедшее.

Петръ Петровичъ засмѣялся:

— Какъ она говоритъ красно, словно книгу читаетъ...

— Вадоръ, не зачѣмъ тебѣ ѣхать туда! хладнокровно замѣтилъ онъ.

Аринушка съ минуту ничего не отвѣчала.

— Петръ Петровичъ! произнесла она, какъ бы обдумавъ что ей говорить, спуститесь поближе ко мнѣ, вникните въ меня, поставьте себя хоть на минуту на моемъ мѣстѣ... подумайте!... Васъ адѣсь все занимаетъ, радуется, тревожитъ; у васъ дѣла, заботы, множество родныхъ, знакомыхъ, вы живете, трудитесь... а я, что здѣсь дѣлаю? Зачѣмъ я здѣсь?.. Вѣдь я дикая овца, завезенная въ этотъ шумъ и говоръ. Я прошу не Богъ знаетъ чего, прошу только подышать свѣжимъ воздухомъ; вѣдь для васъ ничего не стоитъ

сдѣлать милость мнѣ—однимъ вашимъ словомъ доставить мнѣ счастье. Я лягушка, вытщенная изъ болота... какъ ей не засохнуть въ жару этомъ! добавила она чуть не со слезами.

— Лягушка, лягушка, хорошее сравненіе—смѣясь замѣтилъ Петръ Петровичъ и прихлебнулъ изъ стакана.

— Для васъ нѣтъ ничего невозможнаго, продолжала Арина Сергѣевна; вы что захотите, то и сдѣлаете. Отъ васъ все зависитъ—вы царь здѣсь... Я прошу, только прошу!

— А если я не пуцую?

— Не пустите, ваша воля... я останусь! покорно отвѣтила Аринушка и помолчавъ прибавила: нѣтъ, вы слишкомъ добры, чтобъ отказать мнѣ; да и стоимъ ли отказывать въ бездѣлицѣ, въ пустой просьбѣ слабой женщины, лишать ее ребяческаго удовольствія.

Петръ Петровичъ задумался. Видно было, что слова жены припились ему по сердцу, что онъ даже былъ радъ ей желанію ѣхать въ деревню и только для сохраненія собственнаго достоинства медлилъ согласіемъ.

— Что ты будешь дѣлать тамъ? строго спросилъ онъ.

— Что буду дѣлать?... Боже мой, я найду что дѣлать. Я буду бѣгать по саду, по полямъ; если нужно, буду смотрѣть за хозяйствомъ, отдыхать, наслаждаться, а когда прикажете, вернусь снова. Я знаю, деревня поправитъ меня; я здѣсь похудѣла, засохла, завяла вся, совсѣмъ въ тряпку обратилась! добавила она, со страхомъ и надеждой глядя на мужа.

Послѣдній медленно тянулъ изъ трубки и прихлебывалъ чай изъ стакана и, только спустя нѣсколько минутъ, поднялъ глаза и пристально взглянулъ на жену.

Въ самомъ дѣлѣ, въ бытность свою въ Петербургѣ, Арина Сергѣевна значительно измѣнилась. Лице ея еще болѣе пожелтѣло, щеки казались впалыми, глаза не блистали попрежнему; вся фізіономія потеряла свою подвижность; даже голосъ изъ звучнаго, чистаго сдѣлался какимъ-то глухимъ, сосредоточеннымъ.

— Да, ты похудѣла!—моціону мало имѣешь. Моціону нѣтъ, нужно бы съ докторомъ посовѣтоваться... отрывисто съ промежутками говорилъ Петръ Петровичъ. Что жъ, по-

ѣзжай... Если просишь, почему жъ не поѣхать, не потѣшить себя! добавилъ онъ.

Аринушка съ радости чуть не захохотала, глаза ея подернулись слезами, она бросилась было благодарить мужа, однако послѣдній удержалъ ее.

— Полно... ради Бога, полно, безъ изліяній, матушка, я ихъ терпѣть не могу! Чувствуешь себя нездоровой, ѣхать нужно—поѣзжай съ Богомъ, нѣтъ—оставайся, твое дѣло; благодарить тутъ не за что, отказать я не могу. Денегъ на дорогу дамъ; можешь ѣхать, можешь когда угодно, хоть сегодня же! Поди, пришли мнѣ чаю еще; кажется, пришелъ кто-то? очень серьезно заключилъ онъ.

Арина Сергѣевна не смѣла ничего говорить. Она только молча, взглядомъ поблагодарила мужа и торопливо вышла изъ кабинета.

— Таня, голубушка, я свободна, свободна какъ птица Божія! говорила она, со слезами радости на глазахъ, обнимая свою горничную. Ахъ! Таня, какъ легко, какъ легко, какъ весело, точно большой праздникъ какой; я полечу далеко, далеко!... Туда, къ намъ, на притокъ солнечный, на траву, на сѣно!... Тамъ меня счастье ждетъ, тамъ воля, а лучше воли нѣтъ ничего на свѣтѣ!.. Воли, воли мнѣ нужно! добавила она энергически и, не отнимая рукъ отъ шеи Татьяны, пристально, жгуче взглянула ей въ лицо.

Горничная опустила глаза.

— Въ Петровки ѣдете? робко спросила она.

— Въ Петровки, въ Петровки! съ восторгомъ повторила Арина Сергѣевна и замотала головой. Мы вмѣстѣ ѣдемъ, я не разстанусь съ тобой!.. Что жъ ты молчишь? Говори, радуйся, хохочи, прыгай вмѣстѣ со мною!

Горничная молчала.

— Таня! произнесла Аринушка и снова, почти насильно, взглянула ей въ лицо. Что это значить, ты нехочешь ѣхать, тебѣ здѣсь лучше?

— Здѣсь лучше! тихо повторила Татьяна.

Аринушка отняла свои руки.

— Лучше! какъ-то неопредѣленно сказала она и, помолчавъ, прибавила: что жъ, я не возьму тебя—я хочу чтобы и

ты свободна была, и у тебя есть воля, есть сердце; отъ чего жъ тебѣ лучше здѣсь?... Тамъ у тебя родные, отецъ, мать, сестры, тамъ все у тебя.

Горничная молчала.

— Говори, Таня, ты знаешь... ты мнѣ все говорить можешь, я знать хочу!

— У васъ мужъ здѣсь! еле слышно, робко замѣтила Татьяна.

Аринушка глубоко вздохнула и провела рукою по лбу.

— Да, правда!... Ты хочешь сказать, у васъ мужъ есть, вы ѣдете отъ него и спрашиваете у меня, почему я не хочу быть съ родными, твоя правда!... А у тебя кто здѣсь?

Горничная слегка покраснѣла.

— Понимаю!... ты здѣсь любишь кого нибудь; у тебя есть женихъ, ты думаешь выйти замужъ... Твое сердце велитъ тебѣ здѣсь остаться.

Татьяна неожиданно заплакала.

— О чемъ же ты плачешь? Ты радоваться должна!

— Чему радоваться, намъ радоваться нельзя. Наше дѣло господское, подначальное, какъ господа велятъ, отвѣтила горничная, всхлипывая.

Арина Сергѣевна пристально посмотрѣла на нее.

— Таня, ты отъ меня что-то скрываешь; стыдно тебѣ! Говори, все говори... не бойся, быть можетъ я помогу тебѣ!

Горничная подняла глаза и тотчасъ же ихъ опустила.

— Что говорить... дѣло такое, стыдливо отвѣтила она, перебирая складки на передникѣ.

— Какое дѣло?

— Грѣхъ попуталь!... Позапрошлой зимой поваръ на мнѣ сватался, Андрей, можетъ знать изволите?

— Ну!

— Человѣкъ хорошій, даромъ что простой, а хорошій только.

— Ну!

— Къ Петру Петровичу пришли, думали, такая ихъ милость выйдетъ... отказали!

— Ну!.. ты что жъ сдѣлала?

— Ничего не сдѣлала. Что сдѣлать? супротивъ господска-

го рѣшенія не пойдешь; вышла отъ барина холоднешенька, такъ подъ сердце и подгибаетъ что-то, даже не помнишь гдѣ ты, словно дурная какая... она замолчала.

— А потомъ что? нетерпѣливо спросила Арина Сергѣевна. Горничная замаялась.

— Что потомъ? извѣстно, чему тутъ доброму быть, грѣхъ одинъ... Теперь не отпустить онъ меня; не уѣхать мнѣ отъ него, видно и пропадать вмѣстѣ съ нимъ! какъ-то безнадежно добавила она.

Щеки Аринушки вдругъ вспыхнули, глаза засверкали. Казалось, этотъ разсказъ горничной произвелъ на нее какое-то потрясающее впечатлѣнiе. Въ первую минуту она даже не знала, что отвѣчать; потомъ судорожно схватила Татьяну за руку.

— Я ничего этого не знала. Ты должна здѣсь остаться. Богъ благословилъ тебя! произнесла она дрожащимъ голосомъ; береги свое счастье, ты нашла его... Тебя заставили найти... а меня только искать принудили! добавила она почти шопотомъ и въ изнеможеніи упала на стулъ и закрыла лицо руками.

VI.

Въ лѣтнюю, жаркую пору, въ полдень, въ такое время, когда раскалившійся воздухъ дрожить и переливается миллионами сверкающихъ золотистыхъ полосокъ, когда не поютъ птицы, не шелестятъ деревья, когда коровы въ полѣ, по брюхо забравшись въ трясину, стоятъ безъ всякаго движенія, понуривъ усталыя головы, когда все кажется уснувшимъ, онѣмѣвшимъ отъ жгучаго солнца, и развѣ только насѣкомые въ травѣ, своей неумолкающей вѣчной трескотней, напоминаютъ о жизни въ природѣ; въ такую пору, подъ тѣнью широкаго, раскидистаго дерева, на простой деревянной скамейкѣ, весь сгорбившись, уставивъ неподвижно глаза въ землю, съ думой на лицѣ, сидѣлъ Романъ Семенычъ съ своимъ неизмѣннымъ другомъ—трубкою въ зубахъ.

*

Бѣлый, просторный, спитый изъ домашней холстины китель неуклюже болтался на его фигурѣ; галстукъ свалился съ шеи, воротъ рубашки разстегнулся, форменная фуражка еле держалась на затылкѣ, оставляя открытыми большой загорѣлый лобъ да коротко выстриженные, темнокаштановые волосы. Долго онъ сидѣлъ безъ всякаго движенія. Крупныя капли пота текли по щекамъ его, рука лѣниво дотрогивалась до чубука, трубка едва дымилась. Наконецъ, утомленный жаромъ, однимъ движеніемъ головы онъ сбросилъ на колѣни фуражку, вытеръ платкомъ мокрое, покраснѣвшее лицо свое и, отдуваясь и тяжело дыша, какъ-то безсознательно взглянулъ вдаль на освѣщенную солнцемъ извилину дороги. Господи, Боже мой! кто это въ такую жару тащится, невольно произнесъ онъ самъ съ собою; не мужикъ только—мужикъ такъ не поѣдетъ, экипажъ чей-то.

Дѣйствительно, на дорогѣ двигалась какая-то черная точка; но экипажъ ли это былъ или простая телѣга—разобрать могъ развѣ только очень опытный глазъ.

Романъ Семенычъ приставилъ въ видѣ зонтика ладонь ко лбу.

— Экипажъ и есть—карета и лошадей четверка. Что за оказія?.. Неужто въ гости кто? Кому ѣхать? Ко мнѣ и не ѣздитъ никто. Карета, точно карета, вонъ и колокольчикъбрякнулъ... такъ и есть колокольчикъ. Онъ сталъ прислушиваться, потомъ пожалъ плечами, медленно, тяжело поднялся со скамьи, снова отеръ потъ съ лица, надѣлъ фуражку и, опираясь на чубукъ, переваливаясь съ ноги на ногу, какъ челоуѣкъ, котораго насильно идти заставили, лѣниво побрелъ по извилистой тропинкѣ на другой конецъ усадьбы, на выходившую туда дорогу. На половинѣ пути онъ остановился и снова взглянулъ вдаль.

Двигавшаяся точка уже значительно выросла, преобразилась въ карету съ лошадьми, повернула въ сторону, спустилась въ оврагъ, потомъ скрылась за молодымъ лѣскомъ.

— Что за чортъ! Карета здѣшняя, кажется, Петровская! ей Богу Петровская! тревожно заговорилъ Романъ Семенычъ и ускорилъ шаги. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на дорогу и остановился. Экипажа не было видно, онъ скрылся

ся подь горой; только звонъ колокольчика все сильнѣе и сильнѣе давалъ знать о своемъ приближеніи. Романъ Семеновичъ не вытерпѣлъ и пошелъ впередъ; онъ забылъ про жару, весь запыхался, потъ ручьями лилъ съ лица его. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ снова остановился какъ вкопанный; карета, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей, выросла надъ самымъ его носомъ и промчалась мимо.

Стадкинъ замахалъ руками.

— Стой! вдругъ крикнулъ онъ громкимъ, надорваннымъ голосомъ.

Ямщикъ на облучкѣ обернулся и потянулъ лошадей. Изъ окна кареты выглянула Арина Сергѣевна.

Черезъ минуту они оба стояли другъ передъ другомъ.

Романъ Семеновичъ совершенно оторопѣлъ, фуражка свалилась съ головы его; онъ такъ глядѣлъ на неожиданную гостью, какъ будто не довѣрялъ собственнымъ глазамъ своимъ, какъ будто видѣлъ передъ собою какое-то сверхъестественное чудо. За то Арина Сергѣевна вся дышала счастьемъ; ни сомнѣнія, ни удивленія, ни отраха не было въ лицѣ ея; что-то отрадное, святое, радостное блѣстѣло въ глазахъ, отражалось въ улыбкѣ, проглядывало во всемъ существѣ ея. Казалось, все окружающее, съ его небомъ, воздухомъ, вдругъ захватило дыханіе женщины, наполнило ея душу какимъ-то тревожнымъ восторгомъ, точно она отъ земли отдѣлилась, точно любовалась во всемъ міромъ съ высоты недоступной челоуѣку.

— Арина Сергѣевна! Вы? вы это! Ей Богу вы! Что значить, что случилось?! произнесъ наконецъ Романъ Семеновичъ.

— Я!... Ничего не случилось, отвѣтила она такъ радостно, что Стадкинъ невольно улыбнулся.

— А мужъ?.. а Петръ Петровичъ?

— Онъ въ Петербургѣ...

— Скоро будетъ сюда?

— Нѣтъ, онъ сюда не будетъ.

Романъ Семеновичъ снова оторопѣлъ.

— Боже мой! какъ вы меня странно встрѣчаете, точно боитесь чего-то; смотрите такъ дико, удивляетесь. Дайте хоть

отдохнуть; я такъ устала съ дороги, такъ душно, жарко! А у насъ холодно... Я съ сѣвера пріѣхала! шутя добавила она.

Романъ Семенычъ опомнился и предложилъ гостѣй зайти къ нему во флигель, покамѣстъ отворять и обчистять ея комнаты. Онъ побѣжалъ впередъ, она пошла вслѣдъ за нимъ; безпрестанно останавливалась, ворочала Стадкина, оглядывала каждый предметъ, каждый кустикъ, перебѣгала съ мѣста на мѣсто, дѣтски радовалась, привѣтливо всему улыбалась, точно здоровалась со всѣмъ. Движенія ея были легки, свободны, кажется, съ самаго дѣвчества она никогда такъ скоро не ходила, не дышала такъ вольно, не улыбалась такъ чисто, непринужденно.

— Боже мой! какъ хорошо у васъ! Что за рай, что за блаженство! Какой вы счастливецъ! говорила она оправляясь и усаживаясь на крыльцѣ флигеля, гдѣ жилъ Романъ Семенычъ.

— Да-съ, не были давно. Старое вспомнить пріятно... вотъ и хорошо кажется, разсѣянно отвѣтилъ послѣдній. Да вы куда же сѣли? Я стульчики велѣлъ вынести... Чѣмъ подчивать прикажете?.. Устали, я думаю?

— Ничѣмъ, развѣ стаканъ воды дайте.

Онъ побѣжалъ за водой и тотчасъ возвратился; она съ жадностью выпила весь стаканъ, потомъ тряхнула головой, забросила за уши волосы, сбросила платокъ съ шеи, загнула рукава на платьѣ.

— Хорошо такъ... легко, проговорила она и улыbnулась.

Романъ Семенычъ сѣлъ напротивъ ея на стулѣ. Казалось онъ не находилъ себѣ мѣста, не зналъ что дѣлать, что говорить, на что смотрѣть.

— А вѣдь я гостя неожиданная, какъ снѣгъ на голову... Вы удивляетесь? спросила она.

— Просто до сихъ поръ понять не могу, глазамъ своимъ не вѣрю, сномъ кажется, отвѣтилъ Стадкинъ и разставилъ руки.

Арина Сергѣевна слегка засмѣялась.

— Что же Петръ Петровичъ? спросилъ онъ.

— Петръ Петровичъ живъ, здоровъ, приказалъ вамъ кланяться.

— Онъ отпустилъ васъ?

— Разумѣется отпустилъ. Я поцѣловала его руку, онъ меня въ лобъ и перекрестилъ даже.

Романъ Семенычъ какъ-то вопросительно взглянулъ на нее.

— Что вы на меня смотрите? спросила она. Право, вы боитесь меня... Я знаю, что вы думаете. Вы думаете, что я совсѣмъ разсорилась съ мужемъ, что онъ выгналъ меня, что я убѣжала отъ него сама, потихоньку, а онъ ищетъ, преслѣдуетъ меня.

Стадкинъ ничего не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, продолжала Арина Сергѣевна, успокойтесь, мы разстались тихо, смирно, спокойно. Боже мой, какъ хорошо у васъ, какъ я счастлива теперь, такъ счастлива! Она потянула въ себя воздухъ.

— Вы на долго сюда пріѣхали? спросилъ Романъ Семенычъ.

— Не знаю... кто знаетъ... зачѣмъ думать о будущемъ— Богъ съ нимъ; проглянула въ жизни минута счастья, нужно ловить ее, пользоваться ею, упустишь—назадъ не вернешь; потомъ только жалѣть, плакать будешь! Она вздохнула.

Романъ Семенычъ снова взглянулъ на нее.

— Вамъ не понравилось въ Петербургѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ... что тамъ! Тамъ я задохлась. Еще мѣсяць, два, я бы зачахла и умерла, ей Богу; а если нѣтъ—руки бы на себя наложила. Что вы смѣетесь? продолжала она, замѣтивъ недовѣрчивую улыбку Романа Семеныча. Я говорю правду, вы меня мало знаете; на что я рѣшилась, то и сдѣлаю—ничего не испугаюсь. Жизнь закалила меня! добавила она твердо.

— Что жъ Петръ Петровичъ, все тотъ же? нѣсколько спустя спросилъ онъ.

Арина Сергѣевна глубоко вздохнула.

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете. Вы его лучше знаете; помните, вы мнѣ рассказали его... отвѣтила она и задумалась, но тотчасъ-же очнулась. Нѣтъ, здѣсь не мѣсто... Здѣсь все живетъ, все радуется; я тоже жить и радоваться хочу, произнесла она съ сильною увѣренностью и какъ-то особенно весело посмотрѣла вокругъ себя.

— Его дѣла очень плохи, замѣтилъ Романъ Семенычъ; на заводѣ котель лопнулъ, фабрика тоже обанкротилась;

управляющій мошенничаетъ, крестьяне ничего не дѣлаютъ... Нужно бы умѣрить себя. Пожалуй Петровку продавать придется, а на долги и ея не достанетъ—долговъ много.

— Я его дѣлъ не знаю, Богъ съ ними; онъ мнѣ не говорить о нихъ—мнѣ все равно.

— Я знаю... Я предупреждаю васъ, можетъ плохо придтись.

— Какъ плохо?

— Разориться можете, обѣднѣть, по міру пойдти!

Арина Сергѣевна усмѣхнулась.

— Вотъ бѣда какая... я этого не боюсь!

— Нельзя не бояться. Что для васъ трудно теперь—при ничетѣ сдѣлается въ десятеро труднѣе; къ горькому да примѣшать соленое, скверно выйдетъ. Да вотъ-съ, хоть бы меня взять: что я такое, лишняя трава въ полѣ; не весело жить, а все живешь, слава Богу; не думаешь чѣмъ пообѣдать завтра... А продадутъ Петровку, вѣдь въ ней и моя часть есть, тогда одна дорога или въ богадѣльню, или на паперть церковную, добавилъ онъ тихо, махнулъ рукою и опустилъ голову.

Глаза Арины Сергѣевны сдѣлались влажными. Она взглянула на Романа Семеныча, потомъ встала, подошла къ нему и положила руку на плечо его.

Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— Если вамъ придется на паперть идти, возьмите меня съ собою; вдвоемъ легче будетъ. Я товарищъ хорошій... по міру весело ходить, право весело! произнесла она какимъ-то пророческимъ тономъ, и вдругъ беззаботно прибавила: нѣтъ! Будемте лучше бѣгать, веселиться, дѣтьми сдѣлаемтесь; дѣтьямъ хорошо жить. Забудемъ, все забудемъ; я хочу быть насильно счастлива, я вырву свое счастье, завоюю его!

Она взглянула на небо и въ этомъ взглядѣ было столько увѣренности, столько величавой смѣлости, что въ эту минуту, въ самомъ дѣлѣ, казалось, будто для человѣка не существуетъ ничего невозможнаго.

Цѣлый день Арина Сергѣевна провела съ Романомъ Семенычемъ. Несмотря на жару, они много ходили; осмотрѣли садъ, прошлись почти по всѣмъ его дорожкамъ, заглянули

на огороды, на рѣку, на мельницы, на скотный дворъ, птичникъ; побывали на кладбищѣ, помолились на могилѣ Сергѣя Матвѣевича, постояли передъ домикомъ, гдѣ когда-то жилъ Крупкинъ съ дочерью, молча обошли огромный господскій домъ. Арина Сергѣевна привѣтливо здоровалась со всѣми встрѣчными крестьянами, привѣтливо спрашивала о ихъ житьѣ-бытьѣ, къ нѣкоторымъ въ избы заглянула, нѣкоторыхъ наградила чѣмъ могла. Казалось, она готова была разцѣловать всѣхъ и каждого, всѣмъ любовалась, все казалось ей новымъ, прекраснымъ, не смотря на то, что многое пришло въ вѣтхость, запущенность; многое совершенно развалилось, отъ многаго вѣяло какою-то могильною сыростью, чѣмъ-то неприятнымъ, гробовымъ, безжизненнымъ. Дорожки въ саду поросли травой, цвѣты не пестрѣли попрежнему ковромъ узорчатымъ, а только кое-гдѣ скудно выглядывали своими махровыми головками; деревья казались какими-то печальными, запыленными, брошенными на произволь судьбы; листья огромнаго дуба охватывала паутина; терраса въ домѣ усыялась птичьими гнѣздами; глухо заколоченныя ставни глядѣли угрюмо; прудъ на дворѣ покрылся зеленою плесенью. Нигдѣ не было видно прежней жизни и дѣятельности; въ пустыхъ кладовыхъ и амбарахъ гудѣлъ вѣтеръ; собаки такъ похудѣли, какъ будто Богъ знаетъ сколько времени не кормили ихъ; даже люди казались вялыми, сонными, точно они при приѣздѣ барыни только повскакали съ печей да съ полатей и все опомниться не могли; сновали, бѣгали, суетились, отворяли двери, окна, для чего, сами не зная. Только отъ дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ пахло свѣжею, здоровою жизнью. Они простодушно, дѣтски, радостно бѣгали, скакали передъ Ариной Сергѣевной, заглядывали ей въ лицо, смѣялись, толкали другъ друга, падали, кувыркались и снова пускались въ запуски до тѣхъ поръ, покамѣстъ барыня не скрылась изъ виду и какая-то осерчавшая баба не пустила въ нихъ полѣномъ, прокричавъ: вишь, бѣсенята проклятые, развозились, словно черти передъ заутреней.

Только въ сумерки Арина Сергѣевна отправилась въ отведенныя ей комнаты, тѣ самыя, въ которыхъ скончался Сергѣй Матвѣичъ. Лучшаго помѣщенія она не хотѣла; да

и что ей было дѣлать одной въ большихъ залахъ, въ парадныхъ гостиныхъ? Въ нихъ вѣяло пустотой, скукой: слово скажешь, а оно переливается, гудитъ какъ-то, отзывается всею да плачемъ. Страшно!

То ли дѣло внизу: бѣлыя, чистыя стѣны, простая мебель, окна прямо въ садъ; отворишь—густыя, зеленыя вѣтки врываются въ нихъ... прохладой вѣетъ, хорошо, уютно, все подъ руками.

Арина Сергѣевна скоро разобралась, да долго и разбирать было нечего, поговорила съ пріѣхавшей съ нею дѣвушкой, велѣла ей помѣститься возлѣ себя, въ сосѣдней комнатѣ, помолилась Богу, легла и заснула такъ тихо, спокойно, безмятежно, какъ давно не спала.

Напротивъ, Романъ Семенычъ долго не могъ успокоиться; далеко за полночь свѣтился огонь въ его спальнѣ, а самъ онъ, несмотря на усталость отъ долгой, непривычной ходьбы, все сидѣлъ на своей кровати, опустивъ ноги на полъ, понуривъ голову и какъ-то отчаянно выкуривалъ трубку за трубкой. Онъ все думалъ. Внезапный пріѣздъ Арины Сергѣевны, ея чистая, неподдѣльная веселость совершенно ошеломили его, сбили съ толку, перепутали всѣ его мысли, всѣ предположенія. Онъ очень хорошо зналъ положеніе Ари-нушки, ея отношенія къ мужу; видимо представлялъ ея жизнь въ Петербургѣ и внутренно, глубоко скорбѣлъ о ней. Онъ думалъ, что она или выдохнется окончательно и обратится въ вялое, безцвѣтное существо, въ ничтожную, преданную рабу, или зачахнетъ отъ борьбы и страданія, или открыто измѣнитъ мужу, протянетъ руку первому встрѣчному, бросится ему на шею за одинъ ласковый взглядъ, за одно доброе слово, быть можетъ даже, съ горя да съ усталости на все пойдетъ. Онъ зналъ, что Петръ Петровичъ разоряется и думалъ: разорится, броситъ жену: куда она дѣнется бѣдная, во что обратится, гдѣ преклонитъ голову... Свихнуться не долго, а тамъ и поминай какъ звали! Онъ даже тяжело вздыхалъ при этомъ, качалъ головой и сильно затягивался. Онъ однако не предполагалъ когда либо увидѣть Арину Сергѣевну такою, какою видѣлъ ее теперь, не загнанную, не убитую, не обезображенную горемъ, а цвѣтущую и весе-

люю, въ полномъ избыткѣ нравственныхъ и физическихъ силъ, съ твердой увѣренностью въ самой себѣ, въ своемъ счастьи. Казалось, онъ даже не узнавалъ ее, не вѣрилъ возможности такого перерожденія. Положимъ, онъ отпустилъ ее—говорилъ онъ самъ съ собою—это нонятно; видитъ свое паденіе, ему самого себя стыдно... Какъ же передъ женой сознаться? Создаться нельзя, потому и отпустилъ. Гордость все; какъ нибудь развязаться хочется, да она то чему радуется, чѣмъ восхищается? На волю выбралась, ну выбралась; да вѣдь и вода такая нерадостна, Богъ съ ней! Нѣтъ, она любитъ кого-то, живетъ кѣмъ-то; она о счастьи говоритъ, ея глаза не одной волей горятъ. Зачѣмъ же она сюда поѣхала, что ей дѣлать здѣсь? Если любитъ, зачѣмъ же уѣзжать? Ну и сидѣла бы, нянчилась бы съ своимъ возлюбленнымъ. Здѣсь-то что забыла она? Развѣ ждетъ кого нибудь? Онъ остановился и махнулъ рукой. Чему тутъ хорошему быть... Ее и винить нельзя; скрутили, сдавили, жить не дали, а она къ жизни рвется!

На другой день утромъ, какъ только проснулся Романъ Семенычъ, первая его мысль была объ Аринѣ Сергѣевнѣ; онъ не зналъ самому ли пойти къ ней или дождаться ея прихода. Не ловко, твердилъ онъ самъ съ собою, пожадуй, не одѣта; мало ли что, помѣшаешь, она же съ дороги... Подождать лучше—не придетъ сама, такъ пришлетъ навѣрно, соскучится!

Дѣйствительно, едва успѣлъ Романъ Семенычъ одѣться и расположиться за чаемъ, какъ вбѣжавшій въ комнату казачекъ объявилъ ему, что его барыня спрашиваетъ.

Стадкинъ даже сконфузился, засуетился, швырнулъ чубукъ съ трубкой, схватилъ фуражку, бросился къ двери и на порогѣ встрѣтился съ Ариной Сергѣевной.

— Здравствуйте, говорила она весело, протягивая ему руку. Вотъ, кстати, теперь и я съ удовольствіемъ чаю напьюсь.

Романъ Семенычъ поцѣловалъ ея руку.

— Еще такъ рано... Я не ожидалъ, проговорилъ онъ.

— Чего не ожидали? Я давно встала, я всегда рано

встаю; много ходила... Вонъ всѣ башмаки въ росѣ, смотрите!

Она безцеремонно сѣла на стулъ и выставила свои ноги. Романъ Семенычъ покачалъ головой.

— Этакъ простудиться можно, замѣтилъ онъ.

Арина Сергѣевна засмѣялась.

— Я простуды не знаю; роса съ родни мнѣ, она меня выростила. Ахъ, какой вы право, давайте же чаю, добавила она какъ бы съ сердцемъ.

Стадкинъ засуетился, велѣлъ подать чашку, налилъ ее и подалъ гостѣмъ.

Она привстала и шутя, какъ ребенокъ, чинно поблагодарила его.

— Куда мы сегодня пойдѣмъ? спросила она.

— Куда прикажете, отвѣтилъ хозяинъ.

— Вы знаете, что я приказаній терпѣть не могу, они мнѣ пріѣлись. Я люблю просить, предлагать, а не приказывать... Пойдемте въ березовую рощу, за грибами, а потомъ... потомъ я насъ приглашаю обѣдать къ себѣ, на грибы, хорошо?

Романъ Семенычъ въ знакъ согласія поклонился.

Черезъ четверть часа они встали и начали собираться; хозяинъ долго возился, насыпалъ табаку въ кисеть, перекинулъ его черезъ плечо, вычистилъ трубку, продулъ ее, и вооружился длиннымъ чубукомъ.

Арина Сергѣевна въ простой, бѣлой косынкѣ съ нетерпѣніемъ ждала его.

Наконецъ они вышли.

До рощи было версты полторы разстоянія. Романъ Семенычъ, какъ учтивый кавалеръ, предложилъ было своей дамѣ руку, но она объявила, что жарко и пошла одна.

Долго слѣдовали они совершенно молча. Арина Сергѣевна шла впереди, въ походкѣ ея было что-то живое, лихорадочное; она, какъ будто торопилась куда, часто оборачивалась, наклонялась, рвала попадавшіеся по дорогѣ полевые цвѣты, и потомъ снова бросала ихъ. Романъ Семенычъ плелся сзади, потушивъ голову, и безпрестанно вытиралъ платкомъ мокрый лобъ свой.

— Арина Сергѣевна, а Арина Сергѣевна! произнесъ онъ,

догоняя свою спутницу, — вы такъ скоро ходите, не поспѣешь за вами.

— Это съ радости, я давно не ходила... Полетѣть бы рада!

— А вѣдь наскучить, замѣтилъ онъ.

— Что наскучить?

— Да прогулки вотъ эти.

— Мнѣ?.. Никогда!.. Не наскучить—же рыбѣ въ водѣ плавать, птицѣ летать по воздуху, такъ и мнѣ!

Романъ Семенычъ смѣшался и не зналъ, что отвѣчать.

— Скажите пожалуйста, началъ онъ нѣсколько спустя, вамъ въ Петербургѣ должно быть очень скучно было?

— Очень, отвѣтила Аринушка.

— Неужели у васъ не было друзей, знакомыхъ, съ которыми вы бы могли поговорить, облегчить себя, которые бы наконецъ занимали васъ?

— Не было! отвѣтила она, и вдругъ остановилась и пристально взглянула на своего спутника.

— Вы думаете, что я влюблена была... ей Богу не была, клянусь вамъ. Кого любить тамъ? Еслибъ тамъ любила, сюда бы не пріѣхала, равнодушно добавила она.

Романъ Семенычъ совершенно растерялся. Онъ началъ разговоръ съ тою цѣлью, чтобъ кое—какъ вывѣдать Аринушку, узнать причину ея отъѣзда изъ Петербурга и вдругъ она сама, безъ борьбы, безъ просьбы, по одному малѣйшему намеку предупредила его. Слова: «ей Богу не была, клянусь вамъ» такъ и звучали въ ушахъ его. Ему даже совѣстно сдѣлалось; онъ снова отсталъ отъ нея.

Они вошли въ рошу.

Аринушка очень усердно занялась отыскиваніемъ грибовъ; она безпрестанно перебѣгала изъ стороны въ сторону, скрывалась между кустами, деревьями, цѣплялась за сучья, путалась въ высокой травѣ, радостно вскрикивала, когда вдругъ подъ ногами находила добычу и сердилась на Стадкина, когда онъ зѣвалъ и казался разсѣяннымъ.

— Ну, не грѣшно ли вамъ, говорила она чуть не со слезами: посмотрите, какой грибокъ растоптали—прелесть этакую. Господи, ходить и не видить... срамъ просто, а еще въ деревнѣ живеть, стыдно!

— Не привыкъ, не занимался никогда, отвѣтил онъ, какъ провинившійся школьникъ.

— А! не привыкли, такъ и хлопотать нечего; лучше сидите да трубку курите, хоть комаровъ меньше будетъ.

Романъ Семенычъ придрался къ случаю, высѣкъ огня, присѣлъ на пень и въ самомъ дѣлѣ закурилъ трубку.

Аринюшка скрылась, только звуки ея голоса серебрястою трелью раздавались по лѣсу. Прошло добрыхъ полъ часа; она показалась снова, лице ея разгорѣлось, чепчикъ на головѣ еле держался, изъ подъ него выбивались волосы, платье въ двухъ мѣстахъ разорвалось, она почти подкралась къ Стадкину и какъ-то торжественно развернула передъ нимъ салфетку, наполненную грибами. Что-съ, каково! говорила она радостно: каковъ обѣдъ будетъ? А вы то—ну: не грѣшно ли вамъ! Пойдемте, пойдемте, я сама изготавлю ихъ, все сама сдѣлаю!

Она быстро взяла салфетку и, не давъ времени собраться своему спутнику, потащила его за руку.

Подобныя прогулки повторялись почти каждый день. Арина Сергѣевна заходила за своимъ сосѣдомъ и, волею или неволею, непременно куда нибудь вела его.

Романъ Семенычъ, если и сопротивлялся, то какъ-то не кота, какъ иногда ребенокъ отказывается отъ предложеннаго ему гостинца. Эти прогулки сдѣлались и для него какой-то душевною потребностью. Часто, возвратясь домой весь мокрый, измученный, усталый, онъ съ нетерпѣнiемъ ожидалъ завтrepшняго дня, чтобы снова устать и измучиться. Онъ любовался, глядя на Арину Сергѣевну, радовался ея радости; ему было почему-то тепло, прiятно видѣть ее счастливою, веселою. Онъ улыбался, когда она вся разгорѣвшись отъ жару въ простомъ, легкомъ платьѣ, безопасно бѣгала по полямъ, рѣзвилась, путалась въ высокой ржи, рвала цвѣты, ягоды или, совершенно измучившись, черпала ладонью воду, опрыскивала ею лице свое, а потомъ сидѣла на травѣ и тяжело, прерывисто дышала. Въ эти минуты и Романъ Семенычъ заражался вѣявшею вокругъ него жизнью, молодѣлъ, обращался въ ребенка, восхищался тѣмъ, чѣмъ прежде восхищаться и въ голову ему не приходило. Разъ даже Аринюш-

ка до того расшевелила его, что бѣгать заставила, и долго хохотала надъ своей выдумкой, называя себя побѣдителемъ. Иногда, наскучивши прогулками или въ ненастный день, Романъ Семенычъ и Арина Сергѣевна оставались дома; онъ обыкновенно читалъ какую нибудь книгу, она слушала. Случалось, что это чтеніе производило сильное впечатлѣніе на слушательницу: иногда она плакала, иногда забывалась совершенно, переносилась на мѣсто героя или героини разсказа, страдала вмѣстѣ съ ними. Даже физіономія ея до такой степени измѣнялась, выражала такую внутреннюю боль, что Романъ Семенычъ пугался, захлопывалъ книгу и объявлялъ, что дальше читать не будетъ.

Однажды, какъ-то подъ вечеръ, въ саду, подъ густою тѣнью огромной липы, онъ читалъ «Асю» Тургенева. Арина Сергѣевна сидѣла на травѣ, поджавши подъ себя ноги, вытянувъ руки на колѣняхъ; лице ея было блѣдно, неподвижные глаза бессознательно смотрѣли по направленію длинной, выходящей на самый конецъ сада аллеи. Романъ Семенычъ дочиталъ до того мѣста, когда Ася пришла на назначенное ею свиданіе къ Frau Луизѣ.

— Подлецъ! вдругъ прошептала Арина Сергѣевна какимъ-то сдержаннымъ голосомъ и дрожація губы ея посинѣли. Черствая, низкая душа, проговорила она громко.

Стадкинъ на минуту остановился, взглянулъ на нее, высморгался и снова продолжалъ читать.

— Развѣ это человѣкъ? Какой это человѣкъ... вѣдь это значитъ не имѣть никакого чувства, никакой души. Дѣвушка пришла на свиданіе, отдалась ему, а онъ—что жъ онъ? разсуждаетъ какъ назвать это свиданіе, чернымъ или бѣлымъ. Неужели есть такіе люди? добавила она вопросительно.

— Какихъ людей нѣтъ! Свѣтъ великъ, отвѣтилъ Романъ Семенычъ и тотчасъ же прибавилъ: а впрочемъ по моему онъ поступилъ благоразумно, даже благородно; другой бы, конечно, воспользовался довѣренностью дѣвушки; честный человѣкъ загладилъ бы все женитьбой,—подлецъ бросилъ бы ее какъ игрушку. Онъ жениться не могъ и выбралъ средину!

— Онъ ничего не выбралъ, онъ трусъ безъ сердца, нерѣшившійся на злодѣйство изъ приличія потому только, что

за это злодѣйство пострадать можно; онъ хуже всякаго злодѣя, расчетливѣе его, онъ убиваетъ въ полномъ умѣ, въ разсудкѣ, взвѣшиваетъ выгоды и недостатки преступленія; такого человѣка я бы возненавидѣла! добавила она очень рѣзко и глаза ея засверкали.

Романъ Семенычъ пожалъ плечами.

— Видите, говорила Арина Сергѣевна, когда онъ кончилъ, чья правда. Счастье-то человѣку въ руки давалось, насильно лѣзло къ нему, да человѣкъ то былъ тряпкой, формы его испугался, растрепаться боялся, а потомъ бросился ловить его! На свѣтѣ и все такъ! много тряпокъ, много! добавила она и головой покачала.

Нѣсколько дней спустя, Романъ Семенычъ съ Ариной Сергѣевной очень много ходили. День былъ знойный, на небѣ ни облачка; оба они порядочно устали, до дому оставалось еще около версты ходьбы по солнечному припеку. Она предложила ему зайти посидѣть на кладбище.

Они сѣли другъ противъ друга: Арина Сергѣевна на плитку отцовской могилы, Романъ Семенычъ на какую-то свѣжую, недавно набросанную насыпь. Кругомъ была тишина совершенная, только въ карнизѣ церкви отрывисто чиркала какая-то птичка. Аринушка сидѣла неподвижно, задумчиво устремивъ глаза въ землю, казалось, она что-то сказать хотѣла да не рѣшалась, собиралась съ мыслями и обдумывала.

Стадкинъ молча тянулъ изъ трубки.

Прошло съ четверть часа.

— Романъ Семенычъ, любите вы меня? вдругъ, очень твердо произнесла Арина Сергѣевна и подняла свои глаза.

Стадкинъ разинулъ ротъ и поперхнулся дымомъ, до такой степени этотъ неожиданный вопросъ ошеломилъ его.

Она нисколько не стѣсняясь снова повторила его.

— Извините меня, бормоталъ Романъ Семенычъ, не смѣя взглянуть на свою спутницу, я такъ уважаю васъ, понимаю ваше положеніе, быть можетъ жалѣю васъ... нельзя иначе.

Аринушка горько усмѣхнулась.

— Все это вздоръ!.. Все можно! Я говорю просто, я сама говорю вамъ прямо, откровенно и требую откровенно-

сти отъ васъ; что мнѣ въ вашемъ сожалѣніи, на что мнѣ оно. Я васъ спрашиваю, любите ли вы меня?

Романъ Семенычъ даже поблѣднѣлъ; видно было, что этотъ вопросъ сильно волновалъ его.

— Какъ любите? тихо спросилъ онъ.

— Какъ женщину только, какъ женщину, понимаете, то есть влюблены-ли вы въ меня? пояснила Аринушка.

Стадкинъ еще болѣе растерялся.

— Какъ же спрашивать объ этомъ, помилуйте, я и отвѣчать что не знаю; что жъ я такое... вы замужняя женщина, пробормоталъ онъ.

— Такъ что, что замужняя; а это что, помните, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ? отвѣтила она, проворно вытаскала изъ-за пазухи какую-то сложенную бумагу и судорожно развернула ее. Видите?

— Вижу, еле слышно произнесъ онъ.

— Здѣсь что написано?... вѣдь это вы сказали, ваши слова; здѣсь вотъ что написано: «Сердце человѣческое всегда свободно; оно не знаетъ ни долга, ни закона; вы жена—у васъ есть долгъ, обязанность, но прежде жены вы человѣкъ, у васъ есть сердце!..» Я послушалась васъ, я берегла слова ваши, врѣзала ихъ въ память себѣ, жила ими, они были моею заповѣдью, моею молитвою; я ихъ выростила, теперь я знать хочу, отвѣчайте мнѣ—я затѣмъ пріѣхала сюда—любите вы меня? добавила она сильнѣе прежняго, и впиалась своими глазами въ лицо Романа Семеныча.

— Онъ опустилъ голову и какъ-то продолжительно вздохнулъ. Нѣтъ, я не люблю васъ! твердо отвѣтилъ онъ.

Аринушка вздрогнула.

Нѣсколько минутъ они оба молчали. Стадкинъ все сидѣлъ, опустивъ голову, и чертилъ трубкой на песокъ какіе-то узоры. Арина Сергѣевна пристально смотрѣла на него.

— А я васъ люблю! говорила она тихимъ, сосредоточеннымъ голосомъ. Я васъ буду любить... что дѣлать, я долго искала и нашла васъ. Къ чему скрываться, легче разомъ все кончить... да, я васъ очень люблю! добавила она глухо и залилась слезами.

Романъ Семенычъ въ первую минуту не зналъ, что

говорить, что дѣлать; все лице его какъ-то судорожно двигалось; наконецъ онъ всталъ, оѣлъ возлѣ Арины Сергѣевны, схватилъ ея дрожащія руки и бросился цѣловать ихъ.

Она припала головой къ его плечу и тихо плакала; ея горячее дыханіе жгло его шею, ея рассыпавшіеся волосы скользили по щекѣ его, ея горячія слезы капали на грудь его.

— Боже мой, Боже мой! въ полномъ отчаяніи, въ какомъ-то забытій шептала она, зачѣмъ я только на свѣтъ рождена, нѣтъ мнѣ нигдѣ мѣста. Я всѣмъ чужая, я лишняя, безродная... ты правду сказалъ, повтори еще, правду! Я знать хочу, мнѣ кажется, что ты любишь меня! вдругъ, громко произнесла она, крѣпко сжимая своими дрожащими руками его руки.

Онъ колебался. Что-то мучительное выражалось въ его физиономіи; казалось, какая-то борьба ума и сердца двигала, ворукала ее. Онъ боялся взглянуть на Аринушку, хотѣлъ говорить и не могъ, и вдругъ проворно выпрямился и почти отскочилъ въ сторону.

— Правду, правду! говорилъ онъ взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ; нельзя мнѣ любить васъ, нельзя, никакъ нельзя... меня нельзя любить, меня никто не любилъ. Я человѣкъ такой, родился такимъ; вамъ показалось только. Здѣсь другихъ людей нѣтъ, потому и показалось... воображеніе одно, пустяки, бредъ души, сердца, одна жажда любви, горячка просто... Зачѣмъ любить, сами посудите, зачѣмъ?!

Аринушка во всѣ глаза смотрѣла на него; что-то страдальческое, больное, почти умирающее, молящее, плачущее было въ лицѣ ея.

— Какъ зачѣмъ? Я не понимаю васъ?

Романъ Семенычъ оправился.

— Нѣтъ, Арина Сергѣевна, я все понимаю, вы грезите, сонъ видите, сномъ думаете облегчить себя. Вы меня понимать не хотите, вы на время ребенкомъ сдѣлались, отложили отъ себя все; васъ выпустили, какъ птицу изъ клѣтки—вы обрадовались, полетѣли, вздумали быть свободной, какъ этотъ воздухъ... Подумайте, для человѣка не существуетъ такой свободы; вспомните, у васъ есть мужъ, у меня есть совѣсть,

вотъ наши клѣтки, наши тенета, которыми мы себя спутали; трудно сбросить ихъ, трудно. Безъ нихъ намъ жить нельзя!

— Что мужъ мой, что? Я ненавижу его, онъ мнѣ ничего не далъ, онъ только сковалъ меня, съ жаромъ отвѣтила Аринушка.

— Не правда!.. Вы клеветеете на себя, вы не ненавидите его, нельзя вамъ ненавидѣть, за что? Какое вы имѣете право? Вы принимаете мечту за дѣйствительность; вашъ мужъ слишкомъ сухъ, слишкомъ сосредоточенъ въ самого себя, вы слишкомъ горячи, слишкомъ воспримчивы; вамъ только кажется, что вы не любите его, потому что до сихъ поръ, онъ не взволновалъ въ васъ чувство любви, не вызвалъ его наружу, не обратилъ на себя. Протяни этотъ мужъ руку вамъ, скажи ласковое, сердечное слово, вы броситесь къ нему на шею, вы отдадитесь ему всѣмъ существомъ вашимъ,—нельзя вамъ сдѣлать иначе. Вспомните, онъ благодѣтель вашъ, онъ спасъ вашего отца, онъ вытаскилъ васъ; кто знаетъ, еслибъ не онъ, чѣмъ бы вы были теперь; быть можетъ онъ удержалъ васъ отъ паденія, а вы — чѣмъ думаете отплатить ему?!

Аринушка сидѣла опустивъ голову. Она не смѣла пошевеливаться, не смѣла поднять глазъ; чувство какого-то неопредѣленнаго страха разомъ охватило ея душу.

— Да и что вы сдѣлали для вашего мужа, продолжалъ Романъ Семенычъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе; скажите, чѣмъ заслужили его любовь, чѣмъ завоевали ее?.. А вѣдь было время, когда онъ любилъ васъ, хотѣлъ, думалъ любить, когда въ его сердцѣ была искра любви къ вамъ; отчего жъ вы не раздули эту искру?.. Положимъ, трудъ былъ не подъ силу вамъ; вы не знали какъ взяться за него, вы рвались совершить его, да не знали какъ приступить къ нему, вы были такъ неопытны, такъ мало знакомы съ жизнью, такъ живо хватались за все, все разомъ обнять хотѣли; вы думали, что счастье къ людямъ на голову садится,—васъ винить нельзя. Но почему жъ теперь-то вы вините его одного, въ чемъ? Виновать ли онъ наконецъ, что не можетъ любить васъ такъ, какъ вы требуете; что жъ дѣлать, если при-

*

рода создала его такимъ, какъ онъ есть, а не такимъ, какъ вамъ бы хотѣлось!

Аринюшка все сидѣла неподвижно. Спустившіеся съ головы волосы закрывали почти все лицо ея; казалось, она не дышала даже, по крайней мѣрѣ грудь ея не подымалась.

— Мнѣ слишкомъ жаль васъ, продолжалъ Романъ Семеновичъ; я самъ не уважаю Петра Петровича какъ человѣка, да что жъ дѣлать, нельзя же чтобъ всѣ люди были сдѣланы по нашей выкройкѣ; я знаю, что ваше положеніе тяжело, невыносимо; понимаю, какъ вы жили въ Петербургѣ, знаю какой гнетъ давилъ васъ; наконецъ васъ выпустили, сказали: ступай, отдохни, дѣлай что хочешь, на васъ рукой махнули. Куда вамъ было идти? Конечно сюда. Мѣсто знакомое, родное, вы и прилетѣли сюда съ жаждою, съ потребностью любить; вы теперь любите каждый цвѣтокъ, каждое дерево, каждую дворовую собаку; соръ здѣшній и тотъ любите, потому что ваша душа такъ настроена; вы все забыли, вы бредите любовью одной; а здѣсь свобода, чистый воздухъ, прозрачное небо, солнце, зелень, птицы поютъ, все подогрѣваетъ любовь, шевелитъ чувства и заснувшего человѣка; гдѣ же вамъ молчать—вамъ молчать нельзя... вы подумали, кого полюбить? Поискали, взглянули вокругъ себя и полюбили того, кого вы знали ближе, кого считали можетъ за добраго человѣка, принудили себя полюбить! добавилъ онъ глухо и, помолчавъ, продолжалъ: а я, что я? Я давно заснулъ; гдѣ мнѣ отвѣчать вамъ. Я можетъ и радъ бы проснуться, да не въ силахъ, меня жизнь укачала. Я завялъ; гдѣ же разцвѣсти мнѣ? Подумайте, могу ли я чѣмъ нибудь отплатить вамъ, стою ли я васъ? Что я такое? Такъ, вотъ только ноги волочу, образъ ношу человѣческой, живу, потому что не умираю до сихъ поръ; а здѣсь, что здѣсь у меня? Такъ только досада какая—то, дасада на самого себя! Онъ указалъ на грудь. При послѣднихъ словахъ голосъ его звучалъ какъ то насильно, неестественно.

— Разсудите сами, разсудите хладнокровно, почеловѣчески: подожимъ, я бы увлекся, переродился, откликнулся бы на слова ваши. Что жъ выйдетъ изъ этого? Вы бросите мужа, то есть сдѣлаете самое черное, неблагодарное дѣло; мужъ

вашъ назоветъ меня подлецомъ, васъ—низкой женщиной; свѣтъ заклеиметъ насъ, да и куда мы дѣнемся? Здѣсь жить нельзя, у вашего мужа все мое состояніе, всѣ средства къ жизни; если я лишусь ихъ—я нищій; а у васъ что?—позоръ, общее презрѣніе. Какая же тутъ любовь, какое счастье? Наконецъ, положимъ, что всѣхъ этихъ препятствій не существуетъ, что мы забыли ихъ, пренебрегли ими; мы счастливы по горло, живемъ, блаженствуемъ, я въ васъ души не слышу... А увѣрены ли вы во мнѣ Арина Сергѣевна, что я навсегда останусь такимъ, какъ теперь; достаточно ли вы меня знаете. Изучили ли вы меня? Вѣдь любовь—чувство прихотливое; она затмѣваетъ и долгъ, и совѣсть. Что если я охолодѣю, если недостаточно привьюсь къ вамъ, тогда что останется, какая жизнь ожидаетъ насъ обоихъ?.. Я ручаться не могу за себя, я слишкомъ слабъ; положимъ, я въ бреду, въ упоеніи скажу, что люблю васъ, а будущее, кто заглянетъ въ него, кто поручится въ немъ? Страшно, страшно, Арина Сергѣевна!

Онъ замолчалъ и принялся съ жадностью курить изъ трубки. Лице его покрылось красными пятнами, руки дрожали.

Аринушка сидѣла попрежнему молча, неподвижно; только легкіе, еле слышные вздохи доказывали, что она плакала.

Прошло нѣсколько минутъ.

Романъ Семенычъ взялъ снова ее за руку; она подняла голову, отодвинула съ лица волосы, пристально взглянула на него, хотѣла что-то сказать, но не могла, зарыдала и упала головой на грудь его.

— Арина Сергѣевна! Арина Сергѣевна!.. говорилъ Стадкинъ цѣлуя ея руки, самъ въ свою очередь съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ.

— Что мнѣ дѣлать?.. Боже, спаси, вразуми меня! Простите, простите меня! шопотомъ повторяла она.

VII.

Третій мѣсяцъ живетъ Арина Сергѣевна въ Петровкахъ. Послѣдній разговоръ съ Романомъ Семенычемъ не возобно-

влялся болѣе, о любви не было и помину; и та, и другая сторона, казалось, забыли про нее, сгоронили ее гдѣ-то на днѣ души. Они попережнему проводили вмѣстѣ цѣлые дни, попережнему гуляли; только, въ этихъ прогулкахъ было меньше жизни, меньше сердечнаго, безотчетнаго удовольствія, меньше взаимнаго интереса, теплой довѣренности; что-то насильное, принужденное проглядывало въ нихъ. Казалось, что эти прогулки были вызваны взаимною обязанностью, приличіемъ, составляли одно сухое, мертвое, форменное воспоминаіе прошедшаго. Часто случалось, что они проходили молча, потупивъ головы, значительныя разстоянія, не спрашивая куда идти, зачѣмъ идти? Сидѣли рядомъ по цѣлымъ часамъ, не выговаривъ ни одного слова или не хотя, отрывисто разговаривая о какихъ нибудь повседневныхъ мелочахъ, о такихъ предметахъ, которые никогда интересоваться не могли. Каждый изъ нихъ какъ будто затруднялся, долго отыскивалъ тему для разговора, завѣшивалъ ее въ своемъ холодномъ умѣ и наконецъ выпускалъ на свѣтъ Божій. Они походили на людей совершенно незнакомыхъ, встрѣтившихся въ какой нибудь гостиной и обязанныхъ занимать другъ друга.

— Пожалуй, завтра дождикъ будетъ, замѣчала Романъ Семенычъ, глядя на красноватое зарево заходившаго солнца.

— Богъ знаетъ, можетъ и не будетъ, отвѣчала Аринушка.

— Я потому говорю, солнце такъ сѣло; нынче лѣто стоитъ хорошее, такого лѣта я давно не запомню, во всемъ урожай хорошій, продолжалъ онъ.

— Мужики говорятъ, яблоковъ много, онова отозвалась она.

— И яблоковъ много, яблоковъ гибель, червь не тронуть, сухо; если кому заготовки дѣлать, такъ это сколько угодно.

Послѣдовало небольшое молчаніе, нарушаемое только храпомъ догорающей золы въ трубка.

— Вотъ и комаровъ теперь поубавилось, а то бывало моченьки нѣтъ, кусаютъ проклятые, какъ-то со вздохомъ произнесъ Стадкинъ, окружая облакомъ табачнаго дыма летавшаго подъ самымъ носомъ комара.

— А вотъ въ газетахъ пишутъ, будто въ Турціи саранча появилась, большая саранча, тучи цѣлыя!

— Не знаю, не читала! разсѣянно отвѣтила Арина Сергѣевна.

— Нынче въ газетахъ много интереснаго сообщаютъ; полагать надо, война будетъ, наборы пойдутъ, заготовки разныя... Вы въ церковь завтра пойдете? совершенно неожиданно спросилъ онъ.

— А что?

— Ничего, праздникъ завтра.

— Пойду, отчего жъ не пойти; я въ церкви рада быть, въ церкви хорошо.

— Ничего-съ, у насъ въ церкви порядокъ!

— А вы пойдете? спросила Аринушка.

— Пожалуй, пойду, пойти можно. Жаль, поютъ здѣсь плохо. Какое я въ Москвѣ пѣніе слышала, такого неслыхать больше—просто на небеса уносимься... паришь! Замѣтилъ Романъ Семенычъ и вполголоса затянулъ что-то священное.

Въ такомъ вѣкусѣ разговоръ повторялся чуть ли не каждый день. Начинаясь осень еще болѣе мертвила эту сонную жизнь, по крайней мѣрѣ не разгоняла, не расталкивала ее. Пасмурные дни, безпрестанные дожди, темные вечера, желтый падающій листъ, иногда порывистый, завывающій вѣтеръ, все какъ-то гармонировало съ настроеніемъ души обитателей сельца Петровокъ. Въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ эти обыкновенныя явленія природы быть можетъ прошли бы незамѣтными, но теперь они казались предвѣстникомъ чего-то недобраго, холодили кровь, удваивали уныніе.

Романъ Семенычъ, оставшись одинъ, задумывался болѣе и болѣе; онъ еще сильнѣе, съ какою-то лихорадочною жадностью, выкуривалъ трубку за трубкой, точно въ табачномъ дымѣ искалъ разрѣшенія своей думы, своего сомнѣнія. Долго, по цѣлымъ часамъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своимъ комнатамъ, останавливался, оглядывался вокругъ и снова ходилъ. Долго сидѣлъ въ старомъ полиняломъ креслѣ и разсѣянно въ окно глядѣлъ, порой вздыхалъ, порой по его загорѣлой щекѣ скатывалась слеза. Казалось, онъ на что-то

досадовалъ, жалѣлъ, что такъ скоро дѣнь кончился, что прошелъ онъ глухо, незамѣченно, ничѣмъ не ознаменовавъ своего теченія. Иногда онъ что-то бормоталъ самъ съ собою, теръ себѣ лобъ, разводилъ руками; лицо его было совершенно мрачно; иногда, напротивъ, въ немъ проглядывало что-то отрадное, свѣтилась какая-то надежда, даже увѣренность. Не разъ онъ думалъ возобновить прежній замолкнувшій разговоръ съ Аринушкой, расшевелить ея насильно застывшее сердце, заранее слагалъ слова, фразы, но приходило время и рѣшимость его вдругъ пропадала, языкъ или не двигался, или болталъ что-то совершенно неужное. Романъ Семенычъ возвращался домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа, даже мысленно бранилъ самого себя, упрекалъ Арину Сергѣевну за ея молчаніе, за ея видимое внезапное къ нему охлажденіе, а потомъ, вдругъ перемѣняя мнѣніе, успокоивался, радовался, даже хвалилъ самого себя за скромность, за умѣнье владѣть своими, какъ онъ выражался, лишними, никуда не годными чувствами.

— Ничего тутъ быть не можетъ, глупость одна, малодушіе; это только мальчику развѣ идетъ. Отъ нечего дѣлать вздоръ въ голову дѣзетъ, сумасшествіе какое-то; нужно принудить, перевернуть себя, разомъ покончить. Хоть ухъать отсюда... и уйду—въ Сибирь, въ Камчатку уйду! говорилъ онъ самъ съ собою.

Напротивъ, Арина Сергѣевна казалась совершенно спокойною, только дѣтская веселость ея пропала, она сдѣлалась какъ-то серьезнѣе, положительнѣе, точно сосредоточилась въ самую себя, точно созрѣла, выросла, женщиной стала. Казалось, ничто не тяготило ее, какъ будто не было у ней ни горя, ни радости, ни прошедшаго, ни будущаго; она смотрѣла равнодушно на все окружающее, какъ на что-то постороннее, чуждое и не касающееся. Этотъ переворотъ совершался въ ней безъ борьбы, безъ сознанія въ его необходимости, безъ внутренняго потрясенія. Она праснула перерожденною. На лицѣ ея не было и слѣдовъ какойнибудь затаенной грусти; оно было величественно, спокойно; глаза свѣтились тихимъ огнемъ, что-то чистое, безупречное отражалось въ нихъ. Только молилась Аринушка дольше и

усердїе прежняго; казалось, молитва замѣняла ей все на свѣтѣ, сдѣлалась ея потребностью, ея лучшимъ, нравственнымъ наслажденіемъ, ея единственною, духовною пищею.

По цѣлымъ часамъ стояла она на колѣняхъ передъ образомъ, не крестясь, не кланяясь безпрестанно въ землю; она какъ будто отдѣлялась отъ земли, бесѣдовала съ Богомъ, отдавалась, рассказывала, повѣряла ему тайны души своей,— на устахъ ея сіяла кроткая, безмятежная улыбка. Часто даже среди дня Аринушка вдругъ обращала свои взоры къ небу, точно чего-то искала въ немъ, точно отдыхала въ его безконечной воздушной глубинѣ.

О Петръ Петровичъ не было ни слуху, ни духу. Онъ разъ только написалъ женѣ очень сухое, коротенькое письмо, въ которомъ почти приказывалъ ей не торопиться ѣхать въ Петербургъ, а остаться подольше въ деревнѣ.

Арина Сергѣевна, со своей стороны, также писала къ мужу довольно рѣдко, да и то всегда затруднялась какъ писать, о чемъ писать и прибѣгала къ совѣтамъ и помощи своего сосѣда.

Однажды, какъ-то подъ вечеръ, Романъ Семенычъ читалъ какую-то книгу, Арина Сергѣевна слушала. Вбѣжавшая въ попыхахъ горничная объявила, что прїѣхалъ изъ Петербурга дворецкїй Петра Петровича и что завтра будутъ всѣ люди при немъ находившіеся.

Романъ Семенычъ вздрогнулъ, книга выпала изъ рукъ его. Арина Сергѣевна нѣсколько смутилась.

— Что это значитъ?.. Позови сюда! сказала она, и щеки ея вдругъ покраснѣли. Она взглянула на Стадкина, онъ сидѣлъ понуривъ голову.

Черезъ минуту явился дворецкїй—старый, сѣдой человѣкъ. Онъ три раза перекрестился передъ висѣвшимъ въ углу образомъ и низко поклонился барынѣ.

— Что Петръ Петровичъ? онъ самъ сюда будетъ? спросила она, не давъ времени опомниться вошедшему.

— Никакъ нѣтъ-съ, сами не будутъ, ничего про это не извѣстно; дворню отпустили, медленно отвѣчалъ послѣдній, уставивъ глаза на концы собственныхъ сапоговъ своихъ.

— Зачѣмъ же отпустилъ?.. Онъ живъ, здоровъ?

— Ничего-съ, здоровы; значитъ такая воля ихняя—по своей волѣ и отпустили.

— И тебя отпустилъ?

— И меня отпустили... всѣхъ-съ,—кого по оброку назначили, кого въ деревню, только что Матрену, что въ ключникахъ числилась, при себѣ оставили.

— Стало быть что нибудь случилось? Можетъ несчастіе какое?

— Не могу знать-съ... Чему бы случиться кажется, и примѣтнаго ничего не было, жили какъ при вашей милости, въ порядкѣ, только что, извѣстно, строгость большая. Кадымъ часомъ бѣды себѣ жди,—а тутъ, ничего этого намъ не извѣстно, разстройство подошло, долги какіе-то.

— Долги?!

— Не могу знать-съ, люди такъ сказывали. Отчего бы кажется долгамъ быть, слава-те Господи! Онъ поднималъ на минуту голову и посмотрѣлъ вокругъ себя.

Романъ Семенычъ молчалъ и изподлобья глядѣлъ на пріѣзжаго.

— Къ вашей милости письмо написали да и отпустили всѣхъ: сегодня значитъ приказаніе отдали, а завтра чѣмъ свѣтъ ужъ и не было никого, такая поспѣшность вышла, добавилъ дворецкій, сунулъ руку за пазуху, вытащилъ изъ него конвертъ и подаль Аринушкѣ.

— Ничего больше? спросила она.

— Ничего-съ... кланяться приказали... Кланяйся, говорить.

Она взяла письмо, распечатала его, отпустила дворецкаго, облокотилась обѣими руками на столъ и принялась читать.

По мѣрѣ чтенія, фізіономія ея прояснялась болѣе и болѣе, на губахъ показалась улыбка, глаза сдѣлались влажными и жадно перебѣгали со строчки на строчку, грудь высоко подымалась; какое-то внутреннее чувство захватывало ея дыханіе; казалось, она хотѣла или зарыдать, или смѣхомъ разразиться; лице горѣло, сердце сильно билось.

Романъ Семенычъ все время пристально смотрѣлъ на нее.

Она кончила читать, хотѣла что-то сказать, но не могла; молча, дрожащею рукою передала Стадкину письмо, отвернулась и тихо заплакала.

— Арина Сергѣевна, что съ вами? спросилъ онъ, судорожно сжимая письмо.

— Не знаю!.. хорошо мнѣ! отвѣтила она и закрыла лице руками.

Романъ Семенычъ нетерпѣливо пожалъ плечами, сильно раза три затанулся, развернулъ письмо и принялся читать его.

Оно было слѣдующаго содержанія.

«Несравненный, добрый другъ мой, Аринушка! Прости меня, я много виноватъ передъ тобой, такъ много, что не имѣю даже силъ оправдываться. Судя по моему долговому молчанію, ты могла думать, что я забылъ, бросилъ тебя на произволь судьбы, обрадовался твоему отсутствію; нѣтъ, ты всегда оставалась въ моей памяти, въ моемъ сердцѣ; только проклятыя дѣла, не дававшія мнѣ покою, неволью, временно отстранили меня отъ тебя, но за то заставили истинно, вполнѣ дорожить тобою, какъ моимъ ангеломъ хранителемъ, заступникомъ предъ всемогущимъ Богомъ. Женясь на тебѣ, мнѣ вазалось, что я дѣлаю доброе, почти святое дѣло, что ты мнѣ счастье принесешь, навсегда упрочишь его; я не ошибся: я былъ счастливъ, я все возвышался, все удавалось мнѣ—только это самое, чрезмерное счастье и погубило, задушило меня. Я видѣлъ твое отчужденіе и молчалъ, замѣчалъ твою тоску, твою горе и не старался разсѣять ихъ; я забылъ, что всѣмъ обязанъ тебѣ, забылъ, что ты охраняешь меня, что безъ тебя—я ничто. Я былъ слишкомъ гордъ, мнѣ никогда не приходило въ голову, что благопріятствующая судьба рано или поздно можетъ оставить меня; постоянныя во всемъ удачи усыпили меня. Только теперь я сознаю какъ страшно, жестоко виноватъ передъ тобою, сознаю, что ты увезла съ собою все, даже самую жизнь мою; въ тебѣ была заключена вся сила моя, безъ тебя я существовать не могу. Я клянусь себя, называю безчувственнымъ, неблагодарнымъ. У тебя одной я прошу прощенія, прости!.. Спаси меня!.. вороти мнѣ мое прежнее, заступись за меня! Ты одна можешь если не воскресить, то по крайней мѣрѣ поддержать меня, очистить мою совѣсть, не дать мнѣ умереть на чужихъ, предательскихъ рукахъ, подъ чужой смѣхъ и говоръ.

Я старъ, здоровье мое видимо разстроилось; я звалъ тебя

когда-то жить, радоваться, наслаждаться вмѣстѣ со мною; теперь зову страдать, облегчить мою горькую участь, закрыть мнѣ глаза, пролить теплую слезу надъ моимъ гробомъ. Я не принуждаю тебя, не приказываю тебѣ: я не могу приказывать, я слишкомъ слабъ, слишкомъ ничтоженъ; я прошу только твоей милости, твоего заступничества—оно до сихъ поръ спасало меня, быть можетъ спасетъ и теперь. Доброе сердце твое укажетъ, что тебѣ нужно дѣлать; ты жена, ты другъ мой, сжался же надо мной—истинные друзья познаются въ несчастіи. Именемъ твоего отца умоляю тебя, не оставь меня; забудь все, протяни мнѣ твою благодѣтельную руку. Отслужи панихиду за упокой души его, молись, больше молись, молись покажѣсть силъ хватить!.. Скажи Гришкѣ старому, что я его на волю отпускаю; я нарочно не говорилъ ему, пусть онъ услышитъ это слово изъ устъ твоихъ! Сдѣлай какое нибудь доброе дѣло, помоги неимущимъ крестьянамъ, если нужно продай для этого мебель изъ гостиной и кабинета, чортъ съ ней, я никогда не буду въ Петровкахъ. Отдай что можно на церковь, ничего не жалѣй—все вздоръ, все не наше... Богу больше, какъ можно больше! Я съ часу на часъ буду ожидать тебя, какъ единственной своей отрады. Я воскресну, увидѣвъ тебя; докажи мнѣ, что я не ошибся тогда, когда заступился за твое честное имя, пренебрегъ людскими словами, не погнушался твоимъ рубищемъ, когда женился на тебѣ. Прилагаю при семь мой адресъ, я переѣхалъ съ прежней квартиры. Любящій тебя другъ и мужъ

Петръ Колотырниковъ».

Романъ Семенычъ долго читалъ письмо. Казалось, онъ съ трудомъ разбиралъ его, не вѣрилъ глазамъ своимъ тому, что въ немъ было написано. Онъ безпрестанно останавливался, безпрестанно взглядывалъ на Арину Сергѣевну, тревожно озирался вокругъ себя; руки его дрожали, лицо было совершенно блѣдно, холодный потъ градомъ струился по лбу его. По временамъ внутреннее волненіе сильно давило его; онъ готовъ былъ зарыдать, но пересиливалъ себя и только глухо кашлялъ. Наконецъ онъ кончилъ, бросилъ письмо на столъ, всталъ, прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, набилъ трубку, закурилъ ее и сѣлъ на диванъ. Только по су-

дорожному движенію руки его, да черезъ—чуръ блѣдному лицу видно было, что онъ далеко не успокоился.

Аринушка все сидѣла, закрывъ лице руками.

Прошло нѣсколько минутъ. Она обернулась поспѣшно, глава вытерла и взглянула на Романа Семеныча.

— Читали? спросила она.

— Читаль-съ, хорошо написано, очень хорошо! неопредѣленно отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, самъ съ собою прибавилъ: бестія человѣкъ, большая бестія!

— Что мнѣ дѣлать?.. Я сама себя не помню!

— Какъ что? За лошадыми посылать, тутъ и думать нечего, завтра чѣмъ свѣтъ ѣхать скорѣй, какъ можно скорѣй; вамъ нельзя не ѣхать, вы должны ѣхать; не поѣдете—онъ васъ силой вытребуетъ!

— Какъ силой? онъ просить, умоляетъ, какая же сила тутъ; еслибъ онъ не хотѣлъ даже, я бы сама поѣхала.

— Все это вздоръ... силой!.. вы жена его! рѣзко отвѣтилъ Романъ Семенычъ. Во всемъ самъ виноватъ, самъ сгубилъ себя, а теперъ какую-то Божью кару надъ головой своей видить, въ васъ спасенія ищетъ. Совѣсть грызетъ! Воръ перковъ ограбилъ, а потомъ свѣчу предъ образомъ ставить. Господи помилуй! Господи благодарю тебя! добавилъ онъ и горько усмѣхнулся.

Лицо Арины Сергѣевны вдругъ приняло строгое выраженіе.

— Романъ Семенычъ, вспомните, вы говорите о моемъ мужѣ, о человѣкѣ, которому я такъ много обязана; пощадите меня, пощадите его, онъ въ несчастіи! какимъ-то умоляющимъ, серьезнымъ тономъ произнесла она.

— Я все помню!.. все; вспомните и вы, когда вы говорили, что ненавидите мужа, я что сказалъ вамъ?.. Когда здѣсь, на могилѣ отца, вы объяснялись въ любви ко мнѣ, требовали этой любви, я что сказалъ?.. развѣ я бросился къ вамъ на шею, развѣ схватился за эту любовь, обрадовался ей; я все могъ сдѣлать, и ничего не сдѣлалъ, я отдалъ васъ вашему мужу, я все схоронилъ въ себѣ; трудно было, да дѣлать нечего—такая судьба моя, доля такая!.. Я былъ оди-

нокъ, одинокъ и останусь, я съ колыбели не зналъ женскихъ ласкъ, боялся ихъ и теперь ихъ знать не хочу!.. На глазахъ его навернулись слезы. Поѣзжайте къ мужу, вашъ долгъ ѣхать, повиноваться; поѣзжайте утѣшать его, лечить отъ глупости и мерзости, страдать,—вы еще мало страдали, мало ползали! добавилъ онъ какъ-то глухо, и провелъ рукою по головѣ.

Аринюшка стояла опустивъ голову и тяжело дышала.

— Чѣмъ же я виновата? Что мнѣ дѣлать? произнесла она нѣсколько спустя какъ-бы сама съ собою, не смѣя взглянуть на Романа Семеныча.

— Ъхать, ѣхать, ѣхать!.. Поѣзжайте съ Богомъ, меня оставьте въ покоѣ, отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, прибавилъ: я то за что страдаю, за что гибну? Я зачѣмъ приплелся тутъ, зачѣмъ въ омутъ лѣзу? Лишаюсь имѣнія, всѣхъ средствъ къ жизни, осмѣянь, одураченъ... а почему?.. потому что совѣсти много. Къ чорту бы эту совѣсть дурацкую! Онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

Арина Сергѣевна подняла голову.

— Романъ Семенычъ, произнесла она твердымъ, спокойнымъ голосомъ, я тоже все помню, помню ту минуту, когда на мое чистосердечное признаніе, на мой смѣлый, безразсудный вызовъ, на говоръ моего разбитаго сердца вы откликнулись вашимъ холоднымъ умомъ, оттолкнули меня. Я помню, тогда мнѣ страшно сдѣлалось, мнѣ бы легче было умереть, чѣмъ услышать отвѣтъ вашъ... Я вѣдь тоже все схоронила въ себѣ; вы сами открыли глаза мнѣ, сами научили, заставили меня одѣлать то, что я дѣлаю теперь!.. За что жъ вы корите меня? Я только исполняю вашу волю, ваше желаніе, сознаю его пользу, его необходимость. Благодарю васъ, вы указали мнѣ мой долгъ, мою первую святую обязанность, представили весь позоръ моего заблужденія, научили меня дорожить этимъ долгомъ; вы были моимъ наставникомъ—я послушалась васъ, я насильно заглушила въ себѣ все то, чѣмъ билось мое сердце, вы спасли меня!.. Чего жъ вы теперь хотите?.. Могутъ ли я возвратиться къ прежнему? когда, въ какую минуту? Подумайте, Романъ Семенычъ, докажите несправедливость словъ вашихъ, докажи-

те, что вы обманывали меня, смѣялись надо мною, какъ надъ малымъ ребенкомъ, тогда, быть можетъ, я одумаюсь, снова послушаюсь вашего совѣта, соглашусь съ вами, вернусь къ прошедшему. Я все еще люблю васъ, только теперь чувство благодарности къ мужу, состраданія къ нему— выше всякой любви; теперь любовь не заплатитъ долга!.. Прощайте, Романъ Семенычъ, я завтра ѣду! добавила она и протянула ему руку.

Стадкинъ не зналъ, что отвѣчать; онъ только взглянулъ на Арину Сергѣевну, схватилъ ея руку и крѣпко прижалъ къ губамъ своимъ.

Она нагнулась и поцѣловала его въ голову.

На другой день, рано утромъ, у подъѣзда барскаго дома стояла запряженная шестеркою почтовыхъ лошадей, дорожная карета; около нея толпились мужики, бабы; деревенскіе ребятишки карабкались на запятки и козла; старикъ дворецкій стоялъ понуривъ голову, придерживаясь рукою за переднее колесо.

На крыльцо вышла Аринушка.

Всѣ присутствующіе разомъ обступили ее, точно говорить съ ней хотѣли; мальчишки умолкли; всѣ лица были пасмурны, на глазахъ нѣкоторыхъ блестѣли слезы; позади толпы вылъ чей-то старушечій голосъ.

— Прощайте братцы! произнесла Арина Сергѣевна; благодарю васъ, очень благодарю, спасибо вамъ!.. Богъ знаетъ, увидимся ли когда, съ трудомъ добавила она и горько заплакала.

Толпа застонала. Отдѣлившіеся отъ нея мужики и бабы цѣловали руки госпожи своей, полы ея платья, нѣкоторые валялись въ ногахъ ея.

— Кормилица! мать родная! заступись, на кого покидаешь насъ, золотая, желанная! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Арина Сергѣевна не знала, что дѣлать; она протягивала тѣснившимся крестьянамъ свои руки, цѣловала ихъ головы.

Прошло съ четверть часа, толпа успокоилась. Аринушка собралась съ новыми силами.

— Григорій Архипычъ, тебя баринъ на волю отпускаетъ,

за службу благодарить! Спасибо тебѣ, дай Богъ счастья, помолись за насъ... На волю! добавила она радостно.

Дворецкій заморгалъ глазами, оглянулся на всѣ стороны, точно искалъ чего-то, точно недоувѣрялъ ушамъ своимъ, точно спрашивалъ подтвержденія у людей окружавшихъ его, потомъ повалился въ ноги барынѣ и захныкалъ, какъ дребезжащая надорванная струна на скрипкѣ.

— Пустите, пустите! раздался вдругъ чей-то голосъ. Толпа раздвинулась. Аринушка обернулась. Передъ ней стоялъ Романъ Семенычъ въ форменномъ сертукѣ, съ большимъ табачнымъ кисетомъ черезъ плечо, съ трубкой въ одной рукѣ, чемоданомъ и кожаной подушкой въ другой.

— Меня возьмете съ собой? спросилъ онъ весело, но совершенно равнодушно.

— Куда?

— Я тоже въ Петербургъ ѣду; сегодня ночью вздумалъ, здѣсь дѣлать нечего.

Аринушка съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Возмете? повторилъ онъ; не то, я слѣдомъ поѣду; и телѣжку смазать велѣлъ.

— Поѣдемте! отвѣтила она и улыбнулась.

Черезъ нѣсколько минутъ карета катилась по селу. Изъ всѣхъ оконъ выглядывали то мужскія, то женскія головы; всѣ встрѣчные въ поясъ кланялись ей, останавливались и долго провожали глазами, а старикъ дворецкій задыхаясь, весь въ поту, сопровождаемый ребятишками, бѣжалъ за ней до тѣхъ поръ, покамѣстъ не растянулся отъ изнеможенія и усталости.

На первой станціи Романъ Семенычъ и Арина Сергѣевна встрѣтились съ какимъ-то тучнымъ, высокимъ баринномъ, ѣхавшимъ принимать купленную имъ за безцѣнокъ Петровку.

— Сколько душъ числится? спросилъ его Стадкинъ, весь блѣдный отъ страха.

— По послѣдней ревизіи 532 души—отвѣтилъ баринъ.

У Романа Семеныча отлегло отъ сердца; имѣніе ему принадлежащее осталось нетронутымъ.

VIII.

А между тѣмъ, недѣли за двѣ до полученія письма Аржигой Сергѣевной, въ богато убранной квартирѣ Петра Петровича происходилъ страшный беспорядокъ. Мебель была сдвинута и перевязана веревками, стулъ стоялъ на стулѣ, кресло на креслѣ, столы были завалены фарфоровой и стекляннѣй посудой, столовымъ серебромъ; на одномъ диванѣ лежали также перевязанными веревками двѣ енотовыя шубы, пальто бобровое, на другомъ валялся огромный, на половину сложенный коверъ, занавѣсы съ оконъ; драпри съ дверей были разостланы на креслахъ и стульяхъ; на полу лежали снятыя со стѣнъ и сложенныя другъ на дружку картины, за ними выглядывали двѣ бронзовыя бюсты, далѣе—кучерская одежда, армяки, шапки и даже лошадиная сбруя. Ко всѣмъ этимъ вѣщамъ были приложены красныя печати; около нихъ толпились: какой-то худенькій господинъ въ вицъ-мундирѣ, купецъ съ бородкой, съ хитрыми бѣгающими глазами, въ долгополомъ синемъ кафтанѣ; онъ безпрестанно дотрогивался то до одной, то до другой вещи, тыкалъ пальцемъ въ картины, гладилъ шубы, щупалъ матерію на мебели; въ сторонѣ разговаривалъ квартальный надзиратель съ другимъ чиновникомъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и книгой подъ мышкой. Въ другихъ комнатахъ было совершенно пусто; только гвозди на стѣнахъ, да разбросанные по полу клочки бумаги доказывали, что и здѣсь было когда-то хорошо, уютно, что быть можетъ недавно, нѣсколько часовъ тому назадъ, чья-то безжалостная рука вытащила отсюда всѣ нужныя и ненужныя украшенія, всѣ прихоти богатства и роскоши. По этимъ комнатамъ взадъ и впередъ, изъ угла въ уголь, повѣсивъ голову и заложивъ руки въ карманы брюкъ, ходилъ самъ Петръ Петровичъ. Костюмъ его былъ въ совершенномъ беспорядкѣ, полуразвязанный галстукъ еле держался на шеѣ, изъ-подъ сюртука выглядывала измятая рубашка. Лице его было блѣдно; густая, небритая, сѣдая борода покрывала весь подбородокъ; на осунувшихся щекахъ мѣстами проглядывали

багровыя пятна; глаза впали и какъ-то непріятно сверкали изъ-подъ нависшихъ бровей. Вообще онъ сильно перемѣнился, похудѣлъ, сгорбился, сдѣлался даже выше ростомъ; прежнее величіе въ движеніяхъ пропало, голосъ сталъ дребезжащимъ, точно не говорилъ онъ, а плакалъ, жаловался; какая-то ранняя, преждевременная дряхлость овладѣла всѣмъ существомъ его.

За дверью, въ другой комнатѣ, старая, семидесятилѣтняя старуха, оставленная Колотырниковымъ при себѣ, вѣзмѣнъ всей прочей прислуги, отпущенной наканунѣ, протяжно всхлипывала.

Петръ Петровичъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ; казалось, онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ; наконецъ нетерпѣливо трякнулъ головой и подошелъ къ двери.

— Не реви! довольно сердито крикнулъ онъ; чего рюнишь, жалѣть вадумама; я тебѣ дамъ жалѣть, дурища старая, смѣй жалѣть! Вотъ тоже въ деревню отправлю... доставайся чорту какомунибудь. Молчи! громче прежняго крикнулъ онъ, услышавъ въ отвѣтъ какое-то оправданіе—если при себѣ оставилъ, такъ и молчи, пикни только!

Всхлипыванье прекратилось.

Петръ Петровичъ зашагалъ снова, но вдругъ остановился и схватилъ себя за голову; воображенію его разомъ представился весь ужасъ настоящаго положенія. Онъ разорился, онъ нищій, у него ничего нѣтъ, отъ него всѣ отступились; вся эта дрянь, мелюзга, которая за счастье считала пожать его руку, ползала, унижалась, толпилась въ его передней, кормилась его хлѣбомъ—теперь смѣется, издѣвается надъ нимъ. Что за судьба жестокая? Откуда разомъ посыпались всѣ удары, нахлынули эти долги проклятые; почему все пошло къ чорту, все кверху дномъ встало? Тамъ лопнулъ казенный подрядъ, тамъ въ частныхъ рукахъ пропали тысячи, тамъ фабрика обанкрутилась, тамъ одна неудавшаяся афера повлекла за собою другую, третью, ошеломила окончательно, вырвала съ корнемъ послѣднія силы; тамъ наконецъ все его имущество, все доставшееся по томъ и кровью, сколоченное правдой и неправдой въ теченіи цѣлой жизни, клеймится полицейскою печатью, продается съ публичнаго

торга. Онъ, богачъ, гордый, неприступный, счастливецъ, ба-ловень, орелъ—онъ долженъ на старости дѣтъ съежиться, отказывать себѣ въ необходимомъ, быть можетъ, въ кускѣ хлѣба, просить, унижаться! Страшно, стыдно, невыносимо, невѣроятно, неосуществимо для самого себя. Петръ Петровичъ закрежеталъ зубами, стиснулъ руки, опустился на подоконницу. Лицо его какъ-то судорожно вытянулось; онъ тяжело, прерывисто дышалъ, какъ будто усталъ, изнемогъ, задохся отъ налетѣвшихъ разомъ несчастій.

— Боже мой, Боже мой, въ чемъ я согрѣшилъ тебѣ! глухо простоналъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней квартира его совершенно опустѣла. Онъ перѣхалъ куда то очень далеко, на край Петербурга, и поселился въ деревянномъ, одноэтажномъ домикѣ, въ двухъ небольшихъ, бѣдныхъ комнатахъ.

Мрачно, одиноко, неподвижно, уставивъ глаза въ стѣну, какъ будто боясь чего-то, просиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ, никого не принималъ къ себѣ, никого видѣть не хотѣлъ, только безпрестанно ворчалъ на старуху Матрену, бывшую влючницу, да иногда, какъ бы наскучившись долгимъ молчаніемъ, метался какъ угорѣлый, стоналъ, рвалъ на себѣ волосы или, забивши въ подушки голову, плакалъ какъ ребенокъ. Страшно было въ такую минуту подступиться къ Петру Петровичу: онъ въ каждомъ видѣлъ своего врага, своего злодѣя, своего нравственнаго убійцу, на каждомъ хотѣлъ выместить накопившее горе; даже Матрена въ подобныя минуты не смѣла глядѣть на барина, крестилась, пряталась и дрожала отъ страха. Разъ какал-то родственница вздумала навѣстить Петра Петровича, принять въ немъ участіе, погоревать вмѣстѣ съ нимъ, но получила такой нагоняй, что почти стремглавъ вылетѣла на улицу.

Однажды, утромъ, когда Колотырниковъ находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, подъ окнами его комнаты остановилась знакомая ему карета, а изъ нея вылѣзла Арина Сергѣевна.

У Петра Петровича затряслись ноги и руки, онъ хотѣлъ было встать, бѣжать, броситься на встрѣчу пріѣзжей,

*

но ничего не могъ — только поблѣднѣлъ больше обыкновеннаго. Невозможно рассказать эту встрѣчу мужа съ женой; она не выражалась словами, ни одного вздоха не было слышно ни съ той, ни съ другой стороны, какая-то могильная тишина сопровождала ее. Петръ Петровичъ впился въ руки Аринушки, она обвила его шею и прильнула головой къ груди его. Нѣсколько минутъ они оставались неподвижными, дыханіе ихъ замерло, наконецъ Арина Сергѣевна подняла голову, тихо, протяжно вскрикнула. Петръ Петровичъ зашатался, опустился на стулъ и захныкалъ какимъ-то ребячскимъ болѣзненнымъ голосомъ. Аринушка схватила его за руки, повалилась передъ нимъ на колѣни и глухо зарыдала.

Прошло съ четверть часа. Они все молчали. Казалось, они каялись другъ передъ другомъ, взаимно просили другъ у друга прощенія, повѣряли другъ другу самыя сокровенныя тайны. Они какъ будто въ первый разъ въ жизни понимали, оцѣнили, разгадали другъ друга. Въ ихъ рыданіи было что-то радостное, что-то такое теплое, успокоивающее душу; они взаимно дорожили этимъ рыданіемъ, наслаждались имъ. Имъ хорошо было. Наконецъ они, какъ бы по знаку, вдругъ омолокли и взглянули другъ на друга.

Въ лицѣ Аринушки было столько любви, столько счастья, столько теплой довѣренности; влажные глаза ея смотрѣли такъ отрадно, такъ весело, что Петръ Петровичъ невольно улыбнулся, но тотчасъ же, какъ бы раскаявшись въ этой улыбкѣ, тяжело вздохнулъ.

— Видишь!.. произнесъ онъ повертывая голову и указывая на голыя стѣны комнаты.

— Все вижу, все знаю, спокойно отвѣтила Аринушка.

— Ничего нѣтъ, все къ чорту пошло, провалилось все! продолжалъ Петръ Петровичъ очень тихо, точно говорилъ самъ съ собою; все взято, все продано!.. Петровка продана; все пропало, честь пропала; я уничтоженъ, меня всѣ бросили. Ты теперь свободна, ты только прости меня, на смерть благослови; я боялся, что умру безъ тебя, я ждалъ тебя, меня здѣсь давило что-то, мучило, теперь легче стало!.. Онъ указалъ на сердце. Я обманулъ тебя, ступай съ Богомъ,

отупай куда знаешь—одному легче страдать. Я нищій, мнѣ нечѣмъ кормить тебя, ступай, прости только! глухо добавилъ онъ и махнулъ рукой.

— Меня только мертвую вынесутъ отсюда!.. Ты звалъ меня спасти тебя, я и спасу, я и прокормлю тебя. Я счастлива теперь, я ждала этого страданія, мнѣ нужно оно; несчастье оживило, спасло меня!.. Теперь во мнѣ силы есть, я рада несчастію! почти крикнула Аринушка, и глаза ея засверкали. Голосъ ея звучалъ такою увѣренностью, точно въ самомъ дѣлѣ отъ ея воли зависѣло спасти мужа, точно въ ея рукахъ была самая жизнь его. Она въ первый разъ сказала ему ты.

— Здѣсь лучше, говорила она нѣсколько спустя, оглядывая кругомъ комнату; тамъ, на той квартирѣ, мнѣ душно было, я больна была, не доставало чего-то... Здѣсь легче, свободнѣе, здѣсь весело; здѣсь я выздоровѣла... Здѣсь свѣтъ, тамъ могила—намъ немного нужно... Я сама буду стирать, сама бѣлье стирать, мнѣ хорошо теперь! Вотъ, еслибы папенька былъ живъ, я была бы совсѣмъ, совсѣмъ счастлива! Вѣдь и его кости тоже проданы! добавила она грустно.

Петръ Петровичъ вздрогнулъ.

Аринушка замѣтила смущеніе мужа, тотчасъ перемѣнила тонъ и весело прибавила: знаешь, Романъ Семенычъ со мной пріѣхалъ.

— Пріѣхалъ! повторилъ Колотырниковъ—да, ему не зачѣмъ тамъ оставаться; его имѣніе цѣло, онъ тоже продастъ его, съ него хватить; всѣ здѣсь, всѣ соединились, точно прежде бывало. Господи, Господи! замѣтилъ онъ и замоталъ головой.

Вечеромъ въ тотъ же день явился Романъ Семенычъ.

Увидѣвъ его, Петръ Петровичъ снова захныкалъ, однако скоро успокоился, тѣмъ болѣе, что Стадкинъ ни о чемъ не распрашивалъ его, какъ будто и не замѣтилъ ничего. Только оставшись на минуту наединѣ съ Ариной Сергѣевной, онъ тихо спросилъ: все пропало, ничего не осталось?

— Ничего! Кажется и рубля нѣтъ, отвѣтила она.

Романъ Семенычъ пожалъ плечами.

— У меня есть кой какія деньги—первое время пере-

биться можно; что жъ дѣлать, тамъ имѣніе продать, неопредѣленно замѣтилъ онъ.

Аринушка на него взглянула. Въ комнату вошелъ Петръ Петровичъ.

Недѣли двѣ, три, прожила Арина Сергѣевна послѣ приѣзда изъ Петровокъ и какъ прожила, о такомъ счастіи она никогда и не мечтала, не сознавала его возможности. Все то, чего жаждала душа ея, чѣмъ билось сердце, отъ недостатка чего она терзалась, мучилась—все исполнилось въ полной силѣ, вдругъ, разомъ, все соединилось съ избыткомъ для полного, невозмутимаго счастья. Петръ Петровичъ переродился, сдѣлался другимъ человѣкомъ; онъ съ какимъ-то трепетнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на жену, видѣлъ въ ней своего лучшаго, единственнаго друга, свою радость, свое утѣшеніе, что-то святое, безпорочное; разговаривалъ съ нею такъ мягко, такъ нѣжно, повѣрялъ ей тайны души своей, дѣлился своимъ страданіемъ, спрашивалъ ея совѣтовъ, точно хотѣлъ учиться у нея, точно видѣлъ въ ней какое-то совершенство, что-то мудрое, безошибочное, точно искалъ въ ней своего спасенія. Онъ называлъ ее не иначе, какъ своимъ ангеломъ хранителемъ, гладилъ ея волосы, цѣловалъ ея руки. Казалось, теперь онъ бы не промѣнялъ жену ни на какія сокровища въ мірѣ; онъ отдался ей какъ дитя, лаская ее, забывалъ свое горе, свое прежнее и настоящее положеніе, забывалъ все на свѣтѣ.

Арина Сергѣевна, съ своей стороны, вся перенеслась въ мужа, заключилась, сосредоточилась въ немъ, какъ-то лихорадочно уцѣпилась за эту внутреннюю, совершившуюся въ немъ переменъ, точно боялась потерять ее, точно не вѣрила въ ея прочность, точно хотѣла насладиться ею скорѣе, больше, испить чашу до дна, разомъ, точно думала настоящимъ, чересчѣрнымъ счастіемъ заpastись на будущее время, облегчить будущія страданія. Она помяла теперь, какой любви было ея сердце, поняла свою прошедшую муку, бредъ души своей и даже внутренно благословляла ее, какъ средство доставившее ей путь въ настоящему блаженству. Теперь никакая сила не могла оторвать ее отъ Петра Петровича; она любила его, какъ любить мать своего ребенка, какъ человѣкъ

любить самого себя; она нераздѣльно соединилась съ нимъ. О прежнемъ богатствѣ между мужемъ и женой не было и поминку, какъ будто они никогда не знали его и не были богаты до сихъ поръ. Правда, особенно вопиющей нужды ни Петръ Петровичъ, ни Арина Сергѣевна еще не испытали. До перваго ничто не доходило; онъ сидѣлъ въ теплой комнатѣ, въ тепломъ халатѣ, ѣлъ готовый обѣдъ, не такой изысканный какъ прежде, но тѣмъ не менѣе довольно вкусный; его берегли, боялись огорчить, какъ ребенка; онъ не спрашивалъ, откуда взяли деньги на этотъ обѣдъ, заплачено ли хозяйкѣ за квартиру; онъ какъ будто или боялся спросить, или смотрѣлъ на настоящую свою жизнь, какъ на ничего не стоящую, какъ будто сама судьба была обязана заботиться о немъ, не смѣла допустить его жить еще хуже, съ большими лишеніями. Что касается до Арины Сергѣевны, то она волею и неволею, для спокойствія мужа, должна была принять помощь, предложенную Романомъ Семенычемъ. Сначала долго крѣпилась она; самолюбіе ея страдало, ей было стыдно, больно, она краснѣла, знала что Стадкинъ отдаетъ послѣднее, думала работать чтобъ возвратитъ ему, наконецъ увидѣла, что работать не можетъ, что работой ничего не достанешь и, насильно, махнувъ рукой, придавила въ себѣ неумѣстную совѣсть.

— Что жъ дѣлать! я не могу отказаться—не смѣю; я не для себя беру, я для мужа все снесу, на все рѣшусь, лишь бы чѣмъ нибудь спасти, поддержать его—успокоивала она сама себя.

Романъ Семенычъ по приѣздѣ въ Петербургъ остановился гдѣ-то въ трактирѣ и безпрестанно посѣщалъ Колотырниковыхъ, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ. Онъ какъ будто наблюдалъ за ними, какъ будто досадовалъ на ихъ дружбу, видѣлъ въ ней что-то такое насильное, завидовалъ ей. Часто, оставшись на единѣ съ Ариной Сергѣевной, онъ казалось терялся, не зналъ какъ смотрѣть на нее, что говорить и умолкалъ совершенно. Иногда, возвратясь къ себѣ домой, влился на самого себя, жалѣлъ, зачѣмъ въ Петербургъ поѣхалъ, зачѣмъ такъ часто бываетъ у Колотырникова, даже зачѣмъ принимаетъ въ нихъ такое живое, теплое участіе,

жертвуетъ своимъ послѣднимъ достоинствомъ; а на другой день свѣшивъ къ Аринѣ Сергѣевнѣ чуть не къ утреннему чаю, и былъ радъ радеконекъ, почти счастливъ, когда давалъ ей кой-какія деньги, когда она, въ знакъ благодарности, молча, краснѣя, со слезами на глазахъ, жала его холодную, дрожащую руку.

Прошелъ мѣсяць. Вдругъ Петръ Петровичъ какъ бы вспомнилъ о своемъ положеніи, какъ бы очнулся отъ временнаго спокойствія, точно надоѣло оно ему. Онъ снова захныкалъ, снова сдѣлался несноснымъ, раздражительнымъ. Онъ какъ будто притворялся, чего-то ждалъ до сихъ поръ, разыгрывалъ чужую роль и, недождавшись, потерявъ терпѣніе, снова облачился въ принадлежащую ему шкуру. Ласки жены перестали утѣшать его, даже ея присутствіе дѣлалось ему тягостнымъ; когда она садилась возлѣ него, когда думала облегчить его страданія, разогнать тоску его, онъ махалъ ей рукой, умолялъ оставить одного. Бѣдная Аринушка поневолѣ удалялась въ свою комнату и тамъ, прислонясь къ двери, ведущей въ кабинетъ мужа, подслушивала его вздохи и горько, горько плакала. Она поняла, что мимоходомъ задѣвшее ее счастье скрылось, исчезло на вѣки, оставивъ по себѣ одно воспоминаніе. Посѣщенія Романа Семеныча, Богъ знаетъ почему, рѣшительно опротивѣли Петру Петровичу; онъ ихъ боялся какъ-то, и часто, сказавшись больнымъ, лежалъ въ присутствіи гостя отвернувшись къ стѣнѣ и только вздыхалъ тяжело.

Однажды, немедленно по уходѣ Стадкина, выведенный изъ терпѣнія долгимъ его присутствіемъ, Петръ Петровичъ принялся открыто бранить его. Зачѣмъ онъ ходитъ сюда, говорилъ онъ неприятнымъ, болѣзненнымъ голосомъ; какого чорта ему нужно здѣсь; нечего дѣлать такъ и таскается, покою недаетъ, точно воръ какой; зачѣмъ въ Петербургъ пріѣхалъ, гнилъ бы тамъ у себя, получилъ свое и гнилъ бы въ бодотѣ своемъ. Видѣть его не могу. Меразвцемъ былъ, мерзавцемъ и остался. Чего онъ тиранитъ меня, душу воротить... Что нужно ему?

Арина Сергѣевна не вытерпѣла.

— Петръ Петровичъ! довольно робко замѣтила она, грѣшно бранить человѣка; вспомни, Богъ и то наказалъ тебя!

Лицо Колотырникова вдругъ вытянулось, глаза его засверкали.

— Богъ наказалъ! говорилъ онъ прерывистымъ, задыхающимъ голосомъ; и ты туда же, и ты упрекать вздумала, и ты съ злодѣями наровнѣ; сговорила съ ними, имъ продала себя, душить меня прѣхала; всѣ душить собралась... Души, души! теперь можно, теперь не прежнее время. Богъ наказалъ; наказалъ, наказалъ! Знаю, что наказалъ. Вадоръ, все вадоръ; ничему не вѣрю, все обманъ одинъ, подлость одна! докончилъ онъ глухо и вдругъ впалъ въ совершенное изнеможеніе: голова его опустилась на спинку кресла, лицо поблѣднѣло.

Аринушка бросилась было къ мужу, но онъ рукою отстранилъ ее.

— Да, продолжалъ онъ еле слышно; поскорѣй бы въ гробъ лечь, скрыться отъ всѣхъ; скорѣй бы ужъ придавили разомъ... къ чорту эту жизнь проклятую! Скажи ему, что я его видѣть не хочу, онъ не смѣетъ ходить сюда, душить, обворовывать меня; я его вонъ выгоню. Не могу я его видѣть! громко, ободрившись, добавилъ онъ.

— Этого нельзя, Петръ Петровичъ, еслибы не онъ, намъ бы ѣсть было нечего, спокойно замѣтила Арина Сергѣевна.

Колотырниковъ вытаращилъ глаза.

— Да, продолжала она, онъ помогаетъ намъ, онъ отдаетъ намъ послѣднее, онъ продалъ за безцѣнокъ свое имѣніе, и съ краю, все проживаетъ для насъ; онъ благодѣтель твой, а ты бранишь его, видѣть его не хочешь... Грѣшно, невыносимо!

Петръ Петровичъ выпрямился.

— Кто помогаетъ?! произнесъ онъ какъ-то недовѣрчиво, онъ помогаетъ? онъ, злодѣй!.. благодѣтель мой? Зачѣмъ же ты не швырнула ему въ лицо эту помощь, зачѣмъ брала ее, какъ ты смѣла брать? Какъ ѣсть нечего? Вадоръ, бить

не мокать, гдѣ руки у тебя? мое братъ умѣла, умѣла разорять меня, обманывать, выходить замужъ, наряжаться, все умѣла, теперь не умѣешь на эту дрянь достать... барыней стала, забылась, избаловалась; ну, не корми меня, не корми, радуйся, съ голоду умру—на улицѣ брось, въ больницу отдай.. тамъ прокормятъ. Прочь, прочь, не подступайся ко мнѣ! грозно добавилъ онъ.

Арипушка не могла ничего отвѣчать, только страшная, невыносимая боль выразилась на лицѣ ея; она выбѣжала въ другую комнату, повалилась на постель и глухо, уткнувши въ подушку голову, зарыдала, точно боялась, чтобы не услышали ее.

Съ этихъ самыхъ поръ жизнь Арины Сергѣевны сдѣлалась вполнѣ страдальческою; только она терпѣливо, съ какою-то непоколебимою твердостью, съ невозмутимымъ равнодушіемъ несла крестъ свой, точно въ страданіи видѣла за мѣну своего счастья, его продолженіе; точно оно было непремѣнною принадлежностью ея жизни, ея лучшею, святою обязанностью. Она даже не хотѣла избавиться отъ этого страданія, не промѣняла бы его на свое прежнее, раззолоченное, видимое спокойствіе.

Петръ Петровичъ пришелъ въ какое-то полуребяческое, полусумасшедшее состояніе; онъ то совершенно раскисалъ, плакалъ, дѣлался необыкновенно кроткимъ, послушнымъ; то умирать собирался, просилъ у всѣхъ прощенія, звалъ священника, заботился какъ его схоронять; то казался совершенно безчувственнымъ—по цѣлымъ днямъ сидѣлъ неподвижно, не слушалъ, не понималъ даже что говорили ему; то приходилъ въ отчаяніе, стоналъ, охалъ, метался, не принималъ никакой пищи; то впадалъ въ мистицизмъ, молился, читалъ святыя книги, говорилъ о душѣ, о будущей жизни, и мукахъ, ожидающихъ грѣшника въ аду; то просто капризничалъ, какъ больной ребенокъ: никто ничѣмъ не могъ угодить ему, онъ на все ворчалъ, на все сердился, бранился зачѣмъ чай не сладокъ, зачѣмъ въ комнатѣ или жарко или холодно, зачѣмъ кушанье не повкусю; то вдругъ дѣлался грознымъ, почти страшнымъ, всѣхъ называлъ своими зло-

дѣлами, ворами, грабителями и такъ утешалъ жену, что бѣдная женщина иногда дрожала отъ отчаянiя и ужаса.

— Куда ты деньги дѣвала? говорить онъ наприимѣръ, съ какою-то непримиримою злобою смотря на Арину Сергѣевну; сиротала, зарыла, я умру—заживешь тогда, запируешь, ихъ считать будешь, любоваться ими... Золото мое ненаглядное, золото воровское, скопленное! Зачѣмъ не берегла деньги?.. Ну, обманула бы меня, украла бы у меня, мнѣ бы на гробъ отложила. Куда все дѣлось, неправда, вздоръ, сонъ адитъ! Я такъ не могу жить, не могу!.. Пощади ты меня, что я сдѣлалъ тебѣ?.. ты виновата, ты прокляла, возненавидѣла меня, вотъ и пошло все прахомъ, сквозь землю все провалилось... Чего смотрѣла, зачѣмъ ѣхать въ Петербургъ допустила?.. неускала бы,—ты жена, ты должна была удерживать мужа, остановить его, руки связать ему!.. Чего плачешь?.. вздоръ, поздно плакать, плакать не о чемъ: притворство, все притворство, обманъ подлый, прочь, прочь отъ меня! Въ другой разъ, въ совершенномъ изнеможенiи, опустивъ голову, тихимъ, болѣзненнымъ, надрывающимъ душу голосомъ, онъ говоритъ: сжался ты надо мной, прости меня, тяжело мнѣ, дай умереть, Христа ради... Яду дай, скорѣй, скорѣй умереть хочу!.. Мнѣ больше нельзя жить, мнѣ страшно жить, нужно душу спасти, мнѣ въ аду мѣста не будетъ... молись за меня, больше молись! Будешь молиться, будешь? вдругъ спрашивалъ онъ.

— Господи, да что съ тобой! Богъ милостивъ, чѣмъ ты нагрѣшилъ такъ, ты никому зла не сдѣлалъ, отвѣчала Аринушка, не зная какъ успокоить мужа.

— Чѣмъ?! тебѣ знать нужно?.. Какъ ала не сдѣлалъ, врешь, я всю жизнь одно зло дѣлалъ; откуда у меня деньги были, откуда, молчишь?.. молчи, лучше молчи! Богъ милостивъ... Богъ прогнѣвался, отступился отъ меня, проплатилъ меня, я страшный грѣшникъ, страшный!.. Я тамъ въ огнѣ горѣть буду, тамъ ждутъ меня, тамъ мнѣ мѣсто приготовлено! Господи, Господи, что я сдѣлалъ такое!.. Что, что?! добавлялъ онъ съ плачемъ, хватаясь руками за голову, и вдругъ умолкалъ на цѣлый день; только тяжелые, повременамъ выржи-

нависшая изъ груди стонъ нарушала тишину въ его комнатѣ. Романъ Семеновичъ пересталъ показываться на глаза Петру Петровичу; онъ только украдкой и то не каждый день навѣщалъ Арину Сергѣевну, снабжалъ ее попрежнему деньгами, да самъ чуть не плакалъ, глядя на ея страданія.

Безотрадно, мучительно тянулось время.

Петръ Петровичъ становился все несноснѣе и несноснѣе; его капризы, его сумасбродства, его болѣзненные, надрывающіе душу вопли увеличивались съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Аринашка все терпѣла. Въ послѣднее время она измѣнилась значительно, преждевременная старость показалась на лицѣ ея, на лбу появились морщины, глаза потухли, осунулись; какое-то отчаянное равнодушіе овладѣло ею,—казалось она сама себя не помнила. Романъ Семеновичъ коптѣлъ въ номерѣ въ гостинницѣ, скучалъ, не зная, куда приклонить голову, сердился на Петербургъ, на Колотыряниковыхъ, на самого себя. Старуха ключница тараторила съ разными сосѣдками, безпрестанно въ церковь бѣгала и молилась: хоть бы Богъ барину смерть послалъ. Такъ прошло мѣсяца три, четыре.

Вдругъ, въ одно утро, Петръ Петровичъ, противъ обыкновенія, проснулся въ очень въ хорошемъ расположеніи духа, онъ даже засмѣялся самъ съ собою, торопливо одѣлся, неопредѣленно посмотрѣлся въ зеркало, прошелся раза два по комнатѣ, сѣлъ у окна и позвалъ Арину Сергѣевну.

— Угадай, что я скажу тебѣ, угадай, пойми! говорилъ онъ, глядя на нее радостными, но вмѣстѣ съ тѣмъ блуждающими глазами... Я тебѣ радость скажу, такую радость, ты приготовься... отъ этой радости можно съ ума сойти, рехнуться можно!

Онъ какъ то неприятно, насильственно засмѣялся. Аринашка очень серьезно смотрѣла на него.

— Петровка наша! продолжалъ Петръ Петровичъ страннымъ, неестественнымъ голосомъ; домъ цѣлъ, садъ цѣлъ, все дѣло, въ саду цвѣты выросли. Завтра ѣдемъ, завтра!.. Все вернулось, мы снова богаты, все это сонъ былъ, управившій виноватъ, онъ подлець... онъ сироталъ Петровку,

украсть, зарыть ее, землей забросать. Завтра на другую квартиру перейдемъ, я въ этой гадости не хочу жить, я дворецъ найму... полъ, отѣны, все вызолочу, деньги спрячемъ, сундукъ такой сдѣлаемъ, все спрячемъ... ты не говори никому, твой отецъ сказалъ... Серга Матвѣичъ, онъ приходилъ сюда! добавилъ онъ шопотомъ.

Арина Сергѣевна вдругъ поблѣдѣла, руки ее задрожали, она какъ-то тяжело, пытливо глядѣла на мужа, точно не узнавала его, точно передъ ней выросло что-то страшное, необыкновенное, точно она сама себя о чемъ-то спрашивала и боялась отвѣтить на вопросъ свой, точно не вѣрила ужасной мысли, блеснувшей въ головѣ ея.

— Какъ богаты?! съ такимъ трудомъ выговорила она, какъ будто языкъ ея прилипъ къ гортани и не могъ дѣйствовать.

— Богаты! шопотомъ крикнулъ Петръ Петровичъ—въ Петровкахъ кладъ зарытъ, кладъ!.. Въ церкви... въ оградѣ, могила тамъ есть... Серга Матвѣичъ вынулъ его, сюда принесъ, разсыпалъ... цѣловалъ меня, къ себѣ звалъ... тамъ горы золотыя. Я золотомъ теперь всѣхъ задавлю, теперь всѣ узнаютъ меня, на рукахъ понесутъ, въ ноги поклонятся, черти, злодѣи проклятые! на! на!.. Вонъ золото, вездѣ золото, все блеститъ, глаза рѣжетъ; видишь, видишь, улица усыпана золотомъ, вонъ звѣнитъ какъ... Наше!.. все наше!.. На тебѣ золото, гляди, гляди!.. вонъ, вонъ, изъ рукавовъ сыплется... звонъ, звонъ!.. говорилъ онъ, размахивая руками и вдругъ дико захохоталъ.

Арина Сергѣевна вскрикнула, схватилась за голову и стремглавъ выбѣжала изъ комнаты.

Петръ Петровичъ сошелъ съ ума.

IX.

Недѣли двѣ спустя, въ комнатѣ съ опущенными столами, на столѣ, покрытомъ бѣлою простынею, стоялъ малиновый бархатный гробъ, а въ немъ, съ сложенными на

груди на крестъ руками, лежалъ помятый и пожелтѣвшій Петръ Петровичъ. Лице его совершенно исказилось, на мѣстѣ глазъ образовались черныя глубокія впадины, щеки ввалились, лобъ лоснился, носъ вытянулся, губы сжались. Видно было, что покойникъ испыталъ духъ въ страшныхъ судорожныхъ мученіяхъ, въ жестокой борьбѣ между жизнью и смертью.

Противъ гроба, съ совершенно блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ, въ черномъ, траурномъ платьѣ, устремивъ глаза въ лицо мертвеца и крѣпко, судорожно схватившись за спинку кресла, стояла Арина Сергѣевна.

Сзади ея, прислонясь къ стѣнѣ, опустивъ голову и только повременамъ исподлобья взглядывая на все окружающее, помѣщался Романъ Семенычъ. Въ углу комнаты, старуха ключница молилась на колѣняхъ, безпрестанно клала земные поклоны, бормотала какія-то несвязныя слова и громко всхлипывала. Священникъ съ дьякономъ въ черныхъ ризахъ равнодушно совершали отпѣваніе, имъ вторили нѣсколько человекъ пѣвчихъ. Дьяконъ провозгласилъ «вѣчную память», пѣвчіе протяжно, заунывно повторили ее. Арина Сергѣевна задрожала и еще крѣпче схватилась за спинку кресла; Романъ Семенычъ трижды перекрестился и низко поклонился, дотронувшись пальцемъ до полу; старуха ключница завывла громче прежняго.

Обрядъ кончился. Арина Сергѣевна посмотрѣла вокругъ себя, какъ бы спрашивая у присутствующихъ, все ли кончено, твердо подошла къ гробу, спокойно поцѣловала холодный лобъ покойника, поправила флеръ на головѣ его, пристально взглянула ему въ лицо и вдругъ, какъ бы очнувшись отъ забытья, упала головой на грудь мужа и такъ страшно, пронзительно зарыдала, какъ можетъ только рыдать человекъ разъ въ жизни, во время минутнаго, разомъ прихлынувшего къ душѣ страданія, въ то время, когда накипѣвшая, сдержанная внутри боль давить, ломить и наконецъ противъ воли, какимъ-то груднымъ, отчаяннымъ воплемъ, прорывается наружу. Въ этомъ прощальномъ рыданіи Аринушки высказалось все ея прошедшее, все насто-

ящее, все будущее; казалось, она разомъ все припомнила, все поняла, все прочувствовала, все оцѣнила. Она вытисала своими губами въ окостенѣлыя руки покойника, точно хотѣла своимъ горячимъ дыханіемъ согрѣть ихъ, точно думала слезами, да раздрающимъ воплемъ расшевелить его онѣмѣвшія чувства, заставить проснуться. Она судорожно вцѣпилась руками въ края гроба, точно надѣялась спрятать, удержатъ его. Она повисла на немъ всею своею тяжестью, точно просилась лечь вмѣстѣ съ мертвецомъ, точно умоляла взять и ее съ собою.

Романъ Семенычъ, съ помощью гробовщика, съ трудомъ оттащилъ ее; она долго упиралась, долго съ полнымъ отчаяніемъ умоляла не трогать ее, увѣряла, что ей хорошо такъ; наконецъ, почти упала, силы ее оставили, рыданіе смоккло, блѣдное, мраморное лицо было покрыто красными пятнами, только простертыя въ воздухъ руки казалось манили, обнимали покойника.

Гробъ заколотили крышкой, вынесли, поставили на дроги, Арину Сергѣевну посадили въ извозничью карету; она не сопротивлялась и какъ-то тупо, равнодушно смотрѣла на происходившее. Туда же влѣзла и старуха ключница для присмотра за барыней. Романъ Семенычъ пошелъ пѣшкомъ сзади гроба.

Никто изъ прежнихъ знакомыхъ, изъ прежнихъ друзей, изъ людей взысканныхъ, облагодѣтельствованныхъ Петромъ Петровичемъ, изъ тѣхъ людей, которые считали когда-то за честь потолкаться въ его передней, кормились его хлѣбомъ, его подаваніемъ—никто не пришелъ отдать послѣдняго долга покойнику, да быть можетъ никто и не зналъ о смерти Колотырникова. Умеръ въ бѣдности, гроша не оставилъ, такъ что кому за дѣло; еслибъ не Романъ Семенычъ, такъ и похоронить-то было бы не на что. Отъ такого покойника подальше, царство ему небесное!

Похоронивъ мужа, Арина Сергѣевна поселилась уже не въ двухъ, а въ одной комнатѣ; она всячески стѣснила себя, продала все мало-мальски ненужное; отпустила старуху ключницу, осталась въ одномъ черномъ платьѣ, одна одинешень-

ка, никѣмъ не знаемая, безъ грозы и безъ милости. Только Романъ Семенычъ попрежнему посѣщалъ Аринушку, про-сиживалъ у ней по цѣлымъ днямъ. Молча, опустивъ головы въ землю, мѣнялась только отрывочными фразами, сидѣли они другъ противъ друга.

Да и о чемъ было говорить? Воспоминаніемъ прошедшаго Стадкинъ боялся растравить свѣжую рану, еще не успокоившейся, но только онѣмѣвшей отъ страданія женщины; постороннимъ разговоромъ боялся оскорбить ея святую грусть, взволновать, нарушить печальную величавость этой грусти. Онъ только изподлобья, украдкой, но пристально, долго глядѣлъ на Аринушку, точно слѣдилъ за малѣйшимъ ея вздохомъ, прислушивался къ нему, точно по выраженію физіономіи хотѣлъ разгадать состояніе души ея, точно выжидалъ чего-то, точно самъ хотѣлъ заразиться ея горемъ.

Арина Сергѣевна, съ своей стороны, совѣстилась Романа Семеныча. Богъ знаетъ почему, ей было неловко при немъ, какъ будто она чувствовала себя предъ нимъ виноватою. Онъ уходилъ, она вздыхала свободнѣе, точно какая-то тяжесть сваливалась съ плечъ ея. Она перестала плакать, грусть ея сдѣлалась тихою, сосредоточенною, разумною; только улыбка никогда не показывалась на лицѣ ея: оно всегда было величаво, задумчиво. Казалось, она рѣшилась на что-то; мысленно устроила, обезпечила себя, и спокойно ждала только опредѣленнаго времени, чтобъ осуществить свое твердое, неизмѣнное рѣшеніе. Она къ чему-то важному приготавливала себя и молилась жарко, пламенно... такъ молилась, какъ когда-то въ деревнѣ.

Однажды Романъ Семенычъ, послѣ продолжительнаго молчанія, какъ бы собравшись съ силами, вздумалъ спросить Аринушку, «что она намѣрена дѣлать теперь, какъ думаетъ устроить себя?»

Она какъ будто сконфузилась, какъ будто испугалась чего-то, даже покраснѣла слегка.

— Какъ устроить? Я, право, не знаю, неопредѣленно отвѣтила она.

— Вотъ самое бы лучшее—уѣхать отсюда подальше, здо-

ровье свое поправить, разсѣяться; вы къ Петербургу не привыкли; вамъ въ деревню нужно. Что здѣсь, духота одна, вамъ здѣсь жить нельзя.

Аринушка подняла голову и взглянула на Стадкина.

— Я сама не знаю, Романъ Семенычъ, время было такое. Я все забыла, теперъ подумаю... нужно подумать; погодите немного, я вамъ скоро отвѣтъ скажу, произнесла она поспѣшно, какимъ-то извинительнымъ тономъ и, помолчавъ, прибавила: вы можетъ думаете, что я не чувствую, какъ много вамъ обязана; я все чувствую, ей-Богу все чувствую, только говорить не могу, простите меня!

Роману Семенычу сдѣлалось совѣстно.

— Я, Арина Сергѣевна, не о томъ говорю, отвѣтили онъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ; какая такая обязанность, ничѣмъ вы не обязаны, вы этимъ только обижаете меня; если когда денегъ займете, такъ объ этомъ и думать не стоитъ, потому вы не знаете, что за деньги у меня, можетъ Петръ Петровичъ ихъ подарилъ мнѣ; могу ли я отказать вамъ, сами посудите, отказать нельзя! Я только вамъ посовѣтовать хотѣлъ... для вашего же спокойствія вамъ отдохнуть нужно! Онъ сильно, нѣсколько разъ затянулся изъ трубки.

Арина Сергѣевна ничего не отвѣтила и только протянула ему руку. Онъ крѣпко поцѣловалъ ее.

— Въ деревнѣ сравнить нельзя, продолжалъ онъ весело, лѣсъ, воздухъ, природа, все это жить заставляетъ, жизнь поддерживаетъ; встанешь рано—гулять пойдешь, устанешь, уходишься; отдыхаешь гдѣ нибудь въ прохладѣ, на травѣ, на сѣнѣ; кругомъ тебя все цвѣтетъ, все радуется. Въ деревнѣ чувства расправляются, сердце иначе бьется, а здѣсь.. что здѣсь, человѣку прокиснуть недолго; да вамъ и говорить нечего, сами знаете, въ деревнѣ жили—сколько радостей было; хорошо, тепло какъ-то! добавилъ онъ съ чувствомъ и глубоко вздохнулъ.

Арина Сергѣевна отвернулась, на ея лицѣ выразилось что-то болѣзненное.

— Да-съ, много, много радостей, благодать! продолжалъ Романъ Семенычъ—я вотъ и самъ скоро хуторокъ куплю,

Отд. I.

5 1/2

тамъ на зѣбѣ, потеплѣе гдѣ, попривольнѣе, въ Малороссіи гдѣ нибудь; мнѣ немного нужно, только бы вѣкъ скоротать, сирота я! добавилъ онъ, медленно выпуская дымъ изъ рта и въ то же время пристально глядя на Аринушку.

Она встрепелась.

— Вы непременно отсюда уѣдете? живо переспросила она.

— Непременно уѣду, повторилъ Романъ Семенычъ.

Этимъ разговоръ и кончился.

На другой день Стадкинъ снова попытался возобновить его, снова завелъ рѣчь объ удовольствіяхъ деревенской жизни, о своемъ одиночествѣ, высказалъ даже свое намѣреніе кого нибудь пригласить жить съ собой; снова очень убѣдительно совѣтовалъ Аринѣ Сергѣевнѣ какъ можно скорѣе Петербургъ оставить; намекнулъ, что хорошо бы поселиться гдѣ нибудь вмѣстѣ, въ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ. Мы съ вами птицы вольныя, отъ самихъ себя все зависить, не твердымъ, взволнованнымъ голосомъ заключилъ онъ.

Арина Сергѣевна ничего не отвѣтила; она какъ будто не слушала его, и все время просидѣла отвернувшись лицомъ къ окну, а потомъ, во всѣ послѣдующіе дни казалась очень озабоченною, встревоженною, безпрестанно ѣздила на могилу къ мужу, жаловалась на головную боль, такъ что Романъ Семенычъ не рѣшался ничего говорить и уходилъ домой раньше обыкновеннаго.

Въ одинъ вечеръ, провожая своего обычнаго гостя, Арина Сергѣевна съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ простилась съ нимъ; она крѣпко, продолжительно пожала его руку, точно благодарила за что-то, точно сказать что-то хотѣла; на глазахъ ея навернулись слезы.

Романъ Семенычъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Что съ вами? спросилъ онъ, чувствуя дрожаніе руки ея.

— Нѣтъ, ничего, отвѣтила она, какъ бы очнувшись; такъ, очень грустно стало, нездоровится... Вы придете завтра? противъ обыкновенія спросила она.

— Приду; я каждый день хожу...

— Опасябо вамъ! Завтра! Что у насъ завтра? Рано не приходите.. я туда опять на могилу поѣду. Прощайте! Она снова протянула ему руку.

Романъ Семенычъ снова крѣпко поцѣловалъ ее, снова пристально взглянулъ на Аринушку, покачалъ головой и вышелъ изъ комнаты.

Долго, далеко за полночь просидѣлъ онъ въ этотъ вечеръ неподвижно на одномъ мѣстѣ и все думалъ, соображалъ что-то, какими-то отрывочными, недоконченными фразами говорилъ самъ съ собою:

— Два мѣсяца прошло, больше, кончить пора! Что съ ней сегодня? Мужъ, опять мужъ... На прожитіе хватить, ей не много нужно, ее устроить только... Въ Малороссіи хуторъ можно дешево купить... Завтра же и сказать, чего ждать... ждать нечего, бояться тоже нечего... Этакой жизнью она себя въ могилу сведетъ, зачахнетъ... вонъ перемѣнилась какъ, смотрѣть страшно; какъ не согласиться ей, нельзя, не все горевать... Чего это она такъ прощалась сегодня? Тяжелое время, мука одна, сердце надрывается, щемить, отъ такой жизни и самъ съ ума сойдешь; пора вздохнуть свободнѣе, душу отвести, счастье узнать, на себя порадоваться, пора, давно пора!

На другой день утромъ, только что налившись чаю, не смотря на предостереженіе Арины Сергѣевны не приходитъ рано, Романъ Семенычъ тотчасъ побѣжалъ къ ней.

Всю дорогу его тревожили какія-то странныя мысли, точно онъ предчувствовалъ что-то недоброе, точно боялся чего-то. На дворѣ остановился, перевелъ духъ, вбѣжалъ на крыльцо. Дверь въ комнату Арины Сергѣевны была открыта; дюжая, растрепаная дѣвка, въ засаленомъ, тиковомъ сарафанѣ, выметала соръ изъ нея.

— Гдѣ барыня? спросилъ Романъ Семенычъ, какъ-то тревожно заглядывая въ глубину комнаты.

— Уѣхала, грубо отвѣтила дѣвка, даже не взглянувъ на вошедшаго.

— Скоро будутъ?

— Кто будетъ? Сказано, что уѣхали, кому быть тутъ!..

— Я тебя спрашиваю про Арину Сергѣевну, скоро ли она домой вернется, понимаешь? довольно сердито произнесъ Стадкинъ.

Дѣвка подняла голову.

— Уѣхала ваша Арина Сергѣевна, нонче чѣмъ свѣтъ въ дорогу уѣхала, кто ее знаетъ. Вонъ и фатеру сдаемъ, ну! грубо отвѣтила она.

Романъ Семенычъ остолбѣнѣлъ. Голова его закружилась, въ глазахъ потемнѣло; онъ судорожно схватился за какую-то торчавшую въ сѣняхъ полку и безсознательно смотрѣлъ то на дѣвку, то на опустѣвшую комнату.

— Ты врешь, ты правду говори!.. Я тебя въ полицію отправлю, куда уѣхала? Куда? вдругъ крикнулъ онъ и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Чаво, врешь, врешь!-въ полицію... притокъ больно!.. Кои вру сами смотрите, на... смотри!.. крѣпостная что ли досталась! Она сердито распахнула дверь настежь и вошла въ комнату. Врешь!.. нешто не видно, вру либо нѣтъ... смотри!..

— Куда уѣхала, куда?! снова крикнулъ Романъ Семенычъ.

Дѣвка подала ему запечатанный конвертъ. Къ вамъ, что ли? спросила она.

Стадкинъ пошатнулся и схватилъ письмо. Нѣсколько минутъ простоялъ онъ неподвижно, на одномъ мѣстѣ, уставивъ глаза на раскрытую дверь; грудь его высоко подымалась, онъ сильно, прерывисто дышалъ, точно ему воздуху было мало; потомъ ощупью, придерживаясь за стѣну, вышелъ на крыльцо, но не могъ идти дальше—сѣлъ на ступеньку, провелъ рукою по лбу, какъ будто хотѣлъ привести мысли въ порядокъ, взглянулъ на конвертъ, дрожащими руками распечаталъ его и вытащилъ кругомъ исписанный листъ почтовой бумаги.

«Добрый, милый Романъ Семенычъ!— писала Арина Сер-

гѣвна—вчера я думала откровенно поговорить съ вами, хотѣла проститься—да не могла, силъ не хватило, языкъ не повернулся, страшно стало, потому и рѣшилась лучше писать; хотя пишу плохо, да все равно, вы не взыщете. Много, очень много благодарю васъ за ваши благодѣянія, за ваши милости—видитъ Богъ, никогда я ихъ не забуду; еслибъ не вы, не знаю, что бы и дѣлала я, какъ бы даже мужа похоронила; вы поддержали, спасли меня, дали мнѣ возможность истинно, вполне оцѣнить васъ. Когда вы получите это письмо—меня не будетъ въ Петербургѣ; я уѣзжаю далеко, навсегда, на вѣки. Простите меня, Романъ Семёнычъ, я очень виновата передъ вами, виновата невольно; сожалѣйтесь надо мною, не корите, а пожалѣйте меня, отпустите меня съ чистою совѣстью, заочно благословите меня; я должна смыть съ себя все прошедшее, должна все забыть—только тогда душа моя успокоится, только тогда я сдѣлаюсь достойной того пути, къ которому предназначила себя. Вамъ извѣстна вся жизнь моя: вы знаете, какъ я выросла, какъ шла замужъ, знаете мою душу, знаете какъ я ребячески терзалась, какъ мучилась какимъ-то непонятнымъ, тяжелымъ сомнѣніемъ, какъ вся внутренность моя ныла, искала чего-то, какъ я пріѣхала въ Петровки, какъ встрѣтилась съ вами; вы помните, тогда, въ эту минуту, клянусь Богомъ, я любила васъ, любила больше всего на свѣтѣ, всѣми силами души моей готова была отдаться вамъ... въ эту минуту я была вполне счастлива; не умѣю рассказать, почему все это такъ вышло; можетъ быть я больна была—не знаю, помню только отвѣтъ вашъ, онъ холодомъ меня обдалъ, послѣ него мнѣ показалось, что жизнь моя кончена, что даже кровь застыла во мнѣ; мнѣ умереть хотѣлось, я искала смерти, ждала, просила ее, приготовлялась къ ней! Несчастіе случившееся съ мужемъ, его письмо, внезапная перемѣна характера, вдругъ, разомъ перевернула меня; точно какой-то небесный свѣтъ озарилъ меня, прежнія мои мученія смѣнились раскаяніемъ, мнѣ сдѣлалось почему-то страшно, стыдно, больно, и между тѣмъ я радовалась, мнѣ хорошо было! Никогда я не забуду ту минуту, когда встрѣтилась съ Петромъ Петровичемъ. При этой встрѣчѣ я уже любила его

такъ, какъ нибого, никогда такъ не любила, я каялась передъ нимъ во всемъ прошедшемъ; сердце мое рвалось къ нему, мнѣ казалось, что у меня крылья выросли, что я одѣлась крѣпче, сильнѣе, мужественнѣе; отъ этой любви никакая сила не могла оторвать меня! Скажите, виновата ли я во всемъ этомъ, отчего все вышло такъ чудно, такъ неистожимо? Въ моей ли волѣ было отказаться отъ моего счастья, отъ того, чего такъ долго я искала, къ чему стремилась, для чего жила до сихъ поръ! Я нашла кладъ мнѣ принадлежачій и крѣпко уцѣпилась за него. Волѣны мужа, его упреки, ругательства не могли уменьшить любви моей, я страдала молча, тихо, безропотно, никому не жалуясь; я должна была страдать—это страданіе угѣшало меня, я дорожила имъ, я втихомолку обливалась слезами и радовалась, что исполняю долгъ мой; эти горячія, искреннія слезы облегчали душу, наполняли сердце какимъ-то невыразимымъ блаженствомъ.

Теперь, думавшійся мужа, я живу памятью о немъ, я все-таки люблю его, я вижу тѣнь его, слышу его слова, его стоны, его проклятія—они милы, драгоценны для меня; ни на что на свѣтѣ не промѣняю я ихъ; да и промѣнять не могу, не въ силахъ!.. Я бы подло обманула и себя, и другаго, еслибы вздумала насильно, временно заглушить ихъ: рано или поздно они снова проснулись бы, и еще сильнѣе овладѣли бы всѣмъ существомъ моимъ. Что же мнѣ оставалось дѣлать?.. Я одна, ничто на свѣтѣ не можетъ занимать, радовать меня; моя радость въ могилѣ, тамъ все мое, умъ, сердце, совѣсть—все тамъ; я только насильно хожу по землѣ, нѣтъ на ней ничего мнѣ роднаго, близкаго, все чуждо, все холодно; средствъ къ жизни никакихъ не имѣю, вашей помощью существовать не могу; я пользовалась ею только изъ любви къ мужу, для его спасенія!.. Я рѣшилась, я иду въ монастырь—вотъ, лучшая, единственная для меня дорога, вотъ конецъ мой! Мнѣ слишкомъ тяжело здѣсь, тамъ мнѣ легче, свободнѣе будетъ! Куда, въ какой? не спрашивайте, не нарушайте моего покоя. Зачѣмъ знать вамъ? Никто не можетъ удержать меня, эта мірская жизнь кончена; этимъ письмомъ я заключаю ее, исповѣдуюсь въ ней вамъ,

моему благодѣтелю, моему другу, моему ангелу хранителю, доставившему мнѣ возможность испытать счастье! Еще разъ благодарю васъ,—я пишу это письмо и вся дрожу: мнѣ страшно, я боюсь чего-то!.. Простите меня, я виновата передъ вами только въ томъ, въ чемъ виновата передъ собой!.. Забудьте меня!.. живите счастливо, васъ Богъ не оставитъ. Онъ за меня, за ваше добро отплатитъ вамъ, пошлетъ вамъ счастье истинное, прочное... а я?.. я умерла для всего свѣта, умерла и для васъ! Прощайте! Я бы дорого дала, чтобы пожать въ послѣдній разъ вашу руку, но что жъ дѣлать, видно такъ нужно, такъ лучше!»

Романъ Семенычъ прочелъ письмо и смертная блѣдность покрыла лицо его: губы посинѣли, руки тряслись, онъ какъ будто окаменѣлъ, какъ будто потерялъ всякое сознание, умеръ, и только мутными, неподвижными глазами глядѣлъ на исписанную страницу. Долго онъ просидѣлъ въ такомъ положеніи, не слыхалъ какъ пѣтухъ загорланилъ подъ самымъ его ухомъ, какъ дворовая собаченка чуть не надорвалась лаявши на него, какъ дѣвка вылила подъ самыя его ноги ушатъ съ помоями; наконецъ всталъ, шатаясь, вышелъ на улицу, шатаясь, домой побрелъ; его безпрестанно толкали прохожіе, нѣкоторые какъ-то подозрительно смотрѣли на него; наѣхавшій на перекресткѣ извозчикъ чуть не сбиль его съ ногъ; оборванный мальчишка бѣжалъ передъ нимъ, безпрестанно оборачивался и смѣялся въ лицо ему. Онъ ничего не замѣчалъ, онъ даже остановился въ какой-то улицѣ, какъ бы припоминая, въ какую сторону идти нужно; а приди къ себѣ домой бросился въ кресло, цѣлый день просидѣлъ на немъ, все письмо перечитывалъ, а на слѣдующее утро ушелъ изъ дому; цѣлую недѣлю пропадалъ гдѣ то, Богъ знаетъ гдѣ ходилъ онъ, что дѣлалъ во все это время, только когда домой вернулся, на немъ лица не было, чѣмъ-то недобрымъ вѣяло отъ него.

Нѣсколько дней спустя, въ полицейскихъ вѣдомостяхъ, въ дневникѣ городскихъ приключеній, было напечатано слѣдующее: «такой-то части, такого-то квартала, въ домѣ купеческой жены Тыркиной, въ квартирѣ Амаліи Цейхъ за-

стрѣлился проживавшій у ней постоялецъ, отставной поручикъ Романъ Семенычъ Стадкинъ. По произведенному слѣдствию полагать надо, что причина самоубійства произошла отъ меланхоліи, въ послѣднее время овладѣвшей покойнымъ.

А. ВИТКОВСКІЙ.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ.

(по БЮНХЕРУ) (*).

I.

Знаніе природы дается людямъ съ величайшимъ трудомъ; каждое открытіе въ области естественныхъ наукъ дѣлается путемъ сложныхъ и хлопотливыхъ наблюдений; когда открытіе сдѣлано, оно обыкновенно встрѣчается всеобщимъ недоумѣемъ; чѣмъ важнѣе открытіе, тѣмъ сильнѣе бываетъ возбужденное имъ недоумѣіе; для большей ясности возьму самый простой примѣръ: всѣ мы въ случаѣ болѣзни обращаемся къ доктору, и, пока лежимъ въ постелѣ, довольно точно и добросовѣстно исполняемъ его предписанія; но вотъ мы укрѣпились, ходимъ по комнатѣ, черезъ окно поглядываемъ на улицу, а между тѣмъ докторъ продолжаетъ угощать насъ лекарственными снадобьями, запрещаетъ ѣсть то, что намъ особенно нравится, и ни подѣ какимъ видомъ не велитъ подходить къ окну. Мы начинаемъ относиться скептически къ совѣтамъ доктора, мы съ досадою смотримъ на его предосторожности, мы въ тихомолку посмѣиваемся надъ его предписаніями и наконецъ подѣ часъ нарушаемъ тотъ образъ жизни, который, по мнѣнію свѣдущаго медика необходимъ для нашего окончательнаго излеченія. Въ этомъ случаѣ мы часто поступаемъ такимъ образомъ не только по естественному нетерпѣнію выздоравливающаго челоуѣка; мы оправдываемъ свои неосторожныя дѣйствія разными аргументами,

(*) Physiologische Bilder von dr. Louis Büchner. I-er Band, 1861.

которые, конечно, не выдерживают критики. Мы говорим: доктор А. конечно, хороший человек, но он странно смотрит на вещи. Ну, может ли такая пустая вещь повредить моему здоровью; он, как специалист, пускает в ход микроскоп, когда надо смотреть на вещи простыми, человеческими глазами. Тут, как вы видите, является систематическое недоверие к науке и к тому самому ее представителю, который, за несколько дней перед тем, оказал нам самую существенную услугу и эту услугу доказал нам состоятельность и практическую пригодность своих теоретических знаний. Недоверие это в одних людях бывает сильнее, в других слабее, в одних проявляется вспышками, в других преобладает постоянно. Есть доморощенные скептики, вставившие себе за правило считать всю медицину шарлатанством и пробавляться, в случае надобности, собственными соображениями и домашними средствами. Есть доморощенные физиологи, составляющие себе самые своеобразные понятия об устройстве собственного организма. Такого рода скептики и физиологи встречаются во всех слоях общества и почти на всех степенях умственного развития: скептик-мужик не идет в больницу и отлеживается на печи или, в случае тяжелой немочи, отплевывает себя разными травками; скептик-барин гордо отвергает помощь врача и, руководствуясь собственными соображениями, представляет себе пилюли и горчичники, пускает кровь, принимает слабительные или глотает крупинки какого нибудь гомеопатического лекарства. Собственные инстинкты, собственные, смутные ощущения кажутся этим господам основательнее и важнее умозаключений медика, основанных на тщательном наблюдении и на предварительном изучении человеческого организма в здоровом и в больном состоянии. Этот самородный скептицизм, приводящий нередко к самым печальным результатам, пахотит себя пищу в недобросовестности и невежестве многих врачей и даже в несовершенстве самой медицины. Иногда подобное недоверие оказывается справедливым, иногда медицина или медику приходится сознаться в своем бессилии, приходится сказать: мы знаем далеко не все; но не все и ничего два вещи разные. Область медицинских сведений очень обширна, она расширяется с каждым годом, и с каждым годом увеличиваются и усиливаются те средства, при помощи которых исследователи вносят свет в темные углы своей великой науки. Медицина, как известно, есть практическое приложение сведений, добытых в

области различныхъ естественныхъ наукъ; физиологія и анатомія, химія и ботаника, зоологія и физика приносятъ ей свои результаты и она пользуется ими для того, чтобы, изучивъ нормальный процессъ различныхъ отправленій человеческого организма, понять уклоненія, происходящія иногда въ этомъ процессѣ, угадать причины этихъ уклоненій и наконецъ найти средства предотвращать эти уклоненія, или поправлять зло, когда оно уже сдѣлано. Если медицина, необходимая во вседневной жизни, и составляющая только практическое приложеніе уже добытыхъ истинъ, встрѣчаетъ себя въ массахъ такъ много незаслуженнаго недовѣрія, то легко себя представить, съ какими страшными трудностями приходится бороться тѣмъ теоретическимъ наукамъ, которыя ложатся въ основаніе врачебнаго искусства. Мнѣ кажется, можно сказать безошибочно, что теоретическія истины проникаютъ въ сознаніе общества гораздо медленнѣе, чѣмъ практическія открытія и усовершенствованія. Всякій русскій человѣкъ, побывавшій въ Москвѣ, знаетъ о существованіи желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ; всякій мужикъ, грамотный или неграмотный, садится въ вагонъ, когда ему является необходимость изъ одной столицы перѣѣхать въ другую; тотъ же самый мужикъ, который такимъ образомъ обращаетъ въ свою пользу изобрѣтеніе, сдѣланное въ XIX вѣкѣ, вполне увѣренъ въ томъ, что громъ происходитъ отъ колесницы пророка Ильи и что домовый, или, какъ онъ выражается, *хозляль* путаетъ по ночамъ гривы его лошадей. Такого рода суевѣріе не ограничивается неграмотнымъ сословіемъ деревенскаго и городского населенія: та самая милая, образованная дама, которая съ величайшимъ воодушевленіемъ толкуетъ о современной журналистикѣ, поддерживая или опровергая идеи повѣйшихъ эманципаторовъ,—блѣднѣетъ и чувствуетъ себя разстроенною при видѣ трехъ зажженныхъ свѣчей, поставленныхъ на одномъ столѣ; тотъ самый дѣльный хозяинъ, который выписываетъ для своего сахарнаго завода машины изъ Бельгіи или изъ Англіи, способенъ встать изъ за стола, если за этимъ столомъ сидятъ тринадцать человѣкъ гостей. Суевѣріе, живущее такимъ образомъ помимо успѣховъ науки, покрываетъ сплошную корою общество и, въ большей части случаевъ, отнимаетъ у него возможность пользоваться результатами добросовѣстныхъ изслѣдованій и располагать свою жизнь сообразно съ тѣми истинами, которыя передовые люди добываютъ дорогою цѣною трудовъ и усилий.

Можетъ быть ни одна наука не встрѣчала себя на пути своего

*

развитія столько препятствій, сколько встрѣчала физиологія. Мы готовы вѣрить тому, что натуралистъ рассказываетъ намъ о цѣткѣ, объ улиткѣ и о слонѣ; мы сами не давали себѣ труда вглядываться въ эти предметы, мы видели ихъ мелькомъ, не составляли себѣ о нихъ никакого округленнаго и законченнаго понятія, и слѣдовательно, въ запасѣ наслѣдованныхъ или благопріобрѣтенныхъ воззрѣній не имѣли ничего такого, чтобы помѣшало намъ согласиться съ мнѣніями естествоиспытателя; но когда тотъ же естествоиспытатель, разпространяя кругъ своихъ изслѣдованій, постоянно втягиваетъ въ этотъ кругъ органы чловека, тогда мы начинаемъ прислушиваться внимательнѣе и живѣе съ тѣмъ начинаемъ чувствовать разладъ между нашими понятіями и тѣми научными фактами, которые сообщаются намъ съ самою убѣдительною наглядностью.

Почувствовавъ такой неизбежный разладъ, слушатели или читатели ведутъ себя различно, смотря по темпераменту и по устройству своего мозга; одни зажимаютъ себѣ уши или бросаютъ съ негодованіемъ начатую книгу за то, что она не гладитъ по головкѣ ихъ заворонѣнныя заблужденія; другіе, напротивъ того, чувствуя въ книгѣ вѣяніе свѣжаго воздуха, съ удвоеннымъ вниманіемъ погружаются въ чтеніе.

Кто изъ нихъ поступаетъ благоразумнѣе—это такой вопросъ, котораго рѣшеніе надо предоставить на личное благоусмотрѣніе каждаго читателя. Я нахожу, впрочемъ, что уже давно пора выйти изъ области разсужденій и приступить къ фактамъ, которые гораздо реальнѣе могутъ представить высказанныя мною идеи о развитіи естественныхъ наукъ и о ихъ постоянной борьбѣ съ невѣжествомъ массъ, съ суевѣріемъ сантиментальной публики и съ недоброжелательствомъ различныхъ инквизиторовъ, мѣнявшихъ съ вѣками свои костюмы, названія и приемы преслѣдованія.

II.

Я намѣренъ прежде всего поговорить о крови, о такомъ предметѣ, который всякому извѣстенъ по наружному виду, и который, между тѣмъ, не имѣетъ извѣстенъ самымъ новѣйшимъ изслѣдователямъ

по своимъ внутреннимъ свойствамъ и по своему назначенію въ общей знаменитой органической жизни.

«Кровь, говоритъ Меэвстофель Фаусту, есть сокъ совсѣмъ особеннаго рода», и Фаустъ, повинуясь требованію своего руководителя, подписываетъ собственной кровью пагубный контрактъ, отдающій его душу въ распоряженіе ирачныхъ силамъ ада; въ средніе вѣка такого рода контракты, заключавшіеся довольно часто, если вѣрить легендамъ, всегда подписывались кровью и вслѣдствіе этого получали свою таинственную силу; кровью подписывались священныя клятвы; заключенъ между собою союзъ военнаго братства, два витязя обыкновенно смѣшивали нѣсколько капель своей крови съ тѣмъ виномъ, которое они выпивали въ честь своего побратимства; кровь невинныхъ мальчишекъ употреблялась колдунами для узнаванія будущаго и алхимиками для приготовленія жизненнаго эликсира; побѣдивъ своего врага, дикарь пилъ его горячую кровь, чтобы присвоить себѣ силу и мужество убитаго война; кровью жертвеннаго животнаго обливались съ головы до ногъ Римляне, желавшіе очиститься отъ совершеннаго преступленія; вампиръ или упырь, выходящій изъ могилы, сосетъ кровь живыхъ людей и вѣдетъ съ кровью высасываетъ изъ нихъ силу и жизнь. Мы до сихъ поръ въ нашемъ разговорномъ языкѣ придаемъ крови чрезвычайно важное значеніе; о горячей, молодецкой крови поютъ наши народныя пѣсни; въ немъ кипитъ молодая кровь, говоритъ мы, желая обозначить пылкій характеръ живаго юноши.

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства,
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь...

говоритъ Некрасовъ о своемъ «тяжеломъ, неуклюжемъ стихѣ», и мы вполне понимаемъ это образное выраженіе, несмотря на его очевидную неточность.

«Въ его жилахъ текла благородная кровь великихъ предковъ», говоритъ какой нибудь велерѣчивый панегиристъ, и мы, къ сожалѣнію, понимаемъ это выраженіе, несмотря на всю его нескладную нанизанность. Кровь играетъ, такимъ образомъ, очень видную роль въ повѣрьяхъ и сказкахъ, въ поэзіи и въ риторикѣ, словомъ, въ различныхъ созданіяхъ человѣческой фантазіи. Это обстоятельство доказываетъ намъ, что люди инстинктивно сознавали важное значеніе крови для различныхъ отправленій органической жизни; это инстинкти-

высое сознание выражалось и до сих поръ выражается въ тѣхъ медицинскихъ понятіяхъ, которыя находятся во всеобщемъ обращеніи; одинъ пациентъ жалуется доктору на *полнокровіе*, другой на *малокровіе*; одинъ находитъ, что у него кровь слишкомъ густа, другой убѣжденъ въ томъ, что она чересчуръ жидка, третій остроумно предъ объясненіемъ происхожденія разныкъ напастныхъ силъ или нарывовъ.

Новѣйшая рациональная физиологія соглашается въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ преданіями и народными вѣрованіями, съ поэтами, говорящими о крови и съ пациентами, жалующимися на различныя свойства своей крови; она соглашается съ этими господами въ томъ отношеніи, что признаетъ несомнѣнную важность крови для существованія и для развитія всякаго организма. Затѣмъ она шлепаетъ сладкаго нуты воишь фантазерамъ, приписывающимъ крови какія бы то ни было таинственныя свойства, поворачивается спиною къ паногристамъ, прославляющимъ благородную кровь чьихъ бы то ни было предковъ, и, вооружившись сильно увеличивающимъ микроскопомъ, кладетъ надъ его предметное стекло каплю красной жидкости, обращающейся въ напастныхъ валахъ и артеріяхъ.

Въ этой каплѣ, положенной подъ микроскопъ, изобилуетъ можно видѣть миллионы крошечныхъ шариковъ, насыпанныхъ кучами другъ на друга и плавающихъ въ безцвѣтной жидкости. Если взять каплю неразбавленной крови, то при самомъ сильномъ увеличеніи микроскопа будетъ совершенно невозможно разглядѣть устройство отдѣльных шариковъ; поэтому, для наблюденія надъ микроскопическимъ составомъ крови, лучше всего развести взятую каплю въ такой жидкости, которая бы не разлагала кровяныхъ шариковъ. Капля этой разсыроленной жидкости, положенная подъ микроскопъ, покажетъ, пожалуй, нѣсколько тысячъ плавающихъ шариковъ; но, такъ какъ число ихъ все-таки на томъ же пространствѣ окажется значительно меньше, чѣмъ оно было въ цѣльной крови, то наблюдателю будетъ гораздо легче рассмотреть ихъ устройство. Каждый шарикъ величиною своею равняется одной трехсотой части линіи, т. е. надо положить рядомъ 5000 такихъ шариковъ, чтобы составить длину вершка; каждый изъ нихъ состоитъ изъ чрезвычайно тонкаго эластическаго пузырька, наполннаго жидкостью; и пузырекъ, и жидкость отдѣльнаго шарика подъ микроскопомъ оказываются безцвѣтными. Я предчувствую, что здѣсь проявится въ читателѣ самородный спонтанизмъ.—Какъ же это такъ? спроситъ онъ съ улыбкою, безцвѣтные шарики плаваютъ въ

бесцвѣтной жидкости, а кровь, состоящая изъ шариковъ и жидкости отличается темнопросвѣтымъ цвѣтомъ. Это я знаю лучше всякаго физиолога.

— Совершенно справедливо, г. читатель, отвѣчу я. Потрудитесь только произвести слѣдующій, несложный опытъ. Положите другъ на друга листовъ 20 самаго лучшаго стекла и посмотрите тогда, покажется ли вамъ эта стеклянная гора прозрачною и бесцвѣтною. Можете повторить тотъ же опытъ надъ рѣвомъ: вы знаете, конечно, что Нева въ самую тихую погоду не покажется вамъ массою прозрачной жидкости; зачерпните стаканъ воды изъ этой синеватой рѣки и вы увидите, что эту воду можно будетъ назвать вполне бесцвѣтною.

Смотря на капли крови, вы должны помнить, что въ ней лежатъ другъ на другѣ *тысячи* бесцвѣтныхъ шариковъ или пузырьковъ, заключающихъ въ себѣ немаловажно маленькую капельку жидкости, окрашенной совершенно незаметнымъ оттѣнкомъ краснаго цвѣта. Чѣмъ больше шариковъ навалено другъ на друга, тѣмъ опредѣленнѣе и темнѣе становится красный цвѣтъ. Простая капля крови кажется намъ свѣтлокрасною, а ведро крови покажется почти чернымъ.

Форма этихъ пузырьковъ не вполне шарообразна, такъ что названіе кровяныхъ шариковъ можно допустить съ грѣхомъ пополамъ; они скорѣе похожи на чечевичныя зерна; у человѣка и у большей части млекопитающихъ эти чечевичеобразныя пузырьки отличаются круглою формою; у птицъ, рыбъ и амфибій, кромѣ того, у верблюда, дромадера и ламы кровяные пузырьки имѣютъ веретенообразную форму. Величина этихъ пузырьковъ у различныхъ животныхъ бываетъ различная, но величина ихъ никакъ не зависитъ отъ величины самаго животнаго. Крошечная мышь въ этомъ отношеніи стоитъ на единъ равнѣхъ съ благородною лошадыю. Слонъ оказывается однако вполне последовательнымъ, и размѣры его кровяныхъ шариковъ сообразуются съ размѣрами его колоссальнаго тѣла; по крайней мѣрѣ ни у кого изъ млекопитающихъ нѣтъ такихъ большихъ пузырьковъ, какъ у слона.

При крайней незначительности своего объема, при гладкости и эластичности своей кожи, кровяные пузырьки свободно скользятъ вдоль стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ, переходятъ въ самыя тонкія волосныя сосуды и такимъ образомъ въ короткое время пробѣгаютъ чрезъ всѣ запутанныя развѣтвленія нашихъ артерій и венъ. Подвижность этихъ шариковъ или пузырьковъ подавала поводъ къ самымъ страннымъ гипотезамъ, которыя, несмотря на свою очевидную не-

дѣльность, находили себѣ горячихъ защитниковъ. Некоторые изобрѣватели приняли эти пузырьки за микроскопическихъ животныхъ, принадлежащихъ къ классу инфузоріевъ, одаренныхъ самостоятельной способностью движенія и заставляющихъ отпродолженіи нащѣй крови по собственному, свободному влеченію. Эти воображаемыя животныя получили названіе первобытныхъ животныхъ (*Urthiere*) и изобрѣдатель, подарившій такимъ образомъ нашей планетѣ неисчислимое количество живыхъ существъ, выразилъ то мѣткою, что изъ этихъ существъ, какъ изъ первой основы всякаго органическаго бытія, образуются всѣ ткани и отдѣльныя части нашего тѣла. Овладевъ этою своеобразною идеею; философія природы, по свойственному ей стремленію искать конечныхъ выводовъ и дѣлать общія заключенія, настроила множество самыхъ удивительныхъ системъ, которыя, какъ картонныя домики, валится отъ малѣйшаго прикосновенія непосредственнаго, непродуманнаго наблюденія. Очень недавно одинъ англичанинъ Тоддъ написалъ цѣлую книгу о кровяныхъ животныхъ, которыя называются у него *bloodliving-animals* или болѣе ученнымъ терминомъ — *haematozoa*. Онъ приписываетъ имъ разныя электрическія и химическія свойства; онъ даже думаетъ, что электрическія силы, заключающіяся въ этихъ животныхъ, могутъ объяснить собою то половое влеченіе, по которому мужчина и женщина стремятся сблизиться между собою.

Новѣйшая физиологія доказала самымъ нагляднымъ образомъ, что всѣ эти помысли насолить кровь легионами живыхъ существъ относятся къ области чистой фантазіи. Кровь движется въ артеріяхъ и въ венахъ точно также, какъ могла бы двигаться въ нихъ капля илибудь другая жидкость, повинующаяся давленію насоса. Что же касается до кровяныхъ шариковъ, то они не затрудняютъ ея движенія, потому что они, какъ я уже замѣтилъ, очень малы по объему, очень гладки и эластичны. Назначеніе кровяныхъ шариковъ состоитъ, по мнѣнію Бюхнера, въ томъ, чтобы, проходя чрезъ легкія, насыщаться кислородомъ и проносить этотъ кислородъ, необходимый для поддержанія органической жизни, въ различныя части и оконечности тѣла. Сами кровяные пузырьки, какъ и всѣ составныя части организма, разрушаются и выдѣляются изъ живаго тѣла, замѣняясь новыми пузырьками, образующимися изъ принимаемой пищи.

Какимъ образомъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они разрушаются—до сихъ поръ рѣшительно неизвѣстно.

Кровь, вынужденная изъ живаго тѣла, свертывается или застываетъ

ся, т. е. разлагается на белковую, желтоватую жидкость и на белую твердую, студенистую, теплопроводную массу, состоящую из кровяных шариков и из волоконны, отделившейся от той безжизненной жидкости, въ которой плавали мушкетеры.

Эта белковина состоитъ изъ соединенія кислорода, водорода, углерода и азота и отличается своею способностью свертываться тотчасъ послѣ выхода крови изъ кровеносныхъ сосудовъ.

Разлагеніе крови, вышедшей изъ живаго тѣла, давно уже обращало на себя вниманіе медиковъ и изслѣдователей. Самъ отецъ медицины Гиппократъ занимался этимъ вопросомъ, но не умѣлъ разрешить его. Дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что изслѣдователи говорили: *кровь умираетъ*, т. е. живая жидкость, сохраняющая свои свойства, благодаря силамъ живаго организма, теряетъ свои отличительныя качества, покидая те тѣла, которому она принадлежала. Объясненія такимъ образомъ разлагеніе крови, изслѣдователи не замѣчали того; что они только другими словами называли непопавшій имъ фактъ. У нихъ спрашивали: отчего свертывается кровь? А они на это отвѣчали: кровь умираетъ. Дѣло очевидно не подвигалось впередъ; мало того, предполагая какую-то таинственную, необъяснимую связь между кровью и тѣмъ организмомъ, въ которомъ она содержится, изслѣдователи ввели въ область своей науки несчастное понятіе жизненной силы, которое долгое время отводило глаза наблюдателямъ. То, что не могло быть объяснено физическими и химическими законами, сваливалось на жизненную силу и причислялось такимъ образомъ къ области необъяснимаго. Сердце было въ слѣдствіе жизненной силы, кровь обращалась въ слѣдствіе жизненной силы, кровь свертывалась потому, что ее покидала жизненная сила. Такимъ образомъ всѣ физиологическіе вопросы рѣшались легко и свободно, но такъ какъ жизненная сила оставалась понятіемъ совершенно неопредѣленнымъ и расплывающимся въ пространство, то такая метода рѣшенія раскидывала непроницаемое покрывало на всѣ отравленія, совершающіяся внутри организма. Теперь же физиологи дѣйствуютъ гораздо проще; они подробно описываютъ то, что они видѣли и прямо говорятъ, что того или другаго имъ пока еще не удавалось изслѣдовать. Нерѣшеннаго много, но за то нѣтъ полурѣшеній, нѣтъ шарлатанства въ терминахъ и объясненіяхъ.

Бюхнеръ прямо говоритъ, что причины разлагенія крови еще не найдены.

Дѣйствіемъ атмосфернаго воздуха нельзя объяснить этого явленія

потому, что кровь может свертываться даже внутри живого организма, въ тѣхъ кровеносныхъ сосудахъ въ которыхъ, правильное обращеніе оказывается нарушеннымъ. Отсутствіемъ движенія также не объясняется разложеніе крови, потому что вынужденная кровь разлагается и въ томъ случаѣ, если мы станемъ бить ее въ бутылкѣ. При взбалтываніи крови окажется только, что волокнина не успѣетъ соединиться съ кровяными шариками и оседетъ отдѣльными хлопьями. Если же мы будемъ постоянно размѣшивать свѣжую кровь или бить ее глубокою палкою, то осѣдающая волокнина, пристава къ палкѣ, будетъ выдѣляться изъ крови; такимъ образомъ можно будетъ выдѣлять изъ крови всю волокнину, и тогда оставшаяся масса крови, состоящая изъ водянистой жидкости и кровяныхъ шариковъ, вовсе не свернется; впрочемъ составъ ея будетъ, конечно, значительно измѣненъ; набивая кровъ палкою, мы не препятствуемъ ея разложенію, а только чисто-механическимъ путемъ удаляемъ изъ нея волокнину; взбитая кровъ будетъ существенно отличаться отъ той свѣжей крови, которую мы выпустили изъ жилъ животнаго; несмотря на то, эта взбитая кровъ, остающаяся вслѣдствіе этой операціи въ жидкомъ состояніи, оказывается пригодною для техническаго медицинскаго употребленія.

Иногда, когда человекъ, потерявшій значительное количество крови, подвергается опасности умереть, ему разрѣзываютъ жилу и въ эту жилу впускаютъ битую кровь; такого рода операція возможна на томъ основаніи, что организмъ пациента собственными силами дополнить потребное количество недостающей волокнины и такимъ образомъ обойдется съ битой кровью также удобно, какъ будто бы она была свѣжая.

Волокнина, выдѣленная изъ крови, твердѣетъ въ видѣ студенистой массы и принимаетъ зеленовато-желтый цвѣтъ; иногда, свертываясь вмѣстѣ съ кровью, волокнина осѣдаетъ сверхъ темнокрасной массы и образуетъ надъ нею желтоватую кору. Медики придумали для этой коры особое названіе *crusta inflammatoria* (воспалительная кора) и даже дошли до того ошибочнаго убѣжденія, будто эта кора образуется надъ темнокрасною массою крови только въ томъ случаѣ, если кровъ выпущена изъ жилъ пациента, находящагося въ воспаленномъ состояніи. Это ошибочное убѣжденіе часто приводило къ печальнымъ практическимъ результатамъ. Убѣжденный въ томъ, что его пациентъ страдаетъ отъ воспаленія, докторъ продолжаетъ кровопусканія и такимъ образомъ постоянно отнимаетъ у больнаго тѣ силы, которыя мо-

гуть быть необходимы для его выздоровленія. Судя по гавескинымъ извѣстіямъ, мы можемъ заключить, что графъ Кавуръ умеръ именно вслѣдствіе того, что леченіе его медикъ, держась ошибочнаго мнѣнія о *crusta inflammatoria*, истощилъ его организмъ излещеніемъ и положительно вредными кровопусканіями.

Убѣжденіе медиковъ насчетъ того, что кора изъ волокнистыхъ образуется надъ запятымъ кровью только въ случаѣ воспаленія пациента, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что подобная кора можетъ образоваться даже въ свернувшейся крови субъекта, подверженнаго блѣдной немочи (*Bleichsucht*). Блѣдная немочъ состоитъ въ томъ, что въ общемъ составѣ крови убавляется количество кровяныхъ тучирышекъ. Кровь становится такимъ образомъ водянистѣе и свѣтлѣе по цвѣту. Пускать кровь больному, страдающему отъ блѣдной немочи очень опасно, потому что онъ и безъ того слабъ вслѣдствіе недостаточнаго количества кровяныхъ тучирышекъ. Медикъ, который захотѣлъ бы лечь такого больного, осмысливая по-своему образование *essentielle Kory*, подвергается опасности зарѣзать пациента своимъ ланцетомъ.

Вообще докторъ долженъ быть въ высшей степени остороженъ въ разсужденіи болѣзненныхъ симптомовъ. Чѣмъ обширнѣе становится научная область эмпирики, тѣмъ сильнѣе суживается область общихъ симптомовъ. Каждый болѣзненный случай имѣетъ свои причины, свою исторію, свое развитіе; каждое явленіе, совершающееся въ человѣческомъ организмѣ, обуславливается множествомъ побочныхъ обстоятельствъ, которыя не могутъ быть разсказаны заранее; эти обстоятельства надо прослѣдить и сообразить на мѣстѣ; здѣсь не выручить общее правило; здѣсь необходимы навыкъ, знаніе множества частныхъ случаевъ и величайшая внимательность въ разсмотрѣніи даннаго казуса. Химическій составъ человѣческой крови отличается значительною сложностью; въ нашей крови есть поваренная соль, которая соображаетъ ей довольно замѣтный вкусъ, и желѣзо, которое, въ соединеніи съ кислородомъ, является причиною краснаго цвѣта крови.

Желѣзо было открыто въ крови французомъ Мері, и это любопытное открытіе возбудило множество химерическихъ идей и надеждъ. Нашлись люди, которые стали думать, что желѣзо, заключающееся въ крови, можетъ имѣть важное значеніе для промышленности, что изъ этого желѣза можно выковывать мечи, кочерги и тому подобныя общепользные инструменты. Другіе господа посмотрѣли на дѣло съ бо-

лге санитарной точки зрения: желалось, чтобы из крови великих людей выковыривались после их смерти жетоны или медали. Все эти предложения оказались совершенно невыполнимыми.

Нашлось, что, если выпустить всю кровь из целой сотни людей, то наберется около одного аптекарского фунта металлического железа. Железные рудники, открывшиеся таким образом в жилах людей и животных, оказались на столько скудными, что никто не взял на себя труда разрабатывать их, и никто не выпросил себе привилегии на эту новую отрасль промышленности.

Узнавъ о томъ, что въ крови человѣка заключается желѣзо, одинъ парижскій студентъ медицины выдумалъ подарить своей любимицѣ желѣзное кольцо добытое изъ собственной крови. Предмету его любви было бы вѣроятно пріятнѣе получить въ подарокъ какую нибудь золотую вещь, а самому студенту было бы легче добыть деньги на покупку дорогой бижутеріи путемъ усиленнаго труда, вмѣсто того, чтобы неостаново ослаблять себя извлеченіемъ желѣза изъ собственного тѣла. Но онъ разсудилъ иначе: ему понравилась его странная идея, и онъ принялся безо всякой надобности пускать себя кровь черезъ известные промежутки времени. Собираніе желѣза шло очень медленно; нетерпѣніе молодого мечтателя было слишкомъ велико; онъ хотѣлся, выпустить за одинъ разъ слишкомъ много крови и умеръ, не успѣвши привести въ исполненіе своего оригинальнаго намѣренія. Если подобныя желѣзности предпринимались вслѣдствіе того обстоятельства, что въ крови заключаются ничтожныя частички самаго дешеваго металла, то можно себя представлять, сколько преступленій совершалось бы въ томъ случаѣ, когда бы вмѣсто желѣза въ составъ крови входило бы, напримеръ, золото. Убіиства вѣроятно, сдѣлались бы весьма обыкновенными происшествіями; охотниковъ пускать кровь себя и другимъ нашлось бы несметное количество; эпитетъ кровопийца, который дается теперь слишкомъ ядовитымъ ростовщикамъ, принимался бы тогда въ буквальномъ значеніи этого слова. Игроки могли бы ставить на карту часть своей крови, точно также, какъ теперь они ставятъ на карту необходимыя деньги и вещи. Словомъ, число желѣзностей и гадостей, совершающихся теперь, вѣроятно увеличилось бы въ десятеро.

Взглянувъ на ту бездну несчастій, въ которую погрузилось бы человѣчество, еслибы въ его жилахъ открылись золотыя рудники, я поневолѣ становлюсь оптимистомъ и, обращаясь къ нравственному чув-

ству читателя, предлагаю ему торжественный вопрос: осмѣлится ли онъ послѣ этого изъявить малѣйшее сомнѣніе въ благости Провидѣнія?

Кромѣ твердыхъ и жидкихъ веществъ, входящихъ въ составъ крови, надо упомянуть еще о веществахъ газообразныхъ, образующихъ разные химическія соединенія съ твердыми и жидкими составными частями крови. Въ крови нѣтъ газовъ, находящихся въ свободномъ состояніи; если нѣкоторое количество атмосфернаго воздуха попадетъ въ кровеносный сосудъ, то оно можетъ нарушить весь порядокъ кровообращенія и повести къ мгновенной смерти разсматриваемаго субъекта. Такого рода опыты производились надъ животными; имъ вбрызгивали воздухъ въ открытыя жилы посредствомъ воздушнаго насоса, и они издыхали среди сильныхъ конвульсій. Иногда случается, что воздухъ проникаетъ въ кровеносный сосудъ пациента при большихъ хирургическихъ операціяхъ; тогда больной мгновенно умираетъ. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что газы, находящіеся въ крови, должны непремѣнно образоваться съ твердыми и жидкими веществами химическія соединенія.

Кислородъ, воспринимаемый организмомъ при вдыханіи атмосфернаго воздуха, соединяется съ кровью, протекающею черезъ легкія и, окисляя желѣзистое содержаніе кровяныхъ шариковъ, придаетъ всей крови тотъ ярко-красный цвѣтъ, которымъ она отличается при выходѣ своемъ изъ легкихъ. Углекислота накапливается въ крови во время ея прохожденія черезъ волосные сосуды, т. е. черезъ тончайшія развѣтвленія жилъ, находящіеся вблизи поверхности тѣла; она образуется изъ соединенія кислорода, заключающагося въ крови, съ углеводомъ тѣхъ органическихъ тѣлъ, черезъ которыя проходитъ кровь. Углекислота эта выдѣляется изъ легкихъ при выдыханіи; она придаетъ крови темный цвѣтъ, и потому кровь, пройдя черезъ легкія, получаетъ болѣе свѣтлый и яркій цвѣтъ.

Азотъ, проходящій въ кровь изъ пищи и изъ атмосфернаго воздуха, выдѣляется черезъ почки, въ формѣ мочи, въ соединеніи съ водою.

Въ крови совершается такимъ образомъ весь химическій процессъ превращенія воздуха и пищи въ органическія ткани нашего тѣла. Образованіе крови происходитъ отчасти отъ принятія пищи, отчасти отъ вдыханія атмосфернаго воздуха. Люди, страдающіе чахоткою, т. е. поврежденіемъ легкихъ, худѣютъ и сохнутъ, несмотря на предлагаемую имъ питательную пищу и несмотря на то, что они часто до послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни сохраняютъ полный аппетитъ. Недо-

статокъ воздуха, который ослабѣвшіи легкіи уже не могутъ принимать въ необходимомъ количествѣ, отнимаетъ у крови притокъ кислорода и, такимъ образомъ, существенно измѣняя ея составъ, нарушаетъ нормальный процессъ питанія и жизни.

Количество всей крови, находящейся въ тѣлѣ взрослого человѣка, заключаетъ въ себѣ по вѣсу около 13 фунтовъ. По мнѣнію однихъ изслѣдователей вся масса крови составляетъ одну восьмую часть вѣса всего человѣческаго тѣла; по мнѣнію другихъ — только одну тринадцатую.

Организмъ выдерживаетъ значительныя потери крови, если только эти потери совершаются не вдругъ, а слѣдуютъ другъ за другомъ черезъ извѣстные промежутки времени. Опыты, произведенные надъ животными, показали, что можно, не убивая самаго животного, въ вѣскольکو пріемовъ выпустить изъ его жила такое количество крови, которое превосходитъ вѣсъ его собственнаго тѣла. Но въ одинъ разъ достаточно, чтобы убить животное или человѣка, выпустить изъ него количество крови, равняющееся одной двадцать пятой части его вѣса.

III.

Обращеніе крови, необходимое для процесса жизни, совершается отъ сердца къ оконечностямъ и къ поверхности тѣла, и отъ поверхности обратно къ сердцу. Механизмъ кровообращенія объясняется очень просто слѣдующимъ нагляднымъ примѣромъ.

Представьте себѣ полный гуттаперчевый шаръ, въ которомъ въ двухъ мѣстахъ прорѣзаны два круглыя отверстія. Къ этимъ двумъ отверстіямъ придѣланы двѣ длинныя, гибкія трубочки; отверстія шара закрываются клапанами, которые оба отворяются въ одну сторону, положимъ, вправо.

Весь снарядъ, т. е. шаръ и оба колѣна трубки наполнены водою; свободные концы трубочекъ, т. е. концы непрідѣланные къ шаріку, спаяны между собою такъ плотно, что спайка не пропускаетъ воздуха. Если вы рукою сожмете шаръ, то вода, заключающаяся въ немъ, будетъ выдавлена и черезъ тотъ клапанъ, который отворится наружу, потечетъ въ трубочку; но трубочка и безъ того полна водою, и по-

тому жидкость, уступая напору вновь притекающей воды, ударяет въ другой клапанъ и входитъ въ шаръ. Вы еще разъ сжимаете его рукою, и опять повторяется то же самое явленіе, т. е. часть воды опять вытѣсняется изъ шарика и опять замѣняется такимъ же количествомъ воды, прилившей съ другого конца, вслѣдствіе того же самаго давленія. Еслибы трубочки, по выходѣ своемъ изъ шара, раздѣлились на два канала, потомъ на четыре, потомъ на восемь, и т. д., еслибы всѣ эти развѣтвленія были спаены между собою и такимъ образомъ опять сходились бы въ одну общую трубку, сообщающуюся съ шаромъ, то отъ этого обстоятельства процессъ обращенія жидкости не измѣнился бы.

Роль гуттаперчеватаго шара играетъ въ тѣлѣ животныхъ и человека сердце, которое, сжимаясь и расширяясь, попеременно выгоняетъ изъ себя кровь въ артеріи и принимаетъ кровь, притекающую изъ венъ.

Система артерій и венъ, раскинувшихъ свои отроги и развѣтвленія во всѣ части тѣла, раздробившихся на безчисленное множество микроскопически-тонкихъ волосныхъ сосудовъ и охватившихъ почти всю систему тѣла животного подъ самую его кожу,—замѣняетъ собою въ организмѣ тѣ гибкія трубочки, о которыхъ я говорилъ въ моемъ примѣрѣ. Въ артеріяхъ и въ венахъ существуетъ сложная система клапановъ, отворяющихся только по одному направленію и потому непускающихъ обратно въ сердце ту часть крови, которая уже вышла въ артеріи вслѣдствіе его сжатія. Вслѣдствіе этого устройства клапановъ, кровь принуждена при каждомъ сжатіи сердца подвигаться впередъ по артеріямъ; подвигаясь такимъ образомъ дальше и дальше отъ сердца къ поверхности тѣла, она наконецъ входитъ въ волосные сосуды; дальше идти впередъ некуда, а между тѣмъ новыя волны крови, напирющія изъ сердца, тѣснятъ попрежнему; волосные сосуды отъ поверхности тѣла поворачиваютъ опять къ центру и кровь, конечно, течетъ туда, куда направлены эти каналы, потому что изъ нихъ нѣтъ никакого выхода. Съ той минуты, какъ сосуды поворачиваютъ назадъ къ центру, они начинаютъ называться венами; по мѣрѣ приближенія къ сердцу, тонкія вены соединяютъ между собою подобно тому, какъ ручьи слияніемъ своимъ образуютъ рѣки; наконецъ венозная кровь, насытившаяся углекислотою во время своего путешествія по тѣлу, черезъ толстыя вены вливается въ сердце, а сердце опять сжимается и кровь опять отправляется гулять по артеріямъ. Въ статьѣ

«Процессъ жизни», написанной по поводу физиологическихъ писемъ Карла Фохта и помѣщенной въ Сентябрьской книжкѣ Русскаго Слова за 1861 годъ, я говорилъ довольно подробно о маршрутѣ крови въ тѣлѣ человѣка. Теперь я говорю о дѣятельности сердца и о различныхъ особенностяхъ этого важнаго и интереснаго органа.

Прежде всего надо замѣтить, что сердце, подобно желудку и легкимъ, относится къ тѣмъ органамъ, отъ которыхъ зависитъ исключительно растительная жизнь. Сердце своими движеніями производитъ кровообращеніе, но оно не воспринимаетъ никакихъ впечатлѣній, и не сообщаетъ нашимъ поступкамъ никакого импульса. Любовь, ненависть, желанія, надежды, волненія, страхъ, горе, радость—не имѣютъ ничего общаго съ дѣятельностью сердца и не могутъ доставить сердцу ни пріятнаго, ни тяжелаго ощущенія. Малѣйшее нарушеніе въ дѣятельности сердца ведетъ за собою болѣзненное разстройство, которое часто оканчивается смертью, но такого рода нарушенія происходятъ не отъ горести, не отъ душевнаго страданія, а оттого, что расхлабился какой нибудь клапанъ, распухъ тотъ нелый мускулъ который называется сердцемъ, или засорилось то или другое отверстіе, ведущее къ артеріи. Болѣзни сердца имѣютъ чисто физическія причины, и сердце наше само по себѣ также нечувствительно къ нашимъ радостямъ и страданіямъ, какъ нечувствителенъ желудокъ, постоянно занимающійся своею скромною поварскою должностью.

Впрочемъ, нельзя отрицать тотъ фактъ, что душевныя волненія могутъ нарушить до нѣкоторой степени нормальную дѣятельность сердца. Воспринимая впечатлѣнія нервами, мы въ этихъ самыхъ нервахъ чувствуемъ ощущенія радости, горя, страха и т. д. Напряженное или раздраженное состояніе нервовъ отзывается во всѣхъ частяхъ нашего тѣла, потому что нервы проходятъ въ нихъ своими развѣтвленіями, и переплетаясь тонкими ниточками съ кровеносными сосудами, могутъ сжимать ихъ независимо отъ нашей воли. Мы часто краснѣемъ вовсе не въ попадъ, тогда, когда не слѣдовало бы и не хотѣлось бы краснѣть; мы краснѣемъ совершенно произвольно, и это дѣлается единственно потому, что нервы, повинаясь внезапно воспріятому впечатлѣнію, мгновенно нарушаютъ нормальный ходъ кровообращенія и дольше, чѣмъ слѣдовало бы, задерживаютъ въ лицѣ ту кровь, которая должна возвращаться къ сердцу.

Если наши нервы поражены какимъ нибудь сильнымъ и прочнымъ впечатлѣніемъ, то они могутъ нарушить весь процессъ кровообраще-

ня и вслѣдствіе этого измѣнить состояніе сердца, которое такимъ образомъ совершенно непроизвольно, пассивно и безсознательно испытаетъ на себѣ реакцію нашихъ психическихъ ощущеній. Точно также можетъ испытать эту реакцію и желудокъ; если вы огорчены, вы можете потерять аппетитъ не потому, что желудокъ сочувствуетъ вашему горю, а потому, что напряженіе вашей нервной системы отнимаетъ у васъ возможность внимать скромно заявляемымъ требованіямъ вашего пищеварительнаго органа.

Словомъ, всѣ ощущенія воспринимаются только нервами, а нервы, получивши извѣстное сотрясеніе, могутъ нарушить или измѣнить дѣятельность такихъ органовъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до нашихъ ощущеній. Мы чувствуемъ боль только въ нервахъ; ни мускулы, ни кровеносные сосуды, ни желудокъ, ни сердце не могутъ страдать; страдаютъ только прилегающіе къ нимъ нервы. Все это такъ, скажетъ читатель, но если сердце все оплетено нервами, то оно, конечно, способно страдать, потому что оплетающія его нервы составляютъ одну изъ его частей.

— Конечно, отвѣчу я, это было бы совершенно справедливо, если бы сердце дѣйствительно было оплетено нервами, но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Сердце совершенно лишено чувствительности, какъ на поверхности своей, такъ и въ своемъ центрѣ. Нервы, находящіеся въ сердцѣ, относятся къ тому разряду нервовъ, которые проводятъ движеніе, но не сообщаютъ ощущеніе. Есть люди, у которыхъ, вслѣдствіе недостаточнаго развитія грудныхъ костей, существуетъ отверстие, позволяющее видѣть и даже ощупывать рукою сердце. Это ощупываніе не причиняетъ имъ не только ни малѣйшей боли, но даже ни малѣйшаго ощущенія. Рана, нанесенная человѣку въ сердце и ведущая за собою неизбежную смерть, заставитъ его страдать не потому, что она тронула сердце, а потому, что она по дорогѣ изломала грудныя кости и изорвала грудныя ткани.

Болѣзни сердца, нарушающія весь процессъ кровообращенія, приводятъ все тѣло въ состояніе ненормальной раздражительности и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ оказать значительное вліяніе на душевное настроеніе пациента. Бываютъ впрочемъ и такія болѣзни сердца, которыя, несмотря на всю свою важность, не причиняютъ ни малѣйшей боли, позволяютъ пациенту веселиться и наслаждаться жизнью, и до послѣдней роковой минуты укрываются даже отъ его собственнаго вниманія. Итакъ сердце—ничто иное, какъ безсознательно дѣйствующій

насосъ, необходимый для того, чтобы приводить въ движеніе кровь животнаго, но совершенно нечувствительный къ впечатлѣніямъ физическаго и духовнаго міра.

Когда мы говоримъ: у такого—то человѣка доброе сердце, а у такого—то нѣтъ сердца, когда Французы говорятъ съ воодушевленіемъ: *c'est un coeur d'or, il a du coeur*—*cet homme*, когда Нѣмцы толкуютъ съ умиленіемъ объ *herzliche Liebe, herzlicher Kummer*, то всѣ мы, Русскіе, Французы и Нѣмцы, говоримъ такія вещи, для которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ соответствующихъ явленій. Не имѣя никакого понятія о физиологій, мы замѣняемъ дѣйствительныя знанія созданіями нашей фантазіи и надѣляемъ сердце, которымъ мы почему-то особенно интересуемся, небывалыми, невозможными и неестественными свойствами, качествами, достоинствами и пороками.

Одно французское выраженіе, навсегда утвердившееся въ языкѣ, показываетъ чрезвычайно наглядно ложность тѣхъ физиологическихъ возрѣній, которыми пробавляется публика. *J'ai mal au coeur*, какъ извѣстно, значитъ по—французски: меня тошнитъ. Тошнота объясняется, такимъ образомъ, болью въ сердцѣ, между тѣмъ какъ она, очевидно, не имѣетъ съ сердцемъ ничего общаго. При тошнотѣ страдаетъ только желудокъ, и если страданія желудка переносятся такимъ образомъ въ сердце, то изъ этого можно вывести слѣдующія два заключенія: во—первыхъ, люди, соорудившіе это выраженіе, не имѣли понятія о мѣстоположеніи сердца; во—вторыхъ, они никогда не чувствовали боли въ сердцѣ, потому что перенесли на сердце ощущенія другаго органа, не имѣющаго съ нимъ никакихъ сношеній и ни малѣйшаго сходства.

Жизнь, или вѣрнѣе, біеніе сердца начинается до рожденія животнаго и продолжается до самой смерти, или вѣрнѣе, сердце продолжаетъ биться даже тогда, когда всѣ остальные признаки жизни покидаютъ тѣло. Когда куриное яйцо пролежало нѣсколько дней подъ насѣдкой, то въ немъ начинаетъ обозначаться сердце въ видѣ маленюшкой, красной точки, находящейся въ постоянномъ движеніи.

Это движеніе сердца начинается тогда, когда еще не существуетъ ни крови, ни нервовъ; слѣдовательно, причину этого движенія, начавшагося такъ рано, надо искать въ раздражительности самыхъ мускулистыхъ частей сердца, а не въ вліяніи крови и даже не въ дѣйствіи нервовъ. Говоря такимъ образомъ, что причина движенія заключается не въ нервахъ, я не хочу сказать, чтобы нервы, проходящіе отъ мозга къ сердцу, не имѣли никакого вліянія на темпъ этого дви-

женія. Нервы эти, при известномъ раздраженіи, могутъ замедлить или задержать біеніе сердца; потомъ, за этою мгновенною задержкою, послѣдуетъ ускоренная дѣятельность сердца, которое, однако, несмотря на свои подчиненныя отношенія къ нервамъ, бьется все-таки по собственному, внутреннему импульсу.

Сердце, вынутое изъ тѣла животнаго и слѣдовательно оторванное отъ всякой связи съ нервной системою, продолжаетъ биться нѣсколько времени. Вырѣзанныя лягушечки сердца прыгаютъ на столѣ натуралиста въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, сначала быстро и сильно; потомъ постепенно слабѣе и медленнѣе. Это самостоятельное движеніе вырѣзанныхъ сердецъ можетъ быть поддержано въ продолженіи нѣсколькихъ дней, если только не давать сердцамъ высохнуть и сохранять въ окружающемъ воздухѣ умѣренную теплоту. «Это, говоритъ Льюисъ, одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя наполняютъ духъ анатома какою-то невольною робостью. Онъ съ дѣтства привыкъ видѣть какое-то таинственное соотношеніе между біеніемъ сердца и жизнью организма, и вдругъ онъ видитъ это біеніе при такихъ обстоятельствахъ, которыя отгоняютъ всякую мысль о жизни и движеніи. Что же значитъ это біеніе? Въ немъ не видно равномѣрныхъ движеній жизни, не видно раздраженія испуга; его нельзя принять за дѣйствіе инстинкта. Убить и разрушенъ тогъ чудесный механизмъ, котораго центромъ было сердце, и вотъ рядомъ съ мертвымъ тѣломъ лежитъ этотъ органъ и продолжаетъ биться, будто самъ по себѣ хочетъ бороться со смертію.»

Сердце, переставшее биться послѣ смерти животнаго или человека, можетъ, посредствомъ электрическаго тока, еще разъ получить на нѣкоторое время способность сжиматься и расширяться. Подобные опыты производились нерѣдко надъ сердцами повѣшенныхъ или вообще казненныхъ преступниковъ.

Если даже смерть субъекта произошла не вдругъ и была слѣдствіемъ долговременной болѣзни, то случается, что біеніе сердца не прекращается вскорѣ послѣ смерти. Знаменитому анатому Везалію, жившему въ 16-мъ столѣтіи, пришлось дорого заплатить за открытіе этого факта. Этотъ замѣчательный человекъ, стоявшій по своему развитію гораздо выше уровня своей эпохи, рѣшался анатомировать человѣческіе трупы въ то время, когда это дѣйствіе считалось грѣховнымъ и преступнымъ. Одинъ молодой дворянинъ, котораго лечилъ Везалій, умеръ, несмотря на все его попеченія, и любознательный медикъ, желая узнать причину смерти, выпросилъ себѣ позволе-

*

не вскрыть его трунь. Вскрытіе произошло въ присутствіи нѣсколькихъ зрителей, которые пришли въ неописанный ужасъ, когда увидѣли, что сердце покойника бьется полнымъ, правильнымъ темпомъ. Везаліа обвинилъ въ томъ, что онъ зарѣзалъ живаго человѣка; въ это дѣло вмѣшалась инквизиція, и Везаліи съ большимъ трудомъ избѣжалъ мучительной смерти. Его принудили отправиться въ Палестину и замолилъ свой грѣхъ, вызванный дерзкимъ желаніемъ узнать тайны созданій Божіихъ. Репутация Везаліа, какъ врача, погибла съ того времени, и ему не удалось до самой своей смерти избавиться отъ подозрѣнія въ томъ, что онъ зарѣзалъ своего пациента.

У здоровыхъ и крѣпкихъ людей сила, съ которою сжимается сердце, равняется вѣсу въ 60 фунтовъ. Если вы, сидя на стулѣ, положите одну ногу на колѣнку другой ноги, то вы увидите, что носокъ свободно висящей ноги постоянно, независимо отъ вашей воли движется назадъ и впередъ; если вы повѣсите на ступню этой ноги пудовую гирю (предполагая, что вы будете въ силахъ сдерживать ее), то и эта гиря не помѣшаетъ колебаніямъ носка, которыя будутъ совершаться прежнимъ темпомъ и, попрежнему, независимо отъ вашей воли. Это колебаніе носка происходитъ отъ біенія сердца и отъ прилива крови въ артерію ноги. Если разрѣзать одну изъ большихъ артерій, то сила, съ которою брызнетъ изъ нея кровь, дастъ намъ понятіе о силѣ импульса, сообщеннаго этой крови сжатіемъ сердца. У собакъ и овецъ кровь брызжетъ даже изъ малыхъ артерій на шесть футовъ въ вышину. Скорость, съ которою волна крови идетъ отъ сердца по артеріямъ равняется 28 парижскимъ футамъ въ секунду.

Весь рядъ явленій, относящихся къ кровообращенію, очень недавно сдѣлался достояніемъ науки. Запутанность и ложность понятій, господствовавшихъ объ этомъ предметѣ въ древности, превосходятъ всякое вѣроятіе. Греки и Римляне были увѣрены въ томъ, что наши жилы наполнены воздухомъ. Римскій медикъ Галенъ, жившій въ половинѣ втораго вѣка послѣ Рождества Христова, первый доказалъ, что въ жилахъ заключается кровь, и что въ однихъ жилахъ эта кровь отличается темнокраснымъ цвѣтомъ, а въ другихъ яркокраснымъ. Во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія испанскій медикъ Михаильтъ Серветъ открылъ движеніе крови отъ сердца къ легкимъ и отъ легкихъ обратно къ сердцу. Религіозный фанатизмъ не пощадилъ этого замѣчательнаго человѣка, и Кальвинъ сжегъ его на кострѣ въ Женевѣ, доказывая такимъ образомъ потомству, что начало реформаци

далеко не совпадаетъ съ началомъ вѣротерпимости. Несмотря на преслѣдованія и казни, несмотря на презрѣніе и невнимательность легкомысленной массы, духъ живой любознательности и терпѣливаго изученія пробивалъ себѣ дорогу, опрокидывалъ нагроможденные препятствія и дарилъ плоды своихъ трудовъ тому самому человечеству, которое не умѣло распознавать своихъ истинныхъ друзей и не понимало значенія ихъ дѣятельности. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія Англичанинъ Гарвей открылъ, что движеніе крови совершается во всея тѣлѣ, описалъ пути, по которымъ кровь выходитъ изъ сердца и возвращается къ сердцу, и этимъ мировымъ открытіемъ положилъ основаніе новой, истинно-научной физиологій, основанной на наблюденіи и не имѣющей ничего общаго съ прежними гаданіями и фразистыми разсужденіями.

Открытіе Гарвея встрѣтило себѣ рѣзкую оппозицію со стороны ученыхъ мечтателей того времени. Медицинскій факультетъ парижскаго университета возражалъ самыми оригинальными аргументами. «Жизнь, писалъ физиологъ Бурдахъ, потеряетъ свой идеальный блескъ, если мы рѣшимся простымъ механизмомъ объяснять теченіе крови, составляющее такую существенную часть ея проявленія.»

Закаленные натурфилософы, смотрѣвшіе на вещи умственными очами, не признали существованія кровеобращенія; они остались при томъ убѣжденіи, что «кажущееся движеніе крови есть необъяснимое чудо (*mirabile dictu*), колебаніе между бытіемъ и не бытіемъ.» Благодаря такому глубокомысленному и удопонятному воззрѣнію на тѣ факты, которые легко и свободно объяснялись непосредственнымъ наблюденіемъ, натурфилософія постепенно стала терять ореолъ своего величія, и въ XIX столѣтіи окончательно сошла съ того пьедестала, на которомъ она стояла вслѣдствіе невѣжества массъ и шарлатанства ученыхъ. Бюхнеръ говоритъ, что его учитель физиологій былъ отчаянный натурфилософъ, старавшійся кудреватými фразами убѣдить своихъ слушателей въ вѣрности своихъ идей и постоянно бранившій тѣхъ ученыхъ, которые хотѣли тѣлесными глазами увидать вещи и процессы, доступные только умственному оку. А въ это время тѣлесные глаза разсмотрѣли волосныя сосуды, соединяющіе тонкія артеріи съ тонкими венами, охватывающіе всѣ части тѣла частою, тонкою, подкожною сѣткою и такимъ образомъ замыкающіе собою тѣ пути, по которымъ кровь обтекаетъ все тѣло. При помощи микроскопа открылась для изслѣдователей возмож-

ность собственными глазами разсматривать теченіе крови въ волосныхъ сосудахъ живыхъ существъ.

«Трудно себѣ представить болѣе великолѣпную микроскопическую картину, говоритъ Бенекъ въ своихъ физиологическихъ этюдахъ, чѣмъ ту, которую представляетъ подѣ микроскопомъ плавательная кожа живой лягушки. Постепенно суживающіеся, извивающіеся каналы, образующіе собою петли, проходятъ въ видѣ сѣтки чрезъ эту кожу; въ нихъ движется свѣтложелтоватая кровяная жидкость и въ серединѣ этихъ рѣчекъ катятся, подобно песчинкамъ на днѣ прозрачнаго ручья, красныя кровяныя пузырьки; въ большихъ сосудахъ ихъ очень много, въ меньшихъ они по одиначкѣ слѣдуютъ другъ за другомъ. Слой жидкости, прилегающій къ стѣнкѣ сосуда, движется гораздо медленнѣе, чѣмъ средній потокъ, несущій въ себѣ кровяныя пузырьки; если внимательно наблюдать за движеніемъ крови въ волосныхъ сосудахъ, то можно замѣтить, что оно совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ въ большихъ сосудахъ; это обстоятельство, очевидно, указываетъ на то взаимное вліяніе, которое существуетъ между кровью и органическими тканями.»

Натуралистъ Левенгукъ первый увидѣлъ обращеніе крови въ волосныхъ сосудахъ въ хвостѣ живой ящерицы. «Тутъ говоритъ онъ, мнѣ представилось такое восхитительное зрѣлище, какого до тѣхъ поръ еще не видывали мои глаза. Я открылъ въ различныхъ мѣстахъ болѣе пятидесяти различныхъ циркуляцій крови. Я увидѣлъ какъ кровь чрезъ необыкновенно тонкіе сосуды идетъ отъ середины хвоста къ краямъ его, и какъ потомъ каждый сосудъ поворачиваетъ назадъ и приводитъ кровь обратно къ серединѣ хвоста, откуда она отправляется далѣе по дорогѣ къ сердцу.»

IV.

Вглядитесь въ общую жизнь природы, въ прозябаніе растенія, въ существованіе животнаго, и вы увидите, что необходимымъ условіемъ всякой органической жизни, всякаго движенія, измѣненія и развитія является теплота.

Теплота, или, какъ ее называютъ въ физикѣ, теплородъ не есть

матеріи; это—движеніе; присутствіе теплоты проявляется всегда въ движеніи того вещества, на которое она дѣйствуетъ; вездѣ, гдѣ есть движеніе, тамъ обнаруживается и теплота.

Представьте себѣ картину природы въ лѣтній день, когда теплота всего сильнѣе дѣйствуетъ на окружающіе предметы и сравните эту картину съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое представляетъ та же самая мѣстность зимою, при сильномъ морозѣ. Въ первомъ случаѣ вы увидите растительную жизнь во всемъ ея роскошномъ развитіи, во второмъ случаѣ вы не увидите ничего, кромѣ необозримой, утомительно однообразной снѣговой равнины. Положимъ, что 7-го іюня вы захотите взглянуть на дерево, которое вы внимательно осматривали 1-го іюня; вы навѣрное найдете въ немъ замѣтную переиъну; тамъ распустился новый цвѣтокъ, здѣсь осыпались отжившіе цвѣтки и завязались плоды, тутъ молодой побѣгъ увеличился въ длинѣ и въ объемѣ. Если же вы 7-го января посмотрите на снѣговую равнину, по которой вы гуляли 7-го декабря, то, вѣроятно, вы не замѣтите никакой переиъны: вы увидите, можетъ быть, что количество снѣга увеличилось или уменьшилось, что сугробы его окрѣпли или сдѣлались рыхлѣе, что по дорогѣ образовались лужи или ледяные раскаты. Лѣтній пейзажъ измѣняется въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, развивается и живетъ подъ влияніемъ теплоты въ каждомъ деревѣ, въ каждой былинкѣ; зимній пейзажъ, благодаря уменьшенію теплоты, показываетъ намъ оцѣпенѣніе органической жизни, неподвижность и утомительно однообразіе застоя. Скучныя измѣненія, которыя иногда происходятъ въ этомъ зимнемъ пейзажѣ, и которыя не имѣютъ ничего общаго съ развитіемъ органической жизни, совершаются все-таки при содѣйствіи теплоты. Если мы вообразимъ себѣ такую мѣстность, на которой круглый годъ стоитъ тридцатиградусный морозъ, то эта мѣстность никогда не измѣнится; пройдутъ цѣлыя вѣка, и она по прежнему останется холодною, пустынною и безжизненною; тѣ же снѣжные сугробы, тѣ же ледяныя глыбы, ни на одинъ вершокъ не измѣнившія своей фигуры, будутъ по прежнему останавливать на себѣ глаза наблюдателя. Но пусть въ эту оцѣпенѣвшую, застывшую мѣстность заглянетъ солнце, пусть начнется сильная оттепель—и черезъ день вы ее не узнаете; ледяные утесы расплывутся, снѣговые сугробы осадутъ, зашумитъ вода, потекутъ мутныя ручьи; органическая жизнь, придавленная долговременнымъ холодомъ, не успѣетъ еще пробиться, но обнаружится движеніе, слышатся шумъ и плескъ воды, и мертвая тишина ледя-

наго застоя окажется нарушенной, благодаря сильному притоку животельной теплоты. Возьмите другой, мелкій приѣтъ изъ вседневной жизни. Если вы хотите сохранить кусокъ мяса въ неспорченномъ видѣ, вы кладете его въ холодное мѣсто. Холодъ останавливаетъ или по крайней мѣрѣ значительно замедляетъ процессъ гніенія.

Гніеніе—ничто иное, какъ одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни въ природѣ. Гниющей кусокъ мяса разлагается на свои составныя части, поступаетъ въ общую экономію природы, и, облакаясь въ новыя формы, образуя новыя тѣла, продолжаетъ принимать участіе въ общемъ круговоротѣ жизни. Жизнь—ничто иное, какъ движеніе, переходъ изъ формы въ форму, постоянное, неутомное превращеніе, разрушеніе и созиданіе, слѣдующія другъ за другомъ и вытекающія другъ изъ друга. Задерживая гніеніе куска мяса, холодъ исполняетъ наши желанія; но здѣсь, какъ и вездѣ, онъ задерживаетъ теченіе жизни и сковываетъ его проявленія. Когда мы беремъ съ ледника сохранившійся кусокъ мяса, когда, приготовивъ его по своему вкусу, мы съѣдаемъ его за обѣдомъ или за завтракомъ, тогда задерживающее дѣйствіе холода прекращается, и мясо, подѣ влияніемъ желудочныхъ кислотъ и теплоты нашихъ пищеварительныхъ органовъ, разлагается, входитъ въ нашу кровь, служитъ къ образованію нашихъ органическихъ тканей и такимъ образомъ снова начинаетъ принимать участіе въ движеніи вещества и въ общемъ процессѣ жизни. Вы видите, такимъ образомъ, что и здѣсь движеніе началось вмѣстѣ съ притокомъ теплоты.

Всѣ мы знаемъ изъ физики и изъ вседневной жизни, что дѣйствіе теплоты измѣняетъ форму и свойства тѣлъ, подверженныхъ ея влиянію. Ледъ превращается въ воду, вода превращается въ паръ, металлы становятся мягкими и наконецъ переходятъ въ жидкое состояніе, и всѣ эти измѣненія происходятъ отъ дѣйствія теплоты. Норма этихъ измѣненій для всѣхъ тѣлъ одинакова; твердое тѣло, нагрѣваясь, становится жидкимъ и наконецъ улетучивается въ видѣ газа. Теплота расширяетъ тѣла, т. е. ослабляетъ связь между ихъ атомами; при усиленіи теплоты, связь эта становится такъ слаба, что твердое тѣло растекается; когда теплота становится еще сильнѣе, тогда, вмѣсто прежняго плотнаго сдѣленія между атомами, является полное разединеніе, даже взаимное отталкиваніе, и прежняя твердая масса разлетается въ видѣ газа. Мы привыкли видѣть желѣзо въ твердомъ состояніи, ртуть и воду въ жидкомъ, воздухъ въ газообразномъ; мы считаемъ этотъ видъ названныхъ веществъ нормальнымъ и прочнымъ,

потому что эти вещества находятся именно въ такомъ видѣ при той температурѣ, при которой намъ удобно и возможно жить. На самомъ же дѣлѣ, то или другое вещество находится въ твердомъ, жидкомъ или газообразномъ состояніи, только благодаря количеству теплоты, разлитому въ нихъ и вокругъ нихъ. Еслибы мы могли искусственнымъ путемъ производить бесконечно высокую и бесконечно низкую температуру, то мы, конечно, могли бы получить газообразное желѣзо, жидкій кислородъ, твердый азотъ. Газообразное желѣзо получилось бы при страшномъ жарѣ, а жидкій кислородъ или твердый азотъ при чрезвычайно сильномъ холодѣ.

Расширяясь отъ дѣйствія теплоты, тѣла стремятся занять большее пространство и слѣдовательно оказываютъ давленіе на все, что ихъ окружаетъ. На этомъ общемъ свойствѣ тѣла основано устройство паровыхъ машинъ; по этому же самому свойству порохъ, вспыхивая отъ прикосновенія зажженного фитиля, съ огромною силою вырывается въ видѣ газа изъ дула артиллерійскаго орудія и выбрасываетъ ту чугунную массу, которая жѣсала его выходу. Вода подъ влияніемъ теплоты постепенно переходитъ изъ одного вида въ другой, постепенно расширяется и усиливаетъ свое давленіе; на этомъ основаніи вода, подверженная дѣйствію теплоты, можетъ, при извѣстныхъ предосторожностяхъ, быть употреблена, какъ двигательная сила; порохъ напротивъ того, не таетъ, а мгновенно изъ твердаго состоянія переходить въ газообразное; поэтому расширение его совершается такъ быстро и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что оно ломаетъ и коверкаетъ всѣ препятствія, словомъ, производитъ то, что мы называемъ взрывомъ, и что водяной паръ можетъ произвести только вслѣдствіе неопытности и оплошности машиниста. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, при отсутствіи при дѣйствіи паровой машины и при выстрѣлѣ изъ орудія, мы видимъ, что влияніе теплоты развиваетъ извѣстное количество механической силы.

Теоретическая физика въ новѣйшее время открыла одинъ изъ важнѣйшихъ міровыхъ законовъ—законъ сохраненія или неразрушимости силы. Сохраненіе или неразрушимость силы заключается въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ никакая сила не уничтожается и не возникаетъ вновь. Передъ нашими глазами совершается постоянно переходъ силы изъ одной формы въ другую; какъ ни одна частица матеріи не пропадаетъ и не уничтожается, а только видоизмѣняется, такъ точно ни одна частица какой бы то ни было силы не утрачивается, а только

принимает иногда такую форму, которая скрывает его от нашего наблюдения. «Механическая, химическая, электрическая, магнетическая сила, теплота, всё это превращается другъ въ друга; величина или количество силы остается неизмѣненнымъ, несмотря на то, что самая сила проявляется въ той или въ другой формѣ.» Мы уже видѣли, говоря о паровыхъ машинахъ, какимъ образомъ теплота превращается въ механическую силу. Точно также и механическая сила способна превращаться въ теплоту. Дикари добываютъ огонь, разгорая два куска дерева посредствомъ сильного тренія.

Шила, которою работаетъ дюжій ремесленникъ, разогрѣвается вслѣдствіе тренія такъ сильно, что можетъ обжечь руку своимъ прикосновениемъ; въ Мюнхенѣ, на литейномъ заводѣ производились опыты, которые доказали, что, безъ внѣшняго нагрѣванія, однимъ трениемъ машины можно довести воду до точки кипѣнія. Температура воды повышается даже отъ взмѣшиванія и взбалтыванія. Силою падающей воды или дѣйствіемъ вѣтра можно нагнать цѣлую комнату, если приложить эти силы къ вращенію большаго деревяннаго цилиндра въ металлическомъ поломъ цилиндрѣ, тѣсно прилегающемъ къ первому. Это отощленіе будетъ происходить такимъ образомъ: металлическій цилиндръ накалится отъ сильнаго тренія и, подобно желѣзной печи, будетъ выдѣлять въ окружающіе слои воздуха количество теплоты, соразмѣрное съ силою тренія, съ величиною обоихъ цилиндровъ и съ продолжительностью движенія всего снаряда. Каждому извѣстно, что оси экипажныхъ колесъ дымятся и обугливаются вслѣдствіе скорой и продолжительной ѣзды, особенно въ томъ случаѣ, если между осью и втулкою нѣтъ вещества, ослабляющаго треніе, т. е. говоря простымъ языкомъ, если колеса не смазаны. Кузнецы умѣютъ ударами молотка довести гвоздь до раскаленнаго состоянія. Ледъ, сдавленный гидравлическимъ прессомъ, превращается въ воду, потому что сила давленія порождаетъ то количество теплоты, которое необходимо для того, чтобы растопить ледъ.

Всѣ эти примѣры сводятся къ одному общему положенію: каждой механической работѣ соответствуетъ извѣстное количество теплоты; когда теплота производитъ механическую работу, тогда исчезаетъ извѣстное количество теплоты, соответствующее произведенной работѣ; потративъ вновь эту же самую работу, можно произвести то же количество теплоты. Машинистъ разводитъ огонь подъ котломъ паровой машины; дрова горятъ яркимъ пламенемъ, слѣдовательно, то количе-

ство теплоты, которое въ нихъ заключается, истрачивается; вы думаете, что эта теплота пропала? Ошибаетесь. Вода превращается въ паръ, слѣдовательно, теплота выражается въ формѣ движенія и видоизмѣненія вещества; паровая машина приходитъ въ движеніе, слѣдовательно, теплота превращается въ механическую работу; вслѣдствіе этой механической работы разогрѣваются тѣ части машины, въ которыхъ происходитъ треніе, слѣдовательно, работа опять превращается въ теплоту, которая въ свою очередь можетъ быть превращена въ работу и т. д. до безконечности.

Законъ неразрушимости силы имѣетъ свое несомнѣнное и огромное значеніе какъ теоретическое положеніе, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней рациональнаго міросозерцанія. Практическое примѣненіе этого закона не всегда возможно.

Ясно какъ день, что въ природѣ не пропадаетъ ни одинъ клочекъ матеріи, ни одна частичка силы, по той простой причинѣ, что никуда пропасть, некуда вывалиться изъ этого безпредѣльнаго ящика. Но точно также ясно и то, что для насъ, для нашихъ цѣлей, интересовъ и потребностей ежедневно и ежеминутно пропадаетъ и матеріи, и сила. Если вы прольете на полъ рюмку вина, которую вы несете къ губамъ, то она для васъ пропала, хотя природа, конечно, не потеряла отъ этого ни одного атома. Если у васъ горитъ лѣсъ, то для васъ пропадаетъ то количество теплоты, которое заключалось въ деревьяхъ, пропадаетъ, несмотря на то, что воздухъ, окружающій вашъ сгорѣвшій лѣсъ, оказывается нагрѣтымъ въ значительной степени; повышенная температура этого воздуха производитъ движеніе въ воздухѣ — вѣтеръ; слѣдовательно, въ природѣ неразрушимость силы остается существующимъ фактомъ. Лѣсъ вашъ сгорѣлъ, воздухъ нагрѣлся, поднялся вѣтеръ. Химическое измѣненіе дерева породило теплоту, теплота породила движеніе. Это васъ однако нисколько не утѣшаетъ и вы спрашиваете съ оттѣнкомъ досады: да для чего же все это? Кому это нужно? Кому отъ этого польза? Для чего? Съ такимъ вопросомъ смѣшно даже обращаться къ явленіямъ природы. Ставить ей какія бы то ни было требованія, значить сходиться въ міросозерцаніи съ Ксерксомъ, бичевавшимъ Дарданельскій проливъ за поднявшуюся на немъ бурю. Въ такомъ міросозерцаніи можетъ быть много поэзіи, но очень мало здраваго смысла. О сгорѣвшемъ лѣсѣ можно пожалѣть, какъ можно пожалѣть о проигранныхъ деньгахъ, но отожествлять свои интересы съ интересами природы нельзя; природа не сдѣлается бѣднѣе отъ ка-

когонибудь пожара или наводнения, потому что все частицы створенного глѣса или затопленной земли остаются попрежнему въ полномъ и безотчетливомъ ея распоряженіи. Ваше личное положеніе, положеніе милліоновъ людей можетъ сдѣлаться бѣдственнымъ и невыносимымъ, но природа до этого обстоятельства вѣтъ и не можетъ быть никакого глѣда. Вамъ хорошо жить—живите, не можете жить—умирайте, и она сейчасъ же распорядится съ составными элементами вашего тѣла.

Я позволялъ себѣ это отступленіе единственно для того, чтобы сдѣлать разграниченіе между жизнью природы и нашею человеческою жизнью, изъ которой мы такъ часто, совершенно не въ поладъ, выхажываемъ иѣрки, прилагаемыя нами къ оцѣнкѣ физическихъ явленій. Природу надо изучать, а мы, вмѣсто того, становимся къ ней въ разныя патетическія отношенія, тратимъ время на возгласы, отуманиваемъ свой мозгъ разными фантазмагоріями, въ которыхъ одни люди находятъ красоту, другіе отраду, третьи даже смыслъ и послѣдовательность. Пора однако возвратиться къ теплотѣ.

Космическій источникъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ на землѣ, всякой дѣятельности, проявляющейся на нашей планетѣ, заключается въ лучахъ солнца; они льютъ на землю свѣтъ и теплоту, они производятъ движеніе воды въ океанахъ и озерахъ, въ рѣкахъ и бассейнахъ; они поднимаютъ въ воздухъ водяные пары, порождаютъ облака, служатъ причиною дождя, града, снѣга; они производятъ теченія атмосферы или вѣтры; они вызываютъ изъ земли растительную жизнь и поддерживаютъ эту жизнь вліаніемъ свѣта и теплоты; они орошаютъ луга, поля, глѣса потоками той воды, которая при ихъ содѣйствіи поднимается въ видѣ паровъ и носится въ воздухѣ подъ названіями тучъ, тумановъ и облаковъ.

Животныя и люди, существующіе по милости солнечныхъ лучей, обращаютъ въ свою пользу ихъ вліаніе на почву и растительность. Травоядныя питаются растениями, не спрашивая о причинѣ ихъ происхожденія; плотоядныя пожираютъ травоядныхъ, не заботясь о ихъ разведеніи; человекъ оказывается смышленѣе тѣхъ и другихъ: онъ не довольствуется тѣмъ, что нечаянно перенадеетъ на его долю; онъ пользуется силами и движеніями, возникающими подъ живительнымъ вліаніемъ солнечныхъ лучей; онъ ловитъ тѣ формы, матеріи и силы, которыя кажутся ему удобными; онъ принимаетъ свои иѣрки, для того чтобы эти удобныя формы сохранялись какъ можно долѣе или измѣнялись именно тогда, когда ему это необходимо. Онъ сохраняетъ

запасы дѣрева и сжигаетъ ихъ тогда, когда теплота солнечныхъ лучей оказывается недостаточною; онъ ловитъ вѣтеръ и по вѣтру распускаетъ паруса своего корабля или направляетъ крылья своей вѣтряной мельницы; онъ бросаетъ въ землю семена растений, рассчитывая время такъ, чтобы растеніе успѣло взрѣть и привести плоды раньше наступленія холода. Не сознавая въ природѣ новыхъ силъ, человѣкъ пользуется существующимъ капиталомъ и прибѣгается къ неизмѣннымъ физическимъ законамъ. Во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ отрасляхъ своей дѣятельности онъ постоянно, посредственно или непосредственно эксплуатируетъ вліяніе солнечныхъ лучей. «Сила, говорятъ Бюхнеръ, съ которою локомотивъ несется по рельсамъ, есть капля солнечной теплоты, заключенная въ растенія силами природы за милліоны лѣтъ тому назадъ и въ настоящую минуту превращенная въ механическую работу посредствомъ машины, приготовленной рукою человѣка».

Еслибы лучи солнца перестали согрѣвать и освѣщать землю, то наша планета въ самое короткое время превратилась бы въ ледяную глыбу; растительность исчезла бы немедленно; вмѣстѣ съ растительностью погибли бы тѣ животныя, которыя не защищены рукою человѣка и сами по себѣ неспособны согрѣваться искусственно произведенною теплотою. Человѣкъ нѣсколько времени боролся бы съ природою, запираясь въ своихъ домахъ, отапливая ихъ мерзлыми остатками растительнаго царства, защищая своихъ домашнихъ животныхъ отъ разрушительнаго дѣйствія холода, и питаясь набранными запасами. Но этихъ искусственныхъ средствъ хватило бы не надолго; холодъ и голодъ погубили бы человѣка вслѣдъ за другими животными, органическая жизнь остановилась бы окончательно и замерзшая земля превратилась бы въ страшную, громадную пустыню.

Отдавая себѣ такимъ образомъ ясный отчетъ въ томъ всеобъемлющемъ вліяніи, которое солнечная теплота оказываетъ на всѣ отправления нашей жизни, мы будемъ въ состояніи понять, почему первобытные народы, не слыхавшіе ученія объ истинномъ *Боге*, поклонялись солнцу и огню, который они считали земнымъ отраженіемъ небеснаго свѣтила. Первобытныя религіи основаны на обоготвореніи силъ природы и выражаютъ собою міросозерцаніе народа въ томъ періодѣ, въ которомъ философія и наука были неразлучны съ поэзією, и въ которомъ идея представлялась уму не иначе, какъ въ яркомъ, фантастически разукрашенномъ образѣ. Правильный истинный первобытнаго человѣка указалъ ему на ту важную роль, которую въ нашей жизни

играет солнце; человек угадал связь, существующую между колебанием солнца на небосклоне и процветанием органической жизни на земле; он вонюг свою зависимость от климатических изменений, обуславливаемых дѣйствіем солнца; впечатлительный как ребенок, он унаг на колѣни передъ источникомъ жизни и наслажденія; онъ заговаривалъ съ нимъ своимъ языкомъ, онъ думалъ унижить его мольбами и жертвами, а солнце обливало его попрежнему своимъ безучастнымъ свѣтомъ и согрѣвало его также безсознательно и непроизвольно, какъ согрѣвало какую нибудь полевую мышь или безчувственный камень.

V.

Когда мы прикасаемся рукою къ какому нибудь предмету, то мы чувствуемъ, что онъ тепелъ или холоденъ; мы различаемъ эти два понятія въ разговорномъ языкѣ и даже считаемъ ихъ диаметрально противоположными; на самомъ же дѣлѣ этой противоположности не существуетъ; между горячимъ и холоднымъ предметомъ существуетъ только количественное различіе; въ горячемъ предметѣ находится больше теплоты, чѣмъ въ нашей рукѣ—въ холодномъ меньше; когда мы дотрагиваемся до горячаго предмета, то теплота изъ этого предмета протекаетъ въ нашу руку; если же мы кладемъ руку на холодный предметъ, то теплота изъ нашей руки переходитъ въ этотъ предметъ, и мы чувствуемъ потерю теплоты точно также, какъ въ первомъ случаѣ чувствуемъ приращеніе теплоты въ нашемъ собственномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ, судя о температурѣ окружающихъ предметовъ, называя каленое желѣзо горячимъ, а ледь—холоднымъ, мы только выражаемъ отношеніе, въ которомъ находится теплота этихъ предметовъ къ теплотѣ нашего тѣла.

Общая теплота нашего тѣла колеблется между 28 и 30 градусами Реомюра; эта температура не можетъ быть ни возвышена, ни понижена, не подвергая опасности здоровья и даже жизни; на поверхности нашего тѣла, особенно въ оконечностяхъ и въ тѣхъ частяхъ, которыя не покрыты платьемъ, эта температура подвержена значительнымъ измѣненіямъ, не представляющимъ ни малѣйшей опасности. Ли-

цо, руки и ноги человѣка, пробывшаго около часу на открытомъ воздухѣ въ зимнее время, будутъ очень холодны, когда онъ возвратится въ комнату; потомъ, когда кровь опять прильетъ въ волосные сосуды, сжавшіеся отъ дѣйствія холода, лицо руки и ноги сдѣлаются теплѣе, чѣмъ они были до выхода на улицу; каждый изъ моихъ читателей вѣроятно испыталъ на себѣ, какъ горитъ лицо при переходѣ изъ холоднаго воздуха въ болѣе теплый; эти измѣненія температуры, быстро слѣдующія другъ за другомъ, нисколько не вредятъ нашему здоровью, если они проявляются только въ нашей кожѣ и въ оконечностяхъ тѣла. Что же касается до степени теплоты нашей крови и нашихъ внутреннихностей, то она не можетъ измѣняться, не подвергая насъ опаснымъ болѣзнямъ, или не являясь слѣдствіемъ подобныхъ болѣзней.

Положимъ, говорить Льюисъ въ своей физиологіи всендневной жизни, что въ комнатѣ виситъ птичья клетка. Атмосфера комнаты измѣняетъ степень своей теплоты, смотря по времени года и по свойствамъ каждаго отдѣльнаго дня. Лучи лѣтняго солнца и холодный сѣверный вѣтеръ проникаютъ въ комнату и измѣняютъ температуру тѣхъ мѣдныхъ прутьевъ, изъ которыхъ составлена клетка. Но въ эта время птица, сидящая въ клеткѣ, не становится ни теплѣе, ни холоднѣе. Ни лучи августовскаго солнца, ни пронзительный декабрьскій вѣтеръ не увеличиваютъ ея нормальной теплоты, которая вообще можетъ измѣниться только на одинъ или на два градуса. Какимъ образомъ, спрашиваетъ Льюисъ, можетъ птица, подверженная вѣтшнему вліанію измѣнчивой температуры, постоянно сохранять такую высокую степень собственной теплоты?

На этотъ вопросъ можно дать слѣдующій, прямой отвѣтъ: каждый живой организмъ заключаетъ въ себѣ источникъ самостоятельно развивающейся теплоты. Такого рода отвѣтъ обобщаетъ вопросъ, поставленный Льюисомъ, но, конечно, нисколько не рѣшаетъ предложенной задачи. Мы видимъ, что всѣ организмы развиваютъ въ себѣ известную степень теплоты; надо теперь объяснить, какимъ образомъ совершается въ организмахъ этотъ замѣчательный процессъ.

Когда признавали существованіе особенной, необъяснимой жизненной силы, тогда на ея широкія плечи сваливались всѣ тѣ явленія, которыя изслѣдователи не могли объяснить себѣ вслѣдствіе незнанія фактовъ или лѣтности мысли. Вѣстѣ съ другими процессами былъ отправленъ въ обширную область жизненной силы процессъ развитія органической теплоты. Нѣкоторые физиологи, совѣстившіеся прикрывать свое незна-

ние избитом выѣскою жизненной силы, пытались доказать, что животная теплота есть слѣдствіе таинственной дѣятельности нервовъ.

И тѣ, и другіе витали въ области гипотезъ и не могли привести въ подтвержденіе своихъ догадокъ ни одного факта, выдерживающаго серьезную, научную критику.

Въ концѣ XVIII столѣтія атмосферный воздухъ былъ разложенъ на свои составныя части и ученые того времени узнали замѣчательныя свойства кислорода.

Открытіе кислорода повело къ пониманію процесса горѣнія. Исслѣдователи убѣдились въ томъ, что всякое горѣніе есть ничто иное какъ окисленіе какого нибудь тѣла или соединеніе его съ кислородомъ; когда какое нибудь тѣло соединяется съ кислородомъ, то оно сгораетъ и развиваетъ извѣстную степень теплоты; какъ бы ни совершалось это соединеніе, медленно или быстро, съ пламенемъ или безъ пламени, оно все-таки сопровождается извѣстною степенью теплоты, хотя иногда эта теплота развивается такъ медленно, что мы не можемъ убѣдиться въ ея существованіи ни непосредственнымъ чувствомъ, ни термометромъ.

Узнавши о существованіи кислорода, ученые прошлаго столѣтія узнали также, что кислородъ необходимъ для поддержанія животной жизни, и что процессъ дыханія заключается именно въ поглощеніи кислорода, проникающаго въ легкія и соединяющагося съ кровью. Кислородъ соединяется съ кровью, и всякое соединеніе съ кислородомъ есть горѣніе медленное или быстрое, неразлучное съ развитіемъ большей или меньшей степени теплоты. Такого рода мысль еще въ концѣ XVIII вѣка пришла въ голову французскимъ ученымъ Лавуазье и Лапласу. Съ ними сошлись на этой идеѣ Англичане Блейкъ и Крофордъ, и животная теплота была объяснена этими изслѣдователями, какъ слѣдствіе горѣнія, совершающагося внутри организма. Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія Французы Дюлонъ и Дебрець дали этой идеѣ вполне научную обработку; кромѣ того, знаменитый нѣмецкій химикъ Либихъ посвятилъ вопросу о животной теплотѣ самыя тщательныя изслѣдованія и дошелъ до того заключенія, что большая часть теплоты, развивающейся въ тѣлѣ животного происходитъ отъ сожженія углерода и водорода въ углекислоту и въ воду. Углеродъ и водородъ заключаются въ самомъ организмѣ, а кислородъ притекаетъ изъ атмосфернаго воздуха и, соединяясь съ этими элементами, образуетъ, какъ результаты горѣнія, углекислоту и воду.

Кислородъ черезъ легкія входитъ въ наше тѣло; въ легкіяхъ онъ соединяется съ кровью; кровь, насыщенная кислородомъ, идетъ во все части нашего тѣла и несетъ съ собою то количество кислорода, которое, соединяясь съ органическими тканями и пережигая ихъ, развиваетъ во всехъ частяхъ тѣла животнаго теплоту и потомъ выдѣляется вмѣстѣ съ пережженными веществами въ видѣ углекислоты, аммиака и воды. Поэтому животная теплота порождается не въ однихъ легкіяхъ, но во всякомъ мѣстѣ, въ которомъ кислородъ соприкасается съ другими веществами, способными окисляться. Притокъ кислорода въ легкія можно сравнить съ тою тягою воздуха, которая необходима для того, чтобы поддерживать горѣніе дровъ въ печи. Тяга эта необходима для развитія теплоты въ печкѣ, но теплота развивается не въ томъ мѣстѣ, въ которомъ воздухъ вливается въ печку, а въ томъ, въ которомъ кислородъ этого воздуха соединяется съ углеродомъ горющаго дерева. Такъ точно и животная теплота развивается не въ самыхъ легкіяхъ, которыя представляютъ только дверь для прохода атмосфернаго воздуха, а во всехъ частяхъ нашего тѣла, вездѣ, гдѣ совершается горѣніе, вездѣ, гдѣ кислородъ, заключенный въ крови, соединяется съ углеродомъ и водородомъ прилегающихъ тканей.

Постоянный обитъ веществъ, составляющихъ ткани нашего тѣла, постоянное созиданіе и разрушеніе этихъ тканей при содѣйствіи атмосфернаго кислорода, являются такимъ образомъ главными и даже единственными причинами животной теплоты. Чѣмъ быстрѣе совершается этотъ обитъ веществъ, тѣмъ сильнѣе развивается теплота; чѣмъ медленнѣе онъ происходитъ, тѣмъ слабѣе вырабатывается теплота. Надъ кроликами производился слѣдующій любопытный опытъ. Кролика обрили и намазали лакомъ не пропускающимъ воздуха; повидимому слѣдовало бы ожидать, что кролику будетъ очень тепло, потому что воздухъ не будетъ касаться его тонкой, обнаженной кожи. Вышло однако совершенно наоборотъ; теплота кролика быстро понизилась на 14, потомъ даже на 18 градусовъ и вслѣдъ за тѣмъ, похолодѣвши заживо, кроликъ околѣлъ. Почему же такъ случилось? А потому, что лакъ закрылъ поры кожи и потому чрезъ эти поры не могли выдѣляться ни газообразныя, ни жидкія испаренія. Пережженные вещества, выдѣляющіяся чрезъ кожу, должны были оставаться въ тѣлѣ кролика и своимъ накопленіемъ замедлили общій обитъ веществъ, служащій источникомъ всякой животной теплоты. Смерть намазаннаго кролика можетъ быть замедлена только притокомъ тепло-

ты изъ окружающаго воздуха; въ холодной комнатѣ креликъ, умираетъ скорѣе, чѣмъ въ теплой. Животныя, умирающія отъ голода, также живутъ дольше въ искусственно нагрѣтомъ воздухѣ.

Чтобы поддерживать въ нашемъ тѣлѣ то горѣніе, которое производитъ животную теплоту, мы должны постоянно принимать въ себя постороннія вещества, которыя пережигаются въ нашей крови или послѣ своего предварительнаго превращенія въ органическія ткани. Эти постороннія вещества, называющіяся общимъ именемъ пищи—различными процессами, совершающимися въ нашемъ тѣлѣ, перерабатываются въ плоть и кровь и развиваютъ силу теплоты, электричество, необходимое для нервовъ, механическую силу, проявляющуюся въ мускулахъ, и ту особенную, неизслѣдованную силу, которой отправленія происходятъ въ мозгу. Пища и кислородъ, постоянно создающій и постоянно разрушающій, составляютъ, по мнѣнію Мошета, единственные источники тѣхъ силъ, которыя обнаруживаются въ нашемъ тѣлѣ. Это мнѣніе можетъ быть принято какъ осязательная и неопровержимая научная аксіома.

Теплота нашего тѣла мѣняется періодически, смотря по возрасту человѣка, смотря по занятіямъ и по времени дня. У ребенка обменъ веществъ совершается быстрѣе, чѣмъ у взрослога, и потому тѣло его обыкновенно на одинъ градусъ теплѣе. У старика обменъ веществъ производится медленнѣе, чѣмъ у мужчины среднихъ лѣтъ, и соразмѣрно съ этимъ тѣло его на одинъ градусъ холоднѣе.

Движеніе, гимнастическія упражненія, работа, бѣганіе ускоряютъ обменъ веществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаютъ температуру. Ускоряя горѣніе органическихъ тканей, механическая работа увеличиваетъ потребность въ пищѣ, усиливаетъ аппетитъ. Чѣмъ больше расходъ, тѣмъ больше долженъ быть и приходъ, иначе нельзя будетъ свести концы съ концами, и организмъ рано или поздно обанкротится. Въ жизни это явленіе очень обыкновенное. Тѣ сословія, которыя всего болѣе напрягаютъ свои физическія силы, питаются самою дешевою и, вслѣдствіе этого, самою не питательною пищею. Пролетарій, работающій съ утра до вечера, выбивающійся изъ силъ, изнемогающій подъ тяжестью труда, нуждается въ хорошемъ кускѣ мяса, въ питательномъ бульонѣ, въ долговременномъ отдохновеніи, а на повѣрку оказывается, что этому человѣку, растрчивающему свои силы съ вынужденною расточительностью, приходится набивать желудокъ хлѣбомъ, капустой и картофелемъ, приходится спать кое-какъ, въ про-

межутки между работами, без хорошей постели, без теплаго одѣла. Последствія такого образа жизни предсказать не трудно. Преждевременная дряхлость и частыя болѣзни, безотрадная жизнь и ранняя смерть—вотъ что достается на долю голоднаго бѣдняка, работающаго черезъ силу. «Голодъ и холодъ, говоритъ Бюхнеръ, величайше враги человечества, непрерывно работающіе надъ гибелью отдельныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, и всегда достигающіе своей цѣли тамъ, гдѣ имъ изнутри или снаружи не можетъ быть противопоставлено достаточное сопротивленіе.»

На этой мысли великій физиологъ сходится съ замѣчательнымъ поэтомъ:

Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно,

отвѣчаютъ прохожему въ «Коробейничкахъ» Некрасова луга и зѣбри, и мужики, у которыхъ этотъ прохожій спрашиваетъ причину ихъ бѣдственный и горестей. Этотъ страшный по своей простотѣ отвѣтъ слышится другимъ отвѣтомъ не менѣе выразительнымъ:

Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно.

И въ этихъ двухъ отвѣтахъ сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами.

Голодъ и холодъ! Этими двумя простыми причинами объясняются всѣ действительныя страданія человечества, всѣ тревоги его исторической жизни, всѣ преступленія отдельныхъ лицъ, вся безнравственность общественныхъ отношеній. Вглядитесь въ дѣло внимательно и безъ предубѣжденія, и вы увидите, что въ этой мысли нѣтъ ничего преувеличеннаго.

Я сказалъ выше, что температура нашего тѣла измѣняется періодически въ теченіи сутокъ. Утромъ, когда мы просыпаемся, она повышается и достигаетъ высшей степени послѣ обѣда, во время пищеваренія. Къ вечеру она понижается и доходитъ до низшей степени во время сна, послѣ полуночи. Когда мы спимъ, процессы дыханія, кровообращенія и обмѣна веществъ вообще совершаются гораздо медленнѣе, чѣмъ тогда, когда мы бодрствуемъ. Вслѣдствіе этого темпера-

*

тура нашего тѣла понижается и мы на этомъ основаніи принуждены ночью покрываться теплѣе, чѣмъ мы покрываемся днемъ. Ночью всего легче простудиться и поэтому слѣдуетъ особенно бороться ночью сквознаго вѣтра, прикосновенія къ холоднымъ предметамъ, вліанія сырости и т. п. Кто лежитъ спать на тюфякѣ, принесенномъ съ морозу, тотъ навѣрное можетъ рассчитывать на сильную простуду и на опасную болѣзнь. Люди не умѣющіе протнваться тому желанію заснуть, которое проявляется почти всегда подъ вліаніемъ свѣтлаго холода, обыкновенно замерзаютъ, потому что во время сна тѣло не вырабатываетъ достаточнаго количества собственной теплоты и слѣдовательно не можетъ бороться съ тѣмъ морозомъ, котораго дѣйствіе оно переносило во время бодрствованія.

Для того чтобы организмъ здороваго человѣка находился въ нормальномъ положеніи, чтобы тѣло не увеличивалось и не уменьшалось въ вѣсѣ, не заплывало жиромъ и не доходило до худобы, необходимо соблюдать равновѣсіе между количествомъ принимаемой пищи и быстротою горѣнія органическихъ тканей. Мы видѣли выше, что пролетарій едятъ больше, чѣмъ сколько они принимаютъ извнѣ, и потому постепенно разрушаютъ свое собственное тѣло. Богатый человѣкъ, проводящій время въ бездѣйствіи, поступаетъ совершенно наоборотъ; онъ принимаетъ въ себя больше, чѣмъ сколько можетъ сжечь и накопляетъ такимъ образомъ бесполезные и обременительные запасы жира. Такой образъ жизни не можетъ быть названъ правильнымъ и неизбежно ведетъ за собою разныя неудобства, непріятности и болѣзни, напр. уменьшеніе аппетита, ослабленіе желудка, расположеніе къ апоплексическому удару. Нормальный образъ жизни ведетъ тотъ человѣкъ, который, наѣдаясь до сыта, работаетъ по мѣрѣ силъ; въ этомъ отношеніи умственная работа также полезна, какъ и механическая; дѣятельность мозга, подобно физическому движенію, возвышаетъ температуру тѣла и ускоряетъ процессъ горѣнія. Ученый, просидѣвшій нѣсколько часовъ за такою работою, которая требуетъ напряженія его мыслительной дѣятельности, чувствуетъ сильный аппетитъ, подобный аппетиту поденщика, коловшаго дрова или носившаго воду.

Зимомъ и лѣтомъ, въ холодный и въ теплый день температура здороваго человѣка остается неизмѣнною. Между тѣмъ лѣтомъ человѣкъ не тратитъ такъ много теплоты, какъ зимомъ; холодный воздухъ быстро уноситъ теплоту человѣческаго тѣла и потому необходи-

но, чтобы этой теплоты вырабатывалось больше. Действительно, процесс горѣнія и развитія животной теплоты усиливается въ холодное время. Человѣкъ и животное начинают дышать глубже и чаще; это ускореніе совершается, вѣроятно, вслѣдствіе дѣйствія нервовъ на кровеносные сосуды; оно происходитъ помимо воли самого недѣлимаго, такъ что путешественники, побывавшіе около полюсовъ и испытавшіе дѣйствіе сильнѣйшаго холода, говорятъ, что у нихъ утомлялись легкія и какъ будто разрывалась грудь отъ усиленнаго дыханія. У людей и животныхъ, живущихъ въ холодномъ климатѣ, грудной ящикъ бываетъ особенно развитъ и легкія отличаются значительною величиною. Но, если ускоренное дыханіе ведетъ за собою ускоренное горѣніе, то необходимо, чтобы это горѣніе постоянно находило себѣ достаточно горючаго матеріала. Необходимо, слѣдовательно, чтобы во время холода человѣкъ или животное сѣдали больше пищи, чѣмъ во время жара. Такъ и бываетъ. Аппетитъ усиливается зимою. Въ теплыхъ климатахъ достаточно 24 лота питательной пищи въ день, чтобы поддерживать существованіе человѣка, а въ болѣе холодныхъ земляхъ для этого необходимо по крайней мѣрѣ 40 лотовъ питательной пищи. Неаполитанскій ландарони питается макаронами и плодами и сѣдаетъ такое незначительное количество пищи, каковымъ никакъ не могъ бы прокормиться нашъ восточнѣе. Эскимосы сѣдаютъ ежедневно по 10 фунтовъ мяса и по 5 фунтовъ сала или китоваго жира. Жители Исландіи, Ланланды и Самоѣды изумляютъ путешественниковъ своимъ пристрастіемъ къ салу и къ жиру, который они пожираютъ въ огромномъ количествѣ, не обращая вниманія ни на вкусъ, ни на запахъ, ни на степень свѣжести. Это пристрастіе имѣетъ свои физиологическія причины. Жиръ, какъ вещество, заключающее въ себѣ очень мало кислорода и очень много углерода и водорода, отлично поддерживаетъ органическій процессъ горѣнія точно также, какъ онъ отлично поддерживаетъ горѣніе лампы. Жиръ горитъ долго и своимъ горѣніемъ производитъ сильную теплоту; поэтому жиръ болѣе чѣмъ какое либо другое вещество приноситъ пользу жителямъ полярныхъ земель; онъ даетъ имъ возможность развить то значительное количество животной теплоты, которое необходимо имъ, чтобы уравновѣсить охлаждающее дѣйствіе сильныхъ и продолжительныхъ морозовъ.

Въ холодномъ климатѣ желудокъ усиливаетъ свою дѣятельность и одолеваетъ такое количество пищи, которое могло бы разстроить его отправленія въ теплой странѣ. Путешественники, отправившіяся отъ-

скивать остатки франклиновой экспедиции, изумлялись тому необъяснимому количеству мяса и сала, съ которыми справлялись ихъ желудки подъ вліяніемъ полярнаго холода. Лѣтомъ или вообще въ тепломъ климатѣ видѣленіе углекислоты уменьшается, весь обменъ веществъ становится медленнѣе, аппетитъ уменьшается и пищевареніе становится менѣе энергичнымъ. Бедуины отправляются въ дальнюю дорогу съ избыткомъ финиковъ подъ сѣдельною лукою. Отагтянанъ круглый годъ питается плодами своего хлѣбнаго дерева. Французы находятъ, что можно позавтракать, ограничиваясь салатомъ, орѣхами или каштаномъ. Подобная воздержность для насъ, жителей сѣвера, также немыслима, какъ прожорливость Гренландцевъ или Самоѣдовъ.

Не всѣ животныя обладаютъ, подобно человѣку, способностью усиливать или уменьшать выработку животной теплоты, смотря по свойствамъ окружающей температуры. Этой способности, заключающейся, вѣроятно, въ особенномъ устройствѣ нервовъ, нѣтъ у такъ называемыхъ *хладнокровныхъ* животныхъ, у змѣй, у лягушекъ, у рыбъ и т. п. Теплота этихъ животныхъ упадетъ и возымается вмѣстѣ съ окружающею температурою; это не нарушаетъ ихъ здоровья. При извѣстномъ охлажденіи они впадаютъ въ оцепенѣніе, которое проходитъ отъ дѣйствія теплоты. Говорятъ даже, что гусеницы, мабы и даже нѣкоторыя породы рыбъ, совершенно окоченѣвшія и затвердѣвшія отъ холода, оживаютъ, когда ихъ положить въ теплое мѣсто. Напротивъ того, всѣ млекопитающія и птицы умираютъ при извѣстной степени охлажденія и до послѣдней возможности борются противъ охлаждающаго дѣйствія вышней температуры. Даже тѣ животныя, которыя зимою засыпаютъ и которыя во время своего сна теряютъ значительную часть своей теплоты, не выносятъ охлаждения до нуля, т. е. до точки замерзанія воды. Способность привыкаться къ окружающей температурѣ развивается постепенно вмѣстѣ съ другими силами животнаго. «Молодые воробьи, говоритъ Льюисъ, вынутые изъ гнѣзда, въ которомъ ихъ согрѣвала мать, при умеренной температурѣ потеряли очень быстро около 11 градусевъ по Цельсію своей теплоты, такъ что ихъ тѣло оказалось только на полтора градуса теплѣе окружающаго воздуха.» Вообще, чѣмъ моложе животное, тѣмъ менѣе оно способно сопротивляться холоду быстрымъ усиленіемъ внутренней теплоты. За то для молодаго животнаго перемены внутренней температуры не такъ опасны, какъ для взрослага.

Кромѣ того, способность сопротивляться измѣненіямъ вышней

температуры даже у взрослых животных измѣняется вмѣстѣ съ временами года. Первый жаркій весенній день дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, чѣмъ знойные дни іюля или августа. Точно также утренній морозъ, являющійся лѣтомъ или раннею осенью, кажется намъ гораздо холоднѣе такого же зимняго мороза. Опыты и наблюденія надъ животными показали, что они лѣтомъ при одинаковомъ градусѣ холода теряютъ больше внутренней теплоты, чѣмъ зимою. Организмъ привыкаетъ въ извѣстное время доставлять извѣстное количество теплоты. Потому, когда окружающая температура постепенно сдѣлается теплѣе (при переходѣ отъ зимы къ веснѣ) или холоднѣе (отъ осени къ зимѣ), то и организмъ постепенно перемѣняетъ свою дѣятельность. Если же онъ вдругъ почувствуетъ сильное измѣненіе, онъ не успѣетъ приготовиться, и вы испытаете то непріятное ощущеніе, которое причиняетъ даже здоровому человѣку внезапная перемѣна погоды. Кто живетъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, чего стоятъ эти перемѣны, и какое громадное количество кашлей, насморковъ, ревматизмовъ и разнообразныхъ простудъ носится въ воздухѣ при быстрыхъ переходахъ отъ оттепели къ морозу и отъ мороза къ оттепели.

Изъ всего, что было говорено выше о животной теплотѣ, видно, что количество этой теплоты, постоянно выделяющееся изъ тѣла, очень значительно. По вычисленіямъ нѣмецкаго физиолога Бишфа оказывается, что взрослый человѣкъ въ теченіи 24-хъ часовъ выделяетъ такое количество теплоты, которое можетъ довести до кипѣнія 80 фунтовъ воды холодной какъ ледь. Рождается вопросъ, на что же потрачивается это значительное количество теплоты?

Во-первыхъ она употребляется на то, чтобы сообщать пищу и питью, входящимъ въ наше тѣло, ту температуру, въ которой находятся наши внутренности. Всѣ холодные предметы, употребляемые въ пищу, согреваются въ желудкѣ и въ кишкахъ и такимъ образомъ непосредственно отнимаютъ у насъ нѣкоторую часть нашей теплоты. Испраженія наши, при выходѣ изъ тѣла, представляютъ температуру отъ 37—38 градусовъ по Цельсію, и уносятъ съ собою отъ 2—3 процентовъ всего количества тратящейся теплоты.

Воздухъ, проникающій въ наши легкія при вдыханіи, обыкновенно бываетъ гораздо холоднѣе нашего тѣла; возвращаясь изъ легкихъ, онъ оказывается нагрѣтымъ въ значительной степени. Это нагрѣваніе вдыхаемаго воздуха отнимаетъ у нашего тѣла отъ 5—6 процентовъ всей суточной потери теплоты.

Преобразование твердых веществ в жидкия, и жидкия в газообразныя поглощает известное, довольно значительное количество теплоты, которая дѣлается скрытою и потому при обратномъ процессѣ, т. е. при превращеніи газообразнаго тѣла в жидкое или жидкаго в твердое, снова освобождается. Таяніе льда, превращеніе воды в паръ уноситъ изъ окружающаго воздуха нѣкоторое количество теплоты и производитъ такимъ образомъ охлажденіе. На поверхности всего нашего тѣла и на внутренней поверхности легкихъ происходитъ постоянно выдѣленіе воды в газообразномъ состояніи; это испареніе воды поглощаетъ значительное количество теплоты и уноситъ изъ нашего тѣла отъ 14—15 процентовъ всей суточной потери. Охлажденіе кожи становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше количество выдѣляемой воды; это охлажденіе доходитъ до высшей степени, когда на поверхности кожи выступаютъ водяныя капли, которыя называются потомъ или испариною. Съ появленіемъ пота неразлучно сильное охлажденіе всего тѣла, такъ что выступающая испарина облегчаетъ горячее состояніе и въ глазахъ врача является однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ выздоровленія. Люди, сильно потѣющіе лѣтомъ, меньше страдаютъ отъ жара, чѣмъ люди, лишенные этой способности или обладающіе ею въ меньшей степени. Франклинь рассказываетъ, что жнецы въ Пенсильваніи почти вовсе не страдаютъ отъ самаго сильнаго зноя; они пьютъ воду въ огромномъ количествѣ и вслѣдствіе этого потѣютъ такъ сильно, что совокупность воды, выдѣляемой ими въ одніи сутки, равняется по вѣсу одной пятой или шестой части всего ихъ тѣла; охлажденіе, вызываемое испареніемъ этой воды, составляетъ противовѣсъ солнечному жару и даетъ жнецамъ возможность работать, не выбиваясь изъ силъ, въ самое знойное время дня. Замѣчено также, что работники, занимающіеся на стеклянныхъ, фарфоровыхъ или литейныхъ заводахъ, выпиваютъ очень много воды и, увеличивая такимъ образомъ количество выдѣляемаго пота, легче переносятъ тотъ страшный жаръ, въ которомъ они должны находиться во время работы.

Въ жаркій лѣтній день мы всегда чувствуемъ сильную жажду, которую всего пріятнѣе утолять холодными напитками. Эти напитки прохлаждаютъ тѣло отчасти непосредственно, отчасти тѣмъ, что возбуждаютъ усиленное выдѣленіе пота; повредить организму они не могутъ; для того чтобы значительное количество холодной воды не обременило собою желудка, достаточно прибавлять къ ней немного вина.

На количество испаряющейся изъ нашего тѣла воды имѣютъ

значительное влияние свойства окружающего насъ воздуха; чѣмъ суше воздухъ, тѣмъ больше онъ способенъ принимать въ себя водяные пары и тѣмъ сильнѣе онъ поглощаетъ газообразную воду, выделяющуюся изъ нашего тѣла. Сухой воздухъ охлаждаетъ наше тѣло сильнѣе сырого воздуха. Вычислено, что сухой воздухъ при 20 градусахъ тепла доставляетъ намъ столько же прохлады, сколько сырой воздухъ при 14 градусахъ. На высокихъ горахъ мы чувствуемъ сильный холодъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, рѣдкій воздухъ способствуетъ испаренію воды изъ нашего тѣла; во-вторыхъ, этотъ рѣдкій воздухъ слабѣе нагревается лучами солнца и даетъ нашимъ легкимъ меньше кислорода, слѣдовательно ослабляетъ процессъ органическаго горѣнія; въ-третьихъ, въ этихъ мѣстахъ постоянно дуетъ вѣтеръ, и это обстоятельство значительно усиливаетъ холодъ. На сколько холодъ становится чувствительнѣе нашему организму при сухости воздуха, на столько же усиливается ощущение жара при сырости атмосферы. Совершенно сырой воздухъ при сильномъ зноѣ дѣйствуетъ на тѣло расслабляющимъ образомъ. Тѣлу некуда тратить своей теплоты; окружающій воздухъ очень тепелъ и слѣдовательно уноситъ очень мало теплоты своимъ непосредственнымъ прикосновеніемъ; сверхъ того, этотъ воздухъ насыщенъ водяными парами и слѣдовательно все принимаетъ испареній нашего тѣла; объѣмъ веществъ, совершающійся на поверхности нашего тѣла, оказывается нарушеннымъ, и во всемъ организмѣ являеся тяжелое ощущение. Сырой и жаркій климатъ разрушительно дѣйствуетъ на здоровье; съ такимъ климатомъ марадучны различны болѣзни, мѣстные лихорадки и горячки, которые особенно губительно дѣйствуютъ на иностранцевъ. Если посадить животное въ комнату, наполненную совершенно сырмъ воздухомъ, котораго температура превышаетъ температуру тѣла, то животное скоро умретъ.

Мы видѣли такимъ образомъ, что теплота нашего тѣла тратится на согрѣваніе веществъ, входящихъ въ желудокъ, на согрѣваніе воздуха, проходящаго въ легкія, и на превращеніе воды изъ жидкаго состоянія въ газообразное. Этими тремя способами пстрачивается около 24 процентовъ суточной потери. Все остальное количество вырабатываемой теплоты уходитъ путемъ непосредственнаго охлажденія, т. е. нагреваетъ собою тѣ слои воздуха, которые прикасаются къ нашему тѣлу. Обружающій насъ воздухъ постоянно гораздо холоднѣе нашего тѣла и потому, какъ только онъ дотрогивается до него, такъ наибольшее количество нашей теплоты уходитъ въ воздухъ, и мы испускаемъ

ощущеніе жары или холода, смотря потому, какъ велико различіе температуры между воздухомъ и нашимъ тѣломъ. Что воздухъ дѣйствительно нагревается отъ прикосновенія къ нашему тѣлу, это доказываются тѣмъ, что намъ становится жарко зимою въ восточной перекл, если она наполнена людьми. Такъ какъ большая часть вырабатываемой нами теплоты, именно 76 процентовъ или болѣе двухъ третей, уходитъ въ окружающій насъ воздухъ, то испытываемыя нами ощущенія жара или холода зависятъ почти исключительно отъ температуры этого воздуха и отъ того обстоятельства, насколько мы водворены его прикосновенію. Желая выдти на улицу, мы смотримъ на термометръ и, сообразившись съ его показаніями, надѣваемъ то или другое платье. Выдти на улицу, мы инстинктивно принимаемъ тѣ или другія мѣры для усиленія или для ослабленія вырабатываемого нами количества теплоты; мы ускоряемъ походку, если чувствуемъ холодъ, и, придавая нашимъ движеніямъ большую быстроту, усиливаемъ процессъ органическаго горѣнія. Если намъ жарко, мы, напротивъ того, идемъ медленно, движенія наши становятся лѣнивые, органическое горѣніе ослабляется и мы пассивно защищаемся противъ жара, уходящій въ тѣнь, ищемъ вѣтерка, радуемся тучкѣ, набѣжавшей на солнце.

Въ умирненномъ климатѣ, въ самое знойное лѣто, температура воздуха не достигаетъ той степени теплоты, на которой постоянно находится наша кровь и внутреннія части нашего тѣла. Когда воздухъ нагревается до 30 градусовъ Реомюра, мы уже не знаемъ, куда дѣваться отъ жара; мы надѣваемъ самое легкое платье, уходящій въ тѣнистыя мѣста, кунаемся по нѣсколько разъ въ день и все-таки воздухъ отнимаетъ у нашего тѣла такое незначительное количество вырабатываемой нами теплоты, что мы чувствуемъ какое-то расслабленіе, вялость, неспособность къ работѣ. Намъ тяготитъ то количество теплоты, котораго намъ некуда выдѣлять. Температура воздуха, равняющаяся теплотѣ нашего тѣла, была бы для насъ *à la longue* невыносима. Животныя раздѣляютъ съ нами эти ощущенія. Всякій мигаль случай наблюдать, какъ лѣтомъ, около полудня, все въ природѣ затихаетъ и въ своей неподвижности ищетъ того уменьшенія внутренней теплоты, котораго нельзя найти въ прикосновеніи окружающей атмосферы. Чтобы человѣкъ, снявшій съ себя все платье, могъ чувствовать себя вполне хорошо—необходимо, чтобы температура окружающаго воздуха заключала въ себѣ отъ 22—25 градусовъ, т. е. чтобы она была градусомъ на 12 ниже температуры нашего тѣла.

Когда же прикосновение между нашим теломъ и воздухомъ ослабеваетъ, т. е. когда мы одѣты, то такая температура слишкомъ высока и дѣлается уже некрѣпкою; тогда достаточно, смотря по возрасту и общей комплекции человека, отъ 15 до 20 градусовъ.

Одежда предохраняетъ насъ отъ дѣйствія холода тѣмъ, что она устраняетъ непосредственное прикосновение воздуха. Все тѣла, извѣстными намъ въ практической жизни, могутъ быть раздѣлены на хорошия и худыя проводники теплоты. Всякій знаетъ, что если желѣзная палка съ одного конца накалена до красна, то и другой конецъ ея, не касавшійся огня, непременно обожжетъ прикасающуюся къ нему руку. Вообще точно также извѣстно, что деревянную палку, зажженную съ одного конца, можно держать въ рукахъ, не боясь обжечь. Все металлы принадлежатъ къ числу хорошихъ проводниковъ теплоты, т. е. все они очень быстро принимаютъ и передаютъ температуру окружающаго воздуха. Желѣзная крышка накаляется мгновенно и дѣлается весьма холодною во время зимы. Желѣзный дѣлъ былъ бы вследствие этого обстоятельства въ высшей степени неудобенъ, холодевъ зимою и весьма теплою лѣтомъ. Одежда, сшитая изъ тонкихъ металлических нитекъ, имѣла бы все эти неудобства; она мгновенно предохраняла бы отъ жара, а зимою не защищала бы отъ холода. Для построения нашихъ жилищъ, и для приготовления одежды мы выбираемъ, по возможности, самые худыя проводники теплоты. Шерсть, изъ которой дѣлаются наши сукна, хлопчатая бумага, изъ которой готовится огромное количество разнообразныхъ матерій, и которая тѣлѣстыми слоями кладется между покрывкомъ и подкладкой тонкихъ одежды, вѣна, служащая для приготовления шубъ, и шубъ, замѣняющая вату или хлопчатую бумагу, принадлежатъ къ числу самыхъ худыхъ проводниковъ теплоты. Это объясняется тѣмъ, что между тонкими волокнами этихъ веществъ находится вѣсколю возлереваемыхъ слоевъ воздуха, а воздухъ принадлежитъ къ самымъ худымъ проводникамъ. Чѣмъ гуще какая нибудь матерія, т. е. чѣмъ больше слоевъ воздуха находится между ея волокнами, тѣмъ хуже она проводитъ теплоту, и следовательно, тѣмъ сильнѣе она защищаетъ наше тѣло отъ дѣйствія вѣшняго воздуха. Одежда помогаетъ намъ переносить такія низкия температуры, которыя привели бы насъ вървую смерть, если бы мы подвергли изъ дѣйствія свое неокрытое тѣло. Въ хорошей шубѣ мы можемъ переносить морозъ отъ 15 до 20 градусовъ, не чувствуя особеннаго страданія; та же самая температура заморозила бы

весь въ короткое время, ослабев им не была защищена отъ ихъ дѣйствія близкии проводниками.

Движенію воздуха значительно увеличиваетъ охлажденіе нашего тѣла, потому что при вѣтрѣ новые слои воздуха быстро сдвигаются одинъ на другіи, дотрогиваются до непокритыхъ частей нашего тѣла, напр. до лица и мгновенно уносятъ выработываемую нами теплоту. Такая стезень холода, которая при отсутствіи вѣтра, почти вовсе не дѣлается намъ непріятныхъ ощущеній, становится невыносимою при сильномъ движеніи воздуха. Мореплаватели, бывавшіе въ полярныхъ странахъ, говорятъ, что холодъ въ 40° по Цельсию при совершенной тишинѣ сносимъ холода въ 17° при сильномъ вѣтрѣ. Комитанъ Гарри рассказываетъ, что при холодѣ въ 48° по Цельсию, безъ вѣтра, можно было въ продолженіи четверти часа оставлять руки незащитными. Иногда это поднимался вѣтеръ, то это дѣлалось возможнымъ даже при 47° холода.

Во время жара движеніе воздуха дѣлается пріятною прохладою, если только температура воздуха не превышаетъ теплоты нашего тѣла. Въ тропическихъ земляхъ, богатые люди проводятъ зимнее время дня въ домѣ и воздухъ въ нѣзъ комнатахъ постоянно приводится въ движеніе посредствомъ большихъ вѣровъ или опакалъ. Сверхъ того окна закрываются большими соломенными матами, которые разъ десять въ часъ обдываются водою. Потокъ разогрѣтаго воздуха, проходя черезъ мокрую замазку превращаетъ воду въ пары, охлаждается въ слѣдствіе этого, и, доходя до обитателей комнаты, приноситъ имъ пріятное и живительное ощущеніе прохлады. Только при подобномъ вентилированіи охлажденіи атмосферы снаружи удастся смыкнуться съ тѣмъ комнатомъ, въ которомъ температура воздуха перѣдко повышается на 10 или на 12 градусовъ выше теплоты тѣла.

Замѣчательно, что въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ человекъ можетъ выносить температуру, далеко превышающую теплоту тѣла. Бэнсонъ, говоритъ Бюхнеръ, пребылъ семь минутъ въ сухой комнатѣ, нагрѣтой до 99° Цельсія. Тилье рассказываетъ, что одна булонница провела 10 минутъ въ теплой печкѣ, въ которой жаръ доходилъ до 112° . Дюмонъ говоритъ, что знаменитый «царь огня» Шаберъ побудилъ въ зрителяхъ величайшее удивленіе, войдя въ печь, нагрѣтую мыло 200° Цельсія, или 160° Реомюра. Мы получаемъ такимъ образомъ заключеніе, что есть люди, способные перенести въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ температуру, далеко превышающую теплоту тѣла.

воду. Если вбрызнуть рассказу о походе Шибера, то окажется, что крайний пределъ жара, который можетъ вынести человекъ выше сильнѣе того жара, который заставляетъ кипѣть воду, вчетверо сильнѣе теплоты нашей крови и слишкомъ вчетверо сильнѣе того лѣтнего зноя, который приводитъ насъ въ расслабленное состояніе.

Изумительна также та степень холода, которую нортѣе приходилось выдерживать путешественникамъ, пускаямшимся въ полярныя экспедиціи. Холодъ доходилъ до 40, до 50, по словамъ Льюиса, даже до 75° Цельсія. Эта борьба съ холодомъ, стоящимъ слишкомъ на 80° ниже комнатной температуры и слишкомъ на 110° ниже температуры тѣла, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнѣе подвиговъ Шибера. Шиберъ входилъ въ пещку, изъ которой онъ могъ тотчасъ выйти, а несчастные путешественники нигдѣ дѣло съ изумоленными и неострашимыми врагомъ. Для нихъ отступленіе было невозможно; или надо было выдержать борьбу или умереть, какъ умеръ Франклинъ съ своими спутниками, какъ умирали многіе смѣлѣеи, участвовавшіе въ неудачныхъ полярныхъ экспедиціяхъ. Подвигамъ Шибера предшествовалъ двѣ, три минуты, а борьба полярныхъ путешественниковъ съ мерзвощимъ холодомъ тянулась цѣлыми мѣсяцами. Хорошее состояніе корабля; обильная, питательная пища, теплая, мѣховая одежда, условіе покоя и непроизвольное усиленіе дыханія являлись главными вспомогательными средствами въ этой страшной борьбѣ человека съ колоссальными силами природы; и въ большей части случаевъ человекъ одолевалъ, т. е. успѣвалъ сохранить жизнь и даже здоровье, несмотря на разрушительное дѣйствіе низкой температуры.

Мы видимъ такимъ образомъ, что человекъ способенъ выдержать температуру, стоящую на 110° Цельсія ниже и на 110° Цельсія выше температуры его тѣла. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что всѣ климаты земнаго шара доступны человеку, и что гибкій организмъ его, при соблюденіи извѣстныхъ предосторожностей, можетъ привыкнуться и къ сорокаградусному жару тропиковъ и къ сорокаградусному холоду Шницбергера и Гренландіи.

Но, чтобы господствовать надъ окружающими насъ физическими условіями, надо знать тѣ законы, которыми они повинуются. Всякая попытка нарушить физическій законъ ведетъ за собою самыя непріятныя послѣдствія. Обладая способностью переносить при извѣстныхъ условіяхъ почти всѣ естественныя температуры, существующія на поверхности нашей планеты, человекъ можетъ по неосторожности или по

необходимо разрушить свое здоровье очень употребив стеновую жару или холода. Простуда является в большей части случаев главным причиной нажить болѣзней, и простужается мы большей частью не оттого, что холодъ особенно силенъ, не оттого, что мы не откуда взять теплое платье, а оттого, что мы не имѣемъ помысли о потребности нашего организма и потому опускаемъ необходимымъ предосторожностями или совершенно не въ кондѣмъ начинаемъ дѣйствовать по какойнибудь невѣрно помысли гигиенической системѣ.

Простуда является всего легче и бываетъ всего опаснѣе въ томъ случаѣ, когда сильный холодъ дѣйствуетъ внезапно на очень теплую кожу. Особенно вреденъ бываетъ сквозной вѣтеръ или обливаніе холодной водою послѣ разгораченія и сильного выдѣленія пота. Также вреденъ быстрый переходъ отъ зимняго платья къ лѣтнему. Простуда можетъ также совершиться постепенно и совершенно незамѣтно для самого пациента; если мы носимъ слишкомъ легкое платье, не довольно тепло покрываемся ночью во время сна, живемъ въ холодной и сырой квартирѣ или въ такомъ суровомъ климатѣ, который не по силенъ нашему телосложенію, то мы простужаемся постепенно и мало по малу надламываемъ наше здоровье.

Помысли приучить себя къ холоду, стремленіе укрѣпить здоровье своимъ дѣломъ такъ называемымъ спартанскимъ воспитаніемъ возбуждаютъ справедливую оппозицію со стороны всякаго рационально образованнаго медика. Можно до нѣкоторой степени приучить тѣ нервы, которые проводятъ въ мозгъ ощущеніе боли, но нѣтъ никакой возможности уничтожить вредное дѣйствіе холода на организмъ. Приучить тѣло къ холоду все равно, что приучить желудокъ къ голоду, спину къ разгангъ, легкія къ отсутствію кислорода, глаза къ полной темнотѣ. Вы никакъ не приучите воду къ тому, чтобы она не замерзала при 0° и не кипѣла при 80° Реомюра. Вспомните, что ваше тѣло въ своихъ составныхъ частяхъ повинуется тѣмъ же законамъ, которыми покоряется вода; вспомните, что кровь ваша обращается, и сердце бьется, и желудокъ варитъ пищу помимо вашей воли, вспомните, что въ васъ дѣйствуютъ тѣ же физическія и химическія силы, которыя сталкиваются и переплетаются между собою въ окружающемъ мірѣ и вы убѣдитесь въ томъ, что бороться съ своими непосредственными ощущеніями значитъ бороться съ силами природы и противопоставлять этимъ силамъ не такія же дѣйствительныя физическія силы, а одну стваотенную, неуклонную и неослабительную силу своей воли.

Если вы почувствовали холодъ, смѣло надѣвайте теплое платье; если существуетъ ощущение, то существуетъ и причина, вызвавшая это ощущение; не бойтесь изнѣжить себя; когда теплое платье сдѣлается излишнимъ, вамъ доложитъ объ этомъ то же самое ощущение, которое заставило васъ вынуть это платье изъ шкапа. Мы изнѣживаемъ себя не тѣмъ, что повинуемся нашимъ ощущеніямъ, а тѣмъ, что съ дѣтства, по милости родителей и воспитателей, привыкаемъ къ искусственнымъ наслажденіямъ и создаемъ себѣ искусственныя потребности.

Если вы считаете необходимымъ имѣть за обѣдомъ надличныя эммысловатыя соусы, въ которыхъ естественный вкусъ пищи заглушаемъ пряностями и приправами, то эту потребность смѣло можно назвать искусственною; но если вы, какъ здоровый человекъ, часто чувствуете сильный аппетитъ и сѣдаете за вашнй обѣдомъ не нѣсколку кусковъ хорошей говядины, то вамъ остается только радоваться правильнымъ отправленіямъ вашего желудка и немедленно удовлетворять всѣмъ его требованіямъ. Каждому педагогу, заботливицикому матеріальною частью воспитанія, слѣдуетъ внушить строго на-строге, что онъ воленъ не баловать своихъ воспитанниковъ рагу и фрикасе, но что онъ положительно обязанъ кормить ихъ до отвала здоровою, свѣжею пищею. Держаться въ отношеніи къ продовольствію воспитанниковъ или воспитанницъ спартанской системы—въ высшей степени безчеловѣчно; если это дѣлается ради укрѣпленія здоровья дѣтей, то это обличаетъ тупоуміе и полнѣйшее невѣжество педагога; если же это дѣлается изъ личнаго, экономическаго расчета, тогда это подлѣе всякаго взяточничества. Это значитъ лишать воспитанниковъ тѣхъ силъ, которыя только что начинаютъ развиваться, и которыя необходимы имъ въ будущемъ для того, чтобы наслаждаться жизнью и имѣть силу дѣйствовать на пользу своихъ согражданъ.

То, что я сказалъ о пищѣ, вполне прилагается и къ теплотѣ. Теплота, по выраженію Гюеланда, другъ жизненной силы, и для здоровья челоѣка ея присутствіе въ умеренной степени также необходимо, какъ для прозябанія травы, для распусканія цѣтка и для созрѣванія плода. Если вашъ воспитанникъ зябнетъ—укройте его, вытопите комнату, перемѣните квартиру; къ холоду и къ сырости челоѣчскій организмъ не приучается и экономизировать на теплотѣ также бессовѣстно, какъ экономизировать на пищѣ.

Теплота всего необходимѣе для челоѣка въ началѣ и въ концѣ

его жизни. Новорожденный ребенок выходит из такой среды, которая гораздо теплее комнатного воздуха; его надо приучать постепенно даже к теплой, комнатной температурѣ; съ нимъ надо обращаться бережно и вѣжно, чтобы не задавить слабо мерцающую искру жизни. Обычай Спартанцевъ и древнихъ Германцевъ купать новорожденныхъ дѣтей въ холодной водѣ изумляетъ насъ своею негѣпостью; ни одна собака не постыдится такимъ образомъ съ своимъ щенкомъ, ни одна птица не выгнать изъ теплаго гнѣзда своихъ неоперившихся птенцовъ; Спартанцы и отчасти Германцы, какъ народъ, жившій войною и грабежемъ, могли обращаться такъ неосторожно съ своими новорожденными дѣтьми собственно съ тою цѣлю, чтобы избавить себя отъ труда воспитывать слабыхъ и болѣзненныхъ младенцевъ; Спартанцамъ законы Ликура приказывали даже положительно убивать уродливыхъ или извѣданныхъ дѣтей. Надо впрочемъ замѣтить, что даже эта цѣль не достигается купаніемъ дѣтей въ холодной водѣ; во-первыхъ, совершенно здоровый и очень хорошо сложенный ребенокъ можетъ умереть отъ подобныхъ передѣлокъ; во-вторыхъ, очень болѣзненные дѣти часто превращаются, выростая, въ очень сильныхъ и здоровыхъ людей.

Первые годы жизни бываютъ для дѣтей самымъ тяжелымъ и опаснымъ временемъ; справьтесь съ статистическими таблицами и вы увидите, что почти половина дѣтей, родившихся въ такомъ-то году, умираетъ, не достигши пятилѣтняго возраста. Организмъ молодого существа, не успѣвшій укрѣпиться и развернуть свои силы, не успѣвшій привыкнуть къ той борьбѣ съ вѣншею природою, которая называется жизнью, погибаетъ и разрушается частью отъ невѣжества окружающахъ людей, частью отъ ихъ безпечности, частью отъ излишней внимательности и неуѣстной заботливости. Когда первые годы дѣтства пройдутъ благополучно, тогда можно постепенно укрѣплять силы ребенка тѣлесными упражненіями, можно мало-по-малу приучать его къ холоду, но при этомъ надо соблюдать известную послѣдовательность и твердо помнить то обстоятельство, что есть естественныя границы, которыхъ не слѣдуетъ переступать ни въ какомъ случаѣ. Въ холодномъ климатѣ надѣвать на дѣтей шотландскій костюмъ, водить ихъ осенью или весною по улицѣ съ голыми ногами значить во всякомъ случаѣ подвергать ихъ здоровью самой серьезной опасности.

Старику, начинающему уже чувствовать упадокъ силъ, теплота также полезна и необходима, какъ и ребенку.

Въ теплое время года старики чувствуютъ себя лучше обыкновеннаго; зимою они любятъ искусственную теплоту топлениой комнаты; въ нашемъ простанородѣ старики проводятъ большую часть года на печкѣ или, какъ ее называютъ въ деревняхъ средней Россіи, на лежанкѣ. Теплыя вапны, усиливающія дѣятельность кожи и уменьшающія ея сухость и жесткость, особенно полезны для стариковъ.

Люди, ведущіе большею частью сидячую жизнь, нуждаются въ большемъ притокаѣ теплоты, чѣмъ люди, часто прогуливающіеся или работающіе на открытомъ воздухѣ.

Люди холоднаго, флегматическаго или меланхолическаго темперамента больше страдаютъ отъ холода, чѣмъ люди горячіе, энергичскіе, холерики или сангвиники. Во время зимняго холода 1812 года мерзли преимущественно Голландцы и Нѣмцы, несмотря на то, что Французы, Испанцы и Итальянцы, находившіеся въ арміи Наполеона, меньше ихъ были приучены къ холоду.

Вообще люди слабаго сложенія, не отличающіеся значительною энергіею жизненныхъ отправленій, т. е. сильнымъ аппетитомъ, крѣпкими легкими, хорошимъ пищевареніемъ, развитою дѣятельностью половой системы, любятъ теплую температуру и не выносятъ холода; напротивъ того, люди крѣпкіе и полнокровные предпочитаютъ прохладную атмосферу и въ ней чувствуютъ себя вполне хорошо. Умѣренная степень холода, дѣйствующая на наше тѣло въ короткій промежутокъ времени, оживляетъ жизненныя отправленія, привлекаетъ кровь къ кожѣ и вообще къ поверхности тѣла, ускоряетъ обмѣнъ веществъ, усиливаетъ выработку внутренней теплоты и дѣятельность легкихъ, возбуждаетъ нервную систему, словомъ, вызываетъ во всемъ организмѣ усиленное движеніе жизни. Но продолжительное дѣйствіе холода всегда ведетъ за собою вредныя послѣдствія уже потому, что напрягаетъ въ извѣстномъ направленіи силы организма и, требуя отъ него усиленной дѣятельности, истощаетъ его этими непомѣрными требованіями.

Для здоровья человѣка всего полезнѣе умѣренный климатъ, въ которомъ нѣтъ ни слишкомъ холодныхъ зимъ, ни изнурительныхъ лѣтнихъ жаровъ, ни рѣзкихъ переходовъ отъ одной температуры къ другой. Конечно, такой идеально-здоровый климатъ мудрено найти на земномъ шарѣ, но вообще можно замѣтить, что приморскія земли, въ которыхъ вліяніе морскихъ испареній смягчаетъ и лѣтній зной и зим-

ній холодъ, пользуются самымъ умѣреннымъ и благораствореннымъ климатомъ. Это положеніе допускаетъ впрочемъ множество исключеній; конечно, сѣверные берега Сибири не отличаются пріятнымъ климатомъ, несмотря на то, что они прилегаютъ къ морю; точно также острова Борнео, Суматра, Ява не могутъ похвалиться здоровымъ климатомъ; находясь въ жаркомъ поясѣ, эти острова отягчаются, какъ извѣстно, очень знойнымъ и сырымъ воздухомъ; растительность достигаетъ до колоссальныхъ размѣровъ, животная жизнь кипитъ красотою и силою, но человекъ, подавленный жаромъ, который, какъ я говорилъ выше, становится еще невыносимѣе вслѣдствіе того, что воздухъ насыщенъ водяными парами, человекъ, повторяю я, въ такомъ климатѣ не можетъ жить умственной жизнью и равномерно развивать всѣ стороны своего существа.

Что же касается до приморскихъ земель, лежащихъ въ умѣренномъ поясѣ, то ихъ климатъ по своей мягкости значительно превосходитъ климатъ континентальныхъ земель. Счастливымъ климатомъ пользуется Англія, несмотря на свои густые туманы. Въ сѣверовосточной Ирландіи, подъ однимъ градусомъ широты съ Кевигсбергомъ, вода рѣдко замерзаетъ зимою и мртвь растетъ на открытомъ воздухѣ точно также какъ въ Португаліи. «Необыкновенная сила, говоритъ Бюхнеръ, съ которою англійскій умъ развился и продолжаетъ развиваться по всѣмъ направленіямъ жизни и науки, представляетъ, быть можетъ, отчасти слѣдствіе этихъ благопріятныхъ климатическихъ условій».

Въ рукахъ опытнаго врача теплота является однимъ изъ важнейшихъ средствъ леченія. Когда выработываніе животной теплоты ослабѣваетъ вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства, тогда всего лучше согрѣвать пациента искусственными средствами. Припарки, потогонное питье, теплыя ванны, отправленіе больныхъ въ теплый климатъ,—все это такіе медицинскіе приемы, которые знакомы по наслышкѣ или по собственному опыту каждому изъ нашихъ читателей.

Повышеніе или пониженіе общей температуры тѣла даетъ медику возможность судить объ общей силѣ жизненныхъ отправленій у пациента.

Жаръ или ознобъ сопровождаютъ собою большею частью каждое болѣзненное состояніе и указываютъ на ненормальное усиленіе или ослабленіе органическаго горѣнія, на неравномѣрное распредѣленіе теп-

лоты въ различныхъ частяхъ тѣла, на болѣзненное нарушеніе въ одномъ изъ важнѣйшихъ процессовъ: въ кровообращеніи, дыханіи или пищевареніи. Все это принимается въ соображеніе свѣдущимъ медикомъ и потому небольшой термометръ, служащій для изслѣдованія теплоты больныхъ, почти всегда находится при медикѣ, изучающемъ добросовѣстно состояніе своихъ пациентовъ.

Д. ПИСАРЕВЪ.

* * *

На сердцѣ злора накинѣла
Отъ заученныхъ этихъ фразъ!
Слова! Слова! А чуть до дѣла,
Ни силъ, ни воли нѣту въ насъ!

* * *

Какъ мы сочувствуемъ народу —
Какъ объ его скорбимъ нуждахъ!..
За правду мы въ огонь и въ воду
Идти готовы—на словахъ.

* * *

Развить логически и здраво
Умѣемъ мы, что гибнетъ миръ;
Что богачей и нищихъ право
Одно—на свѣтлѣй жизни пиръ.

* * *

И поучаемъ мы охотно,
Что лѣнь постыдна и вредна;
Что не затѣмъ, чтобъ кушать плотно
Да празднословить, жизнь дана.

* * *

А между тѣмъ, борьбы упорной
Или суроваго труда,
Бѣжимъ мы съ трусостью позорной
И не красимъ отъ стыда!

* * *

И кто неправдою гонимый —
Себѣ нашелъ защиту въ насъ?
Безстрастно мы проходимъ мимо
Людскаго горя каждый часъ.

* * *

И фразы намъ всего дороже!
Насъ убаювали онѣ...
Когдажъ сознаемъ мы, о Боже! —
Что нѣтъ спасенья въ болтовнѣ?

А. ПЛЕЩЕВЪ.

ЛЮДВИГЪ СПИТТЛЕРЪ.

(Этюдъ Д. Штраусса.)

23-го апрѣля 1777 года Лессингъ писалъ изъ Вольфенбюттеля своему брату, Карлу Готтгельфу, въ Берлинъ: «Предъявитель этого письма—магистеръ Спиттлеръ, пробывшій въ Вольфенбюттелѣ нѣсколь-ко недѣль, съ тѣмъ чтобы воспользоваться здѣшней бібліотекою. Я узналъ его какъ человѣка ученаго и скромнаго, и такъ какъ онъ ѣдетъ въ Берлинъ, то считаю долгомъ рекомендовать его твоему вниманию». Мѣсяць спустя, Лессингъ спрашиваетъ брата, былъ ли у него этотъ магистеръ? и проситъ передать ему письмо, если Спиттлеръ еще не уѣхалъ изъ Берлина.

Спиттлеръ былъ молодой ученый, только что выступившій на поприще науки. Онъ услѣлъ понравиться Лессингу, который имѣлъ случай испытать его познанія. Но Лессингъ тогда, конечно, не предпо-лагалъ, что на этомъ магистрѣ, болѣе чѣмъ на какомъ либо другомъ изъ молодыхъ его современниковъ, отразится особенность его духа. Правда, когда онъ года четыре спустя умеръ, Спиттлеру достался только клочекъ его мантии (вся она, впрочемъ, едва ли бы кому пришла по росту); только одной наукѣ Спиттлеръ вдохнулъ духъ, сродный Лессингу и притомъ возбужденный этимъ великимъ писате-лемъ: но эта наука та самая, въ которой Лессингу всего пріятнѣе было продлить свое нравственное существованіе,—исторія.

Ученый и скромный молодой магистеръ былъ родомъ изъ Швабіи. Онъ былъ виртембергскій теологъ, получившій образованіе, по обы-квовенію, въ неизбѣжномъ тибингенскомъ духовномъ заведеніи. Родился

онъ въ ноябрѣ 1752 года, ровно семью годами раньше своего соотечественника, Шиллера. Отецъ его былъ священникъ и въ это же званіе готовилъ сына. Но такъ какъ онъ жилъ въ Стутгартѣ, то отдалъ сына не въ одну изъ монастырскихъ школъ, а въ столичную гимназію. Это обстоятельство было чрезвычайно важно для Спиттлера, до того важно, что оно опредѣляло всю карьеру молодого человека. Если онъ впоследствии сдѣлался историкомъ и притомъ извѣстнымъ историкомъ, то этимъ онъ, независимо отъ своихъ способностей, обязанъ былъ своему пребыванію въ Стутгартѣ.

Въ то время въ Виртембергѣ господствовала сильная любовь къ изученію исторіи вообще и отечественной въ частности. Ректоръ стутгартской гимназіи Фольцъ, считался самымъ ученымъ историкомъ въ этой странѣ и пользовался, особенно въ столицѣ, такимъ почетомъ, который долженъ былъ возбудить соревнованіе въ честолюбивомъ ученикѣ. Быть уважаемымъ подобно Фольцу и уважаемымъ имъ самимъ, вскорѣ сдѣлалось пламеннымъ желаніемъ Спиттлера, цѣлью, для достиженія которой онъ не щадилъ никакихъ трудовъ. И для этого действительно нужны были большія усилія, потому что Фольцу не легко было угодить. Онъ требовалъ отъ историка изученія источниковъ, ученаго, критическаго собранія фактовъ, и при этомъ почти упускалъ изъ виду искусство изложенія. Онъ съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на возникавшую беллетристическую дѣятельность молодого поколѣнія, къ которой и Спиттлеръ чувствовалъ естественное влеченіе. Но талантливымъ гимназистъ подавилъ въ себѣ этотъ порывъ: онъ не писалъ стиховъ, но дѣлалъ извлеченія изъ фолиантовъ. Его часы отдохновенія посвящены были изученію сочиненій, которыя для другихъ юношей казались бы слишкомъ скучными и сухими, даже для занятія въ рабочіе часы. Если впоследствии мы находимъ Спиттлера коротко знакомымъ съ проведеніями Райнальди, Паги, Мабильона, Менфокона и др., то этому знакомству нѣмецкій нашъ ученый положилъ начало еще въ гимназіи, гдѣ по-настоящему онъ долженъ былъ изучать, и действительно изучалъ ревностно греческихъ и латинскихъ классиковъ.

Но еще важнѣе другое обстоятельство, имѣвшее уже въ Стутгартѣ вліяніе на историческую дѣятельность Спиттлера. Онъ родился въ концѣ виртембергскаго *quinquennium Neronis*, т. е. первыхъ беззаботныхъ годовъ правленія герцога Карла, едва вышедшаго тогда изъ-подъ опеки, того самаго герцога Карла, которому многие изъ соотечественниковъ, прославившихся въ литературѣ, доставили весь-

ма незавидную извѣстность. Борьба между правительственнымъ произволомъ и правами народа, появленіе и паденіе временщиковъ, примѣры трусости со стороны лицъ, имѣвшихъ обязанностью защищать свободу, и неустрашимости со стороны другихъ, болѣе добросовѣстныхъ сыновъ отечества,—все это, служившее предметомъ разговора во всѣхъ столичныхъ обществахъ, совершалось на глазахъ Спиттлера во время его отрочества и юношества. Семи лѣтъ онъ уже въ состояніи былъ сочувствовать впечатлѣнію, произведенному на публику незаслуженнымъ заключеніемъ въ тюрьму почтеннаго Іоанна Якоба Мозера, совѣтника собранія земскихъ чиновъ; двѣнадцати же лѣтъ онъ раздѣлялъ негодованіе, вспыхнувшее во всѣхъ патріотахъ, когда превосходный Губеръ за свою преданность конституціи долженъ былъ также пострадать въ темницѣ. Около того же времени распушеніе сейма произвело въ странѣ всеобщее волненіе. Земскіе чины подали въ Вѣну жалобу на герцога и нашли себѣ заступника въ лицѣ Фридриха II прусскаго. Герцогъ и его агенты защищались всѣми орудіями политики; но правда, поддерживаемая могуществомъ Фридриха, на этотъ разъ восторжествовала. Герцогъ Карлъ долженъ былъ заключить съ собраніемъ земскихъ чиновъ договоръ, который навсегда положилъ преграду его произволу. Спиттлеру было тогда восемнадцать лѣтъ и онъ оканчивалъ курсъ въ гимназій, когда одержана была эта побѣда. Впечатлѣніе, произведенное на него этою борьбою, послужило драгоценнымъ матеріаломъ для его историческаго развитія. Въ душѣ Спиттлера глубоко врѣзалась картина земскаго устройства его родины, одного изъ лучшихъ образцовъ древней народной свободы, сохранившихся тогда въ Германіи. Молодой человекъ замѣтилъ себѣ всѣ стороны этого устройства и слабыя, и сильныя, и былъ проникнутъ любовью къ конституціонному порядку, и благу общественному. Въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, Спиттлеръ обращался къ виртембергской конституціи, какъ къ образцу, на недостаткахъ и совершенствахъ котораго онъ одинаково могъ повѣрять политическіе взгляды.

По окончаніи курса въ гимназій, Спиттлеръ съ 1771 по 1775 годъ прожилъ въ духовномъ заведеніи въ Тюбингенѣ, и здѣсь сначала занимался филозофіей, а потомъ теологіей. Бывшіе его товарищи, а также самый духъ его сочиненій свидѣтельствуютъ, что онъ особенно глубоко изучалъ первую изъ этихъ наукъ. Проницательный умъ, любовь къ высшимъ взглядамъ, умѣнье освѣщать всѣ частности пред-

ставлявшася вопроса и рѣдкая діалектическая способность могли повести Спиттлера на философское поприще, еслибъ онъ съ раннихъ лѣтъ не былъ направленъ къ изученію исторіи и въ особенности политическаго быта народовъ. Рѣшившись еще въ гимназій сдѣлаться историкомъ, онъ теперь, усвоивъ себѣ философское образованіе, хотѣлъ воспользоваться этими знаніями для своей исторической дѣятельности.

На теологію онъ могъ отчасти смотрѣть какъ на отрасль исторіи. Безъ знанія исторіи церкви нельзя понимать исторіи государствъ, въ особенности среднихъ вѣковъ. Притомъ источники для той и другой отчасти одни и тѣ же. Такимъ образомъ, Спиттлеръ, кромѣ своихъ прежнихъ историческихъ писателей, изучалъ теперь отцовъ церкви и даже знакомился съ схоластиками. Послѣдствія доказали, что при этомъ обратили на себя его полное вниманіе изслѣдованія Землера о канонѣ и развитіи церковнаго догмата, а также первыя теологическія сочиненія Лессинга. Первыя небольшія богословскія произведенія Спиттлера отражали въ себѣ духъ Землера и Лессинга, въ формѣ болѣе сродной послѣднему.

Въ одномъ изъ этихъ сочиненій, помѣщенномъ въ журналѣ, издававшемся подъ редакцію Меузеля, Спиттлеръ отозвался о средневѣковомъ духовенствѣ болѣе снисходительно, чѣмъ принято было въ его время. По этому случаю, онъ 25 декабря 1776 года (въ это время онъ уже путешествовалъ съ ученою цѣлью) писалъ изъ Геттингена въ оправданіе къ редактору журнала: «Я въ своемъ сочиненіи вовсе не намѣренъ былъ доказывать, что духовенство среднихъ вѣковъ отличалось только одними хорошими качествами. Я очень хорошо знаю этихъ людей! Но вопросъ въ томъ, принесли ли они какую нибудь пользу и если принесли, то въ чемъ она состояла? При этомъ не можетъ быть рѣчи о томъ, должно ли желать возвращенія средневѣковаго духовенства единственно потому, что оно было въ свое время полезно. На этомъ основаніи слѣдовало бы для себя желать возвращенія учителя азбуки, если онъ училъ хорошо. Въ нападкахъ на духовенство наше время нерѣдко смѣшивается съ временами прошедшими. Относительно настоящаго времени негодованіе противъ католическаго духовенства совершенно справедливо. Средніе вѣка были временемъ дѣтства и плутовства, а потому челоѣчество тогда должно было получить соответственное тому образованіе».

Конечно, авторъ, писавшій эти строки, былъ достаточно пригото-

лень для того, чтобы нѣсколько мѣсяцевъ спустя, явиться къ Лессингу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ понравился великому писателю, и само собою разумѣется, что такое общество было чрезвычайно полезно для молодого человѣка. Лессингъ въ то время былъ сильно взволнованъ по случаю издававшихся имъ «*Wolfenbüttelsche Fragmente eines Unbekanten*», которые вовлекли его въ богословскую полемику (*). Съ другой стороны, онъ былъ въ самомъ пріятномъ, сообщительномъ расположеніи духа, такъ какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ женился на женщицѣ, давно имъ любимой. Въ одномъ письмѣ къ Меузелю Спиттлеръ описываетъ гуманность Лессинга и прелестный женственный характеръ его жены съ такимъ чувствомъ, которое дѣлаетъ честь ему, какъ человѣку (**).

По возвращеніи изъ путешествія, Спиттлеръ въ 1777 году вступилъ репетиторомъ въ тюбингенское духовное заведеніе и на этомъ мѣстѣ написалъ, кромѣ разныхъ мелкихъ сочиненій, исторію каноническаго права до временъ мнимаго Исидора. Это сочиненіе доказываетъ его обширную ученость, критическій взглядъ, свѣтлый образъ мыслей и ненависть къ обману священниковъ уже своими прежними трудами, а также во время своего недавняго пребыванія въ Геттингенѣ, Спиттлеръ обратилъ здѣсь на себя всеобщее вниманіе ученаго міра и въ 1779 году былъ приглашенъ въ этотъ городъ въ качествѣ профессора. Онъ поступилъ преподавателемъ въ философскій факультетъ, но былъ назначенъ впоследствии занять катедру въ богословскомъ и сначала читалъ только теологическія лекціи, какъ то: исторіи церкви, церковныхъ догматовъ и канона.

Тѣ, которые имѣли случай слушать его лекціи впоследствии, между прочимъ, Шлоссеръ и Савиньи, единодушно хвалятъ его чтеніе, которое признаютъ образцомъ профессорскаго преподаванія. Но сначала Спиттлеръ далеко не отличался краснорѣчіемъ. Какъ уроженецъ швабскій, онъ весьма затруднялся изложеніемъ. Онъ вступалъ на кафедру робко, попеременно то диктовалъ, то объяснялъ свой предметъ и притомъ не умѣлъ еще принаравляться къ понятіямъ своихъ слушателей, число которыхъ поэтому сначала было незначительно.

(*) Авторъ этихъ «*Fragmente*», какъ оказалось впоследствии, былъ Reimarus (род. въ 1694 и ум. въ 1768 г. въ Гамбургѣ). Лессингъ, издавая это сочиненіе, говорилъ, что онъ нашелъ его въ вольфенбюттельской библиотекѣ.

(**) См. у Guhrauer'a, Lessing, II, 2, стр. 301.

Въ это время Спиттлеръ готовилъ свое первое значительное произведеніе—исторію церкви. Оно появилось въ годъ его женитьбы, 1782-й. Это сочиненіе было необыкновеннымъ явленіемъ во многихъ отношеніяхъ и прежде всего въ отношеніи объема. Со словомъ церковная исторія обыкновенно соединялось понятіе большаго, многотомнаго изданія; книга Спиттлера состояла изъ одного маленькаго тома, форматомъ въ восьмую долю листа. Превшія сочиненія этого рода (не говоря о томъ, что большею частью они писались на латинскомъ языкѣ) отличались въ тяжелую ученую форму; если же и являлось произведеніе, подобное произведенію Могейма, обнаруживавшее со стороны автора претензію на изящное изложеніе, то всегда это дѣлалось въ ущербъ основательности содержанія; сочиненіе же Спиттлера, несмотря на свою тщательную внѣшнюю отдѣлку и на совершенное отсутствіе ученыхъ цитатъ, показывало въ писателѣ глубокое знаніе источниковъ и въ видѣ очерка представляло болѣе историческихъ данныхъ, чѣмъ многія изъ подробныхъ исторій церкви. Способъ изложенія въ немъ прагматическій и событія представлены въ связи съ внутренними качествами и внѣшней обстановкой дѣйствующихъ лицъ; при этомъ, однакожъ, Спиттлеръ не забываетъ вліянія духа времени и не упускаетъ изъ виду потребности человѣческой природы. Точка зрѣнія протестантская, но не та, какая принята въ основаніе этого исповѣданія; авторъ озаряетъ исторію христіанской церкви свѣтомъ восемнадцатаго столѣтія, но не тѣмъ, который былъ достояніемъ толпы, а тѣмъ, который отражается въ теологическихъ сочиненіяхъ Лессинга. Въ произведеніи Спиттлера этотъ свѣтъ обнаруживаетъ свою силу, проникая во все заолустья обширной области исторій, представляющей лабиринтъ.

Церковная исторія Спиттлера оканчивается благопріятными видами, какіе на время представлялись для католической церкви вслѣдствіе паденія ордена іезуитовъ и вслѣдствіе реформъ, произведенныхъ Іосифомъ II австрійскимъ. Эти виды заключались въ надеждѣ, что католическая церковь, наконецъ, перестанетъ быть римскою, что она съ государствомъ соединится въ одно органическое цѣлое, и что народу возвращены будутъ права, отнятыя у него духовенствомъ, которое, съ своей стороны, оставитъ свой корпоративный духъ и не будетъ препятствовать мирнымъ сношеніямъ католиковъ съ протестантами. Нельзя ставить въ укоръ автору, что онъ каждый листъ этого сочиненія, выходявшій изъ типографіи, съ торжествомъ показывалъ своимъ друзь

янь. Книга, по выходѣ въ свѣтъ, быстро распространилась по всей Германіи и переводилась на иностранные языки; изъ послѣдующихъ сочиненій Спиттлера развѣ одно только приобрѣло такую же славу.

Но такой успѣхъ нисколько не поощрялъ автора къ дальнѣйшимъ подвигамъ на теологическомъ поприщѣ; напротивъ, послѣ изданія церковной исторіи, Спиттлеръ распростился съ теологіею. Только иногда онъ писалъ по этому предмету небольшія статьи, преимущественно по церковному праву, и въ особенности не упускалъ изъ виду Рима и его честолюбивыхъ притязаній, орденъ іезуитовъ и другіе тому подобныя вопросы. Разставшись съ теологіею, Спиттлеръ возвратился къ своему первоначальному призванію. Онъ отказался отъ перехода въ теологическій факультетъ и рѣшился посвятить себя исключительно политической исторіи. На этомъ поприщѣ ему, въ качествѣ преподавателя, предстояло бороться въ Геттингенѣ съ тремя знаменитостями—Гаттереромъ, Пюттеромъ, и Шлецеромъ. Спиттлеръ вступилъ въ эту борьбу и остался побѣдителемъ. Дѣло въ томъ, что онъ между тѣмъ успѣлъ овладѣть краснорѣчіемъ, необходимымъ для успешнаго преподаванія. Онъ теперь могъ читать свободно, прибѣгая только по-временамъ къ маленькому листу бумаги, съ нѣсколькими именами и числами. Владѣя въ совершенствѣ своимъ предметомъ, онъ то излагалъ его въ видѣ живаго разказа, то развивалъ философски. Его лекціи, по своему тону, занимали середину между дружественной бесѣдой и торжественною рѣчью. При этомъ Спиттлеръ всегда въ состояніи былъ водворять въ аудиторіи глубокую тишину и растрогать своихъ слушателей. Много въ этомъ отношеніи ему помогала его пріятная наружность: онъ отличался высокими, стройнымъ ростомъ, свѣтлыми, пронизательными голубыми глазами, опредѣленными, но нѣжными чертами, открытымъ лбомъ и благородствомъ движеній.

Онъ открылъ свои историческія лекціи, въ 1782 году, исторіею Грековъ и Римлянъ; потомъ перешелъ къ новой исторіи германской имперіи, отдѣльныхъ нѣмецкихъ владѣній и европейскихъ государствъ, съ тѣмъ чтобы на этой почвѣ, какъ на всего болѣе ему знакомой, стать твердой ногой въ качествѣ преподавателя и литератора. Въ 1783 году онъ издалъ исторію Вюртемберга, въ 1796 исторію Ганновера, въ 1793 и 1794 очеркъ исторіи европейскихъ государствъ, въ 1786—исторію датской революціи 1660 года. Въ то же время онъ печаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ особенности въ историческомъ магазинѣ, издававшемся имъ и Мейнерсомъ, одну за другою, цѣлый

рядъ статей, одно заглавіе которыхъ показываетъ, какъ обширенъ былъ кругъ его историческихъ изысканій, причемъ онъ не считалъ недостойными изслѣдованія самыя, повидимому, мелочныя вопросы. Оттого-то его статьи представляютъ самое разнообразное содержаніе. Онъ излагалъ и новѣйшія перемѣны въ кастильской податной системѣ и исторію налоговъ въ герцогствѣ Бременскомъ и Верденскомъ; исторію поголовной подати въ княжествѣ Каленбергскомъ и современное состояніе британскихъ государственныхъ доходовъ; устройство англійской остъ-индской компаніи и учрежденіе ордена іезуитовъ; исторію развитія собранія земскихъ чиновъ въ Виртембергѣ и происхожденіе англійскаго парламента; состояніе и перемѣны датской канцеляріи въ Копенгагенѣ и право древняго германскаго дворянства на мѣста канониковъ; жизнь испанскаго короля Филиппа V и неравные браки нѣмецкихъ князей; бѣлградскій миръ и возстаніе австрійскихъ Нидерландовъ противъ Іосифа II. Кромѣ того, онъ писалъ многочисленныя рецензіи на разныя сочиненія по исторіи и церковному праву.

Въ обыкновенныхъ историческихъ книгахъ, особенно о германскихъ государствахъ, Спиттлеръ, какъ замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ своей ганноверской исторіи, не нашелъ того, чего искалъ: ни исторіи государственнаго устройства, ни описанія характера и образа жизни предковъ. Въ предисловіи къ своему очерку исторіи европейскихъ государствъ, упоминая о вспыхнувшей между тѣмъ французской революціи, онъ говоритъ, что теперь въ подобныхъ сочиненіяхъ прежде всего представляется вопросъ: когда и какъ возникло третье сословіе? Какъ образовались взаимныя отношенія сословій и отношенія ихъ къ правителю? Какимъ образомъ произошло судебное устройство? Въ какомъ состояніи находились подати и финансы государства? Эту сторону государственной жизни Спиттлеръ всегда имѣлъ въ виду въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и описаніяхъ. Ему ставили въ упоръ такой исключительно политическій взглядъ, который не составляетъ еще полной задачи историка. Подробныя историческія сочиненія Спиттлера, исторіи Виртемберга и Ганновера не заслуживаютъ такого упрека; хотя въ нихъ главное вниманіе обращено на политическое устройство этихъ земель, но не забыта также исторія развитія народа, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова. Также этотъ упрекъ не можетъ касаться спиттлерова очерка исторіи европейскихъ государствъ, потому что здѣсь исключительность политическаго взгляда соответствуетъ самому плану сочиненія.

Итакъ, точка воззрѣнія Спиттлера на политическую судьбу народовъ и духъ, какимъ онъ разсматриваетъ происхождение и перемѣны государственнаго устройства и управленія—тѣ самыя, какіе онъ усвоилъ себѣ въ юности при видѣ борьбы за конституціонныя права своей родины. Этотъ духъ заключается въ любви къ правильно—опредѣленному отношенію между правами народа и властью правительства, въ любви къ постепенному органическому развитію существующихъ учреждений. Онъ представляетъ, какъ опасно, хотя, быть можетъ, искренно, заблуждаются тѣ, которые считаютъ обязанностью всякаго патріота стремиться къ уменьшенію власти правителя и къ увеличенію правъ государственныхъ чиновъ. Но это говорить онъ не въ смыслѣ застоя, не въ видахъ сохраненія стараго порядка вещей. «Мы всѣ должны дѣйствовать неумолимо—восклицаетъ Спиттлеръ въ концѣ предисловія ко второй части своей ганноверской исторіи—не должны предпочитать частнаго блага общественному ни предаваться безпечности, какъ будто отцы наши совершили все, что могло быть совершено». «Времена, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не всегда являются сами собою; ихъ иногда надо создавать. Правда, самыя вкусныя плоды созрѣваютъ медленно; благотѣльные послѣдствія трудовъ людей честныхъ и неумолимыхъ обыкновенно обнаруживаются лишь черезъ нѣсколько поколѣній. Но истина, высказанная открыто и благородно, заключаетъ въ себѣ важную силу.

Поэтому, какъ ни интересовало Спиттлера историческое изслѣдованіе великихъ правительственныхъ переворотовъ, каковы англійскій и французскій, но онъ съ особенною любовью останавливался на тѣхъ мѣстахъ исторіи, гдѣ замѣчалъ мирный посѣвъ и спокойное развитіе, предпринятыя при содѣйствіи людей умныхъ и честныхъ. «Это великодушное явленіе, говоритъ онъ относительно происхожденія виртембергской конституціи, но оно совершенно въ нѣмецкомъ духѣ. Въ немъ мало тонкой политики, но за то много здраваго смысла, ведущаго прямо къ цѣли. Нѣтъ безпокойнаго духа, легко возбуждаемаго къ подозрѣнію коварствомъ людей честолюбивыхъ, но за то ясное сознаніе того, къ чему должно стремиться, сознаніе, которое не можетъ быть поколеблено никакими просеками со стороны зломѣстивъ. Много уваженія къ закону и его истиннымъ блюстителямъ, но за то совершенное отсутствіе всякаго раболѣзства. Нѣтъ необузданнаго стремленія къ внезапнымъ переворотамъ, но за то твердый духъ и увѣренность, что то, чего нельзя было совершить сегодня, будетъ совершено завтра».

И съ какииъ воодушевленіемъ Спиттлеръ иногда говоритъ въ подобныхъ случаяхъ! Представивъ происхожденіе и устройство земскаго собранія въ Виртембергѣ — этого важнаго учрежденія, онъ съ чувствомъ восклицаетъ: «Да предохранить небо, благословляющее честныхъ и безкорыстныхъ людей, это собраніе отъ всякой перчи! Въ злыя времена деспотизма счастье и несчастье всей страны зависѣли отъ этихъ восьми мужей и одинъ неудачный выборъ земскихъ чиновъ на цѣлое полъ-столѣтіе подвергалъ опасности благоденствіе». Потомъ, изобразивъ различныя слабыя стороны новаго учрежденія, отъ которыхъ оно со временемъ могло придти въ упадокъ, Спиттлеръ старается освободиться отъ этихъ грустныхъ предположеній и снова обращается къ исторіи. «Впрочемъ, говоритъ онъ, новыя учрежденія имѣютъ сходство съ юношами, подающими надежду и которые посылаются въ армию или въ университетъ. Къ чему напрасно тревожить себя мрачными мыслями насчетъ будущности и какъ заранѣе исчислить все могущія произойти случайности? Надо полагаться и на силу нравственнаго возрожденія, которая въ цѣломъ обществѣ проявляется также, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ и съ удивительнымъ успѣхомъ дѣйствуетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда зло, повидному, несправимо».

При такой глубоко-вкоренившейся любви къ законному развитію, Спиттлеръ не могъ быть другомъ революцій. Онъ ихъ одинаково ненавидѣлъ, происходили ли онѣ сверху или снизу. О насильственныхъ преобразованіяхъ Іосифа австрійскаго въ Нидерландахъ онъ отзывался съ такою рѣзкостью, которую не могли ослабить ни предположеніе добрыхъ намѣреній этого государя, ни дурныя начала, скрывавшіяся въ нидерландскомъ народномъ движеніи. Онъ допускалъ, что въ этомъ движеніи участвовали эскъ-іезуиты и агенты римскаго двора, но полагалъ, что вопросъ о правдѣ и справедливости независимъ отъ всякой личности. По его мнѣнію, здѣсь Іосифъ долженъ былъ бы доказать на дѣлѣ, что онъ желаетъ обращаться съ Нидерландцами, какъ съ вольными людьми. Пусть придворные историографы удивляются, отчего нидерландскій народъ изъ одной любви къ свободѣ упорно противится преобразованіямъ, которыхъ не можетъ не признать благотворными, — противится единственно потому, что они дѣлаются насильственно». Именно такому благонамѣренному правителю, каковъ Іосифъ, по замѣчанію Спиттлера, слѣдовало бы открыто сказать, что съ уничтоженіемъ всехъ преградъ для осуществленія добрыхъ

наибольшей государя, уничтожаются также преимущества для самого произвола. Самая благотворительная мѣра правителя, говоритъ авторъ, если только она противна основапіямъ конституціи, не стоитъ той благодарности, какую заслуживаетъ сохраненіе конституціонныхъ началъ, освященныхъ присягой, обычаями и законами. При самой ограниченной власти можно сдѣлать много добра, исправить множество недостатковъ и даже самыя препятствія, представляемыя формою правленія, обратить въ орудіе къ осуществленію благихъ цѣлей. Нѣтъ надобности уничтожать все до основанія». Только крайняя необходимость, какъ напримѣръ въ Швеціи при Густавѣ III, можетъ оправдать, или, лучше сказать, извинить такую насильственную мѣру. Но подобной необходимости, по мнѣнію Спиттлера, не существовало въ австрійскихъ Нидерландахъ. Едва ли при какомъ нибудь другомъ образѣ правленія, можно было такъ легко устранить всѣ злоупотребленія, не нарушая самой конституціи, если только съ умѣніемъ воспользоваться ея слабыми сторонами.

Замѣчательно, какъ велъ себя Спиттлеръ, когда всыхнула и стала распространяться революція во Франціи. Ходъ, какой приняло впечатленіе, произведенное ею въ Германіи вообще, извѣстенъ. Первоначальный восторгъ вскорѣ обратился въ ненависть и проклятіе. Спиттлеръ, напротивъ, сперва изъяслялъ неудовольствіе по поводу энтузіазма своихъ соотечественниковъ, лишеннаго критики, и представлялъ дурныя стороны революціи, а потомъ показывалъ какъ должно понимать это явленіе. Онъ сначала съ негодованіемъ смотрѣлъ на радостныя возгласы нѣмецкихъ газетъ, по случаю такого событія, и на неразумный восторгъ, выражавшійся въ парижскихъ письмахъ Кампе, гдѣ мятежные гвардейцы, относительно благородства души, сравнивались съ Сократомъ. Спиттлеръ желалъ успѣха дѣлу французской націи, но полагалъ, что для этого нѣтъ надобности хвалить дурныя средства, употребленныя для достиженія такой цѣли съ самаго начала, ни представлять съ хорошей стороны злодѣйства, совершенныя народомъ, и поощреніе къ этимъ злодѣйствамъ со стороны коварныхъ охлократовъ. Въ особенности онъ не могъ простить графу Мирабо его участіе въ сенахъ 5 и 6-го октября; даже Дюмурье, вполнѣдствіи, былъ ему пріятнѣе этого народнаго витія, который при своихъ необыкновенныхъ силахъ не имѣлъ надобности прибѣгать къ такимъ подлымъ средствамъ. Но независимо отъ этихъ злодѣйствъ, Спиттлеръ находилъ главный недостатокъ революціи въ томъ, что національное собраніе хотѣло создать

совершенно новое правление. Постепенно отклоняться от старой, слишком изъезженной колеи и издавать некоторые новые постановления и законы, соответствующие насущнымъ потребностямъ народа, и которыми настолько совершается внезапный переворотъ, сколько дается новый, болѣе правильный ходъ дѣламъ, — вотъ что, по замѣчанію Спиттлера, совѣтуетъ исторія и знаніе человеческого сердца.

Но когда, въ слѣдующіе затѣмъ годы, ужась, порожденный французской революціей, провозвелъ реакцію въ нѣмецкихъ правительствахъ и когда публицисты, подобные Гиртаннеру, старались представить одну дурную сторону событій, совершавшихся во Франціи, тогда Спиттлеръ рѣшительно перешелъ на другую сторону. Онъ наставлялъ этимъ публицистамъ, что всякій народъ въ критическій моментъ своего возрожденія показываетъ безчисленное множество слабостей и недостатковъ и что изображеніе отдѣльныхъ чертъ въ подобные періоды не можетъ служить къ ясному уразумѣнію сущности дѣла. Во всякой націи, въ минуты такого всеобщаго броженія, выплываетъ наружу столько грязныхъ осадковъ, что тѣ лица, которыя составляютъ главное ядро народа, не могутъ выступить на арену». Такимъ образомъ Спиттлеръ находилъ и воспоминанія много уважаемаго имъ Эрнста Брандеса относительно французской революціи справедливыми на столько, на сколько за двѣсти семьдесятъ лѣтъ справедливо было то, что люди, подобные Эрасму, писали о нѣмецкой реформаціи. «Между тѣмъ у этого послѣдняго явленія заросли родимые знаки и то же самое произойдетъ и съ переворотомъ, совершившимся въ Франціи, Спиттлеръ усердно упрасивалъ Гиртаннера, въ продолженіи издававшагося этимъ писателемъ сочиненія (о французской революціи) показать, какъ бесполезно, для предупрежденія народныхъ волненій и переворотовъ, прибѣгать къ уничтоженію просвѣщенія.

Въ направленіи, совершенно противоположномъ взглядамъ этихъ публицистовъ, Спиттлеръ въ то же время написалъ свой очеркъ исторіи европейскихъ государствъ. Здѣсь онъ показываетъ, вслѣдствіе какихъ причинъ во Франціи сдѣлался неизбѣжнымъ разрывъ между народомъ и правительствомъ; какія государственныя учрежденія предохраняютъ Англію отъ подобной же судьбы; при какомъ образѣ правленія Венеція возвышалась и потомъ пала; какія внѣшнія и внутреннія обстоятельства привели къ упадку Польшу и доставили Россіи такое грозное величіе. Изъ этихъ данныхъ выводы выходятъ совершенно другіе, нежели тѣ, какіе представляютъ крайніе поклонники реакціи. Широ-

чемъ, на Англичанъ Спиттлеръ всего менѣе сердился за ихъ отвращеніе къ французской революціи, хотя это отвращеніе имѣло характеръ почти реакціонный. Онъ полагалъ, что въ странѣ подобной Англій, гдѣ самая конституція представляетъ вѣрное средство къ устраненію недостатковъ, реформы могутъ производиться спокойно и хладнокровно.

Замѣчательно, что Спиттлеръ, когда прошли первыя волненія французской революціи, углубился въ разсматриваніе государственнаго переворота, представлявшаго съ нею совершенную противоположность, переворота, совершившагося въ Даніи въ 1660 году. Причины того и другаго явленія были одинаковы: невыносимая неравномѣрность въ распредѣленіи государственныхъ выгодъ и тяжести налоговъ, и недо-ступность аристократіи ко всякому требованію справедливости. Но въ Даніи духовенство перешло на сторону народа, и такъ какъ король имѣлъ причины желать уменьшенія власти дворянъ, то здѣсь революція приняла совершенно другой характеръ: представители средняго сословія и духовенства вскорѣ вошли въ мирное соглашеніе съ коро-лемъ и противъ такого союза не въ силахъ было бороться дворянство. Оттого здѣсь результатъ полученъ былъ не тотъ, котораго съ самаго начала достигли во Франціи: диктатура перешла не въ руки народа и партій, но къ королю. Это была рѣдкая кабинетная продѣлка, какъ выражается Спиттлеръ, которому пріятно было «посмотрѣть и на такую революцію, гдѣ дѣло рѣшалось не силою, а разсудкомъ» и притомъ не только въ началѣ, но и въ продолженіи всего дѣйствія. При всемъ томъ и этотъ мирный переворотъ имѣлъ общій недостатокъ всѣхъ революцій, именно тотъ, что судьба цѣлаго государства предавалась слѣпому случаю. «Самые умные люди не могутъ угадать, чѣмъ кончится начатое дѣло»; какъ во французской революціи едва ли кто изъ дѣйствующихъ лицъ предполагалъ, какой она приметъ оборотъ, такъ въ датской главные виновники, по мнѣнію Спиттлера, вѣроятно удивлены были результатомъ, какого достигли избраннѣйшими ими путемъ. Маленькое сочиненіе о госу-дарственномъ переворотѣ въ Даніи, по своему прагматическому, живому и изящному изложенію, одно изъ лучшихъ, какое когда либо писалъ Спиттлеръ; мы бы сравнили его съ книгою Саллюстія о воз-мущеніи Катилины, на сколько можетъ быть сравниваемо съ такимъ античнымъ произведеніемъ сочиненіе, написанное совершенно въ духѣ настоящаго времени.

Но отъ оцѣнки отдѣльныхъ историческихъ произведеній Спиттлера насъ отвлекло развитіе его политическихъ взглядовъ, которое мы ста-

рались вывести изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ сочиненій. Поспѣшимъ дополнить упущенное и скажемъ прежде всего одно слово о виртембергской исторіи этого писателя. То обстоятельство, что Виртембергъ былъ любимой родиной автора, родной, которая срослась съ его душой, придавало этому сочиненію особыя преимущества. Чтобы убѣдиться, стоитъ только сравнить эту исторію съ исторіею Ганновера, вышедшаго изъ-подъ того же пера. Правда, для этого послѣдняго сочиненія Спиттлера менѣе доступны были источники, и онъ менѣе приготовленъ былъ къ такому труду: но не въ этомъ одномъ заключалась причина той работы, которая, по собственному сознанію автора, не позволяла ему смѣлыми штрихами подробно очерчивать лица и обстоятельства. Съ старинными виртембергскими графами и герцогами, ихъ канцлерами, совѣтниками, придворными проповѣдниками, Спиттлеръ былъ съ юности знакомъ по преданію, а съ страной, ея жителями, ихъ правами и съ государственными учрежденіями Виртемберга—по самому происхожденію и воспитанію. Такого знакомства онъ, конечно, не могъ имѣть относительно исторіи Ганновера, не смотри на свое продолжительное пребываніе въ этой странѣ и прилежное изученіе ея историческихъ источниковъ. Оттого-то главнымъ образомъ и происходитъ меньшая живость въ изложеніи этого впрочемъ превосходнаго сочиненія, которое въ особенности относительно изображенія переменъ государственнаго устройства и управленія нисколько не уступаетъ виртембергской исторіи.

Въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ проявляется замѣчательная особенность Спиттлера: въ одномъ изъ нихъ событія прерываются пятьюдесятью, а въ другомъ восемьюдесятью съ небольшимъ, годами ранѣе того времени, когда ихъ излагалъ авторъ. Въ исторіи своей родины осторожный историкъ, хотя и писалъ ее въ качествѣ ганноверскаго профессора, не касается правленія не только жившаго тогда еще герцога Карла, но и отца его Карла Александра; о предшественникѣ этого послѣдняго, Эбергардѣ Людвигѣ, которымъ прекращается одна отрасль виртембергскаго дома, можно было уже говорить свободнѣе въ самомъ Виртембергѣ. Въ предисловіи къ этому сочиненію, авторъ, правда, говоритъ такимъ образомъ, будто намѣренъ изложить слѣдующія затѣмъ событія въ другой части, но эта другая часть никогда не появлялась въ свѣтъ и вѣроятно никогда не предполагалась къ появленію. Ганноверская исторія оканчивается правленіемъ курфюрста Эрнста Августа и въ ней не упоминается о ганноверско-англійскихъ

Горракъ, изъ которыхъ третій въ то время сидѣлъ на престолѣ. Видно, Спиттлеръ не хотѣлъ ни лгать, ни оскорбить кого бы то ни было грубою правдою. Въ какой степени онъ избѣгалъ послѣдняго обстоятельства, доказываетъ отдаленность описанныхъ имъ событій отъ живой современности. Спиттлеръ былъ остороженъ не только какъ человѣкъ, но и какъ историкъ, и заранее взвѣшивалъ послѣдствія, какія могли произойти отъ его поступковъ. Его часто упрекали за то, что онъ свои историческіе рассказы прерываетъ изъ политическихъ расчетовъ. Въ общественной жизни такая расчетливость легко ведетъ къ боязливости. Въ своихъ отношеніяхъ съ людьми Спиттлеръ былъ до того остороженъ, что въ одной статьѣ съ намѣреніемъ вставилъ букву, измѣнявшую смыслъ, такъ какъ сынъ того человѣка, котораго мнѣніе онъ оспаривалъ былъ его товарищемъ.

Спиттлеръ не могъ довольствоваться тѣснымъ кругомъ исторіи отдѣльныхъ незначительныхъ государствъ, къ которому относится послѣднія описанная нами сочиненія. Его любимой мечтой, которую онъ нерѣдко высказывалъ самъ, было—представить исторію мировыхъ событій трехъ послѣднихъ вѣковъ въ большомъ сочиненіи, содержащемъ до шести томовъ. Лекціи Спиттлера по этому предмету признаются самыми лучшими, какія онъ когда либо читалъ. Но самое сочиненіе никогда не было написано. Только въ видѣ очерка для своихъ лекцій, Спиттлеръ, какъ мы уже замѣтили выше, наложилъ исторію европейскихъ государствъ отъ ихъ происхожденія до новѣйшаго времени (за исключеніемъ Германіи, исторію которой онъ читалъ особо). Чтобы оцѣнить достоинство этого сочиненія, мы уступимъ перо другому судѣ. Каждая страница Спиттлерова сочиненія, говоритъ Шлоссеръ, доказываетъ вѣрный взглядъ автора и быстрое пониманіе главнаго пункта, на который особенно должно обратить вниманіе въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ. Въ этомъ отношеніи грѣшатъ многіе самые ученые историки. Въ книгѣ Спиттлера съ удивленіемъ видишь, какъ великій человѣкъ, съ врожденнымъ тактомъ, перелистывая источники, опытнымъ взглядомъ въ одну минуту находитъ то, чего другой тщетно ищетъ въ продолженіе многихъ лѣтъ».

Впрочемъ, не меньшее достоинство и не меньшую занимательность представляютъ и болѣе мелкія историческія сочиненія Спиттлера. Даже они отчасти, по своему свободному изложенію, болѣе для насъ привлекательны. Около одной трети изъ нихъ (если исключить сочиненія теологическія) касаются исторіи Виртемберга; первое мѣсто между

ними занимаютъ исторія собранія земскихъ чиновъ и исторія коллегіи тайнаго совѣта: послѣднее сочиненіе относится уже къ позднѣйшему періоду жизни автора, но написано совершенно въ духѣ перваго. Оба они показываютъ рѣдкое искусство Спиттлера рельефно и въ связи изображать происхожденіе и дальнѣйшее развитіе государственнаго учрежденія, его судьбу въ различные періоды, его успѣхи и пренятствія, противопоставляемыя имъ различными личностями, его упадокъ и возрожденіе. Авторъ представляетъ намъ это явленіе такъ превосходно, что оно на нашихъ глазахъ, подобно растенію, какъ будто восходитъ, развивается, даетъ цвѣты, подвергается дурному и хорошему вліянію окружающей его атмосферы и наконецъ разрушается. Изображеніе характеровъ нѣкоторыхъ правителей и министровъ, описанныхъ Спиттлеромъ въ нѣсколькихъ ловкихъ чертахъ, но чрезвычайно живо, показываетъ, что онъ не только былъ тонкій политикъ, но и отличный психологъ. Множество психологическихъ замѣчаній, глубокихъ и иѣткихъ, разсыяно въ сочиненіяхъ этого автора. Какое обширное примѣненіе, напримѣръ, предоставляетъ слово, сказанное въ означенной нами исторіи собранія земскихъ чиновъ: «Герцогъ Карлъ, безспорно, былъ умный и мудрый государь, но его поступки не всегда служили тому доказательствомъ». Сколько смысла и сколько юмора заключается въ выраженіи объ одномъ знаменитомъ виртембергскомъ епископѣ: «Онъ, безъ сомнѣнія, былъ, вообще, честный человѣкъ; но частности, изъ которыхъ состоитъ честность подобныхъ людей, представляютъ столько несообразныхъ чертъ, что надо удивляться, какъ изъ нихъ составляется такое цѣлое». Но верхомъ совершенства, въ отношеніи психологическаго развитія, и истинной жемчужиной между сочиненіями Спиттлера служитъ его разсужденіе о религіозной переимѣнѣ Христофа Безольда. «Ни одинъ человѣкъ не дѣлается вдругъ тѣмъ, что онъ есть», такова тема этого сочиненія, которое представляетъ намъ загадочное, коварное отступничество одного ученаго, скромнаго и долгое время безукоризненнаго человѣка отъ вѣры его предковъ и отъ религіозной партіи его соотечественниковъ. Авторъ такъ хорошо объясняетъ это явленіе самымъ характеромъ этого лица, смѣсью его добрыхъ качествъ и недостатковъ, его связями и отношеніями къ окружающему міру, что для насъ исчезаетъ загадка и мы передъ собою видимъ человѣка, котораго должны осуждать, но о которомъ не можемъ не сожалѣть. Другую жемчужину между этими мелкими произведеніями служитъ сочиненіе о курфирствѣ пфальцскомъ,

Фридрихъ Побѣдоносномъ и о Кларѣ Деттингъ, аугсбургской. Это сочиненіе, написанное въ видѣ демонстраціи противъ притязаній дома Левенштейнъ на курфиршество Пфальцское, представляетъ прелестную идиллію любви государя древнихъ временъ. Оно отличается пріятною игрою цвѣтовъ, подобно блестящей матеріи, безпрестанно мѣняющей складки, и легкою ироніею, которою оно проникнуто съ начала до конца. Мы, не задумываясь, можемъ сказать, что сочиненіями, подобными послѣднимъ двумъ, Спиттлеръ и въ отношеніи формы становится въ первые ряды нѣмецкихъ авторовъ.

Удивительно, что послѣ смерти Спиттлера, его друзья, въ статьяхъ, посвященныхъ его памяти, почти снисходительно отзываются о его слогѣ. Гееренъ изъявляетъ сожалѣніе, что Спиттлеръ не написалъ болѣе обширнаго историческаго сочиненія, но въ то же время выражаетъ сомнѣніе, чтобъ этотъ историкъ въ состояніи былъ овладѣть хорошимъ историческимъ изложеніемъ и стать на ряду нѣмецкихъ классиковъ. Также и Планкъ полагаетъ, что въ произведеніяхъ Спиттлера довольно встрѣчается достоинствъ, составляющихъ сущность хорошаго слога, хотя въ нихъ замѣчается иногда недоконченность въ округленіи періодовъ и въ изображеніи картинъ. Странно, но очевидно: слогъ Іоанна Миллера въ то время сбивалъ съ толку относительно этого предмета даже такихъ писателей, которые, подобно Планку и Геерену, не могли ему сочувствовать. То несомнѣнно, что слогъ этихъ двухъ заслуженныхъ историковъ, выразившихъ такое мнѣніе, далеко уступаетъ слогу Спиттлера. Слогъ Геерена въ особенности, быть можетъ, глаже и правильнѣе спиттлерова, но за то отличается меньшею живостью. Но Гееренъ, находя въ Спиттлерѣ недостатокъ настоящаго историческаго слога, вѣроятно, разумѣетъ тоже, чего не одобрялъ и Вольманъ, что Спиттлеръ часто отъ историческаго изложенія переходитъ въ дидактическое и прерываетъ рассказъ разсужденіями и наставленіями, и что самая любимая его форма изложенія составляетъ смѣсь повѣствованія съ представленіемъ политическихъ взглядовъ. Это, быть можетъ, ошибка противъ строгихъ законовъ историческаго писанія; но Спиттлеръ былъ не только историкъ, но и политикъ, и эта двойственность натуры ясно выражается въ его способѣ изложенія. Многіе упрекали его также за обыкновеніе говорить объ историческихъ событіяхъ намеками, — недостатокъ, особенно непріятный для тѣхъ, кто не знакомъ съ историческими фактами. Въ обоихъ сочиненіяхъ, гдѣ особенно замѣчается этотъ не-

достатокъ, въ очеркѣ церковной исторіи и въ очеркѣ исторіи европейскихъ государствъ, онъ объясняется и оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что объ эти книги назначались для лекцій и что по-этому недосказанное въ печати предполагалось дополнить изустно. Правда, такая манера писать весьма недалека отъ той, которая показываетъ пренебреженіе къ читающей публикѣ, но въ этомъ послѣднемъ недостаткѣ нельзя упрекать Спиттлера. Независимо отъ особенной исторической точки возрѣнія и только въ отношеніи внѣшней формы постройки періодовъ, слогъ этого автора не всегда совершенно округленъ и совершенно плавенъ; но онъ представляетъ тѣсное сродство съ слогомъ Лессинга: всегда живъ и увлекателенъ, иногда поразителенъ и, смотря по надобности, то рѣзокъ и юмористиченъ, то нѣженъ и мягокъ. Мѣстами онъ можетъ казаться манернымъ, но то, что такъ вѣрно выражаетъ характеръ и образъ мыслей человѣка, не можетъ назваться манерностью, а развѣ только особенностью; мы готовы сравнить слогъ Спиттлера съ лицомъ, которое, не отличаясь правильными, изящными чертами, неотразимо привлекаетъ насъ оригинальностью выраженія.

Занимаясь такими трудами, отличаясь на своей профессорской кафедрѣ и пользуясь возрастающею литературною славой, домашнимъ счастьемъ, уваженіемъ своихъ товарищей и любовью нѣкоторыхъ, хотя немногихъ, близкихъ друзей, Спиттлеръ все-таки не думалъ навсегда оставаться въ этомъ положеніи. Еще гораздо прежде, чѣмъ онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, его друзья уже знали, что онъ вовсе не хочетъ умереть профессоромъ. Онъ выразилъ опасеніе пережить самого себя въ качествѣ доцента и быть вытѣсненнымъ на задній планъ какимъ нибудь новымъ молодымъ талантомъ, какъ это случилось, черезъ него же самого, съ Гаттереромъ и Шлецеромъ. Такое опасеніе вовсе не чуждо его осторожнаго характера, но оно не было настоящею причиною намѣренія, принятаго Спиттлеромъ. Мы уже замѣтили, что онъ былъ не только историкъ, но и политикъ, и это политическое стремленіе не находило удовлетворенія въ академической карьерѣ. Лѣтомъ 1796 года Спиттлеръ съ большимъ успѣхомъ читалъ лекціи о политикѣ и находилъ теперь, какъ самъ онъ писалъ о томъ Вольману, болѣе пріятнымъ развивать свой предметъ философски, нежели излагать его исторически. Но его влекло къ политической дѣятельности на практикѣ, и это стремленіе не было суетнымъ желаніемъ. Спиттлеръ болѣе многихъ другихъ

имѣлъ права домогаться политической роли. Кромѣ знанія политики онъ обладалъ наружностью, внушающею уваженіе, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, испытаннымъ не только на кафедрѣ, ловкимъ обращеніемъ, пониманіемъ людей и умѣніемъ пользоваться ихъ слабостями, причеиъ не чуждъ былъ нѣкоторой склонности къ интригѣ. При всемъ томъ, онъ въ своей виртембергской исторіи сдѣлалъ замѣчаніе, что переходъ отъ кафедры въ кабинетъ рѣдко бываетъ удаченъ. Вѣроятно, онъ считалъ себя исключеніемъ изъ этого правила, такъ какъ, не смотря на то, домогался такого перехода. Такъ онъ еще въ восьмидесятихъ годахъ воспользовался дружбою съ Коппе, возвышавшимся въ то время на поприщѣ жизни и пріобрѣтавшимъ вліяніе въ политическомъ обществѣ и старался быть представленнымъ не только въ орденъ франкмасоновъ, но и въ правительственные круги столицы. Но предприимчивый придворный священникъ умеръ для него слишкомъ рано. Мы не знаемъ, имѣло ли путешествіе, которое Спиттлеръ предпринялъ въ 1788 году въ Мюнхенъ, Вѣну и въ Швейцарію, какую нибудь связь съ его планами относительно перемѣны карьеры; но во всякомъ случаѣ, оно доставило ему, также какъ и путешествіе на коронацію Леопольда II, въ свитѣ ганноверскаго посольства, кромѣ новыхъ предметовъ для наблюденія, знакомство съ разными лицами, которыя могли быть ему полезными для достиженія его цѣли. Намѣреніе, о которомъ иногда говорилъ Спиттлеръ, основать въ какомъ нибудь болѣе свободномъ пунктѣ Германіи политическую газету, соответствовало способностямъ, но не характеру этого человѣка. Наконецъ, онъ остановилъ свое вниманіе и относительно своихъ плановъ на будущность на виртембергской родинѣ, отъ которой никогда, впрочемъ, не отклонялась его привязанность.

Пока тамъ царствовалъ герцогъ Карлъ, для человѣка, подобнаго Спиттлеру, не могло въ этомъ отношеніи существовать никакой надежды. По смерти этого правителя, осенью 1793 года, талантливые люди приняли участіе въ дѣлахъ правленія. Послѣ Карла, одинъ за другимъ царствовали два его брата, и въ это время, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ вѣстей съ французскими войсками революционныхъ идей, все въ Виртембергѣ пришло въ броженіе. Младшій изъ этихъ двухъ братьевъ, Фридрихъ Эженъ, побуждаемый необходимостью удовлетворить требованіемъ Морё, долженъ былъ созвать сеймъ для совѣщанія относительно сбора военной контрибуціи. Это былъ первый сеймъ послѣ двадцати пяти лѣтъ. Тогда всякій поспѣшилъ

подать свой голосъ и появилось болѣе полутора ста сочиненій, съ проектами относительно улучшенія государственныхъ дѣлъ и относительно приведенія въ ходъ правительственной машины, согласно требованіямъ времени. Спиттлеръ съ участіемъ слѣдилъ въ Геттингенѣ за движеніями своей родины и даже вмѣшался въ ряды анонимныхъ писателей проектовъ. Подъ заглавіемъ дополнительной инструкціи, данной городскимъ собраніемъ въ N. деуутату, отправляемому на виртембергскій сеймъ, онъ въ 1796 году изложилъ свое мнѣніе о современныхъ вопросахъ. Здѣсь онъ предлагалъ свои совѣты въ народномъ тонѣ, согласно требованіямъ принятой имъ роли, ясно и мѣстами съ теплымъ чувствомъ патриота. Въ этихъ совѣтахъ проглядываетъ превосходное знаніе отечественныхъ учреждений и исторіи, любовь къ прогрессу, а также и ненависть ко всякому насильственному перевороту. Всякій гражданинъ, по замѣчанію автора, долженъ содѣйствовать, « къ приведенію отечества, посредствомъ благовременныхъ полезныхъ перемѣнъ, въ такое состояніе, чтобъ никогда не могла встрѣтиться необходимость въ совершенномъ преобразованіи ». Власть земскихъ чиновъ, которая въ прежнія времена стиралась неоднократно, Спиттлеръ желалъ возстановить въ томъ видѣ, въ какомъ она первоначально опредѣлена была предками. Онъ началъ противо-дѣйствовать злоупотребленіямъ поддержаніемъ и условіемъ коллегіальнаго правленія; запрещеніемъ отставлять совѣтниковъ отъ должностей безъ судебного приговора; уничтоженіемъ преимуществъ дворянъ относительно исключительнаго занятія высшихъ должностей и созываніемъ сеймовъ въ опредѣленные сроки. Пришедшему въ упадокъ учрежденію земскихъ чиновъ, Спиттлеръ хотѣлъ помочь распространеніемъ условій, дающихъ право быть избраннымъ въ представителя и преимущественно реформою, употреблявшейся при этомъ, избирательной системы. Но даже и этого мѣста древней виртембергской конституціи, этого собранія, которое, подобно чужаидному растенію, мало по малу высосало всякое значеніе у государства и даже у самаго сейма, нашъ профессоръ касается весьма осторожно. Онъ на первый разъ не рѣшаетъ вопроса, должно ли у собранія отнять опасное право самому дополнять недостающее число своихъ членовъ. Чтобы предупредить вступленіе въ это число людей неспособныхъ и недостойныхъ, онъ полагаетъ нужнымъ подвергать всякаго вновь избраннаго кандидата предварительному испытанію. Но истинный государственный человѣкъ высказывается въ Спиттлерѣ, когда

онъ настаиваетъ на строгомъ контролѣ, на подробной отчетности и гласности въ дѣлахъ земскаго правленія, когда онъ совѣтуетъ не приниматься разомъ за все и когда онъ представляетъ, что первое необходимое условіе для приведенія государства въ цвѣтущее состояніе заключается въ учрежденіи лучшихъ воспитательныхъ заведеній и въ развитіи народнаго образованія. При этомъ онъ имѣетъ въ виду также распространеніе условій, доставляющихъ право быть избраннымъ въ члены собранія земскихъ чиновъ. «Мы должны теперь всѣми силами стараться, замѣчаетъ Спиттлеръ, приобрести какъ можно болѣе свѣдущихъ и опытныхъ людей, а ничто такъ не содѣйствуетъ образованію, если только есть желаніе трудиться и способности, какъ занятіе важными дѣлами и участіе въ великихъ интересахъ». Онъ поднялъ также вопросъ о гражданскихъ школахъ и о семинаріяхъ для образованія учителей, — вопросъ, осуществленіе котораго относится къ позднѣйшему времени.

Естественно, что такое сочиненіе, котораго авторъ не долго оставался неизвѣстнымъ, должно было въ Виртембергѣ обратить всеобщее вниманіе на соотечественника, прославившагося за-границей. Казалось полезнымъ воспользоваться его содѣйствіемъ въ предполагаемыхъ реформахъ. Говорятъ, что его думали назначить совѣтникомъ собранія земскихъ чиновъ на то самое мѣсто, которое нѣкогда съ такимъ достоинствомъ занималъ Іоганнъ Якобъ Мозеръ. Правительство также не прочь было имѣть сотрудникомъ чловека, который въ своемъ сочиненіи такъ усердно хлопоталъ о сохраненіи равновѣсія между правами государя и правами земскихъ чиновъ. Спиттлеръ самъ могъ одинаково склоняться на ту и на другую сторону. Независимо отъ болѣе блестящаго положенія, онъ могъ надѣяться, на мѣстѣ совѣтника зрѣлаго и благонамѣреннаго государя, найти болѣе обширное поприще дѣйствія и встрѣтить менше препятствій къ осуществленію своихъ благихъ намѣреній, нежели на службѣ такой старой, закорузой олигархіи, какую представляло земское собраніе. Поэтому нельзя еще упрекать Спиттлера за то, что онъ, рѣшившись однажды промѣнять академическую карьеру на государственную дѣятельность, принималъ предложеніе вступить на службу герцога Фридриха Эжена въ качествѣ тайнаго совѣтника. Притомъ его влекло на родину, куда, какъ онъ могъ полагать, его призывали для развитія старинныхъ политическихъ учреждений. Это было въ мартѣ 1797 года, въ то самое время, когда въ Виртембергѣ собрался сеймъ, о которомъ такъ много говорили.

Но, конечно, Спиттлеръ при этомъ долженъ былъ имѣть въ виду

одно весьма важное обстоятельство. Герцогъ, призывавшій его на службу, былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, котораго здоровье было разстроено семилѣтнею войною. Что его сынъ, принцъ Фридрихъ, будущій преемникъ престола, своими наклонностями походилъ на герцога Карла, это ни для кого не было тайной. Но Спиттлеръ могъ надѣяться, что старый господитъ, несмотря на свои слабыя силы, прожить еще нѣсколько лѣтъ и что въ это время удастся сдѣлать много полезнаго для отвращенія будущихъ бурь. Но девять мѣсяцевъ спустя послѣ занятія Спиттлеромъ новой должности, герцогъ Фридрихъ Эженъ внезапно скончался въ концѣ 1797 года.

Первое время правленія его сына и преемника, по обыкновенію, было довольно мирно. Но уже не прошествіи полугода возникли несогласія между герцогомъ и земскими чинами по поводу чрезмѣрныхъ расходовъ на войско. Эти несогласія продолжались цѣлыхъ восемь лѣтъ, причѣмъ постоянно возрастало упорство съ одной стороны и насиліе съ другой. Спиттлеръ могъ не одобритъ земскаго собранія за то, что оно иногда безъ надобности отказывало требованіямъ герцога и дозволяло себѣ переступать за предѣлы своихъ правъ; но еще менѣе ему могло нравиться стремленіе къ совершенному произволу, обнаруживавшееся въ правительѣ. Передъ нами находятся два мѣсяца, юданныя Спиттлеромъ въ тайномъ совѣтѣ еще въ первые, довольно сносные годы правленія герцога Фридриха. Первое изъ этихъ двухъ мѣсяцевъ, относящееся къ 1798 году, особенно показываетъ, какъ виртембергскій тайный совѣтникъ умѣлъ выпутываться изъ затруднительнаго положенія, въ которое ставилъ его воля правителя и желаніе дѣйствовать согласно своей собственной совѣсти. Спиттлеръ здѣсь отговариваетъ герцога представить споръ съ земскими чинами на судъ императора и при этомъ самую убѣдительною причиною выставляетъ, что такой шагъ болѣе послужитъ къ выгодѣ, чѣмъ къ невыгодѣ собранія. Онъ совѣтуетъ продолжительными переговорами стараться склонить чины къ уступкѣ, но при этомъ остерегаться вооружить противъ себя общественное мнѣніе и въ особенности не предпринимать никакихъ насильственныхъ мѣръ противъ такъ называемаго революціоннаго образа мыслей. Едва ли Спиттлеру всегда удавалось, въ качествѣ тайнаго совѣтника Фридриха, такъ ловко выпутываться изъ своего затруднительнаго положенія и согласовать волю правителя съ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ.

Осенью, 1805 года, герцогъ присоединился къ Наполеону, а потомъ, принявъ королевскій титулъ, уничтожилъ земское собраніе.

Нѣтъ сомнѣнiя, что такая мѣра, не смотря на нравственный упадокъ этого собранiя, должна была Спиттлеру казаться неудачною. Если оиъ уже Иосифу II, не смотря на его добрыя намѣренiя, не извинялъ нарушенiя нидерландской конституцiи, то тѣмъ болѣе оиъ долженъ былъ негодовать на поступокъ Фридриха. Но, быть можетъ, его утѣшало то обстоятельство, что еще сохранилась коллегiальная система въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ. Исторiя Виртемберга представляла примѣры, что коллегiи протавлялись злоупотребленiямъ тогда какъ земское собранiе хранило молчанiе. Спиттлеръ звалъ, что «въ нѣкоторыхъ странахъ хорошее коллегiальное правленiе служить лучшею защитою общественнаго блага, нежели земская конституцiя». Главная сила не въ томъ, чтобы собранiе состояло изъ выборныхъ людей, но въ томъ, чтобы большинство членовъ отличались умомъ и честностью, собирались часто и въ опредѣленное время, дѣйствовали единомышленно и не скрывали своихъ совѣщанiй объ общественныхъ дѣлахъ. Таково было убѣжденiе Спиттлера еще до вступленiя на виртембергскую службу; Спиттлеръ не дожидая до формальнаго уничтоженiя коллегiальной системы и до замѣны ея бюрократическимъ устройствомъ правленiя.

Еще въ годъ смерти конституцiи, Спиттлеръ возведенъ былъ въ званiе барона, сдѣланъ государственнымъ министромъ и украшенъ вноиъ учрежденнымъ гражданскимъ почетнымъ орденомъ. Были ли эти отличiя въ числѣ причинъ, удерживавшихъ его на службѣ государя? Другъ Спиттлера, Гуго, находитъ это вѣроятнымъ; также и Шлоссеръ полагаетъ, что этотъ тонкiй дипломатъ еще въ Геттингенѣ имѣлъ въ виду сдѣлаться со временемъ министромъ. Какъ бы то ни было, но навѣрно Спиттлеръ никогда не желалъ сдѣлаться министромъ такого государя, какимъ былъ король Фридрихъ. Хотя оиъ не покидалъ его службы, но ужъ никакъ не согласился бы поступать въ нее, еслибъ ему еще только предстоялъ выборъ. Анекдотъ, заимствованный изъ вѣрнаго источника, показываетъ отношенiя Спиттлера къ этому правителю и вообще состоянiе виртембергскаго двора. Когда, послѣ жаркаго пренiя объ одномъ политическомъ вопросѣ, Спиттлеръ выходилъ изъ аудiенцiи, король побѣждалъ вслѣдъ за нимъ, схвативъ съ каминна раскаленные щипцы. Министръ, замѣтивъ это, обернулся и пристально взглянулъ на государя, который, опомнившись, спокойно опустилъ свое орудие. Спиттлеръ, навѣрно, никогда не раболѣпствовалъ но въ то же время не покидалъ своей службы.

Оиъ теперь въ одно и то же время былъ сдѣланъ главнымъ по-

печителем тубингенскаго университета и президентомъ дирекціи народнаго образованія. При этомъ нельзя не вспомнить Іоганна Миллера, который нѣсколько позже занялъ такое же положеніе во вновь учрежденномъ Вестфальскомъ королевствѣ. Подобно Миллеру, Спиттлеръ, быть можетъ, главнымъ образомъ утѣшался тѣмъ, что въ этомъ новомъ положеніи могъ сдѣлать добро дѣлу народнаго образованія, или, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи воспрепятствовать злу. Онъ не могъ воспрепятствовать, чтобы и виртембергскій университетъ не лишился своей самостоятельности и прежнихъ правъ; за то онъ былъ этому заведенію весьма полезенъ, основавъ въ немъ клинику и ботаническій садъ. При этомъ Спиттлеръ оставался членомъ государственнаго министерства; но такъ какъ онъ не вошелъ въ кругъ довѣренныхъ людей короля и имѣлъ обязанностью завѣдывать народнымъ образованіемъ, то по настоящему былъ удаленъ отъ дѣлъ правленія. Такимъ образомъ, его желаніе политической дѣятельности, для котораго онъ покинулъ академическую карьеру, не осуществилось. Впрочемъ, Спиттлеръ могъ утѣшаться тѣмъ, что это обстоятельство отклоняло отъ него отвѣтственность за правительственныя дѣйствія короля Фридриха.

Какой-то древній мудрецъ сказалъ, что и при дурномъ правителѣ великіе люди могутъ быть полезными. Конечно, это было бы несчастьемъ для Виртемберга, еслибъ всѣ честные люди, недовольные Фридрихомъ, захотѣли оставить государственную службу. Но то, что можетъ служить извиненіемъ для обыкновеннаго чиновника, не должно быть оправданіемъ для Спиттлера. Онъ прежде дѣйствовалъ на обширнѣйшемъ поприщѣ, въ качествѣ преподавателя и лектора, и глаза многихъ были устремлены на него, какъ на значительный авторитетъ. Поэтому онъ и на службѣ обязанъ былъ поддерживать политическіе принципы, которые проповѣдывалъ на кафедрѣ и въ своихъ сочиненіяхъ; въ качествѣ государственнаго человѣка онъ не долженъ былъ уронить историка. Кому могло быть извѣстно, много ли или мало онъ принималъ участія въ томъ, что происходило въ Виртембергѣ? Полагали, что еслибъ ему не нравилось это мѣсто, то онъ бы не продолжалъ служить. Носится анекдотъ, что какой-то подчиненный, сдѣлавшій неблагопріятное замѣчаніе, на вопросъ, гдѣ онъ набрался такихъ мнѣній, отвѣчалъ Спиттлеру: у васъ, ваше превосходительство. Этотъ анекдотъ похожъ на вымыселъ, но уже и то обстоятельство, что на Спиттлера можно было сочинять подобныя исторіи, служить ему укоромъ.

Другой вопросъ, куда была дѣваться Спиттлеру въ случаѣ отставки? Въ то время не только Виртембергъ, но и свѣтъ былъ въ ненормальномъ положеніи. Въ Германіи и даже вообще на континентѣ господствовали неволя, нужда и насиліе. Спиттлеръ дѣйствительно въ тѣ годы имѣлъ въ виду, если дѣла пойдутъ черезчуръ дурно, искать убѣжища и политической дѣятельности въ Англіи. Этотъ планъ онъ вѣроятно и привелъ бы въ исполненіе, еслибъ его преждевременно не постигла смерть. Такимъ образомъ Спиттлеръ своимъ положеніемъ въ обществѣ представляетъ сплетеніе судьбы и собственной вины, слабости и несчастія, сплетеніе, въ которомъ едва можно отличить отдѣльныя нити. Онъ, конечно, могъ остаться профессоромъ въ Геттингенѣ, но его нельзя бранить за то, что онъ покинулъ это мѣсто, если не ставить подобному человѣку въ вину недостаточное вниманіе къ зловѣщимъ признакамъ грядущихъ бѣдственныхъ временъ. Мѣсто въ Стуттгартѣ съ каждымъ годомъ становилось ему все болѣе несноснымъ, но въ то же время съ каждымъ годомъ дѣлалось все болѣе затруднительнымъ рѣшеніе вопроса: куда дѣваться?

Во всякомъ случаѣ, Спиттлеръ былъ жестоко наказанъ, если только вообще заслуживалъ наказанія. На государственномъ поприщѣ онъ не могъ принести никакой значительной пользы, а литературная его дѣятельность была прервана среди успѣховъ, не столько по случаю служебныхъ занятій, сколько потому, что нельзя было сказать свободнаго политическаго слова. Поэтому Спиттлеръ въ 1805 году могъ еще самъ приготовить новое изданіе своей церковной исторіи; но когда понадобилось подобное же изданіе его очерка исторіи европейскихъ государствъ и когда оказалось желательнымъ дополнить этотъ очеркъ позднѣйшими событіями, то авторъ предоставилъ этотъ опасный трудъ постороннему человѣку. За то онъ занялся другими, болѣе мелкими историческими работами, которыя онъ назначалъ къ изданію на будущее время. Такимъ образомъ онъ писалъ: исторію виртембергской коллегіи тайнаго совѣта, исторію договора о наследствѣ, заключеннаго при герцогѣ Карлѣ, и исторію отношенія герцога Эбергарда Людвигъ къ знаменитой Гревеницъ. Всѣ эти сочиненія найдены послѣ смерти автора, въ его бумагахъ, къ несчастію неоконченными. Они написаны съ тою же свѣжестью духа и съ тою же ловкостью относительно формы, какими отличались и прежнія сочиненія Спиттлера, и въ то же время доказываютъ, что

авторъ въ душѣ оставался вѣренъ своимъ политическимъ взглядамъ. Поэтому-то онъ иногда и находилъ нужнымъ отправить эти и другія бумаги къ своимъ друзьямъ и родственникамъ, такъ какъ не считалъ себя безопаснымъ.

При такомъ затруднительномъ положеніи, Спиттлеръ все болѣе и болѣе становился мрачнымъ; его прежняя веселость исчезла и уступила мѣсто дурному расположенію духа, которое сильно повредило его здоровью. Когда осенью 1808 года въ Стуттгартъ пріѣхалъ его геттингенскій другъ Гуго, то уже нашелъ Спиттлера съ несомнѣнными признаками водяной болѣзни. Больной не могъ скрыть своего неприятнаго положенія, но по крайней мѣрѣ не показывалъ никакого сожалѣнія на счетъ выбора карьеры. Но другъ, по своей медицинской опытности, зналъ, что водяная болѣзнь часто происходитъ отъ печали и огорченія, и это замѣчаніе тяжелымъ бременемъ легло ему на сердце. Прощаніе ихъ было грустно, такъ какъ оба чувствовали, что они, какъ выразился въ послѣдствіи Спиттлеръ въ письмѣ къ Гуго, «не увидятся болѣе по сю сторону луны». «Но, прибавляетъ затѣмъ нашъ историкъ, благодаря Провидѣнію, мы провели вмѣстѣ на этомъ свѣтѣ много счастливыхъ дней». Полтора года спустя, 14 марта 1810 года, Спиттлеръ скончался, не достигнувъ пятидесяти восьми лѣтъ.

При этомъ случаѣ, Гуго намъ сообщаетъ одно обстоятельство, незначительное само по себѣ, но трагическое и довольно поучительное въ своемъ родѣ. Какъ нѣжный супругъ, Спиттлеръ всегда желалъ обезпечить судьбу своей жены. Еще въ Геттингенѣ, онъ сильно хлопоталъ, чтобы вдовьей каскѣ, учрежденной профессорами, дано было такое устройство, по которому, при болѣе значительномъ взносѣ, мужъ могъ надѣяться, что, послѣ его смерти, вдова его будетъ получать и болѣе значительную пенсію. Едва ли бы Спиттлеръ, на сколько зналъ его Гуго, согласился принять мѣсто въ Вюртембергѣ, еслибъ коренной законъ вюртембергской конституціи не обезпечивалъ за вдовою тайнаго совѣтника еще лучшаго содержанія. Но между тѣмъ король Фридрихъ уничтожилъ конституцію и когда скончался Спиттлеръ, его величество не признало за благо назначить вдовѣ его пенсію. И такъ, можно сказать, Спиттлеръ вдвойнѣ ошибся — и въ своей жизни и въ своей смерти.

Фрина.

I.

У Фрины пиръ. Давно Афины
Въ тиши уснули мирнымъ сномъ,
Лишь у одной развратной Фрины
Огнями блещетъ шумный домъ.
Вокругъ стола, наливъ потѣры
Виномъ душистымъ, всё въ цвѣтахъ,
Едва прикрытыя гетеры
Лежатъ на пурпурныхъ коврахъ;
И между нихъ, какъ перлы пира, —
Аѳинскихъ гражданъ лучшій цвѣтъ:
Съ улыбкой пьянаго сатира
Вожди, философы, поэтъ,
И демагоги, и ваятель —
Всѣ бодро пьютъ, и сна имъ нѣтъ!
И лишь застольный председатель
Заснулъ архонтъ, румянь и сѣдъ, —
И кто-то вдругъ, для смѣха, шляпу
Его надѣлъ на плешь Пріапу.

Забыто все: народа боль,
Дѣла, политика и драмы —
И жжетъ ихъ только эпиграммы
Одна аттическая соль.
Тамъ все покорно сладострастью
Передъ всемогущей, пылкой властью

Богини-Фрины,—не забыть
 При ней одинъ лишь аппетитъ.
 На блюдахъ третью переѣну
 Рабы азійскіе несутъ,
 И гости шумные на сцену
 Плясать танцовщицу зовутъ.
 И вотъ харита Лезбіянка
 Выходитъ къ нимъ изъ-за колоннъ:
 Ея глаза, ея осанка
 И гибкій станъ—со всѣхъ сторонъ
 Срываютъ крики удивленья.
 Но вотъ аккордъ, но вотъ поклонъ,
 Вотъ стройно-легкія движенья...—

Она танцуетъ и сжигаетъ
 Огнемъ любви мужей и дѣвъ,
 То вдругъ летитъ, то замираетъ
 Подъ іоническій напѣвъ.
 И гордой Фрины страсть и ласку
 Ея любовникъ Гиперидъ
 Забылъ въ тотъ мигъ—и только пляску
 Очами страстными слѣдитъ.
 А Фрина видитъ по обиду
 Ей въ скрытой рѣвности—не снести.
 И за измѣну Гипериду
 Она въ душѣ готовитъ мечь.
 Всѣ гости пляскѣ рукоплещутъ,
 Гитеръ вниманьемъ не дая,—
 И взоры Фрины пылко блещутъ,
 Лезбосской страстию горя.
 И подзывая Лезбіянку
 Она ей лечь съ собой велитъ
 И всѣхъ на новую приманку
 Коварно дразнить и манить;
 И приказавъ налить потери,
 Съ застольной статуи Клееры
 Вѣнокъ священный сорвала,
 И увѣнчавъ чело хариты,
 Во славу новой Афродиты
 Заздравный кубокъ подняла.

Смутились гости: богохулень
 Казался всѣмъ ея порывъ.
 Какъ знать? Доносъ теперь не мнѣ:
 Имъ каждый шагъ подвараулень,
 А въ этотъ разъ онъ и неживъ!
 И пиръ ужъ не былъ такъ разгулень...
 Но Фринѣ—смѣхъ! Ей все равно!
 Пусть на нее шпионъ доносятъ!
 Что ей доносъ, коль сердце просить
 Отмщенья—и отмстить должно!
 И вся отдавшись поцѣлюю,
 На всю бесѣду круговую
 Она презрительно глядитъ,
 И Лезбіянку молодую
 Держа въ объятяхъ, говорить:

«Вы жѣлки всѣ!.. Вы испугались!..
 Чего жъ? Правдивой похвалы?!
 Зачѣмъ же ею вы плѣнялись,
 Когда вы духомъ такъ малы?
 Кто жъ былъ межъ вами Эллинь истый,
 Титаны словъ, пигмеи дѣлъ,
 Коль даже Гиперидъ рѣчистый
 Благоразумно присмирѣлъ?!
 Вы жалки мнѣ! И я отныѣ
 Не протяну руки мущинѣ!
 Кипридъ съ вами—не служу!
 И все презрѣнье къ вамъ, безгласнымъ,
 Къ вамъ, каплунамъ трусливо-страстнымъ,
 На вашемъ богѣ докажу!»

И вдругъ, на страхъ и диво пиру,
 Она къ Приану подошла
 И плюнула въ лицо кумиру,
 И свергла на полъ со стола.
 И разошлись, краснѣя, гости,
 Кто отъ стыда, а кто отъ злости,
 И всякъ изъ нихъ съ собой унесъ
 Боязнь за будущей доносъ.
 Лишь Гиперидъ остался съ Фриной,
 Но какъ ни льстилъ у милыхъ ногъ, —

Въ разгадку выпытать не могъ
 Отъ ней оны мысли ни единой,
 И въ эту ночь изъ милыхъ глазъ,
 Встрѣчалъ насильшку и отказъ!..

II.

Враговъ у Фрини есть не мало,
 А Эвтій—первый: драгъ архонтъ, —
 Но переплыть бы Геллеспонтъ,
 Кажись, готовъ, во что бъ ни стало,
 Лишь только бъ Фрину погубить
 За то, что та не отвѣчала
 Ему, когда ханжа сначала
 Хотѣлъ любовь ея купить.

* * *

И вотъ, на утро, всё Аѳины
 Ужъ возмутилъ поступокъ Фрини,
 И къмъ-то сдѣланный доносъ
 Въ совѣтъ мужей Ареопага
 На разсмотрѣнье Эвтій внесъ,
 А съ нимъ предстала на допросъ
 И жесвидателей ватага.

Предъ царскимъ портикемъ народъ,
 Повсюду говоръ, нареканья:
 «О, горе! намъ зевесъ пошлетъ
 Теперь за Фрину воздаянье!» —
 Кричатъ вездѣ и наказанья
 Преступницѣ не медля ждуть,
 Чтобъ предъ лицомъ Ареопага,
 Пока въ нихъ къ мести есть отвага,
 Начать въ ночи народный судъ.

III.

Темница... Слабый свѣтъ лампы
 Неровно брезжетъ по стѣнамъ...
 Глухіе своды и аркады
 Уходятъ въ мракъ... То здѣсь, то тамъ

Вдругъ нетопырѣ, на свѣтъ наткнувшись,
 Въ гранитъ ударится крыломъ
 И въ тѣмѣ исчезнетъ. И очнувшись,
 Вся вздрогнетъ узница... Кругомъ
 Все такъ мертво, а за оградой
 Слышны народа голоса,
 Но не участвуемъ, не пощадой
 Тебѣ звучать они, Элладой
 Обожествленная краса!..

И въ этомъ мракѣ, у колоны,
 Подъ отдаленный гулъ толпы,
 Сдавая въ груди и страхъ, и стоны,
 Объ васъ, республики столпы,
 Теперь мечтаетъ грустно Фрина:
 Ужели вы, кому въ сто кратъ
 Милѣй общественныхъ наградъ
 Была одна ея лишь мина,
 Кому капризъ иль даже взглядъ
 Одинъ ея закономъ были,
 Кто какъ блаженству былъ бы радъ
 Ея единой ласкѣ,—вы ли
 Надъ ней свершите приговоръ?!..
 И не содрогнетесь, и взоръ
 Не помутится отъ боязни,
 Когда въ минуту лютой казни,
 На камни острые къ волнамъ
 Ее палачъ съ утеса сбросить?!
 Народъ ей жизни не испросить!
 А вы пойдете послѣ въ храмъ
 Съ благодареніемъ богамъ...
 Не можетъ быть!..

Но вотъ затворы

Гремятъ,—и двери отперлись:
 Въ послѣдній разъ сюда сошлись
 Рабыни Фрины; только взоры
 Ихъ не надеждой, но тоской
 И погребальной слезой
 Горѣли;—значить, нѣтъ пощады!..
 Пора на судъ. Въ послѣдній разъ

Рабыни лучшіе наряды
 Ей подають въ предсмертній часъ —
 И безъ слезы, и безъ надежды
 Она въ роскошныя одежды,
 Какъ жрица страсти облеклась,
 И волны косъ откинувъ смѣло,
 Вдоль по плечамъ ихъ развила
 И благовонія на тѣло
 Какъ передъ пиромъ пролила.

IV.

Взошла на небо ночь Эллады,
 Дыханьемъ розъ напоена:
 Молчать Эгейская волна,
 За то въ садахъ звучать цикады;
 И дремлютъ, строги и горды,
 Осеребренные порталы,
 И стройныхъ тополей ряды,
 И тамъ, вдали, поля и скалы...
 Полны волшебной красоты
 Колонны, храмы и чертоги,
 И луннымъ блескомъ съ высоты
 Залиты мраморные боги.
 И что жъ!.. казалось бы, въ сердца
 Такая ночь влила бы счастье,
 И все прощенье и участие
 Зажгла бы въ людяхъ безъ конца,
 А между тѣмъ—сошлись Аѳины
 Предъ царскимъ портикомъ и ждуть
 Чѣмъ кончатъ гелиасты судъ
 И жаждутъ казни—казни Фрины.

Въ защиту Фрины говорить
 Ораторъ славный Гиперидъ —
 Ея любовникъ. Но подъ сводомъ,
 Склонясь къ колоннѣ на гранитъ,
 И предъ судомъ, и предъ народомъ
 Она безмолвная стоитъ.
 И тщетно все: не умолимы
 Ни гелиасты, ни народъ

И только злобою палимы,
 Сулят ей смерть. И не спасетъ
 Ее горячій голосъ друга!..
 На жалость ихъ не преклоняетъ
 Ни скорбь предсмертнаго испуга,
 Ни обѣдной жертвы робкій взглядъ —
 Ея раскаянье и горе,
 Ни эта ночь, ни это море
 Въ далекомъ золотѣ лучей,
 Ни лунный свѣтъ на формахъ статуй
 И на колоннахъ Пропилей!
 «Ничто не властно—и не ратуй
 За Фрину лживо, Гиперидъ!»
 Реветь народъ—и судъ рѣшенье:
 «Казнить преступницу» гласить.

Но вдругъ съ виновной въ то жъ мгновенье
 Покровы сорваны долой —
 И предъ толпою пораженной,
 Предстала Фрина обнаженной,
 Какъ мраморъ залита луной,

—«Казнить богиню!.. О, ужели
 И вы бѣ могли, и вы бѣ посмѣли
 Такое тѣло измозжить?!
 Скорѣй, народъ, во прахъ предъ нею,
 Твое безумство замолитъ!»
 И предъ Кипридою своею
 Ораторъ, гордый торжествомъ,
 Поникъ увѣнчаннымъ челомъ, —
 И съ нимъ народъ въ священномъ страхѣ
 За преступленіе свое,
 Склоняся предъ Фриною во прахъ,
 Взиралъ съ восторгомъ на нее.
 И Фрина, гордая, подъ сводомъ
 Склоняся къ колоннѣ на гранитъ,
 И предъ судомъ, и предъ народомъ
 Вся лучезарная стоитъ, —
 А формы, полныя красотою
 И нѣгой жизни молодой,

Блестая гордой наготою,
 Благоухали предъ толпой...

* * *

И красотѣ народъ-художникъ
 Прощенье полное изрекъ
 И даже въ честь ея обрекъ
 Во храмѣ жертвенный треножникъ,—
 И тамъ вознесъ на пьедесталъ
 Съ богами статую Гетеры,
 Гдѣ Пракситель въ чертахъ Клееры
 Нагую Фрину изваялъ;
 И въ воздаянье за свободу
 Присуждено ей: въ мѣсяцъ разъ
 Въ окнѣ являться на показъ
 Разоблаченною—народу.

1862.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

ПРИБЛЮЧЕНІЯ ФИЛИППА

ВЪ ЕГО СТРАНСТВОВАНІЯХЪ ПО СВѢТУ.

РОМАНЪ ТЭККЕРЯ.

ГЛАВА I.

Докторъ Фелль.

— Не ухаживать за роднымъ сыномъ, когда онъ болѣнъ! сказала моя мать. — Она не заслуживаетъ имѣть сына!

И произнося это исполненное негодованія восклицаніе, мистриссъ Пенденнисъ взглянула на своего собственнаго и единственнаго любимца. Когда она взглянула на меня, я зналъ, что происходило въ ея душѣ. Она нянчила меня, одѣвала въ длинныя платья и въ маленькіе чепчики, въ первую курточку и въ панталончики. Она не отходила отъ моей постели во время моихъ дѣтскихъ и юношескихъ болѣзней. Она берегла меня всю жизнь, она прижимала меня къ сердцу съ безконечными молитвами и благословеніями. Ее уже нѣтъ съ нами чтобы благословлять насъ и молиться; но и оттуда, куда она переселилась, я знаю, что ея любовь слѣдитъ за мною и часто, часто думаю, что она и теперь здѣсь—только невидимо.

— Мистрисъ Ферминъ была бы совершенно безполезна, заворчалъ докторъ Гуденовъ.— Съ ней сдѣлалась бы истерика, и сидѣлкѣ пришлось бы ухаживать за двумя больными вмѣсто одного.

Отд. I.

— Уж не говорите этого *миль*! вскричала моя мать, вспыхнув.— Неужели вы думаете, что еслибы этот ребенок (разумеется она говорила о своемъ неважномъ) былъ болѣнъ, я не пошла бы къ нему?...

— Милая моя, еслибы этотъ ребенокъ былъ голоденъ, вы изрубили бы вашу голову, чтобы сдѣлать ему бульонъ, сказалъ докторъ, прихлебывая чай.

— Potage à la bonne femme, сказалъ мистеръ Пенденнисъ.— Матушка у насъ бываетъ онъ въ клубѣ. Васъ сварили бы съ молокомъ, яйцами и овощами. Васъ поставили бы кипѣть на нѣсколько часовъ въ глиняномъ горшкѣ и...

— Не говорите такихъ ужасовъ, Артуръ! вскричала одна молодая дѣвица, бывшая собесѣдницей моей матери въ тѣ счастливые дни.

— И людямъ, которые васъ знали, вы очень показались бы вкусны.

Дядя мой поглядѣлъ такъ, какъ будто не понялъ этой аллегоріи.

— О чемъ вы говорите? potage à la—какъ это называется? сказалъ онъ.—Я думалъ, что мы говоримъ о мистриссъ Ферминъ, что живетъ въ Старой Паррской улицѣ. Мистриссъ Ферминъ чертовски деликатная женщина, какъ всѣ женщины этой фамиліи. Мать ея умерла рано. Сестра, мистриссъ Тунсенъ, очень деликатна. Она можетъ быть столько же полезна въ комнатѣ больного, сколько можетъ быть полезна быкъ въ фарфоровой лавкѣ—ей-Богу! да еще она, пожалуй, заразится.

— Да вѣдь и вы, пожалуй, заразитесь, маіоръ! закричалъ докторъ. Вѣдь вы говорите со мною, а я только-что отъ больного мальчика? Дерзайте подалеже, а то я васъ укушу.

Старый джентльменъ немножко отодвинулъ свой стулъ.

— Ей-Богу, этимъ нечего шутить, сказалъ онъ—я зналъ людей заразившихся горячкой въ лѣта постарше моихъ. Покрайней мѣрѣ этотъ мальчикъ не сынъ мнѣ, ей-Богу! Я обѣдаю у Фермина, который взялъ жену изъ хорошей фамиліи, хотя онъ только докторъ и...

— А позвольте спросить, кто былъ мой мужъ? вскричала мистриссъ Пенденнисъ.

— Только докторъ, подхватилъ Гуденовъ.—Мнѣ очень хочется сію же минуту заразить маіора скарлатиной!

— Отецъ мой былъ докторъ и аптекаръ, такъ я слышалъ, сказалъ сынъ вдовы.

— Ну, такъ что жъ изъ этого? Хотѣлось бы мнѣ знать... развѣ чело-
вѣкъ одной изъ самыхъ древнихъ фамилій въ королевствѣ не имѣетъ

права занимать ученую, полезную, благородную профессію. Братъ мой Джонъ былъ...

— Докторъ! сказалъ я со вздохомъ.

Дядя мой поправилъ свои волосы, поднесъ носовой платокъ къ зубамъ и сказалъ:

— Вадоръ, пустяки—терѣбніе потеряешь съ этими личностями, ей-Богу! Фэрминъ, конечно, докторъ—также какъ и вы—также какъ и другіе; но Фэрминъ воспитанникъ университета и джентльмэнъ. Фэрминъ путешествовалъ, Фэрминъ дружитъ съ лучшими людьми въ Англии, ваялъ жемчугъ изъ первѣйшей фамилии. Ей-Богу, сэръ, неужели и вы предполагаете, что женщина, воспитанная въ роскоши, въ Рингудскомъ отели, въ Вальпольской улицѣ, гдѣ она была самовластной госпожей, ей-Богу—неужели вы предполагаете, что такая женщина годится въ сидѣлки къ больному? Она никогда не годилась для этого и ни для чего, кромѣ... (тутъ маіоръ увидалъ улыбки на физиономіяхъ нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей) кромѣ, я говорю, того, чтобы занимать первое мѣсто въ Рингудскомъ отели, и украшать общество м тому подобное. И если такая женщина вздумала убѣжать съ докторомъ своего дяди и выдти за человѣка ниже ея званіемъ—ну, я не вижу, чтобы это было смѣшно, будь я повѣшенъ, если вижу!

— Итакъ она остается себѣ на островѣ Уайтъ, между тѣмъ какъ бѣдный мальчикъ въ школѣ, сказала со вздохомъ моя мать.

— Фэрминъ долженъ тамъ оставаться. Онъ лечитъ великаго герцога. Тотъ не можетъ быть спокоенъ безъ Фэрмина; онъ далъ ему орденъ Лебеда. Они ворочаютъ всѣмъ въ высшемъ свѣтѣ, и я готовъ держать съ вами пари, Гуденовъ, что мальчикъ, котораго вы лечите, будетъ баронетомъ—если вы не уморите его вашими проклятыми микстурами и пилюлями, ей-Богу!

Докторъ Гуденовъ только нахмурилъ свои большія брови.

Дядя мой продолжалъ:

— Я знаю, что вы хотите сказать. Фэрминъ настоящій джентльмэнъ по наружности—красавецъ. Я помню его отца, Бранда Фэрмина, въ Валенсеннѣ съ герцогомъ іоркскимъ. Брандъ былъ одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ Европѣ. Его прозвали головой, онъ былъ рыжій, страшный дуэлистъ, застрѣлилъ одного ирландца, остепенился потомъ, и все-таки поссорился съ своимъ сыномъ, который чертовски кутилъ въ молодости. У Фэрмина, конечно, наружность джентльменовская: черные волосы... Отецъ былъ рыжій. Тѣмъ лучше для доктора; но, но мы понимаемъ другъ друга, я думаю, Гуденовъ! Намъ съ вами приходилось видѣть разныя разности въ нашей жизни.

Старикъ подмигнулъ и понюхалъ табакъ.

— Когда вы возили меня къ Феррину въ Шаррокую уличу, сказали мистеръ Пенденисъ своему дядѣ, я нашелъ, что домъ не очень веселъ, а хозяйка не очень умна, но всё они были чрезвычайно добры и мальчика я очень люблю.

— Его любить и дядя его матери, лордъ Рингудъ, вскричалъ майоръ Пенденисъ. Этотъ мальчикъ примирилъ свою мать съ ея дядей, послѣ ея замужства. Вы вѣрно знаете, что она убѣжала съ Ферриномъ, моя милая?

Матушка сказала, «она слышала что-то объ этой исторіи». И майоръ опять увѣрилъ, что докторъ Ферринъ былъ сумасбродный молодой человѣкъ, двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ то время, о которомъ я пишу, онъ былъ врачомъ въ плеторическомъ госпиталѣ, докторомъ гранингенскаго великаго герцога и имѣлъ орденъ Чернаго Лебеда, былъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, мужемъ богатой жены и довольно значительной особой.

Что же касается до его сына, такъ какъ имя его красуется во главѣ этихъ страницъ, то вы можете догадаться, что онъ не умеръ отъ болѣзни, о которой мы сейчасъ говорили. За нимъ ухаживала хорошая сидѣлка, хотя мать его была въ деревнѣ. Хотя отецъ его былъ въ отсутствіи, но пригласили очень искуснаго доктора лечить юнаго больнаго и сохранить его жизнь для пользы его фамиліи и для этого разсказа.

Мы продолжали нашъ разговоръ о Филиппѣ Ферринѣ, его отцѣ, его дядѣ, графѣ, котораго майоръ Пенденисъ зналъ коротко, пока не доложили, что подана карета доктора Гуденофа, и нашъ добрый докторъ оставилъ насъ и воротился въ Лондонъ. Нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто разговаривалъ въ этотъ лѣтній вечеръ, уже нѣтъ на свѣтѣ, чтобы разговаривать или слушать. Тѣ, которые были молоды тогда, добрались до вершинны горы и спускаются уже къ долины тѣней.

— Ахъ!—сказалъ старый майоръ Пенденисъ, тряхнувъ своими темнорусыми кудрями, когда докторъ уѣхалъ—вы видѣли, моя добрая душа, когда я заговорилъ объ его confège, какъ угрюмъ вдругъ сдѣлался Гуденовъ? Они не любятъ другъ друга, моя милая. Двое людей одной профессіи никогда не сходятся между собою, и кромѣ того я не сомнѣваюсь, что и другіе товарищи врачи завидуютъ Феррину, потому что онъ живетъ въ лучшемъ обществѣ. Это человѣкъ хорошей фамиліи, моя милая. Уже было большое гарроchement, и если лордъ Рингудъ совершенно съ нимъ примирится, нельзя знать, какое счастье предстоить сыну Феррина.

Хотя, можетъ быть, докторъ Гуденовъ думалъ довольно презрительно о своемъ собратѣ, но большая часть публики высшего его уважала;

особенно въ маленькомъ обществѣ грей-фрайарскомъ (*), о которомъ навѣрное читатель слышалъ изъ прежнихъ сочиненій настоящаго бю-графа, докторъ Брандъ Фарминъ былъ очень большимъ фаворитомъ; его принимали тамъ съ большимъ уваженіемъ и почетомъ. Когда воспитанники въ этой школѣ бывали болыи обыкновенными дѣтскими подугами, ихъ лечилъ школьный аптекарь мистеръ Спрать; и простыми, хотя противными для вкуса лекарствами, бывшими въ употребленіи въ то время, почти всегда успѣвалъ возвращать здоровье своимъ юнымъ пациентамъ. Но если молодой лордъ Эгамъ (сынъ маркиза Эскота, какъ, вѣроятно, извѣстно моему почтенному читателю) дѣлался вседоровъ, а это часто случалось по милости большаго изобилія карманныхъ денегъ и неблагоразумнаго пристрастія къ кондитерскимъ произведеніямъ, или если въ школѣ случалась какая нибудь опасная болѣзнь, тогда тотчасъ посылали за знаменитымъ докторомъ Фарминомъ—и ужъ вѣрно болѣзнь была опасна, если онъ не могъ вылечить ее. Докторъ Фарминъ былъ школьнымъ товарищемъ и остался искреннимъ другомъ директора этой школы. Когда у молодаго лорда Эгама, уже упомянутаго (онъ былъ у насъ единственнымъ лордомъ и поэтому мы нѣсколько гордились нашимъ возлюбленнымъ юношей и берегли его) сдѣлалась рожа, отъ которой голова его раздулась какъ тыква, докторъ вылечилъ его отъ этой болѣзни, и первый воспитанникъ сказалъ ему привѣтствіе въ своей латинской рѣчи на публичномъ актѣ въ школѣ о его необыкновенныхъ познаніяхъ и о его божественномъ удовольствіи *salutem hominibus dando* (возвращать людямъ здоровье). Директоръ обернулся къ доктору Фармину и поклонился; учителя и важные господа начали перешептываться и глядѣли на него, воспитанники тоже глядѣли на него—докторъ склонилъ свою красивую голову къ своей машинкѣ. Его скромные глаза не поднимались съ бѣлой, какъ снѣгъ подкладки шляпы, лежавшей на его колѣняхъ. Шопотъ одобренія пробѣжалъ по старинной залѣ, зашумѣли новыя мундиры учителей, началось сморканье, когда ораторъ перешелъ къ другой темѣ.

Среди всеобщаго энтузіазма, только одинъ членъ въ аудиторіи выказалъ презрѣніе и несогласіе. Этотъ джентльманъ прошепталъ своему товарищу въ началѣ фразы, относившейся къ доктору: «пустяки!» и прибавилъ, грустно смотря на предметъ всѣхъ этихъ похвалъ:

— Онъ не понимаетъ этой латинской фразы. Впрочемъ это все вздоръ!

— Шигъ, Филь! сказалъ его другъ, и лицо Филиппа вскинуло, когда докторъ Фарминъ, поднявъ глаза, поглядѣлъ на него съ минуту;

(*) Школа, гдѣ прежде былъ монастырь картезианцевъ.

Пр. Перес.

потому что предметъ всёхъ этихъ похвалъ былъ никто иной, какъ отецъ Филя.

Болезнь, о которой мы говорили, давно прошла. Филиппъ уже не былъ школьникомъ, но находился второй годъ въ университетѣ и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими молодыми людьми, бывшими воспитанниками этой школы, явился на ежегодный, торжественный обѣдъ. Почести обѣда въ этомъ году принадлежали доктору Фермину, даже болѣе, чѣмъ лорду Эскоту съ его звѣздой и лентой, который вошелъ въ училищную церковь рука-о-бъ-руку съ докторомъ. Его снѣтъство растрогался, когда въ послѣобѣденномъ спичѣ намекнулъ на неоцѣненные услуги и искусство его испытаннаго стараго друга, который былъ его товарищемъ въ этихъ стѣнахъ (громкія восклицанія)—чья дружба была услудою его жизни—и онъ молился, чтобы эта дружба перешла въ наслѣдство къ ихъ дѣтямъ. (Громкія восклицанія, послѣ которыхъ заговорилъ докторъ Ферминъ).

Спичъ доктора былъ, можетъ статья, довольно обыкновененъ; латинскія цитаты его были не совсѣмъ новы; но Филю не слѣдовало такъ сердиться или такъ дурно вести себя. Онъ прихлебывалъ хересъ, глядѣлъ на своего отца и бормоталъ замѣчанія, вовсе не лестныя для его родителя.

— Посмотрите, говорилъ онъ:—теперь онъ растрогается. Онъ поднесетъ носовой платокъ къ губамъ и покажетъ свой брильянтовый перстень. Я вамъ говорилъ! Уже это черезъ-чуръ. Я не могу проглотить этого... этого хереса. Уйдемте-ка отсюда покурить куда нибудь.

Филь всталъ и вышелъ изъ столовой, именно въ ту минуту, когда отецъ его увѣрялъ, съ какой радостью, съ какой гордостью, съ какимъ восторгомъ думалъ онъ, что дружба, которою его благородный другъ удостоивалъ его, должна была перейти къ ихъ дѣтямъ, и что когда онъ оставитъ этотъ міръ (крики «нѣтъ, нѣтъ! Дай Богъ вамъ жить тысячу лѣтъ!») ему будетъ радостно думать, что сынъ его всегда найдетъ друга и покровителя въ благородномъ графскомъ домѣ Эскотъ.

Мы нашли экипажи, ожидавшіе насъ у воротъ школы, и Филиппъ Ферминъ, толкнувъ меня въ карету отца, приказалъ лакею ѣхать домой, говоря, что докторъ воротится въ каретѣ лорда Эскота. Мы отправились въ Старую Паррскую улицу, гдѣ много разъ ласково принимали меня, когда я былъ мальчикомъ. И мы удалились въ собственный пріютъ Филя на задней сторонѣ огромнаго дома, курили сигары и разговаривали объ училищной годовщинѣ и о произнесенныхъ рѣчахъ, и о бывшихъ воспитанникахъ нашего выпуска, и о томъ, какъ Томпсонъ женился, а Джонсонъ поступилъ въ армію, а Джэксонъ (не рыжій Джэксонъ съ глазами какъ у свиньи, а другой) былъ первымъ

на экзаменѣ и такъ дажѣ; мы весело занимались этой болтовней, когда отецъ Филъ растворилъ высокую дверь кабинета.

— Вотъ и отецъ! заворчалъ Филъ—что ему нужно? прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

«Отецъ» когда я взглянулъ на него, былъ не весьма приятнымъ предметомъ для зрѣнша. У доктора Фермина были очень бѣлые фальшивые зубы, которые, можетъ статья, были нѣсколько велики для его рта, и зубы эти какъ-то свирѣпо оскалились при газовомъ свѣтѣ. На щекахъ его были черные бакенбарды, и надъ сверкающими глазами свирѣпыя черныя брови, и плѣшивая голова лоснилась, какъ бильярдный шаръ. Вы едва узнали бы въ немъ оригинала того угрюмо-философическаго портрета, которымъ всѣ пациенты восхищались въ приемной доктора.

— Я узналъ, Филиппъ, что ты взялъ мою карету, сказалъ отецъ:— и мы съ лордомъ Эскотомъ должны были идти пѣшкомъ до извозчика,

— Развѣ у него не было кареты? Я думалъ, что, разумѣется, у него будетъ свой экипажъ въ такой праздничный день, и что- вы придете домой съ лордомъ, сказалъ Филиппъ.

— Я обѣщалъ завезти его домой, сэръ! сказалъ отецъ.

— Если такъ, сэръ, мнѣ очень жаль, коротко отвѣчалъ сынъ.

— Жаль! закричалъ отецъ.

— Я не могу сказать ничего болѣе, сэръ, и мнѣ очень жаль, отвѣчалъ Филъ и стряхнулъ въ каминъ пепель съ своей сигары.

Посторонній въ домѣ не звалъ, какъ глядѣть на хозяина и его сына. Между ними очевидно происходила какая нибудь ужасная ссора. Старикъ глядѣлъ сверкающими глазами на юношу, который спокойно смотрѣлъ въ лицо отцу. Злая ярость и ненависть сверкали изъ глазъ доктора, потому онъ бросилъ на гостя взглядъ дикой жалобной мольбы, который было очень трудно вынести. Среди какой мрачной семейной тайны находился я? Что значилъ исполненный ужаса гнѣвъ отца и презрѣнiе сына?

— Я, я обращаюсь къ вамъ, Пенденнисъ, сказалъ докторъ, задыхаясь и блѣдный какъ смерть.

— Начать намъ *ad ovo*, сэръ? сказалъ Филъ.

Опять выраженiе ужаса пробѣжало по лицу отца.

— Я, я обѣщаю завезти домой одного изъ первѣйшихъ вельможъ въ Англiи, задыхаясь, проговорилъ докторъ—съ публичнаго обѣда въ моей каретѣ, а мой сынъ беретъ ее и заставляетъ меня и лорда Эскота идти пѣшкомъ! Хорошо это, Пенденнисъ? Такъ-ли долженъ поступать джентльмэнъ съ джентльмэномъ; сынъ съ отцомъ?

— Нѣтъ, сэръ, сказалъ я серьезно:—это непростительно.

— Я действительно был оскорблен жестокостью и неповажением молодого человека.

— Я сказала вамъ, что это была ошибка! закричалъ Филъ, покраснѣвъ — я слышалъ, какъ лордъ Эскотъ приказывалъ подать свою карету; я не сомнѣвался, что онъ отвезетъ отца моего домой. Ѣхать въ каретѣ съ лакеемъ на запяткахъ вовсе для меня не весело, я гораздо болѣе предпочитаю извозчика и сигару. Это была ошибка, я жалѣю объ этомъ—вотъ! Проживи я сто лѣтъ, я не могу сказать ничего больше.

— Если тебѣ жаль, Филиппъ, застоналъ отецъ:— этого довольно. Помните, Пенденнисъ, когда, когда мой сынъ и я не были на такой, на такой ногѣ...

Онъ взглянулъ на портретъ, висѣвшій надъ головою Фила—портретъ матери Фила, той самой леди, о которой моя мать говорила въ тотъ вечеръ, когда мы разговаривали о болѣзни мальчика. Обѣихъ дамъ уже не было теперь на свѣтѣ, и образъ ихъ остался только нарисованной тѣнью на стѣнѣ.

Отецъ принялъ извиненіе, хотя сынъ вовсе не извинялся. Я взглянулъ на лицо стараго Фермина, на характеръ, нарисанный на немъ. Я вспомнилъ такія подробности его исторіи, какія были разсказаны мнѣ и очень хорошо припоминалъ то чувство недовѣрія и отвращенія, которое пробѣжало въ душѣ моей, когда я въ первый разъ увидалъ красивое лицо доктора, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда дядя мой въ первый разъ отвезъ меня къ доктору въ Старую Паррскую улицу—маленькій Филъ былъ тогда бѣлокурый, хорошенькимъ ребенкомъ, который только что надѣлъ первые панталончики, а я былъ въ пятомъ классѣ въ школѣ.

Отецъ мой и докторъ Ферминъ были членами медицинской профессіи. Они воспитывались въ той самой школѣ, куда родители посылали своихъ сыновей изъ поколѣнія въ поколѣніе и задолго до того какъ узнали наконецъ, что это мѣсто нездорово. Кажется, во время чумы тамъ много было похоронено людей. Но еслибы эта школа находилась и въ самомъ живописномъ англійскомъ болотѣ, общее здоровье мальчиковъ не могло бы быть лучше. Мы мальчики только слышали всегда объ эпидеміяхъ, случавшихся въ другихъ школахъ, и почти жалѣли, зачѣмъ онѣ не переходятъ къ намъ, чтобы мы могли запереться и подольше погулять. Даже болѣзни, которая впоследствии случилась съ Филемъ Ферминомъ, не перешла ни къ кому другому—все мальчики по счастью уѣхали домой на праздники въ тотъ самый день, когда занемогъ бѣдный Филъ; но объ этой болѣзни мы скажемъ болѣе впоследствии. Когда рѣшили, что маленький Филъ Ферминъ бу-

дети отдавъ въ эту школу, отецъ Филья вспомнилъ, что у маіора Пенденисса, котораго онъ встрѣчалъ въ свѣтѣ и въ обществѣ, былъ тамъ племянникъ, который могъ защищать мальчика и маіоръ отвезъ своего племянника къ доктору и мистриссъ Фарминъ въ одно воскресенье послѣ обѣдни, и мы завтракали въ Старой Паррской улицѣ, а потомъ маленькій Филь былъ представленъ мнѣ, и я обѣщалъ взять его подъ свое покровительство. Это былъ простой, безыскусственный ребенокъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о достоинствѣ воспитанника пятаго класса. Онъ безъ всякаго страха говорилъ со мною и съ другими и остался такимъ на всегда. Онъ спросилъ моего дядю, отчего у него такіе странные волосы. Онъ свободно бралъ лакомства за столомъ. Я помню, что разъ или два онъ ударилъ меня своимъ кулачкомъ, и эта вольность сначала поразила меня изумленіемъ, а потомъ мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ смѣшно, что я громко расхохотался. Видите, это было все равно, какъ еслибы какой нибудь иностранецъ толкнулъ Папу въ бокъ и назвалъ его «старикашкой, или еслибы Джэкъ (*) дернулъ за носъ великана, или еслибы прапорщикъ пригласилъ герцога Веллингтона выпить съ нимъ вина. Даже въ тѣ ранніе годы я живо чувствовалъ юморъ и меня чрезвычайно позабавила эта штука.

— Фильппъ! закричала мамъ:—ты ушибешь мистера Пенденисса.

— Я съ ногъ его свалю! вскрикнулъ Филь.

Представьте! онъ собѣтъ съ ногъ *меня* — *меня*, воспитанника пятаго класса.

— Этотъ ребенокъ настоящій Геркулесъ, замѣтила мать.

— Онъ задушилъ двѣ змѣи въ колыбели, замѣтилъ докторъ, глядя на меня.

Тогда-то, какъ я помню, онъ представился мнѣ докторомъ Феллемъ (**).

(*) Герой дѣтской повѣсти подъ названіемъ: *Джэкъ убійца великановъ*. Пр. персв.

(**) У англичанъ есть эниграмма:

I do not like you doctor Fell,
The reason why I cannot tell,
But this alone I know full well,
I do not like you doctor Fell.

(Я не люблю тебя, докторъ Фелль, не могу сказать по какой причинѣ, но только это я знаю очень хорошо, что я не люблю тебя, докторъ Фелль). Это подражаніе латинской эниграммѣ Марціала:

«Non amo te, Sabidi non possum dicere quare,
Hoc tantum repets: non amote, Sabidi».

Прим. персв.

— Навью, докторъ Ферминъ! закричала мамъ—я терять не могу зѣй. Я вижу, я видѣла зѣю въ Римѣ, когда мы гуляли однажды большую, огромную зѣю; какая она была противная—я закричала и чуть не упала въ обморокъ; я читала, что ихъ заговариваютъ въ Индїи, навѣрно и вы читали, мистеръ Пенденнисъ; мнѣ говорили, что вы очень свѣдущи, а я такъ вовсе нѣтъ, а мнѣ бы очень хотѣлось... но за то мужъ мой очень свѣдущъ, и Филь будетъ со временемъ. Ты будешь очень свѣдущій мальчикъ, дружокъ? Онъ былъ названъ въ честь моего милого панъ, который былъ убитъ при Бусако, когда я была совсѣмъ, совсѣмъ маленькая и мы носили трауръ, а потомъ насъ взялъ къ себѣ дядюшка Рингудъ; но у Марин и у меня было свое собственное состояніе, и я ужъ никакъ не думала, что выйду за доктора, мнѣ точно также могло бы прѣдти въ голову выдти замужъ за грума дядюшки Рингуда! Но знаете, мужъ мой одинъ изъ талантливейшихъ людей *на свѣтѣ*. Ужъ не говори — это такъ, дружокъ, ты самъ это знаешь; а когда человекъ талантливъ, я ни во что ставлю его званіе, я всегда говорила дядюшкѣ Рингуду: «Я выду за талантливаго человѣка, потому что я обожаю талантливыхъ людей;» и вышла за тебя, докторъ Ферминъ, ты это знаешь—а этотъ ребенокъ твой портретъ. Вы будете добры къ нему въ школѣ, сказала бѣдная леди, обернувшись ко мнѣ со слезами на глазахъ—талантливые люди всегда добры, кромѣ дядюшки Рингуда, онъ былъ очень...

— Не хотите ли еще вина, мистеръ Пенденнисъ? спросилъ докторъ—все-таки докторъ Фелль, хотя онъ былъ очень ласковъ ко мнѣ. — Я отдаю этого мальчугана на ваше попеченіе, я знаю, что вы побережете его. Я надѣюсь, что вы сдѣлаете намъ удовольствіе приходить въ Паррскую улицу, когда будете свободны. При жизни моего отца, мы обыкновенно приходили домой изъ школы по субботамъ и отправлялись въ театръ.

И докторъ дружески пожалъ мнѣ руку. Я долженъ сказать, что во все время моего знакомства съ нимъ, онъ постоянно былъ ко мнѣ добръ. Когда мы ушли, мой дядя Пенденнисъ—разоказалъ мнѣ множество исторій о графѣ и фамиліи Рингудъ, и какъ докторъ Ферминъ женился—женился по любви на этой леди, дочери Филиппа Рингуда, который былъ убитъ при Бусако; и какая она была красавица, и *grande dame* всегда, и если не самая умная, то конечно самая добрая и любезная женщина на свѣтѣ.

Въ то время я привыкъ принимать мнѣніе моего дяди съ такимъ уваженіемъ, что и эти свѣдѣнія принялъ за подлинныя. Портретъ мистриссъ Ферминъ дѣйствительно былъ прекрасенъ; его рисовалъ мистеръ Гарло въ тотъ годъ, какъ онъ былъ въ Римѣ и когда въ восемнад-

цять дней кончать конію съ Преображеніи, къ восторгу всей академіи; но я съ своей стороны, только помню слабую, худощавую, увидшую леди, которая выходила изъ своей уборной всегда чрезвычайно поздно, и устарѣли улыбки и гримасы которой всегда подстрекали мой шешескій юморъ. Она обыкновенно цѣловала Филъ въ лобъ, и держа руку мальчика въ своей худощавой рукѣ, говорила:

— Кто бы подумалъ, что такой большой мальчикъ мой сынъ?

— Будьте добры къ нему, когда меня не станетъ, сказала она мнѣ со вздохомъ въ одинъ воскресный вечеръ, когда я прощался съ нею, и глаза ея наполнились слезами, и она въ послѣдній разъ протинула мнѣ свою исхудалую руку.

Докторъ, читавшій у камина, обернулся и нахмурился на нее изъ подъ своего высокаго лоснящагося лба.

— У тебя нервы разстроены, Луиза, ты лучше ступай въ свою спальню, я ужъ говорилъ тебѣ, сказалъ онъ рѣзко.— Юные джентльмены, вамъ пора отправляться въ Грей-Фрайерсъ. Извозчикъ у дверей, Брейсъ?

И онъ вынулъ свои часы, большіе блестящіе часы, по которымъ онъ шупалъ пульсъ столькихъ знаменитыхъ особъ, которыхъ его удивительное искусство спасло отъ смерти. При разставаніи Филъ обнялъ свою бѣдную мать и поцаловалъ ее подъ гляцизовитыми локонами, локонами накладными; и рѣшительно взглянулъ въ лицо отцу (взглядъ котораго обыкновенно опускался передъ взглядомъ мальчика), и угрожно простился съ нимъ, прежде чѣмъ мы отправились въ Грей-Фрайерсъ.

ГЛАВА II.

Въ школѣ и дома.

Я обѣдалъ вчера съ тремя джентльменами, возрастъ которыхъ можно было угадать по ихъ разговору, состоявшему по бѣльшей части изъ воспоминаній объ Итонѣ и насмѣшекъ надъ докторомъ Китомъ (*). Каждый, описывая, какъ его сѣли, подражалъ всѣми силами манерѣ и способу операціи знаменитаго доктора. Его маленькія замѣчанія во время этой церемоніи припоминались съ чрезвычайною шутливостью, даже свистъ розогъ пародировался съ удивительной вѣрностью; и послѣ довольно продолжительнаго разговора, началось описаніе той ужас-

(*) Бывшій директоръ Итонской школы. *Пр. перве.*

ней ночи, когда докторъ съезжалъ цѣлую толпу мальчишекъ съ постелей и съелъ цѣлую ночь, и мерещкъ Богъ знаетъ сколько нителкинокъ. Всѣ эти взрослые люди сибѣлись, болтали, радовались и опять намолодѣли, разсказывая эти исторіи; каждый изъ нихъ искренно и убѣдительно просилъ посторонняго понять, что Китъ былъ настоящий джентльмэнъ. Поговоривъ о докторѣ Китѣ, покрайней мѣрѣ съ частъ, они заминались передо мной, что распространялись о предметѣ интересномъ только для нихъ, но, право, разговоръ ихъ чрезвычайно занималъ и забавлялъ меня, и я готовъ выслушать опять всѣ ихъ веселыя исторійки.

Но сердись, мой снисходительный читатель, если я разболтался о Грей-Фрайерсѣ, и опять изъ этой старинной школы беру героевъ нашего разсказа. Мы бываемъ молоды только разъ въ жизни. Когда мы вспоминаемъ молодость, мы еще молоды. Тотъ, надъ чьей головой проносились восемь или девять дюстръ, если желаетъ писать о мальчишкахъ, долженъ вспоминать то время, когда онъ самъ былъ мальчишкой. Привычки ихъ мѣняются; галия ихъ становится или длиннѣе, или короче, воротнички ихъ торчатъ больше или меньше, но мальчикъ все-таки мальчикъ и въ царствованіе короля Георга, и въ царствованіе его августѣйшей пюмниницы, когда-то нашей дѣвственной королевы, а теперь заботливой матери многихъ сыновей. И мальчики честны, веселы, лѣшвы, шаловливы, робки, храбры, прилежны, эгомстичны, великодушны, малодушны, лживы, правдивы, добры, злы и теперь какъ прежде; тотъ съ кѣмъ мы больше всего будемъ имѣть дѣла, уже джентльмэнъ арѣлыхъ лѣтъ, прогуливающейся по улицѣ съ своими собственными мальчишками. Онъ не погибнетъ въ послѣдней главѣ этихъ мемуаровъ, не умретъ отъ чахотки; его возлюбленная не будетъ плакать возлѣ его постели, онъ не застрѣлится съ отчаянія, потому что она убѣжитъ съ его соперникомъ, не убьется, вылетѣвъ изъ гига, не будетъ никакимъ другимъ образомъ убитъ въ послѣдней главѣ. Нѣтъ, нѣтъ, у насъ не будетъ печальнаго конца: Филиппъ Фарминъ здоровъ и веселъ до этой минуты, не долженъ никому ни шидинга и можетъ совершенно спокойно попивать свой портвейнъ. Итакъ, любезная миссъ, если вы желаете чахоточнаго романа — этогъ для васъ негодится. Итакъ, юный джентльмэнъ, если вы любите меланхолю, отчаяніе и сардоническую сатиру, сдѣлайте одолженіе возьмите какую нибудь другую книгу. Что у Филиппа будутъ свои невпритности—это разумѣется само собой; дай Богъ, чтобы они были интересны, хотя не будутъ имѣть печальнаго конца! Что онъ будетъ падать и спотыкаться на своемъ пути иногда — это ужъ непременно. Да и съ кѣмъ этого не случает-

ся на нашую жизненную путя! Не вызнать ли какое несчастіе оосрадаіи нашіи ближних и такимъ образомъ не вывести ли добра изъ зла? Когда путешественникъ (о которомъ говорилъ Іисусъ) попалъ въ руки разбойниковъ, его несчастіе тронуло много сериць—продъ его собственнаго—разбойниковъ, изранившихъ его, левита и септеииника, которые прошли мимо него, когда онъ лежалъ, обливаясь кровью, смиреннаго самарянина, чья рука обила масломъ его раны.

И такъ Флиппа Фермина отвезла въ школу его маія въ своей каретѣ; она умоляла ключицу имѣть особенное попеченіе объ этомъ ангельчикѣ, а только-что бѣдная лави повернулась къ ней спиной—мистриссъ Бѣнсъ опорожнила чемоданъ мальчика въ одинъ изъ шестидесяти или семидесяти маленькыхъ шапковъ, гдѣ лежали одежда и раныя мелочи другихъ воспитаниковъ; потомъ мистриссъ Ферминъ желала увидаться съ мистеромъ К., въ домѣ котораго Ферминъ долженъ былъ имѣть квартиру со столомъ, и просила его, и объясняла ему много-много, какъ напримѣръ, чрезвычайную деликатность слагонія ребенка и проч. и проч.; мистеръ К., который былъ очень добродушенъ, ласково погладилъ мальчика по головь, и пошелъ за другимъ Флиппомъ, Флиппомъ Рингудомъ, кузеномъ Фила, который шѣхалъ въ Грей-Фрайерсъ часа за два передъ тѣмъ, и мистеръ К. велѣлъ Рингуду позаботиться о мальчикѣ; а мистриссъ Ферминъ, всхлиывая и закрываясь носовымъ платкомъ, пролепетала благословеніе ухилиающемуся юношѣ и хотѣла было дать мистеру Рингуду соверенъ, но оставилась, подумавъ, что онъ уже слишкомъ большой мальчикъ, и что ей не годится позволять себѣ такую смѣлость и тотчасъ ушла; а маленькаго Фила Фермина повели въ длинную комнату къ его товарищамъ въ домѣ мистера К.; у него было много денегъ и, натурально, на другой день послѣ классовъ онъ пробрался въ кандитерскую, но кузень Рингудъ встрѣтилъ его и укралъ у него половину купленныхъ пирожковъ. Черезъ двѣ недѣли гостепріимный докторъ и его жена пригласили своего юнаго родственника въ Старую Паррскую улицу, и оба мальчика отправились туда; но Филъ не упомянулъ своимъ родителямъ объ отнятыхъ пирожкахъ, можетъ быть его удержали страшныя угрозы кузена, который обѣщалъ оттузить его, когда они воротятся въ школу, если мальчикъ расскажетъ объ этомъ. Впослѣдствіи мистера Рингуда приглашали въ Старую Паррскую улицу раза два въ годъ; но ни мистриссъ Ферминъ, ни докторъ, ни мистеръ Ферминъ не любили сына баронета, а мистриссъ Ферминъ называла его запальчинымъ, грубымъ мальчикомъ.

А, съ своей стороны, внезапно и рано оставилъ школу и моего маленькаго protegé. Его бѣдная мать, обѣщавшая сама прѣзжать за

ниги каждую субботу, не сдержала своего обещанія. Сантафила да-
лее отъ Пиннадиала; а разъ сердитая мороза раздражала рогати
дверцу отъ кареты, заставивъ лакея сиргнуть съ занавою, прямо въ
свѣтлой хлѣбъ, и сама леди почувствовала такое испросеніе, что не уди-
вительно, если боялась послѣ ѣздить въ Сити. Это примеченіе она
часто рассказывала намъ. Анекдоты ея были немногочисленны, но она
рассказывала ихъ безпрестанно. Иногда въ воображеніи я могу слы-
шать ея непрерывную престою болтовню, видѣть ея слабыя глаза,
когда она лопетала безсознательно, и наблюдать за мрачными взгляда-
ми ея красиваго, молчаливаго мужа, хмурившаго свои брови и улы-
бавившагося сквозь зубы. Мнѣ кажется, онъ скрежеталъ этими зубами
иногда съ сдержанной яростью. Признаться, слышать ея безконечное
болтанье ему надо было имѣть большое терпѣніе. Можетъ быть онъ
дурно обращался съ нею, но она раздражала его. Она, съ своей сто-
роны, можетъ быть была не очень умная женщина, но она была доб-
ра по мнѣ. Не дѣлала ли она ключница для меня самыя лучшія торты,
не откладывала ли лакомствъ съ большихъ обѣдовъ для молодыхъ джентль-
меновъ, когда они прѣзжали изъ школы домой? Не давалъ ли мнѣ де-
негъ ея мужъ? Послѣ того какъ я видѣлъ доктора Фелли нѣсколько
разъ, первое неприятое впечатлѣніе, произведенное его мрачной фи-
зиономіей и злобшею красотой, исчезло. Онъ былъ джентльменъ. Онъ
жилъ въ большомъ свѣтѣ, о которомъ рассказывалъ анекдоты, восхи-
тительныя для мальчиковъ, и передавалъ мнѣ бутылку, какъ будто я
былъ взрослый мужчина.

Я думаю и надѣюсь, что я помнилъ приказаніе бѣдной мистриссъ
Фэринизъ быть добрымъ къ ея мальчику. Пока мы оставались вмѣ-
стѣ въ Грей-Фрайарсѣ я былъ защитникомъ Филиппа, когда ему было
нужно мое покровительство, хотя, разумѣется, я не могъ всегда нахо-
диться при немъ, чтобы избавлять маленькаго шалуна отъ всѣхъ уда-
ровъ, которые направлялись на его юное личико бойцами его роста.
Между нами было семь или восемь лѣтъ разницы (онъ говоритъ де-
сять—это вздоръ, я это опровергаю); но я всегда отличался моею лю-
безностью, и несмотря на разницу въ нашихъ лѣтахъ, часто любезно
принималъ приглашеніе его отца, который сказалъ мнѣ разъ навсег-
да, чтобы я бывалъ у него по субботамъ или воскресеньямъ, когда
только мнѣ хотѣлось проводить Филиппа домой.

Такое приглашеніе пріятно всякому школьнику. Уѣхать изъ Санта-
фила, и показать свое лучшее платье въ Бондской улицѣ всегда бы-
ло весело. Чванно рассказывать по парку въ воскресенье и кивать го-
ловой товарищамъ, которые тоже тамъ рассказывали, было лучше чѣмъ

оставаться въ школѣ «учиться по-гречески», какъ была поговорка, или ѣсть за обѣдомъ вѣчный ростбѣмъ и слушать двѣ проповѣди въ церкви. Въ Лондонѣ, можетъ быть, были болѣе веселыя улицы, чѣмъ Старая Паррская, но пріятнѣе было находиться тамъ нежели смотрѣть на какой-то закоулокъ черезъ стѣны Грей-Фрайирса; и такъ настоящій біографъ и покорнѣйшій слуга читателя находилъ домъ доктора Фермина пріятнымъ убѣжищемъ. Мама часто прихварывала, а когда была здорова, выѣзжала въ свѣтъ съ своимъ мужемъ, но для насъ мальчиковъ всегда былъ хорошій обѣдъ съ любимыми блюдами Фили; а послѣ обѣда мы отправлялись въ театръ, вовсе не считая унижительнымъ сидѣть въ партерѣ съ мистеромъ Брэйсомъ, довѣреннымъ слугою доктора. По воскресеньямъ мы отправлялись въ церковь, а вечеромъ въ школу; докторъ почти всегда давалъ намъ денегъ. Если онъ не обѣдалъ дома (а признаюсь, его отсутствіе не слишкомъ нортало наше удовольствіе), Брэйсъ клалъ конвертики съ деньгами на сюртуки молодыхъ джентльменовъ, а мы перекладывали это въ карманы. Кажется школьники пренебрегаютъ такими подарками въ настоящіе безжорыстныя времена.

Все въ домѣ доктора Фермина было такъ прекрасно, какъ только могло быть, однако какъ-то тамъ не было весело. На полиняломъ, турецкомъ коврѣ шаговъ не было слышно; комнаты были большія и всѣ кромѣ столовой въ какомъ-то тускломъ полусвѣтѣ. Портретъ мистриссъ Ферминъ глядѣлъ на насъ со стѣны и слѣдовалъ за нами дикими глазами фіалковаго цвѣта. У Филиппа были такіе же странныя свѣтлыя фіалковые глаза и такіе же каштановые волосы; въ портретѣ они падали длинными беспорядочными прядями на плечи лѣди, облокотившейся голыми руками на арфу. Надъ буфетомъ висѣлъ портретъ доктора въ черномъ бархатномъ сюртукѣ съ мѣховымъ воротникомъ; рука его лежала на черепѣ, какъ Гамлета. Черепы быковъ съ рогами, перевитыми гирляндами (*), составляли веселое украшеніе карниза, на боковомъ столикѣ красовалась пара вазъ, подаренныхъ признательными пациентами; эти вазы казались скорѣе годными для похороннаго пепла, чѣмъ для цвѣтовъ или вина. Брэйсъ, буфетчикъ, важнымъ видомъ и костюмомъ походилъ на похороннаго подрядчика. Лакей тихо двигался туда и сюда, принося намъ обѣдъ; мы всегда говорили вполголоса за обѣдомъ.

— Эта комната не веселѣе утромъ, когда здѣсь сидятъ больные, увѣряю тебя, говаривалъ Филъ.

(*) Обыкновенный архитектурный орнаментъ. *Прим. перс.*

Дѣйствительно, мы могли легко вообразить, какъ она казалась печальна. Гостиная была обита обоями цвѣта ревеня (изъ привычки отца къ своему ремеслу, говорилъ мистеръ Филь), тамъ стоялъ рояль, арфа въ углу, въ кожаномъ футлярѣ, къ которой тожная хозяйка не прикасалась никогда; и лица всѣхъ казались блѣдными и испуганными въ большихъ зеркалахъ, которыя отражали васъ безпрестанно; такъ что вы исчезали далеко, далеко.

Старая Паррская улица была нѣсколько поколѣній мѣстомъ жительства докторовъ и хирурговъ. Мнѣ кажется, дворяне, для которыхъ эта улица назначалась въ царствованіе перваго Георга, бѣжали оттуда, находя сообщество слишкомъ печальнымъ, а джентльмены въ черныхъ сюртукахъ овладѣли позолоченными мрачными комнатами, которыхъ бросило модное общество. Эти измѣненія моды были всегда для меня предметомъ глубокаго соображенія. Почему никто не прочтетъ нравученій про Лондонъ, какъ про Римъ, Баальбекъ или Трою. Я люблю гулять между Евреями въ Уардоурской улицѣ, и воображать это мѣсто такимъ, какимъ оно было прежде, наполненнымъ портшезами и позолоченными колесницами, съ факелами, сверкавшими въ рукахъ бѣгущихъ слугъ. Я нахожу угрюмое удовольствіе при мысли, что Гольдингскій скверъ былъ когда-то пріютомъ аристократіи, а Монмутскую улицу любилъ модный свѣтъ. Что можетъ помѣшать намъ, лондонскимъ жителямъ, задумываться надъ упадкомъ и паденіемъ мірскихъ величій и читать нашу скудную мораль? Покойный мистеръ Гиббонъ размышлялъ о своей исторіи, облокотясь о колонну Капитолія: почему и мнѣ не задуматься о моей исторіи, прислонясь къ аркадѣ Пантеона? Не римскаго Пантеона, близъ площади Навона, гдѣ поклонялись безсмертнымъ богамъ—безсмертнымъ богамъ, которые однако умерли,—но Пантеона въ Оксфордской улицѣ, милостивыя государыни, гдѣ вы покупаете ноты, помаду, стекло и дѣтское бѣлье, и который также имѣетъ свою исторію. Развѣ не отличались тамъ Сельвинъ, Вальполь, Марчъ и Карлейль? Развѣ принцъ Флоризель не красовался въ этой залѣ въ своемъ домино, не танцевалъ тамъ въ напудреномъ великолѣпнѣи? А когда придверники не пустили туда хорошенькую Софію Бэддли, развѣ молодые люди, ея обожатели, не вынули своихъ рапиръ и не поклялись убить придверника, и, скрестивъ сверкающее оружіе надъ головою очаровательницы, не сдѣлали для нея торжественно арку, подъ которой она прошла, улыбающаяся, раздушенная и нарумяненная? Жизнь улицъ возложена на жизнь людей, и почему бы уличному проповѣднику не взять текстомъ своей проповѣди камни въ каваркъ? Ты была когда-то пріютомъ моды, о Монмутская улица! Не сдѣлать ли мнѣ изъ этой сладкой мысли текстъ для нравучительной рѣчи, и вызвать изъ этой раз-

важныя полочныя заключенія. Не вспомнить ли мнѣ блестящее общество, этой нѣкогда аристократической улицы и яркія ея иллюминаціи; какъ мы угощали здѣсь благородную юную компанію рыцарскихъ надеждъ и высокаго честолюбія, стыдливыхъ мыслей въ бѣлоснѣжной одеждѣ, безукоризненной и дѣвственной. Взгляните въ амбразуры окна, гдѣ вы сидѣли и смотрѣли на звѣзды, пріютившись возлѣ вашей первой возлюбленной, виситъ старое платье въ лавкѣ мистера Моза— оно продается очень дешево; изношенные, старые сапоги, запачканные Богъ знаетъ въ какой грязи—тоже очень дешево. Посмотрите на улицы, можетъ быть, когда-то усыпанной цвѣтами—нищие дерутся за гнилыя яблоки или валяется пьяная торговка. О, Боже! О мои возлюбленные слушатели! Я говорю вамъ эту обветшалую проповѣдь уже много лѣтъ. О, мои веселые собесѣдники, я выпилъ много чарокъ съ вами, и всегда находилъ *vanitas vanitatum* на днѣ бокала!

Я люблю читать нравоученія, когда прохожу мимо этого мѣста. Садъ теперь заглохъ, аллея заросла мхомъ, статуи стоятъ съ разбитыми носами, розы завяли, а соловьи перестали любиться. Старая Паррская улица, улица погребальная; экипажи проѣзжающіе здѣсь должны бы украшаться перьями, а дакен, отворяющіе двери этихъ домовъ, должны бы носить перезы—такъ это мѣсто поражаетъ васъ теперь, когда вы проходите по обширной, пустой мостовой. Вы желчны, мой добрый другъ. Ступайте-ка да заплатите гинею любому изъ докторовъ, которые живутъ въ этихъ домахъ; здѣсь есть еще доктора. Онъ пропишетъ вамъ лекарство. Господи помилуй! въ мое время для насъ, воспитанниковъ пятаго класса, это мѣсто было весьма сносно. Желтый лондонскій туманъ не нагонялъ сырость на наши души и не мѣшалъ намъ ходить въ театръ: смотрѣть на рыцарскаго Чарльза Кембля, на тебя, моя Мирабель, мой Меркуріо, мой Фалконбриджъ, на его восхитительную дочь (о мое сумашедшее сердце!), на классическаго Юнга, на знаменитаго Тома Коффина, на неземнаго Вандердеке-на. О, еслибы услышать опять эту пѣсню о «Пилигримѣ любви»! Разъ, но—тссъ! это секретъ—у насъ была ложа, пріатели доктора часто присылали намъ билеты, опера показалась намъ немножко скучной и мы отправились въ концертъ въ одинъ переулокъ, близъ Коvent-гардена, и слышали самыя восхитительныя круговыя пѣсни, сидя за ужиномъ изъ сосисекъ и рубленаго картофеля, такія круговыя пѣсни, какихъ свѣтъ никогда не слышалъ послѣ. Мы не дѣлали ничего дурнаго; но мнѣ кажется, это было очень дурно само по себѣ. Брэйсу буетчику не слѣдовало брать насъ туда, мы страшали его и заставляли насильно везти насъ, куда мы хотѣли. Въ комнатѣ ключницы мы пили ромъ съ апельсиновымъ сокомъ и сахаромъ, мы ходили туда наслаждаться об-

шестью буфетчиковъ изъ сосѣднихъ домовъ. Можетъ быть нехорошо, что насъ оставляли въ обществѣ слугъ. Докторъ Ферминъ уѣзжалъ на большіе вечера, а мистриссъ Ферминъ ложилась спать. «Поправилось вамъ вчерашнее представленіе?» спрашивалъ насъ хозяинъ за завтракомъ. «О, да, намъ понравилось представленіе!» Но моя бѣдная мистриссъ Ферминъ воображала, что намъ понравилась *Семирамида* или *Donna del Lago*; между тѣмъ какъ мы сидѣли въ партерѣ въ Адель-фи (на собственныя деньги), смотрѣли шутника Джона Рива, и хохотали, хохотали до слезъ—и оставались до тѣхъ поръ, пока занавѣсъ не опускался. А потомъ мы возвращались домой и, какъ прежде было сказано, проводили восхитительный часъ за ужиномъ и слушали анекдоты друзей мистера Брэйса, другихъ буфетчиковъ. Ахъ, вотъ право было времечко! Никогда не бывало никакихъ напитковъ такихъ вкусныхъ, какъ ромъ съ апельсиннымъ сокомъ и сахаромъ—никогда; какъ мы притихали, когда докторъ Ферминъ, возвращаясь изъ гостей, звонилъ у парадной двери! Безъ башмаковъ пробирались мы въ наши спальни. А къ утреннему чаю приходили мы съ самыми невнимательными лицами—и за завтракомъ слушали болтовню объ оперѣ мистриссъ Ферминъ, а за нами стоялъ Брэйсъ и лакей съ совершенно серьезнымъ видомъ—гнусные лицеисты!

Потомъ, сэръ, была дорожка изъ окна кабинета, или черезъ кухню по крышѣ, къ одному мрачному зданію, въ которомъ я провелъ восхитительныя часы, въ самомъ гнусномъ и преступномъ наслажденіи самыхъ чудныхъ маленькихъ гаванскихъ сигаръ, по одному шиллингу за десять штукъ. Въ этомъ зданіи бывали когда-то конюшни и сарай, безъ сомнѣнія занимаемые большими фламандскими лошадьми и позолоченными каретами временъ Вальпола, но одинъ знаменитый врачъ, поселившись въ этомъ домѣ, сдѣлалъ аудиторію изъ этого зданія.

— И эта дверь, сказалъ Филь, указывая на дверь, которая вела въ задній переулочекъ: была очень удобна, для того чтобы вносить и выносить *тала*.

Приятное воспоминаніе. Но теперь въ комнатѣ было очень мало подобнаго убранства, кромѣ ветхаго скелета въ углу, нѣсколькихъ гипсовыхъ моделей череповъ, стклянокъ на старомъ бюро и заржавленной сбруи на стѣнѣ. Эта комната сдѣлалась курительною комнатою мистера Филья; когда онъ выросъ, ему казалось униженнымъ для своего достоинства сидѣть въ кухнѣ: честный буфетчикъ и ключница сами указали своему молодому барину, что тамъ лучше сидѣть, нежели съ лакеями. Итакъ тайно и съ наслажденіемъ выкурили мы много отвратительныхъ сигаръ въ этой печальной комнатѣ, огромныя стѣны и темный потолокъ которой вовсе не были печальны для насъ, находившихъ запрещенныя удовольствія самыми сладостными, по нелѣ-

всему обыкновенію мальчиковъ. Докторъ Фарминъ былъ врагъ куренія и даже привыкъ говорить объ этой привычкѣ съ краснорѣчивымъ негодованіемъ.

— Эта привычка низкая, привычка извозчиковъ, посѣтителей кабаковъ и ирландскихъ торговковъ, говаривалъ докторъ, когда Филь и его другъ переглядывались съ тайной радостью.

Отецъ Филь былъ всегда надушенъ и опрятенъ—образецъ свѣтской чопорности. Можетъ быть, онъ яснѣе понималъ хорошія манеры, чѣмъ нравственность; можетъ быть, его разговоръ былъ наполненъ пошлостями (говорилъ онъ по большей части о модныхъ людяхъ) и меноучителенъ, обращеніе его съ молодымъ лордомъ Эганомъ довольно приторно и работливо. Можетъ быть, я говорю, въ голову молодого мистера Пенденниса приходила мысль, что его гостепріимный хозяинъ и другъ, докторъ Фарминъ, былъ попросту сказать старый враль; но скромные молодые люди не скоро приходятъ къ такимъ непріятнымъ заключеніямъ относительно старшихъ. Манеры доктора Фармина были такъ хороши, лобъ его былъ такъ высокъ, жабо такъ чисто, руки такъ бѣлы и тонки, что довольно долгое время мы простодушно восхищались имъ, и не безъ огорченія начали смотрѣть на него въ такомъ видѣ, какимъ онъ дѣйствительно былъ—нѣтъ, не такимъ каковъ онъ дѣйствительно былъ—ни одинъ человекъ, получившій доброе воспитаніе съ раннихъ лѣтъ не можетъ судить совершенно безпристрастно о человекѣ, который былъ добръ къ нему въ дѣтствѣ.

Я неожиданно оставилъ школу, разставшись съ моимъ маленькимъ Фильемъ, славнымъ, красивымъ мальчикомъ, нравившимся и старымъ, и молодымъ своей миловидностью, веселостью, своимъ мужествомъ и своей джентльменовской осанкой. Изрѣдка отъ него приходило письмо, исполненное той безыскусственной привязанности и нѣжности, которыя наполняютъ сердца мальчиковъ и такъ трогательны въ ихъ письмахъ. На эти письма давались отвѣты съ приличнымъ достоинствомъ и снисхожденіемъ со стороны старшаго мальчика. Нашъ скромный деревенскій домикъ поддерживалъ дружескія сношенія съ большимъ лондонскимъ отелемъ доктора Фармина, откуда въ своихъ визитахъ къ намъ дядя мой, майоръ Пенденнисъ, всегда привозилъ новости. Между дамами велась корреспонденція. Мы снабжали мистриссъ Фарминъ маленькими деревенскими подарками—знаками доброжелательства и признательности моей матери къ друзьямъ, которые ласкали ея сына. Я отправился своею дорогою въ университетъ, иногда выдаясь съ Фильемъ въ школъ. Потомъ я нанялъ квартиру въ Темплѣ, которую онъ посѣщалъ съ большимъ восторгомъ; онъ любилъ нашъ простой обѣдъ отъ Дика (*), и постель на диванѣ, болѣе чѣмъ великолѣпныя угощенія въ

(*) Коейная.

Старой Паррской улицѣ и свою огромную мрачную комнату въ домѣ отца. Онъ въ это время переросъ своего старшаго пріятеля, хотя до сихъ поръ все продолжаетъ глядѣть на меня съ уваженіемъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ моя бѣдная мать произнесла приговоръ надъ мистриссъ Фэрминъ, она имѣла причину пожалѣть о немъ и отбѣнить его. Мать Фила, которая боялась, а можетъ статься, ей было запрещено ухаживать за сыномъ въ его болѣзни въ школѣ, сама занемогла.

Филь воротился въ Грей-Фрайарсъ въ глубокомъ траурѣ; кучеръ и слуга тоже были въ траурѣ, а вѣкій тамошній тиранъ, начавшій было смѣяться и подшучивать, что у Фэрмина глаза были полны слезъ, при какомъ-то грубомъ замѣчаніи, получилъ строгій выговоръ отъ Сэмсона, старшаго воспитанника, самаго сильнаго мальчика въ классѣ, и съ вопросомъ: «развѣ ты не видишь, грубіанъ, что бѣдвѣжка въ траурѣ?» получилъ порядочнаго пинка.

Когда Филиппъ Фэрминъ и я встрѣтились опять, у насъ обоихъ на шляпахъ былъ кренъ. Я не думалъ, чтобы ктонибудь изъ насъ могъ очень хорошо разсмотрѣть лицо другаго. Я ѣздилъ къ нему въ Паррскую улицу, въ пустой печальный домъ, гдѣ портретъ бѣдной матери все еще висѣлъ въ пустой гостиной.

— Она всегда любила васъ, Пенденнисъ, сказалъ Филь:—Богъ да благословитъ васъ за то, что вы были добры къ ней. Вы знаете, что значить терять—терять тѣхъ, кто любитъ насъ болѣе всего на свѣтѣ. Я не зналъ какъ—какъ я любилъ ее до тѣхъ поръ, пока не лишился ее.

Рыданія прерывали его слова, когда онъ говорилъ. Портретъ ея былъ вынесенъ въ маленькій кабинетъ Фила—въ ту комнату, гдѣ онъ выказалъ презрѣніе къ своему отцу. Чтò было между ними? Молодой человѣкъ очень измѣнился. Откровенный видъ прежнихъ дней исчезъ, и лицо Филиппа было дико и смѣло. Докторъ не позволялъ мнѣ поговорить съ его сыномъ, когда нашелъ насъ вмѣстѣ, но съ умоляющимъ взглядомъ проводилъ меня до двери и заперъ ее за мною. Я чувствовалъ, что она закрылась за двумя несчастными людьми.

ГЛАВА III.

Консультація.

Хотя старшій Фэрминъ проводилъ меня до дверей и пересталъ слѣдить за мной глазами, только когда я завернулъ за уголъ улицы, но я

былъ увѣренъ, что Филь скоро откроетъ мнѣ свою душу, или дастъ какой нибудь ключъ къ этой тайнѣ. Я услышу отъ него, почему его румяныя щеки впали, зачѣмъ его свѣжій голосъ, который я помню такимъ откровеннымъ и веселымъ, былъ теперь суровъ и саркастиченъ и тоны его неприятно звучали въ ушахъ слушателя, а смѣхъ его было больно слышать. Я тревожился о самомъ Филиппѣ. Молодой человѣкъ получилъ въ наслѣдство отъ матери значительное состояніе — восемь или девять сотъ фунтовъ годового дохода. Онъ жилъ роскошно, чтобы не сказать расточительно. Я думалъ, что юношескія угрызения Филиппа были его скелетомъ и огорчался при мысли, что онъ попалъ въ бѣду. Мальчикъ былъ расточителенъ и упрямъ, а отецъ взыскателенъ и суровъ.

Я встрѣтилъ моего стараго пріятеля доктора Гуденофа въ клубѣ въ одинъ вечеръ; итакъ какъ мы обѣдали вмѣстѣ, я разговаривалъ съ нимъ о его бывшемъ пациентѣ и напомнилъ ему тотъ день, много лѣтъ назадъ, когда мальчикъ лежалъ больной въ школѣ, и когда моя бѣдная мать и Филиппова были еще живы.

Гуденовъ принялъ очень серьезный видъ.

— Да, сказалъ онъ, мальчикъ былъ очень болѣнъ; онъ былъ при смерти въ то время—въ то время, когда его мать жила на островѣ Уайтѣ, а отецъ ухаживалъ за герцогомъ. Мы думали одно время, что ему уже пришлохъ конецъ, но...

— Но искусный докторъ сталъ между нимъ и pallida mors.

— Искусный докторъ нѣтъ, а хорошая сидѣлка! Съ мальчикомъ былъ бредъ и ему вздумалось было выпрыгнуть изъ окна, онъ сдѣлалъ бы это, еслибы не моя сидѣлка. Вы ее знаете.

— Какъ, Сестрица?

— Да, Сестрица.

— Такъ это она ухаживала за Филемъ въ болѣзни и спасла его жизнь? Пью за ея здоровье. Добрая душа!

— Добрая! сказалъ докторъ грубымъ голосомъ и нахмурилъ брови. (Онъ бывало чѣмъ болѣе растрогается, тѣмъ свирѣпѣе становится). Добрая! Хотите еще кусочекъ утки? Возьмите. Вы ужъ довольно ее покушали, а она очень нездорова. Добрая, сэръ? Еслибы не женщины, огонь небесный давно сжегъ бы этотъ міръ. Ваша милая мать одна изъ добрыхъ женщинъ. Я лечилъ васъ, когда вы были больны, въ этой ужасной вашей квартирѣ въ Темплѣ, въ то самое время, когда молодой Ферминъ былъ боленъ въ Грей-Фрайярсѣ. Это по моей милости на свѣтѣ живутъ два лишнихъ шалуна.

— Отчего докторъ Ферминъ не поѣхалъ къ сыну?

— Гмъ! нервы слишкомъ деликатны. Впрочемъ, онъ прїѣзжалъ. Легко въ поминѣ!

Въ эту минуту, тотъ, о комъ мы говорили, то есть отецъ Флиа, также бывшій членомъ нашего клуба, вошелъ въ столовую; высокій, величественный и блѣдный, съ своей стереотипной улыбкой и съ граціознымъ жестомъ своей красивой руки. Улыбка Фэрлина какъ-то странно подергивала его красивые черты. Когда вы подходили къ нему, онъ вытягивалъ губы, сморщивая челюсти, (чтобы образовались вѣроятно ямочки), съ каждой стороны. Между тѣмъ глаза его выкатывались съ какимъ-то меланхолическимъ выраженіемъ и совершенно отдѣльно отъ той продѣлки, которая происходила съ его ртомъ. Губы говорили: я джентльменъ съ прекрасными манерами и съ очаровательной ловкостью, и предположите, что я радъ васъ видѣть, но въ то же время уныло глядѣли черные глаза. Я знаю одно или два, но только одно или два мужскихъ лица, которыя, несмотря на свою озбоченность, могутъ все-таки улыбаться такъ, чтобы улыбка разливалась по всему лицу.

Гуденовъ угрюмо кивнулъ головою на улыбку другаго доктора, который кротко взглянулъ на нашъ столъ, поддерживая подбородокъ своею красивою рукою.

— Какъ поживаете? заворчалъ Гуденовъ.—А юноша здоровъ?

— Юноша сидитъ и куритъ сигары съ самаго утра съ своими прїтелями, сказалъ Фэрминъ съ грустною улыбкой, направленной въ этотъ разъ на меня.— Мальчики всегда будутъ чальчиками.

И онъ задумчиво отошелъ отъ насъ, дружески кивнулъ мнѣ головою, взглянулъ на карту обѣда, съ меланхолической граціей указавъ рукою въ блестящихъ перстняхъ на выбранныя имъ блюда, и пошелъ улыбаться другому знакомому къ отдаленному столу.

— Я думалъ, что онъ сидеть за этотъ столъ, сказалъ циническій *confrère* Фэрмина.

— На сквозномъ вѣтру? Развѣ вы не видите какъ пылаютъ свѣчи? Это самое дурное мѣсто во всей комнатѣ!

— Да развѣ вы не видите, кто сидитъ за сосѣднимъ столомъ?

За сосѣднимъ столомъ сидѣлъ очень богатый лордъ. Онъ ворчалъ на дурные бараньи котлеты и хересь, которыхъ онъ ведалъ подать себѣ на обѣдъ; но такъ какъ его сіятельство не будетъ нѣтъ никакого дѣла съ нашей послѣдующей исторіей, то, разумѣется, мы не будемъ такъ нескромны, чтобы назвать его по имени. Мы могли видѣть, какъ Фэрминъ улыбался своему сосѣду съ самой кроткой меланхоліей, какъ слуги принесли блюда, которыя спросилъ докторъ для своего обѣда. Онъ не любилъ бараньихъ котлетъ и грубаго хереса, я это зналъ, я, уча-

ствовавшій во многихъ пирахъ за его столомъ. Я могъ видѣть, какъ брильянты сверкали на его красивой рукѣ, когда онъ деликатно наливалъ пѣнящееся вино изъ вазы со льдомъ, стоявшей возлѣ него—щедрой рукѣ дарившей мнѣ много совереновъ, когда я былъ мальчишкой.

— Я не могу не любить его, сказалъ я моему собесѣднику, презрительный взглядъ котораго время отъ времени устремлялся на его собрата.

— Этотъ портвейнъ очень сладокъ. Теперь почти всякій портвейнъ сладокъ, замѣтилъ докторъ.

— Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, когда я былъ въ школѣ, и Филиппъ былъ такой славный мальчикъ.

— Красивый мальчикъ. Сохранилъ онъ свою красоту? Отецъ былъ красивый мужчина—очень. Убійца дамъ, то есть не въ практикѣ, прибавилъ угрюмый докторъ—а мальчикъ что дѣлаеть?

— Онъ въ университетѣ. У него есть состояніе его матери. Онъ сумасброденъ, кутитъ, и я боюсь, что онъ немножко портится.

— Неужели? Впрочемъ не удивительно! заворчалъ Гуденовъ.

Мы говорили очень откровенно и пріятно до появленія другаго доктора, но съ приходомъ Фермина Гуденовъ пересталъ разговаривать. Онъ вышелъ изъ столовой въ гостиную и сѣлъ читать романъ до тѣхъ поръ, пока не настала пора ѣхать къ больнымъ или домой.

Для меня было ясно, что доктора не любили другъ друга, что между Ферминомъ и его отцомъ были несогласія, но причину этихъ несогласій мнѣ оставалось еще узнать. Эта исторія доходила до меня отрывками, здѣсь изъ признаній, тамъ изъ рассказовъ, и изъ моихъ собственныхъ выводовъ. Я, разумѣется, не могъ присутствовать при многихъ сценахъ, которыя мнѣ придется рассказывать, какъ будто я былъ ихъ свидѣтелемъ, и поза, разговоръ, мысли Фермина и его друзей, такъ какъ они здѣсь рассказываются—безъ сомнѣнія, фантазія рассказчика во многихъ случаяхъ; но исторія эта также подлинна, какъ многія другія исторіи и читателю слѣдуетъ только придать ей такую степень вѣры, какую она заслуживаетъ по его мнѣнію, по своему правдоподобию.

Намъ надо не только обратиться къ той болѣзни, которая сдѣлалась съ Филиппомъ Ферминомъ въ Грей-Фрайерсѣ, но вернуться еще далѣе къ періоду, который я не могу въ точности опредѣлить.

Воспитанники старой Гендшской приготовительной академіи живописи, можетъ быть, помнятъ смѣшнаго, маленькаго человѣчка съ большимъ, страннымъ талантомъ, относительно котораго мнѣнія друзей его были разногласны. Геній, или гаеръ Эндрю,—это было всегда спорнымъ пунктомъ между посѣтителями бильярдной въ Греческой улицѣ и благородными

учениками академіи художествъ. Онъ могъ быть сумасшедшимъ и непѣпнымъ, но онъ могъ имѣть талантъ; такіе характеры встрѣчаются и въ искусствѣ, и въ литературѣ. Онъ коверкалъ англійскій языкъ, онъ былъ изумительно несвѣдущъ, онъ наряжалъ свою маленькую фигурку въ самый фантастическій костюмъ, въ самые странные и дешевые наряды, онъ носилъ бороду. Господи помилуй! двадцать лѣтъ тому назадъ бороды въ Великобританіи были весьма обыкновенны. Онъ былъ самое жеманное существо, и если вы глядѣли на него, онъ принималъ позы до того смѣшныя и грязныя, что если у васъ въ передней ждалъ кредиторъ или вашу картину не приняли въ академію—словомъ, если вы страдали отъ какого нибудь подобнаго бѣдствія, вы не могли удержаться отъ смѣха. Онъ былъ предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ своихъ знакомыхъ, но у него было самое любящее, кроткое, вѣрное, благородное сердце, когда либо бывшее въ маленькой груди. Онъ теперь поконитъ вѣчнымъ сномъ; его палитра и мольбертъ брошены въ пещку, его геній, имѣвшій нѣсколько вспышекъ, никогда не сіялъ ярко и угасъ. Въ одномъ старомъ альбомѣ, которому уже болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ, я иногда гляжу на странные, дикіе эскизы бѣднаго Эндрю. Онъ, можетъ быть, сдѣлалъ бы что нибудь, еслибы оставался бѣднымъ; но одна богатая вдова, которую онъ встрѣтилъ въ Римѣ, влюбилась въ страннаго, страстующаго живописца, пустилась за нимъ въ погоню въ Англію и заставила его почти насильно жениться на ней. Геній его притупился подъ раболѣпствомъ; онъ прожилъ только нѣсколько лѣтъ и умеръ отъ чахотки, отъ которой искусство доктора Гуденофа не могло вылечить его.

Въ одинъ день, когда онъ ѣхалъ съ женою въ ея великолѣпной коляскѣ по Геймаркету, онъ вдругъ велѣлъ кучеру остановиться, выпрыгнулъ изъ коляски прежде чѣмъ были опущены ступеньки, и его изумленная жена увидала, что онъ пожимаетъ руку бѣдно-одѣтой женщины, которая проходила мимо, пожимаетъ обѣ ея руки и плачетъ, и размахиваетъ руками, и дергаетъ бороду и усы—его привычка, когда онъ былъ взволнованъ. Мистриссъ Монфишэ (она была богатая мистриссъ Керрикфергусъ, прежде чѣмъ вышла за живописца), жена молодого мужа, выпрыгнувшего изъ коляски, чуть не разстрѣлалась отъ этой демонстраціи; но она была женщина очень добрая, и когда Монфишэ, сѣвъ опять въ фамильный экипажъ, рассказалъ своей жемѣ исторію женщины, съ которой онъ только что простился, она манлакалась вдоволь. Она велѣла кучеру ѣхать прямо домой: побѣжала въ свои комнаты и вынесла оттуда огромный мѣшокъ съ разною одеждою, а буфетчикъ, запыхавшись, тащилъ за нею корзину съ виномъ и пирогомъ; она поѣхала съ своимъ довольнымъ Эндрю въ переулокъ Сен-

Мартенскій, гдѣ жила бѣдная женщина, съ которой онъ только-что разговаривалъ.

Богу было угодно среди ея ужаснаго злополучія послать ей друзей и помощь. Она страдала отъ несчастья и бѣдности: ее малодушно бросили. Человѣкъ, называвшій себя Брандономъ, когда онъ нанялъ квартиру въ домѣ ея отца, женился на ней, привезъ ее въ Лондонъ и оставилъ, когда она ему надоѣла. Она имѣла причину думать, что онъ назвался фальшивымъ именемъ, когда нанималъ квартиру у ея отца: онъ бѣжалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и она никогда не узнала его настоящаго имени. Когда онъ бросилъ ее, она воротилась къ своему отцу, человѣку слабому, который былъ женатъ на самовластной женщиной, притворившейся будто она не вѣритъ ея браку и выгнавшей ее изъ дома. Въ отчаяніи и почти помѣшавшись, она воротилась въ Лондонъ, гдѣ у ней оставались еще кое-какія вещи послѣ бѣжавшаго мужа. Онъ общалъ, оставляя ее, присылать ей денегъ; но или онъ не прислалъ, или она не приняла и въ своемъ безумствѣ и отчаяніи потеряла то ужасное письмо, въ которомъ онъ объявлялъ о своемъ побѣгѣ, и о томъ, что онъ былъ женатъ прежде, что преслѣдовать значило погубить его, а онъ зналъ, что она никогда *этого* не сдѣлаетъ—вѣтъ, какъ бы жестоко не оскорбилъ онъ ее.

Она осталась безъ копѣйки, брошенная всѣми, разставшись съ послѣдней вещицей, напоминавшей ея кратковременную любовь; продавъ послѣдніе остатки своего бѣднаго гардероба, она поселилась одна въ огромной Лондонской пустынѣ, когда Богу было угодно послать ей помощь въ особѣ стараго друга, который зналъ ее и даже любилъ въ болѣе счастливые дни. Когда благодѣтели явились къ этой бѣдной женщинѣ, они нашли ее больной и дрожавшей отъ лихорадки. Они привезли къ ней своего доктора, который никогда ни къ кому не спѣшилъ такъ, какъ къ бѣднымъ. Стоя у постели, которую окружали добрые друзья, пріѣхавшіе помочь ей, онъ услышалъ ея печальную исторію, узналъ, какъ она довѣрилась и какъ была брошена.

Отецъ ея былъ человѣкъ изъ низкаго класса, но видѣвшій лучшіе дни; а въ обращеніи бѣдной мистриссъ Брандонъ было столько простоты и простоты, что добрый докторъ до крайности растрогался. Она не имѣла большаго образованія, кромѣ того, которое даютъ иногда безмолвіе, продолжительное страданіе и уединеніе. Когда она выздоровѣла, ей предстояло встрѣтить и преодолѣть бѣдность. Какъ будетъ она жить? Докторъ привязался къ ней какъ къ родной дочери. Она была опрятна, бережлива и иногда отличалась такой наивной веселостью. Цвѣтокъ зацвѣлъ, когда солнечный лучъ коснулся его. Вся ея жизнь до сихъ поръ леденѣла отъ небреженія, тираниства и мрака.

Мистеръ Монфишэ такъ часто началъ прѣзжать къ маленькой отшельницѣ, которой онъ помогъ, что я долженъ сказать, что мистриссъ Монфишэ сдѣлалась истерически ревнива и караулила его на лѣстницѣ, когда онъ сходилъ, завернувшись въ свой испанскій плащъ, кидалась на него и называла его чудовищемъ. Гуденовъ также, кажется, подозрѣвалъ Монфишэ, а Монфишэ Гуденофа. Но докторъ клялся, что онъ никогда не имѣлъ другихъ чувствъ, кромѣ чувствъ отца къ своей бѣдной *protégée*, и никакой отецъ не могъ быть иѣжнѣе. Онъ не старался вывести ее изъ ея положенія въ жизни. Онъ нашелъ, или она сама нашла, работу, которой она могла заниматься.

— Папа всегда говорилъ, что никто не ухаживалъ за нимъ такъ хорошо какъ я, сказала она,—я думаю, что я могу дѣлать это лучше всего другаго, кромѣ шитья, но я болѣе люблю быть полезной бѣднымъ больнымъ. Тогда я не думаю о себѣ самой, сэръ.

И къ этому занятію добрый мистеръ Гуденовъ пріучилъ ее.

Вдова, на которой отецъ мистриссъ Брандонъ женился, умерла и ея дочери не хотѣли держать его, отзываясь очень непочтительно о старомъ мистерѣ Ганиѣ, который дѣйствительно былъ слабоумный старикъ. И тогда Каролина посѣщила на помощь къ своему старому отцу. Эта маленькая Каролина была преспособная. Она скопила нѣсколько денегъ. Гуденовъ снабдилъ мистриссъ Брандонъ мебелью изъ своей дачи, которая была ему не нужна. Она вздумала пускать къ себѣ жильцовъ. Монфишэ снялъ съ нея портретъ. Въ ней былъ свой родъ красоты, которымъ восхищались художники. Когда съ академикомъ Ридли сдѣлалась оспа, она ходила за нимъ и заразилась. Она не заболѣла объ этомъ.

— Красоту мою это не испортитъ, говорила она.

И дѣйствительно, красота ея не испортилась. Болѣзнь очень милостиво обошлась съ ея скромнымъ личикомъ. Не знаю, кто ей далъ ея прозваніе, но у ней былъ славный просторный домъ въ Торингофской улицѣ; въ первомъ и во второмъ этажѣ жилъ художникъ; и противъ «Сестрицы» никто никогда не сказалъ дурнаго слова, потому что въ комнатѣ нижняго этажа вѣчно сидѣлъ ея отецъ, прилебывая грогъ. Ее мы прозвали «сестрицей» а отца ея «капитаномъ»—это былъ ленивый, хвастливый, добрый старикъ—капитанъ не слишкомъ почтенный и очень веселый, хотя поведеніе дѣтей, говорилъ онъ, разбило его сердце.

Не знаю сколько лѣтъ Сестрица исполняла эту должность, когда Филиппъ Фермиаъ занемогъ скарлатиной. Она сдѣлалась съ нимъ передъ самыми вакаціями, когда всѣ мальчики разѣхались домой. Такъ какъ отецъ Фила былъ въ отсутствіи, послали за докторомъ Гудено-

нофомъ, а тотъ прислалъ свою сидѣлку. Больному сдѣлалось хуже, до такой степени даже, что доктора Фармина вызвали съ острова Уайта и онъ прѣѣхалъ въ одинъ вечеръ въ Грей-Фрайярсъ, столь безмолвный вынѣ, столь шумный въ другое время отъ криковъ и толпы учениковъ въ саду.

Карета доктора Гуденофа стояла у дверей, когда подъѣхала карета доктора Фармина.

— Каковъ мальчикъ?

— Ему было очень худо. Онъ бредилъ цѣлый день, болталъ и сбѣлся какъ сумасшедшій, сказалъ слуга.

Отецъ побѣжалъ на верхъ.

Филь лежалъ въ большой комнатѣ, въ которой было много пустыхъ кроватей воспитанниковъ, разѣхавшихся домой. Окна отворились на грей-фрайярскій скверъ. Гуденовъ услышалъ, какъ подъѣхала карета его собрата, и вѣрно угадалъ, что прѣѣхалъ отецъ Филь. Онъ вышелъ и встрѣтилъ Фармина въ передней.

— Голова немножко разстроилась. Теперь лучше, онъ спокоенъ.

И докторъ прошепталъ другому доктору, какъ онъ лечилъ больного.

Фарминъ тихо вошелъ къ больному, возлѣ котораго стояла Сестрица.

— Это кто? спросилъ Филь.

— Это я, милый, твой отецъ, сказалъ докторъ съ истинной вѣжностью въ голосѣ.

Сестрица вдругъ обернулась и грохнулась какъ камень возлѣ постели.

— Гнусный злодѣй! сказалъ Гуденовъ съ ругательствомъ и дѣлая шагъ впередъ—это былъ ты!

— Шш! Помните о больномъ, докторъ Гуденовъ, сказалъ другой врачъ.

ГЛАВА IV.

Знатная семья.

Составили вы себѣ мнѣніе о вопросѣ казаться и быть? Я говорю о томъ, что, положимъ, вы бѣдны, справедливо ли съ вашей стороны казаться богатымъ? Имѣютъ ли люди честное право принимать лож-

ный видъ? Можно ли васъ оправдать, когда вы голодаете за обѣдомъ, для того чтобы держать эквиважъ; когда вы ведете такое роскошное хозяйство, что не можете помочь бѣдному родственнику, одѣваете вашихъ дочерей въ дорогіе наряды, потому что онѣ знакомы съ дѣвушками, родители которыхъ вдвое богаче васъ? Иногда трудно сказать, гдѣ кончается честная гордость и начинается лицемеріе. Выставлять на показъ вамъ бѣдность низко и раболопно, также гнусно, какъ нищему выпрашивать состраданіе, показывая свои язвы. Но выдавать себя за богатаго — роскошничать и мотать три раза въ годъ, когда вы приглашаете вашихъ знакомыхъ, а остальное время гладать черствый хлѣбъ и сидѣть при одной свѣчѣ—чего достойны люди, употребляющіе такой обнагъ,—похвалять или розогъ? Иногда это благородная гордость, а иногда—низкое плутовство. Когда я вижу Евгению съ ея маленьки дѣтми, опрятную, веселую, не показывающую ни малѣйшей тѣни бѣдности, не прѣзривающую ни малѣйшей жалобы; увѣряющую, что Скандерфильдъ, ея мужъ, обращается съ ней хорошо и добръ сердцемъ, и опровергающую, что онъ оставляетъ ее и ея малютку въ нуждѣ—я восхищаюсь этой благородной ложью, уважаю чудное постоянство и терпѣливость, которая пренебрегаетъ состраданіемъ. Когда я сижу за столомъ бѣдной Іезевиль, которая угощаетъ меня съ своей притворной добротой и съ своимъ жалкимъ великолѣпіемъ, я только сержусь на ея гостепріимство; и этотъ обѣдъ, гость и хозяинъ—все видѣтъ фальшиво.

Обѣденный столъ Тальбота Тунсдена великъ, а гости самые почетные. Тутъ всегда два, три важныхъ барина и почтенная вдова, обѣдающая въ знатныхъ домахъ. Буфетчикъ предлагаетъ вамъ вина; передъ мистриссъ Тунсденъ лежитъ *menu du diner*, и читая его, вы, пожалуй, вообразите, будто вы на хорошемъ обѣдѣ. А кушанья похожи вкусомъ на рубленую солому. О, какъ уныло искрится это слабое шампанское, хересъ изъ трактира, бордосское кисло, портвейнъ вяжетъ ротъ! Я пробовалъ это все, говорю я вамъ! Это подложное вино, подложный обѣдъ, подложный приемъ, подложная веселость между собравшимися гостями. Я чувствую, что эта женщина считаетъ котлетки, когда ихъ уносятъ со стола; можетъ быть, она жадно смотритъ на ту, которую вы съ трудомъ стараетесь проглотить. Она пересчитала каждую свѣчку, при которой поваръ стрипалъ обѣдъ. Объ остаткахъ вина въ этихъ жалкихъ бутылкахъ буфетчикъ долженъ завтра дать отчетъ. Если вы не принадлежите къ большому свѣту, Тунсденъ съ женою считаютъ себя лучше васъ и серьезно покровительствуютъ вамъ. Они думаютъ, что дѣлаютъ вамъ честь, приглашая на эти отвратительные обѣды, на которыхъ они съ важностію приглашаютъ са-

нать валяныкъ дилой. Я, право, встрѣчалъ тамъ Уинтона — знаменитаго Уинтона—давешнаго лучшіе объѣды на свѣтѣ (ахъ, какое занятіе для мушкетера!) Я наблюдалъ за нимъ и принѣмлялъ, какое удивленіе оказывало мнѣ, когда онъ отдавалъ и отдавалъ лакею блюдо за блюдомъ, рюмку за рюмкой.

— Попробуйте, это шато-марго, Уинтонъ! кричить хозяинъ.—Это тотъ самый, который мы вывезли съ Боттльби.

Вывезли! Я вижу лицо Уинтона, когда онъ пробуетъ вино и ставить рюмку на столъ. Онъ не любитъ говорить объ этомъ обѣдѣ. Онъ потерялъ день. Тунсенъ продолжаетъ приглашать его каждый годъ; онъ продолжаетъ надѣяться, что и его пригласятъ съ мистриссъ Тунсенъ и съ дочерью и громко выражаетъ свое удивленіе въ клубѣ, говоря:

— Чортъ побори этого Уинтона! Онъ не прислалъ мнѣ дичи нынѣшній годъ!

Когда прѣзжаютъ заграничные герцоги и принцы, Тунсенъ прямо подходитъ къ нимъ и приглашаетъ ихъ къ себѣ. Иногда они поѣдутъ къ нему разъ—а потомъ спрашиваютъ: «*Qui donc est ce monsieur Tuisden, qui est si drôle?*» Онъ проталкается къ нимъ на вечерахъ у министровъ и прямо подаетъ имъ руку. А тихая мистрисъ Тунсенъ вертится, толкается, пожалуй, наступая на ноги, виѣстѣ съ дочерью, пока не сунется на глаза великому человѣку и не улыбнется и не поклонится ему. Тунсенъ дружески жметъ руку счастливицамъ. Онъ говоритъ успѣху «браво!» Напротивъ, я никогда не видалъ человѣка, у котораго доставало бы столько духа пренебрегать несчастными или у котораго хватало бы столько смѣлости забывать о тѣхъ, о комъ онъ не хочетъ вспомнить. Еслибы этотъ левитъ встрѣтилъ путешественника, ограбленнаго разбойниками, вы думаете, онъ остановился бы помочь павшему человѣку? Онъ не далъ бы ни вина, ни денегъ. Онъ прошелъ бы мимо, совершенно довольный своими собственными добродѣтелями, а того оставилъ бы добаться, какъ онъ можетъ, въ Иерихонъ.

Это что такое? Развѣ я сержусь на то, что Тунсенъ пересталъ приглашать меня на свой укусъ и свое рубленое сѣно? Нѣтъ, не думаю. Развѣ я обижаясь на то, что мистриссъ Тунсенъ иногда покровительствуетъ моей женѣ, а иногда не хочетъ ее знать? Можетъ быть. Только однѣ женщины знаютъ вполнѣ дерзость женщинъ другъ къ другу въ свѣтѣ. Это очень обветшалое замѣчаніе. Онъ принимаетъ и наноситъ раны, вѣжливо улыбаясь. Томъ Сэйерсъ (*) не могъ веселѣе

(*) Извѣстный боксеръ.

ить принимать удары. Если бы было видно *нодь* кошкой, вы могли бы их малюшкн сердечки протиснутыми насквозь малюшкн ренками. Я увирую, что я видѣлъ, какъ моя собственная жена выносила дерзость этой мещанин съ такннъ же свокоимнмъ и безстрастнмъ лицомъ, какъ выносить она разговоръ старика Тунседена и его длиннн исторнн, котормн, право, могутъ свести съ ума. О, нѣтъ, я вовсе не сержусь! Я вижу это потому, какъ я ннну объ этихъ людехъ. Кстати, между тѣмъ какъ я налагаю это чнстосердечное мнѣнне о Тунседенахъ, оставалнвалнвалнсь ли я нногда сообразнть, что они думаютъ обо мнн? Какое мнѣ дѣло? Пусть думаютъ, что хотятъ. А нова—ны кланлемся другъ другу въ гостяхъ. Мы болѣзненно улыбаемся другъ другу. А что касается до обѣдовъ въ Бонашской улицѣ, я надѣюсь, что они правятся тѣмъ, кого приглашаютъ на ннхъ.

Тунседенъ нннѣ члновннкъ въ придворной конторѣ нудры и номеды, а сынъ его такъ же писаренъ. Когда дочери начали выѣзжать, онѣ были прехорошенькн—даже моя жена сознается въ этомъ. Одна изъ ннхъ каждыи день ѣзднла верхомъ въ паркъ съ отцомъ или братомъ; и зная какое онѣ получалъ жалованье и какое состоянне было у его жены, и сколько онѣ платнлъ за квартиру въ Бонашской улицѣ, всѣ удивлнлись, какъ Тунседены могли своднть концы съ концами. У ннхъ были лошади, экипажъ и большое хозяйство, на одержанне котораго шло покрайней мѣрѣ пять тысячъ въ годъ, а они и въ полонну не ннѣли того, какъ всѣмъ было нзвѣстно; полагали, что старнкъ Рннгудъ помогалъ своей племяннцѣ. Конечно, она тнжко труднлась для этого. Я только—что говорнлъ о ранахъ, у ннхъ и бѣдныи бока, и грудь бываютъ протннуты насквозь. Факиры не бичуютъ себя усерднѣе нѣкотормхъ свѣтскнхъ нзувѣрокъ; а такъ какъ наказанне служнтъ поучелнемъ, будемъ надѣяться, что свѣтъ шнрко хлещетъ по спннѣ и плечамъ и славно дѣйствуетъ кнутомъ.

Когда старнкъ Рннгудъ въ концѣ своей жнзнн, прнѣзжалъ навѣщать свою нлную племяннцу и ея мужа, и дѣтей, онѣ всегда привознлъ въ карнанѣ плеть и хлесталъ ею всѣхъ въ домѣ. Онѣ наснѣхался вадъ бѣдностью, надъ прнтнзанннми, надъ нзостью этихъ людей, когда они становнлись передъ ннмъ на колѣнн и воздавали ему вочести. Отецъ и мать, дрожа, приводнли дочерей получать наказанне и жалобно улыбаясь, самн прннмалн оплеухн въ прнсутствнн своихъ дѣтей.

— А! говарнвала гувернантка, французенка, снрежеша своонн бѣлыми зубамн — я люблю, когда прнѣзжаетъ нлордъ. Вы каждыи день хлещете меня, а нлордъ хлещетъ васъ, а вы становнтесь на колѣнн и цѣлуете пруть.

Они точно становились на колѣни и принимали бичеваніе съ приторной твердостью. Иногда бичъ падалъ на спину papà; иногда на спину мамѣ, а иногда хлесталъ Агнесу, а иногда хорошенькія плечики Бланшъ. Но мнѣ кажется, что милордъ [болѣе всего любилъ раздѣлываться съ наслѣдникомъ дома, молодымъ Рингудомъ Туисденомъ. Тщеславіе Рингуда было очень тонкокожее, эгоизмъ его легко было равить, а кривлянья его при наказаніи забавляли стараго мучителя.

Когда подъѣзжалъ экипажъ милорда—сиромый маленькій каричневый брумъ съ чудной лошадыю, съ кучеромъ покожимъ на лорда канцлера и великолѣпнѣйшимъ лакеемъ—дамы, знавшія топотъ колесъ его экипажа, и соорившіяся въ гостиной, заключали перемиріе. Мамѣ пишеть за столомъ прекраснымъ, четкимъ почеркомъ, которымъ восхищаемся мы всѣ; Бланшъ сидитъ за книгой; Агнеса совершенно естественно встаетъ изъ-за фортепіано. Ссора между этими кроткими, улыбающимися, деликатными созданиями—невозможна! Отъ самаго обыкновеннаго женскаго лицемерія мушны красяли бы и конфузились, а какъ легко, какъ граціозно, съ какимъ совершенствомъ женщины дѣлають это!

— Ну, заворчите милордъ:—вы всѣ приняли такія милны позы, что навѣрно вы грызлись. Я подозреваю, Марія, что мушнямъ должно быть извѣстно, какой чертовски дурной характеръ у вашихъ дѣвочекъ. Кто можетъ видѣть, какъ вы деретесь здѣсь? Вы вѣдь умѣете притихнуть при другихъ, маленькія обезьяночки. Я скажу вамъ вотъ что: вѣрно горничныя рассказываютъ лакеямъ въ комнатѣ ключницы, а лакеи своимъ господамъ. Честное слово, въ прошломъ году въ Уингемъ Гринудъ испугался. Отличная была партія, прекрасный домъ въ городѣ и въ деревнѣ. Матери у него нѣтъ. Агнеса могла дѣлать что хотѣла, еслибы не...

— Не всѣ ангелы въ нашемъ семействѣ, дядюшка! вскричала, покраснѣвъ, миссъ Агнеса.

— И мать ваша слишкомъ бойка на языкъ. Мушны боятся тебя, Марія. Я слышалъ это отъ многихъ молодыхъ людей; въ Уайтѣ (*) объ этомъ говорятъ совершенно свободно. Жаль дѣвушекъ, очень жаль. Мнѣ приходится и говорить Джэкъ, Галь и другіе бывающіе вездѣ.

— Право мнѣ все равно, что говорить обо мнѣ капитанъ Галь—противный негодяй! кричить Бланшъ.

— Вотъ вы и всбѣсились! Галь никогда не имѣетъ своего собственнаго мнѣнія. Онъ только подхватываетъ и разноситъ, что говоритъ

(*) Модный клубъ въ Лондонѣ.

другіе. И онъ рассказывалъ, будто всѣ мужчинамъ говорятъ, что они бо-
ятся вашей матери. Что вы, полноте! Галь не имѣетъ своего мнѣнія.
Кто нибудь надумаетъ совершить убійство, а Галь будетъ ждать у
дверей. Самый скромный человѣкъ. Но я поручилъ ему распросить о
васъ. И вотъ что я слышу. И онъ говоритъ, что Агнеса строитъ глаз-
ни докторскому сыну.

— Какъ ему не стыдно! кричить Агнеса, проливая слезы подъ
своею пыткой.

— Она старше его; но это не препятствіе. Красивый мальчикъ,
вы вѣрно не будете противиться? У него есть деньги и материнскія
и отцовскія—онъ долженъ быть богатъ. Пошлый, но талантливый и
рѣшительный человѣкъ этотъ докторъ, и человѣкъ способный, какъ
и недозрѣваю, на все. Не буду удивляться, если онъ женится на
какой нибудь богатой вдовушкѣ. Эти доктора имѣютъ огромное влія-
ніе на женщинъ, и если я не ошибаюсь, Марія, твоя бѣдная сестра
подѣлила...

— Дядюшка! вскрикиваетъ мистрисъ Тунсенъ, указывая на доче-
рей:—при нихъ....

— При этихъ невинныхъ овечкахъ! Гмъ! Ну, я думаю, что Фэр-
минъ изъ породы волковъ, и старый вельможа смѣется и выставляетъ
свои свирѣпыя клыки.

— Съ огорченіемъ долженъ сказать, милордъ, что я согласенъ съ
вами, замѣчаетъ мистеръ Тунсенъ.—Я не думаю, чтобы Фэрминъ былъ
человѣкъ съ высокими правилами. Талантливый человѣкъ? Да; чело-
вѣкъ образованный? Да; хорошій докторъ? Да; человѣкъ, которому
удается въ жизни? Да; но что такое человѣкъ безъ правилъ?

— Вамъ слѣдовало бы быть пасторомъ, Тунсенъ.

— И другіе то же говорили, милордъ. Моя бѣдная матушка часто
сожалѣла, что я не выбралъ духовное званіе. Когда я былъ въ кам-
бриджскомъ университетѣ, я постоянно говорилъ въ нашемъ политиче-
скомъ клубѣ. Я практиковался въ искусствѣ говорить рѣчи. Я не скры-
ваю отъ васъ, что моею цѣлью была публичная жизнь. Признаюсь
откровенно, что нижняя палатка была бы моею сферой; а еслибы
мнѣ позволили мои средства, я непременно выдвинулся бы впередъ.

Лордъ Рингудъ улыбнулся и подмигнулъ племянницѣ.

— Онъ хочетъ сказать, моя милая, что ему хотѣлось бы оратор-
ствовать на мой счетъ, и что мнѣ слѣдовало бы предложить его де-
путатомъ отъ Уингема.

— Я думаю, найдутся члены парламента и похуже, замѣтилъ ми-
стеръ Тунсенъ.

— Еслибы всѣ были похожи на васъ, парламентъ походилъ бы на

зѣрнонецъ, зарежьтъ милордъ.—Къ-Богу, мнѣ это надоѣло. Мнѣ хотѣлось бы видѣть у насъ короля—молодца, который попросту заперъ бы обѣ палаты и заставилъ молчать всѣхъ этихъ болтуновъ.

— Я партизанъ порядка, но любитель свободы, продолжалъ Тунсенъ.—Я утверждаю, что наша конституція...

Я думаю, милордъ позволилъ бы себѣ кое-какія изъ тѣхъ ругательства, какими особенно украшался его старомодный разговоръ; но слуга доложилъ въ эту минуту о мистерѣ Филиппѣ Ферминѣ и на щекахъ Агнесы, которая чувствовала, что глаза стараго лорда устремлены на нее, вспыхнулъ слабый румянецъ.

— Я видѣлъ васъ въ оперѣ вчера, говоритъ лордъ Рингудъ.

— И я васъ видѣлъ тоже, отвѣчаетъ прямодушный Филь.

На лицахъ женщинъ выразился ужасъ, и Тунсенъ испугался. Тунсеню иногда бывали въ ложѣ лорда Рингуда. Но старикъ саживалъ иногда въ другіяхъ ложахъ, гдѣ они никогда *не могли* видѣть его.

— Зачѣмъ вы смотрите на меня, а не на сцену, сэръ, когда вы ваете въ оперѣ? Когда вы въ церкви, вы должны глядѣть на пастора, должны вы или нѣтъ?—заворчалъ старикъ.—На меня точно также приятно смотрѣть, какъ и на перваго танцора въ балетѣ—я почти также старъ. Но еслибы я былъ на вашемъ мѣстѣ, мнѣ было бы пріятнѣе смотрѣть на Эльслеръ.

Теперь вы можете представить себѣ о какихъ старыхъ, старыхъ временахъ пишемъ мы—временахъ, въ которыя еще существовали эти отвратительные дряхлые танцовщики, противныя существа, въ короткихъ рукавахъ, въ гирляндахъ или въ шляпахъ съ перьями на ихъ нелѣпыхъ старыхъ парикахъ, прыгавшіе въ первомъ ряду балета. Будемъ радоваться, что эти старыя обязанности почти исчезли со сцены и предоставили ее во владѣніе красивыхъ танцорокъ другаго пола. Ахъ, мои милые юные друзья, *придетъ* время когда и онѣ тоже перестанутъ являться сверхъестественно прелестными! Филиппу въ его дѣта онѣ казались очаровательными, какъ гурин. Въ то время простодушный молодой человекъ, смотрѣвшій на балетъ съ своего кресла въ оперѣ, принималъ карминъ за румянецъ, жемчужную пудру за природную бѣлизну, а хлопчатую бумагу за натуральную симметрію, и навѣрно когда вступилъ въ свѣтъ, былъ не дальновиднѣе относительно его разрумяненной невинности, приторныхъ претензій и набѣленного чистосердечія. Старый лордъ Рингудъ находилъ юмористическое удовольствіе ласкать и лелѣять Филиппа Фермина при родственникахъ Филиппа въ Бонашской улицѣ. Даже дѣвушки нѣсколько завидовали предпочтенію, которое дядюшка Рингудъ оказывалъ Филью; а старшіе Тунсенъ и Рингудъ Тунсенъ, сныя ихъ, корчились отъ досады при

видѣ предпочтенія, которое старикъ показывалъ иногда сыну доктора. Филь былъ гораздо выше, гораздо красивѣе, гораздо смѣлѣе, гораздо богаче молодого Тунсдена. Онъ былъ единственнымъ наследникомъ состоянія отца и имѣлъ уже тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ послѣ матери. Даже когда ему сказали, что отецъ его женится опять, Филь засмѣялся и поиндиферентно не заботился объ этомъ. «Желаю ему счастья съ его новой женою», вотъ все чего можно было отъ него добиться; когда онъ женится, я думаю, что я переѣду на квартиру. Старая Паррская улица совсѣмъ не такъ весела, какъ Наваль — Моаль». Я не сержусь на мистрисъ Тунсденъ за то, что она немножко завидовала своему племяннику. Ея сынъ и дочери были выданы почтительнаго брака; а Филь былъ сынкомъ непослушной дочери. Ея дѣти всегда вели себя почтительно съ своимъ дѣдомъ; а Филь заботился о немъ не болѣе какъ и о всякомъ другомъ, а онъ болѣе любилъ Филья. Ея сынъ былъ подобострастенъ и старался угождать, какъ самый смиренный изъ льстецовъ его сиротства; а лордъ Рингудъ отрывался на него, поступалъ съ нимъ съ презрѣнiемъ, топталъ ногами кѣжкѣйшiя чувства бѣдняжки и обращался съ нимъ едва ли лучше чѣмъ съ лакеемъ. Бѣдному же мистеру Тунсдену милордъ не только звалъ прямо въ лицо — отъ этого удержаться было нельзя — но насмѣялся надъ нимъ, перебивалъ его, говорилъ ему престо, чтобы онъ молчалъ. Въ тотъ день, когда вся семья сидѣла вѣстѣ, въ самое прiятное время передъ обѣдомъ, лордъ Рингудъ сказалъ Филью:

— Вы обѣдаете у меня сегодня, сэръ?

«Зачѣмъ онъ не приглашаетъ меня, при моей способности къ разговору?» думалъ про себя старикъ Тунсденъ.

— Чортъ его возьми, онъ вѣчно приглашаетъ этого нищаго, досадовалъ молодой Тунсденъ въ своемъ углу.

— Очень жалю сэръ, не могу. Я пригласилъ кое-кого изъ моихъ товарищей обѣдать со мною въ тавернѣ, сказалъ Филь.

— Зачѣмъ вы имъ не откажете? закричалъ старый лордъ. — Вы отказали бы имъ, Тунсденъ, вы отказали бы?

— О, сэръ! И сердце у отца и сына забилось.

— Вы знаете, что вы отказали бы, и вы поссоритесь съ этимъ молодчикомъ за то, что онъ не отказываетъ своимъ друзьямъ. Прощайте же, Ферминъ, если вы не будете.

Съ этими словами милордъ ушелъ.

Оба хозяина угрюмо глядѣли изъ окна, какъ брешь милорда быстро уѣхалъ по дождю.

— Я не знаю, когда вы обѣдаете въ этикъ отвратительныхъ тавернахъ, шеннула Филиппу молодая дѣвушка.

— Это гораздо веселѣе, чѣмъ обѣдать дома, замѣтилъ Филиппъ.

— Вы слишкомъ много курите и пьете, поздно возвращаетесь домой и не живете въ приличномъ обществѣ, сэръ, продолжала молодая дѣвушка.

— Что же вы хотите, чтобы я дѣлалъ?

— О, ничего! Вы должны обѣдать съ этими ужасными людьми, говорить Агнеса:— а то вы могли бы быть сегодня у леди Пендальтонъ.

— Я легко могу отказать этимъ людямъ, если вы желаете, отвѣчала молодой человекъ.

— Я? Я ничего подобнаго не желаю. Вѣдь вы уже отказали дядюшкѣ Рингуду.

— Вы не лордъ Рингудъ, говоритъ Филъ съ трепетомъ въ голосъ. Не знаю, могу ли я отказать вамъ въ чемъ нибудь.

— Глупенькій! Развѣ я прошу васъ когда нибудь о томъ, въ чемъ вы должны отказать мнѣ? Я хочу, чтобы вы жили въ свѣтѣ, а не съ вашими ужасными, сумасбродными оксфордскими и темпльскими холосавами. Я не хочу, чтобы вы курили. Я хочу, чтобы вы бывали въ свѣтѣ, куда вы ниѣдете смѣе—а вы отказываете дадѣ изъ-за того, что у васъ какой-то тамъ претивный обѣдъ въ тавернѣ!

— Остаются мнѣ у васъ? тетушка, дадите вы мнѣ обѣдать здѣсь? спрашиваетъ молодой человекъ.

— Мы обѣдали, а мой мужъ и сынъ обѣдаютъ въ гостяхъ, сказала кроткая мистриссъ Тунсденъ.

Для дамъ была холодная баранина и чай; и мистриссъ Тунсденъ не хотѣлось, чтобы племянникъ ея, привыкшій къ хорошему столу и къ роскошной жизни, сѣлъ за ея скудный обѣдъ.

— Видите, я долженъ утѣшиться въ тавернѣ, сказалъ Филиппъ. У насъ будетъ тамъ пріятная компанія.

— А позволите спросить, кто тамъ будетъ? спросила молодая дѣвушка.

— Ридли живописецъ.

— Милый Филиппъ, вы знаете, отецъ его былъ просто...

— Слутою лорда Тодмордена? Онъ часто говоритъ намъ это. Престранный этотъ старикъ.

— Мистеръ Ридли, конечно, гениальный человекъ. Картины его восхитительны, онъ бываетъ вездѣ; но, но вы сердите меня, Филиппъ, вашей безпечностью—право такъ. Зачѣмъ вамъ обѣдать съ сыновьями лакеевъ, когда вамъ могутъ быть открыты первые дома въ Англіи? Вы меня огорчаете, сумасбродный мальчикъ...

— Тѣмъ, что я обѣдаю въ обществѣ гениальнаго человѣка? по-но-те Агнеса!

И лобъ молодого человѣка нахмурился.

— Притомъ, прибавилъ онъ тономъ сарказма въ голосѣ, который вовсе не понравился миссъ Агнесѣ—притомъ, моя шала, вы знаете, что онъ обѣдаетъ у лорда Пендльтона.

— Что вы говорите о леди Пендльтонъ, дѣти? спросила бдительная мама изъ своего угла.

— Ридли обѣдаетъ тамъ. Онъ будетъ обѣдать со мною въ тавернѣ сегодня. И лордъ Гальденъ будетъ, и мистеръ Уинтонъ будетъ—они слышали о знаменитомъ бнѣстексѣ.

Уинтонъ, лордъ Гальденъ, бнѣстексъ! Гдѣ, ей-Богу! и я тоже пойду! Гдѣ вы обѣдаете? au cabaret? Чортъ меня возьми, и я буду! вскрикнулъ маленькій Тунсденъ къ ужасу Филиппа, который зналъ ужасную способность дяди къ разговорамъ. Но Тунсденъ опомнился во время къ великому облегченію молодого Фермина.

— Чортъ меня возьми. Я забылъ! Твоя тетка и я обѣдаемъ у Блэдизовъ. Глупый старичишка адмиралъ и вино прескверное—это не простительно; но мы должны ѣхать—онъ п'а que sa parole? Скажи Уинтону, что я думалъ было прѣхать туда и что у меня есть еще то Шато-марго, которое онъ любилъ. Отца Гальдена я знаю хорошо. Скажи ему это. Привези его сюда. Марія, пошли лорду Гальдеу пригласительный билетъ на четвергъ! Ты долженъ привезти его сюда обѣдать, Филиппъ. *Это* самый лучший способъ знакомиться, мой милый!

И маленький человѣкъ чванно замахалъ подсвѣчникомъ, какъ будто хотѣлъ выпить стаканъ горячаго стearина.

Имена такихъ знатныхъ особъ, какъ лордъ Гальденъ и мистеръ Уинтонъ, заставили умолкнуть упреки задумчивой Агнесы.

— Вамъ не понравится нашъ спокойный домъ послѣ знакомства съ такими знатыми людьми, Филиппъ! сказала она со вздохомъ.

Уже не было болѣе разговора о томъ, что онъ бросается въ дурную компанію.

Филиппъ не обѣдалъ у своихъ родственниковъ. Тальботъ Тунсденъ позаботился дать знать лорду Рингуду, какъ молодой Ферминъ назывался обѣдать у тетки въ тотъ самый день, какъ онъ отказалъ его сіятельству. И все къ невыгодѣ Филя, и всякій сумасбродный поступокъ, всякую шалость молодого человѣка, дядя Филя и кузнецъ Филя, Рингудъ Тунсденъ передавалъ старому лорду. Еслибы лордъ Рингудъ слышалъ это не отъ нихъ—онъ разсердился бы, потому что требовалъ повинovenія и раболѣбства отъ всѣхъ окружающихъ; но пріятіе бы-

до бѣсить Тунсденовъ, чѣмъ бранить Филиппа, поэтому его сѣятельство хохоталъ и забавлялся неповиновеніемъ Фила. Онъ видѣлъ также другія вещи, которыхъ не говорилъ. Это былъ старикъ хитрый, онъ могъ оставаться слѣпымъ при случаѣ.

Какъ вы судите о томъ, что Филиппъ былъ готовъ дать или нарушить слово по наущеніямъ молодой дѣвушки? Когда вамъ было двадцать лѣтъ, развѣ молодыя дѣвушки не имѣли вліянія надъ вами? Не были ли онѣ почти всегда старѣ васъ? Довела ли васъ до чего либо ваша юношеская страсть и сожалѣете-ли вы теперь, что нѣтъ? Положимъ ваше желаніе исполнилось и вы женились бы на ней—какихъ лѣтъ была бы она теперь? А теперь, когда вы бываете въ свѣтъ и видите ее, скажите по чистой совѣсти: очень сожалѣете вы, что это Маленькое приключеніе пришло къ концу? Та ли это (худощавая или полная, или низенькая, или высокая) женщина со всеми этими дѣтьми, по которой когда-то терзалось ваше сердце и все ли еще вы завидуете ея мужу? Филиппъ былъ влюбленъ въ свою кузину, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но въ университетѣ развѣ онъ не былъ прежде влюбленъ въ дочь профессора миссъ Буддъ, и не писалъ ли онъ уже стихи миссъ Флоуеръ, дочери его сосѣда въ Старой Паррской улицѣ? И развѣ не всегда молодые люди влюбляются сначала въ женщинъ старѣ себя? Агнеса была старше Филиппа, какъ ея сестра постоянно заботилась напоминать ему.

А Агнеса могла бы рассказать кой-какія сказочки о Бланшъ, еслибы хотѣла—какъ вы можете обо мнѣ, а я о васъ. Сказочки, не совсѣмъ справедливыя, но съ достаточной примѣсью лжи, для того чтобы сдѣлать ихъ ходячею монетою, такія сказочки, какія мы ежедневно слышимъ въ свѣтѣ, такія сказочки, какія мы читаемъ въ самыхъ ученыхъ и добросовѣстно составленныхъ историческихъ книгахъ, которыя рассказываются самыми почтенными людьми и считаются совершенно подлинными, пока ихъ не опровергнуть. Только нашихъ исторій нельзя опровергнуть (если только романисты сами себя не опровергнуть, какъ иногда бываетъ съ ними). То что мы говоримъ о добродѣтеляхъ, недостаткахъ, характерахъ другихъ людей, все это справедливо, вы можете быть увѣрены въ томъ. Пусть-ка кто-нибудь попробуетъ утверждать, что мое мнѣніе о семействѣ Тунсденовъ коварно или жестоко, или вовсе неосновательно въ нѣкоторомъ отношеніи. Агнеса писала стихи и перекладывала на музыку свои собственные и чужія поэмы. Бланшъ была дѣвушка ученая, и очень прилежно посѣщала публичныя лекціи въ Альбермальской улицѣ. Обѣ онѣ были женщины образованныя, какъ водится, хорошо воспитанныя, свѣдущія, съ прекраснымъ обращеніемъ, когда онѣ хотѣли нравиться. Если вы

были холостякъ съ хорошииъ состояніиъ или вдовецъ, нуждавшійся въ утѣшеніи, или дама, дававшая очень хорошіе вечера и принадлежавшая къ большому свѣту, вы нашли бы ихъ пріятными особами. Если вы были чиновникомъ въ казначействѣ или молодыиъ адвокатомъ безъ практики, или дамою старою или молодою, но не принадлежавшею къ высшему свѣту, ваше живіиѣ о нихъ было бы не такъ благопріятно. Я видѣлъ, какъ онѣ презирали, избѣгали, ласкали, становились на колѣни, и поклонялись одному и тому же лицу. Когда мистрисъ Ловелль начала давать вечера, развѣ я не помню, какое негодованіе изображалось на лицахъ Тунсендской семьи? Былъ ли кто холоднѣе васъ, милыя дѣвушки? Теперь онѣ ее любятъ, ласкають ее насмѣиовъ, хвалять ее и въ глаза и за глаза, въ публикѣ берутъ ее за руку, называютъ ее по имени, приходятъ въ восторгъ отъ ея нарядовъ и готовы, кажется, принести уголья для камина въ ея уборной, еслибы она велѣла имъ. Она не измѣнилась. Она та же самая леди, которая когда-то была гувернанткой—и не холоднѣе, и не любезнѣе съ тѣхъ поръ. Но вы видите, что счастье вызвало наружу ея добродѣтели, которыхъ люди не примѣчали, когда она была бѣдна. Могли ли люди видѣть красоту Сандрилоны, когда она сидѣла въ рубищѣ у огня, до тѣхъ поръ, пока она вся въ брилліантахъ не вышла изъ своей волшебной колесницы. Какъ вы узнаете брилліантъ въ сорной ямѣ? Это могутъ увидеть только очень зоркіе глаза. Между тѣмъ какъ дама, въ волшебной колесницѣ въ восемь лошадей, натурально, производитъ впечатлѣніе и заставляетъ принцевъ просить ее сдѣлать имъ честь танцовать съ ними.

Въ качествѣ непогрѣшимаго историка, я объявляю, что если жистъ Тунсенъ въ двадцать три года чувствуетъ большую или маленькую привязанность къ своему еще несовершеннолѣтнему кузену, то нѣтъ никакой причины сердиться на нее. Славный, красивый, прямодушный, широкоплечій, веселый молодой человекъ, съ свѣжимъ румянцемъ на лицѣ, съ весьма хорошиими дарованіями (хотя онъ былъ страшно лѣнивъ и удаленъ на время изъ университета), обладатель и наследникъ порядочнаго состоянія, могъ натурально сдѣлать нѣкоторое впечатлѣніе на сердце дѣвушки, съ которою родство и обстоятельства слодили его ежедневно. Когда такіе задушевные звуки, какъ смѣхъ Фили слышались въ Бонашской улицѣ? Его шутливая откровенность трогала его тетку, женщину умную. Она улыбалась и говорила:

— Милый Филиппъ, не только то, что ты говоришь, но и то, что ты собираешься сказать, держать меня въ такомъ постоянномъ трепетѣ.

Можетъ статья, было время, когда и она была чистосердечна и задушевна; давно, когда она и сестра ся были двумя ружьями дѣвуш-

ками, любившими другъ друга и дружными между собою, и только что вступившими въ свѣтъ. Но если вамъ удастся содержать великолѣпный домъ съ маленькимъ доходомъ, показывать веселое лицо свѣту, хотя васъ тяготятъ заботы; сносить съ почитательнымъ уваженіемъ нестерпиво скучнаго мужа (я и увѣрю, что именно этимъ послѣднимъ качествомъ я наиболѣе восхищаюсь въ мистриссъ Тунсендъ); покоряться поразеніямъ съ терпѣніемъ, униженіямъ съ улыбками — вамъ, можетъ быть, удастся все это, но вы не должны надѣяться быть искренной и задушевной. Братъ сестры съ докторомъ сильно напугалъ Марію Рингуудъ, потому что лордъ Рингуудъ былъ взбѣшенъ, когда пришло это извѣстіе; тогда, можетъ быть, она пожертвовала своей собственной, маленькой, тайной страстью; сначала она покетничала съ однимъ знатнымъ молодымъ сосѣдомъ, который обманулъ ее, потомъ, за недостаткомъ лучшаго, она вышла за Тальбота Тунсдена, эсквайра, и была для него вѣрною женою, а дѣтямъ его заботливою матерью. Что же касается до откровенности и задушевости, мой добрый другъ, принимайте отъ женщины то, что она можетъ дать вамъ—хорошее обращеніе, пріятный разговоръ, личное вниманіе. Если вы завтракаете у нея, не спрашивайте яйцо кондора, но кушайте это порадочно свѣжее куриное яйцо, которое Джонъ приносить вамъ. Когда мистриссъ Тунсендъ ѣдетъ въ коляскѣ по парку, какъ она кажется счастлива, хороша и весела, какъ дѣвушки улыбаются и какъ кажутся молоды (то есть, знаете, соображая все); лошади такія жирныя, кучеръ и лакей такіе видные; дамы разбѣниваются поклонами съ сидящими въ другихъ экипажахъ — извѣстными аристократками. Джонъ и Броунъ, облокотившись о перила и видя какъ тунсендскій экипажъ проѣзжаетъ мимо, не имѣютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ немъ сидятъ люди богатые и свѣтскіе.

— Джонъ, мой милый, у какой знатной фамиліи этотъ девизъ: Well done Twys done (*) и какія это дѣвушки сидятъ въ этой коляскѣ! Броунъ замѣчаетъ Джонсу:

— А Какой красивый франтъ ѣдетъ на гнѣдой лошади и разговариваетъ съ блѣкурой дѣвушкой!

И покрайней мѣрѣ для одного изъ этихъ джентльменовъ очевидно, что онъ глядитъ на людей перваго сорта.

А Филь Фэрминъ на своей гнѣдой лошади съ гераниумомъ въ петлицѣ, безъ всякаго сомнѣнія кажется такъ красивъ, такъ богатъ, такъ молодцоватъ, какъ любой лордъ. И мнѣ кажется, Джонъ долженъ былъ почувствовать маленькую зависть, когда его другъ сказалъ ему:

(*) Непереводаемый каламбуръ; *хорошо сдѣлано, сдѣлано два раза*. Twice done и Twysden. Пр. перев.

— Лордъ, что вы! Этотъ франтъ сынъ доктора.

Но пока Джонсъ и Броуиъ воображаютъ, что все это маленькое общество очень счастливо, они не слышать, какъ Филь шепчетъ своей кузинѣ:

— Надѣюсь, что вамъ понравился вашъ вчерашній кавалеръ?

И они не видятъ какъ растревожена мистриссъ Тунсенъ подъ своими улыбками, какъ она примѣчаетъ подъѣзжающій кабриолетъ полковника Шафто (кавалеръ, о которомъ идетъ рѣчь) и какъ ей хотѣлось бы, чтобы Филь былъ гдѣ ему угодно, только не съ этой стороны ея коляски; какъ леди Брагландсъ проѣхала мимо, не обративъ на нихъ вниманія— леди Брагландсъ, которая даетъ балъ, и рѣшилась не приглашать этой женщины съ ея дочерями; ¹ какъ хотя леди Брагландсъ не хочетъ видѣть мистриссъ Тунсенъ въ ея бросающемся въ глаза елканжѣ, и три лица улыбающіяся ей, она немедленно примѣчаетъ леди Ловелль, которая проѣзжаетъ въ своемъ маленькомъ брумѣ и посылаетъ ей двадцать поцѣлуевъ рукой. Какъ же бѣднымъ Джонсу и Броуиу, которые не принадлежатъ, vous comprenez, къ большому свѣту, понять эти таинственности?

— Этотъ красивый молодой человекъ Ферминъ? говоритъ Броуиъ Джонсу.

— Докторъ женился на племянницѣ графа Рингуда, бѣжалъ съ ней, вы знаете.

— Хорошая практика?

— Отличная. Первоклассная. Все важные люди. Докторъ знатныхъ дамъ; онѣ не могутъ обойтись безъ него. Богатѣетъ, кромѣ того что получилъ за женой.

— Мы видѣли его имя—старика, на очень странной бумажкѣ, говорить Броуиъ, подмигнувъ Джонсу.

Поэтому я заключаю, что это джентльмены изъ сити. И они пристально смотрятъ на нашего пріятеля Филиппа, когда онъ подъѣзжаетъ поговорить и подать руку нѣкоторымъ пѣшеходамъ, которые смотрятъ черезъ перила на шумную и пріятную сцену въ паркѣ.

ГЛАВА V.

Благородный родственникъ.

Имѣвъ случай упомянуть разъ или два о благородномъ графѣ, я увѣренъ, что ни одинъ вѣжливый читатель не согласится, чтобы его

сіятельство толкался въ этой исторіи въ толпѣ обыкновенныхъ лицъ безъ особеннаго описанія, относящагося собственно къ нему. Если вы хоть сколько нибудь знакомы съ Бёрке или Дебреттомъ (*), вы знаете, что древняя фамилія Рингудовъ была давно знаменита своими огромными владѣніями и своимъ вѣроподданствомъ британскому престолу.

Въ смутахъ, по несчастію волновавшихъ это королевство послѣ испроверженія послѣдняго царствующаго дома, Рингуды были замѣшаны съ многими другими фамиліями, но при вступленіи на престолъ его величества Георга III, эти несогласія кончились счастливо, и монархъ не имѣлъ болѣе вѣрнаго и преданнаго подданнаго, какъ сэръ Джонъ Рингудъ, баронетъ, владѣлецъ Уипгэтскаго и Уингэмскаго помѣстьевъ. Вліяніе сэра Джона отиравило трехъ членовъ въ парламентъ; а во время опаснаго и непріятнаго періода американской войны, это вліяніе такъ искренно и постоянно употреблялось на пользу порядка и престола, что его величество заблагоразсудилъ возвести сэра Джона въ званіе барона Рингуда. Братъ сэра Джона, сэръ Фрэнсисъ Рингудъ, изъ Эпильшо, занимавшій юридическую профессию, также сдѣлалъ былъ барономъ и чиновникомъ въ казначействѣ его величества. Первый баронъ, умершій въ 1786, былъ замѣненъ старшимъ сыномъ изъ двухъ его сыновей, Джономъ, вторымъ барономъ и первымъ графомъ Рингудомъ. Братъ его сіятельства высокородный полковникъ Филиппъ Рингудъ, умеръ достопамятнымъ образомъ во главѣ своего полка и защищая свою родину въ сраженіи при Бусако, въ 1810, оставивъ двухъ дочерей Луизу и Марію, которыя потомъ жили у графа, своего дяди.

Графъ Рингудъ имѣлъ только одного сына Чарльза виконта Сликбарра, который къ несчастію умеръ отъ чахотки на двадцать второмъ году. И такимъ образомъ потомки сэра Фрэнсиса Рингуда сдѣлались наследниками огромныхъ помѣстьевъ графа въ Уипгэтѣ и Уингэмѣ, хотя не нѣрства, которое было укрѣплено за графомъ и его отцомъ.

У лорда Рингуда жили двѣ племянницы, дочери его покойнаго брата, полковника Филиппа Рингуда, убитаго въ испанской войнѣ. Изъ нихъ, младшая Луиза, была любимица его сіятельства; и хотя обѣ дѣвушки имѣли свое собственное значительное состояніе, но полагали, что дядя наградитъ ихъ, въ особенности потому, что онъ находился не въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ кузеномъ, сэромъ Джономъ Шо, который принялъ сторону виговъ въ политикѣ, между тѣмъ какъ его сіятельство былъ главою торіевъ.

Изъ этихъ двухъ племянницъ, старшая Марія, никогда не бывшая фавориткой дяди, вышла замужъ въ 1824, за Тальбота Тунсдена,

(*) Авторы двухъ словарей аристократическихъ англійскихъ фамилій. *Ир. перев.*

эскивайра; но младшая Луиза заслужила сильный гнѣвъ милорда, убѣжавъ съ Джорджемъ Брандомъ Ферринномъ эскивайромъ, докторомъ медицины, молодымъ джентльменомъ, воспитанникомъ комбриджскаго университета, который былъ при лордѣ Сивкбаретъ, сынѣ графа Рингуда, когда онъ умеръ въ Неаполѣ и привезъ домой его тѣло въ Уингетскій замокъ.

Ссора съ младшей племянницей и равнодушіе его къ старшей (которую его сіятельство имѣлъ привычку называть старой шутковкой) сначала нѣсколько сблизили лорда Рингуда съ его наследникомъ, сиромъ Джономъ Эпплшо; но оба джентльмена были очень твердаго, чтобы не сказать упрямаго характера. Они поссорились за раздѣлъ какого-то маленькаго наслѣдства, и оба разстались съ большою враждою и съ ругательствами со стороны его сіятельства, который никогда не стѣснялся въ выраженіяхъ и всякую вещь называлъ ея настоящимъ именемъ, какъ говорится.

Послѣ этой ссоры, полагали, что графъ Рингудъ женится на ало своему наслѣднику. Ему было не многимъ болѣе семидесяти лѣтъ и прежде онъ пользовался очень крѣпкимъ здоровьемъ. И хотя его характеръ былъ запальчивъ, а наружность не весьма пріятна (потому что даже въ портретѣ сэра Томаса Лауренса физиономія его весьма некрасива), нечего и сомнѣваться, что онъ могъ бы найти жену между молодыми красавицами въ его родномъ графствѣ или между самыми прелестными обитательницами Мэй-Фэра.

Но онъ былъ циникъ и, можетъ быть, болѣзненно сознавалъ свою непривлекательную наружность.

— Разумѣется, я могу купить жену, говаривалъ его сіятельство. Неужели вы думаете, что отцы не продадутъ своихъ дочерей человѣку моего званія и съ моимъ состояніемъ? Поглядите-ка на меня, мой добрый сэръ, и скажите, можетъ ли хоть какая нибудь женщина любиться въ меня? Я былъ женатъ—и одного раза слишкомъ девольно. Я терпѣть не могу безобразныхъ женщинъ, а ваши добродѣтельныя женщины, которыя дрожать и плачутъ потихоньку и читаютъ нравоученія мужчинамъ, нагоняютъ на меня тоску. Сэръ Джонъ Рингудъ Эпплшо оселъ и я его ненавижу, но не настолько же, однако, чтобы сдѣлать его несчастнымъ на всю жизнь, только для того, чтобы насолить ему. Умру, такъ умру. Вы думаете, много я забочусь о томъ, что будетъ послѣ меня?

И съ сардоническимъ юморомъ этотъ старій лордъ проводилъ добрыхъ матушекъ, подставлявшихъ ему своихъ дочерей, онъ посылалъ жемчугъ Эмили, брильянты Фанни, билетъ въ оперу веселой Кэтъ, религиозныя книги благочестивой Селиндѣ, а въ концѣ сезона, отпра-

лался въ свой огромный и удивленный замокъ на западѣ. »Онѣ всё одинаковы» — таково было мѣніе его сіятельства. Я боюсь, что это былъ злой и развратный старій джентльменъ, мой милыя. Но ахъ, не согласится ли женщина на кое-какія жертвы, чтобы исправить этого несчастнаго человѣка, навести это щедро одаренное природой, но погибшее существо, на путь правды; обратить къ вѣрѣ въ чистоту женщины эту заблудившуюся душу? Онѣ прельщали его веленами на олтаре для его уингетской церкви; онѣ искушали его релігіозными трактатами; онѣ танцовали передъ нимъ; онѣ перепрыгивали верхомъ на лошадей черезъ барьеры; онѣ причесывались гладко или завивали локоны, соображаясь съ его вкусомъ; онѣ всегда были дома, когда онѣ прѣбывалъ, а намъ съ вами, бѣдняжкамъ, грубо говорили, что ихъ дома нѣтъ; онѣ проливали слезы признательности надъ его букетами; онѣ ѣли для него; а матери ихъ, сдерживая свои рыданія, шептали:

— Какой ангелъ, моя Цецилія!

Разныя чудныя кормъ бросали онѣ этой старой птицѣ. Но она все-таки не дивала себя поймать и въ концѣ сезона улетала въ свои западныя горы. А еслибы вы осмѣлились сказать, что мистриссъ Нетли старалась поймать его, или леди Трапбойсъ разставляла ему сѣти, вы сами знаете, что вы были бы злымъ, грубымъ поносителемъ и сдѣлались бы извѣстны повсюду вашей глупой и пошлой клеветой на женщинъ.

Въ 1830 г. съ этимъ вельможей сдѣлался припадокъ подагры, который чуть было не передалъ его помѣстья родственнику его, баронету Эпильшо. Въ сосѣднемъ государствѣ происходила революція. Знаменитый царствующій домъ былъ изгнанъ изъ этой страны, а проекты реформъ (которыя грозили кончиться революціей) созрѣвали у насъ. Событія во Франціи, и тѣ, которыя приготавливались у насъ дома, такъ волновали лорда Рингуда, что съ нимъ сдѣлался одинъ изъ сильнѣйшихъ припадковъ подагры, отъ которыхъ когда либо онѣ страдалъ. Крики его, когда его вынесли съ яхты въ домъ нанятый для него въ Райдѣ, были ужасны; слова его ко всѣмъ окружающимъ были страшно выразительны, какъ леди Камли и дочь ея, которыя катались съ нимъ на яхтѣ нѣсколько разъ, могутъ засвидѣтельствовать. Дурно же расплатился грубый старикъ за всю ихъ доброту и вниманіе къ нему. Онѣ танцовали на его яхтѣ; онѣ обѣдали на его яхтѣ; онѣ весело переносили всѣ неудобства морскихъ поѣздокъ въ его общество. А когда онѣ подбѣжали къ его креслу—чего не сдѣлали бы онѣ, чтобы успокоить старика въ его болѣзни и страданіяхъ?— когда онѣ подбѣжали къ его креслу, въ то время, какъ его катили на колесахъ по пристани, онѣ называлъ мать и дочь самыми пошлыми и

ругательскими иненами, и кричалъ имъ, чтобы онѣ отправлялись въ такое мѣсто, которое конечно я ужъ не назову.

Случилось въ это самое время доктору и мистриссъ Фарминтъ быть въ Райдѣ, съ своимъ маленькимъ сыномъ, которому было тогда три года. Докторъ уже находился въ числѣ самыхъ модныхъ лондонскихъ докторовъ и начиналъ приобретать знаменитость своимъ леченіемъ этой болѣзни (сочиненіе Фармина о *подагрѣ* и *ревматизмѣ* было, какъ вы помните, посвящено его величеству Георгу IV). Камердинеръ лорда Рингуда посовѣтовалъ ему пригласить этого доктора, упомянувъ, что онъ теперь въ этомъ городѣ. Лордъ Рингудъ всегда умѣлъ подчинить свой гнѣвъ своимъ удобствамъ. Онъ немедленно велѣлъ пригласить мистера Фармина и покормился его леченію. Наружность Фармина была такъ величественна, что онъ казался гораздо знатнѣе многихъ знатныхъ вельможъ. Шесть футовъ роста, благородныя манеры, гладкій лобъ, блестящіе глаза, бѣлая какъ снѣгъ манишка, красивая рука изъ подъ бархатнаго обшлага—всѣ эти преимущества имѣлъ онъ и пользовался ими. Онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на прошлое, но обращался съ своимъ пациентомъ съ чрезвычайной вѣжливостью и съ непроницаемымъ самообладаніемъ.

Эта угрюмая и холодная вѣжливость не всегда не нравилась старику. Онъ такъ привыкъ къ раболѣпной угодливости и къ торопливому повиновенію всѣхъ окружавшихъ его, что ему иногда надоѣдало ихъ раболѣпство и нравилась маленькая независимость. Изъ расчета или изъ благородства Фарминтъ рѣшился поддерживать независимыя отношенія съ его сіятельствомъ? Съ перваго дня ихъ встрѣчи онъ никогда отъ нихъ не отступалъ и имѣлъ удовольствіе видѣть только вѣжливое обращеніе со стороны своего благороднаго родственника и пациента, который славился своей грубостью почти со всѣми, кто попадался ему на глаза.

По намекамъ его сіятельства въ разговорѣ, онъ показалъ доктору, что ему были извѣстны нѣкоторыя подробности ранней карьеры Фармина. Она была сумасбродная и бурная. Фарминтъ надѣлалъ долговъ, поссорился съ своимъ отцомъ, вышелъ изъ университета и уѣхалъ за границу; жилъ въ обществѣ кутигъ, которые каждую ночь играли въ карты, а по утрамъ иногда брались за пистолеты; онъ самъ убилъ на дуэли одного знаменитаго итальянскаго авантюриста, который палъ отъ руки его въ Неаполѣ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, пистолетные выстрѣлы можно было слышать иногда въ лондонскихъ предмѣстьяхъ очень рано по утрамъ, а кости употреблялись во всѣхъ игорныхъ домахъ. Кавалеры ордена четырехъ королей путешествовали изъ столицы въ столицу, боролись между собою или обманывали простяковъ.

Теперь времена переменялись. Только *sous-officiers*, поссорившись въ провинціальныхъ кофейныхъ за домино, выходять на дуэли. «Ахъ, Боже мой, говорилъ мнѣ наединѣ со вздохомъ въ Бэйскомъ клубѣ (*) одинъ ветеранъ-понтеръ, не грустно ли думать, что еслибы мнѣ хотѣлось промотать для своего удовольствія пятидесяти фунтовый билетъ, я не знаю въ Лондонѣ ни одного мѣста, гдѣ я бы могъ проиграть его?» И онъ съ любовью припоминалъ имена двадцати мѣстъ, гдѣ могъ весело проиграть деньги въ своей молодости.

Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія за-границей, мистръ Ферминъ воротился на родину, получилъ позволеніе опять вступить въ университетъ и вышелъ съ степенью бакалавра медицины. Мы рассказывали, какъ онъ бѣжалъ съ племянницей лорда Рингуда и подвергнулся гнѣву этого вельможи. Кромѣ гнѣва и ругательства его сѣнаторство не могъ сдѣлать ничего. Молодая дѣвушка была свободна выйти за кого хотѣла, а ея дядя—отвергнуть или принять его. Мы видѣли, что его сѣнаторство не прощаль ее до тѣхъ поръ, пока не нашли удобнаго простить. Каковы были намѣренія лорда Рингуда относительно его имѣнія, сколько онъ скопилъ, кто будетъ его наследникомъ—никто не зналъ. Разумѣется, многіе сильно этимъ интересовались. Мистриссъ Тунсдонъ съ мужемъ и дѣтьми были голодны и бѣдны. Еслибы дядюшка Рингудъ оставилъ деньги, онѣ очень пригодились бы этимъ тремъ бѣдняжечкамъ, отецъ которыхъ не имѣлъ такого большаго дохода, какъ докторъ Ферминъ. Филиппъ былъ милый, добрый, откровенный, любезный, сумасбродный малый—они всё его любили. Но у него были свои недостатки, которыхъ нельзя было скрыть—и вотъ недостатки бѣднаго Фила постоянно разбирались при дядюшкѣ Рингудѣ, милыми родственниками, которые знали ихъ слишкомъ хорошо. Милые родственники, какъ они добры! Я не думаю, чтобы тетка Филиппа бранила его передъ милордомъ. Эта смиренная женщина спокойно и протко выставляла права своихъ любимцевъ и съ любовью распространялась о настоящемъ достаточномъ состояніи молодаго чело-вѣка и его великолѣпныхъ будущихъ надеждахъ. Теперь проценты съ тридцати тысячъ фунтовъ, а потомъ наследство послѣ отца, который такъ много накопилъ! Чего еще нужно молодому чело-вѣку? Можетъ быть, и этого уже слишкомъ много для него. Можетъ быть, онъ слишкомъ богатъ для того чтобы трудиться. Хитрый старый перъ соглашался съ своей племянницей и понималъ какъ нельзя лучше, на что она мѣтала.

(*) Очень модный клубъ, гдѣ прежде была страшная игра.

— Тысяча фунтовъ годового дохода! Что такое тысяча, верчалъ старый лордъ.—Этого мало, для того чтобы играть роль джентльмена и сланикомъ довольно для того, чтобы заставить лѣниться молодого человека.

— Ахъ, право ужъ какъ этого мало! вздыхала мистрисъ Тунсденъ.—Съ такимъ большимъ деюомъ, съ жалованьемъ мистера Тунсдена—просто вѣчѣмъ жить.

— Нечѣмъ жить! Можно умереть съ голода, верчалъ вилордъ съ своей обычной откровенностью.—Развѣ я не знаю, чего стоить хозяйство, и не вижу, какъ вы экономничаете. Бюфетчики и лакен, вилланы и лошади, обѣды—хотя твои обѣды Марія не знамениты.

— Они очень дурны, я знаю, что они дурны, говорятъ люди съ сокрушеніемъ:—но мы не въ состояніи давать обѣдовъ лучше.

— Лучше, разумѣется, вы не можете. Вы глиняные горшки и плаваете съ мѣдными горшками. Я видѣлъ наемщи—Тунсденъ гуляетъ по Сент-Джемской улицѣ съ Родсомъ—этими долговыми. (Тутъ вилордъ засмѣялся и выказалъ множество кляковъ, которые придавали особенно свирѣпый видъ его сѣятельству, когда онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа). Если Тунсденъ гуляетъ съ высокимъ человекомъ, онъ всегда старается не отставать отъ него. Ты это знаешь.

Натурально, бѣдная Марія знала странности своего мужа; но она не сказала, что ей не нужна напоминать о нихъ.

— Онъ такъ замыхался, что едва могъ говорить, продолжалъ дядюшка Рингудъ—но онъ растягивалъ свои маленькія ножки и старался не отставать. Онъ низенькій, *le cher petit*, но у него много отваги. Эти низенькіе люди часто бываютъ таковы. Я видѣлъ, какъ онъ до смерти уставалъ на охотѣ, а пробирался по всплаханннмъ кочкамъ за людьми, у которыхъ были ноги вдвое длиннѣе чѣмъ у него. Вѣсто большаго дома и кучи лѣтяевъ слугъ, зачѣмъ вы не наймете одну горничную и не ѣдите баранину за обѣдомъ, Марія? Вы съ ума сходите, стараясь свести копы съ концами. Ты сама это знаешь. Ты не смѣешь по ночамъ отъ этого, я знаю это очень хорошо. Вы знаете домъ, который годится для людей въ четверо васъ богаче. Я дамъ вамъ моего повара, но я не могу обѣдать у васъ, если не пришло своего вина. Зачѣмъ вы не возьмете бутылку портера, кусокъ баранины и коровья рубцы—это чудо какъ вкусно. Бѣдотвія, навлекаемыя на самихъ себя людьми, которые стараются жить выше своихъ средствъ, ужасно смѣшны, ей-Богу! Взгляните-ка на этого молодца, который отворилъ мнѣ дверь—онъ такъ высокъ, какъ мои собственные лакен. Переѣзжайте-ка въ тихую улицу въ Бельгрэвію гдѣ нибудь, и наймите опрятную горничную. Никто не станетъ думать о васъ на

волею хуже—и вы будете жить такъ хорошо, какъ есаимы жили здѣсь съ прибавочной еще тысячи фунтовъ въ годъ. Совѣтъ, который я вамъ даю, стоитъ этихъ денегъ.

— Совѣтъ очень хорошій, но я думаю сэръ, что я предпочла бы тысячу фунтовъ, сказала мистриссъ Тунсенъ.

— Разумѣется. Вотъ это слѣдствіе вашего фальшиваго положенія. Въ докторѣ хорошо то, что онъ гордъ какъ Луциферъ и сынъ его также. Они не жадны къ деньгамъ. Они поддерживаютъ свою независимость. Когда я въ первый разъ пригласилъ его, я думалъ, что онъ какъ родственникъ, будетъ лечить меня даромъ; но онъ не хотѣлъ. Онъ потребовалъ платы, ей-Богу, не хотѣлъ прѣзжать безъ этого! Чертовски независимый человекъ этотъ Ферминъ. И молодой такой же.

Но когда Тунсенъ и его сынъ (можетъ быть по наущеніямъ мистриссъ Тунсенъ) старались разъ или два выказать независимость въ присутствіи этого льва, онъ разревѣлся, накинулся на нихъ, такъ что они убѣжали отъ его воя. Это напоминаетъ мнѣ одну старую исторію, которую я слышалъ, совсѣмъ старую, старую исторію, которую добрые старички въ клубѣ любятъ вспоминать— о милордѣ, когда онъ былъ еще лордомъ Синкбарзомъ, онъ оскорбилъ отставнаго лейтенанта, который отхлесталъ его сѣнательство самымъ секретнымъ и свирѣпымъ образомъ. Говорили, что лордъ Синкбаръ наткнулся на браконьеровъ; но на самомъ-то дѣлѣ—это милордъ стрѣлялъ чужую дичь, а лейтенантъ защищалъ свою собственность. Я не говорю, что это былъ вельможа образцовый; но когда собственные страсти или интересы не сбивали его съ толку, это былъ вельможа весьма пронипательный, съ юморомъ и съ здравымъ смысломъ и могъ при случаѣ подать хорошій совѣтъ. Если люди хотѣли становиться на колѣни и цѣловать его сапоги, прекрасно. Но тотъ, кто не хотѣлъ, былъ свободенъ не производить этой операціи. Самъ пана не требуетъ этой церемоніи отъ протестантовъ, и если они не хотятъ цаловать его туфли, никто и не думаетъ совать имъ насильно его въ ротъ. Филь и его отецъ вѣроятно не хотѣли трепетать передъ старикомъ, не потому, что они знали, что онъ былъ забіяка, котораго можно было свалить съ ногъ, но потому, что это были люди умные, которымъ было все равно, кто былъ забіяка, и кто нѣтъ.

Я сказалъ вамъ, что я люблю Филиппа Фермина, хотя надо признаться, что у этого молодого человека было много недостатковъ, и что его карьера, особенно въ ранней юности, была вовсе не безукоризненною. Извинялъ ли я когда его поведеніе съ отцомъ, сказалъ ли слово въ извиненіе его краткой и незнаменитой университетской карьеры? Я осознаю въ его промахахъ съ тѣмъ чистосердечіемъ, съ которымъ

мои друзья говорить о моихъ. Кто не видитъ слабости своего друга, кто такъ слѣпъ, что не примѣчаетъ огромнаго бревна въ глазу своего брата? Развѣ женщины двѣ, три, да и то весьма рѣдко, но и тѣ разочаруются когда нибудь. Какъ человекъ свѣтскій, я пишу о моихъ друзьяхъ какъ о свѣтскихъ братьяхъ. Неужели вы думаете, что здѣсь много ангеловъ? Я опять скажу, можетъ быть женщинами двѣ, три. Что же касается до васъ и до меня, мой добрый сэръ, есть ли на *нашихъ* плечахъ какіе нибудь знаки крылышекъ? Молчите, прекратите ваши ворчливыя циническія замѣчанія, а продолжайте вашъ рассказъ.

Когда вы идете по жизненному пути, спотыкаясь, скользя и опять вскакивая на ноги, плачевно сознавая свою несчастную слабость и молясь съ сокрушеннымъ сердцемъ, чтобы не впасть въ искушеніе, не смотрѣли ли вы часто на другихъ грѣшниковъ, не соображали ли съ ужаснымъ участіемъ о ихъ карьерѣ? Есть нѣкоторые, на кого съ самаго ихъ дѣтства мрачный Ариманъ наложилъ свою ужасную печать: дѣтьми они были уже развращены, злы на языкъ, въ нѣжномъ возрастѣ уже жестоки; имъ слѣдовало бы еще быть правдивыми и великодушными (они вчера лежали у материнской груди), а они фальшивы и холодны, и жадны преждевременно. Они почти еще младенцы, а уже эгоистичны какъ старикки; подъ ихъ чистосердечными личиками виднѣется хитрость и злость, и отвратительное преждевременное лукавство. Я могу припомнить такихъ дѣтей, и въ незабытомъ дѣтствѣ, въ глубокой дали вижу эту печальную процессію *enfants perdus*. Да спасетъ ихъ небо! Потому есть тотъ сомнительный классъ людей, которые еще не искушены, которые падаютъ и опять встаютъ, которые часто остаются побѣдителями въ битвѣ жизни, которые побиты, ранены, взяты въ плѣнъ, но спасаются и иногда побѣждаютъ. Потому есть счастливый классъ людей, въ которыхъ не бываетъ никакого сомнѣнія: они безукоризненны и въ одеждѣ бѣлоснѣжной; для нихъ добродѣтель легка, въ ихъ чистой груди приютилась вѣра, а холодное сомнѣніе не имѣетъ доступа туда; они были дѣтьми добры, молодыми людьми добры, сдѣлались мужьями и отцами, и все-таки остались добры. Почему первый воспитанникъ въ нашей школѣ, могъ писать греческіе ямбы безъ усилій и безъ ошибки? Другіе изъ насъ покрывали страницы бесполезными слезами и помарками и несмотря на всѣ свои труды все-таки оставались послѣдними въ классѣ. Нашъ пріятель Филиппъ принадлежитъ къ среднему классу, въ которомъ, вѣроятно, находимся мы съ вами, любезный сэръ; не навсегда, я надеюсь, включены мы въ этотъ ужасный, третій классъ, о которомъ было упомянуто.

Филиппъ поступилъ изъ школы въ университетъ и тамъ отличил-

са, но немногіе родители захотѣли бы, чтобы сыновья ихъ отличались такимъ образомъ. Что онъ охотился, давалъ обѣды, былъ лучшимъ гребцомъ на одной изъ лучшихъ лодокъ на рѣкѣ, что онъ говорилъ рѣчи въ политическомъ клубѣ—все это было очень хорошо. Но зачѣмъ онъ выражалъ такія ужасно радикальныя мнѣнія, онъ, съ благородной кровью въ своихъ жилахъ, и сынъ человѣка, выгоды котораго требовали, чтобы онъ поддерживалъ хорошія сношенія съ знатными людьми.

— Ну, Пенденнисъ, сказалъ мнѣ докторъ Ферминъ со слезами на глазахъ, и искренняя горестъ изобразилась на его красивомъ, блѣдномъ лицѣ,—почему Филиппъ Ферминъ, дѣды котораго съ обѣихъ сторонъ благородно дрались за своего короля, забываетъ правила своей фамилии и... не нахожу словъ сказать вамъ какъ глубоко онъ разочаровываетъ меня. Я слышалъ, что онъ въ этомъ ужасномъ ихъ клубѣ защищалъ смерть Карла II! Я самъ былъ довольно сумасброденъ въ университетѣ, но я былъ джентльменъ.

— Мальчики, сэръ, всегда мальчики, убѣждалъ я. Они будутъ защищать все, аргументовъ ради; и Филиппъ также охотно взялъ бы и другую сторону.

— Лордъ Экминстеръ и лордъ Сен-Денисъ рассказали мнѣ объ этомъ въ клубѣ. Увѣряю васъ, на меня это сдѣлало самое тягостное впечатлѣніе, вскричалъ отецъ; что сынъ мой будетъ радикаломъ и республиканцемъ—жестокая мысль для отца; а я надѣялся, что онъ будетъ представителемъ мѣстечка лорда Рингуда,—я надѣялся,—я надѣялся гораздо лучшаго для него и отъ него. Онъ не утѣшаетъ меня. Вы видѣли, какъ онъ обращался со мною въ одинъ вечеръ? Отецъ можетъ жить, я думаю, въ другихъ отношеніяхъ съ своимъ единственнымъ сыномъ.

И съ прерывающимся голосомъ, съ блѣдными щеками и съ истинной скорбью въ сердцѣ несчастный докторъ ушелъ.

Какъ воспитать докторъ своего сына, что молодой человѣкъ былъ такъ непокоренъ? Самъ ли мальчикъ былъ виноватъ въ этомъ непослушаніи или отецъ его? Докторъ Ферминъ ужасался, кажется, оттого, что ужасались его добрые друзья, радикальныхъ доктринъ Фила. Въ это время моей жизни, когда я былъ молодъ, я чувствовалъ коварное удовольствіе бѣсить старика и заставлять его говорить, что я «опасный человѣкъ». Теперь я готовъ сказать, что Неронъ былъ монархъ съ весьма изящными дарованіями и съ прелюбезнымъ характеромъ. Я хвалю успѣхъ и восхищаюсь имъ, гдѣ бы я его не встрѣтилъ. Я извиняю недостатки и недовольства особенно въ тѣхъ, кто выше меня, и чувствую что еслибы мы знали все, мы судили бы о нихъ совер-

менно различныя образы. Можетъ быть иѣтъ уже не вѣрять такъ, какъ вѣрили прежде. Но и не оскорблю никого, я надѣюсь, что не оскорблю. Развѣ я сказалъ что иибудь испрѣтное? Чортъ побери, оиѣтъ ошибся! Я беру это выраженіе назадъ. Я сожалѣю о немъ. Я прямо его опровергаю.

Такъ какъ я готовъ извинить всѣхъ, пусть и бѣднѣй Филиппъ воспользуется этою кроткою яиниотіей; и если оиѣтъ раздражилъ своего отца, какъ это дѣйствительно и было, будемъ надѣяться, будемъ увѣрены, что оиѣтъ вовсе былъ не такъ черенъ, какъ старѣй джентльманъ описывалъ его. Если я описалъ стараго джентльмана нѣсколько черными красками, почему знать, можетъ быть это ошибка не цвѣта его лица, а моего зрѣнія? Филь былъ непокоренъ, потому что оиѣтъ былъ смѣлъ, сумасброденъ и молодъ. Отецъ его оскорбляется весьма естественно, оскорбляется расточительностью и шажостями мальчика. Они оиѣтъ сойдутся какъ слѣдуетъ отцу и сыну. Эти маленькія несогласія сгладятся впоследствии. Мальчикъ велъ сумасбродную жизнь, оиѣтъ принужденъ былъ выдти изъ университета. Оиѣтъ внушалъ своему отцу часы безпокойства и безсонныя ночи. Но постоите, отецъ, а вы-то что? Показали ли вы сыну примѣръ довѣрія, любви и уваженія? Приучали вы его къ добродѣтели, учили ли правдѣ дитя на вашихъ колѣняхъ? «Чти отца твоего и мать». Аминь. Долголѣтенъ будетъ на землѣ тотъ, кто исполнить эту заповѣдь; но въ заповѣдяхъ развѣ не подразумѣвается, хотя это не написано на скрижаляхъ: «Чти сына твоего и дочь твою» Дай Богъ, чтобы мы, которымъ уже немного осталось жить на свѣтѣ, могли исполнить и это повелѣніе.

Что сдѣлало Филиппа сумасброднымъ, расточительнымъ и непокорнымъ? Вылечившись отъ той болѣзни, въ которой мы видѣли его, оиѣтъ изъ школы отправился своею дорогою въ университетъ и тамъ началъ вести жизнь, какую ведутъ сумасбродные молодые люди. Послѣ болѣзни его обращеніе къ отцу измѣнилось, а старшій Фэрминъ какъ будто боялся спрашивать сына объ этой переиѣвѣ. Оиѣтъ жилъ ииѣтъ въ своемъ собственномъ домѣ, приходилъ и отлучался когда хотѣлъ, распоряжался слугами, которые его баловали, тратилъ доходъ, которѣй былъ укрѣпленъ за его матерью и ея дѣтьми, и щедро раздавалъ его бѣднымъ знакомымъ. На увѣщанія старыхъ друзей оиѣтъ отвѣчалъ, что оиѣтъ ииѣтъ право распоряжаться своею собственностью; что тотъ, кто бѣденъ, можетъ трудиться, а у него есть чѣмъ жить, не имѣя нужды корпѣть надъ классиками и математикой. Оиѣтъ былъ замѣченъ въ разныхъ шалостяхъ, профессора его не выдали, но оиѣтъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ университетскою полиціей. Еслибы я нависалъ исторію о пребываніи въ университетѣ мистера Филиппа Фэрмина, это

была бы исторія Лѣвиваго Подмастерья (*), которому пасторъ и учителя справедливо предсказывали дурное. Его видѣли въ Лондонѣ, когда отецъ и профессора полагали его больнымъ въ его университетской квартирѣ. Онъ вознакомился съ веселыми товарищами, короткость съ которыми огорчала его отца. Онъ прямо сказалъ изумленному дядѣ Тунсдену на Лондонской улицѣ, что онъ навѣрно ошибается — онъ французъ, онъ не говоритъ по-английски. Онъ дерзко глядѣлъ въ лицо ректору своей коллегіи, онъ ускокалъ въ университетъ съ быстротою Тѣрпина (**), чтобы находиться на своей квартирѣ, когда будетъ производиться слѣдствіе. Я боюсь, что нѣтъ никакого сомнѣнія, что Филъ забилъ гвоздями дверь профессора, чтобы тотъ не могъ выйти изъ своей квартиры на другой день. Мистеръ Оксъ засталъ его на мѣстѣ преступленія. Шалуль долженъ былъ оставить университетъ. Желалъ бы я сказать, что онъ раскаялся; но онъ безопасно явился поредъ отцемъ, оговаривалъ, что въ университетѣ онъ не дѣлаетъ ничего хорошаго, что ему гораздо лучше оставить университетъ и отправиться за-границу, во Францію и въ Италію, куда не наше дѣло слѣдовать за нимъ. Что-то отравило благородную кровь. Когда-то добрый и честный юноша сдѣлался сумасброденъ и безпеченъ. Денегъ у него было вдоволь, онъ имѣлъ своихъ лошадей, свой экипажъ и даровую квартиру въ домѣ отца. Но отецъ и сынъ рѣдко встрѣчались и почти никогда не обѣдали вмѣстѣ.

— Я знаю, гдѣ онъ бываетъ, но не знаю его друзей, Пенденнисъ, говорилъ старшій Фарминъ. Я не думаю, чтобы они были порочны, но эта компанія самая низкая. Я не обвиняю его въ порокахъ, замѣйте, но въ лѣности, въ пагубномъ пристрастіи къ низкому обществу и въ сумасбродной, самоубійственной рѣшимости пренебрегать возможностью на успѣхъ въ жизни. Ахъ, подумайте, гдѣ бы онъ могъ быть теперь и гдѣ онъ!

Гдѣ онъ? Не пугайтесь. Филиппъ только лѣнился. Филиппъ могъ заниматься гораздо прилежнѣе, гораздо полезнѣе, но и гораздо хуже. Я самъ тавъ недавно занимался тѣмъ же чѣмъ Филиппъ, что не могъ раздѣлять негодованіе доктора Фармина на дурное поведеніе и дурныхъ товарищей его сына. Когда Фарминъ самъ кутилъ, онъ дрался, интриговалъ и картежничалъ въ хорошемъ обществѣ. Филъ выбиралъ своихъ друзей между бандитами, о которыхъ никто не слыхивалъ въ модномъ свѣтѣ. Можетъ быть ему хотѣлось играть роль принца между

(*) Намекъ на одинъ изъ рождественскихъ рассказовъ Диккенса. *Прим. перев.*

(**) Знаменитый разбойникъ въ XVII столѣтіи, который въ одинъ день доѣхалъ изъ Лондона въ Юркъ. *Прим. перев.*

этими сообщниками, может быть онъ былъ не прочь отъ лести, которую доставлялъ ему полный кошелекъ между людьми во большей части съ тощими карманами. Въ школѣ и въ своей краткой университетской карьерѣ онъ подружился съ людьми, которые жили въ свѣтѣ и съ которыми онъ былъ и послѣ коротко знакомъ.

— Эти приходять и стучать въ парадную дверь, говаривалъ онъ съ своимъ прежнимъ смѣхомъ:—а бандиты ходять черезъ анатомическую комнату. Я знаю изъ нихъ очень честныхъ; не одни бѣднѣе разбойники заслуживаютъ висѣлицу иногда.

Подобно многимъ молодымъ джентльменамъ, не имѣющимъ намеренія серьезно заниматься юриспруденціей, Филиппъ занялся студентомъ въ одну изъ коллегій правовѣденія и посѣщалъ лекціи, хотя увѣрялъ, что его совѣсть не позволяетъ ему практиковать (я не защищаю мнѣній этого щекотливаго моралиста, а только излагаю ихъ). Онъ и тутъ познакомился съ темпльскими бандитами. У него была квартира въ пергаментномъ ряду, на двери которой вы могли прочесть: «мистеръ Кассиди, мистеръ Ф*** Фарминъ, мистеръ Ванжонъ»; но могли ли эти джентльмены подвинуть Филиппа въ жизни? Кассиди былъ газетный стенографъ, а молодой Ванжонъ держалъ пари и вѣчно бывалъ на скачкахъ. Докторъ Фарминъ терпѣть не могъ журналистовъ и газетчиковъ и считалъ ихъ принадлежащими къ опасному классу, и обращался съ ними съ осторожной любезностью.

— Взгляни-ка на отца, Пенъ, говаривалъ Филиппъ настоящему лѣтописцу.—Онъ всегда смотритъ на васъ съ тайнымъ подозрѣніемъ и никакъ не можетъ опомниться отъ удивленія, что вы джентльменъ. Я люблю, когда онъ играетъ съ вами роль лорда Чатама, снисходительно обращается съ вами и даетъ вамъ цѣловать свою руку. Онъ считаетъ себя лучше васъ, развѣ вы не видите? Это образецъ *rége noble*! Миѣ слѣдовало бы быть сэромъ Чарльзомъ Грандисономъ.

И молодой шалуиъ передразнить улыбку отца, представить, какъ докторъ прикладываетъ руку къ груди и выставляетъ свою красивую правую ногу; я признаюсь, что всѣ эти движенія и позы были нѣсколько напыщенны и жеманны.

Какovy бы ни были отцовскіе недостатки, вы скажете, что Филиппу не слѣдовало критиковать ихъ; въ этомъ я не стану защищать его. У жены моей жила дѣвочка, которую она нашла на улицѣ. Она пѣла какую-то пѣсенку. Дѣвочка не могла еще говорить—она только лепетала свою пѣсенку; она ушла изъ дому не зная, какой опасности она подвергалась. Мы держали ее нѣсколько времени, пока полиція не нашла ея родителей. Наши слуги выкупили ее, одѣли и отослали домой въ такомъ опрятномъ платьѣ, какого бѣдняжка не видала никогда,

нока судьба не свела ее съ добрыми людьми. Она часто у насъ бываетъ. Отъ насъ она всегда уходитъ чистенькая и опрятненькая; а къ намъ возвращается въ лохмотьяхъ и грязи. Негодная дѣвочка! Позвольте спросить, чья обязанность держать ее въ чистотѣ? И родители въ этомъ не забыли ли чтить свою дочь? Положимъ, какая нибудь причина мѣшаетъ Филиппу чтить его отца; докторъ не позаботился очистить отъ грязи сердце мальчика и съ небрежностью и съ равнодушіемъ отправилъ его блуждать по свѣту. Если такъ, горе этому доктору! Если я беру моего маленькаго сына въ таверну обѣдать, не долженъ ли я заплатить за него? Если я позволяю ему въ нѣжной юности сбиться съ пути и если съ нимъ сдѣлается вредъ, кто въ этомъ виноватъ?

Можетъ быть тѣ самыя оскорбленія, на которыя жаловался отецъ Фила, были въ нѣкоторой степени возбуждены недостатками отца. Онъ былъ такъ разболѣпенъ передъ знатными людьми, что сынъ въ бѣшенствѣ гордо обращался съ ними и избѣгалъ ихъ. Онъ былъ такъ важенъ, такъ вѣжливъ, такъ льстивъ, такъ искусственъ, что Филъ, возмущаясь этимъ лицемерствомъ, захотѣлъ быть откровеннымъ и фамиліарнымъ циникомъ. Знатные старики, которыхъ докторъ любилъ собирать у себя въ домѣ, торжественные люди старинной школы, которые обѣдали торжественно другъ у друга въ торжественныхъ домахъ, такіе люди какъ старый лордъ Ботли, баронъ Бемпшеръ, Крикледъ (который издалъ *Путешествіе по Малой Азии* въ 1804), епископъ Сен-Бизъ и тому подобные грустно качали головою когда разговаривали въ клубѣ о негодномъ сынѣ Фермина. Изъ него не выйдетъ ничего путнаго; онъ очень огорчаетъ своего бѣднаго отца; онъ участвовалъ въ разныхъ сходкахъ въ университетѣ; ректоръ коллегіи св. Бонифація отзывался весьма неблагопріятно о немъ. А на торжественныхъ обѣдахъ въ Старой Паррской улицѣ, чудныхъ, дорогихъ, безмолвныхъ обѣдахъ—онъ обращался съ этими старыми джентльмэнами съ фамиліарностью, заставлявшею ихъ старыя головы трястись отъ удивленія и негодованія. Лордъ Ботли и баронъ Бемпшеръ представили сына Фермина въ Левиаѳановскій клубъ. Блѣдные старики съ испугомъ отступили, когда онъ явился тамъ. Онъ принесъ съ собою запахъ табаку. Онъ былъ способенъ курить даже въ гостинной. Они дрожали передъ Филиппомъ, который съ своей стороны наслаждался ихъ старческимъ гнѣвомъ и любилъ побѣсить ихъ.

Нигдѣ не видали Филиппа и не слышали о немъ такъ невыгодно какъ въ домѣ его отца.

— Я самъ чувствую себя притворщикомъ между этими старыми притворщиками, говаривалъ онъ мнѣ.—Мнѣ тошно отъ ихъ старыхъ

шуточекъ, старыхъ коммиментовъ и добродѣтельныхъ разговоровъ. Всѣ ли старики притворщики, желалъ бы я знать?

Непріятно слышать мизантропію изъ юныхъ устъ и видѣть какъ эти двадцатилѣтніе глаза уже смотрятъ на свѣтъ съ недовѣріемъ.

Въ чужахъ домахъ, я обязанъ сказать, Филиппъ былъ гораздо любезнѣе, и онъ приносилъ съ собою такую блестящую веселость, что она вносила солнечный свѣтъ и радость въ тѣ комнаты, какія онъ посѣщалъ. Я оказалъ, что многіе изъ его товарищей были художники и журналисты, и клубы ихъ, и пріюты посѣщалъ и онъ. Ряди академикъ жилъ у мистриссъ Брандонъ въ Торнгофской улицѣ, и Филиппъ часто бывалъ въ его мастерской или въ маленькѣйшей комнаткѣ вдовы. Онъ питалъ къ ней большую нѣжность и признательность; ея присутствіе какъ будто очищало его; въ ея обществѣ беззаботный, шумный молодой человекъ былъ неизмѣнно кротокъ и почитателемъ. Глаза ея всегда наполнялись слезами, когда она говорила объ немъ; а когда онъ былъ тутъ, слѣдовали и наблюдали за нимъ съ нѣжной материнской преданностью. Пріятно было видѣть его у ея простаго камелька, слышать его шуточки и болтовню съ однимъ глупымъ старикомъ, который былъ въ числѣ жильцовъ мистриссъ Брандонъ. Филиппъ игралъ въ криббэдждъ по цѣлымъ часамъ съ этимъ старикомъ, отпускалъ насчетъ его сотни безъобидныхъ шуточекъ и шелъ возлѣ его инвалиднаго кресла, когда старый капитанъ отправлялся погрѣться на солнышкѣ на улицу. Филиппъ былъ лѣнтяй, это правда. Онъ любилъ не дѣлать ничего, и проводилъ половину дня въ полномъ удовольствіи за своей трубкой, смотря на Ридли за мольбертомъ. Онъ нарисовалъ эту очаровательную голову Филиппа, которая виситъ въ комнатѣ мистриссъ Брандонъ, съ бѣлокурыми волосами, съ темными бородой и усами и съ смѣлыми голубыми глазами.

Филиппъ пѣлъ послѣ ужина пѣсни «Garryowen na gloria» которую пріятно было слушать, и которую, когда онъ пѣлъ во весь голосъ, можно было слышать за цѣлую милю кругомъ. Въ одинъ вечеръ я обѣдалъ на Рессельскомъ скверѣ, и меня привезъ домой въ своей каретѣ докторъ Фарминъ, который былъ въ числѣ гостей, когда мы проѣзжали черезъ Сога (*), окна одной комнаты въ клубѣ были открыты, и мы могли слышать пѣсню Филиппа, особенно одинъ дикій ирландскій припѣвъ, среди всеобщихъ рукоплесканій и восторженнаго бряканія рюмокъ.

Бѣдный отецъ опустился на подушки кареты, какъ будто его поразилъ ударъ.

(*) Бѣдная часть Лондона, въ которой живутъ художники. *Прим. перев.*

— Вы слышите его голосъ? застоналъ онъ—вотъ онъ гдѣ бываетъ. Сынъ мой, который могъ бы бывать вездѣ, предпочитаетъ отличиться въ кабацѣ и орать пѣсни въ портерныхъ!

Я старался извинить Филиппа. Я зналъ, что въ этомъ мѣстѣ не происходило ничего дурнаго, что его посѣщали талантливые люди и даже знаменитости. Но оскорбленный отецъ не хотѣлъ утѣшаться такими общими мѣстами и глубокая естественная печаль тяготила его по милости недостатковъ сына.

То, что случилось потомъ, не удивило меня. Между пациентками доктора Фэрмина была незамужняя дама приличныхъ лѣтъ и съ большимъ состояніемъ, которая смотрѣла на талантливаго доктора благопріятными глазами. Что онъ желалъ имѣть подругу, которая развлекала бы его въ одиночествѣ, было довольно естественно, и всѣ его друзья думали, что онъ долженъ жениться. Всѣ знали это маленькое волокитство, кромѣ сына доктора, между которымъ и его отцомъ было слишкомъ много тайнъ.

Кто-то въ клубѣ спросилъ Филиппа: соболѣзновать онъ долженъ съ нимъ или поздравлять его съ приближающейся женитьбою отца?

— Съ чѣмъ?

Младшій Фэрминъ выказалъ величайшее удивленіе и волненіе, услышавъ объ этомъ бракѣ. Онъ побѣжалъ домой, онъ ждалъ возвращенія отца. Когда докторъ Фэрминъ воротился домой и вошелъ въ свой кабинетъ, Филиппъ встрѣтилъ его тамъ.

— Должно быть я слышалъ сегодня ложь, свирѣпо сказалъ молодой человѣкъ.

— Ложь? какую ложь, Филиппъ? спросилъ отецъ.

Они оба были очень рѣшительные и мужественные люди.

— Что вы женитесь на миссъ Бенсонъ.

— Развѣ ты дѣлаешь домъ мой такимъ веселымъ, что мнѣ не нужно другаго собесѣдника? спросилъ отецъ.

— Не въ этомъ вопросъ, горячо сказалъ Филиппъ:—вы не можете и не должны жениться на этой дамѣ, сэръ.

— Почему?

— Потому что передъ глазами Бога вы уже женаты, сэръ. И я клянусь, что завтра же расскажу эту исторію миссъ Бенсонъ, если вы будете настаивать на вашемъ намѣреніи.

— Такъ ты знаешь эту исторію? застоналъ отецъ.

— Да. Богъ да проститъ вамъ, сказалъ сынъ.

— Это проступокъ моей юности, въ которомъ я горько раскаялся.

— Проступокъ!—Преступленіе! сказалъ Филиппъ.

— Довольно, сэръ! Каковъ бы ни былъ мой проступокъ, не вѣтъ обвинять меня.

— Если вы не храните вашу честь, я долженъ хранить ее. Я сейчасъ же ѣду къ миссъ Бенсонъ.

— Если вы выдете изъ этого дома, вы навѣрно не намѣрены возвращаться?

— Пусть такъ. Кончимъ наши счеты и разстанемся, сэръ.

— Филиппъ, Филиппъ, ты раздраешь мнѣ сердце! закричалъ отецъ.

— А вы развѣ думаете, что у меня на сердцѣ легко, сэръ, сказать сынъ.

Миссъ Бенсонъ не сдѣлалась мачихой Филиппа. Но отецъ и сынъ не болѣе любили другъ друга послѣ этой ссоры.

ПОЛИТИКА.

Франція. — Финансовыя эликвибраціи Фульда. — Репутація его вмѣстѣ съ Дюмоларомъ въ парижскихъ общественныхъ кружкахъ. — Лечение биржевой игрой финансоваго недуга. — Тронныя рѣчи императора Французовъ и королевы англійской. — Процессъ Анны Гампльтонъ. — Курьезный процессъ лорда Уильдема. — Лордъ Пальмерстонъ и его билль о передачѣ собственности. — Быстрая перемѣна англійской политики относительно Америки. — Побѣды федеральной партіи и планы конгресса относительно завоеваній. — Внутренняя связь между мексиканской экспедиціей и отвращеніемъ южныхъ штатовъ. — Походъ въ Мексику и храброе сопротивленіе Мексиканцевъ. — Вопросъ о будущемъ мексиканскомъ королѣ. — Отсутствіе новостей изъ Италіи. — Ложная система дѣйствій Рикасоли и недоверіе итальянской націи къ піемонтскому парламенту. — Наводненіе въ Венгріи и засуха въ австрійской политикѣ. — Двойственное поведеніе Пруссіи относительно Германіи. — Значеніе демократической партіи въ Берлинѣ и неумѣнье ея обращаться съ современными вопросами.

Въ послѣднее время Фульду приходится въ теченіи нѣсколькихъ недѣль наравнѣ съ Дюмоларомъ быть предметомъ исключительнаго вниманія французской публики. Куда ни пойдете — во всякой гостиниѣ только и будете слышать: Фульдъ, Дюмоляръ, Дюмоляръ, Фульдъ. Эти два имени повторяются повсюду, у каждаго забора, на всякомъ перекресткѣ. Случается и такъ, что предметы разговора сдвигиваются... Одному полуглухому господину говорятъ о плохомъ состояніи нашихъ финансовъ, а онъ отвѣчаетъ: «А, да, да, это было въ монтвернерскомъ лѣсу».

Однако «à tout seigneur—tout honneur». Начнемъ съ его превосходительства Ахиллеса Фульда, нашего искуснаго министра финансовъ. Послѣ того какъ несчастный г. Миресь предсказалъ, что онъ увлечетъ государство къ гибели и что послѣ кассы желѣзныхъ дорогъ прекратитъ свои платежи наше важнѣйшее финансовое учрежденіе— «Trésor public», дѣлается понятнымъ, отчего насъ такъ занимаетъ вопросъ о бюджетѣ, въ особенности съ той минуты, какъ г. Фульдъ раскрылъ всю глубину нашей финансовой язвы, превзошедшей ожиданія самыхъ ярыхъ пессимистовъ. Остановимся нѣсколько минутъ на нѣкоторыхъ финансовыхъ наблюденіяхъ. Въ настоящую минуту весь политическій міръ занятъ неутѣшительными выкладками. Соединенные Штаты почувствовали вдругъ всю необходимость для себя кредитныхъ знаковъ и усиленнаго курса, а потому очень сожалѣютъ о цѣломъ потоцѣ долларовъ, которые, благодаря требованіямъ войскъ, они принуждены были бросить въ «*Gulf-Stream*». Англичане, съ своей стороны, чтобы сражаться противъ Американцевъ, сдѣлали хищническій набѣгъ на ссудную казну; теперь ее нужно пополнить прибавочнымъ налогомъ въ $1\frac{1}{2}\%$ съ дохода. Пруссія очень бы хотѣла избѣгнуть новаго военнаго бюджета. Ганноверъ въ долгу. Испанія ужъ и не платитъ своихъ долговъ. Италія въ большомъ затрудненіи. Положеніе Австріи относительно финансовъ вошло въ пословицу. Турція, слѣдуя примѣру Франціи, обнародовала роспись своихъ доходовъ и расходовъ. Весь міръ занятъ финансовыми дѣлами, и волей-неволей мы должны слѣдовать за всеобщимъ движеніемъ. Приходится волей-неволей ограничиться одной прозаической стороною политики: вся поззія современной исторіи кончилась съ той минуты, какъ Гарibaldi снялъ съ себя красную рубашку диктатора и облекся въ синюю блузу капперскаго фермера.

Государственный долгъ Франціи раздѣляется на двѣ различныя отрасли, изъ которыхъ первая носитъ названіе *dette flottante* а вторая—*dette consolidée*. Последняя, названная такъ не совсемъ точно, опредѣляетъ собою долгъ постоянный, а первая означаетъ долгъ, погашаемый въ разные сроки, въ четыре мѣсяца, въ полгода, въ годъ. Дѣйствительно, этотъ долгъ погашается выдачами денегъ вкладчикамъ, но дѣло въ томъ, что на сто желающихъ получить свои суммы всегда будетъ сто одинъ желающій снова вложить ихъ. Такимъ образомъ послѣдніе помогаютъ государству улатить ихъ предшественникамъ, а сто первый вкладчикъ даетъ возможность правительству

использовать его деньги для покрытия дефицита, производимого ежегодно нашей администрацией в общественном достоянии. Но при всяком кризисе, после уплаты нерыночных вкладчикам, займы их могут явиться только девянью девять. Тут уже грозит опасность банкротства. Тогда часть временного долга (*dette flottante*) обращается в постоянный (*dette consolidée*), т. е. билет казначейства на возвращаемый капитал заменяется билетом на невозвращаемый, с правом получения постоянных процентов. Вместо того, чтобы платить подать, положим, в 40 миллионов, для уплаты процентов за государственные билеты, податное сословие будет платить те же 40 миллионов, чтобы удовлетворить требования процентов с нового, постоянного долга. Вследствие такого упрощения государственного дохода, податное сословие является вынужденным платить впрямь по 40 миллионов, как и прежде, но с той разницей, что эта сумма обращается уже в постоянный налог вместо временного. С своей стороны государство, освободившись раз от тягости своего временного долга, вполне возобновит такую же операцию, вся тягость которой падает на беднейшие классы народа.

Непостоянный долг простирается во Францию приблизительно до одного миллиарда капитала. Вярной цифры, конечно, никто не знает. Простодушные поселане выплачивают аккуратно подати темъ с большею охотой, что по их искреннему убеждению государственное казначейство совсемъ не нуждается в их деньгахъ.

Постоянный же долг простирается круглымъ счетомъ до десяти миллиардовъ капитала. Эта сумма раздѣляется на двѣ почти равныя части, изъ которыхъ одна приноситъ $3\frac{1}{2}\%$ доходу, а другая $4\frac{1}{2}\%$. Десять лѣтъ тому назадъ вторая часть капитала приносила 5% , но въ одну благоприятную минуту, когда доходъ превышалъ цифру расхода, вкладчикамъ было предложено или получить обратно ихъ капиталы, или согласиться получать за нихъ меньшій процентъ, а именно $4\frac{1}{2}\%$ вместо 5% . Разумѣется, они были принуждены согласиться на послѣднее. Причиной таковой перемены было выставлено слѣдующее обстоятельство: французское правительство объявило, что состоитъ должнымъ дому гг. Ротшильдовъ и К^о известное число стофранковыхъ кредитныхъ билетовъ. Въ действительности же правительство получило только по 80 или даже по 64 франка (какъ было въ 1817 году) за каждый билетъ во 100 франковъ, приносящій 5% доходу.

Между темъ вълѣдствие улучшения кредита, государственные кредит-

*

ныя знаки поднялись даже выше номинальной цѣны и дошли до 111 фр. 11 сантимовъ вмѣсто 100. Ротшильды воспользовались благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ, чтобы обуть свои билеты. Стооранковья ассигнаціи были проданы ими по 111 фр. 11 сент. и даны такимъ образомъ барыша по 41 фр. 11 сент. на каждые 80 фр.

При такомъ положеніи дѣлъ правительство, желая съ своей стороны воспользоваться удобной минутой, предлагаетъ своимъ вкладчикамъ слѣдующаго рода сдѣлку:

«Вы приобрѣли право получать по 5% на каждые 111 фр. 11 сент.; если не ошибаюсь, вы получаете за свои вклады по 4 $\frac{1}{2}$ %, слѣдательно, вы пожертвовали $\frac{1}{2}$ % для того, чтобы только сдѣлаться моимъ кредиторомъ. Я хочу васъ вознаградить, немедленно лишивъ васъ 11 фр. 11 сент., вынлаченныхъ вами сверхъ 100 фр., которые я собою вамъ должнымъ. Эти 100 фр. я вамъ возвращаю или, если хотите, я приму ихъ какъ новый вкладъ по 4 $\frac{1}{2}$ %, и вы будете получать доходъ, недавно еще казавшійся вамъ совершенно удовлетворительнымъ. Если вы понимаете преимущество моего положенія, то берегитесь возвышенія цѣнъ на свои билеты, потому что я при каждомъ случаѣ могу извлечь свою выгоду, уменьшая сумму доходовъ до 4, 3 $\frac{1}{2}$, 3% и т. д. Словомъ, всякій разъ, какъ только я буду находить деньги на общественномъ рынкѣ дешевле той цѣны, за которую вы мнѣ ихъ предлагаете, я буду дѣлать соответствующее уменьшеніе вашего дохода». Такимъ образомъ правительство пользуется временнымъ возвышеніемъ фонда, для постепеннаго уменьшенія процентовъ съ своего долга. Вся тяжесть подобнаго изобрѣтенія заключается въ угрозѣ возратить деньги. Эта иѣра напоминаетъ движеніе зубчатыхъ колесъ, свободно двигающихся сверху внизъ, но не поддающихся ни на какое усиліе для движенія снизу вверхъ.

Теоретически государственный внутренній долгъ можетъ быть уменьшенъ и при пониженіи, и при повышеніи цѣнъ билетовъ посредствомъ сокращенія либо процентовъ, либо капитала. Что касается номинальной цѣны билетовъ, то онъ доказываетъ только, что самое положеніе дѣлъ находится въ упадкѣ.

Это предварительное объясненіе было необходимо, чтобы приступить къ плану г. Фульда. Пресловутый министръ, оставившій свое дерзгонское уединеніе для того, чтобы заняться преобразованиемъ бюджета, нежелавшій прибѣгать къ рутиннымъ приемамъ въ экономіи, долженъ былъ изобрѣсти что нибудь позамысловатѣе системы г. Вилляма. Насъ

ожидаетъ новый финансовый переворотъ; но переворотъ перевороту рознь.

Мы говорили уже, что французскій государственный долг раздѣляется на двѣ почти равныя части: одна съ доходомъ въ 3%, другая въ 4½%. Очевидная разница между ними состоитъ въ томъ, что одна изъ нихъ обходится дороже другой, и г. Фульдъ надумалъ уничтожить это различіе влѣдствіе слѣдующихъ соображеній. Чтобы приобрести право на получение дохода въ 45 франковъ по 4½%, при номинальной цѣнѣ билетовъ нужно затратить 1,000 фр., чтобы получать тѣ же 45 фр. по 3%, при курсѣ въ 72 фр. (самая желанная цѣна для г. Фульда), нужно затратить 1,080 фр. Итакъ 3% на 72 дороже 4½% на 100 и дороже потому, что эта сумма служитъ болѣе другихъ при акціонной игрѣ и спекуляціяхъ на биржѣ, а биржевые спекуляторы предпочитаютъ ее потому, что при болѣе мелкомъ счетѣ биржевой единицы, они вѣрнѣе могутъ рассчитывать на покупищковъ между мелкими капиталистами. Соціальной экономіей давно и вслѣду признанъ тотъ фактъ, что все на свѣтѣ продается дороже людямъ бѣднымъ. Маленькое поле обойдется относительно дороже большаго помѣстья, наемъ лачуги работнику, по его средствамъ, стоитъ больше, чѣмъ наемъ цѣлаго дома для банкира. Но возвратимся къ изобрѣтательному г. Фульду. Онъ обращается къ владѣтелямъ 4½% и убѣждаетъ ихъ приблизительно такими доводами:

«Друзья мои, благодаря моимъ способностямъ и искусству, я въ состояніи возвысить цѣну вашихъ билетовъ, независимо отъ васъ самихъ, въ три мѣсяца и поднять ихъ до 112 фр. Не думайте, чтобы это дѣлалось для вашего обогащенія, напротивъ того! Капиталь во 112 фр., приносящій 45 фр. 50 сантим., равносильнъ капиталу въ 100 фр., приносящему ровно 4 фр. процентовъ. Я воспользуюсь первымъ случаемъ, чтобы возвратитъ вамъ, хотя бы противъ вашей воли, только 100 фр. или заставитъ васъ ограничить свой доходъ 4-ми процентами. Такая перспектива, я знаю, вамъ мало улыбается. Но представляя вамъ ее, я имѣю въ виду только утратить васъ и заставить согласиться на другаго рода сдѣлку. Единственно ради желанія сдѣлать вамъ пріятнее, я предлагаю никогда не уменьшать вашего дохода. Я даже увеличу вашъ капиталъ. Такъ, напр. вы получаете теперь 45 фр. и вы будете ихъ получать до безконечности. Я только попрошу у васъ позволенія перемѣнить ярлычекъ на мѣшкѣ, въ которомъ я вручу вамъ ваши деньги. Вмѣсто надписи: «45

Франковы, проценты съ 1,000 фр., по 4½ со ста, а наипаче: «45 франковы, проценты съ 1,500 фр. по 3 со ста». Поймите все великодушіе моего нестуща: вы не только не теряете ни копѣйки изъ своего дохода, но я еще увеличиваю вашъ капиталъ на половину. Сообразивъ этотъ первый пунктъ, вы поймете все значеніе другаго благодѣанія, которое я вамъ предлагаю. Для упрощенія разныя надписей на билетахъ въ 4½%, 4% и 3%, я хочу замѣнить ихъ одною цифрою, 3%. Еслибы вы сами захотѣли это сдѣлать, вамъ пришлось бы значительно потратиться на маклерскіе расходы. Я избавляю васъ отъ этой платы и берусь переимѣнить вамъ билеты—даромъ. Даромъ, слышите-ли? Ваши 4½-процентныя билеты, которые продаются теперь на биржѣ за 1,000 фр., я замѣняю, безъ всякаго вознагражденія трехпроцентными, идущими на биржѣ за 1,080 фр. Такимъ образомъ вы остаетесь мнѣ должны 80 фр., составляющіе вашъ остатокъ. Еслибъ я смѣлъ, я заставилъ бы васъ уплатить всѣ эти деньги, но какъ я не смѣю этого сдѣлать, то и ограничиваюсь полученіемъ 54 фр. Поймите же мою доброту: я увеличиваю вашъ капиталъ на 50% и еще дарю вамъ 26 фр. на каждые 80».

О, какъ благоградушно поступалъ человекъ, говорившій: «*timeo Danaos et dona ferentes!*» (*). Операция г. Фульда не первая и не послѣдняя въ своемъ родѣ.

Посмотрите однако, какъ перетолковываются иногда самыя лучшія намеренія и какъ мало цѣнятся самое трудное искусство. Г. Фульдъ сдѣлался предметомъ горькихъ упрековъ со стороны прежнихъ владельцевъ дохода въ 4½% съ капитала, утверждающихъ, будто министръ пожертвовалъ ими ради сохраненія выгодъ правительства; другіе прибавляютъ даже, будто бы онъ жертвуетъ интересами государства своимъ собственнымъ выгодамъ. И вотъ, что отвѣчалъ г. Фульду одинъ владѣлецъ 4½%-ныхъ билетовъ:

«Я человекъ бѣдный. У меня только 450 фр. дохода, у моей жены столько же. Въ итогѣ мы имѣемъ 900 фр. Съ такого дохода трудно сберечь остатокъ въ миллионъ франковъ, чтобы доставить вамъ удовольствіе переимѣнить ярлыки на вашихъ книжкахъ. А если вы берете изъ моего капитала 1,000 фр., вы уменьшаете его ровно на столько же, а имѣете съ тѣмъ убавляете и мой доходъ, хотя вы и утверждаете противное. Вы увѣряете, что вся переимѣна состоитъ въ

(*) Боюся Данайцевъ, даже когда они дары приносятъ.

цифрах ярлыка; нѣтъ, вѣдѣть съ тѣмъ измѣняется и сумма. Отбирая по 1,000 фр. у меня, у моей жены и у другихъ вы достигаете довольно круглой цифры 180,000,000, да еще по своему расчету думаете лишить насъ на 300. Я не пользуюсь льготой, данной вамъ для тѣхъ, которые не захотятъ воспользоваться выгодами, которыя вы имъ предлагаете, но я сожалею тѣхъ, кто подобно мнѣ не можетъ отказаться отъ вашихъ милостей. Я бѣденъ, господинъ министръ, но есть бѣднѣе меня. Это—госпитали и другіе благотворительныя учрежденія; ихъ вы заставили продать недвижимую собственность, чтобы обратить ее въ капиталъ и получать съ него $4\frac{1}{2}\%$. Теперь они получаютъ 36,000,000 доходу почти со всего прежняго своего имѣнія. Какое зло сдѣлали вамъ эти больницы, что вы заставляете ихъ платить военную контрибуцію въ 40,000,000? Если въ этомъ году у нихъ будетъ что ѣсть, то за это, конечно, не васъ будутъ они благодарить, потому что вы отняли у нихъ насущный хлѣбъ!»

Съ своей стороны люди, подвергшіеся контрибуціи г. Фульда кричатъ ему: «какъ, вы однимъ почеркомъ пера отказываетесь навсегда отъ права, сохраненнаго государствомъ—уменьшать постепенно цифру процентовъ, которые оно выплачиваетъ своимъ кредиторамъ. Какъ, вы отказываетесь отъ экономіи, которая могла возвыситься до пятидесяти милліоновъ въ годъ, для того чтобы поживиться сразу 180 или 200 милліонами? Развѣ вы не знаете, что отказаться отъ права уменьшать проценты—значитъ увеличить долгъ и на процентахъ и на капиталѣ? Правда, взамѣнъ 200 милліоновъ вы вознаграждаете вкладчиковъ, опять-таки однимъ почеркомъ пера, двумя милліардами номинальнаго капитала, да и то болѣе на бумагѣ, потому что если генеральная ликвидація дѣйствительно только химера, за то частное уменьшеніе капитала вслѣдствіе выдачъ—есть фактъ, далеко не мало-важный, если принять въ соображеніе сумму отъ 10 до 12 милліардовъ!»

Какъ бы то ни было, но депутаты національнаго собранія большинствомъ 226 голосовъ противъ 19 приняли проектъ его превосходительства, безъ малѣйшаго измѣненія. Что же касается сената, то его усердіе такъ велико, что онъ готовъ принять какой угодно законъ, даже не прослушавъ его предварительно. Правительство однако въ большомъ затрудненіи: ежедневно въ теченіи цѣлаго мѣсяца затрачиваетъ оно на биржѣ болѣе чѣмъ по милліону, чтобы поддержать курсъ, покупаетъ трехъ и четырехъ-процентныя билеты на баснослов-

ныя суммы, такъ что неизвѣстно, куда оно сбудетъ изъ. Съ удивленіемъ услышали мы новость о томъ, что французское правительство задумаетъ 100 милліоновъ въ Лондонѣ за 8⁰/₀ черезъ посредство различныхъ банкировъ, и несмотря на комическое отрицаніе этого извѣстія въ Монитерѣ, оно произвело непріятное впечатлѣніе на общество. Наши финансовыя дѣла думаютъ поправить не экономіей, а биржевой игрой. Не считаютъ нужнымъ помнить правило Вобана: «самый доходный для государства капиталъ есть тотъ, который оно оставляетъ въ карманѣ своихъ подданныхъ».

Въ своей тронной рѣчи императоръ подробно коснулся финансового вопроса и обѣщалъ утвердить кредитъ государства на неизблennyxъ основаніяхъ, Финансы будутъ возставлены декретомъ. Это напоминаетъ намъ письмо его величества, обѣщавшаго то же самое вскорѣ послѣ итальянской войны и приказывавшаго своему вѣрному другу, министру финансовъ, заняться немедленно уничтоженіемъ дефицита и возобновленіемъ кредита. Императоръ Наполеонъ принималъ однако предосторожность, повелѣлъ напечатать проектъ г. Фульда прежде своей собственной рѣчи, такъ чтобы возможную неудачу предполагаемаго плана не могли отнести къ императорскому манифесту. Это оказалось не лишнимъ, потому что операція новаго министра, прослышная геніальною, понизила биржевой курсъ.

Въ императорской рѣчи нѣсколько словъ о Соединенныхъ Штатахъ отличаются рѣзкостью выраженій и какою-то изученною сухостью. Эта блѣдная и темная рѣчь кажется сколкомъ съ рѣчи королевы английской. Оба манифеста говорятъ о благоденствіи націи и выражаютъ увѣренность въ невозможность европейской войны. Императоръ Наполеонъ въ частности, кажется, удивляется продолжительности образа правленія, освѣщеннаго въ декабрѣ 1852 года. «Вотъ уже десять лѣтъ, говоритъ онъ, какъ это продолжается! Десять лѣтъ свободы, порядка и благоденствія! Мы провели эти десять лѣтъ среди спокойствія, довольнаго народонаселенія и среди согласія великихъ сословій государства».

Что касается до благоденствія, то въ нашихъ мануфактурныхъ городахъ все та же бѣдность вслѣдствіе войны съ Соединенными Штатами. Для вспоможенія бѣднякамъ составляются подписки, но они служатъ только къ тому, чтобы показать все безоміе частной благотворительности при общественныхъ бѣдствіяхъ. Богатыя люди дѣлаютъ все, что они могутъ; они веселятся въ пользу бѣдныхъ, устраиваютъ балы съ благотворительною цѣлью, при дворѣ назначаются

большіе пріемы, блестящіе маскарады для поддержанія торговли и поощренія трудолюбія. Чудеса разсказываютъ о вечеряхъ въ «Hôtel de Ville», о балахъ у нашихъ министровъ. По словамъ «Sport» журнала «Jockey-Club'a» для ея величества императрицы приготовили самый волшебный головной уборъ, состоящій изъ золотой діадемы, на которой, среди бриліантовъ, блещутъ искры электрическаго свѣта, придающія лицу ослѣпительную лучезарность. Иностраное затрудненіе представляло нѣмѣщеніе батарей, но потомъ догадались нѣмѣстить ее въ юбѣ особеннаго устройства. Въ Ліонѣ и въ С.-Этьеннѣ работницы охотно идутъ въ солдаты, берутся обрабатывать землю, толпами выселяются изъ отечества. Это сильный подрывъ нашимъ фабрикамъ шелковыхъ матерій. Бумажныя фабрики также потерпѣли. Съ другой стороны цѣны на хлѣбъ понизились, и это еще не такъ важно, если предположить, что оно временное. Бѣдствіе до сихъ поръ имѣетъ характеръ случайности, мѣстности, но оно можетъ сдѣлаться всеобщимъ. Въ Англіи, несмотря на нѣкоторое оживленіе по случаю выставки, плохое положеніе дѣлъ несравненно ощутительнѣе, особенно въ Ирландіи. Тяжело читать извѣстія о страшномъ множествѣ людей, умирающихъ съ голоду. Офіціальныя свѣдѣнія объ этомъ, особенно при каменномъ молчаніи «Times'a» и другихъ журналовъ, очень скудны. Но вотъ что говорится въ одномъ частномъ письмѣ изъ Лондона: «здѣсь нищета доходитъ до ужасающей степени, цѣлыя сотни мужчинъ и женщинъ бродятъ по улицамъ почти голые, безъ рубашекъ, въ одномъ нижнемъ платьѣ или въ изорванныхъ юбкахъ». А вотъ что разсказываетъ извѣстный писатель Лун-Бланкъ: «нѣсколько времени тому назадъ одна женщина, по имени Анна Гамильтонъ, является къ полицейскому чиновнику и говоритъ ему: у меня былъ ребенокъ одиннадцати мѣсяцевъ. Не имѣя возможности его кормить и не будучи въ состояніи видѣть его умирающимъ съ голоду, я его убила.» Ничто не принуждало эту женщину къ подобному сознанію, но ей стало слишкомъ трудно жить и она рѣшилась умереть. «Черезъ нѣсколько дней ее судили. Изъ допросовъ видно, что эта женщина съ своимъ мужемъ занимала какую-то отвратительную лачужку въ самомъ грязномъ кварталѣ Лондона; у нихъ было двое дѣтей: одного мать убила, а другое—была дѣвочка, разбитая параличемъ. Мужъ былъ честный ремесленникъ, котораго продолжительной недостатокъ работы довелъ до ужасной нищеты вмѣстѣ съ семействомъ; мать съ отчаяніемъ бѣгала по ночамъ по городу въ какомъ-то мрачномъ вступленіи и какъ бы желая спастись куда нибудь отъ самой себя».

«Выслушать эти показания, судья, адвокат и все присяжные объявили, что случай этот не подлежит строгости уголовного закона, так как причиною его было поврежденіе разсудка. Но изъ всѣхъ этихъ лицъ, было ли хоть одно, искренно убѣжденное въ существованіи убійцы? Нѣтъ, но необходима была ложь, чтобы спасти эту несчастную мать. Исполняя букву закона, судья упомянулъ о статьѣ уголовного свода, которою дѣтубійство не оправдывается невозможностью поддерживать существованіе, но самъ судья, произнеся такіе слова, боялся, чтобы присяжные не прицѣпились къ нимъ и въ заключеніе рѣчи своей обратился къ ихъ сострадателности».

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ англійскимъ дѣламъ, скажемъ нѣсколько словъ о страшномъ Дюмолярѣ, котораго процессъ сдѣлался національнымъ событіемъ и обезсмертилъ это имя въ гѣтописяхъ преступленій. Дюмоляръ—убійца, но убійца, специально изучившій свое дѣло, взявшій на себя, по закону раздѣленія труда, одну только отрасль злодѣяній. Дюмоляръ «заммался» только служанками. Онъ отирался въ Лионѣ, объявлялъ себя лакеемъ какого нибудь богатого барина и отыскивалъ няню для своихъ господъ. Благодаря выгоднымъ условіямъ, онъ убѣждалъ какую нибудь несчастную ѣхать съ собой, бралъ ее на желѣзную дорогу, съ наступленіемъ ночи высаживался на какой нибудь станціи, клалъ ее чемоданъ къ себѣ на плечи и велъ свою жертву къ какому-нибудь дѣсу или другому уединенному мѣсту; тамъ внезапно бросался на нее и, изнасиловавъ, удавливалъ ее веревкой или заколачивалъ до смерти молоткомъ, потомъ зарывалъ тѣло и уносилъ съ собою награбленное добро, которымъ торговала его жена. И у такого человѣка была жена! Цѣлые десять лѣтъ заммалось это чудовище своимъ промысломъ; дѣвушка исчезала за дѣвушкой. Дюмоляръ могъ уложить тѣлое кладбище своими жертвами. Когда правосудіе проникло наконецъ въ его берлогу, тамъ оказалось безчисленное множество нарядовъ, юбокъ, бѣлья, головныхъ уборовъ, чепцовъ, шляпутокъ, остатковъ кружевъ, серегъ и всякаго рода принадлежностей женскаго туалета. Среди этого скарба всякихъ лохмотьевъ, во большей части окровавленныхъ, нашли множество подвязокъ, всякаго рода и всевозможныхъ цвѣтовъ, принадлежавшихъ Богъ знаетъ сколькомъ ограбленнымъ лицамъ. Съ ужасомъ открыли множество дѣтскихъ платьевъ. Еще не знаютъ и никогда, конечно, не узнаютъ точнаго числа жертвъ, которымъ все это принадлежало.

Можно ли повѣрить, что подобное злодѣяство продолжалось въ теченіи десяти лѣтъ, не обративъ на себя ни малѣйшаго вниманія такой

искусной, или, по крайней мѣрѣ, такой усердной полиціи, какова французская? Какимъ образомъ могли погибнуть столько женщинъ совершенно бесслѣдно и какъ правительство не обратило до сихъ поръ вниманія на распространеншіеся слухи объ ихъ исчезновеніи. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ, несмотря на присутствіе жандармовъ, по три, по четыре раза въ годъ совершается убійство однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, одѣтымъ постоянно одинаково, въ синей блузѣ, высокой шляпѣ, въ особаго рода плащѣ «*peau de diable*», съ выдающимися прищипами, какъ напр. сутуловатостью, рубцомъ на губѣ и опухолью на одной изъ щекъ! И этотъ человѣкъ, возбуждавшій давно всеобщее подозрѣніе, попадаетъ въ руки правосудія, только благодаря случаю. Одна изъ жертвъ его дикихъ страстей вырвалась какъ—то изъ рукъ своего мучителя и въ изорванномъ платьѣ, съ растрепанными волосами и съ ранами на вискахъ спаслась въ домѣ полицейскаго управленія, жалуюсь на то, что ее ограбилъ и избилъ неизвѣстный человѣкъ. Что же дѣлають представители мѣстной власти? Они ограничиваются на первое время требованіемъ отъ дѣвушки ея бумагъ, а когда она отвѣчаетъ, что рабобойникъ укралъ ихъ, эти люди заключаютъ ее въ тюрьму, какъ женщину дурнаго поведенія! Можно ли повѣрить, чтобы подобныя сцены совершали съво Франціи, въ имперіи мира и народнаго благоденствія?

Пока у насъ танулось скорбное дѣло о преступленіяхъ Дюмоллара, Англичане заняты были процессомъ Уиндгема, который всегда будетъ однимъ изъ самыхъ интересныхъ по множеству подробностей, частью смѣшныхъ, частью скандальныхъ, доставившихъ самую богатую добычу общественному любопытству. Процессъ имѣлъ своимъ предметомъ вопросъ: «въ своемъ ли умѣ молодой господинъ Уиндгеми? Не сумасшедшій ли онъ, какъ утверждалъ его дядя генералъ Уиндгеми, одинъ изъ знаменитыхъ участниковъ въ крымской экспедиціи. Получивъ, по наступленіи совершеннолѣтія, значительное состояніе, молодой человѣкъ предался разгульной жизни, такъ что его дядя и ближайшій наслѣдникъ обратился въ судъ съ просьбою признать его племянника лишеннымъ разсудка и неспособнымъ къ управленію имѣніемъ. Законною причиною служила страсть молодого лорда переодѣваться полководцемъ и даже лакеемъ. Въ дѣтствѣ своемъ онъ получилъ въ подарокъ отъ отца почетную ливрею, въ которой и услуживалъ гостямъ, называясь съ остальною прислугой. Въ воксалахъ желѣзной дороги онъ брался за переноску багажа въ костюмѣ служителей и при отъздѣ поѣзда кричалъ во все горло: «по мѣстамъ, господа!» Но однимъ изъ самыхъ люби-

нить развлеченій его было попасть на самый локомотивъ въ качествѣ почегара; онъ подучалъ кондукторовъ, чтобъ они позволяли ему стать на свое мѣсто. Разъ онъ вырвалъ свистокъ у зрителя станціи и далъ сигналъ: поѣздъ двинулся и только чудо спасло пассажировъ отъ гибели при роковой встрѣчѣ. Познакомившись гдѣ-то съ одной изъ лоретокъ, которыхъ Англичане по своей страсти къ лошадамъ называютъ «horse-breakers», лордъ предложилъ ей свою руку и огромную сумму денегъ. Миссъ Уилгбой или иначе Агнеса Роджерсъ отказалась отъ руки, но деньги приняла. Между аристократомъ, его любовницею и ея любовниками возникло векорѣ много самыхъ странныхъ и постыдныхъ сдѣлокъ, вслѣдствіе чего дядя и подалъ жалобу.

Всаякій согласится, что молодой Уиндгеми не отличается особеннымъ умомъ, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ былъ положительно неумнъ. Богатый деньгами, развѣ онъ не имѣлъ права быть бѣднымъ разсудкомъ. Впродолженіе девяти дней адвокаты говорили по этому поводу все, что имъ было угодно, и столько времени, сколько имъ хотѣлось; наконецъ, различными допросами и перепросами, показаніями и опроверженіями довели дѣло до того, что уже сами ничего изъ него не могли понять. Въ этомъ громадномъ процессѣ было опрошено сто сорокъ свидѣтелей, призванныхъ изъ всѣхъ частей Англии, изъ Шотландіи, изъ Ирландіи. Восемьдесятъ изъ нихъ были признаны, а шестьдесятъ—отвергнуты. По англійскому обыкновенію присяжные были заперты болѣе чѣмъ на мѣсяць, для того чтобы обезопасить ихъ отъ подкупа. Имъ давалось вознагражденіе по 7½ франковъ ежедневно. Наконецъ, насмотрѣвшись на столько физиономій, вѣсивъ столько краснорѣчія, прослушавъ столько противорѣчивыхъ показаній, председатель, управлявшій преніями по этому дѣлу, отдалъ его на рѣшеніе присяжныхъ, которые потребовали личнаго свиданія съ обвиняемымъ. Когда оно было имъ доставлено, они переговаривали съ лордомъ Уиндгемомъ цѣлыхъ четыре часа и въ заключеніе рѣшили, что онъ находится въ полномъ умѣ и совершенномъ разсудкѣ, почему и можетъ быть предоставленъ самому себѣ относительно управленія всѣми своими домами, землями, движимымъ и недвижимымъ имуществомъ.

Публика, а въ томъ числѣ и лица, ровно ничего не имѣющія, была въ восхищеніи отъ того обстоятельства, что Уиндгеми — *junior* оказывается достойнымъ обладателемъ своего громаднаго состоянія и довольно разсудительнымъ человекомъ для Англичанина. Восторгъ былъ

такъ спленъ, что съ трудомъ удержали толпу отъ торжественнаго выноса счастливаго лорда съ его блѣнокую любовницу.

По закрытіи засѣданій, оставалось свести вѣсть всѣмъ издержкамъ по такому необычному процессу. Оказалось, что за три мѣсяца веденія этого дѣла на бумагѣ и за 34 дня словесныхъ прейдъ на доставку свидѣтелей, на различныя вознагражденія и гонорары, употреблено всего 1,500,000 франковъ т. е. около 440,000 р. е. И все это только для того, чтобы допаться, въ своемъ ли умѣ какойнибудь чудака? Одинъ охотникъ до вычисленій разсчиталъ, что каждая минута въ теченіи этихъ 34 дней стоитъ по 20 франковъ. Неизвѣстно сколько осталось у бѣднаго подсудимаго отъ его огромнаго состоянія, но что сказать о законодательствѣ, которое допускаетъ подобное безобразіе. Диккенсъ въ своемъ романѣ «Холодный домъ», направленномъ противъ канцелярскаго способа веденія дѣлъ, приводитъ много случаевъ, отличающихся подобною нечеловѣчностью. Процессы передаются отъ отцевъ дѣтямъ въ видѣ наслѣдства или идутъ въ приданое дочерямъ; кто не можетъ заплатить издержекъ по дѣлу, заключается въ тюрьму на всю жизнь или по крайней мѣрѣ на долгое время. Одинъ молодой человекъ и одна молодая дѣвушка, составляя послѣднюю отрасль двухъ судившихся между собою семействъ, мечтали для прекращенія всѣхъ затѣянныхъ ихъ предками процессовъ—соединиться законнымъ бракомъ и тѣмъ положить конецъ всадничьимъ тяжбамъ. Но послѣднее желаніе воплѣтѣ законное не было исполнено; ихъ заставили продолжать процессъ противъ ихъ собственной воли.

Въ Англіи всякій процессъ обходится необыкновенно дорого и, само собою разумѣется, богатый всегда имѣетъ преимущество передъ бѣднымъ. Потребность удешевленія дѣлопроизводства становится съ каждымъ днемъ ощутительнѣе. «Cheap Justice!» (дешевое правосудіе!)—вотъ девизъ современныхъ требованій англійскаго общества. Кое-что уже сдѣлано въ этомъ отношеніи. Десять лѣтъ тому назадъ нужно было употребить никакъ не менѣе 250,000 франковъ, чтобы добиться легальнаго развода; теперь можно развестись за сумму въ тысячу разъ меньшую, такъ что въ «разводномъ судѣ» постоянно толпится множество представителей неудачнаго супружества, требующихъ для себя освобожденія. Теперь измѣняютъ положеніе о долговыхъ тюрьмахъ, переосматриваютъ процессы заключенныхъ лицъ, выпускаютъ на свободу тѣхъ, кто находится уже очень давно и т. п. На ряду съ печальными случаями заточенія въ продолженіи двадцати и болѣе лѣтъ за долги, нисколько не относящихся къ заключеннымъ,

разказывают анекдоты о некоторых любителях тюрьмы, нарочно туда попадавших и между прочим объ одном миллионерѣ, котораго должны были насильно вытолкать изъ тюремнаго замка — такъ ему пришлось заключение. Сельскіе судьи получили уполномочіе рѣшать окончательно небольшія дѣла, а въ Лондонѣ трибуналъ лорда-мера облеченъ диктаторскою властью относительно множества мелочныхъ обстоятельствъ. Ему принадлежитъ право заключать въ тюрьму и вынуждать изъ нея людей низшаго класса, посаженныхъ за незначительные проступки. Былъ о передачѣ собственности, внесенный лордомъ Пальмерстономъ, во всякой другой странѣ показался бы жѣрею либеральной и даже демократической. Онъ имѣеть цѣлью избавить аристократію, владеющую десятью десятими поземельной собственности отъ большихъ издержекъ, требуемыхъ закономъ, а также и остановить возраставшее число юристовъ-пирѣдовъ, которымъ даютъ значеніе отренныя сестанія, приобретаемыя очень скоро въ дѣлахъ, подобныхъ процессу Уиндгема.

До сихъ поръ засѣданія парламента отличаются такою же безцѣлностью, какъ и тронная рѣчь королевы. Виги и Торіи одинаково согласны въ рѣшеніи пустить въ ходъ быль объ обвиненіи лорда Пальмерстона за его поведеніе въ американскомъ дѣлѣ и за утайку дружественныхъ донесѣнъ правительства Соединенныхъ Штатовъ. Впрочемъ Пальмерстону не привыкать стать; когда онъ былъ помоложе, ему приходилось утаивать не только дипломатическія депеши, но чтѣ гораздо поважнѣе — скрывать подъ сукномъ самыя грязныя продѣлки индійской компании, представляя ее въ глазахъ Англій образцемъ добродѣтели.

Воинственный энтузіазмъ, поднятый трентскимъ дѣломъ въ Великой Британіи, наконецъ утомился. Не болѣе какъ за пятнадцать дней всѣ только и говорили о войнѣ, и друзья мира, наковы Брайтъ и Кобденъ, считались чуть ли не предателями отечества. Теперь, напротивъ, всѣ перешли къ самому миролюбивому настроенію.

Дербі, Россель и другіе поютъ сладенькимъ голосомъ за дружескія отношенія къ Америкѣ; «Times» является органомъ благомысливости; Д'Израели въ восторгѣ отъ великой американской націи и ея свободы; большинство парламентскихъ дѣятелей рукоплещетъ усиліямъ федеральныхъ войскъ. Перемена изумительная!

Но что же было причиной ея? Обыкновенное обстоятельство. Прежде Англичане были подъ впечатлѣніемъ постыднаго пораженія при Буль-Рёнѣ, теперь они подъ ударомъ блистательнаго усилія

Соммерсетской битвы 17 января, въ которой федеральныя войска поразили сепаратистовъ. Да и какъ поразили! Одинъ изъ полководцевъ убитъ, другой обращенъ въ бѣгство, армія разбросана по всѣмъ направленіямъ, пушки, багажъ, знамена, провизія,—все въ рукахъ федератовъ; самая столица Тенессе въ опасности, федеральныя войска могутъ соединиться съ жителями этой провинціи, овладѣть Аллеганскою цѣпью, захватить единственную желѣзную дорогу, которая соединяетъ Луизиану съ Виргиніей. Что намъ пользы въ такой интересной добычѣ, какъ гг. Мэзонъ и Слайделъ? Что намъ за дѣло до предложеній Джефферсона Дэвиса, когда блокада южныхъ портовъ оказывается въ такой степени дѣйствительною, когда невольничьи штаты распадутся не сегодня, такъ завтра на двѣ части! Двѣ недѣли тому назадъ сѣверу угрожала опасность—мы его ненавидѣли тогда смертельно; теперь сѣверъ торжествуетъ, мы его любимъ и ищемъ случая оказать ему услугу. Мы люди практическіе, и даже очень практическіе!»

Успѣхъ федеральной партіи имѣлъ еще другое слѣдствіе и на этотъ разъ не совсѣмъ пріятное. Правительство Авраама Линкольна провозгласило свою побѣду только для покоренія невольничьихъ штатовъ; ему не къ чему было прибѣгать къ принципамъ аболиціониста. Страна приведена такимъ образомъ къ колебанію между двумя политиками, противорѣчащими одна другой. Населеніе сѣвера по характеру принадлежитъ къ партіи рабовладельцевъ, а по силѣ обстоятельствъ къ партіи аболиціонистовъ. Такимъ образомъ, всякое матеріальное приобрѣтеніе получаетъ тотчасъ же нравственный отпоръ, и всякое поражение на полѣ битвы вознаграждается движеніемъ впередъ общественнаго мнѣнія. До тѣхъ поръ, пока правительство Соединенныхъ Штатовъ не приметъ открыто такую политическую систему, которою бы оно стремилось къ дарованію всѣмъ равной свободы и къ водворенію братства между различными расами, — намъ трудно будетъ рѣшить, служить ли побѣды къ истинному торжеству освобожденія или ему больше и вѣрнѣе служить пораженія. Вѣрно только то, что и тѣ, и другія необходимы.

Сѣверъ предпринялъ три большія экспедиціи противъ юга. Онъ надѣется окончить ихъ къ веснѣ. На конгрессѣ уже разсуждаютъ объ устройствѣ штатовъ, которые предполагается завоевать. Ихъ думаютъ низвести на степень простыхъ *областей* и возвратить имъ прежнее достоинство только тогда, когда они выплатятъ контрибуцію и да-

дуть обещаніе королю себя вести на будущее время. Это придумано королю, но что сделают съ невольничествомъ?

Всегда подозревали внутреннюю связь между восстаніемъ южныхъ штатовъ противъ сѣверныхъ и мексиканской экспедиціей трехъ великихъ державъ Англій, Франціи и Испаніи. Относительно Англій уже указывали, какъ на слабую дѣль ея похода — на городъ Мотаморось, лежащій на границѣ съ Техасомъ, откуда былабы очень легко вести контрабандную торговлю съ югомъ подъ защитою англійскихъ пушекъ. Это мнѣніе было подтверждено статьею одного оффиціального журнала, которая представляетъ это дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ.

«Мы говорили, выражается этотъ журналъ, о предположеніи сѣверныхъ державъ занять береговую часть мексиканской провинціи, неграничной съ невольничьимъ штатомъ Техасомъ. Когда въ октябрѣ прошлаго года президентъ Дэвисъ узналъ о готовившейся экспедиціи, онъ занялся устройствомъ транзитнаго пути черезъ южные штаты до самой границы Мексики. Эта работа теперь въ полномъ ходу и новый путь будетъ связанъ съ желѣзными дорогами и каналами, прорывающимися южные штаты. Такимъ образомъ Европа могла бы запасаться хлопкомъ въ гаваняхъ Мексиканскаго залива и европейскимъ державамъ не къ чему было бы беспокоиться вопросами о блокадѣ южныхъ портовъ, потому что транзитное сообщеніе, о которомъ идетъ рѣчь, замѣнило бы относительно вывоза хлопка — свободный доступъ въ южные порты. Нужно ли прибавлять, что нагрузка каравелъ въ Мексиканскомъ заливѣ не противорѣчитъ ни въ чемъ принципамъ между-народнаго права».

Наконецъ успѣхи федеральной партіи отражаются и на мексиканской экспедиціи. Англій смотритъ теперь на нее съ большимъ предубѣжденіемъ. За исключеніемъ Пальмерстона «Times'a», всѣ журналы противъ этого предпріятія и надѣются подѣйствовать на налаты для отпора министерству. «Что намъ дѣлать въ Мексикѣ? спрашиваетъ одна изъ газетъ, какую выгоду можемъ мы извлечь изъ подобной экспедиціи, кромѣ новыхъ обидъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ? Мы только запутаемъ свои дѣла въ странѣ отдаленной и совѣмъ неизвѣстной, потеряемъ время, а можетъ быть и свою славу, и деньги! Графъ Россель, чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность, уже вошелъ въ объясненіе съ г. Тувенелемъ и представилъ свою ноту мадридскому кабинету. Россель умываетъ руки въ этомъ замыслѣ и въ то же время посылаетъ своихъ солдатъ для приведенія его въ испол-

немѣ. О гениальная голова! Вера-Круцъ, признанный неспособнымъ къ оборонѣ, былъ преданъ въ руки Испанцевъ, которые не нашли въ немъ ни гарнизона, ни жителей; только одинъ сельскій священникъ, да два аббата вышли къ нимъ на встрѣчу. Генераль Уруга отрѣзываетъ подвозъ припасовъ и своею арміею прерываетъ сообщеніе между Вера-Круцомъ и Мексикой. Президентъ Бенито-Хуарецъ объявилъ отечество въ опасности, граждане призваны къ оружію, населеніе большей части провинцій съ восторгомъ отвѣчало на этотъ призывъ, предводители мятежныхъ войскъ объявили себя за конституціонное устройство государства и требовали, чтобъ ихъ отправили противъ непріятеля. Вышняя опасность заставила забыть внутреннія распри. Независть къ давнишнимъ притѣснителямъ Испанцамъ соединяетъ между собою всѣ партіи, кромѣ развѣ духовенства; недавніе враги вспоминаютъ, что они дѣти одной и той же родины.

Вообще до сихъ поръ маленькая Мексика храбро держится противъ трехъ могущественныхъ враговъ. При всемъ томъ не имѣемъ духа предсказать ей хорошій исходъ въ такомъ неравномъ бою. Успѣхамъ союзниковъ, можетъ быть, будетъ помогать духовенство и извѣстная часть Мексиканцевъ. Загравивъ три милліона у англійскаго посольства, Миранонъ явился въ Парижъ проживать ихъ и условливаться съ тремя правительствами касательно завоеванія своего отечества; наставивъ, сколько нужно было, тьюллерійскій кабинетъ, онъ уѣхалъ, чтобы обратиться съ совѣтами къ маршалу О'Доннелю и помочь своими внушеніями вдохновенію сестры Патрочинію. Какъ бы то ни было, но пройти отъ Вера-Круца до Мексикки совѣтамъ не трудно: по хорошей дорогѣ непріятельскія войска могутъ въ 5 или 6 дней, при помощи нарѣзныхъ пушекъ, очутиться у самой столицы, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. Занявъ ее, они, конечно, позаботятся устроить какое нибудь правительство и возвратятся покрытые славою, купленою всего за 300 милліоновъ франковъ, что составитъ для каждаго изъ союзниковъ только 100 милліоновъ. Изъ всего этого выйдетъ то, что генераль Лоренсецъ, представитель французской цивилизаціи, сожжетъ одно изъ предмѣстій Мексикки и пріѣдетъ домой съ титуломъ графа, пожизненною пенсіей въ 60,000 франковъ и званіемъ сенатора. Тогда онъ будетъ имѣть полное право быть на «ты» съ толстымъ героемъ Малаховской битвы.

По послѣднимъ официальнымъ извѣстіямъ, завоеваніе Мексикки будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ, потому что оно сопряжено

съ уничтоженіемъ шестнадцати испано-американскихъ республикъ и раздѣленіемъ ихъ на отдѣльныя королевства, въ пользу оставшихъ государей, бывшихъ владѣтелей Обѣихъ Сицилій, великаго герцога тосканскаго, Роберта пармскаго и другихъ, а также и въ пользу владѣвшихъ членовъ владѣтельныхъ дововъ, Максимилиана, испанскаго инфанта, Себастьяна, графа фландрскаго, который женился бы въ такомъ случаѣ на одной изъ дочерей герцога Монпансье. Всѣхъ этихъ оставшихъ королей монархическая Европа отправить въ заморскія колоніи. Изъ всей южной Америки оставить въ покоѣ только Бразилію, которая по характеру правленія одна заслужила расположеніе европейскихъ правительствъ.

Новый проектъ нашей дипломатіи можетъ показаться невыполнимымъ; тѣмъ не менѣе онъ служитъ пугаломъ для обитателей южной Америки. Новая Гренада, между прочимъ, съѣздитъ закупокою оружія, Перу хлопочетъ о томъ, какъ бы доставить денегъ и солдатъ Мексику, не знаетъ только, какъ переправить туда послѣднихъ. Маленькія республики хорошо знаютъ, что противъ слабаго всякій предлогъ хорошъ. Такъ противъ нихъ могутъ воспользоваться такою же уловкою, какъ и противъ Мексики, поставивъ имъ въ вину отказъ въ уплатѣ по векселямъ.

Кое-какія дипломатическія столкновенія уже начинаются. Французское правительство отказывается въ теченіи восьми мѣсяцевъ принять г. Мурильо, уполномоченнаго отъ Новой Гренады. Сперва предполагали причиною этого отказа то, что этотъ господинъ—мулатъ; предложили замѣнить его бѣлымъ, но безо всякаго успѣха. Сентъ-Джемскій кабинетъ поступилъ гораздо лучше въ дѣлѣ Канштадта. Это имя принадлежитъ одному нѣмцу, сдѣлавшемуся въ нѣкоторой степени американцемъ, который, вооружившись англійскимъ паспортомъ, почелъ своею обязанностью—убить Лопеца, президента Парагуя. Послѣ неудачнаго покушенія онъ былъ схваченъ, преданъ суду и приговоренъ къ смертной казни. Во всякомъ другомъ мѣстѣ приговоръ былъ бы исполненъ, но тамъ сочли за лучшее его помиловать и выслать за границу. А Англія еще протестовала, утверждая, что арестованіемъ преступника нанесено оскорбленіе англійскому паспорту. Почти въ то же время Итальянецъ Орсини, также съ фальшивымъ англійскимъ паспортомъ покушался убить императора Наполеона, однако англичане ничего не нашли сказать противъ исполненія надъ нимъ смертнаго приговора на Рокетской площади. Правда, тѣ же самые англичане не такъ давно затѣяли войну съ Китаемъ за то, что китайское правительство аресто-

вадо одного китайскаго же контрабандиста, занимавшагося своимъ промысломъ подъ китайскимъ флагомъ, но имѣвшаго у себя въ трюмѣ англійскій флагъ, недавно имъ купленный! Лопецъ отправилъ посла въ Англію, чтобы объясниться по поводу мнимаго оскорбленія британскаго вассалита. Благородный Джонъ Россель отказался принять объясненія. Посланникъ просилъ совѣта у Филлимора, знаменитаго королевскаго юриста, который осмѣлился дать ему благопріятный отвѣтъ. Одобренный такимъ оборотомъ дѣла, онъ снова является къ благородному Джону, который еще разъ отказался его принять. Тогда посолъ обратился къ Дройень-де-Люису, бывшему уполномоченному французскому министру при англійскомъ дворѣ, пользующемуся въ высшемъ кругу репутаціей знатока международнаго права. Получивъ рекомендательное письмо отъ Дройень-де-Люиса, посолъ отправился въ третій разъ къ лорду Росселю и въ третій разъ благородный лордъ отказывается его принять. «Times» и французскіе официальные журналы уклонились отъ обнародованія этого случая. Одна иностранная газета, которую мы не хотимъ здѣсь назвать, согласилась на это не прежде, какъ получивъ 1000 франковъ. Это было въ сентябрѣ, а недавно сынъ президента Лопеца готовился выѣхать изъ Буэнос-Айреса въ Европу, но одно англійское судно, узнавъ объ этомъ намѣреніи, сдѣлало залпъ по пароходу, готовившемуся къ отплытію. Сынъ Лопеца вышелъ на берегъ; тѣмъ дѣло и кончилось. Въ настоящее время французскія и англійскія военныя суда стоятъ противъ Буэнос-Айреса и народонаселеніе нисколько не сомнѣвается въ ихъ враждебныхъ намѣреніяхъ.

Такими поступками Англія ничего не прибавляетъ къ своей репутаціи, но странно, что самая французская политика дѣйствуетъ противно національнымъ принципамъ. Не говоря уже о 15,000 Французовъ, живущихъ въ Мексикѣ и единодушно протестующихъ противъ донесеній своего посланника Дюбуа-де-Салины, — на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы Франція встрѣчала болѣе сочувствія, какъ въ испано-американскихъ республикахъ. «До сихъ поръ мы васъ любили, мы даже благоговѣли передъ вами, говорилъ по этому случаю одинъ честный Гренадецъ, но теперь своими поступками вы только заставите насъ ненавидѣть и презирать себя, вотъ и все»!

Это тѣмъ болѣе справедливо, что вся тяжесть предпріятія упадетъ на Францію; Англичане займутъ порты, но они уже объявили, что съ наступленіемъ времени желтой лихорадки, они уступятъ свое мѣсто Испанцамъ. А что будетъ, когда дѣйствительно братъ его величества императора австрійскаго сядетъ на престолъ Монтезумы? До

этого момента дѣло вести не такъ трудно, а потому? Неужели европейскія войска на другой же день отправятся назадъ и предоставятъ новаго короля пріятному «*tête à tête*» съ его подданными и заботатъ объ утвержденіи своего престола на ихъ преданности и любви. Такая попытка отзывалась бы чѣмъ-то въ родѣ романа Сервантеса; но въ нашъ милліонный вѣкъ известное количество штыковъ не мѣшаетъ самому прочному правительству и отказаться отъ нихъ значило бы сдѣлать большую ошибку. Итакъ королю Мексики необходимо иностранное войско; но кто будетъ содержать его? Испанія въ высшей степени непопулярна въ Мексикѣ, Англія отговорится исключительно морскимъ характеромъ своего могущества. Всего бы естественно Австріи взять на себя эту обязанность, но у Австріи не хватаетъ и въ Европѣ довольно войска. Состояніе ея финансовъ не позволяетъ ей никакой безполезной поддержки; наконецъ, флота ея слишкомъ недостаточно для поддержанія почтительныхъ отношеній колоніи къ метрополи. Всѣ подобныя соображенія заставляютъ насъ предполагать, чтобы роль тѣлохранителя новаго государства не досталась на долю Франціи. У Франціи есть солдаты, есть суда для ихъ перевозки, есть г. Фульдъ и его финансы для ихъ прокормленія,—все это до такой степени справедливо, что по достовѣрнымъ слухамъ утверждаютъ, будто вѣнскій кабинетъ заключилъ условіе съ французскимъ правительствомъ, по которому оно обязуется содержать въ продолженіи десяти лѣтъ охранительное войско въ столицѣ Мексики.

Настоящія затрудненія возникнутъ во всей вѣроятности тогда, когда союзники вступятъ въ Мексику. Ихъ взаимныя притязанія, выказывающіяся уже теперь во многихъ случаяхъ, проявятся, конечно, во всей своей силѣ при самомъ дѣлѣ добычи. Они не рѣшатся проникать во внутренность страны, занятой разсыянными населеніемъ, которое поведетъ съ ними партизанскую войну. Къ международной распрѣ они присоединятъ еще чуждое вторженіе, противъ котораго соединятся мало-по-малу раздѣленныя силы страны. Едва ли не ошибется вѣнскій кабинетъ въ своемъ расчетѣ, думая сдѣлать изъ Мексики австрійскую Канаду, колонію почти независимую отъ метрополи, но все-таки связанную вассальною покорностью апостольческой коронѣ! Медленность хода нашей дипломатіи не приучила насъ къ такому быстрому соображенію, чтобы рѣшить, что изъ этого выйдетъ.

Сдѣлать такой подарокъ Австріи задумалъ совсѣмъ не г. Тувенель, а другая особа, несравненно интереснѣе и красивѣе его, а именно—княгиня Меттернихъ. Она сохранила этотъ проектъ подъ своей апа-

вой шляпой и вывела его на свѣтъ божій среди лентъ, перьевъ, кружевъ и цвѣтовъ. Съ своей стороны императрица Евгенія приняла его. А императоръ Францъ-Иосифъ, который дѣлается крѣпокъ на ухо, какъ только съ нимъ заговорить о Венеціи, ждетъ, что вотъ, вотъ, Лудовикъ Наполеонъ подаритъ ему новое государство и вознаградитъ потерю Ломбардіи уступкой Ниццы, Савойи и уплатою ста милліоновъ. Мекелку предлагаютъ взять у Мексиканцевъ, Герцеговину отнять у Турокъ, а императоръ все-таки не догадывается почему это? И его приближенныя ѣдутъ въ Верону на военныя демонстраціи, заставшія Европу среди миролюбивыхъ заявленій, сдѣланныхъ во всѣхъ возможныхъ парламентахъ различными авторитетами.

Изъ Италіи нѣтъ никакихъ новостей. Упорство папы попрежнему вытѣкаетъ терпѣніе Итальянцевъ. Попрежнему допускается всюду римское вѣщательство, хотя римскій дворъ объявилъ себя за принципъ невѣщательства. Та же невозможность устроить конституціонную монархію прежде окончанія организаціи политической. Итальянское *едмиство* сдѣлалось революціонной программой для народа, девизомъ монархическихъ стремленій для Пьемонта. Рикасоли понимаетъ соединеніе, какъ средство, раждающее единство, и отказывается допустить распространеніе недовольной партіи, для того чтобы королевскому правительству не пришлось потомъ пожинать плоды ея вліянія. Въ Римѣ, Неаполѣ и Миланѣ были шумныя манифестаціи совершенно невиннаго характера, и Рикасоли употребилъ самыя суровыя мѣры для прекращенія ихъ, возбудилъ противъ себя негодованіе съ одной стороны за то, что хотѣлъ, а съ другой за то, что не могъ успокоить волненія. Положеніе министра дѣйствительно тяжелое, но оно дѣлается рѣшительно невозможнымъ, когда министръ становится между увлеченіемъ націи и политической необходимостью, между народомъ, который находитъ его дѣйствія не довольно твердыми и между парламентомъ, который обвиняетъ его въ насиліи. Парламентъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свое довѣріе, потому что поддерживаетъ министерство, не чувствуя къ нему ни малѣйшей симпатіи. Самъ король; какъ извѣстно, сохраняетъ къ нему только одно уваженіе, а женщины рѣшительно всѣ противъ несчастнаго Рикасоли. Пускай же онъ оставитъ свой постъ, такъ какъ онъ всѣхъ стѣсняетъ, — но развѣ, перемѣнивъ министра, перемѣнятъ политику? Отчего же и не перемѣнить?

Вѣнскій кабинетъ хотѣлъ воспользоваться своими минимыми успѣхами, чтобы снова затѣять дѣло съ венгерскими магнатами, но вре-

мя было дурно выбрано: страшное наводненіе опустошило эту страну и всю восточную Германію. Многія большія рѣки соединились въ обширной равнинѣ Венгріи; часть ея находится подъ водой. Политической дѣятельности представлялось физическое препятствіе.

Съ тѣхъ поръ какъ принцъ Уэльскій, путешествуя по Германіи, встрѣтилъ случайно принцессу Августу, старшую дочь Христіана, наследнаго принца датскаго — и дѣло о бракосочетаніи ихъ высочества было рѣшено. Пруссія оставила въ сторонѣ шлезвигъ-голландскій вопросъ, чтобы заняться исключительно австрійскими дѣлами.

Первый парламентскій дебютъ Пруссіи не былъ удаченъ и первый шагъ прогрессивной партіи сдѣланъ былъ назадъ. На королевскую рѣчь либеральное большинство отвѣчало молчаніемъ и не осмѣлилось формулировать программы. Послѣ десятилѣтняго осужденія на вѣмоту келейнаго управленія, демократы не могли сразу отвыкнуть молчать, даже когда имъ возвращено было право говорить. Имъ казалось это болѣе приличнымъ. «Довольно словъ, повторяли они, давайте намъ дѣло!» Это такъ, но въ конституціонной монархіи слово, произнесенное съ трибуны, равносильно дѣйствию. Депутаты либеральной партіи повидимому забываютъ, что парламентская палата управляетъ не столько правомъ подавать голоса, сколько вліяніемъ на общество, котораго она служитъ представительницею. Пѣмецкая нація требуетъ программы дѣствий парламента и нужно дать ей эту программу. Если либеральная палата въ Берлинѣ хочетъ оправдать надежды, возбужденныя учрежденіемъ парламента, она должна измѣниться въ конгрегацию депутатовъ всей Германіи, а не одной Пруссіи. Тутъ дѣло идетъ не только о будущемъ развитіи либеральныхъ идей въ Пруссіи, но и о прусскомъ преобладаніи въ Германіи. Пруссакъ далеко еще не такъ популяренъ между своими соотечественниками, чтобы могъ дозволить себѣ дѣлать все, что ему угодно. Напротивъ того, онъ обладаетъ удивительною способностью заставить себя ненавидѣть, какъ только переступить границу своей родины. Жители Берлина народъ умный, но слишкомъ чванятся своимъ книжнымъ умомъ, а черезъ то на всѣхъ морскихъ купаньяхъ и на рейнскихъ пароходахъ ужьются надоѣдать всѣмъ и каждому. Въ мастерскихъ южной Германіи работникъ-пруссакъ служитъ игрушкой и посмѣшищемъ для своихъ товарищей. Въ политическомъ отношеніи Пруссаковъ обвиняютъ, наравнѣ съ Баварцами, въ мелочности, заносчивости и самодовольствѣ. Огромное большинство прусскаго населенія не понимаетъ своего долга въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Прусскій народъ

душаетъ совѣтнить въ себѣ всю Германію, не рассчитывая, что Пруссія легче можетъ быть поглощена Германіею; а если онъ соглашается признать другіе германскіе народы какъ братьевъ, то съ тѣмъ условіемъ, чтобы они чтли его какъ старшаго брата, повиновались ему какъ младшіе и не оспаривали его старшинства. Въ недавнее еще время, когда подписка въ пользу устройства нѣмецкаго флота преобразовалась въ сборъ на постройку флота для Пруссіи, Нѣмцы средней и южной Германіи, черезъ своихъ депутатовъ и членовъ національнаго собранія, въ числѣ 1500 человекъ собравшихся во Франкфуртѣ, наложили мнѣніе противъ дѣйствій прусскаго правительства, не касаясь прусскаго народа. Нѣмцы охотно соглашались доставить Пруссіи законное право видѣть центральную власть въ рукахъ гогенцоллернекаго дома, но съ тѣмъ, чтобы она приготовила устройство нѣмецкаго парламента. Пруссіи надо остерегаться; хотя нѣмецкое терпѣніе и вошло въ пословицу, но и у него есть границы. На югѣ, гдѣ парламентское устройство существуетъ уже сорокъ лѣтъ, гдѣ кровь обирачивается быстрее въ жилахъ, а политическій смыслъ болѣе развитъ, чѣмъ на берегахъ Шпуре, можно было бы утомиться этимъ вѣчнымъ движеніемъ то впередъ, то назадъ, этими знаками взаимнаго уваженія—государственнаго совѣта къ государю и оппозиціи къ министерству.

Даже «Times» и «Daily News» поддерживаютъ то же мнѣніе. «Пруссія, говоритъ послѣдняя газета, должна забыть, что она Пруссія и раздаться во всю Германію. Если она не сдѣлаетъ этого, то пусть лучше замолчитъ и прекратитъ свое существованіе».

Приведенныя нами слова — отголосокъ тысячи голосовъ, раздающихся въ либеральной Германіи и даже внѣ ея. Отсюда совѣтуютъ Пруссіи одно и то же: «брось свою узкую, національную систему, откажись отъ своего эгоизма, и ты сдѣлаешь много великихъ дѣлъ!».

Вѣрные своему обѣщанію, прусскіе депутаты, составили, послѣ продолжительнаго пренія, актъ о вѣншательствѣ Пруссіи въ дѣла герцогства Гессенъ-Кассельскаго. Только шестьдесятъ голосовъ, принадлежавшихъ феодальной партіи, были противъ общаго рѣшенія да еще голосовъ двадцать польской партіи выразили свое несогласіе касательно нѣмецкой политики. Независимо отъ признанія итальянскаго королевства, затрудненія относительно гессенскаго княжества могутъ сдѣлаться камнемъ преткновенія для предначертаній Пруссіи. Електоръ гессенскій вошелъ въ ближайшія сношенія съ Австріею въ

то самое время, какъ Пруссія объявила себя за конституціонныя стремленія гессенскаго населенія, изъ-за которыхъ она совершила свою несчастную кампанію 1850 года. Волей-неволей, а Пруссіи придется еще разъ побывать на поляхъ Ольмюца, гдѣ она была такъ безславно разбита Австрійцами — дипломатическимъ образомъ, разумѣется.

Между двумя соперниками готовится страшная борьба. Послѣ заключенія военнаго договора между королемъ Вильгельмомъ и герцогомъ Эрнестомъ, въ Вюрцбургѣ была заключена лига между представителями Франца-Иосифа, четырехъ королевствъ: Ганновера, Виртемберга, Саксоніи, Баваріи, тюрингенскихъ княжествъ, Ольденбурга, Гессена, Нассау и Брауншвейга. Всѣ эти государства вручили г. Бернсторфу ноту, которою объявляли, что, опасаясь возрастающаго могущества Пруссіи, они сочли необходимымъ заключить между собою оборонительный союзъ. Не требуя закрытія настоящаго сейма, они рѣшились составить особый федеральный парламентъ изъ депутатовъ отъ разныхъ палатъ упомянутыхъ государствъ, для того чтобы наказать Пруссію за намѣреніе образовать союзъ изъ членовъ конфедераціи, что значило бы конфедерацію въ конфедераціи.

Нѣмецкая пресса придаетъ большое значеніе такому антагонизму двухъ державъ, развивающемуся на глазахъ у цѣлой Европы. Мы надѣемся, что это столкновеніе окончится миролюбиво, но довольно серьезно и во всякомъ случаѣ въ пользу Германіи. Взаимные удары, наносимые другъ другу обоними соперниками, конечно, повредятъ и тому, и другому, но послужатъ къ утвержденію національнаго единства Германіи, которая выиграетъ все, что потеряютъ соперники въ своей борьбѣ. Правительство баденское рѣшилось предложить свое посредничество, но это робкое вмѣшательство не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. «National Zeitung» говоритъ, что Вильгельму остается въ виду опасности, угрожающей его государству, идти впередъ въ дѣлѣ реформъ и сообщать Германіи болѣе единства и дать ей болѣе свободы, нежели ей давали Австрія, Ганноверъ, Саксонія и Баварія, — а это совсѣмъ не трудно». Такого рода совѣты очень полезны для короля Вильгельма, но мы знаемъ, что не онъ одинъ нуждается въ хорошихъ совѣтахъ, а и его парламентъ и вообще вся нѣмецкая нація.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

(Критическій отдѣлъ Русскаго Вѣстника за 1861 годъ).

VI.

Относясь мягко и почти любовно ко всему, что не имѣетъ связи съ задорною журналистикою, и въ тоже время не рѣшаясь слишкомъ громко расхваливать то, что не представляетъ никакихъ особенныхъ достоинствъ, Русскій Вѣстникъ держится дипломатической осторожности, хвалитъ такъ, что его похвалы можно принять за выраженія свѣтской вѣжливости или условнаго почтенія. Похвалы эти голословны, какъ то официальны; въ нихъ не видно действительнаго сочувствія; но, не смотря на эту дипломатическую осторожность, у Русскаго Вѣстника прорываются порою довольно странныя признанія и сужденія. Съ этой точки зрѣнія стоить привести въ примѣръ статью г. N. о солдатской бесѣдѣ г. Погосскаго. Г. Погосскій, какъ авторъ дѣдушки Назарыча, господина Колодника и разныхъ другихъ рассказовъ, взятыхъ изъ солдатскаго быта и переданныхъ солдатскимъ языкомъ, извѣстенъ своею замашкою идеализировать изображаемую среду, и въ особенности тѣ личности, которыя являются въ его рассказахъ на первомъ планѣ. Какъ человекъ умный и не лишенный современнаго

литературнаго образованія, г. Погосскій идеализируетъ довольно искусно и почти правдоподобно. Онъ не представляетъ своихъ героевъ сказочными богатырями, не заставляетъ ихъ стучать себя въ грудь и плакать на взрыдъ при словѣ матушка русь православная, не наваливаетъ имъ на плечи невѣроятныхъ подвиговъ героизма и самоотверженія, и вообще не выходитъ, при построеніи своихъ характеровъ и положеній, изъ масштабовъ сѣренькой дѣйствительности. «Его Назарычи, Савельчи, Кулики да Калинины, говоритъ г. Н., народъ все больше невзрачный, тихій, невхвастливый; это все люди, которые тутъ же, обокъ насъ живутъ.» Все это почти вѣрно, а между тѣмъ это не мѣшаетъ существованію страшной идеализаціи. Всѣ эти солдаты—люди маленькіе, но въ высшей степени добродѣтельные. «А придетъ случай—глядишь, говоритъ самъ г. Погосскій, онъ (т. е. солдатъ) и встанетъ передъ тобою въ такой красотѣ душевной, такую добродѣтель окажетъ, ни передъ какимъ зломъ непреклонную, что подивившись ты невзрачному человѣку этому и за большее счастье почтешь называть его ровней, товарищемъ своимъ». Вотъ и возникаетъ вопросъ: откуда же это добылъ себѣ этотъ солдатъ такую отиѣнную добродѣтель? Изъ деревни ли онъ ее принесъ или въ казармахъ выработалъ? Если изъ деревни принесъ, то эта добродѣтель принадлежитъ или отдѣльному лицу, или цѣлому народу, но никакъ не специальному сословію солдатъ. Если же онъ ее выработалъ въ сферѣ своей служебной жизни, тогда г. Погосскому очень не мѣжало бы объяснить читателямъ, какія именно стороны этой жизни выработываютъ въ солдатѣ непреклонную добродѣтель и душевную красоту. Но г. Погосскій, какъ художникъ, можетъ быть увлеченъ своимъ предметомъ, и вслѣдствіе этого, можетъ, въ отношеніи къ этому предмету, утратить до нѣкоторой степени ту силу анализа, съ которою человѣкъ леднокровне размышляющей приступаетъ къ обсужденію каждаго дѣла или вопроса. Можетъ быть г. Погосскій видѣлъ, дѣйствительно, такъ много примѣровъ непреклонной добродѣтели и красоты душевной, что для него понятіе солдата совершенно неразлучно съ понятіемъ человѣка, обладающаго именно такою добродѣтелью и красотой. Крімъ того г. Погосскій преслѣдуетъ, можетъ быть, нравственно-педагогическую цѣль и жаждетъ представить своимъ читателямъ—солдатамъ какъ можно больше хорошихъ образцовъ, для того, чтобы эти читатели, умиляясь сердцемъ, стремились подражать этимъ доблестнымъ примѣрамъ и неустанно подвигались впередъ на пути своего духовнаго

и нравственного совершенствования. Если г. Погодский указывается как художникъ, если онъ, отбросивъ своиныя младшия брашны, видитъ нѣкъ смыслъ въ развоѣ свѣтѣ, — это дѣлаетъ величайшую часть милому сердцу и впечатлительному нраву педагога «Солдатской Бесѣды», хотя въ сущности не увеличиваетъ правдоподобія характеровъ, подобныя Назаручу в дѣлѣ не объясняютъ происхождения этихъ характеровъ изъ наличныхъ элементовъ нашей действительности. Если г. Погодский хочетъ принести пользу нашимъ низкимъ чинамъ представляемыми образцами, если его добродѣтельные герои — ничто иное, какъ прошекъ, съ которыми солдату должно снисывать свои поступки и свое житье, то опять-таки нельзя не отнестись съ величайшею уважительностью къ добродѣтельнымъ тенденціямъ г. Погодского, нельзя не признать его на истиннаго филантропа и нельзя не помалить о томъ, что невольная филантропія эта идетъ въ разрѣзъ съ жизненною правдою. Тѣ аргументы, которые я привелъ для того, чтобы оправдать и объяснить увлеченіе г. Погодского своимъ предметомъ и выходящимъ изъ этого увлеченія идеализацію, къ сожалѣнію, никакъ не могутъ быть приложены въ пользу г. П. — критика Русскаго Вѣстника. Дѣло критика состоитъ именно въ томъ, чтобы рассмотреть и разобрать отношенія художника къ изображаемому предмету; критикъ долженъ рассмотреть этотъ предметъ очень внимательно, обдумать и разрѣшить по своему тѣ вопросы, на которые наводитъ этотъ предметъ, вопросы, которые едва затронулъ и можетъ быть даже едва замѣтилъ самъ художникъ. Художнику представляется единичный случай, яркій образъ; критику должна представляться связь между этимъ единичнымъ случаемъ и общими свойствами и чертами жизни; критикъ долженъ понять смыслъ этого случая, объяснить его причины, узаконить его существованіе, показать его *raison d'être*. Г. Погодский рисуетъ намъ добродѣтельныхъ солдатъ. Критикъ его произведеній можетъ соглашаться или не соглашаться съ авторомъ, признавать или отвергать действительность выводимыхъ имъ явленій; въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ долженъ выставить на видъ тѣ соображенія, которыми онъ руководствуется, и при помощи которыхъ онъ приходитъ къ тому или другому результату. Если онъ считаетъ Нуликowa и Назаручей дѣйствительно живыми типами, то онъ долженъ объяснить намъ, какия именно условія русской жизни вообще или солдатскаго житія — бытъя въ особености содѣйствуютъ формированію такихъ типовъ. Если онъ

*

считать Куликову и Назарычей разговори выдумками автора, построенными съ поучительно нравственным цѣлью, то онъ онѣ-таки обязанъ, подвергнувъ анализу тѣ же условія русской жизни, доказать, что при этихъ бытовыхъ условіяхъ личности подобныя добродѣтельнымъ героямъ г. Погосского существовать не могутъ. Словомъ, чтобы критическая статья не была переливаниемъ изъ пустого въ порожнее; надо, чтобы въ ней высказывался взглядъ критика на явленія жизни, отражающіеся въ литературномъ произведеніи, надо, чтобы въ ней, съ точки зрѣнія критика, обсуждался и рѣшался какой нибудь вопросъ, поставленный самою жизнью и натолкнувшій художника на созданіе разбираемаго произведенія. Этого-то именно мы не найдемъ въ статьѣ г. N.; одобрительно-ласкательные отзывы о Солдатской Бесѣдѣ г. Погосского, выписки изъ упоминаемыхъ повѣстей, рассказы содержанія этихъ повѣстей—вотъ все, что вы встрѣтите въ этой soi-disant критической статьѣ. Мы изъ этой статьи имѣемъ право вывести одно заключеніе, что авторъ ея раздѣляетъ сладкія воззрѣнія г. Погосского и вмѣстѣ съ нимъ готовъ восхищаться тою средою, въ которой живутъ и дѣйствуютъ наши крестьяне и солдаты. Я не намѣренъ спорить ни съ г. Погосскимъ, ни съ г. N. тѣмъ болѣе, что послѣдній не высказываетъ рѣшительно своихъ мнѣній, а только принимаетъ съ полною вѣрою все слова и рассказы Солдатской Бесѣды. Я спорить не намѣренъ, потому что нахожу это въ высшей степени неудобнымъ и бесполезнымъ; я ограничиваюсь только тѣмъ, что указываю на крайніе выводы, къ которымъ приводитъ сладкій оптимизмъ Русскаго Вѣстника. Затѣмъ иду дальше, къ критическимъ диковинамъ слѣдующихъ книжекъ.

VII.

Въ раздумьѣ останавливаюсь я передъ апрѣльскою книжкою; въ ней критическій отдѣлъ начинается выпискою изъ сочиненія г. Юревича (изъ науки о человѣческомъ духѣ). Возникаетъ вопросъ: говорить или не говорить объ этой статьѣ. Есть много аргументовъ за и противъ, но мнѣ кажется будетъ основательнѣе пройти эту статью молчаніемъ, напоминая предварительно читателямъ, что она неправ-

дела противъ статьи г. Чернышевскаго объ антропологическомъ принципѣ и авторства Русскаго Вѣстника, имѣть положительное сужденіе изъ трудовъ нѣвской духовной академіи. Рѣшаюсь я не говорить объ этой статьѣ собственно потому, что не вижу ни малѣйшей точки соприкосновенія между мыслями г. Юркевича и моими собственными идеями. Пронесъ мысли, исходная точка, результаты, способъ изложенія, все это до такой степени различно, имѣть будто бы мы жили въ разные времена и говорили на другъ разные языки. Очень можетъ быть, что это признаніе сдѣлано мною къ моему собственному стыду, очень можетъ быть, что жить не въ томъ мѣстѣ, въ какомъ живетъ г. Юркевичъ, значить проспать, вести жизнь скотоподобную, не имѣть понятія о дѣятельности мысли; все это очень возможно, а между тѣмъ я все-таки съ полною откровенностью скажу, что не понимаю, изъ чего извощить г. Юркевича, что и зачѣмъ онъ доказываетъ, какая польза и какая надобность въ тѣхъ невыносимо-сучухихъ диалектическихъ тонкостяхъ, которыми наполнена его обширная статья. Согласитесь, господа читатели, что, если я не понимаю ни цѣли, ни сущности, ни пользы статьи г. Юркевича, то я никакъ не могу стать къ ней къ какия бы то ни было критическія отношенія. Для меня статья г. Юркевича написана на неизвѣстномъ языкѣ и притомъ на такомъ языкѣ, которому я не хочу учиться, потому что очень хорошо знаю, что этотъ языкъ, сухой и безплодный, ничѣмъ не вознаградитъ меня за тѣ усилія, которыя я употреблю на его усвоеніе. Если г. Юркевичъ не умѣетъ говорить ясно и просто о простыхъ и ясныхъ предметахъ, если надо пройти цѣлый предварительный курсъ казенщины для того, чтобы слышать его ученіе о природѣ, о человѣкѣ, о духѣ и разумѣ; то я полагаю, что большинство людей предпочтутъ остаться профанами. Вокругъ насъ кипитъ живая жизнь; что ни шагъ, то предметъ для размышленія, и притомъ такой предметъ, который непременно надо обсудить, чтобы имѣть возможность идти дальше; тутъ сама жизнь задаетъ вопросы и требуетъ мысли; усидѣвай только обдумывать и рѣшать; усидѣвай только пробиваться и разрушать дѣйствительныя препятствія; а тутъ намъ предлагать углубиться въ самихъ себя, заняться диалектическими выкладками, воспринять покойный Гегелизмъ и зарыться по уши въ какую нибудь отвлеченную систему, которая не успѣла даже выработать себѣ языка. Мы съ удовольствіемъ готовы называться философскою диалек-

иную, лишь орудовать барьба, лишь ардетвома жарунауть-предидеунаи, но, когда эмисосонни диалектики уидеть въ эмиваь слово, иида она, герия ноъ яиду действительности, заблудя улосой мота и времени, начинаеть расплываица въ общаиъ рассууждениаъ, но ириводицикъ и но жукунуиъ аривести ни въ яакову есазиеомома-аритико-евику, икляеонному результату, тогда нии отвортаеомома отъ этой дидеонники и наидома, что закиаееться ето случаъ, а сибреть еъ тидъ, кто ео закиаееться, бежидома. Какъ еи еимологовати ни были тъ ариски, историкни г. Юркевачъ считаеть е. Чер-еиневекиго въ непомидовтаиности, въ неологичности, въ поута-иин енаеиеть, въ противоричикъ еъ самниъ еобою, чикъ бы еоотру-уныи и плубекомысленныи ни были тъ доведы, историкни киомаиъ эи-еингелъ проиить петербургскаго журналиста, есе-гани еогати киома-го писателея прочевои очемъ помявомаи любитеиикни и диде ни етиаъ любитеиой не прокиаееть еаиьмаго иичотидиаи, потому что еи еер-реть ни-еа словъ и етаеиваицаееть на мелочиаъ. Что же касаетца до еогати петербургскаго журналиста, то ее прочеъ большидома ч-еаиоиди-публики; иди еио иииваи дидеальностьиысли, кривиди уиъ еу-еона и иипривеае етиаъ аривокомъ новаго истериала, еаидеаеомома диде едидеаи, а тидъ рускаиъ иривоаиоме трумоиикни, но уидеиде-еаиуиъ ед-ииниъ езаидеиде иидеае иапривеомеиъ иысли, веариваиуиъ противъ оудидеиикниъ иадробностиаъ, екорять противъ чистидиаъ иодоситровъ и иривеаиуиъ иивую еидеаъ въ диалектическое толчеиие воды; етиаъ они иисколько не етаеиваиеть действидеальнаго равниетиаъ идей въ обществъ; етиаъ они помявуиъ только еаеа еобствениое беесидеаи, противъ котораго, поично, иидеиди дидеа и иивой иысли не етоить предидриикнатиъ кривоидииъ ие-еаеа; достатично указать на это беесидеаи, какъ на еуществуиуиий еаиеть и иривиди иидеа къ друидиъ предметамъ, таикже еаслужива-идица иабеидеиди.

Памного иичиници заслуживаееть статья г. Лонгидинова о кидиъ И. А. Вавоискомниъ. Эта статья вызвана отидеаици разидицих истерибург-екиаъ журналиковъ и газети о иубаеаъ иидидеаидеидициаиъ иитературной дидеальности кидеа Вавоискиаго, иривидеаеомома 2 марта 1861 года. Въ еаеи времени было иидеаио говереио ебъ етиаъ иубаеаъ, гораздо больша, чидъ етоило говереио ебъ етиаъ иривидеаъ, и потому я, поично, въ этой статье не буду поидиикнати етиаъ уиогидиикни толковиъ. Веоиче я еовершонно веаидрикусь етъ еуждениаъ о иитературныхъ заслужидиаъ г. Вавоискиаго и буду иидеаъ дидеа только еъ г. Лонгидиновниъ, котораиъ,

увлекалась шаромъ интрижки и набогириса, высказываетъ много интимныхъ идей и эстетическихъ взглядовъ. Молодая точка у г. Лонгинова за то, что и у г. Грога; она сурово требуетъ вынуть изъ переписки или, какъ она говоритъ съ отблескомъ умеренности, вынуть существование въ томъ, что они не знаютъ истории нашей словесности и потому не чувствуютъ къ своимъ предшественникамъ на литературномъ поприщѣ того уваженія и той уважительности, которую заслуживаютъ заслужить. Она указываетъ своимъ естественнымъ на границахъ и человеческимъ добродетельмъ нашихъ прошедшаго времени и указываетъ на некоторыхъ изъ нихъ, какъ на образцы, достойные подражанія. «Наримизинъ, говоритъ она, на почерка забыть инициалы разные бороздки за то, что онъ не думалъ и не писалъ въ нихъ духъ, Наримизинъ былъ одаренъ гражданскими чувствами и гражданскимъ мужествомъ, какихъ дай Богъ побольше на Руси. Онъ отказывался отъ должности министра, перемъ Талана писалъ приговоръ Якову, не уступалъ ни одному врагивану, поднималъ государя записка о россійскъ государственнукъ дѣлахъ первой важности, уверяли на то, что писалъ его протаворѣчиии и гонимъ Александра. Блжгородство Жуковскаго вошло въ послѣднюю. Шашковъ забывалъ, но былъ честнѣйшій изъ людей, твердый въ правдѣ и несокрушимый сошнулся напередъ какъ, ни моряхъ тѣмъ, ослѣпилъ, — достойный другъ Моравцова. Справьтось, какая память имѣеть въ министерствѣ юстиціи о Дмитріевѣ и томаръ, чертъ сърочъ какъ лѣтъ послѣ его отставки?» Увлекалась многоглаголюющимъ шаромъ, г. Лонгиновъ не забывать того, какъ странно она записываетъ свое въ писемъ. Наримизинъ не былъ истиннымъ, Жуковскій не былъ общепризнаннымъ человекомъ, Шашковъ не былъ безотступнымъ человекомъ, Дмитріевъ не былъ суровымъ чиновникомъ; случилъ воздушнеловкомъ рѣчи г. Лонгинова на эту тему, можно себя вообразить, будто была чуждая литература записка обвиненіями и обвиненіями; направленные противъ прежнихъ дѣятелей съ цѣлью отерпнть навсегда чуждъ наша и забыть съ грязью ихъ память. Еслибы большинство нашихъ людей было также изобретенымъ разныхъ клеветъ противъ Моравцова, Жуковскаго, Шашкова и Дмитріева, то тогда только можно было бы объяснить себя происхождение анологіи г. Лонгинова. Но теперь къ чему она? Кто клеветаетъ на этихъ покойныхъ литераторовъ? Кто говоритъ объ нихъ? Мы объ нихъ и думать забываемъ, у насъ перышко перьякъ съвъ съ этими людьми; у нихъ были

свои интересы, свои восторженія; они отжили; теперь мы живемъ, и у насъ свои интересы, свои восторженія, не имѣющія ничего общаго съ прежними; когда намъ случается взглянуть въ томъ или другомъ, мы остаемся холодно къ тому, что мы интересовало и подъ чужъ, по-вольно, добродушно улыбаемся имъ восторженными тирадами. Давно приговоръ Иоанну, написанный перомъ русскаго Тацита, Карамзина, но вызываетъ въ насъ особеннаго сочувствія, между тѣмъ какъ стрелки настоящаго, римскаго Тацита, написанныя сличномъ за полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ неведомы наши моря. Что же дѣлать? Надо съ этимъ согласится: Карамзинъ, Жуковский, Дмитриевъ и др. отжили для насъ и отжили такъ вѣчно, такъ безвозвратно, какъ, вѣроятно, никогда не отживутъ люди съ дѣйствительными, сильными талантомъ, люди, подобные Шекспиру, Байрону, Сервантесу, Пушкину. Шекспира мы до сихъ поръ читаемъ съ наслажденіемъ, а Жуковскаго врядъ ли кто нибудь возьметъ въ руки ни какъ съ ученою или библиографическою цѣлью. А на это г. Монтанозъ гордо возражаетъ, что Жуковский, Карамзинъ и Шиншловъ — честнѣйшіе люди. Ну что жъ изъ этого, отвѣчимъ мы. Мы имъ и не бранимъ безчестными, а думаемъ только, что честность въ писателѣ — достоинство отрицательное. За отсутствіе этого достоинства — клеймить презрѣніемъ, а за присутствіе его еще не вѣчаютъ лаврами и кнѣпами. Что Карамзинъ, Жуковский и Шиншловъ были честными людьми — это при нихъ и остается. Изъ этого никакъ нельзя вывести заключенія, чтобы слѣдовало превратить текущую литературу въ номинальные синекы. Мало ли въ Россіи со временъ Рюрика или Геттингера было честнѣйшихъ людей. Неужели же изъ всей литература должна помнить и беречь только за те, что они были честнѣйшіе. Если у нашей эпохи нѣтъ такихъ интересовъ, которые разделяли бы съ нами Карамзинъ и Жуковский, то въ чемъ же мы можемъ имъ сочувствовать, зачѣмъ мы будемъ къ нимъ обращаться? Отчего мы не можемъ и не должны говорить, что прошедшее нашей литературы для насъ не существуетъ, что мы отдалены отъ него цѣлою пропастью, чрезъ которую нельзя и не слѣдуетъ перонагнуть? Почему, на какомъ основаніи мы будемъ помнить и уважать прошедшее нашей литературы? Потому ли, что оно прошедшее, и что глубокомысленная латинская поговорка велитъ говорить *de mortuis est bene, aut nihil*, или потому, что оно наше, родное, русское? Не знаю, право, который изъ доводовъ лучше и сильнѣе. Что касается до

г. Лонгинова, во ось, наконец, смелѣе привести первый аргументъ, потому что уваженіе къ принадлежнику, не его жизни, должно быть принадлежностью образованнаго литератора и развитаго человѣка. «Рассиикъ не Массе, Шиллера не Гейне, говоритъ г. Лонгиновъ, а попросите умнаго Француза или Нѣмцу поговорить съ презрѣніемъ о Рассиикѣ или Шиллерѣ, онъ вѣроятно даже не почтетъ за нужное продолжать съ вами разговоръ». Умный Французъ или Нѣмецъ, не дающій въ обиду своихъ стариковъ приводитъ здѣсь собственно для того, чтобы показать нашимъ «борзосиодамъ и едлыстокистамъ» всю позорную опрометчивость нѣтъ поведенія; желая дать этимъ господамъ хорошую, волевоуемый урокъ, г. Лонгиновъ говоритъ множество несообразностей; онъ ставитъ на одну доску Шиллера и Рассина и находить, что умный Французъ, защищающій Рассина и умный Нѣмецъ, защищающій Шиллера, будутъ одинаково правы въ своихъ сужденіяхъ.

Въ глазахъ г. Лонгинова оба правы потому, что оба защищаютъ прошедшее; тутъ можно только скромно замѣтить, что вѣдь прошедшее прошедшему романъ. Отстаивать Шиллера, какъ художника и человѣка, какъ вѣдновременнаго защитника лучшихъ правъ и лучшихъ инстинктовъ человѣческой природы, отстаивать Шиллера, какъ честнаго бойца своего времени, какъ гениальнаго мыслителя и поэта—позволительно каждому нормальному человѣку, будь онъ Нѣмецъ или Французъ, Русскій или Татаринъ. Но отстаивать Рассина, въ сеченіяхъ котораго мы не встрѣчаемъ ничего, кромѣ лжи и кодульности, отстаивать вмѣстѣ съ нимъ все направленіе литературы въ вѣкъ Людовика XIV, это такой подвигъ, на который можетъ рѣшиться разве только французскій академикъ, и за который похвалить можетъ только критикъ Русскаго Вѣстника. Сочувствіе г. Лонгинова къ прошедшему *quand même* доходитъ до того, что онъ съ неприязненнымъ уваженіемъ отзывался о французской академіи, какъ о хранительницѣ славытельныхъ преданій. То, что говоритъ г. Лонгиновъ объ академіи, такъ неподражаемо хорошо, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько его подлинныхъ строкъ. «Она, говоритъ онъ, нечеловѣка заслуги академіи, начечатала нѣсколько изданій словаря, сообразуясь съ успѣхами языка, была постоянно органомъ здравой критики, а главное, трудами и засѣданіями своими распространила въ публикѣ тотъ эстетическій вкусъ, развивала въ ней то уваженіе къ достоинствамъ бѣсмертныхъ твореній великихъ писателей, благодаря чему во Франціи не можетъ первый встрѣд-

ней заставить кипит публику вошу, что придет ему въ голову говорить объ этих писателях» (стр. 124). Но кто, не считая это наивнью и несбывающуюся критическую разсужденность г. Лонгина; кто не все ему поверитъ, что французская публика останется равнодушна эстетическимъ вкусамъ и что она обречена слѣдовать своимъ эстетическимъ понятиямъ. Читая это, скажемъ, что мы рекомендовали ей романы Фюара, Дюма, Фювара, графини Дюль, Гюль де Монтелье и другихъ настоящихъ живописцевъ? И что же это пристрастие къ надобнымъ романикамъ—принимать разсужтаго вкуса? Или, можетъ быть, г. Лонгинъ не признаетъ даже публики тѣхъ людей, которые заедемъ читать Фюара и Дюма? Отъ него это становится, потому что онъ, кажется, дѣлаетъ различие между обществомъ и толпою. Общество онъ уважаетъ, но толпу, *refined vulgus*, необразованную массу онъ порицаетъ какъ низменныя существованья, причисляя къ этой безобразной толпѣ и преступныхъ фальсификаторовъ, и тѣхъ легкомысленныхъ людей, которые читаютъ эти фальсификаты, и тѣхъ эстетическихъ людей, которые читаютъ эти фальсификаты. Общество французское, предлагающее г. Лонгину, на сколько образованно, что считаетъ существованье такого учреждения не только совѣстнымъ съ движениемъ литературы и своимъ собственнымъ, но совершенно необходимымъ, какъ убѣжденно для истиннаго вкуса, для независимаго толка людей знающихъ и точныхъ, для сформированныхъ законовъ прекраснаго отъ неумолимости логическаго и неуклонности. Поэтому жидкий руководствуется при выборѣ своихъ членовъ не только степенью таланта, а еще больше популярностью того или другаго автора, но считаетъ условиемъ для того качественное образованье писателя, свойство его умственнаго прилежанья, мастерство его владѣть языкомъ, его вкусъ и критическій даръ. Она приноситъ въ члены скромнаго, малозвѣстнаго толка поэта Ланрада, а одна ли скоро допустить въ свою среду напр. блестящаго, популярнаго, бойкаго Теофила Готье».

Знаете ли что, господа читатели,—вглядѣвшись въ чужую добродѣтель, мы всего глубже и живѣе можемъ почувствовать свои собственные несовершенства, мы всего скорѣе можемъ дойти до счастливаго раскаянн и до горячаго желанн исправиться. Со вниманьемъ всматриваясь въ идеи г. Лонгина, я замѣчаю, что его сужденн отличается глубокою, неопытною искренностью, и съ истиннымъ ослепенню обличаю самого себя въ мрачномъ и недостойномъ мещанинн

но всему истинному и прекрасному. Посмотрите, какъ тепло вѣрять г. Лангманю и въ образованность французскаго общества, и въ необходимость французской академіи, и въ необходимость голоса тѣхъ знающихъ и почтенныхъ людей, которые удостоиваются избраться въ члены, и: въ вѣрность тѣхъ законовъ прекраснаго, которое, несмотря на свою вѣрность, должно быть охраняемо отъ злоупотребствъ легкомыслія и зависти. Г. Лангманъ такъ твердо вѣреть въ существованіе добра и во всеобщее его проявленіе, что ни отъ думъ сетуетъ въѣтъ академическія выборы, которые, конечно, принадлежатъ ему несомненно голосомъ людей знающихъ и почтенныхъ. Его посланіе речуетъ во всеобщаго, что академія не обращаетъ вниманія на снѣжніе горы, и, браку «кондукаринго» (замѣтно совѣтъ) Тессола Готта, принимается въ члены сиротнаго дома Лакрета, вѣрнѣе за притворное благочестіе и за повальную сиротность.

А, вотъ какъ добродетельные люди смеются на воши; мнѣ кажется снисхожденію за себя и за свои дѣла, но я продолжаю звать естественный стыдъ и справедливыя пенніи съправильно справляю до некоторой степени смѣть отъ себя являю какъ справедливыя возмездія. Какое мораль читателями, вотъ въ книжкѣ сиротныхъ образахъ представлялись мнѣ тѣ акты, которые обижъ г. Лангманю такъ являю являю являю снѣжніе горы розоваго снѣга. Я думаю, что французская академія, основанная по желанию возможнаго министра, сиротнаго Ринельда, никогда не была живую потребностью для французскаго общества, а мнѣ собѣ по силѣ являю, какъ притворное учрежденіе, созданное званіемъ и не отнесенное никакимъ другимъ, послѣдующимъ распоряженіемъ. Я думаю, что существованіе французской академіи не имѣетъ ничего общаго съ движимымъ литературой, и что французское общество не имѣетъ бы равно ничего, если бы основана академія мнѣ не существовала; и думаю, что истинный вкусъ не нуждается въ убѣжденіи, и что голосъ каждаго человека знающаго или не знающаго, почтеннаго или не почтеннаго, можетъ быть гораздо чище и самостоятельнѣе, когда этотъ человекъ говоритъ только отъ своего собственнаго лица, чѣмъ тогда, когда онъ ораторствуетъ на академическія преданія, какъ членъ и представитель почтенной и ученой корпораціи. Мнѣ казалось, что французская академія не охраняетъ вѣрнѣе законовъ прекраснаго по ней протестъ притворнѣ, что такихъ мудрыхъ законовъ не существуетъ, и что,

душе хранить вечною ценным, потонувшее собрание берется заложником академическим предкам, отчужденным от времени — и превращающимся в сухую, мертвую рутину; при выборе словечек членская академия руководствуется не степенью таланта автора, но известностью его, а классическим образованием писателя, свойствами его учиться примером, мастерством его владеть языком, его вкусом и критическим даром. Я бы от души желал поверить на слово г. Лопгину и принять сообщаемым мне сведениям за святую истину, но решительно не могу сдвинуть этого, потому что в самих словах г. критика заключается неразрешимое противоречие: академия, извольте видеть, не обращает внимания на степень таланта и потому тем же требует мастерства владеть языком, вкуса и критического дара. Что же такое критический дар, если он не признается талантом и даже противоположен таланту? И мастерство владеть языком, и вкус — это тоже не талант. Да что же такое талант? Никто не приходится обращаться к пероברей слов, когда люди игнорируют употребить слова, не отдавая себе отчета в их значении. Чтобы понять г. Лопгина, надо обратиться к тем призракам, которыми он поленится свое замечательное дело, весьма похвально на пустую фразу. «Викторь Гюго, говорит он, в своей своей славы не мог сдвинуться академиком до самого 1841 года, потому что, несмотря на свое блестящее дарование, грешил часто против чистоты языка и здравого вкуса, который так уважаем в учреждении, где заседали те же судьи из, этому качеству преимущественно обязанное общему нечестию, из окружающих: Андриэ, Фелонь, Пюль, Сальвади, и пр.» А, да, теперь дело начинается разъясняться. Академия требует правильности (Соггестheit), и в этом отношении видеть дань общей слабости всей академии: Одна академия требует правильности рисунка, другая правильности музыкального исполнения, третья правильности поэтического языка. Става подобная требования, каждая академия стесняет свободный полет мысли и вытесняет в свои условия, ушиб ранней творческую деятельность художника. Но академическим понятием, трудолюбивая посредственность, уминая уснуть себе предания школы, и не чувствующая в себе ни малейшей потребности выйти из рубрики социальное предписанной программы, всегда будет поставлена выше несуществующего таланта, разбивающего великие условные ограничения и не поддающаяся в своем творчестве ни кому и ничему,

кромѣ собственнаго, внутренняго побужденія. Поэтому академикъ почти всегда расходуется въ своихъ приговорахъ съ неравнитою толпою; паразитой толпы превращается самостоятельная сила, оригинальная свѣтлость, творческая самобытность, а академикъ требуетъ выдержанности, дрессировки, приниженія къ повольному, условному образцу; толпа выслушаетъ и любитъ свежую повесть, но обращая вниманія на академическіе приговоры, а почтенныя собранія, живя своею замкнутою, темнотчею жизнью, знать не хотятъ о томъ, что дѣлается за стѣнами въ залъ и кабинетахъ, и улыбаемо прерывающа встрѣчаютъ все проваломъ мысли и чувства, прерывающаеся пошито ихъ приговоромъ и наводяща себѣ сочувствіе въ паразитой толпѣ. Г. Лонгиновъ много академикъ по своимъ воззрѣніямъ; онъ съ души желаетъ, чтобы толпа безпрекосленно слушала приговоры людей академички и почтенныхъ, и чтобы все ея сужденія были согласны съ протоколами академическаго засѣданія; рутину школы онъ называетъ вѣчными законами прекраснаго; приговоры, произносимые съ точки зрѣнія этой рутины, называются независимымъ голосомъ, и все остальное обозначается именами, замѣщаемыми изъ того же круга идей и впечатлѣній. Въ эстетическомъ пониманіи г. Лонгиновъ представляетъ своихъ читателей тѣ благодѣтельные сдѣланія, которыя могло бы имѣть для нашего просвѣщенія существованіе ученаго собранія, недоблаго французской академіи. «При безпрерывномъ нападѣнии звуковъ и переворотахъ въ языкѣ, говоритъ г. Лонгиновъ, у насъ была бы полемико, чѣмъ гдѣ либо, корпорація незатѣшная, съ авторитетами въ дѣлѣ словесности. Она несколько не стѣннала бы доброй воли всякаго, имѣть какъ ему угодно (неправда ли, какъ это милостиво и великодушно!). Но она была бы хранилищемъ, гдѣ всякій могъ бы почерпнуть свѣдѣнія дѣльныя; центромъ, гдѣ публика знакомялась бы съ научными и литературными приемами, узнавала бы серьезно исторію языка и словесности (очевидно, академія такого класса была бы, во мечтамъ г. Лонгинова, чѣмъ-то среднимъ между присутственнымъ мѣстомъ, адреснымъ столомъ и учебнымъ заведеніемъ). Наконецъ, она была бы мѣстомъ соединенія, гдѣ охотились бы инсателы разныхъ партій, которые теперь сидятъ во большей части безвыгодно въ своихъ кружкахъ, въ ущербъ публикѣ, литературѣ и самимъ себѣ, потому что они ничего не видятъ, кромѣ своихъ же дѣйствій, ничего не слышатъ, кромѣ своихъ же рѣчей, повторяемыхъ близкими ихъ, да разныхъ литературныхъ смеленъ (Благодушно отворяя двери этой

желанной академіи для писателей разных партій, г. Лонгиновъ очевидно не предвидитъ того обстоительства, что могутъ найтись и такіе писатели, которые и взглянуть не пожелають въ такое славнѣйшее учрежденіе. Впрочемъ, такихъ госнодь г. Лонгиновъ не признаетъ писателями, почти также какъ читателей ихъ онъ не признаетъ публикою; это, по его мнѣнію, фальсификаты, баншибузукки, зелье и язва нашей литературы, отравляющіе здравый вкусъ публики и мѣшающіе развитію солидныхъ и серьезныхъ понятій. Вспомнивъ объ этихъ нечестивыхъ фальсификатахъ, г. Лонгиновъ, какъ молочница въ баснѣ Ласопсона, видитъ, что надежды и радужныя мечты его разлетаются въ прахъ). Но, говоритъ онъ съ удивительною грустью, можно ли думать о томъ, когда фальсификаты завладеваютъ вниманіемъ читателей, уничтожаютъ все, что было до нихъ и провозглашаютъ, что они знаютъ не хотѣвъ общества, т. е. соединенія божье или мнѣніе образованныхъ людей, а ищутъ популярности между своимъ братіемъ и въ массахъ». Грусть и негодованіе г. Лонгинова мнѣ понятны, хотя, конечно, я, какъ фальсификатъ, не могу имъ сочувствовать. Кабинетная начитанность всегда претендуетъ на авторитетъ, всегда считаетъ себя головою вышю толпы и всегда приходитъ въ самое невинное негодованіе, когда эта толпа идетъ себе своею дорогою, не обращая никакого вниманія на совѣты, предостереженія и притворныя утѣшныя собранія или отдѣльнаго утѣшнаго лица. Въ этомъ отношеніи люди кабинетовъ, архивовъ и библиотекъ очень похожи на тѣхъ деревенскихъ книжниковъ, которыхъ, при невѣроятныхъ трудахъ и усиліяхъ, удалось одолѣть дюжины полторы старыхъ книгъ. Питая полное уваженіе къ трудолюбію и къ любознательности этихъ деревенскихъ начатчиковъ, нельзя не замѣтить, что напряженіе мозга надъ отдѣльными словами книгъ и часто безъ усилій стараія связать между собою въ головѣ эти отдѣльныя слова внураютъ мыслительныя силы этихъ книжниковъ; они зачитываются до такой степени, что теряютъ способность практическаго пониманія, начинаютъ вставлять въ обыденный, житейскій разговоръ отдѣльныя выраженія и цитаты изъ прочитанныхъ книгъ, начинаютъ говорить высококимъ слоюзомъ и въ то же самое время, увѣщая себя за свои безплодные труды и усилія, возвышаются въ своемъ собственномъ мнѣніи, становятся невинно самонадѣянными, и начинаютъ смотрѣть съ высота на «необразованныхъ мужиковъ», которые съ своей стороны смотрятъ на этихъ завиратющихся книжниковъ съ лукавою усмѣшкою полупрезрительнаго состраданія.

Роль, которую играют эти книжкины въ деревняхъ, не можетъ быть; отчасти объясняетъ то положеніе, въ которомъ въ некоторой части нашихъ цѣловъ ученыхъ находится отношеніе къ массѣ грамотнаго общества. Эти ученые работаютъ много и между тѣмъ мы не видимъ плодовъ изъ занятій; они читаютъ и перечитываютъ рукописи и старыя книги; они выбиваются изъ силъ, наводя какую нибудь мелкую хронологическую справку, или отыскивая потерянное значеніе какого нибудь устарѣлаго слова, встрѣчающагося раза два въ лѣтописи или въ старомъ переводѣ; ежечасно этой работы, утомительности подобнаго розысканій подаетъ самому труженнику поводъ думать, что онъ совершаетъ великій подвигъ самоотверженія, за который ему должны быть благодарны и современники и потомки. Самому труженнику очень скучно возиться съ старою рухлядью всякаго рода, но оттого, что онъ скучаетъ и выбивается изъ силъ, никто не чувствуетъ для себя осознательной пользы или осѣбжающаго удовольствія, и потому никто не говоритъ спасибо. А между тѣмъ труженникъ роется въ архивахъ и библіотекахъ, поглощаетъ огромные фоліанты, отыскиваетъ библиографическія рѣдкости и дневники, уходитъ въ тотъ мірокъ прошедшаго, котораго блѣдныя отрывки сохранились на лоскуткахъ бумаги и пергамента и теряетъ способность понимать тѣ побудительныя причины, которыя заставляютъ живыхъ людей говорить и спорить, горячиться и приходить въ негодование, страдать и радоваться, надеяться и тревожиться. Бѣдному труженнику, постепенно убывающему въ себѣ человѣческія инстинкты, стремленія и порывы свѣжаго, здраваго организма, начинаетъ казаться, что жизнь состоитъ именно въ томъ, чтобы преслѣдовать слова и буквы изъ фоліанта въ фоліантъ, что міръ истинный, широкій, великій лежитъ именно на полкахъ его библіотеки. Онъ съ досадою слышитъ за стѣнами этой библіотеки шумъ экипажей на улицѣ, крики разношниковъ, провозглашающихъ о своихъ товарахъ, пѣсни мастеровыхъ, мурлыкающихъ за работою, словомъ, всё тѣ звуки, въ которыхъ сказывается присутствіе жизни. Все это кажется ему суетою, бессмыслицею, проявленіемъ людской неразвѣтости, и только тотъ крошечный предметъ, къ которому присеялись въ эту минуту силы его ума, кажется ему дѣйствительно важнымъ, одареннымъ самобытною, сильною, разумною жизнью. Относясь враждебно къ звукамъ дѣйствительной жизни, цеховой ученый такъ же враждебно относится къ отраженію этихъ звуковъ и интересовъ въ литературѣ. Оживленный споръ

о живомъ лицѣ, о предметѣ всадневной жизни, объ идеѣ, къ которой въ интересахъ дѣйствительной жизни надо непременно относиться такъ или иначе, какуются заучившемуся труженику невозможностью скандальномъ, пустою тратою словъ и времени, проявленіемъ мальчишескаго задера, слѣдствіемъ смѣшнаго желанія заявить свои идеи передъ лицомъ читающей публики.

Съ тѣхъ поръ, какъ журналистика сколько нибудь оживилась, цѣловые ученые стали къ ней въ враждебныя отношенія; они не понимаютъ побужденій тѣхъ людей, которые, не щадя силъ, не боясь трудностей, выражаютъ въ журналахъ свои убѣжденія и проводятъ свои тенденціи; потерявши способность жить въ атмосферѣ дѣйствительной жизни, они вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли возможность судить объ явленіяхъ этой жизни; тѣ мнѣнія, которыя имъ случается высказывать при нечаянномъ столкновеніи съ вопросами, стоящими на очереди, отличаются такою античностью, о которой, не слышавши надежныхъ сужденій, невозможно составить себѣ даже приблизительное понятіе.

Взвѣсить записныхъ ученыхъ въ этой античности идей и мнѣній, конечно, невозможно. Если работникъ, приводящій въ движеніе какую нибудь ручную машину, постоянно работаетъ одною правою рукою, то съ теченіемъ времени мускулы этой руки разовьются въ ущербъ мускуламъ всего остальнаго тѣла; работникъ окажется изуродованнымъ и его уродство явится какъ естественное и неизбежное слѣдствіе его работы. Занятія труженика—специалиста точно также односторонни, какъ работа ремесленника, пускающаго въ ходъ одну правую руку; у труженика—специалиста та или другая умственная способность, напр. память или наблюдательность, изощряются до послѣднихъ предѣловъ, между тѣмъ какъ остальные мыслительныя способности глоснуть и тушуютъ. И ремесленникъ, работающій одною правою рукою, и труженикъ—специалистъ, работающій именно только извѣстными частицами мозга, могутъ быть очень полезны и даже совершенно необходимы для общества, но только надобно, чтобы каждый изъ нихъ оставался на своемъ мѣстѣ. Изъ хорошаго ремесленника можетъ выдти очень плохой музыкантъ, и труженикъ—специалистъ, очень полезный для составленія словаря, хронологической таблицы или бібліографическаго указателя, можетъ до упаду насмѣшить читающую публику, если примется толковать объ общественныхъ интересахъ или пустится въ эстетическую критику. Трудъ—дѣло почтенное; ветеранъ какого бы то ни

было труда, предпринятаго и веденнаго добросовѣстно, имѣть право требовать себя подѣ старость теплаго угла отъ того общества, которому онъ посвятилъ свои силы и досуги; но если этотъ ветеранъ искалеченъ своею трудовою жизнью, и, несмотря на свою благопріобрѣтенную убогость, упорно лѣзетъ къ такой работѣ, которую онъ не можетъ выполнить какъ слѣдуетъ, тогда, при всемъ уваженіи къ труду и къ ветерану, каждый членъ общества будетъ имѣть полное, разумное право дать ему дружескій совѣтъ: «отойдите въ сторону; это дѣло вамъ не подѣ силу. Сидите себя на покоѣ, не мѣшайте другимъ, и если вамъ скучно, занимайтесь для развлечения легкими штучками изъ вашей прежней работы, съ которою вы успѣли свыкнуться въ теченіи вашей жизни».

То, что я сказалъ о мнѣніяхъ записныхъ ученыхъ вообще, то можетъ быть въ полномъ объемѣ примѣнено почти ко всемъ статьямъ критическаго отдѣла Русскаго Вѣстника. Яркимъ представителемъ этого серьезнаго направленія критической мысли является г. Лонгиновъ. Этотъ трудолюбивый библіографъ, изумляющій публику обиліемъ и точностью своихъ фактическихъ свѣдѣній, касающихся исторіи нашей литературы въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, оказывается крайне неопытнымъ и неискуснымъ на поприщѣ журналистики. Какъ критикъ — онъ безличенъ; какъ мыслитель — онъ отличается только крайне развитою способностью благоговѣть передъ прошедшимъ и строить себя безчисленное множество кумировъ и авторитетовъ. Кто желаетъ составить себя понятіе объ эстетическомъ вкусѣ г. Лонгинова, того я попрошу, въ статьѣ этого писателя о князѣ Вяземскомъ, прочитатъ тѣ стихотворенія, которыя г. критикъ находитъ очень замѣчательными. Въ этой статьѣ приведено девять большихъ пьесъ, одна другой скучнѣе; голый дидактизмъ, не прикрытый даже яркостью поэтическаго образа, утомляетъ вниманіе читателя и тяжелымъ, несваримымъ комомъ ложится въ его голову, не шевеля нервовъ, и не возбуждая никакого другаго чувства, кромѣ непробудной, безотрадной, гнетущей скуки. Вотъ для примѣра самая коротенькая изъ этихъ пьесъ, которая, по мнѣнію г. Лонгинова, упрочиваютъ за г. Вяземскимъ почетное мѣсто въ исторіи русской поэзіи. Выписываю ее собственно потому, что она очень коротка и потому не слишкомъ утомитъ моихъ читателей.

Любить. Молиться. Пить. Святое назначенье
 Души, тоскующей въ изгнаніи своемъ,
 Святаго таинства земное выраженье,
 Предчувствіе и скорбь о чемъ-то неземномъ,
 Преданье темное о томъ, что было яснымъ
 И упованіе того, что будетъ вновь,
 Души, настроенной къ созвучію съ прекраснымъ,
 Три вѣчныя струны: молитва, пѣснь, любовь!
 Счастливъ кому дано познать отраду вашу,
 Кто чашу радости и горькой скорби чашу
 Благословлялъ всегда съ любовью и мольбой,
 И пѣсни внутренней былъ арфою живой!

Мнѣ кажется, сама г-жа Юлія Жадовская не могла бы написать стихотворенія болѣе слезливаго, сентиментальнаго, фразистаго и ничтожнаго по содержанію; мнѣ кажется даже, что у г-жи Жадовской стихотвореніе на эту тему вышло бы понятнѣе и изящнѣе по внѣшней формѣ. Что же касается до выписанной пьесы, принадлежащей перу князя Вяземскаго, то можно сказать безъ преувеличенія, что приходится дѣлать синтаксическую конструкцію, чтобы добраться до смысла, какой существуетъ въ этомъ наборѣ плаксивыхъ словъ. Замѣчу мимоходомъ, что стихотвореніе это написано въ 1840 году, послѣ смерти Пушкина, тогда, когда русскій стихъ былъ уже почти окончательно выработанъ. Если г. Лонгиновъ восхищается подобными виршами, то это, очевидно, происходитъ оттого, что онъ къ произведеніямъ современныхъ поэтовъ приступаетъ съ тѣми же требованіями, съ какими онъ относится къ какомунибудь Сумарокову или Хераскову. Все дѣло сводится опять-таки на то, что антикварій не критикъ, и библіографъ не журналистъ.

VIII.

Критическій отдѣлъ майской книжки открывается язвительною полемическою статьею, стремящеюся доказать, что всѣ петербургскіе журналисты, пишущіе легко, быстро и ясно, похожи на г. Аскочекскаго и достойны быть сотрудниками его Домашней Бесѣды. Объ

убійственномъ, неразборчивомъ въ средствахъ и выраженіяхъ полемизмъ Русскаго Вѣстника я уже говорилъ не разъ и потому общая мысль и направленіе этой статьи: «одного поля ягоды» не можетъ ни удивить меня, ни вызвать съ моей стороны негодованія. Я не стану защищать петербургскихъ литераторовъ, не стану спорить съ Русскимъ Вѣстникомъ о степени сходства Времени или Современника съ Домашнею Бесѣдою, а просто вмѣстѣ съ моими читателями прогуляюсь по этой критической статьѣ и осмотрю то, что въ ней заслуживаетъ вниманія.

Поговоривъ объ исторіи, о движеніи мысли, о великихъ началахъ, управляющихъ человѣческою жизнью, авторъ статьи вдругъ изъ области высокой отвлеченности спускается на почву дѣйствительной, да еще въ добавокъ русской жизни и начинаетъ радоваться тому обстоятельству, что «у насъ съ недавнихъ поръ появилось много духовныхъ изданій съ разнообразными достоинствами» и что, слѣдовательно, въ нашемъ обществѣ существуетъ «потребность этого рода чтенія». Заявивъ свое удовольствіе передъ этимъ, безъ сомнѣнія, *отраднымъ* фактомъ, г. критикъ переходитъ къ частностямъ и начинаетъ разбирать вопросъ, нуждается ли божественная сила христіанскаго слова въ какихъ бы то ни было пособіяхъ. «Не слѣдуетъ ли, спрашиваетъ авторъ, довольствоваться однимъ размноженіемъ священныхъ текстовъ въ печати и ограничить ими одними всю духовную литературу?» Этотъ вопросъ рѣшается отрицательно и критикъ «Русскаго Вѣстника» приходитъ къ тому убѣжденію, что должно, не ограничиваясь однимъ приведеніемъ текста, «изяснять, истолковывать его, учить и убѣждать людей и стало бы содѣйствовать образованію въ нихъ такихъ нравственныхъ и умственныхъ настроеній, какихъ требуетъ христіанская истина». Это мнѣніе подкрѣпляется слѣдующимъ историческимъ доводомъ: «Если Христосъ избралъ нѣкоторыхъ учениковъ своихъ изъ среды людей простыхъ и неученыхъ, если эти рыбаки съ одного слова, съ одного взгляда Его, покинувъ мрежи, пошли за Нимъ, то кто рѣшится примѣнять къ себѣ этотъ примѣръ, вздумаетъ, что одного взгляда, одного слова его будетъ достаточно подѣйствовать на души?» Потомъ, г. авторъ обращаетъ вниманіе публики на то обстоятельство, что духовныя лица и духовныя корпораціи издають журналы, въ которыхъ нѣтъ духа фанатизма, «нетерпимости или недоброжелательства къ историческому ходу». «Напротивъ, продолжаетъ онъ, если въ нашей литературѣ оказывается нѣчто въ этомъ духѣ, то все такое вы-

ходить не из среды духовенства, не иметь никакого отношенія къ церкви и есть плод досуга людей столько же чуждых ей по своему положенію, сколько и по духу». Къ числу людей, чуждых церкви по своему положенію и по духу, причисляется г. Аскоченскій, которому, конечно, подобный упрек покажется болѣе чувствительнымъ, чѣмъ всѣ нападенія прогрессистовъ. Критикъ Русскаго Вѣстника доказываетъ съ большимъ жаромъ и съ немалою силою краснорѣчія, что нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей солидарности «между изданіями, какъ Маякъ или Домашняя Бесѣда и православною церковью или русскимъ духовенствомъ». *Совершенно справедливо* отрицая всякое соотношеніе между Домашнею Бесѣдою и русскимъ духовенствомъ, г. критикъ съ замѣчательною изобрѣтательностью и гибкостью ума сближаетъ между собою воззрѣнія г. Аскоченскаго съ политическими и философскими статьями нашихъ прогрессистовъ. «То же циническое глумленіе надъ человѣческою свободою, восклицаетъ критикъ, то же презрѣніе къ истинѣ, то же наѣздническое обращеніе съ дѣйствительностью, та же узарская заносчивость въ сужденіяхъ о фактахъ и лицахъ, тотъ же духъ и тотъ же смыслъ, и изъ тѣхъ же причинъ тѣ же результаты... Они совершенно сходятся въ своихъ отрицаніяхъ, а если и расходятся въ нѣкоторыхъ изъ своихъ положеній, то эти разности отрывочныя, безсильныя и темныя, ничѣмъ не отзовутся въ результатахъ и сами собою исчезаютъ въ дружномъ содѣйствіи родственныхъ и однозвучныхъ отрицаній. Духъ тьмы и слѣпой случай—кто будетъ взвѣшивать разницу этихъ понятій? А сходство ихъ результатовъ несомнѣнно. Возможно ли, чтобы христіанская мысль могла придти къ такому воззрѣнію на міръ? Возможно ли, чтобы мысль, искренно ищущая истины, могла успокоиться на такомъ воззрѣніи? И религиозному чувству, и мыслящему уму, и зрѣлому опыту жизни извѣстно, что міръ, въ которомъ мы живемъ не есть міръ божественный; что во всемъ человѣческомъ есть неизбежное семя зла, что самыя высшія степени человѣческаго превосходства не изъяты отъ злоупотребленій, и что никакая высота не спасетъ человѣка отъ паденія. Но міръ этотъ существуетъ, и христіанскій смыслъ говорить намъ, что если міръ существуетъ, то Богъ его терпитъ, что Онъ въ какой либо мѣрѣ положилъ въ немъ свое благоволеніе, и что самое зло обращается въ орудіе къ раскрытію истины, къ осуществленію блага». Краснорѣчіе въ родѣ приведеннаго отрывка, продолжается на четырехъ страницахъ; постепенно разгорячая самого себя

потокомъ своего краснорѣчія, оглушая себя каскадомъ словъ и периодовъ, г. критикъ доходитъ до пафоса, и какъ скандинавскій берсеркеръ, съ глазами, налившимися кровью и желчью, кидается на вѣчныхъ своихъ враговъ, на петербургскихъ фельетонистовъ, которыхъ онъ ненавидитъ безпредѣльною ненавистью соперника-журналиста. На нашу бѣдную литературу сыпятся такія ругательства, какихъ можетъ быть не съумѣлъ бы подобрать даже разсердившійся Иванъ Никифоровичъ, такія ругательства, какія, можетъ быть, полѣнился бы произнести даже мрачный Михайло Иванычъ Собакевичъ. Журналистика равняется, по приговору Русскаго Вѣстника, океану «пустословія, пошлости, фальши, фразъ безъ смысла, затопляющихъ нашу литературу, литературу безъ науки, безъ всякихъ нормъ, безъ значительныхъ серьезныхъ преданій». Рѣшительно приходится согласиться съ тѣмъ, что мы живемъ въ минуту всемірнаго потопа и можемъ покуда дышать только, благодаря уродливому устройству нашихъ легкихъ; ковчегъ, въ который, конечно, не пустятъ насъ, нечестивыхъ фельетонистовъ, плаваетъ по водамъ и покуда не садился на мель ни на какомъ Араратѣ; изъ этого ковчега вылетаетъ, какъ невинный голубь, Русскій Вѣстникъ и безцѣльно, безнадежно кружится надъ мутными волнами, не представляющими его тоскливо-ищущему взору ничего отраднаго; ему некуда опуститься, не на чемъ отдохнуть, негдѣ найти маслячную вѣточку; бѣдный голубокъ! Ему придется, покружившись въ пространствѣ, воротиться подъ спасительную крышу объемистаго ковчега и навсегда отказаться отъ дѣятельной роли въ грандіозной и вмѣстѣ съ тѣмъ хаотической драмѣ потопа. Впрочемъ, критикъ Русскаго Вѣстника начинаетъ замѣчать, что онъ кружится въ пространствѣ и тоскуетъ безпредметною тоскою; чтобы разомъ прекратить это безплодное и утомительное занятіе, онъ внезапно опускается къ океану пошлости, пустословія и фальши, наудачу черпаетъ изъ него полную пригоршню разной дряни и подноситъ ее своимъ читателямъ, говоря имъ торжествующимъ тономъ человѣка, имѣющаго возможность доказать непреложную истину своихъ словъ: «видите, видите, что это за гадость; видите, сколько пустословія, пошлости и фальши». Пригоршня, зачерпнутая г. критикомъ изъ мутнаго океана, затопляющаго нашу литературу, оказалась однимъ изъ фельетоновъ г. Кускова, который, конечно, настолько же можетъ воплотить въ себѣ типъ русскаго журналиста, насколько онъ можетъ воплотить въ себѣ типъ русскаго поэта. Было бы довольно

дикю, еслибы какой нибудь иностранец вздумалъ глушиться надъ пу-
 стотою русской поэзіи и въ подтвержденіе своихъ словъ сталъ бы
 приводить многочисленныя цитаты изъ поэтическихъ произведеній г.
 Кускова; такому господину можно было бы, я думаю, замѣтить, что
 поглумиться въ русской поэзіи есть надъ чѣмъ, но что для этого
 надо брать болѣе крупныхъ представителей поэзіи, такихъ людей, въ
 стихотвореніяхъ которыхъ дѣйствительно выражаются рельефныя, дур-
 ныя или хорошія особенности нашей поэзіи. Со стороны рускаго жур-
 налиста, подвергающаго критическому анализу явленія русской же
 журналистики, мы имѣемъ полное право требовать основательнаго зна-
 комства съ дѣломъ; его приговоры должны быть произносимы надъ
 всею совокупностью литературныхъ явленій и потому бросить петер-
 бургской журналистикѣ упрекъ въ хлестаковствѣ и привести въ под-
 твержденіе своихъ словъ цитаты изъ фельетона г. Кускова —
 это, воля ваша, приемъ въ высшей степени недобросовѣстный; тутъ,
 очевидно, авторъ расчитываетъ на легкомысліе нашей публики и на то
 обстоятельство, что эта публика покуда остается довольно равнодушною
 къ литературнымъ преніямъ и къ печатному слову вообще. Дѣйстви-
 тельно, при теперешней, еще не вполне нарушенной апатіи нашего
 общества, печатныя обвиненія всякаго рода не вызываютъ въ читаю-
 щихъ людяхъ ни особеннаго сочувствія, ни энергическаго протеста;
 теперь можно, не опасаясь общественнаго мнѣнія, клеветать и на ли-
 тературу, и на литераторовъ; голословная клевета не упадетъ на са-
 маго клеветника и не замазаетъ его имени только потому, что пу-
 блика, не заинтересованная движеніемъ идей и столкновеніемъ мнѣній,
 завтра забываетъ то, что читаетъ сегодня, и часто не даетъ себѣ
 труда справиться ни объ имени автора или редактора, ни о степени
 достовѣрности печатнаго нападенія; дѣлаясь такимъ образомъ безопас-
 ною для самаго клеветника, печатная клевета въ то же время стано-
 вится безвредною и для того, противъ кого она направлена. Гг. Буд-
 гаринъ и Ксенофонтъ Полевой клеветали на Пушкина, г. Аскочевскій
 клеветаетъ на все, что не участвуетъ въ Домашней Бесѣдѣ, Русскій
 Вѣстникъ клеветаетъ на всю петербургскую журналистику, Искра
 оклеветала недавно г. Писемскаго; несмотря на всѣ эти клеветы,
 слѣдующія другъ за другомъ какъ частыя изверженія мелкихъ гряз-
 ныхъ вулкановъ, публика продолжаетъ относиться къ оклеветаннымъ
 субъектамъ также кротко и ласково, какъ она относилась къ нимъ
 до выхода въ свѣтъ клеветующихъ статей и статейекъ. Пушкинъ остал-

ся великимъ русскимъ поэтомъ, несмотря на сильные крики болгаринской партіи; лица, не участвующіе въ Домашней Бесѣдѣ не считаются воплощеніями антихриста, хотя г. Аскоченскій твердитъ это на всѣ лады; петербургская журналистика пользуется вниманіемъ публики, несмотря на то, что Русскій Вѣстникъ уподобилъ ее океану пустословія, пошлостей и фальши; Писемскій попрежнему останется первымъ русскимъ художникомъ реалистомъ и попрежнему будетъ пользоваться сочувствіемъ и уваженіемъ всѣхъ мыслящихъ людей Россіи, несмотря на всѣ восклицанія хроникера Искры, напоминающаго собою москву въ навѣстной баснѣ Крылова. Печатное слово не начинало еще быть въ нашемъ обществѣ опаснымъ орудіемъ, и потому старые дѣти, подобные редакторамъ Русскаго Вѣстника шалятъ имъ, какъ тупымъ ножомъ, не боясь обрѣзаться. Шалости ихъ иногда бываютъ чрезвычайно оригинальны. Авторъ статьи: «одного поля ягоды» дошелъ до того, что закончилъ свою статью слѣдующею загадочною выходкою, направленною опять—таки противъ Хлестаковыхъ, господствующихъ въ періодической литературѣ. «Такихъ молодцовъ, восклицаетъ онъ, дѣйствительно нельзя не побаваться. Зарѣзать они не зарѣжутъ, но не кладите вашего четвертака плохо». Тревожное настроеніе, подъ влияніемъ котораго критикъ Русскаго Вѣстника дошелъ до забвенія всякихъ литературныхъ и житейскихъ приличій, произошло вслѣдствіе чтенія фельетоновъ г. Кускова. Надо подивиться тому обстоятельству, что г. Кусковъ, писатель кроткій и безвредный до послѣдней степени, могъ возбудить противъ себя такую страшную бурю негодованія. Г. Кусковъ, который въ безвѣстной тиши могъ бы впродолженіи цѣлыхъ десятилѣтій писать гладкимъ языкомъ фельетоны и плачевныя стихотворенія, г. Кусковъ, который при концѣ своей жизни могъ бы самого себя причислить къ «явленіямъ, пропущеннымъ нашею критикою» вдругъ осыпается изъ Москвы градомъ незаслуженныхъ ругательствъ, обвиняется въ нравственной изломанности, опозоривается именемъ Тряпичкина и сравнивается наконецъ съ новою Мессалиною, «о которой рассказываютъ, что, не довольствуясь Европой, она ѣздила въ Алжирію, къ Кабиламъ». Вся эта буря въ стаканѣ воды поднялась противъ г. Кускова за то, что онъ осмѣлился въ своемъ фельетонѣ провести слѣдующую мысль: иногда можно уголовного преступника уважать больше, чѣмъ того безъукоризненнаго передъ закономъ гражданина, который произноситъ надъ нимъ приговоръ. Заслышавъ эту еретическую мысль, Русскій Вѣстникъ воз-

стаетъ противъ нея во всеи величин добродѣтельнаго негодованіи и доходить до такого паѳоса, до котораго, какъ мнѣ казалось, можетъ доходить только очень набожная старуха. «Возмутительный душегубъ, за которымъ отказывается слѣдить всякое человѣческое чувство, всякій человѣческій смыслъ, этотъ звѣрь, который бросается на свою жертву съ тѣмъ, чтобы удовлетворить минутную прихоть, даже хуже, чѣмъ звѣрь, потому что у звѣря крайнейше нѣтъ прихотей— это чудовище является, въ глазахъ Трипичкина, могучимъ человѣческимъ образомъ, обаятельнымъ и чарующимъ, подавляющимъ мелкія душонки, которыя прячутся *подъ грудою правилъ, пестряцмихъ прописи и азбуки*». Увлекаясь негодованіемъ, критикъ Русскаго Вѣстника не замѣчаетъ того, что вопросъ о преступникѣ становится очень просто; тутъ является слѣдующая дилемма: или онъ одаренъ кровожадными инстинктами, или онъ развращенъ воспитаніемъ, влияніемъ, совѣтами и примѣромъ окружающаго общества или круга людей. Въ первомъ случаѣ онъ — большой котораго надо только сдѣлать безвреднымъ, во второмъ случаѣ онъ самъ несчастная жертва, о которой можно пожалѣть, онъ самъ герой страшной трагедіи, погибавшій подъ гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ. Наполеонъ I, желая потѣшить одну барыню, за которую онъ ухаживалъ, приказалъ сдѣлать на непріятельскій лагерь бесполезное нападеніе, которое стоило жизни нѣсколькимъ солдатамъ; мы читаемъ этотъ фактъ въ его исторіи и замѣчаемъ очень кротко, что Наполеонъ въ молодости былъ непрочъ подурачиться и пошалить; въ то же самое время мы читаемъ въ газетахъ, что, какой нибудь мужиченка съ голоду зарѣзалъ кунца и очистилъ его кошелекъ и мы возмущаемся, и мы находимъ, что наказаніе плетью ми и ссылка въ рудники едва покрываютъ его вину. Ворешекъ бьютъ за тѣ самыя поступки, которые сходятъ съ рукъ ворами.

IX.

Скучно и утомительно слѣдить за критическимъ отдѣломъ Русскаго Вѣстника; не на чемъ остановиться; нѣтъ свѣжей идеи, которой можно было бы выразить свое сочувствіе; нѣтъ живаго слова, которое могло бы хоть сколько нибудь шевельнуть мозговые нервы.

Пять книжекъ (отъ января до мая) просмотрѣно; почти пятьдесятъ страницъ написано по поводу ихъ; стало быть, можно считать дѣло порѣшеннымъ. Если продолжать подробный разборъ отдѣльныхъ критическихъ статей, то это будетъ только накопленіе мелкихъ фактовъ, способныхъ наконецъ утомить вниманіе самаго терпѣливаго и благосклоннаго читателя. Если выводить общее заключеніе изъ всего, что было сказано мною о критическомъ отдѣлѣ Русскаго Вѣстника, то это будетъ сокращенное, сухое, бесполезное повтореніе всего того, что уже успѣли просмотрѣть читатели. Поэтому, приведу еще два, три критическіе перла и покончу на томъ мою неумѣренно разросшуюся статью.

Перль № 1-й. Г. Лонгиновъ въ статьѣ: «Бѣлинскій и его лжеученики» призналъ вліаніе Бѣлинскаго вреднымъ на томъ основаніи, что Бѣлинскій плохо зналъ исторію нашей литературы. Въ подтвержденіе этого обвиненія, направленнаго противъ перваго русскаго критика, приводится слѣдующее обстоятельство:

«Въ обзорѣни русской литературы до Пушкина, Бѣлинскій приводитъ, (пишетъ г. Лонгиновъ) отрывокъ изъ предисловія Хераскова къ повѣсти его «Полидоръ», вышедшей въ 1794 году. Въ этомъ предисловіи авторъ обращается къ извѣстнымъ русскимъ писателямъ. У Хераскова имена ихъ обозначены первыми буквами ихъ фамилій. Бѣлинскій выставляетъ полныя имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Нелединскаго, Дмитріева, Богдановича и Петрова. Но тутъ же вышло и затрудненіе. Послѣ обращенія къ Л. (Ломоносову) Херасковъ говоритъ: *можетъ ли кто не плѣниться нѣжными и пріятными звуками С?* Очевидно, что Херасковъ разумѣлъ тутъ А. П. Сумарокова, съ которымъ много лѣтъ шелъ по одному пути, какъ яврикъ и драматургъ, и сочиненіями котораго продолжалъ плѣняться до своей смерти, подобно многимъ современникамъ. Но Бѣлинскій дѣлаетъ при буквѣ С. слѣдующую выноску: *«Должно быть дѣло идетъ о Евстафій Станевичъ, весьма плохомъ пѣитъ того времени.»*

Затѣмъ г. Лонгиновъ очень убѣдительно доказываетъ, что Станевича не могъ хвалить Херасковъ, и что Бѣлинскій сдѣлалъ грубую ошибку, что онъ поддавался увлеченію «собственныхъ страстей и пристрастій», и что его литературные приговоры писаны «ниогда въ осгѣвленіи пристрастія».

Все дѣло кончается тѣмъ, что г. Лонгиновъ приведетъ слѣдующій отрывокъ изъ одного незаданнаго стихотверенія:

Затѣмъ на свопищѣ клеветотъ
Рѣшилъ верховный ихъ совѣтъ,
Что, такъ какъ нѣтъ авторитетотъ,
Бѣлинскій будь авторитетъ.

Вредъ, принесенный Бѣлинскимъ, состоитъ, по подлиннымъ словамъ г. Лонгинова, «въ распложеніи самодовольныхъ и пустозвонныхъ горлановъ, думающихъ заставить челоѣчество забыть все то, что было до появленія ихъ на журнальное поприще».

Перль № 2-й. Статя г. Густава де-Моллиари о книгѣ Прудона «La guerre et la paix» занимающая слишкомъ два листа и доказывающая непобѣдимыми доводами, что у Прудона нѣтъ ни свѣдѣній, ни способности логически мыслить, а есть только ученые эффекты, которые уже устарѣли и надобѣли публикѣ.

Перль № 3-й. Стихотвореніе князя Вяземскаго «Замѣтка», выражающее въ самыхъ оригинальныхъ образахъ самыя неожиданныя идеи и оканчивающееся двумя классическими куплетами:

Свободенъ тотъ одинъ, кто умирилъ желанья,
Кто свѣтелъ и душой, и помышленьемъ чистъ,
Кого не обольстить толпы рукоплесканья,
Кого не узавить нахальной черни свистъ.
Нелѣпнымъ равенствомъ онъ вышнихъ не унижить,
Но, въ предназначенной отъ Промысла борьбѣ,
Посредникъ, онъ бойцовъ любовнымъ словомъ сблизить
И скажетъ старшему: «я младшій братъ тебѣ».

Хотя замѣтка князя Вяземскаго помѣщена не въ критическомъ отдѣлѣ, и хотя вообще не принято писать критическія или полемическія статьи въ стихахъ, однако всякій согласится съ тѣмъ, что отнести эту вещь къ области поэзіи нѣтъ никакой возможности. Въ ней нѣтъ ни одного образа, и вся разница между этою замѣткою и алегическою замѣткою, помѣщенной въ той же августовской книжкѣ, въ самомъ концѣ критическаго отдѣла, заключается въ томъ, что первая написана шестистопнымъ ямбомъ, а вторая — презрѣнною прозою. Смыслъ и направленіе ихъ — тождественны, выраженія одинаковы или по крайней мѣрѣ сходны; голословность выходовъ и заманка направлять свои удары въ пустое пространство замѣчаются какъ въ произведеніи князя Вяземскаго, такъ и въ алегическомъ воздыханіи редакціи Рус-

скаго Вѣстника. Поэтому, помѣщая въ число критическихъ перловъ стихотвореніе престарѣлаго поэта, я вмѣстѣ съ тѣмъ обращаю вниманіе читателей на всѣ критическія статьи Русскаго Вѣстника, въ которыхъ вѣетъ духъ раздраженной солидности, въ которыхъ выражается нѣкъмъ непризнанное притязаніе учить общество, становиться во главѣ его и вести его за собою по пути разумнаго, умѣреннаго прогресса.

Перль № 4-й. Статья: « кое-что о прогрессѣ », въ которой свистуны сравниваются съ гнилью, и въ которой въ первый разъ Русскій Вѣстникъ дѣлаетъ мнѣ честь упомянуть объ одной моей статьѣ. Онъ не называетъ ни меня, ни заглавія моей статьи, ни даже того журнала, въ которомъ я пишу, но онъ беретъ изъ «Схоластики XIX вѣка» одну цитату, которая осталась мнѣ памятна по многимъ обстоятельствамъ. Я благодарю Русскій Вѣстникъ за его враждебный отзывъ о моей статьѣ и объ этой цитатѣ; мнѣ пріятно видѣть, что мои идеи не нравятся московскимъ мыслителямъ, и я увѣренъ, что многіе пишущіе люди желаютъ наравнѣ со мною, чтобы Русскій Вѣстникъ относился какъ можно суровѣе къ нимъ и къ ихъ литературной дѣятельности.

Пора, давно пора кончить. Надѣюсь, что намъ не придется больше встрѣчаться съ Русскимъ Вѣстникомъ на поприщѣ журнальной полемики; мы расходимся такъ сильно въ мнѣніяхъ и наклонностяхъ, что мы можемъ прожить цѣлый вѣкъ, не встрѣчаясь между собою, не пробую до чего нибудь договориться, и не чувствуя ни малѣйшаго желанья сблизиться между собою на какомъ бы то ни было вопросѣ.

Д. ПИСАРЕВЪ.

ПОЭТЪ-ФИЛОСОФЪ ВЕНЕВИТИНОВЪ И ПОЭТАФЪ-КРИТИКЪ Г. ПЯТКОВСКІЙ.

(По поводу издания полного собрания сочиненій Веневитинова подъ редакцію А. П. Пятковскаго).

« . . . для пользы общества бесполезенъ поэтъ, который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль внѣ себя ничего не ищетъ и слѣдовательно уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія».

Веневитиновъ—философъ.

Кольераты зрѣли мы, какъ Этны горня кремнистый
Расплавлены скалы вращалъ рѣкой огнистой
И пламя клубами на поле изрыгалъ.

Веневитиновъ—поэтъ.

Нельзя не позавидовать твердости характера и присутствію духа тѣхъ любителей отечественной литературы, которые, служа исключительно ея исторіи, посвящаютъ свой трудъ на изданія забытыхъ произведеній какого нибудь писателя, давнымъ давно сошедшаго съ поприща литературы и жизни, и не оставившаго по себѣ никакого слѣда, кромѣ смутнаго воспоминанія въ памяти пережившихъ его сверстниковъ. Нужно имѣть много рѣшимости и горячей любви къ благородному дѣлу библиографіи, чтобы, для пополненія ея пробѣловъ, приняться за переборку старыхъ рукописей, собраніе различныхъ біографическихъ свѣдѣній, группировку ихъ и наконецъ составленіе жизнеописанія съ обрисовкою характера, рода развитія, съ оцѣнкою дѣятельности и произведеній писателя. Одному изъ такихъ «собрателей русской литературы», именно г. Пятковскому пришла какая-то благая мысль издать сочиненія Д. В. Веневитинова, приложивъ къ нимъ портретъ автора, факсимиле и свою статью о его жизни и сочиненіяхъ. Портретъ нашелся у родственниковъ покойнаго, факсимиле—также, сочиненія были уже изданы два раза, оставалось только дополнить ихъ, и написать біографію. Три года употребилъ г. Пятковскій на этотъ послѣдній трудъ, на четвертый окончилъ его, на пятый—издалъ, въ видѣ очерка, на трехъ печатныхъ листахъ.

Такъ какъ біографія Веневитинова является впервые изъ—подъ пера г. Пятковскаго, заслуживающаго вполне титулъ литературнаго

Фабія-Кунктатора, то мы обратимъ прежде всего наше вниманіе на это *сочиненіе*. Оно раздѣлено авторомъ на двѣ главы. Первая содержитъ въ себѣ описаніе жизни Дмитрія Владиміровича въ связи съ его занятіями, вторая — разборъ его произведеній, преимущественно прозаическихъ, съ «бѣглымъ взглядомъ» на журналистику, занимающимъ, впрочемъ, половину разбора. Отдѣлу стихотвореній, наполняющимъ большую часть книги, посвящено только четыре странички. За что же въ такомъ случаѣ г. Пятковскій называетъ Веневитинова поэтомъ?

Но обратимся къ биографіи.

Изъ первой части ея мы узнаемъ, что Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ родился въ Москвѣ 14 сентября 1805 года. «Онъ принадлежалъ—говоритъ авторъ—къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ семей, по всей вѣроятности, вышедшей изъ Запорожья». Последнее предположеніе основывается г. Пятковскимъ на томъ, что въ родословной Веневитинова упоминаются *есаулы*. Еще въ дѣтствѣ Веневитиновъ лишился отца и остался на рукахъ матери, женщины религіозной, но доброй и кроткой. Восьми лѣтъ онъ поступилъ въ вѣдѣніе французскаго гувернера г. Дорера, капитана наполеоновской арміи и, но странной игрѣ случая, въ то же время знатока римской литературы. Г. Пятковскій говоритъ, что *классическое* образованіе мальчика началось съ латинской грамматики. Онъ замѣчаетъ, впрочемъ, что «лѣтнія поѣздки въ Кусково и Сокольники пріятно разнообразили учебную жизнь мальчика, и—прибавляетъ добросовѣтнѣйшій биографъ—тамъ на волѣ и просторѣ рѣзвился онъ со всею неутомимостью своего возраста». Подробность поучительная. Преподавателемъ греческаго языка былъ Грекъ Бейля. Древній міръ нравился Веневитинову. По его словамъ у древнихъ «мысли и чувства соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, гдѣ философія и всѣ искусства, тѣсно связанные между собою, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ». Въ этомъ отношеніи Веневитиновъ напоминаетъ намъ по мнѣнію г. Пятковскаго; Анрелъ Шенье, а произведеніе послѣдняго «*La jeune captive*» въ свою очередь «много напоминаетъ нѣжно задумчивую музу нашего поэта». (Стр. 3).

Рядомъ съ классическою литературой шли занятія и другими предметами; сдѣлано было знакомство и съ русскими писателями въ лицѣ Карамзина съ его Исторією Государства Россійскаго. Въ то же время

старались развивать въ мальчикѣ его способности къ музыкѣ и живописи. Что касается до первой, то Веневитиновъ, по словамъ кн. В. Ѳ. Одоевского, былъ отличный музыкантъ, а по части живописи онъ сдѣлалъ такіе усѣхи, что самъ А. П. Пятковский удивился его эскизу головы Медузы, въ которомъ глаза были «поразительно живо схвачены». (Стр. 4).

Съ 14 лѣтъ Веневитиновъ сталъ переводить Горация; переводы эти не сохранились, не уцѣлѣлъ отрывокъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ. Образчикъ его читатели могутъ видѣть во второмъ эниграфѣ нашей статьи. Спустя два года было написано и первое оригинальное стихотвореніе «Къ друзьямъ». Этими друзьями были: художникъ другъ Скарятинъ, умершій въ Италіи, и Ѳ. С. Хомяковъ, братъ извѣстнаго славянофила. Тогда же былъ сдѣланъ переводъ «Вѣточки» Грелѣ, единственное заимствованное изъ французской литературы. Поступивъ въ московскій университетъ, какъ вольнослушатель, Веневитиновъ засталъ тамъ профессорами: Мерзлякова, И. И. Давыдова и М. Г. Павлова. Первые двое ратовали между собою за литературныя теоріи, а послѣдній проводилъ въ преподаваніе естественныхъ наукъ—ученіе Шеллинга. Лекціи и бесѣды Павлова обратили Веневитинова къ философіи и онъ, вѣроятно для упражненія въ философской стилистикѣ, писалъ къ княгинѣ А. И. Трубецкой письма о философіи. Съ Мерзляковымъ онъ вступилъ впоследствии въ споръ по поводу статьи этого профессора «О началѣ и духѣ древней трагедіи», и выказалъ всю негнѣпость мерзляковского положенія объ основаніи драматическаго творчества на подражательности природы. Къ университетскому періоду относится попытка Веневитинова написать историческую поэму въ народномъ духѣ. Предметомъ ея были избрана трагическая судьба жены Зарайскаго князя, Евпраксін, бросившейся, по смерти своего мужа на полѣ битвы, съ городской стѣны, чтобы спастись отъ наглаго преслѣдованія сладострастнаго Батые. Недостаточное знакомство съ народностью помѣшало окончить эту пьесу и изъ нея сохранились только два небольшіихъ отрывка. Къ этой эпохѣ относится начало собственно стихотворной дѣятельности Веневитинова. Мы поговоримъ о ней послѣ, а теперь закончимъ его біографію. Въ два года прослушалъ онъ университетскій курсъ и, выдержавъ установленный экзаменъ, поступилъ на службу въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Отсюда онъ надѣялся перейти въ самую коллегію и отправиться за границу. По выходѣ изъ университета Веневитиновъ сдѣлался центромъ

цѣлаго литературно-философскаго кружка, членами котораго были, между прочимъ, И. В. Кирѣевскій, А. И. Кошелевъ, П. С. Мальцовъ, князь Вл. Ѡ. Одоевскій, Н. М. Рожалинъ, В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, Ѡ. С. Хомяковъ и М. П. Погодинъ. Въ собраніи этихъ синеходительныхъ суждей Веневитиновъ читалъ свои прозаическіе отрывки и между прочимъ статью «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала», дѣйствительно отличающуюся вѣрностью взгляда на поверхностность нашего образованія и недостаточность нашихъ положительныхъ познаній. «Началомъ и причиною медленности нашихъ успѣховъ въ просвѣщеніи, говоритъ авторъ, была та самая быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы, безъ всякаго основанія, безъ напряженія внутренней силы». Даже онъ упоминаетъ о множествѣ стихотвореній своего времени, лишенныхъ всякаго поэтическаго дарованія: «у насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ, и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. У насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія». Единственное спасеніе въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Веневитинова, представляетъ журналъ, въ которомъ «одна часть должна представлять теоретическія изслѣдованія самаго ума о свойствахъ его, а другая — примѣненіе сихъ изслѣдованій къ исторіи наукъ и искусствъ». Такая программа не отличается особенною глубиною взгляда, но, если принять въ соображеніе молодость ея составителя и его юношеское увлеченіе философіей, то сдѣлается понятнымъ отчето его мысль выразилась такъ неполно и неясно.

Въ 1825 году для Веневитинова наступила счастливая пора любви. По поводу этого событія биографъ его глубокомысленно замѣчаетъ «справедливо говорить, что въ любви познается и раскрывается вся нравственная натура человѣка: деспотъ въ душѣ, какъ наприм. пушкинскій Алеко, проявитъ весь свой грубый деспотизмъ, гнѣвный Обломовъ взглянетъ на свою страсть съ высоты своего дивана, дѣловой Штольцъ признаетъ въ любви одинъ изъ движущихъ жизненныхъ элементовъ, нѣжное и личное сердце потонетъ въ глубинѣ своихъ ощущеній».

Къ которой изъ этихъ категорій относить г. Пятковскій любовь Веневитинова—неизвѣстно, вѣроятно къ послѣдней. Имени предмета

этой страсти *онъ*, не смотря на все свое желаніе, не считаятъ себя вправе объявлять. Намъ кажется нѣсколько преувеличенной такая сирокность, особенно если вспомнить, что особа о которой идетъ рѣчь была гораздо старше своего обожателя, имѣвшаго около 20 лѣтъ въ 1825 году; следовательно по меньшей мѣрѣ, ей теноръ 57—58 лѣтъ, а въ такомъ возрастѣ если не упоминаютъ объ юномескихъ увлеченьяхъ, то единственно потому, что уже забываютъ о нихъ. Да не подумаютъ однако читатели, чтобы мы добивались сами узнать имя таинственной незнакомки — нисколько! Мы заговорили о немъ только вслѣдствіе заявленнаго г. Пятковскимъ сожалѣнія по поводу невозможности соблюсти точность номенклатуры лицъ, входящихъ въ *сочиненію* имя біографію.

Ке времени полного разгара страсти Веневитинова къ «Сѣверной Кориннѣ» относятся два стихотворенія! «Элегія» и «Италія». Въ первомъ изъ нихъ поэтъ обращается къ своей возлюбленной, какъ къ волшебницѣ, которая сладко пѣла:

Про дивную страму очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!

Читатель догадывается, что дѣло идетъ объ Италіи. Очаровательная Коринна вывела оттуда не одни воспоминанья:

Ты ушла съ симъ воздухомъ чудеснымъ
И рѣчь твоя такъ страстно дышетъ имъ!
На цвѣтъ небесъ иль долго наглядѣлась
И цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла.
Душа твоя такъ ясно *разгорѣлась*
И новый огонь въ груди моей зажгла.

Изъ этихъ строкъ можно вывести заключеніе только о цвѣтѣ глазъ красавицы, какъ и сдѣлалъ г. Пятковскій, замѣтивъ, что они были «цвѣта южнаго неба», но какъ понять состояніе души, когда она «ясно *разгорается*» — не знаемъ. Можетъ быть оно и понятно на языкѣ страсти и въ минуты увлеченія, но при нормальномъ состояніи духа, такое выраженіе слишкомъ *поэтично*. Впрочемъ насъ могутъ упрекнуть въ мелочности, если мы станемъ останавливаться на подобныхъ неточностяхъ языка, тѣмъ болѣе когда произведеніе, разбираемое нами, написано почти за сорокъ лѣтъ до настоящаго вре-

Вам. Тутъ нечего намъ придется еще разъ обратиться къ стихотворному ямму Веневитинова, когда будемъ говорить о немъ какъ о поэтѣ.

Въ прѣдѣ Пущкина въ Москву въ 1826 году Веневитиновъ переехалъ и скоро сошелся съ нимъ. Поводомъ къ ихъ знакомству была статья о первой книгѣ Олѣгина, написанная Веневитиновымъ и направленная Пушкину. Ихъ взаимное сближеніе было такъ прочно, что, по словамъ г. Анненкова, отразилось на самой дѣятельности нашего великаго поэта. Въ отвѣтъ на «Посланіе Пушкину» написанное Веневитиновымъ была написана «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофельмъ».

«Вскорѣ однако, говоритъ г. Пятковский, приблизилось для Веневитинова время разлуки съ Москвою и милою особой, жившею тамъ». Причина такой разлуки была самая прозаическая: «въ канцеляріи петербургской коллегіи иностранныхъ дѣлъ открылась вакансія». Итакъ, по случаю открывшейся вакансіи, поэтъ-философъ бросаетъ любовь, философскій кружокъ съ его московскими друзьями и перебирается въ чиновный Петербургъ. Авторъ біографіи упоминаетъ о попутчикахъ его и не упускаетъ случая прибавить, что дорога была дальняя, «потому что тогда еще не было желѣзной дороги, такъ ускоряющей сообщеніе между двумя столицами». Къ дальности путешествія присоединилась еще другая несприятность: съ Веневитиновымъ ѣхалъ французъ Воше, вернувшійся изъ Сибири, куда сопровождалъ жену ссыльнаго князя Трубецкаго. По поводу близости съ такимъ опаснымъ человекомъ, Веневитинова задержали гдѣ-то и онъ просидѣлъ цѣлую недѣлю подъ арестомъ. Но поэтъ не упалъ духомъ отъ такого пустого обстоятельства и, прѣхавъ въ Новгородъ, сталъ воспѣвать его древнюю свободу въ стихахъ, гдѣ грустныя размышленія о минувшей судьбѣ исторической мѣстности прерываются бесѣдой съ ямщикомъ, который указываетъ поэту новгородскія древности отъ Софійскаго собора до столбовъ на Вѣчевой площади. Въ этомъ стихотвореніи стремленіе Веневитинова поддѣлаться подъ складъ народной рѣчи оказалось безуспѣшнымъ. Его ямщикъ говоритъ такимъ же восторженнымъ языкомъ, какъ и самъ поэтъ. Новгородъ, для соблюденія размѣра вездѣ, назвалъ Невградомъ,

Выдержки изъ писемъ, представленныхъ г. Пятковскимъ за остальное время жизни Веневитинова, замѣчательны сколько по выбору, сколько же и по заключеніямъ, выведеннымъ изъ нихъ почтеннымъ

биографомъ. Такъ наприм. въ фразы: «я любилъ каркать агрицину и довольно величественную», по его мнѣнію выказалась прямое одиозство, «что поэтъ находилъ въ себѣ склонность къ набожности», а на основаніи обращенія къ брату съ просьбою не показывать сентиментальности «Домовой» «въ дамскомъ обществѣ», основывается выводъ «о дѣтской стыдливости» Веневитинова. Приводимъ названную пьесу вполнѣ, чтобы показать *дѣтская* ли стыдливость, на этотъ разъ, была причиною авторской скромности.

Домовой.

Что ты, Параша, такъ блѣдна?

—«Родная! домовой проклятый

Меня звалъ нынче у окна.

Весь въ черномъ, какъ мѣдвѣдь лохматый,

Съ усами, да какой большой!

Вѣкъ не видать тебѣ такого».

—Перекрестися, ангель мой!

Тебѣ ли видѣть домового?

* * *

Ты не спала, Параша, ночь?

—«Родная! страшно; не отходить

Проклятый бѣсъ отъ двери прочь;

Стучитъ задвижкой, слышишь, бродитъ,

Въ сѣняхъ мнѣ шепчетъ отоври!»!

—Ну что же ты?—«Да я ни слова».

—Э, полно, ангель мой, не ври;

Тебѣ-ли слышать домового?

* * *

Параша! ты не вессла;

Опять всю ночь ты пристрадала.

—«Нѣтъ, ничего; я ночь спала...

—Какъ ночь спала? ты тосковала,

Ходила, отпирала дверь;

То вѣрно неугалась снова?

—Нѣтъ, нѣтъ, родимая, повѣрь!

Я не видала домового».

Разумѣется въ двадцатыхъ годахъ считалось неприличнымъ прочесть такую пьесу въ дамскомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ присутствіи

кругу, гдѣ впрочемъ вообще читать русскіе стихи въ то время казалось не совсѣмъ благопристойнымъ дѣломъ.

Въ Петербургѣ Веневитиновъ сблизился съ Дельвигомъ и Козловымъ. Первый сблизился его близкій пріятель и часто проводилъ съ нимъ время въ стихотворныхъ импровизаціяхъ. Въ Петербургѣ же написана большая и лучшая часть стихотвореній, хотя дипломатическія занятія и отнимали у поэта много времени. По приглашенію своего начальника, графа Лавала, Веневитиновъ написалъ свой разборъ одной сцены изъ Бориса Годунова на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de M-r Pouchkin».

За мѣсяць до смерти Веневитинова посетило раздумье: «долженъ ли онъ слѣдовать влеченію къ поэзій или побороть въ себѣ эту страсть»? Что привело поэта къ такой дилеммѣ—неизвѣстно. Въ то же время онъ работалъ надъ окончаніемъ романа, начатаго еще въ Москвѣ. Отрывокъ изъ него сохранился и напечатанъ въ полномъ собраніи его сочиненій подъ названіемъ: «Три эпохи любви». Среди такихъ занятій внезапная болѣзнь посетила двадцати—двадцѣтигнго юношу и послѣ нѣсколькихъ дней страданія онъ умеръ 15 марта 1827 года на рукахъ немногихъ близкихъ людей. Такая несвоевременная смерть должна была сильно поразить всѣхъ друзей поэта, а на всѣхъ знавшихъ его не могла не произвести тяжелого впечатлѣнія. Старшій изъ русскихъ писателей того времени И. И. Дмитріевъ написалъ ему извѣстную эпиграфу:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской, —
 Надъ нею роза дышетъ,
 А старость дряхлою рукою
 Ему надгробье пишетъ.

Г. Пятковскому показалось почему-то очень знаменательны слова, сказанныя Пушкинымъ друзьямъ Веневитинова: «comment donc vous l'avez laissé mourir»? Если они чѣмъ нибудь и замѣчательны, то развѣ только тѣмъ, что сказаны по французски.

Мы увольняемъ себя отъ обязанности похвалить трудъ г. Пятковского, потому что онъ самъ любитъ хвалить себя при всякомъ удобномъ случаѣ, что гораздо вѣрнѣе и расчетливѣе, чѣмъ ожиданіе чужихъ похвалъ и вниманія...

*

Обращаясь къ обзорнѣмъ произведеніямъ Веневитинова, мы должны прежде всего отдѣлать въ нихъ прозу отъ стиховъ. Прозаическому отдѣлу мы не придаемъ особеннаго значенія: въ немъ нѣтъ ни одной статьи, многаѣ законченной, на которой бы въ наше время можно бы было остановиться съ интересомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ своими заглавіями напоминаютъ темы на сочиненія, задававшіяся прежними учителями словесности, напримѣръ: «Утро, полдень, вечеръ и ночь», «Скульптура, живопись и музыка» и т. п. Полемика съ Полемикомъ, занимающая около 30 страницъ, представляетъ скучное и утомительное чтеніе. Поводомъ къ ней послужила статья Погодина въ Телеграфѣ 1825 года о Евгеніи Онѣгинѣ. Веневитиновъ вступился за Байрона, увѣряя что авторъ статьи ставитъ съ нимъ наряду—Пушкина. Полемикъ отвѣчалъ, что его слова перетолкованы и прибавлялъ возраженія противъ другихъ обвиненій своего критика. Но послѣдній, несмотря на бѣльшую строгость въ сужденіяхъ о новой поэзіи, имѣлъ на своей сторонѣ мнѣніе Пушкина, который говорилъ, что изъ всѣхъ отзывовъ ему болѣе всего понравился отзывъ Веневитинова, остальное же—или брань, или переслащенная дичь». «Письмо о философіи»—неокончено и издатель совершенно вѣрно замѣтилъ, что «въ немъ далеко не исчерпана вся сущность философіи». Итакъ на простѣ мы не будемъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что статьи этого отдѣла представляютъ только отрывки не лишеныя кое-какихъ свѣтлыхъ идей, имѣвшихъ значеніе для своего времени, но группировка которыхъ была бы мало занимательна для нашихъ читателей.

Въ отдѣлѣ стихотвореній мы найдемъ гораздо болѣе интереснаго, хотя и здѣсь мы должны замѣтить, что въ нихъ болѣе достоинствъ, дѣлающихъ честь раннему развитію икъ автора, нежели бѣгъ его дарованія. Вотъ, напримѣръ, стихи, написанныя 16-лѣтнимъ Веневитиновымъ:

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Пусть искатель гордой славы
 Жертвуетъ покоемъ ей,
 Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
 За голпой богатейей!
 Не надменными вѣнцами
 Не прельщенъ пѣвецъ лѣсовъ:

Я стремлюсь в банкъ обильный,
 Съ дрой, съ вѣрными друзьями.
 Пусть боратства страсть гоняетъ
 Адающихъ рабовъ своихъ!
 Пусть ихъ алатомъ оснааетъ,
 Пусть они изъ странъ чужихъ
 Съ нагруженными судами
 Волны яры дробать:
 Я безъ золота богатъ
 Съ дрой, съ вѣрными друзьями.
 Пусть веселый рой шумливый
 За собой толпы влечетъ!
 Пусть на плъ дитаръ блестящій
 Каждый жертву повасетъ!
 Не стремлюсь за ихъ толпами
 Я безъ шумныхъ ихъ страстей
 Весель участю своей
 Съ дрой, съ вѣрными друзьями.

Вспомнимъ, что стихи самого Пушкина, писанные въ томъ же возрастѣ были едва ли лучше:

Знакомый съ суетою,
 Приятной для меня
 Увлеченъ въ даль судьбою
 Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
 Какъ Леты на брегахъ,
 Явился заключеннымъ,
 На вѣки погребеннымъ —
 И скрипнули врата,
 Сомкнувшися за мною;
 И міра красота
 Покрылась черной мглою.

Но на этомъ сходство и оканчивается. Несправедливо было бы вести сравненіе далѣе. Мы не нашли бы у Веневитинова даже задатковъ того разнообразія, которое отличаетъ Пушкина, не говоря уже о сравнительной безцвѣтности стиха и неопредѣленности выраженій. Мы бы и не заговорили о Пушкинѣ, еслибъ не знали, что въ нашей литературѣ было мѣтнѣе, существовавшее и до сихъ поръ, будто Веневити-

тиновъ общаго сдѣлаться великимъ поэтомъ. Однако, при послѣднемъ въ печати полномъ собраніи его сочиненій, всего легче рѣшить вопросъ, справедливо ли такое мнѣніе. Перечитавъ нѣсколько разъ всѣ стихотворенія Веневитинова, мы вывели изъ этого чтенія такого рода заключеніе объ ихъ авторѣ: это была натура въ высшей степени впечатлительная, — равно склонная и къ мечтательности и къ умерѣннѣ, одаренная притомъ поэтическимъ чувствомъ, но безъ поэтическаго творчества. Такого рода свойства въ соединеніи съ нервическою страстностью могли побудить Веневитинова къ литературной дѣятельности. Ясность пониманія и сила чувства заступили для него способность къ творчеству и вотъ почему, читая его стихи, встрѣчаемъ столько туманныхъ образовъ, неясныхъ картинъ, невнятныхъ ощущеній. Вездѣ видно стремленіе выразить что-то похожее на поэтическую мысль, но ей нигдѣ не соответствуетъ оболочка, данная ей въ словѣ и читателю остается самому выяснять все ея значеніе. Восторженный языкъ при элегическомъ настроеніи мѣшалъ Веневитинову сообщить стиху искренность и задушевность, которыя бы непосредственно дѣйствовали на наше чувство. Въ минуты пауса для самого поэта, можетъ быть и были ясны такіе намеки на тревожное состояніе души или на страстное волненіе сердца, но для насъ въ подобныхъ выпреннихъ указаніяхъ на необъяснимыя чувства часто слышны только слова, слова и слова. Пристрастіе къ громкимъ фразамъ объясняется отчасти молодостью поэта, но скудность поэтическаго элемента въ нихъ обнаруживаетъ крайнюю слабость самаго дарованія. Стихамъ Веневитинова всего чаще недостаетъ того качества, которое онъ самъ признавалъ необходимою принадлежностію истиннаго таланта въ своемъ стихотвореніи «Поэтъ», сказавъ:

«Его богиня—простота».

Свое мечтательное настроеніе Веневитиновъ вноситъ даже въ тѣ стихотворенія, для которыхъ беретъ предметъ изъ дѣйствительнаго міра. Таковъ характеръ его неоконченнаго пролога «Смерть Байрона», гдѣ вождь Грековъ, говоритъ поэту:

«Сынъ Сѣвера! готовься къ бою!»

А Байронъ ему отвѣчаетъ:

«Я умереть всегда готовъ.»

Если же действительно онъ умираетъ, то хоръ съзываетъ «племена Эллады» —

«Сражаться съ пламенной душою
За счастье Греции, за мечь —
И въ жертву падшему герою
Дубу поблекшую принести!»

Дѣятельности своего воображенія Веневитиновъ придавалъ несколько идиллическій характеръ:

Воображенъе безъ оковъ,
Оно какъ бабочка игриво:
То любить надъ блестящей нивой
Порхать въ кругу земныхъ цвѣтовъ,
То по радугѣ, по цвѣтамъ небеснымъ мчится.

Странно, что въ томъ же самомъ стихотвореніи онъ называетъ себя «смѣлымъ ученикомъ Байрона».

Мы говорили уже, по поводу пьесы «Новгородъ» какъ мало удавалось Веневитинову стремленіе ввести въ свой разсказъ живо-народную рѣчь. Онъ былъ не болѣе счастливъ и въ задуманной имъ повѣсти историческаго содержанія. Сохранившіеся два отрывка показываютъ, какъ въ эпической разсказъ вторгались у него безпрестанно лирическія обращенія къ явленіямъ природы, мало живописныя, но всегда изобилующія громкими словами и яркими эпитетами.

Шуми Оагръ! твой брегъ украшенъ
Дѣлами славной старины;
Ты роешь камни мшистыхъ башенъ
И древней, *тосердыя* стѣны,
Обросшей давнею травою.
Но кто надъ древнею рѣкою
Разбросилъ груды кирпичей,
Остатки древнихъ укрѣпленій,
Развалины минувшихъ дней?

Въ чисто-лирическихъ произведеніяхъ у Веневитинова чаще встрѣчаются удачныя стихи, дышащіе норою искренностью, пробивающеяся

милу и возлюбилъ вырешеній и обиды ибоды. Тюдомы, иудеи, иудеи,
слѣдующія строки изъ «Посланиа къ Роканну»:

О еслибы могли маломы
Достигнуть до небесъ скуныхъ,
Не новой части наслажденья.
Я бь прежнихъ дней просилъ у нихъ.
Отдайте мнѣ друзей моихъ;
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій, но горячій взоръ
Языкъ безмолвныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ.

Въ стихотвореніи «Три розы» поэтъ говоритъ, что первая изъ
нихъ цвѣтетъ въ долинѣ Кашемира—

«Она любовница эмира
И вдохновенье соловья».

Другая распускается каждое утро на небѣ—это роза утренней
зари, съчно возрождающаяся съ одностороннею свѣжестью и красотой.
Напоица третья—лучше, свѣже двухъ первыхъ—

Хотя она не въ небесахъ.
Ее для жаркихъ устъ лелѣтъ
Любовь на дѣтственныхъ щекахъ.
Но эта роза скоро вянетъ;
Она пуглива и вѣжна,
И тщетно утра лучъ проглянетъ —
Не расцвѣтетъ опять она.

Изъ «завѣщанья» мы узнаемъ, на сколько Веневитиновъ былъ
проникнутъ религіознымъ чувствомъ:

...Ты вѣрнись, милый другъ,
Что за могильнымъ снѣгъ предѣломъ
Душа моя простится съ тѣломъ
И будетъ жить какъ вѣчный духъ,
Безъ образовъ, безъ тьмы и свѣта,
Однимъ котлѣнникомъ одѣта.

Въ шестѣ «Поэтъ и другъ» высказалось странно - обилие предчувствіе близкой смерти. Въ отвѣтъ на увѣщанія друга въ томъ, что ему еще не время умирать, когда онъ полонъ силъ и жизни, поэтъ, между прочимъ говоритъ:

Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мирѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься!

Словами «тебѣ все чувствовать дано» Веневитиновъ какъ нельзя лучше опредѣлялъ свойство своей природы. Дѣйствительно онъ одаренъ былъ удивительно воспримчивостью, живою любовью къ знанью и поэзіи, но къ несчастью онъ умеръ слишкомъ рано для того, чтобы мы могли опредѣлить какой характеръ приняла бы его дѣятельность. Одно можно сказать, что, по нашему мнѣнію, онъ не былъ бы великимъ поэтомъ, — для этого у него недостало творчества. Его собственное мнѣніе о значеніи поэта, выраженное въ поэтическомъ эссе, служитъ подтвержденіемъ нашимъ словамъ. Мы увидимъ познать объ немъ надо объ одномъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей, впервые знакомыхъ къ намъ серьезнымъ занятіемъ философій; но что касается до его поэтической дѣятельности, мы невольно повторимъ его же «последніе стихи».

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ силенъ;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ вторяй.
Не мало истинныхъ пророковъ
Съ печатно гайки на челѣ,
Съ дарами выстрелникъ уроковъ
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Что же касается до самаго изданія сочиненій Веневитинова, то оно удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ и можетъ доставить немалое удовольствіе любителямъ «промежного» въ литературѣ. Трудъ г. Пятковского тѣмъ болѣе достоинъ нашего уваженія, что едва ли бы кто другой взялся въ наше время, за подобное, мало-благодарное предпріятіе.

Н. Р.—ВЪ.

ЛОЖНЫЯ И ОТРЕЧЕННЫЯ КНИГИ РУССКОЙ СТАРИНЫ.

Объясненія къ «Памятникамъ древней русской литературы», вып. 3.

II. (*)

Переходи къ самымъ памятникамъ, скажемъ сначала нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ нашего изданія. Изъ того, что мы говорили прежде объ объѣмѣ и происхожденіи нашей литературы ложныхъ книгъ и составѣ сего видѣлся, легко видѣть, что въ старинныхъ запискахъ далеко не было абсолютной точности, что въ статьѣ о ложныхъ книгахъ, составлявшейся по греческимъ образцамъ, съ одной стороны упомянуты ложныя книги совершенно неизвестныя древней русской письменности, а съ другой названы далеко не все ложныя

(*) Эта вторая статья была уже приготовлена къ печати, когда въ Петербургѣ полученъ былъ 1-й № Русскаго Вѣстника. Мнѣ указали въ немъ статью г. Тихонравова, библиографическо-извѣстнаго содержания, направленную противъ изданныхъ мною памятниковъ. Онъ обвиняетъ меня въ дилеттантствѣ и «легкомысленномъ» исканіи «какой-то» занимательности (осужденіе, которое обыкновенно съ наибольшимъ удовольствіемъ произносятъ «ученые» мужья, особенно если ихъ тревожить *l'absence de intérêt*), на томъ основаніи, что изданные мною памятники не разобраны, или даже «искажены» (т. е. яданы каждый по двумъ-тремъ, а не по двадцати рукописямъ), что статья о ложныхъ книгахъ не объяснена, что въ памятникахъ не указано то и то, и проч. Очень просто, но указано въ книгѣ все это потому, что я предположилъ собрать свои замѣчанія въ цѣлыя статьи, — впрочемъ удобопомѣтныя (очень былъ бы доволенъ, еслибъ онѣ были и занимательны) для читателей и не пресыщенные указаніями на листы и форматы рукописей. Это досаднѣе я охотно согласился (ы, по возможности, предоставить спеціальнымъ любителямъ прѣлой бумага. Въ статейкѣ г. Тихонравова видны его познанія, есть новые библиографическіе факты, по большую часть тѣхъ вещей, недостатокъ которыхъ онъ ставитъ главнымъ аргументомъ противъ моего изданія, онъ, если бы подождать, нашелъ бы въ настоящихъ статьяхъ Русскаго Слова. Намъ жаль, что онъ понапрасну растерялъ свой порохъ.

писанія, — надостоверных или притомъснаго уясненія и хронологической исторіи, — которая была известна нашей старинѣ и получала у нас народно-научный смыслъ. Сама старина русская, имея видъ этой истинности запертой, не отдавала себѣ никакого счета въ томъ, что можно и что не можно; навязность вървань и фантастическіе вкусы, свойственные неразвитому народу, заставляли принимать за истину много такого, что очевидно было чистой басней. Поэтому оставая въ сторонѣ догматическую сторону предмета и рассматривая весь отреченный охвѣтъ старинной литературы вообще какъ матеріалъ для исторіи народныхъ понятій, мы не стѣснались буквально указывать статьи о ложныхъ книгахъ; напротивъ, руководясь культурнымъ значеніемъ памятниковъ, мы внесли въ наше изданіе — кроме книгъ, несомнительно считавшихся ложными — и нѣсколько произведеній; не упоминаемъ къ индексѣ, не представляемъ тотъ же ложный номерокъ: тамъ же напр. нѣкоторымъ преданіямъ объ Адамѣ, о Соломонѣ, пророкѣ Іереміи, Никодимово евангеліе, посланіе Палата къ Тиверію, исторія о нахожденіи раи св. Агапіемъ, рассказъ Трифона Каробейшова о сарматовыхъ ледахъ въ Черномъ морѣ и т. п. Но своему отношенію къ формации народныхъ понятій, они имѣютъ для насъ тоже значеніе, какъ ложныя книги, хотя и не были упомянуты въ древнемъ индексѣ. При обширности памятниковъ или въ случаяхъ неполноты доступныхъ намъ рукописей, мы брали иногда одни отрывки, какъ напр. въ сказаніяхъ объ Авраамѣ, завітахъ патриарховъ, вопросахъ Іоанна Богослова, и др. Въ другихъ случаяхъ мы должны были довольствоваться, при недостаткѣ первобычныхъ редакцій, болѣе поздними формами памятника, имѣющими свою важность въ исторіи распространенія этой литературы: такими варіаціями первоначальной формы являются напр. изданная нами отрывокъ изъ первоэвангелія Іакова, новѣйшій видъ «Епистолинъ о водѣ» и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. и въ этой послѣдней, памятникъ новѣйшей эпохи имѣетъ уже и новое заглавіе, но мы поставили «Іерусалимскій свитокъ» и съ общимъ заглавіемъ «Епистолинъ о водѣ», чтобы тѣмъ обозначить терминъ употребленный для обозначенія его въ самомъ индексѣ, потому что «Іерусалимскій свитокъ» принадлежитъ именно къ тому разряду ложныхъ писаній, который обозначенъ въ нашемъ индексѣ подъ именемъ «Епистолинъ».

Такимъ же образомъ, чтобы опредѣлить отношеніе памятника къ статьѣ о ложныхъ книгахъ, подъ общее заглавіе «Павлова Видѣнія» мы отнесли двѣ статьи, представляющія второстепенную обработку этой

записаны; надъ рукопись «Наладника» мы привели только, по возможности много именъ, но представляли мы имена то содержанію, какое имѣетъ греческій «Наладологикъ», послужившій оригиналомъ для книги «Наладника»; надъ рукопись «Хомедія Богородицы на пуклы» мы выставили только, которая имѣетъ къ русскому слову заглавію, но очевидно представляеть книжка похвалительная, названный въ индексахъ «Хомедіеи», а въ греческомъ оригиналѣ «Анекаликиссонъ преем. Богородицы». Эти и другія мѣткія подробности мы укажемъ впрочемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь прибавимъ еще только, что къ латинскимъ книжкамъ мы присоединили иногда варианты ихъ, разнаго мѣста и времени, напр. «Самъ Богородицы» первый изъ польской книги XVII вѣка и другой вариантъ, изъ современной народной пѣсни; какъ рѣше justificative мы ввели статью Аларая «о древнѣ поэзіи», любезитую по тѣмъ причинамъ, вѣрнамъ представляеть она для исторіи латинской литературы.

Въ разборѣ намѣтчимыхъ, составляющихъ книгу древней литературы апокрифовъ, мы будемъ слѣдовать по возможности тому порядку, къ какому они идутъ и въ самой статьѣ о латинскихъ книжкахъ и въ исторической введѣтельности апокрифовъ личность и событий.

Всѣ главы о латинскихъ книжкахъ, греческія и славянскія, прежде всего упоминають апокрифы о первомъ событіи вселенческой исторіи и первомъ гнѣзъ ея.—созвереніи міра и Адама. Мы уже замѣчали, что указанія нашей статьи, вытисъ съ греческихъ индексовъ не всегда точно соответствують русскимъ намѣткамъ; такимъ образомъ мы, вѣроятно напрасно стали бы искать книги «Адамъ» въ древней письменности русской. Книги съ этимъ названіемъ, напр. «Анекаликиссонъ Адама», «Жизнь Адама», «Покаяніе Адама», существовали дѣйствительно и были весьма извѣстны въ эпоху составленія греческихъ индексовъ, но у насъ, сначала мы знаемъ, не было книги съ подобнымъ и точнымъ заглавіемъ этого рода; и читаніе статьи о латинскихъ книжкахъ если уже понимали, о какихъ сказаніяхъ идетъ дѣло и что заглавается.

У насъ не было апокрифической книги, которая бы собрала въ одно дѣло всю исторію созданія міра и творенія Адама; но тѣмъ не менѣе русская старина представляеть очень много разныхъ преданій и сказаній о твореніи и объ Адамѣ, сказаній чисто апокрифическаго свойства, чрезвычайно распространенныхъ и любимыхъ читающей массой, которая вѣрила имъ, не привыкнувъ къ критической повѣркѣ и вѣровала тѣмъ неистовыми или фантастическими картинками, въ ко-

всю жизнь, въ которыхъ много догмата они видѣли и поэтический характеръ, способный къ различной обработкѣ, при всемъ этомъ и ирисецины чужки связаны ижели много власти надъ умами и часто удерживались въ той самой формѣ, какую получили еще на востокѣ, яедъ другими условиями и совершенно независимо отъ поэзи и ижеозъ европейскнхъ. Мы думаемъ, что эта литературная, генетическая исторiа занимающнхъ насъ преданiй освѣтитъ много темныхъ фактовъ въ народныхъ ижеозъ западныхъ и русскихъ, и многое объяснитъ простымъ путемъ литературнаго преданья. Къ сожалѣнiю неразработанность этого предмета у насъ не дастъ еще возможности точнаго изложениа дѣла.

Въ среднiе вѣка ходило ижеозство преданiй объ Адамѣ, весьма разностороннаго содержанiа и происхожденiа; народная фантазiа недовольствовалась библейскимъ рассказомъ и стремилась дополнить его или изъ чисто поэтическаго влеченья или изъ наивной пытливости, которая искала опредѣленiй и законченной картины творенiа мира и жизни первого человека. Этому стремленiю въ особенности давали ижеу апокрифы, которые сами по себѣ были поэтическимъ продолженiемъ и дополненiемъ исторiи, заключенной въ канонъ и ставшей догматомъ. Это значенiе апокрифовъ опредѣлило и тотъ успѣхъ, который получили они въ среднiе вѣка у всѣхъ христанскихъ народовъ Европы. Распространенiе ихъ было чрезвычайно обширно. Иже въриали, ижеому что сохранили еще патриархальное уваженiе къ старинѣ и къ клмгм. Такимъ образомъ исторiа творенiа и первыхъ временъ ветхозавѣтной исторiи, переданная чисто христанскимъ ученымъ, дошла ижеу ижеозствомъ апокрифическихъ сказанiй, стараго и сравнительно новаго происхожденiа. Въ Европу и къ намъ проникли и древнiе еврейскiе ижеозы, которые не признавались еврейскимъ канономъ и были преданьями народа и ижеуреньемъ массы; проникли и другiя сказанья, которые еще ижеу допускаясь церковью и родились въ той массѣ ересей, селамеювавшей ижеу вѣка христанства. Въ исторiю творенiа замѣшались ижеу наконецъ, какъ мы уже замѣтили, и ижеузные народные ижеозы космогоническаго содержанiа. Все это смѣшивалось впоследствии въ одну массу, ижеу литературы переходило въ народъ и обратно, дѣлалось легендой и повѣрьемъ.

Русскiа памятники представляютъ подобныя апокрифы объ исторiи творенiа и первыхъ людей, съ самой ранней поры нашей ижеуственности. Месторъ внесъ въ свою ижеуписисъ ижеуветную проповѣдь гре-

дешаго миссіонера, приходившего къ князю Владимиру, и эта предель, представляющая довольно обширное изомасіе ветхозавѣтной исторіи, вносить уже въ рассказъ объ Адамѣ и Еванъ и другихъ патриархахъ, подробности, которыхъ нѣтъ въ библіи, напр. о смерти и погребеніи Авеля, о смерти Авона брата Авраамова и т. п. Лѣтописцу эти апокрифы знакомы были изъ Амартола, котораго онъ читалъ, но особенно изъ такъ называемой «Палей»; мы будемъ еще встрѣчаться съ этимъ послѣднимъ памятникомъ. «Палей» была безъ сомнѣнія одной изъ очень старыхъ книгъ нашей или южнославянской литературы; это былъ пересказъ ветхозавѣтной исторіи, отчасти составленный по библіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ дополненный множествомъ анекдотовъ и преданій апокрифическаго свойства. Несторевъ лѣтописъ служить яснымъ доказательствомъ, что во время ея составленія, слѣдовательно въ эпоху очень далекую, къ намъ уже приходили изъ Византіи апокрифическіе мифы.

Такимъ образомъ первыя извѣстные апокрифы объ Адамѣ въ нашей литературѣ являются еще до редакціи Несторовой лѣтописи. После того явились другіе памятники говорящіе объ Адамѣ, исторіи которыхъ до сихъ поръ не была у насъ тропута. Таковъ напр. любопытный памятникъ, носящій въ Румянцовской рукописи XV-го вѣка (№ 358) имя «Исмовѣданія Еввы»; въ другой рукописи XVII-го вѣка (№ 370) находится «Сказаніе, како сотвори Богъ Адама»; рассказы объ Адамѣ, перемѣшанные съ апокрифическими подробностями, находятся въ псалмахъ и хронографахъ, въ разныхъ исторіяхъ творенія, въ апокрифической «Бесѣдѣ» и т. д.

Сначала объ имени Адама, которое имѣло свои легенды въ нашихъ рукописяхъ. Румянцовская рукопись № 380, л. 29 даетъ такое объясненіе этого имени: «Азъ наречеся начало и конецъ,—и повелѣ Господь ангеломъ своимъ взяти на востокъ; *добро* на западъ; *мыслете* на югъ, *сръ* на сѣверъ,—и нарече Господь Богъ имя ему Адамъ, се же бысть первый человекъ на земли». Въ томъ же родѣ говорится объ имени Адама въ болгарской рукописи XVI вѣка, принадлежащей г. Григоровичу: «Вопросъ: кто обрѣлъ имя его? Отвѣтъ: четыре ангела. Архангелъ Михаилъ вышелъ на востокъ и увидѣлъ звѣзду, имя ей Анатоли, и, взявъ то слово, принесъ передъ Господа слово Азъ. Архангелъ Гавриилъ вышелъ на западъ и увидѣлъ звѣзду, имя ей Дисисъ, и, взявъ то слово, принесъ передъ Господа слово *Добро*. Рафаилъ вышелъ на югъ и увидѣлъ звѣзду, имя ей Арк-

тосъ, и, взявъ то слово, принесъ передъ Господа слово *Азъ*. Уриль вышелъ на полуночь и увидѣлъ звезду, или ей *Сееріа* и, взявъ то слово, принесъ передъ Господа *Мыслете*. И сказалъ Господь: читай Уриле! И Уриль прочелъ *Адамъ* (*)».

Въ этомъ символизмѣ собственная русская фантазія, какъ мы увидимъ, участвовала очень мало; русскіе сборники воспользовались греческой выдумкой, которая на русскомъ языкѣ потеряла отчасти свой смыслъ. Буквы *Адамова* имени очень рано подверглись символическому объясненію, которое здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, стало незамѣтнымъ источникомъ легенды. Еврейскіе каббалисты утверждали, что три буквы *А. Д. М.* означали *Адама*, *Моисея* и *Давида*, въ которыхъ, по мнѣнію ихъ, послѣдовательно переходила душа перваго человѣка. На греческомъ языкѣ четыре буквы *Адамова* имени пришлись къ названіямъ четырехъ странъ свѣта (*arktos, dysis, anatole, mesembria*), и изъ этого выводилось, что имя *Адама* уже заключало въ себѣ названіе странъ свѣта, которыми должны были населиться его потомствомъ. Этотъ совпаденіемъ бунше воспользовались книги *Сивилль*, *Августинъ*, псевдо-*Иеронимъ* и другіе писатели. Этотъ послѣдній въ толкованіяхъ къ *Н. З.* говоритъ, что *Адамъ* получилъ имя свое отъ четырехъ буквъ и отъ четырехъ звездъ (съ означенными выше именами), которыми означаютъ четырехъ евангелистовъ, — какъ отъ *Адама* каждый человѣкъ рождается, такъ отъ четырехъ евангелистовъ онъ научается вѣрѣ (**). Въ библейскихъ преданіяхъ *Арабовъ* отношеніе имени *Адама* къ странамъ свѣта передано еще иначе: именно, при сотвореніи человѣка, четыре вѣсныя ангела—*Гаврииль*, *Михаиль*, *Израиль* и *Азраиль* — должны были принести съ четырехъ концовъ свѣта земли, изъ которой и сдѣлано было его тѣло; только голова и сердце созданы были по арабскому преданію изъ земли, взятой въ странѣ *Мекки* и *Мединны* (***). Греческое объясненіе перешло даже въ древній *англо-саксонскій* шиматникъ, гдѣ разныя мистическіе вопросы о сотвореніи міра и т. д., очень докожіе на нашу апокрифическую «*Бесѣду*» вложены въ уста

(*) *Буслаевъ*, *Очерки* и пр. 1, стр. 496.

(**) *Gm. Fabric., Vetus Test.* 1, 49; 2, 39. *Adam a quatuor litteris et a quatuor stellis nomen accepit. quod est artis, desis, anatholis, mesimbrio etc.* Словомъ *mesembria* очень просто объясняется слово *Сееріа*, котораго въ приведенномъ выше текстѣ не могъ объяснить себѣ г. *Буслаевъ*.

(***) *Weil. Biblische Legenden der Mischnahmer*, стр. 12.

Соломону и Сатурну. Въ началѣ Сатурнъ спрашиваетъ между прочимъ Соломона:

— Скажи мнѣ: изъ чего составлено имя Адама?

— Я скажу тебѣ: изъ четырехъ звѣздъ.

— Скажи мнѣ: какъ они называются?

— Я скажу тебѣ: Arthox, Dux, Arotholem, Minsymbrie (*).

Такимъ образомъ болгарскій памятникъ, приведенный г. Буслаевымъ, передаетъ цѣликомъ греческое преданье, сдѣлавши только *Северію* изъ *Месемвріи*. Разсказъ о твореніи челоѣка различно передается нашими апокрифами, съ большимъ или меньшимъ участіемъ народнаго міоа, своего и чужаго. По отношенію къ народнымъ апокрифическимъ преданьямъ въ особенности любопытно Румянцовское сказанье (№ 370), небрежное по формѣ, но замѣчательное подробностями міоа объ Адамѣ, которыя до сихъ поръ еще не были извлекаемы изъ старыхъ памятниковъ. Указаннн мѣсто творенія въ землѣ Мадіамской, сказаніе начинается съ повѣстнаго преданья о созданіи Адама отъ осьми частей— отъ земли тѣло, отъ камня кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли, отъ свѣта свѣтъ (sic), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня теплота. Болѣе древняя, но кажется спутанная редакція преданья находится въ Рум. рукописи конца XV в. № 358, гдѣ оно является какъ отрывокъ изъ апокрифическихъ Бесѣдъ трехъ святителей:

— Григорій рече: отъ коликъ частей Адамъ созданъ?

— Иванъ рече: отъ 8 частей созданъ бысть Адамъ: сердце отъ камня, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ мглы, кровь отъ Чернаго моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца, духъ отъ святого духа (л. 281).

Давно были указаны древнія фризскія, нѣмецкія, англосаксонскія преданья, представляющія аналогію съ этимъ міоомъ, и не вдаваясь въ подробности объ этомъ предметѣ, мы отсылаемъ читателя къ книгѣ г. Буслаева, гдѣ (**) сдѣлано много любопытныхъ сближеній по поводу осьми частей Адама. Укажемъ только еще одну англосаксонскую редакцію преданья, которой еще не имѣли въ виду наши изслѣдователи. Въ той бесѣдѣ Соломона съ Сатурномъ, о которой мы

(*) Migne, Dictionnaire des Apocryphes, Paris 1856—1858, 2, стр. 880.

(**) Т. 1, стр. 143—150. См. также *Grimm, Mythologie*, 1844, стр. 531, 1218. *Haupt, Zeitschrift für d. Alterthum*, Bd. 9.

упоминали выше, послѣдній обращается къ Соломону съ вопросомъ о твореніи Адама:

— Скажи мнѣ: изъ какого вещества созданъ былъ Адамъ, первый человѣкъ?

— Я скажу тебѣ: изъ восьми ливровъ вѣсу (*octo pondera*, въ средневѣковой латинской редакціи).

— Скажи мнѣ: какъ они называются?

— Я скажу тебѣ: первый былъ ливръ земли, изъ котораго было сдѣлано его тѣло; второй ливръ огня, изъ котораго произошла его красная, горячая кровь; третій—вѣтра, отъ котораго дано его дыханіе; четвертый—пѣны, отъ которой дана ему измѣнчивость его духа; пятый—бѣлка, откуда его толщина и ростъ; шестой—свѣта, откуда разность его глазъ (*varietas oculorum*, *ib.*); седьмой—росы, откуда его потъ; восьмой—соли, отъ которой солены его слезы (*).

Это преданіе найдено было также и въ старыхъ рукописяхъ южныхъ Славянъ, такъ что извѣстность преданья была чрезвычайно обширна. Она хранится до сихъ поръ въ нашемъ стихѣ о Голубиной книгѣ, который далъ ему полное развитіе и грандіозную обстановку. Древняя Палея, изъ которой брали въ старину много апокрифическихъ подробностей о первомъ человѣкѣ, не знаетъ, кажется, преданья о восьми частяхъ, изъ которыхъ былъ созданъ человѣкъ, и находитъ только четыре состава человѣческаго тѣла отъ четырехъ стихій,—именно: отъ огня человѣкъ имѣетъ теплоту, отъ воздуха *студень*, отъ земли сухоту, и отъ воды мокроту (**).

Разсказавши мною о восьми частяхъ человѣка, Румянцовское Сказаніе продолжаетъ исторію новыми подробностями, которыя очень любопытны своимъ сходствомъ съ народными легендами, напр. съ тѣми какія собраны въ Орловской губерніи г. Якушкинымъ. Современная легенда разсказываетъ такъ:

«Создалъ Господь Адама и Еву и пустилъ ихъ жить въ пресвѣтломъ раю; а къ воротамъ райскимъ приставилъ собаку, звѣря чистаго: по всемъ раю ходила. И повелѣлъ Господи собакѣ, звѣрю чистому: «не пускай, собака, звѣрь чистый! не пускай ты чорта лукаваго въ рай: не напугалъ бы онъ моихъ людей». Лукавый чортъ пришелъ къ райскимъ воротамъ, бросилъ собакѣ кусокъ хлѣба,

(*) См. Migne, Diction, des Apocryphes, 2, стр. 880.

(**) Рум. Палея, 1494 г. л. 38 обор.

а та собака и пропустила лукаваго въ рай. Лукавый чортъ возми да и оплюй Адама съ Еввой; всѣхъ оплевалъ, всѣхъ съ головы до послѣдняго мизинчика во лѣвой ногѣ. Приходитъ Господи — только руками объ полы ударил! На Адама съ Еввой глянуть срамно!.. Но Богу, извѣстно, не обтирать ихъ стать, не марать же рукъ въ чортовы слюни: взялъ да и выворотилъ Адама съ Еввой. Отъ того и слюна погана. — «Слушай, собака, сказалъ Господи: была ты, собака, — чистый звѣрь: ходила во всемъ пресвѣтломъ раю; отнынѣ будь ты весь — нечистый звѣрь: въ избу тебя грѣхъ пускать, коли въ церковь вбѣжишь — церковь снова святить». Съ тѣхъ поръ не собака зовется, а песь: по шерсти погана, а по нутру чиста» (*).

Вотъ старая редакція разсказа, сохранившаяся отъ XVIII-го вѣка, Адамъ лежалъ созданный, по еще неизвѣстной очей, на землѣ; сатана пришелъ къ беззащитному человѣку и вымазалъ его каломъ; Богъ разгнѣвался и проклялъ сатану. Затѣмъ онъ очистилъ Адама отъ «пакости сатанины» и смѣсивъ ее съ Адамовыми слезами создалъ собаку и велѣлъ ей стеречь Адама; самъ Богъ отошелъ въ горній Иерусалимъ за Адамовымъ дыханьемъ. Сатана опять пришелъ, но испугался лаявшей собаки и не рѣшился подойти къ Адаму; онъ взялъ дерево и издали истыкалъ всего Адама деревомъ и этимъ сдѣлалъ ему семьдесятъ болѣзней. Когда Богъ сошелъ съ горняго Иерусалима, онъ увидѣлъ зло, сдѣланное злымъ сатаной и спросилъ его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Сатана отвѣчалъ, что еслибы не было человѣку болѣзни, онъ никогда не вспомнитъ Бога; если же будетъ страдать недугомъ, то всегда будетъ призывать нмя Божіе на помощь. Богъ помиловалъ объ Адамѣ, прогнавъ діавола и «оборотилъ всѣ недуги» въ Адама, — такъ что они скрываются внутри человѣка.

Оба приведенныя преданья очевидно находятся въ связи, и современная редакція уже отчасти потеряла точность разсказа. Далѣе, сказавши о посаженіи рая, о сотвореніи Еввы, Румянцовское Сказаніе приводитъ любопытный мнѣ о видѣніи Адама, которое Богъ показалъ ему во снѣ: Адамъ увидѣлъ Христа распятаго въ Иерусалимѣ, Петра ходящаго въ Римѣ и Павла въ «Дамаскѣ», проповѣдующихъ распятіе и воскресеніе Спасителя. Апокрифическая Бесѣда упоминаетъ объ этомъ событіи; она называетъ первымъ пророкомъ Адама, и это видѣніе и было «Пророчествомъ Адама» (**).

(*) См. Лѣтоп. Тихонр. 2, стр. 101.

(**) Fabricii, V. Test, 1, стр. 6.

Въ дальнѣйшей исторіи творенія, замѣтимъ только о времени осужденія Адама, опять общезвѣстное повѣрье: въ третій часъ дано было запрещеніе вкушать отъ древа познанія добра и зла, въ шестой часъ заповѣдь была нарушена, въ девятый—Адамъ былъ изгнанъ изъ рая. Старая Палея указываетъ объ этомъ предметѣ два различныя мнѣнія: одни говорятъ, что Адамъ былъ въ раю *шесть* часовъ, по другимъ 40—дней, которые представляютъ собой сорокъ дней поста Спасителя (*). По еврейскому преданью Адамъ также созданъ былъ въ третій часъ, согрѣшилъ въ одиннадцатый, осужденъ въ двѣнадцатый и, изгнанный изъ рая, плакалъ до зари слѣдующаго дня (**). Старый французскій памятникъ буквально повторяетъ исчисленіе нашего сказанія: *a la tierce heure si donna Adam noms a toutes bestes, a la sise heure si mangea la femme la roume e en dona a sun baroun, e il en mangea par lamur de li, e a choure de noune si furent gette hors de paradis* (***)).

Мы перейдемъ теперь къ другому произведенію нашей апокрифической литературы, также полному любопытныхъ преданій о твореніи. Къ сожалѣнію, мы знаемъ его въ новомъ спискѣ очень испорченномъ. Статья называется «Свитокъ божественныхъ книгъ», и безъ сомнѣнія также стариннаго происхожденія; мы встрѣчаемся въ ней съ преданіями, которыя извѣстны по рукописямъ нашимъ XV и XVI вѣка; другія до сихъ поръ обращаются въ устахъ народа въ легендахъ и повѣрьяхъ. До сихъ поръ «Свитокъ»—едва ли не единственное извѣстное произведеніе, въ которомъ собрана почти вся апокрифическая исторія Адама, существующая въ нашихъ народныхъ преданіяхъ, но рукопись, которая была у насъ въ рукахъ, пересыпана ошибками, такъ что было бы трудно издать ее вполнѣ. И въ этомъ отношеніи она можетъ служить образчикомъ старыхъ преданій въ ихъ послѣдней народной формѣ, въ которой они являются обыкновенно крайне испорченными: ихъ пишутъ уже люди малограмотные, преданье забывается. Другой списокъ Сказанья, также новѣйшій, былъ въ рукахъ г. Булаева, который привелъ изъ него нѣкоторые отрывки въ своемъ изслѣдованіи о «Горѣ-Злочастіи» (****). Изложеніе очень сходно съ нашимъ Свиткомъ, изъ чего можно заключить, что онъ имѣлъ уже до-

(*) Румянцовская Палея 1494 г. л. 33.

(**) *Fabric.*, V. Test. 1, стр. 20.

(***) *Migne*, Dict. des Apoc. 2, стр. 880.

(****) Очерки. т. I, стр. 615—618.

вольню установившуюся народную форму. Мы постараемся передать его сколько возможно вѣрнѣе съ текстомъ.

Статья начинается разсказъ еще до сотворенія міра, когда «бысть Господь «Саваофъ» въ трѣхъ каморѣхъ, на воздухѣ, въ лѣпотѣ, безначальный царь, невѣдомыя тайны» и проч. «Тогда бысть свѣтъ отъ лица Господа Саваофа семидесяти седмицею свѣтлѣе свѣта сего; ризы его были бѣлѣе снѣгу, свѣтозарнѣе солнца». Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе Троицы. Міръ еще не существовалъ: «не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни ангель, ни архангелъ, ни херувимъ, ни серафимъ, ни рѣкъ, ни озеръ, ни кладезь, ни источникъ, ни челоуѣкъ, ни горницъ, ни холмовъ, ни облакъ, ни звѣздъ, ни свѣту, ни звѣрей, ни птицъ, ни вѣтру, ни зари: егда была тьма, и не бысть тогда ни дней, ни ночей»... За этимъ предисловіемъ слѣдуетъ исторія творенія. «Рече Господь: буди небо по хрусталоу на воздухѣ сотворено и буди заря, и облако, и звѣзды, и облаки, и востокъ, и вѣтры дунувъ изъ нѣдръ своихъ, и рай насади на востокѣ, и западъ, и сѣверъ, и югъ,—а Богъ сидитъ на востокѣ (*), въ вельлѣпотѣ превыспренней славы своея, и семьмъ небесъ словомъ своимъ сотворилъ Господь. А мразъ отъ лица Господня, а громъ—гласъ Господень, въ колесницѣ огненной утверждень; а молнія—слово Господне, изъ устъ Божіихъ исходитъ; а солнце—внутреннія ризы Господни (**).

Потомъ Богъ создалъ тьмы столповъ на воздухѣ, и столпы неподвижны, связаны отъ начала вѣка, а на томъ столпѣ камень неподвиженъ, потомъ создана земля и адъ съ веревями желѣзными и мѣдными вратами; «подъ адомъ тартаръ—дна нѣсть». За твореніемъ первыхъ столповъ и ада слѣдуетъ новый фазисъ творенія: «И рече Господь: буди тьмы столповъ мѣдныхъ и каменныхъ, и на камени земля, и ста подъ исподъ песокъ, а на днѣ сотвори Господь словомъ камень и кременіе,.. и на той земли море Тиверіадское, а бреговъ у него не было».

(*) У Буслаева невѣрно: ангелъ сидитъ на востокѣ.

(**) Въ этихъ словахъ г. Буслаевъ справедливо видитъ связь съ однимъ мѣстомъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія,

Солнце красное отъ лица Божьяго,

Самаго Христа Царя Небеснаго;

Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей его;

Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;

Ночя темная отъ думъ Господнихъ, и проч. Бусл. стр. 615.

«И сниде Господь на море по воздуху... и видѣ на морѣ *гоголя* плавающая, а той есть рекомый Сатана, заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь Сатанайлу, аки не вѣдая его: «ты кто еси за чловѣкъ»? И рече ему Сатана: азъ есмь богъ. «А меня како нареци»? Отвѣщавъ же Сатана: Ты Богъ Богомъ и Господь Господемъ. Аще бы Сатана не рекъ Господу такъ, тутъ же бы Господь его сокрушилъ на морѣ Тиверіадскомъ.

«И рече Господь Сатанайлу: «повырни въ морѣ и вынеси мнѣ песку и камень». Сатанайлъ же послушася Господа и нырну въ море и вынесе песку и камень. И взявъ Господь песку и камень, и разсѣя по морю Тиверіадскому, и глаголя: «буди земля толста и пространна». И взявъ Господь камень и преломи на двое; въ правой рукѣ Господь (остави) у себя, а изъ лѣвой руки отдасть Сатанайлу; и взя Господь песокъ, и нача бити изъ того кремня, и рече Господь: «вылетайте ангелы и архангелы и вся силы небесныя по образу и по подобію»,—и нача изъ того кремня вылетати искры съ огнемъ, и сотвори Господь ангелы и архангелы и всю девять чиновъ.

«И видѣ Сатанайлъ, что Господь сотвори, и нача той камень бити, что Господь дастъ изъ лѣвой руки, и начали у Сатанайла вылетать его ангелы и сотвори Сатанайлъ силу на небесахъ. Потомъ сотвори Господь Сатанайла начальникомъ надо всѣми чинами его ангельскими; сатанинову силу—его сотвореніе причте въ десятый чинъ» (*).

По списку г. Буслаева это рассказывается нѣсколько иначе: сатана досталъ со дна моря камень, этотъ камень преломляется на двое, и изъ одной половины его, отъ ударовъ божественнаго жезла, «вылетали души чистые»; изъ другой же половины сатана «набилъ бѣсовскую безчисленную силу, боговъ *плотныхъ*». На морѣ Тиверіадскомъ произведены тридцать три кита; на тѣхъ китахъ утверждена земля, и стала она на нихъ «толста, широка и пространна». Мы еще встрѣтимся дальше съ этими знаменитыми китами.

Сатанайлъ увидѣлъ что онъ почтенъ и возгордился, и захотѣлъ быть подобнымъ Вышнему. Тогда Богъ повелѣлъ архангелу извергнуть лукавую силу, но огонь отъ сатаны попалилъ архангела и онъ воротился, не исполнивъ повелѣнія. Богъ постригъ архангела въ чернецы и назвалъ его Михаиломъ; въ другомъ спискѣ прибавлено, что Богъ

(*) Ср. въ лѣтописи Нестора, Арх. Комм. 1, стр. 37, и ниже выписку изъ Румянц. Палея 1494 г. л. 12.

положилъ на него схиму со крестами *простыми*, знаменіями Христа, Сына Божія. И послалъ Богъ во второй разъ Михаила, и онъ ударилъ скипетромъ силу сатанину, и она пала на землю какъ дождь. Михаилъ поставленъ былъ начальникомъ надъ всѣми чинами ангельскими, и архангелы сказали: аминь. Это слово застало много изъ лукавыхъ въ горахъ, много въ рѣкахъ, много летающимъ по воздуху, кто увязъ ногою, кто рукою въ облакъ,—тамъ они пребываютъ и до сего дня...

Далѣ идетъ созданіе человѣка. Богъ насадилъ для него рай на востокѣ, и Адамъ созданъ былъ по образу Божию отъ семи (т. е. восьми) частей, отъ земли—тѣло, отъ камня—кость и т. д. Потомъ «Свитокъ» даетъ близкій вариантъ исторіи, находящейся въ Румянцовскомъ сказаніи. «И поиде Господь на небеса ко Отцу своему по душу Адамову, Сатана же не вѣдая, что ему сотворити (т. е. Адаму), и тну тѣло Адамово перстомъ. И приде Господь ко своему созданію и видѣ тѣло Адамово и рече Господь: «о дьяволе, что ты сотворилъ, какъ смѣлъ надъ моимъ созданіемъ тако сотворити»? Отвѣщавъ же дьяволъ: Господи, забудеть тебя сей человѣкъ,—еще у него что заболитъ, тогда Господа вспомнятъ. И Господь обрати Адаму внутрь, и отъ того во всякомъ человѣцѣ... болѣзнь сотвори сатана; еще у кого поболитъ, тогда и вздохнетъ о Господѣ: помилуй мя.

Затѣмъ Богъ оживилъ Адама и далъ ему «область» въ раю надо всѣми птицами и звѣрами, потомъ создалъ ему жену Евву. Въ это время имѣлъ Адамъ свое пророческое сновидѣніе, въ которомъ «видѣлъ Петра въ Римѣ внизъ головою распята, въ Дамасцѣ апостола Павла, въ Ефесѣ (Іоанна Богослова), а тебе, Господи, во Іерусалимѣ градѣ на Голгофѣ на крестѣ распята и копіемъ въ ребра прободена».

Адамъ насадилъ въ раю три древа, одно древо—свою часть, другое—Еввину, посреди—Господне древо, но потомъ Евва и Адамъ согрѣшили соблазномъ змѣя; они были изгнаны изъ рая, и—«паде Адамова часть во Ефратъ—рѣку, а Еввина часть паде на Тигръ—рѣку, а Господне древо осталось въ раю». По другому списку этого сказанія, Богъ по сотвореніи Адама и Еввы повелѣлъ имъ вкушать отъ всѣхъ плодовъ, «не довелѣлъ же есть *винограднаго* древа»... Сатана не имѣлъ доступа въ рай, и чтобы проникнуть туда, онъ велѣлъ змѣѣ пожрать себя, и она такимъ образомъ внесла его въ рай. Тогда «*извернулся* сатана *червомъ*... обвился около винограднаго дерева и началъ змѣевыми устами говорить Еввѣ». Когда первые люди со-

грѣшили, сняли съ нихъ вѣнцы и одежды свѣтлыя, и стали они прикрываться древесными листьями.

«И плакася Адамъ (послѣ изгнанія) при раю тридцать лѣтъ, и видѣ Господь слезы Адамовы, и хотя его помиловать... и посла Господь ангела своего Михаила и повелѣ Адаму поручити (заучити?) ручная дѣла и повелѣ ему землю пахати. И приде къ нему Сатана и рече: «господине, твоя есть небеса, я моя земля; аще хочещи божей быти, поди на небеса; аще хочещи землю пахати, то дай отъ себя рукописаніе на весь родъ свой и на будущій по тебѣ»... И (Адамъ) написа на себя рукописаніе свое, и на весь родъ свой, и на будущій по немъ, и отдалъ Сатанѣ. И Сатана взя рукописаніе и отдала *адъ-мовой смерти*...»

Наконецъ «Свитокъ» рассказываетъ рожденіе Каина и Авеля: Каинъ изъ зависти убиваетъ Авеля на каменномъ полѣ, по наученію дьявола; Адамъ погребаетъ сына по примѣру горлицъ, посланныхъ Богомъ: одна изъ нихъ упала мертвая, а другая вырыла въ землѣ яму и закопала мертвое тѣло. Рожденіе Сноа, смерть Адама и исторія о древѣ, принесенномъ изъ рай, точнѣе и подробнѣе передаются въ другихъ рукописяхъ, которыя мы указываемъ дальше. По другому списку исторіи, «Адамъ пожилъ на землѣ 930 лѣтъ и умеръ. И пришла *смерть сатанина* и взяла душу его и внесла въ адъ мучиться 3000 лѣтъ внутри ада во огнѣ горячемъ, руки и ноги связаны, на шесть прицѣплены». Сказаніе кончается сошествіемъ І. Христа во адъ и освобожденіемъ Адама отъ смерти.

Таковъ своеобразный взглядъ этой исторіи на твореніе и судьбы міра. Исторія эта заслуживаетъ вниманія людей, изучающихъ старину и преданья; въ ней повторяется много подробностей, извѣстныхъ и по древнимъ рукописнымъ источникамъ и по современнымъ легендамъ народа, и ихъ изслѣдованіе можетъ привести къ занимательнымъ историческимъ результатамъ. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, подобныя мифы рѣдко указывались въ старыхъ памятникахъ, что было бы необходимо для точной исторіи преданья; и не рѣшась теперь на окончательные выводы, мы попробуемъ только указать нѣкоторыя исторически важныя стороны этого сказанья. Замѣтимъ прежде всего, что наивное воззрѣніе на первобытную исторію міра, нами приведенное, до сихъ поръ живо въ народѣ. Полуграмотная рукопись, по которой мы излагали содержаніе «Свитка», писана нѣсколько лѣтъ назадъ; народныя легенды, которыя и въ настоящую минуту собираются изъ

устъ народа, повторяютъ тѣ же мотивы; нѣкоторые изъ нихъ мы указывали въ Румянцовскомъ Сказаніи XVII-го вѣка, слѣд. мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ старымъ. Для сличенія мы приводимъ народный разсказъ, записанный г. Якушкинымъ, гдѣ читатель узнаеть главные обстоятельства нашей исторіи, именно — желаніе злаго духа участвовать въ твореніи.

«Сталъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить, — рассказываетъ легенда, записанная въ Орловской губерніи, — распустилъ онъ море-окіяны; надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чортъ, да и говоритъ Господу: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворилъ, окіяны-море напустилъ; дай мнѣ хоть землю насѣять!» — «Сѣй!» сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый, — никакого толку! — «Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли». Опустился лукавый на дно моря, захватилъ лукавый горсть земли; вынырнулъ: глядь — всю землю водой смыло. Опустился въ другой — тоже: въ горсти нѣтъ земли. Опустился лукавый въ третій разъ, и по Божьему повелѣнію оставалась за ногтемъ песчиночка. Богъ взялъ ту песчиночку и насѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, и всякими для человѣка угодами. «Будемъ съ тобой, Господи, братьями родными, сказалъ лукавый Господу: — ты будешь меньшей братъ, я большой!» Господи усмѣхнулся. — «Будемъ, Господи, братьями равными». Господи усмѣхнулся опять. — «Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшей!» — «Возьми, говоритъ Господи: — возьми меня за ручку повыше локотка: пожми ты ручку ту изъ всей силы». Лукавый взялъ Господи за ручку выше локотка, жалъ ручку изо всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку: лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю. Люди да еще святые люди, нарицаются сыны Божіи, а лукавый хотѣлъ къ Господу въ братья залѣзть!» (*)

Ту же основу имѣетъ народная легенда о *Нолѣ*, на котораго разсказчикъ перенесъ исторію перваго человѣка.

«Приходитъ Господь (послѣ потопа): «что вы, живы ли всѣ?»

— Слава тебѣ, Господи! всѣ живы! «Выходите же вонъ!» Всѣ вышли; напоследокъ дьяволъ сикъ! «Вѣтъ, Господи, хотѣлъ меня уо-

(*) См. Лѣтописи рус. литер., Тихонр., 2, стр. 100.

пять; вѣдь я вотанъ! Я тебѣ большой врагъ!» Коли-жъ ты мнѣ большой врагъ, возьми-жъ ты меня за руку. Возьметъ дьяволъ Господа помереть руки, да не поймаетъ руку опустить. «Дай-же я тебѣ возьму за руку!» Какъ возьметъ Господь дьявола за руку, — «ой, ой, ой! я буду тебѣ хоть меньшей братъ!» все, видишь въ братья лѣзтъ. «Лѣзь же ты, меньшей братъ въ море, достань земли гореть: давай землю засѣвать.» Они приблизились къ кургану, а кругомъ все море стояло. Полѣзъ дьяволъ въ море, схватилъ земли гореть, да не вытащилъ—всю размыло! Разъ слѣзъ, другой, третій слѣзъ... въ четвертый полѣзъ. «Братъ, говоритъ Господь, скажи: Господи Иисусъ Христосъ!» Сказалъ дьяволъ: Господи Иисусъ Христосъ! нырнулъ въ море и вытащилъ земли въ горсти, съ маковыхъ два зерна. «Лѣзь же еще, этой земли мало!»—Постой-же, говоритъ самъ себѣ дьяволъ, а зашлаю себѣ за щеку земли: что Господь будетъ дѣлать, я себѣ тоже сдѣлаю. Взялъ Господь перекрестился, кинулъ землю на три стороны: сдѣлались по взморью луга, лѣса, рощи... ровна! «Господи, а что-жъ за мои труды, какое будетъ угоженіе»... (*).

По поводу творенія міра изъ камня и песку, г. Буслаевъ сближаетъ народную легенду съ слѣдующей колядкой карпатскихъ русиновъ, которая указываетъ по его мнѣнію на связь приведеннаго преданія съ древнимъ мифологическимъ эпосомъ. Вотъ эта колядка, приведенная г. Костомаровымъ въ его книгѣ о русской народной поэзіи:

Колись то було зъ початку свѣта,
 Подуй же, подуй Господи, за Духомъ святымъ по землѣ!
 втоды не було неба ни землі,
 неба ни земли, нимъ сине море,
 а середь моря та два дубойки:
 сѣли-упали два голубойці,
 два голубойци на два дубойки,
 почали собѣ раду радити,
 раду радити и гуркотати:
 якъ мы маемо свѣтъ основати?
 спустиме мы ся на дно до моря:
 вынеме си дрібного піску,
 дрібного піску, синѣго каменьце,
 дрібный писочокъ посѣме мы

(*) *Аванас.*, Легенды, стр. 51—52.

снѣій каминьць подунеме мы.
 Зъ дрибногo пѣску—чорна землиця,
 студена водиця, зелена травиця;
 зъ снѣгo каминьця—снѣвее небо,
 снѣвее небо, свѣтле сонейко,
 свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ,
 ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки» (*).

Что бы ни означали эти два дуба (можетъ быть случайно попавшіе въ пѣсню) и голуби, колядка имѣетъ большое сходство съ нашимъ разсказомъ: точно также въ началѣ міра предполагается одно огромное море, изъ песку и камней создается цѣлый міръ. При всемъ томъ карпатская пѣсня не совсѣмъ объясняетъ нашъ памятникъ. Существенная черта послѣдняго заключается въ двойственномъ началѣ, на которомъ основано твореніе; этотъ мотивъ вѣрно сохраненъ и въ указанныхъ народныхъ легендахъ, которыя точно также даютъ злomu духу участіе въ твореніи или стремленіе въ немъ участвовать.

Мы приведемъ еще два образца народныхъ сказаній, которыя также вертятся на этомъ общемъ сюжетѣ. Одна карпато-русская сказка разсказываетъ о сотвореніи міра такъ: въ началѣ было только небо да море; по морю плавалъ Богъ въ лодкѣ, и встрѣтилъ огромную и пустую пѣну, въ которой находился чортъ. «Кто ты?» спросилъ его Богъ.—«Возьми меня къ себѣ въ лодку, тогда скажу.»—«Ну ступай!» сказалъ Богъ, и въ слѣдъ за тѣмъ послышался отвѣтъ: «я чортъ». Молча поплыли они далѣе. Чортъ началъ говорить: «Хорошо какъ-бы была твердая земля, и намъ было-бы гдѣ отдохнуть». «Будетъ!» отвѣчалъ Богъ, «опустись на дно морское, набери тамъ, во имя мое, горсть песку и принеси, я изъ него сдѣлаю землю». Чортъ опутился и набралъ песку въ обѣ горсти, примолвивъ: «беру тебя во имя мое!» Но когда онъ вышелъ на поверхность воды, въ горстяхъ не осталось ни зернышка. Онъ погрузился снова и набралъ песку въ горсти, сказавъ: «беру тебя во имя его!», и когда возвратился, песку у него осталось только за ногтями. Богъ взялъ этотъ песокъ, посыпалъ по водѣ, и изъ него сдѣлалась земля ни больше, ни меньше, какъ сколько нужно было, чтобъ имъ обонимъ

(*) Буслаевъ, Очерки 1, стр.148—149.

улежся. Они легли рядомъ на землю. Богъ къ востоку, а чортъ къ западу. Когда чорту показалось, что Богъ уснулъ, онъ сталъ толкать его, чтобы онъ упалъ въ море и погибнулъ; но земля далеко расширилась къ востоку. Увидавъ это, дьяволъ началъ толкать Бога къ западу, а потомъ къ югу и къ сѣверу: во всё эти стороны, куда онъ толкалъ его, земля раздавалась широко и далеко. Потомъ Богъ всталъ и пошелъ на небо, а чортъ по пятамъ за нимъ. Тутъ Богъ кивнулъ громовнику Ильѣ, и тотъ началъ гремѣть и блистать, и громомъ сразилъ чорта съ неба внизъ... Въ другой, сербской сказкѣ чортъ украдъ съ неба солнце и убѣжалъ съ нимъ на землю; тамъ онъ воткнулъ его на копьѣ и носилъ съ собою на плечахъ. И послалъ Богъ ангела своего на землю отнять солнце у чорта. Ангелъ присосѣдился къ чорту и всюду ходилъ съ нимъ; наконецъ, они пришли къ морю. Тутъ чортъ бросилъ копьѣ съ солнцемъ на берегу, и они пошли вмѣстѣ купаться. Во время купанья ангелъ сказалъ: «станемъ нырять, кто глубже». Чортъ отвѣчалъ: «опустись ты»; ангелъ опустился на самое дно, и, въ доказательство того, принесъ въ зубахъ морскаго песку. Пришла очередь нырять чорту. Но онъ боялся, чтобы тѣмъ временемъ ангелъ не унесъ у него солнца; онъ плюнулъ на землю, и изъ слюны его сдѣлалась сорока, которой чортъ приказалъ стеречь солнце, покажѣтъ онъ не вернется. Когда чортъ опустился въ море, ангелъ сдѣлалъ рукою надъ моремъ крестное знаменіе и море замерло толщиной въ девять локтей. Потомъ онъ схватилъ солнце и убѣжалъ съ нимъ на небо, и въ это самое время начала кричать сорока. Чортъ, услышавъ крикъ сороки, спѣшилъ вернуться назадъ, но, видя, что ему не пробраться сквозь ледъ, снова пошелъ на дно морское, досталъ большой камень, пробилъ имъ ледъ и пустился догонять ангела.

По объясненіямъ Эрбена(*), на которыя ссылается г. Буслаевъ, объ эти сказки несомнѣнно будто бы указываютъ на древній славянскій мифъ о борьбѣ Бѣлаго и Чернаго бога, Солнца и Зимы: въ первой сказкѣ подъ Богомъ просто слѣдуетъ разумѣть солнце, которое съ начала, именно зимою, во время солнцеворота, являясь низко на небосклонѣ, такъ сказать, плаваетъ по снѣгу (въ сказкѣ по морю); и одинаково съ зимою (олицетворенною въ видѣ чорта) идетъ далѣе, возносится выше, разогрѣваетъ снѣга и выводитъ наружу, творить землю; а по-

(*) Русск. Бѣседа, 1857, № 4.

томъ, достигнувъ известной высоты, приводитъ время грозы, окончательно уничтожающее зиму. Въ сербской сказкѣ Эрбенъ видитъ то же самое; только сказка отстываетъ отъ естественнаго порядка въ томъ, что «чортъ и солнце взаимно обмѣнялись свойствами» (?), на томъ основаніи, что въ природѣ зима (чортъ) производитъ ледъ, а солнце, поднимаясь выше на небо, уничтожаетъ его своими лучами. Вся исторія по Эрбену сводится такимъ образомъ къ олицетворенію лѣта и зимы, дня и ночи. Мы думаемъ, что читатель замѣтитъ самъ произвольность этихъ мифологическихъ толкованій.

Всѣ эти памятники, не разъ указанные нашими мифологами, по нашему мнѣнію еще не рѣшаютъ достаточно вопроса: откуда взялось это *дуалистическая* воззрѣніе, принадлежитъ-ли оно коренному народному мѣу? Намъ еще не разъ придется встрѣтить въ нашихъ старыхъ памятникахъ и преданьяхъ слѣды этого своеобразнаго воззрѣнія, и потому мы остановимся нѣсколько на его объясненіи.

Гриммъ, начиная въ своей мифологіи изслѣдованіе о бѣсѣ, находитъ прежде всего, что представленіе о зломъ духѣ, которое бросило потомъ такіе глубокіе корни въ народныхъ вѣрованіяхъ, было чуждо нѣмецкому язычеству. Онъ находитъ вообще, что дуализмъ, создающій двѣ высшія силы, независимыя одна отъ другой—если онъ не коренится въ исконной глубинѣ мифологической системы (какъ въ Зендской),—бываетъ результатомъ уже болѣе позднѣйшей отвлеченной мысли; что онъ не сроденъ непосредственной, чувственной мифологіи, развивающейся въ широкой средѣ; что поэтому его не знаютъ ни греческіе, ни нѣмецкіе мѣи. Это простое, но очень важное замѣчаніе по нашему мнѣнію вполне прилагается и къ народной мифологіи древней Руси: она не знаетъ различія добрыхъ и злыхъ духовъ, — и если это различіе является потомъ въ народныхъ преданіяхъ, то вовсе не составляетъ въ нихъ кореннаго явленія. Правда, мы знаемъ изъ исторіи Бѣлаго и Чернаго бога балтійскихъ Славянъ, но Гриммъ справедливо сомнѣвается въ первобытности этого дуалистическаго дѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ древнихъ свидѣтельствъ о божествахъ стараго русскаго язычества не говоритъ ни о чемъ подобномъ существованію двухъ высшихъ, враждебныхъ силъ, которыя бы дѣлили между собой природу. Въ словахъ лѣтописцевъ, проповѣдниковъ, восставшихъ противъ идольскихъ жертвъ, нельзя найти никакого основанія, которое бы могло подтверждать существованіе вполне развитой системы дуализма. При распространеніи христіанства, всѣ языческія божества

ства и былъ одинокую» участь; въ понятіяхъ массы они отступили сначала на второй планъ, потомъ мало-по-малу получили значеніе бѣсовъ и злыхъ идиоловъ. Древніе волхвы говорили, по словамъ Гёттшица, что они вѣрятъ «Антихристу», сидящему въ безднѣ, что боги ихъ живутъ «въ безднѣ, суть же образомъ черни, и крылати, и хвосты внище, — въсходить же и водъ небо, слушающе нашихъ боговъ,» но ясно, какъ слѣдуетъ понимать извѣстіе Гёттшица, который этии словами выразилъ не столько ученіе волхвовъ, сколько свое личное понятіе объ этомъ ученіи.

Противоположность двухъ началъ могла однако проявиться и въ нашей, какъ и въ гѣменкой мифологіи, когда эта противоположность извлекалась изъ самой природы, рождавшей контрастическіе мифы, напр. изъ дня и ночи, весны и осени, гѣта и зима и т. п. Но эта двойственность никогда не достигала того рѣзкаго дуализма, съ какимъ является понятіе о злыхъ и добрыхъ духахъ, принесенное въ первый разъ введеніемъ христіанства.

Съ этой точки зрѣнія нашъ апокрифическій памятникъ можетъ не имѣть никакой связи съ древнимъ мифологическимъ эпосомъ. Если море Тиверіадское, съ котораго начинается твореніе по нашему памятнику, и дѣйствительно было взято съ древняго мифическаго моря, упомянутаго въ карпатской пѣснѣ, то смыслъ памятника тѣмъ не менѣе могъ сильно измѣниться и сохранить съ древностью связь чисто внѣшнюю: на первомъ планѣ стоитъ твореніе міра двумя различными силами. Но съ другой стороны преданье не можетъ быть вполне объяснено и влияніемъ чисто христіанскихъ понятій, потому что въ библейскомъ разказѣ, который могъ въ этойъ случаѣ руководить фантазіей народа, злой духъ является вполне отверженнымъ: онъ вовсе не имѣетъ въ исторіи творенія той роли, какую приписываютъ ему преданья. Очевидно, что въ вхъ образованіи участвовалъ иной порядокъ идей, болѣе развитыи отношенія двухъ высшихъ силъ, управляющихъ человѣкомъ.

Понятіе о добромъ и зломъ началѣ, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно является въ нашемъ памятникѣ, дѣйствительно принадлежитъ уже поздней эпохѣ (*). Не входя въ подробности, замѣтимъ, что въ средніе вѣка первоначальное понятіе о зломъ духѣ получило особенное развитіе и постепенно складывалось въ болѣе и болѣе опредѣленныи

(*) См. Grimm, Mythologie, стр. 937.

черты, характеръ которыхъ зависѣлъ отъ степени религіознаго пониманія; фантазія народа и духовныхъ писателей не остановилась на томъ значеніи злыхъ духовъ, которое было указано первыми христіанствомъ; она старалась дополнить мрачный образъ злаго духа, прозвонившаго сильное впечатлѣніе на умы, и легенда произвела цѣлый рядъ разнообразныхъ типовъ злаго духа отъ ужаснаго до комическаго. Въ то время, когда составлялась наша Палея, уже развился мифъ о блестящемъ ангелѣ Сатаналѣ (Денница, Lucifer), который, прельстившись красотой творенія и видя землю пустую и не населенную, задумалъ обладать «поднебесной», завладѣть землею и поставить престолъ на облакахъ: онъ сверженъ былъ за свою гордость, названъ сатаной, и мѣсто его отдано было Михаилу (*). Особенное развитіе идеи злаго духа до полнаго дуализма было принесено, кажется, съ востока изъ тѣхъ многочисленныхъ ересей, которыя, начавъ съ первыхъ вѣковъ христіанства, вводили церковь враждебными ей ученіями и мифами. Восточныя ереси въ первый разъ стали говорить о зломъ началѣ, какъ самобытномъ и равносильномъ божественному началу; на основаніи этого понятія они создали собственную исторію творенія, въ которой злому духу дано было положительное участіе въ судьбѣ міра и человѣка. Эти ереси не одинъ разъ проникали и въ Европу и приобрѣтали въ ней великую силу; такъ распространилось съ начала аріанство; такъ, съ X вѣка, по всей южной Европѣ разлилась новоманихейская ересь, именно съ тѣмъ фантастическимъ ученіемъ о зломъ духѣ, которое мы указали. Подъ разными названіями — Павліанъ, Богомиловъ, Катаровъ, Патареновъ, Альбигойцевъ—эта ересь господствовала въ Арменіи, Византіи, Болгаріи, Сѣверной Италіи, Южной Франціи и т. д. Вскорѣ по своемъ появленіи она навлекла на себя горячія преслѣдованія и церкви, и государства, но тѣмъ не менѣе долго держалась и дѣйствовала на умы; во Франціи она пала только подъ страшными ударами альбигойской войны.

Особенный успѣхъ ново-манихейская ересь имѣла въ славянско-Болгаріи. Ея послѣдователи извѣстны были тамъ подъ народнымъ именемъ *бегомиловъ*, и были ревностными агитаторами: они находили много прозелитовъ дома, отъ нихъ шли еретическія книги къ западнымъ катарамъ; они имѣли своихъ писателей. Южнославянская литература, только что начинавшаяся, уже должна была защищать

(*) Румянцовская Палея, 1494 г., л. 12.

перковь отъ этого врага. Ея обличенія уцѣляли отчасти и въ нашихъ рукописяхъ и сохранили для исторіи содержаніе догматовъ богомильства, затронувшаго въ своей пропагандѣ и древнюю Русь. При тѣхъ частыхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ, которыя древняя Русь поддерживала съ Болгаріей и болгарскою церковью, при томъ множествѣ памятниковъ церковныхъ, литературныхъ и апокрифическихъ, которые перешли къ намъ отъ южныхъ славянъ, очень естественно ожидать, что древняя Русь ознакомилась и съ ученіемъ Богомиловъ и съ его оригинальными мнѣніями. Наша старая письменность до послѣдняго времени помнила богомиловъ и интересовалась ими: въ рукописяхъ уцѣлили обличенія богомиловъ, составленныя болгарскими пресвитерами *Козьмой*, въ первый вѣкъ болгарской письменности; въ нашихъ Коричкахъ и сборникахъ до послѣдняго времени почиталась статья мнѣха Аонасія, осуждавшая апокрифическія преданія, и между прочими книги *Еремея* пресвитера о Троицѣ и крестномъ древѣ; русская Коричка XV—XVI вѣка довольно опредѣленно излагаетъ всѣ пункты богомильскаго ученія; наконецъ статья о ложныхъ книгахъ, съ особеннымъ удареніемъ возстаетъ противъ того же болгарскаго попа Іеремія, богомила, *составшаго* разныя басни о предметахъ христіанскаго вѣрованія. Память болгарскаго еретичества и апокрифовъ осталась и до XVI—XVII вѣка, когда переводчикъ или переписчикъ сочиненій Дамаскина жаловался, что въ его время мнѣные учителя народа больше «въ болгарскіе басни, або паче въ бабскіе бредни упражняются», чѣмъ наслаждаются разумомъ истинныхъ учителей (*).

Авторъ «Разсужденія о ересьхъ и расколахъ» не сомнѣвается въ томъ, что богомилы жили и дѣйствовали въ русской землѣ, и первыхъ еретиковъ, какіе появлялись въ русской церкви въ XI—XII столѣтіи, именно Адриана и Дмитра, онъ считаетъ послѣдователями богомильской ереси (стр. 37).

Въ послѣдующемъ разборѣ апокрифическихъ и ложныхъ книгъ, мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что нѣкоторые изъ книгъ, навлекавшихъ осужденіе и проклятіе на болгарскаго богомила Іеремію, еще сохранились или въ старыхъ рукописяхъ, или даже въ народныхъ повѣрьяхъ, которыя черезъ сотни лѣтъ перевесли древнее еретическое суевѣріе. Къ числу памятниковъ древняго богомильства мы относимъ и рассказанное въ «Свиткѣ» преданіе о двойственномъ сотвореніи міра.

(*) Румянц. Муз. № 193.

Богомилское учение самыми основаніями своими расходится съ христіанствомъ; оно признавало Троицу, но понимало ее не правильно и совершенно извращало христіанскіе догматы о воплощеніи, о земной жизни Спасителя и т. д. Корень ереси заключался во взглядѣ на ветхій заветъ: богомилы отвергали ветхій заветъ, какъ порожденіе злаго начала, не вѣрили книгамъ Моисея и другихъ пророковъ, думая, что до пришествія Спасителя люди повиновались злему духу, ему поклонялись и отъ него получали законъ. Царство Бога на землѣ начиналось по ихъ мнѣнію только съ пришествія Спасителя.

Признавая два начала, изъ которыхъ произошелъ міръ, богомилы совершенно по своему рассказывали исторію сотворенія міра и человѣка. Они утверждали, что могущественный духъ, котораго Спаситель называлъ сатаной, самъ былъ сыномъ Бога Отца и назывался Сатаналомъ; сверженный съ неба за свои гордыя покушенія, онъ сохранилъ силу творчества, но «не могъ удержаться въ водахъ» (*), и уже послѣ того какъ Богъ въ началѣ создалъ небо и землю, онъ съ своими ангелами рѣшился создать второе небо и другую землю и затѣмъ всю тварь, которая землю наполняетъ. Онъ сдѣлалъ по тому тѣло человѣка, смѣшавши землю съ водою, но не могъ вдохнуть въ него души: онъ дунулъ было въ Адама, но духъ его прѣшелъ сквозь тѣло и вылетѣлъ черезъ правую ногу и перешелъ въ змѣю, которая отъ того стала мудрою между животными. Тогда Сатаналъ, увидѣвъ, что трудится напрасну, просилъ Бога вдохнуть душу въ человѣка и обѣщалъ, что живой человѣкъ будетъ принадлежать одинаково имъ обоимъ. Но въ послѣдствіи Сатаналъ всегда стремился завладѣть людьми: онъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ и люди безраздѣльно были во власти его во всеи ветхомъ заветѣ. Родъ человѣческій спасенъ былъ отъ власти дьявола только Иисусомъ Христомъ, который побѣдилъ Сатанала, заключилъ его въ безднахъ ада и назвалъ его сатаной.

Намъ могутъ возражать, что въ нашемъ памятникѣ этотъ богомилскій дуализмъ далеко не имѣетъ ни опредѣленной формы, ни послѣдовательнаго развитія. Это правда; но иначе и быть не могло съ преданьями, изъшедшими источникъ чисто еретическій. Нѣтъ сомнѣнія, что позднѣйшая редакція нашего «Свитка» должна была много потерять точности въ рассказѣ преданья; достаточно сравнить его съ на-

(*) Рассказъ Квеміна Зигадена.

родными легендами, которая произошла конечно отъ него, т. е. отъ письменнаго извѣстнаго того же рода, — чтобы видѣть, какъ легко перекладываются и мѣняются мелкія подробности и аксессуары. Но, обративъ вниманіе на сущность преданья, мы увидимъ въ немъ замѣтательное сходство съ ученіемъ богомилловъ о твореніи и если между ними остается еще разница, то она легко объясняется самой исторіей богомилскаго мнѣя: извѣстно во-первыхъ, что у самихъ богомилловъ преданье не получило законченной, догматической формы и въ разныхъ мѣстахъ и разными лицами оно передавалось съ различными вариантами; даже, Евоній Згаденъ (*), писавшій о нихъ въ началѣ XII вѣка, и пресвитеръ Козьма (**), изъ которыхъ мы знаемъ влѣкшіе богомилскаго мнѣя, обращали вниманіе только на существенныя черты ереси и гораздо больше заботились о должномъ облеченіи зловѣрія, чѣмъ о подробномъ сборѣ еретическихъ вѣрованій; такъ что во немъ еще трудно судить, въ какой формѣ ходили эти преданья въ народѣ, — потому что богомилская ересь была народною въ Болгаріи. Наконецъ наши изложенія въ «Сказаніи» и въ «Святѣ» оба относятся къ весьма поздней эпохѣ, когда они по необходимости потеряли первоначальную свѣжесть и точность преданья и быть можетъ отбросили уже изъ него многое, въ чемъ ересь была слишкомъ замѣтна.

Наши редакціи не ясно говорятъ о томъ, какимъ образомъ Сатаналъ палъ, какъ явилась у него мысль участвовать въ твореніи; но они знаютъ, что его преждее имя было Сатаналъ, что онъ потерялъ окончаніе этого имени, когда былъ побѣжденъ прішестіемъ Спасителя. Дьяволъ точно также подражаетъ Богу въ твореніи, онъ раздѣляетъ съ Богомъ власть надъ первымъ человекомъ и даетъ ему его болѣзнь. Когда Адамъ въ первый разъ начинаетъ пахать землю, дьяволъ вступаетъ за нее какъ за свою собственность (у богомилловъ, она была его созданіе). Наконецъ, злой духъ во всемъ разсказѣ сохраняетъ полную свободу своихъ дѣйствій. Мы приводимъ въ примѣчаніи (***) разсказъ о Сатаналѣ, взятый нами изъ Румянц. Палеи

(*) *Giesler*, Euth. Zygadani narratio de Bogomilis. Gotting: 1841.

(**) *K. Sakotinski*, Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, т. IV, стр. 69—97.

(***) Въ Палеѣ 1494 года. Румянц. музея, на листѣ 12 обор., находится слѣдующій разсказъ:

О Сатаналѣ.

В сін убо день единъ отъ ангелъ наричаемыи Сатаналъ, иже убо бѣ старѣшиша 10-му чину, видѣти (sic) яко украси Богъ творѣ ту, о немъ же

и послуживший во многих случаях источником для нашего сказанія. Но сличивши два разказа, читатель тотчас увидитъ ихъ разницу: Палая, хотя также апокрифическая въ этотъ случай, далеко не имѣетъ тѣхъ подробностей, какія переданы въ нашемъ новомъ сказаніи, — а главное, Сатаналъ вовсе не имѣетъ въ ней того особеннаго, независимаго характера, который дается ему въ «Свиткѣ» и которымъ, по нашему мнѣнію, наше сказаніе сближается съ южно-славянскими преданіями богомиловъ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ подробностяхъ нашего сказанія. Мы видѣли, что по его словамъ древо, отъ котораго Адамъ и Ева вкусили и впали въ грѣхъ, было древо *виноградное*. Это преданіе находится и въ повѣсти о горѣ-злочастіи, которая говоритъ въ началѣ, что когда Богъ сотворилъ Адама и Еву, то

«далъ имъ заповѣдь божественную,
не повелѣлъ вкушать *плода винограднаго*
отъ едемскаго дерева великаго».

рекохоми, в землю, и развеличися гръ достью и рече въ помыслѣ своемъ: коль красная поднебесная си, но не вижу живущаго на ней, — да прииду на землю и прииму землю, и обладаю ею и буду яко Богъ, и поставлю престоулъ мой на облацѣхъ.

И ту абіе съврже ѿ Господь съ небеси за грѣдость помысла его. По немъ же спадоша иже бѣаше подъ нимъ чинъ 10-ти, яко пѣсокъ просушася съ небеси, и проразиса въ преисподняя; друзіи же ихъ на земли бы...
.....ся повеси архангельскы гласъ.

Архистратигъ Михаилъ, сы началникъ и воевода силы Господня, иногочину силъ старешина, виде отступника съпада съ чиномъ 10 своимъ, и звучнымъ гласомъ, крѣпкы и страшныи и рече: вонемъ, гласомъ силы всѣхъ похвалимъ истиннаго Бога...

Слышавши же дѣмони гласъ архаангела Михаила, и абіе повешени быша на аере, прѣви, иже ты спадши дѣмоны, въпреразиша въ преисподняя, и суть яко и гусы, и ти оттоле не свѣдятъ ничтоже въ мирѣ; а еже отъ нихъ на земли падша, то... ходяща (по) земли съ своими прелестями; послѣдняя же ихъ устави архаангельскыи гласъ по аеру, и ти убо висѣ(ти) и что могуще пакость творити, творять тое.

Се же убо Сатана старей бѣ въ чину, иже бе подъ нимъ, приставникъ бе земному чину, и земли блюденіе приемъ, и отъ Бога естъствомъ не лукавъ бѣ испрѣва, но благъ сы...

Въ него же мѣсто постави Господь старешину Михаила, спадши же чинъ нарекоша; дѣмоны отъ нихъ же Господь отъятъ славу и честь и свѣтлость, бывшую на небесѣхъ прежде, и преложи я въ духъ темень, и по воздуху облѣтати имъ повеле. Спадшаго же мѣсто чина 10-го, умысли Богъ створити человека, — да свѣтлость и вѣнецъ спадшихъ предати имаеть Богъ правовѣрнымъ...

*

Въ недавнѣйшее время, повѣрье о томъ, что виноградное дерево было причиною паденія Адамова, — стало общезвѣстнымъ народнымъ преданіемъ; его принимали за несомнѣнный фактъ и придавали ему поучительный смыслъ. Г. Буслаевъ указываетъ, что это повѣрье извѣстно было нашимъ предкамъ еще въ XVI столѣтіи, какъ можно видѣть изъ одной миниатюры въ Синод. спискѣ Козьмы Индиконлова (писанномъ въ 1542 году), гдѣ на полѣ миниатюры написаны приведенные стихи объ Адамѣ (*). Но древность преданья восходитъ еще далѣе и опять связывается съ исторіей богомильскаго ученія. Въ древнихъ Коричихъ очень часто встрѣчается обыкновенно статья, подъ именемъ «Написанія Аванасія мнѣха іерусалимскаго къ Панкову», предметомъ котораго было именно древо познанія добра и зла. Этотъ Панко держался лживыхъ мнѣній о древѣ спасеннаго креста, и о другихъ вещахъ, которыя обличала потомъ наша статья о ложныхъ книгахъ. Точно также ложно говорилъ онъ о райскомъ древѣ добра и зла, и Аванасій прямо съ этого начинается свое посланіе (**): «сказали мнѣ нѣкоторые люди, что ты многихъ учишь о разумномъ древѣ добра и зла, отъ котораго Богъ возбранилъ вкушать Адаму, — и говоришь, что это былъ виноградъ». Аванасій прямо обличаетъ его тѣмъ, что по писанію Евва увидала древо красное виднѣиємъ и доброе въ снѣдъ, — «а какую красоту имѣеть виноградный гроздь?» и проч. Въ концѣ статьи Аванасій предостерегаетъ его отъ писаній попа Іереміа, изъ которыхъ Панко извлекалъ свое ложное ученіе. Быть можетъ, что имѣе о виноградномъ плодѣ также принадлежалъ къ баснямъ Іереміа болгарскаго и если не былъ прямой принадлежностью его ереси, то могъ вмѣстѣ съ ея мнѣніями войти въ народное южнославянское преданіе.

Источникомъ преданья могъ быть не только не русскій, но и не южнославянскій. Библейскія преданія Арабовъ, перенятая почти всегда у Евреевъ, рассказываютъ иначе о райскомъ виноградѣ: самъ Богъ далъ вкусить его Адаму и онъ впаде отъ этого въ глубокій сонъ, во время котораго создана была Евва.

Такимъ же чужимъ было преданье о томъ, какимъ образомъ сатана, которому запрещенъ былъ входъ въ рай, проникъ въ него; ве-

(*) Очерки, 1, стр. 617.

(**) Мы напечатала это любопытное посланіе, какъ матеріалъ для исторіи ложныхъ книгъ, Памяти. стр. 84.

дѣвши змѣю поглотить себя и потомъ извергнувшись изъ него, когда змѣй прошелъ въ райскія жилища (*).

Преданье о рукописаніи, которое далъ Адамъ бѣсу, находится и въ разсказѣ «объ исповѣданіи Евыи» въ Румянц. рукописи № 358. Статья представляетъ въ началѣ легкую вариацию библейскаго разсказа, къ которой прибавляются дальнѣе апокрифическія подробности: Адамъ плачетъ о потерѣ рая слѣдующими стихами:

Раю мой, раю, прекрасный рѣю,
Красота неизреченная,
Меня ради сотворень еси,
А Евы ради затворень еси,
Милостиве помилуй мя.

Съ этимъ началомъ до сихъ поръ извѣстны въ народѣ стихи, описывающіе грѣхъ и раскаяніе Адама (**). Быть можетъ стихъ старѣе и этого списка XV вѣка, гдѣ указываютъ его древнѣйшій слѣдъ. Румянцовская Палея 1494 года, представляющая весьма старыя памятники нашей литературы, въ томъ же родѣ говоритъ съ Адамовомъ плачѣ: «и плакася Адаамъ горцѣ глаголя: раю пресвятый,—иже мене ради насажденъ, а Евы ради затворень»... (л. 32 на обор.).

И за тѣмъ для своего пропитанія Адамъ проситъ у Бога райскаго благоуханія: Богъ посылаетъ ему оимьянъ, ливанъ и ладанъ—извѣстное древне-христіанское преданіе, которое между прочимъ упоминается (и подробнѣе чѣмъ у насъ) въ древней эоіопской книгѣ «о битвѣ Адама и Евы» (противъ сатаны), переведенной въ энциклопедіи аббата Миня (***).

«Исповѣданіе» Румянц. сборника представляетъ разсказъ отъ лица самой Евы дѣтямъ о грѣхопадѣніи и изгнаніи изъ рая; но повидимому въ немъ соединены двѣ различныя статьи, потому что въ среднѣ, послѣ разсказа о рукописаньи, сказано: «а инде писано во святомъ писаньи» и снова говорится о рукописаньи. Въ заключеніе статья описываетъ покаяніе Адама и Евы и болѣзнь Адама; статья оканчивается смертью первыхъ людей. Для совершенія покаянія Адамъ

(*) См. у Вейля, Bibl. *Legenden der Muselmänner*, и *Migne*, Di. ct. des *Apostrophes*.

(**) *Варенцова*, Сборникъ дух. стиховъ, стр. 40—45.

(***) *Migne*, Diction. 1, 308.

поставить Евву въ рѣку Тигръ, а самъ стоялъ во Иорданѣ и такъ они постылись до сорока дней; бѣсъ соблазнилъ опять Евву, приходя къ ней въ образѣ ангела, потомъ въ видѣ Адама и убѣждалъ выйти изъ рѣки. Но Адамъ предупреждалъ ее объ искушеніи, и она не поддавалась ему. Тогда Богъ освободилъ ихъ отъ діавола, и они поселились въ землѣ Мадіанской. Это преданіе также принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя уже въ первыя времена были извѣстны на христіанскомъ востокѣ и, не получивши одной неизмѣнной редакціи, сохранились въ книгахъ и изустныхъ преданіяхъ. Чтобы показать степень ихъ извѣстности, замѣтимъ напр., что этотъ разсказъ съ нѣкоторыми вариантами находится и въ упомянутой нами эіопской книгѣ (*). Источникомъ нашего сказанія были, конечно, византійскіе памятники.

Наконецъ Адамъ почувствовалъ болѣзнь и приближеніе смерти: чтобы успокоить его болѣзнь, Сноѣ рѣшился идти въ рай и принести ему вѣтвь отъ райскаго. Евва сопровождала сына; когда они приближались къ раю, лютый звѣрь Горгоніѣ не хотѣлъ пропустить ихъ, но Сноѣ заклаялъ его; они пришли къ раю, и ангелъ далъ ему вѣтвь... Адамъ узналъ его, извилъ себѣ вѣнецъ изъ вѣтви, и рука Господня приняла его душу... Когда Адамъ былъ погребенъ, изъ вѣнца выросло дерево: на немъ распять былъ потомъ Спаситель...

«Странствованіе Сноа въ земной рай» было мисомъ общезвѣстнымъ на востокѣ и на западѣ и одной изъ любимыхъ легендъ въ средніе вѣка (**). Западныя легенды развили гораздо обширнѣе эту тему и сдѣлали изъ нея цѣлую длинную исторію; главные ея пункты переданы и въ русскомъ памятникѣ, списокъ котораго находится въ Румянц. Сборникѣ XVII вѣка, № 380, гдѣ помѣщено сначала разсказанное нами «исповѣданіе» Еввы, а потомъ прибавлена (изъ другаго памятника) исторія трехъ деревьевъ, на которыхъ были распяты Спаситель и два разбойника. Мы возвратимся къ нимъ впоследствии.

Мѣстомъ смерти Адамовой наша Палея назначаетъ островъ Аулисъ; по другимъ апокрифическимъ извѣстіямъ, этотъ островъ былъ также и мѣстомъ, на которомъ Ной строилъ ковчегъ (***). Это одно изъ множества подобныхъ сближеній, какія очень любилъ дѣлать въ старину, тѣмъ больше, что они легко придумывались.

(*) *Migne*, тамъ же, стр. 309—310.

(**) *Migne*, тамъ же, стр. 387—390. *Fabricii, Vet. Test.* 1, стр. 81.

(***) Румянц. сборникъ № 367, л. 57 обор.

Мы не упомянули еще о томъ, какъ преданья рассказывали о Каинѣ и Авелѣ. Несторъ, въ известной проповѣди греческаго миссіонера, котораго онъ заставляетъ говорить съ Владиміромъ, уже воспользовался апокрифическимъ рассказомъ, который представляла славянская Палея. Сатана вошелъ въ Каина и подстрекалъ его убить своего брата; они вышли въ поле и Каинъ не зналъ, какъ совершить убійство.

«И рече ему Сатона: «возми камень и удари ѱ» Воземъ камень и уби ѱ...»

«Адамъ же и Евга плачущася бѣста, и дьяволъ радовашеся, рѣка: «се, его же Богъ почти, азъ створихъ ему отпастн Бога, и се нынѣ плачь ему налѣзоухъ». И плакастася по Авели лѣтъ 30, и не съгни тѣло его, и не умѣста его погresti. И повелѣнемъ Божиимъ птенца 2 прилетѣста, единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго и погребе ѱ. Видѣвша же се Адамъ и Евга, ископаста яму и вложиста Авели, и погребоста съ плачемъ» (*).

Прямимъ источникомъ этого преданья была для нашего лѣтописца уже названная нами Палея, которая такимъ образомъ съ первыхъ временъ нашей письменности принесла съ собою апокрифическіе мѣфы. Тѣже мѣфы старинный читатель встрѣчалъ въ другихъ уважаемыхъ книгахъ и привыкалъ имъ вѣрить. Въ числѣ вопросовъ Аванасія Александрійскаго, писанныхъ къ князю Антиоху, и уже давно у насъ переведенныхъ, находится между прочимъ вопросъ: «Никому же еще не умрѣшу, откудѣ навикну Каинъ убити Авели? Діаволъ ему во сиѣ показа, кимъ образомъ умрѣтвити брата своего» (**). Въ старинныхъ «Бесѣдахъ» вставлено много вопросовъ этого рода, взятыхъ изъ сказанной нами апокрифической исторіи перваго человѣка, и эти вопросы, обращавшіе вниманіе на то, что было или казалось особенно эффектно и занимательно, получили огромную популярность между старинными грамотѣями. Отъ нихъ они по прямому наслѣдству перешли къ новымъ грамотникамъ и начетчикамъ, которые остались вѣрны «старымъ» книгамъ.

Преданья, которыя принесла въ русскую письменность Палея, принадлежали къ числу весьма древнихъ еврейскихъ мѣфовъ, которые въ позднѣйшую эпоху были собраны изъ воспоминаній народа и настав-

(*) Лѣтопись (изд. Арх. Комм.), 1, стр. 38.

(**) Румянц. рукопись № 435, листъ 364.

лений талмудистовъ, Съ распространеніемъ христіанства они вышли изъ своей прежде ограниченной сферы и нашли большой успѣхъ въ литературѣ среднихъ вѣковъ, которая принимала ихъ безъ дальнейшей критики. Талмудъ и библейскія преданья арабовъ—мусульманъ рассказываютъ совершенно сходно съ нашей исторіей, что когда Адамъ и Ева оплакивали Авеля и не знали, какъ похоронить его, тогда воронъ рѣшился научить ихъ: онъ убилъ другаго ворона вырылъ клювомъ яму и спряталъ тамъ убитаго. Еврейское преданье прибавляетъ, что Богъ вознаградилъ за это ворона тѣмъ, между прочимъ, что съ тѣхъ поръ всегда дождь идетъ, когда кричатъ о немъ вороны (*).

Продолженіе библейской исторіи въ Палеѣ постоянно перемежается съ апокрифическими подробностями. Она рассказываетъ и исторію о путешествіи Сноа въ рай, но рассказываетъ съ совершенно новыми подробностями, чѣмъ тѣ, которыя мы видѣли въ «исповѣданіи Евы». По ея разсказу, большой Адамъ посылаетъ Сноа въ рай за «масломъ отъ древа милванія», и когда Сноа пришелъ къ вратамъ Эдемскимъ, явился къ нему архангелъ Михаилъ, который предсказъ ему пришествіе Спасителя, который будетъ «олеемъ (т. е. елеемъ) милванія» для Адама и всѣхъ дѣтей его.

Адамъ жилъ во островѣ Аууліа, но по смерти его ангелы взяли его тѣло и погребли *посреди земли* въ Иерусалимѣ, «идѣже распяна Господа, еже ся наричають лобное мѣсто, еврейскы Голгофа» (**). Сноа, сынъ Адама, былъ мужъ праведный, ему даны были еврейскія письмена, и съ того времени началась грамота. Наша апокрифическая «Бесѣда» воспользовалась и этимъ свѣдѣніемъ и на вопросъ: «кому Богъ сослалъ первѣя грамоту?» отвѣчаетъ: «къ Сноу, сыну Адамову». Это преданье пользовалось полнымъ авторитетомъ, и ученый Свидя занесъ его даже въ свой словарь. Палея говоритъ, наконецъ, что Сноа первый далъ имена звѣздамъ, временамъ года, дѣтамъ и мѣсяцамъ (***).

Были вѣроятно и другіе апокрифы объ Адамѣ, ходившіе въ старыхъ рукописяхъ и народныхъ преданьяхъ, но они не встрѣчались намъ; такова напр. статья, упомянутая въ статьѣ о ложныхъ книгачѣхъ подъ именемъ «Лобъ Адамъ», и вѣроятно принадлежащая къ числу

(*) См. *Weil*, *Biblische Legenden* стр. 39. *Fabricii*, *Vetus Test.* 2. стр. 47—48.

(**) Ср. *Migne*, 1, стр. 34. *Fabricii*, *Vet. Test.* I, стр. 35.

(***) Ср. Григорія (Амартола) въ цитатѣ Мих. Глики. *Fabricii*, *ib.* I, 147. О названіи Сноовыхъ дѣтей—бо жьами, у Феодорита, *ibid.*, стр. 148.

преданій о древѣ креста. Въ той же статьѣ запрещается еще книга «Адамъ завѣтъ», которой мы также не находили въ рукописяхъ. Г. Буслаевъ видитъ ее въ одномъ старинномъ произведеніи, съ которымъ мы встрѣтимся дальше: «есть, говоритъ онъ, обширное сказаніе о завѣтѣ Адама, о его смерти, и о связи этихъ событій съ крестными древами, подъ заглавіемъ, — *Слово о крестѣ честномъ и о двою разбойничю; избраніе Григорія Богословца*». Онъ пересказываетъ этотъ мифъ въ своей книгѣ (*), изъ болгарской рукописи XVI в., принадлежащей проф. Григоровичу; но во всей этой статьѣ, рассказывающей объ исторіи креста Господня, нѣтъ ни слова о *завѣтѣ*. Въ другомъ мѣстѣ г. Буслаевъ даетъ, кажется, названіе «завѣта Адамова» тому пророческому сновидѣнію Адама, о которомъ мы прежде упоминали (**); но г. Буслаевъ нигдѣ не говоритъ, чтобы эти статьи такъ названы были въ самыхъ рукописяхъ, и можетъ быть, что подъ этимъ именемъ въ статьѣ о ложныхъ книгахъ обозначалось другое особенное произведеніе, тѣмъ больше, что апокрифическая исторія креста упоминается въ статьѣ о ложныхъ книгахъ особо: *о древѣ крестномъ лано...* Въ апокрифическихъ книгахъ греческихъ и восточныхъ передавался между прочимъ именно завѣтъ, т. е. *завѣщаніе* Адама, которое вѣроятно и понималось въ нашей статьѣ. Такое завѣщаніе, известное по сирійскимъ и арабскимъ рукописямъ, издалъ известный ориенталистъ Эрнестъ Ренанъ. Завѣщаніе указываетъ часы дня и ночи, по которымъ распределялось мистическое поклоненіе божеству со стороны всего творенія, начиная отъ ангеловъ и демоновъ до неодушевленной природы; оно пересчитываетъ и описываетъ всѣ ангельскіе чины и ихъ обязанности, и сообщаетъ подробныя предсказанія, сдѣланныя Адамомъ Снеу, о потопѣ, о пришествіи Спасителя и будущемъ избавленіи. Снеъ записалъ этотъ завѣтъ; Адамъ умеръ и солнце и луна померкли на семь дней; Снеъ запечаталъ завѣщаніе и положилъ его въ «пещерѣ сокровищъ» вмѣстѣ съ золотомъ, ливаномъ и смирой, которые по восточному преданію Снеъ принесъ Адаму изъ рая. Нѣкогда волхвы должны были взять завѣтъ изъ пещеры и принести его вмѣстѣ съ дарами къ родившемуся Спасителю, въ вилеемскій вертепъ. Этотъ мифъ былъ известенъ и византійской литературѣ; въ лѣтописяхъ Кедрина и Сил-

(*) Очерки 1, стр. 489—491.

(**) Очерки 1, стр. 616.

келла сохранились нѣкоторыя выдержки изъ содержанія этой ложной книги (*).

Упомянемъ еще произведеніе, связанное съ именемъ Адама, хотя и несоставляющее въ сущности ложной книги; это азбука Адамова, изобрѣтеніе позднѣйшихъ грамотѣевъ, неимѣющее никакого мистическаго характера. Въ ней по буквамъ азбуки пресказана исторія Адама: въ одной рукописи XVII-го вѣка она начинается слѣдующимъ образомъ (**).

а—азъ нареченъ бысть Адамъ.

б—благослови его Богъ величїемъ славы его и вѣнцемъ украси его.

в—веде мя въ райскую эдему, на востокъ.

г—глаголю ему: отъ всѣхъ дровъ яждь, отъ единого ему заповѣда и проч.

Въ Румянцовскомъ сборникѣ (***) эта толковая азбука, едва понятна отъ безсмыслицы; она здѣсь нѣсколько подробнѣе и будто бы взята «отъ словесъ апостола Ивана Богослова». Въ заключеніе мы приводимъ въ своемъ изданіи любопытный памятникъ, извѣстный въ старинныхъ «Златоустахъ» подъ названіемъ: «Слово святыхъ апостолъ, иже отъ Адама во адѣ къ Лазарю» (****). Это поэтическое обращеніе Адама заключеннаго въ аду, къ Спасителю, когда вѣсть о его пришествіи на землю достигла преисподней; четверодневный Лазарь дѣлается вѣстникомъ его ко Христу. Намъ этотъ памятникъ извѣстенъ по рукописи, XVI в., которая была сообщена намъ г. Забѣлинскимъ.

Послѣ книги «Адамъ», наши старинные списки ложныхъ книгъ пересчитываютъ слѣдующія апокрифическія писанія «Енохъ, Ламехъ, Заѣти патріарстїи; молитва Іосифова; Асенею; Ельдадь и Моладъ; заѣтъ Моисѣвъ» и пр. Мы упоминали уже, что наши индексы ложной литературы, составленные по греческимъ образцамъ, называли иногда и такія книги, которыхъ никогда не было въ русской письменности. Въ самомъ дѣлѣ изъ приведенныхъ нами сейчасъ книгъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, одна только положительно существуетъ въ

(*) Ср. *Migne*, I, стр. 289—294. *Fabric*, I, 16—19.

(**) Сборн. публ. библ. XVII. F. № 23, л. 68.

(***) Сборн. № 380, л. 29—31.

(****) См. напр. царск. № 179.

русскихъ памятникахъ. Намъ остается следовательно только объяснить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе этого апокрифическаго цикла, и упомянуть другія, не названныя въ нашемъ спискѣ книги.

Произведеніе, обозначенное въ греческихъ индексахъ именемъ Еноха, упоминается уже въ посланіи апостола Іуды, но долго было извѣстно только по указаніямъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей и по отрывкамъ у Кедрина и Сянкелла. Въ концѣ прошлаго столѣтія одинъ путешественникъ привезъ три рукописи этой книги изъ Абиссиніи; она была разобрана Сильвестромъ де-Сася и потомъ издана въ англійскомъ переводѣ Лауренсомъ (*). И тотъ и другой предполагали, что оригиналъ эіопской книги былъ написанъ на еврейскомъ языкѣ, или на одномъ изъ нарѣчій его, словомъ былъ палестинскаго происхожденія. За изданіемъ Лауренса послѣдовало много другихъ изданій и комментаріевъ книги, особенно нѣмецкихъ; французскій переводъ самой книги и диссертациі Лауренса напечатаны въ словарѣ апокрифовъ Мияя (1, стр. 397—514).

Время перваго появленія книги еще не было кажется опредѣлено съ точностью, но многіе относятъ ея составленіе еще ко временамъ до Рождества Христова и тѣмъ больше даютъ ей исторической важности, что находятъ въ ней подтвержденіе древнихъ библейскихъ пророчествъ о Мессіи. Мистическое содержаніе книги не имѣетъ строгаго единства: въ ней заключается откровеніе данное Еноху о наградахъ праведниковъ и казни грѣшниковъ; разсказывается далѣе о соединеніи ангеловъ съ дочерьми человѣческими, объ ихъ совѣщаніи и клятвѣ на горѣ Армонъ или Эрмонъ и происхожденіи гигантовъ; за тѣмъ о вознесеніи Еноха на небо, и его видѣніи, въ которомъ онъ видѣлъ Всемогущаго, видѣлъ небеса, преисподнюю и райскія жилища, и странствовалъ до краевъ вселенной; далѣе, новыя видѣнія, пророчество о потопѣ; наставленія о движеніи свѣтилъ, переданныя Еноху ангеломъ Уриломъ, наконецъ сны и видѣнія, которыя Енохъ разсказываетъ своему сыну Маоусану и т. д.

Въ нашихъ рукописяхъ не рѣдко встрѣчается коротенькая статья съ именемъ Еноха подъ заглавіемъ: «отъ книгъ Еноха праведнаго, прежде потопа». Самый старшій списокъ ея, указанный до сихъ, поръ находится въ сборникѣ Синодальной бібліотеки XV вѣка, № 202; въ нашемъ изданіи напечатанъ списокъ, относящійся къ началу XVII вѣ-

(*) The book of Enoch, by Laurence, Оксфордъ 1821.

на. Эта статья говоритъ отъ имени Еноха, и по своему тону и содержанию имѣетъ нѣкоторую связь съ апокрифической книгой Еноха, въ ея известной редакціи; но не смотря на то, въ этой послѣдней во все нѣтъ рѣчи, которую наши рукописи влагаютъ въ уста древняго пророка.

Енохова книга пользовалась въ первые вѣка христіанства большою известностью; о ней упоминаютъ или изъ нея выписываютъ очень многіе писатели того времени и византійскаго періода (*). Она вѣроятно существовала въ нѣсколькихъ редакціяхъ: по крайней мѣрѣ выписки изъ нея, сдѣланныя византійцемъ Синкелломъ, значительно отличаются отъ соотвѣстнаго имъ текста эіонской книги; Оригенъ говоритъ какъ будто о нѣсколькихъ книгахъ, которыя носили у Евреевъ имя Еноха. Наша статья, безъ сомнѣнія переведенная съ греческаго, могла быть пересказомъ или извлеченіемъ изъ знаменитой въ то время книги. Впрочемъ для рѣшенія вопроса, было бы необходимо сравнить известные списки нашей статьи, и собрать другія извѣстія объ этомъ апокрифѣ въ нашихъ рукописяхъ. Соловецкая статья о ложныхъ книгахъ именно упоминаетъ «о Еносѣ, что былъ на пятомъ небеси, и исписалъ 300 книгъ», о чемъ вовсе не говорится въ нашемъ отрывкѣ «отъ книгъ» праведнаго Еноха. Легко можетъ быть, что это извѣстіе представляетъ другой слѣдъ Еноховой книги въ нашей древней письменности, и для будущихъ изслѣдованій мы укажемъ статью, въ сборникѣ Царскаго № 389, гдѣ на л. 522—545 помѣщена статья подъ заглавіемъ: «отъ потаенныхъ (т. е. апокрифическихкихъ, тайныхъ или таинственныхъ) книгъ, о *восхищеніи* Еноховѣ праведнаго». Хотя Строевъ и ссылается при этомъ на указанную выше короткую статью (напечатанную въ нашемъ изданіи), но судя по заглавію и величинѣ этой *потаенной* книги, это должно быть совершенно иное произведеніе, и вѣроятно то самое, о которомъ говорятъ соловецкіи иудеи.

Замѣтимъ наконецъ, что въ другой синодальной рукописи, указанной въ описаніи Горскаго, Руманц. статья встрѣчается съ именемъ Іереміи пресвятера (болгарскаго?), котораго имя играетъ такую важную роль въ исторіи нашихъ апокрифовъ (**).

Трудно сказать, что означаетъ въ нашихъ запрещеніяхъ книга

(*) Ср. Fabricii, Vet. Test. 1, pag. 160—199.

(**) Описаніе Синод. рук., ч. 3, стр. 626—627.

Ламехъ, если это не было безосновательное повтореніе греческаго индекса. Соловецкая статья, любопытная теми объясненіями, которыми она прибавляетъ къ названіямъ ложныхъ книгъ, ставитъ здѣсь вмѣсто простаго имени Ламеха, — *книги Ламеховы*, — но подобнаго апокріфа мы не встрѣчали ни въ нашихъ памятникахъ, ни въ византійской литературѣ, — если не принять за цѣлый апокріфъ отдѣльнаго преданія о нечаянномъ убійствѣ Кайна Ламехомъ. Это преданье, рассказано о Ламехѣ въ нашей Псалтѣ и въ главныхъ чертахъ совершенно сходно съ рассказомъ, который не разъ приводится у древнихъ писателей, Евтихія, патріарха Александрійскаго, у Мессодія Патарскаго, Михаила Глики и т. д. (*).

Далѣе наша статья о ложныхъ книгахъ упоминаетъ книгу *Патріархи*. Греческій индексъ, снова повторенный здѣсь нашей статьей, понималъ подъ этимъ названіемъ или извѣстные «Завѣты», или апокрифическія завѣщанія двѣнадцати сыновей Іакова (**), или вмѣстѣ съ ними и завѣты трехъ болѣе древнихъ патріарховъ — Авраама, Исаіа и Іакова: апостольскія постановленія именно упоминаютъ книгу этихъ *трехъ патріарховъ* (Const. Ap. кн. VI, гл. 16). Впрочемъ *три патріарха* были мало извѣстны, и въ послѣдствіи въ индексахъ чаще понимали подъ этимъ названіемъ тѣ Завѣты двѣнадцати патріарховъ, которые были извѣстны и въ нашей древней письменности.

Время составленія этихъ послѣднихъ въ точности еще неизвѣстно; уже очень давно думали, что они составлены были образованными не гречески Евреями, и слегка передѣланы первыми христіанами. Въ первые вѣка христіанства Завѣты были уже хорошо извѣстны. Другіе полагали, что они составлены были на еврейскомъ языкѣ, еще до Рождества Христова, и только впоследствии переведены на греческій языкъ. Они изданы были въ первый разъ въ 1532 г. Линкольномъ и снова напечатаны на греческомъ и латинскомъ языкахъ и съ комментаріями у Фабриція (1, 496—759). Содержаніе ихъ заключается обыкновенно въ предсказаніяхъ о судьбѣ еврейскаго народа и въ нравственныхъ житійскихъ правилахъ.

Славянскій переводъ Завѣтовъ принадлежитъ безъ сомнѣнія очень далекому времени и нерѣдко встрѣчается въ Псалтѣхъ и Измарагдахъ;

(*) Напр. Румянц. № 453, л. 42—43. Ср. Fabr., *Vetus Test.* 1, стр. 120—122, 223.

(**) *Δι δώδεκα τῶν β' πατριάρχων.*

есть указание на список Заветовъ 1261 года (*). По обширности цѣлаго памятника мы помѣстили въ своемъ изданіи только два первые изъ этихъ Заветовъ, по которымъ можно составить себѣ понятие о характерѣ содержанія ихъ и самомъ переводѣ памятника.

Пересчитывая въ слѣдъ за греческимъ индексомъ апокрифическія исторіи ветхаго завета, наша статья забыла по обыкновенію упомянуть настоящее ложное сказанье о *Ное* (Памятн., стр. 17—19) въ сочиненіяхъ Меодія Патарскаго, извѣстныхъ еще древнему нашему лѣтописцу. Несмотря на баснословный характеръ ихъ, статья наша причисляла постоянно Меодія къ книгамъ истиннымъ. Это сказаніе о *Ное* передается въ статьѣ Меодія, подъ заглавіемъ «Слово о созданіи Адама, и о второмъ пришествіи, и о Михаилѣ царствѣ, и о Антихристѣ» (такъ въ Толст. 2, 229), чрезвычайно извѣстной въ старину и имѣющей различныя редакціи. Меодій рассказываетъ, что когда *Ной* по повелѣнію ангела началъ тайно строить ковчегъ на горѣ, то дьяволъ, искони ненавидящій человѣческому роду, подстрекалъ жену его узнать, куда ходитъ ея мужъ. Чтобы вѣрнѣе услыть въ этомъ, онъ велѣлъ ей взять травы, которая вѣется около дерева, заквасить съ мукой и напоить *Ноя*, — новая легенда о происхожденіи хмѣльнаго пива. Жена *Ноя* исполнила наставленіе и ласкалась къ повеселѣвшему мужу, узнала его тайну; и когда на другой день *Ной* поднялся на гору, онъ увидѣлъ, что ковчегъ, который онъ строилъ семь лѣтъ, разрушенъ. Это было божіе наказаніе за нарушеніе заповѣди. Тогда *Ной* надѣлъ *власяницу*, сорокъ лѣтъ не прикасался къ своей женѣ и въ это время снова выстроилъ ковчегъ. Ангелъ велѣлъ ему войти въ ковчегъ со всѣмъ семействомъ и далъ ему бильцо: *Ной*, оставши у ковчега, началъ бить въ него, и бильцо всякимъ звѣкомъ авало животныхъ, и они шли въ ковчегъ изъ воздуха и изъ пустыни. Это преданье о *бильцѣ*, часто замѣнявшемъ въ старину колокола, повторяетъ и Палаея; по разсказу ея ангелъ также даетъ *Ную* бильцо, — «и удари (*Ной*) въ бильцо, слышавше же гласъ той и собравшася къ нему звѣріе и скоты, и птица, и гады, и прочіи народы отъ четырехъ концевъ (**)». Эти прочіи народы довольно забавны.

Въ это время дьяволъ опять искусилъ жену *Ноя* и велѣлъ ей войти въ ковчегъ только тогда, когда *Ной* скажетъ ей: «поди, діа-

(*) См. *Оболенскаго*, Переясл. лѣтоп., предисл., стр. 22, 29.

(**) Румянц. Палаея 1494 г., л. 44.

воде, въ ковчегъ», — тогда онъ надвигая и самъ войти въ ковчегъ, куда не могъ проникнуть иначе. Такъ и случилось. Собирая население ковчега, Ной долго звалъ свою жену, наконецъ сказалъ съ гнѣвомъ эти слова, и дьяволъ въ пазухѣ жены его вошелъ въ ковчегъ. Тогда начался потопъ, оттого, — что тридцать китовъ сошли въ морѣ отъ своихъ нѣстъ и открыли *морскія оконца*. Вода поднялась выше горъ *аравицкихъ* — весьма извѣстныхъ въ нашихъ сказочныхъ преданіяхъ, — все живущее на землѣ погубло, и дьяволъ задумалъ погубить и остальныхъ людей: онъ превратился въ мышь и началъ грызть дно ковчега; Ной помолился Богу, лютый звѣрь левъ *прыснулъ* (чихнулъ), и къ ноздрей его выскочили котъ и кошка и удавили мышь. Дьявольское злоумышленіе не удалось.

Это ложное преданіе рукописи очень вѣрно передается въ народномъ разсказѣ, который г. Якушкинъ записалъ въ Орловской губерніи; переименовано только послѣднее приключеніе: именно, дьяволъ спокойно просидѣлъ все время въ ковчегѣ и вышелъ потомъ на землю; этимъ и объясняется, что «*потопа* прошла, а грѣхъ остался» (*). Въ другой также народной редакціи, этотъ конецъ снова передѣланъ, опять въ особенномъ смыслѣ: попавши въ ковчегъ, дьяволъ обернулся мышью и проточилъ дно, но *ужь* заткнулъ отверстіе своей головой и ковчегъ уцѣлѣлъ. Это должно объяснять, почему въ народѣ считается грѣхомъ убить ужа (**).

Сомнѣніе въ истинности разсказовъ Меѳодія Патарскаго рѣдко обнаруживается въ старину; книги Меѳодія, какъ мы замѣтили, считались обыкновенно истинными; иногда совѣтовали въ отношеніи къ нимъ нѣкоторую осторожность, и только въ соловецкой редакціи статьи о ложныхъ книгахъ мы встрѣтили до сихъ поръ отзывъ о Меѳодіи, прямо неодобрительный. Статья такими словами указываетъ ложные пункты Меѳодіевыхъ писаній: «слово Меѳодія епископа патармскаго, отъ начатка и до кончины, въ немъ же писанъ *Мунтъ*, сынъ Ноевъ, и три лѣта земли горѣти», — послѣднее относится къ концу упомянутого слова Меѳодія, гдѣ говорится о послѣднихъ дняхъ и о второмъ пришествіи; но преданіе о построеніи ковчега и здѣсь неупомянуто.

Что касается до *Мунта* или *Монда*, которому приписывалось

(*) Лѣтописи р. лит. и древн., Тихонр., 2, 102.

(**) Аванасьева, Народн. легенды, стр. 51.

изобрѣтеніе астрономіи, гонимой древними моралистами, — онъ былъ изъ числа минувшихъ сыновей Ноя, которые не показаны въ его семействѣ потому, что родился уже послѣ потопа. Въ греческихъ памятникахъ онъ называется Монономъ (*).

Изъ такихъ же греческихъ источниковъ взяты разныя редакціи нашихъ сказаній о *Мельхиседекѣ*, которыя также не занесены въ статью о ложныхъ книгахъ. Главнымъ изъ этихъ произведеній было «слово» Аванасія Александрійскаго, весьма часто встрѣчающагося въ прологахъ (22 мая), Палеяхъ и сборникахъ (**). Содержаніе статьи, какъ замѣтитъ читатель, имѣетъ нѣкоторое сходство съ началомъ Уврамова «откровенія», о которомъ мы упоминаемъ ниже. Мельхиседекъ представляется сыномъ царя-идолопоклонника Мельхила, и также какъ Авраамъ сомнѣвается въ истинности языческихъ боговъ. Когда Мельхилъ послалъ его однажды за тельцомъ для жертвоприношенія, Мельхиседекъ на пути взглянулъ на небо, и помысливъ о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, убѣдился, что жертву слѣдуетъ приносить не идоламъ, а живителю этихъ свѣтилъ. Когда онъ вернулся домой безъ тельцовъ и началъ убѣждать отца поклониться истинному Богу, отецъ пришелъ въ ярость и хотѣлъ сжечь Мельхиседека въ жертву своимъ богамъ; но PROVIDĒNІE спасло Мельхиседека. Онъ удалился на гору Фаворъ, принесъ молитву Богу, чтобы онъ наказалъ идолопоклонниковъ и земля пожрала ихъ. Оттого Мельхиседекъ называется «безъ отца и безъ матери»; отъ рода его не осталось памяти. Послѣ того онъ семь лѣтъ молился на Фаворѣ, не носилъ одежды, питался корой; наконецъ Богъ послалъ къ нему Авраама и Мельхиседекъ благословилъ его. Впослѣдствіи, когда Авраамъ воротился «отъ сыни съ царями», Мельхиседекъ принесъ чашу неразвorenнаго (водой) вина и уломокъ хлѣба для Авраама и людей его, которыхъ было 318. Приношеніе его было прообразованіемъ христіанской жертвы, а число людей Авраама предвѣщало число святыхъ отцовъ собравшихся на соборъ въ Нинее.

Стать Аванасія предшествуетъ обыкновенно «память» Мельхиседека, повторяющая вкратцѣ почти тоже самое. Наконецъ Палея приводитъ изъ Феодорита баснословную генеалогію Мельхиседека, въ ко-

(*) *Μονόμων ὁ τοῦ Νῶε υἱός.. πρῶτος ἀστρονομίας τέχνην ἐβραβεν.* См. Fabric., V. Test. 1, 276.

(**) Напр. въ Румянц. рукописяхъ XV-го вѣка № 42, 391 (Прологи), 453 (Палея), и множество списковъ божье позднихъ.

тору ю вставлены гигантъ Невротъ, Нинъ и Семирамида, цари персидскіе и египетскіе. Подлинникъ статьи Аванасія приведенъ въ книгѣ Фабриція, гдѣ можно найти извѣстія объ этомъ апокрифѣ (*). Варианты нашей статьи съ греческимъ памятникомъ очень незначительны.

Переходимъ къ апокрифическому *Апокалипсису Авраама*. Къ сожалѣнію, мы должны были ограничиться въ своемъ изданіи однимъ отрывкомъ его, потому что у насъ не было подъ руками полного и вѣрнаго списка его. Литературная исторія Аврамова Апокалипсиса любопытна въ особенности по отношенію къ общей исторіи апокрифическихъ памятниковъ христіанства: онъ до сихъ поръ оставался очень мало извѣстенъ историкамъ этой литературы и нашъ памятникъ впервые объяснитъ содержаніе этого «Откровенія».

Наша статья о ложныхъ книгахъ не знаетъ однако этого памятника; какъ въ другихъ случаяхъ называла она вещи, не существовавшія въ нашей письменности, такъ здѣсь она не замѣтила ложной книги,—помѣщавшейся въ «Палеѣ», которую статья одобрила.

Книга съ именемъ Авраамъ упоминается въ нѣкоторыхъ греческихъ индексахъ, напр. у Аванасія и Никифора Константинопольскаго, и подъ это названіе подводили различные апокрифы и ложнонаписанныя книги съ именемъ этого патріарха. Въ числѣ ихъ называли и Апокалипсисъ Авраама, о которомъ упоминаетъ Епифаній въ своемъ сочиненіи о ересьяхъ (XXXIX, 5): онъ говоритъ именно, что у еретиковъ Свѣанъ были книги, сочиненныя ими подъ именами великихъ мужей, и между прочимъ книга съ именемъ Авраама, которую они выдаютъ за его Апокалипсисъ. Ученый Фабрицій не зналъ этого произведенія; издатель французскаго «Словаря апокрифовъ» также не сообщаетъ о немъ никакихъ ближайшихъ извѣстій,—такъ что нашъ памятникъ едва ли не впервые положительно открываетъ древнюю еретическую книгу Свѣанъ. Старо-славянскій переводъ «Откровенія» Авраама извѣстенъ въ весьма древнихъ спискахъ, но до сихъ поръ изъ него былъ изданъ только отрывокъ въ нѣсколько строкъ по Сильвестровской рукописи XIV столѣтія, послужившей для изданія житія Бориса и Глѣба (**); другой старый списокъ XVI ст. на-

(*) Fabric., V. Test. I, 314—320. Греческій текстъ взятъ изъ изданія Аванасія, Монококова.

(**) *Средневѣковаго*, сказаніе о св. Б. и Глѣбѣ, въ предисл.

ходится въ рукописи Царскаго № 286. Мы заимствовали свой текстъ изъ Румянцовской Палаты, гдѣ онъ по обыкновенію сѣмъ съ другими сказаньями и помѣщенъ подъ общими заглавіемъ: «книги о Авраамѣ праотца и патриарха». Настоящее названіе этого *Апокалипсиса* сохранилось однако въ упомянутыхъ Селвестровыхъ сборникѣ и въ рукописи Царскаго: «книги *откровленія* Авраамѣ, сына Феріа» и проч. Текстъ въ первой половинѣ XIV вѣка былъ уже значительно испорченъ, но языкъ отличается весьма древними особенностями, такъ что первоначальное появленіе славянскаго памятника необходимо отнести къ еще болѣе отдаленной эпохѣ.

Не имѣя подъ руками удовлетворительнаго списка цѣлаго «Откровенія», мы ограничились изданнымъ отрывкомъ, котораго будетъ достаточно для объясненія литературной судьбы этого памятника. Эта часть «Откровенія» рассказываетъ о томъ, какимъ образомъ Авраамъ первый среди язычниковъ оставилъ идольское служеніе и позналъ истиннаго Бога, который открылъ ему себя и повелѣлъ оставить домъ отца—язычника. Отецъ его поклонялся идоламъ, сдѣланнымъ изъ дерева, камня и металловъ; когда они разбивались, онъ дѣлалъ новыхъ. Испытывая силу этихъ боговъ, Авраамъ бросалъ ихъ въ рѣку и старался убѣдить отца въ слабости его боговъ, которые не могутъ помочь самимъ себѣ; въ другой разъ Авраамъ поставилъ такого бога раздѣвать огонь, на которомъ онъ приготовилъ своему отцу «бранно», но когда Авраамъ отлучился, то богъ упалъ въ огонь и обгорѣлъ,—но это также не подѣйствовало на его отца. Вслѣдствіе этого Авраамъ такъ разсуждалъ объ истинномъ Богѣ: онъ начинаетъ съ огня, который разрушаетъ и то, что не принадлежитъ ему,—но Авраамъ не признаетъ его богомъ, потому что его одолеваетъ вода, которая слѣд. *честнѣе* его; честнѣе воды земля, останавливающая воды,—потомъ солнце, иссушающее землю, дальше звѣзды и мѣсяцъ; наконецъ, онъ признаетъ Богомъ того, кто убагрилъ небеса, озолотилъ солнце, освѣтилъ луну и звѣзды, иссушилъ землю среди водъ и сотворилъ человѣка. Отецъ не слушалъ убѣжденій. Тогда Авраамъ рѣшился «искусить» боговъ своего отца и зажегъ храмъ, гдѣ они стояли; братъ его Аровъ бросился помогать богамъ, «вымчать» ихъ, но и самъ сгорѣлъ съ ними. Онъ былъ первый человѣкъ, который умеръ прежде своего отца, и только послѣ этого дѣти стали умирать раньше своихъ отцовъ. Наконецъ Богъ явился Аврааму, повелѣлъ ему оставить домъ язычника—отца, и когда Авраамъ вышелъ,—небес-

ный огонь сжегъ домъ его и все, что было въ домѣ и землю на сорокъ локтей.

Таково содержаніе изданнаго нами отрывка. Древній лѣтописецъ былъ уже знакомъ съ этимъ апокрифическимъ рассказомъ—такъ далека его древность въ нашей письменности. Несторъ вставилъ нѣкоторыя подробности его въ извѣстную проповѣдь греческаго миссіонера, приходившаго ко Владиміру. Сличивши его рассказъ объ Авраамѣ съ нашимъ текстомъ, читатель легко узнаетъ буквальную выписку изъ «Откровенія» (*).

Греческій оригиналъ нашего памятника, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ не только не изданъ, но и не указавъ историками апокрифической литературы, такъ что нашъ памятникъ до сихъ поръ есть единственнѣйшій слѣдъ, оставшійся отъ этого произведенія. Источникъ Аврамова Апокалипсиса, существовавшаго по словамъ Епифанія у Своянъ, заключался, конечно, не въ этой христіанской ереси, а въ болѣе древнихъ восточныхъ преданьяхъ. Эти преданья вообще съ особенной любовью останавливались на личности патріарха, въ первый разъ говорившаго объ истинномъ Богѣ между язычниками. Аврааму приписывалось на востокѣ много разныхъ книгъ глубокаго и таинственнаго содержанія, напр. книги о магіи, идолопоклонствѣ, мистическія книги о твореніи міра, его «завѣтъ»; ему приписывали дальше изобрѣтеніе астрологіи, названій двѣнадцати мѣсяцевъ; онъ первый наученъ былъ ангелами еврейскому языку и т. д. Огромной славой Авраамъ пользовался и у народовъ мусульманскихъ, какъ отецъ Исмаша, отъ котораго они ведутъ свое происхожденіе. Библейскія народныя легенды, собранныя въ позднихъ еврейскихъ и арабскихъ книгахъ, рассказываютъ о немъ длинную исторію, въ которой Авраамъ считается современникомъ мионческаго Нимрода и въ преданьяхъ которой нельзя не видѣть связи съ апокрифическимъ «Откровеніемъ».

Эти преданья рассказываютъ, что когда Авраамъ родился, язычникъ-царь Нимродъ который требовалъ отъ своихъ подданныхъ, чтобы они поклонялись ему какъ Богу,—видѣлъ во снѣ звѣзду, помрачившую солнце и луну: свотолкователи объяснили ему, что родится мальчикъ, который лишитъ его престола и поклоненія людей. Нимродъ тотчасъ же, какъ Иродъ, велѣлъ истребить всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ, но мать успѣла скрыть новорожденнаго Авраама

(*) Лѣтопись, 1 стр. 39.

въ уединенной пещерѣ; она только изрѣдка приходила къ нему, потому что Богъ посылалъ ему небесную пищу. Когда Авраамъ въ первый разъ вышелъ изъ пещеры, онъ увидѣлъ одну прекрасную звѣзду: «вотъ мой Богъ,—сказалъ онъ,—который кормилъ и поилъ меня въ пещерѣ». Но скоро явилась въ полномъ блескѣ луна и затемнила звѣзду; тогда онъ сказалъ: «это вовсе не Богъ; я буду поклоняться лунѣ». Къ утру луна поблѣднѣла и взошло яркое солнце, но и солнце къ вечеру скрылось за горизонтомъ. Авраамъ сталъ спрашивать о Богѣ свою мать; она сказала ему о Нимродѣ, но Авраамъ отказался поклоняться ему,—онъ зналъ уже истиннаго Бога. Арабская исторія говоритъ и о жизни Авраама въ домѣ идолопоклонника—отца, но вариантъ ея довольно далеко отъ нашего текста. Нѣсколько ближе эта исторія передается въ чисто еврейскихъ легендахъ, которыя были, конечно, прямымъ источникомъ и для мусульманскихъ преданій и для еретической книги Свонянъ.

«Терахъ былъ идолопоклонникъ,—говорить одна изъ нихъ,—однажды онъ отлучился и велѣлъ Аврааму продавать вмѣсто себя идоловъ. Когда приходилъ къ нему покушникъ, Авраамъ спрашивалъ его, сколько ему лѣтъ, и когда тотъ отвѣчалъ: мнѣ пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, то онъ говорилъ: горе человѣку шестидесяти лѣтъ, который хочетъ молиться дѣлу одного дня! И покушникъ уходилъ пристыженный. Однажды пришла къ нему женщина съ блюдомъ хлѣбовъ и сказала: вотъ! поставь передъ ними! Но онъ взялъ палку, разбилъ идоловъ и потомъ вложилъ палку въ руку самому большому изъ нихъ. Отецъ возвратившись спросилъ его, что онъ сдѣлалъ?»

— Что мнѣ отпираться, отвѣчалъ Авраамъ: пригодила женщина съ блюдомъ хлѣбовъ и велѣла отдать имъ. Когда я сдѣлалъ это, то каждый изъ нихъ хотѣлъ первый ѣсть хлѣбъ и тогда самый большой изъ нихъ всталъ и разбилъ ихъ палкой.

Но Терахъ сказалъ:

— Что ты выдумываешь? Развѣ они имѣютъ сознание?

— Развѣ уши твои не слышать, что говорятъ твои уста, спросилъ Авраамъ.

Тогда Терахъ взялъ его и передалъ Нимроду. Этотъ сказалъ ему:

— Оставь насъ поклоняться огню!

— Лучше же вамъ поклоняться водѣ, которая тушитъ огонь.

— Ну водѣ.

— Такъ лучше облакамъ, которыя носятъ воду.

— Хорошо, облакамъ.

— Лучше вѣтру, который разсвѣчаетъ облака.

— Ну, вѣтру.

— Лучше же человѣку, который выноситъ вѣтеръ.

— Ты только болтаешь, сказалъ Нимродъ. Я поклоняюсь огню и

брошу тебя въ огонь; пусть освобождаетъ тебя изъ него Богъ, котораго ты считаешь.

Авраамъ брошенъ былъ въ пылающую печь, но былъ спасенъ изъ нея».... (*)

Съ нѣкоторыми вариантами почти все эти подробности находятся въ еврейской книгѣ *Ишаръ* или «Книгѣ вѣрнаго», которая заключаетъ въ себѣ богатое собраніе ветхозавѣтныхъ, еврейскихъ легендъ и теперь въ первый разъ переведена въ «Словарѣ апокрифовъ» аббата Мина (т. 2, р. 1103 и слѣд.). Такимъ образомъ зародыши «Откровенія» несомнѣнно относятся къ древнимъ легендамъ еврейскаго народа. Въмѣстѣ съ множествомъ другихъ апокрифическихъ преданій они перешли и въ христіанство,—Апокрифы еврейскаго происхожденія вообще хорошо были извѣстны византійскимъ писателямъ и автору Пален, въ которой встрѣчается Авраамово «Откровеніе»;—какъ видно, содержаніе его было близко извѣстно византійцамъ Свидѣ и Сингеллу (**). Во время броженія ересей, Апокалипсисъ Авраама нашелъ особенную вѣру у Сноянъ и сталъ окончательнo еретической книгой. Христіанскіе учителя внесли ее въ индексъ и запретили ея чтеніе. Но этого запрещенія не было въ тѣхъ греческихъ индексахъ, которыми руководились составители нашей статьи о ложныхъ книгахъ, и она почти всегда ускользала отъ запрещеній. Мы уже говорили, что точно также ускользали отъ нихъ и многія другія ложныя книги.

Съ другой стороны статья до поздняго времени продолжала запрещать книги «Асенеоъ», «Ельдадъ и Модадъ», которыя повидимому никогда не бывали въ русской письменности. Большая часть нашихъ индексовъ пропускаютъ—впрочемъ эти имена, и безъ сомнѣнія именно потому, что на дѣлѣ они ничего не напоминали русскому грамотнику. Ихъ опять приводитъ однако составитель Соловецкаго списка, очевидно старавшійся собрать въ немъ все запретное и ложное, что только зналъ или слышалъ.

Асенеоъ (Α'σενε'9) по книгамъ апокрифическимъ была дочь геліопольскаго жреца Пентеорія, совѣтника Фараона, и жена Юсифа. Повидимому, преданье смѣшало отчасти этого Пентеорія съ тѣмъ, жена котораго соблазнила Юсифа. Асенеоъ была необыкновенная красавица; кромѣ отца, ее никогда не видѣлъ ни одинъ мужчина; она презирала

(*) См. Geiger, Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? стр. 124. Weil Bibl. Legenden der Muselmänner, 68—72.

(**) Fabric. V, Test, 1, 336 и слѣд.

мужичи и хотѣла отдаться только царскому сыну. Когда Іосифъ, ставшій уже первымъ другомъ и совѣтникомъ Фараона, собиралъ въ плодородные годы хлѣбъ на будущее голодное время, онъ былъ по этому и у Пентефрія; гордая Асенеѣ увидѣла его и увлеклась его красотой, но Іосифъ упрекнулъ ее идолопоклонствомъ. Тронутая укоромъ Асенеѣ отреклась отъ своихъ ложныхъ боговъ; она окончательно предалась истинному Богу, когда ея раскаяніе было услышано и ангелъ явился къ ней на небесной колесницѣ съ привѣтствіемъ. При новой встрѣчѣ съ Іосифомъ, она открылась ему, и Іосифъ на ней женился.

На этомъ основана исторія Асенеѣ, — прекрасный маленькій романъ съ чисто восточными красками и фантазіей. Этотъ библейскій романъ былъ довольно извѣстенъ и средневѣковой Европѣ: Винцентій Бовесскій вставилъ его въ свое латинское «Историческое зеркало» (I. 2, с. 118); у нѣмцевъ также была *Liebliche Historia Assenath*. Греческій и латинскій тексты ея оба изданы въ книгѣ Фабриція объ апокрифахъ Ветхаго Завета (*). Наши памятники знали Асенеѣ кажется только по имени; хронографы рассказываютъ только, что «Фараонъ даетъ Іосифу жену Асенеѣ — (въ Палеѣ 1494 г. Асенеѣ), дочь Пентефріеву іерея, еже есть владыки солнечнаго града» и пр.

Въ нашей письменности неизвѣстна была кажется и та апокрифическая *молитва Іосифова*, названіе которой перенесено было въ нашу статью изъ греческаго индекса, и которая во многихъ спискахъ неправильно называется Синовою молитвой. Этотъ апокрифъ считаютъ произведеніемъ александрійскихъ евреевъ или первыхъ христіанскихъ сектъ; Оригенъ приводитъ изъ него отрывки. Содержаніе этой молитвы въ точности неизвѣстно; одни считали ее молитвой самого Іосифа, — но такъ какъ въ извѣстныхъ отрывкахъ выводится говорящимъ самъ Іаковъ, то думали, что это было благословіе, которое давалъ своему сыну умирающій Іаковъ. Ученые богословы стараго времени находили въ ней слѣды неоплатонизма или же ученіе еврейскихъ каббалистовъ (*). Въ нашей старинной Палеѣ также есть «молитва Іосифова» (напр. Румянц. № 453 л. 94), въ которой онъ проситъ Бога объ избавленіи отъ немцовства жены Пентефрія, и обращаясь къ Іакову, проситъ его заступленія предъ Богомъ. Молитва начинается слѣдующими словами:

(*) V. Test. 1, 774—784; 2, 85—102.

(*) Fabric. 1, 761.

«Боже отецъ нашихъ, Авраамовъ, Исааковъ, Иаковль, избави мя отъ звѣри сего, се бо якоже самъ видиши неистовство жены сеа, како мя хочеть убити ти» и проч.

По всей вѣроятности это есть совершенно особое произведение, не имѣющее связи съ упомянутымъ апокрифомъ.

Наша статья упоминаетъ наконецъ имена *Ельдадь* и *Модадь*. Имена эти приводятся и въ древнемъ спискѣ пророковъ, которыхъ пророчества не сохранились. Это были два человека изъ числа семидесяти двухъ мужей, которыхъ Моисей выбралъ для управленія народомъ, когда онъ призвалъ ихъ къ священному жертвеннику, они отказались идти къ нему, считая себя недостойными, и тогда, въ награду за смиреніе, на нихъ сошелъ духъ пророчества. Отсюда кто-то въ древности взялъ поводъ составить апокрифическую книгу ихъ пророчествъ, теперь уже неизвѣстную. Эта книга, обозначаемая ихъ именами, упомянута была въ греческихъ индексахъ, напр. у Аванасія, Никифора Константинопольскаго, затѣмъ у Никона Черногорца и въ томъ спискѣ апокрифовъ, который находится въ сборникѣ Святослава; изъ этихъ послѣднихъ источниковъ запрещеніе книги пошло и въ разныя редакціи статьи о ложныхъ книгахъ. По однимъ извѣстіямъ Ельдадь и Модадь пророчествовали о смерти Моисея въ пустынѣ и предводительствѣ Иисуса Навина; по другимъ—объ иныхъ событіяхъ, напр. о Гогѣ и Магогѣ...

Изъ приведенныхъ теперь примѣровъ читатель могъ уже видѣть нѣкоторыя черты старинной ложной литературы, съ которыми мы послѣ познакомимся еще ближе. Ложныя книги, напр. разсказъ о твореніи міра и первомъ человекѣ, давно уже и глубоко проникали въ народныя представленія и создавали въ понятіяхъ массы новую космогонію. Чуженародный элементъ, именно византійскій, сильно дѣйствовалъ при этомъ на характеръ религіозныхъ представленій и, слѣдовательно, налагалъ на народность особенныя черты, вошедшія потомъ въ ея сущность. Такимъ образомъ исторія самой народности, т. е. ея взмѣненій и переходъ отъ однихъ свойствъ къ другимъ, начинается уже съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, съ которыхъ мы можемъ указывать вліяніе христіанства, Византіи и ложныхъ книгъ. Въ это время, съ первыхъ ложныхъ памятниковъ уже начинается создаваться то популярное христіанство, о которомъ мы говорили прежде, и которое должно было составить впоследствии сущность религіозныхъ понятій рас-

кола. Наконецъ въ несогласности обозначенія ложныхъ книгъ, мы могли бы замѣтить слѣды той неясности догматическихъ положеній, которой не были чужды въ древней Руси даже официальные благовѣстители вѣры, и которая потому такъ легко могла въ переработанной массѣ дойти до самыхъ страшныхъ представлений.

Въ слѣдующей статьѣ мы кончимъ нашъ обзоръ ложныхъ книгъ ветхозавѣтной исторіи и перейдемъ къ новозавѣтнымъ преданіямъ.

А. ПЫШИНЪ.

Русскій Донъ-Кихоть. (Сочиненія И. В. Кирѣевскаго I и II т. Москва. 1861 годъ.)

I.

Ничто не можетъ быть безцвѣтнѣе и неопредѣленнѣе общихъ выраженій: обскурантъ, прогрессистъ, либераль, консерваторъ, славянофилъ, западнякъ; эти выраженія нисколько не характеризуютъ того человѣка, къ которому они прикладываются; они надѣваютъ непрощенный мундиръ на его умственную личность и, вмѣсто живаго человѣка, мыслящаго и чувствующаго по-своему, показываютъ намъ неподвижную вывѣску замкнутаго круга убѣжденій. Чѣмъ даровитѣе и замѣчательнѣе разсматриваемая личность, тѣмъ пошлѣе кажутся мнѣ общіе эпитеты, прилагаемые къ ней такими критиками, которые не хотятъ или не умѣютъ вдуматься въ ея личныя особенности, прослѣдить ея индивидуальное развитіе и, такимъ образомъ, вмѣсто голаго термина дать оживленную характеристику.

Еслибы подойти къ сочиненіямъ И. В. Кирѣевскаго такъ, какъ подошелъ къ нимъ критикъ Современника, то съ нимъ порѣшнить было бы очень не трудно. Причислить его къ самымъ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ вовсе не мудрено; за цитатами дѣло не станетъ;

изъ его сочиненій можно выписать десятки такихъ страницъ, отъ которыхъ покоробить самаго невзыскательнаго читателя; ну, стало быть и толковать нечего; привелъ подавляющаго самыхъ паучихъ выписокъ, поглумился надъ каждою въ отдѣльности и надъ всѣми въ совокупности, поспорилъ для виду съ авторомъ, давая ему чувствовать все превосходство своей логики и своихъ воззрѣнй, завершилъ рецензю общимъ прогрессивнымъ заключеніемъ и дѣло готово—статья идетъ въ типографію.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Напасть то Кирѣвскаго не трудно, да толку то въ этомъ мало. Борются съ нимъ не зачѣмъ, потому что его дѣятельность уже принадлежитъ прошедшему; если же мы останавливаемся на немъ, какъ на совершившемся фактѣ, то мы должны или объяснить его по мѣрѣ силъ, или сознаться въ томъ, что мы объяснить не умѣемъ; а поработать надъ объясненіемъ личности Кирѣвскаго, какъ любопытнаго психологическаго факта—право стоить. Друзья и единомышленники Кирѣвскаго скажутъ, конечно, что его слѣдуетъ изучать, какъ мыслителя, что его должно уважать, какъ двигателя русскаго самосознанія, что принесенная имъ польза будетъ оцѣнена послѣдующими поколѣніями. Съ подобными мнѣніями согласиться невозможно: Кирѣвскій былъ плохой мыслитель,—онъ боялся мысли; Кирѣвскій никуда не подвинулъ русское самосознаніе, онъ даже не затронулъ его; его статьи никогда не производили впечатлѣнія; ихъ читали мало, и теперь ихъ совсѣмъ забыли, несмотря на то, что послѣдняя изъ нихъ была написана всего лѣтъ семь тому назадъ; пользы Кирѣвскій не принесъ никакой, и если послѣдующія поколѣнія по какому нибудь чуду запомнятъ его имя, то они пожалѣютъ только о печальныхъ заблужденіяхъ этого даровитаго человѣка. Еслибы Кирѣвскому удалось составить себѣ обширный кругъ читателей и приобрести себѣ значеніе въ литературѣ, то вліяніе его идей составило бы самый яркій антагонизмъ съ пропагандою Бѣлинскаго. Всякому честному дѣятелю литературы пришлось бы воевать съ нимъ всѣми силами своего пера; противъ него поднялись бы всѣ люди, сколько нибудь дорожащіе мыслию; за него стали бы только люди очень органиченныя или очень недобросовѣстные. А самъ Кирѣвскій былъ человѣкъ очень не глупый и въ высшей степени добросовѣстный — отчего же онъ хотѣлъ остановить разумъ на пути его развитія? Отчего онъ порывался поворотить его назадъ къ младенческимъ его годамъ? Вотъ въ этихъ-

то пунктахъ и заключается психологическій интересъ тѣхъ вопросовъ, на которые наводитъ чтеніе сочиненій Кирѣевского и приложенныхъ къ нимъ матеріаловъ для его біографіи.

II.

И. В. Кирѣевскій родился въ 1806 году и выросъ въ деревнѣ своихъ родителей. Отецъ его умеръ, когда ему было шесть лѣтъ, а мать его, черезъ 5 лѣтъ послѣ смерти своего мужа, вышла замужъ за Елагина. Молодой Кирѣевскій привязался къ своему вотчину и выросъ подъ его вліяніемъ. Доброе согласіе его съ своимъ семействомъ продолжалось во время всей его жизни; ему не пришлось относиться критически къ личностямъ своихъ родственниковъ, и поэтому онъ не испыталъ того тяжелаго разочарованія, которое переживаютъ почти все люди, начинающіе мыслить. Вѣроятно, дѣтство Кирѣевского оставило въ его душѣ самое свѣтлое воспоминаніе; до конца жизни онъ дорожилъ тѣми лицами, которыя управляли его первоначальнымъ воспитаніемъ; его совершенно удовлетворяли ихъ педагогическіе приемы, ихъ воззрѣнія на жизнь, ихъ отношенія къ разнымъ практическимъ и теоретическимъ вопросамъ; одобряя ихъ понятія, Кирѣевскій самъ успокоивался на нихъ и не чувствовалъ необходимости стремиться къ чему нибудь болѣе разумному; спокойно и пріятно проведенное дѣтство вмѣстѣ съ неизгладимыми воспоминаніями оставило въ его умѣ такой густой осадокъ допотопныхъ идей, котораго не могли сдвинуть съ мѣста ни житейскія волненія, ни теоретическія размышленія. Любознательность Кирѣевского была очень велика—онъ много читалъ, серьезно задумывался надъ прочитаннымъ, но какъ только вычитанныя идеи начинали разрушать образы, населявшіе его дѣтство, такъ онъ отстранялъ ихъ прочь, чистосердечно называя ихъ заблужденіями и не считая даже нужнымъ останавливаться на вопросѣ—точно ли это заблужденія. Кирѣевскій любилъ тѣ понятія, съ которыми онъ свыкъся въ дѣтствѣ; а когда человѣкъ любитъ какую нибудь идею, тогда бываетъ очень трудно убѣдить его въ ея несостоятельности; чтобы опрокинуть въ головѣ его эту любимую идею, необходимъ сильный толчокъ, крутой переворотъ или постоянное вліяніе другаго человѣка, стоящаго

выше его по развитію и смотрящаго на вещи непредубѣжденными глазами. Ни того, ни другаго не пришлось испытать Кирѣевскому.

— Мы,—писать онъ къ г. Кошелеву, мечтая о жизни,—возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностью, возбуждѣвъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога.

Въ началѣ 1830 года Кирѣевскій, воодушевленный этими *высокими* стремленіями, уѣхалъ за—границу; ему въ это время пришлось пережить глубокое огорченіе; онъ сдѣлалъ предложеніе любимой женщины и получилъ отказъ; это событіе потрясло его здоровье и медики предписали ему путешествіе, какъ лучшее средство поправиться и развлечься. Его не манило вдалѣ стремленіе къ широкой жизни мысля; ему было уютно въ московскомъ кругу родственниковъ и друзей, и спокойное наслажденіе ровными отношеніями съ окружающими людьми было для него дороже кипучей дѣятельности и разнообразныхъ волненій умственной жизни. «Я возвращусь, возвращусь скоро, писалъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего отъѣзда изъ Москвы, это я чувствую, разставшись съ вами.

Мягкосердечный московскій юноша пробылъ за—границею всего 10 мѣсяцевъ, и заграничная атмосфера не успѣла произвести въ немъ никакого благотворнаго измѣненія. Онъ нѣралъ западную мысль крошечнымъ аришномъ своихъ московскихъ убѣжденій, которыя казались ему непогрѣшимыми и которыя раздѣляли съ нимъ всѣ убогія старушки Бѣлокаменной. Онъ слушалъ лекціи извѣстнѣйшихъ профессоровъ, усвоивалъ себѣ фактическія свѣдѣнія, сообщалъ въ письмахъ къ родственникамъ и друзьямъ остроумныя замѣтки о методѣ и манерѣ ихъ преподаванія, и между тѣмъ самъ оставался неразвитымъ, наивнымъ ребенкомъ, не умѣвшимъ ни на минуту возвыситься надъ возрѣніями папеньки и маменьки.

Слушая лекціи Шлейермахера, профессора теологіи, Кирѣевскій находилъ, что Шлейермахеръ слишкомъ много рассуждаетъ, и что современному мыслителю слѣдуетъ воздерживаться отъ анализа подробностей. Избавляю себя отъ обязанности выписывать то мѣсто, въ которомъ Кирѣевскій произноситъ сужденіе надъ Шлейермахеромъ, и прошу читателей моихъ, желающихъ познакомиться съ этимъ сужденіемъ, пробѣжать въ I томѣ, 42—ую страницу матеріаловъ.

Въ Берлинѣ Кирѣевскій познакомился съ Гегелемъ, и на него сильно подѣйствовала чарующая мысль, что онъ окруженъ *первокласс-*

смысли умами Европы; онъ выразилъ эту мысль въ письмахъ на родину; съ первоклассными умами онъ говорилъ «о политикѣ, о философіи, о религіи, о поэзіи»; какъ на него подѣйствовали сужденія первоклассныхъ умовъ объ этихъ высокихъ предметахъ, онъ не пишетъ. Развивалъ ли онъ самъ передъ ними свои наивно-ребячскія понятія и нравилось ли имъ его нетронутое простодушіе, онъ также не сообщаетъ. Сношенія Кирѣевского съ Гегелемъ и его знакомыми продолжались очень недолго и поэтому не успѣли произвести прочнаго впечатлѣнія. Кирѣевскій съ любопытствомъ осмотрѣлъ мнѣнія первоклассныхъ умовъ, какъ осматриваютъ диковинки какого нибудь музея, и оставилъ эти мнѣнія нетронутыми вѣроятно потому, что они рѣзко расходились съ его стремленіями и казались ему непригодными для жизни.

Въ концѣ 1830 года Кирѣевскій возвратился въ Россію. Впечатлѣнія его заграничной жизни глубоко запали въ его воспримчивый умъ, и выразились въ искреннемъ сочувствіи къ западному просвѣщенію, въ сильномъ желаніи провести въ русскую жизнь начала лучшей цивилизаціи. Въ теченіи 1831 года онъ собралъ матеріалы для изданія журнала, составилъ себѣ кругъ сотрудниковъ и въ 1832 году выпустилъ въ свѣтъ двѣ первыя книжки журнала *Европеецъ*. Сочувствіе Кирѣевского къ западному просвѣщенію обнаружилось въ его статьѣ «Деятнадцатый вѣкъ», открывшей собою его журналъ и выразившей въ общихъ чертахъ ту программу, которой намѣренъ былъ слѣдовать издатель. Въ этой статьѣ проведена мысль о необходимости постоянного умственного общенія между Европою и Россіею. «Ибо просвѣщеніе одинокое, говоритъ Кирѣевскій, китайски отдѣленное, должно быть и китайски ограниченное: въ немъ нѣтъ жизни, нѣтъ блага—ибо нѣтъ прогресса, нѣтъ того успѣха, который добывается только совокупными усиліями человечества». Въ этой статьѣ можно замѣтить только одинъ существенно важный недостатокъ—крайнюю голословность и бездоказательность. Въ подтвержденіе своихъ идей Кирѣевскій не приводитъ ни одного факта. Вся статья вертится на отвлеченныхъ умозрѣніяхъ; Кирѣевскій составляетъ себѣ какую-то химическую формулу европейской образованности и потомъ, отвернувшись отъ дѣйствительныхъ фактовъ, смотритъ только на эту формулу, передвигаетъ и перетасовываетъ ея ингредиенты, и подводитъ такіе итоги, которые столько же похожи на дѣйствительность, сколько списокъ приимѣть, означенныхъ въ отпускномъ билетѣ, похожъ на живаго

владельца этой бумажки. Все сочувствие Кирѣевского къ европейской цивилизаціи улетучивается въ общихъ мѣстахъ и въ фразсахъ; если оно не выражается въ междометіяхъ и восклицаніяхъ, то это происходитъ единственно оттого, что Кирѣевскій старается вездѣ выдерживать тонъ серьезнаго и основательнаго мыслителя. На самомъ же дѣлѣ въ его статьѣ кромѣ внѣшняго тона, нѣтъ ничего солиднаго и основательнаго; онъ беретъ изъ Гизо (не указывая на источникъ) его мнѣніе о томъ, что европейская цивилизація сложилась изъ трехъ элементовъ, изъ остатковъ классическаго міра, изъ христіанства и изъ германскаго варварства, и на эту тему начинаетъ разгрызывать варіаціи очень однообразныя, утомительныя и безполезныя. Ни одна реальная сторона европейской жизни не затронута въ этой характеристикѣ девятнадцатаго вѣка. Мы не видимъ даже въ общихъ чертахъ, какъ живутъ люди въ Европѣ, какъ смотрятъ другъ на друга различныя сословія, къ чему стремятся отдѣльныя личности и цѣлыя партіи, какія потребности жизни отражаются въ литературѣ. Видно, что благоговѣніе Кирѣевского передъ первоклассными умами Европы еще продолжается; ему нѣтъ дѣла до того, что ѣсть французскій блузникъ, нѣтъ дѣла до того, что говорить на своемъ митингѣ англійскій ремесленникъ, нѣтъ дѣла до того, какъ богатая буржуазія эксплуатируетъ пролетаріевъ, и какъ буржуа, хозяинъ въ своемъ домѣ и въ своей семьѣ, давитъ индивидуальное развитіе своихъ сыновей и дочерей; бытовые вопросы, возникающіе въ европейской жизни и составляющіе ея животрепещущій и общечеловѣческій интересъ, проходятъ мимо его просвѣщеннаго ума, занятаго недостигаемо высокими интересами и аристократически идеальными стремленіями. Продолжая восхищаться первоклассными умами Европы, Кирѣевскій, очевидно, думаетъ, что эти—то первоклассные умы, т. е. должны двѣ нѣмецкихъ профессоръ философіи олицетворяютъ въ своихъ особахъ самые характерные моменты европейской цивилизаціи. Кирѣевскому кажется, что мысль Шеллинга о сущности истиннаго познанія имѣетъ мировое значеніе, и что высказавши эту мысль въ научной формѣ, Шеллингъ сдѣлалъ истинно великое открытіе, просто въ конецъ разбодолживъ все человѣчество. Придавая такое колоссальное значеніе нѣмецкой умозрительной философіи, Кирѣевскій, конечно, забываетъ, что врядъ ли одна сотая часть всего населенія западной Европы интересуется діалектическими построеніями нѣмецкихъ профессоръ, и что даже эта сотая не выноситъ для себя изъ этихъ діалектическихъ построеній ни-

чего существеннаго. Если подъ именемъ цивилизаціи подразумѣвать тѣ формы, въ которыя укладывается жизнь отдѣльнаго человѣка и народа, то умозрительная философія получитъ право участвовать въ картинѣ цивилизаціи настолько, насколько она содѣйствуетъ развитію и измѣненію бытовыхъ формъ и жизненныхъ отношеній. Въ этомъ случаѣ, она электрическимъ токомъ проходитъ черезъ тысячи работающихъ головъ; когда же эта умозрительная философія ограничивается построеніемъ формулъ, тогда она оставляется на долю досужимъ людямъ, которыхъ не номала желѣзная рука вседневной заботы, и которыхъ приятно носить въ отвлеченныхъ пространствахъ, вмѣсто того чтобы смотрѣть на горе окружающихъ людей и помогать имъ дѣломъ и советомъ.

Умозрительная философія—пустая трата умственныхъ силъ, безцѣльная роскошь, которая всегда останется непонятною для толпы, нуждающейся въ насущномъ хлѣбѣ. Этому не понимали ни Гегель, ни Шеллингъ, этого, конечно, не понялъ и Кирѣевскій. Вмѣсто того, чтобы взглянуть на умозрительную философію какъ на хроническое повѣтріе, какъ на болѣзненный наростъ, развившійся вслѣдствіе того, что живыя силы, стремившіяся къ практической дѣятельности, были насильственно сдавлены и задержаны, Кирѣевскій преклоняется передъ философами какъ передъ вожаками европейской мысли, любитъ ихъ, какъ цвѣтомъ и надеждою европейской цивилизаціи. Замѣчательно, что масса читателей обыкновенно сочувствуетъ мыслителю только въ какомъ нибудь одномъ, часто очень узкомъ, часто чрезвычайно широкомъ примѣненіи его идеи. Масса беретъ только практическій выводъ и обыкновенно дѣлаетъ этотъ выводъ такъ смѣло и такъ рѣзко, что самъ мыслитель пугается и пятится назадъ. Анабаптисты и крестьянскія войны были практическимъ выводомъ идей Лютера и Меланхтона, и Лютеръ вмѣстѣ съ Меланхтономъ испугались и проклинали свое собственное дѣло. Также точно Гегель, Шеллингъ и всѣ прочіе предводители «нѣмецкаго любомудрія» проклинали бы тѣ неожиданные выводы, которые дѣлаетъ Кирѣевскій на основаніи ихъ идей и ихъ дѣятельности. Этимъ «первокласснымъ» умамъ Европы пришлось бы краснѣть отъ стыда и досады, еслибы они узнали, что ихъ въ Россіи глядятъ по головкѣ за то, что они показали неудовлетворительность чистаго разума, составили реакцію противъ энциклопедистовъ XVIII вѣка и такимъ образомъ натолкнули европейскій западъ на возвратный путь — — Кирѣевскій, какъ мягкосердечный московскій юноша, сросшійся съ идеями своего роднаго го-

рода, увидалъ и понялъ въ немѣдкихъ философахъ только то, что имѣло сходство съ его стремленіями. Чтобы согласить свое уваженіе къ первокласснымъ умамъ Европы съ своею слѣпою привязанностью къ тому, что толковали ему съ дѣтства маменька да нянюшка, Кирѣевскій употреблялъ довольно ловкій маневръ: Кирѣевскій говорить что Гегель тѣмъ великъ и полезенъ, что, доведя рационализмъ до крайнихъ предѣловъ, онъ показалъ недостаточность чистаго разума и убѣдилъ людей въ необходимости искать другихъ источниковъ познаванія, «очистилъ дорогу къ храму живой мудрости». Вотъ, думаетъ Кирѣевскій, западъ увидалъ, что на своихъ философахъ далеко не утѣдешь; вотъ онъ погорюеть, погорюеть да и обратится къ намъ за совѣтомъ, а мы, конечно, дадимъ ему совѣтъ въ московскомъ духѣ; западъ прислушается, увидитъ, что это «добро зѣло», скажетъ подобно князю Владимиру, что, отвѣдавъ сладкаго, уже не хочетъ горькаго, и заживемъ мы съ западомъ душа въ душу, какъ жили съ нимъ слишкомъ лѣтъ тысячу тому назадъ. Въ такихъ-то краскахъ рисуются Кирѣевскому будущія отношенія между цивилизаціями Россіи и Европы. Эти краски въ его статьѣ «Девятнадцатый вѣкъ» положены такъ легко, что онѣ проходятъ незамѣтными для невнимательнаго читателя; Кирѣевскій въ этой статьѣ напираетъ всего больше на то, что мы должны сблизиться съ Европою и заимствовать у нея образованность, но за этими словами слышится тайная надежда: будетъ и на нашей улицѣ праздникъ; придетъ къ намъ Европа просить ума разума и мы великодушно подѣлимся съ нею нашими духовными благами. Въ статьѣ «Девятнадцатый вѣкъ» выражались такимъ образомъ два главные момента умственной жизни Кирѣевскаго; на эту статью положили свою печать дѣтство Кирѣевскаго и его путешествіе за-границу; первое отразилось въ теплотѣ чувства и въ робости мысли, второе—въ искреннемъ, но голословномъ и необъясненномъ сочувствіи къ европейской цивилизаціи. Чему сочувствуетъ Кирѣевскій—мы не видимъ. На что ему нужна Европа—не понимаемъ. Словомъ, во всей статьѣ переплетается московскій сантиментализмъ съ какимъ-то сердечнымъ влеченіемъ къ европейскому западу. При этомъ должно замѣтить, что это неопредѣленное, сердечное влеченіе не имѣетъ ничего общаго съ сознательнымъ уваженіемъ зрѣлаго человѣка къ оцѣненной и проверенной идеѣ.

III.

Еслибы Кирѣевскій, управляя журналомъ, продолжалъ уяснять себѣ и публикѣ свои стремленія и симпатіи, то вѣроятно онъ договорился бы до какихъ нибудь осязательныхъ результатовъ; онъ увидалъ бы противорѣчіе между европеизмомъ и московскою сантиментальностью и склонился бы опредѣлительнымъ образомъ на ту или на другую сторону. Пока впечатлѣніе заграничнаго путешествія было еще свѣжо и сильно, можно было надѣяться, что западный элементъ возьметъ верхъ надъ воспоминаніями дѣтства; но тутъ, къ несчастью, непредвидѣнные обстоятельства насильственно прервали дѣятельность Кирѣевского. Европеецъ прекратился на первыхъ двухъ книжкахъ. Люди съ сильнымъ характеромъ раздражаются неудачами; ихъ энергія удваивается при борьбѣ съ препятствіями; ихъ убѣжденія становятся строже и послѣдовательнѣе, обозначаются отчетливѣе, рѣзче и неумолимѣе. Но съ Кирѣевскимъ этого не могло случиться; онъ унаглъ духомъ, пересталъ писать, сталъ внимательно пересматривать свои убѣжденія и во многомъ измѣнилъ ихъ основной характеръ. Онъ, конечно, не прививалъ къ себѣ искусственно такихъ идей, которыя гармонировали бы съ обстоятельствами; онъ не сталъ себя насло-вать, не поплылъ сознательно по теченію, но, какъ человекъ въ высшей степени впечатлительный, онъ испыталъ отъ этой неудачи самое сильное потрясеніе; встревоженный и огорченный, онъ усомнился въ самомъ себѣ; ему пришло въ голову, что можетъ быть, это само *Провидѣніе* даетъ ему спасительный уронъ, что, можетъ быть, онъ заблуждался и указывалъ своимъ согражданамъ такой путь развитія, который не соответствуетъ ихъ потребностямъ. Когда въ умѣ Кирѣевского началось это тяжелое раздумье, когда ему такимъ образомъ представился случай, подъ вліяніемъ житейской невзгоды, выковать себѣ убѣжденія зрѣлаго человѣка, тогда воспоминанія дѣтства въ полной яркости и отчетливости представились его встревоженному воображенію. Окружающія впечатлѣнія, Москва и Долбино (родовое имѣніе Кирѣевскихъ), взяли верхъ надъ европейскими тенденціями, пробудившимися во время заграничной поѣздки, и выразившимися въ прерванной дѣятельности молодого журналиста. Эти тенденціи, въ которыхъ было такъ много неяснаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много искреннаго, эти тенденціи, изъ которыхъ, при другихъ

условіяхъ, могло выработаться много хорошаго и разумнаго, отошли на задній планъ, завяли и зачахли, уступили свое мѣсто другимъ возрѣніямъ, мрачнымъ, бесплоднымъ и безжизненнымъ.

Если можно сблизать литературный типъ съ личностью дѣйствительно существовавшаго человѣка, то я позволю себѣ сравнить участь Кирѣвскаго съ судьбою Лизы изъ «Дворянскаго гнѣзда» Тургенева. И Кирѣвскій, и Лиза носили въ себѣ съ дѣтства зародыши того разложенія, которое современемъ погубило и извратило ихъ богатія умственныя силы; оба они, и Кирѣвскій, и Лиза были способны жить разумною жизнью; еслибы имъ благопріятствовало счастье, то Лиза не пошла бы въ монастырь, а Кирѣвскій остался бы вѣрнѣе чисто европейскимъ тенденціямъ; но когда надъ ними обрушилась бѣда, тогда въ нихъ поднялись всё ихъ мистическіе инстинкты, и оба кончили очень дурно.

Прекративъ заданіе Европейца, Кирѣвскій сосредоточился и въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ написалъ только двѣ небольшія статьи; когда онъ снова началъ высказываться въ печати, тогда направленіе его мыслей оказалось уже существенно измѣненнымъ. Составитель матеріаловъ для біографіи Кирѣвскаго находятъ, конечно, что это измѣненіе было важнымъ шагомъ впередъ; я скажу съ своей стороны, что это измѣненіе было глубокимъ и окончательнымъ паденіемъ.

Обо многихъ людяхъ, шедшихъ по тому пути, по которому пошелъ Кирѣвскій, можно сказать просто: туда имъ и дорога! Но о Кирѣвскомъ нельзя не пожалѣть, какъ нельзя, напримѣръ, не пожалѣть о Гоголѣ. Несмотря на то, что его умъ никогда не донесъ до самоосвобожденія, ему невозможно отказать въ значительной степени даровитости. Онъ не доводитъ никакой идеи до послѣднихъ предѣловъ, но въ діалектическомъ развитіи этой идеи онъ всегда обнаруживаетъ гибкость ума и логическую находчивость. Логика Кирѣвскаго скована пристрастіями и предрасудками, но отстаивая эти пристрастія и предрасудки, онъ пускаетъ въ ходъ самыя разнообразныя діалектическія приемы и дѣйствуетъ на читателя не силою послѣдовательности, а разнообразіемъ и наглядностью аргументовъ. Онъ не мыслитель; онъ просто человѣкъ горячо чувствующій и старающійся убѣдить читателя въ нормальности и законности своихъ симпатій. Люди, одаренные отъ природы непобѣдимою логикою здраваго смысла, конечно, увидятъ, къ чему клонятся усилія Кирѣвскаго, и не поддадутся ни его доводамъ, ни теплотѣ чувства, разлитаго въ его статьяxъ.

Что же касается до людей слабых, чувствительных и способных увлекаться, то на них могут водѣйствовать въ высшей степени — тенденціи Кирѣевского, прикрытыя приличною литературною формою, соглашенныя наружными образами съ интересами гуманнаго развитія и подкрашенныя научными терминами и именами новѣйшихъ философовъ.

Когда Кирѣевскій толкуетъ объ общихъ историческихъ вопросахъ, о потребностяхъ народа и челоѣчества, тогда онъ оказывается совершенно не на своемъ мѣстѣ. У него не хватаетъ широты взгляда и силы ума, для того чтобы охватить подобныя вопросы во всемъ ихъ величїи и чтобы, обсуживая ихъ, не забиться въ какую нибудь труппу, изъ которой нѣтъ выхода на свѣжій воздухъ. Объ Европѣ и о Россїи онъ судитъ вкривъ и вкосъ, не зная фактовъ, не понимая ихъ и стараясь доказать всему читающему міру, что и философія, и исторія, и политика нуждаются для своего оживленія именно въ тѣхъ понятїяхъ, которыя были привиты ему самому. Тотъ же Кирѣевскій, имѣя дѣло съ частнымъ вопросомъ, съ небольшимъ явленіемъ, не превышающимъ пониманія обыкновеннаго челоѣка, оказывается очень тонкимъ цѣнителемъ, очень остроумнымъ критикомъ и безпристрастнымъ судьей.

Въ его мелкихъ статьяхъ разсыпано много удачныхъ замѣчаній о нашей вседневной жизни, объ уродливыхъ и смѣшныхъ явленїяхъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ нашемъ несложившемся обществѣ. Вотъ напр. что говоритъ Кирѣевскій въ своей статьѣ «Горе отъ ума на московскомъ театрѣ»:

«Философія Фамусова и теперь еще кружитъ намъ головы; мы теперь, также какъ въ его время, хлопочемъ и суетнися изъ ничего, кланяемся и унижаемся безкорыстно, только изъ удовольствїя кланяться; ведемъ жизнь безъ цѣли, безъ смысла; сходимся съ людьми безъ участія, расходимся безъ сожалѣнїя; имѣемъ наслажденїя минутныхъ и не умѣемъ наслаждаться. И теперь, также какъ при Фамусовѣ, дома наши равно открыты для всѣхъ: для званныхъ и незванныхъ, для честныхъ и для подлецовъ. Связи наши составляютъ не сходствомъ мнѣній, не сообразностью характеровъ, не одинакою цѣлью въ жизни и даже не сходствомъ нравственныхъ правилъ; ко всему этому мы совершенно равнодушны. Случай насъ сводитъ, случай разводитъ и снова сближаетъ безъ всякихъ послѣдствїй, безъ всякаго значенїя».

Эти слова, по моему мнѣнію, выражаютъ вѣрный и беспощадный взглядъ на пустую жизнь нашего общества, на отсутствіе въ немъ общихъ интересовъ, на узкую ограниченность той сферы, въ которой мы живемъ и стараемся дѣйствовать. Ясно, что Кирѣевскій, выражая подобныя мысли, не ширлся съ несовершенствами нашей дѣйствительности и считалъ необходимымъ исправленіе этихъ недостатковъ. Причину недостатковъ онъ видитъ въ томъ, что «изъ-подъ европейскаго фрака выглядываетъ остатокъ русскаго кафтана и что, обривши бороду, мы еще не умыли лица». Средство исцѣленія заключается, по его мнѣнію, въ сближеніи съ Европою, въ усвоеніи общечеловѣческихъ идей, въ уничтоженіи особенности и неподвижности. Всѣ эти идеи здравы и вѣрны; въ положительной ихъ части, т. е. тамъ, гдѣ Кирѣевскій указываетъ на то, что должно дѣлать, можно замѣтить ту же отвлеченную голословность, которую мы уже видѣли въ статьѣ «Девятнадцатый вѣкъ». Что же касается до отрицательной части, т. е. до перечисленія недостатковъ, то должно сознаться, что въ ней много справедливаго и даже оригинальнаго. Кирѣевскій глубоко чувствовалъ безалаберность русской жизни, и это чувство выразилось въ его произведеніяхъ въ очень разнообразныхъ формахъ; порою онъ является обличителемъ житейскихъ нелѣпостей, порою выражаетъ свое сочувствіе къ тѣмъ лучшимъ единицамъ, которыя страдаютъ въ душевной атмосферѣ, порою самъ тоскливо стремится вонъ изъ дѣйствительности въ міръ мечты или въ область отвлеченнаго умозрѣнія. Въ небольшой статьѣ его «О русскихъ писательницахъ» можно найти нѣсколько горячо прочувствованныхъ страницъ. Кирѣевскій понимаетъ, что женщина, чувствующая потребность высказаться передъ своими согражданами, принуждена бороться въ Россіи со многими и положительными, и отрицательными препятствіями; онъ понимаетъ, что трудъ женщины далеко не получалъ еще у насъ права гражданства, что женщина, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, принужденная преодолевать предубѣжденіе однихъ, равнодушіе другихъ, непониманіе третьихъ, рискуетъ умереть съ голоду, несмотря ни на свою даровитость, ни на свое образованіе, ни на искреннее стремленіе къ честному и общепольному труду. Если этого уже нѣтъ теперь, если въ наше время даровитая писательница пользуется всеобщимъ уваженіемъ, то это было иначе въ тридцатыхъ годахъ, когда писалъ Кирѣевскій; тогда вообще кругъ читающей публики былъ гораздо тѣснѣе, и кромѣ того, предубѣжденіе противъ литературнаго труда женщины имѣло свое значеніе въ обществѣ и въ

*

семействъ. Вотъ напр. краткій рассказъ Кирѣевского объ одномъ замѣчательномъ фактѣ тогдашней литературы и тогдашней жизни:

«Недавно, говоритъ онъ, российская академія издала съинтозаверенія одной русской писательницы, которой труды займутъ одну изъ первыхъ мѣстъ между произведеніями нашихъ дамъ—поэтовъ, я которая до сихъ поръ оставалась въ совершенной неизвѣстности. Судьба, кажется, отдѣляла ее отъ людей какою-то странною бедною, такъ что, живя посреди ихъ, посреди столицы, ни она ихъ не знала, ни они ее. Они оставили ее, не зная для чего; она оставила ихъ для своей Греціи,—для Греціи, которая, кажется, одна наполняла всѣ ея мечты и чувства; по крайней мѣрѣ о ней одной говоритъ каждый стихъ изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, написанныхъ ею. Странно: семнадцати лѣтъ, въ Россіи, дѣвушка бѣдная, бѣдная со всею своею ученостью! Знать восемь языковъ, съ талантомъ поэзіи соединить талантъ живописи, музыки, танцованья, учиться самымъ разнороднымъ наукамъ, учиться безпрестанно, работать все дѣтство, работать всю первую молодость, работать, начиная день, работать, отдыхая; написать три большихъ тома стиховъ по-русски, можетъ быть столько же на другихъ языкахъ; въ свободное время переводить трагедіи, русскія трагедіи,—и все для того, чтобы умереть въ семнадцать лѣтъ, въ бѣдности, въ крайности, въ неизвѣстности!»

Въ этомъ живомъ рассказѣ о неизвѣстныхъ трудахъ, объ этой глухой борьбѣ съ нуждою, объ этой молодой жизни, испепелившейся въ безплодныхъ усиліяхъ, слышенъ гомель челоуѣка, способнаго чувствовать и понимать чужое горе. Въ этомъ рассказѣ слышится странный укоръ нашей жизни. Отчего дѣвушка даровитая, работающая во-всѣхъ силъ, обладающая значительными свѣдѣніями, тратитъ время на безполезные стихи о Греціи, не находитъ въ русской жизни матеріаловъ для своей дѣятельности и умираетъ безпомощная, непризнанная, никому не нужная, никѣмъ и ничѣмъ не согрѣтая?

Кирѣевскій глубоко сочувствуетъ тѣмъ настояннымъ орошеніямъ, которыя впечатлительная душа женщины испытываетъ ежeminутно при разнообразныхъ столкновеніяхъ съ уродливыми явленіями нашей жизни. Онъ понимаетъ, что женщина, одаренная живымъ эстетическимъ чувствомъ, можетъ и должна стремиться въ какую нибудь болѣе изящную и гармоническую среду.

«Италія, кажется, сдѣлалась ея вторымъ отечествомъ», говоритъ онъ объ одной изъ нашихъ писательницъ, и, впрочемъ, кто знаетъ?

Можетъ быть, необходимость Италіи есть общая, неизбежная судьба всѣхъ, жившихъ участь ея подобно? Кто изъ первыхъ впечатлѣній узналъ лучший міръ на землѣ, міръ прекраснаго; чья душа, отъ первого пробужденія въ жизнь, была, такъ сказать, взлѣтана на цвѣтахъ искусствъ и образованности, въ теплой итальянской атмосферѣ великаго; можетъ быть, для того уже нѣтъ жизни безъ Италіи, и синее итальянское небо, и воздухъ итальянскій, исполненный солнца и музыки, и итальянскій языкъ, пропитанный всею прелестью нѣги и граціи, и земля итальянская, усеянная великими воспоминаніями, покрытая, зачарованная созданіями гениальнаго творчества, — можетъ быть, все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью, единственнымъ, неудушющимъ воздухомъ для души, изъобилующей расцвѣтшими искусствомъ и просвѣщеніемъ.

Любуясь изящнымъ произведеніемъ, Кирѣевскій невольно сравниваетъ гармонию этого произведенія съ нестройностью окружающей жизни; онъ чувствуетъ разладъ, существующій между міромъ мечты и міромъ сѣренькой дѣйствительности, и самое эстетическое наслажденіе переходитъ въ тихое чувство грусти. «Все слишкомъ идеальное, говоритъ онъ, даже при свѣтлой наружности, рождаетъ въ душѣ печаль какимъ-то магнетическимъ сочувствіемъ; такова одинокая, чистая пѣснь прослышанная сквозь нестройный, ее заглушающій шумъ; такова жизнь дѣвушки съ душою пламенною, мечтательною, для которой въ міра событій существуютъ еще одни внутреннія». Пожалуйте, гг. читатели, не останавливайтесь на внешней сентиментальности, которою грѣшитъ это мѣсто; взгляните въ основную мысль, вникните въ то настроеніе, которое выразилось въ этихъ тихихъ изліяніяхъ грусти, поставьте себя на мѣсто Кирѣевского, перенеситесь въ его время, и вы увидите, что причины этой грусти были очень реальныя.

У Кирѣевского разсыяно въ его статьяхъ много замѣчательныхъ мыслей; чисто литературная критика его отличается вѣрностью эстетическаго чутья. Замѣчательнѣе другихъ его произведеній небольшая статья о стихотвореніяхъ Языкова. Приведу изъ этой статьи нѣсколько выписокъ, выражающихъ общія отношенія автора къ общимъ вопросамъ жизни.

«Мы часто, говорятъ Кирѣевскій, считаемъ людьми нравственными тѣхъ, которые не нарушаютъ приличій, хотя бы впрочемъ жизнь ихъ была самая ничтожная, хотя бы душа ихъ была лишена всякаго

стремленія къ добру и красотѣ. Если вамъ случалось встрѣчать чело-
вѣтка, согрѣтаго чувствами возвышенными, но одареннаго притомъ
сильными страстями, то вспомните и сочтите, сколько нашлось людей
которые поняли въ немъ красоту души, и сколько такихъ, которые
замѣтили одни заблужденія. Странно, но правда, что для хорошей ре-
путациі у насъ лучше совѣтъ не дѣйствовать, чѣмъ иногда ошибатъ-
ся, между тѣмъ, какъ въ самомъ дѣлѣ, скажите, есть ли на свѣтѣ
что нибудь безнравственнѣе равнодушія».

Вотъ замѣчательная мысль Кирѣвскаго объ отношеніяхъ между
жизнью и искусствомъ:

«Но когда является поэтъ оригинальный, открывающій новую
область въ мірѣ прекраснаго и прибавляющій такимъ образомъ новый
элементъ къ поэтической жизни своего народа, — тогда обязанность
критики измѣняется. Вопросъ о достоинствѣ художественномъ стано-
вится уже вопросомъ второстепеннымъ; даже вопросъ о талантѣ
является неглавнымъ; но мысль, одушевляющая поэта, получаетъ ин-
тересъ самобытный, философскій; и лицо его становится идеею, и
его созданія становятся прозрачными, такъ что мы не столько смот-
римъ на нихъ, сколько сквозь нихъ, какъ сквозь открытое окно;
стараясь разсмотрѣть самую внутренность новаго храма и въ немъ
божество, его освящающее.

Оттого, входя въ мастерскую живописца обыкновеннаго, мы мо-
жемъ удивляться его искусству; но предъ картиною художника твор-
ческаго забываемъ искусство, стараясь понять мысль, въ ней выра-
женную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль, и прожить въ
воображеніи то состояніе души, при которомъ она исполнена. Впро-
чемъ и это послѣднее сочувствіе съ художникомъ свойственно однимъ
художникамъ же; но вообще люди сочувствуютъ съ нимъ только въ
томъ, что въ немъ чисто человѣческаго: съ его любовью, съ его те-
ской, съ его восторгами, съ его мечтою-утѣшительницею, однимъ сло-
вомъ, съ тѣмъ, что происходитъ внутри его сердца, не заботясь о
событіяхъ его мастерской.

Такимъ образомъ на нѣкоторой степени совершенства искусство
само себя уничтожаетъ, обращаясь въ мысль, превращаясь въ душу».

Вотъ сужденіе Кирѣвскаго объ особенностяхъ поэзіи Языкова:

«Если мы выйдемъ въ то впечатлѣніе, которое произведетъ на
насъ его поэзія, то увидимъ, что она дѣйствуетъ на душу какъ вино,
имъ воспѣваемое, какъ какое-то волшебное вино, отъ котораго жизнь

двоится въ глазахъ нашихъ: одна жизнь является намъ тѣсною, мелкою, всѣдневною; другая — праздничною, поэтическою, просторною. Первая угнетаетъ душу; вторая освобождаетъ ее, возвышаетъ и наполняетъ восторгомъ. И между сими двумя существованіями лежитъ явная, безднная пропасть; но черезъ эту пропасть судьба бросила нѣсколько живыхъ мостовъ, по которымъ душа переходитъ изъ одной жизни въ другую: это любовь, это слава, дружба, вино, мысль объ отечествѣ, мысль о поэзіи и, наконецъ, тѣ минуты безотчетнаго, разгульнаго веселья, когда собственные звуки сердца заглушаютъ ему голосъ окружающаго міра,—звуки, которыми сердце обязано собственной молодости болѣе, чѣмъ случайному предмету, ихъ возбудившему».

Я, можетъ быть, утомилъ читателя выписками, но мнѣ хотѣлось дать возможно полное понятіе о свѣтлой сторонѣ литературной дѣятельности Кирѣевскаго. Въ этой свѣтлой сторонѣ отразилось способность сочувствовать всѣмъ человѣческимъ ощущеніямъ, и понимать чувствомъ всѣ человѣческія слабости и страданія. Кирѣевскій родился художникомъ и, неизвѣстно почему, вообразилъ себя мыслителемъ. Онъ впечатлительнъ, воспримчивъ, отзывчивъ, способенъ подчиняться чужому вліянію, увлекаться чужими идеями; у него нѣтъ умственной самобытности; онъ постоянно отражаетъ въ себѣ идеи и симпатіи той среды, въ которой онъ живетъ и которую любитъ. Бывши юношею, онъ жилъ тѣмъ, что было втолковано ему въ дѣтствѣ; поѣхавши за границу, онъ увлекся «первоклассными умами» Европы и началъ стремиться къ западному просвѣщенію, которое было извѣстно ему какъ-то по наслышкѣ, да по философскимъ трактатамъ Гегеля и Шеллинга. Веротившись на родину и заслушавъ гулъ московскихъ колоколовъ, онъ крѣпко приторосъ къ той родной почвѣ, о которой убивается журналъ Время и вообразилъ себя представителемъ славянскаго любознудрія, необходимаго для спасенія разлагающагося запада. Но, какъ ни глубоко было заблужденіе Кирѣевскаго, оно органически вытекало изъ основныхъ свойствъ его характера, изъ тѣхъ самыхъ свойствъ, которыя выразились въ нѣсколькихъ блестящихъ мысляхъ и въ нѣсколькихъ горячо прочувствованныхъ страницахъ.

Вотъ, видите ли, есть люди, которые не могутъ смотрѣть хладнокровнымъ критическимъ взглядомъ на все, что ихъ окружаетъ; имъ необходимо горячо любить, горячо отдаваться чему нибудь, съ полнымъ самоотверженіемъ служить какому нибудь принципу или даже какому нибудь лицу. Когда эти люди успѣваютъ обречь себя на служеніе какой

вѣбуй великой, истинной идѣй, тогда они совершаютъ великіе подвиги, становятся благодѣлячи своего народа и заслуживаютъ признательность современниковъ и потомковъ. Когда же они ошибаются въ выборѣ своего кумира, тогда они дѣлаются безпутными людьми, поступаютъ въ число гасильниковъ и становятся тѣмъ опаснѣе, чѣмъ решительнѣе и чистосердечнѣе увлекаются своею привязанностью къ презрѣнной идѣй. Кирѣевскій чувствовалъ, что многія потребности просвѣщеннаго ума не находятъ себѣ удовлетворенія, что многія обыденныя явленія оскорбляютъ человеческое чувство. Что же оставалось ему дѣлать въ такомъ положеніи? Оставалось бороться противъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя можно было извѣнчить, и мириться съ тѣмъ, что было не подъ силу отдѣльному человѣку. Мирясь съ явленіями жизни чисто внѣшнимъ образомъ, надо было оградить самого себя отъ разрушающаго вліянія этой жизни. Надо было, отказываясь отъ фактической борьбы, оставаться на сторожѣ и хранить свою умственную самостоятельность среди хаоса невѣжества, насилія и предрассудковъ. Но жить такимъ образомъ, безъ дѣятельной борьбы и безъ страстныхъ привязанностей значило жить чистымъ отрицаніемъ, не вѣрить ни въ себя, ни въ другихъ, ни въ идею, сознавать безотрадность настоящаго и сомнѣваться въ возможности лучшаго будущаго. Остановиться на такомъ печальномъ воззрѣніи на жизнь способны очень немногіе люди; чтобы ужиться съ чистымъ сомнѣніемъ въ области науки и жизни, надо обладать значительною трезвостью ума и недоожинною твердостью характера. Но у Кирѣевского не было ни того, ни другаго; страдая отъ особенностей жизни, онъ не могъ ни свыкнуться съ этими особенностями, ни выстрадать себѣ полное равнодушіе къ этой жизни. Уродливыя явленія мѣшали ему дѣйствовать, но они не мѣшали ему мечтать, и онъ весь ушелъ въ міръ мечты, унося съ собою свою дивертисскую ловкость, которая помогала ему доказывать и себѣ, и другимъ, что мечта его—не мечта, а живая дѣйствительность. Еслибы Кирѣевскій былъ мыслителемъ, еслибы онъ заботился не объ удобствѣ того или другаго міросозерцанія, а только о степени его дѣйствительной вѣрности, тогда онъ не сталъ бы утѣшать себя произвольными фантазіями; еслибы онъ былъ чистымъ поэтомъ, тогда онъ просто окружилъ бы себя созданіями собственнаго воображенія, не стараясь связывать эти созданія съ явленіями дѣйствительной жизни. Но, къ сожалѣнію, въ Кирѣевскомъ соединились эти два рѣдко-совѣстимые элемента; онъ по природѣ своей художникъ, а по развитію ученикъ вѣнскихъ он-

лософовъ. Онъ постоянно мечтаетъ, но воспѣваемые имъ предметы, къ сожалѣнію, вовсе не вяжутся съ поэзію; вмѣсто того чтобы изображать свои собственныя чувства, настроеніе своей души, наконецъ то или другое, мелкое или крупное событіе, онъ беретъ самыя отвлеченныя темы и пишетъ поэму въ прозѣ о европейской цивилизаціи, объ отношеніяхъ между западомъ и Россією, о новыхъ началахъ въ философіи. Такого рода сочиненія оказываются плохими поэмами, и плохими разсужденіями. Личное настроеніе автора не можетъ выразиться въ свободномъ лирическомъ изліяніи, потому что оно сковано логикою, діалектикою и фязіономіею дѣйствительныхъ фактовъ. Что же касается до логики автора, то она, конечно, стоитъ ниже всякой критики, потому что ея дѣло — доказывать то, во что Кирѣевскому пріятно вѣрить. «Логическій выводъ, говоритъ собиратель матеріаловъ, думая похвалить своего героя, былъ у Кирѣевского всегда завершеніемъ и оправданіемъ его внутренняго вѣрованія, и никогда не ложился въ основаніе его убѣжденія». Въ сочиненіяхъ Кирѣевского хороши только тѣ мѣста, въ которыхъ онъ является чистымъ поэтомъ, тѣ мѣста, въ которыхъ онъ безсознательно выражаетъ всю полноту своего чувства. Повѣсти Кирѣевского (изъ которыхъ окончена только одна «Опалъ») очень плохи, потому что въ нихъ преобладаетъ головной элементъ; онъ сбиваются на аллегоріи или же на разсужденія на заданную тему. У Кирѣевского не хватило бы творческой силы на то, чтобы обдумать и создать художественно-стройное цѣлое; у него мечтательность выражается въ общемъ направленіи мысли, а сильное воодушевленіе появляется только проблесками и продолжается недолго; я выписалъ почти всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ Кирѣевскій, увлекаясь лирическимъ порывомъ, производитъ на читателя сильное и вполне гармоническое впечатлѣніе. Такихъ мѣстъ въ двухъ томахъ очень не много, и эти мѣста тонуть въ сонняхъ дидактическихъ, утомительно-сучныхъ и глубоко-безполезныхъ страницъ.

IV.

Направленіе, по которому пошелъ Кирѣевскій послѣ своего двѣнадцатилѣтняго бездѣйствія, называется *привославно-славянскимъ*. Задачи этого направленія заключаются еще въ основныхъ положеніяхъ его статьи: девятнадцатый вѣкъ, но эти положенія получили пол-

ное развитіе и принесли обильные плоды впоследствии, въ его отвѣтъ Хомякову, въ письмѣ къ графу Комаровскому, въ критическихъ статьяхъ, помѣщавшихся въ Москвитянинѣ, и въ послѣдней его философской статьѣ, украсившей собою страницы покойной Русской Бесѣды. Всѣ эти статьи большею частью посвящены сравненію европейской цивилизаціи съ русской. Существованіе самобытной русской цивилизаціи, процвѣтавшей «во время оно» и задержанной реформою Петра составляетъ въ глазахъ Кирѣевскаго неопровержимый фактъ, не требующій никакихъ доказательствъ. Эта русская цивилизація восхваляется всѣми возможными возгласами и причитаіями; сравнивая ее съ западною, Кирѣевскій находитъ, что она не въ примѣръ лучше; онъ останавливается на этомъ сравненіи съ особенною любовью и съ трогательнымъ патріотическимъ самодовольствомъ; главное преимущество, которое онъ находитъ въ русской цивилизаціи, заключается въ томъ, что русская цивилизація не проникнута рационализмомъ и не подчинена господству разума. Чтобы доказать, что Кирѣевскій считаетъ это свойство дѣйствительнымъ и важнымъ преимуществомъ, и что дѣятельность разума кажется ему въ высшей степени опасною, я приведу слѣдующую цитату изъ его письма къ графу Комаровскому. Она очень длинна и скучна, но читатель узнаетъ изъ нея замысловатое мирозозерцаніе Кирѣевскаго и убѣдится въ томъ, что русская цивилизація стоитъ неизмѣримо выше западной:

«Но остановимся здѣсь и соберемъ вмѣстѣ все сказанное нами о различіи просвѣщенія западно-европейскаго и древне-русскаго; ибо, кажется, достаточно уже замѣченныхъ нами особенностей для того, чтобы, свѣдя ихъ въ одинъ итогъ, вывести ясное опредѣленіе характера той и другой образованности.

«Христіанство проникало въ умы западныхъ народовъ черезъ ученіе одной римской церкви, — въ Россію оно зажигалось на свѣтлынькахъ всей церкви православной; богословіе на западѣ приняло характеръ разсудочной отвлеченности. — въ православномъ мірѣ оно сохранило внутреннюю цѣльность духа; тамъ {раздвоеніе силъ разума, здѣсь стремленіе къ ихъ живой совокупности; тамъ движеніе ума къ истинѣ посредствомъ логическаго сдѣленія понятій, здѣсь стремленіе къ ней посредствомъ внутренняго возвышенія самосознанія къ сердечной цѣльности и средоточію разума; тамъ исканіе наружнаго, мертваго единства, здѣсь стремленіе къ внутреннему, живому; тамъ церковь смѣшалась съ государствомъ, соединивъ духовную власть со свѣтскою

и сливая церковное и мирское значеніе въ одно устройство смѣшаннаго характера,—въ Россіи она оставалась не смѣшанною съ мирскими цѣлями и устройствомъ; тамъ схоластическіе и юридическіе университеты,—въ древней Россіи молитвенные монастыри, сосредоточивавшіе въ себѣ высшее знаніе; тамъ разсудочное и школьное изученіе высшихъ истинъ, здѣсь стремленіе къ ихъ живому и цѣльному познанию; тамъ взаимное проростаніе образованности языческой и христіанской, здѣсь постоянное стремленіе къ очищенію истины; тамъ государственность изъ насилій завоеванія, здѣсь—изъ естественнаго развитія народнаго быта, проникнутаго единствомъ основнаго убѣжденія; тамъ враждебная разграниченность сословій,—въ древней Россіи ихъ единомудренная совокупность при естественной разнovidности; тамъ искусственная связь рыцарскихъ замковъ съ ихъ принадлежностями составляетъ отдѣльныя государства, здѣсь совокупное согласіе всей земли духовно выражаетъ нераздѣлимое единство; тамъ поземельная собственность—первое основаніе гражданскихъ отношеній, здѣсь собственность только случайное выраженіе отношеній личныхъ; тамъ законность формально логическая, здѣсь—выходящая изъ быта; тамъ наклонность права къ справедливости внѣшней, здѣсь предпочтеніе внутренней; тамъ юриспруденція стремится къ логическому кодексу, здѣсь, вмѣсто наружной связности формы съ формою, ищетъ она внутренней связи правомѣрнаго убѣжденія съ убѣжденіями вѣры и быта; тамъ законы исходятъ искусственно изъ господствующаго мнѣнія, здѣсь они рождались естественно изъ быта; тамъ улучшения всегда совершались насильственными перемѣнами, здѣсь стройнымъ естественнымъ возрастаніемъ; тамъ волненіе духа партій, здѣсь неизблѣмость основнаго убѣжденія; тамъ прихоть моды, здѣсь твердость быта; тамъ шаткость личной самозаконности, здѣсь крѣпость семейныхъ и общественныхъ связей; тамъ щеголеватость роскоши и искусственность жизни, здѣсь простота жизненныхъ потребностей и бодрость нравственнаго мужества; тамъ изнѣженность мечтательности, здѣсь здоровая цѣльность разумныхъ силъ; тамъ внутренняя тревожность духа при разсудочной увѣренности въ своемъ нравственномъ совершенствѣ, у Русскаго—глубокая тишина и спокойствіе внутренняго самосознанія при постоянной недовѣрчивости къ себѣ и при неограниченной требовательности нравственнаго усовершенія; однимъ словомъ, тамъ раздвоеніе духа, раздвоеніе мыслей, раздвоеніе наукъ, раздвоеніе государства, раздвоеніе сословій, раздвоеніе общества, раз-

двоеніе семейныхъ правъ и обязанностей, раздвоеніе нравственнаго и сердечнаго состоянія, раздвоеніе всей совокупности и всѣхъ отдѣльныхъ видовъ бытія человѣческаго, общественнаго и частнаго; въ Россіи, напротивъ того, — преимущественное стремленіе къ цѣльности бытія внутренняго и внѣшняго, общественнаго и частнаго, умозрительнаго и житейскаго, искусственнаго и нравственнаго. Поэтому, если справедливо сказанное нами прежде, то *раздвоеніе и цѣльность, расудочность и разумность* будутъ послѣднихъ выраженіемъ западно-европейской и древне-русской образованности».

Читатель долженъ помнить, что всѣ великія достоинства, о которыхъ говорятъ Кирѣевскій, принадлежатъ только древне-русской цивилизаціи. Мы, современные русскіе люди, должны только воздымать о томъ, что намъ не пришлось насладиться этими благами, и что мы, по всей крайней испорченности, потеряли даже способность любить и уважать эту милую старину. Исследователь древне-русскаго быта могъ бы, пожалуй, возразить Кирѣевскому, что въ древней Руси было плохое житье, что тамъ били батогами не на животъ, а на смерть, что судъ никогда не обходился безъ пытки; что рабство или холодство существовало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, что мужья хлестали своихъ женъ шелковыми и ременными плетками, а блюстители нравственности, въ родѣ Сильвестра уговаривали ихъ только не бить зря, по уху или по видѣнію. Много подобныхъ возраженій могъ бы привести исследователь, но Кирѣевскій не обратилъ бы на нихъ никакого вниманія; онъ сказалъ бы, что все это мелкія, внѣшнія, случайныя явленія, не касающіяся внутренней идеи, что сущность нашей цивилизаціи остается неприкосновенною, что принципъ ея великъ и непогрѣшимъ, несмотря на всѣ продѣлки, творившіяся подъ покровомъ этого принципа. На такіе убѣдительные доводы исследователь, конечно, не нашелъ бы отвѣта. Подобно этому предполагаемому исследователю, мы преклоняемся передъ непонятною мудростью мыслителя-поэта, и съ трепетомъ живой надежды прислушиваемся къ его обѣщаніямъ, открывающимъ намъ перспективу лучшей, просвѣтленной жизни. Изъ слѣдующихъ словъ его мы узнаемъ, что мы еще не совсѣмъ погибли, что и для насъ есть возможность спасенія:

«Но корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и, что всего важнѣе, онъ живетъ въ его святой, православной церкви. Поэтому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи.... Построеніе же

этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни, и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе—вырабатывать мысленно общественное самосознаніе; когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ пренебрегнутый западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ односторонности европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почувствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда съ разумною жаждою полной правды онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней православной вѣры своего народа и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, вырвавшись изъ—подъ гнета рассудочныхъ системъ европейскаго любомудрія, русскій образованный человекъ, въ глубинѣ особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живаго, цѣльнаго умозрѣнія святыхъ отцевъ церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами западнаго самосознанія. А въ прежней жизни отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности».

Мнѣ нечего прибавлять къ этимъ словамъ. Они сами говорятъ за себя.

V.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о критической статьѣ, помѣщенной въ Современникѣ подъ заглавіемъ «Московское словенство». Эта статья своею бездоказательностью и голословіемъ можетъ поспорить съ философскими поэмами самаго Кирѣевскаго. Всѣ представители православно-славянскаго направленія—Хомяковъ, К. Аксаковъ, Кирѣевскій, ступеваны подъ одинъ колеръ; у всѣхъ на лбу прищипленъ ярлыкъ съ надписью «славянофиль», и всѣ они совершенно лишены своей индивидуальной физиономіи; славянофильство принимается за какое-то уметвенное повѣтріе, свалившееся на Москву, какъ снѣгъ на голову, и заразившее собою цѣлый кружокъ людей, очень честныхъ и очень неглупыхъ. Внѣшніе признаки славянофильства описаны въ общихъ чертахъ, но изъ этого описанія читатель никакъ не можетъ составить себѣ понятія о томъ, какъ возникло это направленіе мысли, и почему именно оно пришлось по душѣ Кирѣевскому, Хомякову и компаніи,

Если закоренѣлые обскуранты смотрятъ на нововведенія, какъ на дьявольскую прелесть, пущенную въ міръ для соблазна и погибели православныхъ христіанъ, то должно сознаться, что нѣкоторые отчаянные и черезъ-чуръ запальчивые прогрессивисты смотрятъ на нововведенія, подобныя славянофильству, какъ на какое-то чудовищное и необъяснимое порожденіе духа тьмы и зла. Обскуранты и прогрессивисты нѣсколько не похожи другъ на друга по образу мыслей, но тѣ и другіе, сражаясь съ враждебными имъ явленіями, увлекаются за предѣлы всякаго благоразумія, теряютъ способность хладнокровно анализировать, и, впадая въ декламацию, берутъ фальшивыя ноты, вредящія тому дѣлу, которое они защищаютъ.

Вмѣсто того, чтобы прослѣдить развитіе Кирѣевского, Хомякова и другихъ славянофиловъ, вмѣсто того, чтобы рассмотреть тѣ свойства этихъ людей, которыя породили въ нихъ недовѣріе къ дѣятельности разума, словомъ, вмѣсто того, чтобы объяснить славянофильство какъ психологическій фактъ, критикъ Современника впадаетъ въ совершенно безплодную полемику съ положеніями славянофильскихъ теорій.

Спорить съ славянофилами—это, право, странно; благоразумный человѣкъ не станетъ ни опровергать отрывочныхъ восклицаній, ни ситѣться надъ несвязною рѣчью. Онъ будетъ наблюдать — изучать развитіе и причины — и сообщать результаты своихъ изслѣдованій другимъ людямъ, способнымъ и желающимъ его слушать.

Славянофильство — не повѣтріе идущее неизвѣстно откуда, это — психологическое явленіе, возникающее вслѣдствіе неудовлетворенныхъ потребностей. Кирѣевскому хотѣлось жить разумною жизнью, хотѣлось наслаждаться всѣмъ, чего проситъ душа живаго человѣка, хотѣлось любить, хотѣлось вѣрить... Въ дѣйствительности не нашлось матеріаловъ; а между тѣмъ онъ полюбилъ ее, объидеализировалъ ее, раскрасилъ ее по-своему и сдѣлался рыцаремъ печальнаго образа, подобно незавенному Донъ Кихоту, любовнику несравненной Дульциней Тобозской. Славянофильство есть русское донъ-кихотство; гдѣ стоятъ вѣтряныя мельницы, тамъ славянофилы видятъ вооруженныхъ богатырей; отсюда происходятъ ихъ вѣчно-фразистыя, вѣчно неосмысленныя бредни о народности, о русской цивилизаціи, о будущемъ вліяніи Россіи на умственную жизнь Европы.

Все это — донъ-кихотство, всегда искреннее, часто трогательное, большую часть несостоятельное.

Д. ПИСАРЕВЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АМЕРИКАНСКІЙ КРИЗИСЪ И ВЛІЯНІЕ ЕГО НА ЕВРОПЕЙСКІЯ ДѢЛА.

1. AMERICAN CRISIS, AND ITS PROSPECTS. London. 1861.

2. UTILITARIANISM. By J. S. Mill. Fraser's Magazine. 1861.

Послѣ паденія греко—римскаго міра единственный примѣръ соединенія свободныхъ политическихъ учрежденій съ социальнымъ рабствомъ представляетъ намъ Америка. Нигдѣ и никогда личныя права человека не достигали такого полнаго развитія, какъ въ американской республикѣ, но нигдѣ и никогда положеніе раба не было такъ тягостно и позорно, какъ на американской землѣ. Два различныя и, по взаимнымъ отношеніямъ, враждебныя племена—*бѣлые* угнетатели и *черные* угнетенные, бичъ плантатора и свободное дѣйствіе гражданина, неприкосновенность собственности, независимость общественнаго мнѣнія и публичный торгъ людьми, выводимыми на рынокъ вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, встрѣтились подъ однимъ историческимъ горизонтомъ и въ одной географической чертѣ. Само собою разумѣется, что никакая политическая сила, никакая законодательная власть, какъ бы она гениальна ни была, не могла примирить эти два противоположныя начала; внутренняя борьба ихъ постоянно чувствовалась, и рано или поздно должна была окончиться всеобщимъ потрясеніемъ американскаго союза. Люди дальновидные, живущіе идеями не одного нынѣшняго дня и взвѣшивающіе ходъ событій не по внѣшнимъ признакамъ времени, а по живучести и силѣ самаго прин-

ципа, давно предвидѣли этотъ кризисъ, хотя и не могли оцѣнить всей важности его значенія; они справедливо думали, когда утверждали, что чѣмъ позднѣе наступитъ неизбежное столкновение между рабствомъ и свободой, тѣмъ хуже будетъ развязка. Дѣйствительно, развязка оказалась самой мучительной, потому что болѣзнь, растравленная годами, потребовала сильныхъ хирургическихъ средствъ вмѣсто прежняго патологическаго леченія. За семьдесятъ лѣтъ раньше американское невольничество могло быть уничтожено однимъ энергическимъ голосомъ на представительномъ сеймѣ или однимъ параграфомъ въ конституціи, но теперь, когда деморализация его заразила всѣ здоровыя части народной жизни, для искорененія зла сдѣлалась необходимой крутая мѣра. Прежде чѣмъ отделилась Южные Штаты отъ Сѣверныхъ, органическая связь ихъ давно была разорвана. Политика рабовладѣльцевъ издала приготовила этотъ разрывъ, и только ожидала благопріятной минуты для осуществленія его. Избраніе президентомъ Авраама Линкольна послужило поводомъ, но не было главной причиной возстанія. «Мы не можемъ долѣе жить, говорилъ Джеферсонъ Дэвисъ, подъ однимъ управленіемъ, съ однимъ законами, на одинаковыхъ правахъ; съ этого времени интересы наши различныя, политическія и нравственныя цѣли расходятся; съ этого времени мы (т. е. южные плантаторы) должны имѣть свой національный флагъ, свои границы, свой парламентъ и свою собственную администрацію.» Переводя эти слова монгомерійскаго оратора на простой человѣческой языкъ, вѣдо было выразиться такъ: «мы отлагаемся отъ Сѣверныхъ Штатовъ не потому, чтобъ ихъ свободная конституція стѣсняла нашу дѣятельность или нарушала общественные интересы, а потому что рабство Негровъ для насъ дороже всякой свободы; мы имъ живемъ, насчетъ его богатѣемъ, мы составили громадныя торговые обороты, всемірную промышленность руками африканскихъ невольниковъ, и потому желаемъ сохранить ихъ, во что бы то ни стало; а для сохранения рабовъ и удержанія ихъ въ прежней покорности намъ необходимо особенное управленіе—строгая внутренняя администрація съ полицейскимъ надзоромъ, съ философіей Фицъ-Гуга, проповѣдующей право рабства, намъ необходимы заставы, черезъ которыя не могъ бы перейти невольникъ или зайти свободное слово; намъ необходимъ особый національный флагъ, на звѣздномъ фонѣ котораго была бы вышита плеть; однимъ словомъ, намъ нужны четыре милліона Негровъ, обрабатывающихъ наши плантаціи и поля и наблюдающихъ наши кар-

иными долларами. Вот почему мы отпадаемъ отъ союза и лучше рѣшаемся на братоубійственную войну, чѣмъ на уничтоженіе рабства». Между тѣмъ, какъ партія плантаторовъ говорила такъ, аболіціонисты Сѣверныхъ Штатовъ разсуждали иначе: «рабство Негровъ, протестовали они, пятнаетъ честь американской республики, тяготитъ нашу совѣсть, заставляетъ лицемерить и лгать въ сношеніяхъ съ другими націями и передъ народнымъ мнѣніемъ; рабство развращаетъ наше семейство, школу и общество, задерживаетъ прогрессъ, искажаетъ законодательныя мѣры, изъ представительной системы дѣлаетъ органъ безчестныхъ и своекорыстныхъ расчетовъ негровладельцевъ, однимъ словомъ, та же дѣль, которая звенитъ на ногахъ невольника, связываетъ наши собственныя руки и причиняетъ боль всему государственному организму»...

Въ этихъ радикально-противоположныхъ взглядахъ и политическихъ стремленіяхъ скрывался постоянный антагонизмъ Сѣвера съ Югомъ. Въ послѣднія десять лѣтъ онъ обратился въ открытую и упорную борьбу партій, изъ которыхъ каждая домогалась преобладанія въ правительственной власти. Съ одной стороны, люди, подобные Броуну, шли на знамя за свое горячее сочувствіе свободѣ, составлялись общества въ пользу эманципации; съ другой стороны, плантаторы добились явнаго перевѣса въ парламентѣ и вносили одинъ билль за другимъ для огражденія своего самоуправства и основанной на немъ эксплуатациі рабовъ. Не было ни одного государственнаго распоряженія, въ которое не замѣшивался бы вопросъ о неграхъ и не торжествовалъ бы развитіе той или другой реформы; ему подчинялось мнѣніе большинства, отъ него зависѣли промышленныя соображенія и система выборовъ, такъ что, наконецъ, свобода надъ рабствомъ или рабство надъ свободой должно было восторжествовать, но жить вмѣстѣ они не могли, какъ говорилъ Дэвисъ.

Такимъ образомъ распаденіе союза было совершившимся фактомъ гораздо прежде, чѣмъ объявили его монгомерійскія палаты. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было его отсрочить взаимными уступками еще на нѣсколько лѣтъ, остановить кой-какія административными наліятиваніями, но предотвратить навсегда не могла никакая человѣческая сила. Первые симптомы междуусобной войны начались со стороны Юга, и это было логическимъ послѣдствіемъ плантаторской политики. Провозгласивъ независимость южной федераціи, рабовладельцы имѣли въ виду не только отдѣлиться отъ союза, но также нанести рѣши-

тельный ударъ его матеріальному могуществу и силой вырвать признание своихъ правъ. Остаться въ спокойномъ положеніи — значило поставить вопросъ на дипломатическую почву и разрѣшить его въ пользу Сѣвера. Притомъ возмущившіеся штаты опасались вторженія враговъ въ свои границы, гдѣ треть народонаселенія могла подняться по первому сигналу противъ своихъ притѣснителей; наконецъ Югу надо было начать войну и потому, что она, возбуждая патриотическій энтузіазмъ, склоняла на сторону его пограничныя провинціи, болѣе или менѣе заинтересованныя въ выгодахъ отъ рабовладѣнія, и благовидными антипатіями прикрывала свои неблаговидныя цѣли; въ случаѣ успѣха, она давала возможность побѣдителю предписать Сѣверу свои условія и обозначить пограничную линію тамъ, гдѣ было бы ему угодно. Иначе распорядились Сѣверныя Штаты. Принужденные вести оборонительную войну, потерявъ лучшія позиціи, они не хотѣли воспользоваться даже нравственнымъ превосходствомъ своего положенія. Вмѣсто того, чтобы стать открыто на сторонѣ эманципаціи, осмыслить кровопролитную борьбу уважительными причинами, Янки вздумали доказывать свѣту, что война ведется за нарушеніе третьяго параграфа конституціи, за произвольное отложеніе Юга. Но кого же могла убѣждать эта бюрократическая формальность, когда единство союза сдѣлалось невозможнымъ на дѣлѣ? И стояло ли ради воображаемой цѣлости федеративнаго политическаго тѣла ставить на ноги трехсотысячную армію, покрыть поля, болѣе шестидесяти лѣтъ не слышавшія ни треска ядеръ, ни грома пушекъ, кровью своихъ жителей и развалинами городовъ, подвергаться опасности государственнаго банкротства, отрывать отъ мирныхъ занятій работника и вносить разоръ и горе въ тысячи семействъ? Такое поведеніе ясно показало, что Сѣверъ лиценціровалъ въ своихъ антипатіяхъ къ рабству, что онъ не желалъ уничтоженія его, а хотѣлъ пользоваться имъ вмѣстѣ съ плантаторами, но нѣсколько иначе, чѣмъ это было прежде. Если это такъ — а сомнѣваться въ этомъ очень трудно — то надобно было имѣть всю недалекую видность Бьюканана и полное отсутствіе энергіи Линкольна, чтобы допустить изъ-за такихъ мелкихъ обстоятельствъ разгорѣться такой колоссальной войнѣ. Неужели заатлантическіе лавочники не могли понять, что, допустивъ вооруженное столкновеніе съ Югомъ, они должны были развернуть свое знамя не во имя юридическихъ кляузъ, а во имя свободы рабовъ. Только при такомъ направленіи дѣла, они находили себѣ сочувствіе въ европейскомъ мнѣніи, въ лучшихъ людяхъ своего собственнаго об-

щества и давали войнѣ характеръ не купеческаго разчета, а человѣческой справедливости. Кромѣ того, они приобрѣтали себѣ надежную помощь въ самыхъ Неграхъ, которые дѣлались естественными сторонниками своихъ освободителей. А теперь что? Изъ-за чего рѣжутся эти сотни тысячъ людей? На это отвѣчать со смысломъ не легко. Возвратить отложившіяся провинціи невозможно, заставить ихъ признать надъ собою политическое преобладаніе Сѣвера—совершенно бесполезно, а освободить Негровъ нѣтъ искренняго желанія. Изъ-за чего же споръ и драка, спрашиваемъ мы? Въ сущности изъ-за того, что американскій вопросъ съ самаго начала попалъ въ руки бюрократовъ и легистовъ; благодаря имъ, онъ не былъ достаточно понятъ ни той, ни другой стороной, и теперь судьба его предоставлена случаю или перевѣсу силы.

Рѣдко человѣческій оптимизмъ поступалъ такъ близоручко какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Передъ войной, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ была какая-то наивная увѣренность, что отложеніе Юга отъ Сѣвера—невозможный фактъ, что рабовладѣльческіе штаты не могутъ существовать независимо и ограничатся одной угрозой отпаденія, но наконецъ все-таки возвратятся къ союзу. Уашигтонская палата, ослѣпленная этой надеждой, постоянно ожидала раскаянія со стороны плантаторовъ и была убѣждена, что вотъ-вотъ явятся депутаты съ просьбой о прощеніи. Но депутаты не являлись, а составлялось огромное войско и занимало самые выгодные посты. Когда же открылись военныя дѣйствія, и непріятельскія арміи стояли другъ передъ другомъ, публицисты начали на разныя варіаціи оплакивать бѣдствія междуусобія и распаденія такой могущественной націи, какъ Соединенные Штаты. Все это было, конечно, очень чувствительно и грустно, но совершенно естественно. Нѣтъ сомнѣнія, что война—величайшее несчастіе нашего времени, но что же дѣлать, если человѣчество еще не дошло до того, чтобъ разрѣшать международные вопросы, самые незамысловатые, не кулакомъ, а разумомъ... Само собою разумѣется, что много погибнетъ людей, много будетъ разрушено состояній, но развѣ меньше зла причинить рабство въ ряду нѣсколькихъ поколѣній, развѣ не тѣми же человѣческими костями будутъ усыяны поля, залиты потомъ и кровью Негровъ. Мы даже думаемъ, что никакая война, какъ бы она ни была гибельна по своимъ послѣдствіямъ, не можетъ идти въ сравненіе съ такимъ глубокимъ зломъ, какъ медленные и глухія страданія четырехъ милліоновъ рабовъ, впродолженіе уже истекшихъ семидесяти лѣтъ.

Но оптимизм упоренъ; несмотря на то, что американскій вопросъ достаточно выяснилъ свою идею и результаты, многіе публицисты продолжаютъ думать, что единство союза возможно, что побѣда Сѣверныхъ Штатовъ можетъ снова утвердить его надолго. Къ крайнему нашему удивленію, въ числѣ этихъ сентиментальныхъ публицистовъ замѣшался человекъ, мнѣніями котораго прикрыла дорезить Европа: мы говоримъ о Стюартѣ Милѣ. Милъ одинъ изъ тѣхъ мыслителей, въ головѣ котораго укладывается гораздо больше здравыхъ идей, чѣмъ у всѣхъ государственныхъ людей Англіи вмѣстѣ; его многостороннему образованію и реальному философскому воззрѣнію доступны всѣ современные вопросы, и когда онъ подаетъ свой голосъ о нихъ, мы напередъ знаемъ, что въ этомъ голосѣ заключается много правды и умственной силы. По убѣжденіямъ, Милъ стоитъ въ ряду искреннихъ друзей свободы и прогресса; когда онъ былъ молодъ, его демократическія убѣжденія примыкали къ крайнимъ социальнымъ идеямъ Франціи; но съ лѣтами и пережитыми опытами, его сангвиническій темпераментъ умирился болѣе спокойнымъ взглядомъ на вещи: изъ восторженнаго поклонника массы онъ перешелъ къ утилитарной школѣ, положивъ въ основу своего ученія болѣе положительныя результаты вмѣсто прежнихъ блестящихъ, но отдаленныхъ надеждъ... Есть одна прекрасная черта въ этомъ писателѣ, которую мы особенно уважаемъ: добросовѣстное обращеніе съ тѣми вопросами, о которыхъ онъ разсуждаетъ. Милъ рѣдко беретъ перо въ руки, но когда его беретъ, то всегда скажетъ что нибудь очень хорошее; онъ долго и зорко съидитъ за развитіемъ социального или политическаго явленія, тяжело обдумываетъ его, выжидаетъ, какъ оно выразится на дѣлѣ, взвѣшиваетъ его съ разныхъ сторонъ, и когда положить свою мысль на немъ—эта мысль отличается необыкновенной зрѣлостью и широкимъ кругозоромъ. Но у Миля, особенно въ послѣднее время, стали появляться и значительные недостатки. Увлекаясь чисто-практическими цѣлями вопроса, онъ часто грѣшитъ уступками *данной минутѣ* и *текущимъ обстоятельствамъ* насчетъ самаго принципа; иначе говоря, онъ жертвуетъ строго-логическими выводами своей идеи въ пользу постороннихъ вліяній на его мнѣніе.

Такого свойства и послѣдняя его статья, поставленная въ заглавія нашего разбора. Во всѣхъ частныхъ и второстепенныхъ замѣчаніяхъ мы согласны съ ней; мы раздѣляемъ задуманное отвращеніе Миля къ невольничеству, его пламенную вѣру въ отживающія его на-

чала, мы никогда не сомнѣвались, что послѣдняя побѣда, какъ бы дорого ни была куплена, всегда останется за свободой, но мы рѣшительно расходимся съ нимъ въ самомъ основаніи его идеи. На этотъ разъ его покидаетъ обычная ясность ума и провидцательность взгляда: съ небольшимъ различіемъ онъ становится на ту точку зрѣнія, съ которой хлопаютъ по воздуху фразами сладенькіе французскіе публицисты и вторятъ имъ наши кислые подражатели. Миль утверждаетъ, что для уничтоженія невольничества, самое вѣрное средство заключается въ покореніи Южныхъ Штатовъ и если не въ добровольномъ, то въ насильственномъ присоединеніи ихъ къ союзу; онъ убѣжденъ, что съ той минуты, когда побѣдоносный сѣверъ заставитъ отложившіяся провинціи опять войти въ общій составъ федераціи и опояшетъ рабство извѣстными предѣлами, тогда распространеніе его сдѣлается невозможнымъ и оно будетъ обречено на самоуничтоженіе. «Тотъ день, говоритъ Миль, когда рабство не можетъ болѣе распространяться, будетъ днемъ его смерти. Рабовладѣльцы знаютъ это и потому бѣснуются. Они знаютъ, какъ и всѣ, кто слѣдилъ за предметомъ, что ограниченіе невольничества въ его настоящихъ границахъ есть приговоръ надъ его уничтоженіемъ. Несовмѣстное съ какимъ бы то ни было образованнымъ трудомъ, оно сосредоточиваетъ всѣ произведенія страны на одномъ или двухъ продуктахъ, главнѣйшимъ образомъ на хлопчаткѣ, разведеніе и приготовленіе которой для рынка требуетъ немногимъ болѣе грубаго животнаго труда. Обработка хлопка, по мнѣнію всѣхъ свѣдующихъ судей, преимущественно спасаетъ американское рабство; но если эта обработка будетъ замкнута въ извѣстную территориальную черту, то по прошествіи немногихъ лѣтъ она истощитъ всѣ земли, и должна отыскивать новыя, углубляясь къ западу. Поэтому разработка новыхъ полей составляетъ для рабскаго труда вопросъ жизни и смерти. Заключить этотъ трудъ въ настоящихъ штатахъ — значить осудить рабовладѣльческую собственность на скорое разореніе или заставить плантаторовъ найти средства для преобразования агрикультурной системы: но преобразовать систему нельзя, не возвративъ рабамъ человѣческія права или не замѣнивъ принудительный трудъ свободнымъ; въ обоихъ случаяхъ неизбежнымъ и вѣроятно быстрымъ послѣдствіемъ было бы рѣшительное уничтоженіе рабства». Къ такому выводу приходитъ Миль въ своей оптимистической теоріи. Во-первыхъ, онъ допускаетъ возможность и законность возстановленія союза, какъ дѣлаго политическаго организма. Во-вто-

рыхъ, въ слѣду побѣды Сѣверныхъ Штатовъ, отъ считаетъ неперемѣннымъ условіемъ ея опредѣленіе точныхъ границъ для рабства, которое вслѣдствіе своего собственнаго безсилія не замедлитъ исчезнуть. Посмотримъ, насколько вѣроятны и основательны эти выводы.

Еще недавно въ Англіи и Франціи повторилось мнѣніе, что американская война ведется не изъ-за рабства, а изъ чисто коммерческихъ расчетовъ, что настоящей причиной разрыва штатовъ были несогласія по предмету тарифа. Одинъ изъ французскихъ писателей (Рену) даже совѣтовалъ европейскимъ правительствамъ, въ видахъ собственной пользы, принять участіе въ судьбѣ Южныхъ Штатовъ, облегчить имъ побѣду надъ Сѣверомъ, чтобы обезопасить Европу на будущее время отъ угрожающаго могущества Америки. Но думать такъ — значитъ не понимать смысла фактовъ. Мы сказали выше, что Сѣверные Штаты не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ въ борьбѣ съ Югомъ, что они придали войнѣ ложный и лицемерный характеръ; но событія сильнѣе всякихъ дипломатическихъ соображеній и всего лучше говорить сами за себя. Вопросъ нисколько не измѣняется оттого, какъ смотреть на войну та или другая американская партія, какъ понимаетъ его то или другое правительство: въ сущности онъ остается вопросомъ рабства, имѣющимъ общечеловѣческой интересъ. Въ основаніи его, какъ мы видѣли, лежатъ глубокія антипатіи двухъ политическихъ системъ; въ немъ выражается самая капитальная часть исторіи союза. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему постоянно стремились Южные Штаты съ 1829—1860 годъ? Къ легальному утвержденію рабства, сначала признаннаго на правахъ исключительнаго учрежденія. Преобладающій голосъ Юга въ парламентахъ, въ каждые четыре года, прибавлялъ какую нибудь новую привилегію рабовладѣльцамъ. Сначала было позволено имъ отодвинуть свою границу за Миссури и Арканзасъ, потомъ они завладѣли Техасомъ, домогались Кубы, отстаивали законъ о выдачѣ невольниковъ сосѣдними свободными штатами, настаивали на томъ, чтобы жители каждой провинціи рѣшали на основаніи мѣстныхъ условій допущеніе или запрещеніе невольничества, почти открыто, подъ національнымъ флагомъ, производили торговлю Неграми, перевоза ихъ толпами съ береговъ Африки, довели спекуляцію черными людьми до цинизма — разлучали семейства, откармливали дѣтей, какъ животныхъ, исключительно для рынка, и наконецъ потребовали, чтобы Сѣверные Штаты покровительствовали рабству не молчаніемъ и скрытными уступками, а явно и закономъ. Постѣ

всего этого какая же перенектива лежала передъ Америкой? Очевидно, она должна была или отказаться отъ своихъ свободныхъ принциповъ или отдѣлать двѣ противоположныя системы, не согласныя съ ея гармоническимъ развитіемъ, съ ея социальными и промышленными интересами, съ ея внутренней и вѣшной независимостью. Поэтому разрывъ союза былъ натуральнымъ и неотразимымъ послѣдствіемъ всей исторической жизни народа. Но какимъ же образомъ, возразятъ намъ, онъ могъ существовать доселѣ? Почему же не раньше, а только теперь рабство разрываетъ страну на двѣ половины, такъ долго уживавшіяся вмѣстѣ? Это объясняется самымъ характеромъ американскаго общества. Составленное изъ разнообразныхъ элементовъ, со всевозможными оттѣнками цивилизацій и религіозныхъ ученій, разсыпанное на необозримомъ пространствѣ земель, оно прямо отъ колониальной зависимости перешло къ полной демократической свободѣ. Формулируя эту свободу въ конституцію, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ войны и гражданской анархіи, оно, по необходимости, должно было помириться со многими неудобствами прежней жизни; въ это критическое время для него дѣломъ первой важности было сохраненіе территориальнаго союза, и потому вопросъ о рабствѣ отступалъ далѣе, чѣмъ на второй планъ. Притомъ, закладывая въ основу государственнаго зданія чисто-народное управленіе съ всеобщей подачей голосовъ, съ обезпеченіемъ коммунальной автономіи, съ законодательной властью всѣхъ гражданъ, американская республика, разумѣется, ввѣрала свою будущую судьбу не палатамъ и правительственному сословію, а общественному мнѣнію. Отъ зрѣлости и степени образованія его прямо зависѣло благосостояніе страны; оно (т. е. это мнѣніе) могло покрыть силой большинства ужасныя ошибки и злодѣянія или быть органомъ справедливости смотря по тому, камъ и кѣмъ выражалось. При дурномъ направленіи его самая лучшая конституція могла обратиться въ самое худшее правительство, точно такъ, какъ самая плохая хартія при хорошей народной инициативѣ могла бы быть удовлетворительною. Но было бы странно думать, чтобъ общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ, по отношенію къ рабству, было также гуманно въ концѣ прошлаго вѣка, какъ въ половинѣ XIX-го; еще болѣе странно было бы думать, чтобъ оно въ полстолѣтія не сдѣлало прогресса; при тѣхъ матеріальныхъ и умственныхъ успѣхахъ, какими изумляетъ насъ настоящее состояніе

Америки. И надо замѣтить, что въ этомъ случаѣ оно развивалось диаметрально-противнымъ путемъ самому рабству; если первое постепенно очищалось и созрѣвало въ своемъ политическомъ воспитаніи, то второе, въ той же пропорціи, опомалось и грубѣло. При избраніи Линкольна они разошлись настолько, что столкновение ихъ было необходимо; а черезъ пятьдесятъ лѣтъ, по всей вѣроятности, для нихъ наступилъ бы тотъ моментъ, когда они и одного дня не могли бы остаться въ федеративномъ союзѣ. Поэтому мы убѣждены, что распадѣніе Штатовъ не есть случайный фактъ, а органическое явленіе, подобное тому, какъ отъ здороваго тѣла отпадаетъ болѣзненный наростъ, потерявшій свою связь съ выздоровѣвшимъ мѣстомъ. Здѣсь происходитъ раздѣлъ не одного политическаго союза, а самыхъ принциповъ, приведенныхъ въ жизнь.

Но если добровольное и мирное соединеніе Штатовъ сдѣлалось невозможнымъ, то нельзя ли спаять ихъ, какъ думаетъ Милль, насильственно, посредствомъ завоеваній? И если можно это сдѣлать, то не легче ли достигнется эманципация Негровъ въ соединенномъ, чѣмъ въ распавшемся государствѣ? При такомъ взглядѣ, очевидно, вопросъ ставится на практическую почву, и главной задачей его дѣлается результатъ, а не идея самаго факта. Мы, конечно, согласились бы съ Миллемъ, какой бы способъ эманципации онъ ни предложилъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ мы желали бы съ его стороны гораздо больше убѣдительныхъ доводовъ, чѣмъ онъ представляетъ намъ. Въ защиту мнѣнія Милля есть два предположенія: во-первыхъ то, что рабство скорѣе исчезнетъ въ томъ случаѣ, когда удержится союзъ и когда свободная жизнь Сѣвера переработаетъ южное невольничество. Это одна изъ тѣхъ иллюзій, которая особенно правится филантропамъ: они увѣрены, что если смѣшивать добро и зло въ одну кучу, то добро всегда побѣдитъ зло, такъ что нечего и заботиться о последнемъ:—оно само по себѣ, съ помощію химическаго процесса, превратится въ доброе начало. Теоретически это неистинно, потому что, какъ въ природѣ вообще, такъ и въ человѣческой жизни, есть такіе принципы, которые какъ не смѣшивайте, какъ не соединяйте, они не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія другъ на друга. Рабство относится именно къ разряду тѣхъ принциповъ, которые можно резермировать отдѣльно, а не смѣшивать съ свободой, и ожидать отъ этого смѣшенія происхожденія какого-то особеннаго гражданскаго метиса. Греція, подобно Америкѣ, пользовалась свободными политическими учрежденіями, но не переработала своего рабства, а получила

вѣстѣ съ нимъ. Кроме того, положеніе американскаго раба имѣетъ ту отличительную черту, что онъ отдѣленъ отъ блага населенія племеннымъ типомъ, самой антипатичной чертой въ народныхъ понятіяхъ. Въ Южныхъ Штатахъ Негра эксплуатируютъ, а въ Сѣверныхъ его презираютъ, и это слѣпое и жалкое презрѣніе всегда мѣшало сближенію двухъ расъ. Наконецъ отношенія плантатора къ своему рабу вѣрое не таковы, чтобы онъ отступился отъ своихъ правъ ради филантропическихъ цѣлей:—плантатору нуженъ Негръ, какъ работникъ, какъ собственность, какъ орудіе его промысла и жизни, а извѣстно, что когда матеріальныя выгоды играютъ главную роль въ реформахъ, такія реформы разрѣшаются чрезвычайно туго. Между тѣмъ, какъ мы будемъ ожидать перерожденія рабства въ союзъ съ свободой—нѣтъ сомнѣнія, плантаторы не станутъ дремать съ своей стороны; отодвигая границу на западъ и югъ, они, попрежнему, будутъ занимать новыя земли и переправлять изъ Африки новыхъ невольниковъ, такъ что еще черезъ семьдесятъ лѣтъ прибавится новыхъ четыре милліона рабовъ. Ясно, что тогда эманципація сдѣлается гораздо труднѣе, чѣмъ въ настоящую минуту.

Другое предположеніе, высказанное Миллемъ на основаніи экономическихъ соображеній и приведенное нами выше, гораздо практичнѣе перваго, но и оно не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Положимъ, что побѣда Сѣвера обезпечитъ за нимъ политическое преобладаніе надъ Югомъ, то какими же образомъ побѣдитель ограничитъ предѣлы, далѣе которыхъ не можетъ распространяться рабство, и слѣдовательно вырветъ само собою отъ недостатка дѣвственныхъ нечръ? Сколько можно догадываться изъ словъ самого Милля, онъ считаетъ возможнымъ опредѣленіе этой границы законодательными мѣрами. Но здѣсь является другой вопросъ: будутъ ли допущены плантаторы снова въ парламентъ? Будутъ, отвѣчаетъ Милль, но въ такомъ количествѣ голосовъ, чтобы вліяніе ихъ не имѣло перевѣса надъ вліяніемъ большинства членовъ. Здѣсь опять чистѣйшая мечта умнѣшаго публициста: вліяніе голосовъ въ какомъ бы то ни было совѣтательскомъ собраніи вовсе не зависитъ отъ числа членовъ, а обуславливается множествомъ другихъ обстоятельствъ—нравственнымъ характеромъ партіи, богатствомъ представителя, умственнымъ образованіемъ его и т. п. Следовательно ограниченіе небольшой цѣрой представителей юга ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ограниченіемъ преобладанія ихъ въ сенатѣ. Помимо официальныхъ связей, они могутъ имѣть общіе интe-

ресы съ частными лицами, участвующими въ эксплуатаціи Негровъ, а такихъ лицъ, какъ извѣстно, найдется на Сѣверѣ не мало: большая часть банкировъ, адвокатовъ, мелкихъ фабрикантовъ и кушачь поставлено участвовала своими капиталами и трудомъ въ промышленности рабочладелецъ и, конечно, не откажется на будущее время поддерживать ихъ въ законодательныхъ палатахъ. Такимъ образомъ, когда возникнутъ дебаты о томъ, чтобы провести пограничную черту Южными Штатами, легко можетъ случиться, что пять или шесть плантаторовъ одержатъ верхъ надъ остальными членами. Доселѣ такъ и было: избраніе президентовъ и равныя преимущества въ пользу Юга почти всегда утверждались большинствомъ голосовъ, подъ вліаніемъ негровладельцевъ, хотя численный перевѣсъ былъ на сторонѣ сѣверныхъ представителей. Но согласимся, что Сѣверные Штаты не допустить этого вліанія, то кто же можетъ поручиться за исполненіе постановленій парламента? Чего нельзя будетъ сдѣлать легально, то сдѣлаютъ плантаторы тайно, какъ они до сихъ поръ и поступали во многихъ случаяхъ... Самымъ вѣрнымъ средствомъ для опредѣленія и охраненія пограничной линіи плантаторскихъ земель можетъ быть одна принудительная система, употребляемая завоевателемъ относительно завоеванной земли: но это значило бы выбивать клинъ клиномъ—идти къ уничтоженію рабовъ посредствомъ обращенія всей страны въ рабство или, по меньшей мѣрѣ, въ вассальную зависимость отъ побѣдителя. Мы увѣрены, что Южные Штаты никогда не покорятся такому положенію.

Совершенно справедливо замѣчаетъ Миль, что рабскій трудъ сосредоточенный исключительно на производствѣ хлопка, со временемъ сдѣлается невыгоднымъ для плантаторовъ, если они не будутъ находить для себя новыхъ полей. Но почему же думать, что, въ случаѣ необходимости, они не рѣшатся измѣнить систему земледѣлія и не введутъ новыхъ агрикультурныхъ изобрѣтеній, чтобы поддержать плодородіе великолѣпныхъ почвъ юга и тѣмъ продлить рабочладніе? Эти почвы еще далеко не такъ истощены, чтобы могли угрожать безплодіемъ при самомъ незначительномъ уходѣ за ними. Притомъ доселѣ Южные Штаты занимались обработкой риса, сахарнаго тростника, табаку и хлопчатки, обмѣнивая эти произведенія на хлѣбъ и фабричныя издѣлія, добываемыя изъ Англіи, Франціи и Сѣверныхъ Штатовъ; нѣтъ сомнѣнія, что они находили эту промышленность болѣе выгодной для себя, чѣмъ всякую другую. Съ пераціной обстоятельство ничто

не поѣмаетъ имъ обратитъ трудъ своихъ рабовъ на другія отрасли производства и сообщить земледѣльческой дѣятельности то разнообразіе, которое считаетъ Миля необходимымъ для поддержанія плодородія почвы. Наконецъ, еслибъ предположеніе Мили въполнѣ осуществилось, то и тогда нѣтъ настоящей причины для плантаторовъ освобождать Негровъ; вмѣсто того что бѣ употребить раба на обработку земли, изъ него сдѣлаютъ предметъ рыночной спекуляціи, подобно тому, какъ теперь это дѣлается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ агрикультурной дѣятельности. Тѣ же тысячи черныхъ людей, взрывающихъ плантаціи южныхъ собственниковъ, вносльдствіи могутъ быть продаваемы, вмѣстѣ съ лошадьми и быками, мексиканскимъ и гренадскимъ эксплуататорамъ. Во всякомъ случаѣ гипотеза Мили, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, могла бы перейти въ фактъ не ранѣе двухъ или трехъ сотъ лѣтъ; а двѣсти или триста лѣтъ ужаснаго рабства, какое только когда либо пятнало нашу планету, есть возмутительное явленіе новѣйшей исторіи.

Итакъ вотъ тѣ выводы, къ которымъ мы пришли по поводу статьи Мили: во-первыхъ, возстановленіе Союза положительно невозможно на прежнихъ мирныхъ основаніяхъ; если же оно совершится въ силу побѣды, то представить одну изъ величайшихъ соціальныхъ аномалій и не только не поможетъ эманципаціи рабовъ, но усложнитъ и отодвинетъ ее въ отдаленную эпоху; во-вторыхъ, какъ бы ни разсматривалась настоящая война Штатовъ, чѣмъ бы она ни кончилась, но главной причиной ея послужило рабство и послѣднимъ результатомъ ея будетъ уничтоженіе его. Мы еще не можемъ навѣрное сказать, какой оборотъ дѣлъ приметъ американскій кризисъ и какъ онъ разрѣшитъ самое освобожденіе Негровъ, но въ одномъ нельзя ошибиться, что онъ нанесетъ страшный ударъ рабовладѣльцамъ и поставитъ ихъ лицомъ къ лицу или съ внутренней революціей, или съ внѣшней зависимостью отъ завоеванія.

Кромѣ мѣстнаго значенія, американскій вопросъ не лишень общеввропейскаго характера; нѣкоторыя изъ ближайшихъ послѣдствій его уже опредѣлялись настолько, что историкъ и публицистъ могутъ говорить о нихъ, какъ о событіяхъ законченныхъ. Между Америкой и Европой, въ послѣдніе годы, образовалась та солидарность взаимныхъ интересовъ, которая связываетъ старый міръ съ новымъ многими соціальными отношеніями. Такъ, напримѣръ, между рабствомъ американскаго Юга и пауперизмомъ западной Европы есть своя логическая

причины. Борьбы человечества имеют то отличительное свойство, что от одной страны непрерывно сообщаются другой и чувствуются всеми людьми, принимающими участие въ мировомъ движеніи. Наши «люди ночи», распыляющіе ужаснѣйшій вздоръ о народности, заткнувъ себя носъ хлопчатой бумагой, никакъ не могутъ почувтъ этой международной связи; но и въ этомъ есть своя своего рода солидарность: не будь американскаго хлопка, вѣроятно, обвиненіе нашихъ «людей ночи» было бы нормальнѣе, и они перестали бы называть воздушными республиканствомъ то, что составляетъ одну изъ самыхъ реальныхъ задачъ нашего времени... Зависимость Европы отъ Америки состоитъ преимущественно изъ промышленныхъ интересовъ. Недавно, не болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ въ Англіи создавалась колоссальная отрасль фабричнаго труда, поглотившая сотни тысячъ человѣческихъ силъ и множество капиталовъ; отъ Англіи перешла эта дѣятельность на континентъ, и здѣсь заняла видное мѣсто въ мануфактурномъ производствѣ. Происхожденіемъ своимъ эта промышленность обязана изобрѣтению Южной Америки. Съ 1794 года, когда Уитней изобрѣлъ свою знаменитую машину для чески волоконъ хлопчатой бумаги, Англія начинаетъ быстро распространять фабрики для издѣлія бумажныхъ матерій. Въ 1860 году у нея работали 2,200 мануфактуръ, съ 400,000 ремесленниками и съ нѣтью миллиардами франковъ, пущенныхъ въ оборотъ этой торговли. Легко вообразить, какинъ мантическимъ страхомъ былъ пораженъ британскій народъ, когда междоусобная война Америки прекратила ввозъ хлопка на англійскій рынокъ; тысячи пролетаріевъ въ нѣсколько недѣль, лишившись труда и, слѣдовательно, насущнаго куска хлѣба. Катастрофа не замедлила обнаружиться въ болѣе многолюдныхъ и торговыхъ городахъ—Манчестерѣ и Ланкаширѣ. Изъ 842 мануфактуръ перваго только 259 продолжали работать правильно; многіе ремесленники ограничились только половиной своей недѣльной платы и многіе должны были совершенно оставить фабрики. Нищета, вызветъ съ голодомъ Ирландіи, потрясла общественный кредитъ и естественно отразилась на всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности. Этого мало: такъ какъ отъ англійскаго рынка болѣе или менѣе зависятъ всѣ европейскіе рынки, то воевъ—отъ Мадрита до Берлина—почувствовался такъ называемый финансовый кризисъ, т. е. кризисъ новьясь биржевая спекуляція, сократились торговныя предпріятія и обращеніе аэонкой монеты между нуждающимися классами. То же самое явленіе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, повторилось во Франціи;

здѣсь оно парализировало трудъ японскихъ фабрикъ, откуда бѣдность, обыкновенно, распространяется на всю страну.

Въ виду такой опасности, Англія немедленно озаботилась прискаченіемъ новыхъ источниковъ для добыванія хлопокъ. Изъ многочисленныхъ колоній ея одна Индія даетъ возможность запастись этимъ продуктомъ въ довольно значительномъ количествѣ; но здѣсь представляется затрудненіе—отсутствіе путей сообщенія и судоходныхъ рѣкъ для подвоза хлопокъ къ береговымъ портамъ. Кромѣ того, общее состояніе земледѣлія, отъ котораго во многомъ зависить самая разработка хлопчатки, находится въ жалкомъ видѣ и требуетъ чрезвычайныхъ усилій для поправленія своего. Нѣтъ сомнѣнія, что Англичане не пренебрегутъ ничѣмъ; у нихъ есть деньги и силы, они сдѣлаютъ все, чтобы избѣжать крайнихъ послѣдствій еще только начинающагося кризиса, но на это требуется время, а между тѣмъ факторіи закрываются, фабрики падаютъ и рабочіе голодуютъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать худшія изъ золъ не для Англіи,— а для континента, особенно для тѣхъ народовъ, гдѣ административная централизація загораживаетъ дорогу свободному труду и частнымъ предпріятіямъ. Что же касается правительственной помощи, на которую рассчитываютъ оптимисты, то имъ должны быть извѣстны государственные бюджеты двухъ первыхъ монархій въ Европѣ—Англіи и Франціи: долгъ первой простирается до 19 миллиардовъ (4,750,000,000 р.), а второй — около 12 миллиардовъ (почти 3,000,000,000 р.). При тѣхъ многосложныхъ расходахъ, которые обременяютъ современныя правительства, нѣтъ надежды скоро уплатить этотъ долгъ, если только не обезоружатъ огромныя арміи. Другихъ средствъ у современной цивилизаціи нѣтъ и быть не можетъ; она осуждена бороться съ пролетаріатомъ и паунеризмомъ тѣмъ же оружіемъ, которымъ нанесла эти двѣ глубокія язвы западной Европѣ.

Кромѣ потрясенія промышленнаго труда, американскій кризисъ угрожаетъ и съ другой стороны. Междоусобныя смуты и ослабленіе Соединенныхъ Штатовъ, доселѣ не допускавшихъ посторонняго вмѣшательства въ американскія дѣла, теперь открываютъ ему доступъ и, разжигая политическія страсти европейскихъ кабинетовъ, подстрекаютъ въ нихъ желаніе новыхъ завоеваній. Англія едва удержалась отъ покушенія принять сторону плантаторовъ; Испанія вмѣшалась съ своимъ авторитетомъ въ дѣла мексиканскія и вмѣстѣ съ Франціей и Англіей предпринимаетъ походъ противъ Мексики. Если только

этот поход состоится и увѣнчается успѣхомъ, весь американскій югъ легко можетъ потерять свою автономію и надолго подчиниться вліянію Европы. Колоніи, которыя, благодаря продолжительному миру и возрождавшейся независимости, начали процвѣтать, снова впадутъ въ тотъ летаргическій сонъ, который ихъ душилъ въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ. Съ тѣмъ вѣстѣ сколько предвидится столкновеній между союзными державами, вслучаѣ дележа добычи, сколько вражды и ненависти между туземными населеніями, сколько бѣдствій и потери людей между непріятельскими войсками и мирными жителями!

Въ заключеніе мы можемъ утѣшиться однимъ обстоятельствомъ, которое разъясняетъ намъ американскій вопросъ, —возрастающимъ значеніемъ экономическаго развитія народовъ и преобладаніемъ его надъ чисто-политическими побужденіями. Соціальныи принципъ раздражаетъ Штаты, съ неотразимымъ упорствомъ ведетъ рабовъ къ эманципаціи, запутываетъ дѣла Европы, бросаетъ сѣмена новой жизни на драгѣющій востокъ и отдѣляетъ гнилыя чести человѣчества отъ здоровыхъ. Прежде достаточно было одного желанія какого нибудь честолюбца для того, чтобы собрать на-скоро многочисленную армию, повести ее противъ той или другой націи и возмутить спокойствіе міра. Теперь не то—всякая бесполезная война слишкомъ дорого обходится правительству; смерть каждаго солдата и каждый выстрѣлъ наръзной пушки сопровождаются чувствительными потерями для завоевателя; мы дѣлаемся бережливѣе на растрату человѣческихъ силъ и не такъ хладнокровно смотримъ на самое убійство, какъ смотрѣли прежде. Притомъ современная война рѣзко противвѣрчатъ всѣмъ экономическимъ условіямъ образованныхъ націй: она нарушаетъ обычное теченіе труда, разрушаетъ частныя состоянія, уноситъ здоровье и счастье миллионовъ людей. «Человѣчество не хочетъ войны», говоритъ Прудонъ; мы думаемъ, что оно никогда не хотѣло ея; но гдѣ же то благотѣльное средство, которымъ бы народы могли замѣнить ее въ своихъ междоусобныхъ спорахъ?

Г. Б.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Мой трепетъ передъ призракомъ общественнаго мнѣнія. — Роковая скамья подсудимыхъ и общественное veto. — Русскіе скептики и ихъ тенденціи. Нѣчто о демоническихъ натурахъ. — Кто сомнѣвается въ русскомъ прогрессѣ? Ода прогрессу. — Разница между скептицизмомъ нѣмецкаго Фауста и русскаго Собакевича. — Два слова о Никитѣ Безрыловѣ и Викторѣ Аскоченскомъ. — *Два бойца* — мимолетная импровизація. — Домашній литературный вечеръ и его составъ. — Общественное мнѣніе въ лицахъ. — Старая княжна и юный господинъ. — Парикъ допотопнаго поэта и увлеченіе институтки. — Темный человекъ передъ судомъ *выбраннаго* общества. — Мои надежды и окончательное поражение. — Литературныя чтенія — какъ одна изъ казней моды. — Мое злорадство. — Сказаніе о нѣкоемъ Охочекомоннѣ и объ его кулачной расправѣ съ петербургскими профессорами. — Уступка Охочекомонны въ пользу г-жи Толмачевой и одного изъ сотрудниковъ Русскаго Слова. — Счастливая звезда г. Печаткина. — Гимнъ Библиотекѣ для Чтенія. — Причтанія журнальной маски (З—на) надъ могилой Добролюбова. — Можно ли ставить памятники людямъ, которыхъ фамилія писалась черезъ маленькую букву? — Мой проектъ объ открытіи водопоя на пожизненные монументы Зорину, З—ну, и Охочекомоннѣ. — Осужденіе статей Добролюбова и его друзей. — Тенденціи г. З—на и дочери становаго. — Жалоба узьдной красавицы — элегія. — Смыслъ могильныхъ червей. — Кто ты? — лирическое восклицаніе къ псевдониму. — Фантастическая сцена гласнаго судопроизводства. — Г. Лермантовъ и г-жа Кобякова. — Протестъ послѣдней. — Я, какъ адвокатъ обвиненнаго. — Моя блестящая рѣчь о собственности и кражѣ. — Почему г. Лермантовъ назвалъ *Неожиданное богатство* — *Легкимъ богатствомъ*? — Масляница и ея удовольствія въ Петербургѣ. — Послѣдній маскарадъ въ Большомъ театрѣ и его характеръ. Сцена въ буфетѣ, гдѣ я опять являюсь адвокатомъ, но неудачнымъ. — Не рѣшенный вопросъ: кто долженъ больше обижаться: тотъ-ли, кого бьютъ, или тѣ, которые смотрятъ, какъ бьютъ?! — Мои маскарадныя иллюзіи. — Маскарадный мотивъ. — стихотвореніе. — Петербургская начальница и ея классическое: *встаньте!*... — Нѣчто о скоромъ торжествѣ буквы *Ъ*.

Какъ человекъ исполнѣ прогрессивный и въ высшей степени гуманнѣй (я даже своей женѣ не рѣшаюсь говорить грубаго *ты*), болѣе всего въ мірѣ я боюсь общественнаго мнѣнія. Я глубоко вѣрю въ его симпатіи и антипатіи, въ его сознаніе и зрѣлость и уважаю

его приговоры. Вотъ почему, ежемѣсячно являясь передъ лицомъ моего читателя, я со страхомъ прислушиваюсь къ каждому слуху, къ каждому мнѣнію о скронныхъ листкахъ темнаго человѣка. Мнѣ все чудится роковая скамья подсудимыхъ и грозное, безпощадное veto общественнаго мнѣнія.

Не разъ случалось мнѣ встрѣчаться съ такими скептиками, которые мейстофильскими улыбками отвѣчали на мое благоговѣйное уваженіе къ общественному суду. Самый безпощадный изъ этихъ мейстофелей всѣхъ болѣе раздражалъ меня своимъ циническимъ отрицаніемъ самыхъ лучшихъ и святыхъ моихъ упованій.

— Скажите, говорилъ онъ, что вы такъ отстаиваете?

— Общественное мнѣніе!

— Да развѣ оно у насъ существуетъ? Не будьте такъ навязчи... Общественное мнѣніе! Да оно у насъ также темно, какъ древнія слова: мани, факель, фаресь и также пережѣнчиво, какъ петербургская погода. Наше общественное мнѣніе имѣетъ только одну добродѣтель—славянское гостепрѣимство (а какъ извѣстно этой добродѣтелью отличаются всѣ дикіе). Общественное мнѣніе съ одинаковымъ чувствомъ встрѣчаетъ «Современникъ» и «Домашнюю Бесѣду», слушаетъ Ристори и Бурдяна (последнему, впрочемъ, отдаетъ даже преимущество), присутствуетъ на публичныхъ лекціяхъ и на публичныхъ ординаціяхъ, и свои симпатіи и антипатіи мѣняетъ намъ, по прихоти намъ по модѣ.

Такимъ образомъ рѣчь моего скептика шла *отсеесандо*. Люди съ такими односторонними взглядами на вещи несправимы—хоть брось.

— Стало быть, вы даже не вѣрите въ русскій прогрессъ? замѣтилъ я съ нескрываемой досадой.

Скептикъ засмѣялся какимъ-то гадкимъ смѣхомъ, отъ котораго меня всего покорибило.

— Блаженъ, кто вѣруеть—тепло тому на свѣтѣ! воскликнулъ онъ, ударя меня по плечу: а это весьма удобно и комфортабельно, особенно въ такіе холода, какіе стояли нынѣшнюю зиму.

— Знаете, замѣтилъ я скептику, вѣкъ демоическихъ натуръ давно прошелъ; развѣ одинъ только Анолонъ Григорьевъ итъ не забылъ и потому странно встрѣтить теперь петербургскаго прогрессиста—новаго Алеко во фракѣ, декламирующаго очень картинно:

Нѣтъ, я не вѣрю ни чему:
 Ни снамъ, ни шаткимъ увѣреньямъ,
 Ни даже сердцу твоему.

— Нѣтъ, уже извините: я готовъ гораздо болѣе вѣрить снамъ, чѣмъ вами же сочиненному прогрессу.

Такихъ людей къ несчастію есть много... Слышите ли, господа! Понимаете ли вы, какъ глубоко долженъ скорбѣть каждый изъ насъ за это осмѣяніе нашего новаго гражданскаго чина, нашей гражданской доблести! Какого грознаго протеста заслуживаетъ подобный невѣрующій мытарь!.. Такой голосъ также возмутителенъ и страшенъ, какъ чумный гость, представшій на шумномъ праздникѣ новобрачныхъ. Едва только появился передъ нами этотъ милый гость съ обѣтами новыхъ ласкъ, едва только на наше дѣвственное ложе опустился этотъ юный женихъ, этотъ прогрессъ, какъ тотчасъ, точь-въ-точь въ русской сказкѣ, какой-то ужасный Змѣй-Горынычъ хочетъ похитить до-регаго юношу отъ молодой, только начинавшей оживать невѣсты...

А между тѣмъ, когда мы опомнимся отъ этого кошмара, отъ этихъ злобѣщныхъ словъ современныхъ мытарей, да трезво оглянемся вокругъ себя, кто же изъ насъ усомнится въ нашемъ прогрессѣ? Гдѣ тотъ смѣльчакъ, который не злобными выходками, а на дѣлѣ докажетъ намъ его мнѣшеское существованіе? Явился одинъ только смѣльчакъ... Но о немъ мы поговоримъ послѣ, а пока вновь прошу оглянуться васъ, господа, а главное заглянуть въ самихъ себя и потомъ рѣшить: неужели мы не созрѣли граждански?

Каждый изъ насъ, говорить, есть сынъ—вѣка, въ каждомъ изъ насъ воплощѣ

Отразился вѣкъ
 И современный человѣкъ...

Будучи тоже сыномъ вѣка, я на этотъ разъ останавливаюсь пока на самомъ себѣ, заглядываю во всѣ изгибы своего сердца и ума и, окончивъ это трудное путешествіе, вновь остаюсь довольнымъ самимъ собою или иначе—вѣкомъ. Въ своихъ жилахъ я чувствую его мощь, въ своихъ идеяхъ—нахожу его идеи, и готовъ теперь каждого называть въ глаза клеветникомъ, если онъ меня будетъ увѣрять въ нашей всеобщей непрогрессивности.

*

Коснувшись такого важнаго вопроса, я никакъ не могу говорить прозой, и, настроивъ свою лиру на самый торжественный ладъ, я начинаю:

ОДА ПРОГРЕССУ.

О, зачѣмъ не дала мнѣ судьба
Кисть Микѣшина, стихъ Розенгейма!
Для чего не по силамъ борьба
Мнѣ въ кругу прогрессивнаго сейма!
Пусть на доброе дѣло Зевесъ
Дастъ мнѣ краски и строгую лиру,
Чтобъ вездѣ по російскому миру
Я прославилъ грядущій прогрессъ.

Надъ собою самимъ наблюдая,
Вѣка новаго чувствую духъ;
Всюду звонкія фразы кидая,
Я дивлю стариковъ и старухъ.
Обскуранту, въ полемикѣ жаркой,
Становлюсь я во всемъ въ перерѣзъ;
Обращаюсь гуманно съ кухаркой...
Это ты, нашъ великій прогрессъ!

Въ наказаніи порока неистовъ,
Не щажу я мнѣ близкихъ людей,
И на памятникъ двухъ публицистовъ
Я пожертвовалъ тридцать рублей.
Зло, развратъ моя казнь не прощаетъ,
И хоть часто я гнусь въ букву С,
Но вѣдь это порой разрѣшаетъ
Даже самъ нашъ великій прогрессъ!

Пошлыхъ львовъ, что живутъ для омаровъ
Я грохнулъ съ озлобленнымъ не разъ,
Если жъ книгу надасть Костомаровъ
Не прочту, но разрѣжу тотчасъ.
И, неся современности бремя,
Бью неправду, застой на отвѣсъ,

Рецензируя Павлова «Время»...
 Это ты нашъ великій прогрессъ!

—
 Въ русскихъ дамахъ гражданства приѣхты
 Я нашелъ, и воскликнулъ: пора!
 За ланцеты, mesdames, за ланцеты!
 Въ доктора, въ доктора, въ доктора!..
 Чтобъ расходы на женскія тряпки
 Снять съ себя,—я жежѣ далъ совѣтъ
 Поступить въ повивальныя бабки
 Или женскій открыть лазаретъ...

—
 Такъ себя наблюдая повсюду,
 Наконецъ я невольно призналъ,
 Что въ себѣ я—тантъся не буду—
 Гражданина ношу идеалъ,
 Хоть портретъ свой чертилъ не хитро я,
 Но большой ли вамъ въ немъ интересъ:
 На такого, какъ самъ я, героя
 Не скушится вѣдъ русскій прогрессъ!

—
 Мы всѣ, какъ встые прогрессисты, увѣренные въ своихъ собственныхныхъ силахъ, даже не придаемъ никакого значенія тѣмъ голосамъ, которые поютъ ему погребальную пѣсню, мы уважаемъ всякое убѣжденіе, но не простимъ только одного безцѣльнаго, случайнаго отрицанія и грубыхъ выходокъ... Мы всѣ очень хорошо умѣемъ различать страстное, беспощадное отрицаніе современнаго человѣка отъ безобразнаго скептицизма какого нибудь Собакевича, бросающаго камни направо, налево, только на томъ основаніи, что у него такая ужъ широкая натура...

За что, напримѣръ, поворожденный фельетонистъ Библиотеки для Чтенія, Никита Безрыловъ, былъ встрѣченъ такимъ беспощаднымъ свистомъ? Неужели за то, что онъ не признаетъ нашего прогресса? Сильно сомнѣваюсь въ этомъ... Скорѣе всего всѣхъ возмутить въ немъ тонъ Собакевича, Собакевича, который говорилъ: одинъ у насъ городничій—порядочный человѣкъ, да и тотъ свинья!.. Глумясь въ этомъ родѣ, надъ всѣмъ, что не пошло подъ руку, Никита Безрыловъ вызвалъ у всѣхъ не улыбки, а досаду и сожалѣніе. »Искра»

даже обошлась съ нимъ уже черезъ-чуръ круто, оставилъ его на одну доску съ редакторомъ «Домашней Бесѣды». Положимъ Никита Безрыловъ сильно проврался и слишкомъ большую долю далъ своей широкой натурѣ (вѣдь широкія натуры и зеркала любятъ бить для потѣхи), но я все-таки держусь того мнѣнія, что сравненіе гг. Н. Безрылова и А. Писемскаго съ Асоченскимъ уже слишкомъ сильное сравненіе... Разумѣется я не сатирикъ, и слишкомъ мягкаго права для того, чтобъ рѣшиться на такой рѣзкій приговоръ, а потому не могу быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ пришла въ голову только одна мысль. Не знаю насколько гг. Безрыловъ и Писемскій оскорбится сравненіемъ съ знаменитымъ Викторомъ Ипатьевичемъ, но вполнѣ увѣренъ, что самъ г. Асоченскій чрезвычайно доволенъ такимъ приятнымъ для него сопоставленіемъ именъ. Сначала Асоченскаго сравнивали съ г. Катковымъ, потомъ съ И. Аксаковымъ, наконецъ и съ г. Писемскимъ: какъ же послѣ того не умильтея темному редактору «Домашней Бесѣды»! Вѣдь это честь для него великая!

Впрочемъ, «о безобразномъ поступкѣ» Никиты Безрылова я не буду много распространяться. О немъ прокричали повсюду, даже въ *ерундль* Льва Камбека какой-то ерундистъ лаянулъ его... Чтобы съ своей стороны вовсе не пройти молчаніемъ новую «фельетонную клячу», (какъ самъ именуетъ себя Никита Безрыловъ) и ея рѣшительнаго пораженія, я начинаю импровизировать слѣдующую коротокшкую балладу:

Два бойца.

Разъ, съ занасомъ стрѣлъ и свиста
Старый, русскій хроникеръ
Поджидалъ фельетониста
Изъ какихъ-то темныхъ горъ.

У Печаткина въ конторѣ
Ужъ гремѣлъ о немъ рассказъ.
И сразиться въ новомъ спорѣ
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ на бой Безрыловъ,
Авторъ дивныхъ трехъ страницъ,

И хотѣлъ всѣхъ самоотверженъ
Преклонить покорно ницъ.

Хроаникеръ же предъ заломъ,
Защищая свой припадокъ,
Посмотрѣлъ, грянулъ главою —
Ахнулъ дерзкій — и погибъ.

И простертый на подмосткахъ
Неподвижно онъ лежалъ,
Тамъ, гдѣ въ «*Илари и Блесткала*»
Чей-то корчился журналъ.

Вернусь теперь къ тому, съ чего я началъ — къ моему вѣрѣ въ непреложность и единство общественнаго мнѣнія. Если выходы многихъ скептиковъ не могли до сихъ поръ поколебать въ этомъ дѣлѣ моего убѣжденія, то одинъ случай, недавно бывшій со мною, заставилъ сильно меня призадуматься и поколебаться. Это было на одномъ домашнемъ литературномъ вечерѣ, въ домѣ богатаго барина, къ которому, въ числѣ многихъ гостей, попалъ и я. Какъ уже извѣстно, благотворительные спектакли и литературныя чтенія сдѣлались настоящею потребностью нашего развитаго общества. Кромѣ публичныхъ чтеній вошли въ моду домашніе вечера, на которыхъ читаются лучшія произведенія русскихъ писателей. Имѣя случай быть на одномъ изъ такихъ засѣданій, я отправился туда, довольный тѣмъ сознаніемъ, что люди нашего вѣка умѣютъ проводить свои досуги безъ танцевъ и неинтересныхъ мнѣ картъ... Не имѣя права на замѣтное появленіе въ роскошной гостиной, я, какъ неизвѣстный «темный человекъ», никогда не являвшійся передъ публикою во время литературныхъ чтеній въ пасажѣ, скромно и тихо явился на званый вечеръ и изъ пустаго уголка началъ наблюдать и разсматривать окружающую меня публику. Публика же была самая разнообразная, разноцвѣтная... Я понималъ, что только одни общіе интересы и стремленія могли соединить въ одну гостиную и шумныхъ прогрессистовъ, и молчаливыхъ офицеровъ, податочныхъ стариковъ и нерешительныхъ дамъ, парики и льняныя прически, шныры и дипломатическія багетбарды... Ктобы могъ доказать мнѣ въ ту минуту, что эти люди сошлись сюда такъ собѣ, случайно, и я на-

Часть снова всматриваться въ лица посетителей литературной гостиной...

При видѣ пышныхъ извозъ и львицъ,
 Мушницъ, старушекъ и дѣвицъ,
 Шепталъ тихонько я въ гостивой:
 Всю эту смѣсь одеждъ и лицъ
 Соединилъ прогрессъ единый;
 Кого, кого тамъ не встрѣчалъ
 Мой взоръ въ толпѣ перебѣгая...
 Тамъ былъ въ отставкѣ генералъ,
 На всѣхъ смотрѣвшій не моргая;
 Тамъ былъ угрюмый откупщикъ,
 Бранившій невскіе трактиры,
 И пережившій свой парикъ
 Поэтъ, отставленный отъ ларя;
 Тамъ былъ развязный офицеръ
 Съ непозволительнымъ румянцемъ,
 Домашній врачъ, акціонеръ,
 Артистъ, смотрѣвшій итальянцемъ;
 Тамъ былъ пріятный господинъ
 Болонку гладившій хозяйки,
 И двѣ княжны, вносившихъ сплинь,
 Дѣвицы въ лѣтахъ и всезнайки.

Я созерцалъ—колоду картъ
 Всего общественнаго мнѣня:
 Тамъ былъ нафобренный залетъ
 Съ обѣтохъ вѣчнаго молчанья
 И дама никъ,—ужь двадцать лѣтъ
 Дочь вывозившая въ собранье.
 Чиновникъ, баринъ и купецъ
 Всѣ были призваны на чтенье:
 Тамъ все общественное мнѣнье
 Нашелъ я въ лицахъ наконецъ.

Съ особеннымъ любопытствомъ, началъ я прислушиваться къ толканью и рѣчамъ представителей и представительницъ русскаго прогресса. Книжки и журналы, покрывавшія большой столъ, еще не были тронуты;

всѣ разсѣлись по побольшимъ группамъ, точно вѣстители теперешняго шахматнаго клуба и предавались тихой и разумной бесѣдѣ:

Я подошелъ къ первому кружку, гдѣ сидѣла сама хозяйка еще молодая и красивая женщина.

— Какъ вы думаете, говорила хозяйка сладко улыбающемуся господину, играющему съ ея собачкой: нужно ли женщинамъ учиться медицинѣ и добиваться докторскихъ патентовъ?

— Это было бы нужно... въ такомъ случаѣ, еслибы на землѣ остались однѣ только женщины, а теперь пока, все это—маленькія утонійки, дѣтскія теорейки... ей—Богу—съ!

— Да и къ чему женщинамъ медицина, замѣтилъ развязный господинъ, когда онѣ и безъ помощи аптеки могутъ поразать и укладывать насъ въ могилу... Ха, ха, ха!..

Блѣднющая блондинка бросаема на говорившаго такой благодарный и глубокой взглядъ, отъ котораго не устояло бы ни одно застрахованное отъ огня сердце...

— Согласились ли бы, продолжалъ развязный господинъ обращаясь къ блондинкѣ, поступить во врачѣ, съ обязанностью ѣздить по грязнымъ больницамъ и возиться съ мертвыми трупами?

— Фи! за кого вы меня считаете? Развѣ прилично дѣвушкамъ спускаться до роли какой-то лекарки? Вы вѣдь знаете, что у насъ даже... акушерки (при этомъ словѣ она сильно покраснѣла) нигдѣ не приняты, нигдѣ не бывають.

— Нашлись же порядочныя женщины, замѣтилъ рѣзко студентъ, который не нашли *исприличнымъ*—слушаніе лекцій въ медицинской академіи...

— Мало ли, батюшка, есть женщинъ, проговорила съдая разряженная старуха... Всякія есть... Всѣмъ законъ не писанъ...

Я перешелъ въ другую сторону.

Въ это время къ кружку нѣсколькихъ дамъ и мушкетъ подошелъ только-что пріѣхавшій молодой человекъ.

Слышались пріѣтствія и вопросы.

— Bonjour, M-г Эборингъ! Здравствуйте! Откуда вы такъ поздно?

— Изъ русской оперы—смотрѣлъ Никольскаго въ «Жизни за Царя»...

— Изъ русской оперы? удивлялась полная дама: да развѣ можно ѣздить въ русскую оперу... это должно быть очень уморительно и скучно!..

— А чья это опера «Жизнь за царя»? продолжала она.

— Гляньки, забыл кто-то. Последовало длинное: а, а, а!...

— А что, хоронит собой Никольский, депрессивная старая книжка своего соседа.

— Напишите, это уже никак не по моей чести...

— Ах, Марию, очаровательный Марию, вздыхала книжка: кто забыть намъ его!...

— Говорить, что Стюарт,—улыбаясь, забыл новоявленный. Мы, какъ патриоты, должны поддерживать эту мысль, хотя клеветники и говорятъ, что онъ потерял свой голосъ.

— Что такое за исторія поднималась въ нашихъ газетахъ о кукульщикѣ, началъ лисий начальникъ отдѣленія. Вы должны знать это, обратился онъ къ домашнему врачу.

— Это одна изъ клеветъ, отвѣчалъ врачъ, на которомъ такъ цедра темеренная журналистика. Обличительная литература оказалась гораздо вреднѣе всѣхъ возможныхъ кукульщановъ...

— Дѣйствительно, теперь у насъ читать нечего, вѣшалась дана съ мужскими формами: ни одного почти журнала въ руки взять нельзя... Только за одними переводными романами и можно еще отдохнуть...

— Ахъ, вы были на последнемъ литературномъ чтеніи? обратилась къ ней розовенькая институтка.

— Нѣтъ.

— Жаль... Майковъ стихи читалъ, такъ хорошо читалъ, что я чуть не плакала... Ахъ, какой онъ душка!..

— Знаете печальную новость, говорилъ аукціонеръ дремшему восту въ парикъ: вчера скорострительно умеръ И. И. Панаевъ.

Древній поэтъ поправилъ галстукъ и слезливо почесалъ головой.

Отставной генералъ первый разъ въ продолженіи вечера моргнулъ глазами и что-то промычалъ.

— А кто это Панаевъ? смѣло спросилъ начальникъ отдѣленія, я, кажется, служилъ...

— Это одинъ изъ русскихъ литераторовъ, одно время очень любимый публикой. Какъ авторъ легкихъ рассказовъ и очерковъ, онъ составилъ себѣ имя въ журналистикѣ....

— Ахъ, помню, вѣшался завитой молодой человекъ, вѣдь это онъ, кажется, написалъ: «опытъ е хлыщахъ»... Бойко запомно...

Разговоры шли въ этомъ тонѣ. Гости, собравшись на литературный вечеръ, видимо старались говорить о «матерьяхъ важныхъ», но

все это какъ-то не удавалось и тихій антогъ не разъ парилъ то надъ тѣмъ, то надъ этими кружкомъ.

— Что жъ? думалъ я. Одна только непримычка къ подобныиъ собраніямъ—ничего болѣе. Вѣдь могли бы и въ карты съѣсть играть, а вотъ не играютъ...

Между тѣмъ время проходило и хотя въ карты дѣйствительно не играли, но вечеръ только по названію былъ литературный. Нѣсколько молодыхъ людей и дамъ, чтобъ хоть немножко очистить свою совесть, подошли къ огромному столу съ книгами, начали перелистывать журналы и пробѣгать нѣкоторыя стихотворенія.

Наконецъ—это была роковая для меня минута—кому-то понадобилось развернуть одну изъ послѣднихъ книжекъ Русскаго Слова и именно тамъ, гдѣ начинается «дневникъ темнаго человѣка».

Понимаете ли вы, добродѣтельный читатель, что долженъ былъ чувствовать я, скромный труженикъ, въ то время, когда, находясь въ такомъ блестящемъ обществѣ, начали громко читать вступительныя стихи моего листка, а потомъ и самый листокъ. Я задрожалъ, какъ новѣста передъ дверью перваго бала и почувствовалъ, что въ горлѣ моеиъ вдругъ пересохло...

Хозяинъ дома, сидѣвшій рядомъ со мной, нѣсколько разъ хотѣлъ объявить о присутствіи въ гостиной самого автора, но я такъ убѣдительно и слезно посмотрѣлъ на него, что онъ вынулъ мою личную просьбу.

Я перевелъ дыханіе и началъ слушать.

Листокъ мой начали читать вслухъ, сначала тихо, а потомъ довольно громко. Нѣсколько улыбокъ двухъ, трехъ слушателей заинтересовало другихъ—и всѣ примолкли.

Во время чтенія, въ безмолвныхъ лицахъ слушателей я старался прочесть свой приговоръ и чутко, съ замираніемъ сердца вглядывался въ каждую фззіономію.

Каждую улыбку слушателя я цѣнилъ на вѣсь золота, отъ каждой зѣвоты приходилъ въ лихорадочное содроганіе. Особенно безножило меня выраженіе лица начальника отдѣленія, выраженіе до того грозное, что я готовъ былъ въ ту минуту дать вѣчный обѣтъ—никогда не писать ни въ одномъ русскомъ журналѣ. Я съ трепетомъ ждалъ конца чтенія; я молилъ судьбу, чтобъ какойнибудь непредвидѣнный случай, въ родѣ сосѣдняго пожара или землетрасенія, разомъ заставилъ бы забыть гостей и журналъ, и литературу, и бѣднаго темнаго человѣка.

Но землетрясения не случилось, пожара—тоже, и чтение на одной из страниц остановилось...

— Кто это пишет под именем темного человека? небрежно замѣтила старая княжна: возможно тривиально, но не совѣтъ скучно... Стишки есть не дурные!..

Какъ не безобразна была говорившая, но за эту жесткую похвалу я готовъ былъ поцѣловать ее прямо въ губы, въ ея ужасныя, искривленные губы.

— Мало ли нынче развелось разныхъ псевдонимныхъ писакъ, злобно замѣтилъ начальникъ отдѣленья, глумящихся надъ встрѣчными и непорочными... Розенгеймъ какойнибудь пишетъ...

Что я чувствовалъ въ эту минуту? Въ тѣ дни, когда самаго Писсонского и Аксакова сравниваютъ съ Асочковскимъ, меня, даже шай антагонистъ, считалъ, да съ кѣмъ считалъ?

Его творца, герек, полу-бога

русской сатиры—Розенгейма могъ подозрѣвать въ темномъ авторѣ темнаго листка? Чтобъ не сказалъ послѣ этого сравненія начальникъ отдѣленья, какъ бы не разобралъ меня—я былъ исполненъ тайной и важной горючости.

— Нулетцы есть бойкіе—произнесъ древній поэтъ, но возли нѣтъ, мягкости, отбѣлки... Современные поэты возвышенныхъ чувствъ не понимаютъ, замѣтилъ онъ со вздохомъ.

Отставной генералъ вторично моргнулъ глазами и я въ первый разъ услышалъ его голосъ:

— Малокососы! Уваженія къ лѣтамъ и званію не имѣютъ...

— Я нахожу, выѣхался завитой господинъ, что современные, такъ называемые свистуны, ужасно дличны... Рвительно порядочного тона не знаютъ: есть что—то трактирное, вульгарное, неопрятное даже въ сашежъ ихъ остроуміи...

Я бросилъ взглядъ ненависти на говорившаго, и если бы не студентъ съ длинными волосами оборвавшій его, я былъ самъ готовъ на какуюнибудь рѣзкую выходку.

— Вотъ толи дѣло, говорить княжѣ развязный офицеръ—статейки «рыцаря стеклышка и плада» въ Модномъ Магазиѣ. Если вы не читали, княжна, то пожалуйста прочтите: граціозно, легко и не обидно...

— Ахъ, я читала, замѣтила институтка... еще тамъ написано о томъ, какъ рыцарь нисель портъ-моне на неведомъ проспектъ.

Въ это время хозяинъ дома предложилъ обществу прочесть новое произведеніе Островскаго—Козма Минина.

— Что это—повѣсть? спросила вдовушка, шала вѣеромъ.

— Нѣтъ, драма; Островскій получилъ за нее награду—бриллиантовый перстень и вмѣстѣ съ награжденнымъ Кальцолари принадлежатъ къ любимцамъ публики...

Поэтъ въ нарядѣ вызвался быть чтецомъ и чтеніе началось. Во время его я успѣлъ отдохнуть послѣ тяжелаго впечатлѣнія собственной казни, и съ какимъ-то почти нескрываемымъ озлобленіемъ началъ смотрѣть, какъ неистово скучала вся публика, слушая однообразную декламацию стараго чтеца. Я съ наслажденіемъ ловилъ блику и зѣвоту на лицахъ гостей, обманывавшихъ другъ друга своими задраженнымъ, вымученнымъ вниманіемъ. Взглядъ отставнаго генерала какъ бы оладевалъ и онъ сѣдѣлъ туго и недвижно, точно во время сеанса фотографа. Институтка, искоса поглядывая на развазнаго ошенира, усиленно глотала свою зѣвоту. Завитой господинъ кусалъ ногти, сѣдя какъ разъ противъ злоумыблующагося студента и показывая видъ, что онъ внимательно слѣдитъ за чтеніемъ... Мнѣ было весело въ эти часы видѣть добровольныя мученія благовоиспитанныхъ слушателей, и къ общему негодованію (тайному разумеется) вслухъ востергалаея некоторыми монологами и декламацией несчастнаго читальщика.

Наконецъ ужинъ прервалъ чтеніе, и гости измученные, истеросонные, проклиная въ душѣ новую моду литературныхъ вечеровъ, отправились въ столовую, разомъ начавши говорить о новомъ пивкнкѣ, затѣваемомъ ими на той недѣлѣ.

— Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, прогрессъ нашего общества? думалъ я, садясь на извончика, послѣ этого вечера. Неужели я обманывался? Но я тутъ же понялъ, что смотрю на это дѣло пристрастно, подъ влияніемъ только-что задѣтаго авторскаго самолюбія. Нѣтъ, я обманулся на этотъ разъ, рѣшилъ я наконецъ и торжественно воскликнулъ:

Во всемъ прогрессъ по волѣ неба,
Во всемъ развитія законъ...

Съ какими еще отрадными явленіями нашихъ дней познакомлю я моего читателя? Явленій отрадныхъ такъ много, что я теряюсь въ сво-

ить соображенія и не знаю съ чего начать!.. Съ добродѣтельными ли порывовъ Н. Ф. Павлова, (которому я собираюсь посвятить свой переводъ изъ гётевскаго Фауста, гдѣ Фаустъ продаетъ свою душу мексикотомлю) съ театральныхъ ли полемикъ г. Ротчева или наконецъ съ замѣчательныхъ произведеній г. Охочекомонны въ Библіотекѣ для Чтенія. Начну именно съ послѣдняго, какъ съ самаго юнѣйшаго журнальнаго прогрессиста.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ всѣ мы ужасно какъ волновались и обижались, когда нашихъ петербургскихъ дѣателей и журналистовъ, г. Борисъ Чичеринъ и К^о называли *литературными казиками, сплетниками* и другими болѣе или менѣе граціозными названіями.

Всѣ непрактическіе люди или, выражаясь приличнѣе, «люди не шибкоше ножи подъ ногами», не могли вывести равнодушно шиттовъ московскаго изготовленія. Такая неестественная скромность, достойная только институтокъ, дѣйствительно была странной въ серьезныхъ, казенныхъ людяхъ, никогда не заглядывавшихъ въ лексиконы *приличнѣе* и *моднѣе* выраженій...

Ну, вотъ великая, въ самомъ дѣлѣ, бѣда, если на мѣсто чина какого нибудь надворнаго совѣтника насъ обзовутъ казикомъ или черносѣмъ!.. Новѣдніе намѣ продолжалось бы еще очень долго, еслибы не явился новый голосъ, новый полемическій реформаторъ, который доказалъ, что порядочные люди вовсе не должны жеманиться и пресидеть отъ каждаго рѣзкаго выраженія. Вотъ Англичане и образованный народъ, а боксами занимаются же...

— Долой рутину, возомилъ Охочекомонна, надѣвая кулачныя рукавицы. Будемъ искренны и откровенны во всемъ. Подъ цинизмомъ нравовъ скрывается нѣтъ красота и сила.

Въ слѣдъ за этимъ, г. Охочекомонна началъ искать себѣ журнальнаго органа, гдѣ бы онъ могъ распоясаться и приступить къ своей новой полемикѣ.

Библіотека для Чтенія, утопленная стихотвореніями Зорина и Иванова, предложила ему свои услуги.

— Авось, думаетъ, скандалъ надѣлаетъ, а безъ него плохо теперь приходится. Идите же, г. Охочекомонна,

Гуляйте, гдѣ благоугодно!..

И вотъ появилось грозное слово объ университетахъ и о статьяхъ

нѣкоторыхъ ученыхъ, писавшихъ на эту тему. Охочекомонна задаль себя задачей поразить всѣхъ своихъ враговъ разомъ.

— Чѣмъ же ихъ поразить? думаль новый Илья Муромецъ. Логикой? Не сладишь. Здравымъ смысломъ? Тоже трудно... Что же дѣлать? Но боець не сробѣлъ и придумаль новый методъ битвы.

Началь онъ съ самаго сильнѣйшаго.

— Вы, говорить, сударь не ученый, а *мартышка*,—ничего болѣе. Значетъ, какія стипенди къ вамъ идутъ? Вотъ какіе:

Стой, братцы, стой»: кричить *мартышка*,—погодите,
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите...

— А для васъ господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ другимъ своимъ противникамъ, тоже стипенди есть:

Постойте, я сыскалъ секретъ,—кричитъ *оселъ*,
Мы вѣрно ужъ поладимъ, коль рядомъ сидимъ.

Ища названные такъ откровенно *ослами*—разумеется были поражены на смерть.

Охочекомонна видимо цѣлялъ всю выгоду своей палемики; онъ по методу г. Бланка, только и можетъ называть людей именами различныхъ животныхъ. Вотъ она сила—то басни!..

Ахъ, если бѣ критикомъ родился въ мирѣ я—
На басни бы налѣгъ—охъ, басни—смерть моя!...

Ихъ оружіе убійственно, особенно въ рукахъ г. Охочекомонны. Но г. Охочекомонна не всегда такъ беспощаденъ и неумолимъ въ своихъ приговорахъ; иногда у него является и снисходительность и мягкость невѣроятная.

Напримѣръ, изъ уваженія къ личности женщины, онъ не рѣшился сравнить съ какой-нибудь птицей или рыбой г-жу Толмачеву за чтеніе «Египетскихъ ночей» въ Перми, но только назвалъ ее за это «развратительницей общества».

Въ другомъ случаѣ онъ оказался не менѣе того любезенъ, и его любезность должна вполне оцѣнить редація Русскаго Слова. Одинъ изъ сотрудниковъ Русскаго Слова, заслуживъ немилость г. Охоче-

новомы, докладая отъ него слѣдующаго замѣчанія, относительно очень деликатнаго:

Принципы этого философа, имѣеть отъ, «давно принимаются, какъ основаніе стремленій тѣхъ животныхъ, которыхъ имъ служить символомъ неоприятности, людей, которые не стыдятся походить на нихъ».

Не правда ли, что есть большая разница между словени—ты осель, ты свишь и такимъ выраженіемъ: ты принадлежишь къ числу тѣхъ животныхъ, которыя извѣстны своей неоприятностью. Въ первомъ случаѣ фраза выходитъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ послѣднемъ и мы не можемъ не замѣтить, что г. Охочекомонна вполне владееть тонкой діалектикой, исполненной мягкости и достоинства.

Можно ли теперь не признать заслугъ Библиотеки для Чтенія, которая почти разомъ подарила намъ блестящими талантами гг. Зорина и Охочекомонны, Петра Нескажуса и Никиты Безрылова... Неужь счастливой звѣздой родился г. Печаткинъ, умѣя въ одно время соединить въ своемъ журналѣ имена этихъ новыхъ дѣтелой. Не могу не воскликнуть при этомъ:

Милъ и хорошъ твой, Печаткинъ, журналъ,
Вѣрная пристаиь средь нашихъ тумановъ;
Пишетъ стихи въ немъ Зеринъ и Ивановъ...
Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ.

Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ,
Славить, и пѣть я его не боюся,
И не забуду Петра Нескажуса...
Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ.

Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ,
Въ немъ къ озлобленью полемикофиловъ
Смѣло предсталъ ты Никита Безрыловъ...
Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ.

Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ!
Но что статьи всѣ, стихи, фельетоны
Передъ трудами Охочекомонны?
Милъ, прогрессивенъ твой старый журналъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ мыслителей, въ Библиотеку для Чтенія народился еще новый дѣятель (ужъ такой урожай на нихъ пошелъ!), который явился растолкователемъ и суровымъ судьей дѣятельности покойнаго Н. А. Добролюбова. Авторъ статьи «Небывалые люди» г. З—нъ (кто ты, прекрасная маска?) доказалъ намъ, самымъ положительнымъ образомъ, какъ безцвѣтна и безслѣдна была вся трудовая жизнь Добролюбова и какъ жалки были всѣ друзья покойнаго, высоко ставившіе его дарованіе!.. Напрасны бы мы думали ждать пощады отъ г. З—на, напрасно бы думали защитить передъ нимъ имя человека, глубоко нами уважаемаго, въ котораго даже враги его не рѣшались бросить камня, г. З—нъ не умолимъ и не останавливается на полъ—пути. Онъ собираетъ своихъ слушателей и открываетъ свою карающую лекцію такимъ ядовитымъ восклицаніемъ:

— бовъ—и монументъ по подпискѣ! Имя кандидата въ великіе люди пишется съ маленькой буквы даже въ томъ случаѣ, когда нѣтъ начинается строка, потому что нельзя же написать—Бовъ, если намъ востоянно встрѣчался—бовъ!...

Итакъ—вотъ въ чемъ дѣло: г. З—нъ негодуетъ на то, что въ пользу памятника Добролюбова идетъ общественная подписка! Такому суровому публицисту какъ г—нъ З—нъ въ этомъ случаѣ:

Есть отчего въ отчаянье придти!..

Кто не согласится, въ самомъ дѣлѣ, съ г. З—нымъ, что негѣно ставить памятникъ человеку, фамилія котораго писалась чрезъ маленькую букву —бовъ!.. Это орфографически невозможно и довольно одного этого довода, чтобы понять справедливое негодованіе г. З—на. Вотъ другое дѣло, еслибы фамилія, которую подписывалъ покойный литераторъ подъ своими статьями, начиналась съ большой буквы—тогда еще памятникъ возможенъ. На этомъ же основаніи, всѣ мы готовы составить подписку даже на пожизненный мавзолей нѣкоторыхъ геніевъ Библиотеки для Чтенія, какъ напр. гг. Охочекомонны, З—на, Зорина, потому что ихъ фамилія начинается съ большой буквы.

Господа! Я призываю къ подпискѣ и первый готовъ подать прижръ пожертвованія въ пользу большихъ начальныхъ буквъ этихъ счастливыхъ именъ литературы!.. Да здравствуетъ же орфографическая находчивость г. З—на!..

Отд. III.

2

Но г. З—нь на этомъ не останавливается и начинаетъ разбирать, достойны ли Добролюбовъ долгой памяти своихъ читателей.

Онъ обращается къ друзьямъ покойнаго:

— Какъ рѣшились вы на гробъ Добролюбова, *второстепеннаго* чело­вѣка вашего кружка, въ его некрологѣ и при нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, такъ много наговорить о его *честности*? (!)

— Какъ? думаютъ слушатели, неужели г. З—нь, не вѣрить въ честность покойника? Неужели безъ всякаго основанія онъ имѣетъ дерзость дѣлать упреки такого рода?

Но, послушайте, что дальше говоритъ г. З—нь:

— «Добрые инстинкты большинства публики, не развившаго въ себѣ самостоятельнаго отношенія къ вещамъ и *готоваго многиму поверить на слово* (т. е. честности Добролюбова?) *не должны быть злоупотре­бляемы!*..

Вотъ какое обвиненіе низвергаетъ г. З—нь на голову друзей Добролюбова, обвиняя ихъ въ неправдѣ, во лжи передъ русской публикой.

Онъ продолжаетъ далѣе:

— «Публика состоитъ изъ всякихъ членовъ, въ томъ числѣ есть и добрыя дѣти.

Соблазнить единаго отъ малыхъ свихъ и поселить въ немъ убѣжденіе, что покойный — бовъ былъ чело­вѣкъ необыкновенный, значтъ, извратить понятія ребенка о величій людей, умалить его нравственный идеаль» и т. д. Однимъ словомъ, г. З—нь обвиняетъ друзей Добролюбова въ гражданскомъ преступленіи. Горе, горе имъ!..

Какъ осмѣлились они предложить подписку на сооруженіе могильнаго памятника чело­вѣку, никогда не переводившаго «Сарданшала» Байрона и не писавшаго стихковъ во вкусъ Зорина и Иванова?— Да знаете ли вы, восклицаетъ г. З—нь съ байроновскимъ жаромъ, если бы мы стали дѣлать памятники разнымъ рецензентамъ, «то для этого не достало бы ни денегъ, ни мрамора десяти такихъ планетъ, какъ наша».

О благородномъ негодованіи Охочекомонны 2-го, мы можемъ судить по слѣдующимъ восклицаніямъ:

— Ломаніе друзей Добролюбова передъ русской публикою во всѣхъ отношеніяхъ отвратительно!..

— Ихъ похвалы—есть выпрашиванье на водну! Мы не можемъ безъ *много глубокаго стыда* вспомнить объ этомъ!..

Теперь интересно будетъ узнать какъ думаетъ, г. З—нь о дѣ-

тельности Добролюбова и какое мѣсто позволяетъ занять ему въ русской литературѣ... Слѣдить за развитіемъ мысли г. З—на будетъ для насъ слишкомъ утомительно; мы лучше выберемъ всѣ характерныя изрѣченія новаго Мартына Задени, въ которыхъ онъ излагаетъ свой взглядъ на покойнаго писателя. Смѣю увѣрить читателя, что эти изрѣченія взяты не изъ Домашней Бесѣды, но изъ статьи моей прелестной маски. Итакъ, вотъ нѣсколько изрѣченій:

— Добролюбовъ былъ *литературнымъ поматчиномъ* и покровителемъ *бездарности*.

— Единственное достоинство его статей—плодовитость и растянутасть.

— Труды его были чужды оригинальности; онъ даже не терпѣлъ оригинальности въ другихъ.

— Статьи Добролюбова—плохая пожива *для мысли*.

— У него мы нигдѣ не видимъ *принципа, самостоятельного или временно-годнаго...*

— Особенность Добролюбова—*сантиментальность*, въ большинствѣ случаевъ, просто надоедливая.

— Добрый, добросердечный—*бовь!*..

Предоставляя друзьямъ Добролюбова и критикамъ собрать въ цѣлое всѣ эти жемчужины и обвинить ихъ по достоинству, я приведу еще одно послѣднее изрѣченіе г. З—на, весьма замѣчательное.

— «Добролюбовъ, говоритъ онъ, разсматривая его критическій методъ съ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ своихъ, старался передать вамъ то совершенно непередаваемое чувство боли, которое было въ мужикѣ, когда его били, и онъ съ такимъ непонятнымъ усердіемъ и съ такою монотонною длиннотою предавался этому неблагоприятному и вполне безплодному упражненію, что вамъ, наконецъ, хотѣлось сказать: да отстаньте же отъ меня! я и безъ того знаю, что когда бьютъ—то бываетъ больно».

Кто ты, кто ты, танцовальная маска? Слушая тебя, я такъ и вижу уздный городокъ, сальную комнату, гдѣ за книжкой сидитъ и разсуждаетъ перезрѣлая дочка какого нибудь становаго или исправника, дочка, которая *ужасно* какъ любитъ *осащеровъ*, моржанаго и скандальные французскіе романы московскаго издѣлія. Я будто вижу, какъ въ руки подобной провинціальной Нимфы попалась критическая статья Добролюбова, и она, подобно г. З—ну, негодуетъ на сочинителя, котораго никто не просилъ страдать за каждый ударъ по спинѣ его

*

блуждаю! Образъ такой уязвимой барышни въ ситцевой блузѣ и съ заснанными глазами, такъ и выросъ теноръ передо мною, и нѣтъ нѣтъ возможности отдѣлаться отъ него иначе, какъ—стихиами. Думаю, что моя элегія въ этомъ случаѣ весьма кстати:

ЖАЛОБА УЪЗДНОЙ КРАСАВИЦЫ.

Элегія.

Что это, тетенька,—просто мученіе
 Новыя книги читать!
 Нѣтъ никакого почти развлеченія:
 Такъ и захочется спать.

Повѣсть раскроешь—герои все штатскіе;
 Нѣтъ интересныхъ двухъ лицъ,
 Все разговоры такіе дурачскіе —
 Скука одна для дѣвицъ.

А уже критики—вотъ наказанье!
 Слово туманъ въ головѣ;
 Нѣтъ и примѣтъ благороднаго званія,
 Тонъ—настоящій мосс...

Очень вѣдь нужно порядочной женщиной
 Знать, какъ живутъ мужики.
 Слышите: чувство нашли въ деревенщинѣ,
 Сердце кашли... Пустяки!..

Словно они всѣ съ такими же нервами,
 Также страдаютъ, какъ мы.
 Ужъ не хотятъ ли поставить ихъ первыми
 Критиковъ этихъ умъ?..

Бьютъ ихъ! Такъ что же? за дѣло и слѣдуетъ,
 Такъ говорить самъ *мамá*.
 Что жъ сочинитель-то тутъ проповѣдуетъ —
 Я и сама не глуха.

Дай-ка, возьму я «Писмовникъ Курганова»

Или стихи Зорина,

Иль «соеводу», пожалуй, Иванова...

Критики жъ скука одна.

Нѣтъ... Погадаю ужъ лучше о суженомъ...

Просто заснешь у носка!

Хоть бы лѣсничій пришелъ передъ ужиномъ!

Господи, что за тоска!..

«Въ снисхожденіи къ побитому мужичку у г—бова было дѣйствительно что то странное» — продолжаетъ уже не уѣздная барышня, а столичная журнальная маска... Но довольно говорить о красотахъ статьи г. З—на, ихъ и такъ было указано достаточно. Г-нъ З—нъ самъ очень высоко ставитъ свою статью и говоритъ, что его *критика — есть здоровая*. Мы при этомъ еще добавимъ отъ себя, — что кромѣ здоровья (здоровье всего дороже) она отличается и предусмотрительностью. Пока живъ былъ Добролюбовъ, пока его голосъ — *самтиментальный* положимъ — время отъ времени раздавался въ русской журналистикѣ, маленькія букашки не смѣли выползати изъ своихъ щелей и только пугливо показывали на свѣтъ Божій свои крошечныя головки. Но вотъ когда смерть сковала этотъ голосъ честнаго и энергическаго дѣятеля

И полѣзли изъ щелей

Мошки и букашки,

Зашипѣли, завозились эти Охочекомонны, эти З—ны, сильные и смѣлые передъ холоднымъ трупомъ. Бываютъ же на свѣтъ смѣльчаки такіе, подумашь!.. Одной только смѣлости не хватило у нашей маски, скрывающагося подъ литерами З—нъ, явиться съ своимъ мнѣніемъ прямо и открыто, безъ маскараднаго забрала. Впрочемъ, какъ всѣ маски, и эта захотѣла еще болѣе возбудить въ насъ любопытство, заставить обратить на себя вниманіе. Выгода есть двойная...

Мое любопытство, какъ и многихъ было тоже задѣто, и я посвятилъ тебѣ, маска, слѣдующее стихотвореніе:

Кто вы?

(Посвящ. г. З—ну).

Изъ подъ таинственной журнальной полу-маски
Ловилъ я рѣчь твою внимательно вездѣ,
Я ждалъ никогдѣ упорнаго развязки,
Но вмѣсто имени нашелъ лишь букву З.

—
Меня тянулъ къ себѣ, приковывалъ неволью
Твой не разгаданный и скромный псевдонимъ,
И думалъ, думалъ я—а сердце билось больно—
Зачѣмъ скрываешься, о маска, ты за нимъ?

—
О, еслибъ кто нибудь съ прекрасной незнакомки
Снялъ маску темную съ узломъ стыдливымъ лентъ,
То разомъ шаръ земной весь дрогнулъ бы отъ ломки
И ей поставили бъ мы вѣчный монументъ.

—
И создалъ я теперь въ моемъ воображенъ,
Протѣ для наоса двѣ пѣсни Зорина,
Лица незримого и смыслъ, и выраженье,
И вновь надеждою душа моя полна.

—
И все мнѣ кажется: я слышалъ рѣчи эти!
И кто-то мнѣ шепталъ, таинствомъ и незрицъ:
У Аскоченскаго, въ прославленной газетѣ
Та маска явится, раскрывъ свой псевдонимъ.

Будемъ же терпѣливо ждать этого времени, не имѣя возможности пока удовлетворить своему любопытству. А теперь... теперь мы перейдемъ къ другимъ явленіямъ, позабытымъ или неизвѣстнымъ нашимъ читателямъ. Пользуясь правомъ фантазій, я перенесу теперь васъ въ огромную залу гласнаго судопроизводства, гдѣ разбирается дѣло С.—Петербургскаго книгопродавца Лермонтова и г-жи Кобыяковой. Мы находимся при самомъ началѣ засѣданія и потому можемъ слѣдить съ самаго начала за ходомъ дѣла. Отбросивъ въ сторону все лишнія формальности—начинаю.

Обвиняемый былъ—г. Лермонтовъ, истецъ—г-жа Кобыякова.

Г-жа Кобякова требуетъ слова и начинать свои обвинительные пункты:

«Въ 5 и 6 №№ журнала Русское Слово я помѣстила повѣсть подъ заглавіемъ: «Неожиданное Богатство». Статью эту я отдала *исключительно* въ одинъ этотъ журналъ, не предоставляя права никому перенечатывать ее въ другихъ какихъ либо журналахъ, хотя бы даже въ Народномъ Читеніи; но вдругъ вижу, что она напечатана въ этомъ журнальчикѣ.

Голосъ президента (къ Лермонтову) вы издатель Народнаго Читенія?

Подсудимый. Я...

Г-жа Кобякова. «Издатель этого журнала, не то чтобы взялъ отъ меня дозволеніе, какъ это слѣдовало и по закону, да и вообще по человѣческимъ отношеніямъ, онъ даже не соблюлъ общественныхъ приличій: не заявивъ мнѣ своей личности, оттиснул мою статью въ своемъ журналѣ, объяснивъ въ особомъ примѣчаніи, что будетъ продолжать и впредь (общій ропотъ). Этого мало: онъ далъ статью другое названіе—вмѣсто «Неожиданнаго богатства» назвалъ «Легкимъ богатствомъ», изуродовалъ ее, урѣзалъ, перековеркалъ, въ мѣкоторыхъ мѣстахъ переиначилъ самый смыслъ, передѣлалъ кѣлые фразы на собственный свой ладъ—слогъ мой, видишь, ему не понравился (смѣхъ) и такъ, изъ статьи моей остался одинъ скелетъ безъ плоти и кожи, и скелетъ самый плохой, собранный самымъ плохимъ остеологомъ, не знающимъ даже самыхъ простыхъ приѣмовъ остеологии. И все это сдѣлано безъ позволенія автора. Неправда, господа, это уже очень прогрессивно!.. Покрайней мѣрѣ, до сихъ поръ подобныхъ вещей не дѣлалось; бывали случаи, что кто нибудь и позаимствуется, крадучи, чѣмъ нибудь у другаго, да и постарается замаскировать такъ, чтобъ не было слишкомъ ярко, что большая часть тутъ чужаго, а г. Лермантовъ говоритъ прямо, открыто, у кого онъ взялъ собственность».

Обвиненіе было кончено. Г. Лермантовъ, не желая самъ себя защищать, ждалъ своего адвоката, ждалъ чужаго голоса въ свою защиту, но, увы! никто не рѣшался протянуть ему руку и заступиться за обвиненнаго.

Въ эту критическую для него минуту смѣлая мысль пришла мнѣ въ голову—я хотѣлъ попытать свои силы въ новомъ дѣлѣ и неожиданно для всѣхъ явился адвокатомъ г. Лермантова.

Господа! началъ я при общемъ молчаніи, я беру подъ свою защиту обвиняемаго и постараюсь оправдать его. Уже по одной теоріи Прудона, что собственность—есть кража—книгопродавецъ Лермантовъ не можетъ считаться совершенно виновнымъ. Какъ прудонистъ, онъ легко можетъ доказать вамъ, что гдѣ нѣтъ собственности—тамъ нѣтъ и кражи, или же, что кража есть тоже собственность. Воровство—есть понятіе совершенно условное, относительное какъ и все на свѣтѣ. Одинъ украдетъ у васъ платокъ изъ кармана и будетъ строго наказанъ и судомъ, и вашимъ презрѣніемъ; другой украдетъ у васъ жену и прославится, какъ рѣшительный эмансипаторъ. За одно мы казнимъ, а за другое милуемъ. Кража—не та грубая, циническая кража, которая работаетъ изъ-за угла, но кража тонкая, изящная, галантерейная, чуть-чуть не добродѣтель нашего времени. Мы крадемъ другъ у друга жизнь, репутацію, время, счастье, великія и малыя идеи, знаніе, крадемъ сознательно и безсознательно—и никто насъ не казнить за это. Мы обкрадываемъ нашихъ враговъ, еще чаще друзей, а еще чаще самихъ себя—и все это совершенно безъ послѣдствій. Вспомните мнѣ о Прометѣѣ, желавшаго украсть огонь съ неба и спросите самихъ себя, насколько ненавистенъ для васъ образъ Прометейя, этотъ высоко-идеальный образъ человѣка...

Поосмеренный общимъ одобреніемъ, я перевелъ духъ и снова началъ:
— Разсмотримъ теперь, въ чемъ собственно заключается преступленіе книгопродавца Лермантова. Въ Народномъ Читеніи была безъ позволенія автора перепечатана его повѣсть «Неожиданное Богатство». Такъ что же изъ этого! Если мы допустимъ, что г. Лермантовъ—коммунистъ по убѣжденію, то кто изъ насъ можетъ поверить это убѣжденію? Повѣсть, сочиненіе писателя—есть общественное достояніе. Объясню примѣромъ. Вы выписали журналъ, заплатили за него деньги—и читали. Являюсь къ вамъ я, прошу тотъ же самый журналъ и читаю его уже даромъ. Неужели редакторъ, увидя книгу въ моихъ рукахъ будетъ тоже требовать уплаты денегъ. Тоже самое и въ дѣлѣ г. Лермантова. Вопросъ останавливается только на томъ: нужно или нѣтъ просить у автора позволенія на вторичное печатаніе его сочиненія, съ перемѣнами или безъ оныхъ? На это вамъ можетъ отвѣчать другой книгопродавецъ, г. Вольфъ, очень хорошо знакомый съ такой передѣлкой и произвольной перепечаткой. Что же касается до перемѣны самаго названія повѣсти г. Кобяковой, то она объясняется сама собою. Въ Русскомъ

Словѣ повѣсть называлась «Неожиданнымъ Богатствомъ»; г. Лермантовъ же, которому повѣсть досталась такъ легко, имѣлъ полное право назвать ее «Легкимъ Богатствомъ». Не правда ли, милостивые государи?

Пятитысячная публичка, тежные истиникты которой я возвелъ въ перлъ гражданской добродѣтели, привѣтствовала меня дружными рукоплесканіемъ. Даже дамы не остались равнодушными и

Кричали женщины «ура»
И въ воздухъ чепчики бросали...

Свою блестящую рѣчь, которую не рѣшаюсь здѣсь всю выписывать, я заключилъ слѣдующими выводами:

1) Г. Лермантовъ правъ, потому что онъ дѣйствовалъ открыто по своимъ убѣжденіямъ.

2) Не признавая чужой собственности, онъ могъ перепечатать повѣсть г-жи Кобяковой.

3) Не спрашивалъ на то разрѣшенія автора, во 1-хъ, по принципу, а во 2-хъ, потому что не имѣлъ удовольствія быть знакомымъ съ г-жею Кобяковой.

Влѣдствіе этихъ причинъ, онъ, по моему мнѣнію, долженъ совершенно освободиться отъ общественнаго суда и безбоязненно продолжать свое книгопродавческое поприще.

Что же касается до того, насколько мы можемъ доверять г. Лермантову, то я первый, въ случаѣ изданія какой либо книги, не рѣшусь отдавать ее въ его магазинъ на комиссію, изъ боязни, что онъ по своей теоріи приметъ мое изданіе за свою собственность и не заплатитъ мнѣ ни копѣйки.

Нужно же что нибудь теперь сказать и объ общественной жизни Петербурга. Хотя съ гримасой, а все-таки я долженъ приступить къ разсказу о томъ, какъ шумно и весело прошелъ російскій карнаваль съ его балаганами, блинами, утренними и вечерними спектаклями и т. д., и т. д.

Несмотря на то, что наша русская классическая масляница потеряла у насъ свой первобытный колоритъ и только одни блины остались ея памятникомъ, несмотря на это, во время всей скоромной недѣли наша столица собираетъ весь запасъ своего веселья, чтобъ вполне ему предаться. Петербургъ въ эти дни какъ-то судорожно,

нельзя спешить насладиться всеми благами своего скупого карнавала; петербуржец всегда бросается въ вихрь удовольствій, очертя голову, съ лихорадочною несбѣнностью, какъ будто бы завтра онъ попадетъ въ тюрьму или въ долговое отдѣленіе, какъ будто бы завтра для него не существуетъ: его веселье — словно пляска на кануѣ смерти, на краю гроба. И вотъ вырвавшійся изъ душной кабинетахъ, конторъ и канцелярій, петербуржецъ мечется какъ угорѣлый по всѣмъ театрамъ, маскарадамъ и загороднымъ гуляньямъ, шалить, пьеть, канканируетъ, и все это безъ вдохновенія, безъ личнаго участія въ наслажденія, а такъ себѣ, чтобъ воспользоваться свободной минутой. Съ одинаковымъ чувствомъ джентльмена смотритъ онъ «Кару Божью», «Испорченную жизнь» въ Александринкѣ, слушаетъ Буряина, Тамберлика и Сѣтова, любитъ Богданову и Розатти и ѣдетъ домой усталый, но довольный: обычай праздника былъ исполненъ и на другое утро онъ снова является съ оффиціальной физиономіей въ конторѣ, въ канцеляріи, въ департаментѣ.

На масляницѣ, чтобы отдать, какъ и другіе, долгъ празднику, отправился я въ послѣдній маскарадъ Большаго театра, съ надеждой отдохнуть, развлечься въ шумной толпѣ, въ шумномъ разговорѣ. Не люди вездѣ люди — и въ блестящей залѣ маскарада, гдѣ собралась разнообразная публика для веселья, а не для службы, я нашелъ ту же канцелярію, ту же контору. Однѣ маски еще разнообразили и мѣшали этому скотству, но и то чрезвычайно мало. Скука и тоска были самыми величественными; самое веселье было такое узкое, мертвое, бюрократическое... Изъ ложъ нѣсколькихъ ярусомъ смотрѣли внизъ съ полу-презрительнымъ любопытствомъ головы пышныхъ дамъ, рѣшившихся явиться подъ маской въ самомъ маскарадѣ и ревниво слѣдившихъ за пестрой толпой мужчинъ и темныхъ дамъ. Въ сущности же и ревновать было некого среди этихъ двигающихся и толкающихся машинокъ и автоматовъ во фракахъ, въ кринолинахъ, въ парикахъ и маскахъ. Какими-то ходячими и приторными группами ходили по залѣ маскарадные диллетанты, заглядывая для развлечения въ глаза встрѣчавшихся масокъ; по сторонамъ залы, на креслахъ, въ тупомъ совершаніи дремали почтенные съдовласые старцы, сладко улыбаясь во снѣ при каждомъ шорохѣ женскаго платья.

— Пойдемъ ужимать, щипала какая нибудь промышленная маска, наклоняясь къ уху дремавшаго старца.

Старецъ еще слаще улыбался, предлагалъ руку и, кивывая, выходилъ въ столовую.

А вокругъ или маскарадныя интриги такого невнятнаго содержанія.

— Я тебя знаю, говорила бархатная маска лимфатическому юнцу съ бакенбардами.

— Знаешь? А какъ меня зовутъ?

— М-г Жерръ. Ты влюбленъ въ жену N.

Затѣмъ слѣдовали догадки, допросы, замѣчанія, новыя догадки— и такъ проходилъ весь вечеръ. Лимфатическій юноша былъ въ восторгѣ: его интриговала маска!

Напрасно бы откровенная, безпечная молодость думала найти въ этой залѣ безмятное, довольное веселье: въ этой толпѣ ее обдало бы крещенскимъ холодомъ. На каждомъ лицѣ она прочла бы постоянное холодное выраженіе; на каждомъ лбѣ было написано званіе, классъ и рангъ его владѣтеля. Никто не забывалъ въ эти часы своей постоянной игры мѣстничества и горе тѣмъ, которые ее не исполняли. Одни только маскарадныя мажорды, дабно потерявшіе вѣру въ искреннее веселье, только съ помощью буфета сносили скуку вечера и, довольно часто скрываясь изъ залы, являлись въ нее болѣе развязанными и рѣшительными. Въ одномъ только буфетѣ проходили иногда сцены болѣе оживленныя, но за те не всегда веселыя. Вотъ одна изъ нихъ, доказавшая мнѣ, насколько развита наша *столичная* публика.

Въ одно время со мной въ маскарадный буфетъ явился господинъ въ еноговой шубѣ самой внушительной наружности. Не успѣлъ я закурить папиросу, какъ услышалъ, что этотъ господинъ началъ ссору съ лакеемъ за какую-то невинную его ошибку. Разгораясь все болѣе и болѣе, — не отъ вина, потому что новый Рыковъ ничего не пилъ— онъ наконецъ схватилъ слугу за воротникъ и началъ трясти его, изрыгая самыя крупныя ругательства.

Я оглянулся кругомъ, чтобъ посмотрѣть, какое впечатлѣніе производятъ на публику буфетныя свирѣпаго господина. Впечатлѣніе оказалось весьма слабое, потому что вѣрно для всѣхъ подобныя сцены очень обыкновенны и обыденны.

Только одинъ изъ присутствующихъ возмущился этой сценой... съ своей особой точки зрѣнія. Къ Вергейму № 2 античной походкой подошелъ господинъ солидныхъ лѣтъ, и громогласно замѣтилъ ему:

— Милостивый государь! Позвольте вамъ замѣтить, что въ обще-

ствѣ нельзя такъ ругаться и кричать... Вся публика можетъ обидѣться.

— Позвольте, не выдержалъ я, пораженный логикой протестующаго, вы забыли самое главное: прежде всего не публика, а слуга можетъ обидѣться такими ругательствами.

Кажется, что можетъ быть проще этого замѣчанія, а между тѣмъ и театральнѣй обличитель и Вергейкъ № 2 — оба готовы были въ эту минуту проглотить меня живаго. Даже, къ чему срываться, самъ обиженный камердинеръ былъ удивленъ тѣмъ, что нашлись люди, предполагавшіе, что онъ больше чѣмъ публика оскорбился ругательствами барина въ снотѣ.

Я поваялъ всю непрактичность своего замѣчанія и ускользнулъ въ залу сконфуженный и пристыженный. А тамъ

Кивѣль, сіялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ...

Видя повсюду кругомъ себя шумную вереницу масокъ, бродившихъ подъ руку съ разными счастливицами, я началъ испытывать тяжелое чувство одиночества и какой-то тайной зависти.

— Отчего же это, думалъ я, ни одна маска не подойдетъ ко мнѣ? Неужели ни одна женщина не захочетъ опереться на мою руку, и, пользуясь маскарадными правами, не выскажетъ мнѣ своей симпатіи? Неужели... и въ эти минуты мнѣ захотѣлось болѣе, чѣмъ когда говорить съ женщиной о возвышенныхъ чувствахъ, о любви, о женской эманципаціи.

— Что ты скучаешь? вдругъ раздался сзади меня женскій голосъ. Я оглянулся: передо мною стояло черное домино.

Въ головѣ моей уже мелькнулъ цѣлый планъ вечера проведеннаго съ милой маскою: интимная бесѣда о любви, о страсти, о долгѣ, теплыя пожатія руки, кроткіе взгляды, но вся эта минутная иллюзія вдругъ исчезла какъ дымъ, отъ одной фразы незнакомки:

— Угости меня шампанскимъ, веселѣе будетъ!.. И маска, звонко засмѣявшись, положила на мое плечо крошечную ручку въ сѣрой перчаткѣ.

Я вздрогнулъ отъ этого прикосновенія и вызова, отскочилъ въ сторону и скрылся въ толпѣ. Я былъ рѣшительно уничтоженъ и цѣлый вечеръ проходилъ одинъ, съ какимъ-то озлобленіемъ поглядывая на скользившія мимо меня пары. На досугѣ, толкаясь въ тол-

гѣ, я сложилъ маскарадный мотивъ, искренно желая прочесть его вслухъ передъ всей безтолково-шумной залой. Но тамъ мнѣ это не удалось сдѣлать; пусть же не пропадаетъ моя пѣсня, которую я и привожу здѣсь:

Маскарадный мотивъ.

Яркимъ свѣтомъ залить залъ,
За толпой ходилъ я слѣдомъ
И коломенскимъ Манердомъ
Пышнымъ праздникъ созерцалъ:

Люстры, перья, женщины плечи,
Въ черныхъ фракахъ молодежь,
И въ тѣни закрытыхъ ложъ
Чьи-то сдержанныя рѣчи.

Говоръ, шумъ, несносный жаръ,
И въ дали, какъ бы въ туманѣ,
Въ доморощенномъ канканѣ
Вьются тѣни рѣзвыхъ нарѣ.

А изъ ложъ, какъ василиски,
Львицы съ завистью глядятъ,
Какъ болтаютъ и шалатъ
Развеселыя модистки.

Львицъ остуженная грудь
Сжата модой и бездѣльемъ:
Имъ циническимъ весельемъ
Такъ и хочетсядохнуть.

А внизу кипятъ и вьется
Пестрой лентой маскарадъ,
И въ подагрѣ бюрократъ
Съ маской подъ руку плетется.

Безконечный гуль растеть...
 Звукъ шнуръ, сверканье насокъ..
 Ни единая изъ масокъ
 Лишь ко мнѣ не подойдетъ.

—
 Ни одна изъ нихъ съ отвагой
 Мнѣ руки не дастъ... О, нѣтъ!..
 Но съ другимъ пойдетъ въ буфетъ
 За шампанскій и малагой.

—
 Слово въ нихъ какой-то даръ
 Непонятнаго прозрѣнья.
 Граціозныя творенья!
 Вамъ не юный нуженъ жаръ,

—
 Но ходячіе амулеты,
 Что дарить за вашу блажь,
 Перлы, новый экипажъ
 И кредитныя билеты...

—
 Одноко я шагаю;
 Отъ меня гдѣ взятки гладки.
 Что я дать могу? Перчатки,
 Да дешевый мадригалъ...

—
 Тактомъ дамъ безоруженъ,
 Оцѣнилъ я ихъ привѣтъ:
 Двѣ улыбки—за браслетъ,
 И лобзаніе—за ужинъ...

—
 И горѣлъ огнями залъ,
 За толпой ходилъ я слѣдомъ,
 И коломенскимъ Манфредомъ
 Пышный праздникъ созерцалъ.

Изъ зала маскарада перенесемся теперь въ залу одного частнаго женскаго учебнаго заведенія, съ начальницей котораго я уже познакомилъ нѣсколько своихъ читателей въ прошломъ году. Не могу пройти молчаніемъ еще новаго подвига этой начальницы, смѣшивающей слова: *географія* и *орфографія*. Недавно въ ея училищѣ былъ назначенъ публичный *переходный* экзаменъ съ почетными посѣтителями и родственниками ученицъ. Собрались учителя и экзаменъ начался подъ строгимъ контролемъ самой начальницы. Первый началъ экзаменовать учитель исторіи, вызвалъ одну изъ ученицъ и сѣлъ у стола съ тѣмъ чтобы начать свои вопросы.

— Встаньте! замѣтила начальница сѣвшему преподавателю.

Почтенный педагогъ, не понявшій желанія начальницы, всталъ съ мѣста на одну минуту и потомъ снова сѣлъ въ кресло.

— Встаньте! снова раздалось грозное приказаніе.

Учитель совершенно растерялся, всталъ и простоялъ на ногахъ во время всего экзамена. Находившіеся тутъ другіе его сослуживцы—педагоги глубоко были обижены такимъ грубымъ обращеніемъ съ ихъ товарищемъ, въ лицѣ котораго оскорблялось самое ихъ званіе. Они всѣ рѣшились выйти изъ заведенія, гдѣ существовали такіе башкирскіе законы.

До начальницы дошли наконецъ слухи объ общемъ негодованіи ея учителей. Черезъ нѣсколько дней всѣ они собрались къ ней и прямо ей высказали всю негѣдность и грубость ея отношеній къ учителямъ.

Неудовольствіе ихъ поразило начальницу.

— Помилуйте, господа, увѣряла она ихъ, у насъ уже давно существуетъ такой порядокъ, что учителя экзаменуютъ *стоя*... Иначе, по моему, неприлично держать себя...

Она окинула быстрымъ и обиженнымъ взглядомъ весь кружокъ педагоговъ.

Одинъ изъ учителей замѣтилъ ей на это, что давность лѣтъ и преданія ничего не доказываютъ; что терпѣлось прежде, то сдѣлалось непозволительнымъ теперь.

Испуганная тѣмъ, что всѣ учителя готовы оставить заведеніе начальница должна была уступить «силѣ времени и обстоятельствъ», затанувъ въ себѣ до поры—до времени весь запасъ своего гнѣва и скрытой мести.

Кстати о педагогахъ. Всѣмъ болѣющимъ за русское правописаніе,

такъ дерзко нарушенное и поруганное нашей журналистикой, вѣроятно будетъ приятно узнать о новомъ педагогическомъ обществѣ учреждаемомъ съ цѣлью дать строгую систему русской орфографіи,

И всѣмъ намъ точно указать:

Гдѣ ставить е, гдѣ ставить ѣ.

Къ числу полѣдныхъ новостей мы также должны отнести замѣчательное открытіе Кіевскимъ Телеграфомъ пилюль *Pilules saivin* (нѣчто въ родѣ философскаго камня). Пилюли эти, какъ гласить К. Т. есть вѣрное средство отъ всѣхъ возможныхъ въ мірѣ болѣзней. О, великодушный Кіевскій телеграфъ! Только ты одинъ и умѣешь сообщать намъ драгоценныя извѣстія и изумительныя открытія вѣка?!..

Хотѣлъ бы я еще теперь сказать нѣсколько словъ о неожиданномъ исчезновеніи Русской Рѣчи изъ Москвы и «праздношатающагося» изъ Петербурга, о преміи полученной авторомъ «*Космы Мянни*» и еще кое-чемъ... Но я уже давно не обращаю къ своимъ любезнымъ провинціальнымъ соотечественникамъ, что лежитъ на моей совѣсти, и потому съ береговъ Невы я въ слѣдующій разъ перевесу моего читателя въ другія, далекія мѣста...

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 38.

ФЕВРАЛЬ 1862 ГОДА.

О комментаріяхъ дѣйствительно игранныхъ партій.—Двѣ игры К. А. Яниша противъ кн. Д. С. Урусова и Стаунтона съ примѣчаніями, составленными къ первой изъ нихъ г-мъ Янишемъ, а ко второй Стаунтономъ. — Замѣчаніе А. Д. Петрова касательно одной изъ помѣщенныхъ въ Листкѣ игръ. — Партія: И. С. Шумова съ кн. С. С. Урусовымъ, Колиша съ Паульсеномъ, Гиршфельда съ Майетомъ и Дюффеномъ.—Задачи. —Корреспонденція.

Редакторамъ шахматныхъ періодическихъ изданій часто случается слышать упреки въ томъ, что они не довольно подробно комментируютъ печатаемые ими партіи. Въ этомъ будто бы заключается главная ихъ обязанность, и пренебрегая ею, они будто бы лишаютъ любителей главной пользы, которую способны доставлять чтеніе шахматнаго журнала. Такая укоризна можетъ исходить единственно отъ лицъ, незнакомыхъ со свойствомъ труда, сопряженнаго съ изданіями этого рода. Очевидно, во первыхъ, что углубляться въ подробности *посредственно* игранный партіи, разгадывать, осуждать или хвалить планы игроковъ тамъ, гдѣ можетъ быть плановъ даже не было, а были одни слегка задуманные комбинаціи, непрерывно измѣнявшіяся,—очевидно, говоримъ, что все это составляло бы непростительную трату времени. обстоятельнаго анализа вполне достойны тѣ только партіи первостатейныхъ игроковъ, которыя разыгрывались съ напряженнымъ вниманіемъ. Но съ другой стороны, ограничиваться помѣщеніемъ въ шахматный жур-

наль малочисленныхъ партій этого разряда было бы совершенно противно его преимущественной цѣли, быть сборникомъ партій *современныхъ* любителей. Это послѣднее условіе еще въ многомъ отношеніи очень стѣсняетъ редактора. Разбирая партію Макдоннея съ Лабурдонне, я властенъ приписывать тому или другому, на любомъ ходѣ, такіе-то и такіе-то замыслы, лишь бы я не отдалялся въ своихъ сужденіяхъ, отъ общихъ основаній, принятыхъ всѣми лучшими игроками. Но весьма щекотливо, критикуя партію современнаго шахматиста, утверждать наприимѣръ, что въ извѣстный моментъ игры планъ его былъ таковъ, а что онъ между тѣмъ, не привелъ его въ исполненіе, или что ему слѣдовало постоянно имѣть въ виду такую-то цѣль, которою онъ будто бы пренебрегъ. Ясно, что онъ можетъ отвѣтить мнѣ, что никогда не имѣлъ того плана, который я ему приписываю, или, на оборотъ, что онъ нисколько не упускалъ изъ виду требуемой мною цѣли, а былъ только отъ нея отвлекаемъ важнѣйшими соображеніями. Вотъ почему редакторы при разборѣ подобныхъ игоръ, рѣдко идутъ далѣе похвалы несомнѣнно заслуженной, или указанія ошибокъ, подтвержденнаго непреложными доводами. Никто не вправѣ винить ихъ за такую естественную осмотрительность. Но любители, желающіе, чтобы партіи ихъ подвергались подробному анализу, сами имѣютъ въ рукахъ нужныя къ тому средства: имъ стоитъ только сообщать шахматнымъ редакціямъ соображенія, руководившія ихъ въ рѣшительныя мгновенія описываемыхъ партій; излагать самимъ главныя причины ихъ побѣдъ или пораженій. Тогда редакціи могутъ обсуждать эти соображенія, и присовокуплять собственныя мнѣнія, когда они несогласны съ мнѣніями выраженными.

Мы давно уже желали ознакомить читателей Листка съ лучшими партіями, игранными въ разное время нашимъ извѣстнымъ шахматистомъ К. А. Янишемъ. Эти партіи разсѣяны во многихъ иностранныхъ изданіяхъ, какъ то: въ Schachzeitung, въ Chess-Player's Chronicle, Illustrated London News, въ сочиненіяхъ Гейдебранда и другихъ. Мы выбрали, на первый разъ, двѣ, показавшіяся намъ весьма замѣчательными, одну изъ книги Chess-Tournament, изданной Стаунтономъ въ 1852 году, а другую изъ англійской газеты «Ега»

за 1857 годъ. Но какъ послѣдняя не была снабжена нужными поясненіями, то, по причинамъ вышеизложеннымъ, мы сочли долгомъ обратиться къ содѣйствию самаго г-на Яниша. Вотъ записка, при которой онъ сообщилъ намъ собственныя свои комментаріи на означенную партію.

«Составленіе требуемыхъ вами примѣчаній къ одной изъ партій, «игранныхъ мною, пять лѣтъ назадъ, съ княземъ Д. С. Урусовымъ, «немало меня затруднило потому, что пришлось описывать не одни «собственныя сильныя упущенія, но также слабыя моменты въ игрѣ «истинно уважаемаго мною противника. Посылаю вамъ все, что я «могъ придумать, и истинно благодарю за приобщеніе, къ этой «партіи, другой, проигранной мною, въ 1851 году, Стаунтону, послѣ «супорнаго сопротивленія; благодарю тѣмъ болѣе, что англійскій «шаестро самъ сопровождалъ ее примѣчаніями, дѣлающими комментарий «съ моей стороны излишнимъ».

ПАРТІЯ № 237.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(Изъ газеты «Ега».)

Ив. Д. С. Урусовъ.	К. А. Янишъ.	(Бѣлые.)	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	13) d1 — d3	c6 — b8
1) e2 — e4	e7 — e5	14) b1 — d2	b8 — d7
2) g1 — f3	b8 — c6	15) h4 — g3	c7 — c5 ⁽³⁾
3) f1 — b5	a7 — a6 ⁽¹⁾	16) f3 — h4 ⁽⁴⁾	c5 — c4
4) b5 — a4	g8 — f6	17) h4 — f5	e7 — e6
5) d2 — d3 ⁽²⁾	b7 — b5	18) d3 — f3	c4 — b3°
6) a4 — b3	f8 — c5	19) d4 — d5	e6 — e8
7) c1 — g5	d7 — d6	20) f5 — d6°	e8 — b8
8) c2 — c3	c5 — b6	21) d6 — b7°	b8 — b7°
9) 0 — 0	h7 — h6	22) a2 — b3°	b6 — c7
10) g5 — h4	d8 — e7	23) f3 — e2	a6 — a5
11) d3 — d4	c8 — b7	24) g1 — h1	d7 — c5
12) f1 — e1	0 — 0	25) a1 — d1	f6 — d7

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
26) f2 — f3	f7 — f5 ⁽⁵⁾	44) f2 — h4	g7 — g5
27) d1 — b1	a8 — b8	45) h4 — f2	d8 — b6
28) h2 — h3	b7 — a6	46) a3 — a6° ⁽⁶⁾	b6 — f2°
29) g3 — h2	a6 — g6	47) a6 — f6°	d7 — f6°
30) b1 — d1	g8 — h8	48) a1 — a5	h8 — g7 ⁽⁷⁾
31) d1 — c1	f5 — f4	49) b3 — d2	h6 — h5
32) h2 — g1	f8 — f6	50) d2 — b1	g5 — g4
33) c1 — c2	g6 — e8	51) d3 — e2	f2 — g3 +
34) e1 — a1	a5 — a4	52) h2 — g1	g4 — h3°
35) b3 — a4°	c5 — a4°	53) h2 — g3°	c8 — h3°
36) b2 — b3	a4 — c5	54) c2 — g2	h3 — d7
37) b3 — b4	c5 — a6	55) g2 — e2	g7 — h8
38) c2 — a2	e8 — c8	56) a5 — a6	h8 — g8
39) d2 — b3	c7 — d8	57) a6 — e6	d7 — a7 +
40) e2 — d3	f6 — d6	58) g1 — h1	g3 — f2
41) g1 — f2	d6 — g6	59) h1 — h2	g8 — g1
42) a2 — a3	g6 — d6	60) h2 — h3	a7 — g7
43) h1 — h2	d6 — f6		

Въ этомъ положеніи черные дѣлаютъ матъ черезъ три хода, почему бѣлые и сдали игру.

Примѣанія Г. Янша.

(1) Еще въ Schachzeitung 1848 и Chess-Player's Chronicle 1849 годовъ, я показаль, что подвиганіе этой пѣшки должно предшествовать ходу $g^8 - f^6$, или составляетъ, лучше сказать, необходимое усиленіе защиты Лопцова дебюта. (Бѣлые не могутъ взять коня с6, не лишившись тотчасъ же атаки). Мнѣніе мое раздѣляютъ нынѣ всѣ сильные игроки Европы, за исключеніемъ германскихъ теоретиковъ, которые продолжаютъ отстаивать введенную ими впервые выстулку черного коня $g^8 - f^6$ еще на 3-мъ ходѣ.

(2) Князь Д. С. Урусовъ, самъ одинъ изъ первыхъ знатоковъ теоріи, предпочелъ этотъ ударъ рокировкѣ потому, что онъ менѣе анализированъ, и что именно въ предвидѣніе рокировки сыгранъ

былъ ходъ 3. $\overline{a7 - a6}$, доставляющій чернымъ, въ случаѣ 5. $\overline{0 - 0}$, успѣшную защиту: 5. $\overline{f6 - e4}$. 6. $\overline{f1 - e1}$. Присовокупляю для неизслѣдовавшихъ настоящій дебютъ, что всякій, менѣе смѣлый отвѣтъ на 5. $\overline{0 - 0}$ невыгоденъ для черныхъ, какъ указалъ мнѣ долговременный опытъ.

(3) 10-й, 12-й и 13-й удары черныхъ сдѣлались необходимыми для правильнаго развитія ихъ игры, вслѣдствіе коварнаго отступленія бѣлаго слова 10. $\overline{g5 - h4}$. Затѣмъ подвижаніемъ пѣшки 15. $\overline{e7 - e5}$ окончательно побѣждено черными первенство хода (*l'avantage du trait*). Но весьма странно, что неосторожный отвѣтъ противника 16. $\overline{f3 - h4}$, стоявшій ему офицера, вмѣсто того, чтобы доставить легкую побѣду чернымъ, на оборотъ ослѣпилъ ихъ до того, что рядомъ опромѣтчивыхъ движеній (смотри ниже) они привели игру свою, на нѣкоторое время, въ стѣсненное положеніе.

(4) Слѣдовало ступить 16. $\overline{b3 - d5}$.

(5) Ударъ этотъ, а равно слѣдующій 27. $\overline{a8 - b8}$ имѣли цѣлію открыть атаку на королевскомъ флангѣ, и позволить отойти туда ферзю движеніями 28. $\overline{b7 - a6}$ и 29. $\overline{a6 - g6}$. Но такой расчетъ былъ совершенно ложный. На означенномъ флангѣ покуда нельзя было успѣть ни въ чемъ, а между тѣмъ отведеніе черной ладьи предоставило бѣлымъ, въ послѣдствіи, занять линію a1. . . . a8. Дѣлая одни выжидательные ходы, и сохраняя нападеніе на пѣшку b5, бѣлые парализовали всѣ намѣренія черныхъ, и едва не добились розыгрыша, не смотря на повесенную ими потерю офицера. Вмѣсто 26. $\overline{f7 - f5}$, слѣдовало чернымъ непременно подвинуть 26. $\overline{b5 - b4}$, затѣмъ сдѣлать проломъ на ладейной линіи, овладѣть ею и всячески споспѣшествовать мѣнѣ офицеровъ, отложивъ на время атаку на другомъ флангѣ.

(6) Эта мѣна оказалась для бѣлыхъ весьма невыгодною и, такъ сказать, «перевернула листъ». До 46-го хода (смотри примѣчаніе 5), положеніе ихъ было совершенно обезпечено, и партія даже клонилась къ непрерывному повторенію однихъ ударовъ съ обѣихъ сторонъ.

(7) Съ этого момента черные, вышедши изъ своей апатіи, рядомъ атакующихъ маневровъ быстро достигаютъ выигрыша.

ПАРТІЯ № 238.

ДЕБЮТЪ ФЕРЗЕВА КОНЯ.

(Изъ книги «Chess Tournament»).

Г. ЯНИШЪ.	Г. СТАУНТОНЪ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	24) f2 — g3°	d7 — f5° (6)
1) e2 — e4	e7 — e5	25) e1 — e5	f5 — g6
2) b1 — c3	g8 — f6 (1)	26) b2 — b3	c4 — f7
3) f2 — f4	d7 — d5	27) c5 — d7	b6 — d6
4) e4 — d5°	e5 — e4 (2)	28) h4 — h5 (9)	g6 — h5°
5) d2 — d4	f8 — b4	29) d7 — f6 + (10)	g7 — f6°
6) f1 — c4	f6 — d5°	30) g5 — f6° +	h5 — g6
7) c4 — d5°	d8 — d5°	31) e5 — g5	d6 — f6°
8) g1 — e2	c8 — g4	32) g1 — h2	a8 — e8
9) 0 — 0	b4 — c3°	33) a1 — g1	g6 — g5°
10) e2 — c3° (3)	d5 — d7	34) g3 — g5° +	f6 — g6
11) d1 — e1 (4)	f7 — f5	35) g5 — d2	c7 — c6
12) c1 — e3 (5)	0 — 0	36) g1 — g6° +	f7 — g6° (11)
13) e1 — h4	f8 — f6	37) d2 — g5	a6 — c7
14) h2 — h3	f6 — h6	38) g5 — a5	c7 — b5
15) h4 — f2	g4 — h5	39) d4 — d5	b7 — b6
16) g2 — g4	h5 — f7 (5)	40) a5 — d2 (12)	e8 — d8
17) h3 — h4 (**)	f7 — c4	41) a2 — a4	d8 — d5°
18) f1 — e1	f5 — g4°	42) d2 — f4	b5 — d6
19) c3 — e4°	c4 — d5	43) f4 — f6	d5 — d2 +
20) f4 — f5	h6 — b6	44) h2 — g1	d2 — d1 +
21) e3 — g5	b8 — a6	45) g1 — h2	d1 — d2 +
22) c2 — c4 (6)	d5 — c4°	46) h2 — g1	d2 — d1 +
23) e4 — c5	g4 — g3 (7)	47) g1 — h2	d1 — d5 (13)

(*) Если-бъ бѣлые сыграли 12. c3 — e4°, съ цѣлю отдать коня за три пѣши или прикрыться конемъ отъ шаха 12. d8 — d4° +, то чернымъ слѣдовало не брать ни коня, ни пѣши, а просто отрокировать. *Прим. Редакціи.*

(**) Весьма отважная атака! *Прим. Редакціи.*

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
48) f6 — d8 +	d6 — e8	71) d4 — e5	e7 — b7
49) d8 — e7	d5 — d2 +	72) g1 — f1	b2 — d2
50) h2 — g1	d2 — d3	73) f1 — e1	d2 — d7
51) b3 — b4	d3 — d4	74) e1 — e2	d7 — d2 +
52) b4 — b5	c6 — b5°	75) e2 — e1	d2 — d5
53) a4 — b5°	d4 — d5	76) c5 — f8	c4 — e5
54) e7 — e6 +	g6 — f7	77) f8 — g7 +	b7 — a6
55) e6 — g4 +	g8 — f8	78) g7 — c7 (16)	b5 — b4
56) g4 — b4 +	e8 — d6	79) c7 — c8 +	a6 — b5
57) b4 — a3	f8 — e8	80) c8 — b8 +	b5 — c4
58) a3 — a7°	d5 — b5°	81) b8 — b6	b4 — b3
59) a7 — c7 (14)	b5 — b1 +	82) e1 — e2	c6 — b5
60) g1 — h2 (15)	b1 — b2 +	83) b6 — c7 +	c4 — b4 +
61) h2 — g1	d6 — c4	84) e2 — e3	d5 — c5
62) c7 — c6 +	e8 — e7	85) c7 — d8	e5 — d3
63) c6 — e4 +	f7 — e6	86) d8 — d4 +	b5 — c4
64) e4 — h7° +	e7 — d6	87) e3 — d2	b3 — b2
65) h7 — g7	b6 — b5	88) d4 — c3 +	b4 — a4
66) g7 — f8 +	d6 — d5	89) d2 — c2 (17)	c4 — b3 +
67) f8 — d8 +	d5 — c6	90) c2 — b1	b3 — a2+ (18)
68) d8 — e8 +	e6 — d7	91) b1 — a2°	c5 — c3°
69) e8 — e4 +	c6 — c7		
70) e4 — d4	d7 — c6		

и выигрываютъ.

Примѣчанія Г. Стаунтона.

(1) Эта защита гораздо сильнѣе употребленнаго мною, въ одной изъ предшествовавшихъ партій (*), выхода слона 2. $\overline{f8 - c5}$, который позволилъ Г-ну Яншу разыграть съ такимъ успѣхомъ королевскій гамбитъ 3. $\overline{f2 - f1}$.

(2) Этими ходомъ партія сводится на слѣдующій, довольно извѣстный варіантъ отказаннаго (*фалькберова*) гамбита: 1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e5}$
 2. $\frac{f2 - f4}{d7 - d5}$ 3. $\frac{e4 - d5^{\circ}}{e5 - e4}$ 4. $\frac{b1 - c3}{g8 - f6}$.

(*) Она напечатана въ томъ же сочиненіи Г. Стаунтона. *Прим. Редакціи*

(3) Вѣрный ходъ. Брать пѣшкой хуже.

(4) Бѣлые отдають пѣшку съ намѣреніемъ. Но чернымъ нѣтъ выгоды ее брать, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго анализа
 11. $\frac{d6-d1^*}{+}$ 12. $\frac{c1-e3}{d4-c4}$ 13. $\frac{h2-h3}{g4-d7}$ 14. $\frac{a1-d1}{b8-c6}$ (7) 15. $\frac{e3-d4}{+}$. Теперь бѣлые отыгрываютъ свою пѣшку, сохраняя притомъ лучшее расположеніе силъ.

(5) Бѣзопаснѣе было бы для меня не отводить слона, а стать ладьей на g6. Приобщаю диаграмму положенія игры послѣ 16-го хода бѣлыхъ.

и опишу вѣроятное ея продолженіе, при означенной перемѣнѣ:

16)	h6 — g6
17) c3 — e4°	h5 — g4°
18) h3 — g4° (лучшее)	f5 — e4°
19) g4 — g5	d7 — f5 (**)

(6) Этимъ пожертвоваціемъ бѣлые очень усилили свою атаку.

(7) Единственное средство отклонить грозящую опасность.

(8) Брать коня нехорошо, какъ видно изъ слѣдующаго: 24. $\frac{a6-c5}{+}$
 25. $\frac{d1-c3^*}{b6-b2}$ 26. $\frac{g1-c3}{+}$. Бѣлые выигрываютъ. Равнымъ образомъ,

(*) Черные могли бы отстоять королевскую пѣшку, ступивъ 14. f7—f5, но подверглись бы, въ такомъ случаѣ, опаснымъ атакамъ. *Прим. Редакціи.*

(**) Г. Стаунтонъ присовокупляетъ, что тогда игра черныхъ будетъ выгоднѣе расположена. Особеннаго перевѣса на ея сторонѣ мы не видимъ. *Прим. Редакціи.*

любители легко убѣдятся, что взятіе ферзевой пѣшки 24. $\overline{a7-a4}+$ было бы не менѣе неосторожно.

(9) Ударъ этотъ блистателенъ и достоинъ великаго игрока. Между тѣмъ, по мнѣнію моему, было бы проще и вѣрнѣе продолжать нападеніе такъ:

28) e5 — e7

f7 — d5

Черные принуждены отвести слона, для отвращенія гибельныхъ послѣдствій атаки бѣлаго коня на e5.

29) d7 — e5

g6 — e4

30) e7 — g7° +

g8 — g7° (*)

31) g5 — h6 +

и выигрываютъ.

(10) Это гораздо лучше хода $\underline{g5-f6}$, который позволялъ бы чернымъ выйти изъ затрудненія, придвиганіемъ ферзя на h6.

(*) Г. Янишъ просилъ насъ замѣтить, что онъ, по окончаніи настоящей игры, сообщилъ г-ну Стаунтону, что приведенный выше варіантъ былъ имъ (Янишемъ) вполне предвидѣнъ еще въ то время, когда онъ обдумывалъ свой 28-й ходъ, и что если онъ не ступилъ 28. $\underline{e5-e7}$, то единственно потому, что послѣ шаха 30. $\underline{e7-g7}+$ черному королю не слѣдуетъ брать ладьи, а отойти на h8. Тогда бѣлые не смотря на видимое торжество свое, въ сущности, сами угрожаемы будутъ потерей офицера. Затѣмъ, не только въ дѣйствительной партіи, гдѣ надо мысленно рассчитывать отдаленныя послѣдствія хода, но даже въ совершенно безотвѣтственномъ положеніи и съ правомъ переигрыванія шашекъ, крайне трудно рѣшить, какъ слѣдуетъ бѣлымъ ступить въ настоящее мгновеніе, не упустивъ изъ рукъ своихъ выгоды?

По всему видно, что эта именно трудность побудила Г. Стаунтона не упоминать въ своей книгѣ о возможномъ для чернаго короля отступленіи 30. $\underline{g8-h8}$. Предлагая это положеніе любителямъ, въ вистательнѣе, но и солиднѣе удара 28. $\underline{e5-e7}$. *Прим. Редакціи.*

Бѣлые.

дѣ задачи, прибавляемъ отъ себя, что тутъ черные едва ли не выигрываютъ, какъ бы бѣлые ни ходили, и что затѣмъ критикуемый г-мъ Стаунтономъ 28-й ходъ нашего соотечественника h4-h5 былъ не только блѣ-

(11) Взять ладью пѣшкой было бы безопасно.

(12) Ошибка важная, давшая чернымъ слишкомъ рѣшительный перевѣсъ. Надобно было ступить 40. $a^5 - a^6$.

(13) Шахи оказались бесполезными, такъ какъ бѣлые рѣшились не подвергать короля нападеніямъ прочихъ офицеровъ.

(14) Ходъ *отличный*, принудившій черныхъ къ крайней осторожности.

(15) Въ настоящую минуту слѣдовало уже ступить королю на f2, чтобы поскорѣе приблизить его къ театру дѣйствій. Потеря темповъ въ такія минуты оказываются гибельными.

(16) Такая защита обнаруживаетъ великое умѣніе и необыкновенный запасъ терпѣнія у русскаго любителя. Однимъ ферземъ онъ выдерживалъ напоръ всѣхъ непріятельскихъ силъ втеченіе пятидесяти ударовъ, и часто заставлялъ черныхъ сомнѣваться въ успѣхѣхъ, не смотря на значительное превосходство ихъ матеріальныхъ средствъ.

(17) Бѣлые не сдѣлали шаха 89. $c^5 - c^2 +$ въ предвидѣніи варианта: 89. $\frac{c^4 - b^3}{c^4 - b^3}$ 90. $\frac{c^2 - d^3}{c^5 - d^5}$ 91. $\frac{d^3 - d^5}{b^3 - d^5}$, который доставилъ бы противнику слишкомъ очевидную побѣду.

(18) Еслибъ черные взяли ферзя на девяностомъ ходѣ, то быль бы ровыгрышъ. Вотъ съ какою осторожностію, до самой послѣдней минуты, надобно играть подобныя партіи.

Присовокупляемъ, отъ редакціи, что блестящая, истинно *калбрійская* атака бѣлыхъ въ первой половинѣ этой игры, и немовѣрная стойкость ихъ обороны въ послѣдней половинѣ, невольно заставляютъ забывать объ ошибкахъ, которыя были причиною ихъ проигрыша. Честь и слава побѣдителю, но признаемся, что симпатія наша, при разыгрываніи партіи, вся принадлежала побѣжденной сторонѣ. Г. Янишъ рассказывалъ намъ, что во время продолжительной борьбы его ферзя съ ладьей, слономъ, конемъ и двумя пѣшками противника, г. Стаунтонъ съ жаромъ воскликнулъ, что «превосходство ферзя надъ прочими шахматными офицерами слишкомъ, слишкомъ значительно, и что это обстоятельство составляетъ прямой недостатокъ въ основныхъ правилахъ игры». Конечно, слова эти сказаны были въ минуту увлеченія, и правда о

ходѣ и дѣйстви ооцеровъ такъ совершенны, какъ только могутъ быть. За всѣмъ тѣмъ по отзыву Г. Яниша, настоящая партія рѣшительно опровергаетъ мнѣніе германскихъ теоретиковъ, утверждающихъ, что ферзь слабѣе двухъ ладей и даже трехъ мелкихъ ооцеровъ.

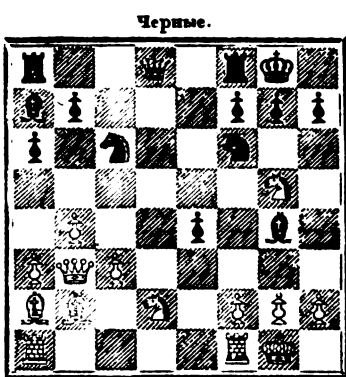
Если партія игроковъ второстепенныхъ не заслуживаютъ, вообще говоря, подробнаго анализа, то тѣмъ не менѣе и въ такихъ партіяхъ нерѣдко встрѣчаются положенія, изъ которыхъ могутъ быть выведены красивые и поучительные варіанты. Такъ напримѣръ, въ партіи А. И. Максимова съ Н. А. Михайловымъ, помѣщенной въ Шахматномъ Листѣ за октябрь прошлаго года послѣ ходовъ:

1. $\frac{e2 - e4}{e7 - e5}$ 2. $\frac{f1 - c4}{g8 - f8}$ 3. $\frac{d2 - d3}{f8 - c5}$ 4. $\frac{g1 - f3}{d7 - d6}$ 5. $\frac{0 - 0}{c8 - g4}$ 6. $\frac{a2 - a5}{a7 - a6}$
7. $\frac{b1 - d2}{e7 - c6}$ 8. $\frac{b2 - b4}{c5 - a7}$ 9. $\frac{c2 - c3}{d6 - d5}$ 10. $\frac{e4 - d5}{c6 - d6}$ 11. $\frac{c1 - a5}{0 - 0}$ 12. $\frac{c1 - b2}{b8 - c8}$
13. $\frac{d1 - b3}{e5 - e4}$ 14. $\frac{d3 - e4}{d5 - e4}$ 15. $\frac{f3 - g5}$

получилось положеніе изображенное на прилагаемой діаграммѣ.

Н. А. Михайловъ.

Опасаясь нападенія на пунктъ f7, черные сыграли ферзя на e7, на что бѣлые отвѣчали движеніемъ 16. $\frac{c3 - c4}$ и, постоянно усиливая атаку, кончили побѣдою. «Это произошло оттого, — пишетъ шмъ, весьма остроумнымъ анализомъ.

А. И. Максимова.

намъ изъ Варшавы А. Д. Петровъ, — что г-нъ Михайловъ сыгралъ боязливо. Пятнадцатымъ ходомъ ему слѣдовало просто брать коня ферземъ. Мнѣніе свое г-нъ Петровъ подтверждаетъ слѣдую-

(Бѣлые).

(Черные).

15)

d8 — d2°

16) g5 — f7°

d2 — f4

Грозный шахъ на вскрышу совсѣмъ не опасенъ: кромѣ обмѣна ладьи на коня (а черные имѣютъ уже лишняго оеца) ничего нѣтъ.

(Бѣлые).	(Черные).
17) f7 — h6 †	g8 — h8
18) h6 — f7 †	f8 — f7°
19) b3 — f7°	c6 — e5
20) f7 — b7°	e5 — f3 †
21) g2 — f3°	a7 — b8
22) f1 — b1 или на e1 см. вариантъ.	
22)	f4 — h2° †
23) g1 — f1	h2 — h1 †
24) f1 — e2	h1 — f3° †
25) e2 — d2	f3 — d3 †

и куда бы бѣлый король ни ступилъ, ему матъ слѣдующимъ ходомъ: если на e1, то 26. $\overline{d3-e2}$ ⚡, и если на c1, то 26. $\overline{d3-d1}$ ⚡. ●

ВАРИАНТЪ НА 22-ИХЪ ХОДЪ БѢЛЫХЪ.

(Бѣлые).	Шахматная доска	(Черные).
22) f1 — e1		f4 — h2° †
23) g1 — f1		h2 — h1 †
24) f1 — e2		h1 — f3° †
25) e2 — d2		f3 — d3 †
26) d2 — c1		b8 — f4 †
27) e1 — e3		d3 — d1 ⚡
		Черные.

ПАРТІЯ № 239.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЪ.

И. С. Шумовъ. Кн. С. С. Урусовъ.

(Бѣлые).

(Черные)

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные)
1) e2 — e4	e7 — e5	26) h2 — h3	h8 — b8
2) g1 — f3	b8 — c6	27) b2 — c3	b7 — b1 +
3) d2 — d4	e5 — d4°	28) h1 — h2	b1 — c1
4) f1 — c4	f8 — b4 +	29) c3 — b2	c1 — e1
5) c2 — c3	d4 — c3°	30) b2 — c3	e1 — e2
6) 0 — 0	c3 — b2° (1)	31) f2 — f3	e2 — a2°
7) c1 — b2°	e8 — f8 (2)	32) f3 — g3	a6 — e2
8) d1 — d5 (5)	d8 — e7	33) f4 — f2	b8 — b3
9) f3 — g5	c6 — d8	34) h4 — g6	a2 — c2
10) f2 — f4 (4)	e7 — c5 +	35) g6 — e7°	c2 — c3°
11) b2 — d4	c5 — d5°	36) g3 — c3°	b3 — c3°
12) c4 — d5°	h7 — h6	37) e7 — d5	c3 — c2
13) g5 — f3	g8 — e7	38) d5 — f4	e2 — d1
14) d5 — b3	d8 — e6	39) f2 — f1	c2 — d2
15) d4 — b2	f7 — f6	40) f4 — d5	a7 — a5
16) f3 — h4	b4 — c5 +	41) d5 — c7°	a5 — a4
17) g1 — h1	e6 — d4	42) c7 — b5	d1 — c2
18) b1 — d2	d7 — d6	43) f1 — e1	c2 — d3
19) f4 — f5 (5)	d4 — b3°	44) b5 — d6° +	f7 — e7
20) d2 — b3°	b7 — b6	45) d6 — b7	c5 — c4
21) a1 — d1 (6)	f8 — f7	46) b7 — c5	a4 — a3
22) b3 — c5°	b6 — c5°	47) e1 — a1	a3 — a2
23) f1 — f4	c8 — a6	48) c5 — d3°	c4 — d3°
24) d1 — d2	a8 — b8	49) h2 — g1	d2 — b2
25) d2 — f2	b8 — b7		

и бѣлые сдаются.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 239.

(1) Завоеваніе второй пѣшки въ этомъ положеніи партіи подвергаетъ черныхъ очень сильной атакѣ.

(2) Стаунтонъ говорить, что лучше всего защищать пѣшку g7 посредствомъ 7. $\underline{b4-f6}$; кн. Урусовъ предпочитаетъ ходъ коро-
лемъ и мы раздѣляемъ его мнѣніе.

(5) Преждевременно; лучше было бы двинуть сперва пѣшку на
e5. Ланге совѣтуетъ также ходъ 8. $\underline{f3-d4}$.

(4) Необдуманный ходъ; онъ даетъ возможность чернымъ вынудить
пѣшу ферзей, что значительно ослабляетъ атаку бѣлыхъ.

(5) e4 — e5 было бы кажется сильнѣе.

(6) Стаунтонъ замѣчаетъ, что тутъ тоже слѣдовало подвинуть коро-
левскую пѣшку и приводить слѣдующій выгодный для бѣлыхъ варіантъ:

21) e4 — e5 d6 — e5°

22) b3 — c5° b6 — c5°

23) b2 — a3 и т. д.

ПАРТІЯ № 240. ⁽¹⁾

ГАМБИТЪ ФЕРЗЯ.

Г-нъ Мачускій.	И. С. Тургеневъ.	(Бѣлые).	Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	15) 0—0—0	f6 — g4
1) d2 — d4	d7 — d5	16) d1 — e1	h7 — h6
2) c2 — c4	e7 — e6 ⁽²⁾	17) d4 — d5	c6 — e5
3) b1 — c3	f8 — b4	18) f3 — e5°	g4 — e5°
4) f2 — f3	c7 — c5	19) f1 — g1	g2 — f3
5) a2 — a3	b4 — c3° +	20) e1 — e3	f3 — f6
6) b2 — c3° +	d8 — a5	21) d2 — c3	e5 — d3° +
7) c1 — d2	g8 — f6	22) c2 — d3°	f6 — e7
8) d1 — c2	c8 — d7	23) c3 — g7°	h8 — g8
9) e2 — e4	d5 — e4°	24) e3 — g3	0—0—0
10) f3 — d4°	c5 — d4°	25) d3 — e3	b7 — b6
11) c3 — d4°	a5 — h5	26) e3 — h6°	e7 — c5
12) d1 — f3	h5 — g6	27) g7 — d4 ⁽⁵⁾	c5 — c5° +
13) f1 — d3	g6 — g2°	28) g3 — c3	g8 — g1° +
14) h1 — f1	b8 — c6	29) c1 — d2	c4 — c3° +

(Черные).	(Бѣлые).	Бѣлые).	(Черные.)
30) d2 — c3°	g1 — g4	40) h4 — h5	e6 — d5
31) h6 — h5	g4 — f4	41) e4 — d5°	d2 — d5°
32) h5 — e5	f4 — f3+	42) h5 — h6	d7 — f5
33) c3 — b2	b8 — g8	44) c3 — b4	a7 — a5+
34) d4 — c3	d7 — a4 (4)	43) h8 — f6	d2 — c2+
35) e5 — d4	g8 — g2+	45) b4 — a4	c2 — c7 (6)
36) c3 — d2	a4 — d7	46) a4 — b3	d5 — b5+
37) h2 — h4 (5)	f3 — f2	47) b3 — a4	f5 — d7 (7)
38) b2 — c3	f2 — d2°	и бѣлые здаются.	
39) d4 — h8+	c8 — b7		

Примѣчанія къ партіи № 240.

(1) Эта партія принадлежитъ къ матчу, игранному, въ концѣ прошлаго года въ Café de la Régence, между И. С. Тургеневымъ и однимъ изъ сильныхъ парижскихъ шахматистовъ Владиславомъ Мачуекиемъ (Maczuski). Матчъ игрался на одиннадцать выигранныхъ партій; окончателный результатъ его намъ еще не извѣстенъ: по послѣднему извѣстію г. Тургенева имѣлъ одну выигранную партію, его противникъ три, ничьихъ двѣ.

(2) Вѣрный ходъ; принимать гамбитъ ферзя не выгодно: бѣлые непременно возвратятъ пѣшку и быстро разовьютъ свои силы.

(3) Бѣлые отдають двѣ ладьи за пѣшку и ферзя; это невыгодно, особенно если принять во вниманіе открытое положеніе ихъ короля, дающее возможность чернымъ сильно атаковать ладьями.

(4) Очень хорошо.

(5) Спасти слона нѣтъ уже возможности, а затѣмъ партія бѣлыхъ песомнѣнно проиграна.

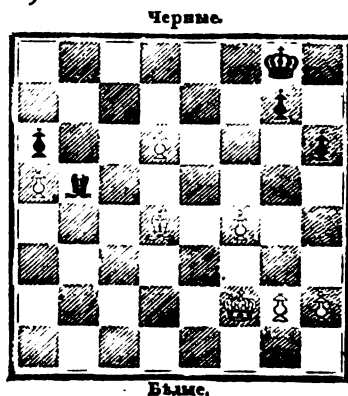
(6) Угрожая матомъ въ слѣдующій ходъ.

(7) Журналъ Le Nouvelle Régence, изъ котораго мы заимствуемъ эту партію, замѣчаетъ, что отъ начала до конца, она мастерски ведена нашими соотечественникамъ.

ПАРТІЯ № 241.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

ПАУЛЬСЕНЪ.	КОЛІШЪ.	(Бѣлые).	(Черныя).
(Бѣлые).	(Черныя).	32) a2 — a4	b5 — b7
1) e2 — e4	c7 — c5	33) a4 — a5	a7 — a6
2) g1 — f3	e7 — e6	34) d4 — b6	f8 — f7
3) b1 — c3	d7 — d5	35) h1 — g1	b7 — e7
4) e4 — d5°	e6 — d5°	36) g1 — f2	d5 — c4
5) d2 — d4	c8 — e6	37) b6 — e3	e7 — b7
6) c1 — e3	c5 — c4	38) a1 — a4	c4 — d5
7) f1 — e2	f8 — b4	39) a4 — f4 +	f7 — g8
8) e3 — d2	g8 — f6	40) e3 — c5	b7 — f7
9) 0 — 0	b4 — c3°	41) f4 — b4	h7 — h6
10) d2 — c3°	f6 — e4	42) b4 — b6	f7 — f5
11) c3 — e1	0 — 0	43) c5 — e3	d5 — c4
12) b2 — b3	b8 — c6	44) b6 — c6°	c4 — b5
13) f3 — e5	c6 — e5°	45) c6 — c8 +	f5 — f8
14) d4 — e5°	f7 — f6	46) c8 — c5	f8 — f6
15) f2 — f3	d8 — b6 +	47) c2 — c4	b5 — a4
16) g1 — h1	e4 — c5	48) c5 — d5	f6 — c6
17) e5 — f6°	f8 — f6°	49) c4 — c5	a4 — b5
18) e1 — f2	b6 — c6	50) e3 — d4	c6 — c7
19) d1 — d4	c5 — d7	51) d5 — d6	c7 — d7
20) f1 — d1	f6 — f7 (1)	52) f3 — f4	d7 — d6°
21) b3 — c4°	d5 — c4°	53) c5 — d6°	
22) d4 — d6	d7 — b6		
23) d6 — b4 (2)	b6 — d5		
24) b4 — c4°	d5 — c3		
25) c4 — c6°	b7 — c6°		
26) d1 — d6	e6 — d5		
27) e2 — f1	a8 — b8		
28) f2 — d4 (3)	c3 — b5		
29) f1 — b5°	b8 — b5° (4)		
30) d6 — d8 +	f7 — f8		
31) d8 — f8° +	g8 — f8°		

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
53)	g7 — g6	68) h4 — h5	g6 — e8
54) g2 — g4	g8 — f7	69) h6 — h7	e8 — h5°
55) f4 — f5	g6 — f5°	70) h7 — h6	h5 — f7
56) g4 — f5°	b5 — d7	71) h6 — h7	f6 — g5
57) f5 — f6	f7 — e6	72) h7 — g7	f7 — a2
58) d4 — e5 ⁽⁵⁾	d7 — c6	73) g7 — h7	a2 — b1 +
59) f2 — g3	c6 — b5	74) h7 — g7	b1 — c2
60) g3 — g4	b5 — e8	75) g7 — f7	g5 — f5
61) h2 — h4 ⁽⁶⁾	e6 — e5° ⁽⁷⁾	76) f6 — e7	f5 — e5
62) f6 — f7	e8 — f7°	77) e7 — f7	e5 — d6
63) d6 — d7	f7 — e6 +	78) f7 — f6	d6 — c5
64) g4 — h5	e6 — d7°	79) f6 — e5	c5 — b5
65) h5 — h6	e5 — f6	80) e5 — d4	b5 — a5°
66) h6 — h5	d7 — f5	81) d4 — c4	a5 — a4
67) h5 — h6	f5 — g6	82) c4 — c3	игра ничья.

Примѣчанія къ партіи № 241.

- (1) d7 — b6 было бы кажется лучше.
 (2) Теперь бѣлые выигрываютъ пѣшку.
 (3) Сперва слѣдовало бы двинуть a2 — a4.
 (4) При разноцвѣтныхъ слонахъ черные могутъ надѣяться на ничью.
 (5) Очень хорошо; очевидно, что если король возьметъ слона, то пѣшка f проходить въ ферзи.
 (6) До сихъ поръ бѣлые мастерски вели весь конецъ партіи, но послѣдній ихъ ходъ—грубая ошибка; слѣдовало идти королю на f4.
 (7) Теперь чернымъ нѣтъ уже опасности брать слона.

ПАРТІЯ № 242.

СИЦИЛІАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна въ Берлинѣ въ маѣ 1861 года).

Майетъ.	Гиршфельдъ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	2) g1 — f3	e7 — e6
1) e2 — e4	c7 — c5	3) b1 — c3	a7 — a6

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
4) d2 — d4	c5 — d4°	16) e4 — g3	a8 — c8
5) f3 — d4°	b8 — c6	17) c5 — a3	d5 — e3
6) d4 — c6°	b7 — c6°	18) h1 — g1	c7 — e5
7) e4 — e5	d8 — c7.	19) f2 — e2	e3 — g2° +
8) f2 — f4	d7 — d5	20) e1 — f1	g2 — e3 +
9) e5 — d6° ^(на про- холь)	f8 — d6°	21) f1 — e1	c8 — c2°
10) d1 — d4	g8 — f6°	22) d3 — c2°	e3 — c2° +
11) f1 — d3	c6 — c5	23) e1 — d1	c2 — a3°
12) d4 — f2	c8 — b7	24) e2 — e5°	f4 — e5°
13) c1 — e3	f6 — d5	25) g1 — e1	b7 — f3 +
14) c3 — e4	d6 — f4°	26) d1 — d2	a3 — c4 +
15) e3 — c5°	f7 — f5		

и бѣлые сдаются.

ПАРТІЯ № 243.

СИЦИЛІАНСВІЙ ДЕБЮТЪ.

Дюфрениъ. (Бѣлые).	Гиршфельдъ. (Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	c7 — c5	17) f3 — g5	h3 — h2°
2) g1 — f3	e7 — e6	18) g5 — f7° +	d8 — c7
3) d2 — d4	c5 — d4°	19) 0—0—0	h2 — f4 +
4) f3 — d4°	g8 — f6	20) c1 — b1	h8 — g8
5) c1 — g5 ⁽¹⁾	d8 — a5 +	21) g1 — g5 ⁽⁶⁾	d7 — d5
6) g5 — d2	a5 — e5	22) d1 — h1	c8 — d7
7) d2 — c3	e5 — e4° +	23) g5 — h5 ⁽⁷⁾	f8 — c5
8) f1 — e2	a7 — a6 ⁽²⁾	24) f2 — f3	a8 — e8
9) b1 — d2	e4 — g6	25) e2 — g2	e8 — e7
10) d2 — f3	f6 — e4	26) h5 — h4	f4 — e3
11) e2 — d3 ⁽³⁾	g6 — g2°	27) g2 — g3 +	c7 — b6
12) h1 — f1°	e4 — c3°	28) f7 — d6	g7 — g5
13) b2 — c3°	b8 — c6	29) b1 — a1	f5 — f4
14) d4 — f5 ⁽⁴⁾	e6 — f5°	30) h1 — b1 +	b6 — a7
15) d1 — e2 +	e8 — d9 ⁽⁵⁾	31) b1 — b7° +	a7 — a8
16) f1 — g1	g2 — h3		

и бѣлые сдаются.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 243.

(1) f1 — d3 или b1 — c3 было бы основательнѣе.

(2) Этотъ ходъ почти всегда необходимъ при сицилійской защитѣ, для предупрежденія сильной атаки конемъ.

(3) Осторожнѣе было бы рокировать.

(4) Остроумный ходъ, имѣющій цѣлью завоеваніе ферзя, а именно

14. $\frac{e6-f6}{e6-f6}$ 15. $\frac{d1-e2+}{f8-e7}$ 16. $\frac{d3-f5}{}$ а за тѣмъ f1 — g1 и черныи ферзь погибъ.

(5) Этимъ отступленіемъ черные лишаютъ противника возможности привести въ исполненіе объясненный въ предыдущемъ примѣчаніи планъ; потому что, на 16. $\frac{d3-f5}{}$, они могутъ теперь отвѣтить 16. $\frac{f8-c5}{}$ и если тогда 17. $\frac{f1-g1}{}$, то 17. $\frac{e5-f2+}{}$

18. $\frac{e2-f2}{h8-e8+}$ — черные выигрываютъ

(6) Не лучше ли двинуть слона на c4?

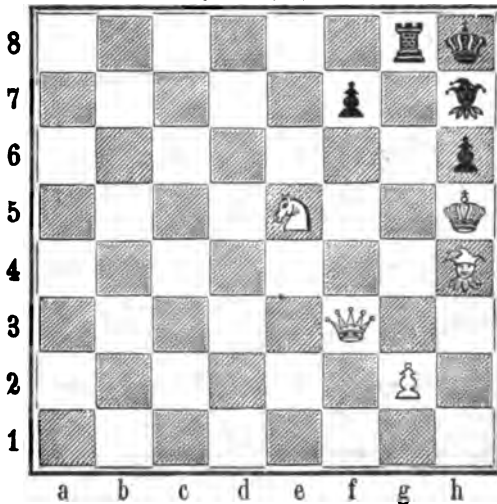
Опять угрожаетъ завоевать ферзя посредствомъ h5 — h4.

З А Д А Ч И.

№ 126.

А. Д. ПЕТРОВА (въ Варшавѣ).

Ч Е Р Н Ы Е.

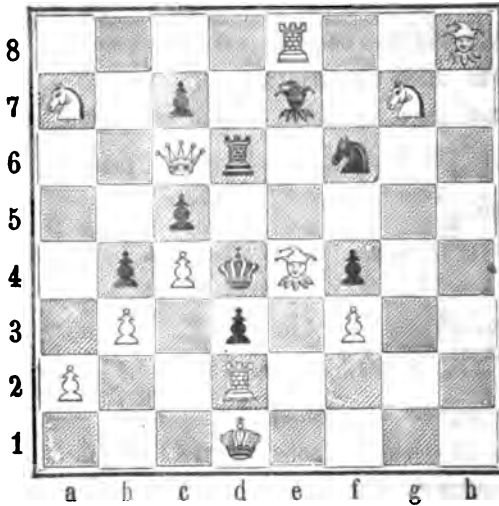
Б Ъ Л Ы Е.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 11 ходовъ.

№ 127.

К. К. ШНЕЙДЕР (въ Николаевъ).

ЧЕРНЫЕ.

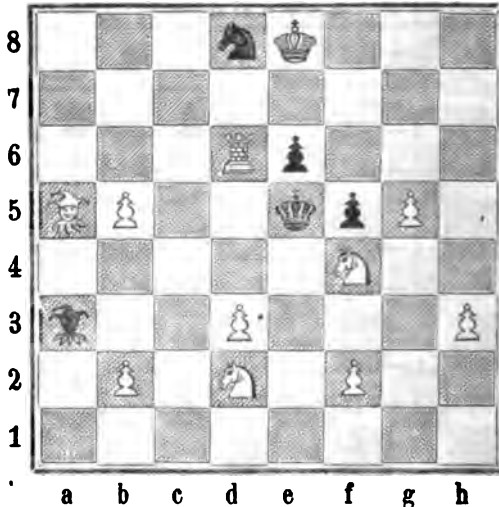
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 128.

В. К. КНОРРЕ (въ Николаевъ).

ЧЕРНЫЕ.

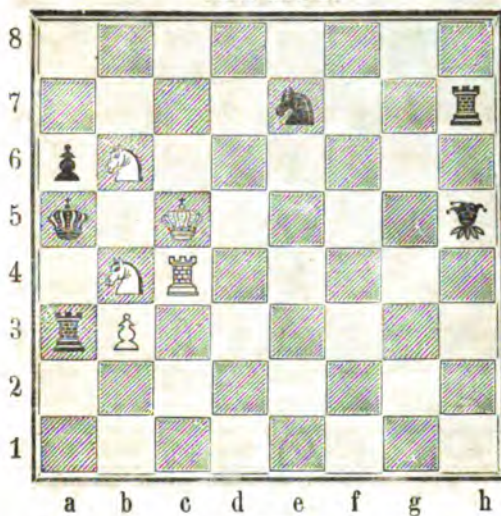
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 129.

С. А. ЯЦКЕВИЧА.

ЧЕРНЫЕ.

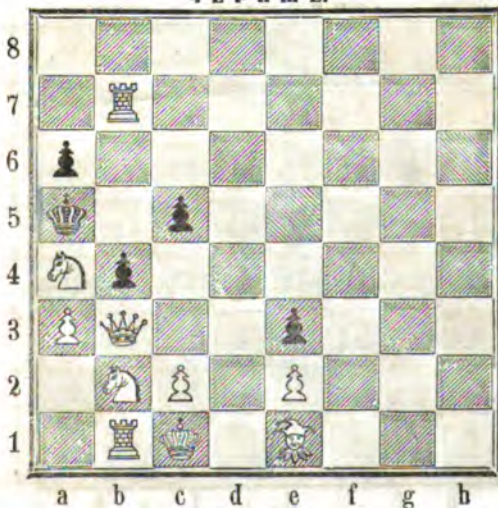
БЪЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 130.

КРАУЗЕ (въ Кенигсбергѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БЪЛЫЕ.

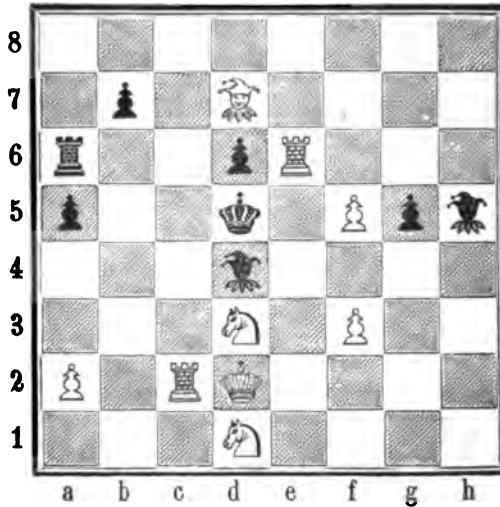
Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.

№ 131.

С. А. ЯЦКЕВИЧА.

(Посвящается Г. П. Цеценевскому).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

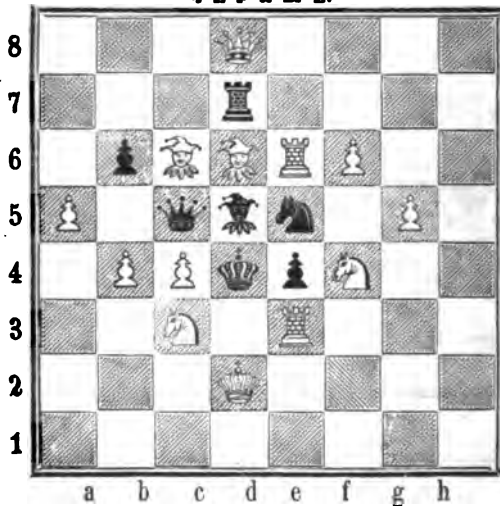
БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 3 ХОДА.

№ 132.

Звѣздочка.

Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).

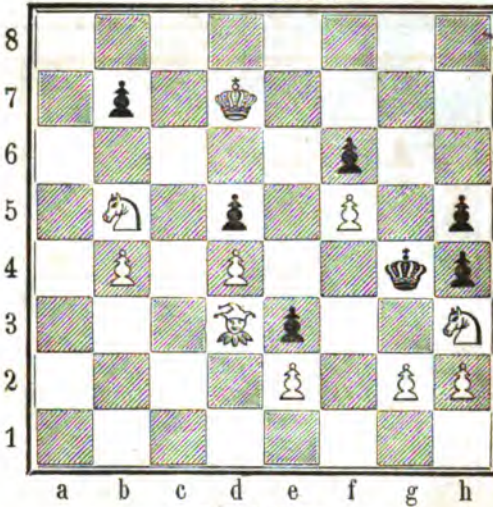
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

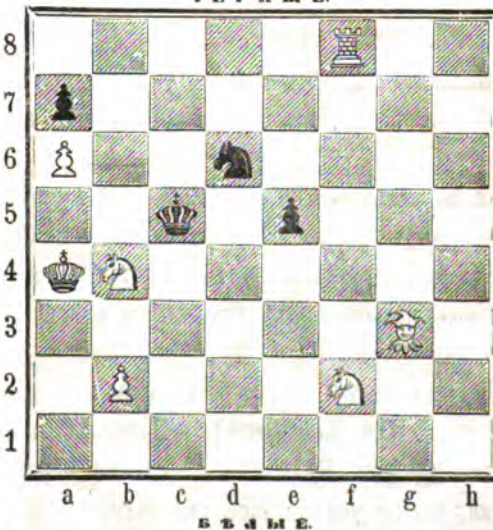
БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 3 ХОДА.

№ 133.
Н. К. ШПЕЙЕРА.
ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

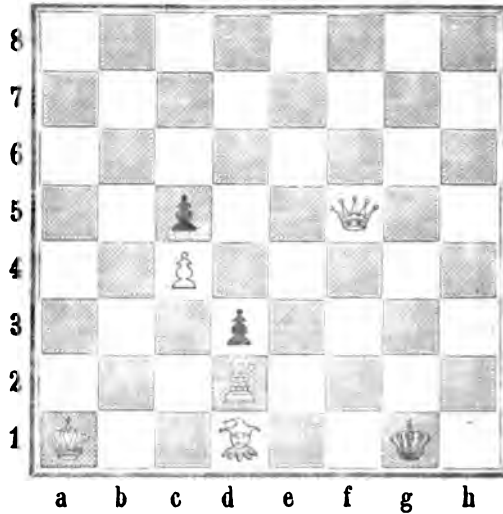
№ 134. (*)
Фридриха РЕЙМАНА (въ Кенигсбергѣ).
ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

(*) Эта проблема предложена берлинскою Schachzeitung (декабрь 1861 г.) въ 4 хода и разрешена Н. Ш. Петровскимъ въ 3 хода.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 13 ходовъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ. *К. К. Шп—ру* и *В. К. К—ре*. Ваши задачи превосходны; всѣ онѣ непременно будутъ напечатаны мало по малу.

Тов—чу (д. Берестовы). Второе Ваше рѣшеніе задачи № 67,— сообщенное въ письмѣ отъ 24-го января, — не вѣрно: на ходъ 9. $c5-d5+$, черные могутъ отвѣтить 9. $b7-d6$ и затѣмъ условія проблемы уже невыполнимы. Отвѣтъ на первое письмо отправленъ къ Вамъ по почтѣ.

Г. Янк—чу (въ Одессѣ). Весьма благодарны за сообщеніе проблемъ.

Г-ну К. (въ Новгородѣ). } Получивъ послѣднія Ваши

К. О. Цѣх—чу (въ Волжскѣ). } письма передъ самымъ вы-

пускомъ Листка, мы не успѣли еще рассмотретьъ заключающіяся въ нихъ замѣчанія.

DEC 13 1956

DEC 13 1956

DEC 13 1956

